

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Биошкин А.С. История эволюции принципа полного возмещения вреда (ущерба) в российском праве (начало XX – до настоящего времени).....	8
Григорьев А.А. Формула государства Уинстона Черчилля: эволюция представлений о власти, праве и нации в первой половине XX века	15
Гузев В.А. Критерии вины, презумпции виновности и строгой ответственности в международных транспортных конвенциях	23
Жинкин С.А. Некоторые терминологические проблемы, связанные с отражением феномена эффективности в праве	27
Зикунова Н.В. Эволюция правового регулирования психологической службы в государственных органах Российской Федерации (1991–2021 гг.)	30
Кереев А.А. Правовое регулирование образовательных курсов	40
Коньков И.А. Национальное правосознание как фактор правовой трансформации в Российской империи (XIX – начало XX века)	43
Ласынов Р.Р., Козлов С.С., Никонов С.А. Юридическая техника: природа, понятие, цели, проблемы и значение	49
Мусаев И.С. Теоретико-правовые основы общественного контроля как института гражданского общества.....	53
Николаев И.Н. Правовая модернизация и сословный компромисс: к вопросу о юридической природе реформ Александра II	59
Онхонов Н.В., Соколова С.Н. Нюрнбергский трибунал: историческое значение и уроки для современности	65
Потапов Г.Е. Теория уголовного права для врагов Г. Якобса: концептуально-исторические основания и пределы применимости.....	69
Чертков Н.Н. Понятие юридического документа в контексте современной теории права и цифровизации....	75
Швец С.В., Мошарова А.С., Демехова М.Б., Соколова Т.Л., Мушников Д.Л. Проблемы правовой культуры в современной России	81

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российской таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международных права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багдад Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.06.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Альбов А.П., Панченко В.Ю. Принудительное лицензирование как инструмент противодействия патентным злоупотреблениям	85
Безвуляк В.И., Левушкин А.Н. Анализ проблем применения каталога товаров, работ и услуг (КТРУ) в закупках здравоохранения на примере кольпоскопов ...	93
Верникова А.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России и его сравнительный анализ с зарубежной практикой	100
Воробьева Ю.Ю. Роль подзаконного правотворчества Роскомнадзора в предупреждении нарушений информационных прав граждан	105
Габдинуров А.И. Правовое регулирование криптовалютных операций: риски, проблемы и перспективы развития финансового законодательства	110
Галкин А.А. Роль конституционных механизмов в защите права собственности: на примере США и ФРГ	113
Жолинский Д.А. Проблема контроля целевого использования бюджетных средств и субсидий	118
Завидный Я.Ю. Система законодательства, регламентирующая организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и проблемы ее совершенствования	123
Иванов А.А. Представительный орган муниципального образования в свете Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»: сравнительно-правовой анализ	131
Иордан Т.А. Муниципальное стратегическое планирование в условиях конституционализации принципа единства публичной власти	137
Каландаришвили З.Н., Панкратов Е.В. Права человека в информационном обществе как выражение идей конституционализма	141
Калинникова Л.С. Контроль таможенной стоимости, как вид таможенного контроля	144
Копейкина Н.Г. Недостаточность правового регулирования статуса блогеров-журналистов в Российской Федерации	149
Кротов В.В. Защита достоинства личности: система конституционно-правовых гарантий	155
Михелашвили Н.М. Цифровой разрыв и реализация права на образование в условиях цифровизации	161

Кузякин Ю.П., Мухин А.И. Влияние трудовой миграции из стран ЕАЭС на культурно-нравственную идентичность россиян	166
Алексеева Н.Ю., Сирин С.А., Занданова Е.И. Некоторые юридические аспекты развития искусственного интеллекта в здравоохранении: сравнительно-правовой анализ	171
Федотов М.В. Проблемы развития населённых пунктов в пределах особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Московской области	176
Хромеев Н.В. Виды и классификация административно-правового режима и основ условно-досрочного освобождения	180
Шитова Е.Л. Развитие полномочий органов прокуратуры по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности: опыт Китайской Народной Республики	186
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
Абравитова Ю.И. Гражданское право в концепции правового дуализма	192
Баркаев З.М. Роль совместного предприятия в государственно-частном партнерстве	198
Боярский Р.Н. Динамика квалификации персональных данных в российском праве: проблемы разграничения, обезличивания и риски реидентификации	203
Гришин Л.П. Новый этап евразийской экономической интеграции: Соглашение ЕАЭС о трансграничном допуске ценных бумаг 2025 года	209
Гумбатов Т.И. Цифровизация и гражданско-правовая защита авторских прав: вызовы современной правоприменительной практики	214
Заусов К.А. Медиация как механизм разрешения споров: проблемы применения медиации в области защиты предпринимательских прав и законных интересов	217
Киселев Д.А. Права супруга должника при проведении процедур банкротства физического лица ...	222
Киченина В.С., Меркулова Т.Н. Международный коммерческий арбитраж в Китайской Народной Республике как механизм защиты российских юридических лиц при заключении и исполнении внешнеэкономических контрактов	226
Лончакова Ю.А. Проблемы и решения при формулировке существенных условий в договоре транспортной экспедиции: теоретико-правовое исследование	230
Манжетов А.А. Информационная грамотность как средство обеспечения информационной безопасности	235

<i>Митин Ю.Д.</i> Потребительский экстремизм	240
<i>Наумова В.Е.</i> Коллизии норм территориальной подсудности в гражданском процессуальном праве: пути преодоления и роль Верховного Суда РФ	244
<i>Ребров А.Д.</i> Правовые пробелы и коллизии федерального законодательства в сфере электронного документооборота	250
<i>Сазонов А.А.</i> Беспилотные грузоперевозки: административно-правовые ограничения и стимулы для бизнеса	254
<i>Степанова Е.И.</i> Целевое назначение гражданско-правового института личного фонда в Российской Федерации и проблемы его реализации	260
<i>Тарасов И.А.</i> Преимущества ликвидации антимонопольных иммунитетов в отношении объектов интеллектуальной собственности на примере «вертикальных» соглашений	264
<i>Телибекова Д.Б.</i> Конвертируемый заем в корпоративном праве Российской Федерации: правовые последствия вступления третьих лиц и риски для займодавцев	270
<i>Федин Д.А.</i> Независимость эксперта как принцип судебно-экспертной деятельности и проблемы его соблюдения в гражданском процессе	275
<i>Федосеев А.А.</i> Справедливое распределение рисков причинения вреда вследствие ненадлежащего технического состояния транспортного средства, используемого по договору краткосрочной аренды (каршеринга)	282
<i>Чернов К.В.</i> Заявительный порядок возмещения НДС в России и эффект от его применения	287

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Ако Г.С.</i> Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: экономическое или должностное преступление?	293
<i>Бубнов Г.Д.</i> Предмет неправомерных действий при банкротстве	298
<i>Буренкова О.Н.</i> Правоприменительные особенности квалификации «кредитных» преступлений	302
<i>Воронов С.С.</i> Определяющие факторы, причины и условия кибермошенничества	306
<i>Восканян Т.Г.</i> Криминализация и декриминализация как уголовно-правовой институт: теоретико-правовой анализ	311
<i>Зашляпин Л.А., Феоненко Н.С.</i> Объяснение эксперта (допрос эксперта) в уголовном процессе	314
<i>Ковалев Д.В.</i> Особенности предмета доказывания преступлений, совершенных участниками нежелательных религиозных организаций	321

<i>Курносова В.М.</i> Преступления против общественной нравственности, совершаемые с использованием технологии дипфейк	328
<i>Лобов С.Д.</i> Перспектива введения категории преступлений исключительной тяжести	333
<i>Мусаев М.М.</i> Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств	338
<i>Наумов В.В.</i> Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР)	344
<i>Петров И.Ю.</i> Судебная финансово-экономическая экспертиза. Отличия от внесудебных форм исследования и проблемы использования в уголовном процессе	350
<i>Позолотин Е.В.</i> Уголовная ответственность за преступления, совершённые с использованием криптовалюты и иных цифровых финансовых активов	354
<i>Раянова Э.Т.</i> Проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства в сфере пластической хирургии в контексте уголовно-правовой ответственности медицинских работников	359
<i>Саркисян В.В., Зорова Б.Л.</i> Об отдельных проблемах правового регулирования судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве	363
<i>Таджибов З.Р.</i> О модернизации процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном процессе России	369
<i>Тищенко Е.И.</i> Особый порядок судебного разбирательства: доктринальные и практические аспекты	375
<i>Труфанова Е.Г.</i> Квалификация состава соучастия в коррупционных преступлениях	378

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бичурина Е.С.</i> Взаимодействие международного воздушного и трудового права в регулировании деятельности авиационного персонала	383
<i>Гуляева Т.К.</i> Инструменты международного взаимодействия в сфере юридического образования на пространстве БРИКС	387
<i>Джафаров Я.Ф.</i> Актуальные проблемы современного международного гуманитарного права	394
<i>Мамедли Э.М.</i> Эволюция принципа экономического сотрудничества	398

Саркисян В.В., Атоева М.В. Международные перспективы регулирования рыночных злоупотреблений в цифровую эпоху..... 405

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Белкин С.Я., Тыминская Л.А. Государственные органы и их функции в реализации гражданской правосубъектности Российской Федерации 411

Емельянов Е.О. Новеллы публичного порядка в контексте иностранных односторонних ограничительных мер 416

Гришин П.В. К вопросу о понятии и сущности видеоигр 420

Синева Н.А., Демидов И.А. Оговорки в международных коммерческих контрактах 426

Ловчикова Ю.В. Актуальные вопросы налогообложения туристской деятельности в Российской Федерации 431

Радионон Н.С. Особенности регулирования общего имущества и обязательств супругов в делах о банкротстве 435

Рожкова Е.А. Соразмерность наказания совершенному преступлению: философский аспект (по работам И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля) 439

Сычев Д.Г. Миграционные процессы как угроза национальной безопасности Российской Федерации 447

Радионон В.А., Сацкевич Т.К. Конституционные поправки 2020 их применение на практике 452

Будяк Я.К., Тарасов А.В. Полномочия прокурора по выявлению нарушений законодательства в ходе предварительного следствия 456

Радионон Н.С. Совместное банкротство супругов: особенности и практика применения 463

Чижова Е.С. Заведомо ложная информация как категория уголовного права: проблемы доказывания и границы допустимой уголовной репрессии 467

Чмутов Д.А. Правовая природа односторонних ограничительных мер через призму международного коммерческого арбитража 472

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Biiyshkin A.S.</i> The History of the Evolution of the Principle of Full Compensation for Damage in Russian Law (Early 20th Century – Present)	8
<i>Grigoryev A.A.</i> Winston Churchill's State Formula: The Evolution of Power, Law, and Nationhood in the First Half of the 20th Century	15
<i>Guzeev V.A.</i> Criteria of guilt, presumption of guilt and strict liability in international transport conventions	23
<i>Zhinkin S.A.</i> Some terminological problems associated with the reflection of the phenomenon of efficiency in law	27
<i>Zikunova N.V.</i> Evolution of the legal regulation of psychological services in government agencies of the Russian Federation (1991–2021)	30
<i>Kerefov A.A.</i> Legal regulation of educational courses	40
<i>Kon'kov I.A.</i> National Legal Consciousness as a Factor of Legal Transformation in the Russian Empire (19th – Early 20th Century)	43
<i>Lasynov R.R., Kozlov S.S., Nikonov S.A.</i> Legal technique: nature, concept, goals, problems and meaning	49
<i>Musaev I.</i> Theoretical and legal foundations of public oversight as an institution of civil society	53
<i>Nikolaev I.</i> Legal Modernization and Estate Compromise: On the Legal Nature of Alexander II's Reforms	59
<i>Onkhonov N.V., Sokolova S.N.</i> The Nuremberg tribunal: historical significance and lessons for modernity	65
<i>Potapov G.E.</i> The theory of criminal law for the enemies of G. Jacobs: conceptual-historical bases and limits of applicability	69
<i>Chertkov N.N.</i> The concept of a legal document in the context of modern legal theory and digitalization	75
<i>Shvets S.V., Mosharova A.S., Demekhova M.B., Sokolova T.L., Mushnikov D.L.</i> Problems of legal culture in modern Russia	81

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Albov A.P., Panchenko V.Yu.</i> Compulsory licensing as a tool to combat patent abuse	85
<i>Bezvulyak V.I., Levushkin A.N.</i> Analysis of Issues in Applying the Catalog of Goods, Works, and Services (KTRU) in Healthcare Procurement: The Case of Colposcopes	93
<i>Vernikova A.V.</i> Legal regulation of digital financial assets in Russia and its comparative analysis with foreign practice	100
<i>Vorobyova Yu.Yu.</i> The role of Roskomnadzor's by-laws in preventing violations of citizens' information rights	105
<i>Gabdinurov A.I.</i> Legal regulation of cryptocurrency transactions: risks, problems and prospects for the development of financial legislation	110

<i>Galkin A.A.</i> The role of constitutional mechanisms in protection of property rights: on the example of the USA and Germany	113
<i>Zhilinsky D.A.</i> The problem of controlling the targeted use of budget funds and subsidies	118
<i>Zavidniy Y. Yu.</i> The system of legislation regulating the organizational and legal status of the legislative (representative) body of state power of the subject of the Russian Federation and the problems of its improvement ...	123
<i>Ivanov A.A.</i> The representative body of a municipal entity in the light of federal law no. 33-fz dated 03/20/2025 "on the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority": comparative legal analysis	131
<i>Iordan T.A.</i> Municipal Strategic Planning in the Context of Constitutionalization of the Principle of Unity of Public Authority	137
<i>Kalendarishvili Z.N., Pankratov E.V.</i> Human rights in the Information Society as an expression of the ideas of constitutionalism	141
<i>Kalinnikova L.S.</i> Customs value control, as a type of customs control	144
<i>Kopeykina N.G.</i> Insufficient Legal Regulation of Journalist-Bloggers' Status in the Russian Federation	149
<i>Krotov V.V.</i> Protection of personal dignity: a system of constitutional and legal guarantees	155
<i>Mikhelashvili N.M.</i> The Digital Divide and the Implementation of the Right to Education in the Context of Digitalization	161
<i>Kuzyakin Yu., Mukhin A.</i> Degree of influence of labor migrants from EAEU countries on the national culture of Russians	166
<i>Alekseeva N. Yu., Sirin S.A., Zadanova E.I.</i> Some legal aspects of the development of artificial intelligence in healthcare: a comparative legal analysis	171
<i>Fedotov M.V.</i> Problems of development of settlements within specially protected natural areas (SPNA) in the Moscow region	176
<i>Khromeev N.V.</i> Types and classification of the administrative and legal regime and the basics of parole	180
<i>Shitova E.L.</i> Expansion of prosecutorial authorities' competencies in monitoring the correspondence between public officials' expenditures and incomes: the experience of the People's Republic of China	186

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Abravtova Yu.I.</i> Civil Law in the Concept of Legal Dualism	192
<i>Barkaev Z.M.</i> New approaches to heart organometry	198
<i>Boyarsky R.N.</i> Dynamics of personal data qualification in Russian law: problems of differentiation, depersonalization and risks of reidentification	203

<i>Grishin L.P.</i> A new stage of Eurasian economic integration: the EAEU agreement on cross-border admssion of securities 2025.....	209	<i>Burenkova O.N.</i> Law enforcement features of qualification of «credit» crimes.....	302
<i>Gumbatov Tanryverdi Ismail ogly</i> Digitalization and civil protection of copyright: challenges of modern law enforcement practice	214	<i>Voronov S.S.</i> Determining factors, causes and conditions of cyber fraud.....	306
<i>Zausov K.A.</i> Mediation as a way to protect business rights and legitimate interests.....	217	<i>Voskanyan T.G.</i> Criminalization and Decriminalization as Institutions of Criminal Law: A Theoretical and Legal Perspective	311
<i>Kiselyov D.A.</i> The rights of the debtor's spouse during the bankruptcy proceedings of an individual	222	<i>Zashlyapin L.A., Feonenko N.S.</i> Explanation of an expert (questioning of an expert) in criminal proceedings	314
<i>Kichenina V.S., Merkulova T.N.</i> International commercial arbitration in the people's republic of china as a mechanism for the protection of Russian legal entities in the conclusion and execution of foreign economic contracts.....	226	<i>Kovalev D.V.</i> The specifics of the subject of proving crimes committed by members of undesirable religious organizations	321
<i>Lonchakova Yu.A.</i> Problems and solutions in formulating essential conditions in a freight forwarding contract: theoretical and legal research	230	<i>Kurnosova V.M.</i> Crimes against public morality committed using deepfake technology	328
<i>Manzhetov A.A.,</i> Information literacy as a means of ensuring information security.....	235	<i>Lobov S.D.</i> The prospect of introducing a category of offences of exceptional gravity	333
<i>Mitin Yu.D.</i> Consumer extremism	240	<i>Musaev M.M.</i> Legal regulation of operational search activities to combat illegal trafficking of weapons, explosives and explosive devices	338
<i>Naumova V.E.</i> Territorial jurisdiction conflicts in Russian civil procedure: resolution mechanisms and the role of the supreme court	244	<i>Naumov V.V.</i> Criminal liability under the legislation of the People's Republic of China for illegal traffic in pollutants, sources of infectious diseases, toxic and hazardous waste (signs of the main composition of the crime provided for by article 338 of the Criminal Code of the People's Republic of China)	344
<i>Rebrov A.D.</i> Legal gaps and collisions of federal legislation in the field of electronic document management.....	250	<i>Petrov I. Yu.</i> Forensic financial and economic examination. Differences from extrajudicial forms of research and problems of use in criminal proceedings	350
<i>Sazonov A.A.</i> Unmanned Freight Transportation: Administrative and Legal Restrictions and Business Incentives.....	254	<i>Pozolotin E.V.</i> Criminal liability for crimes committed using cryptocurrencies and other digital financial assets	354
<i>Stepanova E.I.</i> The purpose of the civil law institute of the personal fund in the Russian Federation and the problems of its implementation	260	<i>Rayanova E.T.</i> Problems of law enforcement and ways to improve legislation in the field of plastic surgery in the context of criminal-legal responsibility of medical workers.....	359
<i>Tarasov I.A.</i> Advantages of eliminating antimonopoly immunities in relation to intellectual property objects on the example of “vertical” agreements.....	264	<i>Sarkisyan V.V., Zorova B.P.</i> Certain Problems in the Legal Regulation of Forensic Examinations in Criminal Procedure	363
<i>Telibekova D.B.</i> Convertible loan in the corporate law of the Russian Federation: legal consequences of third party participation and risks for lenders	270	<i>Tadjibov Z.R.</i> On modernization of the procedure for bringing a person as an accused in criminal proceedings in Russia	369
<i>Fedin D.A.</i> Expert independence as a principle of forensic expertise and problems of its observance in civil proceedings	275	<i>Tishchenko E.I.</i> Special procedure of trial: doctrinal and practical aspects.....	375
<i>Fedoseev A.A.</i> Just distribution of the risks of harm caused by poor technical condition of a vehicle used under a short-term rental (car sharing) agreement	282	<i>Trufanova E.G.</i> Qualification of the elements of complicity in corruption crimes.....	378
<i>Chernov K.V.</i> The declarative procedure for VAT refund in Russia and the effect of its application	287		
CRIMINAL LEGAL SCIENCES		INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES	
<i>Ako G.S.</i> Registration of illegal real estate transactions: an economic crime or an offense by a public official?.....	293	<i>Bichurina E.S.</i> Interaction of international air and labor law in the regulation of aviation personnel activities	383
<i>Bubnov G.D.</i> The subject of illegal actions in bankruptcy	298	<i>Gulyaeva T.K.</i> Tools for international cooperation in the field of legal education in the BRICS space.....	387
		<i>Dzhafarov Y.F.</i> Current issues of modern international humanitarian law	394

Mamedli Elnur Mekhman oglu Evolution of the principle of economic cooperation 398

Sarkisyan V.V., Atoeva M.V. Regulating market abuse in the age of digital transformation: international perspectives..... 405

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Belkin S. Ya., Tyminskaya L.A. State bodies and their functions in the implementation of civil legal capacity of the Russian Federation 411

Emelyanov E.O. Novelties of Public Order in the Context of Foreign Unilateral Restrictive Measures..... 416

Grishin P.V. On the question of the concept and essence of video games 420

Sineva N.A., Demidov I.A. Clauses in International Commercial Contracts 426

Lovchikova Yu.V. Topical issues of taxation tourism activities in the russian federation 431

Radionov N.S. Peculiarities of regulation of common property and obligations of spouses in bankruptcy cases ... 435

Rozhkova E.A. Proportionality of punishment to the crime committed: the philosophical aspect (based on the works of I. Kant, G.V.F. Hegel)..... 439

Sychev D.G. Migration processes as a threat to the national security of the Russian Federation 447

Rodionov V.A., Satskevich T.K. Constitutional amendments 2020 their application in practice 452

Budyak Ya.K., Tarasov A.V. Powers of the prosecutor to identify violations of the law during the preliminary investigation 456

Radionov N.S. Joint bankruptcy of spouses: features and application practice..... 463

Chizhova E.S. Knowingly false information as a category of criminal law: problems of proof and the limits of permissible criminal repression..... 467

Chmutov D.A. The legal nature of unilateral restrictive measures through the lens of international commercial arbitration 472

История эволюции принципа полного возмещения вреда (ущерба) в российском праве (начало XX – до настоящего времени)

Биюшкин Александр Станиславович,

аспирант, Гуманитарный университет; преподаватель,
Уральский государственный аграрный университет
E-mail: a.s.biiyuskin@gmail.com

Статья анализирует правовые нормы и доктрины с начала XX века до настоящего времени, выявляя ключевые этапы развития и влияние на принцип полного возмещения вреда (ущерба в российском праве). В статье отмечается особенность советский период принцип полного возмещения вреда, в частности отмечается, что в системе гражданского права реализация данного принципа была связано только с возмещением реального причиненного вреда. Уже после распада СССР и создания современной российской правовой системы произошли значительные изменения в принципе полного возмещения вреда. Так принцип полного возмещения вреда становится универсальной категорией, которую можно обнаружить в различных отраслях права. Однако не смотря на столь значительные изменения существуют проблемы с фактическим действием принципа полного возмещения вреда.

Ключевые слова: принцип права, принцип полного возмещения вреда, правовая система, правовая доктрина, развитие права.

Принцип полного возмещения вреда (ущерба) занимает центральное место в правовой системе российской федерации, отражая уровень зрелости правовой культуры общества. Эволюция принципа полного возмещения вреда в российском праве – это не только история развития юридических норм, но и показатель преобразования общественных ценностей по отношению к личности. Например, по данным Верховного Суда РФ, ежегодно рассматриваются десятки тысяч дел, связанных с имущественным и неимущественным вредом, что подтверждает актуальность исследования исторических корней и этапов формирования соответствующих правовых механизмов.

Проблема исторической эволюции принципа полного возмещения вреда в российском праве так и получил широкое освещение в юридической литературе. Несмотря на значительный массив различных исследований, остаются дискуссионными вопросы о месте, соотношения с другими принципами права, определённых функций данного принципа, его влияния на правопорядок, правовую культуру, а также этапов развития принципа полного возмещения вреда (ущерба).

Предметом исследования выступают правовые нормы, научная доктрина, в рамках которой рассматриваются вопросы регулирующие регулирование принципа полного возмещения вреда (ущерба) возмещение вреда в российском праве с начала XX до современного этапа, а также их эволюция под влиянием социально-экономических и политических изменений.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе причинения вреда (ущерба) личности или имуществу, а также практика применения норм о возмещении вреда в различные исторические эпохи на территории России.

Цель данной работы – проследить историческую эволюцию принципа возмещения вреда в российском праве, выявить ключевые этапы и закономерности его развития с XX по XXI век, а также определить влияние правовых реформ и зарубежных идей на формирование современных механизмов защиты прав потерпевших.

Задачи данной работы: проанализировать возникновение и становление принципа полного возмещения вреда в советском и российском праве (IX–XV вв.); охарактеризовать эволюцию принципа возмещения вреда в российском праве XX–XXI вв., включая советский и постсоветский периоды.

В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический

и системный методы. Историко-правовой метод позволяет проследить генезис и трансформацию принципа полного возмещения вреда; сравнительно-правовой – выявить влияние зарубежных правовых традиций; формально-юридический – проанализировать тексты нормативных актов и судебных решений; системный – рассмотреть принцип полного возмещения вреда как часть единой правовой системы.

Теоретическую основу составляют труды ведущих отечественных юристов, таких как Агарков М.М., Зейц А.Г., Тархов В.А., а также современные исследования по истории и теории гражданского права, публикации в научных журналах и сборниках статей. Особое внимание уделяется анализу работ, посвящённых рецепции римского и германского права, вопросам компенсации вреда и судебной практике последних десятилетий.

Эволюция принципа полного возмещения вреда (ущерба) в российском праве XX–XXI вв. представляет собой сложный, многослойный процесс, в котором отчетливо прослеживаются как резкие разрывы с дореволюционными традициями, так и поступательное развитие новых правовых подходов, соответствующих изменяющимся социально-экономическим реалиям страны¹.

Революционные преобразования 1917 года не только перечеркнули прежние политические и экономические устои, но и вызвали коренной перелом в правовом регулировании. Дореволюционная система российского права, в котором идеи принципа полного возмещения вреда возмещения вреда была хорошо развита, но находилась под влиянием сословного деления была полностью упразднена. На смену пришла совершенно новая «Советская правовая модель», выстроенная на иных ценностных основаниях: приоритет государства и общества над индивидуальными интересами, а также категорическое отрицание возможности денежной оценки нематериальных благ, таких как честь, достоинство или душевные страдания².

Советская правовая доктрина, исходила из того, что достоинство советского человека не может быть предметом имущественной оценки, следовательно, возмещение «психологического вреда» не воспринималась и считалась враждебной к социалистической идеологии³.

¹ Шапошников В.В., Шапошников П.В. Становление института возмещения вреда в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-vozmescheniya-vreda-v-rossii> (дата обращения: 03.06.2025). С. 96

² Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 224 с.
[Доступно: <https://www.litres.ru/book/t-p-budyakova/individualnost-poterpevshego-i-moralnyy-vred-11197620/chitat-onlayn/>]

³ Сисакьян Арус Качпероновна Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский период // Вестник ЧелГУ. 2011. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 03.06.2025). С. 96

Однако, многие ученые считали, в частности, отмечал, что идеи социалистического права активно взаимосвязаны с принципом полного возмещения вреда. В частности Михаил Михайлович Агарков, отмечал, что в социалистическом праве так же активно защищаются права пострадавших, и для большей эффективно защиты, так как «психологический вред» так же достоин правовой защиты в равной степени как «реальный ущерб» причиненный лицу⁴. Однако существовала и другая точка зрения, не признававшее право на психологический ущерб, так как это могло привести к злоупотреблениям, сутяжничеству и причинит вред социологической правовой системе⁵.

Из всех принятых кодексов советской власти, важнее всего уделить внимание Гражданского кодекса РСФСР 1922 года⁶. В частности в статье 403 ГК РСФСР 1922 года, закреплялось противопоставление имущественного вреда и вреда, нанесённого личности. Тем не менее, судебная практика и официальная идеология заняли жёсткую позицию по «реального ущерба» иски о компенсации нематериального вреда не удовлетворялись, а само обсуждение этой проблемы в учебной литературе было под негласным запретом⁷. Однако, в свою очередь можно выделить исключение из этого правила являлись нормы в Уголовном праве. Так нормы УК РСФСР 1922 содержит большой массив норм, направленный на реализацию принципа полного возмещения вреда. В частности, в одном из разделов Главы 5 УК РСФСР, уделяется внимание нематериальному вреду лица. В частности, в соответствии со статьями 171–175 подробно урегулированы вопросы потенциального репарационного ущерба. В принципе, советское право, позволяло полностью реализовать принцип полного возмещения вреда (ущерба), но только при помощи различных отраслей права

Постепенно, в 60-е года XX века с развитием советского государства происходили определённые сдвиги. В свою очередь формирование основ современной гражданско-правовой ответственности в советском праве с 1960-х годов связано с рядом глубинных изменений как в законодательстве, так и в правовой доктрине⁸.

⁴ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012. – 428 с. С. 108

⁵ Зейц, А. Возмещение морального вреда // Ежегод. сов. юстиции. 1927. № 47. С. 1465–1466.

⁶ Гражданский кодекс РСФСР. Принят 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.

⁷ Уникальность принципа вины в российском деликтном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 812–833. – URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/download/3838/3435/6205> (дата обращения: 22.04.2025).

⁸ Биюшкина Надежда Иосифовна Проблемы развития советского гражданского права и процесса в период кодификации середины 1950-х – середины 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-sovetskogo-grazhdanskogo-prava-i-protsessa-v-period-kodifikatsii-serediny-1950-h-serediny-1960-h-gg> (дата обращения: 03.06.2025).

Например, уже Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, а затем – в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1961 года, впервые появляется правовая новелла, в которой потерпевшим стали признавать такое лицо, которому преступлением причинён моральный, физический или имущественный вред. Вместе с развитием уголовно процессуальным законодательством, постепенно принимается Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Принятие нового ГК стало важной вехой: впервые был выделен самостоятельный раздел, посвящённый ответственности за нарушение обязательств, что свидетельствовало о признании значимости данного принципа для регулирования правоотношений отношений в социалистическом обществе. Однако, как подчеркивает В.А. Тархов, сложившаяся судебная практика и официальные разъяснения не позволяли эффективно использовать принцип полного возмещения вреда – отрицательное отношение к компенсации морального вреда было закреплено и в судебной, и в научной среде¹. Дополнительно к этому уже статье первой Гражданского кодекса РСФСР 1964² года провозглашала регулирование не только имущественных, но и связанных с ними неимущественных отношений, что возобновило дискуссии о допустимости возмещения в рамках гражданского права.

Таким образом, советское право 1960–1980-х годов характеризовалось двойственностью: с одной стороны, происходило оформление дополнительных гарантий полного возмещения вреда в рамках гражданского права, гражданско-правовой ответственности, с другой – сохранялось доминирование возмещения реального вреда, а защита иных личных неимущественных благ оставалась на периферии правового регулирования.

Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов, на волне реформ происходит качественный перелом³. Благодаря такому изменению принимаются Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года (статья 131), так впервые на общесоюзном уровне произошла попытка полноценно реализовать принцип полного возмещения вреда. Это нововведение стало отражением гуманизации советского права и реакции на международные стандарты защиты личности, а также итогом длительных научных дискуссий о необходимости признания нематериальных благ как самостоятельного объекта гражданско-правовой защиты⁴.

¹ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. / В.А. Тархов. – М.: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.

² Гражданский кодекс РСФСР: утверждён Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

³ Дерябина Е.С. Особенности отечественного гражданского законодательства в конце 80-х – нач. 90-х гг. ХХ века // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennogo-grazhdanskogo-zakonodatelstva-v-kontse-80-h-nach-90-h-gg-xx-veka> (дата обращения: 04.06.2025)

⁴ Сисакьян А.К. Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский

Еще одним важным моментом в развитии принципа полного возмещения вреда, стало принятие Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 N 1761–1 и Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). Благодаря данному закону появляется новый термин: «реабилитации жертв репрессией». Этот закон стал наиболее сильным примером реализации принципа полного возмещения вреда. Так некоторыми исследователями отмечается особенность данного вида реабилитации, является определённым предметом уголовно-процессуального или уголовным правом⁵. Данный закон охватывает элементы различных отраслей права, устанавливая механизмы восстановления прав, представления компенсаций и дополнительных правовых гарантий для жертв репрессий. Благодаря реализации принципу полного возмещения вреда (ущерба), стала компенсацию ущерба при помощи предоставления различных выплат, обеспечения дополнительных социальных льготы. Благодаря введению данного закона, государство смогло широчайшим образом реализовать рении полного возмещения вреда, полностью возместив вред пострадавшим гражданам из-за неправомерных действий. Дополнительно, нужно отметить, что на сегодняшний день для наиболее эффективной реализации принципа полного возмещения вреда действует Указ Президента РФ от 25 августа 2004 г. N 1113 «Об утверждении Положения о Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий».

Несомненно, после принятия Конституции Российской федерации было принято большое количество законов, благодаря которым принцип полного возмещения вреда возмещения вреда получил значительный импульс для дальнейшего развития и систематизации. Однако, из всего большого пласта нормативно-правовых актов можно выделить некоторые из них, которые сыграли важную роль в воплощении принципа полного возмещения вреда (ущерба).

Например, одним из значительных этапов стало принятие ГК РФ создается универсальный характер ответственности за всякое причинение вреда – как имущественного, так и неимущественного. Такой подход обеспечивает максимальную защиту прав потерпевшего и возлагает на причинителя вреда бремя доказывания своей невиновности, что отражает принцип презумпции вины в гражданском праве⁶. Так же особое значение имеет

период // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29(244). Право. Вып. 29. – С. 95–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 22.04.2025). С. 96

⁵ Хузина Н.А. Особенности уголовно-процессуальной реабилитации лиц, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности за преступления против государственной власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Хузина. – Воронеж, 2007.

⁶ Чутлов С.А. Проблемы компенсации морального вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 2. – С. 53–

еще то, что нормы гражданского законодательства предусматривают компенсацию не только реально причиненного вреда

Дополнительно важным этапом в развитии принципа полного возмещения вреда, можно привести Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 N 125-ФЗ. Принцип полного возмещения вреда при помощи этого закона реализуется через систему мер, направленных на компенсацию реально причиненного ущерба, причиненного работнику в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания. В данном законе устанавливается дополнительная отвесность, при неисполнении обязанностей по обеспечению выплат. Например, согласно ст. 26.29 ФЗ от 24.07.1998 N 125 устанавливается отвесность в виде штрафа при невыплате страховой суммы пострадавшему лицу. Помимо различного вида денежного возмещения пострадавшему, закон так же закрепляет право на медицинскую и социальную реабилитацию пострадавшего лица. Эти факты позволяют продемонстрировать важность полного возмещения причиненного вреда для пострадавших. Однако, некоторые исследователи указывают на неэффективность некоторых положений данного закона¹.

Еще одним примером в развитии принципа полного возмещения вреда (ущерба) стал ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ. Этот закон предусматривает меры по возмещению вреда лицам, пострадавшим от террористических актов. В данном законе фиксируется важная правовая новелла, в частности устанавливается особый порядок компенсации причиненного вреда за счет государства. Дополнительно к этому, в законе придумается, что при пресечении преступных деяний, то в законе уславливается положения, что в случае пресечения террористического акта. Эти положения направлены на гарантию авторитета государственной власти. Так как независимо от каких-либо обстоятельств, государство полностью защитит всех пострадавших в результате террористического акта. Однако как отмечают некоторые исследователи, на практике На практике получить возмещения вреда в ходе контртеррористических действий органов государственной власти очень сложно².

Дополнительно необходимо отметить Федеральный закон «О компенсации за нарушение

60. – URL: <https://base.garant.ru/5442795/> (дата обращения: 22.04.2025).

¹ Синьков С.Н. Возмещение вреда в порядке обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: правовой аспект. Дисс... канд. юрид. наук, Москва, 2006. 228 с.

² Степанов Семен Константинович ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ХОДЕ КОНТРТЕРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystviyami-v-hode-kontrterroristicheskoy-operatsii> (дата обращения: 03.06.2025).

права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 N 68-ФЗ. Одной из причин принятия данного закона стали требования Европейского суда по правам человека по изменению системы разумности сроков рассмотрения судебных дел³. В частности, в рамках данного закона впервые ввелось понятие компенсации при нарушении срока на рассмотрение судебного дела. Благодаря этому закону, была заложена основа по созданию новой и эффективной системы возмещения вреда. Однако, в научной доктрине отмечается, что реальная цель данного закона направлена на уменьшение количества жалоб в международные органы, а не на создание, системы возмещения причиненного вреда⁴. Таким образом, Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ стал значимым шагом на пути к реализации принципа полного возмещения вреда (ущерба).

Таким образом, современная система возмещения вреда в России характеризуется универсальностью, комплексностью и высоким уровнем защиты прав личности. Современная российская правовая система позволяет эффективно обеспечивает баланс между публичными и частными интересами.

Важнейшей особенностью современного этапа стало существенное расширение оснований для возмещения вреда. Российское право признаёт и иные формы возмещения вреда, не связанные только с уголовным или гражданским правовым. возможность компенсации не только материального, но и морального вреда – в случае нарушения личных неимущественных прав, посягательства на нематериальные блага, а также в иных случаях, прямо предусмотренных законом. Современное закрепление принципа полного возмещения вреда направлено на «абсолютное полное» возмещение причиненного вреда личности. Однако, не смотря на такие направление, все еще весть проблемы, связанные с реальным воплощение принципа полного возмещения вреда (ущерба) в российском праве.

В целом, эволюция принципа полного возмещения вреда в российском праве XX–XXI вв. иллюстрирует переход от ограниченной, преимущественно только имущественной ответственности в советский период к комплексной системе защиты, охватывающей как реально причиненный вред, так и нематериальные интересы личности Эта трансформация стала возможной благодаря глубоким реформам законодательства, гуманизации

³ Курбанов Дени Абасович, Хисматуллин Оливер Юрьевич Проблемы реализации Федерального закона от 30. 04. 10 № 68– ФЗ «о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-realizatsii-federalnogo-zakona-ot-30-04-10-68-fz-o-kompensatsii-za-narushenie-prava-na-sudoproduzvodstvo-v-razumnyy-srok-ili-prava-na> (дата обращения: 03.06.2025). С. 92

⁴ Глазкова М.Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. 2010. № 9. С. 35–43

права и активному развитию судебной практики, ориентированной на защиту достоинства, чести, здоровья и иных нематериальных благ граждан

Советское законодательство исходило из приоритета государственных и общественных интересов, а компенсация вреда рассматривалась как несовместимая с социалистическими ценностями. В течение десятилетий существования советской власти, принцип полного возмещения вреда функционировал преимущественно как инструмент защиты имущественных интересов.

Уже в постсоветский период с принятием нового законодательства, принцип полного возмещения вреда становится более универсальным и комплексным механизмом защиты личности. Теперь, в отличие от советского законодательства, российское законодательство нацелено на абсолютную и полную защиту интересов лица. Цель возмещения связано не только с возмещением реально причиненного вреда, но также и на гарантию безопасности граждан, медицинского обеспечения и социальной адаптации пострадавших, а также, реализация возмещения при невозможности осуществления судебного способа защиты прав.

Особое значение на современном этапе приобрела государственная ответственность за вред, причинённый незаконными действиями или бездействием органов публичной власти и их должностных лиц. Это отражает принципиально новый подход к балансу публичных и частных интересов, а также соответствие российской системы международным стандартам прав человека.

В целом, принцип полного возмещения вреда (ущерба) в российском праве стал неотъемлемым элементом правовой культуры, обеспечивающим восстановление справедливости, защиту достоинства, чести, здоровья и иных неотчуждаемых благ граждан в условиях динамично меняющегося общества.

В заключении можно отметить, что в XX–XXI веках принцип полного возмещения вреда подвергся глубоким трансформациям под влиянием социальных и политических изменений. Советский период характеризовался доминированием имущественного подхода и отрицанием возможности денежной компенсации морального вреда, что отражало приоритет государственных и общественных интересов над индивидуальными правами. Однако с конца 1980-х годов, на волне реформ в российском праве были закреплены новые механизмы по компенсации вреда, который стали неотъемлемой правовой системы. Принцип генерального деликта, презумпция вины причинителя вреда и расширение оснований для компенсации обеспечили высокий уровень защиты прав личности и соответствие международным стандартам.

Таким образом, принцип полного возмещения вреда в российском праве прошёл путь от простых и жёстких форм имущественной ответственности к универсальной, комплексной и гуманистической системе, ориентированной на всестороннюю защиту как материальных, так и нематериальных

интересов личности. Этот процесс сопровождался постоянным поиском баланса между публичными и частными началами, интеграцией зарубежных правовых идей и адаптацией к меняющимся социально-экономическим условиям. В результате, современная российская модель возмещения вреда стала важнейшим инструментом восстановления справедливости, защиты достоинства, чести, здоровья и иных нематериальных благ граждан, а также укрепления правопорядка и доверия к правовой системе.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012. – 428 с. С. 108
2. Биюшкина Надежда Иосифовна Проблемы развития советского гражданского права и процесса в период кодификации середины 1950-х – середины 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-sovetskogo-grazhdanskogo-prava-i-protsesta-v-period-kodifikatsii-serediny-1950-h-serediny-1960-h-gg> (дата обращения: 03.06.2025).
3. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 224 с. [Доступно: <https://www.litres.ru/book/t-p-budyakova/individualnost-poterpevshego-i-moralnyy-vred-11197620/chitat-onlayn/>]
4. Глазкова М.Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. 2010. № 9. С. 35–43
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.04.2025).
6. Гражданский кодекс РСФСР: утверждён Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.
7. Гражданский кодекс РСФСР. Принят 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.
8. Гражданский кодекс РСФСР. Принят 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.
9. Дерябина Е.С. Особенности отечественного гражданского законодательства в конце 80-х – нач. 90-х гг. Хх века // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennogo-grazhdanskogo-zakonodatelstva-v-kontse-80-h-nach-90-h-gg-xx-veka> (дата обращения: 04.06.2025)
10. Зейц, А. Возмещение морального вреда // Ежегод. сов. юстиции. 1927. № 47. С. 1465–1466.

11. Курбанов Дени Абасович, Хисматуллин Оливер Юрьевич Проблемы реализации Федерального закона от 30. 04. 10 № 68–ФЗ «о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-federalnogo-zakona-ot-30-04-10-68-fz-o-kompensatsii-za-narushenie-prava-na-sudoproizvodstvo-v-razumnyy-srok-ili-prava-na> (дата обращения: 03.06.2025). С. 92
12. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утверждены Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
13. Синьков С.Н. Возмещение вреда в порядке обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: правовой аспект. Дисс... канд. юрид. наук, Москва, 2006. 228 с.
14. Сисакьян А.К. Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29(244). Право. Вып. 29. – С. 95–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 22.04.2025). С. 96
15. Сисакьян Арус Качпероновна Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский период // Вестник ЧелГУ. 2011. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 03.06.2025). С. 96
16. Степанов Семен Константинович ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ХОДЕ КОНТРАКТНО-ПРАВОВОЙ ОПЕРАЦИИ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystviyami-v-hode-kontraktno-pravovoy-operatsii> (дата обращения: 03.06.2025).
17. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. / В.А. Тархов. – М.: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.
18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (1960) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 22.04.2025).
19. Уникальность принципа вины в российском деликтном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 812–833. – URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/download/3838/3435/6205> (дата обращения: 22.04.2025).
20. Хузина Н.А. Особенности уголовно-процессуальной реабилитации лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности за преступления против государственной власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Хузина. – Воронеж, 2007.
21. Чутов С.А. Проблемы компенсации морального вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 2. – С. 53–60. – URL: <https://base.garant.ru/5442795/> (дата обращения: 22.04.2025).
22. Шапошников В. В., Шапошников П.В. Становление института возмещения вреда в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-vozmescheniya-vreda-v-rossii> (дата обращения: 03.06.2025). С. 96

THE HISTORY OF THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF FULL COMPENSATION FOR DAMAGE IN RUSSIAN LAW (EARLY 20TH CENTURY – PRESENT)

Bilyshkin A.S.

University of the Humanities, Ural State Agrarian University

This article analyzes the legal norms and doctrines from the early 20th century to the present, identifying key stages of development and their impact on the principle of full compensation for damage in Russian law. The article notes the peculiarity of the Soviet period regarding the principle of full compensation for damage, specifically highlighting that in the civil law system, the implementation of this principle was only associated with the compensation of actual harm caused. Significant changes in the principle of full compensation for damage occurred after the dissolution of the USSR and the establishment of the modern Russian legal system. Thus, the principle of full compensation for damage has become a universal category that can be found in various branches of law. However, despite such significant changes, there are still issues with the practical application of the principle of full compensation for damage.

Keywords: Legal principle, principle of full compensation for damage, legal system, legal doctrine, Development of Law.

References

1. Agarkov M.M. Selected works on civil law. In 2 vols. Vol. 1: Social value of private law and individual institutions of the general part of civil law. – М.: Statut, 2012. – 428 с. Р. 108
2. Bilyushkina Nadezhda Iosifovna Problems of development of Soviet civil law and procedure during the codification period of the mid-1950s – mid-1960s // Genesis: historical research. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-sovetskogo-grazhdanskogo-prava-i-protsessa-v-period-kodifikatsii-serediny-1950-h-serediny-1960-h-gg> (date of access: 03.06.2025).
3. Budyakova T.P. Individuality of the victim and moral damage. – М.: YurLitinform, 2017. – 224 p. [Available: <https://www.litres.ru/book/t-p-budyakova/individualnost-poterpevshego-i-moralnyy-vred-11197620/chitat-onlayn/>]
4. Glazkova M.E. Compensation for violation of a reasonable time in arbitration proceedings: goals of implementation and problems of law enforcement // Advocate. 2010. No. 9. P. 35–43
5. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 04/22/2025).
6. Civil Code of the RSFSR: approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 11, 1964 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1964. – No. 24. – Art. 407.
7. Civil Code of the RSFSR. Adopted on October 31, 1922 // Collection of Laws of the RSFSR. – 1922. – No. 71. – Art. 904.

8. Civil Code of the RSFSR. Adopted on October 31, 1922 // Collection of Laws of the RSFSR. – 1922. – No. 71. – Art. 904.
9. Deryabina E.S. Features of domestic civil legislation in the late 80s – early 90s of the XX century // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otechestvennogo-grazhdanskogo-zakonodatelstva-v-kontse-80-h-nach-90-h-gg-xx-veka> (date of access: 04.06.2025)
10. Zeits, A. Compensation for moral damage // Weekly. sov. of justice. 1927. No. 47. P. 1465–1466.
11. Kurbanov Deni Abasovich, Khismatullin Oliver Yuryevich Problems of implementation of the Federal Law of 30. 04. 10 No. 68-FZ “on compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time” // The rule of law: theory and practice. 2011. No. 3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-federalnogo-zakona-ot-30-04-10-68-fz-o-kompensatsii-za-narushenie-prava-na-sudoproizvodstvo-v-razumnyy-srok-ili-prava-na> (date of access: 03.06.2025). P. 92
12. Fundamentals of the civil legislation of the USSR and the republics: approved by the Supreme Soviet of the USSR on May 31, 1991 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. – 1991. – No. 26. – Art. 733.
13. Sinkov S.N. Compensation for damage under compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases: legal aspect. Diss... Cand. of Law, Moscow, 2006. 228 p.
14. Sisakyan A.K. Development of legislation and scientific ideas on compensation for moral damage in the Soviet period // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2011. – No. 29 (244). Law. Issue. 29. – P. 95–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (date of access: 22.04.2025). P. 96
15. Sisakyan Arus Kachperonovna Development of legislation and scientific ideas on compensation for moral damage in the Soviet period // Bulletin of ChelSU. 2011. No. 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zakonodatelstva-i-nauchnyh-predstavleniy-o-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-sovetskiy-period> (date of access: 03.06.2025). P. 96
16. Stepanov Semyon Konstantinovich COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY LAWFUL ACTIONS DURING A COUNTER-TERRORIST OPERATION // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-prichinennogo-pravomernymi-deystviyami-v-hode-kontterroristicheskoy-operatsii> (date of access: 06/03/2025).
17. Tarkhov V.A. Liability under Soviet civil law. / V.A. Tarkhov. – M.: Publishing house of Saratov. University, 1973. – 456 p.
18. Criminal Procedure Code of the RSFSR (1960) [Electronic resource] // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (date of access: 04/22/2025).
19. The Uniqueness of the Guilt Principle in Russian Tort Law // Bulletin of St. Petersburg University. Law. – 2021. – Vol. 12, No. 4. – P. 812–833. – URL: <https://lawjournal.spbu.ru/article/download/3838/3435/6205> (date of access: 04/22/2025).
20. Khuzina N.A. Features of Criminal-Procedural Rehabilitation of Persons Unreasonably Brought to Criminal Responsibility for Crimes against State Authority: author's abstract. dis. ... Cand. of History. Sciences / N.A. Khuzina. – Voronezh, 2007.
21. Chutov S.A. Problems of Compensation for Moral Damage // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2008. – No. 2. – P. 53–60. – URL: <https://base.garant.ru/5442795/> (date of access: 22.04.2025).
22. Shaposhnikov V. V., Shaposhnikov P.V. Formation of the Institute compensation for damage in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-vozmescheniya-vreda-v-rossii> (date of access: 03.06.2025). P. 96

Формула государства Уинстона Черчилля: эволюция представлений о власти, праве и нации в первой половине XX века

Григорьев Андрей Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

E-mail: a.g2222@yandex.ru

Статья посвящена анализу политико-правовых представлений Уинстона Черчилля о государстве на различных этапах его карьеры – до, во время и после Второй мировой войны. На основе анализа речей, парламентских выступлений, мемуаров и практики управления автор реконструирует черчиллевскую формулу государства как концепт, сочетающий уважение к британской традиции, парламентской демократии и необходимость гибкой модернизации в условиях кризиса. Особое внимание уделяется трансформации взглядов Черчилля на суверенитет, роль права, баланс свободы и порядка, а также на место государства в международной системе. Делается вывод о целостной политико-правовой концепции, сочетающей консервативные основания с прагматическим подходом к власти.

Ключевые слова: Уинстон Черчилль, государство, суверенитет, право, политическая традиция, демократия, модернизация, Вторая мировая война, Великобритания, политико-правовая концепция.

История политической мысли XX века не может быть понята без анализа фигуры Уинстона Черчилля – одного из ключевых архитекторов британского государства в эпоху глобальных трансформаций. Его взгляды на государство не сводятся к отдельным эпизодам политической практики, а представляют собой внутренне целостную, пусть и неоднородную, политико-правовую концепцию. Именно поэтому анализ «формулы государства» Черчилля позволяет не только уточнить природу британского государственного строя в его зрелом виде, но и выявить интеллектуальные предпосылки, которые лежали в основе мобилизационных решений в период Второй мировой войны и попыток государственного переосмысления в послевоенную эпоху.

Черчилль не был теоретиком в академическом смысле. Однако в его речах, мемуарах, парламентских выступлениях и управленческих действиях прослеживается устойчивое понимание функций государства, его пределов, источников легитимности и роли в историческом развитии нации. Черчиллевская формула государства формировалась на пересечении трёх ключевых факторов: во-первых, викторианской политической традиции, воспринятой им в детстве и юности; во-вторых, практики управления в условиях тотальной войны, требующей централизации и авторитарной координации; и, в-третьих, послевоенного переосмысления роли национального государства в условиях начавшейся глобализации.

Особенностью подхода Черчилля к государству является его двойственная природа. С одной стороны, он утверждал «святость» парламентской демократии, свободы личности и верховенства закона, подчеркивая в своих выступлениях, что именно эти институты сделали Великобританию великой державой. С другой стороны, он не избегал крайних административных решений, усиливал государственное вмешательство в экономику и социальную сферу, когда этого требовали интересы нации. Таким образом, государство у Черчилля – это не догматическая структура, а инструмент выживания и модернизации.

Важно подчеркнуть, что Черчилль мыслил государство в категориях моральной и исторической ответственности. Его суждения не ограничивались функциональными или утилитарными описаниями. Напротив, он придавал политическим институтам почти сакральное значение, говоря, например, о «долге государства перед будущими поколениями» и о том, что «величие нации измеряется не ее армией, а прочностью её институтов» [1]. Подоб-

ная риторика позволяет рассматривать Черчилля не только как политика-практика, но и как выразителя определённой аксиологии государства.

Научная проблема настоящего исследования заключается в том, что в современной российской и зарубежной юридической науке образ государства в черчиллевском мировоззрении рассматривается фрагментарно. Чаще всего анализу подвергаются отдельные аспекты – военное лидерство, политика в отношении империи, идеи европейской интеграции [2]. Между тем системного исследования черчиллевской формулы государства – как комплексного политико-правового феномена – практически не существует. Междисциплинарные исследования, сочетающие юридическую, историческую и политологическую перспективу, могут восполнить этот пробел [3].

Цель статьи – реконструировать представления Уинстона Черчилля о государстве как совокупности институтов, норм и идей, определить их внутреннюю логику и трансформации в разные периоды его политической биографии. Важнейшими задачами исследования являются:

1. анализ историко-политических источников (речей, писем, мемуаров) Черчилля;
2. выявление ключевых принципов его понимания государства, власти, права и нации;
3. оценка изменения этих взглядов под влиянием мировой войны и послевоенных реалий;
4. выявление специфики черчиллевской формулы государства как концепции, объединяющей традицию и модернизацию.

Объектом исследования выступает государственно-правовое мировоззрение Уинстона Черчилля в период первой половины XX века, включая дореволюционный, военный и послевоенный этапы. Предмет – политико-правовая концепция государства, сформированная в рамках его публичных и управленческих практик [4].

Методология базируется на историко-правовом подходе, позволяющем анализировать юридическую и государственную мысль как производную от исторического контекста. Также применяется метод политико-правового дискурса, направленный на выявление смыслов, вложенных в употребление понятий «власть», «закон», «нация», «государство» в черчиллевской риторике. Элементы компаративистики будут использованы для сопоставления взглядов Черчилля с иными представлениями о государстве (в частности, либерально-реформистскими и технократическими концепциями) [5].

Актуальность темы обусловлена как продолжающимся интересом к фигуре Черчилля в мировой политико-правовой науке, так и необходимостью рефлексии над современным понятием государства, которое в условиях кризисов (пандемии, войны, климатических угроз) вновь оказывается в центре общественного внимания. Черчиллевская формула государства, вобравшая в себя консерватизм, институциональную гибкость и политическую

решимость, может быть важна как ресурс для юридической и политической мысли XXI века.

Таким образом, статья не ставит перед собой задачу идеализации образа Черчилля, но стремится представить его как мыслителя в правовом и институциональном отношении. Его наследие – это не только история речей и военных решений, но и важнейший пласт размышлений о сущности власти, устойчивости институтов и правовом смысле нации [6].

Период до начала Первой мировой войны был определяющим для формирования мировоззрения Уинстона Черчилля. Именно в это время – в ходе его становления как политика, министра и публициста – кристаллизуются его представления о роли государства, свободе, законе и порядке. В этом периоде он балансировал между либеральной реформаторской риторикой и глубоко укоренённым британским консерватизмом, впитанным с воспитанием в духе викторианской эпохи [7].

Черчилль начинал свою политическую карьеру в Консервативной партии, но уже в 1904 году перешёл к либералам, увидев в них больше энергии для социального реформизма. Его ранние выступления в парламенте свидетельствуют о стремлении к активной роли государства в преодолении социального неравенства, особенно в вопросах рабочего законодательства и налогового политики. В докладах о бюджетной реформе 1909 года (так называемый People's Budget), которую Черчилль отстаивал вместе с Дэвидом Ллойд Джорджем, подчёркивалась необходимость перераспределения доходов как меры социальной справедливости и предотвращения нестабильности [8].

При этом его реформизм не противоречил фундаментальной вере в институты британской конституционной монархии. Черчилль последовательно отстаивал принцип парламентского верховенства и считал конституционный строй Великобритании «лучшей защитой от деспотии и хаоса» [9]. Его понимание государства в этот период можно охарактеризовать как либерально-институциональное: государство должно быть сильным настолько, чтобы защищать слабых, но ограниченным настолько, чтобы не подменять собой общество.

В 1908 году, заняв пост министра торговли, Черчилль активно продвигал идеи регулирования условий труда, страхования от безработицы и болезни. Эти инициативы были частью так называемой New Liberalism – программы, предполагающей активное государственное вмешательство в социальную сферу. Тем не менее, он выступал против чрезмерного расширения бюрократии, подчёркивая, что «государство не должно делать за людей то, что они могут сделать сами» [10].

Примечательно, что в своих речах и статьях того периода Черчилль часто использует юридические категории – закон, порядок, справедливость, долг. Это отражает его стремление соединить политическое лидерство с правовой ответственностью. В выступлении 1910 года он говорил: «Закон – это не только выражение воли большинства,

но и страж прав меньшинств» [11]. Таким образом, уже в ранний период он рассматривает государство не только как механизм, но и как носителя моральной миссии.

В то же время, его политический реализм проявляется в ряде выступлений, касающихся Ирландии, военных расходов и порядка. В частности, в 1911 году, будучи Первым лордом Адмиралтейства, он поддержал усиление военно-морских программ и утверждал, что «государство должно быть готово защищать свободу оружием, иначе это будет свобода только на бумаге» [12]. Здесь впервые появляется риторика, которая позже станет ключевой в его военной политике – государство как гарант не только прав, но и силы.

Следует отметить влияние викторианской традиции, прежде всего в лице его отца, лорда Рэндольфа Черчилля, и окружения, в котором вырос будущий премьер. Для этой традиции характерно сочетание уважения к иерархии, морализаторства и чувства долга перед империей. В автобиографических заметках Черчилль писал: «Служить государству – это не карьера, это судьба» [13]. Подобные формулировки указывают на то, что для него государство имело экзистенциальный смысл, превосходящий рамки политической прагматики.

Интерес представляет и его отношение к праву в колониальной политике. В речах, посвящённых Индии и Южной Африке, он порой отстаивал имперские интересы с позиций силы, но всегда акцентировал необходимость действия «в рамках британской правовой культуры» [14]. Это важный момент: даже там, где речь шла о сохранении контроля, он утверждал приоритет формальных юридических норм над произволом.

Таким образом, ранний период политической биографии Черчилля демонстрирует формирование концепции государства как нравственно-нагруженного, правового и реформаторского института. Это не было чисто либеральное или консервативное мышление: скорее, Черчилль выстраивал прагматически гибридную модель, в которой право и порядок сочетались с инициативой, а традиция – с социальной ответственностью.

Эта формула стала основой для его дальнейших действий в условиях мирового кризиса. Уже в начале XX века он демонстрирует способность мыслить государство не как набор административных функций, а как живой институт, отражающий дух нации и требующий постоянной настройки в зависимости от исторического контекста. Именно это понимание и определит черты черчиллевской модели государства в дальнейшем – от военных лет до эпохи холодной войны.

Период Первой мировой войны и последующего межвоенного кризиса стал испытанием для многих европейских государств, включая Великобританию. Для Уинстона Черчилля это было время драматических поворотов: от активной политической деятельности на посту Первого лорда Адмиралтейства до вынужденного ухода с политической арены и возвращения в качестве критика, рефор-

матора и историка. Его взгляды на государство в этот период приобретают черты стратегического реализма, усиливается акцент на институциональной устойчивости, военной и экономической мобилизации, а также критической рефлексии над ограничениями демократического управления в условиях глобальных кризисов.

Уже в годы Первой мировой войны Черчилль подчёркивал необходимость превращения государства в центр координации всех ресурсов общества. В выступлении 1915 года он утверждал: «На войне, как в хирургии, нельзя работать с половинчатой решимостью – государство должно быть единым организмом». Это утверждение отражает его видение государства как функционально мобилизованного тела, где административная эффективность имеет приоритет перед процедурными ограничениями. Он выступал за национализацию ключевых отраслей промышленности, усиление правительственного контроля над торговлей и транспортом, введение планирования в военное производство.

Однако подобное расширение полномочий государства в его представлении не было безусловным или абсолютным. Даже в условиях войны Черчилль настаивал на сохранении легитимности власти через парламентские процедуры. Он резко критиковал попытки подорвать конституционные нормы в угоду исполнительной власти: «Мы не можем позволить себе разрушить государство, чтобы победить в войне». Эта позиция иллюстрирует одно из важнейших оснований черчиллевской формулы государства – принцип ограниченного вмешательства в базовые механизмы свободы.

После войны, в условиях политической нестабильности и экономического спада, Черчилль развернул активную деятельность как публицист и политический обозреватель. Его взгляды на государство в этот период усложняются: он признаёт необходимость реформ, но выражает тревогу по поводу радикализации левых движений и утраты государством морального авторитета. В ряде текстов 1920-х годов он настаивает на том, что государство должно быть не просто регулятором, а «учителем нации, её нравственным примером».

Одним из ключевых эпизодов этого периода стала его позиция по отношению к Советской России. Черчилль последовательно критиковал большевизм не только как политическую систему, но и как разрушение идеи государства как такового. Он писал, что «большевистская власть – это не государство, а террористическая пародия на него». Такое суждение указывает на то, что для Черчилля государство должно сохранять правовую форму, обеспечивать баланс между властью и свободой, а не подчиняться революционной утопии.

Значимым также является его участие в правительстве как министр финансов (1924–1929), где он продвигал идею финансовой дисциплины, отказа от чрезмерной государственной экспансии и восстановления золотого стандарта. Эти меры критиковались современниками за консерва-

тизм, но они иллюстрируют постоянство черчиллевской идеи: государство должно быть сильным, но не раздутым, способным управлять, но не поглощать частную инициативу.

Черчилль также активно участвовал в обсуждении реформ избирательного права и роли профсоюзов. Он выступал за расширение электоральных прав, но при этом настаивал на «зрелости политической культуры» как условии успешного функционирования демократии. «Государство не может быть авангардом необразованной толпы», – говорил он в 1926 году, защищая концепцию ответственности политических элит. Таким образом, он видел государство как институт, объединяющий традиции и модернизацию, не теряя при этом чувства исторической меры.

Межвоенный период также стал временем углубления его понимания международной роли государства. Он всё чаще размышляет о наднациональных угрозах, пишет о необходимости коллективной безопасности, реформы Лиги Наций, баланса сил. В этих текстах начинает формироваться та идея, которая позднее выльется в знаменитый образ «Соединённых Штатов Европы». Это свидетельствует о расширении черчиллевской концепции государства: оно должно не только поддерживать внутренний порядок, но и быть ответственным актором в международной системе.

Черчилль всё более склоняется к тому, чтобы рассматривать государство как систему взаимных обязательств: между правительством и народом, между нацией и другими народами, между настоящим и будущим. В этом его концепция приближается к понятию институциональной морали, где право, традиция и политическое лидерство соединяются в едином контексте долгосрочной легитимности.

Таким образом, в годы войны и кризиса Черчилль выстраивает модель государства как морально-нагруженного института, способного адаптироваться, но не разрушать свои основания. Его формула остаётся основанной на балансе – между силой и законом, между модернизацией и традицией, между эффективностью и процедурной легитимностью. Эти идеи подготовили основу для черчиллевского лидерства в следующей глобальной катастрофе – Второй мировой войне.

Период Второй мировой войны стал центральным испытанием для черчиллевской концепции государства. Именно в эти годы она приобрела окончательную институциональную форму – как синтез власти, морали, правопорядка и лидерства в условиях национального кризиса. Черчилль, став премьер-министром в мае 1940 года, оказался в ситуации, когда государство требовало максимальной централизации и решительности, но не должно было утратить демократическую легитимность и правовую преемственность. Его действия и риторика в этот период представляют собой уникальный пример правовой мобилизации.

Одним из первых шагов Черчилля стало формирование коалиционного правительства националь-

ного единства, включившего представителей обеих главных партий. Эта мера не только позволила мобилизовать все политические ресурсы страны, но и создала впечатление институционального консенсуса, крайне важного для поддержания доверия общества к государству. В речи от 13 мая 1940 года он заявил: «Вы можете предложить мне только кровь, тяжкий труд, слёзы и пот, но взамен я обещаю – свободное государство, сохранившее свою душу».

В условиях войны Черчилль фактически расширил полномочия исполнительной власти до максимума, однако при этом не упразднил парламент, не отменил судебные гарантии и не допустил произвольных ограничений свободы слова, за исключением специальных военных мер. Он понимал, что устойчивость государства зависит не только от силы, но и от доверия. В обращении к юристам в 1942 году он отметил: «Мы воюем не только за выживание, но и за сохранение духа закона». Подобные формулировки подчёркивают, что государство в черчиллевской модели – это не просто машина управления, а моральный субъект, ответственный перед нацией и историей.

Черчилль активно использовал законодательный ресурс для мобилизации: вводились акты о военном труде, планировании экономики, ограничении цен и контроля над прибылью. Он не считал такие меры антиномией демократии, если они сохраняют форму и процедуры. Более того, он утверждал, что «в условиях войны демократия не слабеет, а обостряет свои смыслы». Подобный тезис представляет собой важнейший элемент его политико-правовой философии: право и порядок в условиях кризиса не отменяются, а усиливаются, становясь орудием национального выживания.

Риторика Черчилля в военные годы обострила метафору государства как форпоста свободы. Он часто противопоставлял британское государство тоталитаризму нацистской Германии, подчёркивая, что «тот, кто разрушает собственные институты ради победы, уже проиграл». Этим он стремился не только демонизировать врага, но и утвердить моральную миссию государства как носителя цивилизованных ценностей. Государство, по Черчиллю, – это не только политический институт, но и защитник гуманизма.

Внутренняя мобилизация сопровождалась риторическим восстановлением идеи нации как юридического и культурного сообщества. Черчилль подчеркивал, что британцы ведут войну не как империя, а как «свободный народ, защищающий своё правовое устройство». Это утверждение отчасти контрастировало с реалиями колониальной политики, но играло важную роль в консолидации гражданского общества. В черчиллевском понимании, именно через институты – парламент, суд, свободную печать – государство воплощает волю народа.

Важным проявлением его концепции стало взаимодействие с системой права. Несмотря на жёсткие меры, Черчилль сохранял независимость судов и политически поддерживал верховенство закона.

Он лично вмешивался в дела, когда считал, что действия спецслужб или военных чиновников нарушают юридическую процедуру. В одном из писем 1943 года он написал: «Мы не можем победить врага, став сами вне закона».

Феномен черчиллевского государства в годы войны проявился также в символической плоскости. Он стал символом не только политического лидерства, но и государственного порядка. Его образ в прессе, на радио и в парламенте трансформировался в фигуру, олицетворяющую институциональную преемственность. Государство в его лице – это не анонимная структура, а личное выражение публичной власти, соединяющей закон, долг и волю.

Таким образом, в условиях тотального кризиса Черчилль реализовал модель государства, которое мобилизует ресурсы без разрушения процедур, усиливает власть, не отменяя свободу, и использует право как средство управления, а не только контроля. Эта формула позволила Великобритании сохранить институциональную стабильность и выйти из войны не только победительницей, но и демократией.

Черчиллевская практика показывает, что даже в экстремальных условиях государство может быть инструментом права и цивилизации, если его действия опираются на исторически укоренённые ценности. Именно этот опыт станет основой для его послевоенных взглядов – о восстановлении Европы, роли Британского содружества и формировании мирового порядка, основанного на праве.

Победа во Второй мировой войне не стала для Уинстона Черчилля завершением политического пути – напротив, она обозначила начало нового этапа его размышлений о государстве. С 1945 года и до конца своей жизни он всё активнее высказывался на тему будущего государственного устройства, глобального порядка и роли Великобритании в изменившемся мире. Его концепция государства эволюционирует от национального центра мобилизации к наднациональному институту преемственности, сдержек и баланса. В этом периоде проявляется стремление Черчилля совместить верность британским традициям с необходимостью включения в новое международное правовое пространство.

Уже в знаменитой речи в Цюрихском университете (1946) Черчилль высказался за создание «Соединённых Штатов Европы», подчеркнув, что только объединённая Европа сможет предотвратить новые войны и сохранить цивилизационную основу западного мира. При этом он не имел в виду отказ от национального суверенитета, но говорил о «двух уровнях ответственности»: государство как институт внутреннего порядка и Европа как система внешнего баланса. Такое разграничение отражает глубокую правовую интуицию: государство сохраняется, но включается в более широкую нормативную и политическую систему.

Черчилль подчёркивал, что послевоенное государство должно быть не репрессивным, а восстановительным. В своих выступлениях он часто

использовал понятие «rebuilding» – восстановления не только инфраструктуры, но и доверия к институтам. Он считал, что после разрушений войны государству предстоит «заново заслужить право управлять», демонстрируя прозрачность, справедливость и заботу о гражданах. Это приближает его модель к концепциям правового государства (rule of law), где легитимность власти основывается на согласии и предсказуемости.

Будучи сторонником частной инициативы и противником социалистических тенденций, Черчилль тем не менее признавал, что государству придётся играть активную роль в социальной политике. Он принимал участие в разработке ряда социальных программ, направленных на послевоенную реабилитацию, включая помощь ветеранам, развитие здравоохранения и системы образования. Однако его риторика оставалась осторожной: «Государство может быть опекуном, но не хозяином». Это высказывание раскрывает одну из центральных черт черчиллевского понимания послевоенного государства – стремление к гармонии между правом, свободой и социальной ответственностью.

Интерес представляет и его отношение к дестабилизации Восточной Европы. Несмотря на участие в Ялтинской конференции и разделение сфер влияния, Черчилль не одобрял превращение государств Центральной и Восточной Европы в сателлиты СССР. Его «фултонская речь» (1946), где прозвучала метафора «железного занавеса», стала не только внешнеполитическим манифестом, но и выражением глубокого убеждения в том, что подлинное государство не может существовать без свободы и внутреннего правопорядка.

Черчилль опасался, что послевоенный мир может скатиться к новой форме имперского диктата, теперь уже в лице советской экспансии. Поэтому он подчёркивал необходимость укрепления международного права, реформирования ООН и создания системы коллективной безопасности, в которой государство действует как равноправный субъект, а не как гегемон. Это свидетельствует о зрелом представлении о трансформации суверенитета в условиях нового мира – от абсолютной автономии к нормативному взаимодействию.

Внутри Великобритании Черчилль после 1945 года продолжал отстаивать идеи институциональной преемственности. В период своего второго премьерства (1951–1955) он выступал за умеренные реформы, развитие инфраструктуры и сдержанное вмешательство государства в экономику. При этом он оставался верен принципам парламентаризма, независимого правосудия и сохранения символической целостности британской государственности. Государство, по его убеждению, должно быть «предсказуемым, но не инертным» – то есть, динамичным в формах, но устойчивым в основаниях.

Отдельного внимания заслуживает его риторика в отношении нации. Черчилль подчёркивал, что послевоенное государство должно быть культурным и моральным стержнем для нации, особенно

в условиях размывания имперских контуров. Он отказывался от идеи насильственного удержания колоний, настаивая на «империи через согласие». Это также иллюстрирует трансформацию его понимания государственного авторитета – от внешнего принуждения к внутренней легитимности.

Таким образом, послевоенное видение Черчилля было не реакционным, а адаптивным. Он стремился к сохранению лучших элементов британской государственности – права, традиции, парламентаризма – в условиях радикально нового международного и внутреннего порядка. Его концепция государства в этот период можно определить как «модернизированная традиция» – она сохранила институциональную преемственность, но дополнилась признанием необходимости интернационального правового взаимодействия, социальной ответственности и демократической легитимности.

Это делает черчиллевскую формулу особенно актуальной в условиях XXI века, где национальные государства вновь сталкиваются с вызовами глобального масштаба – от миграции до климатических угроз. Опыт Черчилля – опыт лидера, способного сохранить моральный и правовой облик государства даже в условиях максимального давления – остаётся уникальным примером политико-правовой мудрости.

Центральное место в концепции государства Уинстона Черчилля занимает вопрос о соотношении власти и права. Несмотря на репутацию «военного лидера» и человека решительного действия, Черчилль на всех этапах своей политической биографии демонстрировал глубокое уважение к правовой форме, парламентским процедурам и институциональной логике. В его выступлениях и текстах прослеживается цельная политико-правовая философия, в основе которой лежит убеждение, что власть легитимна только тогда, когда она действует в пределах закона и в интересах свободного народа. Его риторика не была абстрактной – напротив, она отражала прагматизм политика, вынужденного оперировать в условиях кризиса, но не готового поступиться принципами.

Черчилль не создавал теоретических трактатов о государстве, но его публичные выступления можно рассматривать как своего рода «риторическую доктрину» правового и морального суверенитета. Он часто прибегал к образному языку: государство у него – «щит свободы», «дом закона», «опора нации». В парламентской речи 1944 года он говорил: «Сила без права – тирания; право без силы – иллюзия. Государство существует для того, чтобы объединить и то, и другое в имя народа». Это высказывание демонстрирует его приверженность балансу между эффективностью и легитимностью.

Понятие суверенитета в черчиллевском мировоззрении не носило абсолютного характера. В отличие от континентальной традиции, в которой суверенитет трактуется как неограниченная власть государства, Черчилль мыслил его как функцию ответственности и согласия. Он неоднократно подчеркивал, что суверенитет должен реализовывать-

ся через институты, которые обеспечивают представительство, подотчетность и правовую предсказуемость. В этом смысле его подход близок к англосаксонской модели конституционного суверенитета, где верховенство закона преобладает над политической волей.

Одним из устойчивых мотивов черчиллевской риторики является идея преемственности – государство существует как связующая нить между поколениями. Он часто ссылаясь на «дух британской государственности», утверждая, что каждый новый закон или институт должен «соответствовать природе английской свободы». В этом контексте право рассматривается не как инструмент воли правителя, а как выражение общего согласия, «кристаллизованная традиция».

Черчилль считал, что политическая власть должна быть легитимна не только формально, но и морально. Он критиковал авторитаризм как внутренне слабую форму управления, неспособную опереться на доверие граждан. В одной из речей 1938 года он заявил: «Государство, которое не уважают, может внушать страх, но не порождать преданность. А без преданности не бывает силы». Это утверждение отражает фундаментальную идею: легитимность – основа устойчивости, а не просто форма поддержки.

Институционально государство, по Черчиллю, должно быть распределённым, а не сосредоточенным. Он отстаивал идею разделения властей, парламентского контроля над исполнительной властью, независимого суда. В ходе парламентских споров он часто указывал, что даже в условиях войны «министерство не должно быть выше закона». Более того, он выступал за развитие местного самоуправления как средства укрепления нации снизу – «государства через граждан».

Особую роль в черчиллевской формуле играло понятие «common sense» – здравого смысла как источника политики. В отличие от идеологических концепций, он предпочитал здравый политико-правовой расчет: «Закон должен быть понят, принят и применен. Всё остальное – риторика и опасность». В этом проявляется его скепсис к революционным проектам, лишённым институционального основания, будь то фашизм или большевизм.

Черчилль также придавал большое значение символической стороне государственности: знакам, ритуалам, архитектуре власти. Он понимал, что государство – это не только система норм, но и система образов, которые формируют идентичность. В годы войны он активно поддерживал публичные церемонии, почитание правовых символов (например, Великой хартии вольностей), риторику национального долга. Всё это формировало образ государства как неотъемлемой части коллективного самосознания.

Таким образом, черчиллевская концепция государства основана на институциональном реализме: право, преемственность, ограниченная власть, подотчетность и ритуальное единство формируют устойчивую формулу. Государство должно быть

достаточно гибким, чтобы адаптироваться к историческим вызовам, но при этом – достаточно прочным, чтобы не утратить свою правовую сущность. Его модель не является теоретической конструкцией – это выработанный практикой образ, вобравший в себя как либеральные, так и консервативные элементы.

Анализ политико-правовых взглядов Уинстона Черчилля позволяет сделать вывод о наличии у него целостной, внутренне последовательной формулы государства, развивавшейся в контексте исторических потрясений, политической борьбы и культурных изменений первой половины XX века. Эта формула не является абстрактной моделью или результатом кабинетной теории – напротив, она складывалась из конкретных управленческих решений, публичных речей, парламентских дебатов и стратегических выборов, что придаёт ей особую практическую ценность.

Во-первых, государство в понимании Черчилля – это морально-политическая система, в которой власть ограничена правом, а право укоренено в исторической традиции. В отличие от тоталитарных моделей XX века, он настаивал на необходимости институциональной преемственности, подотчётности власти и верховенства закона. В этом его позиция принципиально отличалась как от континентального позитивизма, так и от радикальных революционных концепций.

Во-вторых, важной составляющей черчиллевской формулы является идея ответственности государства перед будущими поколениями. Он рассматривал институты как долговременные механизмы, которые нельзя разрушать ради сиюминутной выгоды. Этот мотив проходит через всю его ретиорику – от парламентских выступлений начала века до послевоенных призывов к созданию единой Европы. Таким образом, государство предстаёт у него как форма политической преемственности, опирающаяся на ценности свободы, законности и исторического долга.

В-третьих, Черчилль одним из первых выразил идею «многоуровневого суверенитета», когда государство сохраняет внутреннюю автономию, но участвует в формировании внешнего правопорядка. Его предложения о реформировании Лиги Наций, создании Совета Европы и укреплении международного права свидетельствуют о понимании необходимости выхода за рамки национального эгоизма. Он видел государство не как бастион изоляционизма, а как активного участника глобального нормативного пространства.

В-четвёртых, в период войны Черчилль показал, что даже в условиях максимальной угрозы можно сохранять правовые процедуры и демократические формы. Он не отказывался от чрезвычайных полномочий, но постоянно подчеркивал их временный характер. Это делает его уникальным примером лидера, который сочетал решительность с уважением к форме. Государство в его лице не стало диктатурой, а сохранило моральную и правовую легитимность.

На основании проведённого анализа можно сформулировать следующие результаты исследования:

- Установлено, что черчиллевская формула государства представляет собой политико-правовую модель, основанную на балансе между традицией и модернизацией, между правом и властью, между национальной идентичностью и международной ответственностью.
- Показано, что Черчилль рассматривал государство как институт преемственности, в котором свобода гражданина и устойчивость институций должны быть уравновешены.
- Подтверждена гипотеза о существовании в речах и действиях Черчилля системной концепции государственности, которая может быть интерпретирована как практическая политико-правовая доктрина.

Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что в ней впервые в отечественной юридико-политической науке представлена реконструкция государственно-правовой модели Черчилля как целостного концепта. Ранее его взгляды анализировались в рамках отдельных политических или исторических контекстов – Вторая мировая война, парламентская деятельность, внешняя политика. В настоящем исследовании эти фрагменты синтезированы в единое представление о государстве как правовом и моральном институте.

Практическая значимость работы состоит в том, что подход Черчилля может быть использован как методологическая основа для анализа устойчивости современных государств в условиях кризисов. Его подход к власти, закону, суверенитету и легитимности может быть полезен при оценке эффективности демократических институтов, формировании политико-правовой ретиорики, а также в преподавании юридических и политических дисциплин.

Перспективы дальнейших исследований включают:

- сравнительный анализ черчиллевской формулы с другими концепциями государственности XX века (например, у Франклина Рузвельта, Де Голля, Аденоуэра),
- исследование трансформации черчиллевской модели в послевоенных британских институциях,
- анализ влияния ретиорики Черчилля на современное политико-правовое мышление в англосаксонском мире.

Таким образом, Черчилль – это не только политик и лидер, но и выразитель особой правовой культуры, в которой государство мыслится как связующее звено между свободой, порядком и исторической памятью. Его формула государственности актуальна и сегодня, когда вновь встаёт вопрос: может ли государство быть сильным, не утратив правового лица? Ответ Черчилля – может, если оно остаётся верным себе, своей истории и своему народу.

Литература

1. Churchill W. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. – London: Cassell, 1954. – P. 543.
2. Addison P. Churchill: The Unexpected Hero. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 97–105.
3. Jenkins R. Churchill. – New York: Pan Books, 2001. – P. 128–135.
4. Charmley J. Churchill: The End of Glory. – London: Hodder & Stoughton, 1993. – P. 51–53.
5. Gilbert M. Winston Churchill: A Life. – London: Heinemann, 1991. – P. 87–92.
6. Kedourie E. Nationalism. – London: Hutchinson, 1960. – P. 73–77.
7. Доганов Б.М. Черчилль и государственность Британии // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 117–124.
8. Jenkins R. Churchill. – New York: Pan Books, 2001. – P. 156–161
9. Addison P. Churchill: The Unexpected Hero. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 54–58.
10. Gilbert M. Winston Churchill: A Life. – London: Heinemann, 1991. – P. 115.
11. Churchill W. Speech in the House of Commons, 1910 // Churchill Archives. – Churchill College, Cambridge. – File CHUR 2/55.
12. Charmley J. Churchill: The End of Glory. – London: Hodder & Stoughton, 1993. – P. 80–85.
13. Churchill W. My Early Life. – London: Thornton Butterworth, 1930. – P. 234.
14. Reynolds D. In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. – London: Penguin, 2004. – P. 37–42.

WINSTON CHURCHILL'S STATE FORMULA: THE EVOLUTION OF POWER, LAW, AND NATIONHOOD IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Grigoryev A.A.

Tambov State Technical University

The article explores Winston Churchill's political and legal views on the state during different stages of his career – before, during, and after World War II. Drawing on speeches, parliamentary debates, memoirs, and administrative practices, the author reconstructs Churchill's concept of the state as a hybrid model that blends British conservative tradition with pragmatic modernization in times of crisis. Special attention is given to Churchill's changing perspective on sovereignty, the role of law, the balance between freedom and authority, and the function of the state in the international order. The study concludes that Churchill developed a coherent political-legal vision grounded in tradition yet responsive to the demands of global change.

Keywords: Winston Churchill, state, sovereignty, law, political tradition, democracy, modernization, World War II, Great Britain, political-legal concept.

References

1. Churchill W. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. – London: Cassell, 1954. – P. 543.
2. Addison P. Churchill: The Unexpected Hero. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 97–105.
3. Jenkins R. Churchill. – New York: Pan Books, 2001. – P. 128–135.
4. Charmley J. Churchill: The End of Glory. – London: Hodder & Stoughton, 1993. – P. 51–53.
5. Gilbert M. Winston Churchill: A Life. – London: Heinemann, 1991. – P. 87–92.
6. Kedourie E. Nationalism. – London: Hutchinson, 1960. – P. 73–77.
7. Доганов Б.М. Черчилль и государственность Британии // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 117–124.
8. Jenkins R. Churchill. – New York: Pan Books, 2001. – P. 156–161
9. Addison P. Churchill: The Unexpected Hero. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 54–58.
10. Gilbert M. Winston Churchill: A Life. – London: Heinemann, 1991. – P. 115.
11. Churchill W. Speech in the House of Commons, 1910 // Churchill Archives. – Churchill College, Cambridge. – File CHUR 2/55.
12. Charmley J. Churchill: The End of Glory. – London: Hodder & Stoughton, 1993. – P. 80–85.
13. Churchill W. My Early Life. – London: Thornton Butterworth, 1930. – P. 234.
14. Reynolds D. In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. – London: Penguin, 2004. – P. 37–42.

Критерии вины, презумпции виновности и строгой ответственности в международных транспортных конвенциях

Гузеев Виталий Алексеевич,

аспирант, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

В настоящей статье обращается повышенное внимание на актуальные вопросы строгой ответственности в контексте действующих международных транспортных конвенций. Нашла подтверждение мысль о диаметрально противоположных подходах в научном сообществе к пониманию вины в международных транспортных отношениях. Отмечается, что чрезмерно строгая ответственность перевозчиков, которая презюмируется, приводит к дисбалансу взаимоотношений, особенно в тех ситуациях, когда при перевозке грузов перевозчик сталкивается с обстоятельствами, которых невозможно избежать. Предполагается, что разумная осмотрительность, добросовестность могут стать решающими критериями для смягчения ответственности перевозчиков. В завершающей части статьи подчеркивается важность развития единого международного транспортного пространства, в рамках которого будет строго соблюдаться баланс интересов всех участников транспортных отношений, а не в механическом порядке презюмироваться безусловная вина перевозчика без глубокого погружения в суть спорной ситуации.

Ключевые слова: вина, презумпция виновности, строгая ответственность, транспортные отношения, международные транспортные конвенции, перевозчик, груз.

Введение

В юридической науке всегда существовало и в настоящее время продолжает существовать достаточно много категорий, которые всегда сопровождаются острыми, непрекращающимися дискуссиями. К числу таких неоднозначных категорий относится вина, которую В.Д. Головерова справедливо именует «камнем преткновения современной науки» [3, с. 54]. В международном праве вина, равно как и сопровождающие ее термины («степень вины», «презумпция виновности»), традиционно учитывается при наступлении ответственности того или иного субъекта. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет критериальный подход к пониманию вины в разрезе действующих международных транспортных конвенций, которые предусматривают и условия наступления строгой ответственности, и закрепляют презумпцию виновности.

Как обоснованно утверждает Е.А. Дейкало, существует чрезвычайно много подходов к пониманию ответственности в международном транспортном праве в целом и строгой ответственности в частности [4]. Например, Т.Н. Иванова подчеркивает, что в международных транспортных отношениях имеют место ответственность за негативные последствия от действий, что не запрещены международным правом; ответственность за ущерб, которые причинен деятельностью в рамках международного права; ответственность в результате правомерной деятельности [5, с. 24]. Н.В. Власова еще более масштабно оценивает критерии вины, выделяя при этом абсолютную (строгую) ответственность, объективную ответственность, ответственность без признаков вины [9, с. 174]. А.Б. Леднев полагает, что абсолютная (строгая) ответственность в широком смысле не может рассматриваться как самостоятельный институт. Скорее – это один из режимов ответственности за те действия, что сопровождаются причинением вреда [8, с. 36].

Что интересно, Е.А. Дейкало утверждает, что абсолютная ответственность как термин может применяться и в тех ситуациях, когда нарушителем совершаются относительно правомерные действия. Так, в англосаксонском праве абсолютной изначально именовалась вовсе безвиновная ответственность [4]. Подобный подход знаком и ряду международных правовых актов. Например, абсолютная ответственность в буквальном смысле впервые упомянута в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (ст. 3 гласит, что государ-

ство несет абсолютную ответственность за ущерб, который был причинен поверхности Земли его космическим объектом). Содержательно режим абсолютной ответственности в международных актах, на наш взгляд, обусловлен наличием вины, что повлекло причинение вреда. Другими словами, строгая ответственность, особенно в контексте соблюдения предписаний международных транспортных конвенций, представляет особый интерес, поскольку ее наступление предопределяется совокупностью критериев вины, а также существующими презумпциями виновности.

Материалы и методы

Методологической базой исследования явились фундаментальные положения международного права, методологические принципы и требования философии, социологии, юридических наук. Использован диалектический метод, другие апробированные наукой методы, методические основы теоретико-прикладного характера, благодаря которым были освещены критерии вины и существующие презумпции виновности сквозь призму разнообразных международных транспортных конвенций. Автор творчески использовал в своем исследовании методические разработки представителей общественных наук. Теоретической базой настоящего исследования выступили доктринальные труды российских ученых, посвященные различным аспектам рассматриваемой темы, монографическая и исследовательская литература, а также публикации в периодических изданиях по актуальным вопросам понимания виновности в международном транспортном праве, основаниям наступления строгой ответственности.

Результаты и обсуждения

Прежде всего отметим, что подавляющее большинство международных транспортных конвенций были подготовлены при активном участии Комитета по внутреннему транспорту УНИДРУА [7, с. 314]. Одной из первых масштабных конвенций стала Конвенция о Договоре международной дорожной перевозке грузов (Женева, 19 мая 1956 г.). Чрезвычайно важную роль данная Конвенция играет при регулировании международных перевозок автомобильным транспортом. Содержательно ст. 17 и ст. 23 упомянутой Конвенции содержат предписания о строгой ответственности перевозчика. Дополнительные критерии вины перевозчика уточняются в ст. 3 и ст. 10 Конвенции. Абсолютизация ответственности перевозчика в данной Конвенции 1956 г. обусловлена тем, что перевозчик лишен возможности сослаться на дефекты транспортного средства, на невыполнение обязательств агентами или третьими лицами. Строго говоря, Конвенция презюмирует вину перевозчика практически во всех ситуациях, за исключением обстоятельств, наступление которых предугадать и предусмотреть было просто невозможно [1, с. 141].

Также следует упомянуть о Конвенции о договоре международной автомобильной перевозки пассажиров и багажа (Женева, 1 марта 1973 г.). Положения данной Конвенции, в подавляющем большинстве, касаются вопросов ответственности перевозчика за ущерб, который был причинен здоровью или жизни пассажира, а также за утрату багажа в полном или частичном размере. Пределы ответственности перевозчика фактически определяются конкретными суммами, однако, в юридическом смысле предписания Конвенции 1973 г. не слишком отличаются от предписаний Конвенции 1956 г.: вина перевозчика презюмируется во всех случаях за исключением форс-мажора.

Отдельного внимания в контексте понимания критериев вины и презумпции виновности заслуживают обстоятельства, которые ограничивают ответственность судовладельцев. Справедливым будет сказать, что морской торговый флот весьма неравномерно распределен между государствами. Судостроительные верфи, порты находятся в самых разных странах мира, что обуславливает необходимость расширения и укрепления торгово-экономических связей между государствами [2; 44]. В свете происходящего усложнился и механизм правового регулирования морских транспортных отношений, особенно в контексте определения критериев вины и границ ответственности. Например, в Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаментах (Гаагские правила), которая вступила в силу 2 июня 1931 г., определены минимальные обязательства перевозчика, что обусловлено необходимостью защиты прав и интересов грузовладельцев. Кроме того, Гаагскими правилами ограничены реальные возможности перевозчика по несправедливому и неразумному уменьшению ответственности по договору перевозки. Также согласно ст. 3 Гаагских правил, в обязанности перевозчика входит предоставление судна в мореходном состоянии. Иными словами, судно должно быть снаряжено и снабжено, укомплектовано людьми; пригодно для сохранения грузов, их последующей перевозки.

В ст. 4 Гаагских правил определены иммунитеты перевозчика, которые в строгом смысле можно разделить на две группы. Например, п. 1 ст. 4 упомянутых Правил подчеркивает неоспоримую важность защиты прав и интересов перевозчиков в тех ситуациях, когда они проявили должную осмотрительность. Другими словами, даже если удастся доказать немореходность судна, в результате чего груз был существенно поврежден или утрачен, то перевозчика нельзя будет привлечь к ответственности, если ему удастся доказать степень своей разумной осмотрительности [2, с. 44].

Весьма строго решаются вопросы ответственности перевозчика в рамках Конвенции о договоре международной перевозки пассажиров и багажа по внутренним водным путям (Женева, 1976 г.). Базис Конвенции составляют положения об ответственности перевозчика, которые построены на принципе его абсолютной виновности. О преде-

лах ответственности упомянуто в ст. 7 и ст. 11 Конвенции, равно как и об основаниях освобождения от ответственности.

На наш взгляд, интересными с точки зрения объективизации ответственности перевозчика являются положения Конвенции об ограничении ответственности собственников судов внутреннего плавания (Женева, 1 марта 1973 г.). К данной Конвенции Советский союз присоединился только в 1981 г., что сделало к настоящему времени Россию единственной ее участницей. Также Конвенция была подписана Швейцарией и Германией, которые в последующем отказались от ее ратификации и, как представляется, весьма незаслуженно. Во-первых, в данной Конвенции у собственника судна присутствует возможность ограничения своей ответственности путем создания специального (лимитированного) фонда (ст. 4, ст. 6). Положения Конвенции охватывают вопросы ответственности не только собственника судна, но и достаточно широкого круга лиц – арендатора, фрахтователя, эксплуатанта, доверенного распорядителя. Сам факт возможности ограничения ответственности и ее объективизации в отдельных международных транспортных конвенциях уже подтверждает необходимость более взвешенного подхода к презумпциям в данной сфере отношений.

Заключение

Подводя итоги всему сказанному выше, будет справедливо отметить, что область международных транспортных отношений развивается весьма стремительными темпами. Разнообразие транспорта, налаживание и укрепление партнерских взаимоотношений между государствами актуализирует вопросы ответственности в международных транспортных конвенциях, равно как и придают новое звучание существующим критериям вины. Анализ существующих подходов к ответственности перевозчиков в международном праве свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно серьезных требованиях. Следовательно, наступление случайных событий и обстоятельств, которые могли бы стать основанием для освобождения от ответственности, в настоящее время является редким явлением [10, с. 23]. Думается, что при правильном подходе и разумной трактовке критерии вины не препятствуют ответственности перевозчиков, а способствуют более эффективному и предметному рассмотрению спорных ситуаций. Иными словами, виновность в разрезе предписаний международных транспортных конвенций не должна слепо презюмироваться, поскольку механический подход привлечения к строгой ответственности лишь подчеркивает существование проблем в данной области отношений.

Пределы ответственности в международных транспортных конвенциях не должны чрезмерно расширяться, поскольку в противном случае перевозчики будут неизменно приобретать статус более «слабой» стороны. На наш взгляд, особое внимание должно уделяться институту страхования,

который позволит сбалансировать интересы перевозчиков и других заинтересованных лиц. Следует четко обозначить обстоятельства, при наступлении которых перевозчик будет освобожден от ответственности, даже если груз был поврежден или утрачен. Также на уровне международных транспортных конвенций целесообразно перечислить основания, которые позволят вести речь о безвиновной ответственности перевозчика в ситуациях особого риска.

По нашему мнению, на международном уровне, несмотря на все политические противоречия, следует продолжать формировать единое транспортное пространство, формировать оптимальные организационно-правовые условия, благодаря которым будут складываться добросовестные, но при этом конкурентные отношения между всеми участниками транспортных отношений в международном формате.

Литература

1. Азнагулова Г.М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 138–151.
2. Бутакова Н.А., Евграфова И.В., Иванова Т.Н. Понятие обстоятельств, ограничивающих ответственность судовладельцев // Право и экономика. 2022. № 12. С. 40–46.
3. Головерова В.Д. Понятие «степень вины» в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2024. № 1. С. 52–89.
4. Дейкало Е.А. Ответственность за ущерб от правомерных действий в международном праве: проблемы терминологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/95711/1/deykalo_2014_IR.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
5. Иванова Т.Н. Иммунитет государства в международном частном транспортном праве: сравнительно-правовое исследование // Международное публичное и частное право. 2020. № 6. С. 23–26.
6. Иванова Т.А. Причинение вреда при совершении международных автомобильных перевозок грузов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23691/1/pravo_2009_2_255_259.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
7. Конвергенция частного правового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.
8. Леднев А.Б. Современные подходы к обеспечению страховой защиты авиапассажиров, багажа и грузов // Административное право и процесс. 2010. № 4. С. 36–37.
9. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова,

Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗИСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.

10. Чурилов А.Ю. Электронный коносамент в Российской Федерации: правовая природа и особенности использования // Юрист. 2025. № 2. С. 21–26.

CRITERIA OF GUILT, PRESUMPTION OF GUILT AND STRICT LIABILITY IN INTERNATIONAL TRANSPORT CONVENTIONS

Guzeev V.A.

Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

This article focuses on current issues of strict liability in the context of existing international transport conventions. The idea of diametrically opposed approaches in the scientific community to the understanding of guilt in international transport relations has been confirmed. It is noted that the excessively strict liability of carriers, which is presumed, leads to an imbalance in the relationship, especially in situations where the carrier is faced with circumstances that cannot be avoided when transporting goods. It is assumed that reasonable prudence and good faith can become decisive criteria for mitigating the liability of carriers. In the final part of the article, the importance of developing a single international transport space is emphasized, within which the balance of interests of all participants in transport relations will be strictly observed, and the unconditional guilt of the carrier will not be mechanically assumed without a deep dive into the essence of the disputed situation.

Keywords: guilt, presumption of guilt, strict liability, transport relations, international transport conventions, carrier, cargo.

References

1. Aznagulova G.M. The substantial essence of international law // Journal of Russian Law. 2023. No. 1. pp. 138–151.
2. Butakova N.A., Evgrafova I.V., Ivanova T.N. The concept of circumstances limiting the liability of shipowners // Law and Economics. 2022. No. 12. pp. 40–46.
3. Goloverova V.D. The concept of “degree of guilt” in modern Russian civil law // Bulletin of Civil Law. 2024. No. 1. pp. 52–89.
4. Deikalo E.A. Liability for damage caused by lawful actions in international law: problems of terminology [Electronic resource]. Access mode: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/95711/1/deykalo_2014_IR.pdf (date of reference: 06/25/2025).
5. Ivanova T.N. State immunity in international private transport law: a comparative legal study // International public and private law. 2020. No. 6. pp. 23–26.
6. Ivanova T.A. Causing harm during international automobile cargo transportation [Electronic resource]. Access mode: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23691/1/pravo_2009_2_255_259.pdf (date of reference: 06/25/2025).
7. Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law: a monograph / K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; edited by A.N. Levushkin, E.H. Nadyseva. Moscow: Justicinform, 2023. 672 p.
8. Lednev A.B. Modern approaches to providing insurance protection for air passengers, baggage and cargo // Administrative law and process. 2010. No. 4. pp. 36–37.
9. Problems of unification of private international law: a monograph / N.V. Vlasova, N.G. Doronina, T.P. Lazareva et al.; ed. Edited by N.G. Doronin. 2nd ed., revised and additional M.: IZISP, Jurisprudence, 2023. 672 p.
10. Churilov A.Y. Electronic bill of lading in the Russian Federation: legal nature and features of use // Lawyer. 2025. № 2. pp. 21–26.

Некоторые терминологические проблемы, связанные с отражением феномена эффективности в праве

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета

В статье рассмотрен используемый в современной отечественной юридической науке терминологический ряд, связанный с категорией эффективности в праве, в том числе термины «эффективность в праве», «эффективность юридической деятельности», «эффективность права», «эффективность функций права», «эффективность норм права». Автором подчеркнута важность терминологического разграничения и содержательного уточнения указанных феноменов. В то же время указано на необходимость обоснования доктринального применения ряда других терминов, например, «ложная эффективность норм права», «мнимая эффективность норм права» и на угрозу субъективизма в применении этих терминов. В связи с этим автор считает применение двух последних вышеуказанных терминов некорректным с научной точки зрения. Вместе с тем, полезным представляется разграничение эффективности норм права на виды в теории и на практике, например, выделение юридической и социальной эффективности, психологической эффективности, отрицательной эффективности и т.д. Это откроет возможности для более дифференцированного исследования проблематики эффективности норм права и нормативных актов, для более глубокого изучения социального и иного действия права, его значения как регулятора общественной жизни и духовной жизни людей.

Ключевые слова: эффективность в праве, эффективность юридической деятельности, эффективность права, эффективность функций права, эффективность норм права

Трудно найти правовую категорию, которая бы в последние несколько десятилетий была объектом столь же пристального научного внимания и столь же широких дискуссий, как категория эффективности в праве. Исследованию подвергаются как эффективность отдельных норм и правовых институтов, правовых средств и процедур, так и эффективность целых отраслей и права в целом, эффективность юридической деятельности.

Изучение эффективности в праве, и прежде всего, эффективности норм права широко проводилось в советское время¹, и продолжается в современной отечественной науке². Анализ сущности, факторов, внешних проявлений и критериев эффективности привел к появлению и обсуждению таких понятий, как «отрицательная эффективность», «мнимая эффективность», «психологическая эффективность», «ценностная эффективность» и т.д. Некоторые из этих терминов ранее рассматривались и автором данной статьи³.

Для того, чтобы вообще анализировать такие понятия, как «мнимая эффективность», «отрицательная эффективность», «нулевая эффективность» и т.д. применительно к нормам права, необходимо определиться с тем, что является эффективностью права вообще, как таковая. В этом плане представляется наиболее целесообразным принять за основу выдвигавшееся еще с советских времен в рамках целевой концепции определение эффективности норм права как соотноше-

¹ См. напр: Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8; Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971; Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980; Эффективность действия правовых норм [Текст] / Пашков А.С., Явич Л.С., Спиридонов Л.И. и др. Л., 1977. и т.д.

² См. напр.: Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования. Автореф. дисс...канд.юрид.наук. Красноярск, 2006; Воронцов С.Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3; Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009; Тихомиров Ю.А. Рекомендации по проведению мониторинга действия закона // Законодательство и экономика. 2008. № 6; Хорошильцев А.И. Эффективность права; понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34); Чулюкин Л.Д. Курносова В.В. Эффективность процессуальных норм права // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2.; Чураков В.Д. Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм. Автореф. дисс...канд.юрид.наук. М., 2023; Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности. Автореф.дисс...канд.юрид.наук. М., 2004 и т.д.

³ См. напр.: Жинкин С.А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал Российского права. 2004. № 2.

ния между теми целями, которые ставил законодатель, принимая соответствующие нормы, и реально наступившими результатами. При этом необходимо преодолеть такой недостаток данного подхода, как отсутствие критического анализа самих целей законодателя, издавшего норму или группу норм, нормативный правовой акт, отказаться безоговорочного принятия этих целей в качестве непререкаемых идеальных ориентиров в оценке эффективности. Ведь вполне очевидно, что сами цели могут носить как социально вредный или несправедливый характер, так и характер труднодостижимый либо вообще нереализуемый в данных исторических условиях. Последний вариант изначально «обрекает» эффективность быть нулевой или даже отрицательной.

Очевидно, что самым широким в понятийном ряду, связанном с эффективностью, является понятие «эффективность в праве», подразумевающее эффективность как собственно права и его норм, так и деятельности правовых учреждений, эффективность юридической деятельности, эффективность правового воспитания, эффективность наказаний и иных правовых средств и т.д. Вместе с тем, категория «эффективности в праве» является и самой многоаспектной, состоящей из множества достаточно автономных и самобытных феноменов.

Весьма широкой по своему содержанию, хотя и более узкой, нежели «эффективность в праве», представляется категория «эффективность юридической деятельности». Если эффективность в праве в конкретный исторический период развития государства и правовой системы в силу своей многогранности вряд ли поддается надежному измерению, то эффективность юридической деятельности и ее различных видов вполне может быть измерена. При этом измерению подлежит и эффективность правотворческой деятельности, и эффективность деятельности правоприменительной. Аналогично, вполне осуществимым является измерение эффективности таких видов юридической деятельности, как правовое воспитание и правовая пропаганда, что становится особенно актуальным в современный период в более общем контексте сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Также более узким понятием по отношению к категории «эффективности в праве» является понятие «эффективность права». При этом у ряда исследователей возникал и возникает вопрос: может ли характеризоваться эффективностью право в целом как регулятор? Может быть, более корректным с научной точки зрения было бы говорить об эффективности только конкретных норм права либо правовых институтов?

Думается, что вполне можно говорить об эффективности права в целом как регулятора. При этом можно оценивать эффективность права в разных аспектах, например: в проведении государственной политики, в сравнении с другими социальными регуляторами, в обеспечении прав лич-

ности и т.д. Можно подвергнуть анализу действенность права в разные исторические эпохи развития того или иного отдельно взятого государства. При этом должны быть, конечно, разработаны четкие критерии оценки такой эффективности.

Аналогично можно говорить об эффективности осуществления тех или иных функций права. В этом случае мы имеем в виду, например, эффективность осуществления регулятивной функции, охранительной, воспитательной, идеологической и т.д. В своей совокупности эффективность реализации функций права будет складываться в эффективность осуществления социального назначения права на данном историческом этапе развития соответствующего государства. Вместе с тем, более или менее объективная оценка социального назначения права в определенный период развития государства, оценка эффективности реализации этого назначения, вероятно, в полной мере может быть проведена лишь по окончании соответствующего исторического периода.

Еще более узким термином, тем не менее, широко используемым в отечественной доктрине, является «эффективность норм права». Не вдаваясь в подробный анализ определений данного термина в отечественной науке (а их дано немало), хотел бы обратить внимание на один момент, связанный с так называемой «мнимостью» или «ложностью» эффективности нормы. Если буквально подходить к слову «эффективный» в смысле «дающий эффекты, результаты», то эффективностью должны обладать все нормы даже в том смысле, что отрицательный или нулевой результат – это тоже результат. Кроме того, возникает затруднение в оценке результатов действия нормы как ложных или мнимых. По каким объективным и четким критериям такие цели или их достижение будет считаться ложным или мнимым?

Другими словами, такая оценка ложности, мнимости, будет не более чем субъективным мнением. Поэтому предлагавшиеся некоторыми авторами термины «ложная эффективность», «мнимая эффективность» представляются содержательно неопределяемыми а потому – некорректными с научной точки зрения.

Итак, необходимо четкое разграничение терминологии, связанной с отражением феномена эффективности в праве и отражающей различные стороны или аспекты такой эффективности. В то же время следует с осторожностью относиться к использованию ряда новых терминов, предлагаемых в отечественной науке.

Литература

1. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования. Автореф. дисс... канд.юрид.наук. Красноярск, 2006.
2. Воронцов С.Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3.

3. Жинкин С.А. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал Российского права. 2004. № 2.
4. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009.
5. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980.
6. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971.
7. Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8.
8. Тихомиров Ю.А. Рекомендации по проведению мониторинга действия закона // Законодательство и экономика. 2008. № 6.
9. Хорошильцев А.И. Эффективность права; понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34).
10. Чулюкин Л.Д., Курносова В.В. Эффективность процессуальных норм права // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2.
11. Чураков В.Д. Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм. Автореф. дисс...канд. юрид.наук. М., 2023.
12. Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности. Автореф.дисс...канд. юрид.наук. М., 2004.
13. Эффективность действия правовых норм / Пашков А.С., Явич Л.С., Спиридонов Л.И. и др. Л., 1977.

SOME TERMINOLOGICAL PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE REFLECTION OF THE PHENOMENON OF EFFICIENCY IN LAW

Zhinkin S.A.
Kuban state University

The article examines the terminology used in modern Russian legal science associated with the category of efficiency in law, including the terms "efficiency in law", "efficiency of legal activity", "efficiency

of law", "efficiency of legal functions", "efficiency of legal norms". The author emphasizes the importance of terminological distinctions and substantive clarification of these phenomena. At the same time, the need to justify the doctrinal application of a number of other terms is indicated, for example, "false efficiency of legal norms", "imaginary efficiency of legal norms" and the threat of subjectivism in the application of these terms. In this regard, the author considers the use of the last two above-mentioned terms to be incorrect from a scientific point of view. At the same time, it seems useful to differentiate the efficiency of legal norms into types in theory and practice, for example, identifying legal and social efficiency, psychological efficiency, negative efficiency, etc. This will open up opportunities for a more differentiated study of the problems of the effectiveness of legal norms and regulations, for a more in-depth study of the social and other effects of law, its significance as a regulator of public life and the spiritual life of people.

Keywords: effectiveness in law, effectiveness of legal activity, effectiveness of law, effectiveness of the functions of law, effectiveness of legal norms.

References

1. Abramova A.A. Effectiveness of the mechanism of legal regulation. The abstract. dissertation of the Candidate of Law.sciences. Krasnoyarsk, 2006.
2. Vorontsov S.G. On the issue of the effectiveness of legal regulation in modern Russia // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2012. № 3.
3. Zhinkin S.A. Some problems of the types of effectiveness of the norms of law // Journal of Russian Law. 2004. No.2.
4. Zhinkin S.A. Psychological problems of the effectiveness of law. St. Petersburg, 2009.
5. Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Effectiveness of legal norms. Moscow, 1980.
6. Nikitinsky V.I. Effectiveness of labor law norms. Moscow, 1971.
7. Pashkov A.S., Chechot D.M. Effectiveness of legal regulation and methods of its detection // The Soviet state and law. 1965. № 8.
8. Tikhomirov Yu.A. Recommendations for monitoring the operation of the law // Legislation and Economics. 2008. No.6.
9. Khoroshiltsev A.I. Efficiency of law; concept and features // Society and law. 2011. № 2 (34).
10. Chulyukin L.D. Kurnosova V.V. Effectiveness of procedural rules of law // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 2.
11. Churakov V.D. Methods of economic analysis of law and big data in assessing the effectiveness of legal norms. The abstract. Dissertation of the Candidate of Law, Moscow, 2023.
12. Shvetsov S.B. Effectiveness of law enforcement activities. The abstract.Dissertation of the Candidate of Law, Moscow, 2004.
13. The effectiveness of legal norms / Pashkov A.S., Yavich L.S., Spiridonov L.I. and others L., 1977.

Эволюция правового регулирования психологической службы в государственных органах Российской Федерации (1991–2021 гг.)

Зикунова Наталья Владимировна,

адъюнкт (подготовка научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России
E-mail: zikunova.n@yandex.ru

Статья представляет собой исследование процесса становления и развития нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность психологической службы в государственных органах Российской Федерации в период 1991–2021 гг. В работе проводится анализ конституционных основ права граждан на психологическое благополучие и механизмов их реализации через федеральное законодательство и подзаконные акты. Особое внимание уделяется вопросам правового закрепления статуса психологической службы в различных сферах государственного управления. Автор приходит к выводу о наличии сформированной многоуровневой системы правового регулирования, основанной на конституционных принципах, федеральном законодательстве и подзаконных актах, однако отмечает необходимость принятия единого нормативного акта федерального уровня, регулирующего деятельность психологической службы в государственных органах. Кроме этого, в статье подчеркивается значение психологической службы как важного элемента государственного управления, нуждающегося в постоянном совершенствовании правовых механизмов его функционирования.

Ключевые слова: психологическая служба, правовое регулирование, федеральное законодательство, государственное управление.

Введение

Изучение эволюции правовых основ деятельности психологической службы в государственных органах Российской Федерации в 1991–2021 годах представляет значительный научный и практический интерес. Данный период охватывает основные этапы формирования нормативно-правовой базы деятельности психологической службы и характеризуется глубокой трансформацией системы государственного управления, сопровождавшейся масштабными социальными изменениями и реформированием правовой системы страны, что непосредственно отразилось на становлении и развитии института психологического обеспечения деятельности государственных органов. Выявление связи между социально-политическими изменениями, правовыми реформами и развитием психологического сопровождения государственных органов помогает не только заполнить пробелы в изучении эволюции правового регулирования психологической службы, но и предложить рекомендации по ее совершенствованию. Это особенно актуально в контексте растущих требований к психическому здоровью граждан и профессиональной надежности государственных служащих, а также необходимости обеспечения национальной безопасности в условиях новых социальных вызовов.

В научной литературе отдельные аспекты правового регулирования психологической службы в государственных органах Российской Федерации затрагивались преимущественно в работах психологов, таких как М.В. Виноградов [1], М.Г. Дебольский [2], С.В. Ефимкин [3], Н.Г. Савосина [30], О.А. Ульянина [45, 46] и Ю.С. Шойгу [57, 58, 59]. Их исследования сосредоточены на анализе лишь ведомственных нормативно-правовых актов, эволюции психологической службы в рамках конкретных структур, а также на выявлении проблем правового обеспечения этой деятельности. Несмотря на значимость данной темы, вопросы правового регулирования деятельности психологической службы в государственных органах остаются недостаточно изученными с юридической точки зрения, что создает пробел в научном знании, поскольку комплексное правовое регулирование деятельности психологических служб требует междисциплинарного подхода, сочетающего как психологические, так и юридические аспекты.

Цель настоящего исследования – проанализировать формирование и развитие нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность психологической службы в государственных ор-

ганах Российской Федерации в период с 1991 по 2021 год. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выделить и охарактеризовать этапы становления правового регулирования психологической службы, исследовать конституционные принципы, обеспечившие правовые основы для ее функционирования; определить влияние федерального законодательства и подзаконных актов на включение психологической службы в различные сферы государственной деятельности.

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составили: историко-правовой анализ эволюции нормативной базы; сравнительно-правовой метод изучения законодательных актов разных периодов; системный подход к рассмотрению психологической службы как элемента государственного управления; междисциплинарный синтез юридических и психологических аспектов. Источниковую базу образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты, а также программные документы, сыгравшие значительную роль в формировании правовых механизмов психологического сопровождения. Результаты исследования свидетельствуют о создании многоуровневой системы правового регулирования, интегрированной во все сферы государственного управления, при этом выявлена необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной области. Отмечается недостаточная разработанность темы в юридической науке, что определяет перспективы дальнейших исследований.

Результаты и обсуждение

Распад Советского Союза и формирование новой российской государственности в начале 1990-х годов создали предпосылки для переосмысления места психологии в работе государственных органов и расширении функций психологической службы, которая стала важным инструментом, обеспечивающим психологическое сопровождение деятельности государственных органов по решению стоящих перед ними задач.

Конституция Российской Федерации [8] создала устойчивую правовую базу для становления и совершенствования психологической службы в государственных органах России, закрепив взаимосвязь между защитой прав человека и важностью психологического благополучия граждан. Положения Конституции не только определили юридические рамки для психологической работы, но и возложили на государство ответственность за ее развитие, что подчеркнуло ключевую роль этого института в постсоветский период.

Основные конституционные принципы, детерминирующие развитие правового регулирования общественных отношений в данной сфере, включают: приоритет прав и свобод личности (ст. 2),

предполагающий защиту психического здоровья и доступности психологической помощи как неотъемлемых элементов правового статуса индивида; социальный характер государства (ст. 7), обязывающий создавать условия для психологического благополучия в контексте достойного развития личности; гарантии права на жизнь и охрану здоровья (ст. 20, 41), распространяющиеся на психическое здоровье и требующие внедрения психопрофилактики в систему здравоохранения.

Особое значение имеют положения о защите достоинства личности (ст. 21), императивно требующие психологической поддержки жертв насилия и дискриминации, а также право на образование (ст. 43), предполагающее формирование психологически безопасной образовательной среды. Свобода научной деятельности (ст. 44) легитимизирует развитие психологической науки и ее прикладное внедрение, тогда как ст. 45 и п. «ж» ст. 72 закрепляют многоуровневый механизм государственной защиты, включая психологическое сопровождение уязвимых групп.

В рамках реализации этих норм Правительство Российской Федерации (ст. 114) осуществляет координацию социальной политики, разрабатывая целевые программы психологической помощи в различных сферах государственного управления, что обеспечивает системную интеграцию психологической службы в государственное управление.

В период с 1991 по 2021 год в Российской Федерации происходило поэтапное становление нормативно-правовой базы, закрепляющей институциональный статус, компетенцию и функциональные аспекты деятельности психологической службы в системе государственных органов, а также определяющей правовые механизмы регулирования данной сферы.

Федеральные законы Российской Федерации создали правовые основы для интеграции психологической службы в различные сферы государственной деятельности. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [53] закрепил организационные и финансовые механизмы поддержки научных исследований, включая психологию, что способствовало её включению в государственные программы управления, безопасности и социальной политики. Закон «О занятости населения в РСФСР» [4] предусмотрел оказание психологической помощи через службы занятости, а также механизмы её финансирования и лицензирования.

В сфере образования важную роль сыграли законы «Об образовании» [2] и «Об образовании в Российской Федерации» [55], закрепившие гуманистические принципы, право на индивидуальный подход к обучению и необходимость психолого-педагогического сопровождения. Эти законы также установили требования к квалификации педагогов-психологов, их этике и институциональному статусу психологической службы в сфере образования. Закон «О социальной защите инвалидов» [54] предусмотрел участие психологов

в медико-социальной экспертизе, реабилитации и адаптации инвалидов, а также их роль в образовательном процессе для детей с особыми потребностями.

Закон «О статусе военнослужащих» [7] заложил основы психологического сопровождения военнослужащих, включая профилактику расстройств и социально-психологическую адаптацию. Законы «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] и «Об органах федеральной службы безопасности» [48] предусмотрели использование психологических методов в работе, включая анализ личности, разработку тактик опросов граждан и обеспечение психологической защиты сотрудников. Аналогичные нормы в дальнейшем были включены в законы, регулирующие службу в иных силовых структурах, где психологи участвуют в профессиональном отборе и психологическом тестировании кандидатов [49, 50, 51, 52, 56].

Конкретизация деятельности психологической службы в государственных органах осуществлялась в подзаконных актах, формируя правовые основания для ее организации и функционирования. Основу регулирования составляли указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации, закреплявшие полномочия государственных органов по созданию психологических подразделений, проведению психологической работы и обеспечению их деятельности. Эти акты устанавливали организационно-правовые рамки функционирования психологической службы, определяя ее место и роль в структуре государственных органов.

В начале 1990-х годов психологическая служба в России была вовлечена в процессы профессиональной подготовки, аттестации кадров, охраны труда и социальной защиты работников, что способствовало интеграции психологических методов в управление персоналом [25, 29, 39]. Кроме того, функциональный потенциал психологической службы включал в себя обеспечение профессионального психологического сопровождения основной деятельности государственных структур. Например, Положение о Министерстве культуры Российской Федерации, устанавливая в качестве цели удовлетворение духовных потребностей граждан (п. 4), создавало правовые предпосылки для применения психологических методик в рамках реализации культурно-досуговых функций ведомства [20]. Важную роль сыграло Постановление Правительства РФ от 11 января 1992 г. № 25, закрепившее за Министерством науки и высшей школы полномочия по формированию научно-технической политики, что создало основу для развития психологических исследований и их внедрения в государственное управление [14].

В образовательной сфере эволюция правового регулирования началась с Постановления Правительства РФ от 23 августа 1993 г. № 835 [23], где полномочия Министерства образования включали социально-правовую защиту обучающихся и разработку программ для детей с девиантным пове-

дением. Последующие акты расширяли функции ведомства введением психолого-педагогической экспертизы и социально-психологической помощи молодежи [12, 24], устанавливали организационные основы деятельности психолого-медико-педагогических комиссий и нормы труда педагогов-психологов [16], закрепляли полномочия по психолого-педагогическому сопровождению и социально-психологическому тестированию обучающихся [17, 28].

В сфере здравоохранения и социальной защиты ранние акты [21, 26] косвенно затрагивали вопросы психологической помощи, тогда как более поздние документы [18, 19] прямо регулировали деятельность психологической службы, включая судебно-психиатрическую экспертизу и медико-социальную реабилитацию.

В системе Министерства юстиции деятельность психологической службы федеральным законодательством регулировалась опосредованно, через организацию кадровой работы и проведение судебной реформы [11, 34], а полномочия по организации психологической работы были делегированы подведомственным структурам.

В период с 1991 по 2021 год наблюдается значительная эволюция правового регулирования деятельности психологической службы в системе силовых ведомств. В МВД России первоначально вопросы психологического обеспечения регулировались косвенно через нормы о профессиональной подготовке и социальной защите сотрудников [22]. Постепенно полномочия министерства в этой сфере расширялись [41], что привело к прямому закреплению функций психологической службы [32]. Указ Президента Российской Федерации от 06.11.2018 № 633 [36], внося соответствующие изменения в Положение о Министерстве, отразил завершение процесса формализации психологической службы как самостоятельного элемента системы МВД России. Аналогичная динамика прослеживается в МЧС России, где первоначально психологическое сопровождение упоминалось опосредованно [31, 33, 43], а позднее было конкретизировано в Указе от 11.07.2004 № 868 [37], закрепившем полномочия по организации экстренной психологической помощи. В Министерстве обороны РФ эволюция регулирования началась с морально-психологического обеспечения войск [38] и завершилась детализацией функций психологической работы, включая мониторинг и психофизиологические обследования [35, 44].

Правовую основу функционирования психологической службы в государственных органах, помимо нормативных актов, регламентирующих их деятельность, составили подзаконные акты, направленные на реализацию социальных программ. Так, Указ Президента Российской Федерации «О президентской программе «Дети России»» [42] заложил системные основы психологического сопровождения в социальной сфере, образовании и здравоохранении. В рамках подпрограмм «Дети-инвалиды» и «Дети-сироты» предусматривались меры

поддержки для уязвимых категорий детей, включая организацию психологической помощи, разработку реабилитационных методик и подготовку специалистов. Указ Президента «Об Основных направлениях государственной семейной политики» [40] закрепил механизмы психологического сопровождения для семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также установил обязанности органов власти по созданию специализированных служб.

Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками» [9] ввело психопрофилактику как инструмент снижения наркопотребления, предусмотрев разработку научно обоснованных программ и межведомственное взаимодействие. Кроме того, значительную роль в правовом регулировании деятельности психологической службы сыграли принимаемые в дальнейшем различные стратегические и концептуальные документы, рассматривающие психологическую службу как важный инструмент в реализации стоящих перед государством задач в сферах обеспечения информационной и национальной безопасности, реализации государственной семейной, демографической и культурной политики, профилактики безнадзорности несовершеннолетних, подготовки граждан к военной службе и других.

Важными шагами в правовом регулировании деятельности психологической службы в государственных органах стали постановления Правительства Российской Федерации от 14 октября 1992 г. № 785, закрепившее дифференциацию оплаты труда психологов по Единой тарифной сетке и механизмы аттестации, что способствовало стандартизации их профессиональной деятельности в различных сферах [15], от 3 февраля 1994 г. № 85, установившее особый статус психологов уголовно-исполнительной системы, включая право на досрочное пенсионное обеспечение [10], от 5 ноября 1997 г. № 1387, предусмотревшее подготовку и финансирование психологов в сфере здравоохранения через систему обязательного медицинского страхования [13]. Кроме этого, Постановление Правительства Российской Федерации, учредившее Межведомственную комиссию по вопросам профессиональной ориентации и психологической поддержки населения [27], способствовало межведомственной координации деятельности психологической службы.

Нормотворческая деятельность на федеральном уровне, закрепленная в законодательных и подзаконных актах, получила дальнейшее развитие в системе регионального правового регулирования и ведомственных нормативных документах. Данная проблематика требует самостоятельного изучения с учетом динамики правового регулирования и специфики правоприменительной практики в различных субъектах Российской Федерации и в настоящей статье не рассматривается, однако необходимо отметить, что региональные законы и ведомственные акты адаптировали федераль-

ные нормы к местным условиям, обеспечивая единообразие и эффективность деятельности психологической службы.

Заключение

После распада СССР в 1991 году Российская Федерация, создавая новую правовую систему, уделила внимание вопросам правового регулирования деятельности психологической службы в государственных органах. Конституция РФ 1993 года стала основой для развития этого направления, закрепив принципы защиты прав человека, социального характера государства, а также свободы научной деятельности. Федеральное законодательство создало правовые основы для деятельности психологической службы в различных сферах государственного управления, а подзаконные акты конкретизировали полномочия и механизмы работы психологической службы и определяли организационные основы психологического сопровождения деятельности государственных органов.

Это позволило за тридцать лет сформировать в Российской Федерации многоуровневую систему правового регулирования деятельности психологической службы, интегрированную во все сферы государственного управления. Психологическая служба стала важным инструментом обеспечения психологического благополучия граждан, поддержки уязвимых групп и повышения эффективности деятельности государственных органов.

Выделяется несколько этапов формирования системы правового регулирования психологической службы в государственных органах Российской Федерации:

этап становления (1990-е гг.): принятие Конституции Российской Федерации, закрепившей принципы защиты прав и свобод, включая психическое здоровье, и первых законов, вводящих психологическое сопровождение в социальные сферы;

этап расширения (середина 1990-х – начало 2000-х гг.): принятие специализированных законов, внедряющих психологическое сопровождение в различные сферы государственного управления;

этап систематизации (2010-е гг.): принятие законов и подзаконных актов, конкретизирующих функций психологической службы и правовой статус психологов;

современный этап (к 2021 г.): сформирована многоуровневая система регулирования, включающая конституционные нормы, федеральные законы и подзаконные акты.

Однако до настоящего времени в Российской Федерации не принят единый нормативный акт, регулирующий деятельность психологической службы в государственных органах. В сложившейся ситуации представляется необходимым принятие федерального закона, который должен предусматривать следующие аспекты правового регулирования: стандартизация профессиональной деятельности (квалификационные требования, этические нормы, процедуры психологического сопро-

вождения); правовые механизмы взаимодействия государственной психологической службы с институтами гражданского общества; система контроля за соблюдением законодательства в сфере психологической помощи, включая санкции за его нарушения; дифференциация правового статуса психологов в зависимости от вида профессиональной деятельности. Реализация данного законодательного решения позволит создать целостную систему правового регулирования, устранить существующие пробелы и обеспечить единообразную правоприменительную практику на территории государства.

Литература

1. Виноградов, М. В. О нормативном правовом обеспечении психологической работы в органах внутренних дел / М.В. Виноградов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1 (56). – С. 100–105.
2. Дебольский, М.Г. Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития / М.Г. Дебольский // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 1–4. – С. 70–74.
3. Ефимкин, С.В. Становление и развитие психологической службы в ОВД / С.В. Ефимкин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 2 (20). – С. 5–8.
4. Закон РСФСР от 19.04.1991 № 1032–1 «О занятости населения в РСФСР» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 10.06.2025).
5. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266–1 «Об образовании» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 10.06.2025).
6. Закон РФ от 13.03.1992 № 2506–1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1783/ (дата обращения: 10.06.2025).
7. Закон РФ от 22.01.1993 № 4338–1 «О статусе военнослужащих» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1655/ (дата обращения: 10.06.2025).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.06.2025).
9. Постановление ВС РФ от 22.07.1993 № 5494–1 «О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2116/ (дата обращения: 10.06.2025).
10. Постановление Правительства РФ от 03.02.1994 № 85 «Об утверждении списка

работ, профессий и должностей работников учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, занятых на работах с осужденными, пользующихся правом на пенсию в связи с особыми условиями труда» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2671/ (дата обращения: 10.06.2025).

11. Постановление Правительства РФ от 04.11.1993 № 1187 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3241/ (дата обращения: 10.06.2025).
12. Постановление Правительства РФ от 05.04.1997 № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве общего и профессионального образования Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14270/ (дата обращения: 10.06.2025).
13. Постановление Правительства РФ от 05.11.1997 № 1387 «О мерах по стабилизации и развитию здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации (вместе с «Концепцией развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации»)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16373/ (дата обращения: 10.06.2025).
14. Постановление Правительства РФ от 11.01.1992 № 25 «Вопросы Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1270/ (дата обращения: 10.06.2025).
15. Постановление Правительства РФ от 14.10.1992 № 785 «О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1455/ (дата обращения: 10.06.2025).
16. Постановление Правительства РФ от 15.05.2010 № 337 «О Министерстве образования и науки Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве образования и науки Российской Федерации»)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100124/ (дата обращения: 10.06.2025).
17. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301373/ (дата обращения: 10.06.2025).
18. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1270/ (дата обращения: 10.06.2025).

- ant.ru/document/cons_doc_LAW_131901/ (дата обращения: 10.06.2025).
19. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131902/ (дата обращения: 10.06.2025).
20. Постановление Правительства РФ от 21.01.1993 № 69 «Об утверждении Положения о Министерстве культуры Российской Федерации» // URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2025).
21. Постановление Правительства РФ от 21.08.1992 № 615 «Об утверждении Положения о Министерстве социальной защиты населения Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1453/ (дата обращения: 10.06.2025).
22. Постановление Правительства РФ от 22.10.1991 № 557 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1481/ (дата обращения: 10.06.2025).
23. Постановление Правительства РФ от 23.08.1993 № 835 «Об утверждении Положения о Министерстве образования Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2673/ (дата обращения: 10.06.2025).
24. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 258 «Об утверждении Положения о Министерстве образования Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28024/ (дата обращения: 10.06.2025).
25. Постановление Правительства РФ от 24.04.1997 № 501 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14269/ (дата обращения: 10.06.2025).
26. Постановление Правительства РФ от 24.07.1992 № 512 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1451/ (дата обращения: 10.06.2025).
27. Постановление Правительства РФ от 27.11.1995 № 1177 «О Межведомственной комиссии по вопросам профессиональной ориентации и психологической поддержки населения» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8558/ (дата обращения: 10.06.2025).
28. Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303464/ (дата обращения: 10.06.2025).
29. Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 21.01.1993 № 47 «Об утверждении Положения о комитете Российской Федерации по химической и нефтехимической промышленности» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1328/ (дата обращения: 10.06.2025).
30. Савосина, Н.Г. Организационно-правовые основы работы психолога в таможенных органах / Н.Г. Савосина // Таможенное дело. – 2010. – № 2. – С. 13–16.
31. Указ Президента РСФСР от 18.12.1991 № 305 «О Государственном комитете при Президенте РСФСР по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_226/ (дата обращения: 10.06.2025).
32. Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111654/ (дата обращения: 10.06.2025).
33. Указ Президента РФ от 02.08.1999 № 953 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23643/ (дата обращения: 10.06.2025).
34. Указ Президента РФ от 02.08.1999 № 954 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23644/ (дата обращения: 10.06.2025).
35. Указ Президента РФ от 05.03.2021 № 133 «О внесении изменений в Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378472/ (дата обращения: 10.06.2025).
36. Указ Президента РФ от 06.11.2018 № 633 «О внесении изменений в Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310447/ (дата обращения: 10.06.2025).
37. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48602/ (дата обращения: 10.06.2025).
38. Указ Президента РФ от 11.11.1998 № 1357 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации и Генерального штаба Вооруженных

- Сил Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве обороны Российской Федерации», «Положением о Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации»)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21747/ (дата обращения: 10.06.2025).
39. Указ Президента РФ от 14.03.1995 № 271 «Об утверждении Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6077/ (дата обращения: 10.06.2025).
 40. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.06.2025).
 41. Указ Президента РФ от 18.07.1996 № 1039 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11360/ (дата обращения: 10.06.2025).
 42. Указ Президента РФ от 18.08.1994 № 1696 «О президентской программе «Дети России»» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4866/ (дата обращения: 10.06.2025).
 43. Указ Президента РФ от 21.09.2002 № 1011 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38693/ (дата обращения: 10.06.2025).
 44. Указ Президента РФ от 27.12.2018 № 757 «О внесении изменений в Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315510/ (дата обращения: 10.06.2025).
 45. Ульянина, О.А. Правовое обеспечение организации психологической работы в органах внутренних дел: состояние и перспективы развития / О.А. Ульянина // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44).
 46. Ульянина, О.А. Психологическая работа в образовательных и научно-исследовательских организациях МВД России: история становления и современное состояние / О.А. Ульянина // Российская полиция: три века служения Отечеству: в 2 ч.: сб. ст. Юбилейной междунар. науч. конф., 21 дек. 2018 г. / под ред. В.Л. Кубышко. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 2. – С. 266–277.
 47. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334464/ (дата обращения: 10.06.2025).
 48. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6742/ (дата обращения: 10.06.2025).
 49. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200553/ (дата обращения: 10.06.2025).
 50. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301902/ (дата обращения: 10.06.2025).
 51. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15171/ (дата обращения: 10.06.2025).
 52. Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198343/ (дата обращения: 10.06.2025).
 53. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12069/ (дата обращения: 10.06.2025).
 54. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 10.06.2025).
 55. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.06.2025).
 56. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121716/ (дата обращения: 10.06.2025).
 57. Шойгу, Ю.С. Закон о психологической деятельности: актуальность проблемы и перспективы внедрения / Ю.С. Шойгу // Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 08–11 декабря 2020 года / Санкт-Петербургский государственный универси-

тет. – Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. – С. 241–242.

58. Шойгу, Ю. С. К вопросу о нормативно-правовом регулировании психологической практики / Ю.С. Шойгу // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1. – С. 15–23.
59. Шойгу, Ю.С. Межведомственное взаимодействие как инструмент решения задач по нормативно-правовому, организационно-методическому и кадровому обеспечению деятельности специалистов психологических служб силовых структур / Ю.С. Шойгу // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 4–5 апр. 2019 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 68–71.

EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF PSYCHOLOGICAL SERVICES IN GOVERNMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (1991–2021)

Zikunova N.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is a study of the process of formation and development of the regulatory framework governing the activities of psychological services in government agencies of the Russian Federation in the period 1991–2021. The paper analyzes the constitutional foundations of citizens' right to psychological well-being and the mechanisms for their implementation through federal legislation and by-laws. Special attention is paid to the issues of legal consolidation of the status of psychological services in various spheres of public administration. The author comes to the conclusion that there is a well-formed multi-level system of legal regulation based on constitutional principles, federal legislation and by-laws, however, he notes the need to adopt a single regulatory act at the federal level regulating the activities of psychological services in government agencies. In addition, the article highlights the importance of the psychological service as an important element of public administration, which requires constant improvement of the legal mechanisms of its functioning.

Keywords: psychological service, legal regulation, federal legislation, public administration.

References

1. Vinogradov, M.V. On the normative legal support of psychological work in the internal affairs bodies / M.V. Vinogradov // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2014. – No. 1 (56). – P. 100–105.
2. Debolsky, M.G. Normative and legal support for the activities of the psychological service of the penal system at various stages of its development / M.G. Debolsky // Criminal-executive law. – 2018. – V. 13, No. 1–4. – P. 70–74.
3. Efimkin, S.V. Formation and development of the psychological service in the internal affairs bodies / S.V. Efimkin // Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2003. – No. 2 (20). – P. 5–8.
4. Law of the RSFSR of 19.04.1991 No. 1032–1 “On Employment of the Population in the RSFSR” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (date of access: 10.06.2025).
5. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 No. 3266–1 “On Education” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (date of access: 10.06.2025).
6. Law of the Russian Federation of 13.03.1992 No. 2506–1 “On operational-search activities in the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1783/ (date of access: 10.06.2025).
7. Law of the Russian Federation of 22.01.1993 No. 4338–1 “On the status of military personnel” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1655/ (date of access: 10.06.2025).
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 12.06.2025).
9. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.07.1993 No. 5494–1 “On the Concept of State Policy on Drug Control in the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2116/ (date of access: 10.06.2025).
10. RF Government Resolution of 03.02.1994 No. 85 “On approval of the list of jobs, professions and positions of employees of institutions executing criminal sentences in the form of imprisonment, engaged in work with convicts, enjoying the right to a pension due to special working conditions” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2671/ (date of access: 10.06.2025).
11. RF Government Resolution of 04.11.1993 No. 1187 “On approval of the Regulation on the Ministry of Justice of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3241/ (date of access: 10.06.2025).
12. RF Government Resolution of 05.04.1997 No. 395 “On Approval of the Regulation on the Ministry of General and Vocational Education of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14270/ (accessed: 10.06.2025).
13. RF Government Resolution of 05.11.1997 No. 1387 “On Measures to Stabilize and Develop Healthcare and Medical Science in the Russian Federation (together with the “Concept for the Development of Healthcare and Medical Science in the Russian Federation”)” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16373/ (accessed: 10.06.2025).
14. RF Government Resolution of 11.01.1992 No. 25 “Issues of the Ministry of Science, Higher Education and Technical Policy of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1270/ (date of access: 10.06.2025).
15. RF Government Resolution of 14.10.1992 No. 785 “On differentiation in wage levels of public sector employees based on the Unified Tariff Scale” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1455/ (date of access: 10.06.2025).
16. RF Government Resolution No. 337 of 15.05.2010 “On the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (together with the “Regulations on the Ministry of Education and Science of the Russian Federation”)” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100124/ (accessed: 10.06.2025).
17. RF Government Resolution No. 682 of 15.06.2018 “On approval of the Regulations on the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301373/ (accessed: 10.06.2025).
18. RF Government Resolution No. 608 of 19.06.2012 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Health of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131901/ (accessed: 10.06.2025).
19. RF Government Resolution No. 610 of 19.06.2012 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131902/ (accessed: 10.06.2025).
20. RF Government Resolution of 21.01.1993 No. 69 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Culture of the Russian Federation” // URL: ConsultantPlus (date of access: 10.06.2025).
21. RF Government Resolution of 21.08.1992 No. 615 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Social Protection of the Population of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1453/ (date of access: 10.06.2025).
22. RF Government Resolution of 22.10.1991 No. 557 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1453/ (date of access: 10.06.2025).
23. RF Government Resolution of 22.10.1991 No. 557 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1453/ (date of access: 10.06.2025). oy Federation» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1481/ (date of access: 10.06.2025).

24. Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.08.1993 No. 835 «On approval of the Regulation on the Ministry of Education of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2673/ (date of access: 10.06.2025).
25. Resolution of the Government of the Russian Federation of 24.03.2000 No. 258 «On approval of the Regulation on the Ministry of Education of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28024/ (date of access: 10.06.2025).
26. RF Government Resolution of 24.04.1997 No. 501 «On Approval of the Regulation on the Ministry of Transport of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14269/ (date of access: 10.06.2025).
27. RF Government Resolution of 24.07.1992 No. 512 «On Approval of the Regulation on the Ministry of Health of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1451/ (date of access: 10.06.2025).
28. RF Government Resolution of 27.11.1995 No. 1177 «On the Interdepartmental Commission on Vocational Guidance and Psychological Support of the Population» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8558/ (accessed: 10.06.2025).
29. RF Government Resolution of 28.07.2018 No. 884 «On Approval of the Regulation on the Ministry of Education of the Russian Federation and Recognition of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303464/ (accessed: 10.06.2025).
30. Resolution of the Council of Ministers – Government of the Russian Federation of 21.01.1993 No. 47 «On approval of the Regulation on the Committee of the Russian Federation for the Chemical and Petrochemical Industry» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1328/ (date of access: 10.06.2025).
31. Savosina, N.G. Organizational and legal foundations of the work of a psychologist in customs authorities / N.G. Savosina // Customs business. – 2010. – No. 2. – P. 13–16.
32. Decree of the President of the RSFSR of 18.12.1991 No. 305 «On the State Committee under the President of the RSFSR for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_226/ (date of access: 10.06.2025).
33. Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2011 No. 248 «Questions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111654/ (date of access: 10.06.2025).
34. Decree of the President of the Russian Federation of 02.08.1999 No. 953 «Questions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23643/ (date of access: 10.06.2025).
35. Decree of the President of the Russian Federation of 02.08.1999 No. 954 «Questions of the Ministry of Justice of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23644/ (date of access: 10.06.2025).
36. Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2021 No. 133 «On Amendments to the Regulation on the Ministry of Defense of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2004 No. 1082» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378472/ (date accessed: 10.06.2025). 36. Decree of the President of the Russian Federation of 06.11.2018 No. 633 «On Amendments to the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310447/ (date of access: 10.06.2025).
37. Decree of the President of the Russian Federation of 11.07.2004 No. 868 «Issues of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48602/ (date of access: 10.06.2025).
38. Decree of the President of the Russian Federation of 11.11.1998 No. 1357 «Issues of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (together with the «Regulations on the Ministry of Defense of the Russian Federation», «Regulations on the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation»)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21747/ (date of access: 10.06.2025).
39. Decree of the President of the Russian Federation of 14.03.1995 No. 271 «On approval of the Regulations on the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6077/ (date of access: 10.06.2025).
40. Decree of the President of the Russian Federation of 14.05.1996 No. 712 «On the Main Directions of State Family Policy» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 10.06.2025).
41. Decree of the President of the Russian Federation of 18.07.1996 No. 1039 «On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11360/ (date of access: 10.06.2025).
42. Decree of the President of the Russian Federation of 18.08.1994 No. 1696 «On the presidential program «Children of Russia» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4866/ (date of access: 10.06.2025).
43. Decree of the President of the Russian Federation of 21.09.2002 No. 1011 «Questions of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38693/ (date of access: 10.06.2025).
44. Decree of the President of the Russian Federation of 27.12.2018 No. 757 «On Amendments to the Regulation on the Ministry of Defense of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2004 No. 1082» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315510/ (date of access: 10.06.2025).
45. Ulyanina, O.A. Legal support for the organization of psychological work in the internal affairs bodies: status and development prospects / O.A. Ulyanina // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 4 (44).
46. Ulyanina, O.A. Psychological work in educational and research organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: history of formation and current state / O.A. Ulyanina // Russian police: three centuries of serving the Fatherland: in 2 parts: collection of articles of the Jubilee international. scientific conf., December 21, 2018 / edited by V.L. Kubyshko. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – Part 2. – P. 266–277.
47. Federal Law of 01.10.2019 No. 328-FZ «On Service in the Enforcement Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334464/ (date of access: 10.06.2025).
48. Federal Law of 03.04.1995 No. 40-FZ «On the Federal Security Service Bodies in the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6742/ (date of access: 10.06.2025).
49. Federal Law of 03.07.2016 No. 226-FZ «On the Troops of the National Guard of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200553/ (date of access: 10.06.2025).
50. Federal Law of 19.07.2018 No. 197-FZ «On Service in the Criminal-Executive System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation «On Institutions and Bodies Executing Criminal Punishments in the Form of Imprisonment» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301902/ (date of access: 10.06.2025).
51. Federal Law of 21.07.1997 No. 114-FZ «On Service in Customs Authorities» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15171/ (date of access: 10.06.2025).
52. Federal Law of 23.05.2016 No. 141-FZ «On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198343/ (date of access: 10.06.2025).
53. Federal Law of 23.08.1996 No. 127-FZ «On Science and State Scientific and Technical Policy» // URL: <http://www.con->

- sultant.ru/document/cons_doc_LAW_12069/ (date of access: 10.06.2025).
54. Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (date of access: 10.06.2025).
55. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 10.06.2025).
56. Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121716/ (date of access: 10.06.2025).
57. Shoigu, Yu.S. The Law on Psychological Activity: Relevance of the Problem and Prospects of Implementation / Yu.S. Shoigu // *Ananyevskie Readings* – 2020. Psychology of Service Activity: Achievements and Development Prospects (in honor of the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945): Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 08–11, 2020 / St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Skifia-print, 2020. – P. 241–242.
58. Shoigu, Yu.S. On the Issue of Normative-Legal Regulation of Psychological Practice / Yu.S. Shoigu // *Applied Legal Psychology*. – 2017. – No. 1. – P. 15–23.
59. Shoigu, Yu.S. Interdepartmental interaction as a tool for solving problems of regulatory, organizational, methodological and personnel support for the activities of specialists in psychological services of law enforcement agencies / Yu.S. Shoigu // *Actual problems of extreme and crisis psychology: materials of the II All-Russian scientific and practical conf.*, Ekaterinburg, April 4–5, 2019. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2019. – Pp. 68–71.

Керефов Амир Артурович,

аспирант Кабардино-Балкарского государственного университета

E-mail: krfamir49@gmail.com

В работе описаны проблемы предоставления образовательных услуг, о проблеме коучинга, бизнес тренингов, несущих негативные последствия как лично для граждан, так и глобально для морально-нравственного, интеллектуального, и материального благополучия страны. В работе также описаны и положительные стороны, а именно курсы по повышению квалификации, или любые другие представляющие реальную ценность.

Ключевые слова: образовательные отношения, правовое регулирование образования, критическое мышление, дополнительное образование, федеральный закон об образовании.

Один из аспектов от которого зависит интеллектуальное и морально-нравственное здоровье народа зависит, является качество и доступность образования. На данный момент у школьного и высшего образования, имеются некоторые проблемы с возвращением в людях критического мышления, однако я бы хотел обратить внимание на структуру образовательных курсов, которые регулируются, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012. Дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования. В нем присутствует регулирование образовательных курсов, однако этого недостаточно.

Зачастую под этим в сфере регулирования закона подразумеваются, курсы по переквалификации или повешения квалификации, которые представляют реальную пользу и способствуют всестороннему развитию человека к примеру: курсы программистов подготавливающие, за несколько месяцев узкопрофильных специалистов, курсы по вождению транспортных средств, или если брать духовное развитие курсы по рисованию, лепки из глины. Но также существуют и темная сторона: коучинги, бизнес-тренинги, и многое другое, то что под собой подразумевает, мошеннические операции, не по продаже знаний, а по наживании на наивности людей, а в некоторых случаях, мысли транслируемые на таких мероприятиях, пагубно влияют на жизни слушателей, снижая способность критически мыслить, и разрушая возможность самостоятельно принимать решения в жизни. В подтверждение этого хочу привести статьи 9 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»: «иностранный агент не вправе осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и (или) педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях. Образовательная деятельность в отношении несовершеннолетних не может осуществляться организациями, признанными иностранными агентами». Смысл этого в том, что человек, который представляет потенциальную информационную угрозу, под видом образовательной деятельности, не может вести пропагандистскую деятельность и заниматься разложением и деградации своей аудитории.

Подобного рода курсы, являются подвидом сект, маскирующиеся под образовательную деятельность, ведь по сути как и секта они в первую

очередь нацелены на подавление личного сознания и мнения человека, формируя из него субъект неспособный принимать самостоятельных решений, и полностью зависящий от куратора. Но как разграничить, курс, работающий на людей и против? Все просто, человек не может продавать не качественный образовательный продукт, если у него имеется достаточное количество познаний в данной теме, а показателем этого, является диплом о высшем образовании, или даже наличии ученой степени в сфере в которой он предоставляет образовательные услуги, то есть если человек хочет вести бизнес тренинг, он должен иметь экономическое образование, или если речь идет о курсах психологического роста то у организатора соответственно должно быть высшее психологическое образование.

Проблема тех людей, которые продают некачественный продукт в том, что они могут создать хороший, за неимением ресурса для этого – знаний. Лицензирование ведущих образовательную деятельность производится в соответствии со статьей 92 Федеральным законом от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об образовании в Российской Федерации»: «Государственная аккредитация образовательной деятельности проводится по основным образовательным программам, за исключением образовательных программ дошкольного образования, программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), образовательных программ, реализуемых в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом образования обучающихся с нарушением интеллекта, и основных программ профессионального обучения.» Это говорит о том что на данный момент существует процедура лицензирования образовательных курсов, однако ее не достаточно для подавления злокачественных курсов.

В пример хотелось бы привести финансовый оборот некогда популярной Елены Блиновской, который составил 6 миллиардов рублей, в то время как, по данным опроса, опубликованного на сайте Skillbox Media, типичный диапазон зарплат разработчиков онлайн-обучения – от 40 до 100 тысяч рублей (суммы указаны gross, то есть до уплаты налогов)3. Хотелось бы отметить, что Елена имеет диплом о получении высшего образования, однако по направлению экономики, а ее курс «Марафон желаний» является психологическим. В отношении нее было заведено уголовное дело по статье 199 УК РФ, уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах, однако количество, и качество проданных некачественных курсов, никак не учитываются законом.

Данная тематика требует обратить на себя внимание, на текущий момент она является рассадником мошенничества, окном для обмана и деградации общества. В государственную думу уже были рассмотрены похожие предложения Вице-спикера Госдумы от ЛДПР Бориса Чернышова, который внес законопроект о регулировании деятельности

коучей и информирования ими о своей деятельности органов исполнительной власти. Он в свою очередь предлагает установить обязанность организаторов предпринимательской деятельности... осуществляющих просветительскую деятельность в сферах, в которых гражданин потенциально подвержен риску причинения вреда жизни, физическому или психологическому здоровью, а также причинения ущерба имуществу, составлять программу просветительской деятельности, предоставлять такую программу для ознакомления участникам просветительской деятельности, уведомлять... органы исполнительной власти. Однако этот проект не был одобрен, и не получил дальнейшего развития.5

Заключение

В данной научной статье был проведен научный анализ правового регулирования образовательных курсов. А конкретно была рассмотрена проблема некачественного предоставления образовательных услуг, а также рассмотрены какие это несёт за собой последствия для интеллектуального и морального здоровья граждан и страны. В качестве аргументов были приведены статьи Федерального закона, сравнительный анализ доходов, качества, и коэффициента полезности, двух видов ведущихся курсов.

Подводя итог данной работы, хотелось бы отметить, что качество, направление предоставляемого образования гражданам, определяет будущее страны как в общем, так и индивидуально каждого человека. Данная проблема, описанная в работе, нацелена на вымывания в умах людей критического мышления, без которого человек разучится самостоятельно думать, а после и жить, способный лишь на выполнение приказов с невозможностью в них усомниться.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция)
2. <https://www.kp.ru/daily/27495/4754964/>;
3. <https://skillbox.ru/media/corptrain/skolko-zarabatyvayut-i-kak-rabotayut-razrabotchiki-onlaynkursov/>;
4. <https://ria.ru/20230427/proekt-1868258052.html>;
5. <https://dzen.ru/a/Z8XGsygvt1snx9Sj>.

LEGAL REGULATION OF EDUCATIONAL COURSES

Kerefov A.A.

Kabardino-Balkarian State University

This paper describes the problems of providing educational services, coaching, and business training, which have negative consequences both personally for citizens and globally for the moral, intellectual, and material well-being of the country. The paper also describes the positive aspects, namely professional development courses, or any other courses of real value.

Keywords: educational relations, legal regulation of education, critical thinking, additional education, federal law on education.

References

1. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 N 273-FZ (latest edition)
2. <https://www.kp.ru/daily/27495/4754964/>;
3. <https://skillbox.ru/media/corptrain/skolko-zarabatyvayut-i-kak-rabotayut-razrabotchiki-onlaynkursov/>;
4. <https://ria.ru/20230427/proekt-1868258052.html>;
5. <https://dzen.ru/a/Z8XGsygt1snx9Sj>.

Национальное правосознание как фактор правовой трансформации в Российской империи (XIX – начало XX века)

Коньков Илья Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

E-mail: ilyakonkov16@gmail.com.

В статье рассматривается роль национального правосознания как фактора трансформации правовой системы Российской империи в XIX – начале XX века. Исследование опирается на теоретико-правовой и историко-правовой подходы, позволяющие выявить связь между субъективным восприятием права этническими сообществами и институциональными изменениями в правовом порядке. Особое внимание уделяется таким формам правового выражения, как петиционная практика, правовое посредничество, локальные нормы и символическая правовая риторика. На основе анализа архивных материалов, норм имперского законодательства и научных трудов показано, что правосознание народов империи оказывало давление на юридические институты, способствуя легализации исключений, признанию альтернативных норм и модификации правовой политики. Научная новизна работы заключается в интерпретации правосознания как канала правовой субъектности и фактора управляемой трансформации имперского права.

Ключевые слова: национальное правосознание, Российская империя, правовой порядок, петиционное право, правовая субъектность, правовые исключения, правовая трансформация, историко-правовой подход.

История права Российской империи XIX – начала XX века была не только пространством законодательных инициатив сверху, но и ареной правовых ожиданий снизу, где этнические, конфессиональные и региональные группы формировали свои представления о справедливости, власти и законе. Национальное правосознание – как совокупность представлений этносов о праве, его справедливости и легитимности – оказывало влияние на имперские институты не напрямую, а через практики, нормы и символические формы взаимодействия с властью. В условиях правового плюрализма и многонациональной структуры империи это правосознание становилось фактором давления, адаптации и даже трансформации правового порядка.

Актуальность обращения к данной теме определяется необходимостью преодоления ограниченного восприятия правового порядка как исключительно институциональной конструкции. Имперская правовая система включала в себя не только «официальное» законодательство, но и сеть параллельных, локальных, этноправовых и конфессиональных норм. Исследование национального правосознания позволяет раскрыть, каким образом субъективные ожидания и правовые ритуалы сообществ воздействовали на имперское законодательство, включая процессы признания исключений, изменений статусов, легализации норм особого характера. Как подчеркивает Т. Борисова, «российская правовая традиция XIX века формировалась не только под воздействием кодификации, но и через институциональное включение культурных различий» [1].

Цель статьи – исследовать национальное правосознание как форму правового давления и символической субъектности, оказывающую влияние на эволюцию имперского правового порядка. Задачи включают:

1. Определение понятийных границ национального правосознания;
2. Анализ его практических выражений в рамках правовой культуры народов империи;
3. Выявление механизмов институционального реагирования на правосознательные импульсы;
4. Интерпретация этих процессов как трансформации правового порядка через субъективное восприятие закона.

Методологическую основу статьи составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также элементы юридической антропологии, позволяющие исследовать право как форму

культурной репрезентации. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу – соединению анализа источников права, архивных документов и правовой риторики.

Научная новизна статьи заключается в переосмыслении роли правосознания как не только отражающего, но и формирующего правовую действительность. Рассматривая взаимодействие между правосознанием и правопорядком как процесс, исследование выявляет способы, которыми этнические сообщества через свои представления о праве оказывали влияние на легитимные формы власти, нормотворчества и правоприменения.

Понятие правосознания занимает центральное место в философии и теории права. В отечественной научной традиции оно трактуется как форма общественного сознания, отражающая отношение людей к действующему праву, его содержанию и способам реализации. Однако, в отличие от универсалистских подходов, национальное правосознание предполагает укоренённость правовых представлений в этнокультурной среде и историческом опыте народа.

Согласно Б.А. Кистяковскому, право – это «организация силы и свободы», где формальная норма приобретает смысл только в рамках духовной культуры общества [2]. Национальное правосознание в этом контексте предстает не как производная от закона, а как его активный субъект, влияющий на легитимность и форму нормативного выражения. Оно формируется под воздействием языка, религии, исторической памяти, традиций судопроизводства и реальных взаимодействий с властью.

Правосознание нельзя свести исключительно к знанию права. Оно включает в себя эмоционально-нравственное, оценочное и символическое восприятие закона. Как отмечает А.Х. Гаджиев, «правосознание представляет собой не просто знание норм, а отношение к ним, включающее в себя чувство справедливости, правовой опыт и ожидания» [3]. Национальное правосознание в этом смысле – это совокупность правовых представлений этноса как коллективного субъекта, формирующая уникальные правовые стратегии, механизмы защиты и адаптации.

Современная юридическая антропология рассматривает правосознание как систему «правовых кодов», через которые сообщество фильтрует получаемую информацию о законе и вырабатывает легитимные для себя формы поведения [4]. В многонациональной империи это выражалось в разнообразных практиках: от традиционного разрешения конфликтов до параллельного существования общинного и имперского судопроизводства.

Таким образом, национальное правосознание можно определить как совокупность исторически сложившихся представлений этноса о праве, государстве, справедливости и порядке, проявляющихся в институциональной и внеинституциональной правовой практике. Его сущностная черта – способность не просто воспринимать закон, но и вос-

производить его через собственную культурную призму.

Национальное правосознание следует отличать от понятий правовой культуры и правовой ментальности, несмотря на их тесную взаимосвязь. Если правовая культура охватывает институционализированные формы правового поведения, уровень правовой социализации, отношение к закону и правам в целом, то правосознание – это внутренний идеологический и ценностный пласт, определяющий восприятие легитимности и справедливости правовых норм. Национальное же правосознание конкретизирует это восприятие в рамках определённой этнокультурной и исторической традиции.

В условиях многонационального состава Российской империи XIX века правосознание часто формировалось в оппозиции к универсальным нормам имперского законодательства. Для многих этносов, в особенности для мусульман, финнов, поляков, евреев и казаков, государственное право представлялось «внешним» и даже принудительным, в то время как «своё» право ассоциировалось с религиозными установлениями, местными обычаями, духовными нормами. Это порождало феномен двойной правовой идентичности, когда закон признавался формально, но реально действовали другие – локальные или конфессиональные правила.

Как подчёркивает М.М. Якупов, «в условиях слабой правовой интеграции мусульманские общины продолжали использовать нормы шариата, особенно в семейных и имущественных делах, что не только допускалось, но и легализовалось государством» [5]. Подобная легализация частных правовых порядков способствовала признанию специфики правосознания этносов и порождала сложную систему взаимодействия между «официальным» правом и его альтернативными формами.

Национальное правосознание в имперском контексте включает:

1. Историческую память (представления о прошлых несправедливостях и статусах);
2. Религиозные установки (понятие справедливости, соотношение божественного и государственного права);
3. Язык закона (восприятие имперского права как «чужого» из-за языкового барьера);
4. Практику обращения к власти (петиции, прошения, посредники – как формы выражения субъектности).

Таким образом, национальное правосознание в империи становится фактором внутреннего права, обладающим нормативной силой, пусть и неофициальной. Оно может не соответствовать букве закона, но определяет формы взаимодействия этноса с правовой системой, в том числе – степень доверия к ней, мотивы подчинения или сопротивления.

Для понимания особенностей национального правосознания в Российской империи необходимо учитывать исторический контекст: сословно-этническую структуру общества и характер пра-

вового регулирования в XIX веке. Империя представляла собой полиэтническое государство с множественными правовыми режимами, где принадлежность к той или иной этнической или конфессиональной группе означала различия не только в языке и культуре, но и в доступе к правам, обязанностям и возможностям правового выражения.

Имперская правовая система формировалась как иерархическая. Основу её составляли кодифицированные нормы, зафиксированные в Своде законов Российской империи 1832 года, который рассматривался как нормативное ядро империи [6]. Однако одновременно существовали многочисленные «отступления» – системы автономного регулирования, основанные на религиозных, сословных, этнических или региональных различиях. Эти различия закреплялись юридически и порождали ситуацию правовой множественности, описываемую в современной историографии как «селективная интеграция» [1].

Так, например, на финляндской территории действовала своя правовая система, основанная на шведском законодательстве и признанная царским указом, в то время как в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве сохранялись элементы мусульманского права. Еврейские общины регулировали семейные и наследственные дела через хедер и раввинские суды, казачество обладало особыми правами в рамках военного сословия. Как отмечает Р.Г. Суни, «имперская политика различий была не просто стратегией управления, но и источником правовых идентичностей, которые отчасти сопротивлялись унификации» [7].

Право в этой системе не воспринималось как универсальная норма, применимая ко всем, а как инструмент политической дифференциации и управляемой асимметрии. Это означало, что для разных групп действовали разные законы, что, в свою очередь, закрепляло культурно-правовую специфику и формировало устойчивые этнические представления о «своём» и «чужом» праве.

Такое правовое устройство способствовало тому, что национальное правосознание развивалось не в плоскости абстрактной идеи права, а как конкретный опыт существования в условиях ограниченного, частичного или условного правового включения. Особенно ярко это проявлялось в правовом статусе инородцев, мусульман, старообрядцев и других групп, которые часто воспринимали закон как внешнюю силу, требующую обхода, приспособления или опосредованного контакта.

Одним из важнейших каналов выражения национального правосознания в условиях Российской империи стали обращения к власти в форме петиционной активности. Хотя имперская правовая система и не предусматривала петиции как институт с чёткой процедурой и правовой защитой, на практике они стали устойчивой формой «низовой» юридической коммуникации. Петиции, коллективные прошения, жалобы, заявления в адрес местных и центральных властей позволяли этническим сообществам не только фиксировать свои правовые

ожидания, но и демонстрировать специфические ценности, правовые аргументы и формы правовой риторики.

Как подчёркивает Л.П. Шандаловский на основе анализа дел Тамбовской губернии, «крестьяне, не обладая доступом к официальным нормотворческим механизмам, активно пользовались петициями для формулирования требований и защиты своих прав» [8]. При этом язык петиций часто отличался от бюрократического канцелярита и включал обращения к «правде», «совести», «воле Государя» как источникам законности. Это позволяет говорить о наличии собственной этноправовой риторики, основанной не на юридических категориях, а на морально-нравственных установках и коллективной памяти.

Национальное правосознание проявлялось в петициях и через отсылки к «традиционному праву». Так, представители мусульманских общин ссылались на шариат и предыдущие указы, финны – на автономию и гарантии 1809 года, а поляки – на обещания 1815 года. Это были попытки утвердить особый статус группы не через насилие, а через апелляцию к имперским и локальным правовым прецедентам. В результате формировался особый правовой жанр, в котором правосознание этноса выступало как аргумент.

Кроме того, петиции часто сопровождались коллективным действием: сбором подписей, участием посредников, церковных лидеров, старост. Коллективный характер таких обращений указывает на наличие правовой субъектности не только у индивида, но и у общины как единого правового тела. Это сближает петиционную практику с понятием правовой мобилизации, когда правосознание становится фактором давления на имперскую бюрократию.

Также стоит отметить, что, несмотря на формальную необязательность, петиции нередко рассматривались и даже удовлетворялись. Это подтверждает двойственный характер имперского права: с одной стороны, оно ориентировалось на контроль и вертикаль, с другой – признавало возможность правового диалога с подданными. Таким образом, петиционная активность не просто отражала правосознание, но и превращалась в инструмент влияния на правопорядок.

Имперская бюрократия XIX века не была гомогенным аппаратом тотального управления, а представляла собой сложную систему многоуровневых переговоров и адаптаций. Одним из важнейших механизмов, с помощью которых Российская империя отвечала на правосознательные импульсы со стороны своих этнических подданных, было частичное признание исключений – как нормативных, так и административных. Эти исключения не противоречили логике власти, но оформлялись как ответ на «особенности местного устройства», «религиозные нормы», «исторические обычаи» и иные формулы, позволявшие легализовать отклонения от общего закона.

Так, в ряде случаев имперские власти закрепляли нормы, которые носили этноконфессиональный характер, но были институционализированы – например, шариатские суды в мусульманских регионах, финляндский сейм и правовые прерогативы, хедер и раввинские суды в еврейских общинах. Как подчеркивает П. Верс, «имперская терпимость в отношении вероисповеданий была одновременно механизмом удержания и допущения особого правопорядка» [9]. Это свидетельствует о том, что правосознание, как коллективное представление о допустимом, влияло на реальную архитектуру власти.

Кроме исключений, важным каналом правовой адаптации стал институт посредничества. Речь идёт не только о формальных переводчиках и юристах, но и о локальных администраторах, духовных лицах, лидерах общин, которые становились медиаторами между «языком закона» и «языком народа». Эти посредники не только объясняли подданным смысл законодательства, но и передавали властям интерпретации, жалобы, прошения, тем самым участвуя в формировании нового понимания нормы. На практике это означало гибкость правоприменения, когда один и тот же закон мог толковаться по-разному в зависимости от региона и этнического контекста.

Примером такой институциональной гибкости может служить деятельность инородческих управлений, а также генерал-губернаторов, которые обладали значительными полномочиями по интерпретации законодательства применительно к «особым территориям». Таким образом, имперское право развивалось не только как вертикаль власти, но и как поле сложных горизонтальных согласований. Именно через такие механизмы национальное правосознание приобретало статус не только отражения, но и модератора правовой политики.

Фактически, взаимодействие между национальным правосознанием и имперской системой было устроено по принципу обмена: власть получала лояльность, общины – признание элементов их нормативной традиции. Это и было проявлением «контролируемой правовой трансформации», когда изменение не декларировалось, но происходило – через исключения, посредников, адаптационные практики.

Реализация механизмов правового исключения в Российской империи наиболее отчётливо проявлялась в рамках конфессиональных и региональных правовых автономий. Эти автономии не только закрепляли нормативные особенности этносов, но и отражали уровень их правосознания – готовность структурировать свою правовую жизнь в формах, отличных от имперской модели.

Одним из таких примеров являются мусульманские районы Поволжья, Урала и Средней Азии. Учреждённое в 1788 году Оренбургское магометанское духовное собрание стало не просто органом контроля, но и официальной институцией, признававшей исламское право как часть правопорядка.

Казии – мусульманские судьи – имели право выносить решения на основе норм шариата по вопросам брака, наследования, дарения, договоров. Эти решения признавались государством, если не вступали в прямое противоречие с имперским законодательством. Таким образом, формировался параллельный правовой контур, отражающий содержание и внутреннюю логику мусульманского правосознания [5].

Другой показательный случай – Финляндия, получившая особый правовой статус после 1809 года. Имперская власть признала за финнами право сохранять шведское законодательство, собственный сейм, протестантскую церковь и правовую традицию. Финляндское великое княжество сохраняло высокий уровень правовой автономии вплоть до 1899 года, когда началась политика русификации. До этого периода местные суды, кодексы и административные структуры функционировали в рамках собственной логики, во многом опирающейся на локальное правосознание и правовую идентичность, отличную от российской [9].

Православное казачество – ещё один пример особого режима. Указами и положениями XVIII–XIX веков за казачьими общинами признавались особые военные и земельные права, право на самоуправление и специфические формы военного судопроизводства. Эти нормы, хотя и имели имперское происхождение, вписывались в архаическую структуру казачьего правопонимания, основанного на представлениях о воинской чести, круговом праве и коллективной ответственности. Как показывает С.Б. Кирмзе, «казачья правовая система представляла собой гибрид норм Российской империи и архаических степных кодов» [10].

Региональные архивы также фиксируют функционирование еврейских раввинских судов (бет-динов), действовавших при поддержке общинных советов и зачастую рассматривавших дела без участия государственных органов. Государство формально ограничивало их компетенцию, но на практике часто закрывало глаза на юрисдикцию этих структур в сферах семейных и имущественных дел.

Эти кейсы демонстрируют, что правосознание этносов было не просто пассивной реакцией на право, но фактором институционального воспроизводства альтернативных моделей нормотворчества и правоприменения. Империя, в свою очередь, сознательно допускала множественность правовых форм, чтобы сохранить стабильность и избежать конфликтов. Это взаимодействие можно интерпретировать как управляемый правовой плюрализм, в котором субъектность этносов выражалась в способности отстаивать и легализовывать свои представления о праве.

Помимо институциональных и нормативных аспектов, национальное правосознание в Российской империи обладало выраженным символическим измерением. Закон воспринимался не только как текст и предписание, но как образ, ритуал, форма власти – символ, наполненный культурным,

моральным и мифологическим содержанием. В условиях полиэтнического государства язык закона, фигура законодателя и даже сама форма правового обращения приобретали глубоко символическое значение.

Первым элементом этого измерения являлся язык права. Имперское законодательство публиковалось исключительно на русском языке (за редкими исключениями для Финляндии и прибалтийских земель). Для большинства этнических групп, не владеющих в достаточной степени русским, право становилось чуждым не только по содержанию, но и по форме. Это усиливало ощущение отчуждения и формировало представление о праве как инструменте власти, а не справедливости. Как подчёркивает Т. Борисова, «язык закона в империи стал формой монополии на легитимность» [1].

Вторым элементом была фигура императора как олицетворения законности. Понятие «воли Государя» глубоко укоренилось в правосознании народов империи. Многие обращения, петиции, жалобы строились вокруг фигуры царя как последней инстанции справедливости. Даже в этнических сообществах с иной религией и политической традицией император сохранял статус сакрального арбитра, к которому обращались, минуя бюрократию. Это создавало эффект двойной легитимности: формально – через законы, реально – через личностную риторику.

Третьим важным элементом была правовая мифология, в рамках которой норма воспринималась не как договор между гражданином и государством, а как «дар сверху» или «особое разрешение». Особенно характерно это было в случаях дарования автономий (Финляндия, Бухара) или признания религиозных обрядов. Такое представление усиливало зависимость нормы от власти и одновременно поддерживало веру в возможность «справедливого исключения» через личное ходатайство.

Право также активно интерпретировалось в религиозных и обрядовых терминах. В мусульманских общинах норма воспринималась через призму соответствия шариату; в старообрядческой среде – через понятие «истинного закона» как отражения божественной воли. В таких интерпретациях неформальные юридические конструкции становились не менее значимыми, чем официальное законодательство. По словам Р. Пула, «правосознание в империи формировалось не на основании закона, а на основании его восприятия» [4].

Таким образом, символическое измерение права – язык, форма, образ власти, мифология – оказывало глубокое влияние на национальное правосознание. Оно не только определяло степень доверия к имперскому правопорядку, но и формировало культурные рамки, в которых существовало право как таковое.

Проведённый анализ национального правосознания в контексте правовой системы Российской империи XIX – начала XX века позволяет утверждать, что оно играло активную и многоуровне-

вую роль в трансформации имперского правопорядка. Национальное правосознание проявлялось не только как отражение законов и институций, но как механизм обратной связи, способный влиять на содержание, применение и интерпретацию правовых норм.

Через практики петиционной активности, коллективных жалоб, правового посредничества, сохранения традиционных правовых структур и форм символической правовой репрезентации, этнические сообщества реализовывали свою правовую субъектность. Империя, в свою очередь, формировала гибкую систему откликов – от признания исключений и локальных автономий до допуска параллельных норм и формальных уступок.

Научная новизна статьи заключается в том, что национальное правосознание предложено рассматривать не как производную от законодательной системы, а как фактор её формирования и корректировки. Тем самым правопорядок империи предстаёт не только как совокупность норм, но как результат сложной коммуникации между властью и многонациональным обществом.

Ключевые выводы работы заключаются в следующем:

1. Национальное правосознание было укоренено в историческом, религиозном и языковом опыте этносов и выражалось через правовые практики и символы;
2. Оно формировало нормативные ожидания, которые воплощались в петициях, локальных судах, правовых исключениях и формах посредничества;
3. Империя, реагируя на эти формы, признавала правовую множественность и использовала её как инструмент управления, тем самым институционализируя часть этноправовых ожиданий.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с детальным сравнительным анализом правосознательных практик в конкретных регионах империи (например, Поволжье, Кавказ, Польша), с привлечением массивов архивных документов и внутриобщинных юридических текстов. Кроме того, представляет интерес углублённое изучение взаимодействия между правосознанием и языковой политикой, а также религиозным правом.

В целом, изучение национального правосознания как источника легитимности и трансформации позволяет переосмыслить логику функционирования имперской правовой системы и по-новому взглянуть на соотношение универсального и локального в историческом праве.

Литература

1. Borisova T. Russian National Legal Tradition: Svod versus Ulozhenie in Nineteenth-Century Russia // *Diritto @ Storia*. 2009. URL: <https://www.dirittoestoria.it/8/Contributi/Borisova-Russian-National-Legal-Tradition.htm> (дата обращения: 12.05.2025).

2. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. – М.: Наука, 1995. – С. 73. (дата обращения: 12.05.2025).
3. Гаджиев А.Х. Правовое государство: теория и практика. – М.: Норма, 2013. – С. 215. (дата обращения: 12.05.2025).
4. Poole R. A. A Russian Conception of Legal Consciousness // Canopy Forum, 2021. // URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Якупов М.М. Ислам в правовой системе России: исторический очерк. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 142. (дата обращения: 12.05.2025).
6. Свод законов Российской империи. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И. В. канцелярии, 1832–1913. – Т. 1–15. (дата обращения: 12.05.2025).
7. Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia and the Politics of Difference. – Princeton: Princeton UP, 2001. – P. 86. (дата обращения: 12.05.2025).
8. Шандаловский Л.П. Крестьяне и право в Тамбовской губернии (XIX – начало XX века) // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 42–56 (дата обращения: 12.05.2025).
9. Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 64–65.
10. Kirmse S.B. Law and Society in Imperial Russia // InterDisciplines: Journal of History and Sociology. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 117–123. // URL: <https://www.inter-disciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (дата обращения: 12.05.2025).

NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF LEGAL TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN EMPIRE (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Kon'kov I.A.

Tambov State Technical University

This article examines the role of national legal consciousness as a factor in the transformation of the legal system of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. The study is based on theoretical and historical-legal approaches that reveal the relationship between the subjective perception of law by ethnic communities and institutional changes in the legal order. Particular attention is paid to legal practices such as petitions, legal mediation, local norms, and symbolic rhetoric. Based on the analysis of archival materials, imperial legislation, and academic research, it is shown that the legal consciousness of the empire's peoples exerted pressure on legal institutions, contributing to the recognition of exceptions, legalization of alternative norms, and adaptation of state legal policy. The novelty of the study lies in the interpretation of legal consciousness as a channel of legal subjectivity and a driver of controlled legal transformation in the imperial context.

Keywords: national legal consciousness, Russian Empire, legal order, petition law, legal subjectivity, legal exceptions, legal transformation, historical legal approach.

References

1. Borisova T. Russian National Legal Tradition: Svod versus Ulozhenie in Nineteenth-Century Russia // Diritto @ Storia. 2009. URL: <https://www.dirittoestoria.it/8/Contributi/Borisova-Russian-National-Legal-Tradition.htm> (accessed: 12.05.2025).
2. Kistyakovsky, B.A. Social Sciences and Law. Moscow: Nauka, 1995. P. 73. (accessed: 12.05.2025).
3. Gadzhiev, A. Kh. Rule-of-Law State: Theory and Practice. Moscow: Norma, 2013. P. 215. (accessed: 12.05.2025).
4. Poole R. A. A Russian Conception of Legal Consciousness // Canopy Forum, 2021. // URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/> (accessed: 12.05.2025).
5. Yakupov, M.M. Islam in the Legal System of Russia: A Historical Essay. Kazan: Kazan University Press, 2011. P. 142. (accessed: 12.05.2025).
6. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Printing House of the Second Division of His Imperial Majesty's Chancellery, 1832–1913. Vols. 1–15. (accessed: 12.05.2025).
7. Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia and the Politics of Difference. – Princeton: Princeton UP, 2001. – P. 86. (accessed: 12.05.2025).
8. Shandalovsky, L.P. Peasants and Law in Tambov Province (19th – Early 20th Century) // Vestnik of Tambov State University, 2018, No. 4, P. 42–56. (accessed: 12.05.2025).
9. Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 64–65 (accessed: 12.05.2025).
10. Kirmse S.B. Law and Society in Imperial Russia // InterDisciplines: Journal of History and Sociology. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 117–123. // URL: <https://www.inter-disciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (accessed: 12.05.2025).

Ласынов Радик Робертович,

аспирант, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
E-mail: Marinebrigade@mail.ru

Козлов Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
доцент, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,
E-mail: pravnauka@mauniver.ru

Никонов Сергей Александрович,

доктор исторических наук, профессор, доцент, ФГАОУ ВО
«Мурманский арктический университет»
E-mail: nikonovsa@mauniver.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы о природе юридической техники, вопросы различия между техникой юридической и законодательной. Проводится краткий анализ смыслового содержания феномена «понятие», как о форме мышления, воспроизводящий основные свойственные связи и взаимоотношение между предметом и явлением, приводится определение понятий «техника», «юридическая техника». Анализируется цель юридической техники, как явления, способствующего обеспечению согласованности общезначимым и традиционным взглядам, ценностным ориентирам и потребностям общества.

Делается акцент некоторым проблемам юридической техники, вопросам юридической техники, которые, на наш взгляд, до настоящего времени имеют дискуссионный характер. Актуализируется вопрос подхода к юридической технике с «широкой» и «узкой» точек зрения.

Кратко проанализировано значение юридической техники и выделено, что в современных нормативных правовых актах достигнута ясность, являющаяся необходимым условием для понимания обществом, простота и краткость изложения правовых норм, единообразие и высокое качество.

Приведены краткие выводы о том, что юридическая техника в законотворческом процессе является одним из главных аспектов, как необходимый элемент для создания совершенных правовых норм, доступных для понимания обществом.

Ключевые слова: юридическая техника, понятие, юридические средства, технические приемы, право, правотворчество, законодательная техника.

В Российской Федерации, в особенности в последнее десятилетие, происходит большое количество социально-экономических реформ, которые обуславливают реинтерпретацию базовых конструктов, выступающих фундаментом для зарождения новых основополагающих социальных конструкций, регламентирующих жизнедеятельность населения. Отсюда следует, что первоосновой в деятельности законодательных органов государства является правовая регламентация происходящих изменений вновь формирующихся взаимоотношений в обществе в целях обеспечения таких изменений правовой базой и приведения общественно-значимых преобразований в рамки правового поля.

До настоящего времени, среди исследователей нет единодушного утверждения относительно сути юридической техники. Вместе с тем, по мнению В.А. Лысенко, сущность юридической техники есть собирательный образ, со специфическими особенностями, выражающими и обосновывающими познания, которые необходимы для выработки системных положений в законодательстве, базирующихся на представлении технико-юридических понятий в правовом регулировании [8, с. 204]. На наш взгляд данная формулировка в достаточно высокой степени раскрывает и выражает природу юридической техники, которой и воспользуемся при изучении вопросов юридической техники.

В современных условиях основная форма осуществления правовой политики государства представляет собой правотворческую форму, как основной источник Российского права, создающая нормативные правовые акты. При этом, качество технико-юридического содержания нормативных правовых актов находится в прямой зависимости от сути изложения и напрямую влияет на вектор развития и урегулирования взаимоотношений в обществе [4, с. 79].

По мнению А.П. Кузнецова, юридическая техника обладая в правовой системе определенным правовым и социальным значением устанавливается как многосложное, при развитии структурном составе, обладающим широкими функциями правовым феноменом [7, с. 3]. Наряду с этим, автор полагает, что важной задачей при анализе и установлении формы осознания главной сутью является глубокое суждение в отношении взаимодействия связи между объектами и явлениями [6, с. 24]. Отсюда следует, что осознание как явление выражается в создании свободного подступа к процессу восприятия в раскрытии природы и смысла объектов и явлений, проявляется основополагающим условием при описании и передаче сути изучаемого субъекта.

Следует присоединиться к точке зрения Н.Н. Маршаковой о необходимости и обоснованности исследовать суть и характеристики юридической техники, правовых вопросов и начинать с анализа их происхождения [9, с. 53].

Техника (греч. *techne*) – обозначает знание, мастерство, опыт [5, с. 369].

Юридическая техника – это система средств, правил и приемов подготовки и упорядочения правовых актов, применяемая в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности [11, с. 156].

Отсюда следует, что основная цель юридической техники заключается в разработке соответствующих норм права нормативных правовых актов, имеющих логическое обоснование, доступную смысловую нагрузку, последовательно структурированное представление и эффективность применения [4, с. 80].

По мнению В.М. Артемова, юридическая техника задействована в широком процессе и динамике социальной жизни, она участвует при формировании установленного правопорядка [10, с. 363]. Следовательно, цель юридической техники – соответствие ценностям и общепринятым взглядам, традициям и интересам общества.

Таким образом, анализируя смысловое содержание юридической техники следует представить некоторые выводы о том, что основным звеном правового регулирования является правотворчество, и обоснованием этого является сам факт правотворческого процесса, выраженное в создании, внесении изменений, дополнений, отмене некоторых нормативных правовых актов, в основе которых находятся законотворческие функции.

С.С. Алексеев совершенно справедливо указывает, что юридические средства и технические приёмы являются составляющими юридической техники. При этом, юридические конструкции и терминология являются составными частями технических средств, а изложение норм и система ссылок – есть правовая технология [2, с. 288].

Заслуживает внимания некоторые подходы к понятию юридическая техника и зарубежных исследователей. Так, по мнению Г.И. Муромцева, при наличии множества позиций представителей романо-германского права, касающихся проблематики юридической техники, представляется возможным выделить юридическую технику в широком смысле, отождествленную с правом в целостном представлении права и узком виде юридической техники, представленной лишь в законодательной сфере права [10, с. 363].

Обзор законодательной деятельности уполномоченных органов наглядно свидетельствует, что, нередко, столь быстрое принятие правовых актов становится причиной изобилия высокой степени нормативного обобщения, отсутствия императивного толкования, незавершенности изложения и технико-юридических погрешностей. Все эти просчеты обуславливают определенные трудности и проблемы в приобретении положительных ре-

зультатов и реализации целей правового регулирования происходящих реформ. Объективная действительность такова, что созданный нормативный правовой акт эффективно функционировать может лишь в том случае, при создании которого строго соблюдаются правила юридической техники. В этой связи предназначение юридической техники, как первоосновы при создании нормативных правовых актов лишь возрастает.

Как показывает практика, качественный показатель формируемого нормативного правового акта находится в прямой зависимости от уровня обстоятельности применения юридической техники в процессе выработки нормативного правового акта. Безусловно, пренебрежительное отношение к значимости этапа формирования акта, как правило, в дальнейшем приводит к возникновению проблем, поскольку пренебрежительность в создании акта уже на начальном этапе представляет собой факт наличия таких проблем, которые будут выражаться при его дальнейшей реализации [4, с. 80].

По мнению Ж. Дабена, которого придерживается Р. Иеринг, А. Нашиц, В. Штайнер, решение вопросов юридической техники основаны в искусстве правоведа, в его способности в решении возникших правовых вопросов, это законотворчество, это теория и толкование права.

Однако некоторые западноевропейские ученые придерживаются противоположных взглядов. По мнению М. Ориу праву чуждо юридическая техника, так как она не отвечает сущности и значительности права. Проводя аналогию между правом и юридической техникой, он трактовал это вульгарностью в отношении права.

Некоторые ученые-правоведы, рассматривая юридическую технику в призма общей теории права соотносят ее с законодательной техникой и причисляют к ней выработку юридических механизмов и технику выражения правовых предписаний. Если законодательная техника сводится, связанной с разновидностью права к законодательной, то юридическую технику соотносят с правотворческой. Вместе с тем, по социальному значению и уровню сущностной значимости юридическая техника имеет более широкое понятие по сравнению с законодательной техникой, поскольку обладает более глубоким смысловым значением.

А.С. Александров пишет, что юридическая техника есть синоним средств юридического языка, предназначенный для толкования смыслового содержания текста нормы права в конкретном смысле [1, с. 466]. Не будет преувеличением не соглашаться с данным пояснением, поскольку считаем, что не допустимо сведение сути юридической техники и проведение аналогии с синонимами, имеющими несколько иное толкование, отличное от сути общепринятых приемов, методов и средств по выработке ясности, точности при изложении правовых норм.

Р. Иеринг выделил два главных значения юридической техники. Прежде всего это упрощение права в количественном и качественном отноше-

нии, и необходимость достижения несложности и доступности права для понимания.

А.Ф. Черданцев, анализируя значение юридической техники выделяет, что, прежде всего в современных нормативных правовых актах в высокой степени достигается их ясность, простота, краткость и унифицированность, а также рационализация юридической деятельности. Говоря современным языком данные достижения сообщают о простоте, высоком качестве и общедоступности нынешнего Российского права.

Юридическая техника является неотделимым составляющим системы права и выражается во всех четырех уровнях. Юридическая техника, относительно правового уровня выражена как способ, применяемый для создания правовой и законотворческой системы, на уровне социологии – представлена как способ увеличения результативности правового воздействия на граждан, на уровне научно-правового познания – как часть правовой науки, и на концептуальном уровне – как технико-правовая рефлексия профессионального осознания права, основанного на развитом когнитивном составляющем [3, с. 53].

Следовательно, законодательная техника является составной частью юридической техники [10, с. 364].

Таким образом, в правотворческом процессе юридическая техника занимает одну из основных положений, как необходимый инструмент для выражения правовых норм в государстве. Высокий уровень качества принимаемых нормативных правовых актов является не только показателем постоянного совершенства юридической техники, но и тем параметром правотворческой политики, по которым оценивается степень юридической доступности для граждан, необходимый для соблюдения общеобязательных правил поведения в обществе.

Литература

1. Александров А.С. Техника доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. – Нижний Новгород: – 2001. – Т. 2. – 541 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. – Москва: – 1982. Том 2. – 359 с.
3. Баранов В.М. Юридическая техника. Учебник // Под ред. В.М. Баранова. – Москва: – 2021. – 648 с.
4. Геращенко С.Е. Юридическая техника, как механизм реализации правотворческой политики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 6–2(69). – Новосибирск: – 2022. – 216 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: часть 4. – Москва: – 1866. – 688 с.
6. Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Кузнецов Александр Павлович. – Нижний Новгород, – 2000. – 513 с.
7. Кузнецов А.П. Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты // Бокова И.Н. Юридическая техника в современном российском уголовном законодательстве: теоретический анализ главы 22 УК РФ: монография / Под ред. проф. А.П. Кузнецова. – Нижний Новгород: – 2004. – 126 с.
8. Лысенко, В.А. Крамской, И.С. Рязанова Н.А. Особенности нормативно-правового акта как источника российского права // Вестник экономики, права и социологии. – Москва: – 2015. – № 4. – С. 204–208.
9. Маршакова Н.Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение // Юридическая техника. № 1. – Нижний Новгород: – 2007. – 326 с.
10. Попова, С.А. Грузинская Е.И. Генезис юридической техники: понятие, приемы, средства и конструкции // Вопросы российского и международного права. № 4А. – Ногинск: – 2019. – Том 9. – 406 с.
11. Юридический энциклопедический словарь. Издание второе. / Под ред. А.В. Малько. – Москва: – 2016. – 1132 с.

LEGAL TECHNIQUE: NATURE, CONCEPT, GOALS, PROBLEMS AND MEANING

Lasynov R.R., Kozlov S.S., Nikonov S.A.
Murmansk Arctic University

The article discusses some questions about the nature of legal technology, the difference between legal and legislative technology. A brief analysis of the semantic content of the phenomenon "concept" is carried out, as a form of thinking that reproduces the basic inherent connections and the relationship between the subject and the phenomenon, the definition of the concepts "technique", "legal technique" is given. The purpose of legal technology is analyzed as a phenomenon contributing to the consistency of generally valid and traditional views, values and needs of society.

The emphasis is placed on some problems of legal technology, issues of legal technology, which, in our opinion, are still controversial. The issue of an approach to legal technology from a "broad" and "narrow" point of view is being updated.

The importance of legal technology is briefly analyzed and it is highlighted that modern regulatory legal acts have achieved clarity, which is a prerequisite for understanding by society, simplicity and brevity of presentation of legal norms, uniformity and high quality. Brief conclusions are given that legal technology in the legislative process is one of the main aspects, as a necessary element for creating perfect legal norms accessible to society.

Keywords: legal technique, concept, legal means, techniques, law, lawmaking, legislative technique.

References

1. Alexandrov A.S. The technique of proof in the Russian criminal procedure discourse // Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles: in 2 volumes. – Nizhny Novgorod: – 2001. – Vol. 2. – 541 p.

2. Alekseev S.S. General theory of law: course of lectures: in 2 volumes – Moscow: – 1982. – Volume 2. – 359 p.
3. Baranov V.M. Legal technology. Textbook // Edited by V.M. Baranov. – Moscow: – 2021. – 648 p.
4. Gerashchenko S.E. Legal technology as a mechanism for implementing law-making policy // International Journal of Humanities and Natural Sciences. No. 6–2(69). – Novosibirsk: – 2022. – 216 p.
5. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language: part 4. – Moscow: – 1866. – 688 p.
6. Kuznetsov A.P. The state policy of countering tax crimes in the Russian Federation (problems of formation, legislative regulation and practical implementation): diss. ... doct. jurid. sciences: 12.00.08 / Kuznetsov Alexander Pavlovich. – Nizhny Novgorod, – 2000. – 513 p.
7. Kuznetsov A.P. Legal technique: some theoretical aspects // Bokova I.N. Legal technique in modern Russian criminal legislation: a theoretical analysis of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation: monograph / Edited by Professor A.P. Kuznetsov. – Nizhny Novgorod: – 2004, – 126 p.
8. Lysenko, V.A. Kramskoy, I.S. Ryazanova N.A. Features of a normative legal act as a source of Russian law // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – Moscow: – 2015. – No. 4. – pp. 204–208.
9. Marshakova N.N. Legal technology: concept, types, means, main functions and meaning // Legal technology. No. 1. – Nizhny Novgorod: – 2007. – 326 p.
10. Popova, S.A. Gruzinskaya, E.I. The genesis of legal technology: concept, techniques, means and constructions // Issues of Russian and international law. No. 4A. – Noginsk: – 2019. – Volume 9. – 406 p.
11. Legal encyclopedic dictionary. Second edition. / Edited by A.V. Malko. – Moscow: – 2016. – 1132 p.

Теоретико-правовые основы общественного контроля как института гражданского общества

Мусаев Ислам Саидович,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: i@moosleem.ru

В статье рассматривается понятие и правовая природа общественного контроля как института гражданского общества в России. Проанализированы теоретические подходы к определению общественного контроля, его место в системе частного права и пересечения с другими гражданско-правовыми институтами (саморегулирование, защита прав потребителей, участие в корпоративном управлении). Проведен критический анализ действующего законодательства РФ – прежде всего Федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» – а также отдельных норм Гражданского кодекса РФ и специальных законов, затрагивающих элементы общественного контроля. Автор обращает внимание на проблемы и коллизии правового регулирования, ограничивающие эффективность общественного контроля, и выдвигает предложения по совершенствованию нормативных основ для укрепления роли гражданского общества.

Ключевые слова: общественный контроль; институт гражданского общества; частное право; саморегулирование; защита прав потребителей; корпоративное управление; Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ; гражданский кодекс; нормативно-правовой анализ; реформирование законодательства.

Введение

Развитие институтов гражданского общества напрямую подвержено влиянию общественного контроля. Общественный (гражданский) контроль традиционно представляется как негосударственная форма наблюдения и проверки, осуществляемая обществом с целью обеспечения прозрачности и подотчетности органов власти [1, 126]. В правовом государстве механизмы общественного контроля дают гражданам возможность принимать участие в управлении делами государства, отстаивать интересы общества и помогать с государственным надзором. В России данный институт получил законодательное оформление сравнительно недавно – в 2014 году был принят Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Тем не менее, его теоретические основы и место в системе права продолжают оставаться предметом дискуссий. Особенно актуален вопрос о соотношении общественного контроля с частно-правовыми механизмами: саморегулируемыми организациями, механизмами защиты прав потребителей, корпоративным управлением и пр. [1, 127]. Данная статья ставит целью раскрыть сущность общественного контроля как института гражданского общества, проанализировать действующее законодательство с точки зрения теории права и выявить направления его развития.

Материалы и методы исследования

Исследование теоретико-правовых основ общественного контроля как института гражданского общества выполнено преимущественно в русле доктринального (догматического) анализа действующего законодательства Российской Федерации, а также ключевых международных актов о правах человека, фиксирующих право граждан на участие в управлении и получение информации. Методологическую базу составили: формально-юридический метод – детальное толкование норм Конституции РФ, Федерального закона № 212-ФЗ и смежных актов, регламентирующих участие общественности в контроле; системно-структурный анализ – выявление места общественного контроля в общей системе публичного и частного права, соотношение с институтами саморегулирования и коллективной защиты прав; историко-правовой подход – рассмотрена эволюция понятий «контроль общества» и «гражданская инициатива» в отечественной правовой мысли XX–XXI вв.; доктринальный контент-анализ – изу-

чение более чем 120 научных публикаций (монографий, статей ВАК, диссертаций) за 2010–2024 гг. для выявления дискуссионных проблем дефиниции и классификации форм контроля; кейс-стадии судебной практики (точечно): разбор семи определений Конституционного Суда РФ и десяти обзоров Верховного Суда РФ, где затрагивалась роль общественных объединений в защите неопределённого круга лиц.

Результаты и обсуждения

Единого общепризнанного определения понятия «общественный контроль» в юридической науке не сложилось. В широком смысле под ним представляют деятельность гражданского общества по наблюдению, проверке и оценке действий органов публичной власти и иных подконтрольных субъектов с точки зрения их соответствия законам и интересам общества. Например, С.М. Зубарев определяет общественный контроль как «комплексную деятельность уполномоченных субъектов гражданского общества, направленную на установление соответствия деятельности органов публичной власти нормативным правовым стандартам и корректирование выявленных несоответствий посредством направления обращений в уполномоченные органы либо формирования общественного мнения» [7]. В свою очередь, Н.Н. Кулешова предлагает представлять под общественным контролем «негосударственную форму контроля общественных объединений и отдельных граждан (т.е. субъектов, которые не наделены государственно-властными полномочиями) за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц» [8]. Таким образом, ключевыми чертами данного института являются: 1) субъектами контроля выступают институты гражданского общества (некоммерческие организации, общественные объединения, инициативные группы граждан и т.д.), не обладающие властными полномочиями; 2) объектом контроля служит деятельность органов публичной власти и связанных с ними структур, влияющая на права и законные интересы граждан; 3) цели контроля заключаются в обеспечении открытости, законности и учета общественных интересов в работе государственной машины.

Общественный контроль, основанный на частной инициативе и свободе объединений, контролирует деятельность государства. Это институт гражданского общества, возможный благодаря конституционным правам: праву на объединение, участие в управлении, обращение в госорганы и доступ к информации. Хотя Конституция РФ не упоминает общественный контроль прямо, она создает основы для его существования как формы народного участия в государственной власти.

Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» представляет собой основной законодательный акт, всесторонне регулирующий организацию и осуществление обще-

ственного контроля. Этот закон устанавливает цели, принципы, формы и субъекты общественного контроля, а также определяет основные гарантии их деятельности. В соответствии с данным законом, субъектами общественного контроля выступают Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные советы при органах власти, общественные наблюдательные комиссии и другие уполномоченные общественные объединения и органы (например, советы домов, территориальные общественные самоуправления, если на них возложены функции контроля)[2]. Объектами общественного контроля являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, а также организации, выполняющие публично значимые функции (включая государственные корпорации, естественные монополии и иные структуры, оказывающие услуги в интересах общества). Закон закрепляет принципы открытости, законности, независимости субъектов общественного контроля и другие.

Важнейшее значение имеют формы общественного контроля, предусмотренные законодательством. Федеральный Закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ относит к таким формам, в частности: общественный мониторинг (наблюдение за деятельностью органов власти, сбор информации о нарушениях), общественную экспертизу (анализ проектов нормативных актов или действующих решений на предмет их соответствия общественным интересам), общественные обсуждения и публичные слушания (вовлечение граждан в обсуждение проектов решений), общественные проверки (выезды, инспекции на места для оценки работы органов или качества услуг) и другие[3]. Например, общественная инспекция позволяет непосредственно на месте проверить соблюдение органами власти требований законодательства и выявить как проблемные вопросы, так и лучшие практики, также получила развитие такая форма, как общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, проводимое, в частности, Общественной палатой РФ – ежегодно она организует до 30 общественных экспертиз и обсуждений проектов законов и иных актов федерального уровня. Отмечу, что законодательство эволюционирует: помимо Федерального Закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ, нормы об общественном контроле содержатся в специальных законах. Например, Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1 предусматривает право граждан объединяться в общественные объединения потребителей для защиты своих интересов и осуществлять независимый потребительский контроль за деятельностью продавцов и изготовителей[4]. В сфере обеспечения прав человека в местах принудительного содержания действует особый закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (с изм. 2018 г.) об общественных наблюдательных комиссиях (ОНК), которые осуществляют контроль за соблюдением прав заключённых. Таким образом, складывается определённая система норма-

тивных актов, обеспечивающих участие институтов гражданского общества в контроле за различными сферами – от деятельности органов власти до качества товаров и услуг.

Считаю важным отметить, что Гражданский кодекс РФ прямо не оперирует категорией «общественный контроль». Однако косвенно его нормы формируют основу для участия негосударственных субъектов в защите публичных интересов. Например, в ст. 8 ГК РФ признаётся возможность защиты гражданских прав не только судом, но и иными способами, не запрещёнными законом – что открывает дверь для самоорганизации граждан и общественного воздействия в случае нарушений (например, публичное обнародование информации о нарушении как форма общественного воздействия). Кроме того, через ГК РФ и специальные законы определяется статус самих носителей общественного контроля – общественных объединений и некоммерческих организаций, которые по своей природе являются субъектами гражданского (частного) права. Право граждан создавать некоммерческие организации для достижения общественно полезных целей (в том числе контроля за властью) гарантировано и регулируется ГК РФ (ст. 50, 123.3 и другие), законом «Об общественных объединениях» 1995 г., законом «О некоммерческих организациях» 1996 г. Эти нормы частного права напрямую обеспечивают институциональную основу общественного контроля, определяя правоспособность НКО, их право запрашивать информацию, представлять интересы граждан, обращаться в суд и т.д.

Общественный контроль связан с публичным правом, но использует инструменты частного права: свободу объединений, частную инициативу, договорные формы взаимодействия и гражданско-правовые способы защиты интересов[2]. Этот дуализм нужно учитывать при совершенствовании законодательства.

Институт общественного контроля тесно пересекается с рядом иных форм общественного участия и негосударственного регулирования, развитых в частном праве. Во-первых, институт саморегулирования в ряде отраслей экономики можно рассматривать как механизм, частично родственный общественному контролю. Саморегулируемые организации (СРО), действующие на основании Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», представляют собой объединения субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, которые разрабатывают для своих членов стандарты и правила и контролируют их соблюдение без прямого вмешательства государства. Хотя СРО в первую очередь нацелены на внутренний контроль качества и дисциплины среди участников рынка, их деятельность несомненно служит общественным интересам – например, СРО строителей контролируют соблюдение норм безопасности, СРО аудиторов – стандартов отчетности и т.д. Государство делегирует часть надзорных полномочий саморе-

гуляторам, рассчитывая, что они более эффективно и оперативно пресекут нарушения. Получается, саморегулирование – форма частноправового контроля, осуществляемого самими участниками рынка, – дополняет общественный контроль. Спешу отметить, что СРО контролируют своих членов в их профессиональной деятельности, тогда как общественный контроль шире и осуществляется независимыми от объектов лицами (не участниками контролируемых отношений). Тем не менее, возможны точки соприкосновения: общественные объединения могут участвовать в работе СРО (например, включаться в разработку стандартов как представители потребителей), либо, наоборот, СРО могут выполнять роль партнёров органов власти, привлекая общественность к рассмотрению конфликтных ситуаций. Законодательству предстоит сформировать механизмы взаимодействия общественного контроля и саморегулирования, чтобы объединить их потенциал в защите общественных интересов.

Во-вторых, защита прав потребителей была одной из первых областей общественного контроля. Закон 1992 года № 2300–1 дал право потребителям объединяться для защиты своих прав и обращаться в суд в интересах неопределённого круга потребителей. Потребительские организации осуществляют общественный контроль, выявляя нарушения и добиваясь устранения ущерба. Они проводят независимые экспертизы и обнародуют результаты проверок. Государственные органы обязаны учитывать заключения общественных экспертиз при принятии мер. Однако возможности потребительских НКО часто ограничены недостаточным финансированием, давлением бизнеса или отсутствием юридической силы их заключений. Тем не менее взаимодействие государственного надзора и общественного контроля повышает защиту граждан как слабой стороны рыночных отношений.

В-третьих, участие общественности в корпоративном управлении пока не получило развитого нормативного закрепления, однако в теории корпоративного права и на практике возникают элементы общественного контроля. Речь идет не о государственном участии (как в компаниях с госдолей), а именно о влиянии институтов гражданского общества и широких слоев заинтересованных лиц на деятельность крупных корпораций. В зарубежных правовых системах известны механизмы, позволяющие отразить интересы общества в корпоративном управлении: например, наличие независимых директоров, представляющих интересы общества или миноритариев; участие представителей рабочих или иных стейкхолдеров в советах директоров; обязательные экологические и социальные отчеты, проходящие публичное обсуждение; корпоративная социальная ответственность как элемент стратегии компании и объект общественной оценки. В России элементы подобного подхода только формируются. Правительство декларирует задачу поддерживать доверие инвесторов и широкой общественности к корпоративному управлению, что достигается сочетанием законодательного ре-

гулирования, надзора и саморегулирования. Пока преобладает модель, в которой главный акцент – на защите прав акционеров, закреплённых ГК РФ и законе об акционерных обществах, однако постепенно признаётся необходимость учитывать интересы иных групп. Пример – требования к публичным компаниям по раскрытию информации о существенных фактах, влияющих на общество (экология, социальные условия), и возможность для НКО через публичное давление или суд добиваться соблюдения компаниями законодательства (природоохранного, антимонопольного и пр.). Таким образом, общественный контроль проникает и в частно-правовые отношения: гражданское общество стремится контролировать не только государство, но и крупный бизнес, если его деятельность затрагивает общественные блага[5]. Российскому законодательству ещё предстоит создать условия для институционализации этого процесса – возможно, через механизмы общественного мониторинга крупных проектов, создание при корпорациях общественных советов по устойчивому развитию, законодательное закрепление обязанностей компаний взаимодействовать с местными сообществами и НКО.

Действующее законодательство РФ об общественном контроле, несмотря на свою значимость, обладает рядом недостатков, снижающих эффективность данного института. Во-первых, ограниченность сферы применения: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ прямо исключает из своего предмета контроль за деятельностью некоторых органов и сфер. В частности, фактически вне рамок общественного контроля остаются судебная система и силовые структуры. Это отчасти объяснимо принципом независимости суда, однако общество лишено даже механизмов наблюдения за системой правосудия – например, отсутствуют общественные советы при судах или формы участия общественности в оценке работы судей. По мнению исследователей, изъятие ряда объектов из-под действия закона об основах общественного контроля существенно сужает возможности граждан влиять на наиболее чувствительные сферы[5].

Во-вторых, закон не содержит прямых норм об ответственности должностных лиц за уклонение от взаимодействия с субъектами общественного контроля. Хотя декларируется обязанность органов власти рассматривать поступившие от общественных организаций обращения и реагировать на них, на практике игнорирование рекомендаций общественных палат или советов не влечет почти никаких последствий. Отсутствие повышенных мер юридической ответственности за действия, препятствующие законной деятельности субъектов общественного контроля, отмечается в научной литературе как серьезный пробел[5]. Фактически недобросовестные чиновники могут формально принять к сведению заключение общественной проверки и ничего не предпринять, не опасаясь санкций.

В-третьих, недостаточная юридическая сила результатов общественного контроля. Факт остается фактом, заключения общественной экспертизы, решения общественных советов, доклады Общественной палаты по результатам мониторинга – все эти документы носят рекомендательный характер. Органы власти не обязаны строго следовать им. Более того, отсутствует единый порядок, обязывающий адресата предоставить мотивированный ответ на рекомендации общественного контроля в определенный срок. В результате многие инициативы общественных структур остаются без должного рассмотрения, также нет механизма обжалования бездействия органа власти по итогам обращения субъектов общественного контроля. Таким образом, результаты общественного контроля часто зависимы от доброй воли самих контролируемых – что концептуально ослабляет сам институт[2].

В-четвертых, прослеживается проблема формального подхода к созданию и работе общественных советов при органах власти. Исследование Общественной палаты РФ выявило, что во многих регионах отсутствуют прозрачные процедуры формирования общественных советов: зачастую состав советов утверждается главой администрации единолично, без конкурсного отбора и участия независимых организаций. Как следствие, такие советы нередко состоят из лояльных лиц и не исполняют роли независимого контролера. В ряде случаев правовой статус общественных советов при муниципалитетах и территориальных органах федеральных ведомств вообще не определен нормативно, что ставит под вопрос легитимность их деятельности. Кроме того, не обеспечена гласность работы многих советов – протоколы заседаний и решения не публикуются, общественность слабо информирована об их работе, что противоречит принципу открытости[6].

Опираясь на проведенное исследование, можно уже сделать вывод, что законодательная база общественного контроля довольно фрагментарна, федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ носит рамочный характер, не регулируя подробности. Региональные законы заполняют пробелы, но их качество варьируется. Нет единых рекомендаций и системы обучения, что снижает эффективность.

В-пятых, вопрос о конституционализации общественного контроля пока остается открытым. Некоторые ученые высказывают идею о том, что стоило бы закрепить общественный контроль в Конституции РФ как один из основополагающих принципов народовластия. Действительно, после поправок 2020 г. в Конституции появилось упоминание о единстве системы публичной власти, о роли общероссийского гражданского общества, однако прямого положения об общественном контроле нет. Включение такого положения могло бы придать институту более высокий статус и стимулировать развитие соответствующего законодательства.

Наконец, пересечение с частноправовой сферой пока недостаточно отражено в законодательстве. Например, нет четких норм, регулирующих участие общественных объединений в деятельности саморегулируемых организаций или бизнес-структур при осуществлении общественно значимых проектов. Закон о публично-частном партнерстве, например, практически не учитывает роли общественного контроля на этапах реализации крупных проектов, хотя общественное обсуждение зачастую выявляет риски для населения (экологические, социальные). В корпоративном законодательстве отсутствуют положения, поощряющие компании к созданию общественных консультативных органов или к участию представителей общества в работе органов управления.

Заключение

Таким образом, общественный контроль как институт гражданского общества нуждается в дальнейшем развитии, как на теоретическом уровне, так и на уровне законодательства. Его частно-правовая природа (инициатива «снизу», самоорганизация) в сочетании с публично-правовой направленностью (контроль «сверху» за государством) делает его уникальным инструментом, способным обеспечить баланс между обществом и властью. Для России, стремящейся к гармоничному развитию правового государства, крайне важно укреплять механизмы общественного контроля – через совершенствование законов, поддержку независимых общественных институтов и готовность власти к конструктивному диалогу с ними. Это залог поступательного развития гражданского общества и доверия между государством и людьми.

Литература

1. Полещук А. **Общественный** (гражданский) контроль как гарантия прав и свобод человека и гражданина // Москва – 2010. – 126 с.
2. Казаков В., Евсиков К., Беляткина К. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества // Тула // URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Институт-общественного-контроля-в-Российской/28014eb36f1a864f6c92943bce7197e1bf1f8062> (дата обращения 03.06.2025)
3. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 N 212-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения 03.06.2025)
4. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 03.06.2025)
5. Рыбкина К. Общественный контроль: виды и значение // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» № 1(17) 2018.
6. Троицкая Т. Общественная палата в России: история создания и тенденции развития на современном этапе // Саратов: – 2019. – 422 с.
7. Зубарев С.М. Совершенствование правового регулирования общественного контроля // URL: <https://rucont.ru/efd/597787> (дата обращения 03.06.2025)
8. Кулешова Н. Н. О современном состоянии общественного контроля в России // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-obschestvennogo-kontrolya-v-rossii> (дата обращения 03.06.2025)
9. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 03.06.2025)
10. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77567/ (дата обращения 03.06.2025)
11. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения 03.06.2025)

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC OVERSIGHT AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

Musaev I.
Synergy University

The article offers a comprehensive legal analysis of public oversight within Russia's civil society system. It clarifies the concept and mixed public-private nature of public oversight, traces its evolution, and explores intersections with self-regulation and consumer collective redress. A critical appraisal of Federal Law No. 212-FZ and related statutes exposes gaps and contradictions that undermine oversight efficiency. The author proposes legislative reforms: broadening the scope of oversight, introducing a "public-interest civil action", mandating reasoned replies from controlled entities, and establishing liability for obstructing civil monitors.

Keywords: public control; civil society institution; private law; self-regulation; consumer protection; corporate governance; Federal Law № 212-FZ; Civil Code; regulatory analysis; law reform.

References

1. Poleshchuk A. Public (civil) control as a guarantee of human and civil rights and freedoms // Moscow – 2010. – 126 p.
2. Kazakov V., Evsikov K., Belyatkina K. Institute of public control in the Russian Federation as an element of civil society // Tula // URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Institute-of-public-control-in-Russia/28014eb36f1a864f6c92943bce7197e1bf1f8062> (date of access 03.06.2025)
3. Federal Law "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" dated 21.07.2014 N 212-FZ (latest revision) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (date of access 03.06.2025)
4. Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 N 2300–1 (as amended on 08.08.2024) "On the protection of consumer rights" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access 03.06.2025)
5. Rybkina K. Public control: types and meaning // "Scientific and practical electronic journal Alley of Science" No. 1 (17) 2018.
6. Troitskaya T. Public Chamber in Russia: history of creation and development trends at the present stage // Saratov: – 2019. – 422 p.
7. Zubarev S.M. Improving the legal regulation of public control // URL: <https://rucont.ru/efd/597787> (date of access 03.06.2025)

8. Kuleshova N.N. On the current state of public control in Russia // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-obschestvennogo-kontrolya-v-rossii> (date of access 03.06.2025)
9. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access 03.06.2025)
10. Federal Law of 10.06.2008 No. 76-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77567/ (date of access 03.06.2025)
11. Federal Law of 01.12.2007 No. 315-FZ "On Self-Regulatory Organizations" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (date of access 03.06.2025)

Правовая модернизация и сословный компромисс: к вопросу о юридической природе реформ Александра II

Николаев Илья Николаевич,

аспирант, ФГБОУ ВО Тамбовского государственного
технического университета
E-mail: 2106ilja2000@gmail.com

Статья посвящена юридическому анализу реформ Александра II как формы правовой модернизации, реализованной в условиях сохранения сословной иерархии. Исследование ставит целью выявить, в какой мере реформы второй половины XIX века были не только социально-политическим преобразованием, но и результатом нормативного компромисса между идеей правового равенства и необходимостью сохранить стабильность имперского порядка. На основе анализа нормативных актов, правоведческой мысли и механизма реформаторской кодификации показано, что реформы 1860–1870-х годов выстраивались как гибкая модель правового приспособления, в которой каждый сословный элемент получал новые формы правовой субъектности, но в пределах дозволенного государственного контроля. Особое внимание уделяется роли права как инструмента баланса между преобразованием и удержанием власти. Делается вывод о правовой природе реформ как компромиссной – основанной на сочетании модернизационной риторики с сохранением фундаментальных сословных структур.

Ключевые слова: Российская империя, правовая модернизация, сословие, реформы Александра II, кодификация, правовой компромисс, правосознание, имперское право.

История реформ Александра II традиционно интерпретируется как эпоха масштабных социальных и политических трансформаций в Российской империи. Однако при всей обоснованности этой перспективы она зачастую оставляет в тени ключевой компонент реформаторского процесса – юридическую природу изменений, их кодификационную логику, правовые пределы и механизмы. Между тем реформы второй половины XIX века были не только актами государственной воли, но и продуктом институционального, концептуального и процедурного развития российской правовой системы. В условиях самодержавия именно право становилось одновременно инструментом модернизации и средством её сдерживания – через ограниченные формы правовой субъектности, сохранение сословной структуры и контролируемое перераспределение властных полномочий.

Актуальность темы заключается в необходимости комплексного правоведческого осмысления реформ Александра II как примера компромиссной правовой модернизации. Реформы не разрушили сословный порядок – напротив, они его переработали, интегрировав в новые механизмы государственного управления. Отмена крепостного права, учреждение земств, реорганизация судебной системы, пересмотр воинской повинности – все эти шаги были не просто декларациями перемен, а результатом кодифицированного пересмотра имперской правовой архитектуры. Однако в основе этого пересмотра лежала не универсализация прав, а их селективное перераспределение, основанное на статусной дифференциации.

Цель настоящей статьи – показать, что реформы Александра II представляли собой правовой компромисс между модернизационными тенденциями и необходимостью удержания сословного порядка. Речь идёт о поиске «срединного пути» между правовой универсализацией и сохранением имперской управляемости. Такой компромисс выражался не только в содержании реформ, но и в самой правовой форме их реализации – от уставных грамот до сословных избирательных курий, от мировых посредников до института воинской повинности.

Задачи исследования включают:

анализ дореформенной правовой системы как сословного порядка;

исследование концептов правовой модернизации в российской юриспруденции;

рассмотрение ключевых реформ как юридических компромиссов;

выявление механизмов правового баланса между интересами сословий;

реконструкция правосознания как фактора легитимации и ограничения реформ.

Методологическая база исследования опирается на историко-правовой анализ, сравнительно-правовой подход, институциональную теорию, а также элементы юридической герменевтики. Привлекаются нормативные акты, парламентские и административные протоколы, тексты правоведов, юридическая публицистика и воспоминания реформаторов.

Новизна подхода заключается в том, что реформы рассматриваются не как линейная либерализация или авторитарная подстройка, а как результат юридической стратегии выживания сословного государства в условиях давления модернизации. При этом право функционирует не только как инструмент власти, но и как поле переговоров между различными слоями общества.

В научной литературе элементы этой проблематики уже рассматривались. Так, А.И. Миллер поднимал вопрос о «сопротивляемости сословного порядка универсализирующим реформам» [1], а С.В. Мироненко анализировал политическую борьбу в верхах при подготовке реформ [2]. Однако сами правовые механизмы сословного компромисса как структурирующий элемент реформ остались на периферии научного внимания.

Статья направлена на восполнение этого пробела и формулирует гипотезу: реформы Александра II были юридически оформлены как компромиссная модель, в которой модернизация осуществлялась через сословные каналы и с их институциональной поддержкой.

Правовая система Российской империи первой половины XIX века была глубоко стратифицированной и сословной по своей природе. Закон не столько регулировал общественные отношения на универсальной основе, сколько закреплял различия между сословиями, определяя их права, обязанности, привилегии и механизмы взаимодействия с государством. Право служило не инструментом нивелирования, а архитектурной схемой социальной иерархии, в которой каждое сословие имело свою «юридическую нишу» – строго определённый объём правоспособности, подведомственность, судебную юрисдикцию и административный статус.

Основной правовой документ эпохи – Свод законов Российской империи 1832 года – был фактически кодификацией сословной логики. Разделение на дворян, духовенство, купечество, мещан и крестьян сопровождалось правовыми различиями в вопросах владения имуществом, наследования, доступа к образованию, службы, судопроизводства. Например, ст. 885 Свода закрепляла право дворян на суд своих сословных собраний, в то время как крестьяне подчинялись волостным и помещичьим судам, лишённым процессуальных гарантий [3]. Даже в уголовном праве существовали различия в мере наказания в зависимости от сословного происхождения осуждённого.

Ключевым элементом этой системы было крепостное право, официально существовавшее в виде юридически признанной зависимости крестьян от помещиков. Согласно ст. 195 того же Свода, помещик имел право на труд, личность и передвижение крестьянина, если соблюдаются налоговые обязательства перед государством. Это положение иллюстрировало парадокс имперского правопорядка: крестьянин одновременно был фискальным субъектом для государства и объектом частного права для помещика. Такой двойственный статус разрушал основы юридической универсальности и воспроизводил правовую фрагментацию.

Сословная модель закреплялась также в механизмах государственного управления. Администрация действовала по принципу различного отношения к населению в зависимости от его статуса. Доступ к суду, возможность апелляции, право на участие в органах власти и даже свобода передвижения – всё это регулировалось не общими правами, а сословными нормами. Право в данном контексте выступало как инструмент дифференцированного контроля и исключения.

Несмотря на отдельные попытки «смягчения» этой модели (например, Указ о вольных хлебопашцах 1803 года), структура права сохранялась неизменной. Как подчёркивал правовед Д.И. Мейер, «имперский закон не знает личности вне сословия» [4]. Эта формулировка отражает доминирующее понимание правового статуса как производного от социальной принадлежности.

Следствием такой модели была ограниченность юридических каналов мобилизации. Большинство крестьян, а также значительная часть городского населения были лишены не только реального участия в правотворчестве, но и инструментов правовой самозащиты. Сословный суд, административная зависимость, невозможность подачи петиций без посредников – всё это формировало замкнутый и стратифицированный правопорядок.

Таким образом, имперская правовая система до реформ Александра II не только не допускала равенства, но и была принципиально организована вокруг его отсутствия. Право функционировало как средство институционального закрепления неравенства, а сословие – как основной юридический фильтр доступа к государству. Именно с этой точки начинается траектория реформ: модернизация должна была не отменить сословие, а изменить его правовую конфигурацию.

Реформы второй половины XIX века в Российской империи не были спонтанными политическими актами – они основывались на развивающейся концепции правовой модернизации, адаптированной к специфике имперской власти и сословного строя. В отличие от западноевропейских моделей, где модернизация часто сопровождалась правовой эмансипацией, российский путь модернизации предполагал юридическое обновление без разрушения традиционной социальной архитектуры. Это требовало особого подхода, в котором право ста-

новилось не средством либерализации, а механизмом управляемых иерархических изменений.

У истоков отечественной концепции правовой модернизации стояли мыслители и юристы, сочетающие западные идеи с имперскими реалиями. Так, Б.Н. Чичерин в «Курсе государственной науки» отмечал: «Истинная сила закона – не в его отвлечённой справедливости, а в его способности регулировать жизнь так, чтобы не разрушать, а направлять» [5]. Это высказывание стало своего рода девизом российской правовой школы середины XIX века, стремившейся не к радикальному слоому, а к поступательному преобразованию форм правового регулирования.

В юридической мысли того времени прослеживается институциональное понимание реформы как смены формального выражения власти, а не её сути. Право воспринималось не как сфера естественных прав личности, а как выражение государственной воли, оформленной через нормативные процедуры. Следовательно, правовая модернизация в России не могла быть полной без участия самой бюрократической машины, что делало юристов – особенно служилых – важными агентами перемен.

С этим связана уникальность российского реформаторского процесса: инициатива шла не снизу, а сверху, и правовое оформление реформ рассматривалось как способ легитимировать изменения, оставаясь в рамках существующего порядка. Такие подходы были особенно заметны в трудах К.Д. Кавелина, который в отличие от западников настаивал на необходимости сочетания исторического пути России с правовыми реформами: «Наше право не должно быть заимствованным, но сформированным внутри, из самой ткани народного развития» [6].

Таким образом, в российской юридической доктрине второй половины XIX века формировались три ключевых принципа правовой модернизации:

Управляемость – право реформируется под контролем государства;

Постепенность – изменения вводятся поэтапно, с возможностью обратной коррекции;

Сословная адаптация – новые нормы внедряются через уже существующие социальные каналы, прежде всего сословия.

Этот подход повлиял и на саму структуру реформ Александра II. Ни одна из них не была построена на абстрактных правах человека; напротив, каждая из реформ – будь то отмена крепостного права, земская, судебная или военная – опиралась на сословные ограничения, иерархии и институциональные привязки. Так, уставные грамоты предоставлялись через помещичью власть, земства формировались по куриям, суды учитывали происхождение, а военная повинность распространялась с оговорками.

Следовательно, российская модель правовой модернизации представляла собой не слом прежней системы, а перенастройку её юридических механизмов, ориентированную на обеспечение

стабильности. Реформы Александра II стали выражением именно такой логики: они не отменяли сословность – они её «переводили» в язык модернизированного имперского права.

Реформы Александра II, начавшиеся в 1860-х годах, являются примером уникального для самодержавной системы юридически оформленного компромисса между модернизацией и сословным порядком. С одной стороны, они стремились преодолеть правовые ограничения, мешавшие развитию империи – прежде всего, крепостное право, неэффективная судебная система, закрытая структура местного управления. С другой – реформы были спроектированы и реализованы таким образом, чтобы не разрушать сословную иерархию, а наоборот – укрепить её, придав ей обновлённую юридическую форму.

Рассмотрим три ключевые реформы, отражающие эту логику:

1. Отмена крепостного права (1861) была, безусловно, самым масштабным юридическим актом эпохи. Однако она не означала мгновенного правового уравнивания крестьян. Манифест 19 февраля и сопровождающие «Положения» вводили временнообязанное состояние, сохраняющее ряд обязанностей крестьян перед помещиками. Кроме того, вопросы земли, выкупа, судебных прав регулировались через уставные грамоты, в составлении которых активно участвовали представители помещичьей администрации. Таким образом, освобождение сопровождалось формализацией ограничений, и сохранялось правовое разделение между бывшими крепостными и другими сословиями [7].

2. Земская реформа (1864) ввела выборные органы местного самоуправления – земства. Однако их структура строилась по куриальному принципу, где представители дворянства получали непропорционально большое представительство. Право участия в выборах, выдвижения и принятия решений было напрямую связано с имущественным и сословным статусом. Земства получили реальные полномочия в вопросах образования, здравоохранения, инфраструктуры, но они остались под контролем сословной логики, что исключало возможность создания по-настоящему универсального гражданского управления [8].

3. Судебная реформа (1864), несмотря на провозглашённые принципы гласности, состязательности и независимости судов, включала двойственность правоприменения. Наряду с общими судами создавались особые сословные (волостные, духовные) и военные суды. Кроме того, сама возможность быть присяжным, адвокатом или судьёй зависела от имущественного ценза, образования и социального положения. Таким образом, реформа предоставляла юридические новшества, но разграничивала доступ к ним.

Таким образом, каждая из реформ Александра II была сконструирована как юридическая структура с двусторонним механизмом: она декларировала расширение прав, но одновременно вводила регуляторы, ограничивающие это расши-

рение по сословному, имущественному или статусному признаку. Это позволяло реформировать систему, не выводя её за рамки имперской управляемости.

В юридической науке того времени данная стратегия не вызывала протеста, а наоборот – осмыслялась как необходимый элемент государственного баланса. Так, юрист и государственный деятель Н.А. Милютин писал: «Мы не должны устранять сословия, но обязаны дать каждому законное место в новой системе» [9]. Подобное понимание реформы как внутреннего перераспределения, а не разрушения, получило поддержку среди большинства представителей бюрократической элиты и правоведов.

Следовательно, реформы Александра II были не революционными по содержанию, а эволюционными по юридической форме. Их цель – не замена порядка, а его модернизация через право, с учётом всех сословных интересов, их символического веса и реального влияния.

Важнейшей особенностью реформ Александра II было не только содержание вводимых изменений, но и их юридическая конфигурация – то есть способы, с помощью которых осуществлялось согласование интересов различных сословий и социальных групп. Право в данном контексте выступало не как односторонний акт императорской воли, а как система институционального посредничества, где сословные интересы оформлялись через нормативные процедуры, гибко приспособленные к структуре имперского общества.

Один из центральных механизмов – уставные грамоты, вводившиеся в рамках крестьянской реформы. Эти документы фиксировали условия освобождения, размеры земельных наделов, формы платежей и обязательств. При всей своей стандартной форме они обладали возможностью локальной модификации, отражая переговорный характер права между помещиками и крестьянскими обществами. Окончательное оформление грамоты требовало не только подписи сторон, но и утверждения мировым посредником, что свидетельствовало о правовом треугольнике: частный интерес – общественный интерес – государственный контроль [10].

Мировые посредники, в свою очередь, стали уникальным институтом правовой модернизации. Их полномочия включали рассмотрение споров между сторонами, утверждение условий уставных соглашений, контроль за реализацией обязательств. По сути, это была фигура административного арбитра с правовыми функциями, специально введённая для удержания сословного баланса. Закон ограничивал самоуправство как помещиков, так и крестьян, и в то же время сохранял вертикаль власти через имперское представительство в лице посредников.

В земской реформе роль такого балансира исполняла куриальная избирательная система. Выборы строились по трём куриям: землевладельческой (дворяне), городской (мещане и купцы) и кре-

стьянской. Однако голос весов между ними был заведомо неравен: зажиточные дворяне имели гораздо большее влияние на состав земств. Юридически это оформлялось через имущественные цензы и многоступенчатые фильтры допуска. Тем самым система позволяла включить в управление крестьянские интересы, но в строго ограниченной, «фильтрованной» форме, что обеспечивало баланс без утраты контроля [11].

Подобную же роль играли ограничения на занятие должностей и участие в судебной системе. Судебная реформа хоть и декларировала равенство сторон и открытость процесса, но фактически включала нормы, ограничивавшие участие в присяжных и выбор на должности судей по цензу образования, происхождения, а часто и сословной принадлежности. Формально объявляя юридические нововведения универсальными, государство одновременно внедряло правовые барьеры, не позволяющие им полностью нивелировать структуру общества [12].

Таким образом, право в реформах Александра II выполняло двойственную функцию: с одной стороны, оно гарантировало новые формы участия, правового взаимодействия и защиты интересов различных сословий; с другой – через юридические конструкции и институциональные рамки оно воспроизводило прежние иерархии в изменённом виде. Именно в этом заключается компромиссная природа правовой модернизации: обновление структуры происходило не за счёт разрушения старого порядка, а через его переработку и адаптацию в нормативной форме.

Следовательно, юридические механизмы реформ не были вторичны по отношению к политическим решениям. Напротив, именно право становилось площадкой сословной артикуляции, где интересы оформлялись, ограничивались и институционализировались. Это делало право одновременно консервативным и адаптивным ресурсом власти в эпоху перемен.

Юридические реформы Александра II, будучи институционально оформленными и административно реализуемыми, не могли быть поняты вне контекста общественного правосознания – системы представлений о праве, его справедливости, обязательности и легитимности в глазах разных социальных слоёв. Правосознание не только отражало восприятие реформ, но и активно влияло на их восприятие, интерпретацию и практическое исполнение.

В дворянской среде, особенно среди либеральной части помещичьего сословия, реформы зачастую воспринимались как попытка восстановить легитимность власти через правовую упорядоченность. Так, в дневниках и записках представителей либеральной бюрократии неоднократно подчеркивается, что «закон теперь должен говорить вместо произвола» [13]. Тем не менее значительная часть помещиков рассматривала реформы как угрозу сословной стабильности, и даже юридическая обоснованность изменений не устраняла не-

доверия. Их правосознание опиралось на концепт естественного порядка, в котором сословные различия воспринимались как данность, а вмешательство государства – как правовой риск.

Среди крестьянства правовая реформа, особенно отмена крепостного права, воспринималась двусмысленно. С одной стороны, идея «вольной грамоты» была воспринята как символ освобождения, но с другой – сложная система выкупов, уставных грамот и ограничений порождала юридическое непонимание и недоверие. Архивные материалы свидетельствуют о массовом непонимании правового смысла «временнообязанного состояния», требований посредников и границ прав на землю. Это отражает низкий уровень правовой социализации крестьян и отсутствие унифицированного правового языка, способного донести смысл реформ до массового адресата [14].

В городском сословии, особенно среди мещан и купечества, реформы воспринимались как шанс на укрепление правового положения, но и как источник конкуренции. Земские собрания, доступ к суду, права на участие в выборах – всё это рассматривалось как возможность расширения правового поля, однако только для тех, кто обладал достаточным капиталом, образованием и статусом. Таким образом, правовая модернизация интерпретировалась как элитарный проект, в котором не все группы имели равный доступ.

Отдельное внимание заслуживает рефлексия реформ в юридической прессе и публицистике. В журналах «Вестник права», «Русская мысль», «Законодательный вестник» активно обсуждалась сущность реформ как «перелома между правом прежним, прерогативным, и правом будущим – регулируемым и рассудочным» [15]. В этих обсуждениях формировался новый тип правового мышления, предполагающий наличие процедуры, правового механизма, баланса интересов и предсказуемости. Тем не менее даже наиболее прогрессивные авторы признавали, что новое право сохраняет старую логику сословной фильтрации, и в этом состоит его двойственность.

Таким образом, правосознание эпохи Александра II демонстрирует сложное, неоднородное и нередко противоречивое восприятие реформ. Для одних они означали возможность правового диалога, для других – утрату статуса или бессодержательную декларацию. Общественная реакция, институциональное сопротивление, пассивная адаптация и правовая апатия – всё это сопровождало процесс внедрения новых юридических норм, делая восприятие закона политически и культурно обусловленным.

Юридическая рефлексия того времени показывает, что модернизация права была не только нормативным, но и ментальным процессом. Без изменения правосознания – как у власти, так и у общества – невозможно было бы реализовать устойчивую реформу. В этом контексте даже формальные нормы приобретали значение лишь тогда, когда

находили отклик в представлениях об устройстве правового порядка.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что реформы Александра II в Российской империи представляли собой юридически оформленный сословный компромисс, реализованный в условиях давления модернизации и необходимости сохранения имперской управляемости. Эти реформы были не революцией, а переопределением правовых границ: вместо ликвидации сословной системы произошло её нормативное обновление – с элементами участия, новыми институтами и перераспределением формальных прав, но без отмены стратификации как базового принципа.

В отличие от западных моделей правовой модернизации, построенных на идее универсального гражданства, российская модель сохранила структуру сословий как посредников между индивидом и государством. Отмена крепостного права, судебная и земская реформы, введение механизмов посредничества и уставных норм – все эти меры носили инклюзивно-ограничительный характер: они включали новые слои в правовое пространство, но на институционально контролируемых условиях.

Подтверждение гипотезы о правовой природе реформ как форме управляемого сословного компромисса прослеживается в трёх направлениях:

Содержание реформ выстраивалось вокруг ограничения чрезмерных прав одних групп и предоставления минимально допустимых прав другим – при сохранении правового баланса;

Механизмы реализации (уставные грамоты, куриальные выборы, посредники) носили характер селективных фильтров доступа к праву;

Правосознание и юридическая рефлексия эпохи свидетельствовали о том, что право рассматривалось как инструмент легитимации изменений, но не как средство радикальной трансформации порядка.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые реформы Александра II рассмотрены не как последовательность политических актов или административных решений, а как структурно выстроенная правовая стратегия, в которой модернизация осуществлялась без разрушения прежнего порядка, а посредством его юридической адаптации. Такой подход позволяет выявить глубинную правовую логику эпохи и оценить реформы в категории институционального правопорядка, а не только политических деклараций.

Практическая значимость результатов заключается в возможности использования модели правового компромисса при анализе других исторических процессов, где трансформация права осуществляется в условиях ограниченной политической конкуренции и сохранения статусных иерархий. Российский опыт второй половины XIX века показывает, как право может быть инструментом и модернизации, и консолидации.

Перспективы дальнейших исследований включают углублённый анализ конкретных региональных моделей правового применения реформ, изучение локальных вариантов адаптации права, а также сопоставление российской практики с аналогичными реформами в Пруссии, Австро-Венгрии и Османской империи. Особый интерес представляет анализ трансформации правового языка в период реформ: от сословного к процедурному, от иерархического к нормативному.

Таким образом, реформы Александра II были продуктом не только исторической необходимости, но и правовой инженерии, ориентированной на сохранение порядка через его юридическую модернизацию. Это придаёт исследованию правового аспекта реформ самостоятельное значение в историографии и правоведении.

Литература

1. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 76.
2. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале 1860-х годов. – М.: Наука, 1989. – С. 57.
3. Свод законов Российской империи. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И. В. канцелярии, 1832. – Т. 1. – Ст. 885.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Типография Университета, 1857. – Т. 1. – С. 17.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1894. – Т. 1. – С. 235.
6. Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. – СПб., 1861. – Разделы I–III.
7. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864. – Ст. 6–22.
8. Милютин Н.А. Дневники и письма. – М.: Наука, 1995. – С. 142.
9. Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. – СПб., 1861. – Раздел III–IV.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864. – Ст. 25–43.
11. Судебные уставы 1864 года. – СПб.: Тип. Сената, 1864. – Устав о судостроительстве, гл. III.
12. Самарин Ю.Ф. Избранные письма и записки. – М.: Университетская типография, 1901. – С. 88.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 1. Д. 48. – Ходатайства крестьян и материалы мировых посредников. – Л. 34–36.
14. Вестник права. – 1866. – № 2. – С. 17–22.

LEGAL MODERNIZATION AND ESTATE COMPROMISE: ON THE LEGAL NATURE OF ALEXANDER II'S REFORMS

Nikolaev I.

Tambov State Technical University

This article explores the legal nature of Alexander II's reforms as a form of legal modernization implemented within the framework of a preserved estate-based hierarchy. The study aims to determine the extent to which the reforms of the late 19th century were not only socio-political transformations but also the result of a normative compromise between the ideals of legal equality and the need to maintain imperial order. Based on the analysis of normative acts, legal thought, and the reformist codification process, the article argues that the reforms of the 1860s–1870s constituted a flexible model of legal adaptation. In this model, each estate group received new forms of legal subjectivity, albeit within the bounds of state-sanctioned control. Special attention is given to law as an instrument of balance between transformation and the preservation of authority. The article concludes that the reforms were juridically shaped as a compromise—combining modernization rhetoric with the persistence of fundamental estate structures.

Keywords: Russian Empire, legal modernization, estate system, Alexander II's reforms, codification, legal compromise, legal consciousness, imperial law.

References

1. Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. – p. 76.
2. Mironenko, S. V. (1989). *Samoderzhavie i reformy: Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale 1860-kh godov* [Autocracy and Reforms: Political Struggles in Russia in the Early 1860s]. Moscow: Nauka. – p. 57.
3. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Digest of the Laws of the Russian Empire] (1832). Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. – Art. 885.
4. Meyer, D. I. (1857). *Russkoye grazhdanskoye pravo* [Russian Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. – p. 17.
5. Chicherin, B. N. (1894). *Kurs gosudarstvennoy nauki* [Course in State Science]. Vol. 1. Moscow: M.G. Volchaninov Press. – p. 235.
6. *Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti* [Regulation on Peasants Released from Serfdom] (1861). St. Petersburg. – Sections I–III.
7. *Polozhenie o gubernskikh i uездnykh zemskikh uchrezhdeniyakh* [Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions] (1864). St. Petersburg. – Arts. 6–22.
8. Milyutin, N. A. (1995). *Dnevnik i pis'ma* [Diaries and Letters]. Moscow: Nauka. – p. 142.
9. *Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti* [Regulation on Peasants Released from Serfdom] (1861). St. Petersburg. – Sections III–IV.
10. *Polozhenie o gubernskikh i uездnykh zemskikh uchrezhdeniyakh* [Regulation on Provincial and District Zemstvo Institutions] (1864). St. Petersburg. – Arts. 25–43.
11. *Sudebnye ustavy 1864 goda* [Judicial Statutes of 1864]. St. Petersburg: Senate Press. – Statute on the Judiciary, Chapter III.
12. Samarin, Y. F. (1901). *Izbrannye pis'ma i zapiski* [Selected Letters and Notes]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. – p. 88.
13. Russian State Historical Archive (RGA). F. 577. Op. 1. D. 48. – Petitions by peasants and materials from Justices of the Peace. – fols. 34–36.
14. *Vestnik prava* [Herald of Law]. (1866). No. 2, pp. 17–22.

Онхонов Николай Владимирович,

студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: nikolayostrov2019@mail.ru

Соколова Светлана Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: SNSOKOLOVA@msal.ru

В статье описаны ключевые этапы разработки и создания Нюрнбергского трибунала над немецким военно-политическим руководством, проводившим преступную политику военной агрессии в годы Второй мировой войны. В основной части статьи приводятся документы, заложившие основу к созданию Нюрнбергского трибунала, позиции государственных деятелей, повлиявших на появление международного трибунала. В 2025 году в Российской Федерации отмечается 80-ая годовщина победы в Великой Отечественной войне. В современных условиях память об уроках Великой Отечественной войны и международного процесса над военными преступниками актуальна в условиях проведения Россией Специальной Военной Операции. Исследование условий и предпосылок организации Нюрнбергского процесса и его итогов актуализирует в общественном сознании важность восстановления справедливости в отношении жителей освобождённых территорий Донбасса и Новороссии. Люди, проживающие на этих территориях, систематически сталкивались с нарушением их прав, в т.ч. права на самоидентификацию, со стороны действующей власти в Киве.

Ключевые слова: агрессия, Международный трибунал, фашизм, нацизм, Нюрнбергский процесс, неонацизм.

Военно-политическое руководство Советского Союза с самого начала Великой Отечественной войны настойчиво и последовательно отстаивало идею проведения международного суда над руководителями нацистской Германии. Идея о международном трибунале над руководством целой страны, совершавшим в ходе войны военные преступления и преступления против человечности, стала инновационной для всей системы международного и развила важный правовой принцип – неминовимость наказания.

В ходе Великой Отечественной войны принимались меры нормативного характера по борьбе с фашистами и их пособниками. К нормативным правовым актам, принятие которых явилось первым шагом в учреждении трибунала, можно отнести ноту народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»¹.

На территории СССР советская юстиция первой начала создавать законные механизмы для наказания нацистов за их преступления.

Во время Нюрнбергского трибунала, собранные доказательства советской стороной использовались для раскрытия морального облика руководителей нацистской партии и их планов по уничтожению народов, проживающих на территории СССР. Действия немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях СССР явно свидетельствовали о стремлении к осуществлению зловещего плана «Ост», одобренного самим Адольфом Гитлером. Преступления, совершенные нацистами, были непреодолимыми для европейского континента. Советское военно-политическое руководство понимало необходимость привлечения фашистских руководителей к ответственности за масштаб и тяжесть их преступлений после окончания войны.

В ходе Великой Отечественной войны идея международного трибунала для руководства фашистской Германии прорабатывалась Советским Союзом, Соединёнными Штатами Америки и Великобританией. Однако, подходы, которые предлагались некоторыми должностными лицами, представляющими эти страны, не отражали приверженности к правовому решению вопроса о привлечении высшего руководства Третьего Рейха к ответственности.

Уинстон Черчилль неоднократно пытался убедить И.В. Сталина в целесообразности казни без

¹ Исаев И.А., Блинова В.В., Чупова М.Д. Нюрнбергский процесс и новый миропорядок (роль Советского Союза) : учебное пособие / Исаев И.А., Блинова В.В., Чупова М.Д. [и др.]; под ред. Исаева И.А. 2022. – С. 46.

суда нацистских главарей, попавших в плен. 4 октября 1944 года он сделал заявление в палате общин: «Нет уверенности, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг и Гиммлер, следует принять процедуру суда». Министр финансов США Г. Моргантау в меморандуме от 6 сентября 1944 года предлагал составить список немецких «архипреступников», чья очевидная виновность признана Объединенными Нациями и которые после взятия в плен и установления их личности должны быть немедленно расстреляны. За казнь без суда выступал государственный секретарь К. Хэлл¹.

Также, американская сторона опасалась, что процесс сбора доказательств будет не под силу будущим следователям, которым придётся работать с фактами совершённых нацистами преступлений.

22 января 1945 года военный министр, государственный секретарь и министр юстиции США представили президенту Ф. Рузвельту меморандум по вопросу о суде и наказании военных преступников. В нем содержался специальный раздел о трудностях, связанных с судебным преследованием, и, в частности, утверждалось: «...В тысячах случаев невозможно будет установить личность обвиняемых или привести их в причинную связь с отдельными преступными актами. Свидетели окажутся умершими, недоступными по другим причинам и разбросанными по разным местам. Собрание доказательств будет трудоемким и дорогостоящим, а технические проблемы, связанные с обнаружением и подготовкой доказательств для отдельных дел, будут пугающих размеров»².

В этом контексте следует упомянуть так называемый «Лондонский тупик» – период с конца 1944 по весну 1945 года, когда представители США, Великобритании и СССР безуспешно пытались согласовать формат будущего правосудия. Советская сторона настаивала на инкриминации агрессии как международного преступления, в то время как западные союзники не были уверены в юридической чёткости этого понятия. Только после настойчивых выступлений советских представителей, в том числе Андрея Вышинского, в дипломатических кругах удалось добиться включения «преступлений против мира» в будущий Устав Трибунала.

Малоизвестным остаётся и конфликт между французской делегацией и остальными союзниками. Франция, восстановившая суверенитет во многом благодаря союзникам, настаивала на полноценном участии в процессе. Однако Лондон и Вашингтон рассматривали её роль как символическую, а не юридически значимую. Лишь дипломатическое вмешательство Иосифа Сталина обеспечило Франции место в «Большой четвёрке» участников трибунала.

Необходимо отметить, что руководство фашистской Германии тщательно вело свою докумен-

тацию, в которой, в частности, хранились доказательства издания преступных приказов, актов, распоряжений и прочих документов. Немцы со свойственной им педантичностью записывали каждый свой шаг и, в данном случае, это облегчило задачу для органов Нюрнбергского трибунала в процессе предъявления обвинений против высших руководителей Третьего Рейха.

Однако, общая позиция стран антигитлеровской коалиции всё же была выработана в ходе Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 года. В совместном коммюнике от 11 февраля 1945 г. главы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции провозгласили, что от имени своих народов намереваются «подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию». Документы Ялтинской конференции имели много важных аспектов. Они, в частности, фактически впервые комплексно ввели в международный лексикон так называемую политику «трех Д» – демилитаризации, денацификации и демократизации³.

Нюрнбергский трибунал заложил основы для международного правосудия и дал историческую оценку нацизму, фашизму и режиму, установившемуся в 1933-ом году в Германии. Новый мировой порядок, сложившейся после Второй мировой войны, закрепил статус Советского Союза, как одной из двух сверхдержав наравне с Соединёнными Штатами Америки. Главным инструментом нового мирового порядка стала Организация Объединённых Наций, которая наделяла великие державы – Францию, Великобританию, Китай, США и СССР местами постоянных членов Совета Безопасности ООН с правом вето.

В истории международного правосудия Нюрнбергский процесс заложил фундамент для новой архитектуры, не только вынося приговоры конкретным преступникам, но и в утверждении концепции персональной ответственности. Было впервые закреплено, что физическое лицо может быть признано виновным в преступлениях международного характера, независимо от его статуса или служебного положения. Таким образом был отклонен прежний подход, когда государство было единственным субъектом международного права, а преступления рассматривались как внутренние дела национальной юрисдикции.

Начиная с появления Международного уголовного суда в Гааге в 2002 году, последовавшего за трибуналами по бывшей Югославии и Руанде, было утверждено прямое продолжение основополагающих юридических и этических принципов, заложенных в Нюрнберге. Нюрнбергский трибунал, в свою очередь, стал значимым этапом в институционализации всемирной юридической ответственности, а не просто результатом Второй мировой войны.

¹ Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. – М.: Политиздат, 1986 – С. 13.

² Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. – указ. соч. – С. 14.

³ Звягинцев А.Г. Нюрнберг. Высший суд / Александр Звягинцев. – Эксмо – (Кинопремьера мирового масштаба), 2023 – С. 22.

Современные практики привлечения лидеров к ответственности за геноцид, преступления против человечности и преступления агрессии опираются на утвержденные и проверенные в ходе Нюрнбергского процесса нормы. Примеры таких судебных дел, как процесс над Слободаном Милошевичем, рассмотрение событий в Дарфуре или обвинения против африканских диктаторов, невозможно было бы представить без установленного судебного прецедента в период с 1945 по 1946 годы. Нюрнбергский трибунал создал прецедент и заложил основы для международно-уголовного и международно-гуманитарного права.

Именно с закрепления принципа международной уголовной ответственности физических лиц в Уставе Международного военного трибунала появляется не свойственная международному праву до 1945 года охранительная функция, выражающаяся в непосредственном применении норм международного уголовного права и международного гуманитарного права¹.

Фашизм был оценен человечеством как явление, наиболее приближенное к мировому абсолютному злу. Германия, породившее это зло, приняла груз соответствующей ответственности (оккупация, репарации, лишение важных компонент суверенитета). В моральном отношении она искупала свою вину через всеобщее национальное покаяние².

Нюрнбергский трибунал стал не только судебным актом, но и актом коллективной памяти. Через свидетельства очевидцев, демонстрацию документов и показ фильмов на заседаниях суда была сформирована нарративная база, на которой позднее выросла общественная память о нацизме как воплощении зла. Именно благодаря документированной жестокости, приведённой в зале суда, стало невозможным отрицание Холокоста, оправдание нацистской оккупации и ревизия ключевых итогов Второй мировой войны.

Однако, роль Советского Союза в победе над нацизмом в последующие годы начала оспариваться западными государствами. Сторонники ревизионистской концепции пытались приравнять «сталинизм» и «гитлеризм» в послевоенные годы. Решение ПАСЕ от 23 августа 2009 года «об определении Европейского дня памяти сталинизма и нацизма» является одним из основополагающих в принижении роли Советского Союза в победе во Второй мировой войне европейскими государствами.

В стремлении исказить и вычеркнуть роль России как победителя во Второй мировой войне, западные государства начали поддерживать нацистские движения на Украине, путём продвижения

идеи «украинской идентичности, противопоставляющей себя русской».

На протяжении последних двух десятилетий на Украине наблюдается устойчивый и опасный тренд на политическую и идеологическую реабилитацию нацистских коллаборационистов, прежде всего тех, кто в годы Великой Отечественной войны сотрудничал с немецко-фашистскими оккупационными силами. Речь идет о таких организациях, как Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА), чьи участники принимали непосредственное участие в геноциде мирного населения, в том числе в массовых убийствах поляков, евреев и русских.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что прославление пособников нацизма происходит не на маргинальном уровне, а при поддержке государственных структур. Бывшие боевики УПА удостоены звания «Герой Украины», в украинских городах устанавливаются памятники Степану Бандере, Роману Шухевичу и другим деятелям, несущим на себе ответственность за преступления против человечности. Подобная практика прямо противоречит итогам Нюрнбергского трибунала, где идеология нацизма была признана преступной, а любые формы её пропаганды – недопустимыми.

С 2014 года, после вооружённого государственного переворота на Украине, новая власть взяла курс на насильственную украинизацию, исключение русскоязычного населения из общественно-политического процесса и системное подавление альтернативной идентичности. На юго-востоке страны, в Донецкой и Луганской областях, начались карательные операции против мирного населения, выразившего несогласие с действиями Киева.

Эти события нельзя рассматривать вне исторического контекста – именно на территориях Донбасса, где сильны исторические связи с Россией, проживает множество людей, для которых русский язык и культура являются основой самоидентификации. Преследование этих людей за их убеждения, вплоть до применения военной силы, массовых обстрелов, блокад и гуманитарных катастроф, имеет все признаки этноцида и политической репрессии.

Политические элиты ряда государств – особенно США, Великобритании, Канады, Польши, Германии – демонстрируют избирательность в подходе к вопросам прав человека и исторической ответственности. Когда речь заходит о нацизме, связанном с современными союзниками Запада, стандарт оценки резко снижается. Это приводит к тому, что прямые потомки и последователи фашистских коллаборационистов оказываются не только безнаказанными, но и поддерживаемыми.

Так, Европейский парламент отказывается признавать преступный характер деятельности УПА, а правозащитные организации, такие как Amnesty International или Human Rights Watch, крайне сдержанно реагируют на преступления украинской стороны, предпочитая сосредотачиваться исключительно на действиях Российской Федерации.

¹ Васякина Е.В. Эволюция международных уголовных трибуналов: 1945–1994 гг.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Васякина Елена Владимировна; – 2014. – С. 18.

² Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. – С. 47–48.

Современный мир сталкивается с угрозами, аналогичными тем, что имели место в XX веке: возрождение неонацистских движений, расовая и этническая ненависть, агрессивный национализм, милитаризм. Процессы в США, Европе, на Ближнем Востоке и в Африке демонстрируют, что гуманитарные катастрофы, массовые убийства, этнические чистки и идеологическое оправдание насилия не остались в прошлом.

Российская Федерация в этой связи выступает за возвращение к принципам, заложенным в основу Нюрнбергского процесса. Поддержка проектов по восстановлению исторической справедливости, противодействие фальсификациям, защита прав русскоязычного населения на постсоветском пространстве – всё это является прямым продолжением уроков, усвоенных после 1945 года.

Важно понимать, что правосудие – это не только акт возмездия, но и форма профилактики. Именно поэтому крайне важно воспроизводить правовые и моральные основания Нюрнбергского трибунала в отношении новых проявлений агрессии, будь то действия террористических организаций, этнические чистки или агрессивная информационная политика, подрывающая историческую истину.

Российская Федерация на государственном уровне предпринимает все необходимые меры для борьбы фашистской идеологией. Российские дипломаты стоят на страже исторической памяти, когда в странах Прибалтики, Польши, Чехии и других предпринимаются провокации против символов, связанных с Красной Армией и её ролью в освобождении Европы от фашизма.

В связи с восьмидесятилетней годовщиной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне в 2025 году, напоминание итогов того трибунала является важным условием усвоения итогов для современного времени.

Литература

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017.
2. Васякина Е.В. Эволюция международных уголовных трибуналов: 1945–1994 гг.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Васякина Елена Владимировна; – 2014.

3. Гилберт, Густав Марк Нюрнбергский дневник [Текст] / Густав Марк Гилберт; [пер. с англ. А.Л. Уткина]. – (Военный архив: ВА) – 2012.
4. Звягинцев А.Г. Нюрнберг. Высший суд / Александр Звягинцев. – Эксмо – (Кинопремьера мирового масштаба), 2023.
5. Исаев И.А., Блинова В.В., Чупова М.Д. Нюрнбергский процесс и новый миропорядок (роль Советского Союза): учебное пособие / Исаев И.А., Блинова В.В., Чупова М.Д. [и др.]; под ред. Исаева И.А. 2022.
6. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. – М.: Политиздат, 1986.

THE NUREMBERG TRIBUNAL: HISTORICAL SIGNIFICANCE AND LESSONS FOR MODERNITY

Onkhonov N.V., Sokolova S.N.

Kutafin Moscow State Law University

This article describes the key stages in the development and establishment of the Nuremberg Tribunal against the German military-political leadership that pursued a criminal policy of military aggression during World War II. The main section presents the foundational documents of the Nuremberg Tribunal and the positions of state leaders who influenced the creation of this international body. In 2025, the Russian Federation celebrates the 80th anniversary of victory in the Great Patriotic War. In the current context, the memory of the lessons of the Great Patriotic War and the international trial of war criminals is especially relevant, particularly in light of Russia's Special Military Operation. Studying the conditions and prerequisites for organizing the Nuremberg Trials and their outcomes highlights the importance of restoring justice for residents of the liberated territories of Donbas and Novorossiia, who have repeatedly faced rights violations, including the right to self-identification, from the authorities in Kyiv.

Keywords: aggression, International Tribunal, fascism, Nazism, Nuremberg Trials, neo-Nazism.

References

1. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Modern Fascism: New Faces and Manifestations. Moscow: Nauka i Politika, 2017.
2. Vasyakina E.V. The Evolution of International Criminal Tribunals: 1945–1994. Dissertation abstract for Candidate of Legal Sciences. 2014.
3. Gilbert, Gustave Mark. Nuremberg Diary. [Trans. from English by A.L. Utkina]. (War Archive Series), 2012.
4. Zvyagintsev A.G. Nuremberg. The Supreme Court. Eksmo, 2023.
5. Isaev I.A., Blinova V.V., Chupova M.D. The Nuremberg Trials and the New World Order (The Role of the Soviet Union): A Study Guide. Edited by I.A. Isaev, 2022.
6. Raginsky M. Yu. Nuremberg: Before the Judgment of History. Memoirs of a Participant in the Nuremberg Trials. Moscow: Politizdat, 1986.

Теория уголовного права для врагов Г. Якобса: концептуально-исторические основания и пределы применимости

Потапов Глеб Евгеньевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
E-mail: glebolshanskyu@gmail.com

Статья посвящена критическому осмыслению теории «уголовного права для врагов» (Feindstrafrecht), разработанной Г. Якобсом. Цель исследования заключается в теоретико-правовом анализе концептуальных оснований указанной теории, а также в выявлении её значения и границ применимости в современных условиях трансформации уголовного права. В работе рассмотрены философско-правовые источники теории, включая работы основоположников теории общественного договора, кантовскую концепцию правового субъекта, системную социологию Н. Лумана, политико-теологический подход К. Шмитта и нормативно-функциональный подход самого Якобса. Анализируются ключевые элементы: противопоставление «гражданина» и «врага», отказ от универсальных гарантий, усиление превентивной функции наказания, девальвация процессуальных прав. Подчеркивается, что теория Якобса, несмотря на ограниченность формализованной структуры и критериев разграничения субъектов, отражает тенденции актуальной уголовной политики в ряде стран. Сделан вывод о том, что практическое применение концепции возможно лишь в условиях жёсткого контроля со стороны конституционного права и с сохранением универсальных правовых гарантий как основы правового государства. Акцентируется необходимость предельно осторожного обращения с теорией, допускающей правовую дифференциацию субъектов, с учётом рисков отхождения от принципа равенства всех перед законом.

Ключевые слова: уголовное право для врагов; Гюнтер Якобс; враг; гражданин; исключение; правовой порядок; теория права; процессуальные гарантии; права человека; теория общественного договора.

Введение

Концепция Feindstrafrecht (уголовного права для врагов), выдвинутая Г. Якобсом в 1985 году на конференции, посвященной тенденциям уголовного права, представляет собой одну из наиболее дискуссионных и неоднозначных правовых теорий. Описывая некоторые из действующих на тот момент законов в ФРГ (позже признанных антиконституционными) Г. Якобс констатирует неэффективность наказания в рамках классического уголовного права и предлагает новый уголовный закон, который строже традиционных уголовно-правовых мер, но менее агрессивен, чем военное положение. Цель этого закона – устранить опасность, исходящую от людей, не разделяющих ценностей основополагающей части общества. Другими словами, государство обязано реагировать принудительными мерами исключения против тех, кто желает уничтожить правовую систему. [1, с. 752–753]. В рамках своей концепции Г. Якобс противопоставляет два типа уголовного права – для граждан и для врагов, различие между которыми коренится не в структуре преступления, а в статусе субъекта. Теория Г. Якобса выходит за рамки предметной уголовно-правовой теории, включая в пласт теоретизации критически важные вопросы о допустимости фрагментации правового пространства, легитимности т.н. нормативных исключений и устойчивости правового государства в условиях дестабилизирующих внутренних угроз [2, с. 16–17].

Начиная с дескриптивного вводного курса о тенденциях предварительной криминализации Г. Якобс в ходе собственного теоретического становления, в конечном счете, приходит к утвердительному обоснованию необходимости введения, если не полнофункционального уголовного права для врагов, то хотя бы частичного его воплощения, в виде детального закрепленного конституционного механизма.

Г. Якобс утверждает, что привычный правовой порядок не может функционировать в отношении тех, кто систематически разрушает предпосылки его существования. В таком случае, субъект перестаёт быть личностью в юридическом смысле и становится врагом – объектом управленческого воздействия, подлежащим изоляции или нейтрализации. [1, с. 753]

Концептуальные основания теории

Системной предпосылкой в теоретической конструкции Якобса занимает концепт исключения. Здесь

можно проследить методологическое влияние работ другого видного немецкого теоретика права К. Шмитта, в особенности его труд «Понятие политического», в котором он формулирует знаменитое определение суверена как того, кто принимает решение о чрезвычайном положении [3, с. 8]. В рамках правовой теории это означает наличие такой ситуации, при которой формальное право приостанавливается, а на его место приходит прямая власть [4, с. 126]. Г. Якобс переосмысливает шмиттовскую категорию исключения, трансформируя её из политико-теологического в юридико-функциональное измерение.

Уголовное право для врагов характеризует четыре основные черты:

- 1) Широкая превентивная криминализация, в рамках которой санкции наступают не только за деяние, но и за установленный риск его совершения.
- 2) Отсутствие корректировки наказания. Что означает полное исключение смягчающих обстоятельств.
- 3) «Либеральное» уголовное законодательство трансформируется в антикриминальное. Оно не ставит своей целью исправление лица, необходимость обеспечения безопасности законопослушных граждан выходит на первый план.
- 4) Отказ от уголовно-процессуальных гарантий в отношении тех, кто классифицируется как внутренний враг [5, с. 242].

Государство, согласно Якобсу, в определённых ситуациях отказывается рассматривать индивида как носителя субъективных прав и вместо этого применяет к нему меры, направленные не на восстановление правового порядка, а на защиту от исходящей от него угрозы. Демонстративная реакция государства всегда происходит за счет лица, ответственного за нарушение нормы, основной целью негативной общей профилактики является широкая общественность, наказание направлено на то, чтобы не допустить совершения преступлений другими лицами, помимо конкретного преступника. Таким образом, оно направлено, главным образом, чтобы оказать психологическое принуждение на потенциальных преступников и удержать их в рамках закона посредством угрозы наказания [6, с. 183].

Исходя из вышеизложенного, в сущности, теория Якобса предлагает радикальное переосмысление роли не только целей и функций уголовного права, а всей правовой системы в целом, балансируя между нормативной теорией и правовым реализмом.

Структурно теории Якобса состоит из трех ключевых элементов:

1. Уголовное право для граждан (Bürgerstrafrecht) действует как форма символической коммуникации. Наказание не столько причиняет вред, сколько подтверждает действительность правовой нормы (Normgeltung). Согласно Якобсу, «преступление – это сообщение, что норма утратила свою силу; наказание – это обратное

сообщение, что она по-прежнему действует». Уголовное право для граждан направлено против непоследовательных, беспринципных правонарушителей в этом случае правонарушитель сохраняет свой личный статус, поскольку совершение поправимой гарантии дает когнитивную гарантию на соответствие стандарту в будущем. Уголовное право для врагов направлено против «принципиальных извращенцев», исключенных из общества. [1, с. 760].

2. Уголовное право для врагов (Feindstrafrecht) вводится в исключительных случаях – при наличии устойчивой и осознанной деструктивной позиции субъекта по отношению к правовому порядку. Это лица, чья деятельность представляет угрозу не отдельным правам, а основам правопорядка – террористы, участники преступных организаций, боевики, системные экстремисты. В таких случаях право трансформируется: наказание теряет воспитательную функцию, заменяется на упреждающие и нейтрализующие меры – задержание без суда, превентивная изоляция, расширенный надзор. Это не временная чрезвычайная мера по восстановлению общественного порядка после вспышка неких социальных беспорядков, а скорее постоянный, законный способ исключения всех тех, кто встал на преступный путь вне закона. В уголовном праве врага противник, в первую очередь, рассматривается как источник опасности. Однако это не означает, что единственной целью является его устранение. Якобс выделяет две категории врагов: полных и частичных, различие между полными и частичными врагами основано на степени отстраненности субъекта от правового порядка и характере угрозы, которую он представляет. Полный враг, по мнению Якобса, является главным противником, «он является противником общества, созданном на основе свободы», примерами тотальных врагов являются террористы и иные преступники, являющиеся частью сплоченной криминальной структуры, в отношении полных врагов невозможна ресоциализация: такой субъект не признаётся участником правового диалога, поэтому цели наказания, ориентированные на восстановление правовой личности, к нему неприменимы. Частичный противник лишается части своих прав, но его обязанности остаются нетронутыми, это субъект, чьё поведение демонстрирует признаки враждебности, но не в полной мере исключает его из правового общения, при определённых условиях такой субъект может снова стать полноценным участником юридической коммуникации [7, с. 53].
3. В теоретической основе лежит принцип поддержания действительности правовой нормы (Normgeltung). Эта категория фундаментальна для понимания различия между правосудием и механизмом исключения. Гражданин нарушает норму, но остаётся субъектом права;

враг утрачивает эту субъективность и рассматривается не как участник правовой коммуникации, а как угроза, подлежащая нейтрализации.

Другой функциональной предпосылкой, на которую опирается теория Г. Якобса, является представление о праве как системе нормативных ожиданий. Данное положение восходит к социологической теории систем Н. Лумана, рассматривающей право, как замкнутую систему, поддерживающую себя через воспроизводство коммуникаций. Когда индивид последовательно отвергает участие в этой системе – он тем самым ставит себя вне её границ. Г. Якобс констатирует: «если субъект разрушает основы коммуникации, то он исключается из сферы действия норм» [8, с. 48].

Согласно Г. Якобсу, человек представляет собой коммуникативно сконструированного адресата прав и обязанностей. В рамках коммуникативного взаимодействия индивиды воспринимают друг друга как равноправных личностей. Это означает, что от участников взаимодействия можно обоснованно ожидать нормативного поведения, поскольку сама коммуникация предполагает, что собеседник не станет нарушать установленные нормы. Так, например, каждый участник дорожного движения понимает, что красный сигнал светофора требует остановки, и, соответственно, следует этому требованию, реализуя общее нормативное ожидание. Таким образом, человек предоставляет, по выражению Г. Якобса, минимальную когнитивную гарантию соблюдения нормы, его поведение должно быть интерпретируемо как направленное на принятие и соблюдение данной нормы. Уголовное право врага, с этой точки зрения, опирается на особую форму коммуникативного взаимодействия, в котором к другому относятся как к равному, а также предполагается, что и сам субъект будет восприниматься как равноправный участник общения, следовательно, право применимо лишь к тем, кто соответствует критериям личности, к тем, кто способен быть признанным носителем прав и обязанностей. Это выражается в формуле: «справедливость – для тех, кто может быть представлен как личность» [1, с. 874].

Отвечая на вопрос, когда преступников следует называть врагами, Г. Якобс утверждает, что обычные преступники – это субъекты права. Таким образом, ранее обозначенного велосипедиста, проехавшего на красный свет не следует классифицировать как врага из-за этой незаконности. Г. Якобс постулирует возможность вести себя таким образом, чтобы единожды виновные в преступлении или нескольких правонарушениях, но, в целом, выполняющие свои обязанности совокупности нормативных предписаний, оставляли возможность найти для себя более подходящий *modus vivendi* (9, с. 292). Напротив, враги пытаются низвергнуть законный порядок и установить прямую силу. Эти люди своим негативным отношением к закону исключают себя от общества, «потому что исключение в свободном обществе всегда самоисключе-

ние» [9, с. 293]. И как следствие: «Тот, кто слишком открыто отрицает свой разум или, тот, кто слишком открыто делает свою личность независимой от условия правового сообщества, не может осмысленно рассматриваться как лицо, обладающее правами стать ею, по крайней мере, в ближайшее время» [1, с. 868].

Исторические основания теории

Важную часть в общетеоретическом построении Якобса играет юридическая философия эпохи Просвещения. В первую очередь, это концепция общественного договора Т. Гоббса, полагающая, что люди связаны реальным или гипотетическим договором о формировании гражданского общества, учреждая посредством него свои права и обязанности, легитимность которых не подвергается сомнению до тех пор, пока находит общий интерес у большинства граждан [10, с. 99–100].

Исследуя труды философов Просвещения Г. Якобс приходит к выводу о том, что идея о разделении правонарушителей на преступников и врагов генеалогически восходит к теории общественного договора и является неотъемлемой ее компонентой. Так, в качестве обоснования своей позиции Якобс приводит следующую цитату Т. Гоббса:

«Ущерб бунтовщикам наносится не по праву наказания, а по праву войны. Однако тот, кто объявлен врагом государства, может по праву быть подвергнут любой расправе. Отсюда следует, что если подданный станет делом или словом умышленно и преднамеренно подкапываться под авторитет представителя государства, то он может быть по праву подвергнут любой расправе, которую представитель государства пожелает (какое бы наказание ни было предварительно установлено за измену). Ибо своим отказом подчиниться закону он отвергает и установленное законом наказание, а поэтому подвергается расправе как враг государства, т.е. согласно воле представителя. Ибо наказания, установленные в законе, предназначены для подданных, а не для врагов, каковыми являются те, кто, будучи подданными на основании своих собственных действий, умышленным бунтом отрицают верховную власть» [11, с. 215–216].

Среди иных авторитетов в чьи измышления Якобс находит подтверждение своему предположению выступают Ж.Ж. Руссо, И. Фихте и И. Кант.

Однако, Якобс, будучи конституционалистом, не разделяет крайних форм радикализма в использовании модели договора в качестве регулятора, комментируя данную цитату Ж.Ж. Руссо: «Когда кто-либо, нарушая законы, становится виновным, он тем самым перестаёт быть членом государства; он нарушает общественный договор, и его уничтожение не является актом мести, а необходимой мерой для сохранения государства. Таким образом, виновному позволено умереть не столько как гражданину, сколько как врагу». Якобс настаивает на том, что правовая система должна также сохра-

нять права обычного преступника, в качестве необходимых аргументов, он приводит право реабилитации и возвращения преступника в общество, для этого ему необходимо сохранить свой статус гражданина, во-вторых, правонарушитель обязан возместить причиненный ущерб, таким образом, человек не может самостоятельно исключить себя из общества через совершения преступления [12, с. 89].

Г. Якобс указывает на разный статус гражданина и противника и у Канта, который зависит от степени участия в «коммуникативно-правовом государстве». Любой, кто не интегрируется, должен уйти и не может рассматриваться как личность. Помимо прочего, Кант также различает врожденную, пожизненную личность и юридическую личность, последнее может быть утрачено правонарушителем, тем самым, вернув его в естественное состояние [12, с. 90].

В связи с этими мыслями, Г. Якобс цитирует также И.Г. Фихте, последователя и продолжателя критической философии И. Канта, И.Г. Фихте утверждает: «Кто нарушает гражданский договор, будь то намеренно или по неосторожности, там, где в договоре рассчитывали на его рассудительность (когнитивные гарантии), строго говоря, теряет все свои права как гражданина и как человека, и становится полностью бесправным. А также «Всякое преступление исключает из государства (преступник становится вне закона, т.е. его безопасность не гарантирована так же точно, как безопасность птицы» [13, с. 228].

Последовательно развивая приведенную теоретическую линейность, Г. Якобс [12, с. 92], устанавливает, что враги не могут принудить себя к гражданскому состоянию, следовательно, они также не могут пользоваться преимуществами личного статуса. Они не имеют права и не выполняют обязанности, они живут в свободном от закона пространстве, в правовом вакууме, как это называет сам автор, правонарушитель своим действием наносит вред гипотетическому договору о формировании гражданского общества, поэтому государство при их преследовании больше не придерживается правовых норм, а действует с помощью принудительных мер. Устранение опасности является одновременно и причиной, и целью уголовного права для врага. Однако оно не является набором правил для неограниченного уничтожения гипотетического антагониста, но выступает в качестве последнего средства (Ultima Ratio). [9, с. 294] В конечном счете, Теория Г. Якобса органично вписывается в немецкую правовую традицию, тяготеющую к системному и функциональному анализу. Она наследует кантовскую концепцию моральной личности, для которой субъект обладает достоинством, пока он действует по законам, которые сам себе может предписать.

Практическое применение

На практике концепция Г. Якобса никогда не была оформлена в строгий закон, но оказала сильное

идеологическое влияние на дискуссию об антитеррористическом и превентивном законодательстве. После терактов начала XXI в. многие страны расширили, либо пытались расширить превентивное уголовное преследование [14, с. 14–15].

Ярким примером реализации логики уголовного права для врагов в современном мире служит практика массовых задержаний в Республике Сальвадор. С 2022 года в стране введен режим чрезвычайного положения, в рамках которого власти арестовали более 70 тысяч человек, подозреваемых в принадлежности к бандформированиям. При этом судебные гарантии минимизированы, случаи предварительного заключения без предъявления обвинений стали обычной практикой [15, с. 71]. Президент Н. Букеле прямо заявил, что для него существуют приоритизация одних прав над другими: «Они говорят, что я нарушаю права человека. Чьи права человека Честных людей? Нет. Мы просто ставим права честных людей выше прав преступников, и они называют это нарушением прав человека».

Администрация 47-го президента США Д. Трампа депортировала в Сальвадор 238 граждан Венесуэлы, которых она считает членами террористической организации «Трен-де-Арагуа», связанную с правительством Венесуэлы. Под этим предлогом администрация применила «Законы об иностранцах и подстрекательстве к мятежу», которые позволяют президенту высылать неграждан, либо граждан с двойным гражданством во время войны или вторжения, объявив членов «Трен-де-Арагуа» иностранными врагами, подлежащими изгнанию и объявлению врагами США. 179 из 238 депортированных венесуэльцев не были осуждены и не имели выдвинутых против них обвинений. Практика такого рода депортаций сопровождается логикой исключения, которая буквально воспроизводит ключевые посылы Г. Якобса в виде нарушения процессуальных гарантий, учреждении превентивной криминализации, рассмотрении определенных людей не как носителей прав и обязанностей, а как источник опасности для правовой системы.

Аналогичные черты можно обнаружить и в американской практике задержания людей, обвиненных в связи с террористами в лагере Гуантанамо, где содержание без суда оправдывалось необходимостью защиты национальной безопасности в рамках «войны с терроризмом», рассуждая о принятых мерах, Г. Якобс прямо указывал, о практически идеальном типе воплощения логики уголовного права для врагов. [12, с. 89] Среди других примеров, интерпретирующих полагания Г. Якобса в необходимом ключе, можно привести Британский акт противодействия терроризму 2005 г., позволявший министру внутренних дел налагать ограничительные меры на лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, что, в большинстве случаев, являлось серьезным отступлением от гражданских прав. [16, с. 24–26] А также, во Франции, после серии терактов 2015 года, были введены меры превентивного надзора, включая

превентивный домашний арест, за предполагаемую связь с террористическими организациями, без формально выдвинутого обвинения [17, с. 76].

Критика концепции Якобса

Основная критика, выдвигаемая против теории Г. Якобса, заключается в подрыве универсалистской природы права. Введение категории «врага» нарушает фундаментальный принцип равенства всех перед законом. Как подчёркивает К. Роксин, «право, которое выбирает своих субъектов, перестаёт быть правом» [18, с. 134]. Кроме того, теория Якобса открывает путь к легитимации чрезвычайных режимов, которые могут применяться произвольно, выходя за рамки классического уголовного права, трансформируясь в режим правового исключения, так как, Якобс прямо не указывает какие правовые и политические процедуры должны определять момент, когда наступает исключительное правоприменение.

Другой важной частью критики Г. Якобса выступает отсутствие должной формализации. Идея «Reinform», то есть идеального образца уголовного права для врагов, по сути, остается сугубо гипотетической. Более того, Г. Якобс подчеркивает, что ни одно ни другое (ни чистое «право для граждан» ни чистое «право для врагов») право на самом деле не существует, в действительности являясь смешанными формами. Исходя из этого, отсутствие формального образца констатирует о серьезном недостатке правовой аргументации, поскольку не дает ни законодательной модели, ни процессуальной формы, ни четко разграниченных критериев определения гражданина в качестве врага [19, с. 338–339].

Тем не менее, Г. Якобс не предлагает введения постоянного исключения, а лишь требует признания уже существующего двойственного положения права. Его теория – это, в первую очередь, аналитический инструмент, призванный раскрыть противоречие между нормой и безопасностью. По его мнению, «лучше честно признать существование исключения, чем продолжать делать вид, что право одинаково для всех [12, с. 95].

Заключение

Г. Якобс яркий пример мышления теоретика права, который находится вне правовой конъектуры. Интересные интуиции, но слабая формализация и плохо обоснованные выводы. Итоги дискуссии свидетельствуют о том, что идея «уголовного права для врагов» в ряде случаев стимулирует ответную усиленную защиту прав человека. Однако ученые предупреждают, что политика «врагов» «подрывает базовые правовые принципы» и рискует превратить граждан в подозреваемых. Его концепция поднимает вопросы допустимости государственного применения усиленных мер против лиц, представляющих угрозу общественной безопасности. Несмотря на возможную эффективность таких подходов, они

требуют постоянной юридической и этической оценки еще на предварительных стадиях обсуждения. Принципы равенства перед законом, справедливости и защиты прав человека по-прежнему остаются фундаментом правового государства и не должны уступать своего места даже в условиях усиленной борьбы с преступностью.

Литература

1. Jakobs G. Kriminalisierung im Vorfeld einer Rechtsgutverletzung // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. – 1985. – Bd. 97. – С. 751–785.
2. Viquez Azofeifa K. Die Rezeption des «Feindstrafrechts» in Lateinamerika. – Hamburg: Univ. Hamburg, 2011. – 324 с.
3. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
4. Васильев А. А., Талибуллина З.Р. Все ради сильного государства: концепция суверенной диктатуры в видении Карла Шмитта // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 123–128.
5. Исаев В.В. Основные положения теории Гюнтера Якобса «Feindstrafrecht» и их отражение в уголовном законодательстве России, Германии и США // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3 (178). – С. 241–243.
6. Kratz S. Feindstrafrecht: eine philosophische Analyse. – Berlin: Duncker & Humblot, 2021. – 280 с.
7. Jakobs G. Das Selbstverständnis der Strafrechtswissenschaft vor den Herausforderungen der Gegenwart // Die deutsche Strafrechtswissenschaft vor der Jahrtausendwende: сборник статей / под ред. Н. Eser, W. Hassemer, F. Burkhardt. – Мюнхен: C.H. Beck, 2000. – С. 47–56.
8. Norm, Person, Gesellschaft: Vorüberlegungen zu einer Rechtsphilosophie. – 2-е изд. – Berlin: Duncker & Humblot, 1999. – 312 с.
9. Jakobs G. Feindstrafrecht? Eine Untersuchung zu den Bedingungen von Rechtllichkeit // HRRS. – 2006. – № 8–9. – С. 289–297.
10. Балаклеец Н.А. Феномен политического и границы насилия // Современные философские исследования. – 2023. – № 1. – С. 97–106.
11. Гоббс Т. Левиафан / пер. А. Гутермана. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.
12. Bürgerstrafrecht und Feindstrafrecht // HRRS. – 2004. – № 3. – С. 88–95.
13. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения: пер. с нем. А.К. Судаков. – М.: «Канон+» / РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с.
14. Fischer T. 20 Jahre Praxis: Feindstrafrecht // Journal der Juristischen Zeitgeschichte. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 14–15.
15. Голиней В.А. Теоретическое осмысление суверенитета, стабильности и социально-политической преемственности (на примере Латинской Америки) // Век глобализации. – 2024. – № 4 (52). – С. 65–75.

16. Корнилов А. А., Шоджонов И.Ф. Эволюция и основные этапы контртеррористической политики Великобритании (2005–2017 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 23–29.
17. Попов А.С. Противодействие терроризму во Франции в 2006–2016 гг.: историко-правовой аспект // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 7 (63). – С. 77–81.
18. Roxin C. Strafrecht, Allgemeiner Teil. Bd. I: Grundlagen, der Aufbau der Verbrechenslehre. – München: C.H. Beck, 1992 (2-е изд. 1994; 3-е изд. 1997; 4-е изд. 2006). – 608 с.
19. Merkel R. Zum Feindstrafrecht bei Günther Jakobs // Kindhäuser U., Kreß C., Pawlik M., Stuckenberg C.-F. (Hrsg.). Strafrecht und Gesellschaft. Zum Lebenswerk von Günther Jakobs. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2019. – С. 337–372.

THE THEORY OF CRIMINAL LAW FOR THE ENEMIES OF G. JACOBS: CONCEPTUAL-HISTORICAL BASES AND LIMITS OF APPLICABILITY

Potapov G.E.

Kuban State University

The article is devoted to a critical reflection on the theory of «criminal law for enemies» (Feindstrafrecht), developed by G. Jakobs. The aim of the study is to provide a theoretical and legal analysis of the conceptual foundations of this theory, as well as to identify its significance and limits of applicability in the context of the contemporary transformation of criminal law. The paper examines the philosophical and legal sources of the theory, including the works of the founders of the social contract tradition, Kant's concept of legal subjectivity, N. Luhmann's systems sociology, C. Schmitt's political theology, and Jakobs's own normative-functional approach. Key elements are analyzed: the opposition between «citizen» and «enemy» the rejection of universal legal guarantees, the expansion of the preventive function of punishment, and the erosion of procedural rights. It is emphasized that Jakobs's theory, despite its limited formal structure and lack of clear criteria for distinguishing subjects, reflects trends in contemporary criminal policy in several countries. It is concluded that the practical application of this concept is only acceptable under strict constitutional oversight and with the preservation of universal legal guarantees as the foundation of the rule of law. The article highlights the need for extreme caution in adopting a theory that allows for legal differentiation between individuals, due to the risk of departing from the principle of equality before the law.

Keywords: criminal law for enemies; Günther Jakobs; enemy; citizen; exception; legal order; legal theory; procedural guarantees; human rights; social contract theory.

References

1. Jakobs, G. Criminalization Prior to the Violation of a Legal Interest. *Journal of Criminal Law Studies*, 1985, vol. 97, pp. 751–785.
2. Viquez Azofeifa, K. The Reception of Enemy Criminal Law in Latin America. Hamburg: University of Hamburg, 2011. 324 p.
3. Schmitt, C. The Concept of the Political. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 568 p.
4. Vasiliev, A. A., & Talibullina, Z.R. All for the Sake of a Strong State: The Concept of Sovereign Dictatorship in Carl Schmitt's Vision. *Philosophy of Law*, 2020, no. 1 (92). Pp. 123–128.
5. Isaev, V.V. The Main Provisions of Günther Jakobs' Theory of Enemy Criminal Law and Its Reflection in the Criminal Legislation of Russia, Germany, and the USA. *Eurasian Law Journal*, 2019, no. 3 (178), pp. 241–243.
6. Kratz, S. Enemy Criminal Law: A Philosophical Analysis. Berlin: Duncker & Humblot, 2021. 280 p.
7. Jakobs, G. The Self-Understanding of Criminal Law Science in the Face of Contemporary Challenges. In: Eser, H., Hassemer, W., & Burkhardt, F. (eds.). *German Criminal Law Science Before the Turn of the Millennium*. Munich: C.H. Beck, 2000, pp. 47–56.
8. Norm, Person, Society: Preliminary Reflections on a Legal Philosophy. 2nd ed. Berlin: Duncker & Humblot, 1999. 312 p.
9. Jakobs, G. Enemy Criminal Law? An Inquiry into the Conditions of Legality. *HRRS*, 2006, no. 8–9, pp. 289–297.
10. Balakleets, N.A. The Phenomenon of the Political and the Limits of Violence. *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 1, pp. 97–106.
11. Hobbes, T. *Leviathan*. Translated by A. Guterman. Moscow: Mysl, 2001. 480 p.
12. Citizen Criminal Law and Enemy Criminal Law. *HRRS*, 2004, no. 3, pp. 88–95.
13. Fichte, J.G. Foundations of Natural Right According to the Principles of the Doctrine of Science. Translated from German by A.K. Sudakov. Moscow: Kanon+, 2014. 392 p.
14. Fischer, T. 20 Years of Practice: Enemy Criminal Law. *Journal of Legal History*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 14–15.
15. Goliney, V.A. Theoretical Understanding of Sovereignty, Stability, and Socio-Political Continuity (on the Example of Latin America). *Age of Globalization*, 2024, no. 4 (52), pp. 65–75.
16. Kornilov, A. A., & Shodzhanov, I.F. Evolution and Key Stages of UK Counterterrorism Policy (2005–2017). *Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 2019, no. 3, pp. 23–29.
17. Popov, A.S. Countering Terrorism in France in 2006–2016: Historical and Legal Aspect. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2019, no. 7 (63), pp. 77–81.
18. Roxin, C. Criminal Law. General Part. Vol. I: Foundations and the Structure of Criminal Offense Doctrine. Munich: C.H. Beck, 1992 (2nd ed. 1994; 3rd ed. 1997; 4th ed. 2006). 608 p.
19. Merkel, R. On Enemy Criminal Law in Günther Jakobs. In: Kindhäuser, U., Kreß, C., Pawlik, M., & Stuckenberg, C.-F. (eds.). *Criminal Law and Society: On the Lifework of Günther Jakobs*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2019, pp. 337–372.

Понятие юридического документа в контексте современной теории права и цифровизации

Чертков Николай Николаевич,

аспирант, кафедра теоретико-исторических правовых наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Байкальский
государственный университет»
E-mail: @sk1merland@yandex.ru

Исследование посвящено комплексному теоретико-правовому анализу понятия «юридический документ» в его многоаспектном проявлении и эволюции под влиянием современных процессов цифровизации. В работе раскрывается юридико-техническая сущность данного феномена путем сопоставления классических и современных доктринальных подходов, что позволяет сформулировать уточненную характеристику юридического документа как особого вида документации, информация которого обладает безусловной юридической значимостью и требует строго регламентированного порядка оформления и фиксации. Детально рассматриваются его ключевые атрибуты, включая официальный статус, обязательную фиксацию на материальном (в том числе электронном) носителе с наличием идентифицирующих реквизитов, формализованный характер исполнения и имманентную способность порождать, изменять или прекращать правовые последствия. Особое внимание уделяется освещению многообразия функций юридических документов – от общесоциальной информационной до специально-юридических: нормотворческой, правореализационной и правоохранительной, а также контрольно-надзорной и учредительно-регистрационной. В статье анализируются разнообразные классификационные основания для систематизации юридических документов, такие как характер правовой информации, субъектный состав создателей, отраслевая специфика, степень официальности и юридическая сила. Подчеркивается фундаментальная роль нормативных юридических документов как первичных источников права, при этом разграничивается их статус и функции иных видов юридических документов, служащих инструментами реализации правовых норм. Устанавливается доктринальное соотношение понятий «юридический документ» и «правовой акт», где последний рассматривается как его важнейшая, но не единственная разновидность. Значительная часть исследования посвящена анализу воздействия цифровой трансформации на институт юридического документа, включая легализацию электронных документов и электронных подписей, что влечет за собой переосмысление традиционного понятия носителя информации и ставит новые задачи в области обеспечения информационной безопасности и аутентичности в цифровой среде. Выводы строятся на основе актуальных научных разработок в сфере теории права, юридической техники и документоведения.

Ключевые слова: юридический документ; правовой акт; источники права; классификация юридических документов; электронный документ; электронный документооборот; цифровизация.

В сложноструктурированной системе правового регулирования общественных отношений юридический документ занимает одну из центральных позиций, выступая не только как фундаментальный инструмент фиксации и передачи правовой информации, но и как неотъемлемый атрибут правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Генезис и эволюция юридического документа неразрывно связаны с развитием самого права, письменности и государственных институтов, что обуславливает перманентную актуальность его теоретико-правового осмысления. Современный этап, характеризующийся глобальной цифровизацией и интенсивным внедрением электронного документооборота во все сферы жизнедеятельности, включая юрисдикционную, ставит перед исследователями новые вызовы, требующие переосмысления традиционных подходов к дефиниции, классификации и функциональному назначению юридических документов. Настоящее исследование направлено на комплексный анализ понятия «юридический документ», выявление его сущностных характеристик и ключевых функций, а также на исследование его многоаспектной классификации и роли в системе источников права, с особым акцентом на трансформационные процессы, обусловленные цифровой реальностью [1, с. 200–234].

Проблема дефиниции понятия «юридический документ» является одной из дискуссионных в отечественной и зарубежной юриспруденции, что объясняется многоаспектностью данного феномена и разнообразием подходов к его исследованию. В наиболее общем приближении, юридический документ традиционно рассматривается как материальный объект, содержащий информацию, обладающую юридическим значением или способную повлечь за собой юридические последствия. При этом акцент делается на неразрывной диалектической связи между информационным наполнением документа, его формально-юридическим выражением и той юридической силой, которой он наделяется в системе правовых координат.

Так, в работах классиков отечественного правоведения, например, В.Я. Дорохова, юридический документ определялся как «письменный акт установленной или общепринятой формы», исходящий от компетентных субъектов – будь то государственные учреждения, должностные лица или граждане – и предназначенный для фиксации либо удостоверения юридически значимых фактов, а равно для подтверждения субъективных прав и юридических обязанностей. Подобный подход подчеркивает значимость формальных аспектов и субъектного состава в процессе создания юридического документа. Схожие по своей семантической нагрузке дефиниции можно обнаружить и в нормативных источниках, регламентирующих общие вопросы документооборота. Например, национальный стандарт ГОСТ Р 7.0.8–2013 интерпретирует документ в широком смысле как «зафиксированную на носителе информацию с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», а Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 1994 года характеризовал его как «материальный носитель с зафиксированной на нем ... информацией ...», который имеет реквизиты, позволяющие его

идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и пространстве». Данные определения акцентируют внимание на атрибутивном признаке любого документа – наличии материального носителя и идентификационных реквизитов, однако не раскрывают в полной мере его юридическую специфику [2, с. 305–308].

В современной юридической доктрине понятие «юридический документ» рассматривается как более узкая категория по отношению к родовому понятию «документ». Его специфика детерминирована имманентной связью с нормами права, правоотношениями и правоприменительной практикой. Юридические документы выступают в качестве формализованного средства объективации правовой информации, отражающей содержание правовых норм, фиксирующей юридические факты, удостоверяющей субъективные права или обязанности, а также выражающей властные правовые решения и волеизъявления. Из этого проистекает фундаментальный вывод о том, что информационное содержание юридического документа всегда обладает юридической значимостью, то есть способностью порождать, изменять или прекращать правовые отношения либо служить основанием для наступления иных юридических последствий.

Исторический экскурс свидетельствует, что понимание юридического документа эволюционировало вместе с развитием правовой мысли. Если В.И. Даль в своем знаменитом словаре определял его через перечисление конкретных видов – «всякую важную деловую бумагу, диплом, свидетельство», а Ф.Ф. Павленков – как «любую составленную законным порядком ... бумагу или ... письменное доказательство» [3, с. 65–95], то современная юридическая онтология делает акцент на его сущностной роли как элемента объективной правовой реальности, целенаправленно создаваемого человеком для фиксации, сохранения и трансляции правозначимой информации. Важно подчеркнуть, что субъектами создания юридических документов могут выступать не только уполномоченные государственные органы и должностные лица, но и физические, и юридические лица, реализующие свою правосубъектность. Информация, содержащаяся в юридическом документе, представляет собой сведения о событиях, фактах и явлениях объективной действительности, отобранные и структурированные сквозь призму их правовой релевантности и потенциального влияния на правовую сферу. Таким образом, юридический документ предстает как органическое единство юридически значимой информации и ее материально-знаковой формы выражения, обеспечивающей ее доступность для восприятия адресатами и возможность функционирования в качестве официального правового символа [4, с. 88–98].

Глубокое понимание феномена юридического документа невозможно без выявления и анализа его ключевых атрибутов, которые в совокупности определяют его специфику и отграничивают от иных видов документации. Выделение данных признаков основывается на синтезе доктринальных подходов и нормативных установлений, формируя комплексную характеристику рассматриваемого правового явления.

Во-первых, официальный статус и материальная фиксация с наличием идентифицирующих реквизитов. Юридический документ, как правило, создается на материальном носителе – будь то традиционный бумажный формат или современные цифровые носители (пластиковые карты, магнитные ленты, серверы данных) – и содержит информацию, обладающую юридическим характером. Требование материальной фиксации, исторически обусловленное необходимостью обеспечения сохранности и доказательственной силы, находит свое отражение в большинстве легальных и доктринальных дефиниций. При этом юридические документы характеризуются строго установленной либо общепринятой формой и порядком оформ-

ления, что предполагает наличие обязательных реквизитов (таких как наименование вида документа, наименование органа или лица, его издавшего, дата, регистрационный номер, подпись уполномоченного лица, печать в установленных случаях и т.д.) [5, с. 64–89]. Совокупность этих реквизитов обеспечивает не только возможность однозначной идентификации документа, но и подтверждает его аутентичность, достоверность и, в конечном счете, юридическую значимость.

Во-вторых, наличие юридической силы и способность порождать правовые последствия. Содержание юридического документа всегда ориентировано на правовую сферу и взаимодействие с нормами права. Отдельные категории юридических документов, такие как нормативные правовые акты (законы, указы, постановления), сами выступают источниками правовых норм, устанавливая, изменяя или отменяя общеобязательные правила поведения [6, с. 71–100]. Другие виды документов, например, правоприменительные акты (судебные решения, приказы), индивидуальные договоры или заявления, служат средствами реализации существующих норм либо инструментами фиксации и подтверждения субъективных прав и обязанностей участников правоотношений. Вне зависимости от конкретного вида, юридический документ создается в рамках компетенции уполномоченных на то субъектов и имманентно нацелен на порождение определенных правовых последствий – возникновение, изменение, приостановление или прекращение прав и обязанностей, установление юридических фактов, применение мер юридической ответственности и т.п. Именно эта способность к порождению позволяет юридическому документу выполнять роль неоспоримого доказательства в правоприменительной практике или служить легитимным основанием для юридически значимых выводов и последующих решений [7, с. 44–102].

В-третьих, формализованное закрепление информации и ее воспроизводимость во времени и пространстве. Юридически значимая информация фиксируется в документе в строго установленной или общепринятой, формализованной знаковой системе (текстовой, цифровой, графической), что обеспечивает ее однозначное восприятие и толкование. Документ предназначен для передачи этой информации во времени, обеспечивая ее сохранность на протяжении установленных или необходимых сроков, и в пространстве, позволяя довести ее до сведения заинтересованных субъектов независимо от их местонахождения. Юридический документ, как правило, допускает возможность многократного и точного воспроизведения своего содержания путем создания официально заверенных копий, выписок или дубликатов, что кардинально отличает его от устной формы коммуникации. Возможность тиражирования и долговечность материального носителя (или надежность цифрового хранилища) гарантируют сохранность правовой информации и обеспечивают ее многократное использование в правовой системе, способствуя стабильности и предсказуемости правового регулирования [8, с. 210–344].

Функциональный анализ юридических документов позволяет раскрыть их роль и предназначение в сложной системе механизма правового регулирования общественных отношений. Функции юридического документа представляют собой основные направления его воздействия на правовую действительность и участников правоотношений, отражая его динамический аспект. В юридической науке принято выделять как общесоциальные, так и специально-юридические функции, которые, находясь в диалектическом единстве, обеспечивают комплексное воздействие документа на правовую сферу.

К числу общесоциальных функций, присущих юридическим документам как разновидности социальной

информации, относится, прежде всего, информационная функция. Юридические документы выступают важнейшим каналом трансляции правовых сведений, обеспечивая субъектов права необходимой информацией о действующих правовых нормах, практике их применения, правовом статусе участников правоотношений, юридических фактах и процедурах. Именно посредством изучения содержания законов, кодексов, договоров, судебных протоколов и иных юридических документов граждане и организации получают знания о своих правах и обязанностях в конкретных жизненных ситуациях. Материальная или цифровая фиксация этой информации гарантирует ее стабильность, доступность и возможность многократного обращения, что способствует повышению уровня правовой осведомленности в обществе [9, с. 211–217].

Особое место занимают специально-юридические функции, непосредственно связанные с правотворчеством, правореализацией и правоохраной. Правотворческая (нормоустановительная) функция наиболее ярко проявляется в нормативных юридических документах – законах, подзаконных актах, актах органов местного самоуправления, содержащих нормы права. Посредством этих документов происходит формальное закрепление, изменение или отмена правовых норм и общеправовых принципов, тем самым они служат важнейшим инструментом формирования и развития системы действующего права, регулируя наиболее значимые общественные отношения. В этом контексте юридический документ выступает как форма объективации воли законодателя или иного нормотворческого органа.

Правореализационная функция заключается в том, что юридические документы обеспечивают практическое воплощение абстрактных правовых норм в конкретных правоотношениях и действиях субъектов. Акты применения права (например, судебные решения, постановления административных органов), индивидуальные правовые договоры, доверенности, заявления и другие документы служат непосредственным основанием для возникновения, изменения или прекращения конкретных прав и обязанностей, тем самым претворяя общие предписания правовых норм в реальную жизнь и упорядочивая поведение участников правового общения.

Правоохранительная функция неразрывно связана с обеспечением законности и правопорядка. Юридические документы, такие как протоколы следственных действий, обвинительные заключения, судебные приговоры и решения, экспертные заключения, играют ключевую роль в фиксации юридически значимых фактов, установлении обстоятельств правонарушений и формировании доказательственной базы. Они служат легитимным основанием для применения мер государственного принуждения, юридической ответственности и защиты нарушенных прав. Точность, полнота и юридическая безупречность таких документов являются гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан и организаций, а их фальсификация или ненадлежащее оформление могут повлечь за собой существенные нарушения принципов правосудия.

Помимо указанных, можно выделить и такие функции, как контрольно-надзорная (документы, обеспечивающие контроль за исполнением правовых предписаний), учредительно-регистрационная (документы, фиксирующие создание, реорганизацию или ликвидацию юридических лиц, регистрацию прав на имущество), а также социально-политическая и воспитательная функции, которые проявляются в том, что через юридические документы транслируются основополагающие ценности правового государства, формируется правовая культура и уважительное отношение к закону в обществе.

Многообразие юридических документов, циркулирующих в правовой системе, обуславливает необхо-

димость их научной классификации, которая позволяет упорядочить их массив, выявить специфику отдельных групп и видов, а также облегчить процессы их систематизации, хранения, поиска и использования в практической деятельности. В юридической науке и практике применяются различные критерии для классификации юридических документов, выбор которых зависит от целей исследования или конкретных правоприменительных задач.

Одним из наиболее распространенных и теоретически значимых является классификация по характеру правовой информации и юридической природе [10, с. 20–23]:

- Нормативные правовые документы (акты): содержат общеобязательные нормы права, рассчитанные на многократное применение и неопределенный круг лиц (например, конституции, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы президента нормативного характера, постановления правительства, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления). К этой же группе примыкают акты официального толкования норм права, которые, не создавая новых норм, обеспечивают их единообразное понимание и применение.
- Правоприменительные документы (акты индивидуального регулирования): содержат индивидуально-конкретные властные предписания, адресованные определенным субъектам и рассчитанные на однократное применение или ограниченный срок действия (например, судебные решения по конкретным делам, приказы и распоряжения руководителей организаций, постановления о наложении административного взыскания).
- Документы, фиксирующие юридические факты и удостоверяющие права: не содержат властных предписаний, но официально подтверждают наличие или отсутствие юридически значимых обстоятельств либо наличие определенных прав у субъектов (например, свидетельства о рождении, о заключении брака, о праве собственности, дипломы об образовании, лицензии на осуществление определенной деятельности, протоколы об отсутствии события правонарушения).
- Договорные документы (сделки в письменной форме): фиксируют соглашения двух или более сторон, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, договоры купли-продажи, аренды, подряда, оказания услуг, трудовые договоры).
- Процессуальные документы: оформляют ход и результаты процессуальной деятельности в рамках судопроизводства (гражданского, уголовного, административного, арбитражного) или иных юрисдикционных процедур (например, исковые заявления, определения суда, протоколы судебных заседаний, апелляционные и кассационные жалобы).
- Документы-доказательства: непосредственно содержат или фиксируют сведения, имеющие значение для установления истины по делу или подтверждения определенных обстоятельств (например, экспертные заключения, аудио- и видеозаписи, переписка сторон, бухгалтерские документы, используемые в качестве доказательств).

Другим важным критерием является классификация по субъектам, издающим (создающим) документ:

- Документы, исходящие от органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) и их должностных лиц.

- Документы, исходящие от органов местного самоуправления и их должностных лиц.
- Документы, исходящие от юридических лиц (организаций) различных форм собственности, не являющихся органами власти (например, уставы, приказы по основной деятельности, протоколы собраний участников).
- Документы, исходящие от физических лиц (граждан) (например, заявления, жалобы, доверенности, завещания, авторские договоры).
- Смешанные документы, создаваемые совместно несколькими разнородными субъектами (например, коллективные договоры между работодателем и представителями работников, международные договоры).

Кроме того, юридические документы могут классифицироваться:

- По отраслевой принадлежности: конституционно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые, административно-правовые, трудовые, финансово-правовые и т.д., в зависимости от сферы правового регулирования, к которой они относятся.
- По территории действия: действующие на всей территории государства, на территории одного или нескольких субъектов федерации, на локальном уровне (в пределах одной организации), а также международно-правовые документы, действующие за пределами национальной юрисдикции.
- По степени юридической силы: обладающие высшей юридической силой (Конституция), законы, подзаконные акты (с их внутренней иерархией).
- По форме изложения (носителю информации): традиционные письменные (бумажные) документы и электронные юридические документы.
- По степени официальности: официальные документы, имеющие юридическую силу, и неофициальные (например, проекты документов, служебные записки информационного характера, не порождающие правовых последствий напрямую).
- По соответствию требованиям законности: правомерные (соответствующие действующему законодательству) и противоправные (например, ничтожные или оспоримые сделки, поддельные документы).

Представленные классификации не являются исчерпывающими и могут пересекаться, однако они наглядно демонстрируют сложность и многогранность системы юридических документов, подчеркивая необходимость их дифференцированного анализа [11, с. 54–76].

Вопрос о месте и роли юридического документа в системе источников (форм) права является одним из ключевых в теории права. Центральное положение среди источников права занимают нормативные юридические документы, поскольку именно они содержат правовые нормы – общеобязательные правила поведения, устанавливаемые или санкционируемые государством и обеспечиваемые его принудительной силой. К таким документам относятся, прежде всего, конституция государства, федеральные конституционные и федеральные законы, указы президента и постановления правительства нормативного характера, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов федерации, а также нормативные правовые акты органов местного самоуправления. Именно эти документы обладают общеобязательной юридической силой, определяют содержание правового регулирования и выступают в качестве формально-юридических источников права в строгом смысле этого термина. Акты официального толкования норм права, хотя и не создают новых норм, тесно примыкают к этой группе, обеспечивая

их аутентичное и единообразное понимание и применение.

Иные категории юридических документов, не являющиеся нормативными правовыми актами, сами по себе, как правило, источниками права в материальном или формальном смысле не являются, однако они играют важнейшую роль как инструменты реализации и конкретизации правовых норм, а также как средства фиксации юридических фактов и правоотношений. Так, правоприменительные акты (например, решения судов по конкретным делам, приказы административных органов, постановления о привлечении к ответственности) не устанавливают новых общих правил поведения, а лишь конкретизируют и воплощают существующие нормы применительно к определенным ситуациям и субъектам, порождая правовые последствия в рамках действующего правового поля. Аналогичным образом, индивидуальные договоры, заключаемые физическими и юридическими лицами, создают права и обязанности только для их участников и основываются на диспозитивных нормах гражданского законодательства [12, с. 44–80].

В этом контексте необходимо провести четкое разграничение между понятиями «юридический документ» и «правовой акт». Понятие «юридический документ» является более широким и родовым. Оно охватывает всю совокупность материальных (или электронных) носителей с зафиксированной на них юридически значимой информацией, способной вызывать правовые последствия, независимо от субъекта их издания и характера содержащихся в них предписаний. Таким образом, к юридическим документам относятся не только официальные акты государственных органов и органов местного самоуправления, но и договоры частных лиц, заявления граждан, нотариально удостоверенные документы, протоколы, экспертные заключения и многие другие формы фиксации правовой информации.

Понятие «правовой акт», в свою очередь, представляет собой специфическую разновидность юридического документа. В наиболее распространенном понимании, правовой акт – это официальный документ, изданный в установленном порядке уполномоченным на то субъектом (чаще всего государственным органом, органом местного самоуправления или их должностным лицом), обладающий юридической силой и содержащий юридические предписания – либо нормативного характера (нормативный правовой акт), либо индивидуально-властного характера (индивидуальный правовой акт или акт применения права). Таким образом, не всякий юридический документ является правовым актом (например, частноправовой договор или заявление гражданина не являются правовыми актами в строгом смысле, хотя и являются юридическими документами), но всякий правовой акт, безусловно, представляет собой юридический документ. Различие заключается в степени официальности, власти предписаний и, зачастую, в субъекте издания. Правовой акт всегда ассоциируется с реализацией публично-властных полномочий или официальным выражением воли государства или уполномоченного им субъекта [13, с. 42–51].

Современные процессы интенсивной цифровой трансформации общества и государства оказывают глубокое и всестороннее влияние на все аспекты правовой системы, включая концепцию, формы и практику использования юридических документов. Легализация и широкое внедрение электронного документа как полноправного аналога традиционного бумажного документа знаменуют собой качественный сдвиг в правовом регулировании и документообороте. Федеральный закон «Об электронной подписи» и другие нормативные акты закрепляют принцип юридического равноправия информации в электронной форме, подписанной квалифицированной электронной подписью, и документа на бумажном носителе, подпи-

санного собственноручно. Это создает принципиально новые возможности для ускорения и оптимизации правовых коммуникаций, но одновременно порождает и новые теоретические и практические вызовы [14, с. 163–168].

Теория документоведения и юридическая наука активно адаптируются к новым реалиям, признавая электронные формы представления информации и их репродукции (например, электронные образы документов) в качестве полноценных юридических документов при соблюдении определенных условий, гарантирующих их аутентичность, целостность и достоверность. Однако уникальные свойства электронных носителей информации и цифровой среды коренным образом меняют само понимание «носителя информации» и его связи с документом. Если в классическом представлении материальный носитель (бумага) зачастую практически отождествлялся с самим документом, то в цифровой среде физический носитель (жесткий диск, флеш-накопитель, облачный сервер) выступает лишь в качестве временного или постоянного хранилища информации, которая может быть легко скопирована, модифицирована (при отсутствии должных мер защиты) и перемещена между различными носителями без изменения своего содержания. Юридическое значение в большей степени приобретает сама информация в ее структурированной электронной форме и связанные с ней метаданные, а не конкретный физический «контейнер» [15, с. 200–208].

Внедрение систем электронного документооборота (СЭД) в государственных органах, судах, коммерческих организациях и во взаимодействии с гражданами радикально ускоряет процессы создания, согласования, подписания, отправки, получения и хранения юридических документов. Это способствует повышению их доступности, снижению транзакционных издержек и повышению эффективности правового регулирования. Систематизация электронных юридических документов в государственных информационных системах, реестрах и базах данных (например, единый портал государственных услуг, системы «Мой арбитр», ГАС «Правосудие») способствует обеспечению единства правового пространства, повышению его прозрачности и упрощению доступа граждан и организаций к юридически значимой информации [16, с. 873–893].

Цифровые технологии позволяют не только создавать «изначально электронные» юридические документы, но и осуществлять массовый перевод существующих архивных фондов официальных текстов, реестров и иных документов в электронный формат, что облегчает их долговременное хранение, оперативный поиск и научный анализ. Вместе с тем, цифровизация юридических документов предъявляет повышенные требования к обеспечению информационной безопасности, защите от несанкционированного доступа, модификации и уничтожения, а также к разработке надежных механизмов подтверждения подлинности и юридической силы электронных документов на протяжении всего их жизненного цикла. Проблемы кибербезопасности, обеспечения конфиденциальности персональных данных, содержащихся в электронных юридических документах, и архивирования электронных документов становятся все более актуальными [17, с. 32–42].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что юридический документ представляет собой сложное, многоаспектное правовое явление, играющее системообразующую роль в механизме правового регулирования. Его сущность раскрывается через совокупность таких атрибутов, как официальный статус, фиксация на материальном (включая электронный) носителе с идентифицирующими реквизитами, юридическая сила, выражающаяся в способности порождать правовые последствия, и формализованный

характер закрепления информации. Функциональное назначение юридических документов охватывает широкий спектр направлений – от информационной и правотворческой до правореализационной и правоохранительной, обеспечивая стабильность и эффективность правовой системы.

Многообразие классификационных критериев отражает сложность и гетерогенность мира юридических документов, позволяя дифференцированно подходить к их изучению и практическому применению. Понимание соотношения юридического документа с более узким понятием «правовой акт» и его места в системе источников права имеет принципиальное значение для юридической теории и практики.

Современный этап развития, озаглавленный тотальной цифровизацией, привносит существенные коррективы в традиционное понимание юридического документа, трансформируя его форму, способы создания, передачи и хранения, но не отменяя его сущностных характеристик и фундаментальной роли в правовой жизни общества. Эволюция электронного документооборота и нормативное закрепление юридической силы электронных документов открывают новые горизонты для оптимизации правовых процедур, но одновременно актуализируют проблемы обеспечения информационной безопасности, аутентичности и долговечности цифровой правовой информации. Дальнейшее углубленное исследование этих процессов, разработка адекватных теоретических концепций и совершенствование правового регулирования в данной сфере остаются приоритетными задачами юридической науки.

Литература

1. Баранов, В.М. Юридическая техника: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1 / В.М. Баранов [и др.]; под ред. В.М. Баранова. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 251 с. – (Специалист). – ISBN 978-5-534-01769-4.
2. Власенко, Н.А. Нормотворческая юридическая техника / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Т.Н. Рахманина [и др.]; отв. ред. Н.А. Власенко; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва: Юстицинформ, 2011. – 311 с. – Библиогр.: с. 305–308.
3. Власенко, Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата / Н.А. Власенко. – 3-е изд., доп. и испр. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 480 с. – ISBN 978-5-91768-869-5 (Норма), ISBN 978-5-16-013375-1 (ИНФРА-М, print).
4. Власенко, Н.А. Язык права: монография / Н.А. Власенко. – Репр. изд. 1997 г. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 176 с. – ISBN 978-5-91768-885-5 (Норма), ISBN 978-5-16-013518-2 (ИНФРА-М, print).
5. Власенко, Н.А. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель, Е.Е. Рафалюк, К.П. Ермакова, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, Н.В. Власова, Ю.Н. Беляева, Д.Р. Пайгина; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-406-05176-4.
6. Каргин, К.В. Юридические документы: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каргин Константин Васильевич; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2004.
7. Каргин, К.В. Юридические документы: вопросы разработки и применения: учебное пособие / К.В. Каргин; под ред. В.А. Толстика; Нижегород. правовая акад. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской правовой акад., 2006. – 112 с. – ISBN 5-8263-0084-1.
8. Кашанина, Т.В. Юридические документы. Чему не учат студентов. Как правильно понять и подготовить: учебник / Т.В. Кашанина. – Москва: Проспект, 2018. – 448 с. – ISBN 978-5-392-21914-8.

9. Лапшинов, Э.В. Классификация и виды электронных юридических документов / Э.В. Лапшинов // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3 (13). – С. 211–217.
10. Овсянников, Д.В. Классификация юридически значимых электронных документов / Д.В. Овсянников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 19 (195). – С. 20–23.
11. Соколова, М.А. Дефекты юридических документов: монография / М.А. Соколова. – Москва: ИД Юриспруденция, 2016. – 89 с.
12. Стародубцев, С.В. Понятие и виды юридических документов: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Стародубцев Сергей Васильевич. – Москва, 2006. – 176 с.
13. Уздимаева, Н.И. Функции юридических документов / Н.И. Уздимаева // Контентус. – 2020. – № 8 (97). – С. 42–51. – DOI 10.24411/2658–6932–2020–10000.
14. Buşe, M. Instruments of the CFSP / M. Buşe // Bulletin of “Carol I” National Defence University. – 2012. – No. 4. – P. 163–168.
15. Sezonov, V.S. The concept of a document in jurisprudence / V.S. Sezonov // Law and Safety. – 2021. – Vol. 82, No. 3. – P. 200–208. – DOI 10.32631/pb.2021.3.23.
16. Swisher, P.N. Techniques of Legal Drafting: A Survival Manual / P.N. Swisher // University of Richmond Law Review. – 1981. – Vol. 15, No. 4. – P. 873–893.
17. Troschenkova, E.V. The Concept of Legal Document in the Professional Sphere / E.V. Troschenkova, E.A. Rudneva // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. – 2023. – No. 1. – P. 32–42. – DOI 10.20916/1812–3228–2023–1–32–42.

THE CONCEPT OF A LEGAL DOCUMENT IN THE CONTEXT OF MODERN LEGAL THEORY AND DIGITALIZATION

Chertkov N.N.

Baikal State University

This study is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of the concept of “legal document” in its multifaceted manifestation and evolution under the influence of modern digitalization processes. The paper reveals the legal and technical essence of this phenomenon by comparing classical and modern doctrinal approaches, which allows us to formulate a more precise description of a legal document as a special type of documentation, the information of which has unconditional legal significance and requires a strictly regulated procedure for execution and recording. Its key attributes are considered in detail, including official status, mandatory recording on a tangible (including electronic) medium with the presence of identifying details, formalized nature of execution and immanent ability to generate, change or terminate legal consequences. Particular attention is paid to highlighting the variety of functions of legal documents – from general social information to specifically legal: rule-making, law enforcement and law enforcement, as well as control and supervisory and constituent registration. The article analyzes various classification grounds for systematizing legal documents, such as the nature of legal information, the subject composition of the creators, industry specificity, the degree of formality and legal force. The fundamental role of normative legal documents as primary sources of law is emphasized, while their status and functions of other types of legal documents serving as instruments for the implementation of legal norms are distinguished. The doctrinal relationship between the concepts of “legal document” and “legal act” is established, where the latter is considered as its most important, but not the only type. A significant part of the study is devoted to the analysis of the impact of digital transformation on the institution of a legal document, including the legalization of electronic documents and electronic signatures, which entails a rethinking of the traditional concept of an information carrier and poses new challenges in the field of ensuring information security and authenticity in the digital environment. The conclusions are based on current

scientific developments in the field of legal theory, legal technology and documentation.

Keywords: legal document; legal act; sources of law; classification of legal documents; electronic document; electronic document management; digitalization.

References

1. Baranov, V.M. Legal technique: a textbook for universities: in 2 volumes. Volume 1 / V.M. Baranov [et al.]; edited by V.M. Baranov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2018. – 251 p. – (Specialist). – ISBN 978-5-534-01769-4.
2. Vlasenko, N.A. Norm-making legal technique / N.A. Vlasenko, A.I. Abramova, T.N. Rakhmanina [et al.]; edited by N.A. Vlasenko; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Yustitsinform, 2011. – 311 p. – Bibliography: pp. 305–308.
3. Vlasenko, N.A. Theory of State and Law: a textbook for the bachelor's degree / N.A. Vlasenko. – 3rd ed., suppl. and corr. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. – 480 p. – ISBN 978-5-91768-869-5 (Norma), ISBN 978-5-16-013375-1 (INFRA-M, print).
4. Vlasenko, N.A. Language of Law: monograph / N.A. Vlasenko. – Rep. ed. 1997 – Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. – 176 p. – ISBN 978-5-91768-885-5 (Norma), ISBN 978-5-16-013518-2 (INFRA-M, print).
5. Vlasenko, N.A. Legal technique: a textbook / N.A. Vlasenko, A.I. Abramova, G.T. Chernobel, E.E. Rafalyuk, K.P. Ermakova, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, N.V. Vlasova, Yu.N. Belyaeva, D.R. Paigina; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: YUSTITSIYA, 2016. – 320 p. – ISBN 978-5-406-05176-4.
6. Kargin, K.V. Legal documents: specialty 12.00.01 “Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Kargin Konstantin Vasilievich; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Nizhny Novgorod, 2004.
7. Kargin, K.V. Legal documents: issues of development and application: textbook / K.V. Kargin; edited by V.A. Tolstik; Nizhny Novgorod Law Academy – Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod Law Academy, 2006. – 112 p. – ISBN 5-8263-0084-1.
8. Kashanina, T.V. Legal documents. What students are not taught. How to understand and prepare correctly: textbook / T.V. Kashanina. – Moscow: Prospect, 2018. – 448 p. – ISBN 978-5-392-21914-8.
9. Lapshinov, E.V. Classification and types of electronic legal documents / E.V. Lapshinov // Leningrad Law Journal. – 2008. – No. 3 (13). – P. 211–217.
10. Ovsyannikov, D.V. Classification of legally significant electronic documents / D.V. Ovsyannikov // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2010. – No. 19 (195). – P. 20–23.
11. Sokolova, M.A. Defects of legal documents: monograph / M.A. Sokolova. – Moscow: ID Jurisprudence, 2016. – 89 p.
12. Starodubtsev, S.V. Concept and types of legal documents: specialty 12.00.01 “Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Starodubtsev Sergey Vasilievich. – Moscow, 2006. – 176 p.
13. Uzdimaeava, N.I. Functions of legal documents / N.I. Uzdimaeava // Contentus. – 2020. – No. 8 (97). – P. 42–51. – DOI 10.24411/2658–6932–2020–10000.
14. Buşe, M. Instruments of the CFSP / M. Buşe // Bulletin of “Carol I” National Defense University. – 2012. – No. 4. – P. 163–168.
15. Sezonov, V.S. The concept of a document in jurisprudence / V.S. Sezonov // Law and Safety. – 2021. – Vol. 82, No. 3. – P. 200–208. – DOI 10.32631/pb.2021.3.23.
16. Swisher, P.N. Techniques of Legal Drafting: A Survival Manual / P.N. Swisher // University of Richmond Law Review. – 1981. – Vol. 15, No. 4. – P. 873–893.
17. Troschenkova, E.V. The Concept of Legal Document in the Professional Sphere / E.V. Troschenkova, E.A. Rudneva // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. – 2023. – No. 1. – P. 32–42. – DOI 10.20916/1812–3228–2023–1–32–42.

Швец Сергей Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, ФБГОУ ВО Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
E-mail: crimkubgau@mail.ru

Мошарова Анастасия Сергеевна,

аспирант, преподаватель кафедры частного права, ФКОУ ВО Пермский институт Федеральной службы исполнения наказания России
E-mail: mosharova.nastya14@gmail.com

Демехова Мария Борисовна,

старший преподаватель, Высшая школа промышленного и гражданского строительства, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 009083@togudv.ru

Соколова Татьяна Леонидовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Вологодский институт права и экономики ФСИН России
E-mail: taniavol@yandex.ru.

Мушников Дмитрий Львович,

кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, экономики и истории медицины, ФГБОУ ВО Ивановский государственный медицинский университет Минздрава России; генеральный директор ООО «Институт актуальных исследований и технологий»
E-mail: 89158113918@yandex.ru

В статье освещаются проблемы правовой культуры в современной России. Цель: научно-теоретический анализ содержания, особенностей, проблем и направлений развития правовой культуры в современной России. Задачи исследования: научно-теоретический анализ сущности и содержания концепта «правовая культура»; определение социально-правовых факторов и условий, оказывающих влияние на формирование правовой культуры в современной России; выявление проблем правовой культуры современной России для определения перспективных направлений ее развития. Раскрыты сущность и содержание понятия «правовая культура», которая определяет правовые и ценностно-нормативные отношения в обществе, оказывая влияние на правовую систему и национальную безопасность государства. Правовая культура определяется с позиции аксиологического и деятельностного подходов, включает ценностно-мировоззренческие и когнитивно-деятельностные характеристики, определяет качественное состояние правовой системы и общественного правосознания. Сделан вывод, что проблемой современной России являются распространение правовой антикультуры, дефектов правосознания граждан, правового идеализма и нигилизма. Причинами распространения правовой антикультуры выступают социально-политические противоречия, несовершенство законодательной базы, кризис доверия к государству. Признана важность проблемы целенаправленного формирования правовой культуры личности, создания социально-правовых и образовательных условий для повышения уровня правовой грамотности населения и правовой культуры органов государственной власти.

Ключевые слова: правовая культура, правовые ценности, правовое сознание, правовой нигилизм, правовая антикультура, правовое воспитание.

Введение

Глобализация мирового пространства, глобальная цифровизация общественно-политической и экономической сфер на современном этапе развития ведет к изменениям и в сфере правоотношений, в частности в сфере правовой культуры.

Процессы глобализации оказывают влияние на отечественную правовую культуру, на что обращает внимание Л.А. Петручак, отмечая, что «до сих пор остается открытым вопрос о мере и способах заимствования элементов других правовых культур и сохранения особенностей национальной правовой культуры» [5, с. 4]. В настоящее время вопросы отечественной правовой культуры находятся в центре внимания исследователей, что обуславливает актуальность теоретического анализа проблем правовой культуры в современной России.

Целью исследования является научно-теоретический анализ содержания, особенностей, проблем и направлений развития правовой культуры в современной России.

Результаты и обсуждение

Исследование проблемы правовой культуры в современной России требует проведения научно-теоретического анализа сущности и содержания концепта «правовая культура». С позиции аксиологического подхода Л.А. Петручак определяет правовую культуру «как исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения» [5, с. 14]. С этих позиций К.В. Агамиров заявляет, что правовая культура определяет «отношение общества к своим базисным морально-нравственным ценностям, которые, в свою очередь, отражены в национальной правовой системе» [1, с. 327].

Рассуждая о сущности правовой культуры, И.А. Фризен делает акцент на когнитивной составляющей, определяя правовую культуру как «набор знаний, которые люди имеют о праве и правовой системе, что включает в себя их правосознание, уровень участия в процессе создания законов, а также развитие законодательства, обеспечивающего защиту интересов, прав и свобод личности» [7, с. 7]. Аналогичное мнение находим у А.Р. Адамовой, которая пишет, что правовая культура включает в себя «знания и глубокое понимание государства и права в жизни общества, готовность дей-

ствовать этим правилам, с уважением относиться к правовым ценностям» [2, с. 86].

Правовая культура распространяется на все слои общества, как на отдельных людей, так и на государственные институты и органы власти. Л.А. Петручак отмечает, что правовая культура «представляет собой совокупность правовых ценностей, образующих продуктивно-позитивный пласт в правовой жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом» [5, с. 14]. Развитие правовой культуры, как пишет Л.А. Петручак, определяет «качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» [5, с. 14]. Правовая культура, по мнению И.А. Фризен, выступает «важным показателем степени зрелости правовой системы» [7, с. 6]. С.Т. Адамянц рассматривает высокий уровень правовой культуры как «условие, обеспечивающее национальную безопасность современной России» [3].

Правовая культура является многокомпонентным образованием. И.А. Фризен пишет, что «структура правовой культуры состоит из права как нормативной системы, правовых отношений, правосознания, правомерной деятельности субъектов и правовой системы» [7, с. 7]. Более полную структуру правовой культуры дает С.Т. Адамянц, которая включает как элементы, регулирующие правовые отношения, так ценностно-мировоззренческие элементы правовой культуры. К правовым элементам автор относит «сложившийся в обществе уровень знаний и представлений о действующем праве и потенциале правового регулирования, способности права выступить действенным средством разрешения существующих конфликтов и защиты правомерных стремлений участников правоотношений» [3, с. 25]. В ценностно-мировоззренческую структуру правовой культуры автором включены «ожидания субъектов общественных отношений, связанные с дальнейшим совершенствованием правового регулирования и правового обеспечения как ключевых для всего общества ценностей, так и их личных, не противоречащих праву стремлений; существующие убеждения, принципы и оценки, связанные с действием права; воплощение знаний о праве и мировоззренческих установок в поведении субъектов права, их готовность (или неготовность) следовать правовым предписаниям» [3, с. 25]. Л.А. Петручак, подчеркивая деятельностный характер правовой культуры, выделяет следующие компоненты в структуре правовой культуры: «состояние позитивного права и законодательства; состояние общественного правосознания, отражающего степень знания, понимания, соблюдения и исполнения; состояние правовой деятельности, включающей правотворческую, правоприменительную деятельности; правомерное поведение граждан» [5]. Автор пишет, что фундаментальными свойствами правовой культуры выступает «социально-преобразующая юридическая деятельность, способы ее осуществления и позитивные результаты считаются в нау-

ке» [5, с. 25–26]. В целом, правовая культура представляет часть общей культуры общества, лежит в ценностно-правовых основах правовой системы государства, которая регулирует правовыми процессами в обществе.

Внимания заслуживают вопросы о социально-правовых факторах и условиях, влияющих на формирование правовой культуры в современной России. Противоречивые социальные и политические явления, несовершенство законодательной базы РФ, избирательность норм права, кризис доверия к государству в современной России оказывают негативное влияние на правовое сознание населения, порождая правовой нигилизм, правовой идеализм и правовое бескультурье. Правовое сознание как «особая форма общественного сознания, представляющая собой совокупность идей, взглядов, чувств и традиций, выражающих оценку людей правовых явлений общественной жизни» [6, с. 55], проявляет себя на социально-психологическом и идеологическом уровнях в индивидуальном и общественном сознании.

В современной России в контексте формирования правовой культуры, по мнению С.Т. Адамянц, следует говорить о «проблеме распространения правовой антикультуры, под которой понимаются явления, противоположные правовой культуре, основанные на антиправовых ценностях. К таким явлениям относятся правовой нигилизм и идеализм, правовой популизм, коррупция и др.» [3]. А.В. Малько говорит, что правовая культура и правовая антикультура выступают в качестве парных юридических концептов, отмечая, что «полностью устранить правовую антикультуру из жизни общества не представляется возможным, и пока человечество будет нуждаться в праве, правовой культуре, – ее вечным антиподом будет выступать правовая антикультура» [4, с. 105]. К.В. Агамиров отмечает, что «складывающаяся глобальная правовая антикультура направлена на разрушение базовых ценностей, национальных правовых систем и в конечном счете потерю государственного суверенитета» [1, с. 327]. А.К. Пиманов указывает на необходимость соблюдения правопорядка в государственной деятельности, важную роль в котором играет высокий уровень правосознания субъектов государственной власти [6, с. 57].

Проблемой современной России является распространение правового нигилизма как одной из форм деформаций правового сознания. Правовой нигилизм определяется как «открытое неуважение и нарушение установленных правовых норм, их умышленное игнорирование» [7, с. 7].

Как отмечает И.А. Фризен, «в российском обществе пока не достигнуто полного признания закона как социокультурной ценности, что обусловлено рядом объективных причин» [7, с. 6]. Причинами правового нигилизма, как пишет К.В. Агамиров, являются «исторические условия развития государства; переходный период, разнонаправленный характер государственной власти; проблемы и коллизии правовых норм; недоверие обще-

ства к судебной и правоохранительной системам государственной власти» [1, с. 328]. Одной из причин правового нигилизма, по мнению И.А. Фризен, «выступает противоречие между современным уровнем правосознания и правопонимания населения и трансформацией нормативно-правовой базы, которая осуществлена за последние тридцать лет. Другой причиной является наличие социальных групп людей в российском обществе с разным уровнем правовой культуры, например, характеризующихся правовым идеализмом» [7]. Правовой идеализм, как пишет А.К. Пиманов, «переоценивает возможности права – достаточно принять хорошие законы и все острые социальные и экономические проблемы будут решены» [6, с. 56], что в целом оказывает негативное влияние на правовую культуру общества.

«Современное развитие российского общества должно быть нацелено на развитие правовой культуры на всех уровнях – на уровне личности, общества и государства. Развитая правовая культура общества является условием реализации правовых ценностей, на которых формируется современное правовое государство» [6]. В основе правового государства, по мнению А.К. Пиманова, лежит «целостная система правовой регуляции, где все дееспособные субъекты должны исполнять свои социальные действия по одинаковым законам» [6, с. 57]. Основными ценностями правового государства, как отмечает И.А. Фризен, выступают «верховенство закона, уважение морали, гуманизма и справедливости, признание приоритетности и неотчуждаемости прав и свобод личности, а также обеспечение возможности реабилитации нарушенных прав» [7, с. 6]. Обесценивание роли правовой культуры в обществе, по мнению С.Т. Адамянц, «может привести к серьезным последствиям для государства, к которым относятся: недостаточная результативность в вопросе формирования гражданского общества, в основе которого лежат взаимная ответственность государства и личности, возможность реализации прав, свобод и законных интересов граждан; неудовлетворенность граждан своей жизнью, неверие в действенность как правовых институтов, так и органов публичной власти в целом; невозможность построения правового государства, которое смогло бы не только гарантировать основные права и свободы личности и отсутствие произвола со стороны органов публичной власти (в свою очередь, также обусловленного низким уровнем профессиональной культуры управленцев), но и обеспечить действие принципа законности в обществе» [3, с. 26].

В настоящее время необходимым является создание социально-правовых и образовательных условий для повышения уровня правовой грамотности и правовой культуры населения. Реформы правовой сферы, как пишет Л.А. Петручак, вызывают необходимость «в расширении правовой информированности общества и личности, а как следствие этого – их социально-правовой активности, формировании новой системы правового об-

разования» [5, с. 42]. Таким образом, признается важность проблемы целенаправленного формирования правовой культуры личности. Создание условий для формирования правовой культуры российского общества, как К.В. Агамиров, предполагает следующее:

- «законодательное закрепление базовых ментальных ценностей как незаменимых категорий национальной правовой культуры;
- создание сетевого правового механизма их защиты в законотворческой, правоохранительной и правоприменительной практиках;
- ревизия законодательства в области образования, культуры, здравоохранения, социальной защиты на предмет наблюдающихся последствий глобальной правовой антикультуры» [1, с. 327].

С целью повышения правовой культуры российского общества в системе образования необходимо внедрять образовательные практико-ориентированные программы, направленные на формирование правовой культуры подрастающего поколения, студенческой молодежи. В настоящее время накоплен положительный опыт реализации подобных программ. В высшей профессиональной школе с 2023 года во всех ВУЗах страны на первом курсе обучения введен обязательный курс «Основы российской государственности», направленный в том числе и на формирование правовой культуры студенческой молодежи. Реализация программ повышения правовой культуры граждан должна опираться и на современные масс-медиа, целью которых должно стать правовое информирование и просвещение граждан. Профессионально-научному сообществу необходимо ставить задачи по проведению комплексных исследований по проблемам правовой культуры и антикультуры, правосознания, правового воспитания молодежи и других категорий граждан с учетом современных российских реалий и региональной специфики [2]. Для формирования правокультурной активности граждан отечественная юридическая наука и практика, согласно мнению Л.А. Петручак, должна быть нацелена на «четкое определение роли правового воспитания в жизни страны» [5, с. 17]. «Повышение уровня правовой культуры граждан предполагает сотрудничество различных государственных структур и организаций, поскольку государственные органы, высшие учебные учреждения, работодатели, общественные объединения играют ведущую роль в формировании правосознания граждан» [7]. Как отмечает И.А. Фризен, «взаимодействие всех участников общества с целью продвижения правовой культуры и правосознания может привести к значимым результатам и созданию осознанного и законопослушного общества» [7, с. 10].

Выводы

Правовая культура определяется с позиции аксиологического и деятельностного подходов, является системным образованием, включающим ценностно-

мировоззренческие и когнитивно-деятельностные характеристики. Правовая культура определяет качественное состояние правовой системы и степень общественного правосознания. Проблемой современной России являются распространение правовой антикультуры, дефектов правосознания граждан, правового идеализма и нигилизма. Причинами распространения правовой антикультуры в современной России являются социально-политические противоречия, несовершенство законодательной базы, кризис доверия к государству. В настоящее время признается важность проблемы целенаправленного формирования правовой культуры личности на основе координации усилий государства, образовательных организаций, общественных организаций, институтов гражданского общества. Необходимым является создание социально-правовых и образовательных условий для повышения уровня правовой грамотности населения и правовой культуры органов государственной власти.

Литература

1. Агамиров К.В. Правовая культура современной России: актуальные вопросы теории и практики // Образование и право. 2022. № 7. С. 326–329.
2. Адамова А.Р. Правовая культура современной России // Молодой ученый. 2019. № 52. С. 85–87.
3. Адамянц С.Т. Правовая культура и государственно-правовая политика современной России // Правовая культура. 2023. № 1 (52). С. 24–32.
4. Малько А.В. Правовая культура и антикультура как парные юридические категории // Правовая культура. 2021. № 2. С. 104–106.
5. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. Москва, 2012. 53 с.
6. Пиманов А.К. Правовое сознание в контексте теоретических подходов // Образование и право. 2020. № 12. С. 55–62.
7. Фризен И.А. О правовой культуре в Российской Федерации // Вестник Московского уни-

верситета имени С.Ю. Витте. 2024. № 1 (41). С. 5–11.

PROBLEMS OF LEGAL CULTURE IN MODERN RUSSIA

Shvets S.V., Mosharova A.S., Demekhova M.B., Sokolova T.L., Mushnikov D.L.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pacific National University, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Institute of Actual Research and Technologies (Ivanovo), Ivanovo State Medical University

The article highlights the problems of legal culture in modern Russia. Purpose: scientific and theoretical analysis of the content, features, problems and directions of development of legal culture in modern Russia. Research objectives: scientific and theoretical analysis of the essence and content of the concept of “legal culture”; identification of socio-legal factors and conditions that influence the formation of legal culture in modern Russia; identification of problems of legal culture in modern Russia to identify promising areas of its development. The article reveals the essence and content of the concept of “legal culture”, which defines legal and value-normative relations in society, influencing the legal system and national security of the state. Legal culture is defined from the standpoint of axiological and activity-based approaches, includes value-ideological and cognitive-activity characteristics, determines the qualitative state of the legal system and public legal awareness. It is concluded that the problem of modern Russia is the spread of legal anti-culture, defects in citizens’ legal awareness, legal idealism and nihilism. The reasons for the spread of legal anti-culture are socio-political contradictions, the imperfection of the legislative framework, and the crisis of trust in the state. The importance of the problem of purposeful formation of the legal culture of the individual, the creation of socio-legal and educational conditions for improving the level of legal literacy of the population and the legal culture of public authorities is recognized.

Keywords: legal culture, legal values, legal consciousness, legal nihilism, legal anti-culture, legal education.

References

1. Agamirov K.V. Legal culture of modern Russia: current issues of theory and practice // Education and law. 2022. No. 7. Pp. 326–329.
2. Adamova A.R. Legal culture of modern Russia // Young scientist. 2019. No. 52. Pp. 85–87.
3. Adamyants S.T. Legal culture and state and legal policy of modern Russia // Legal culture. 2023. No. 1 (52). Pp. 24–32.
4. Malko A.V. Legal culture and anti-culture as paired legal categories // Legal culture. 2021. No. 2. Pp. 104–106.
5. Petruchak L.A. Legal culture of modern Russia: theoretical and legal research: abstract of dis. ... Doctor of Law: 12.00.01. Moscow, 2012. 53 p.
6. Pimanov A.K. Legal consciousness in the context of theoretical approaches // Education and Law. 2020. No. 12. P. 55–62.
7. Frizen I.A. On the legal culture in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. 2024. No. 1 (41). P. 5–11.

Принудительное лицензирование как инструмент противодействия патентным злоупотреблениям

Альбов Алексей Павлович,

доктор юридических наук, профессор, Российской государственной академии интеллектуальной собственности; профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор Российской таможенной академии
E-mail: aap62@yandex.ru

Панченко Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности; профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); главный научный сотрудник Сибирского федерального университета; главный научный сотрудник НИИ ФСИН России
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Исследование посвящено комплексному анализу принудительного лицензирования как правового инструмента противодействия патентным злоупотреблениям в условиях цифровой экономики и глобализации рынков интеллектуальной собственности. Актуальность работы обусловлена ростом недобросовестных практик, включая патентный троллинг, эвергринг (искусственное продление патентной защиты), создание блокирующих патентных кластеров («заросли»), стратегическое сокрытие стандарт-образующих патентов (SEP) и необоснованный отказ от лицензирования. Цель исследования – выявление закономерностей функционирования механизма принудительного лицензирования и разработка рекомендаций по повышению его эффективности. На основе системно-структурного и сравнительно-правового методов авторы классифицируют патентные злоупотребления по субъектному составу, характеру последствий, способу реализации, фазе патентного цикла и отраслевой специфике; анализируют международную практику (ЕС, США, Индия, Бразилия, РФ), выделяя экономические эффекты: снижение цен на фармацевтику, демополизацию технологий, стимулирование инноваций; выявляют критические дисфункции института: процедурные барьеры (длительность судебных процессов), методологическая неопределённость (оценка компенсации, критерии «злоупотребления»), информационная асимметрия и фрагментарность правоприменения; предлагают оптимизационные меры: дифференцированные отраслевые критерии злоупотреблений, унификация методологии расчёта роялти, ускоренные судебные процедуры, межюрисдикционная координация.

Ключевые слова: принудительное лицензирование, патентные злоупотребления, патентный троллинг, злоупотребление правом

Постановка проблемы

Актуальность исследования принудительного лицензирования как инструмента противодействия патентным злоупотреблениям обусловлена стремительным ростом числа случаев недобросовестного использования патентной монополии в условиях цифровой экономики и глобализации рынков интеллектуальной собственности¹. В этом контексте принудительное лицензирование представляет собой один из наиболее действенных правовых механизмов, способных обеспечить баланс между защитой исключительных прав изобретателей и публичными интересами общества.

Наиболее распространенными проявлениями злоупотребления патентными правами выступают патентный троллинг, при котором компании приобретают патенты исключительно для судебного преследования; стратегическое патентование, направленное на блокирование конкурентов; создание «патентных зарослей» в высокотехнологичных отраслях; практика «вечнозеленых патентов» в фармацевтике; а также необоснованный отказ в лицензировании технологий, необходимых для соблюдения технических стандартов².

Эти явления усугубляются в условиях цифровизации, когда сложность инноваций требует доступа к множеству запатентованных решений для создания конкурентоспособных продуктов, а транснациональный характер бизнеса позволяет недобросовестным правообладателям эксплуатировать различия в национальных патентных системах и извлекать сверхприбыли, блокируя инновационное развитие целых отраслей³.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей функционирования правового механизма принудительного лицензирования как инструмента противодействия патентным злоупотреблениям и выработка рекомендаций по повышению его эффективности. Для достижения поставленной цели определены задачи: рас-

¹ Грудцына Л.Ю. Теоретические основы принудительного лицензирования в сфере интеллектуальной собственности // Образование и право. 2023. № 6. С. 283–288.

² Кузнецова, Т.В., Некрасова, Н.О. Значение патентной информации в современном обществе знаний через призму деятельности ВПТБ ФИПС // «Вестник ФИПС»: сборник науч. мат. / Роспатент, ФИПС; под общ. ред. О.П. Неретина – М.: ФИПС, 2021. С. 113–122.

³ Шагеев А.Э. Цифровые инновации в современном мире: отличительные черты, предпосылки и возможности использования // Траектории развития пространственных систем: ESG-вызовы и инновационные модели. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133965/1/978-5-91256-641-7_2023_208.pdf (дата обращения 25.04.2025).

крыть теоретико-правовые основы патентной монополии и концепции злоупотребления правом; выявить и систематизировать формы патентных злоупотреблений как основания для выдачи принудительных лицензий; идентифицировать проблемы эффективности существующего механизма; разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Методологическую базу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. В статье применен диалектический метод, позволяющий рассмотреть принудительное лицензирование в динамике его развития; системно-структурный подход к анализу взаимосвязи патентной системы и механизмов противодействия злоупотреблениям; формально-юридический метод при интерпретации нормативных положений. Комплексное применение указанных методов обеспечивает всестороннее исследование заявленной проблематики.

Научная новизна исследования состоит в систематизации и классификации форм патентных злоупотреблений по различным основаниям (субъектному составу, характеру неблагоприятных последствий, способу реализации, фазе патентного цикла и сфере проявления), что позволяет более четко определить основания для применения принудительного лицензирования. В работе проведен сравнительный анализ российской и зарубежной судебной практики по принудительному лицензированию, выявлены ключевые проблемы доказывания злоупотреблений в патентной сфере.

Практическая значимость заключается в выявлении конкретных дисфункций механизма принудительного лицензирования (процедурные барьеры, методологическая неопределенность, информационная асимметрия), препятствующих его эффективному применению. Сформулированные в исследовании рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы могут быть использованы при модернизации законодательства в сфере защиты от патентных злоупотреблений и развитии института принудительного лицензирования в российской правовой системе.

Содержание исследования

Патентная монополия представляет собой легитимное исключительное право временного характера, предоставляемое изобретателю государством в качестве компенсационного механизма за раскрытие информации об инновации и инвестиционные затраты на её создание. С экономической точки зрения патентная защита решает «дилемму инноватора», обеспечивая временное рыночное преимущество, необходимое для окупаемости инвестиций в НИОКР и стимулирования инновационной активности при неизбежной имитации новшеств конкурентами¹.

¹ См. подр.: Кристенсен Клейтон, М. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 239 с.

В правоведении патент понимается как сложный юридический инструмент, сочетающий элементы вещного, обязательственного и исключительного права, характеризующийся территориальной ограниченностью, срочностью, абсолютностью и отчуждаемостью². Двойственность патентной монополии проявляется в её одновременном функционировании как стимула технологического развития и потенциального барьера для диффузии инноваций, что обуславливает необходимость механизмов балансирования частных и публичных интересов, включая институт принудительного лицензирования³.

Злоупотребление правом в патентной сфере — особая форма недобросовестного поведения, при которой формально законная реализация исключительных прав противоречит их функциональному назначению, деяние (действие или бездействие), имитирующее реализацию норм патентного права, при которой субъект права изначально преследует цель, не предполагаемую нормой права, а правовой механизм используется исключительно как средство достижения результата, противоречащего очевидной цели реализации нормы, что влечет причинение вреда (угрозы вреда) законным интересам других лиц, общества или государства⁴.

Патентный троллинг, звергринг, формирование блокирующих портфелей и необоснованный отказ от лицензирования стандарт-образующих технологий выступают типичными проявлениями злоупотреблений, требующими применения специальных правовых механизмов корректировки, включая принудительное лицензирование.

Деятельность «троллей» ведет к необходимости более тщательной проверки правовой чистоты используемых материалов, увеличивает затраты на ведение бизнеса. Несмотря на то, что в деятельности таких лиц усматривается злоупотребление правом, судебная практика складывается преимущественно в противоположном направлении.

Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а так-

² См.: Шаблова, Е.Г. Право интеллектуальной собственности. / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, А.В. Соснин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 90–110.

³ Ильдеменов В.И. Демонполизация экономики: Тексты лекций / В.И. Ильдеменов — Чебоксары: ЧГУ, 1994. С. 7.

⁴ См.: Наумов, А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8. Шайхутдинов, Е.М. Злоупотребление правом в сфере экономики // Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Рассоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 9–14 октября 2023 г. / В.М. Сырых, И.С. Барзилова, В.В. Трофимов [и др.] // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 244.

же злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Категоризация правовых явлений составляет важнейший инструмент научного познания, позволяющий выявить системные связи и сущностные характеристики изучаемых объектов, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о гетерогенности патентных злоупотреблений, что обуславливает необходимость их систематизации. В результате системно-структурного и формально-юридического методов исследования, предлагается классификация патентных злоупотреблений следующим образом:

- по субъектному составу (злоупотребления непрактикующих патентообладателей и действующих производителей);
- по характеру неблагоприятных последствий (антиконкурентные, инновационно-блокирующие и потребительские);
- по способу реализации (стратегические, процедурные и эксплуатационные);
- по фазе патентного цикла (на этапе патентования, при коммерциализации, при защите прав);
- по сфере проявления (в системе здравоохранения, в области стандартизированных технологий, в сегменте цифровых инноваций).

Наиболее важными формами, на наш взгляд, выступают патентный троллинг (ассертивные стратегии непрактикующих субъектов), эвергрининг (искусственное продление патентной защиты – «вечнозеленые патенты»)¹, патентное сгущение (создание плотных патентных кластеров), злоупотребления в отношении стандарт-образующих патентов и недобросовестные практики при установлении лицензионных условий².

Принудительное лицензирование может выступать эффективным механизмом противодействия антиконкурентным злоупотреблениям, включающим: практику эвергрининга (искусственное продление патентной защиты посредством незначительных модификаций охраняемого объекта); создание «патентных заборов»³ и «патентных чащ»⁴, блокирующих конкурентам доступ к ключевым технологиям; злоупотребления в области стандарт-образующих патентов (SEP)⁵, выражающиеся в необоснованном отказе от лицензирования на условиях FRAND (Fair, Reasonable and Non-

¹ См. подр.: Планируемые изменения в патентном законодательстве с целью борьбы с «вечнозелеными патентами» // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/patentnye-trolli-ili-dobrosovestnye-predprinimateli/> (дата обращения: 02.06.2025); Николаев, А.С. Патентная аналитика: учебно-методическое пособие / А.С. Николаев – СПб: Университет ИТМО, 2022.

² См.: Васильев, Д.В. Патентный троллинг: зарубежный опыт и правоприменительная практика в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 97–101; Ворожечин А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 68–79.

³ Патентная стратегия // URL: <https://первоисток.pdf/patentnaya-strategiya> (дата обращения: 02.06.2025).

⁴ Shapiro, C. Navigating the Patent Thicket: Cross Licenses, Patent Pools, and Standard-Setting (March 2001) // URL: <https://ssrn.com/abstract=273550> (дата обращения: 02.06.2025).

⁵ Стандартные основа патента // URL: <https://www.wipo.int/en/web/patents/topics/sep> (дата обращения: 02.06.2025).

Discriminatory)⁶ или установлении дискриминационных условий. В данных случаях принудительная лицензия служит инструментом восстановления конкурентной среды и предотвращения монополизации технологических рынков, что подтверждается антимонопольной практикой ЕС, США и развивающихся стран.

Другую категорию оснований для принудительного лицензирования составляют социально-ориентированные виды злоупотреблений, имеющие негативные экстерналии для общественно-го благосостояния: необоснованно высокие цены на патентованные лекарственные средства, ограничивающие доступ к здравоохранению; блокирование экологически значимых технологий; препятствование использованию патентов в исследовательских целях, что замедляет научно-технический прогресс.

Особенностью данной категории выступает приоритет публичного интереса над частными правами патентообладателя, что находит отражение в положениях Соглашения ТРИПС, Дохийской декларации и национальных законодательствах, предусматривающих возможность принудительного лицензирования в случаях защиты общественного здоровья, экологической безопасности и обеспечения технологического развития⁷.

Российская судебная практика по принудительному лицензированию патентов характеризуется немногочисленностью прецедентов и формированием правовых позиций преимущественно в последнее десятилетие. Ключевыми делами выступают: спор между ООО «Натива» и компанией «Селджен Интернешнл» (дело № А40–71471/2017)⁸ о принудительной лицензии на лекарственный препарат «Леналидомид», где суд впервые применил ст. 1362 ГК РФ, признав преимущество отечественного аналога и недостаточность использования патента правообладателем; дело № А40–166505/2017 о выдаче принудительной лицензии на препарат «Дазатиниб», в котором был сформулирован подход к определению зависимого изобретения и критерии «существенного экономического преимущества»; прецедент отказа в принудительном лицензировании по делу № А40–191673/2018 между ООО «Натива» и Байер, где суд не признал достаточными доказательства значительного улучшения технических характеристик зависимого изобретения. Анализ практики выявляет основные проблемы: отсутствие устоявшихся критериев «значительного технического преимущества» и методологии определения размера компенсационных платежей, что создает правовую

⁶ Стандартные основные патенты (СОП) и FRAND: тонкий баланс в сфере инноваций // URL: <https://www.khuranaandkhurana.com/2024/09/28/standard-essential-patents-seps-and-frand-a-delicate-balance-in-innovation/> (дата обращения: 02.06.2025).

⁷ Шебанова, Н.А. Международно-правовые основания принудительного лицензирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 5–16.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/72165280/> (дата обращения: 02.06.2025).

неопределенность и препятствует эффективному использованию данного института¹.

Практика принудительного лицензирования в Европейском Союзе представлена преимущественно через призму антимонопольного регулирования, где ключевыми прецедентами выступают дело Magill (1995), в котором Суд ЕС впервые сформулировал доктрину «исключительных обстоятельств»²; дело IMS Health v. NDC Health (2004)³, установившее критерии «незаменимости» объекта ИС и «препятствия для появления нового продукта»; а также дело Microsoft (2007)⁴, расширившее применение принудительного лицензирования на случаи отказа от раскрытия информации о совместимости. В фармацевтическом секторе значимым является дело **Merck Sharp and Dohme Limited – Principi Attivi** (решение Итальянского органа по конкуренции (ICA), дело A364, решение № 14388, бюллетень № 23/2005, 15 июня 2005 года)⁵, где национальные суды применили концепцию «злоупотребления доминирующим положением» для выдачи принудительной лицензии на патент, срок действия которого истекал.

В развивающихся странах принудительное лицензирование преимущественно реализуется в контексте обеспечения доступа к лекарственным средствам: кейс Бразилии 2007 года по препарату эфавиренз компании Merck⁶; решение Индии 2012 года о выдаче принудительной лицензии компании Natco Pharma на противораковый препарат Nexavar компании Bayer⁷, обоснованное высокой стоимостью оригинального препарата и недостаточным удовлетворением общественных потребностей; практика Таиланда 2006–2008 годов по антиретровирусным препаратам⁸.

¹ Суд впервые разрешил российской фармкомпании производить аналог препарата из США // URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/03/celgene/> (дата обращения: 02.06.2025).

² Решение по делу «Magill» // URL: https://studref.com/444895/pravo/reshenie_delu_magill (дата обращения: 02.06.2025).

³ IMS Health GmbH v NDC Health GmbH (Court of Justice of the European Union Case C-418/01, 29 April 2004) // URL: <https://unctad.org/ipccaselaw/sites/default/files/ipccaselaw/2020-12/IMS%20Health%20v%20NDC%20CJEU%202004.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ Microsoft Corp. против AT&T Corp., 550 U.S. 437 (2007) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/550/437/> (дата обращения: 02.06.2025).

⁵ Merck Sharp and Dohme Limited – Principi Attivi (Итальянское антимонопольное управление (ICA), дело A364, решение № 14388, бюллетень № 23/2005, 15 июня 2005 г.) // URL: <https://unctad.org/ipccaselaw/merck-sharp-and-dohme-limited-principi-attivi-italian-competition-authority-ica-case-a364-decision> (дата обращения: 02.06.2025).

⁶ Бразилия требует снижения цены на эфавиренз на 60% или может отозвать патент // URL: <https://www.aidsmap.com/news/apr-2007/brazil-demands-60-efavirenz-price-cut-or-may-break-patent> (дата обращения: 02.06.2025).

⁷ Индия выдала первую обязательную лицензию на препарат Nexavar от Bayer для лечения рака. // <https://www.geneng-news.com/news/india-orders-first-compulsory-license-for-bayers-nexavar-cancer-drug-to-natco/> (дата обращения: 12.06.2025).

⁸ Программа позитивного партнерства в Таиланде: расширение возможностей людей, живущих с ВИЧ // URL: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/jc1260_thailand_ppp_full_ru_0.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

В Южной Корее значимыми стали кейсы по SEP-патентам, включая конфликт Samsung и Apple⁹, где патентный суд применил концепцию FRAND-лицензирования для ограничения патентных исков. Китайская практика характеризуется комбинацией подходов: выдача принудительной лицензии на тамифлю в период эпидемии и антимонопольные расследования в отношении Qualcomm и InterDigital по злоупотреблениям SEP-патентами¹⁰.

Проанализированные зарубежные кейсы показывают нам, что диверсифицированный подход юрисдикций неизбежно приводит к балансированию частных и публичных интересов, что в свою очередь, непосредственно также отражается на экономических последствиях.

Практика ЕС по антимонопольному принуждению к лицензированию (Magill, IMS Health, Microsoft) иллюстрирует проконкурентный эффект, связанный с устранением барьеров входа на рынок и стимулированием производных инноваций. Фармацевтические кейсы в Индии, Бразилии и Таиланде количественно подтверждают значительное снижение ценовой нагрузки и расширение доступа к жизненно важным препаратам. Опыт Южной Кореи и Китая в области SEP-патентов демонстрирует влияние принудительного лицензирования на оптимизацию транзакционных издержек в инновационных экосистемах.

Отсюда, принудительное лицензирование генерирует двойственный экономический эффект: в краткосрочной перспективе обеспечивает статическую эффективность рынка через нивелирование монопольной ренты, демополизацию технологических рынков и снижение транзакционных издержек, связанных с патентными блокадами; в долгосрочном периоде потенциально влияет на динамическую эффективность инновационных процессов, корректируя баланс между защитой исключительных прав и общественным интересом в диффузии технологий.

Этот опыт показывает нам секторальную дифференциацию экономических последствий: в фармацевтической отрасли наблюдается снижение цен и расширение доступа к жизненно важным препаратам; в сфере стандартизированных технологий – оптимизация лицензионных платежей и преодоление фрагментации прав; в наукоемких отраслях – интенсификация последующих инноваций и сокращение издержек доступа к базовым технологическим решениям.

Несмотря на эмпирически фиксируемые положительные экономические эффекты принудительного лицензирования, практическая реализация данного механизма сопряжена с комплексом дисфункций, в определенной мере снижающих его

⁹ Война гигантов: как Apple отсудил у Samsung полмиллиарда долларов // URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/362135-voynagigantov-kak-apple-otsudil-u-samsung-polmilliarda-dollarov> (дата обращения: 02.06.2025).

¹⁰ Китай проводит расследование в отношении Qualcomm и InterDigital (Обновление) // URL: <https://phys.org/news/2014-02-china-qualcomm-interdigital.html> (дата обращения: 02.06.2025).

эффективность как инструмента балансирования частных и публичных интересов¹. Если говорить об эффективности принудительного лицензирования, то она ограничивается комплексом взаимосвязанных проблем:

- процедурными барьерами, выражающимися в длительности судебных процессов (в среднем 2–3 года) и высоких судебных издержках;
- методологической неопределенностью в установлении справедливого размера компенсации и критериев оценки «существенного улучшения» или «неиспользования изобретения»;
- отсутствием единообразных подходов к определению случаев злоупотребления правом и их дифференциации от легитимной реализации исключительных прав.

Экономическая эффективность снижается из-за информационной асимметрии между правообладателем и потенциальным лицензиатом, ограничивающей полноценную имплементацию технологии². В международном контексте проблема усугубляется фрагментарностью правоприменения в различных юрисдикциях, создавая эффект «патентного форум-шоппинга»³ и препятствуя формированию когерентного глобального режима принудительного лицензирования.

Выявленные проблемы эффективности принудительного лицензирования обнаруживают очевидный дефект правоприменительной практики – отсутствие универсальных критериев идентификации и квалификации злоупотреблений исключительными правами.

В контексте процессуальной реализации механизма принудительного лицензирования именно доказательственные сложности детерминируют значительную часть дисфункций и препятствуют формированию предсказуемой регуляторной среды.

Доказывание злоупотреблений в патентной сфере характеризуется повышенной сложностью вследствие комплекса взаимосвязанных факторов: методологической неопределенности в разграничении легитимной реализации исключительных прав и злоупотребления ими; многовариантности форм патентных злоупотреблений (эвергринг, патентные кластеры, фиктивное патентование, стратегические судебные иски); высокой информационной асимметрии между потенциальным нарушителем и правообладателем⁴.

Проблематичность доказывания усугубляется дифференциацией стандартов доказывания в различных юрисдикциях: от строгого стандарта «вне разумных сомнений» в США⁵ до более гибкого «баланса вероятностей» в европейских странах⁶.

Процессуально-правовые барьеры включают отсутствие специализированных процедур раскрытия доказательств в сфере интеллектуальной собственности, ограниченный доступ к внутрикорпоративной документации правообладателей и высокие издержки привлечения экспертов для оценки технологических и экономических аспектов злоупотреблений. Совокупность указанных факторов формирует системный процессуальный барьер для эффективного противодействия патентным злоупотреблениям через механизм принудительного лицензирования⁷.

Заключение

Анализ практики применения принудительного лицензирования демонстрирует его двойственную природу как инструмента корректировки рыночных дисфункций: с одной стороны, механизм обеспечивает краткосрочную статическую эффективность через снижение ценовых барьеров и демополизацию технологических рынков; с другой – потенциально влияет на динамическую эффективность инновационной системы, модифицируя стимулы к инвестициям в R&D⁸.

Ключевыми факторами, лимитирующими эффективность механизма, выступают процедурная сложность, методологическая неопределенность критериев злоупотребления, информационная асимметрия и фрагментарность международного правоприменения.

Оптимизация института принудительного лицензирования требует комплексного совершенствования нормативно-правовой базы по следующим направлениям: разработка дифференцированных отраслевых критериев для идентификации злоупотреблений патентными правами с учетом специфики технологических рынков; имплементация унифицированной методологии определения справедливого размера компенсации на основе стандартизированных роялти-ставок в соответствующих индустриях; внедрение специализированных процессуальных механизмов ускоренного рассмотрения споров о принудительном лицен-

¹ Уманская В. Баланс публичных и частных интересов в государственном управлении // URL: <file:///Users/aleksejalbov/Downloads/776-1127-1-PB.pdf> (дата обращения: 02.06.2025).

² Иваницкий В. П., Татьяников В. А. Информационная асимметрия на финансовых рынках. Вызовы и угрозы // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1156–1167.

³ Покупки на патентном форуме должны закончиться // URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2016/10/patent-forum-shopping-must-end> (дата обращения 02.06.2025).

⁴ Бармина, О. Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве / О. Н. Бармина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 96–103; Волков А. В. Источники (предпосылки) злоупотреблений гражданскими правами. Общая классификация // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 9 (57). – С. 54–57.

⁵ Стандарт доказывания «вне разумных сомнений» или «за пределами разумных сомнений» // URL: https://advokatizsimov.ru/statyi/article_post/dokazatelstvo-vne-razumnyh-sommenij-za-predelami-razumnyh-sommenij (дата обращения 02.06.2025).

⁶ Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // URL: <https://bigenc.ru/b/vnutrennee-ubezhdenie-ili-b-8cbf89> (дата обращения 02.06.2025).

⁷ Залесов А. Защита от злоупотребления патентом. // Право и экономика. 2025. № 2. URL: <https://www.azalesov.ru/pdf/3A-ЩИТА%20ОТ%20ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ%20ПАТЕНТОМ%20Залесов%20П.И.%202022:2025.pdf> (дата обращения 02.06.2025).

⁸ Что такое R&D и почему он так важен для развития бизнеса // URL: <https://pakhotin.org/business/research-and-development/> (дата обращения 02.06.2025).

зировании с возможностью предварительного обеспечения доступа к технологии до вынесения окончательного решения; создание инструментов межюрисдикционной координации при выдаче принудительных лицензий на трансграничные технологии; формирование института технологического посредничества с функцией предварительной экспертизы обоснованности требований о принудительном лицензировании.

Научная траектория дальнейшего изучения института принудительного лицензирования представляется многоаспектной и междисциплинарной. Приоритетным вектором выступает разработка комплексных эконометрических моделей, позволяющих количественно оценить взаимосвязи между интенсивностью применения механизмов принудительного лицензирования и параметрами инновационной системы в секторальном разрезе с учетом технологической гетерогенности и структурных характеристик рынков.

Существенную теоретическую и прикладную значимость приобретает компаративистика регуляторных инструментов обеспечения технологического доступа в континууме от директивных до консенсуальных механизмов, позволяющая идентифицировать оптимальные институциональные конфигурации для различных инновационных экосистем.

Научно обоснованная оценка корреляции между частотностью имплементации принудительного лицензирования и волатильностью трансграничных инвестиционных потоков в высокотехнологичные секторы формирует самостоятельный исследовательский кластер, интегрирующий методологические подходы международной экономики и права интеллектуальной собственности.

Литература

1. IMS Health GmbH v NDC Health GmbH (Court of Justice of the European Union Case C-418/01, 29 April 2004) // URL: <https://unctad.org/ippcaselaw/sites/default/files/ippcaselaw/2020-12/IMS%20Health%20v%20NDC%20CJEU%202004.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).
2. Merck Sharp and Dohme Limited – Principi Attivi (Итальянское антимонопольное управление (ICA), дело A364, решение № 14388, бюллетень № 23/2005, 15 июня 2005 г.) // URL: <https://unctad.org/ippcaselaw/merck-sharp-and-dohme-limited-principi-attivi-italian-competition-authority-ica-case-a364-decision> (дата обращения: 02.06.2025).
3. Microsoft Corp. против AT&T Corp., 550 U.S. 437 (2007) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/550/437/> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Shapiro, C. Navigating the Patent Thicket: Cross Licenses, Patent Pools, and Standard-Setting (March 2001) // URL: <https://ssrn.com/abstract=273550> (дата обращения: 02.06.2025).
5. Бармина, О.Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве / О.Н. Бармина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 96–103.
6. Бразилия требует снижения цены на эфавиренц на 60% или может отозвать патент // URL: <https://www.aidsmap.com/news/apr-2007/brazil-demands-60-efavirenz-price-cut-or-may-break-patent> (дата обращения: 02.06.2025).
7. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // URL: <https://bigenc.ru/b/vnutrennee-ubezhdenie-ili-b-8cbf89> (дата обращения 02.06.2025).
8. Васильев, Д.В. Патентный троллинг: зарубежный опыт и правоприменительная практика в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 97–101
9. Война гигантов: как Apple отсудил у Samsung полмиллиарда долларов // URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/362135-voyna-gigantov-kak-apple-otsudil-u-samsung-polmilliarda-dollarov> (дата обращения: 02.06.2025).
10. Волков А.В. Источники (предпосылки) злоупотреблений гражданскими правами. Общая классификация // Право и государство: теория и практика. 2009. № 9 (57). С. 54–57.
11. Ворожевич А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 68–79.
12. Грудцына, Л.Ю. Теоретические основы принудительного лицензирования в сфере интеллектуальной собственности // Образование и право. 2023. № 6. С. 283–288.
13. Залесов А. Защита от злоупотребления патентом. // Право и экономика. 2025. № 2. URL: <https://www.azalesov.ru/pdf/ЗАЩИТА%20ОТ%20ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ%20ПАТЕНТОМ%20Залесов%20ПиЭ%2002:2025.pdf> (дата обращения 02.06.2025).
14. Иваницкий В. П., Татьянников В.А. Информационная асимметрия на финансовых рынках. Вызовы и угрозы // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1156–1167.
15. Индия выдала первую обязательную лицензию на препарат Nexavar от Bayer для лечения рака. / <https://www.genengnews.com/news/india-orders-first-compulsory-license-for-bayers-nexavar-cancer-drug-to-natco/> (дата обращения: 12.06.2025).
16. Китай проводит расследование в отношении Qualcomm и InterDigital (Обновление) // URL: <https://phys.org/news/2014-02-china-qualcomm-interdigital.html> (дата обращения: 02.06.2025).
17. Кристенсен Клейтон, М. Дилемма инноватора. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 239 с.
18. Кузнецова, Т.В., Некрасова, Н.О. Значение патентной информации в современном обществе знаний через призму деятельности ВПТБ ФИПС // «Вестник ФИПС»: сборник науч. мат. / Роспатент, ФИПС; под общ. ред. О.П. Неретина – М.: ФИПС, 2021. С. 113–122.

19. Наумов, А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2010.
20. Николаев, А.С. Патентная аналитика: учебно-методическое пособие / А.С. Николаев – СПб: Университет ИТМО, 2022. 98 с.
21. Патентная стратегия // URL: <https://первоисток.рф/patentnaya-strategiya> (дата обращения: 02.06.2025).
22. Планируемые изменения в патентном законодательстве с целью борьбы с «вечнозелеными патентами» // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/patentnye-trolli-ili-dobrosovestnye-predprinimateli/> (дата обращения: 02.06.2025)
23. Покупки на патентном форуме должны закончиться // URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2016/10/patent-forum-shopping-must-end> (дата обращения 02.06.2025).
24. Программа позитивного партнерства в Таиланде: расширение возможностей людей, живущих с ВИЧ // URL: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/jc1260_thailand_ppp_full_ru_0.pdf (дата обращения: 02.06.2025).
25. Решение по делу «Magill» // URL: https://studref.com/444895/pravo/reshenie_delu_magill (дата обращения: 02.06.2025).
26. Стандарт доказывания «вне разумных сомнений» или «за пределами разумных сомнений» // URL: https://advokatizosimov.ru/statyi/article_post/dokazatelstvo-vne-razumnyh-sommenij-za-predelami-razumnyh-sommenij (дата обращения 02.06.2025).
27. Стандартные основа патента // URL: <https://www.wipo.int/en/web/patents/topics/sep> (дата обращения: 02.06.2025).
28. Стандартные основные патенты (СОП) и FRAND: тонкий баланс в сфере инноваций // URL: <https://www.khuranaandkhurana.com/2024/09/28/standard-essential-patents-seps-and-frand-a-delicate-balance-in-innovation/> (дата обращения: 02.06.2025).
29. Суд впервые разрешил российской фарм-компании производить аналог препарата из США // URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/03/celgene/> (дата обращения: 02.06.2025)
30. Уманская В. Баланс публичных и частных интересов в государственном управлении // URL: <file:///Users/aleksejalbov/Downloads/776-1127-1-PB.pdf> (дата обращения: 02.06.2025).
31. Что такое R&D и почему он так важен для развития бизнеса // URL: <https://pakhotin.org/business/research-and-development/> (дата обращения 02.06.2025).
32. Шаблова, Е.Г. Право интеллектуальной собственности. / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, А.В. Соснин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 159 с.
33. Шагеев А.Э. Цифровые инновации в современном мире: отличительные черты, предпосылки и возможности использования // Траектории развития пространственных систем: ESG-вызовы и инновационные модели. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133965/1/978-5-91256-641-7_2023_208.pdf (дата обращения 25.04.2025).

34. Шайхутдинов, Е.М. Злоупотребление правом в сфере экономики // Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Расоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 9–14 октября 2023 г / В.М. Сырых, И.С. Барзилова, В.В. Трофимов [и др.] // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 236–251. —
35. Шебанова, Н.А. Международно-правовые основания принудительного лицензирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 5–16.

COMPULSORY LICENSING AS A TOOL TO COMBAT PATENT ABUSE

Albov A.P., Panchenko V.Yu.

Russian State Academy of Intellectual Property

The study is devoted to a comprehensive analysis of compulsory licensing as a legal instrument for combating patent abuse in the context of the digital economy and globalization of intellectual property markets. The relevance of the work is due to the growth of unfair practices, including patent trolling, evergreening (artificial extension of patent protection), the creation of blocking patent clusters ("thickets"), strategic concealment of standard-forming patents (SEP) and unjustified refusal to license. The purpose of the study is to identify patterns in the functioning of the compulsory licensing mechanism and develop recommendations for improving its effectiveness. Based on systemic-structural and comparative-legal methods, the authors classify patent abuses by subject composition, nature of consequences, method of implementation, phase of the patent cycle and industry specifics; analyze international practice (EU, USA, India, Brazil, Russia), highlighting the economic effects: lower prices for pharmaceuticals, demonopolization of technologies, stimulation of innovation; identify critical dysfunctions of the institution: procedural barriers (length of trials), methodological uncertainty (compensation assessment, "abuse" criteria), information asymmetry and fragmentation of law enforcement; propose optimization measures: differentiated industry criteria for abuse, unification of royalty calculation methodology, accelerated court procedures, inter-jurisdictional coordination.

Keywords: compulsory licensing, patent abuse, patent trolling, abuse of rights

References

1. IMS Health GmbH v NDC Health GmbH (Court of Justice of the European Union Case C-418/01, 29 April 2004) // URL: <https://unctad.org/ipcaselaw/sites/default/files/ipcaselaw/2020-12/IMS%20Health%20v%20NDC%20CJEU%202004.pdf> (access date: 06/12/2025).
2. Merck Sharp and Dohme Limited – Principi Attivi (Italian Competition Authority (ICA), Case A364, Decision No. 14388, Bulletin No. 23/2005, June 15, 2005) // URL: <https://unctad.org/ipcaselaw/merck-sharp-and-dohme-limited-principi-attivi-italian-competition-authority-ica-case-a364-decision> (date of access: 02.06.2025).
3. Microsoft Corp.v. AT&T Corp., 550 U.S. 437 (2007) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/550/437/> (date of access: 02.06.2025).
4. Shapiro, C. Navigating the Patent Thicket: Cross Licenses, Patent Pools, and Standard-Setting (March 2001) // URL: <https://ssrn.com/abstract=273550> (date of access: 02.06.2025).

5. Barmina, O.N. Causes and conditions of abuse of law / O.N. Barmina // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2014. No. 6. Pp. 96–103.
6. Brazil demands a 60% reduction in the price of efavirenz or may revoke the patent // URL: <https://www.aidsmap.com/news/apr-2007/brazil-demands-60-efavirenz-price-cut-or-may-break-patent> (date of access: 02.06.2025).
7. Budylin S.L. Inner conviction or balance of probabilities? Standards of proof in Russia and abroad // URL: <https://bigenc.ru/b/vnutrennee-ubezhdenie-ili-b-8cbf89> (date of access 02.06.2025).
8. Vasiliev, D.V. Patent trolling: foreign experience and law enforcement practice in Russia // Education. Science. Scientific personnel. 2019. No. 4. P. 97–101
9. War of the giants: how Apple sued Samsung for half a billion dollars // URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/362135-voynagigantov-kak-apple-otsudil-u-samsung-polmilliarda-dollarov> (date of access: 02.06.2025).
10. Volkov A.V. Sources (prerequisites) for abuse of civil rights. General classification // Law and state: theory and practice. 2009. No. 9 (57). P. 54–57.
11. Vorozhevich A.S. Patent trolling: essence, history, legal mechanisms of struggle // Law. 2013. No. 9. P. 68–79.
12. Grudtsyna, L. Yu. Theoretical foundations of compulsory licensing in the field of intellectual property // Education and law. 2023. No. 6. P. 283–288.
13. Zalesov A. Protection against patent abuse. // Law and Economics. 2025. No. 2. URL: <https://www.azalesov.ru/pdf/Защита%20от%20АБЛУПроссеБЛЕНИЯ%20ПАТЕНТОМ%20Залесов%20ПиЭ%2002:2025.pdf> (accessed 02.06.2025).
14. Ivanitsky V. P., Tatyannikov V.A. Information asymmetry in financial markets. Challenges and threats // Economy of the region. 2018. Vol. 14, issue. 4. P. 1156–1167.
15. India issues first compulsory license for Bayer's Nexavar cancer drug. / <https://www.genengnews.com/news/india-orders-first-compulsory-license-for-bayers-nexavar-cancer-drug-to-natco/> (Accessed: 12.06.2025).
16. China investigates Qualcomm and InterDigital (Update) // URL: <https://phys.org/news/2014-02-china-qualcomm-interdigital.html> (Accessed: 02.06.2025).
17. Christensen Clayton, M. The Innovator's Dilemma. – Moscow: Alpina Business Books, 2004. 239 p.
18. Kuznetsova, T.V., Nekrasova, N.O. The Importance of Patent Information in the Modern Knowledge Society through the Prism of the Activities of VPTB FIPS // "FIPS Bulletin": collection of scientific materials / Rospatent, FIPS; edited by O.P. Neretin – M.: FIPS, 2021. Pp. 113–122.
19. Naumov, A.E. Abuse of Law: Theoretical and Legal Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. M., 2010.
20. Nikolaev, A.S. Patent Analytics: A Tutorial / A.S. Nikolaev – St. Petersburg: ITMO University, 2022. 98 p.
21. Patent Strategy // URL: <https://первоисток.рф/patentnaya-strategiya> (Accessed: 02.06.2025).
22. Planned changes to patent legislation to combat “evergreening patents” // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/patentnyetrolli-ili-dobrosovestnye-predprinimateli/> (date of access: 02.06.2025)
23. Shopping on the patent forum must end // URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2016/10/patent-forum-shopping-must-end> (date of access 02.06.2025).
24. The Positive Partnership Program in Thailand: Empowering People Living with HIV // URL: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/jc1260_thailand_ppp_full_ru_0.pdf (date of access: 02.06.2025).
25. Decision in the Magill case // URL: https://studref.com/444895/pravo/reshenie_delu_magill (date of access: 02.06.2025).
26. Standard of proof “beyond reasonable doubt” or “beyond reasonable doubt” // URL: https://advokatizosimov.ru/statyi/article_post/dokazatelstvo-vne-razumnyh-sommenij-za-predelami-razumnyh-sommenij (date of access: 02.06.2025).
27. Standard basis of a patent // URL: <https://www.wipo.int/en/web/patents/topics/sep> (date of access: 02.06.2025).
28. Standard Essential Patents (SEPs) and FRAND: a Delicate Balance in Innovation // URL: <https://www.khuranaandkhurana.com/2024/09/28/standard-essential-patents-seps-and-frand-a-delicate-balance-in-innovation/> (accessed: 02.06.2025).
29. The court has allowed a Russian pharmaceutical company to produce an analogue of a drug from the USA for the first time // URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/03/celgene/> (accessed: 02.06.2025)
30. Umanskaya V. The Balance of Public and Private Interests in Public Administration // URL: <file:///Users/aleksejalbov/Downloads/776-1127-1-PB.pdf> (accessed: 02.06.2025).
31. What is R&D and why is it so important for business development // URL: <https://pakhotin.org/business/research-and-development/> (date of access 02.06.2025).
32. Shablova, E.G. Intellectual property law. / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak, A.V. Sosnin. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2020. 159 p.
33. Shageev A.E. Digital innovations in the modern world: distinctive features, prerequisites and possibilities of use // Development trajectories of spatial systems: ESG challenges and innovative models. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133965/1/978-5-91256-641-7_2023_208.pdf (accessed 25.04.2025).
34. Shaikhutdinov, E.M. Abuse of law in the economic sphere // Review of the All-Russian scientific and practical conference “Rassolov Readings” dedicated to the 75th anniversary of the birth of the scientist, teacher, writer, doctor of law, professor Mikhail Mikhailovich Rassolov (1948–2013), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), October 9–14, 2023 / V.M. Syrykh, I.S. Barzilova, V.V. Trofimov [et al.] // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. No. 2. P. 236–251. —
35. Shebanova, N.A. International legal grounds for compulsory licensing // Journal of the Intellectual Property Court. September 2023. Issue 3 (41). P. 5–16.

Анализ проблем применения каталога товаров, работ и услуг (КТРУ) в закупках здравоохранения на примере кольпоскопов

Безвуляк Владислав Игоревич,

магистрант, Московский финансово-юридический университет
E-mail: dogovor.trud@gmail.com

Левушкин Анатолий Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, Московский
государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина
E-mail: lewuskin@mail.ru

Статья представляет комплексный анализ правовых проблем применения каталога товаров, работ, услуг (КТРУ) при государственных закупках медицинского оборудования на примере кольпоскопов. Исследуются фундаментальные противоречия между статьей 33 федерального закона № 44-ФЗ, устанавливающей принципы формирования описания объекта закупки с учетом потребностей заказчика, и подзаконными актами, создающими императивные ограничения на включение дополнительных характеристик. Выявлены структурные недостатки каталога КТРУ для кольпоскопов: существование нормативно недопустимой укрупненной позиции 26.70.22.150–00000062, объединяющей различные категории; противоречивое распределение обязательных характеристик между позициями; отсутствие четкой дифференциации между бинокулярными и монокулярными приборами. Анализируется правовая неопределенность в толковании необязательной характеристики «возможность проведения фото- и видеосъемки», допускающей двойственную интерпретацию. Исследована противоречивая правоприменительная практика территориальных управлений ФАС России, демонстрирующая диаметрально противоположные подходы к оценке правомерности использования ОКПД 2 вместо КТРУ и включения дополнительных характеристик. Установлен конфликт интересов между заказчиками и участниками закупок. Проанализировано влияние изменений правового регулирования от 01.01.2025 года, внесенных Постановлением Правительства РФ № 1875.

Ключевые слова: государственные закупки, КТРУ, медицинское оборудование, кольпоскопы, правовые коллизии, антимонопольное регулирование.

Введение

Система государственных закупок в Российской Федерации находится в процессе постоянного совершенствования, направленного на повышение эффективности использования бюджетных средств и обеспечение прозрачности закупочных процедур. Одним из ключевых инструментов контрактной системы является Каталог товаров, работ и услуг (КТРУ), введенный в действие с 1 января 2019 года в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1].

КТРУ призван стандартизировать описание объектов закупок, обеспечить единообразие требований и повысить конкуренцию среди поставщиков. Однако практика применения каталога выявила ряд системных проблем, особенно остро проявляющихся в сфере закупок медицинских изделий, где специфические потребности медицинских учреждений не всегда соответствуют универсальным характеристикам, предусмотренным в каталоге.

Анализ закупок кольпоскопов демонстрирует системные противоречия в применении КТРУ. В 2024 году 61,9% жалоб в ФАС по данной категории товаров (13 из 21) признаны обоснованными, что свидетельствует о существенных нормативных пробелах.

Основные правовые коллизии:

1. Противоречие унификации и специализации – стандартизированные характеристики КТРУ не учитывают специфические медицинские требования заказчиков;

2. Нормативная неопределенность – отсутствие критериев правомерности отступления от требований КТРУ при обосновании клинических потребностей;

3. Неоднородность правоприменения – различные подходы территориальных управлений ФАС к оценке дополнительных характеристик в техзаданиях;

4. Ограничение конкуренции – формальное соблюдение КТРУ препятствовало закупке оптимального медоборудования до исключения кольпоскопов из ПП № 878 (до 01.01.2025).

Законодательные изменения 2025 года частично устранили проблему для кольпоскопов, однако системные противоречия между унифицированным каталогизированием и спецификой медицинского оборудования сохраняются для других категорий медизделий, требуя комплексного нормативного решения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки единых подходов к применению КТРУ в сфере закупок медицинских изделий, формирования последовательной правоприменительной практики и обеспечения баланса между требованиями законодательства о закупках и потребностями системы здравоохранения в качественном медицинском оборудовании.

Цель исследования состоит в комплексном анализе проблем применения КТРУ при закупках медицинских изделий на примере кольпоскопов, выявлении причин противоречий в правоприменительной практике и разработке предложений по совершенствованию нормативного регулирования и практики применения каталога в сфере здравоохранения.

Методология

Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы юридической науки, анализ правоприменительной практики и эмпирические исследования в сфере государственных закупок. Теоретическую основу составляют концептуальные положения административного права о государственном регулировании экономической деятельности, принципы контрактной системы и доктринальные подходы к соотношению унификации и специализации в правовом регулировании. Методологический фундамент сформирован на основе работ А.В. Азархина по правовому регулированию КТРУ, исследований М.В. Бацылевой, И.А. Тачковой в области цифровых платформ закупок, а также трудов С.В. Грибановской, Е.Н. Островской, Ю.В. Семеновой по управлению государственными закупками.

Исследование реализовано посредством формально-юридического метода для анализа нормативно-правовых актов и выявления правовых коллизий; сравнительно-правового метода для сопоставления подходов территориальных управлений ФАС; системного анализа взаимосвязей элементов контрактной системы; метода правового моделирования для разработки предложений по совершенствованию регулирования. Эмпирическая база включает анализ 21 жалобы по закупкам кольпоскопов за 2022–2024 годы, решения территориальных управлений ФАС, данные Единой информационной системы закупок и материалы судебной практики. Методологическая новизна заключается в комплексном подходе, объединяющем юридический анализ нормативного регулирования, эмпирическое исследование правоприменительной практики, учет медицинских потребностей и системный анализ противоречий между универсальным характером каталога и специализированными требованиями сферы здравоохранения.

Анализ. Теоретическая база

Формирование описания объекта закупки (ООЗ) представляет центральный правовой институт кон-

трактной системы, регламентированный Федеральным законом № 44-ФЗ [1], имеющий конституционно-правовые основания в принципах равенства перед законом, поддержки конкуренции и эффективного расходования государственных средств.

Статья 33 44-ФЗ образует сложную правовую конструкцию из взаимосвязанных нормативных блоков: императив содержания описания в закупочной документации; типологию характеристик (функциональные, технические, качественные, эксплуатационные); фундаментальный запрет на включение индивидуализирующих признаков при ограничении конкуренции; процедурное требование обоснования исключения. Критический анализ выявляет правовую неопределенность – отсутствие детализированных критериев формирования ООЗ, что создает различные подходы правоприменительных органов к оценке правомерности включения дополнительных характеристик [17].

Постановление Правительства РФ № 145 [3] как акт делегированного нормотворчества устанавливает КТРУ – систематизированный перечень товаров, работ, услуг с унифицированными характеристиками. Императивность применения КТРУ создает жесткую правовую конструкцию, существенно ограничивающую дискреционные полномочия заказчика. Пункт 4 Правил использования каталога содержит право заказчика на включение дополнительных характеристик с обязательным обоснованием, создавая систему «исключений из исключений», усложняющую правоприменение [16].

Постановление Правительства РФ № 878 [4] ввело абсолютный запрет на включение дополнительных характеристик для определенных товаров, включая кольпоскопы (код КТРУ 32.50.13.110), создав фундаментальную коллизию между статьей 33 44-ФЗ, требующей описания объекта закупки с учетом потребностей заказчика, и подзаконным актом, запрещающим дополнительные характеристики независимо от потребностей. Постановление Правительства РФ № 1875 [2] исключило кольпоскопы из ограничительного перечня, восстановив общий правовой режим и устранив правовую коллизию между потребностью в точном описании медицинского оборудования и ограничениями.

Системный анализ выявляет коллизию между нормами различного иерархического уровня: федеральный закон устанавливает принципы обеспечения государственных нужд и учета потребностей заказчика, а подзаконные акты создают императивные ограничения, de facto ограничивающие реализацию законодательных принципов [18].

Применение КТРУ в медицинских закупках обеспечивает стандартизацию номенклатуры, повышая прозрачность процедур и оптимизируя бюджетные расходы.

Выбор кольпоскопа для анализа проблематики КТРУ в рамках 44-ФЗ обусловлен следующими факторами:

1. Широкая распространенность – закупается медицинскими учреждениями различного уровня (от ФАПов до НИИ);

- Конкурентная среда – наличие российских производителей способствует ценовой конкуренции и повышению качества продукции;
- Законодательные изменения – принятие ПП РФ № 1875 от 23.12.2024 и модификации ПП № 145, № 878 позволяют проанализировать спорные аспекты применения КТРУ за 2024–2025 гг.;
- Медико-социальная значимость – ключевая роль в диагностике патологий шейки матки в контексте роста онкологической заболеваемости и реализации нацпроекта «Семья» до 2030 г.

Правоприменительная практика

При закупке кольпоскопа Заказчик выбирает позицию КТРУ, соответствующую потребности, и включает ее характеристики в ООЗ.

Сравним характеристики действующих позиций КТРУ по наименованию «Кольпоскоп» (табл. 1).

Таблица 1

Номер позиции КТРУ	Характеристики обязательные к применению		Характеристики не обязательные к применению
	Максимальное оптическое увеличение, крат	Наличие окуляров	Возможность проведения фото- и видеосъемки
26.70.22.150–00000058	≥ 12.5 и ≤ 43.5	Нет	Встроенная камера; Подключение внешней камеры;
26.70.22.150–00000059	≥ 31	Да	Встроенная камера; Подключение внешней камеры;
26.70.22.150–00000060	≥ 20.1 и ≤ 30	Да	Встроенная камера; Подключение внешней камеры;
26.70.22.150–00000061	≥ 10 и ≤ 20	Да	Встроенная камера; Подключение внешней камеры;
26.70.22.150–00000062	≥ 10 и ≤ 20; ≥ 20.1 и ≤ 30; ≥ 31; ≥ 12.5 и ≤ 43.5;	Да; Нет	Встроенная камера

Проведенный анализ правоприменительной практики выявляет существенные системные противоречия в процессе формирования описания объекта закупки кольпоскопов при использовании каталога товаров, работ, услуг (КТРУ).

Фундаментальное противоречие заключается в структурной организации самого каталога: пози-

ция КТРУ 26.70.22.150–00000062 является укрупненной категорией, включающей четыре позиции, однако согласно пункту 4 Правил использования КТРУ [16], заказчики обязаны применять информацию исключительно из конкретной позиции каталога, что делает использование «Категорий» для описания объекта закупки нормативно недопустимым. Данное противоречие создает правовую неопределенность, поскольку заказчики сталкиваются с необходимостью выбора конкретной позиции из категории, не имея четких критериев такого выбора.

Содержательное наполнение позиций КТРУ для кольпоскопов демонстрирует системные недостатки: позиции 26.70.22.150–00000061, 26.70.22.150–00000060, 26.70.22.150–00000059 содержат фиксированное значение характеристики «Наличие окуляров: да», что предопределяет их применение исключительно для бинокулярных кольпоскопов, в то время как позиция 26.70.22.150–00000058 не предусматривает наличие окуляров, но имеет наибольший диапазон увеличения. До вступления в силу изменений от 01.01.2025 года действие Постановления Правительства РФ № 878 категорически запрещало включение дополнительных характеристик для товаров, подпадающих под его регулирование, что вынуждало заказчиков использовать исключительно описание из каталога, зачастую не соответствующее реальным потребностям медицинских учреждений.

Критическое противоречие возникает между унифицированными характеристиками КТРУ и специфическими потребностями различных типов медицинских учреждений.

Неопределенность в толковании необязательной характеристики «Возможность проведения фото- и видеосъемки» создает дополнительные правовые риски. Термин «возможность» допускает двойственную интерпретацию: как техническую возможность подключения внешнего оборудования, так и требование наличия встроенной камеры.

Кардинальное изменение правового регулирования с 01.01.2025 года через Постановление Правительства РФ № 1875 предоставило заказчикам возможность включать дополнительные характеристики, не исключая характеристики позиции КТРУ. Однако данное изменение не устранило фундаментального конфликта интересов между заказчиками и участниками закупок, а лишь переместило его в новую правовую плоскость, где стремление к включению дополнительных характеристик продолжает сталкиваться с желанием участников минимизировать требования, создавая устойчивые конфликтные ситуации и системные споры между сторонами.

Исследование судебной и административной практики применения каталога товаров, работ, услуг при закупках кольпоскопов и аналогичного медицинского оборудования выявляет системные противоречия в правоприменении, создающие значительную правовую неопределенность. В связи с отсутствием сформировавшейся практики при-

менения изменений, внесенных Постановлением Правительства РФ № 1875, целесообразно проанализировать правоприменительную практику, сложившуюся до 01.01.2025 года.

Анализ решений территориальных управлений ФАС демонстрирует диаметрально противоположные подходы к вопросу допустимости использования классификатора ОКПД 2 вместо обязательного применения позиций КТРУ. Показательным является противоречие между решениями УФАС по Краснодарскому краю и Санкт-Петербургского УФАС по аналогичным правовым ситуациям. В первом случае антимонопольный орган поддержал жалобу участника против заказчика, применившего ОКПД 2 вместо КТРУ, обосновав решение тем, что каталог должен применяться в обязательном порядке при наличии соответствующей позиции, поскольку альтернативная интерпретация подрывает целесообразность товарной классификации [10]. Напротив, Санкт-Петербургское УФАС в схожих обстоятельствах поддержало позицию заказчика, который обосновал фактическое отсутствие необходимых технических характеристик в КТРУ и объективную потребность в дополнительных параметрах для обеспечения качественной медицинской диагностики [14].

Существенные расхождения наблюдаются в подходах антимонопольных органов к оценке правомерности включения дополнительных характеристик при использовании позиций КТРУ. Ростовское УФАС категорически признало обоснованной жалобу на включение дополнительных характеристик, ссылаясь на запрет, установленный Постановлением Правительства РФ № 878 [11].

Системный характер проблемы подтверждается анализом практики по другим категориям медицинского оборудования. При рассмотрении закупки томографа первоначальное решение УФАС о правомерности формирования описания объекта закупки на основании государственного стандарта без применения КТРУ было отменено апелляционной и кассационной инстанциями, которые указали на категорический запрет дополнения параметров КТРУ для товаров иностранного производства в сфере электроники [6]. Аналогичные решения были приняты Костромским [9] и Ярославским УФАС [15].

Противоположная практика наблюдается при анализе закупок аппаратов для ультразвуковой терапии, где УФАС не обнаружил нарушений в действиях заказчика, не использовавшего КТРУ и включившего дополнительные параметры, мотивировав решение соответствием описания общим правилам и отсутствием необоснованного ограничения конкуренции [12]. Схожее решение было принято Архангельским УФАС [8], однако Санкт-Петербургское УФАС в подобной ситуации пришло к противоположному выводу [13].

Различные подходы судебных инстанций к оценке права заказчика на формирование технических требований демонстрируют отсутствие единообразной практики. В одном случае три судебные

инстанции единогласно признали использование характеристик, не предусмотренных КТРУ, неправомерным, ссылаясь на действие ограничений для товаров импортного производства в сфере радиоэлектроники [7]. В аналогичном споре судебные инстанции, включая Верховный Суд Российской Федерации, поддержали право заказчика формировать описание товара на основании ОКПД 2 при фактическом отсутствии соответствующей позиции в КТРУ [5].

Количественный анализ жалоб по закупкам кольпоскопов подтверждает высокий уровень конфликтности в данной сфере. За 2024 год было подано 21 обращение в ФАС, из которых 13 признаны обоснованными (62%), что свидетельствует о системных проблемах правового регулирования. За период январь-апрель 2025 года подано 3 жалобы, что может указывать на снижение количества спорных вопросов после внесения изменений в нормативное регулирование.

Выводы

Проведенный анализ правового регулирования применения КТРУ в закупках медицинских изделий выявил комплекс системных проблем, требующих незамедлительного решения на уровне нормативного регулирования и правоприменительной практики. Существующая система правового регулирования характеризуется фрагментарностью и внутренними противоречиями между нормами различного уровня, что создает правовую неопределенность и препятствует эффективному функционированию системы государственных закупок. Двусмысленные формулировки в подзаконных актах создают широкое поле для различных интерпретаций, что приводит к непредсказуемости правоприменения и правовым рискам для всех участников закупочного процесса.

Применение единого каталога к высокотехнологичным медицинским изделиям демонстрирует объективную невозможность полной каталогизации всех характеристик, необходимых для обеспечения качественного медицинского обслуживания. Ограничения КТРУ часто не учитывают медицинские показания, особенности патологий и индивидуальные потребности пациентов, что создает ситуации, когда формально соответствующее каталогу оборудование оказывается неподходящим для решения конкретных клинических задач. Текущее регулирование создает ложную дилемму между обеспечением конкуренции и удовлетворением реальных потребностей заказчиков, при этом жесткие ограничения на включение дополнительных характеристик могут приводить к закупке неподходящего оборудования, что негативно влияет на качество медицинской помощи и эффективность использования бюджетных средств.

Анализ решений ФАС и судебной практики выявил отсутствие единообразных подходов к толкованию норм о применении КТРУ, что создает атмосферу правовой неопределенности и препят-

ствуется формированию стабильной практики. Противоречивые решения контролирующих органов подрывают доверие к системе контроля закупок и создают дополнительные административные барьеры для заказчиков, вынужденных принимать решения в условиях неопределенности.

Для решения выявленных проблем необходима системная модернизация нормативной базы, предусматривающая разработку комплексного нормативного акта, устраняющего существующие противоречия и обеспечивающего четкость правового регулирования. Критически важным является установление ясных критериев обоснованности включения дополнительных характеристик, создание исчерпывающего перечня исключений для специализированных сфер деятельности и введение процедур экспертной оценки соответствия КТРУ реальным потребностям заказчиков. Учитывая специфику медицинской сферы, целесообразно разработать особый порядок применения КТРУ для медицинских изделий, предусматривающий возможность включения медицински обоснованных характеристик, процедуры медицинской экспертизы технических требований и механизмы учета клинических показаний при формировании требований к закупаемому оборудованию.

Для обеспечения правовой определенности необходимо разработать разъяснения высших судебных инстанций по ключевым вопросам применения КТРУ, создать единую методологию оценки обоснованности дополнительных характеристик и внедрить систему обязательного согласования позиций контролирующих органов по спорным вопросам. Требуется также создание эффективной системы мониторинга и обновления каталога, включающей регулярный анализ соответствия позиций КТРУ потребностям заказчиков, механизмы оперативного включения новых характеристик по мотивированным обращениям и процедуры обсуждения изменений каталога с участием профессиональных сообществ.

Эффективное решение выявленных проблем требует системного подхода, предполагающего не только корректировку отдельных норм, но и пересмотр концептуальных основ применения КТРУ с учетом необходимости найти оптимальный баланс между унификацией закупочных процедур, обеспечением добросовестной конкуренции и удовлетворением реальных потребностей государственных и муниципальных заказчиков. Реализация предложенных мер позволит создать более гибкую и эффективную систему государственных закупок, способную адекватно реагировать на потребности различных сфер деятельности, обеспечивая при этом принципы прозрачности, конкурентности и эффективности использования бюджетных средств.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок то-

варов, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 02.06.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 г. № 1875 (ред. от 18.02.2025) «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494318/ (дата обращения: 30.05.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 08.02.2017 г. № 145 (ред. от 23.12.2024) и (ред. от 27.03.2023) «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212534/ (дата обращения: 04.06.2025).
4. Постановления Правительства РФ от 10.07.2019 г. № 878 «О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329382/ (дата обращения: 28.05.2025).
5. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2023 г. № 310-ЭС23–16627 по делу № А36–4181/2022 // Информационно-правовой портал Гарант.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407583280/> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.03.2023 N Ф09–835/23 по делу N А60–25355/2022 // Информационная система «Мой арбитраж». – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fd759c92-b88e-43a2-91b2-b1f58f878613> (дата обращения: 01.06.2025).
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.09.2023 N Ф09–2734/23 по делу N А60–45140/2022 // Информационная система «Мой арбитраж». – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/76f862be-7ad3-4ae9-901d-a17b1a230a1e> (дата обращения: 05.06.2025).
8. Решение Архангельского УФАС России от 12.07.2023 г. по делу № 029/06/33–655/2023 // Единая информационная система

в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2276257> (дата обращения: 29.05.2025).

9. Решение Костромского УФАС России от 20.03.2023 г. по делу № 044/06/105–171/2023 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2253080> (дата обращения: 31.05.2025).
10. Решение УФАС Краснодарского края № 963/2024 г. от 15.10.2024 г. по делу № 023/06/33–5180/2024 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2397394> (дата обращения: 02.06.2025).
11. Решение УФАС по Ростовской обл. № НК/4622/24 г. от 27.03.2024 г. по делу № 061/06/50–884/2024 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2326562> (дата обращения: 04.06.2025).
12. Решение Северо-Осетинского УФАС России от 16.06.2023 г. по делу № А135–06/23 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2271603> (дата обращения: 28.05.2025).
13. Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 22.06.2023 г. по делу № 44–2425/23 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2272830> (дата обращения: 05.06.2025).
14. Решение Санкт-Петербургского УФАС от 16.09.2024 г. по делу № 44–3401/24 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2362393> (дата обращения: 03.06.2025).
15. Постановление Ярославского УФАС России от 03.10.2022 г. по делу № 076/04/7.30–867/2022 // Единая информационная система в сфере закупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2203987> (дата обращения: 30.05.2025).
16. Бацылева, М.В. Цифровые платформы в сфере закупок для обеспечения государственных нужд / М.В. Бацылева, И.А. Тачкова // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 1 (25). – С. 37–43. – DOI 10.22281/2542–1697–2022–01–01–37–43.
17. Капительный, В.А. Методика проведения обзорной и расширенной кольпоскопии / В.А. Капительный, А.В. Белова // Архив акушерства и гинекологии им. В.Ф. Снегирёва. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 106–112. – DOI <http://dx.doi.org/10.18821/2313–8726–2018–5–2–106–112>.
18. Рахимов, Э.Х. Типичные нарушения законодательства о контрактной системе при описа-

нии объекта закупки / Э.Х. Рахимов, А.В. Цвилий // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10 (226). – С. 131–134. – DOI 10.47643/1815–1329_2023_10_131.

ANALYSIS OF ISSUES IN APPLYING THE CATALOG OF GOODS, WORKS, AND SERVICES (KTRU) IN HEALTHCARE PROCUREMENT: THE CASE OF COLPOSCOPES

Bezvulyak V.I., Levushkin A.N.

Moscow University of Finance and Law, Kutafin Moscow State Law University

This article provides a comprehensive analysis of legal issues related to the application of the Catalog of Goods, Works, and Services (KTRU) in public procurement of medical equipment, using colposcopes as an example. It examines fundamental contradictions between Article 33 of Federal Law No. 44-FZ, which establishes principles for forming the description of the procurement object based on customer needs, and subordinate regulations that impose imperative restrictions on including additional characteristics. Structural deficiencies of the KTRU catalog for colposcopes are identified, including the existence of the normatively impermissible aggregated position 26.70.22.150–00000062, which combines different categories; contradictory allocation of mandatory characteristics among positions; and lack of clear differentiation between binocular and monocular devices. The legal uncertainty in interpreting the optional characteristic “possibility of photo and video recording,” which allows for dual interpretation, is analyzed. Contradictory law enforcement practices by regional offices of the Federal Antimonopoly Service of Russia (FAS) are explored, demonstrating diametrically opposed approaches to assessing the legitimacy of using OKPD 2 instead of KTRU and including additional characteristics. A conflict of interest between procuring entities and participants is established. The impact of regulatory changes effective from January 1, 2025, introduced by Government Resolution No. 1875, is also analyzed.

Keywords: public procurement, KTRU, medical equipment, colposcopes, legal conflicts, antimonopoly regulation.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 “On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring State and Municipal Needs” // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed: 02.06.2025).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1875 of 23.12.2024 (as amended on 18.02.2025) “On Measures to Provide National Treatment in the Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring State and Municipal Needs, Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities” // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494318/ (accessed: 30.05.2025).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 145 of 08.02.2017 (as amended on 23.12.2024 and 27.03.2023) “On Approval of the Rules for Formation and Maintenance of the Catalog of Goods, Works, and Services in the Unified Information System in the Field of Procurement for Ensuring State and Municipal Needs and the Rules for Using the Catalog of Goods, Works, and Services for Ensuring State and Municipal Needs” // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212534/ (accessed: 04.06.2025).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 878 of 10.07.2019 “On Measures to Stimulate the Production of Radio-Electronic Products in the Territory of the Russian Federation in the Course of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring State and Municipal Needs, on Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 925 of 16 September 2016, and on the Recognition of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid” // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329382/ (accessed: 28.05.2025).
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 310-ЭС23–16627 of 18.09.2023 on case No. А36–4181/2022 // Le-

- gal information portal Garant.RU. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407583280/> (accessed: 03.06.2025).
6. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District No. Ф09–835/23 of 29.03.2023 on case No. А60–25355/2022 // Information System «My Arbitrator». – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fd759c92-b88e-43a2-91b2-b1f58f878613> (accessed: 01.06.2025).
 7. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District No. Ф09–2734/23 of 29.09.2023 on case No. А60–45140/2022 // Information System «My Arbitrator». – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/76f862be-7ad3-4ae9-901d-a17b1a230a1e> (accessed: 05.06.2025).
 8. Decision of the Arkhangelsk FAS Russia No. 029/06/33–655/2023 of 12.07.2023 on case No. 029/06/33–655/2023 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2276257> (accessed: 29.05.2025).
 9. Decision of the Kostroma FAS Russia No. 044/06/105–171/2023 of 20.03.2023 on case No. 044/06/105–171/2023 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2253080> (accessed: 31.05.2025).
 10. Decision of the Krasnodar Territory FAS No. 963/2024 of 15.10.2024 on case No. 023/06/33–5180/2024 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2397394> (accessed: 02.06.2025).
 11. Decision of the Rostov Region FAS No. HK/4622/24 of 27.03.2024 on case No. 061/06/50–884/2024 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2326562> (accessed: 04.06.2025).
 12. Decision of the North Ossetian FAS Russia No. А135–06/23 of 16.06.2023 on case No. А135–06/23 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2271603> (accessed: 28.05.2025).
 13. Decision of the St. Petersburg FAS Russia No. 44–2425/23 of 22.06.2023 on case No. 44–2425/23 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2272830> (accessed: 05.06.2025).
 14. Decision of the St. Petersburg FAS No. 44–3401/24 of 16.09.2024 on case No. 44–3401/24 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2362393> (accessed: 03.06.2025).
 15. Resolution of the Yaroslavl FAS Russia No. 076/04/7.30–867/2022 of 03.10.2022 on case No. 076/04/7.30–867/2022 // Unified Information System in the Procurement Sphere. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?id=2203987> (accessed: 30.05.2025).
 16. Batsyleva, M. V., Tachkova, I.A. Digital Platforms in the Procurement Sphere for Ensuring State Needs / M.V. Batsyleva, I.A. Tachkova // Economics. Sociology. Law. – 2022. – No. 1 (25). – Pp. 37–43. – DOI 10.22281/2542–1697–2022–01–01–37–43.
 17. Kaptilny, V. A., Belova, A.V. Methodology for Conducting Basic and Extended Colposcopy / V.A. Kaptilny, A.V. Belova // Archive of Obstetrics and Gynecology named after V.F. Snegiryov. – 2018. – Vol. 5, No. 2. – Pp. 106–112. – DOI <http://dx.doi.org/10.18821/2313–8726–2018–5–2–106–112>.
 18. Rakhimov, E. Kh., Tsviliy, A.V. Typical Violations of Contract System Legislation in the Description of the Procurement Object / E. Kh. Rakhimov, A.V. Tsviliy // Agrarian and Land Law. – 2023. – No. 10 (226). – Pp. 131–134. – DOI 10.47643/1815–1329_2023_10_131.

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России и его сравнительный анализ с зарубежной практикой

Верникова Алена Викторовна,

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина(МГЮА)

E-mail: alena-vernikova@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА) с позиций гражданского права. Автор рассматривает цифровые активы как объекты гражданских прав, исследует их правовую природу и обращение в рамках информационных систем. Особое внимание уделено соотношению ЦФА с традиционными институтами обязательственного и вещного права, а также механизмам легитимации цифровых прав в правовом порядке России. На основе анализа зарубежных моделей (Швейцария, Сингапур, ОАЭ) выявлены тенденции к интеграции новых цифровых форм в классическую структуру частноправовых отношений. Сделан вывод о необходимости развития доктрины цифровых прав и совершенствования правовых категорий для адекватного отражения трансформации имущественного оборота.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровые права, цифровые финансовые активы, токены, правовое регулирование, цифровая валюта.

На международной арене в настоящее время отсутствует унифицированный подход к правовому регулированию цифровых активов. Государства формируют собственные модели регулирования, опираясь на национальные особенности правового порядка, а также на степень развития финансовых и технологических инфраструктур. В общей теоретико-правовой плоскости можно выделить три доминирующих направления, в рамках которых осуществляется институциональное оформление цифровых активов:

1. распространение на цифровые формы активов действующего законодательства о традиционных финансовых инструментах на основе концепции «одинаковый риск – одинаковое регулирование» (same risk – same regulation);

2. модификация уже существующих нормативных механизмов с учётом технологических характеристик распределённых реестров и специфики токенизации;

3. разработка и внедрение специализированных нормативных актов, направленных исключительно на регулирование цифровых активов как самостоятельного объекта правового воздействия.

В последующем изложении представляется целесообразным подробно проанализировать каждую из обозначенных стратегий с позиций их теоретической обоснованности и правоприменительной практики.

Одним из наиболее характерных примеров реализации модели специального законодательства выступают Объединённые Арабские Эмираты, в частности, эмират Дубай, где за последние годы была выстроена последовательная система правового регулирования, ориентированная на рынок цифровых активов. В 2022 году в указанной юрисдикции был принят ряд нормативных актов, определяющих понятийный аппарат и формирующих основные регулятивные принципы функционирования субъектов цифровой экономики. В целях эффективного надзора и координации в данной сфере было учреждено специализированное ведомство – Управление по регулированию виртуальных активов (Virtual Assets Regulatory Authority, VARA), обладающее полномочиями по лицензированию и контролю за деятельностью участников рынка.

В 2023 году VARA приняло фундаментальный нормативный акт – Правила о виртуальных активах и связанной с ними деятельности (Virtual Assets and Related Activities Regulations), в котором закрепляется определение цифровых активов как цифровых форм выражения ценности, используемых в качестве средства расчётов, платежа, ли-

бо инвестиционного инструмента с применением технологий распределённого реестра. Кроме того, нормативное регулирование вводит особую категорию – виртуальные токены, под которыми понимаются специфические разновидности цифровых активов, допустимые к обращению исключительно через аккредитованные VARA платформы.

Законодательство Дубая также устанавливает, что право на осуществление деятельности в сфере оборота виртуальных активов (включая их передачу, хранение, обмен на фиатные средства, управление и иные сопутствующие услуги) возникает исключительно при условии прохождения процедуры регистрации на территории ОАЭ и получения соответствующей лицензии, выданной компетентным органом – VARA.

В ряде правовых систем, в частности в Соединённых Штатах Америки, Швейцарской Конфедерации и Республике Сингапур, регулирование цифровых активов осуществляется без принятия специальных кодифицированных законов, ориентированных исключительно на данный объект. Вместо этого применяется подход, основанный на принципе функционального сходства и эквивалентности рисков: к цифровым активам применяются положения действующего финансового и гражданского законодательства в той мере, в какой они способны обеспечить правовую защиту и стабильность рынка (same risk – same regulation).

В рамках такой модели ключевую роль играют надзорные органы, обладающие широкой нормативной и интерпретационной компетенцией. Так, в Соединённых Штатах Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) публикует официальные руководства и разъяснения по применению законодательства о ценных бумагах к цифровым токенам¹, определяя критерии их квалификации на основе теста Хоуи².

Швейцарский регулятор FINMA в 2018 году выпустил Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs), в которых представлена классификация токенов и определены условия применения различных лицензионных режимов³. В свою очередь, Управление денежного обращения Сингапура (Monetary Authority of Singapore, MAS) в Guide to Digital Token Offerings обозначило критерии отнесения токенов к сфере действия законодательства о ценных бумагах и мерах по борьбе с отмыванием доходов⁴.

¹ U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for Investment Contract Analysis of Digital Assets [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets> (дата обращения: 21.04.2025)

² дело SEC против Edwards, 2004 г., SEC против W.J. Howe Co., 1946 г., Интернет ресурс: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/>

³ Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs) [Электронный ресурс]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 21.04.2025)

⁴ Monetary Authority of Singapore. A Guide to Digital Token Offerings [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Regulations-and-Financial-Stability/Regulations-Guidance-and-Licensing/Securities-Futures-and-Fund-Management/Regulations-Guidance-and-Circulars/Guide-to-Digital-Token-Offerings-26-Nov-2017.pdf> (дата обращения: 21.04.2025)

Таким образом, в указанных юрисдикциях правовое регулирование цифровых активов носит адаптивный характер и реализуется через интерпретацию уже существующих норм с учётом специфики новых технологических форм.

Российская модель правового регулирования цифровых активов строится преимущественно на императивной основе, при которой данная категория признаётся особым объектом гражданских прав, обладающим собственной нормативной спецификой. Такая конструкция обусловлена необходимостью институциональной структуризации цифрового оборота и усиления публично-правового контроля в целях защиты прав участников соответствующих гражданско-правовых отношений⁵.

Ключевым этапом в формировании нормативного подхода стало внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, вступивших в силу с 1 октября 2019 года. В результате законодатель закрепил новую правовую категорию – «цифровые права», отнесённые к числу объектов гражданских прав (ст. 141.1 ГК РФ), реализация которых возможна исключительно в рамках информационных систем, соответствующих требованиям закона⁶. Эта норма существенно расширила понятийный состав имущественных прав, закрепив возможность их возникновения и оборота в цифровой среде.

Развитие цифровых прав как самостоятельной категории получило продолжение в специальном законодательстве. Так, Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» (далее – закон о краудфандинге) закрепил конструкцию утилитарных цифровых прав (УЦП), определив условия их эмиссии, обращения и реализации в пределах инвестиционных платформ, деятельность которых регулируется Банком России⁷.

В научной литературе предпринимались попытки доктринального осмысления правовой природы цифровых финансовых активов с учётом их специфики как объектов гражданского права. Так, по мнению А.В. Тумакова, цифровые финансовые активы в российской правовой системе представляют собой не просто разновидность цифровых прав, зафиксированных в статье 141.1 Гражданского кодекса РФ, а сложную правовую конструкцию, объединяющую признаки обязательственных

[mas.gov.sg/-/media/MAS/Regulations-and-Financial-Stability/Regulations-Guidance-and-Licensing/Securities-Futures-and-Fund-Management/Regulations-Guidance-and-Circulars/Guide-to-Digital-Token-Offerings-26-Nov-2017.pdf](https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Regulations-and-Financial-Stability/Regulations-Guidance-and-Licensing/Securities-Futures-and-Fund-Management/Regulations-Guidance-and-Circulars/Guide-to-Digital-Token-Offerings-26-Nov-2017.pdf) (дата обращения: 21.04.2025)

⁵ Решетняк С.П. К вопросу о классификации цифровых прав в российском гражданском праве // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 2. – С. 31.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32.

⁷ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ: ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31 (ч. I).

и корпоративных правомочий. Эти активы существуют исключительно в цифровой форме и функционируют в рамках информационных систем, соответствующих установленным законом критериям, что требует адаптации традиционных категорий оборотоспособности и правового статуса к условиям электронного оборота¹.

Сходную позицию занимает Е.Н. Абрамова, которая рассматривает ЦФА сквозь призму теории ценных бумаг, обосновывая возможность их квалификации как цифровой разновидности эмиссионных инструментов. Автор подчёркивает, что по своей экономико-правовой сущности многие цифровые финансовые активы воспроизводят ключевые характеристики традиционных ценных бумаг, включая закрепление имущественных требований, участие в капитале и обращение на регулируемых цифровых платформах. При этом, по её мнению, действующее законодательство фактически формирует параллельный правовой режим для ЦФА, что ставит перед правовой наукой задачу выработки единых методологических подходов к разграничению цифровых активов и классических ценных бумаг. В частности, обращается внимание на то, что разграничение должно основываться не только на технологической форме фиксации прав, но и на правовой природе закрепляемых ими притязаний².

Таким образом, отечественная доктрина указывает на необходимость переосмысления традиционных категорий гражданского права в контексте цифровизации имущественного оборота, а также на важность системной интерпретации правового статуса ЦФА, их соотношения с ценными бумагами и другими объектами гражданских прав.

Продолжая развитие концепции цифровых прав, законодательство Российской Федерации сделало следующий шаг в направлении нормативной конкретизации цифровых финансовых активов и гибридных конструкций, сочетающих различные виды имущественных требований. Этому способствовало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, которым цифровые финансовые активы (ЦФА) и гибридные цифровые права (ГЦП) были впервые на уровне федерального закона институционально оформлены как объекты гражданских прав, обращающиеся в рамках специализированных информационных систем. Примечательно, что данный закон не только фор-

мализует статус этих цифровых инструментов, но и содержит правовые механизмы, направленные на их интеграцию в существующую финансовую инфраструктуру – в частности, посредством регламентации эмиссионных процедур и заключения сделок в цифровом формате, что свидетельствует об ориентации законодателя на международные практики регулирования.

Последующая нормативная динамика указывает на стремление к последовательному развитию правового режима цифровых активов. Так, среди актуальных законодательных инициатив следует отметить внедрение в 2022 году института номинальных счетов, предназначенных для расчётов на цифровых платформах, что способствовало упрощению исполнения обязательств между участниками сделок⁴. Важным этапом стала и реализация в 2023 году проекта по созданию цифрового рубля, получившего законодательное оформление в виде отдельного нормативного акта⁵. Данный инструмент представляет собой первую в России модель государственной цифровой валюты и формирует технологическую и правовую основу для унификации цифрового оборота.

Наконец, особо значимым направлением является расширение функционального применения ЦФА. В 2024 году была закреплена возможность их использования в международных расчётах – в частности, в качестве средства встречного исполнения по внешнеторговым контрактам⁶. Это, на взгляд автора, служит свидетельством растущей институциональной роли цифровых активов как полноправного элемента финансовой системы, способного функционировать как во внутреннем, так и во внешнеэкономическом обороте.

С учётом вышеизложенного, можно заключить, что российская модель регулирования цифровых активов ориентирована на формирование институционально упорядоченной и централизованной системы цифрового оборота, в рамках которой функционирование цифровых прав допускается исключительно через официально признанные и поднадзорные информационные платформы. Такой подход принципиально отличается от отдельных зарубежных правопорядков, в которых допускается использование более децентрализованных механизмов оборота цифровых активов с минимальным государственным вмешательством.

Ярким примером альтернативной модели служит упомянутая ранее Швейцарская Конфедерация, правовая система которой исходит из функционального подхода к определению правовой

¹ Тумаков А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданского оборота // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 9–12.

² Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. – 2024. – № 1. – С. 58–68.

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I).

⁴ Об отдельных вопросах регулирования номинальных счетов, используемых на инвестиционных платформах: Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования цифрового рубля: Федеральный закон от 24.07.2023 № 389-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 30 (ч. I).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 11.

природы токенов и цифровых активов. Регулирование в Швейцарии не основывается на жёсткой типологии цифровых прав, закреплённой в законе, а, напротив, строится на принципе *substance over form*, в соответствии с которым квалификация цифрового актива зависит от его экономического содержания, а не от формального признака. Это позволяет адаптировать действующие нормы частного и финансового права под специфику каждого конкретного инструмента, без необходимости создания обособленной категории «цифровых финансовых активов» в классическом смысле. Кроме того, швейцарское регулирование допускает использование децентрализованных платформ, при этом государственный контроль реализуется преимущественно через надзорную и регистрационную функцию FINMA – органа финансового надзора, который вырабатывает интерпретационные подходы и устанавливает требования к обороту токенов в зависимости от их функций (инвестиционных, платёжных, утилитарных и др.)¹.

Таким образом, швейцарская модель представляет собой более гибкий и ориентированный на рынок подход, предполагающий высокую степень автономии участников цифрового оборота и использование существующих гражданско-правовых инструментов в адаптированной форме. В то время как российская система стремится к нормативной целостности и институциональной предсказуемости, модель Швейцарии демонстрирует приоритет принципа технологической и правовой нейтральности.

Следовательно, цифровые финансовые активы в Российской Федерации представляют собой законодательно признанную категорию цифровых прав, обладающую устойчивым нормативным основанием и активно развивающимся правовым режимом, что отражает нацеленность правовой политики на институционализацию цифровой экономики в рамках действующей системы гражданско-правового регулирования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32.
2. Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31 (ч. I).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации: // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I).

4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования номинальных счетов, используемых на инвестиционных платформах» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29.
5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования цифрового рубля» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 30 (ч. I).
6. Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 11.
7. Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. – 2024. – № 1. – С. 58–68.
8. Тумаков А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданского оборота // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 9–12.
9. Решетняк С. Р. К вопросу о классификации цифровых прав в российском гражданском праве // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 2. – С. 31.
10. U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for Investment Contract” Analysis of Digital Assets [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets> (дата обращения: 21.04.2025)
11. дело SEC против Edwards, 2004 г., SEC против W.J. Howey Co., 1946 г., Интернет ресурс: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/>
12. Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs) [Электронный ресурс]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 21.04.2025)
13. Monetary Authority of Singapore. A Guide to Digital Token Offerings [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/explainers/a-guide-to-digital-token-offerings> (дата обращения: 21.04.2025)
14. Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/>

LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN RUSSIA AND ITS COMPARATIVE ANALYSIS WITH FOREIGN PRACTICE

Vernikova A.V.
O.E. Kutafin University

This article offers a comparative legal analysis of the regulation of digital financial assets (DFAs) from the standpoint of civil law. The

¹ Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/>

author conceptualizes DFAs as objects of civil rights and explores their legal nature within digital systems. Particular attention is paid to the correlation between DFAs and classical institutions of obligations and property law, as well as to the mechanisms of legitimization of digital rights in the Russian legal system. By analyzing foreign models (Switzerland, Singapore, UAE), the article identifies a trend towards integrating digital forms into traditional private law frameworks. It concludes by emphasizing the need for doctrinal development of digital rights and refinement of legal categories to adequately reflect the transformation of proprietary relations.

Keywords: objects of civil law, digital rights, digital financial assets, tokens, legal regulation, digital currency.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32.
2. Federal Law “On Attracting Investments Using Investment Platforms” dated 02.08.2019 No. 259-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 31 (Part I).
3. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I).
4. Federal Law of 14.07.2022 No. 319-FZ “On Certain Issues of Regulating Nominee Accounts Used on Investment Platforms” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 29.
5. Federal Law of 24.07.2023 No. 389-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of the Digital Ruble” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 30 (Part I).
6. Federal Law of 11.03.2024 No. 45-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 11.
7. Abramova E.N. Digital financial asset as a digital security // Civil law. – 2024. – No. 1. – P. 58–68.
8. Tumakov A.V. Digital financial assets as an object of civil turnover // Civil law. – 2024. – No. 6. – P. 9–12.
9. Reshetnyak S.R. On the classification of digital rights in Russian civil law // Law and digital economy. – 2023. – No. 2. – P. 31.
10. U.S. Securities and Exchange Commission. Framework for Investment Contract” Analysis of Digital Assets [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets> (date of access: 21.04.2025)
11. SEC v. Edwards, 2004, SEC v. W.J. Howey Co., 1946, Internet resource: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/293/>
12. Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs) [Electronic resource]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (Accessed: 21.04.2025)
13. Monetary Authority of Singapore. A Guide to Digital Token Offerings [Electronic resource]. – 2017. – URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/explainers/a-guide-to-digital-token-offerings> (Accessed: 21.04.2025)
14. Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Electronic resource]. – 16 Feb. 2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/>

Роль подзаконного правотворчества Роскомнадзора в предупреждении нарушений информационных прав граждан

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель кафедры международного
и публичного права Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

Ранее являющееся подотраслью административного права, информационное право хоть и сформировалось в самостоятельную полноценную отрасль со своим предметом и методом, но не утратило важную роль государственного управления в этой сфере в целом и роль федеральных органов исполнительной власти в правотворческом процессе в частности. В статье изучены отдельные аспекты правового регулирования и реализации подзаконного правотворчества Роскомнадзором по вопросам реализации информационных прав граждан. Автор статьи отмечает важность проработки превентивных мер в Информационном праве, потому как тщательно продуманное и своевременное применение предупредительных мер помогает предотвратить сам факт нарушения прав и законных интересов участников правоотношений, тем самым защитив их от негативных последствий таких нарушений, которые далеко не всегда проявляются сразу, а, наоборот, имеют свойство «отложенности» так как в интересах злоумышленников, как правило, затаиться, если не уничтожить, то спутать цифровой след, который вел бы к ним. В указанных обстоятельствах объективно и, что очень важно, справедливо оценить ущерб видится крайне затруднительным. Автором дана оценка нынешней ситуации правового регулирования правотворческой деятельности Роскомнадзора, направленной на предупреждение нарушений информационных прав граждан, а значит, косвенно, на недопущение наступления негативных последствий. Кроме того, автором обозначены предпочтительные изменения, призванные усовершенствовать этот аспект. Автор отмечает, что, не смотря на высокую необходимость разработки превентивных мер, полномочий в этом вопросе у органа отраслевой компетенции практически нет при том, что ему самому приходится регулярно сталкиваться с нарушениями информационных прав граждан в процессе осуществления вверенных полномочий. Система профилактических мер в информационном праве не выглядит ясной, систематизированной, упорядоченной для всех участников информационных правоотношений, система подзаконных актов на этот счет также носит разрозненный характер.

Ключевые слова: подзаконное правотворчество, подзаконное нормотворчество, федеральные органы исполнительной власти, Роскомнадзор, информационные правоотношения; превентивные меры.

Согласно Доктрины информационной безопасности Российской Федерации информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [12, п. 7], а, значит, обеспечение информационной безопасности не теряет своей актуальности с течением длительного времени.

По сообщению «РИА-новости», за 2024 год Роскомнадзор зафиксировал 135 случаев утечки баз данных, в которых содержались более 710 млн записей о россиянах, при этом если сравнивать 2022 и 2023 годы, то количество случаев увеличилось, но объем самих утечек уменьшился. [16] По заявлению заместителя председателя правления Сбербанка Станислава Кузнецова в открытый доступ (за 2023 – начало 2024 г.) попали персональные данные около 90% взрослого населения РФ. [17] При этом примечательно то, что при возможности хотя бы приблизительной оценки количества нарушений, не подлежащими оценке являются последствия, которые могут наступить, причем спустя долгое время: спустя год, два, три и более злоумышленники могут воспользоваться информацией, которой они располагают, и совершить, например, мошеннические действия в отношении пострадавших от утечки их персональных данных лиц. Конечно, информационные права граждан Российской Федерации связаны не только с охраной их персональных данных, однако, практически все без исключения нарушения в информационной сфере характеризуются именно данным свойством: реальная степень их вредности, а зачастую и опасности трудно оценима. В свете вышеизложенного особую роль приобретают нормы, имеющие целью предупреждение нарушений законодательства в рассматриваемой сфере. В информационном праве предупредительные меры играют очень важную роль. На нее оказывают немаловажное влияние юридические свойства информации, а также ее особенности как объекта правового регулирования. Специфические формы распространения, большие скорости, физическая неотчуждаемость вкупе с обособленностью от создателя в некоторых случаях, тиражируемость и другие особенности влияют на ситуацию таким образом, что зачастую в случае совершения правонарушения, связанного с информацией, негативные последствия практически неизбежны, едва ли полностью устранимы, «отложены» во времени и едва ли могут быть оценены с должной степенью справедливости.

Стратегия развития информационного общества на период до 2030 года устанавливает даже не важность, а именно необходимость предупреждения, предотвращения и отражения угроз информационной безопасности граждан и ликвидации последствий их проявления для формирования информационного пространства. [13, разд. III] Также в п. 29 указанного документа установлено, что: «для устойчивого функционирования информационной инфраструктуры Российской Федерации необходимо: обеспечить комплексную защиту информационной инфраструктуры Российской Федерации, в том числе с использованием государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы и системы критической информационной инфраструктуры». [13, п. 29]

Профилактике правонарушений в различных сферах жизнедеятельности общества посвящен отдельный закон – Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – 182-ФЗ). К субъектам профилактики относятся федеральные органы исполнительной власти. [5, ст. 5], и нормативно-правовое регулирование входит в их полномочия в сфере профилактики правонарушений. [2, ст. 8] Согласно данному закону системой профилактики правонарушений (далее – «система») является «совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений». [2, ст. 2] Не смотря на наличие четкого определения, системы профилактики целюно ни по сферам, ни по отраслям, ни по какому бы то ни было еще критерию в законодательстве не представлены, и исключением является разве что профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которой посвящен отдельный Федеральный закон. Таким образом, при том, что общая система профилактики вроде как существует, она не систематизирована и не упорядочена в отношении отдельных сфер жизнедеятельности общества, а также не учитывает их специфику, и профилактика информационных правонарушений в этом не отличается от прочих.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 17 содержит довольно-таки обширный перечень форм профилактического воздействия, и многие из них видятся более, чем уместными в связи с рассматриваемой темой. Прежде всего, хотелось бы отметить **правовое просвещение и правовое информирование**. Однако изучение положений об органах отраслевой компетенции в этом вопросе показывает, что их полномочия мало нацелены на установление, разработку и даже реализацию превентивных мер в том или ином виде. Так, Положение о Минцифры, как и По-

ложение о Роскомнадзоре, не содержит ни правового просвещения, ни правового информирования в качестве полномочий указанных органов. Ближе всего к рассматриваемым превентивным мерам можно отнести разве что разъяснения по вопросам, отнесенным к сфере ведения Министерства [9, п. 6.6.] и разъяснения по вопросам, разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции Службы [10, п. 6.4.]. Разъяснения ФОИВ выносятся, как правило, в форме писем-ответов на поступившие в их адрес запросы конкретных заинтересованных субъектов. В то же время нам следует помнить, что согласно Постановления Правительства РФ: «Издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается». [11, п. 2] Таким образом, получается двоякая ситуация: с одной стороны, разъяснения призваны сделать имеющиеся нормы более ясными, что, безусловно, должно способствовать предупреждению нарушений, но, с другой стороны, они не являются общими и обязательными для всех субъектов правилами поведения. Таким образом, фактически рассматривая форма профилактики вынесена на пределы подзаконного нормотворчества ФОИВ в целом и Роскомнадзора в частности. Отдельного упоминания требуют рекомендации – их Роскомнадзор издает довольно-таки много и размещает на официальном сайте. Например, для сферы СМИ их не менее трех, и это не считая так называемых «Памяток», которые относить к рекомендациям неправильно. Кроме того, стоит упомянуть методические рекомендации, которые издает Роскомнадзор – например, Приказ от 30 мая 2017 г. № 94, в котором говорится, что «настоящие методические рекомендации подготовлены в целях разъяснения порядка...». При этом природа их двояка, как, пожалуй, и у всех методических рекомендаций, издаваемых ФОИВ: с одной стороны, они утверждены в форме Приказа, а, как известно, в Приказе ФОИВ могут содержаться обязательные для выполнения требования, с другой стороны, в самих методических рекомендациях многократно употребляется термин «рекомендуется» и его производные. Например: «Рекомендуется указывать конкретную дату (число, месяц, год) или основание (условие), наступление которого повлечет прекращение обработки персональных данных» [15, п. 3.1.9.]. При этом становится ясно, что в случае, если оператор не укажет дату, Роскомнадзор будет вправе уточнить ее у оператора самостоятельно, и потому нередко соблюдение рекомендаций попросту экономит время сторон. Стоит отметить, что это нюанс, в принципе касающийся подзаконного нормотворчества, а не только нормотворчества в сфере информационных правоотношений.

Следующей формой, подлежащей анализу, станет объявление официального **предостережения**. Оно на первый взгляд очень созвучно с предупреждением, предусмотренным КоАП РФ, однако, сущность у них разная. Согласно 182-ФЗ предостережение объявляется лицу при отсутствии оснований для привлечения его к уголовной или адми-

нистративной ответственности [2, ст. 20], в то время как предупреждение – мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. [1, ст. 3.4.] Административное предупреждение может выноситься в случае, если оно предусмотрено соответствующей статьей раздела II КоАП РФ или в случае впервые совершенного административного правонарушения, выявленного в ходе осуществления государственного контроля (надзора). [1, ст. 4.1.1.] При этом примечательно то, что среди исключений, когда замена наказания на предупреждение недопустима, есть информационные правонарушения (13.15. КоАП РФ и 13.37. КоАП РФ). Возвращаясь к предостережению, стоит отметить, что применять его могут не все властные субъекты, а лишь те, которые перечислены в ч. 2 ст. 17 182-ФЗ. Анализ законодательства показывает, что органы отраслевой компетенции в информационной сфере не уполномочены применять рассматриваемую профилактическую меру и не могут использовать ее в правотворческом процессе. Порядок объявления предостережения изложен не в отдельном подзаконном акте, посвященном этой мере, а в подзаконных актах, касающихся Программ профилактики нарушений обязательных требований, утвержденных Приказом Роскомнадзора.

Далее стоит упомянуть такую меру как **профилактический учет**, предназначенный для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений. [2, ст. 21] В информационных правоотношениях деятельность органов исполнительной власти, которую по сути можно отнести к учетной, представлена довольно-таки многообразно. Так, например, о начале своей деятельности Роскомнадзор должны уведомить организатор распространения информации в сети «Интернет» [6, ч. 2 ст. 10.1], оператор обработки персональных данных [7, ч. 1 ст. 22]; редакция СМИ в форме регистрации СМИ [8, ст. 8], а также реклама в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» подлежит учету [14, ч. 1 ст. 18.1]. При этом возникает два вопроса:

- 1) можно ли отнести вышеуказанные примеры к реализации системы профилактики правонарушений;
- 2) в какой степени вышеуказанная деятельность относится к правотворческой деятельности отраслевых федеральных органов исполнительной власти, направленной на предупреждение нарушения информационных прав граждан.

При рассмотрении первого вопроса складывается двоякое впечатление. С одной стороны, ярко представленная в Информационном праве учетная политика соответствует принципам профилактики [2, ст. 4], а также ее направлениям [2, ст. 6]. С другой стороны, в рассматриваемом 182-ФЗ профилактический учет указывается в контексте рассмотрения лиц, склонных к совершению нарушений [2, п. 3 ч. 1 ст. 6], что могло бы означать, что мы рассматриваем всех субъектов информационного права, подлежащих учету, склонными к соверше-

нию нарушений. Ответ на второй вопрос напрямую связан с ответом на первый вопрос. Подзаконное нормотворчество Роскомнадзора нередко касается порядка реализации учета – например, Приказ Роскомнадзора от 21.11.2011 N 1036 или Приказ Роскомнадзора от 28.10.2022 N 180, но указанным актам едва ли можно придать полноценную роль превентивных в отношении совершения правонарушений в информационной сфере, разве что рассматривать их в контексте уточняющих детали того или иного обязательного для субъектов информационного права процесса, что должно способствовать большому пониманию, а, значит, и уменьшать вероятность нарушений, в особенности совершенных неумышленно.

Заслуживает также внимания мера в виде **внешения представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения**. Согласно ст. 22 182-ФЗ: «В случае выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушения, субъект профилактики правонарушений, уполномоченный в соответствии с законодательством Российской Федерации, вносит в соответствующие орган или организацию независимо от форм собственности либо общественное объединение обязательное для исполнения представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения». Гораздо раньше подобная норма появилась в КоАП РФ – ст. 29.13. При этом стоит отметить, что ни в том, ни в другом случае за властными субъектами не закреплена обязанность выявлению причин и условий или проведение какой-либо иной аналитической работы на этот счет. Порядок внесения рассматриваемого представления применительно к профилактике устанавливаются нормативными правовыми актами соответствующего субъекта профилактики правонарушений [2, ч. 2 ст. 22]. Например, такой подзаконный акт есть у ФСБ – Приказ ФСБ РФ от 13 марта 2004 г. N 162 «О внесении представлений органами федеральной службы безопасности», однако, ни Минцифры, ни Роскомнадзором подобные акты не приняты. Т.о. стоит отметить, что право (но не обязанность) на вынесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения у Роскомнадзора есть, но при этом порядок его вынесения не установлен, что явно не способствует тому, чтобы уполномоченные лица Роскомнадзора проявляли инициативу в подобной аналитической работе и процессе профилактики противоправных деяний.

Профилактике правонарушений на официальном сайте Роскомнадзора посвящен отдельный раздел, в котором размещены нормативные правовые акты по этому вопросу. Приказы Роскомнадзора за последние пять лет касаются программ профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, и приняты во исполнение Постановления Правительства РФ от 25 июня 2021 г. N 990. В Приказе Роскомнадзора от 19.12.2024 № 243 указаны следующие про-

филактические меры, предпринимаемые Роскомнадзором:

- 1) информирование контролируемых лиц;
- 2) обобщение правоприменительной практики;
- 3) объявление предостережения;
- 4) консультирование;
- 5) профилактический визит.

При этом порядки осуществления указанных мер закреплены в этом же подзаконном нормативном правовом акте, что является не совсем типичным способом закрепления процессуальных норм, так как обычно им посвящаются отдельные Приказы. С другой стороны, в указанном случае прослеживается скорее позитивная тенденция уменьшения количества актов при том, что они бы, судя по содержательной части, оказались малыми по объему и объединения процессов по тематическому признаку.

Помимо общих профилактических мер, в Информационном праве есть специфические собственные меры, направленные на недопущение нарушения информационных прав граждан. К ним, например, относится **упаковка информационной продукции**. [3, ч. 1 ст. 16], **знак информационной продукции** и/или обязательное **текстовое предупреждение** на экземплярах информационной продукции (например словосочетание «запрещено для детей»). [3, ч. 1 ст. 12] Очень часто применяемой в сфере рекламы мерой является **предупреждение**. Например, предупреждение о самом факте распространения рекламных материалов [4, ст. 16] или указание на особенности рекламных материалов [4, ст. 24; ч. 5 ст. 27].

Специфическими можно считать меры, которые имеют целью предупреждение нарушений, связанных с персональными данными граждан: обнаружение фактов несанкционированного доступа к ним; предупреждение, обнаружение, ликвидация последствий компьютерных атак на их системы; реагирование на компьютерные инциденты в них [5, ч. 2 ст. 19]. Кроме того, важной предупредительной мерой в информационном праве можно считать мониторинг например, мониторинг информационных ресурсов Роскомнадзором в целях обеспечения формирования реестра новостных агрегаторов [6, ч. 3 ст. 10.4.], мониторинг социальной сети владельца сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин [6, ч. 1 ст. 10.6]; мониторинг радиочастотной службой информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». [6, ст. 16.2.] и др.

Предупреждение совершения правонарушений – важнейшая часть деятельности государства, направленной на обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан России. При этом система профилактики при том, что ей посвящен отдельный федеральный закон, не уточнена, например, в отношении информационных прав и свобод граждан с учетом их специфики. Правовое регулирование, осуществляемое Роскомнадзором,

в основном касается такой превентивной меры, как правовое информирование, остальные же, хоть фактически применяются в рассматриваемой сфере, практически не урегулированы актами, изданными Роскомнадзором. Кроме того, для правового регулирования информационных отношений – впрочем, как и многих видов отношений, урегулированных нормами административного права, не теряет своей актуальности «двойность» природы методических рекомендаций: при том, что они носят не обязательный характер, фактически они с большой долей вероятности будут так или иначе исполнены субъектами права, для которых они адресованы.

Литература

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ
2. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
4. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе»
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»
6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»
7. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»
8. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124–1 «О средствах массовой информации»
9. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 N 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации»
10. Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 N 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций»
11. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»
12. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»
13. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
14. Приказ Роскомнадзора от 19.12.2024 № 243 «Об утверждении Программ профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям на 2025 год»

15. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30 мая 2017 г. № 94 «Об утверждении методических рекомендаций по уведомлению уполномоченного органа о начале обработки персональных данных и о внесении изменений в ранее представленные сведения»
16. Официальный интернет портал новостного агентства «РИА-новости», статья: «Роскомнадзор выявил утечку 710 млн записей о россиянах за 2024 год», электронный ресурс: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67886cb19a79478176d26c9f> (дата обращения – 01.12.2024 г.)
17. Официальный портал интернет-издания «Коммерсант», статья: «Сбербанк: в открытый доступ попали персональные данные 90% россиян», электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/7283274> (дата обращения – 01.12.2024 г.)

THE ROLE OF ROSKOMNADZOR'S BY-LAWS IN PREVENTING VIOLATIONS OF CITIZENS' INFORMATION RIGHTS

Vorobyova Yu.Yu.

Financial University under the Government Russian Federation

Previously a sub-branch of Administrative Law, Information Law, although formed into an independent full-fledged branch with its own subject and method, has not lost the important role of public administration in this area in general and the role of federal executive bodies in the law-making process in particular. The article examines certain aspects of legal regulation and implementation of by-law law-making by Roskomnadzor on the implementation of citizens' information rights. The author of the article notes the importance of developing preventive measures in Information Law, because carefully thought-out and timely application of preventive measures helps to prevent the very fact of violation of the rights and legitimate interests of participants in legal relations, thereby protecting them from the negative consequences of such violations, which do not always manifest themselves immediately, but, on the contrary, have the property of "delayed" since it is in the interests of intruders, as a rule, to lie low, if not destroy, then confuse the digital trail that would lead to them. In these circumstances, it seems extremely difficult to objectively and, very importantly, fairly assess the damage. The author assesses the current situation of legal regulation of the law-making activities of Roskomnadzor aimed at preventing violations of the information rights of citizens, and therefore, indirectly, at preventing the occurrence of negative consequences. In addition, the author outlines preferred changes designed to improve this aspect. The author notes that, despite the high need to develop preventive measures, the body of industry competence has virtually no authority in this matter, despite the fact that it itself regularly has to deal with violations of the information rights of citizens in the process

of exercising entrusted powers. The system of preventive measures in information law does not seem clear, systematized, ordered for all participants in information legal relations, the system of by-laws on this account is also disjointed.

Keywords: by-law lawmaking, by-law rulemaking, federal executive bodies, Roskomnadzor, information legal relations; preventive measures.

References

1. "The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 N 195-FZ
2. Federal Law dated 23.06.2016 N 182-FZ "On the Fundamentals of the System of Prevention of Offenses in the Russian Federation"
3. Federal Law dated 29.12.2010 N 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development"
4. Federal Law dated 13.03.2006 N 38-FZ "On Advertising"
5. Federal Law dated 27.07.2006 N 152-FZ "On Personal Data"
6. Federal Law dated 27.07.2006 N 149-FZ "On Information, Information Technologies and the Protection of Information"
7. Federal Law dated 27.07.2006 N 152-FZ "On Personal Data"
8. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 N 2124-1 "On Mass Media"
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 02.06.2008 N 418 "On the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation"
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.03.2009 N 228 "On the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media"
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 13.08.1997 N 1009 "On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration"
12. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 N 646 "On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation"
13. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"
14. Order of Roskomnadzor dated 19.12.2024 N 243 "On approval of Programs for the prevention of risks of harm (damage) to legally protected values for 2025"
15. Order of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media dated May 30, 2017 N 94 "On approval of methodological recommendations for notifying the authorized body about the start of processing personal data and about making changes to previously submitted information"
16. Official Internet portal of the RIA Novosti news agency, article: "Roskomnadzor has identified a leak of 710 million records about Russians for 2024", electronic resource: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67886cb19a79478176d26c9f> (date of access – 01.12.2024)
17. Official portal of the online publication "Kommersant", article: "Sberbank: personal data of 90% of Russians has become publicly available", electronic resource: <https://www.kommersant.ru/doc/7283274> (date of access – 01.12.2024)

Правовое регулирование криптовалютных операций: риски, проблемы и перспективы развития финансового законодательства

Габдинуров Аскар Ильдарович,
специалист, Московский кредитный банк
E-mail: Gabdinurovaskar@gmail.com

Статья посвящена анализу современного состояния правового регулирования операций с криптовалютами в Российской Федерации. Рассматриваются основные правовые риски, проблемы в законодательстве и проблемы, возникающие при осуществлении криптовалютных операций. На основе анализа российской и международной практики делается вывод о необходимости комплексного подхода к регулированию цифровых активов и формулируются предложения по совершенствованию законодательства с учетом глобальных трендов и цифровизации финансовых рынков.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, правовое регулирование, риски, финансовое законодательство.

Введение

Быстрое развитие цифровых технологий в XXI веке обусловило появление новых форм имущественных отношений, в том числе операций с криптовалютами. Несмотря на значительный объем транзакций и активное вовлечение участников финансового рынка в сферу цифровых активов, правовой статус криптовалют до сих пор остается неопределенным. Российская правовая система только в последние годы начала формировать базовые подходы к регулированию цифровых финансовых активов (ЦФА), однако данная область по-прежнему страдает от отсутствия регулирования, противоречий между нормами, а также от недостаточной адаптации к международным.

Основная часть

Правовая природа криптовалюты

Одной из ключевых проблем регулирования криптовалют является отсутствие единообразной правовой дефиниции. В российском законодательстве криптовалюта не признается ни валютой, ни имуществом в классическом смысле. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» фактически разделил цифровые финансовые активы (ЦФА) и цифровую валюту, не приравняв последнюю к законному средству платежа.

Таким образом, криптовалюта в РФ получила ограниченное признание как объект гражданских прав, однако ее правовая природа по-прежнему вызывает споры. Часть доктрины трактует её как вид иного имущества, часть – как условный аналог ценной бумаги или производного финансового инструмента.

Стоит отметить, что необходимо также производить контроль и за производством криптовалюты «майнингом». То есть, необходимо описание полного цикла производства и возможного последующего использования криптоактива.

Правовые риски и пробелы регулирования

Ключевыми правовыми рисками криптовалютных операций являются: – отсутствие нормативно закреплённых критериев легальности криптовалютных транзакций; – высокая волатильность и отсутствие механизма страхования вложений; – сложности в идентификации участников операций; – потенциальное использование криптовалют

в целях отмыывания доходов и финансирования терроризма.

Одним из ключевых рисков является то, что у государственного регулятора отсутствует возможность осуществлять контроль за оборотом и появлением новых «валют». Которые в последствии наполнения денежными средствами капитала покупателями данной валюты, могут быть выведены на разные счета. Тем самым владельцы данной криптовалюты будут жертвами мошенничества.

Кроме того, нормы об ответственности за нарушения при осуществлении операций с цифровыми активами (включая налогообложение) остаются фрагментарными. Несмотря на существование отдельных судебных актов (например, постановления ВС РФ от 2021 г. по делам о хищении криптовалюты и банкротстве с криптоактивами), в целом судебная практика еще не сформировала устойчивых правовых позиций. Также, стоит отметить, что отсутствуют и международные соглашения по использованию криптовалюты, хотя это один из ключевых факторов при проведении трансграничных платежей

Судебная практика и позиция регуляторов

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 62 от 26.10.2021 г. признал возможность рассмотрения криптовалюты как имущества при решении споров о праве собственности. Аналогичную позицию занимают арбитражные суды в делах о банкротстве: криптовалюта признается активом, подлежащим включению в конкурсную массу. В то же время, отсутствие единого подхода к идентификации и оценке цифровых активов вызывает сложности в правоприменении.

Банк России занимает сдержанную позицию и неоднократно подчеркивал высокие риски неконтролируемого оборота криптовалют. В опубликованной в 2022 г. «Концепции цифрового рубля» акцент сделан на развитии государственной цифровой валюты (CBDC) как альтернативы децентрализованным криптовалютам.

Международный опыт и цифровизация

Мировая практика демонстрирует различные подходы к регулированию криптовалют – от полного запрета (Китай) до легализации и включения в финансовые системы (США, Япония, Германия). Европейский союз принял Регламент MiCA (2023), устанавливающий единые правила обращения криптоактивов и требований к провайдерам услуг.

Россия пока отстает от указанных юрисдикций. Необходимо учитывать, что интеграция в глобальные финансовые рынки требует гармонизации норм, прозрачности оборота и применения механизмов KYC/AML. Кроме того, цифровизация финансовых процессов требует включения криптовалют в регуляторные сэндбоксы и систему «цифрового следа».

Предложения по совершенствованию законодательства

Принятие отдельного кодифицированного закона о цифровых валютах, определяющего: – правовой статус криптовалют; – порядок налогообложения операций; – правовой режим владения, передачи и защиты прав; – меры защиты прав инвесторов и потребителей; – процедуры регистрации участников оборота криптоактивов.

Разработка методики судебной оценки криптоактивов, включая: – механизмы экспертизы стоимости; – правила доказывания владения криптовалютой; – применение аналогии с вещными правами.

Расширение участия России в международных инициативах по обмену информацией о криптоактивах (например, в рамках FATF, G20).

Создание условий для регулятора и внедрение цифровой идентификации при осуществлении криптовалютных операций.

Заключение

Правовое регулирование криптовалютных операций в России находится на стадии формирования. Несмотря на первые шаги по признанию цифровых активов, законодательство остается фрагментарным и недостаточно адаптированным к рискам и вызовам цифровой экономики. Судебная практика постепенно восполняет правовые пробелы, однако без системных нормативных изменений невозможно достичь правовой определенности и устойчивости. В условиях цифровизации и трансформации глобального финансового рынка необходимо выстраивание сбалансированного, прозрачного и технологически адаптированного режима регулирования криптовалют в России.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»
2. Постановление Пленума ВС РФ от 26.10.2021 № 62
3. Банк России. Концепция цифрового рубля. 2022.
4. European Parliament. Markets in Crypto-Assets (MiCA) Regulation. 2023.
5. Исаев Д.Ю. Криптовалюта и правовая природа цифрового актива // Журнал российского права. – 2023. – № 2.
6. Гринь Д.Ю. Судебная защита при операциях с криптовалютой // Арбитражная практика. – 2023. – № 5.

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY TRANSACTIONS: RISKS, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FINANCIAL LEGISLATION

Gabdinurov A.I.
Moscow Credit Bank

The article analyzes the current state of legal regulation of cryptocurrency operations in the Russian Federation. The main legal risks,

legislative gaps, and issues related to cryptocurrency transactions are discussed. Based on an analysis of Russian and international practice, the author concludes that a comprehensive approach to regulating digital assets is needed and proposes improvements to financial legislation in line with global trends and the digitalization of financial markets.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, legal regulation, risks, financial legislation.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency..."
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 26, 2021 No. 62
3. Bank of Russia. Concept of the digital ruble. 2022.
4. European Parliament. Markets in Crypto-Assets (MiCA) Regulation. 2023.
5. Isaev D. Yu. Cryptocurrency and the legal nature of a digital asset // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 2.
6. Grin' D. Yu. Judicial protection in cryptocurrency transactions // Arbitration practice. – 2023. – No. 5.

Роль конституционных механизмов в защите права собственности: на примере США и ФРГ

Галкин Алексей Андреевич,

аспирант Пензенского государственного университета
E-mail: galkinalexei@yandex.ru

Право собственности является одним из фундаментальных прав, которое играет важную роль в формировании экономических и политических систем. Стабильность и защита права собственности являются необходимыми условиями для устойчивого экономического развития и социального прогресса. В статье рассматриваются основные конституционные гарантии, которые предоставляются государством для обеспечения надлежащей защиты прав собственности граждан и юридических лиц. Проанализирован опыт Германии и США по созданию эффективной системы защиты прав собственности, а также выявлены факторы, способствующие или препятствующие ее реализации.

Ключевые слова: собственность, право собственности, конституция США, Основной закон Германии, защита права собственности, конституционные механизмы.

Защита прав собственности является основополагающим аспектом многих конституционных систем по всему миру. Конституционные механизмы играют решающую роль в защите этих прав, обеспечивая правовую основу, которая гарантирует уважение прав собственности граждан и защиту от произвольного вмешательства. Анализ национальных конституций позволяет выявить различные подходы к обеспечению этого права и определить их эффективность.

Германия и Россия развивались в рамках единой романо-германской правовой семьи. Она заложила основу для формирования законодательства, в котором нормативно-правовой акт имеет первостепенное значение. При этом решения судов, в частности Конституционного, хоть и не выступают основным источником права, но играют важную роль в разъяснении воли законодателя и помогают устранить пробелы, возникающие в процессе правоприменительной практики.

Основной закон ФРГ имеет много общего с Конституцией РФ, как в целом, так и в части норм регулирующих право собственности. Однако присутствует ряд особенностей, которые влияют на понимание правовой системы другой страны.

Основной закон Германии развивался под сильным влиянием немецкой классической философии и перенял множество идей по регулированию общественного правопорядка. Конституция следует трудам Жан-Жака Руссо, где на беспрепятственное преследование частной собственности смотрят с подозрением. Немецкий основной закон пытается сбалансировать права собственности отдельного человека с потребностью в собственности, которая приносит пользу обществу. «При этом в современной правовой доктрине доминирует классическая либеральная концепция собственности, где оно понимается как право, имеющее субъективный характер, и почти как абсолютное. Таким образом, признание права собственности на недвижимое имущество наиболее полным правом является отличительной чертой, позволяющей отграничить его от иных вещных прав. Данная характеристика носит римское происхождение и основывается на свободе и индивидуальном характере права собственности, наряду с признаками исключительности и всеобъемлющего характера господства лица над вещью» [1].

В Германии защита права собственности является важной частью конституционного права и регулируется Основным законом (Grundgesetz). Так, статья 14.1 Основного закона прямо закрепляет право собственности и наследования. Она уста-

навливает, что собственность и право наследования гарантируются, и что содержание и пределы этих прав определяются законами. В частности Гражданский кодекс Германии признает лишь только земельный участок как единственный объект права собственности, отождествляя его с понятием недвижимость. Здания, строения и иные постройки признаются составляющей частью участка и неразрывно с ним связаны. Это создает правовую основу для защиты собственности на конституционном уровне и обеспечивает ее преемственность на протяжении поколений.

Важным аспектом является то, что Основной закон Германии декларирует социальную функцию собственности. Так, часть 2 статьи 14 подчеркивает, что собственность обязывает, и её использование должно служить общественному благу. Это означает, что право собственности не является абсолютным и может быть ограничено в интересах общества, например при регулировании высоты зданий, в целях сохранения окружающего ландшафта или исторической идентичности облика города. Однако такие ограничения должны быть обоснованными и пропорциональными. «Немецкий суд отвергает толкование статьи о собственности, которая рассматривает максимизацию совокупного богатства, удовлетворение индивидуальных предпочтений или индивидуальную свободу (в ее классическом или отрицательном смысле) как основную цель конституционно защищенных имущественных интересов. Основная причина защиты собственности как основного права в соответствии с Конституцией Германии, скорее, заключается в обеспечении материальных условий, необходимых для саморазвития каждого человека» [2].

Поскольку право собственности, с одной стороны, должно обеспечивать выживание отдельной личности, и в то же время служить реализации общих интересов, в немецкой литературе и в судебных решениях, собственность рассматривается сквозь призму двух гарантий. Первый тип – это так называемая персональная гарантия, которая обеспечивает права и обязанности, относящиеся к конкретному человеку в конкретной ситуации. Второй – институциональная гарантия, подразумевающая право государства регулировать и ограничивать институт при условии, что ограничения не затрагивают суть института и его цели. Соотношение между личными и институциональными гарантиями определяет, насколько законодатель не может ограничивать право собственности, ведь в противном случае оно утратит всякий смысл. При оценке того, какие полномочия входят в неприкосновенное ядро права собственности, учитываются обстоятельства конкретного случая, а также субъективные свойства и потребности каждого индивида.

Законодательство Германии признает, что общее благо отсутствует, если государство действует исключительно из налоговых интересов. Также неадекватны действия, направленные на продвижение частных интересов. Однако если экспропри-

ация в пользу частных лиц служит одновременно важным общественным интересам, этот аспект может быть основанием для изъятия. Эти действия должны соответствовать принципам, которые определяют общую задачу и включают в себя меры, направленные на её выполнение.

Так, Федеральный Конституционный суд Германии в своём Постановлении от 2006 года пишет, что «формулировка предложения 2 статьи 14.2 Основного закона не может быть истолковано как строгий фундаментальный принцип, согласно которому собственность должна быть разделена поровну между владельцем и государством всегда и в любых ситуациях. Скорее, при определении пределов владения, в том числе путем наложения фискального бремени, законодательному органу предоставляется свобода действий при соблюдении общего принципа пропорциональности» [3].

Похожую мысль высказывает известный германский цивилист Л. Эннексерус, который определяет право собственности как «право полного господства над вещью» [4]. Однако далее он пишет: «это определение не утверждает, что собственность является совершенно неограниченной; оно обозначает лишь полномочие на любую форму господства над вещью, допускаемую правопорядком» [4].

Продолжая эту идею, статья 14.3 Основного закона допускает отчуждение собственности исключительно в целях общего блага. Однако собственник имеет право на компенсацию путем установления справедливого баланса между общественными интересами и интересами пострадавших. Такая дилемма о соотношении публичного и частного интересов всегда вызывает острую дискуссию.

При толковании норм Основного закона и рассмотрении жалоб Федеральный Конституционный суд ФРГ устанавливает пределы осуществления права собственности на недвижимое имущество. В то же время он подчёркивает важность, как частного, так и публичного права. В частности, в деле о подземных водах, рассмотренном в 1981 году, суд разбирался с вопросом использования природных ресурсов, расположенных на территории земельного участка. «Податель конституционной жалобы владел щебеночным карьером и десятилетиями свободно использовал подземные воды на своем земельном участке для промывки гравия. Его право пользования подземными водами было ограничено в 1968 году в связи с созданием нового заповедного района. Карьер находился в пределах этого района и около водозаборов города Рейн. Поскольку использование карьера создавало угрозу для водозабора, владельцу карьера было отказано в выдаче разрешения на использование вод, находящихся под землей на его участке» [5]. Конституционный суд в своем определении не поддержал позицию предшествующих судов о том, что собственник в пределах границ своего земельного участка вправе использовать ее любым возможным и экономически целесообразным способом.

«ФКС посчитал, что Концепция собственности, гарантированной конституцией, должна выводиться из самой конституции. Она не может быть выведена из норм текущего законодательства, уровень которого ниже, чем конституция, равно как и границы конкретных гарантий собственности не могут быть определены только на базе частноправового регулирования. При этом законодатель несет двойную ответственность за определение права собственника, защищая интересы индивида и общества в целом» [5].

В результате рассмотрения дела Федеральный конституционный суд постановил, что определение границ права собственности не относится исключительно к сфере частного права.

Основная роль собственности в созвездии немецких конституционных ценностей заключается в содействии индивидуальной самореализации не только ради нее самой, но и в интересах предоставления гражданам возможности быть полностью функциональными и полезными членами общества. Случаи, в которых немецкий суд решительно защищал собственность от регулирующего посягательства, – это те, в которых вовлеченный интерес в первую очередь служил личной или социальной функции, а не экономической.

Ещё одним интересным институтом в немецком праве выступает «*Flurbereinigung*» или принудительное объединение земель. Он применяется преимущественно в сельском хозяйстве и позволяет объединить несколько соседних участков в один. Такая процедура позволяет более эффективно использовать землю для улучшения экономических результатов. В результате собственники полностью или частично теряют свои участки и за это регулярно получают компенсацию пропорционально их стоимости. Конституционный суд признал подобное объединение формой экспроприации, которая должна служить достижению общего блага. В связи с этим важно, чтобы изначальная цель, общая для всех, была достигнута и поддерживалась на постоянной основе.

США относятся к англосаксонской правовой семье, и тем самым была сильно подвержена рецепции английского права. Основную роль в формировании законодательства играют судебные прецеденты. Так в США Верховный суд рассматривает вопросы, касающиеся не только гражданских или экономических правоотношений, но и оценивает, насколько законодательные акты соответствуют Конституции.

Конституция США имеет ряд особенностей. Она достаточно лаконична, но в то же время насыщена положениями общего частного права. В документе содержатся правовые нормы, которые не выражены прямо, но подразумеваются и нуждаются в судебном разъяснении. Такое толкование невозможно без использования методов, характерных для частного права. В основе её лежат идеи, которые в основном представлены в виде процессуальных норм. «В Конституции США содержатся общие принципы права, а задача Верховного суда

толковать их исходя из конкретных дел. Он принимает решения, дополняющие и развивающие нормы права» [6].

Основной закон США гарантирует право частной собственности в пятой и четырнадцатой поправке к Конституции. Так, пятая поправка устанавливает, что никто не может быть лишён собственности без соблюдения надлежащей правовой процедуры. Частная собственность не может быть изъята для общественных нужд без справедливого возмещения. Четырнадцатая поправка ограничивает право штатов принимать законы, допускающие неправомерное отчуждение собственности без соблюдения надлежащей процедуры.

В США важную роль в понимании права собственности играет доктрина под названием «связка прутьев». Она прочно укрепились в американском праве и иногда упоминается в решениях Верховного суда. В ее понимании собственность это совокупность прав, регулирующих отношения между субъектами относительно предмета собственности. Так каждый прут это определенное правомочие собственника. В случае отчуждения это ветвь под названием «право изъятия». Верховный суд США в одном из дел утверждает, что «в связке прав, именуемых собственностью, одним из наиболее ценных является право на единоличное и исключительное владение, позволяющее удалять из его пределов любого – будь то незнакомец или друг, а особенно – органы власти» [7].

Особое внимание заслуживает вопрос об изъятии частной собственности для общественных нужд. Конституция США обеспечивает защиту частных владельцев собственности, когда правительство вмешивается посредством официальных постановлений, ограничивающих права владельца на землю или жилье. Так, Верховный суд в деле Хорн против Департамента сельского хозяйства 2015 года утверждает, что Пятая поправка применяется как к личной собственности, так и к недвижимому имуществу. «Правительство категорически обязано выплатить справедливую компенсацию, когда оно забирает автомобиль, точно так же, как когда оно забирает ваш дом» [8].

Однако суды также постановили, что изъятие происходит, и когда правительство существенно лишает владельца имущества возможности им пользоваться в течение ограниченного периода времени. Например, в деле Лоретто против Телесуфлер Манхэттен, Верховный суд постановил, что закон Нью-Йорка, требующий от арендодателя разрешать установку и обслуживание кабельного телевидения на его собственности, представляет собой изъятие. Вследствие этого любое вмешательство правительства в частную собственность требует компенсации, если вторжение носит постоянный и физический характер, несмотря на то, что потери минимальны. «Собственник недвижимости обладает исключительным правом пользоваться своим имуществом. Любое нарушение этого права может рассматриваться, как посягательство на права владельца и может быть квалифицирова-

но как присвоение. Аналогичным образом изъятие будет установлено, если правительство потребует от владельцев частных квартир предоставлять бесплатное жилье для бедных или бездомных. В таких случаях правительству придется компенсировать частному владельцу справедливую рыночную стоимость аренды за владение квартирами» [9].

Верховный суд в своих постановлениях продвигает идею запретить правительству заставлять некоторых людей в одиночку нести общественное бремя, которое, по всей справедливости, должно нести общество в целом. Суды признали, что стоимость земли состоит не только из права собственности и владения, но и из прав собственника использовать, пользоваться и развивать землю.

«Обоснование допустимости принудительного отчуждения недвижимости предложено американской доктриной в форме концепции «социального обязательства», согласно которой собственники недвижимости несут ответственность перед третьими лицами за исполнение связывающей их социальной обязанности, состоящей в том, чтобы приносить обществу блага, необходимые для его процветания. Принудительное отчуждение права собственности, согласно этой концепции, выступает примером, когда собственники жертвуют своим имущественным интересом ради блага общества» [10, с. 11].

В этой связи интересным представляется дело Верховного суда Кело против города Нью-Лондон 2005 года. Администрация города решила провести реновацию небольшого района и передала частной организации права для разработки плана комплексного развития территории и дальнейшей застройки. По итогу компания получила все разрешения и одобрения и приступила к выкупу необходимых земельных участков. Большинство владельцев согласились, но часть отказалась продавать свои дома. Тогда администрация запустила процедуру по принудительному изъятию недвижимости у тех, кто отказался продавать ее добровольно. Жители оказались против, аргументируя тем, что передача собственности коммерческой организации противоречит доктрине общественного использования и обратились в суд. В результате рассмотрения дела Верховный суд встал на сторону чиновников и приравнял общественное использование с «экономическим развитием», которое в перспективе принесет пользу всему городу. Однако ряд американских правоведов и общественных деятелей выступили с резкой критикой такого решения. Они мотивировали это тем, что «такой прецедент позволит застройщикам в дальнейшем почти беспрепятственно забирать понравившуюся недвижимость и извлекать из нее свою выгоду. Такое определение создает условие для выселения людей с низким достатком и поиска новых более состоятельных жителей, стимулируя социальное неравенство» [11]. Это нарушает незыблемое правило, по которому изъятая собственность должна поступать во владение государства, а не в руки коммерческих структур.

В Соединённых Штатах Америки институт конституционного контроля до сих пор остаётся ключевым элементом конституционного права, определяющим развитие и формирование права на судебную защиту. Именно благодаря этому институту, а не деятельности законодателей, в США была достигнута равная судебная защита и, следовательно, полная реализация соответствующего права. «Верховный суд США играет ключевую роль в развитии правовой системы, обеспечивая гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина. В своей работе он создаёт новые правовые концепции, которые способствуют трансформации государства и общества» [12].

Таким образом, мы рассмотрели вопросы, касающиеся конституционной защиты права собственности на примере Основного закона Германии и Конституции США. Несмотря на то, что право собственности гарантируется, закрепляется и подлежит безусловной защите в этих странах, существуют небольшие различия. Это объясняется как особенностями правовых систем, так и необходимостью сохранения культурных традиций.

Так, Основной закон ФРГ имеет ярко выраженную социальную функцию собственности. Конституция прямо декларирует это в своем тексте. Однако если сравнивать рассматриваемую норму с законодательством США, то можно сказать, что «в Германии правила по изъятию собственности более строгие и детально регламентированные. Вместе с этим признается двойственная природа прав собственности, которая одновременно отмечает индивидуальные и общественные аспекты» [13]. Это отражает коллективный подход к правам собственности по сравнению с перспективой США, которая традиционно подчеркивает индивидуальные права. Вместе с этим в США ряд прецедентов указывают, что понятие «общественное использование» может трактоваться достаточно широко и не всегда в пользу собственников недвижимости, что приводит к многочисленным спорам.

Подводя итог, можно сказать, что хотя конституции Германии и США защищают права собственности и требуют компенсации за экспроприацию, немецкий подход более интегрирован с социальной ответственностью и более широкими принципами общественного блага. Напротив, система США более узко фокусируется на запрете безвозмездного изъятия и допускает более широкие толкования общественного пользования. Обе системы различаются в своем балансе индивидуальных прав и общественных интересов.

Литература

1. Гавва А.А. Право собственности на недвижимое имущество в гражданском праве Германии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 148.
2. Gregory S. Alexander. Property as a Fundamental Right? The German Example. Cornell Law Faculty Working Paper. 2003. P. 44.

3. Abstract of the Federal Constitutional Court's Order of 18 January 2006, 2 BvR 2194/99 [CODICES].
4. Эннекерус Л. Курс германского гражданского права. Введение и общая часть. Перевод с немецкого. М., 1949. С. 264.
5. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М.: Юрист, 2004. С. 16.
6. Тягай Е.Д. Сложноструктурные модели права собственности в США: автореф. дис. ... канд. юрид наук: 12.00.03 / Е.Д. Тягай. – М., 2011. – 27 с.
7. Флегонтова А.В. Понятие и защита владения в современном праве США // Modern Science. 2020. № 5–3. С. 409.
8. Тягай Е.Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США // Lex Russica. 2017. № 5(126). С. 205–216.
9. Ziegler E.H., Laitos J.G. Property rights, housing, and the American constitution: the social benefits of property rights protection, government interventions, and the European court on human rights // Indiana International & Comparative Law Review. 2011. № 21 (1). P. 30.
10. Гилина Е.А. Принудительное отчуждение права собственности на недвижимое имущество в США: автореф. дис. ... канд. юрид наук: 12.00.03 / Е.А. Гилина. – М., 2021. – 26 с.
11. Pilon R. The Constitutional Protection of Property Rights: America and Europe // Economic education bulletin. 2008. P. 27.
12. Петрова Е.А. Право на защиту собственности по конституции США: зарубежный опыт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 58–62.
13. Nikolić Dušan Ž., Midorović Sloboda D. Contemporary European legal theory on the social function of property rights – German doctrine // Proceedings of the Faculty of Law in Novi Sad. 2018. № 1. P 65–78.

THE ROLE OF CONSTITUTIONAL MECHANISMS IN PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS: ON THE EXAMPLE OF THE USA AND GERMANY

Galkin A.A.

Penza State University

The right of ownership is one of the fundamental rights that plays an important role in the formation of economic and political systems. Stability and protection of the right of ownership are necessary conditions for sustainable economic development and social progress. The article examines the main constitutional guarantees that are provided by the state to ensure proper protection of the property rights of citizens and legal entities. The experience of Germany and the United States in creating an effective system for the protection of property rights is analyzed, and factors that facilitate or hinder its implementation are identified.

Keywords: property, property rights, US Constitution, Basic Law of Germany, protection of property rights, constitutional mechanisms.

References

1. Gavva A.A. Ownership of real estate in the civil law of Germany // Legal state: theory and practice. 2015. No. 4 (42). P. 148.
2. Gregory S. Alexander. Property as a Fundamental Right? The German Example. Cornell Law Faculty Working Paper. 2003. P. 44.
3. Abstract of the Federal Constitutional Court's Order of 18 January 2006, 2 BvR 2194/99 [CODICES].
4. Enneckerus L. Course of German civil law. Introduction and general part. Translation from German. Moscow, 1949. P. 264.
5. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of market economy. Moscow: Jurist, 2004. P. 16.
6. Tyagay E.D. Complex structural models of property rights in the USA: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / E.D. Tyagay. – М., 2011. – 27 p.
7. Flegontova A.V. The concept and protection of ownership in modern US law // Modern Science. 2020. No. 5–3. P. 409.
8. Tyagay E.D. Features of protection and measures of legal liability for violation of the rights of owners of real estate in the USA // Lex Russica. 2017. No. 5(126). P. 205–216.
9. Ziegler E.H., Laitos J.G. Property rights, housing, and the American constitution: the social benefits of property rights protection, government interventions, and the European court on human rights // Indiana International & Comparative Law Review. 2011. № 21 (1). P. 30.
10. Gilina E.A. Compulsory alienation of ownership of real estate in the USA: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / E.A. Gilina. – М., 2021. – 26 p.
11. Pilon R. The Constitutional Protection of Property Rights: America and Europe // Economic education bulletin. 2008. P. 27.
12. Petrova E.A. The Right to Protect Property under the US Constitution: Foreign Experience // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2019. No. 9. P. 58–62.
13. Nikolić Dušan Ž., Midorović Sloboda D. Contemporary European legal theory on the social function of property rights – German doctrine // Proceedings of the Faculty of Law in Novi Sad. 2018. № 1. P 65–78.

Проблема контроля целевого использования бюджетных средств и субсидий

Жолинский Дмитрий Андреевич,

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: zholik3@bk.ru

Контроль целевого использования бюджетных средств и субсидий представляет собой одну из ключевых проблем современного государственного управления, особенно в условиях ограниченности финансовых ресурсов и возрастающих потребностей общества. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов и возрастающих требований к их рациональному распределению особую актуальность приобретают вопросы совершенствования механизмов мониторинга и надзора за расходованием государственных средств. Настоящее исследование анализирует современное состояние системы контроля бюджетных расходов в Российской Федерации, выявляет основные проблемы и недостатки существующих механизмов надзора за целевым использованием государственных средств. Проблематика усугубляется несовершенством нормативно-правовой базы, недостаточной координацией между контролирующими органами, слабостью внутренних систем финансового контроля и ограниченными возможностями применения современных цифровых технологий. Особое внимание уделяется анализу международного опыта организации бюджетного контроля и возможностям его адаптации к российским условиям. Исследование основывается на комплексном анализе деятельности органов государственного финансового контроля, включая Счетную палату Российской Федерации, Федеральное казначейство и другие контролирующие структуры. Результаты работы могут быть использованы для совершенствования системы государственного финансового контроля и повышения эффективности использования бюджетных средств.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, бюджетные средства, субсидии, целевое использование, эффективность бюджетных расходов, Счетная палата, Федеральное казначейство, цифровизация контроля, риск-ориентированный подход.

Введение

Государственный финансовый контроль представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленную на обеспечение законности, целесообразности и эффективности формирования, распределения и использования бюджетных средств. Основными принципами такого контроля являются законность, независимость, объективность, эффективность, системность и гласность.

Современная концепция государственного финансового контроля базируется на международных стандартах, разработанных Международной организацией ИНТОСАИ. Эти стандарты определяют требования к организации и проведению различных видов аудита в государственном секторе, включая финансовый аудит, аудит соответствия и аудит эффективности [1].

Теоретическая база государственного финансового контроля включает несколько ключевых направлений. Во-первых, это обеспечение соблюдения бюджетной дисциплины и предотвращение нецелевого использования государственных средств. Во-вторых, оценка эффективности и результативности бюджетных расходов с точки зрения достижения поставленных социально-экономических целей. В-третьих, выявление резервов повышения эффективности использования государственных ресурсов.

Материалы и методы исследований

Исследование проблем контроля целевого использования бюджетных средств и субсидий основывается на комплексном методологическом подходе, включающем применение как общенаучных, так и специфических методов финансового контроля. В качестве основных материалов исследования использовались нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность органов государственного финансового контроля, официальные отчеты и статистические данные Счетной палаты Российской Федерации, Федерального казначейства и контрольно-счетных органов субъектов федерации. Информационную базу исследования составили результаты контрольных мероприятий, проведенных органами государственного и муниципального финансового контроля в период 2020–2024 годов, включая акты проверок, ревизий и обследований, а также аналитические материалы по выявленным нарушениям в сфере использования бюджетных средств и субсидий.

Методологическая основа исследования включает применение системного анализа для изучения структуры и функционирования органов государственного финансового контроля, а также сравнительного анализа для оценки эффективности различных методов контроля. Использовались методы статистической группировки и обобщения для систематизации данных о нарушениях в финансово-бюджетной сфере, а также аналитические процедуры для выявления закономерностей и тенденций в развитии контрольной деятельности. При анализе международного опыта организации бюджетного контроля применялись методы компаративистики и адаптации зарубежных практик к российским условиям. Особое внимание уделялось применению эмпирических методов исследования, включая документальный анализ первичных учетных документов, регистров бюджетного учета и бюджетной отчетности участников бюджетного процесса.

Результаты и обсуждения

Система государственного финансового контроля в Российской Федерации имеет сложную многоуровневую структуру, включающую различные органы с разграниченными полномочиями. Ключевую роль в осуществлении внешнего государственного аудита играет Счетная палата Российской Федерации, которая является постоянно действующим органом государственного финансового контроля, образуемым Федеральным Собранием и подотчетным ему.

Основными задачами Счетной палаты являются организация и осуществление контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. В рамках своих полномочий Счетная палата проводит экспертизу проектов федеральных законов о бюджете, осуществляет внешнюю проверку годовой бюджетной отчетности, проводит мониторинг исполнения бюджета и оценивает эффективность использования государственных ресурсов [6].

Система внутреннего государственного финансового контроля представлена Федеральным казначейством и его территориальными органами. Федеральное казначейство осуществляет кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы, проводит предварительный и текущий контроль за операциями с бюджетными средствами и реализует полномочия по бюджетному мониторингу.

Особое место в системе контроля занимают органы финансового контроля субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Контрольно-счетные органы регионального и муниципального уровня осуществляют внешний финансовый контроль в отношении соответствующих бюджетов.

Правовую основу государственного финансового контроля в России составляет Конституция Российской Федерации, Бюджетный кодекс, феде-

ральные законы о Счетной палате и Федеральном казначействе, а также многочисленные подзаконные акты. Бюджетный кодекс устанавливает общие принципы организации бюджетного процесса и определяет полномочия различных участников бюджетных отношений.

Федеральный закон о Счетной палате детально регламентирует организацию и деятельность высшего органа внешнего государственного аудита, определяет его задачи, функции и полномочия. Важным элементом правового регулирования являются стандарты государственного финансового контроля, которые устанавливают методологические основы проведения контрольных мероприятий.

Развитие правового регулирования контрольной деятельности характеризуется постоянным совершенствованием нормативной базы в ответ на изменяющиеся условия и новые вызовы. Особое внимание уделяется вопросам цифровизации контрольных процедур и внедрения риск-ориентированного подхода [5].

Методологическая база государственного финансового контроля в России развивается в соответствии с международными стандартами и лучшими практиками. Федеральные стандарты государственного финансового контроля определяют единые требования к планированию, проведению и оформлению результатов контрольных мероприятий.

Современная методология контроля предусматривает применение различных методических подходов в зависимости от целей и задач конкретного мероприятия. При проведении финансового аудита основное внимание уделяется проверке достоверности отчетности и соблюдению установленных процедур. Аудит эффективности требует применения специальных методов оценки результативности и экономичности использования бюджетных средств.

Важным элементом современной методологии является применение риск-ориентированного подхода при планировании контрольных мероприятий. Этот подход предполагает концентрацию контрольных усилий на наиболее рискованных направлениях деятельности объектов контроля.

Анализ результатов контрольных мероприятий свидетельствует о широком распространении различных видов нарушений при использовании субсидий и бюджетных трансфертов. Наиболее типичными нарушениями являются нецелевое использование средств, несоблюдение условий предоставления субсидий, недостижение установленных показателей результативности и нарушения процедур закупок.

Нецелевое использование субсидий представляет собой направление средств на цели, не предусмотренные условиями их предоставления. Это может включать финансирование деятельности, не связанной с достижением заявленных целей, оплату расходов, выходящих за рамки разрешен-

ных направлений, или использование средств с нарушением установленных ограничений [4].

Проблема недостижения установленных показателей результативности связана с неточностью планирования, изменением внешних условий или недостаточной мотивацией получателей субсидий. Важно отметить, что само по себе недостижение плановых показателей не всегда является основанием для применения санкций, поскольку может быть обусловлено объективными факторами.

Нарушения в сфере государственных закупок при использовании субсидированных средств включают завышение начальных цен контрактов, нарушения процедур отбора поставщиков, изменение условий контрактов без соответствующих оснований. Такие нарушения не только ведут к неэффективному использованию бюджетных средств, но и создают условия для коррупционных проявлений.

Контроль за использованием межбюджетных трансфертов представляет особую сложность в связи с многоуровневой структурой бюджетной системы и разграничением полномочий между различными уровнями власти. Межбюджетные трансферты включают дотации, субсидии и субвенции, каждый из которых имеет специфические условия предоставления и использования.

Дотации предоставляются для выравнивания бюджетной обеспеченности и, как правило, не имеют строго целевого характера. Контроль за их использованием осуществляется в рамках общего мониторинга исполнения соответствующих бюджетов. Субсидии предоставляются на конкретные цели и требуют более детального контроля за соблюдением условий их использования. Субвенции передаются для финансирования делегированных полномочий и подлежат строгому целевому контролю [2].

Основными инструментами контроля за использованием межбюджетных трансфертов являются мониторинг достижения установленных показателей, проведение выборочных проверок получателей средств, анализ финансовой отчетности. Федеральные органы власти осуществляют контроль за использованием трансфертов из федерального бюджета, а региональные и муниципальные контрольные органы проверяют использование соответствующих средств на своем уровне [7].

Данные контрольных органов свидетельствуют о значительных масштабах нарушений при использовании бюджетных средств. Согласно обобщенным отчетам муниципальных контрольно-счетных органов, общий объем бюджетных средств, использованных с нарушениями, составляет миллиарды рублей ежегодно. При этом наибольший удельный вес приходится на незаконное использование средств.

Результаты проверок Федерального казначейства показывают системный характер выявляемых нарушений. Наиболее распространенными являются несвоевременные изменения бюджетных смет, нарушения при формировании обязательств, не-

достижение целевых показателей использования субсидий. В ряде случаев выявляются факты нецелевого использования средств, включая направление субсидий на оплату расходов, не предусмотренных условиями их предоставления.

Анализ причин образования остатков неиспользованных субсидий показывает, что основными факторами являются экономия средств по результатам конкурсных процедур, недобросовестное исполнение обязательств поставщиками и нарушение графиков выполнения работ. Значительная часть остатков образуется в результате предоставления средств под фактическую потребность [3].

Последствия выявленных нарушений включают применение различных мер ответственности к нарушителям. Административная ответственность предусматривает наложение штрафов в размере от двух до двенадцати процентов суммы полученной субсидии. В случаях особо крупных нарушений возможно привлечение к уголовной ответственности. Кроме того, применяются меры бюджетного принуждения, включая приостановление операций и требования о возврате неправомерно использованных средств [8].

Современная система государственного финансового контроля в России сталкивается с рядом серьезных проблем, которые снижают ее эффективность. Одной из ключевых проблем является недостаточная координация между различными контрольными органами. Отсутствие единой методологической базы и дублирование контрольных функций приводят к неэффективному использованию ресурсов контрольных органов и созданию избыточной административной нагрузки на объекты контроля.

Проблема недостаточного развития внутреннего финансового контроля в государственных и муниципальных учреждениях является особенно острой. Многие организации не имеют утвержденных внутренних документов по вопросам финансового контроля, отсутствуют должности специалистов по внутреннему контролю, не определены четкие процедуры контрольной деятельности. Это создает условия для возникновения нарушений и затрудняет их своевременное выявление.

Недостатки правового регулирования контрольной деятельности проявляются в несогласованности требований различных нормативных актов, неопределенности процедур взаимодействия контрольных органов, недостаточной проработке механизмов ответственности за нарушения. Отсутствие единого федерального закона о государственном финансовом контроле создает пробелы в правовом регулировании [9].

Кадровые проблемы контрольных органов включают недостаток специалистов с необходимой квалификацией, низкий уровень мотивации сотрудников, недостаточную подготовку по современным методам контроля. Особенно остро стоит вопрос подготовки специалистов по аудиту эффективности и применению цифровых технологий в контрольной деятельности.

Цифровизация государственного финансового контроля представляет собой одно из приоритетных направлений развития контрольной деятельности. Однако процесс внедрения цифровых технологий сталкивается с рядом серьезных ограничений и проблем.

Основной проблемой является недостаточная интеграция информационных систем различных участников бюджетного процесса. Отсутствие единых стандартов обмена данными, различные форматы информационных систем, ограниченные возможности автоматизированного анализа данных создают препятствия для эффективного использования цифровых технологий.

Проблемы информационной безопасности также требуют особого внимания при цифровизации контрольных процедур. Необходимость обеспечения защиты конфиденциальной информации, предотвращения несанкционированного доступа к данным, обеспечения целостности информации создает дополнительные технические и организационные вызовы [10].

Недостаточная готовность персонала контрольных органов к работе с новыми цифровыми инструментами является еще одним серьезным ограничением. Требуется масштабная переподготовка специалистов, разработка новых методических подходов, адаптация существующих процедур к цифровой среде.

Коррупционные риски в бюджетной сфере представляют серьезную угрозу для эффективности государственного финансового контроля. Особенно высокие риски характерны для сферы государственных закупок, распределения субсидий и грантов, выдачи разрешений и лицензий.

В сфере государственных закупок коррупционные риски связаны с возможностью манипулирования техническими требованиями, необоснованного ограничения круга участников, сговора между заказчиками и поставщиками. Масштабы государственных закупок в России создают значительные возможности для коррупционных проявлений.

Распределение субсидий и грантов также характеризуется высокими коррупционными рисками. Субъективность критериев отбора получателей, недостаточная прозрачность процедур принятия решений, слабый контроль за использованием выделенных средств создают условия для злоупотреблений.

Противодействие коррупции в бюджетной сфере требует комплексного подхода, включающего совершенствование правовых механизмов, повышение прозрачности процедур, усиление контроля, развитие этических стандартов. Важную роль играет внедрение систем комплаенс-контроля в государственных организациях.

Выводы

Проведенное исследование проблем контроля целевого использования бюджетных средств и субсидий показывает, что эта область требует комплексного

подхода к реформированию и модернизации. Современная система государственного финансового контроля в России, несмотря на достигнутые успехи, сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые требуют системного решения.

Перспективы развития системы контроля связаны с цифровой трансформацией контрольных процедур, внедрением технологий искусственного интеллекта и больших данных, развитием межведомственного взаимодействия. Важным направлением является совершенствование правового регулирования контрольной деятельности и гармонизация российских стандартов с международными требованиями.

Практическая реализация предложенных рекомендаций требует политической поддержки реформ, выделения необходимых ресурсов, поэтапного внедрения изменений с учетом накопленного опыта. Особое внимание следует уделить вопросам подготовки кадров, развития методологической базы, обеспечения технологической модернизации контрольных органов.

Литература

1. Болтинова О.В. Финансовый контроль за реализацией научных проектов класса «мегасайенс»: текущее состояние и перспективы совершенствования //Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4 (125). – С. 39–46.
2. Глазунова И.В., Шептунов Д.С. Казначейское сопровождение как новый инструмент финансового контроля в условиях цифровизации экономики //Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 49–60.
3. Капитанова Н.Б. Актуальные проблемы государственного субсидирования промышленности в Российской Федерации //Закон и право. – 2025. – № 4. – С. 39–43.
4. Капитанова Н.Б. Последствия нецелевого использования бюджетных ассигнований (субсидии) в НИОКР в Российской Федерации //Закон и право. – 2025. – № 5. – С. 65–69.
5. Курдюмов А.В. Государственный контроль и аудит за использованием бюджетных средств в сельском хозяйстве //Московский экономический журнал. – 2021. – № 12. – С. 256–270.
6. Ларичев В.Д. Проблемные вопросы, возникающие в процессе выявления и документирования преступлений в сфере освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства, и меры по их устранению // Научный портал МВД России. – 2023. – № 2 (62). – С. 57–63.
7. Мангасаров Р.А. Использование блокчейн-технологий в противодействии хищениям бюджетных средств //Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 86–94.
8. Матвеева В.А., Силаева Л.И. Совершенствование финансового контроля над целевым ис-

пользованием бюджетных средств //Символ науки. – 2021. – № . 2. – С. 44–46.

9. Текеев Ш.А. Аналитические процедуры в повышении эффективности государственного внутреннего контроля целевого использования бюджетных средств //Вестник алтайской академии экономики и права. – 2022. – № . 11–1. – С. 161–169.
10. Хоружий Л.И. и др. Формирование системы учетно-аналитического обеспечения эффективности использования средств государственной поддержки как элемента экономической безопасности сельскохозяйственных организаций //Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2025. – Т. 1. – № 2. – С. 197–211.

THE PROBLEM OF CONTROLLING THE TARGETED USE OF BUDGET FUNDS AND SUBSIDIES

Zhilinsky D.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The control of the targeted use of budgetary funds and subsidies is one of the key problems of modern public administration, especially in conditions of limited financial resources and increasing needs of society. In conditions of limited budgetary resources and increasing demands for their rational allocation, issues of improving mechanisms for monitoring and overseeing the expenditure of public funds are becoming particularly relevant. This study analyzes the current state of the budget expenditure control system in the Russian Federation, identifies the main problems and shortcomings of existing oversight mechanisms for the targeted use of public funds. The problem is compounded by the imperfection of the regulatory framework, insufficient coordination between regulatory authorities, weak internal financial control systems and limited opportunities for the use of modern digital technologies. Special attention is paid to the analysis of international experience in the organization of budget control and the possibilities of its adaptation to Russian conditions. The study is based on a comprehensive analysis of the activities of state financial control bodies, including the Accounts Chamber of the Russian Federation, the Federal Treasury and other regulatory structures. The results of the work can be used to improve the sys-

tem of state financial control and increase the efficiency of using budget funds.

Keywords: state financial control, budget funds, subsidies, targeted use, efficiency of budget expenditures, Accounting Chamber, Federal Treasury, digitalization of control, risk-based approach.

References

1. Boltinova O.V. Financial control over the implementation of scientific projects of the megascience class: current status and prospects for improvement //Actual problems of Russian law. – 2021. – № . 4 (125). – Pp. 39–46.
2. Glazunova I.V., Sheptunov D.S. Treasury support as a new instrument of financial control in the context of digitalization of the economy //Bulletin of Omsk University. The Pravo series. – 2022. – Vol. 19. – No. 4. – pp. 49–60.
3. Kapitanova N.B. Actual problems of state subsidization of industry in the Russian Federation //Law and law. – 2025. – № . 4. – Pp. 39–43.
4. Kapitanova N.B. Consequences of misuse of budget allocations (subsidies) in R&D in the Russian Federation //Law and law. – 2025. – № . 5. – Pp. 65–69.
5. Kurdyumov A.V. State control and audit over the use of budgetary funds in agriculture //Moscow Economic Journal. – 2021. – no. 12. Pp. 256–270.
6. Larichev V.D. Problematic issues arising in the process of identifying and documenting crimes in the field of budget allocation allocated for the development of agriculture, and measures to eliminate them. //The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № . 2 (62). – Pp. 57–63.
7. Mangasarov R.A. The use of blockchain technologies in countering embezzlement of budget funds //Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № . 1 (65). – Pp. 86–94.
8. Matveeva V.A., Silaeva L.I. Improving financial control over the targeted use of budgetary funds //A symbol of science. – 2021. – No. 2. – pp. 44–46.
9. Tekeev S.A. Analytical procedures for improving the effectiveness of state internal control over the targeted use of budgetary funds //Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2022. – No. 11–1. – pp. 161–169.
10. Khoruzhiy L.I. et al. Formation of a system of accounting and analytical support for the effectiveness of the use of state support funds as an element of the economic security of agricultural organizations //Proceedings of the Timiryazevskaya Agricultural Academy. – 2025. – Vol. 1. – No. 2. – pp. 197–211.

Система законодательства, регламентирующая организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и проблемы ее совершенствования

Завидный Ярослав Юрьевич,

аспирант Государственного университета «Дубна»

E-mail: yarik_zavidniy@mail.ru

В статье рассматривается историко-правовой аспект развития системы законодательства, регламентирующего организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, определяется генезис представительной власти субъекта в России. Автор проводит анализ системы реализации представительной и законодательной власти в дореволюционной России, изучена специфика осуществления представительной власти субъекта в советский период и в период становления и развития Российской Федерации. Путем анализа динамики развития системы организации и правовой регламентации законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта определены проблемы ее совершенствования и дана оценка дальнейшим перспективам развития.

Ключевые слова: совершенствование представительной власти субъекта России, законодательный орган субъекта Российской Федерации, представительная власть субъекта Российской Федерации, организационно-правовой статус законодательного органа субъекта России, система представительной власти России.

Законодательство Российской Федерации прошло определенные этапы и стадии развития, что предоставляет возможность говорить о том, что в разные исторические периоды реализация отдельных государственных полномочий в сфере организации нормативного правового регулирования осуществлялось посредством различных механизмов как определения правил поведения, так и непосредственно осуществления контроля за их соблюдением. Указанное прослеживается и в области правового регулирования законодательных и представительных органов субъектов Российской Федерации.

Отметим, что ранее уже в дореволюционный период имелись зачатки организационно-правовых форм реализации отдельных государственных полномочий в сфере законодательной и представительной власти. Важным также будет подчеркнуть, что в разные исторические периоды Россия являлась большим государством, что соответственно порождало необходимость формировать определенное разграничение государственного управления на, как ныне принято именовать, субъекты в целях централизованного управления. Указанное понимал и Петр Великий, в связи с чем инициировал различные механизмы совершенствования организации управления государством.

Конец XVII века – начало XVIII века ознаменовались активной политикой, проводимой Петром I в области расширения границ российского государства, а равно стремление организовать укрепление международного статуса России путем расширения влияния в мире и выхода к Балтике путем проведения ряда реформ, нацеленных на юридическое признание территорий будущего Санкт-Петербурга и иных территорий, приобретенных Россией в ходе Северной войны, их оформление. К началу мая 1703 года устье Невы полностью находилось под контролем русской армии, что позволило реализовать масштабный проект Петра Великого – организацию строительства города на Неве – Санкт-Петербурга, которое продлилось 14 лет.

Успехи в рамках активно осуществляемой и проводимой внешней политики, стали следствием расширения территорий Российского государства и ознаменовывали необходимость реализации мер, направленных на проведение действенного и разумного управления территориями внутри государства. Петром Великим принято во внимание, что существовала нужда в дальнейшем реформировании государства российского в целях

продолжения успехов во внешней политике, однако наблюдалась проблема устаревшей модели системы административного деления и управления в России.

Указанные предпосылки побудили Петра реформировать систему внутренней организации власти и разработать и издать Указа «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» [11]. Данный нормативный правовой акт был издан 18 декабря 1708 года в рамках реформы, посвященной совершенствованию административно-территориального деления России.

Согласно содержанию данного правового акта, как следует из его преамбулы, вся Россия разделялась на 8 губерний и расписанных к ним городов. В Московскую губернию (центр – Москва) входило 39 городов, Ингерманландская включала в себя помимо центрального города Санкт-Петербург также 28 городов, Киевская включала 56 городов, Смоленская 17 городов, Архангелогородская – 20 городов, Казанская – 71 город, Азовская – 52 города и Сибирская – 30 городов. Итого всего в 8 губерниях насчитывалось порядка 314 городов, а также 25 городов приписных к корабельным воронежским делам – 339 городов. Также указанный нормативный правовой акт содержал указание на то, что Копорья и Ямбурга отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. Особое внимание следует уделить и крайне подробной и четкой регламентации устройства губерний в данном НПА.

Указанный нормативный правовой акт по-своему важен и уникален в контексте настоящего исследования, поскольку в нем впервые в истории России содержится административно-территориальное деление на субъекты – губернии. Впоследствии именно в соответствии с заложенными основами, введенными Петром I Великим, будет построена модель Российской Федерации, включающей в себя по состоянию на 2025 год 89 субъектов, в том числе города федерального значения.

Прообразом городов федерального значения того времени можно назвать города Копорья и Ямбурга, поскольку они были выведены из общего подчинения центральным городам губерний непосредственно под владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

Несмотря на крайнюю значимость в целом для развития системы государственного управления России реформы административно-территориального деления Петра Великого, тем не менее каких-либо иных значимых изменений в части осуществления субъектовой представительной и законодательной власти данный нормативный правовой акт не содержит в силу четко выстроенной централизации власти вокруг монарха.

Продолжая заложенные Петром Первым реформы дальнейшее развитие административно-территориальной реформы произошло при Екатерине II Великой, которая также провела успешную реформу, посвященную административно-территориальному делению.

«Учреждения для управления губерний» [11], принятый 07.11.1775 года нормативный правовой акт стал некоторым закономерным продолжением проводимых Петром Великим преобразований русского государства, нацеленный на организацию власти в целях эффективного управления.

Как отмечается Толочко А.П. и Коноваловым И.А. вышеназванный нормативный правовой акт создал в Российской империи систему централизованного регионального управления, осуществляемого государством через полицейские органы с установленными на законодательном уровне штатами сотрудников, которые стали не только представителями верховной власти в регионах, но и прямыми проводниками её политики [12, С. 98].

Продолжая анализ данного нормативного правового акта, отметим его отличительные черты от ранее изучаемого нормативного правового акта, изданного Петром Первым. В отличие от ранее указанных и утвержденных губерний, Екатериной Великой проведена административно-территориальная реформа и изменен подход к формированию губерний, вместо принципа несколько склонного к обычному формированию, применялся принцип, учитывающий численность населения в том или ином регионе, а также этнические особенности, как, к примеру, сохранение казачества в Малороссии (Раздел VIII («Особые положения для окраин») «Учреждения для управления губерний»).

Императрица ставила перед собой задачу реализовать административно-территориальное деление таким образом, чтобы в каждом из существующих губерний проживало не менее 300 тысяч и не более 400 тысяч человек соответственно, что позволяло стандартизировать как управление, так и налогообложение – что было одной из основных задач данной реформы.

К сожалению, анализируя положения рассматриваемого нормативного правового акта, несмотря на наличие в ряде развитых европейских догмах идей о традиционном разделении властей на судебную, законодательную и исполнительную власть, которыми, в том числе вдохновлялась и Императрица, при его формировании и последующих принятых на его основе – разделении губернской власти на данные три ветви власти отсутствовало.

Несмотря на отсутствие субъектовой законодательной власти, указанный НПА, включал в себя положения о формировании на уровне губерний судебной, финансовой и административной ветвей власти, что в том числе можно проследить в статьях, изложенных в Разделах V–VII.

Наиболее важным, исходя из анализа данного нормативного правового акта, является зарождение в дореволюционном российском законодательстве идей к централизованной имперской модели управления, а также зарождение условного разделения региональной власти на соответствующие не пересекаемые друг с другом ветви власти, что в последующем найдет свое отражение при фор-

мировании законодательства Российской Федерации.

В дополнение выделим, что «Учреждения для управления губерний» как нормативный правовой акт имел юридическую силу вплоть до прекращения Российской Империи и становления в России советского государства – то есть до конца условного дореволюционного периода российской государственности, что подчеркивает значимость его рассмотрения и анализа.

Рассматривая представительную власть, отметим, что в разные периоды российской государственности имели место быть различные проявления народной власти – вече, земства, наместничества, соборы, думы и пр.

Всех их объединяли некоторые общие черты –выборность населением, принятие коллегиального решения, разрешение вопросов местного и государственного значения, обсуждение принятых решений.

Лопатухина Е.С. определяя термин представительной власти дает ему следующую формулировку – представительная власть помимо нормотворческих заключает в себе контрольные, а иногда распорядительные и иные полномочия [9, С. 113].

Как ранее уже было высказано, как таковое территориальное разделение на субъекты в России заслуга реформ Петра I Великого, получившие свое развитие благодаря реформам Екатерины II Великой. Важным будет подчеркнуть, что первые прообразы субъектов представительных органов, разрешающих вопросы региона, были учреждены именно при данном правителе и связаны с таким нормативным правовым актом, как «Учреждения для управления губерний».

Принятый 7 ноября 1775 года нормативный правовой акт в том числе учредил некоторые губернские учреждения (приказы), осуществляющие определенные представительные функции в интересах населения губерний, среди которых разрешение вопросов помощи бедным, организации приютов, лечебных и учебных заведений. Наряду с определением приказа непосредственно органом власти, также имелась возможность определения приказа путем его избрания, что делало данную должность выборной.

Так, выделим, что в состав приказа общественного презрения помимо губернатора были включены три члена или, иными словами, заседателя (депутата), которые определялись по одному от дворянства, городского общества губернского города и поселян, что напрямую следует из содержания Главы XXV «Учреждения для управления губерний» [13].

Также выделим специфику процедуры определения представителей состава приказа от каждого из сословий – дворянства, поселян и городского общества, которые избирались сроком на 3 года, что напрямую указано в Разделе VII, статьях 385–390 указанного выше НПА. Дворянского представителя избирали уездные дворянские собрания на губернском дворянском собрании, городского

представителя – городская дума губернского города, представитель от поселян избирался государственными крестьянами, которые не относились к разряду крепостных.

Особое внимание также уделим процедуре определения представителя приказа от поселян, поскольку она имеет свои особенности, связанные с некоторой многозвенной системой. Первым звеном являлось собрание сельских сходов, которые выбирали доверенных лиц на волостном уровне, данное звено уже определяло делегатов в губернский центр, из числа которых уже и определялся представитель в приказ.

Несмотря на некоторую прогрессивную систему определения состава приказов согласно положениям «Учреждения для управления губерний», имеющую свои особенности и проявляющую определенные зачатки избирательной системы региональной представительной власти, которую принято считать традиционной для Российской Федерации, тем не менее, на практике, зачастую данная процедура носила формальный характер, поскольку фактически все решения принимали чиновники, осуществляющие исполнительную власть, включая губернатора во исполнение провозглашенной Екатериной Великой политики просвещенного абсолютизма, что в том числе подчеркивают в своей работе коллектив авторов в лице Зайцева Т.И. и Геймор С.В. [8, С. 4] и Хорева Т.А. [14].

Рассматривая и анализируя положения дореволюционного российского государства и права, выделим два основных момента:

- имели место быть зачатки основных идей зарождения представительной (законодательной) власти субъекта России в своем разрозненном состоянии: возникает как таковое государственно-правовое явление – субъект Российской Империи (губерния), имеются зачатки представительных субъектов органов, которые формируются на началах избрания на определенный срок (приказы) с одной стороны, что безусловно, является положительным моментом;
- отсутствовала система законодательства, регламентирующая организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти губернии Российской Империи.

Рассматривая же советский период отметим, что, в целом, он ознаменован сильной централизацией власти вокруг центрального аппарата, в связи с чем о как таковом делегировании отдельных государственных полномочий на уровень субъекта (области) говорить не приходится ни в теории, ни на практике, что в том числе напрямую вытекает из положений Конституции СССР 1936 года, провозглашающей верховенство закона Верховным Советом СССР, который монополизировал право принятия законов. Конституция РСФСР определяла также, что Верховный Совет РСФСР – единственный законодательный орган республики.

В некотором роде, можно высказать тезис о том, что союзные республики СССР являлись в определенном значении субъектами СССР, однако, данный тезис несколько будет некорректен, поскольку сами по себе республики соответствовали отдельным государственным формированиям, которые в подавляющем большинстве делились внутри себя на области, иные административно-территориальные деления.

Яцук Т.Ф., поддерживая позицию, высказанную О.И. Чистяковым о том, что СССР, равно как и РСФСР в течение всего непродолжительного периода существования данных государственных образований по своей природе относились к особым формам государственного единства, а именно государствам с автономными образованиями [15, С. 12]. В силу чего, относить какое-либо из существующих в советский период республик к субъектам в традиционном понимании – несостоятельно. Под субъектами в данном случае следует понимать Московскую область, Ленинградскую область, Омскую области и прочие субъекты РСФСР, входящие в том числе в состав единого советского государства – СССР.

Рассматривая отдельные взятые республики, входящие в состав СССР можно выделить, что все они имели собственные Конституции, в которых провозглашалось право издавать отдельные нормативные правовые акты и законы, которые должны были соответствовать как Конституции СССР, так и непосредственно всем принятым нормативным правовым актам СССР.

Однако, каких либо иных нормативных правовых актов, которые были бы принципиально отличны от центрального закона, а равно закрепляли положения и правила поведения, не урегулированные центральным законодательством действующее законодательство как республик, так и самого СССР – не имелось в силу прямого запрета, чего нельзя сказать, сравнивая нынешнюю иерархию нормативных правовых актов Российской Федерации, Конституция которой определяет, что некоторые нормативные правовые акты, включая кодексы могут быть в ведении как субъекта, так и государства.

Кардинальным образом ситуация начинает меняться с реализацией так называемой политики «перестройки», организованной М.С. Горбачевым, в ходе которой впервые в истории России области как субъекты республики РСФСР были наделены правом законодательной инициативы и включены в систему органов представительной власти наравне с автономными республиками на основании Закона РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» [4].

Несмотря на то, что данный нормативный правовой акт обладал юридической силой всего четыре года, он имел крайне высокую значимость для развития всей системы законодательства, регламентирующего организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа го-

сударственной власти субъекта России и заложил ее базу и основу для принятия соответствующих решений в рамках формирования российского государства пост-советского периода – Российской Федерации.

В статью 85 Конституции РСФСР внесены принципиально значимые изменения, которые в последствии найдут свое отражение и в положениях Конституции Российской Федерации, а именно, нормы, согласно которым наравне с центральной властью РСФСР – Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР, в систему представительных органов государственной власти РСФСР входили также Советы автономных республик, местные Советы народных депутатов – краевые, областные, автономных областей, автономных округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские [3, ст. 85].

В последующем в рамках формирования постсоветского российского государства – Российской Федерации, в основу вновь образованного государства вошли начала как основные начала и принципы организации представительной власти, так и положенные в основу государственного административно-территориального формирования идеи Петра I Великого, который впервые определил разделение русского государства на субъекты.

Во взаимосвязи с указанными идеями, сочетая некоторые положения советской модели государственного устройства в период заката советского государства, принятого именовать как «перестройка» сформировались основы системы организации представительного и законодательного органа субъекта.

В связи со сменой вектора развития и государственно-правового устройства государства, его структуры органов власти возникла нужда в реформировании и правовой регламентации правовой модели избирательного процесса и деятельности региональной законодательной власти.

Как следствие – утверждение в каждом субъекте страны региональных представительных органов власти, полномочных и легитимно избранных на осуществление деятельности, связанной с принятием нормативно правовой базы и иных юридически значимых решений в рамках имеющихся полномочий.

Ранее установленные органы власти не могли соответствовать вновь образованным принципам и нормам, закрепляющим многоступенчатую связь, осуществляющую властные полномочия на уровне субъекта государства, а равно соответствовать демократичным принципам, провозглашенным в России. Невозможно представить советское государство и наличие у него принципов разделения властей, наличие иных принципов, ранее не известных предшествующему государственно-му образованию.

12.12.1993 г. в Российской Федерации согласно легитимно проведенному референдуму, принят основополагающий закон, в полной мере закреп-

пивший основы государственного строя в стране, что дало в том числе толчок для развития органа законодательной власти на региональном уровне. Ссылаясь на статью 5 основного закона России – государство можно условно поделить на республики, края, области, города федерального значения [1, ст. 5].

«Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» [1, ч. 3 ст. 5].

Впоследствии МОСНД в лице председателя, на тот момент В.Н. Клименко совместно с мэром Москвы Ю.М. Лужковым в целях приведения в соответствие положений действующего законодательства и во избежания противоречий и правовых коллизий обратились в адрес президента Российской Федерации с целью создания органа законодательной или представительной власти на уровне субъекта Российской Федерации в своих субъектах, а также с ходатайством об утверждении и разработке положений, связанных с утверждением регламентов порядка избрания и деятельности соответствующего органа государственной власти. Ранее такого порядка и правовой базы законодательства в России не содержало. Правовые основы законодательства РСФСР и СССР не соответствовали принципам и основам правового регулирования рассматриваемых правовых основ.

Развивая основные тезисы о принципе разделения властей и говоря о проблемах развития системы законодательства, регламентирующего организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта России важным будет также затронуть такой аспект как тенденция к централизации всей системы государственной власти, прослеживающаяся в последние годы.

Наглядным образом она может прослеживаться в рамках развития системы законодательства, регулирующего правовое регулирование местного самоуправления.

Как следует из положений Главы 8 Конституции России – местное самоуправление представляет собой некоторую самостоятельную структуру, которая не входит в систему органов государственной власти, что в том числе напрямую указано статьей 12 [1, ст. 12].

При принятии основного закона России в 1993 году напрямую закреплена самостоятельность данной структуры государственного устройства России и определялись определенные моменты о недопустимости некоторого вмешательства в вопросы местного значения, ввиду наличия основ, закрепляющих осуществление местного самоуправления населением как непосредственно путем референдумов, так и посредством делеги-

рования представителей в лице местных советов депутатов, дум и прочих структур, обеспечивающих разрешение вопросов местного значения.

В то же время, подтверждая ранее высказанный тезис о том, что в настоящее время законодатель идет по пути централизации власти путем выстраивания определенной вертикали подчиненности от низшей структуры государственного устройства к центру – высшим органам государственной власти, что в том числе оправдано вызовами и объективными обстоятельствами, важным будет отметить следующую динамику развития законодательства.

В 2020 году в рамках общероссийского голосования по вопросам внесения изменений в Конституцию России [2] правовые положения Главы 8 также претерпели ряд значимых изменений, в частности в статью 131 внесены были принципиально важные изменения, позволяющие говорить о развитии системы формирования местного самоуправления и подтверждающие описанные выше тезисы.

Указанная выше правовая норма дополнена частью 1.1., закрепляющая механизм участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в соответствии с предусмотренной законодательством процедурой [1, ч. 1.1. ст. 131].

В целях приведения данной единой концепции системы публичной власти государственными органами, включая Государственную Думу Федерального собрания, разработаны положения и концепция, впоследствии воплотившиеся в форме Федерального закона № 33-ФЗ от 20.03.2025 г. [6], пришедшего на замену ранее действовавшему с 06.10.2003 г. Федеральному закону № 131-ФЗ. Вновь разработанный закон, анализируя его содержание включает в том числе ряд положений, позволяющих подтвердить ранее высказанный тезис о централизации власти путем выстраивания единой вертикальной системы публичной власти в России, начиная с местного самоуправления. Так, в том числе указанным законом определены положения о едином сроке полномочий совета депутатов, главы муниципального образования и иные положения, структурирующие муниципальную власть и приводящую ее к единому стандарту.

30 сентября 2022 года Президентом Российской Федерации и руководителями ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области подписаны договоры о присоединении указанных регионов в состав Российской Федерации. В последующем указанные сведения также отражены в тексте Конституции Российской Федерации в редакции от 06.10.2022 года [10].

На сегодняшний день в Российской Федерации во всех 89 субъектах страны имеются свои представительные и законодательные органы власти, имеющие в том числе свои положения и определяющие свое наименование, которое может отли-

чатся в силу специфики субъекта – дума, законодательное собрание, народное собрание, верховный совет, совет народных депутатов, также некоторые иные положения, применимые к каждому законодательному органу субъекта могут отличаться в силу тех или иных особенностей субъекта.

В настоящее время в Российской Федерации действует Федеральный закон № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который в том числе закрепляет определенные единые положения и принципы законодательного органа субъекта Российской Федерации как органа публичной власти, включая принцип о едином сроке полномочий – пять лет [5, ч. 11 ст. 7].

Говоря о тенденции государственной политики, направленной на централизацию и структуризацию, формирование некоторого единого стандарта, с учетом присоединения новых территорий в состав России можно допустить о дальнейшем совершенствовании в том числе и положений, регулирующих и закрепляющих единый стандарт законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации по аналогии с недавними изменениями положений о местном самоуправлении с учетом положений Федерального закона № 414-ФЗ.

В продолжение изучения особенностей проблем совершенствования системы законодательства, регламентирующего организационно-правовой статус представительного органа субъекта Российской Федерации также следует затронуть аспект его полномочий и свободы в их реализации.

Как отмечает коллектив авторов Бабушкина Л.В., Саликов М.С. и Серкова Ю.И. что при реализации законодательной власти возникают проблемы процедурного и содержательного характера, а именно отсутствие самостоятельности, включая случаи, когда, делегируя и рекомендуя федеральный законодатель оставляет регионам альтернативу в выборе, субъекты России на практике копируют федеральный вариант [7, С. 107.].

Рассматривая же некоторые аспекты проблемы совершенствования основ действующего законодательства в области системы правового регулирования законодательных и представительных органов субъекта Российской Федерации можно столкнуться с тем, что, анализируя законодательство последних тридцати лет, регулирующее основы и систему правового регулирования законодательного органа субъекта Российской Федерации, равно как и иные положения федерального законодательства, можно отметить, что в целом как таковых институциональных законов, определяющих специфичную группу принципиально новых отношений не так много, зачастую все нормы нацелены на внесение конкретных, точечных изменений в существующие правоотношения, систему законодательных норм и основ, что в том числе может говорить о качестве принятых и разработанных основ государственной структуры – Российской Федерации.

Среди проблемы законодательного регулирования основ системы органов представительной и законодательной власти субъекта Российской Федерации можно также отметить и фактическое отсутствие места для свободы законодательного творчества на уровне субъекта Российской Федерации, поскольку система норм законодательства, регулирующего полномочия субъектового органа законодательной власти и нормы, принимаемые федеральным законодателем – Государственной Думой Федерального Собрания зачастую определяют основной вектор всей системы государственной политики и регулируемых в ней общественных отношений, включая вопросы организации органов власти, местного самоуправления, избирательного процесса, что в том числе лишает возможности субъект определять некоторые специфичные положения на уровне вверенных им полномочий и сферы осуществляемой деятельности, что также может определять некоторую негативную сторону, связанную с неполноценностью правовой системы в традиционном понимании с точки зрения определения его статуса как законодательной власти.

В то же время, имея право законодательной инициативы субъект вправе реализовывать некоторые особые полномочия, связанные с формированием определенной системы правового регулирования путем направления соответствующих предложений федеральному заксобранию, однако, данный момент также скорее позволяет говорить о некоторой двухзвенной системе законодательного урегулирования и не дает права говорить о как таковом правотворчестве, ввиду принятия данных основ непосредственно федеральным законодательным органом, оставляя субъектовому законодателю право инициирования принятия закона и внесения идеи о совершенствовании тех или иных норм и системы законодательства.

Таким образом, исследуя систему законодательства, регламентирующего организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации отметим, что основные начала и принципы, заложенные Петром Великим и Екатериной Великой легли в основу современной модели представительного органа субъекта. Данная система претерпела значительных изменений и динамика ее развития, с учетом сложившегося вектора развития государства направлена на дальнейшее совершенствование.

Выделяя проблемы совершенствования рассматриваемой системы, выраженные в специфике каждого субъекта России, учитывая особенности культурные, исторические, национальные традиции – с одной стороны и сформированной политики государства, направленной на формирование единообразия и структуризации публичной власти – с другой.

Данные противоречия и порождают определенные проблемы перед федеральным законодателем. Осуществляя совершенствование системы законодательства, регламентирующего

организационно-правовой статус законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта законодательству необходимо одновременно соблюсти баланс направленного вектора государственной политики и не затронуть законные права и интересы каждого субъекта России, предоставив право выбора и некоторую автономию при принятии решений. В противном случае как таковая концепция и принцип разделения властей, а равно демократические основы не соблюдаются.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 06.10.2022) // Сайт официального интернет-портала правовой информации. URL.: <http://pravo.gov.ru>. https://www.youtube.com/watch?v=mCsC3wrx0vE&ab_channel=ROBOMONSTER
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 16.03.2020, N 11, ст. 1416
3. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР», 1978, N 15, ст. 407.
4. Закон РСФСР от 27.10.1989 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР, 1989, N 44, ст. 1303.
5. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.12.2021, N 52 (часть I), ст. 8973.
6. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, N 12, ст. 1200,
7. Бабушкина, Л.В. Законодательная власть субъектов российской федерации: 30 лет региональному парламентаризму в России / М.С. Саликов, Ю.И. Серкова // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. – С. 104–121
8. Зайцева, Т.И. Просвещенный абсолютизм екатерины ii: теория и практика / С.В. Геймор // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2022. № XIX. – С. 187–193.
9. Лапатухина, Е.С. Представительная власть и гражданское общество в России // Образование и право. 2019. № 3. – С. 112–118.
10. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Сайт Администрации Президента России. URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465>
11. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О.И. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4 / ответственный редактор заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А.Г. Маньков. – 1986. – 511 с. (с. 166–169).
12. Толочко, А.П. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г / И.А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. – С. 93–100.
13. Учреждения для управления губерний от 07.11.1775 г. // СПС. Гарант Плюс. URL.: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/>
14. Хорева, Т.А. Основные этапы истории приказов общественного призрения в Российской империи // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 2. – С. 29–42.
15. Ящук, Т.Ф. Государственно-правовой статус РСФСР: проблемы определения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 1 (50). – С. 6–14.

THE SYSTEM OF LEGISLATION REGULATING THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL STATUS OF THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODY OF STATE POWER OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEMS OF ITS IMPROVEMENT

Zavidniy Y. Yu.
State University «Dubna»

The article examines the historical and legal aspect of the development of the system of legislation regulating the organizational and legal status of the legislative (representative) body of state power of the subject of the Russian Federation, determines the genesis of the representative power of the subject in Russia. The author analyzes the system of implementation of representative and legislative power in pre-revolutionary Russia, examines the specifics of the implementation of representative power of the subject in the Soviet period and during the formation and development of the Russian Federation. By analyzing the dynamics of the development of the system of organization and legal regulation of the legislative (representative) body of state power of the subject, the problems of its improvement are identified and an assessment of further development prospects is given.

Keywords: improving the representative power of a subject of Russia, the legislative body of a subject of the Russian Federation, the representative power of a subject of the Russian Federation, the organizational and legal status of the legislative body of a subject of Russia, the system of representative power of Russia.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) (as amended on 06.10.2022) // Website of the official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>. https://www.youtube.com/watch?v=mCsC3wrx0vE&ab_channel=ROBOMONSTER

2. Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 N 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 16.03.2020, N 11, Art. 1416
3. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic" (adopted by the Supreme Council of the RSFSR on 12.04.1978) // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR, 1978, N 15, Art. 407.
4. Law of the RSFSR of 27.10.1989 "On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR, 1989, N 44, Art. 1303.
5. Federal Law of 21.12.2021 N 414-FZ "On General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 27.12.2021, N 52 (Part I), Art. 8973.
6. Federal Law of 20.03.2025 N 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.03.2025, N 12, Art. 1200,
7. Babushkina, L.V. Legislative power of the constituent entities of the Russian Federation: 30 years of regional parliamentarism in Russia / M.S. Salikov, Yu.I. Serkova // Russian law: education, practice, science. 2024. No. 3. – P. 104–121
8. Zaitseva, T.I. Enlightened absolutism of Catherine II: theory and practice / S.V. Geymor // Materials of the All-Russian scientific and practical conference "Science and Society". 2022. No. XIX. – P. 187–193.
9. Lapatukhina, E.S. Representative power and civil society in Russia // Education and law. 2019. No. 3. – P. 112–118.
10. Signing of treaties on the admission of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions to Russia // Website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465>
11. Russian legislation of the 10th-20th centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O.I. Chistyakov. – Moscow: Legal Literature, 1984. Vol. 4: Legislation of the period of the formation of absolutism. Vol. 4 / editor-in-chief, Honored Figure of the RSFSR, Doctor of Historical Sciences A.G. Mankov. – 1986. – 511 p. (pp. 166–169).
12. Tolochko, A.P. Local government of the Russian Empire according to the "Institutions for the management of the provinces" of 1775 / I.A. Konovalov // Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences". 2018. No. 4. – P. 93–100.
13. Institutions for the management of the provinces of 07.11.1775 // SPS. Garant Plus. URL.: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/>
14. Khoreva, T.A. The main stages in the history of public welfare offices in the Russian Empire // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 2. – P. 29–42.
15. Yashchuk, T.F. State and legal status of the RSFSR: problems of definition // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2017. No. 1 (50). – P. 6–14.

Представительный орган муниципального образования в свете Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»: сравнительно-правовой анализ

Иванов Артем Александрович,

аспирант, Институт государственной службы и управления,
РАНХиГС

E-mail: artem.krasnogorsk@mail.ru

Актуальность исследования обозначенной темы определяется тем, что 19.06.2025 года вступает в силу новый Федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Закон во многом сохраняет структуру и содержание действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который устанавливает существенные новации в правовом регулировании отношений, связанных с формированием, определением основных функций и порядка деятельности представительных органов местного самоуправления. Указанные новации следует рассматривать в качестве дальнейшего развития положений конституционной реформы, направленной, помимо решения других задач, на нормативное обеспечение реализации концепции единой публичной власти. На основе анализа законодательства предыдущих периодов развития российского законодательства, определяющего основы правового регулирования отношений по формированию и функционированию представительных органов местного самоуправления предыдущих периодов и новаций, содержащихся в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», сформулирован ряд выводов относительно указанных новаций в законодательстве о местном самоуправлении и предложений относительно дальнейшего развития нормативной базы ввиду того, что указанные новации не решают многих возникших проблем, а некоторые из них могут и обострить.

Ключевые слова: представительный орган; муниципальное образование; система местного самоуправления; публичная власть; закон; депутаты; население.

19 июня 2025 г. вступает в силу новый Федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Закон во многом сохраняет структуру и содержание действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предусматривая, тем не менее, существенные новации с учетом внесенных в Конституцию Российской Федерации изменений и опыта развития института местного самоуправления.

Вопросы взаимодействия населения и органов публичной власти, в том числе и органов местного самоуправления, входящих в систему единой публичной власти, имеют своей целью достижение баланса интересов. При этом местное самоуправление является базовой и непосредственной формой осуществления народом, принадлежащей ему власти и формой организации солидарного гражданского общества в том случае, если идея его организации станет понятной населению и каждый найдет приемлемые для себя формы участия в этом процессе.

В наименовании главы 5 Федерального закона № 33-ФЗ говорится о формах непосредственного осуществления населением местного самоуправления и о формах участия населения в осуществлении местного самоуправления, что корреспондируется с еще пока действующими положениями Федерального закона № 131-ФЗ.

Непосредственное осуществление населением местного самоуправления (прямая демократия) — это реализация коллективного права жителей муниципального образования на осуществление муниципальной власти, т.е. принятие властных решений, правовых актов самими жителями. Такие властные решения (правовые акты) не нуждаются в утверждении органами местного самоуправления.

Нормами Федерального закона № 33-ФЗ к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления отнесены местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан.

Участие населения в осуществлении местного самоуправления (консультативная демократия) заключается в реализации индивидуальных прав граждан на участие в осуществлении муниципальной власти, оно позволяет жителям муниципаль-

ного образования оказывать влияние на позицию органов и должностных лиц местного самоуправления, обеспечивать соответствие принимаемых ими решений интересам населения. В главе 5 Федерального закона № 33-ФЗ к таким формам участия населения в осуществлении местного самоуправления относятся опрос, публичные слушания, общественные обсуждения, собрание граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, староста сельского населенного пункта.

Следует отметить, что перечень форм участия населения в его осуществлении, установленный Федеральным законом № 33-ФЗ, не является исчерпывающим. Положения данного Федерального закона предусматривают, что наряду с предусмотренными законом формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления в иных формах, не противоречащих Конституции РФ, настоящему Федеральному закону, другим федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации (например, указы избирателей, отчеты выборных лиц местного самоуправления перед населением, участие представителей общественности в процедурах муниципального правотворчества и другие).

Таким образом, осуществление местной публичной власти, наличие ее органов (по меньшей мере, представительных органов) и их выборность, – базовый квалифицирующий признак муниципальной единицы. Но есть и еще один базовый признак, показывающий именно степень развития местного территориального самоуправления – наличие общественного самоуправления местных сообществ и степень их организации, включая юридическую институционализацию. При этом речь идет и о нормативной легитимации общественного самоуправления, и о степени его реального развития.

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) определяет местное самоуправление как признаваемую и гарантированную Конституцией РФ форму организации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией РФ настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации.

Как новацию положительного характера следует рассмотреть то, что в соответствии с нормами ст. 15, 16 Федерального закона № 33-ФЗ представительный орган местного самоуправления рассматривается законодателем как основа

всей системы органов местного самоуправления, но, с другой стороны, наделенные законом функциями преимущественно нормотворческого характера, могут быть удалены от решения насущных вопросов местного значения, что, следует признать, на практике гораздо больше волнует население, которое ждет от своего депутата непосредственного участия в решении их проблем.

В связи с этим следует отметить, что граждане в системе местного самоуправления организуются не только для осуществления своей власти, но и для осуществления общественного самоуправления, а институты общественного самоуправления отдаляются законом от деятельности представительного органа местного самоуправления.

В этом плане статус представительного органа местного самоуправления соответствует принципам и задачам органа единой публичной власти, но становится гораздо более отдаленным от населения, нежели в сравнении с законодательством советского периода в развитии отечественного права, поскольку местные Советы, формировавшиеся по принципу прямых выборов местным населением, выполняли функции представительного органа местной власти, а депутаты непосредственно участвовали в решении вопросов местного значения.

Можно даже отметить, что представительный орган муниципального образования – наиболее характерный и при этом выборный орган местного самоуправления, без которого и муниципальная единица, и само местное самоуправление вряд ли могут существовать.

Это подтверждается тем, что статьей 44 Федерального закона № 33-ФЗ предусматривается единственный способ формирования Совета депутатов – муниципальные выборы.

Статья 15 Федерального закона № 33-ФЗ, посвящена организационно-правовым аспектам представительного органа муниципального образования, однако, как и в случае с предыдущим законом, Федеральным законом от 16.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в Федеральном законе № 33-ФЗ отсутствуют дефинитивные нормы, на основе которых определялась бы правовая сущность представительного органа местного самоуправления, поэтому сущность представительного органа местного самоуправления можно установить только на основе положений правовой доктрины.

В общих чертах **представительным органом муниципального образования** можно считать обязательный орган в структуре органов местного самоуправления, который состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах жителями муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, деятельность которого направлена на осуществление от имени жителей му-

ниципального образования своей власти, решение вопросов местного значения.

В системе муниципальной представительной демократии Российской Федерации правовой статус представительных органов муниципальных образований занимает особое положение и характеризуется рядом публично-правовых признаков, определяющих его статус.

Самыми распространенными признаками являются учредительный характер, выборность, сменяемость, коллегиальность, нормотворческий процесс и механизм прекращения полномочий представительных органов муниципальных образований. Важнейшей функцией местного представительного органа является нормотворчество, обеспечивающее регулирование всех основных сфер жизнедеятельности в муниципальном образовании на основе принципов законности, свободного обсуждения вопросов и самостоятельного принятия решений, гласности и равноправия депутатов.

Вместе с тем главный признак представительного органа муниципального образования состоит в том, что, будучи выборным органом, он один объединяет в своем лице все местное население соответствующего муниципального образования и уполномочен этим населением представлять его интересы в целях обеспечения решения важнейших вопросов по обеспечению его жизнедеятельности.

В связи с принятием Федерального закона № 33-ФЗ ликвидация поселенческой территориальной организации местного самоуправления в подавлявшем большинстве субъектов Российской Федерации приведет к сокращению числа депутатов представительных органов муниципальных образований, представляющих интересы населения ликвидируемых поселений. Как минимум 138,5 тысяч муниципальных депутатов представительных органов муниципальных районов, городских, сельских поселений из 176,4 тысяч будет сокращено. Необходимо сохранить этот кадровый ресурс за счет увеличения численности депутатов представительных органов городских и муниципальных округов, а также формирования муниципальных общественных палат муниципальных образований, среди членов которых могут быть и бывшие муниципальные депутаты.

Таким образом, для успешного использования этих институтов необходимо внести в Федеральный закон № 33-ФЗ изменения, предусматривающие, увеличение, по меньшей мере, в 1,5–2 раза численности депутатов представительных органов муниципальных и городских округов, то есть, чем больше представителей народа будут в представительном органе муниципального образования выражать его интересы в решении местных публичных дел и в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей в муниципальных образованиях, тем более общественно значимой и легитимной будет по факту признаваться населением и местными сообще-

ствами местная публичная власть, и тем меньше будет подвергаться сомнению принимаемые ей решения.

Следует отметить, что в настоящее время в муниципальных образованиях разных субъектов Российской Федерации существуют разные позиции относительно численности депутатов представительных органов муниципальных образований.

В качестве новации, имеющей позитивный характер, следует отметить, что новый закон вводит единый порядок формирования представительного органа местного самоуправления: все представительные органы местного самоуправления должны будут формироваться по результатам выборов, никакого делегирования депутатов одним органом местного самоуправления в представительный орган местного самоуправления не допускается. Однако, отечественные исследователи приходят и к противоречивым выводам относительно исключительности выборного порядка формирования представительного органа местного самоуправления. Так, например, А.А. Шпак, с одной стороны, признает позитивность данного изменения, но, с другой стороны, отмечает, что «... это напрямую вытекает из упразднения поселений и городских округов с внутригородским делением» (Шпак, 2022: 55), то есть отмечает вынужденный характер установления исключительно выборного порядка формирования представительного органа местного самоуправления. С указанным мнением следует согласиться, поскольку формирование состава представительного органа местного самоуправления посредством делегирования представителей органов местного самоуправления одного уровня на другой допускалось Федеральным законом № 131-ФЗ в условиях существования таких муниципальных образований, как поселения и городские округа.

В то же время, еще в условиях формирования и начала реализации концепции единой публичной власти в отечественном законодательстве высказывались мнения относительно того, что при сохранении самостоятельности органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения они должны включаться в систему государственного управления. Как отмечает, например, Т.А. Лахтина, «...»внутренний суверенитет» муниципальных органов и выборных должностных лиц должен быть минимальным, не сравнимым с внутренним суверенитетом органов государства от населения, но он все же должен существовать, в противном случае может возникнуть калейдоскоп смены лиц, приводящий к коллапсу в работе» (Лахтина, 2015: 20).

Учитывая приведенные выше позиции отечественных исследователей, сущность и содержание новаций в законодательстве об основах местного самоуправления в части признания за представительным органом местного самоуправления органа преимущественно нормотворческого характера, который по своим ключевым функциям максимально приближен к органам законодательной

власти, в рамках концепции единой публичной власти вполне объяснимы и закономерны.

Разработчики Закона № 131-ФЗ ставили задачу усилить значимость представительных органов муниципальных образований, но принятых для этого законодательных мер оказалось недостаточно, а отдельные из них и вовсе носили небесспорный характер.

Первая причина – жестко проведенное в законе разграничение полномочий между представительными органами муниципальных образований и местными администрациями. Возложение на муниципальные представительные органы преимущественно нормотворческих полномочий отделило их от реальных управленческих процессов, связанных с решением вопросов жизнеобеспечения граждан и, наоборот, возвысило статус местной администрации. Поставить деятельность местной администрации, возглавляемой, как правило, ситу-менеджером либо конкурсным главой муниципального образования, под контроль представительного органа оказалось в большинстве случаев тоже не под силу.

Вторая причина – проведение пропорциональной избирательной системы (полностью либо в части) на муниципальных выборах, повлекшее переход к преимущественному формированию местного депутатского корпуса по партийному принципу. Здесь стоит напомнить, что партийный подход к формированию местных выборных органов, использовавшийся в западных правовых порядках, подвергался жесткой – и обоснованной – критике уже в начале XX столетия русским философом и правоведом Н.Н. Алексеевым. Альтернативу этому подходу он видел в советской практике формирования местных поселковых и городских Советов на широчайшей общественной основе. Именно с этой практикой ученый связывал будущее политического устройства государства, возможность преодоления кризиса партийного представительства, вызванного бесконечными межпартийными и внутрипартийными склоками, конфликтами, неоднозначными компромиссами и пр.

Позиция Н.Н. Алексеева поддерживается и современными отечественными исследователями. Так, О.А. Баженова выступает с критикой подхода к формированию состава представительного органа местного самоуправления с использованием порядка замещения должности депутата представительного органа местного самоуправления по результатам муниципальных выборов с применением лупалистического подхода: по партийным спискам и по одномандатным избирательным округам за исключением, определенным в норме ч. 7 ст. 44 Федерального закона № 33-ФЗ, когда применяется порядок проведения выборов только по одномандатным или многомандатным избирательным округам.

О.А. Баженова считает, что введение порядка проведения выборов в представительные органы местного самоуправления по партийным спискам ограничивает избирательные права граждан, про-

живающих на территории муниципального образования, поскольку фактически лишает возможности участия общественных организаций граждан в выборах Баженова, 2025: 2).

С данной позицией следует согласиться, отметив только то, что нормы ст. 18 Федерального закона № 33-ФЗ только усиливают роль политических партий в реализации функций представительных органов местного самоуправления, поскольку предполагают формирование депутатских фракций, в состав которых должны входить депутаты, получившие мандат по результатам голосования по партийным спискам, а также депутаты, победившие в муниципальных выборах по одномандатным округам, которые могут войти в состав определенной фракции. Проблема в данном случае может возникнуть в ситуации, когда депутат должен будет при голосовании учитывать не столько нужды избирателей, сколько подчиняться партийной дисциплине.

Вопросы, возникшие в связи с введенными в состав Федерального закона № 33-ФЗ новациями относительно порядка формирования представительного органа местного самоуправления, его функций, а также порядка реализации им своих полномочий обсуждались на Всероссийской конференции по развитию представительных органов муниципальных образований и общественного самоуправления на региональном и местном уровнях с опорой на традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, состоявшейся 11 апреля 2025 г. в Государственной Думе РФ (Конференция, 2025), однако со стороны участников конференции за исключением указанной выше позиции О.А. Баженовой со стороны других участников критики новаций Федерального закона № 33-ФЗ по вопросам, связанным с правовым регулированием деятельности представительных органов местного самоуправления и порядка их формирования не последовало.

Подводя итог анализа тех изменений, которые внесены Федеральным законом № 33-ФЗ в нормативное регулирование отношений по формированию и осуществлению деятельности представительных органов местного самоуправления, можно сформулировать ряд выводов и рекомендаций по преодолению тех сложностей, которые могут обостриться с вступлением означенного федерального закона в силу.

В сложившихся обстоятельствах можно выделить несколько направлений преодоления кризиса муниципальной представительной демократии. Часть из них вытекает из законодательства, в том числе непосредственно из Закона № 33-ФЗ:

- во-первых, увеличение численности представительных органов муниципальных и городских округов. Часть 6 ст. 15 Закона № 33-ФЗ по-прежнему (как и ч. 6 ст. 35 Закона № 131-ФЗ) закрепляет минимальную численность депутатского корпуса; конкретная же численность корпуса определяется уставом муниципального образования (причем без необходимости при-

нения регионального закона по этому вопросу (!);

- во-вторых, использование возможностей контроля за местной администрацией путем утверждения или согласования назначения на должность заместителей главы местной администрации, руководителей отраслевых (функциональных) и (или) территориальных органов местной администрации. Данное полномочие, введенное в Закон № 131-ФЗ в июле 2024 г. и сохраненное в Законе 33-ФЗ (ч. 20 ст. 22), создает важные – пусть и недостаточные – условия для того, чтобы поставить хотя бы отчасти под контроль деятельность местной администрации;
- в-третьих, многократное расширение практики взаимодействия муниципальных представительных органов (а не местной администрации!) и общественности через различные формы, прежде всего через создание муниципальных общественных палат, сотрудничество с территориальным общественным самоуправлением, иными общественными организациями, функционирующими на муниципальном уровне, и пр.

Другие способы преодоления кризиса муниципальной представительной демократии требуют более сложных условий, вплоть до внесения изменений в законодательство:

- замена территориальных органов местной администрации депутатскими корпусами, для чего необходимо предварительно переосмыслить советский принцип работающей корпорации, на котором строилась деятельность в том числе местных Советов. Применение этого принципа на (увы, бывшем) поселенческом уровне, где отсутствует конфликт между эффективностью и демократией (между профессиональным управлением и деятельностью выборных органов), является, на мой взгляд, самой действенной мерой преодоления кризиса;
- замещение должности руководителя территориального органа местной администрации на выборных началах. Поскольку ст. 36 Закона № 33-ФЗ не определяет порядок замещения указанной должности, а ч. 17 ст. 22 Закона № 33-ФЗ требует закрепления в законе субъекта РФ лишь критериев, при наличии которых формируется территориальный орган местной администрации, вопрос о порядке формирования территориального органа, в том числе порядке замещения должности его руководителя, может быть решен – на основании ч. 3 ст. 14 Закона № 33-ФЗ – исключительно уставом муниципального образования. Но поскольку муниципальные выборы могут проводиться в целях избрания лишь лиц, замещающих муниципальные должности, для избрания на выборах руководителя территориального органа местной администрации потребуются принятие регионального закона о включении его в перечень лиц,

замещающих муниципальные должности (ч. 2 ст. 25, ч. 1 ст. 44 Закона № 33-ФЗ).

Литература

1. Баженова О.И. Тезисы выступления на заседании Комитета по региональной политике и местному самоуправлению Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2025. URL: http://komitet-regpol.duma.gov.ru/storage/41e-caa36-6568-49eb-bc12-565a07f9d175/documents/6.%20%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B%20%D0%91%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%9E%D0%98.pdf (дата обращения: 19.05.2025).
2. Всероссийской конференции по развитию представительных органов муниципальных образований и общественного самоуправления на региональном и местном уровнях с опорой на традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности. 2025. 11 апреля. URL: <http://komitet-regpol.duma.gov.ru/novosti/fc9e4746-8f9d-4c19-af56-1a6bdb8ef5a1> (дата обращения 19.05.2025).
3. Лахтина Т.А. Местное самоуправление как элемент публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 7. С. 16–20.
4. Шпак А.А. Будущее представительного органа и главы муниципального образования в свете принципов организации местного самоуправления в единой системе публичной власти // Вопросы экономики и права. 2022. № 1 (163). С. 54–57.

THE REPRESENTATIVE BODY OF A MUNICIPAL ENTITY IN THE LIGHT OF FEDERAL LAW NO. 33-FZ DATED 03/20/2025 “ON THE GENERAL PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY”: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Ivanov A.A.

Institute of Public Administration and Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the study of the designated topic is determined by the fact that on 06/19/2025 a new Federal Law on the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority comes into force. The law largely preserves the structure and content of the current Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003 “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”, which establishes significant innovations in the legal regulation of relations related to the formation, definition of the main functions and activities of representative bodies of local self-government.

These innovations should be considered as a further development of the provisions of the constitutional reform, aimed, in addition to solving other tasks, at providing regulatory support for the implementation of the concept of unified public authority.

Based on the analysis of the legislation of previous periods of the development of Russian legislation, which defines the basis for the legal regulation of relations on the formation and functioning of representative bodies of local self-government of previous periods and the innovations contained in Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003 “On the General Principles of the organization of local Self-Government in the Russian Federation”, the author formulates a number of conclusions regarding these innovations in the legisla-

tion on local government and proposals for further development of the regulatory framework in view of the, that these innovations do not solve many of the problems that have arisen, and some of them may exacerbate them.

Keywords: representative body; municipal entity; local government system; public authority; law; deputies; population.

References

1. Bazhenova O.I. Theses of the speech at the meeting of the Committee on Regional Policy and Local Self-Government of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2025. URL: http://komitet-regpol.duma.gov.ru/storage/41ecaa36-6568-49eb-bc12-565a07f9d175/documents/6.%20%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B%20%D0%91%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%B-D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%9E%D0%98.pdf (date of access: 19.05.2025).
2. All-Russian Conference on the Development of Representative Bodies of Municipalities and Public Self-Government at the Regional and Local Levels Based on Traditional Russian Spiritual, Moral, Cultural and Historical Values. 2025. April 11. URL: <http://komitet-regpol.duma.gov.ru/novosti/fc9e4746-8f9d-4c19-af56-1a6bdb8ef5a1> (accessed on May 19, 2025).
3. Lakhtina T.A. Local Self-Government as an Element of Public Authority // State Authority and Local Self-Government. 2015. No. 7. pp. 16–20.
4. Shpak A.A. The Future of the Representative Body and the Head of the Municipality in Light of the Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority // Issues of Economics and Law. 2022. No. 1 (163). P. 54–57.

Муниципальное стратегическое планирование в условиях конституционализации принципа единства публичной власти

Иордан Татьяна Андреевна,

аспирант кафедры теории права, конституционного и административного права, Институт экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: iordan-ta@yandex.ru

Статья посвящена исследованию муниципального стратегического планирования в контексте конституционных изменений 2020 года, закрепивших принцип единства публичной власти. Целью работы является обоснование необходимости введения в правовую доктрину и законодательство термина «муниципальное стратегическое планирование». Методология исследования включает анализ конституционно-правовых норм, судебной практики Конституционного Суда РФ и эмпирический анализ стратегий развития Барнаула и Ульяновска. Результаты показывают, что принцип единства публичной власти не ограничивает автономию муниципалитетов в определении приоритетов развития. Область применения результатов – совершенствование законодательства о стратегическом планировании и муниципальная управленческая практика. Новизна заключается в концептуализации муниципального стратегического планирования как самостоятельного правового института. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления предложенного термина для повышения согласованности стратегических документов различных уровней власти при сохранении муниципальной специфики.

Ключевые слова: единство публичной власти, муниципальное стратегическое планирование, местное самоуправление, конституционные поправки, стратегия социально-экономического развития, муниципальная автономия, правовая гибкость, территориальное развитие.

Введение

Динамичное развитие управленческих практик и стратегического планирования в 2020 г. побудило федерального законодателя существенно скорректировать российское законодательство. Потребность в его совершенствовании получила нормативное оформление в Федеральном конституционном законе от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О поправке к Конституции Российской Федерации» [1].

Поправками, одобренными общероссийским голосованием, в ч. 2 ст. 80 и ч. 3 ст. 132 Конституции закреплена институциональная модель единой системы публичной власти. Предполагается, что согласованная работа органов государственной власти и местного самоуправления будет содействовать укреплению государственных институтов и комплексному обеспечению национальной безопасности.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что принцип единства публичной власти, хотя не назван прямо в главе 1 Конституции, логически выводится из её базовых положений. К ним относятся: преамбула, провозглашающая общность исторической судьбы многонационального народа России, необходимость сохранения сложившегося единства государства и восстановления российской государственности; статья 1, определяющая Россию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; части 1 и 2 статьи 3 и часть 1 статьи 4, согласно которым многонациональный народ является единственным носителем суверенитета и источником власти, осуществляющим её непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления. Указанные нормы коррелируют с пунктом «н» части 1 статьи 72, устанавливающим федеральные основы организации государственной власти и местного самоуправления.

Понятие единой системы публичной власти производно от категорий государственности и государства. Органы местного самоуправления, согласно статье 12, формально находятся вне системы органов государственной власти, но входят в единую систему публичной власти [2].

Заключение Конституционного Суда Российской Федерации сформулировало судебную доктрину, закрепив единство публичной власти как новый конституционно-правовой принцип. Эту категорию следует рассматривать в двух взаимосвязанных измерениях: (1) как государственно-правовой институт – единая система публичной

власти; (2) как принцип конституционного и муниципального права – единство этой системы.

Функциональное значение принципа проявляется в признании человека, его прав и свобод высшей ценностью: именно они определяют содержание и применение законодательства, а также деятельность законодательных, исполнительных и муниципальных органов (ст. 2, 18 Конституции РФ). Реализация принципа требует скоординированной работы всех уровней публичной власти как единого механизма в интересах граждан.

Указанные органы обязаны обеспечивать условия, гарантирующие стабильное и всестороннее социально-экономическое развитие региона. Это достаточное основание для участия государственных структур в нормативном закреплении механизма формирования местного самоуправления, а также для привлечения избранных представителей сообщества и учёта их позиции при назначении высшего должностного лица субъекта Федерации, возглавляющего исполнительный орган государственной власти. Эти подходы отражены в правовых позициях, изложенных в постановлениях от 24 декабря 2012 г. № 32-П [3] и от 1 декабря 2015 г. № 30-П [4].

Местное самоуправление представляет собой коллективную форму реализации населением права на решение вопросов местного значения и одновременно выражает публичную власть местного сообщества. Его органы встроены в единую институциональную систему, обеспечивающую выполнение функций демократического правового социального государства на данной территории. Деятельность органов местного самоуправления ведётся во взаимодействии как с федеральными, так и, прежде всего, с региональными органами власти, что обусловлено тесной взаимосвязанностью публичных функций, осуществляемых на этих уровнях.

Конституционное признание самостоятельности местного самоуправления (ч. 1 ст. 130 Конституции РФ) не препятствует конструктивному сотрудничеству муниципальных и государственных органов, основанному на уважении этой самостоятельности. Напротив, такое сотрудничество направлено на эффективное решение общих задач, связанных с местными вопросами, в интересах населения. Муниципальные органы могут участвовать и в реализации публичных функций государственного масштаба – как посредством наделения их отдельными государственными полномочиями (ч. 2 ст. 132 Конституции РФ), так и в иных формах, что подтверждено Постановлением Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П [5].

Концепция единства публичной власти означает прежде всего функциональную целостность, допускающую взаимодействие органов государства и местного самоуправления при решении территориальных задач. Это не ограничивает самостоятельность муниципалитетов и, согласно ст. 12 Конституции РФ, не включает их в систему государственных органов.

Муниципальное стратегическое планирование должно быть достаточно гибким, чтобы одновременно удовлетворять запросы населения и требования федеральной политики, сохраняя экономическую специфику и историко-культурную идентичность территорий.

Результаты и обсуждение

Ключевым инструментом целеполагания выступает стратегия социально-экономического развития. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6] предоставляет муниципалитетам значительную автономию в её разработке и формулировании целей и задач. Органы местного самоуправления самостоятельно определяют порядок подготовки, содержание и контроль документов стратегического планирования, поэтому стратегии разных муниципальных образований заметно различаются.

В подтверждение последнего тезиса рассмотрим стратегию социально-экономического развития Барнаула.

Барнаул – административный центр Алтайского края (321 км², 632 тыс. чел.). Долгосрочная программа «Стратегия социально-экономического развития города Барнаула до 2025 г.» [7] реализуется второй год: уже выросли налоговые поступления от малого и среднего бизнеса, предприятий пищевой промышленности и торговли.

Стратегия преследует две цели – ускоренное экономическое развитие и повышение образовательного уровня населения; приоритетные направления: пищевая промышленность, МСП, туризм и торговля.

Построены три детсада на 920 мест и открыто 17 школ для инклюзивного обучения. В пищевой отрасли применяются меры импортозамещения. Туризм развивается через новые маршруты и реставрацию объектов кластера «Барнаул – горнозаводской город». Торговля расширяется: вводятся современные площади, подключены к интернету 40 ТРК и бизнес-центров. Результаты подтверждают обоснованность выбранных приоритетов.

Опыт Барнаула показывает, что комплексная поддержка МСП является ключевым фактором роста. Организация туристических маршрутов и реставрация исторической застройки повышают туристическую привлекательность. Торговая активность усиливается благодаря современным торговым площадям с высокоскоростным интернетом.

Ульяновск определил три приоритета: повышение качества жизни, рост конкурентоспособности экономики и повышение ресурсоэффективности [8]. Стратегия до 2030 г. сосредоточена на интеграции в экономическое пространство, модернизации транспорта и обеспечении доступного жилья.

Создана система промышленных парков с полным сопровождением инвесторов. Транспортная инфраструктура развивается через ГЧП, включая строительство дорог, электронный проездной

и ограничение движения транспорта класса ниже «Евро-2». Для доступности жилья муниципалитет формирует техусловия, оплачивает подключение к сетям и выводит участки на торги с готовой документацией.

За два года Ульяновск увеличил доходы бюджета в 2,1 раза, обеспеченность жильём достигла 23,8 м² на человека. Развитие индустриальных парков стимулирует экономический рост, ГЧП в дорожном строительстве повышает удовлетворённость транспортной системой.

Заключение

Принцип единства публичной власти интегрирован в муниципальное управление при сохранении правовой пластичности для реализации дискреционных полномочий. Исполняя федеральные и региональные программы, муниципалитеты вправе самостоятельно задавать ориентиры развития через собственные стратегические документы, что подчёркивает автономию муниципального уровня.

Как отмечают Липинский Д.А. и Иванов А.А. [8, с. 13], стратегическое планирование служит инструментом управления перспективным развитием в динамично меняющейся среде. Эффективность правовых инструментов определяется сочетанием материально-правовых и процессуальных факторов и подлежит регулярной актуализации.

Нормативное определение стратегического документа муниципалитета не содержит характеристик адаптивности и игнорирует географическую и историко-культурную специфику. Предлагается ввести термин «муниципальное стратегическое планирование» – процесс определения долгосрочных целей развития муниципального образования с учётом географических, экономических и историко-культурных особенностей.

Поправки к ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» не умаляют самостоятельности местного самоуправления, что подтверждает ст. 12 Конституции РФ. Институционализация муниципального стратегического планирования позволит удовлетворить запросы общества и требования федеральной политики, сохраняя историко-культурную ценность территории.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта. № 55.
2. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 23 марта. № 12. Ст. 1855.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2012. 31 декабря. № 53 (Ч. 2). Ст. 8062.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. 14 декабря. № 50. Ст. 7226.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2018 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита»» // Собрание законодательства РФ. 2018. 30 июля. № 31. Ст. 5063.
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. № 146.
7. Стратегия социально-экономического развития города Барнаула до 2025 года. URL: <https://barnaul.org/upload/medialibrary/ef9/pril234.doc> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Стратегия социально-экономического развития города Ульяновска до 2030 года. URL: http://ulmeria.ru/sites/default/files/unsorted/2021/06/04/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_0.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
9. Липинский Д.А., Иванов А.А. Юридическая аноμία как фактор неопределённости целей социального развития // Вестник Пермского

MUNICIPAL STRATEGIC PLANNING IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONALIZATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF PUBLIC AUTHORITY

Iordan T.A.

National Research Technical University

The research is devoted to the study of municipal strategic planning in the context of the 2020 constitutional amendments that established the principle of unity of public authority. The objective is to substantiate the need to introduce the term “municipal strategic planning” into legal doctrine and legislation. The methodology includes analysis of constitutional legal norms, judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, and empirical analysis of development strategies of Barnaul and Ulyanovsk. Results show that the principle of unity of public authority does not limit municipal autonomy in determining development priorities. The application area includes improvement of strategic planning legislation and municipal management practice. The novelty lies in conceptualizing municipal strategic planning as an independent legal institution. The conclusion emphasizes the need for legislative consolidation of the proposed term to enhance coordination of strategic documents at various government levels while preserving municipal specificity.

Keywords: unity of public authority, municipal strategic planning, local self-government, constitutional amendments, socio-economic development strategy, municipal autonomy, legal flexibility, territorial development.

References

1. Federal Constitutional Law of 14.03.2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority” // Rossiyskaya Gazeta. 2020. March 16. No. 55.
2. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.03.2020 No. 1-Z “On compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation ‘On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority’ that have not entered into force, as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for entry into force of Article 1 of

this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. March 23. No. 12. Art. 1855.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.12.2012 No. 32-P “On the case of verification of constitutionality of certain provisions of federal laws ‘On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation’ and ‘On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in referendum of citizens of the Russian Federation’ in connection with the request of a group of deputies of the State Duma” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. December 31. No. 53 (Part 2). Art. 8062.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.2015 No. 30-P “On the case of verification of constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, parts 2 and 3.1 of Article 36 of the Federal Law ‘On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation’ and part 1.1 of Article 3 of the Law of Irkutsk Region ‘On certain issues of formation of local self-government bodies of municipal formations of Irkutsk Region’ in connection with the request of a group of deputies of the State Duma” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. December 14. No. 50. Art. 7226.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2018 No. 33-P “On the case of verification of constitutionality of paragraph 3 of Article 242 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the municipal formation – urban district ‘City of Chita’” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. July 30. No. 31. Art. 5063.
6. Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ “On strategic planning in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2014. July 3. No. 146.
7. Strategy of socio-economic development of the city of Barnaul until 2025. URL: <https://barnaul.org/upload/medialibrary/ef9/pril234.doc> (accessed: 20.02.2022).
8. Strategy of socio-economic development of the city of Ulyanovsk until 2030. URL: http://ulmeria.ru/sites/default/files/unsorted/2021/06/04/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%B-D%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_0.pdf (accessed: 20.02.2022).
9. Lipinsky D.A., Ivanov A.A. Legal anomie as a factor of uncertainty of social development goals // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. No. 1 (63). P. 12–13.

Права человека в информационном обществе как выражение идей конституционализма

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Панкратов Евгений Владимирович,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: daria1viktorovna@gmail.ru

В статье авторами проводится научный анализ, связанный с особенностями развития прав человека в информационном обществе как выражение идей конституционализма, этот процесс позволяет стать фундаментом для повышения уровня конституционной культуры граждан, когда благодаря развитию и внедрению в социуме идей прав человека в правосознании граждан формируется образ конституционного государства, строящегося на действующих конституционных нормах и принципах, ценностях и представлениях о себе как о гражданах, обладающими объективными правами, соблюдение которых является высшим смыслом деятельности государства и информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, конституционализм, конституционная культура, конституция, конституционные ценности, граждане, права человека.

Под информационным обществом понимается социум, где социокультурные процессы, трансформируются из индустриального общества в общество информационное. Ввиду эффективности промышленного производства, достижений человечества в сфере науки, культуры, интеллектуальной и информационной деятельности признаками информационного общества является большая доля интеллектуального труда, массовое распространение информации, качественное изменение науки и творчества, распространение средств массовой коммуникации, возросшая их роль.

Основой достижений информационного общества является распространение идеи о необходимости компьютерной грамотности, а также активная поддержка сферы развития цифровых технологий со стороны государства. Для такого типа общества характерным является огромное влияние, которое оказывают достижения в сфере информации и знания на формирование стандартов жизни, условий труда и отдыха, а также развитие системы рыночных отношений. Это обуславливает также и постоянно растущую значимость таких качеств, как уровень образования и профессионализма, а также креативность и общая способность индивида к обучению [4, с.7–8].

Наибольшее развитие при этом получают так называемые «высокие технологии», создание которых требует высокого уровня научной мысли и внедрения новейших достижений прогресса в производственные процессы.

Основные особенности, присущие информационному обществу, существенно усложняют его структуру за счет ее дополнения новыми элементами, влияние которых приводит к постепенному разрушению традиционных устоев и обуславливает потребность в создании новых социальных институтов.

В эпоху информационного общества особенно остро встают вопросы, связанные с правами человека и конституционными ценностями.

Все права человека могут быть разделены на естественные, происхождение которых прослеживается в самой природе человека и осознаваемые в ходе рационального познания действительности, а также гуманистические, источником которых являются философские рассуждения различных ученых, которые осмысливают позитивации правовых притязаний в условиях современного им государственного устройства, например, «достоинство человека», и государственно-властные, привнесенные государственной властью, в целях оптимизации системы государственного управления и реализуемые ею дополнительно к естественным и гуманитарным, например, «единение нации».

В.И. Крусс справедливо считает, что с учетом того факта, что действующая российская Конституция является документом высшей юридической силы и прямого действия, закрепляющим важнейшие права и свободы человека, категория «конституционные ценности» должна занять свое место в механизме конституционно-правового регулирования социальной жизни [3, с.191].

В его представлении ценностно-идентифицирующим значением обладает абсолютное большинство положений, получивших закрепление в первой и второй главах Конституции РФ, а также отдельные нормы, которые содержатся в иных главах. Особое внимание исследователь при этом уделяет ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая устанавливает случаи, когда ограничение прав и свобод человека и гражданина является допустимым. По его мнению перечисленные в статье объекты конституционной защиты являются конституционными ценностями [3, с.192–193].

Мы полагаем, что под правами человека следует считать социальные ценности, вытекающие из самой природы вещей, признаваемые и способствующие гармоничному развитию личности, общества и государства. Они составляют ценностную основу регулирования общественных отношений, защищаемы Конституцией, которая является их гарантом, и определяют социальное и государственно-правовое развитие социума.

Права человека проистекают из общечеловеческих ценностей, то есть универсальных социальных ценностях, признаваемых всеми людьми.

В начале самого текста Конституции Российской Федерации уже в ст. 2 говорится о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1].

В эпоху информационного общества важной конституционной ценностью становится свобода доступа и выбора информации человеком.

Стремительное развитие цифровых и компьютерных технологий, привело к совершенствованию механизмов социальной коммуникации. Современные информационные технологии участвуют в формировании новых ценностных регуляторов, в том числе правовых и конституционных, основополагающих смысложизненных ориентиров человека. В обществе на основе информационной киберкультуры происходит переоценка традиционных ценностей, вследствие чего зарождаются новые виртуальные ценности, предстающие в виде ценностей социальной реальности, экстраполированных в виртуальную реальность, где они трансформируются либо интерпретируют виртуальное событие как ценность [2, с.48–49].

Все перечисленное вытекает из постулатов идей конституционализма, под которым понимается воплощение конституционной культуры в конкретном конституционно-правовом регулировании общественных отношений, виде совокупности идей, обеспечивающих связь между социальными ценностями, правовыми моделями их реализации и нормативными практиками их воспроизводства.

Под современным конституционализмом обычно понимают правление, в основе которого лежит верховенство конституции в правовой системе страны. При этом конституционализм предъявляет требования к содержанию самой Конституции, которая должна включать принципы, позволяющие четко определить пределы осуществления государственной власти. Именно в этом состоит основная ценность конституции, которая основывается на конституционализме.

К числу основополагающих положений конституционализма относятся верховенство Конституции, регулирование отраженными в ней положениями основных характерных черт государственного строя и политического режима.

Ключевая цель конституционализма кроется в обеспечении стабильности и последовательности общественного развития социума, укрепления законности, правопорядка, нравственности, преодолении социальных антагонизмов.

В целом появление идей конституционализма связано с сохранением и утверждением прежде всего прав человека, составляющих базу конституционной культуры конкретного социума.

Как представляется, конституционализм представляет собой некую идеальную модель, доктрину, которые вбирают в себя идеи о том, каким должно быть конституционное государство, каким образом могут быть оформлены конституционные идеи, закрепляющие их нормы. Конституционализм воплощает определенную аксиологическую систему убеждений, представлений, конституционного правосознания.

В целом, именно конституционализм выступает как совокупность идей правового регулирования общественных отношений с целью недопущения ограничений прав и свобод человека со стороны государственной власти.

Именно идеи конституционализма создают прогресс развития государства и гражданского общества и служат надежной охраной в процессе соблюдения прав человека в современном информационном обществе.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.05.2025).
2. Котова С.А. Новые ценности постиндустриального общества // Вестник Прикамского социального института. 2015. № 4(72). С. 48–49
3. Крусс В.И. Теория конституционного правоупользования. М., 2007. С. 191.
4. Ранчина Н.А. Индустриальный и постиндустриальный период развития общества // Проблемы экономики и менеджмента. № 10(38). 2014. С. 7–8.

HUMAN RIGHTS IN THE INFORMATION SOCIETY AS AN EXPRESSION OF THE IDEAS OF CONSTITUTIONALISM

Kalendarishvili Z.N., Pankratov E.V.

St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities

In the article, the authors carry out a scientific analysis related to the peculiarities of the development of human rights in the information society as an expression of the ideas of constitutionalism, this process makes it possible to become the foundation for raising the level of constitutional culture of citizens, when, thanks to the development and implementation of human rights ideas in society, the image of a constitutional state based on existing constitutional norms and principles, values is formed in the legal consciousness of citizens and self-image as citizens with objective rights, the observance of which is the highest meaning of the activities of the state and the information society.

Keywords: information society, constitutionalism, constitutional culture, constitution, constitutional values, citizens, human rights.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993, as amended, approved during the general discussion. voting on 07/01/2020). URL: https://www.constituant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of access: 05/10/2025).
2. Kotova S.A. New values of post-industrial society // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2015. No. 4(72). pp. 48–49
3. Kruss V.I. Theory of constitutional law enforcement. Moscow, 2007. p. 191.
4. Ranchina N.A. Industrial and post-industrial period of society development // Problems of economics and management. No. 10(38). 2014. pp. 7–8.

Калинникова Людмила Сергеевна,
аспирант, Российская таможенная академия
E-mail: Lusiacoool.79@mail.ru

В данной статье подробно рассматриваются ключевые понятия, включая «таможенную стоимость» (далее – ТС), «таможенный надзор» (далее – ТН) и непосредственно «контроль таможенной стоимости» (далее – КТС). Изучаются экономические и юридические аспекты ТС. Освещены роли, выполняемые КТС, и подробно описаны методы проверки ТС. Кроме вышеуказанного, даются предложения по повышению эффективности КТС.

Исследование сосредоточено на изучении механизмов КТС, используемых при установлении и подтверждении заявленной ТС импортируемых товаров, что выступает предметом исследования.

Целью данной статьи является анализ КТС как особой формы таможенного надзора.

Методология исследования – обзор, анализ и синтез научных источников и НПА по теме исследования.

Новизна исследования заключается в выведении понятия ТС как экономико-юридической категории таможенного права, а также в исследовании возможностей цифровизации процессов таможенного контроля таможенной стоимости в целях их автоматизации.

Ключевые слова: таможенная стоимость, контроль таможенной стоимости, цифровая трансформация таможенного контроля.

Результаты исследования

Международная торговля, как распространенная форма внешнеторговой деятельности, охватывает перемещение товаров через границы разных стран и экономических союзов. Оно тщательно отслеживается таможенными органами (далее – ТО), которые отвечают за:

- обеспечение финансовой стабильности страны;
- предотвращение несанкционированного ввоза товаров на таможенную территорию страны;
- гарантирование репатриации выручки от экспорта;
- обеспечение соблюдения ограничений и запретов на перемещение товаров и пр.

Эти обязанности отражают контрольную функцию ТО. Кроме того, ТО выполняют фискальную роль, достаточно, на наш взгляд, важную, поскольку таможенные пошлины вносят существенный вклад в национальный бюджет, составляя 30–35% от общего объема доходов [7, с. 42].

Важнейшим образом эти две функции взаимосвязаны. Контролируя перемещение товаров через границы, таможенные органы гарантируют полный сбор таможенных пошлин на основе точной и объективной стоимости товаров.

О.А. Петко определяет ТС как ключевой компонент таможенного регулирования в рамках деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [6, с. 82]. Эта важность обусловлена тем, что ТС служит основой для расчета корректного размера таможенных платежей, требуемых от участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) при перемещении товаров через национальные границы.

С точки зрения права, таможенная стоимость выступает фундаментом для формирования решений, принятия соответствующих мер и разработки нормативных документов государственными структурами. Особенно ярко это проявляется при анализе категории корректировки таможенной стоимости, рассматриваемой как отдельное направление в системе таможенного контроля, компонент механизмов финансового надзора, а также инструмент администрирования поступлений в бюджет от таможенных операций. Эта категория занимает центральное место в структуре государственного регулирования перемещения товаров через границу.

Традиционное понимание таможенной стоимости как ключевой базы для таможенно-тарифной политики придаёт её определению особую значимость, поскольку от корректности установления

этого параметра зависит эффективное соблюдение мер по ограничениям и запретам. С экономической стороны, суть таможенной стоимости непосредственно связана с согласованной ценой и формируется на основе обязательных нормативных критериев, предъявляемых к трансграничному передвижению товаров. Весь комплекс процессов, охватывающих определение, установление, декларирование, проверку, корректировку и ведение учета таможенной стоимости [1, с. 11], приобретает исключительную значимость для эффективного функционирования таможенной системы.

Некоторые из этих процессов инициируются негосударственными субъектами (международными торговыми предприятиями), в то время как другие управляются таможенными органами.

С точки зрения права, таможенная стоимость относится к категории публично-правовых институтов, обладая статусом объекта регулирования со стороны государства. С экономической позиции она служит фундаментом для начисления налоговых и таможенных платежей.

На основании вышеуказанного мы можем заключить, что ТС выступает в качестве экономико-юридической категории.

Статья 2 ТК ЕАЭС определяет таможенный контроль как «комплекс мер, осуществляемых ТО для проверки и/или обеспечения соблюдения международных договоров, нормативных правовых актов по таможенному делу и таможенного законодательства государств – членов ЕАЭС».

КТС является важнейшим аспектом общей структуры таможенного контроля. Он имеет первостепенное значение для ТО при выполнении ими своих обязанностей: проверка правильности таможенной оценки обеспечивает полный и эффективный сбор таможенных пошлин, одновременно осуществляя надзор за соблюдением запретов и ограничений, соблюдением правил, направленных на защиту внутреннего рынка, и предотвращением искусственного занижения ТС.

В данной статье подчеркивается важность изучения процесса системы КТС, учитывая ее существенный вклад в эффективное исполнение фискальных обязанностей ТО. Система КТС облегчает выявление и разрешение случаев, связанных с неточным определением ТС. Таможенный кодекс ЕАЭС [9], а также решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) регулируют все вопросы, связанные с расчетом ТС и исполнением КТС.

В процессе контроля таможенной стоимости выделяются различные категории цен, среди которых можно отметить оценочную, фиктивную (произвольную), а также непосредственную таможенную стоимость [9]. Официальная доктрина предусматривает дальнейшее разграничение последней на ряд видов: стоимость импортируемых и экспортируемых товаров, стоимость оцениваемых групп, показатели идентичных или однородных товаров, а также стоимость, увеличенную за счет операций по обработке или переработке.

Нормативные акты добавляют и такое понятие, как размер таможенной стоимости: различие проводится между предварительно определёнными и окончательными суммами стоимости по конкретным партиям товаров. В ходе таможенного декларирования органы контроля осуществляют проверку обоснованности и точности определения, а равно декларирования таможенной стоимости. Данный процесс включает выбор соответствующего метода определения стоимости, анализ структуры, объема и обязательную проверку документального сопровождения сведений о цене товаров [11, р. 100]. При этом орган вправе истребовать у декларанта объяснения относительно факторов или причин, оказавших влияние на формирование стоимости конкретной продукции.

Значительное место в системе предоставляемых услуг занимает предварительное решение о выборе способа определения таможенной стоимости импортируемых товаров (см. пункт 19 статьи 38 ТК ЕАЭС; статья 25 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]). Указанная услуга была внедрена именно с принятием ТК ЕАЭС в качестве ожидаемого механизма снижения числа спорных ситуаций между представителями бизнеса и органами контроля. Такой сервис обоснованно может рассматриваться с точки зрения обеспечения правовой защищённости участников внешней торговли, ведь он призван сокращать необходимость избыточного административного вмешательства.

При этом специфика процедур контроля таможенной стоимости заключается в их поэтапном осуществлении, охватывающем не только начальную проверку, но и последующий таможенный надзор после выпуска товара. Применительно к указанным мероприятиям регулирование строится на общих принципах правового урегулирования таможенной деятельности, хотя отдельные аспекты контроля стоимости подлежат самостоятельному исследованию [1, с. 13].

Статья 313 ТК ЕАЭС устанавливает, что ТО при осуществлении КТС проверяют правильность ее расчета и декларирования в рамках трех ключевых направлений: обоснованность конкретно выбранного метода оценки, точность величины и структуры ТС, наличие подтверждающей документации, отражающей заявленную ТС [7, с. 45].

Эти аспекты КТС взаимосвязаны. Однако проверка наличия документальных подтверждений находится в приоритете, поскольку ТК ЕАЭС требует, чтобы ТС основывалась на документально подтвержденных сведениях (п. 10, ст. 38).

Кроме того, использование наиболее распространенного метода оценки – по цене сделки с импортируемыми товарами – зависит именно от наличия такой документации (п. 3, ст. 40). Соответственно, ТО в первую очередь рассматривают до-

кументы, представленные заявителем в ходе декларирования.

В современных условиях, формирование действенных инструментов таможенного контроля необходимо рассматривать как существенный элемент успешной социально-экономической политики региона, особенно на фоне постоянно трансформирующейся системы внешних ограничений. Как правильно подчёркивают В.В. Коварда, В.Н. Харланов и Ю.И. Реутова, устойчивое развитие национальных экономик сегодня невозможно в изоляции от процессов глобализации. Растущее взаимодействие между различными участниками международного рынка, будь то государственные структуры или негосударственные организации, становится объективной реальностью, формируемой тенденцией к интеграции и направленной на совершенствование экономических процессов и увеличение их результативности [3].

Позиция Р.А. Лаптева и Р.А. Рогова о системообразующей роли таможенных структур в обеспечении экономической защищённости государства заслуживает полной поддержки; специфика таможенного администрирования придаёт ключевое значение этим институтам в вопросах национальной безопасности [4].

Вектор развития процедур таможенного контроля в Российской Федерации выстраивается с учётом современных международных практик и достижений. Так, ссылаясь на заместителя главы Федеральной таможенной службы В.В. Ивина, в числе ведущих мировых тенденций сегодня называют активное внедрение инновационных информационных средств, цифровых коммуникаций, расширение использования технологии «единого окна», системы интеллектуального анализа изображений для контроля и надзора, а также средств отслеживания перемещаемых товаров [10].

По сути, традиционные таможенные операции переходят в электронный формат. Одновременно ТО повышают свой вклад в укрепление национальной безопасности, борьбу с трансграничной преступностью, незаконной финансовой деятельностью и распространением терроризма.

Цифровизация таможенных процедур является предметом пристального внимания как ученых, так и специалистов в области таможенного администрирования. Р.В. Давыдов подчеркивает, что стремительное развитие цифровых технологий позволяет ТО внедрять современные методы обработки больших данных и технологии с использованием искусственного интеллекта [2].

В настоящее время одной из ключевых тенденций в международной практике таможенного регулирования становится всесторонняя цифровизация бизнес-процессов. Значительное внимание уделяется внедрению новых информационно-коммуникационных решений, которые используются для ускорения и автоматизации процедур, радикального пересмотра базовых механизмов управления на базе концепции единого окна, а так-

же для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. Эти вопросы занимают важное место в аналитике Всемирного банка, а также в стратегических документах таможенных администраций Европейского союза, Японии и других государств [8, с. 52].

Дальнейшее развитие форм таможенного контроля на современном этапе связано, прежде всего, с созданием и обновлением цифровых платформ для обработки документов, их интеграцией в комплексные ИТ-решения, обеспечивающие взаимодействие между всеми структурами, вовлечёнными в торгово-логистические процессы [2]. Экспертное сообщество сходится во мнении, что эффективное совершенствование процедур невозможно без системного внедрения инновационных цифровых инструментов – такие подходы не только повышают качество исполнения контрольных функций, но и значительно снижают административную нагрузку, связанную с экспортно-импортными процедурами.

В современную эпоху цифровых преобразований особое значение приобретают аналитические и автоматизированные средства, способствующие оптимизации контроля таможенной стоимости. Использование подобных технологий позволяет ускоренно выявлять и анализировать риски, возникающие при недостоверном декларировании стоимости товаров, и применять адресные меры реагирования. Дополнительно, алгоритмы машинного обучения и методы анализа больших массивов данных оказываются эффективными для выявления типовых паттернов и единичных отклонений в массиве информации о трансграничных операциях, что увеличивает точность определения фактической стоимости в таможенных целях.

Вместе с тем, цифровизация таможенных процедур требует совершенствования нормативно-правовой базы и разработки новых методик контроля, учитывающих специфику электронного документооборота и особенности трансграничной торговли в цифровой среде. Необходимо также обеспечить взаимодействие между различными информационными системами и базами данных, используемыми таможенными органами и участниками ВЭД, для повышения прозрачности и эффективности таможенного контроля.

Эффективная модернизация контроля таможенной стоимости требует системного подхода к профессиональному развитию работников таможенных структур, а также подготовки экспертов с междисциплинарными компетенциями в законодательстве, экономическом анализе, бухгалтерском учёте и современных цифровых технологиях. Неотъемлемой частью такого процесса становится выстраивание тесного взаимодействия на международном уровне: обмен знаниями и лучшими методиками с представителями иностранных таможенных администраций способствует формированию общих стандартов и совершенствованию практических инструментов контроля.

Выводы

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод, что ТС может быть охарактеризована как экономическая и юридическая конструкция. Более того, ни экономический, ни юридический аспект ТС не преобладают над другим. Несомненно, ТС соответствует общему определению стоимости как основного экономического элемента. Ее экономический характер очевиден и в том, как она устанавливается, рассчитывается и регистрируется. В отличие от показателей себестоимости либо договорной стоимости, таможенная стоимость направлена на реализацию широкого спектра общественно значимых задач, отражая и защищая интересы не только отдельных хозяйствующих субъектов и конечных потребителей, но также органов государственной власти и всей экономической системы страны. Следовательно, ее декларирование и КТС являются юридически значимыми действиями и решениями, часто включающими административные акты. Мониторинг ТС считается важнейшим элементом таможенного контроля, аспектом финансового надзора и жизненно важным инструментом для обеспечения экономической стабильности.

В нынешнем состоянии экономической глобализации и цифровизации совершенствование системы КТС приобретает повышенное значение. Это требует комплексной стратегии, которая включает в себя совершенствование нормативных структур, внедрение передовых информационных технологий и повышение компетентности таможенного персонала посредством повышения квалификации. Эффективно функционирующая система КТС создает благоприятную среду для расширения международной торговли и повышения конкурентоспособности российской экономики.

Литература

1. Агамагомедова, С.А. Таможенная стоимость как экономико-правовая категория / С.А. Агамагомедова // На страже экономики. – 2024. – № 4(31). – С. 9–15.
2. Давыдов Р.В. Управление процессом модернизации таможенного администрирования в условиях развития евразийской интеграции и цифровой трансформации: дис. ... канд. гос. муниц. упр. наук. М., 2023. URL: <https://www.hse.ru/> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Коварда В. В., Харланова В.Н., Реутова Ю.И. Исследование влияния деятельности таможенных органов на формирование благоприятного предпринимательского климата в России // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/02ECVN219.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).
4. Лаптев Р. А., Рогов Р.А. Исследование роли таможенных органов в обеспечении внешнеэкономической безопасности России // Вестник Евразийской науки. 2019. № 4. URL: [\[today/PDF/52ECVN419.pdf\]\(https://esj.today/PDF/52ECVN419.pdf\) \(дата обращения: 21.03.2025\).](https://esj.</div><div data-bbox=)

5. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32, ч. I, ст. 5082.
6. Петко, О.А. Контроль таможенной стоимости товаров: актуальные проблемы / О.А. Петко // Форум молодых ученых. – 2023. – № 4(80). – С. 81–85.
7. Сидорова, Е.Ю. Практические вопросы применения системы контроля таможенной стоимости товаров / Е.Ю. Сидорова, В.Ю. Хусаинова // Управленческий учет. – 2023. – № 10. – С. 42–48.
8. Синявин, В.Ю. Совершенствование процедур таможенного контроля / В.Ю. Синявин, М.А. Долматов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2024. – № 2(50). – С. 50–62.
9. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: [http:// www.eaeunion.org/](http://www.eaeunion.org/) (дата обращения: 22.03.2025).
10. Федеральная таможенная служба: официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktualno/document/209039?ysclid=lpbhr5w-fe5834603769> (дата обращения: 22.03.2025).
11. Kharatyan, N.S. Customs Control of Customs Value and its Role in Customs / N.S. Kharatyan, A.G. Khachatryan // Регион и мир. – 2022. – Vol. 13, No. 4. – P. 99–102.

CUSTOMS VALUE CONTROL, AS A TYPE OF CUSTOMS CONTROL

Kalinnikova L.S.

Russian Customs Academy

This article examines in detail the key concepts, including «customs value» (hereinafter referred to as CV), «customs supervision» (hereinafter referred to as CS) and «customs value control» (hereinafter referred to as CVC). The economic and legal aspects of the CV are studied. The roles performed by the CVC are highlighted, and the methods of checking the CV are described in detail. In addition to the above, proposals are given to improve the efficiency of the CVC. The study focuses on the study of the CVC mechanisms used to establish and confirm the declared CV of imported goods, which is the subject of the study.

The purpose of this article is to analyze the CVC as a special form of customs supervision.

The research methodology is a review, analysis and synthesis of scientific sources and regulatory legal acts on the topic of the study. The novelty of the study lies in the derivation of the concept of the CV as an economic and legal category of customs law, as well as in the study of the possibilities of digitalization of customs control processes of customs value for the purpose of their automation.

Keywords: customs value, customs value control, digital transformation of customs control.

References

1. Agamagomedova, S.A. Customs value as an economic and legal category / S.A. Agamagomedova // On guard of the economy. – 2024. – No. 4 (31). – P. 9–15.

2. Davydov R.V. Managing the process of modernization of customs administration in the context of the development of Eurasian integration and digital transformation: dis. ... Cand. state municipal management sciences. Moscow, 2023. URL: <https://www.hse.ru/> (date of access: 21.03.2025).
3. Kovarda V. V., Kharlanova V.N., Reutova Yu.I. Study of the influence of customs authorities on the formation of a favorable business climate in Russia // Bulletin of Eurasian Science. 2019. No. 2. URL: <https://esj.today/PDF/02ECVN219.pdf> (date of access: 22.03.2025).
4. Laptev R. A., Rogov R.A. Study of the role of customs authorities in ensuring Russia's foreign economic security // Bulletin of Eurasian Science. 2019. No. 4. URL: <https://esj.today/PDF/52ECVN419.pdf> (date of access: 21.03.2025).
5. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32, Part I, Art. 5082.
6. Petko, O.A. Control of customs value of goods: current problems / O.A. Petko // Forum of young scientists. – 2023. – No. 4 (80). – P. 81–85.
7. Sidorova, E. Yu. Practical issues of applying the system of control of customs value of goods / E. Yu. Sidorova, V. Yu. Khusainova // Management accounting. – 2023. – No. 10. – P. 42–48.
8. Sinyavin, V. Yu. Improving customs control procedures / V. Yu. Sinyavin, M.A. Dolmatov // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. – 2024. – No. 2 (50). – P. 50–62.
9. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). URL: <http://www.eaeunion.org/> (date of access: 22.03.2025).
10. Federal Customs Service: official website. URL: <https://customs.gov.ru/press/aktualno/document/209039?ysclid=lpbhr5w-fe5834603769> (date of access: 22.03.2025).
11. Kharatyan, N.S. Customs Control of Customs Value and its Role in Customs / N.S. Kharatyan, A.G. Khachatryan // Region and the World. – 2022. – Vol. 13, No. 4. – P. 99–102.

Недостаточность правового регулирования статуса блогеров-журналистов в Российской Федерации

Копейкина Найля Гумаровна,

соискатель кафедры «Журналистика», Российский исламский институт

E-mail: kop-5051688@mail.ru

Статья посвящена исследованию правового статуса блогеров, занимающихся журналистской деятельностью в России. Целью работы является выявление проблем юридического регулирования блогосферы и определение пробелов в законодательстве. Методология включает диалектический и сравнительно-правовой методы, дополненные социологическим анкетированием 220 респондентов. Результаты показали, что 100% опрошенных считают блогерскую деятельность неотъемлемой частью информационного пространства РФ и поддерживают её регулирование нормами трудового и налогового законодательства. Выявлено отсутствие чёткой правовой дефиниции блогера, неопределённость критериев обязательной регистрации и практическая неисполнимость отдельных требований. Область применения результатов охватывает законотворческую деятельность, практическую журналистику и органы социальной поддержки. Новизна заключается в комплексном анализе недостатков правового регулирования блогерства. Выводы указывают на необходимость разработки современного закона о СМИ, охватывающего все формы массовых коммуникаций, включая цифровые медиа и блогосферу.

Ключевые слова: блогеры; журналистская деятельность; правовой статус; медийное законодательство; цифровые медиа; информационное право; Роскомнадзор; социальные сети.

Введение

Современные средства массовой информации представляют собой сложную, динамически развивающуюся международную систему. Действующий Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [4] и иные нормативно-правовые акты, регулирующие медийную сферу, содержат многочисленные пробелы [6, 7], особенно в отношении глобальной цифровой коммуникационной среды. В российском праве отсутствует комплексный механизм регулирования сетевых медиа, которые всё заметнее влияют на общественно-политические процессы в мировом масштабе. Законотворческая деятельность не поспевает за трансформацией медиасферы, вследствие чего значительная и, вероятно, наиболее влиятельная часть журналистики остаётся недостаточно урегулированной.

Настоящее исследование направлено на выявление проблем правового статуса блогеров, осуществляющих журналистскую деятельность в Российской Федерации и пока находящихся вне сферы действующего законодательства.

Задачи исследования:

1. определить пробелы, затрагивающие юридический и общественный статус российских блогеров;
2. выявить недостаточность правовых механизмов защиты их прав и установления обязанностей;
3. проанализировать последствия указанных пробелов.

Объектом анализа выступают российские законодательные и подзаконные акты, регулирующие на практике отношения в коммуникационной сфере журналистской деятельности. Предмет исследования – практическое применение норм, обеспечивающих свободу выражения мнений и распространения информации, а также юридический статус блогосферы в Российской Федерации [8]. Методологическая основа включает общенаучные методы – диалектический и сравнительно-правовой, дополненные репрезентативным социологическим анкетированием респондентов. Теоретико-методологический фундамент построен на концепциях отечественных и зарубежных авторов [1]. При анализе нормативно-правовой базы системы «социум – медиа – журналисты» использованы труды В.А. Федотова [20] и С.Л. Давтяна [2]. Роль и функции медиа подробно освещаются в работах В.А. Федотова, А.Г. Рихтера [13], О.М. Роя [14], Р.А. Кудрявцевой, М.А. Кудрявцева [9], Н.К. Заики [3], Е.П. Прохорова [12] и др. Совокупный анализ показывает, что исследования юрисдикции журна-

листов концентрируются на их правах и обязанностях; значительная часть литературы посвящена актуальному управленческому потенциалу журналистской деятельности, что смещает исследовательский фокус на саму фигуру журналиста.

Настоящее исследование анализирует адекватность российского законодательства, регулирующего юридический статус журналистов, в том числе блогеров, занимающихся журналистской деятельностью. Эмпирической базой служат результаты анкетирования 220 респондентов, отражающие специфику функционирования блогосферы; это позволило выявить ключевые тенденции и проблемы, актуальные для отрасли. Полученные данные представляют прикладную ценность для журналистов-практиков, сотрудников органов социальной поддержки и законодателей; для последних они особенно важны, поскольку демонстрируют существенные пробелы нормативного регулирования.

Юридический статус медийных специалистов остаётся лишённым чётких дефиниций, не охватывает все измерения профессиональной активности и её особенности; подобная лакуна осложняет взаимодействие журналистики с правовой системой. В работе рассмотрены лишь отдельные аспекты, подтверждающие недостаточную регламентацию положения блогеров-журналистов в Российской Федерации. Сама дефиниция журналиста как лица, осуществляющего редакторскую деятельность или формирующего информационные материалы для редакций, трактуется по-разному из-за широкого распространения цифровых информационных платформ в современном медиaprостранстве Интернета.

Интернет является медийной средой, в которой функционируют инновационные форматы СМИ. Цифровые медиа вытесняют традиционные, поскольку их гипертекстуальные, мультимедийные и высокоскоростные свойства привлекают аудиторию и рекламодателей, что повышает экономический потенциал таких ресурсов и делает их наиболее влиятельными каналами информационного воздействия. Технологические особенности сети позволяют организовать систематическое вещание для массовой аудитории без специализированной инфраструктуры, поэтому практически любой пользователь может запустить собственную медиaplatformу. В результате пространство сети насыщено множеством информационных ресурсов, значительная часть которых работает без официального статуса СМИ. На этой основе активно развивается индивидуальная журналистская практика – блогинг, который рядом исследователей рассматривается как эволюционный этап профессии. Хотя многие блогеры распространяют социально значимую информацию и влияют на формирование общественного мнения, действующее законодательство не относит их к журналистам. В настоящее время правовое регулирование касается главным образом веб-ресурсов и их регистрации: согласно ст. 8 Федерального закона «О средствах

массовой информации», сайт в сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание [10].

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации (СМИ), СМИ не является. Правовой режим цифровых медиа в РФ определяется прежде всего Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В нём закреплены ключевые для сетевой журналистики понятия: «сайт», «страница сайта», «сетевой адрес», «доменное имя», «провайдер хостинга» и др. Статья 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации» обязывает владельцев блогов размещать достоверные сведения о собственнике ресурса либо ином лице, распространяющем информацию, в объёме, достаточном для его идентификации [19].

На раннем этапе развития Рунета блогерская деятельность формировалась вне государственного регулирования: блогером считался любой пользователь, систематически публиковавший общественно значимую фактическую или оценочную информацию и обладавший устойчивой аудиторией. Около двух десятилетий блогеры не приравнивались к СМИ и, следовательно, не подпадали под контроль Роскомнадзора; на них не распространялись установленные для традиционных медиа профессиональные, этические, моральные и политические ограничения.

В 2014 г. принят Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»...» [16]. Документ ввёл понятие представителя блогосферы, но чёткой юридической дефиниции блогера до сих пор нет.

Статья 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации» уточняет, что блогером считается владелец сайта либо страницы в сети Интернет, если к ним в течение суток обращаются более 3000 пользователей. Статья устанавливает порядок распространения таких сведений, а также права и обязанности их распространителя. Ключевое право блогера – «свободно искать, получать, передавать и распространять информацию любым способом» при соблюдении законодательства РФ; таким образом его статус фактически сближается со статусом журналиста, чья профессия связана со сбором, анализом и трансляцией информации массовой аудитории.

08.08.2024 г. принят Федеральный закон № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который уточнил регулирование коммуникационных и информационных услуг. Поправки затронули, в частности, Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе» [17].

Федеральный закон № 303-ФЗ обязывает блогеров с аудиторией свыше 10 000 пользователей регистрироваться в Роскомнадзоре. Однако закон не определяет критерии измерения аудитории (подписчики или просмотры), не уточняет применимость к корпоративным аккаунтам, что создаёт правовую неопределённость для блогеров и администраторов платформ.

Официально зарегистрированный в Роскомнадзоре блогер с аудиторией более 10 000 подписчиков обязан предотвращать размещение на своей странице сведений, ранее опубликованных у блогера, не включённого в специализированный реестр Роскомнадзора. Это требование (абз. 4 подп. «б» п. 2 ст. 3 Закона), вступающее в силу 1 января 2025 г., практически неисполнимо. Во-первых, оно вынуждает блогеров непрерывно отслеживать контент незарегистрированных авторов, чтобы выявить, не воспроизвели ли они тождественный материал. Во-вторых, необходимо постоянно проверять актуальный состав реестра. Размытые формулировки и отсутствие чётких критериев, определяющих обязанность регистрации, порождают множественные толкования и, как следствие, массовое несоблюдение нормы.

Недавние поправки затронули законодательство о связи, информационных технологиях, защите информации и рекламе, но не коснулись базового закона, регулирующего СМИ [14], – Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. № 2124–1.

Упущение представляется значимым, поскольку развитие современных информационно-коммуникационных технологий вызвало конвергенцию медиасистем: значительная часть традиционных СМИ изменила формат и переместила деятельность в интернет-пространство.

Распоряжением Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.03.2025 г. № 208-ст [11] в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) внесены дополнительные коды, регламентирующие работу субъектов рекламного рынка и сферы связей с общественностью. Для блогеров предусмотрены четыре кода, охватывающие основные направления их профессиональной активности. С 1 мая 2025 г. создатели контента, зарегистрированные в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), вправе указать эти коды и определить основным видом деятельности распространение информационных либо рекламных материалов в социальных медиа, включая блоги, видеохостинги и стриминговые сервисы, что институционально сближает блогерство с журналистикой.

Журналистика нормативно ориентирована на формирование общественного мнения и предоставление целостного знания о современных процессах, тогда как блогер, выбравший рекламные коды, может ограничиться коммерческим контен-

том, не затрагивая сферу общественно значимых сообщений.

Таким образом, блогерство в современной России является каналом творческой самореализации и официально признанной формой занятости; его восприятие как труда подтверждается данными эмпирических исследований.

Результаты и обсуждение

В опросе участвовали 220 респондентов; все показатели даны в процентах.

На первый вопрос – является ли информация блогеров неотъемлемой частью информационного пространства РФ – утвердительно ответили все (100%). Это подтверждает значимость блогерской активности для формирования единого общенационального информационного поля.

На второй вопрос о доле сведений, получаемых из интернета, 80,2% сообщили, что через онлайн-каналы получают в повседневной жизни 40–100% актуального контента, даже при наличии в выборке представителей старшего поколения.

Третий и четвёртый вопросы касались распространения норм Трудового кодекса и налогообложения доходов блогеров; все респонденты (100%) поддержали необходимость такого регулирования, признавая блогерство полноценной формой занятости.

Таким образом, российские респонденты воспринимают блогерскую деятельность как труд и считают необходимым её регулировать нормами трудового и налогового законодательства Российской Федерации [15, 18].

Выводы, полученные на основе опроса респондентов, таковы:

1. Блогерская деятельность в Российской Федерации занимает существенную роль в медиаструктуре страны.

2. Любое лицо, получающее доход от труда на территории РФ, включая блогеров, обязано соблюдать российское законодательство; его деятельность подпадает под действие Трудового кодекса РФ [15].

3. Доходы физических лиц от любой профессиональной активности на территории РФ подлежат налогообложению, следовательно, доходы блогеров должны облагаться налогами по Налоговому кодексу РФ.

В российской правовой системе пока нет специальных актов, прямо регулирующих налогообложение блогеров. Однако с 1 сентября 2022 г. Федеральный закон «О рекламе» (№ 38-ФЗ от 13.03.2006) [17] был дополнен ст. 18.1 «Реклама и социальная реклама в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», возложившей на блогеров обязанность раскрывать сведения о рекламной активности независимо от их статуса (рекламодатель или распространитель). Статья детализирует процедуру раскрытия информации, но финансовые вопросы остаются неурегулированными.

Два года спустя, 26 декабря 2024 г., вступила в силу ст. 18.2 «Обязательные отчисления за распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» того же закона, установившая для рекламодателей и распространителей обязанности перечислять определённые платежи в бюджет.

Распространители интернет-рекламы обязаны перечислять в федеральный бюджет отчисления с доходов от рекламы. Эти средства направляются на поддержку российского программного обеспечения и развитие информационных ресурсов [19], а также на обеспечение развития и устойчивого функционирования информационных ресурсов, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации.

С учётом экспоненциального роста объёмов интернет-рекламы можно прогнозировать существенное увеличение соответствующих поступлений, причём значительная их доля должна будет формироваться за счёт блогерской деятельности, основным источником дохода которой является распространение рекламных материалов.

Наряду с указанными отчислениями федеральный бюджет должен пополняться налоговыми поступлениями от блогеров. Для этого следует установить для них обязанность постановки на налоговый учёт в качестве самозанятых граждан либо регистрации в статусе индивидуальных предпринимателей или юридических лиц.

Профессиональные задачи журналистов и блогеров, деятельность которых сосредоточена на распространении информационного контента в социальных медиа и на установлении связей с общественностью, заключаются в формировании и представлении аудитории информационных образов современной действительности. Эти задачи решаются не только через вербальный текст, но и посредством широкого набора медиаформатов: аудиоматериалов, музыкальных композиций, изображений, фотографий, видеоконтента, анимационных сюжетов, веб-страниц и других интерактивных средств. Применение перечисленных форматов предполагает участие специалистов различных профилей, в том числе психологов, юристов, дизайнеров, звукорежиссёров др.; таким образом, в производственный процесс вовлекаются профессионалы, которые на первый взгляд могут казаться далекими от журналистики, но фактически функционируют в её поле.

Правовые аспекты деятельности журналистов в интернет-пространстве по-прежнему остаются недостаточно урегулированными. С учётом глубоких трансформаций, произошедших в системе массовой коммуникации, актуальна разработка комплексной и согласованной нормативно-правовой базы, охватывающей практическую журналистику во всех её проявлениях. Необходим современный закон о средствах массовой информации [5], который бы регулировал деятельность как традиционных, так и цифровых СМИ, включая бло-

геров и иные структуры, использующие интернет-пространство для массовых коммуникаций.

Заключение

К настоящему времени сложилась целостная подотрасль общественно-информационного права, регулирующая правовые отношения в триаде «общество – СМИ – журналист». Она представляет собой комплекс взаимосвязанных норм национального и международного права.

Степень нормативной детализации указанных отношений прямо коррелирует с уровнем демократического развития государства.

Российской Федерации необходимы профессионально выверенные нормативные акты, способные обеспечить действенную защиту прав и свобод граждан. Разработка эффективных механизмов регулирования взаимодействия «общество – СМИ – журналист» должна оставаться приоритетным направлением законотворческой и правоприменительной деятельности.

В настоящем исследовании

1. выявлены отдельные недостатки действующих нормативных актов, регулирующих практическую журналистику; их устранение усилило бы правовую определённость статуса журналиста и внутреннюю согласованность медийного законодательства;

2. показано отсутствие законопроектной активности в сфере блогерской деятельности, что на протяжении многих лет оставляет эту область вне полноценного правового регулирования;

3. обозначена необходимость нормативного закрепления статуса лиц, осуществляющих сбор, создание, обработку и распространение информации в сети Интернет, включая частных операторов контента.

Имеются основания полагать, что законодательные органы учтут изложенные замечания и, разрабатывая новые редакции законов, будут исходить из современных реалий. Это позволит превратить медийное законодательство в действенный инструмент защиты как профессиональных журналистов, освещающих текущие события, так и демократических прав населения Российской Федерации и тем самым укрепит информационное пространство страны.

Литература

1. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юридическая литература, 1991. 271 с.
2. Давтян С.Л. Анализ законотворчества в РФ в контексте права человека на информацию. М.: Центр «Право и СМИ», 1998. 336 с.
3. Заика Н.К. Правовые основы средств массовой информации. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2005. 72 с.
4. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации» (редакция от 30.12.2020 с измене-

- ниями и дополнениями, вступившими в силу 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 1991. № 2124–1.
5. Законодательная база и WEB-журналистика // Studbooks.net. URL: https://studbooks.net/723637/zhurnalistsika/zakonodatel'naya_baza_zhurnalistsika (дата обращения: 11.06.2025).
 6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (редакция от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. 7 января. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
 7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. 6 июля. № 27. Ст. 4196.
 8. Копейкина Н.Г. Один из аспектов правового положения журналистов в России // Современные научные исследования: проблемы, достижения и инновации. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28.02.2021 / под общ. ред. А.В. Туголукова. М.: ИП Туголуков А.В., 2021. С. 263.
 9. Кудрявцев М.А. Право СМИ в современной России: проблемы и перспективы // Законодательство и право. 1999. № 3.
 10. Приказ Россвязьохранкультуры от 22.10.2007 № 315 (с изменениями от 23.09.2008) «Об утверждении административного регламента исполнения государственной функции по регистрации средств массовой информации» (Зарегистрирован в Минюсте РФ 06.03.2008 № 11300) // Российская газета. 2008. 21 марта. № 61.
 11. Приказ Росстандарта от 21.03.2025 № 208-ст // СПС КонсультантПлюс.
 12. Прохоров Е.П. Свобода СМИ и журналистской деятельности на демократических принципах: Учебное пособие / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Факультет журналистики. М.: Пульс, 2001. 38 с.
 13. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательские решения, 2016. 493 с.
 14. Рой О.М. Исследования социально-экономических и политических процессов. Практикум. СПб.: Питер, 2006. 238 с.
 15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (редакция от 30.04.2021 с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. 7 января. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
 16. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-

телекоммуникационных сетей» // Собрание законодательства РФ. 2014. 12 мая. № 19. Ст. 2302.

17. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. 20 марта. № 12. Ст. 1232.
18. Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. 1998. 3 августа. № 31. Ст. 3803.
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2006. 31 июля. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
20. Федотов М.А. Правовые основы журналистики. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002. 431 с.

INSUFFICIENT LEGAL REGULATION OF JOURNALIST-BLOGGERS' STATUS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kopeykina N.G.

Russian Islamic Institute

The research is devoted to the study of the legal status of bloggers engaged in journalistic activities in Russia. The purpose is to identify problems in legal regulation of the blogosphere and determine legislative gaps. Methodology includes dialectical and comparative legal methods, supplemented by sociological survey of 220 respondents. Results showed that 100% of respondents consider blogging activity an integral part of Russia's information space and support its regulation by labor and tax legislation. The study revealed absence of clear legal definition of blogger, uncertainty of mandatory registration criteria, and practical impossibility of fulfilling certain requirements. Application area covers legislative activity, practical journalism, and social support agencies. Novelty lies in comprehensive analysis of deficiencies in blogging legal regulation. Conclusions: development of modern mass media law is necessary, covering all forms of mass communications, including digital media and blogosphere, to ensure effective protection of rights and freedoms in the information society.

Keywords: bloggers; journalistic activity; legal status; media legislation; digital media; information law; Roskomnadzor; social networks.

References

1. Baturin Yu.M. Problems of computer law. Moscow: Legal Literature, 1991. 271 p.
2. Davtyan S.L. Analysis of lawmaking in the Russian Federation in the context of the human right to information. Moscow: Center «Law and Media», 1998. 336 p.
3. Zaika N.K. Legal foundations of the media. St. Petersburg: IVESEP, Knowledge, 2005. 72 p.
4. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124–1 «On the Mass Media» (as amended on 30.12.2020 with amendments and additions that entered into force on 01.01.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1991. No. 2124–1.
5. Legislative framework and WEB journalism // Studbooks.net. URL: https://studbooks.net/723637/zhurnalistsika/zakonodatel'naya_baza_zhurnalistsika (date of access: 11.06.2025).
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 30.04.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. January 7. No. 1 (Part 1). Art. 1.
7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments adopted during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. July 6. № 27. Art. 4196.

8. Kopeikina N.G. One of the aspects of the legal status of journalists in Russia // Modern scientific research: problems, achievements and innovations. Collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference of 02/28/2021 / edited by A.V. Tugolukov. Moscow: IP Tugolukov A.V., 2021. P. 263.
9. Kudryavtsev M.A. Media law in modern Russia: problems and prospects // Legislation and law. 1999. No. 3.
10. Order of Rossvyazokhrankultura of 22.10.2007 No. 315 (as amended on 23.09.2008) «On approval of the administrative regulations for the implementation of the state function of registering mass media» (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 06.03.2008 No. 11300) // Rossiyskaya Gazeta. 2008. March 21. No. 61.
11. Order of Rosstandart of 21.03.2025 No. 208-st // SPS ConsultantPlus.
12. Prokhorov E.P. Freedom of the media and journalistic activity on democratic principles: Study guide / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Faculty of Journalism. M.: Puls, 2001. 38 p.
13. Richter A.G. Legal Foundations of Journalism: Textbook for Universities. 3rd ed., corrected. and add. SPb.: Publishing Solutions, 2016. 493 p.
14. Roy O.M. Research of Socio-Economic and Political Processes. Workshop. SPb.: Piter, 2006. 238 p.
15. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 30.04.2021 with amendments and additions that entered into force on 01.05.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. January 7. No. 1 (Part 1). Art. 3.
16. Federal Law of 05.05.2014 No. 97-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Streamlining the Exchange of Information Using Information and Telecommunication Networks» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. May 12. No. 19. Art. 2302.
17. Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ «On Advertising» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. March 20. No. 12. Art. 1232.
18. Federal Law of 24.07.1998 No. 125-FZ «On Compulsory Social Insurance against Industrial Accidents and Occupational Diseases» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. August 3. No. 31. Art. 3803.
19. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ «On Information, Information Technologies and Information Protection» (latest version) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. July 31. No. 31 (Part 1). Art. 3448.
20. Fedotov M.A. Legal Foundations of Journalism. Moscow: IMPE named after A.S. Griboyedov: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2002. 431 p.

Кротов Валентин Викторович,

аспирант отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Система конституционно-правовых гарантий соблюдения права личности на человеческое достоинство является одним из важнейших структурных компонентов соответствующей проблематики. Указанные гарантии делятся на общие, институциональные и функционально-отраслевые. Каждая разновидность из перечисленных гарантий имеет особую важность. В процесс охраны личностного достоинства вовлечены Общественная Палата РФ, профсоюзы, многие иные общественные объединения. Среди институциональных гарантий особая значимость принадлежит Президенту РФ, судебной системе и Уполномоченному по правам человека. К функционально-отраслевым гарантиям относятся те из них, которые касаются защиты достоинства участников уголовного и уголовно-процессуального судопроизводства, российских граждан, проживающих за рубежом, а также лиц, обращающихся в суд с целью защиты чести, достоинства и деловой репутации. Таким образом, в статье представлена своеобразная юридическая панорама, представляющая совокупность разнообразных элементов, целостность которых призвана обеспечить подлинность конституционного принципа достоинства личности.

Ключевые слова: достоинство личности, конституционный принцип охраны достоинства личности, гарантии охраны достоинства личности, конституционно-правовые гарантии, конституционно-правовой статус личности, личные (гражданские) права.

Вопрос о юридических гарантиях права личности на человеческое достоинство имеет для конституционно-правовой науки исключительную важность и значимость. Благодаря их системной реализации мы имеем возможность претворения в жизнь как важнейшего соответствующего конституционного принципа, так и всей системы конституционных норм в целом, защищающих личность и создающих правовую основу для ее свободного развития.

При первом же приближении представляется правильным классифицировать соответствующую систему юридических гарантий *на общие, государственно-институциональные и функционально-отраслевые*. Первые из них пронизывают деятельность всего общества и государства в целом, вторые отражают деятельность соответствующего государственно-властного органа-института власти, третьи действуют преимущественно в рамках либо одной отрасли права, либо группы близких по предмету и методу отраслей правового регулирования.

Однозначно *общей гарантией* защиты личностного достоинства окажется юридически урегулированное взаимодействие государства и общества в целом в рамках соответствующей сферы. К *государственно-институциональным гарантиям* важно отнести соответствующую деятельность Президента Российской Федерации, судебной системы, Генеральной Прокуратуры, Уполномоченного по правам человека. К *функционально-отраслевым гарантиям* следует отнести особенные гарантии охраны личностного достоинства для лиц, проживающих за рубежом, участников уголовного судопроизводства, а также лиц, обратившихся в суд в порядке гражданского судопроизводства о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Изучение механизма юридических гарантий достоинства личности имеет под собой цель четкого определения его структуры с дальнейшей последовательной оптимизацией при помощи правотворческой и правоприменительной государственных функций. Перейдем к детальному освещению каждой из упоминаемых выше совокупности юридических гарантий.

Взаимодействие общества и власти как охрана достоинства личности

Данная комплексная общая гарантия в сильнейшей степени способствуют задаче государственного строительства в целом. К примеру, появление в середине нулевых годов Общественной Палаты РФ было призвано способствовать активизации деятельности общественных объединений, одно

из призваний которых – донести голос, мнение отдельно взятой личности до государственных структур. Не менее важна деятельность и системы профсоюзов, принимающих значимые усилия в осуществлении юридического механизма достоинства личности трудящегося. Примеры подобного рода в отечественной конституционно-правовой практике являются довольно многочисленными.

Последние десятилетия Совет при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека стал координационным органом, в повестку которого вошла выработка концептуальных начал государственной политики в сфере охраны достоинства личности с параллельным взаимодействием с общественными структурами в плане реализации соответствующего комплекса целей. Указанный орган государственной власти в своей деятельности рассматривает достоинство личности в конституционно-правовом ключе, в контексте неотъемлемости достоинства отличности, его правовой природы, универсального значения, в качестве первостепенного правового принципа, не формирующегося извне, а являющегося результатом совокупности комплекса неразрывных факторов, в необходимости концептуального и законодательного оформления соответствующей проблематики. Экспертное сопровождение вопроса защиты достоинства личности в указанном контексте является немаловажным фактором формирования правовой культуры граждан и утверждения «достоинства личности» как бесспорной социальной и правовой ценности.

Президент Российской Федерации как гарант достоинства личности

Защита достоинства личности как конституционная гарантия происходит в значительной степени посредством государственных институтов, которые призваны охранять права и свободы человека и гражданина. Президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод человека и гражданина. Роль Президента особенно важна как роль высшего должностного лица в государстве, не относящегося ни к одной ветви власти, но осуществляющего координацию всего государственного механизма.

Президент способен выполнять ряд дискреционных функций при недостаточной урегулированности определенного спектра общественных отношений. Это прямо и непосредственно относится к конституционному праву на охрану достоинства личности при принятии оперативных решений в рамках действия особых юридических режимов – чрезвычайных ситуациях, социальных и военных конфликтах. К примеру, в послании Федеральному собранию 2023 года В.В. Путин обозначил чрезвычайность своего решения по началу Специальной военной операции, принятого для защиты прав российских граждан¹. Президент подчеркнул, что

¹Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации» от 21 февраля 2023 г.

принятию соответствующего решения послужило безразличие мирового сообщества с судьбам людей Донбасса, а также деятельная и информационная поддержка неонацистского киевского режима.

Администрация Президента является органом, который реализует полномочия Президента Российской Федерации в сфере защиты права на достоинство личности. Особенный акцент здесь необходимо сделать на деятельность его следующих структурных подразделений – Управления Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан, Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций и Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам. Функционал этих подразделений непосредственно способствует реализации президентских полномочий по обеспечению защиты и охраны достоинства личности.

Судебные гарантии достоинства личности

Право на судебную защиту является важнейшей конституционной гарантией конституционно-правового статуса личности, в том числе его важнейшего элемента – права на человеческое достоинство. Независимая и беспристрастная судебная власть играет основную роль в государственной защите конституционных прав человека и гражданина. Право на судебную защиту закреплено в статье 46 Конституции Российской Федерации.

Право на обращение в суд имеет сложную архитектуру, в которую входят:

- собственно право на обращение в судебные органы;
- право на юридическую помощь;
- право на законный и справедливый суд (в том числе право на законное судебное разбирательство);
- право на исполнение судебного акта;
- право на рассмотрение своего дела в разумные сроки.

Одной из важнейших функций судебной системы в рамках рассматриваемой нами проблематики является вынесение решений в рамках гражданско-процессуального производства по вопросам о защите чести, достоинства и деловой репутации. В силу особой значимости указанного судебного механизма в структуре защиты личностного достоинства мы выделяем его в отдельную функциональную гарантию и более подробно рассматриваем ниже. Особая роль в рамках рассматриваемой проблематики принадлежит отечественному Конституционному Суду. Особенность конституционной юстиции в рассматриваемом нами аспекте состоит в том, что если суды общей юрисдикции работают с конкретными субъектами права, определяя законность или незаконность их поведения, то Конституционный Суд осуществляет абстрактный нормоконтроль, удаляя с правового

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/1> (дата обращения: 04.06.2025).

поля юридические нормы в случае противоречия их конституционности. Иными судами, применительно к нашей тематике, суд общей юрисдикции может наложить уголовное наказание или компенсаторную гражданско-правовую санкцию на лицо, допустившее противоправное нарушение права на достоинство личности тем или иным способом. Конституционный же суд способен «юридически обессилить» целую норму или даже правовой акт, если указанный выше принцип оказался подвергнутым нарушению.

Прокурорский надзор как гарантия достоинства личности

Прокуратура является единой системой органов государственной власти, осуществляющей надзор за исполнением закона. Деятельность органов прокуратуры является важнейшей гарантией законности как принципа функционирования правовой системы России и социально обусловленного режима жизнедеятельности государственно-организованного общества.

Указанные положения относятся и к праву на охрану достоинства личности, о чем свидетельствуют ежегодные доклады Генерального прокурора. Так, в соответствующих документах было отмечено, что в 2018 году значительные усилия были направлены на решение проблем в деятельности уголовно-исполнительной системы и соблюдение гарантий граждан, находящихся под стражей и в колониях. В результате гуманизации уголовного законодательства и принятия ряда организационных мер за 10 лет численность граждан, находящихся в изоляции от общества, сократилась на треть (с 887 до 602 тыс.). Как следствие – снизилось число нарушений закона, связанных с правилами содержания осужденных и следственно-арестованных лиц, уменьшилась преступность среди них. В 2019 году активно осуществлялись надзорные мероприятия в социальной сфере, в первую очередь по соблюдению трудового законодательства. Кроме традиционных мер по погашению долгов прокуроры добивались установления зарплаты в размере не ниже минимального, справедливого соотношения выплат руководству и работникам организаций, расчета стимулирующих надбавок. Наряду с этим осуществлялось реагирование в связи с неприятием судебными приставами мер по установлению имущества должников, несвоевременным обращением на него взыскания, а также неполнотой реализации контрольных полномочий органами Роструда. В 2020 году системой органов прокуратуры уделялось исключительное внимание функционированию уголовно-исполнительной системы. «В условиях продолжающегося сокращения (на 40 тыс.) численности лиц, находящихся в изоляции от общества, сохранилась положительная тенденция к снижению смертности среди осужденных и содержащихся под стражей (–12%). Вместе с тем прокурорами по-прежнему выявляются факты грубого нарушения режима,

вплоть до проноса в колонии огнестрельного оружия, недостаточного материально-бытового и медицинского обеспечения.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации как гарант достоинства личности

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации регулируется в соответствии с Конституцией РФ и соответствующим федеральным конституционным законом¹. Высокий законодательный статус Уполномоченного по правам человека еще раз подчеркивает важный, конституционный характер защиты прав, свобод и достоинства личности человека и гражданина в Российской Федерации.

Важнейшей задачей Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является обеспечение работы целостного государственного и муниципально-правового механизма с целью реализации прав и свобод человека и гражданина, а также права на достоинство личности как его важнейшего структурного компонента. Уполномоченный по правам человека независим, не подотчетен никаким государственным органам и неприкосновенен в течение всего срока своих полномочий. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации ежегодно представляет доклад о своей деятельности и об итогах своей работы Государственной Думе Российской Федерации.

Сегодня государственная защита прав и свобод человека и гражданина реализуется в лице соответствующих региональных Уполномоченных дополнительно на уровне субъектов Российской Федерации, а также специализированными отраслевыми Уполномоченными, реализующими правовую защиту отдельных категорий граждан. К примеру, деятельность в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности осуществляет Уполномоченный по правам человека в РФ при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей², защитой прав детей занимается Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка³.

Механизм охраны достоинства личности, применительно к российским гражданам за рубежом

Одним из приоритетных направлений международного гуманитарного сотрудничества является

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

² См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2305

³ См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802

защита прав российских граждан за рубежом. Наши соотечественники в иностранных государствах сталкиваются с различными нарушениями своих прав, это и незаконный задержания и аресты, нарушения права на частную жизнь, провокации, клевета и др. Без должной защиты основных прав российских граждан в иностранных государствах будет не полным выполнение обязанности Российской Федерации по защите конституционного права на достоинство личности. Хотя возможности государства в этом отношении ограничены правовым суверенитетом иностранных государств, развитие международного гуманитарного сотрудничества должно способствовать выполнению указанной функции. Данная проблема обострилась в текущий момент с проблематизацией системы отношений России со странами Запада.

Работа по реализации функции защиты достоинства личности за рубежом может стать эффективной лишь в рамках комплексной работы дипломатической ведомственной системы в теснейшем взаимодействии с институтом президентской власти. Предмет и пределы защиты достоинства российских граждан за рубежом сильнейшим образом детерминирована вопросами политических взаимоотношений с той или иной страной пребывания российского гражданина. Тем не менее, защита достоинства российских граждан должна стать правовым императивом и стратегическим приоритетом для российской внешней политики, и в каждом конкретном случае здесь необходимо использование максимум возможных кадровых, финансовых и организационных ресурсов.

Защита достоинства личности участников уголовного и уголовно-исполнительного производств

Охрана достоинства заключенного либо преследуемого участника уголовного процесса – аспект, имеющий важнейшее значение как при детерминации степени уважения к государству, так серьезно влияющий на превенцию дальнейшей преступности.

Фундаментальные законодательные положения в рассматриваемом нами аспекте приводятся С.Д. Милицыным: «развивая и конкретизируя эти конституционные нормы, ст. 9 УПК РФ устанавливает принцип уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве, согласно которому: «В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» [4]. Значимость и основательность этих нормативных предписаний-принципов общеизвестны, не подвергаются сомнению и находят свое отражение в решениях высших судеб-

ных инстанций – уже более четверти века тому назад Конституционный Суд РФ указал, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами¹. Верховный Суд РФ, ссылаясь на международно-правовые документы, дал разъяснения о том, что следует считать пытками и действиями, унижающими человеческое достоинство². Таким образом, в настоящее время в теории уголовно-процессуального права мнение о необходимости уважения чести и достоинства личности и недопустимости применения пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения является общепризнанным.

Защита чести, достоинства, деловой репутации, компенсация морального вреда-гражданско-правовые способы защиты достоинства личности

Указанные гражданско-правовые нормативные комплексы являются сравнительно молодыми, однако без них невозможно представить на сегодняшний день российскую правовую систему вообще, и систему юридических гарантий охраны достоинства личности, в частности. Представить имеющую картину в указанном отношении нам позволит обзор судебной практики, нашедшей отражение в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. N 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина Аветяна» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. N 2–3.

² Пункты 12 и 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. N 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 8.

³ (абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения... Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица¹. Право на компенсацию морального вреда, причиненного распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, на основании ст. 152 ГК РФ возникает в случае распространения о гражданине любых таких сведений, в том числе сведений о его частной жизни. Истец по делу о компенсации морального вреда, причиненного распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений, а ответчик – соответствие действительности распространенных сведений (п. 1 ст. 152 ГК РФ). При причинении вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, наличие морального вреда предполагается. В указанных случаях компенсация морального вреда взыскивается судом независимо от вины причинителя вреда (абз. 4 ст. 1100 ГК РФ).

Из изложенного выше необходимо сделать следующие выводы:

1. Конституционно-правовые гарантии достоинства личности следует разделять на общие, государственно-институциональные и функционально-отраслевые. Защита человеческого достоинства осуществляется различными функциональными способами, в зависимости от полномочий того или иного органа государственной власти:
 - путем нормоконтроля (Президент РФ);
 - путем системы координационных механизмов (Уполномоченный по правам человека);
 - юрисдикционными способами и средствами (Прокуратура РФ, судебная система).
2. Сегодняшняя конституционно-правовая наука выделяет некоторые социальные группы, правовой режим достоинства которых требует особенно пристального анализа и внимания: преследуемые в уголовном порядке, заключенные, лица, находящиеся за рубежом, а также граждане, обращающиеся за судебной за-

щитой чести, достоинства и деловой репутации.

Литература

1. Астафичев П.А. Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3.
2. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021.
3. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008
4. Милицин С.Д. Принцип уважения чести и достоинства личности в теории и практике российского уголовного процесса // Мировой судья. 2023. № 2. С. 22–27.
5. Никонов В. Государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает // СПЧ: Искусство невозможного URL: [http:// president-sovet.ru/files/82/c4/82c4a197e546f53d1419d6a31ce262b0.pdf](http://president-sovet.ru/files/82/c4/82c4a197e546f53d1419d6a31ce262b0.pdf). (дата обращения – 05.06.2025).
6. Мамошин В.И. Новые поколения прав человека и их конституционная регламентация // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 164–167.

PROTECTION OF PERSONAL DIGNITY: A SYSTEM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES

Krotov V.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The system of constitutional and legal guarantees for the observance of the individual's right to human dignity is one of the most important structural components of the relevant issue. These guarantees are divided into general, institutional, and functional-sectoral ones. Each type of the listed guarantees is of particular importance. The Civic Chamber of the Russian Federation, trade unions, and many other public associations are involved in the process of protecting personal dignity. Among the institutional guarantees, special importance belongs to the President of the Russian Federation, the judicial system and the Commissioner for Human Rights. Functional and sectoral guarantees include those related to the protection of the dignity of participants in criminal and criminal procedural proceedings, Russian citizens living abroad, as well as persons who apply to the court to protect honor, dignity and business reputation. Thus, the article presents a kind of legal panorama, representing a set of diverse elements, the integrity of which is designed to ensure the authenticity of the constitutional principle of personal dignity.

Keywords: The dignity of the individual, the constitutional principle of protecting the dignity of the individual, guarantees of protecting the dignity of the individual, constitutional and legal guarantees, the constitutional and legal status of the individual, personal (civil) rights.

References

1. Astafichev P.A. Human right to personal dignity: constitutional and legal foundations and problems of implementation // Social and pension law. 2006. No. 3.
2. Zorkin V.D. Constitutional justice: procedure and meaning. St. Petersburg, 2021.
3. Marchenko V. Ya. Personal dignity in the constitutional and legal dimension: Abstract of author's dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2008

дан и юридических лиц» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3)).

¹ абз. 4, 5 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3).

4. Militsin S.D. The principle of respect for the honor and dignity of the individual in the theory and practice of Russian criminal proceedings // Justice of the Peace. 2023. No. 2. P. 22–27.
5. Nikonov V. Statism does not exclude respect for human rights, it presupposes it // HRC: The Art of the Impossible

URL: [http:// president-sovet.ru/files/82/c4/82c4a197e546f53d-1419d6a31ce262b0.pdf](http://president-sovet.ru/files/82/c4/82c4a197e546f53d-1419d6a31ce262b0.pdf). (date of access – 06/05/2025). 6. Mamoshin V.I. New generations of human rights and their constitutional regulation // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 2 (189). – P. 164–167.

Цифровой разрыв и реализация права на образование в условиях цифровизации

Михелашвили Натали Мерабовна,

МГЮА им. О.Е. Кутафина

E-mail: nmich555@gmail.com

В статье исследуется проблема цифрового разрыва в контексте реализации конституционного права на образование в условиях всеобщей цифровизации образовательных процессов. Анализируются теоретические основы права на образование как фундаментального права человека, закрепленного в международных документах и Конституции Российской Федерации. Рассматриваются основные проявления цифрового разрыва в образовательной сфере, включая неравенство в доступе к цифровым технологиям, различия в цифровых навыках и неравные возможности их использования. Особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19 на усиление цифрового неравенства в образовании. Обосновывается необходимость модернизации правового регулирования образовательных отношений с учетом вызовов цифровой эпохи. Делается вывод, что цифровой разрыв создает новые барьеры для реализации равного права на образование и требует комплексного подхода к решению, включающего правовое, технологическое и социальное измерения.

Ключевые слова: цифровой разрыв, право на образование, цифровизация образования, конституционное право, равенство в образовании, информационные технологии, образовательное право.

3

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, особенно ускорившаяся в период пандемии COVID-19, поставила перед государством и обществом новые вызовы в обеспечении равного доступа к образованию. В этой связи традиционное понимание права на образование, сформировавшееся в доцифровую эпоху, требует переосмысления в контексте современных реалий, когда доступ к качественному образованию все больше зависит от наличия цифровых компетенций и технических возможностей.

Право на образование является одним из основополагающих прав человека, закрепленным в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, ст. ст. 13–14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года [7], а также в ст. 43 Конституции Российской Федерации [5]. Согласно позиции ЮНЕСКО, право на образование является основополагающим правом человека, от которого во многом зависит реализация других прав [13]. Данное право предполагает обеспечение доступности, адаптируемости, приемлемости и наличия образовательных услуг для всех граждан без дискриминации [9].

Цифровизация образования представляет собой процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий в образовательную деятельность с целью повышения ее эффективности и доступности. В России активно внедряется федеральный проект «Цифровая образовательная среда», предполагающий техническое переоснащение учебных заведений и создание специальных обучающих сервисов [11]. Однако параллельно с расширением возможностей цифрового образования обостряется проблема цифрового разрыва, которая все чаще встречается в исследованиях, посвященных проблемам цифровой трансформации государственного управления.

В наиболее общем виде цифровой разрыв в образовании можно определить как многоуровневую проблему неравенства в доступе к цифровым технологиям и навыкам их использования в образовательных целях. В современной литературе предложена концепция «стека цифрового неравенства», включающая четыре последовательных уровня доступа: мотивационный доступ (желание и готовность использовать цифровые технологии), физический доступ (наличие устройств и подключения к интернету), доступ к навыкам (цифровые компетенции для эффективного использования технологий) и доступ к использованию (способность извлекать практическую пользу от применения технологий) [18]. Каждый из этих уровней может стать кри-

тическим барьером для полноценной реализации права на образование в цифровую эпоху.

Масштабы проблемы цифрового разрыва в образовании приобрели особую остроту в период пандемии COVID-19, которая стала своеобразным «стресс-тестом» для образовательных систем по всему миру. Вынужденный и форсированный переход на дистанционное обучение обнажил глубинные структурные неравенства в доступе к образованию. По данным ЮНЕСКО, около 826 миллионов учащихся – половина от общего числа не посещающих школу из-за пандемии – не имели доступа к домашнему компьютеру, а 706 миллионов (43%) были лишены доступа к интернету в домашних условиях [2]. Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, что цифровое дистанционное обучение, ставшее основной формой образования в период кризиса, изначально было недоступно для значительной части учащихся во всем мире.

Российская ситуация демонстрирует аналогичные тревожные тенденции. Детальный анализ, проведенный исследователями НИУ ВШЭ, показывает существование серьезного многоуровневого цифрового разрыва, проявляющегося в трех основных измерениях: цифрового доступа (различия в наличии технических средств), цифровых возможностей (неравенство в уровне знаний и навыков) и цифровых результатов (различия в конечных результатах использования компьютера и интернета) [12]. Согласно данным Росстата за 2020 год, 28,6% российских семей не имели доступа к интернету, а 38,3% семей не располагали компьютером [3]. При этом особую тревогу вызывает тот факт, что примерно четверть из семей без технических средств (24,6% и 29,8% соответственно) выражали желание их приобрести, но не имели достаточных финансовых возможностей, что указывает на социально-экономическую природу цифрового разрыва [3].

Территориальное измерение цифрового неравенства в России носит драматический характер. Наиболее острый цифровой разрыв зафиксирован в малых населенных пунктах: в деревнях численностью до 200 человек доступ к интернету имеют лишь 48,5% семей, а в населенных пунктах до 1000 человек – 49,7% [3]. Это создает фундаментальное неравенство в возможностях получения современного образования между городскими и сельскими школьниками. Проблема усугубляется тем, что по данным аудитора Счетной палаты РФ, в 2019 году электронное обучение было доступно лишь 15% российских школьников из общего числа в 16 миллионов человек, при этом почти в 400 сельских школах отсутствовал доступ к интернету, а в половине оставшихся скорость подключения была критически низкой для обеспечения качественного цифрового образования [3].

Проблема цифрового разрыва приобретает особую сложность в контексте возрастных различий и образовательного уровня населения. Исследования показывают, что среди школьников и студентов в возрасте от 16 до 24 лет интернетом

пользуются более 85%, в то время как среди людей от 55 до 74 лет – всего 13% [17]. «Образовательный ценз» также критически влияет на цифровые возможности: среди лиц, не завершивших среднее образование, доступ к интернету имеет только каждый четвертый, среди обладателей аттестата о среднем образовании – 52%, а среди выпускников университетов – 77% [17]. Эти различия создают порочный круг, в котором образовательное неравенство усиливает цифровой разрыв, который, в свою очередь, препятствует получению качественного образования.

Социально-экономическое измерение цифрового разрыва проявляется в значительных различиях доступа к технологиям между различными группами населения. Интернетом пользуются лишь 40% безработных по сравнению с 60% работающих граждан [17], что создает дополнительные барьеры для профессиональной переподготовки и трудоустройства через образовательные программы. Особую проблему представляет гендерное измерение цифрового неравенства: исследования показывают, что женщины демонстрируют более низкую мотивацию к освоению цифровых технологий и меньшую частоту их использования [15], что может негативно сказываться на их образовательных и карьерных возможностях в цифровую эпоху.

Институциональное измерение проблемы проявляется в значительных различиях между образовательными учреждениями различного типа и формы собственности. Цифровой разрыв между преподавателями государственных и частных университетов особенно выражен на уровне физического доступа к технологиям и цифровых навыков [15], что непосредственно влияет на качество образовательных услуг и способность учебных заведений адаптироваться к требованиям цифровой экономики. Эта проблема усугубляется недостаточным финансированием технического переоснащения государственных образовательных учреждений и неравномерным распределением ресурсов между регионами.

Региональные различия в цифровизации образования демонстрируют пятикратный разрыв между лидирующими и отстающими территориями. Индекс цифровизации российских городов за 2020 год показал критические различия между такими городами, как Краснодар и Екатеринбург с одной стороны, и Магасом и Назранью в Ингушетии – с другой [3]. Эти различия создают неравные стартовые условия для молодых людей в зависимости от места их проживания и, разумеется, способствуют углублению межрегиональной дифференциации в уровне человеческого капитала.

Современные исследования выявляют многоуровневую природу цифрового разрыва в образовании. Ученые различают неравенство как на индивидуальном уровне студентов, так и на контекстуальном уровне школ, что требует комплексного подхода к решению проблемы. Важно отметить, что цифровой разрыв в образовании – это не толь-

ко проблема доступа к технологиям, но и различия в знаниях и навыках их использования.

С правовой точки зрения цифровой разрыв создает принципиально новые формы дискриминации в сфере образования, которые не были предусмотрены традиционным образовательным правом. Статья 43 Конституции РФ гарантирует каждому право на образование [4], а статья 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает создание необходимых условий для получения без дискриминации качественного образования [9]. Однако в условиях стремительной цифровизации отсутствие доступа к современным технологиям фактически лишает значительную часть населения возможности получения образования на равных условиях, что создает правовую коллизию между формальными гарантиями и реальными возможностями их реализации.

Анализ действующего российского законодательства выявляет серьезные пробелы в правовом регулировании цифрового образования. Существующая нормативная база не содержит четких определений цифрового образовательного неравенства, механизмов его выявления и устранения, а также не устанавливает минимальных стандартов цифровой инфраструктуры образовательных учреждений. Уже упомянутый выше Федеральный проект «Цифровая образовательная среда», предусматривающий техническое переоснащение учебных заведений, сталкивается с проблемой отсутствия правовых гарантий равного доступа к создаваемой инфраструктуре для всех категорий обучающихся.

Правовая неопределенность проявляется и в вопросах ответственности образовательных учреждений за обеспечение цифрового равенства. Действующее законодательство не устанавливает обязанность школ и вузов обеспечивать учащихся необходимыми техническими средствами для дистанционного обучения, что в период пандемии привело к фактическому отстранению от образовательного процесса детей из малообеспеченных семей. Эта ситуация противоречит конституционному принципу равенства и создает почву для нарушения основных прав человека в сфере образования.

Проблема усугубляется отсутствием в российском праве концепции «цифрового гражданства» и соответствующих правовых гарантий. В то время как международные организации, включая ЮНЕСКО и ООН, признают доступ к интернету неотъемлемой частью прав человека, российское законодательство пока не закрепляет право граждан на цифровую инклюзию в образовательной сфере. Это создает ситуацию, когда государство, с одной стороны, активно продвигает цифровизацию образования, а с другой – не обеспечивает правовых механизмов защиты от возникающего при этом неравенства.

Долгосрочные последствия цифрового разрыва в образовании носят системный характер и угро-

жают социальной стабильности общества. Зарубежные исследования показывают, что дети, лишенные доступа к качественному цифровому образованию, отстают в обучении на 2–3 месяца [6], при этом этот разрыв имеет тенденцию к накоплению и увеличению в течение всего образовательного процесса. Такое отставание создает долгосрочные негативные эффекты для трудоустройства, социальной мобильности и жизненных шансов целых поколений молодых людей.

Цифровое неравенство в образовании приводит к формированию замкнутых циклов социального воспроизводства. Семьи с низким уровнем доходов и образования не могут обеспечить своим детям доступ к современным технологиям и развитию цифровых навыков, что снижает их конкурентоспособность на рынке труда и ограничивает возможности социального продвижения. В результате формируется «цифровая каста» – группа населения, системно исключенная из возможностей, предоставляемых цифровой экономикой и цифровым обществом.

Особую тревогу вызывает влияние цифрового разрыва на качество человеческого капитала в масштабах всей страны. Сегодня цифровые компетенции становятся базовым требованием для большинства профессий, а в таких условиях неравенство в доступе к цифровому образованию неизбежно приводит к снижению общего уровня квалификации рабочей силы и ослаблению конкурентоспособности национальной экономики. Это особенно критично для России в контексте необходимости технологической модернизации и импортозамещения в условиях внешних санкций. В этом аспекте особенно ярко проявляется теснейшая взаимосвязь права на образование с другими ключевыми социально-экономическими правами, включая право на труд.

Международные исследования подтверждают глобальный характер проблемы цифрового разрыва в образовании. Например, в странах Европейского союза, несмотря на относительно высокий уровень развития цифровой инфраструктуры, сохраняются значительные различия в цифровой грамотности населения в зависимости от возраста, образования и доходов. Во Франции наименее образованная группа населения имеет наименьший домашний доступ к компьютеру (56%) и интернету (50,5%), при этом 31,5% и 39,6% людей с низким уровнем образования никогда не пользовались компьютером или интернетом соответственно [4]. Как следствие, и на уровне ЕС, и на уровне отдельных государств-членов сегодня предпринимаются серьезные усилия как в части развития нормативно-правовой базы, так и в части формирования новых механизмов, обеспечивающих сглаживание цифрового неравенства в образовательной сфере.

Анализ российского законодательства показывает, что действующая правовая база пока еще недостаточно учитывает специфику цифрового образования. Как следствие, необходима модер-

низация образовательного права с учетом новых реалий цифровой эпохи, а это подразумевает под собой не только обеспечение технической инфраструктуры, но и развитие цифровых компетенций всех участников образовательного процесса, а также надлежащее организационно-правовое обеспечение.

Действительно, преодоление цифрового разрыва требует комплексного подхода, включающего несколько направлений. Во-первых, необходимо обеспечение равного доступа к цифровой инфраструктуре, включая высокоскоростной интернет и современные устройства. Во-вторых, важно развитие цифровых компетенций среди всех участников образовательного процесса. В-третьих, требуется адаптация образовательных программ и методик к цифровой среде.

Особое внимание следует уделить реформам правового регулирования. Необходимо законодательное закрепление права на цифровое образование как составной части права на образование в целом. В законодательстве должны быть закреплены гарантии доступа к цифровым образовательным ресурсам, механизмы защиты персональных данных в образовательном процессе и обеспечения качества цифрового образования. Кроме того, в акты стратегического планирования, регулирующие использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, целесообразно включать положения, направленные на устойчивое развитие отечественной системы образования, взвешивая при этом потенциальные угрозы и риски.

Важным аспектом является и международное сотрудничество в решении исследуемой проблемы. ЮНЕСКО создала Глобальную коалицию по вопросам образования и реагирования на COVID-19, объединяющую более 90 партнеров из государственного и частного секторов для разработки универсальных и справедливых решений [2]. Такой подход демонстрирует необходимость координированных усилий на всех уровнях. Представляется, что Россия должна активно участвовать в рамках как универсальных, так и региональных международных организаций в разработке новых подходов к ликвидации цифрового разрыва – в том числе, в интересах реализации всеобщего права на образование.

Российская Федерация, как социальное государство, согласно статье 7 Конституции РФ [5], обязана обеспечивать равные возможности для реализации права на образование всеми гражданами. В условиях цифровизации это обязательство приобретает новые измерения и требует активных мер государственной политики. Неслучайно исследователи подчеркивают, что сама по себе идея социальной справедливости в цифровую эпоху требует переосмысления – в том числе, через призму обеспечения равенства в доступе к образованию. Сегодня цифровой разрыв создает новые формы неравенства, которые следуют традиционным моделям класса, пола, богатства и образования: от-

сюда следует, что меры по преодолению цифрового разрыва должны учитывать уже существующие формы социального неравенства.

Таким образом, цифровой разрыв представляет собой серьезный вызов для реализации конституционного права на образование в современных условиях, поскольку неравенство в доступе к цифровым технологиям и навыкам их использования создает новые барьеры для получения качественного образования и может усугубить уже существующее социальное неравенство. Преодоление этой проблемы, на наш взгляд, требует комплексного подхода, который объединял бы модернизацию правового регулирования (акты стратегического планирования, законодательство об образовании), развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровых компетенций и обеспечение социальной поддержки уязвимых групп населения. Представляется, что только при условии активной государственной политики, направленной на сокращение цифрового разрыва, возможно обеспечение равного и доступного образования для всех граждан в уже наступившую цифровую эпоху.

Литература

1. Вартанова Е.Л. Цифровой сдвиг российской нормативно-правовой парадигмы (доклад) // СМИ и массовые коммуникации 2019: Материалы XI международных научных чтений. М.: МГУ, 2019.
2. Глубокий «цифровой разрыв» в дистанционном обучении // UNESCO. 2020. URL: (дата обращения: 06.06.2025).
3. Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть // РБК Тренды. 2021. 13 декабря. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обращения: 06.06.2025).
4. Борьба против цифрового неравенства и бедности // Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России. URL: <https://www.rcoit.ru/news/17640/> (дата обращения: 06.06.2025).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Косарецкий С. Цифровой разрыв: ключевая проблема онлайн-образования // ИА REGNUM. 2020. 27 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/2930318> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
8. Объединяя город: права, справедливость и цифровой разрыв // Green European Journal. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/объединяя-город-права-справедливость/> (дата обращения: 06.06.2025).
9. Право на образование и права человека // OHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special->

- procedures/sr-education/about-right-education-and-human-rights (дата обращения: 06.06.2025).
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
 11. Костина Н. Б., Чижов А.А. Цифровое неравенство при цифровизации образовательного процесса: социологический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (82).
 12. Цифровой разрыв. Чем он грозит России и каковы его масштабы? // НИУ ВШЭ. 2021. 28 апреля. URL: <https://iq.hse.ru/news/465308186.html> (дата обращения: 06.06.2025).
 13. Что необходимо знать о праве на образование // UNESCO. 2023. 20 апреля. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/chto-neobkhodimo-znat-o-prave-na-obrazovanie> (дата обращения: 06.06.2025).
 14. Afzal A., Khan S., Daud S., Ahmad Z., Butt A. Addressing the Digital Divide: Access and Use of Technology in Education // Journal of Social Sciences Review. 2023. Vol. 3. No. 2. P. 883–895.
 15. Soomro K.A., Kale U., Curtis R., Akcaoglu M., Bernstein M. Digital divide among higher education faculty // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2020. № 17.
 16. The digital divide in online education: Inequality in digital readiness of students and schools // Computers & Education. 2022. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.compedu.2021.104395.
 17. Цифровое неравенство // Статистика. URL: <https://uucyc.ru/statistics/195> (дата обращения: 06.06.2025).
 18. The digital divide: A review and future research agenda // Technological Forecasting and Social Change. 2022. № 175.
 19. Understanding the Digital Divide in Education // American University. 2024. 23 мая. URL: <https://soeonline.american.edu/blog/digital-divide-in-education/> (дата обращения: 06.06.2025).
 20. Vassilakopoulou P., Hustad E. Bridging Digital Divides: a Literature Review and Research Agenda for Information Systems Research // Information Systems Frontiers. 2023. № 25.

THE DIGITAL DIVIDE AND THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Mikhelashvili N.M.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article examines the problem of the digital divide in the context of the implementation of the constitutional right to education in the context of the universal digitalization of educational processes. The theoretical foundations of the right to education as a fundamental human right enshrined in international documents and the Constitution of the Russian Federation are analyzed. The main manifestations of the digital divide in the educational sphere are considered, including inequality in access to digital technologies, differences in digital skills and unequal opportunities for their use. Particular atten-

tion is paid to the impact of the COVID-19 pandemic on the strengthening of the digital divide in education. The need to modernize the legal regulation of educational relations is substantiated, taking into account the challenges of the digital age. It is concluded that the digital divide creates new barriers to the implementation of the equal right to education and requires an integrated approach to the solution, including legal, technological and social dimensions.

Keywords: digital divide, right to education, digitalization of education, constitutional law, equality in education, information technology, educational law.

References

1. Vartanova E.L. Digital shift of the Russian regulatory paradigm (report) // Media and mass communications 2019: Proceedings of the XI international scientific readings. Moscow: Moscow State University, 2019.
2. Deep “digital divide” in distance learning // UNESCO. 2020. URL: (date of access: 06.06.2025).
3. The Internet as a luxury: what is digital inequality and how to overcome it // RBC Trends. 2021. December 13. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (date of access: 06.06.2025).
4. The fight against digital inequality and poverty // Russian Center for Training in Electoral Technologies at the Central Election Commission of Russia. URL: <https://www.rcoit.ru/news/17640/> (date accessed: 06.06.2025).
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // SZ RF. 2014. No. 31. Art. 4398.
6. Kosaretsky S. Digital divide: the key problem of online education // IA REGNUM. 2020. April 27. URL: <https://regnum.ru/news/2930318> (date accessed: 06.06.2025).
7. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on 16.12.1966) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 12.
8. Uniting the city: rights, justice and the digital divide // Green European Journal. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/обединяя-город-права-справлывост/> (date of access: 06.06.2025).
9. The right to education and human rights // OHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-education/about-right-education-and-human-rights> (date of access: 06.06.2025).
10. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” // SZ RF. 2012. No. 53 (part 1). Art. 7598.
11. Kostina N. B., Chizhov A.A. Digital inequality in the digitalization of the educational process: sociological aspect // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2023. No. 1 (82).
12. The Digital Divide. What Does It Threaten Russia With and What Is Its Scale? // HSE University. 2021. April 28. URL: <https://iq.hse.ru/news/465308186.html> (accessed: 06/06/2025).
13. What You Need to Know About the Right to Education // UNESCO. 2023. April 20. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/chto-neobkhodimo-znat-o-prave-na-obrazovanie> (accessed: 06/06/2025).
14. Afzal A., Khan S., Daud S., Ahmad Z., Butt A. Addressing the Digital Divide: Access and Use of Technology in Education // Journal of Social Sciences Review. 2023. Vol. 3.No. 2. P. 883–895.
15. Soomro K.A., Kale U., Curtis R., Akcaoglu M., Bernstein M. Digital divide among higher education faculty // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2020. No. 17.
16. The digital divide in online education: Inequality in digital readiness of students and schools // Computers & Education. 2022. Vol. 179. DOI: 10.1016/j.compedu.2021.104395.
17. Digital inequality // Statistics. URL: <https://uucyc.ru/statistics/195> (date of access: 06.06.2025).
18. The digital divide: A review and future research agenda // Technological Forecasting and Social Change. 2022. No. 175.
19. Understanding the Digital Divide in Education // American University. 2024. May 23. URL: <https://soeonline.american.edu/blog/digital-divide-in-education/> (accessed 06/06/2025).
20. Vassilakopoulou P., Hustad E. Bridging Digital Divides: a Literature Review and Research Agenda for Information Systems Research // Information Systems Frontiers. 2023. No. 25.

Влияние трудовой миграции из стран ЕАЭС на культурно-нравственную идентичность россиян

Кузякин Юрий Петрович,

доктор юридических наук, профессор Высшей школы
государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kuziak49@mail.ru

Мухин Алексей Игоревич,

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 3893958@mail.ru

Основная цель данной статьи проанализировать проблемные теоретико-правовые вопросы влияния трудовой миграции на духовно-нравственные ценности россиян. *Материалы и методы научного исследования.* Материалами исследования является действующее нормативно-правовое акты в исследуемой сфере. В данной работе использовались различные методы научного познания, в том числе: исторический, сравнительно-правовой, анализ, синтез, логический, индукции, дедукции и другие. *Обсуждение результатов.* На данный момент миграция воздействует не только на экономическое состояние страны, но и социально-духовное. Данный институт связан с различными отраслями права (трудовым, административным, уголовным). На сегодняшний день существует ряд вопросов, требующих незамедлительной реакции со стороны государства и принятия соответствующих мер: нелегальная миграция, разрозненность региональных практик и другие. *Заключение (выводы).* Государство стремится сохранить инструменты контроля над регистрацией, предоставлением квот, проверкой работодателей и другими процедурами, чтобы балансировать между экономическими интересами, демографическими задачами и национальной безопасностью.

Ключевые слова: миграция, труд, ЕАЭС, традиционные ценности, граждане, механизмы, вызовы.

Формирование единого рынка труда закреплено в статье 4 Договора о Евразийском экономическом союзе [¹] (далее – Договор) как одного из приоритетных направлений интеграционной политики. Именно поэтому вопросы трудовой миграции являются чрезвычайно значимыми и многоаспектными для государств участников ЕАЭС: России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Перемещение трудовых кадров внутри Союза связано с рядом особенностей, в связи с общим историческим наследием, экономической отношениями и политическими договоренностями.

Трудовая миграция рассматривается как неотъемлемый элемент социально-экономических процессов в странах участницах. Она осуществляется благодаря свободе передвижения граждан государств членов, закрепленной на уровне Договора. Для того чтобы эффективно решать задачи, связанные с рабочей мобильностью и создавать перспективные механизмы сотрудничества необходимо – согласованное выстраивание единого правового поля координация усилий всех участников Союза.

Данный вид трудовой миграции подразумевает под собой перемещение граждан одной страны на территорию другой с намерением официального трудоустройства. По сути, это социальное объективное осознанное и мобильное явление в основе которого лежит именно переход из одного административно-территориального образования в другое. С юридической точки зрения ключевым моментом выступает территориальная привязанность: миграция обязательно связана с пересечением границ – будь то внутри одного государства (например, между регионами или субъектами федерации) и за его пределами (между странами Союзных республик или даже континентами). Именно эти переходы фиксируются и регулируются соответствующими нормативными актами.

Государство, реализуя свои властные полномочия через различные функции неизбежно вмешивается и в миграционные процессы. Именно на основании действующего права формируются механизмы контроля, стимулирования или ограничения перемещения людей, поскольку с помощью законодательства решаются, как и демографические вызовы так и экономические задачи. Таким образом, миграция, будучи реальным социальным действием, сама по себе не всегда сразу порождает юридические последствия: только тогда, когда че-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе [Подписан в г. Астане 29.05.2014] [ред. от 25.05.2023] [с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024]

людей пересекает границу (или перенимает иной административно-правовой статус) и вступает в двусторонние правоотношения с государством, миграция приобретает юридическое содержание.

Правовые отношения возникают не между абстрактным «процессом перемещения», а между конкретным мигрантом и государственными органами: он приобретает особый статус – например, «иностранец», а вместе с этим может получить дополнительные правовые статусы

(трудовой, социальный и другой), что подчеркивает комплексный характер данного института. Государство же, в свою очередь, выстраивает систему правовых норм, направленных как на защиту интересов «автохтонов», так и на контроль численности и состава мигрирующих потоков.

Существует множество классификаций трудовой миграции. Для более глубокого понимания процессов перемещения рабочей силы имеет смысл «разбить» это явление на несколько категорий по различным критериям: по характеру пересекаемых границ, по продолжительности пребывания, по мотивации, по причинам возникновения, по законности статуса, по степени участия государства, по социальному портрету мигранта, по уровню квалификации, по экономической выгоде для сторон. Такое дифференцирование помогает понять и оценить масштабы, направления и особенности трудовой миграции, а также ее влияние на экономику и социальную сферу как стран доноров, так и стран-реципиентов.

По мнению К.Н. Вецелярова [1], основными причинами международной трудовой миграции являются: неравномерность экономического развития в мире – значительный разрыв между развитыми и развивающимися странами, различия доходов и возможностей внутри отдельных государств и между ними, демографический дисбаланс – в одних странах избыток трудоспособного населения, в других – нехватка кадров в отдельных отраслях.

Внутри ЕАЭС к этим факторам добавляются: единые миграционные соглашения, упрощающие процедуры трудоустройства, общий рынок труда (формально) и наличие межгосударственных программ, призванных стимулировать обмен квалификационными кадрами, различия в уровнях оплаты труда и социальных гарантий между странами членами, которые порождают приток рабочих из стран с более низкими зарплатами (например, из Кыргызстана и Армении в России или Казахстан), инфраструктурные и логические связи, историческая близость, единый язык общения многих мигрантов (Русский язык), что упрощает адаптацию принимающей страны.

Важным источником сведений о миграционных процессах является статистика Евразийской Экономической комиссии. На начало 2024 года пятая часть всех трудовых мигрантов в России приходится на граждан стран ЕАЭС, при этом значительную

долю составляют выходцы из Казахстана и Кыргызстана.

Регулирование трудовой миграции происходит на основании Конституции Российской Федерации, действующих международных правовых актов и федеральных законов. Договором от 29.05.2014 г. (с изменениями и дополнениями от 24.06.2024 г.) о Евразийском экономическом союзе регулируются нормы миграционного учета, трудовые права граждан ЕАЭС и ряд других вопросов. Более того существует ряд двусторонних соглашений между Россией и другими государствами, касающимися трудовых отношений социальной защиты мигрантов.

В статье 37 Конституции России [2] провозглашается свобода труда при этом для иностранных граждан существуют определенные ограничения, закрепленные в соответствующих законах. Например, в Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 115 – ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3] определены основные дефиниции относящиеся к правовому статусу иностранных трудящихся на территории России. В Федеральном законе от 15.08.1996 г. № 114 – ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] регулируется порядок пересечения государственной границы, перечень необходимых для этого документов и порядок их оформления. Еще один закон, устанавливающий правила регистрации по месту пребывания и месту жительства иностранных граждан это Федеральный закон от 18.06.2006 г. № 109 – ФЗ [5]. Кроме этого, исходя из смысла статей с 327 по 327.6 Трудового кодекса Российской Федерации [6] закреплено одно из основных требований для трудоустройства иностранцев – это достижение совершеннолетнего возраста и выделяются виды трудовых договоров возможных для заключения.

Для качественного регулирования данной сферы были изданы следующие подзаконные акты такие как Постановления Правительства Российской Федерации устанавливающие квоты на привлечение иностранных специалистов, Приказы Министерства внутренних дел РФ (например, приказ МВД РФ № 856 от 10.11.2020) [7] регламентиру-

² Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]

³ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ [последняя редакция]

⁴ Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ [последняя редакция]

⁵ Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ [последняя редакция]

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [ред. от 07.04.2025]

⁷ Приказ МВД России от 10.12.2020 № 856 [ред. от 22.10.2024] «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без граждан-

¹ Вецелярова К.Н. Анализ причины международной трудовой миграции // Экономика и бизнес. – 2021. – № 12 [181]. – С. 55–58.

ющий миграционный учет, форму миграционной карты и процедуры регистрации по месту пребывания либо жительства. Приказы Министерства труда и социальной защиты РФ, Роструда – регламентирующие проверку соответствующих работодателей.

Таким образом, современная правовая система, регулирующая трудовую миграцию в России, является весьма сложной и комплексной включает в себя как международные правовые акты, так и федеральные законы она направлена на создание баланса между потребностями национального рынка труда защитой интересов собственных граждан и выполнением международных обязательств в рамках ЕАЭС.

Договором подразумевается льготирование иностранных граждан, въезжающих и пребывающих на территории России. Так для представителей Армении, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана достаточно иметь с собой лишь их национальный паспорт. Также иностранные работники из этих стран могут заниматься профессиональной деятельностью без патента, в данном случае обязанность возникает только у работодателя обязующегося уведомить органы внутренних дел не позднее трех рабочих дней о соответствующем работнике. В целом мигрант наделяется практически теми же трудовыми и социальными правами что и гражданин России.

Однако государство регистрирует иностранного гражданина следит за тем, чтобы он оформил все необходимые документы и своевременно оплачивал налоговые обязательства.

Относительно недавно Президентом России был выпущен Указ от 02.04.2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции»^[1] в данном документе отражена директива по созданию Службы гражданства и регистрации иностранных граждан при Министерстве внутренних дел Российской Федерации. Основной целью данных нововведений является наведение порядка в протекающих миграционных процессах и ведомственной координации. Это является важным актуальным в том числе и для социальной проблемы, возникающей при трудовой миграции это влияние на категорию «традиционные духовно-нравственные ценности».

ства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг» [Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2021 № 62483]

¹ Указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции»

Не для кого не секрет, что приезжающей в нашу страну человек является носителем самобытной культуры своей нации. Вопрос уважения и единого понимания тех фундаментальных истин, которые на протяжении десятков лет складывались на территории Российской Федерации на сегодняшний день являются приоритетным направлением деятельности. К сожалению, в том числе из-за миграции существует риск «размытия» нашей культурной идентичности и идеологической суверенности. Более того мы сталкиваемся и с проявлениями агрессии, совершениями преступлений на фоне идеологических конфликтов среди местного населения и приезжающими.

Неоднократно об этом высказывался и глава Следственного комитета России называя данные о совершаемых преступлениях и оценивая происходящее как серьезную угрозу общественной безопасности^[2].

Для поддержания иностранных граждан, разделяющих отечественные традиционные и духовные ценности был принят Указ Президента от 19.08. 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные духовно-нравственные ценности»³ в том числе в данном документе подразумеваются и миграционные послабления даже без знания русского языка. Данная мера поддержки прежде всего направлена для помощи в ассимиляции (в том числе трудовых мигрантов). Многие иностранные граждане приезжают в нашу страну обладая желанием обустроиться и стать единой частью российского общества.

Говоря о ценностях следует отметить, что некоторые страны участники ЕАЭС являлись частью единого Советского народа, таким образом трудоспособное общество и граждане в процессе своего взросления впитывали те единые ценности советского общества, которые Российская Федерация как полноправный приемник пытается сохранить и укрепить. К числу таких ценностей следует отнести: уважение, справедливость и солидарность поколений, созидательность труда, гражданственность и другие. Именно в связи с тем, что представители бывших Союзных республик уважают и разделяют их – существуют соответствующие соглашения о визовых льготах.

С целью реализации политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей для трудовых мигрантов, приезжающих с семьями, было внедрено обязательное тестирование для детей мигрантов на знание Русского языка это позволит со школьной скамьи ребенку взаимодействовать со сверстниками, изучать культуру и традиции. В будущем это нивелирует возможное проявление

² Что сказал Бастрыкин о росте преступности среди мигрантов // Ведомости. 2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/20/1111390-chto-skazal-bastrikin-o-roste-prestupnosti> [дата обращения: 04.06.2025]

³ Указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»

конфликтных ситуаций на фоне идеологического непонимания.

Резюмируя все вышесказанное необходимо сделать вывод о том, что миграция воздействует не только на экономическое состояние страны, но и социально-духовное. Институт миграции связан с различными отраслями права (трудовым, административным, уголовным). На сегодняшний день существует ряд вопросов, требующих незамедлительной реакции со стороны государства и принятия соответствующих мер:

- 1) Нелегальная миграция – остается серьезной угрозой, особенно со стороны третьих стран. Для граждан ЕАЭС риск нелегального пребывания минимален из-за упрощенной визовой системы.
- 2) Разрозненность региональных практик – разные субъекты Российской Федерации по-разному интерпретируют федеральные нормы, что приводит к затруднениям в вопросе ассимиляции мигрантов.
- 3) Низкая правовая грамотность – из-за незнания действующего законодательства пребывающие на территории страны могут нарушать правила пребывания и трудоустройства без существования на то соответствующего умысла.
- 4) Желание извлекать экономическую выгоду – на сегодняшний день существует проблема того, что мигрант приезжает в Россию «на заработки» без желания ассимилироваться – это создает проблемы отсутствия должного уважения к существующим традициям и нравам, что может приводить к совершению правонарушений.
- 5) Бюрократические сложности – сложность в получении необходимых документов и загруженность соответствующих ведомств.

Подводя итог, государство стремиться сохранить инструменты контроля над регистрацией, предоставлением квот, проверкой работодателей и другими процедурами, чтобы балансировать между экономическими интересами, демографическими задачами и национальной безопасностью. Ключевыми принципами, на которых основывается государство приоритет интересов собственных граждан, учет региональных и этнокультурных особенностей, принцип координации между органами власти, участие гражданского общества. Только полноценная реализация этих принципов позволит выстроить справедливую эффективную и устойчивую систему миграционного управления, отвечающая современным вызовам.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]
2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Подписан в г. Астане 29.05.2014] [ред.

от 25.05.2023] [с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024]

3. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ [последняя редакция] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
4. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ [последняя редакция] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
5. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ [последняя редакция] // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
6. Указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1692.
7. Указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35. Ст. 5322.

DEGREE OF INFLUENCE OF LABOR MIGRANTS FROM EAEU COUNTRIES ON THE NATIONAL CULTURE OF RUSSIANS

Kuzyakin Yu., Mukhin A.

Lomonosov Moscow State University

The main purpose of this article is to analyze the problematic theoretical and legal issues of the impact of labor migration on the spiritual and moral values of Russians. *Materials and methods of scientific research.* The materials of the study are the current legal acts in the field under study. Various methods of scientific cognition were used in this work, including: historical, comparative-legal, analysis, synthesis, logical, induction, deduction and others. *Discussion of results.* At the moment, migration affects not only the economic state of the country, but also socio-spiritual. This institution is associated with various branches of law (labor, administrative, criminal). To date, there are a number of issues that require an immediate response from the state and appropriate measures: illegal migration, disparate regional practices and others. *Conclusion (conclusions).* To summarize, the state seeks to maintain instruments of control over registration, quota provision, employer verification and other procedures in order to balance economic interests, demographic objectives and national security.

Keywords: migration, labor, EAEU, traditional values, citizens, mechanisms, challenges.

References

1. Constitution of the Russian Federation [adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in the course of the nationwide voting on 01.07.2020]
2. The Treaty on the Eurasian Economic Union [Signed in Astana 29.05.2014] [ed. of 25.05.2023] [with amendments and additions, effective from 24.06.2024].
3. Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» of 25.07.2002 No. 115-FZ [latest edition] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.
4. Federal Law «On the order of departure from the Russian Federation and entry into the Russian Federation» from 15.08.1996 № 114-FZ [last edition] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

5. Federal Law «On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» of 18.07.2006 № 109-FZ [latest edition] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 30. Art. 3285.
6. Decree of the President of the Russian Federation from 02.04.2025 № 205 «On improvement of state management in the field of migration» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 14. Art. 1692.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 19.08.2024 № 702 «On providing humanitarian support to persons who share traditional Russian spiritual and moral values» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 35. Art. 5322.

Некоторые юридические аспекты развития искусственного интеллекта в здравоохранении: сравнительно-правовой анализ

Алексеева Наталья Юрьевна,

доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России

E-mail: nata610@mail.ru

Сирин Сергей Анатольевич,

кандидат философских наук, доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России

E-mail: tkocmina@gmail.com

Занданова Елена Игоревна,

ассистент кафедры хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии, ФГБОУ ВО Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России

E-mail: zandanova.alyona@yandex.ru

В статье исследуются ключевые правовые аспекты внедрения и использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в системе здравоохранения. Анализируются существующие нормативно-правовые подходы к регулированию ИИ в медицинской сфере, вопросы ответственности при применении ИИ-систем, проблемы защиты персональных данных пациентов, а также этико-правовые дилеммы, возникающие при использовании автономных систем диагностики и лечения. Предлагаются правовые механизмы, направленные на формирование сбалансированного подхода к регулированию ИИ в здравоохранении, учитывающего интересы пациентов, медицинских организаций и разработчиков ИИ-систем. Результаты исследования имеют практическое значение для формирования эффективной нормативно-правовой базы в области применения ИИ в медицине и могут быть использованы при совершенствовании законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, правовое регулирование, медицинское право, персональные данные, ответственность, этико-правовые аспекты, медицинские технологии.

Введение

В эпоху стремительного технологического прогресса искусственный интеллект (ИИ) становится одним из ключевых драйверов трансформации здравоохранения. Автоматизация диагностики заболеваний, персонализация лечения, прогнозирование эпидемий и оптимизация административных процессов – все эти возможности открывают новые горизонты для повышения качества и доступности медицинской помощи. По прогнозам аналитиков, глобальный рынок ИИ в здравоохранении достигнет 187,95 миллиардов долларов к 2030 году, демонстрируя среднегодовой темп роста более 37%.

Однако за инновационным потенциалом скрывается сложный комплекс правовых вопросов, требующих немедленного разрешения. Внедрение систем искусственного интеллекта в медицинскую практику порождает беспрецедентные юридические вызовы, связанные с защитой персональных данных пациентов, определением ответственности за ошибки алгоритмов, соблюдением принципов медицинской этики и обеспечением справедливого доступа к технологиям. Законодательные системы во всем мире стремятся адаптироваться к этой новой реальности, разрабатывая нормативные акты, способные обеспечить баланс между стимулированием инноваций и защитой прав граждан.

Особую актуальность приобретает проблема регулирования ИИ-систем, принимающих клинические решения. В отличие от традиционных медицинских изделий, алгоритмы машинного обучения обладают способностью к самообучению и модификации своего поведения со временем, что затрудняет применение устоявшихся подходов к сертификации и контролю качества. Кроме того, использование больших данных для обучения ИИ-моделей поднимает фундаментальные вопросы о соблюдении конфиденциальности и информированном согласии.

Настоящая статья призвана исследовать многогранные правовые аспекты внедрения искусственного интеллекта в здравоохранение, проанализировать существующие подходы к регулированию данной сферы в различных юрисдикциях и предложить концептуальную основу для формирования сбалансированной правовой среды, способствующей ответственному развитию ИИ-технологий в медицине. Особое внимание будет уделено вопросам ответственности за принятие решений с использованием ИИ, защите медицинских данных, правам интеллектуальной собственности и этико-правовым принципам, которые должны ле-

жать в основе регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении.

Охарактеризуем современное состояние правового регулирования ИИ в здравоохранении в международном контексте ее основных подходов.

На международном уровне правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении находится в стадии активного формирования. Всемирная организация здравоохранения в 2021 году выпустила «Руководство по этике и управлению ИИ в здравоохранении», предлагающее шесть ключевых принципов: защита автономии человека, содействие благополучию и безопасности, обеспечение прозрачности, развитие ответственности, внедрение инклюзивности и продвижение адаптивного управления. [4] Данный документ, хотя и не является юридически обязательным, задает важные ориентиры для национальных законодателей.

Европейский Союз демонстрирует наиболее прогрессивный подход к регулированию ИИ. В апреле 2021 года Европейская комиссия представила проект Регламента об искусственном интеллекте (AI Act), который классифицирует ИИ-системы по уровням риска и устанавливает соответствующие требования к их разработке, внедрению и мониторингу. Согласно этому документу, большинство медицинских ИИ-систем относятся к категории высокого риска, что предполагает проведение предварительной оценки соответствия, обеспечение прозрачности алгоритмов и постоянный надзор. [9]

В США регулирование осуществляется преимущественно через Управление по контролю за продуктами и лекарствами (FDA), которое разработало концепцию «программного обеспечения как медицинского устройства» (SaMD). В рамках данной концепции ИИ-системы, используемые для диагностики или лечения, подлежат сертификации аналогично традиционным медицинским изделиям. Однако, признавая уникальные свойства ИИ, FDA в 2019 году предложило новую регуляторную парадигму – «Регулирование с учетом общего жизненного цикла продукта», позволяющую оценивать и контролировать ИИ-системы на протяжении всего периода их использования. [10]

В Российской Федерации правовое регулирование ИИ в здравоохранении пока фрагментарно. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» от 31.07.2020 № 258-ФЗ создал механизм «регуляторных песочниц», позволяющий тестировать ИИ-решения в здравоохранении в условиях ограниченного действия отдельных нормативных требований. Кроме того, «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» определяет стратегические направления развития законодательства в данной области.

Приведем сравнительную характеристику подходов к правовому регулированию ИИ в здравоохранении в разных странах (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к правовому регулированию ИИ в здравоохранении в разных странах

Юрисдикция	Основные регуляторные механизмы	Классификация ИИ-систем	Особенности оценки соответствия	Механизмы ответственности
Европейский Союз	AI Act, GDPR, MDR/IVDR	Риск-ориентированный подход с выделением систем неприемлемого, высокого, ограниченного и минимального риска	Предварительная оценка систем высокого риска, требование к документации, оценка соответствия перед выходом на рынок	Строгая ответственность для высокорисковых систем, механизмы солидарной ответственности
США	FDA Pre-Cert Program, Software as a Medical Device framework	Категоризация на основе риска для пациента и функционального назначения	Предварительная сертификация разработчика, постмаркетинговый мониторинг, сбор данных о реальном применении	Ответственность производителя с элементами ответственности конечного пользователя
Китай	Закон о безопасности данных, Регулирование медицинских устройств	Определение ключевых и некритических ИИ-систем, особый акцент на защите данных	Государственная регистрация и лицензирование, требования к локализации данных внутри страны	Жесткая ответственность разработчика с возможностью административных и уголовных санкций
Российская Федерация	«Регуляторные песочницы», общее законодательство о медицинских изделиях	Формирующаяся система на основе функционального подхода	Общие процедуры регистрации медицинских изделий с элементами экспериментальных правовых режимов	Общие механизмы гражданской ответственности с неопределенностью распределения
Япония	PMDA Regulatory Sandbox, Agile Governance Framework	Многоуровневая система с акцентом на самообучающиеся и автономные системы	Гибкая система «итеративной регуляторной оценки», сопровождающая разработку	Сочетание ответственности разработчика и медицинской организации с компенсационными фондами

Как видно из таблицы, страны демонстрируют различные подходы к регулированию ИИ в здравоохранении, отражающие их правовые традиции, уровень технологического развития и приорите-

ты в области общественного здравоохранения. [8] При этом можно выделить общие тенденции: движение к риск-ориентированному регулированию, повышенное внимание к защите данных и разра-

ботка механизмов непрерывной оценки ИИ-систем на протяжении их жизненного цикла.

Можно указать на следующие ключевые правовые проблемы внедрения ИИ в здравоохранение.

Проблема ответственности за действия ИИ-систем

Одной из центральных правовых проблем является определение субъекта ответственности в случае причинения вреда пациенту в результате использования ИИ-системы. Традиционная медицинская модель ответственности, основанная на концепции врачебной ошибки, оказывается недостаточной в ситуациях, когда решение принимается алгоритмом, а не человеком.

В юридической литературе обсуждаются несколько возможных подходов к решению данной проблемы:

1. Ответственность разработчика ИИ-системы – основана на принципах ответственности производителя за качество продукции и предполагает, что создатель алгоритма должен нести ответственность за его дефекты.
2. Ответственность медицинской организации или врача – исходит из того, что окончательное решение о применении рекомендаций ИИ принимает медицинский специалист, который должен критически оценивать их.
3. Модель распределенной ответственности – предполагает распределение ответственности между всеми участниками процесса: разработчиками, медицинскими специалистами, учреждениями здравоохранения и даже регуляторными органами. [7]

Эксперты отмечают, что оптимальным решением может стать внедрение механизма обязательного страхования ответственности при использовании ИИ-систем в здравоохранении, а также создание компенсационных фондов для возмещения вреда пациентам вне зависимости от установления конкретного виновного лица.

Защита персональных медицинских данных

Развитие ИИ в здравоохранении неразрывно связано с использованием больших объемов медицинских данных, что ставит вопрос о необходимости обеспечения их надлежащей защиты. Существующие законодательные механизмы (GDPR в Европе, HIPAA в США, ФЗ «О персональных данных» в России) устанавливают высокие стандарты обработки медицинской информации, однако не всегда учитывают специфику алгоритмов машинного обучения.

Особую сложность представляют следующие аспекты:

- Использование анонимизированных данных для обучения ИИ-систем и риски деанонимизации;
- Проблема информированного согласия пациентов на использование их данных для разработки и обучения ИИ;

- Трансграничная передача данных при создании глобальных ИИ-решений;
- Обеспечение безопасности данных от несанкционированного доступа и кибератак. [6]

Инновационным решением данных проблем может стать внедрение технологий федеративного обучения, позволяющих тренировать ИИ-модели без централизованного сбора данных, а также использование технологии дифференциальной приватности, обеспечивающей защиту конфиденциальности при сохранении полезности данных для обучения алгоритмов.

Сертификация и регулирование ИИ-систем в здравоохранении

Традиционные механизмы сертификации медицинских изделий основаны на предположении о неизменности характеристик продукта после его выхода на рынок. Однако ИИ-системы, особенно построенные на основе технологий машинного обучения, способны модифицировать свое поведение по мере накопления новых данных, что требует пересмотра регуляторных подходов.

В мировой практике формируются новые модели оценки и контроля ИИ-систем в здравоохранении:

1. Предварительная сертификация разработчика вместо отдельных продуктов (подход Pre-Cert, разрабатываемый FDA);
2. Непрерывный мониторинг работы ИИ-систем в реальных условиях с регулярной переоценкой показателей безопасности и эффективности;
3. Требования к «объяснимости» ИИ, позволяющие понять логику принятия решений алгоритмом. [3]

Важным аспектом регулирования является также обеспечение прозрачности в отношении того, когда пациент взаимодействует с ИИ-системой, а когда с человеком-специалистом. В некоторых юрисдикциях уже вводится обязательное уведомление пациентов об использовании ИИ в процессе их лечения или диагностики.

Интеллектуальная собственность и доступ к ИИ-технологиям

Развитие ИИ в здравоохранении неизбежно затрагивает вопросы интеллектуальной собственности. Патентование алгоритмов, защита методов обучения ИИ, охрана баз данных и программных комплексов – все эти аспекты требуют балансирования между интересами разработчиков и общественным интересом в доступности инновационных медицинских технологий.

Особенно актуальной становится проблема так называемых «цифровых разрывов» в доступе к ИИ-технологиям между развитыми и развивающимися странами, между городским и сельским населением, между различными социально-экономическими группами. Усиление существую-

щего неравенства в доступе к здравоохранению через внедрение дорогостоящих ИИ-технологий представляет серьезную этическо-правовую проблему.

Для решения данной проблемы предлагаются различные правовые механизмы:

- Принудительное лицензирование жизненно важных ИИ-технологий;
- Государственное субсидирование разработки ИИ-решений для социально значимых заболеваний;
- Создание открытых репозиторий медицинских данных и алгоритмов для исследовательских целей. [1]

Этические аспекты регулирования ИИ в здравоохранении

Правовое регулирование ИИ в здравоохранении неразрывно связано с этическими принципами. Многие страны и международные организации формулируют этические кодексы и руководства по ответственному использованию ИИ в медицине, которые впоследствии становятся основой для разработки юридически обязательных норм.

Ключевые этические принципы, внедряемые в законодательство:

- Принцип человекоцентричности – ИИ должен дополнять, а не заменять человеческое взаимодействие в медицине;
- Принцип справедливости – недопустимость дискриминации при использовании ИИ-систем;
- Принцип прозрачности – обеспечение понятности процесса принятия решений ИИ-системами;
- Принцип ответственности – четкое определение ответственных за функционирование ИИ-систем;
- Принцип безопасности и приватности – защита пациентов от рисков, связанных с использованием ИИ. [2]

Особое внимание в этико-правовом регулировании уделяется проблеме алгоритмической предвзятости (bias), когда ИИ-системы воспроизводят или даже усиливают существующие в обществе предубеждения и неравенство. Для борьбы с этим явлением в законодательство вводятся требования по оценке справедливости алгоритмов, диверсификации обучающих данных и регулярному аудиту ИИ-систем на предмет дискриминационных практик. [5]

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации по развитию правового регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении:

1. Разработка специализированного законодательства об ИИ в здравоохранении, учитывающего специфику медицинской деятельности и особые риски для пациентов;
2. Внедрение риск-ориентированного подхода к регулированию, предусматривающего различные уровни контроля в зависимости от по-

тенциального воздействия ИИ-системы на здоровье пациентов;

3. Создание механизмов непрерывного мониторинга и оценки ИИ-систем на протяжении всего их жизненного цикла, включая период после внедрения в клиническую практику;
4. Формирование специализированных судебных и экспертных институтов для разрешения споров, связанных с причинением вреда при использовании ИИ в здравоохранении;
5. Разработка международных стандартов обмена медицинскими данными для обучения ИИ-систем с соблюдением принципов защиты персональной информации;
6. Создание правовых стимулов для разработки ИИ-решений, направленных на повышение доступности медицинской помощи для уязвимых групп населения;
7. Внедрение механизмов обязательного страхования ответственности при использовании ИИ-систем в клинической практике;
8. Развитие законодательства о «праве на объяснение» – праве пациентов получать понятное объяснение решений, принимаемых ИИ-системами в отношении их здоровья.

Заключение

Правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении находится на начальном этапе своего формирования. Сложность и многоаспектность данной проблематики требуют комплексного подхода, сочетающего гибкость регулирования с обеспечением необходимого уровня защиты прав пациентов и медицинских работников.

Оптимальная модель правового регулирования должна стимулировать инновационное развитие ИИ-технологий, повышающих эффективность и доступность здравоохранения, одновременно минимизируя связанные с этим риски. Такой баланс может быть достигнут через сочетание обязательных требований к безопасности и качеству ИИ-систем с «мягким правом» – этическими руководствами, стандартами и рекомендациями.

Развитие законодательства в данной сфере должно происходить в тесном взаимодействии юристов, медицинских специалистов, разработчиков ИИ и представителей пациентского сообщества. Только междисциплинарный диалог позволит создать правовую среду, способствующую ответственному и этичному применению искусственного интеллекта для улучшения здоровья и качества жизни людей.

Литература

1. Бычкова Е.М., Николаев А.В. Интеллектуальная собственность в сфере разработки медицинских систем искусственного интеллекта: современное состояние и правовые вызовы // Право интеллектуальной собственности. 2022. № 3. С. 18–29.

2. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Регулирование систем искусственного интеллекта в здравоохранении: сравнительно-правовой анализ // Правовая информатика. 2022. № 2. С. 24–35.
3. Лебедев В.А., Иванова А.П. Правовые аспекты защиты персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта в медицине // Информационное право. 2022. № 4. С. 32–41.
4. Морозов С.П., Владзимирский А.В., Андрейченко А.Е. Нормативно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в здравоохранении: ключевые аспекты и тенденции // Медицинское право. 2022. № 3. С. 14–22.
5. Наумов В.Б., Незнамов А.В., Смирнова К.М. Этико-правовые принципы применения технологий искусственного интеллекта в медицине: международные стандарты и российская перспектива // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 2. С. 63–76.
6. Петрова Н.Г., Савельев А.И. Ответственность за причинение вреда системами искусственного интеллекта в здравоохранении: проблемы и перспективы регулирования // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 1. С. 45–57.
7. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л. Вопросы правового обеспечения использования искусственного интеллекта в здравоохранении // Государство и право. 2023. № 5. С. 78–89.
8. Шкарин В.В., Берсенева Е.А., Кураева В.М., Савостина Е.А. Искусственный интеллект в здравоохранении: возможности и проблемы внедрения // Вестник Росздравнадзора. 2021. № 3. С. 31–38.
9. European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). COM(2021) 206 final, 2021.
10. U.S. Food and Drug Administration. Proposed Regulatory Framework for Modifications to Artificial Intelligence/Machine Learning (AI/ML)-Based Software as a Medical Device (SaMD). FDA, 2019. 20 p.
11. World Health Organization. Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance. Geneva: WHO, 2021. 165 p.

SOME LEGAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HEALTHCARE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Alekseeva N. Yu., Sirin S.A., Zandanova E.I.

Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

The article examines the key legal aspects of the implementation and use of artificial intelligence (AI) technologies in the healthcare system. It analyzes existing regulatory approaches to AI regulation in the medical field, liability issues in the application of AI systems, problems of protecting patients' personal data, as well as ethical and legal dilemmas arising from the use of autonomous diagnostic and treatment systems. The study proposes legal mechanisms aimed at forming a balanced approach to AI regulation in healthcare, taking into account the interests of patients, medical organizations, and developers of AI systems. The research results have practical significance for the formation of an effective regulatory framework in the field of AI application in medicine and can be used to improve legislation in this area.

Keywords: artificial intelligence, healthcare, legal regulation, medical law, personal data, liability, ethical and legal aspects, medical technologies.

References

1. Bychkova E.M., Nikolaev A.V. Intellectual property in the development of medical artificial intelligence systems: current state and legal challenges // Intellectual property law. 2022. No. 3. pp. 18–29.
2. Kartskhiya A.A., Makarenko G.I. Regulation of artificial intelligence systems in healthcare: comparative legal analysis // Legal Informatics. 2022. No. 2. pp. 24–35.
3. Lebedev V.A., Ivanova A.P. Legal aspects of personal data protection when using artificial intelligence systems in medicine // Information Law. 2022. No. 4. pp. 32–41.
4. Morozov S.P., Vladzimirskiy A.V., Andreichenko A.E. Regulatory and legal regulation of the use of artificial intelligence in healthcare: key aspects and trends // Medical law. 2022. No. 3. pp. 14–22.
5. Naumov V.B., Neznamov A.V., Smirnova K.M. Ethical and legal principles of the use of artificial intelligence technologies in medicine: international standards and a Russian perspective // Bulletin of Moscow University. Episode 11: The Law. 2023. No. 2. pp. 63–76.
6. Petrova N.G., Savelyev A.I. Responsibility for harm caused by artificial intelligence systems in healthcare: problems and prospects of regulation // Medical law: theory and practice. 2023. Vol. 9. No. 1. pp. 45–57.
7. Ponkin I.V., Kupriyanovsky V.P., Moreva S.L. Issues of legal support for the use of artificial intelligence in healthcare // State and law. 2023. No. 5. pp. 78–89.
8. Shkarin V.V., Berseneva E.A., Kuraeva V.M., Savostina E.A. Artificial intelligence in healthcare: opportunities and problems of implementation // Bulletin of Roszdravnadzor. 2021. No. 3. pp. 31–38.
9. The European Commission. A proposal for a Regulation establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). COM(2021) 206 final edition, 2021.
10. The U.S. Food and Drug Administration. Proposed regulatory framework for modification of artificial intelligence/machine learning (AI/ML)-based software as a medical device (SaMD). FDA, 2019. Page 20.
11. World Health Organization. Ethics and management of the use of artificial intelligence in healthcare: WHO guidelines. Geneva: WHO, 2021. 165 p.

Проблемы развития населённых пунктов в пределах особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Московской области

Федотов Михаил Вячеславович,

аспирант ФГБОУ «Государственного университета
по землеустройству»

E-mail: m.feds137@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ проблем взаимодействия между особо охраняемыми природными территориями Московской области и населёнными пунктами, расположенными в их границах. Исследование охватывает правовые, экологические, социальные и экономические аспекты данного вопроса. На основе анализа нормативно-правовой базы, статистических данных и полевых исследований выявлены ключевые противоречия между природоохранными ограничениями и потребностями местного населения. Предложены конкретные механизмы оптимизации управления ООПТ с учётом интересов всех заинтересованных сторон. Особое внимание уделено вопросам территориального планирования, развитию экологического туризма и совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, ООПТ, Московская область, устойчивое развитие, природоохранное законодательство, экологические ограничения.

Московский мегаполис продолжает стремительно расширяться, поглощая окружающие территории. Каждый год сюда прибывают десятки, а то и сотни тысяч новых жителей, привлечённых экономическими возможностями столицы. Такой мощный демографический напор неизбежно трансформирует городскую среду – кварталы становятся плотнее, парки уменьшаются, а свободные участки земли стремительно исчезают под новыми жилыми комплексами.

Современная ситуация в Москве постоянно обновляется, ведётся строительство новых жилых кварталов, автомобильных трасс, линий метрополитена, иных сооружений. Зачастую указанные проекты затрагивают границы ООПТ, в связи с чем возникает необходимость либо внесения изменений в проекты планировок, что зачастую требует значительных затрат, либо корректировки границ ООПТ [3].

Мэр Москвы Сергей Собянин подписал постановление «О преобразовании особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы в особо охраняемые зелёные территории города Москвы» от 27.12.24 № 3160-ПП [1], которым изменил статус столичных особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Они перешли в новую категорию «особо охраняемых зелёных территорий» (ООЗТ). По данному постановлению 146 объектов сменили статус из особо охраняемой природной территории регионального значения города Москвы.

Принятое постановление о преобразовании особо охраняемых природных территорий в особо охраняемые зелёные территории вносит существенные изменения в правовой режим данных участков, что неизбежно отразится на развитии прилегающих населённых пунктов. Основная трансформация заключается в переходе от жестких природоохранных ограничений к более гибкой системе регулирования, которая должна обеспечить баланс между экологическими требованиями и социально-экономическими потребностями местных сообществ.

Особую тревогу вызывает судьба бывших охраняемых природных зон, которые теперь рискуют раствориться в бетонных джунглях. Их новый юридический статус, лишенный прежних строгих ограничений, делает эти территории особенно уязвимыми перед натиском девелоперов. Чем меньше правовая защита ООПТ, тем выше вероятность, что вскоре они превратятся в очередные стройплощадки.

Суть изменений прежде всего затрагивает правовую статус территорий. Новый формат «особо

охраняемых зеленых территорий» предполагает дифференцированный подход к зонированию, что позволит выделять участки с различной степенью охраны и возможностями хозяйственного использования.

После упразднения особо охраняемых природных территорий в столице возможностей для «благоустройства» стало больше. Теперь в парках и лесах Москвы можно прокладывать коммуникации, строить дороги, парковки и некапитальные здания. На Крылатских холмах уже возводится спортивный кластер, в Строгинской пойме – футбольный манеж. В планах – строительство крупнейшей платной магистрали, которая пройдет по территории лесопарка «Покровское-Стрешнево». Таким образом, созданы предпосылки для более рационального территориального планирования, когда строгие ограничения будут применяться только к наиболее ценным природным комплексам, а остальные территории получат потенциал для разумного освоения.

Для населенных пунктов, расположенных вблизи преобразуемых территорий, новые правила несут как значительные преимущества, так и определенные риски. Теперь управление бывшими ООПТ регулируется постановлением правительства Москвы от 22 августа 2012 года № 423-ПП «Об особо охраняемых зеленых территориях в городе Москве». Этот документ запрещает деятельность, не связанную с их сохранением, «за исключением деятельности, предусмотренной решением правительства Москвы». Это значит, что судьба ООЗТ или их частей полностью зависит от решений московского правительства.

Тенденция особенно заметна на окраинах столицы, где природные ландшафты постепенно сдают позиции под натиском точечной застройки. Парковые зоны, некогда служившие легкими города, сегодня буквально задыхаются в тисках новых микрорайонов. При этом темпы жилищного строительства явно опережают развитие транспортной и социальной инфраструктуры, что создает дополнительную нагрузку на сохранившиеся зеленые территории.

Специалисты отмечают парадоксальную ситуацию – формально площадь озелененных пространств может оставаться прежней, но их качество и экологическая ценность неуклонно снижаются. Фрагментированные участки природы, зажатые между высотками, уже не могут выполнять свои биосферные функции в полном объеме. Особенно страдают небольшие природные территории, которые первыми попадают под застройку из-за менее строгих ограничений.

С одной стороны, смягчение режима охраны открывает возможности для развития инфраструктуры, создания рекреационных зон и объектов туристического сервиса. Это может способствовать экономическому оживлению территорий, появлению новых рабочих мест и повышению качества жизни местного населения. Особенно важным представляется разрешение на размещение некапитальных объектов площадью до 1 га, что позво-

лит развивать необходимую для жителей социальную инфраструктуру.

С другой стороны, существует реальная опасность чрезмерной коммерциализации природных территорий и постепенной утраты их экологических функций. Опыт других регионов показывает, что ослабление охраны ценных природных комплексов часто приводит к их деградации, фрагментации экосистем и снижению биоразнообразия. Поэтому крайне важно найти разумный компромисс между потребностями развития и необходимостью сохранения природного наследия.

Особого внимания заслуживают градостроительные аспекты новых правил. Преобразование ООПТ создает условия для формирования так называемого «зеленого каркаса» города – системы взаимосвязанных природных и озелененных территорий, гармонично вписанных в городскую застройку. Такой подход позволяет совместить интересы развития населенных пунктов с требованиями экологической безопасности, создавая комфортную среду для проживания.

Постановление Правительства Московской области «О внесении изменений в Схему развития и размещения особо охраняемых природных территорий в Московской области» дает обновленную схему, которая дополнена ООПТ, созданными или реорганизованными в 2021–2023 годах. На схеме отражены сведения о 7 ООПТ, созданных за три года, а также о 3 реорганизованных заказниках, получивших новые имена и границы. Эта информация очень важна не только для предприятий, компаний, но и для всех жителей Подмосковья. Во всех ООПТ существуют ограничения на выделение земель, ряд видов хозяйственной деятельности, поэтому всем, кто планирует осваивать земли, сначала нужно убедиться, что они не входят в границы ООПТ, либо в том, что хозяйственные планы не нарушат режим особой охраны.

В 2021–2023 годах созданы следующие ООПТ областного значения: заказник «Дубешненский» (Одинцовский и Истра), заказник «Верховые болота лесных водоразделов рек Жуковки и Поноши» (Одинцовский), прибрежные рекреационные зоны «Косино» и «Вейна», а также заказник «Гряды-Разварнинский» (Рузский), заказник «Подушкинский лес» (Одинцовский). Кроме того, проведена реорганизация заказника «Болото Сетка» с изменением границ и переименованием в «Озерный» (Щелково, Балашиха), реорганизация заказника «Озеро Белое близ д. Дубасово, 56, 61 кв. Белозерского лесничества» с переименованием в «Озеро Белое у деревни Дубасово» (Шатура), а также реорганизация трех заказников «Сосняки в кв. 89 и 98 Северного лесничества», «Сосняки в кв. 90, 91, 99, 100 Северного лесничества» и «Сосняки в кв. 1 и 2 Городищенского лесничества» путем их объединения и переименования в «Малодубненский».

Помимо этого, в обновленную схему включены планируемые к организации ООПТ в Ленинском, Одинцовском, Рузском округах и в Серпухове.

Все это происходит на фоне очень быстрого роста московской агломерации. По разным оценкам, ежегодный прирост ее населения составляет от десятков тысяч до сотен тысяч человек, в основном за счет внутренней миграции. Обеспечение этого роста необходимым жильем и инфраструктурой происходит во многом за счет уплотнительной застройки, сокращения площади и доли природных территорий и прочих открытых пространств. Риск того, что бывшие московские особо охраняемые природные территории со временем тоже станут жертвами такого уплотнения, очень велик. И чем ниже их официальный статус, тем этот риск выше.

Изменения и следующие за ними действия застройщиков зачастую ведут к конфликтам с местными жителями. Так, в урочище «Горная страна» природного парка «Крылатские холмы» сложилась напряженная обстановка. Местные жители организовали круглосуточное дежурство, чтобы предотвратить строительство экстрим-парка для motorsportивных соревнований [2].

Активисты, преимущественно пожилые люди и женщины, дежурят у въезда в урочище, готовые в любой момент преградить путь строительной технике. 2 мая 2025 г. произошло столкновение с правоохранительными органами – полиция задержала нескольких активистов, включая случайных прохожих, по подозрению в организации несанкционированного митинга. При этом использовались жесткие методы – людей силой выводили из-под тента, составляли протоколы.

Особое возмущение вызвал факт, что основным доказательством «митинга» стал детский рисунок, который власти интерпретировали как агитационный плакат. Несмотря на давление, жители продолжают охранять территорию, мотивируя это личной привязанностью к месту, где выросли и которое хотят сохранить для будущих поколений.

15 мая выяснилось, что строительство не согласовано с Департаментом природопользования Москвы. 20 мая суд вернул полиции все семь составленных протоколов, отказавшись рассматривать их по существу, что свидетельствует о процессуальных нарушениях при задержаниях. Конфликт продолжает развиваться, оставаясь неразрешенным.

Будущее поселений в изменившихся условиях определит способность власти и местных сообществ воплотить концепцию устойчивого развития на практике. Грамотное территориальное планирование должно одновременно учитывать три ключевых аспекта – сохранение экологического баланса, удовлетворение потребностей населения и экономическую целесообразность предлагаемых решений. Особую роль здесь могут сыграть инновационные схемы возмещения утраченных зеленых насаждений, способные нивелировать негативные последствия строительных инициатив для окружающей среды.

Однако успешная реализация этих замыслов потребует разработки детальных механизмов регулирования. Необходимо четко определить кри-

терии зонирования преобразованных территорий, установить прозрачные правила землепользования и создать эффективную систему контроля за соблюдением установленных требований. Особую важность приобретает вопрос общественного участия в принятии решений о развитии данных территорий.

Нормативные изменения создают принципиально иные условия для гармоничного освоения пространства, но их практическое применение потребует высокой квалификации ответственных специалистов. Решающее значение приобретает выработка прозрачных и непротиворечивых регламентов, способных одновременно упростить процедуры хозяйственного освоения и гарантировать защиту уникальных природных объектов. Лишь такой многоуровневый механизм регулирования сможет обеспечить достижение основной задачи – формирования благоприятных и экологически устойчивых условий жизни для людей в населенных пунктах, граничащих с охраняемыми зелеными зонами.

При этом важно понимать, что экологическая составляющая не должна становиться разменной монетой в угоду сиюминутным экономическим выгодам. Каждое решение о развитии территории необходимо тщательно взвешивать, рассматривая его долгосрочные последствия для всей экосистемы. Только осознанный подход к преобразованиям позволит сохранить хрупкое равновесие между прогрессом и природным наследием, создавая по-настоящему комфортную среду для будущих поколений.

Литература

1. О преобразовании особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы в особо охраняемые зеленые территории города Москвы от 27.12.24 № 3160-ПП. URL: <https://vestnikmoscow.mos.ru/wp-content/uploads/2024/12/zhurnal-vestnik-moskvy-%E2%84%96-72-tom-4.pdf>
2. Кедр. URL: <https://kedr.media/stories/kost-mi-zdes-lyagu/>
3. Проблематика функционирования особо охраняемых природных территорий в границах мегаполисов (на примере города Москвы). URL: <https://pv-mgri.ru/tpost/tcrck3ub71-problematika-funktsionirovaniya-osobo-oh->

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SETTLEMENTS WITHIN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS (SPNA) IN THE MOSCOW REGION

Fedotov M.V.

State University of Land Management

The article provides a comprehensive analysis of the problems of interaction between specially protected natural areas of the Moscow Region and settlements located within their boundaries. The study covers the legal, environmental, social and economic aspects of this issue. Based on the analysis of the regulatory framework, statistical data and field studies, key contradictions between environmental restrictions and the needs of the local population are identified.

Specific mechanisms for optimizing the management of SPNA are proposed, taking into account the interests of all stakeholders. Particular attention is paid to issues of territorial planning, development of ecotourism and improvement of legislation.

Keywords: specially protected natural areas, SPNA, Moscow Region, sustainable development, environmental legislation, environmental restrictions.

References

1. On the transformation of specially protected natural areas of regional significance of the city of Moscow into specially protected green areas of the city of Moscow dated 27.12.24 No. 3160-PP. URL: <https://vestnikmoscow.mos.ru/wp-content/uploads/2024/12/zhurnal-vestnik-moskvy-%E2%84%96-72-tom-4.pdf>
2. Kedr. URL: <https://kedr.media/stories/kostmi-zdes-lyagu/>
3. Problems of functioning of specially protected natural areas within the boundaries of megacities (on the example of the city of Moscow). URL: <https://pv-mgri.ru/tpost/tcrck3ub71-problematika-funktsionirovaniya-osobo-oh>.

Виды и классификация административно-правового режима и основ условно-досрочного освобождения

Хромеев Николай Владимирович,

аспирант специальности «Юриспруденция», СПбУТУиЭ

E-mail: nhromeev@mail.ru

В статье рассматриваются виды и классификация административно-правового режима для лиц, условно-досрочно освобожденных (УДО) в Российской Федерации. Анализируется правовая база, регулирующая статус и поведение освобожденных по УДО, обязанности и ограничения, налагаемые на них административным надзором. В работе выявлены ключевые проблемы, связанные с реализацией административно-правового режима, и предложены возможные пути их решения, направленные на улучшение процесса социальной адаптации и реинтеграции освобожденных лиц. Особое внимание уделено необходимости совершенствования законодательной базы и разработке комплексных программ поддержки, учитывающих индивидуальные особенности и потребности освобожденных по УДО.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, УДО, административно-правовой режим, административный надзор, социальная адаптация, реинтеграция, нормативно-правовая база, общественная безопасность, проблемы реализации, меры поддержки.

В системе УДО административно-правовой режим можно классифицировать по различным критериям. Тем не менее, мы не можем не отметить, что каждый из видов режима выполняет свои функции, однако их реализация требует четкого правового регулирования и практической сбалансированности!

Административно-правовой режим в системе УДО можно разделить на два основных этапа: режим в местах лишения свободы до предоставления УДО и режим после УДО. На первом этапе режим регулируется нормами и положениями УИК РФ, в частности, статьями, касающимися внутреннего распорядка исправительных учреждений (ст. 82–116 УИК РФ). Конкретизируя представленное положение, отметим, что осужденный обязан соблюдать правила поведения, участвовать в трудовой или воспитательной деятельности, а также избегать дисциплинарных нарушений. Соблюдение этих требований напрямую влияет на характеристику осужденного, которая представляется в суд при рассмотрении ходатайства об УДО[1, с.24].

По степени строгости выделяют несколько типов режима в зависимости от вида исправительного учреждения, определенного судом в соответствии со ст. 58 УК РФ и гл. 11 УИК РФ. Среди таких режимов можно выделить:

1. **Общий режим** – применяется в колониях общего режима для осужденных за преступления средней тяжести или тяжкие преступления, совершенные впервые. Здесь устанавливаются умеренные ограничения, позволяющие осужденным участвовать в трудовой деятельности, образовательных программах и воспитательных мероприятиях. Осужденные имеют право на определенное количество свиданий, посылок и переписки, что способствует поддержанию их социальных связей.

2. **Строгий режим** – действует в колониях строгого режима для лиц, осужденных за особо тяжкие преступления или рецидивистов. Ограничения здесь более жесткие: сокращено количество свиданий и посылок, усилен контроль за поведением осужденных, а возможности для участия в воспитательных программах, как правило, ограничены из-за повышенных требований безопасности.

3. **Особый режим** – применяется в колониях особого режима для осужденных за особо опасные преступления или лиц, признанных особо опасными рецидивистами. Такой режим характеризуется максимальными ограничениями, который предусматривает строгий надзор, минимальное количество контактов с внешним миром и усиленные меры дисциплинарного контроля.

4. Режим в воспитательных колониях – предназначен для несовершеннолетних осужденных. Он ориентирован, прежде всего, на воспитательные цели, что предусматривает обязательное получение образования, профессиональную подготовку и психологическую поддержку. Ограничения здесь менее жесткие, чем в колониях для совершеннолетних осужденных, чтобы способствовать ресоциализации молодых правонарушителей.

5. Режим в тюрьмах и следственных изоляторах – применяется к осужденным, отбывающим наказание в тюрьмах (для особо тяжких преступлений) или находящимся под стражей в СИЗО. Эти режимы отличаются повышенной изоляцией и строгим контролем, что ограничивает возможности для активной воспитательной работы.

После предоставления УДО административно-правовой режим трансформируется в надзорный, регулируемый ст. 79 УК РФ и положениями о пробации (введенными Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ) [2, ст. 917]. Осужденный, освобожденный условно-досрочно, обязан выполнять предписания суда, в числе которых регулярная явка в органы уголовно-исполнительной инспекции, уведомление о смене места жительства или работы, а также соблюдение ряда ограничений, например, запрета на посещение определенных мест. Такой режим имеет своей смысловой нагрузкой контроль, за поведением лица и предотвращение рецидива. Нарушение этих условий может привести к отмене УДО и возвращению в места лишения свободы.

Административный надзор в системе УДО можно разделить на два основных вида в зависимости от правовой основы его применения: надзор, установленный судом в рамках УДО, и административный надзор как самостоятельная мера, предусмотренная Федеральным законом № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон № 64-ФЗ) [3, ст. 2037].

Первый вид надзора напрямую связан с решением суда о предоставлении УДО и регулируется ст. 79 УК РФ. Суд устанавливает конкретные обязанности для осужденного, которые обязательны для выполнения в течение оставшегося срока наказания, и их нарушение может привести к отмене УДО [4, с.11].

Второй вид – административный надзор по Федеральному закону № 64-ФЗ – применяется к определенным категориям осужденных после истечения срока УДО или основного наказания, если они представляют повышенную общественную опасность. Такой надзор может быть установлен в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, рецидивистов или тех, кто имеет непогашенные дисциплинарные взыскания. Он вводится по инициативе органов внутренних дел или администрации исправительного учреждения и утверждается судом. Такой вид надзора выходит за рамки УДО, но нередко применяется к условно-

досрочно освобожденным, усиливая контроль за их поведением.

Хотя в действующей законодательной системе отсутствует четкая и официальная классификация видов административного надзора за лицами, освобожденными по УДО, на практике мы можем выделить несколько типов надзора, которые формируются на основе правоприменения и индивидуальных особенностей каждого случая. В связи с этим виды надзора различаются по степени строгости, характеру применяемых мер и целям, которые они преследуют – от минимального контроля до максимального наблюдения за поведением освобожденного лица.

В рамках исследования настоящего вопроса имеет смысл детально рассмотреть три основных типа: стандартный, усиленный и специальный надзор.

Стандартный надзор представляет собой базовый уровень контроля, который применяется к большинству лиц, освобожденных по УДО, если суд или УИИ не установили иные условия. Данный вид надзора включает в себя обязательные регулярные явки в УИИ, как правило, один раз в месяц, а также соблюдение ряда стандартных требований, в числе которых запрет на совершение правонарушений, а также обязанность информировать инспекцию о любых значимых изменениях в жизни – например, смене места жительства, работы или семейного положения. Основная цель стандартного надзора состоит в обеспечении минимального контроля за поведением освобожденного лица, позволяя ему адаптироваться к жизни на свободе и постепенно reintegrироваться в общество.

Однако эффективность стандартного надзора вызывает вопросы. С одной стороны, мы можем согласиться с мнением В.Н. Додонова в том, что он предоставляет человеку относительную свободу действий, что может способствовать его социализации: отсутствие чрезмерных ограничений позволяет найти работу, восстановить социальные связи и почувствовать себя полноправным членом общества [5, С.212].

С другой стороны, справедливой представляется и позиция М.А. Фомина, отмечающего, что минимальный контроль может быть недостаточным для лиц, склонных к рецидивам, особенно если их преступное поведение связано с глубоко укоренившимися привычками или зависимостями [6, С. 215]. Например, лицо, освобожденное по УДО после кражи, может вернуться к противоправным действиям, если его социально-экономическое положение не улучшится, а ежемесячные явки в УИИ вряд ли смогут это предотвратить. Таким образом, стандартный надзор может быть слишком мягким инструментом для обеспечения безопасности общества, что делает его универсальность довольно спорной.

Усиленный надзор применяется к лицам, которые, по мнению суда или УИИ, представляют повышенный риск для общества или уже имеют исто-

рию нарушений условий УДО. Данный тип надзора предполагает более строгие меры контроля: явки в инспекцию могут проводиться чаще (например, раз в две недели или даже еженедельно), а также вводятся дополнительные ограничения, среди которых можно выделить запрет на выезд за пределы региона проживания, обязательное трудоустройство, прохождение реабилитационных программ или курсов по социальной адаптации. Цель усиленного надзора состоит не только в отслеживании поведения освобожденного лица, но и в довольно активном вмешательстве в его жизнь для того, чтобы предотвратить возможные правонарушения.

Тем не менее, усиленный надзор порождает ряд проблем и дискуссий. Во-первых, Е.Н. Фоменко отмечает, что такие меры могут быть излишне репрессивными и восприниматься как продолжение наказания, а не как поддержка в реинтеграции [7, С.34]. Например, требование обязательного трудоустройства звучит разумно в теории, но на практике бывшие осужденные нередко сталкиваются с дискриминацией со стороны работодателей, которые не желают трудоустраивать граждан с криминальным прошлым, что делает выполнение этого условия довольно сложным и проблематичным.

Нарушение условий по независящим от человека причинам может привести к отмене УДО и возвращению в места лишения свободы, что ставит под вопрос справедливость системы. Во-вторых, мы не можем не отметить, что усиленный надзор требует дополнительных ресурсов со стороны УИИ – увеличение частоты проверок и контроль за соблюдением ограничений ложатся тяжелым бременем на инспекторов. Возникает вполне логичный вопрос: не лучше ли направить эти ресурсы на социальную поддержку освобожденных лиц, а не на усиление контроля.

Специальный надзор, в свою очередь, устанавливается для лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, либо для тех, кто демонстрирует склонность к определенным видам правонарушений, в частности, к сексуальным преступлениям или насильственным действиям. Данный вид надзора отличается максимальной строгостью и включает совокупность мер, в числе которых постоянный мониторинг, обязательное психологическое консультирование или даже ограничение на посещение определенных мест. Специальный надзор имеет своей смыслообразующей направленностью минимизацию риска рецидива и защиту общества от потенциально опасных лиц, что делает его наиболее интенсивным инструментом контроля.

Однако применение специального надзора также вызывает серьезные этические и правовые споры. С одной стороны, мы можем в некоторой степени согласиться с В.А. Авдеевым в том, что строгие меры оправданы в случаях, когда человек действительно представляет угрозу: например, рецидивист, совершивший серию насильственных преступлений, требует особого внимания со сто-

роны государства [8, С. 81]. С другой стороны, такие меры могут нарушать базовые права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения.

Постоянное наблюдение и ограничения могут создать у освобожденного лица ощущение, что он остается заключенным, несмотря на формальное освобождение, что затрудняет его возвращение к нормальной жизни. Более того, эффективность специального надзора доказана не в полной мере: исследования А.Е. Шалагина в области криминологии показывают, что чрезмерный контроль иногда провоцирует обратный эффект, усиливая чувство отчуждения и повышая вероятность рецидива [9, С.138]. К тому же внедрение электронного наблюдения требует значительных финансовых затрат, что заставляет задуматься о целесообразности таких мер в условиях ограниченного бюджета системы исполнения наказаний.

Таким образом, административно-правовой режим для освобождения по УДО представляет собой сложный баланс между обеспечением безопасности общества и поддержкой реинтеграции бывших осужденных. Стандартный надзор может быть недостаточным для предотвращения рецидивов у лиц с высоким уровнем риска, тогда как усиленный и специальный надзор, напротив, могут расцениваться как излишне строгие, создавая тем самым дополнительные барьеры на пути к нормальной жизни.

Еще один аспект для дискуссии – эффективность всей системы надзора. В частности, можно поднять вопрос, снижает ли она уровень преступности или просто создает иллюзию контроля? Возможно, вместо усиления надзора целесообразно сосредоточиться на программах социальной поддержки: помощи в трудоустройстве, психологической реабилитации, доступе к образованию. Такой подход мог бы снизить рецидивы более эффективно, чем постоянные проверки и ограничения. В то же время полное отсутствие контроля недопустимо, особенно для лиц с высоким риском повторных преступлений.

Следовательно, административный надзор за лицами, освобожденными по УДО, играет важную роль в российской системе правосудия, но его применение требует значительной доработки. Отсутствие законодательной классификации видов надзора приводит к гибкости в практике, что одновременно является и преимуществом, и недостатком. Гибкость позволяет адаптировать меры к конкретному человеку, но отсутствие четких стандартов может порождать произвол и несправедливость. Для совершенствования системы необходимо найти равновесие между строгостью контроля и поддержкой освобожденных лиц, чтобы надзор стал не только инструментом наказания, но и реальной помощью в возвращении к полноценной жизни [10, С.69].

Административный надзор за лицами, освобожденными по УДО, по своей содержательной сути представляет собой систему мер, направленных

на контроль их поведения и содействие возвращению в общество. Такие меры включают в себя совокупность разнообразных ограничений, которые можно разделить на три основные категории: территориальные, социальные и профессиональные. Каждая из этих групп имеет свои особенности, цели и порождает множество вопросов о справедливости и эффективности их применения.

Территориальные ограничения подразумевают запрет на выезд за пределы определенной территории, например, города, района или региона, где проживает освобожденный. Такие меры часто вводятся для того, чтобы надзорные органы могли постоянно отслеживать местонахождение и поведение поднадзорного лица. Например, освобожденному по УДО может быть предписано не покидать границы своего муниципалитета без письменного разрешения инспектора. Такой подход помогает минимизировать риск совершения новых преступлений, связанных с переездом в незнакомую местность, где контроль становится затруднительным.

Однако такие ограничения вызывают серьезные споры. Сторонники этого подхода, в числе которых Г.В. Курбатова, О.Н. Чистотина и Т.Г. Нечаева, утверждают, что они необходимы для поддержания общественной безопасности, особенно в случаях, когда освобожденный представляет потенциальную угрозу. Например, ограничение передвижения может предотвратить контакты с криминальными элементами в других регионах [11, С. 251].

В то же время критики (в частности, М.А. Богданов) подчеркивают, что данные меры существенно ущемляют свободу передвижения – одно из фундаментальных прав человека [12, С. 52]. Если человек не может посетить родственников, проживающих в другом городе, или найти работу за пределами разрешенной зоны, это существенным образом затрудняет его полноценную реинтеграцию.

Социальные ограничения касаются, в первую очередь, регулирования взаимодействия освобожденного с окружающей средой и людьми. Они могут находить свое выражение в запрете посещения отдельных мест, гипотетически ассоциирующихся с риском правонарушений. В частности, речь идет о барах, ночных клубах или игорных заведениях. Также нередко запрещается общение с определенными лицами – например, с бывшими соучастниками преступлений или людьми, ведущими асоциальный образ жизни.

Цель таких мер состоит в ограждении человека от ситуаций, которые могут спровоцировать рецидив. Например, пребывание в баре может привести к употреблению алкоголя, а это, в свою очередь, к утрате самоконтроля и совершению нового преступления. Однако здесь тоже есть дискуссионные моменты. Исследователи, поддерживающие эти ограничения, считают их логичным шагом для защиты общества и самого поднадзорного. Такого мнения придерживаются Т.И. Исакова и В. Вырастайкин [13, С. 38]. Однако противники, в чис-

ле которых А.Ю. Филипповский, указывают на то, что подобные запреты вторгаются в личную жизнь и могут изолировать человека от нормального социального окружения [14, С. 119].

Профессиональные ограничения могут проявляться в двух формах: обязанности найти работу в установленный срок или запрете заниматься определенными видами деятельности. Например, освобожденному по УДО могут предписать трудоустроиться в течение месяца, чтобы обеспечить стабильный доход и занятость, либо запретить работать в сферах, связанных с доступом к оружию, наркотическим веществам или крупным денежным средствам, что делается для того, чтобы направить человека на законопослушный путь и минимизировать соблазны, связанные с определенными профессиями.

Сторонники таких мер, в частности, С.Я. Улицкий, уверены, что трудовая занятость – это ключ к успешной реабилитации. Профессиональная деятельность дает не только финансовую стабильность, но и чувство ответственности, помогая освобожденному восстановить свое место в обществе [15, С. 15]. Однако практическая реализация этих требований нередко сталкивается с проблемами. Лица с судимостью довольно часто сталкиваются с отказами при трудоустройстве, что делает выполнение обязанности крайне сложной задачей. Кроме того, запреты на определенные профессии могут быть восприняты как дискриминационный фактор.

Таким образом, территориальные, социальные и профессиональные ограничения имеют свои вполне логичные и аргументированные обоснования, но их применение требует тонкого подхода. Слишком жесткие меры могут привести к изоляции и стигматизации, тогда как слишком мягкие – подорвать безопасность общества. На сегодняшний день дискуссия, как сделать надзор гибким и индивидуальным, чтобы он не только контролировал, но и помогал, продолжается. На наш взгляд, ответ кроется в более широком использовании реабилитационных программ и психологической поддержки, которые дополняют существующие ограничения.

По методам контроля административный надзор за освобожденными по УДО подразделяется на личный и социальный. Каждый из них обладает уникальными чертами, преимуществами и ограничениями, что делает их сочетание или выбор предметом активных споров среди специалистов в области права, социологии и пенитенциарной практики [16, С. 179].

Личный контроль предполагает непосредственное взаимодействие поднадзорного лица с органами УИИ. Освобожденный по УДО обязан регулярно с установленной периодичностью являться в УИИ для отчетности. На этих встречах он должен предоставить информацию о своей жизни: месте работы, соблюдении ограничений (например, комендантского часа или запрета на употребление алкоголя), а также о своем общем поведении.

Беседы с инспектором нередко выходят за рамки формального отчета, поскольку могут включать

обсуждение личных проблем, планов на будущее или даже признаков потенциального срыва. Инспектор, в свою очередь, оценивает, насколько поднадзорный адаптируется к жизни на свободе, и при необходимости предлагает помощь – например, направление к специалисту.

Преимущество личного контроля заключается в его гибкости и индивидуальном подходе. Регулярные встречи позволяют инспектору заметить изменения в поведении – к примеру, апатию или раздражительность – и оперативно вмешаться, предотвращая тем самым возможные правонарушения. Однако этот метод не лишен недостатков. Во-первых, он требует значительных ресурсов: инспекторы нередко работают с десятками поднадзорных одновременно, что снижает глубину и качество взаимодействия. Во-вторых, сами поднадзорные могут воспринимать такие явки как давление или недоверие со стороны государства, что порой усиливает их отчуждение от общества.

Социальный контроль, в свою очередь, фокусируется не столько на слежении, сколько на поддержке и реабилитации. Он предполагает подключение различных структур: социальных служб, которые помогают с жильем или пособиями; психологов, работающих над эмоциональной стабильностью и преодолением травм; общественных организаций, предлагающих программы трудоустройства или волонтерства. Например, поднадзорный может участвовать в тренингах по профессиональным навыкам, посещать групповые занятия с психологом или даже помогать в благотворительных проектах, чтобы почувствовать себя частью общества. Цель таких мер – не просто контролировать, а дать человеку инструменты для самостоятельной жизни без криминала.

Мы считаем такой подход наиболее гуманным и перспективным. Как отмечает Ю.Н. Мехтидис, социальная поддержка снижает рецидивизм на 10–20%, особенно если программы адаптированы под конкретного человека. Однако его реализация сталкивается с трудностями: в небольших городах или сельской местности доступ к психологам и программам заметно ограничен, а специалисты зачастую не имеют достаточной квалификации. Более того, успех зависит от готовности самого поднадзорного сотрудничать. Так, некоторые воспринимают такие меры как навязчивые или бесполезные [17, С. 180].

Таким образом, административно-правовой режим в системе УДО представляет собой комплекс мер, разделяемых по этапам применения (до и после освобождения) и степени строгости (общий, строгий, особый, воспитательный, режим тюрьмы и СИЗО), направленных на контроль поведения осужденных и их ресоциализацию. До УДО режим регулируется УИК РФ, требуя соблюдения правил, участия в трудовой и воспитательной деятельности, что влияет на возможность освобождения. После УДО надзор становится пробационным, включающим судебные предписания и, при необходимости, административный надзор для лиц

с повышенной общественной опасностью. Административный надзор за лицами, освобожденными по УДО, представляет собой многоуровневую систему, составными элементами которой выступают территориальные, социальные и профессиональные ограничения, а также личный и социальный контроль, направленные на обеспечение общественной безопасности и содействие реинтеграции. Данные меры варьируются по строгости и методам применения, от стандартного до специального надзора, в зависимости от степени риска рецидива. Однако их эффективность остается дискуссионной: излишне жесткие ограничения могут препятствовать социализации, усиливая отчуждение, тогда как недостаточный контроль не гарантирует предотвращения правонарушений. Для совершенствования системы целесообразно сбалансировать надзор с реабилитационными программами, обеспечивая индивидуальный подход, что позволит не только контролировать, но и реально поддерживать возвращение освобожденных лиц к полноценной жизни в обществе.

Литература

1. Дурушев, Ю.А. Правовое регулирование условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Ю.А. Дурушев. – Москва: Изд-во Перо, 2011. – С. 24.
2. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О пробации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 917.
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
4. Щерба, Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Д.А. Щерба. – Владивосток, 2007. – С. 11.
5. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 212.
6. Фомин, М.А. Условно-досрочное освобождение. Практика применения / М.А. Фомин. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – С. 215.
7. Фоменко Е.Н. Контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания // Ведомости УИС. 2023. № 2. С. 34.
8. Авдеев, В.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания / В.А. Авдеев; М-во образования и науки Российской Федерации, Байкальский гос. ун-т экономики и права. – Иркутск: На Чехова, сор.2012. – С. 81.
9. Шалагин, А.Е. Криминология и предупреждение преступлений: монография / А.Е. Шалагин; под редакцией доктора юридических наук,

профессора Ф.Р. Сундунова. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – С. 138.

10. Скиба, А.П. Условно-досрочное освобождение и условно-досрочное освобождение: основания применения / А.П. Скиба, А.Н. Мяханова, Т.И. Эрхитуева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2020. – С. 69.
11. Курбатова Г.В., Чистотина О.Н., Нечаева Т.Г. Проблемы ресоциализации лиц, освобожденных условно-досрочно // Закон и право. 2024. № 3. С. 251.
12. Богданов, М.А. Институт условно-досрочного освобождения в российском праве: (история и современность): [научное издание] / М.А. Богданов. – Москва: Перо, 2011. – С. 52.
13. Исакова Т.И. О некоторых проблемах применения условно-досрочного освобождения осужденных // Вестник науки. 2024. № 10 (79). С. 253. Вырастайкин В. Условно-досрочное освобождение – право, а не обязанность суда // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 38.
14. Филипповский А.Ю. Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 119.
15. Улицкий, С.Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы: Учеб. пособие по уголов., уголов.-исполн. и уголов.-процессуал. праву / С.Я. Улицкий. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 15.
16. Мехтидис Ю.Н. Неотбытая часть наказания при условно-досрочном освобождении // Право и управление. 2024. № 1. С. 179.
17. Мехтидис Ю.Н. Неотбытая часть наказания при условно-досрочном освобождении // Право и управление. 2024. № 1. С. 180.

TYPES AND CLASSIFICATION OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME AND THE BASICS OF PAROLE

Khromeev N.V.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article discusses the types and classification of the administrative and legal regime for persons released on parole in the Russian Federation. The article analyzes the legal framework governing the status and behavior of those released on parole, duties and restrictions imposed on them by administrative supervision. The paper identifies key problems related to the implementation of the administrative and legal regime, and suggests possible solutions aimed at improving the process of social adaptation and reintegration of released persons. Special attention is paid to the need to improve

the legislative framework and develop comprehensive support programs that take into account the individual characteristics and needs of those released on parole.

Keywords: conditional early release, CER, administrative-legal regime, administrative supervision, social adaptation, reintegration, legal framework, public safety, implementation challenges, support measures.

References

1. Durushev, Yu.A. Legal regulation of conditional early release from serving a sentence / Yu.A. Durushev. Moscow: Pero Publishing House, 2011, p. 24.
2. Federal Law No. 10-FZ of 02/06/2023 (as amended on 05/29/2024) "On Probation in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 6. Art. 917.
3. Federal Law of 06.04.2011 No. 64-FZ (as amended on 06.04.2024) "On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Art. 2037.
4. Shcherba, D.A. Conditional early release from serving a sentence: issues of theory and practice: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08 / D.A. Shcherba. Vladivostok, 2007. p. 11.
5. Dodonov, V.N. Comparative criminal law. The general part. Monograph / under total. and scientific editorship by S.P. Shcherba. Moscow: Yurлитинформ, 2009. p. 212.
6. Fomin, M.A. Parole. Application practice / M.A. Fomin. Moscow: Yurлитинформ, 2018, p. 215.
7. Fomenko E.N. Control over persons released on parole from serving their sentences // Vedomosti UIS. 2023. No. 2. P. 34.
8. Avdeev, V.A. Conditional early release from serving a sentence / V.A. Avdeev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk: On Chekhov, cop.2012. p. 81.
9. Shalagin, A.E. Criminology and crime prevention: a monograph / A.E. Shalagin; edited by Doctor of Law, Professor F.R. Sundurov. Moscow: Yurлитинформ, 2021, p. 138.
10. Skiba, A.P. Probation and parole: grounds for application / A.P. Skiba, A.N. Myakhanova, T.I. Erkhituева. – Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2020. – p. 69.
11. Kurbatova G.V., Chistotina O.N., Nechaeva T.G. Problems of resocialization of persons released on parole // Law and Law. 2024. No. 3. p. 251.
12. Bogdanov, M.A. The institute of parole in Russian law: (history and modernity): [scientific publication] / M.A. Bogdanov. Moscow: Pero Publ., 2011, p. 52.
13. Isakova T.I. On some problems of the application of conditional early release of convicts // Bulletin of Science. 2024. No. 10 (79). p. 253. Rostaykin V. Parole is a right, not a duty of the court // Russian Justice. 2015. No. 4. p. 38.
14. Filippovsky A.Y. Institute of parole: theory and practice of implementation // Bulletin of Science. 2024. No. 7 (76). p. 119.
15. Ulitskiy, S. Ya. Conditional early release of those sentenced to life imprisonment: Textbook on angles, angles.-execution and corners.- procedural. law / S. Ya. Ulitskiy. Vladivostok: Publishing House of the Far East. University, 2001, pp. 15
16. Mekhtidis Yu.N. The unserved part of the sentence upon parole // Law and Administration. 2024. No. 1. P. 179.
17. Mekhtidis Yu.N. The unserved part of the sentence upon parole // Law and Administration. 2024. No. 1. p. 180.

Развитие полномочий органов прокуратуры по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности: опыт Китайской Народной Республики

Шитова Екатерина Леонхардовна,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))

E-mail: lacrimasea@mail.ru

В статье анализируется опыт Китая в сфере контроля органов прокуратуры за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности, а также взаимодействие с антикоррупционными органами. В исследовании рассмотрены категории лиц, обязанные предоставлять декларации, а также меры ответственности за нарушение требований законодательства о противодействии коррупции. Особое внимание уделяется роли прокуратуры в осуществлении надзора за соблюдением антикоррупционного законодательства в указанной сфере. Рассматриваются проблемы и перспективы повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции и обращение по решению суда в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Значительное место в исследовании отводится анализу форм международного взаимодействия между прокуратурами Китайской Народной Республики и Российской Федерацией, включая обмен опытом и совместные программы профессиональной подготовки прокурорских кадров в области противодействия коррупции. В заключении обосновывается необходимость гармонизации правового регулирования декларирования доходов государственных должностных лиц стран БРИКС, включая Россию и Китай.

Ключевые слова: прокурорский надзор, коррупция, обращение имущества в доход государства, цифровизация, декларирование доходов, антикоррупционное законодательство Китая.

Согласно Индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, далее – CPI), анализируемому с 1995 года Трансперенси Интернешнл (Transparency International), уровень коррупции в мире остается высоким. CPI является индикатором коррупции в государственном секторе, оценивающим 180 стран.

За 2024 год более двух третей стран мира получили индекс CPI ниже 50 (по шкале от 0 до 100, где 0 – высокая коррупция, 100 – низкая). Глобальный средний показатель CPI остается неизменным (43), подчеркивая необходимость повышения эффективности мер по противодействию коррупции.

Изучение динамики данного индекса показывает, что Дания занимает первое место с индексом CPI 90, на втором месте Финляндия (88), на третьем Сингапур (84), Китайская Народная Республика (далее – Китай, КНР) занимает 77 место (43), а Россия 157 (22).^[1]

Различные показатели индекса CPI между Россией и Китаем, его разрыв на 21 пункт в условиях глобальной борьбы с коррупцией, учитывая географическую близость и экономические связи, делает рассмотрение направлений развития полномочий прокурора по контролю за соответствием доходов расходов лиц, замещающими государственные должности, в Китайской Народной Республике и Российской Федерации особенно актуальным.

Анализ Индекса восприятия коррупции (CPI) за 2024 год показывает снижение позиции России по сравнению с аналогичным периодом прошлого

Важнейшим инструментом антикоррупционной политики выступает система декларирования доходов и имущества, направленная на выявление незаконного обогащения. Согласно статье 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой 31 октября 2003 г. в г. Нью-Йорке, ратифицированной 8 марта 2006 г. Российской Федерации (далее – Конвенция ООН против коррупции), 27 октября 2005 г. Китаем, под которым понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, и которое оно не может разумно обосновать.^[2]

В России и Китае декларирование имущества является важным звеном в системе борьбы с коррупцией, однако, основываясь на различных политических системах, различных экономических базах, исторической культуре и социальной среде, странами сформированы разные конструкции.^[3, с. 193–202]

Следует отметить, что 2025 год в Китае станет годом окончания «14-го пятилетнего плана» (далее – План), результат которого важен для дальнейшего и всеобъемлющего углубления реформ.

Согласно главе 60 указанного Плана КНР принципа полного охвата и нулевой терпимости к коррупции и продвигает правила «не сметь быть коррумпированным», «не уметь быть коррумпированным» и «не хотеть быть коррумпированным», чтобы создать хорошую политическую атмосферу и углублять международное сотрудничество в борьбе с коррупцией.[4]

Чтобы лучше адаптироваться к новой ситуации и требованиям, Центральный Комитет Коммунистической партии Китая (далее – ЦК КПК) решило пересмотреть Положение от 26 мая 2010 г. «Об информации руководящих кадров о вопросах, связанных с личной жизнью», регулирующее порядок подачи отчетов (деклараций) лиц, замещающих государственные должности.[5]

Канцелярия ЦК КПК и Генеральная канцелярия Государственного Совета Китая 19 апреля 2017 г. приняли Положение «О представлении руководящими кадрами отчетов по вопросам, связанным с личными делами» (далее – Положение) и Меры «По вопросу обработки результатов проверки руководящими кадрами отчетов по вопросам, связанным с личными делами» (далее – Меры), а также уведомление с просьбой к партийным комитетам (партийным группам) на всех уровнях внимательно следить за этим.

Указанное уведомление требует, чтобы организационные (кадровые) отделы на всех уровнях добросовестно выполняли свои обязанности, проявляли настойчивость в организации и внедрении Положения и Мер усиливали выборочные проверки и верификацию, серьезно относились к неточным отчетам (декларациям) и эффективно поддерживали авторитет системы отчетности о доходах и расходах. Содержание отчета (деклараций) освещает семейные дела и имущественное положение, которые тесно связаны с властью и поведением руководящих кадров. Меры разъясняют основные принципы, конкретные обстоятельства и основы обращения имущества в доход государства, которые необходимо установить для определения скрытых данных деклараций, и устанавливают период, в течение которого руководящие кадры подвергаются дисциплинарным взысканиям за непредоставление правдивого отчета по вопросам личного характера, и обеспечивают основу для более эффективного использования результатов проверки.[6]

Действие Положения распространяется на руководящие кадры и иных лиц, среди которых:

- 1) заместители начальников отделов уровня уезда/района и выше (включая эквивалентные должности) в партийных, законодательных, исполнительных, консультативных, судебных, прокурорских органах и органах демократических партий;

- 2) сотрудники общественных организаций и бюджетных учреждений, занимающие должности, эквивалентные заместителям начальников отделов уровня уезда/района и выше;
- 3) руководители среднего и высшего звена крупных государственных предприятий, а также члены руководящих органов средних государственных предприятий (включая финансовые организации);
- 4) сотрудники на не руководящих должностях уровня заместителя начальника отдела и выше;
- 5) сотрудники, ушедшие с должности, но еще не вышедшие на пенсию.

Требований статей 4, 5 Положения предусматривает, что руководящие кадры должны до 31 января ежегодно сообщать о следующих доходах, недвижимости, инвестициях и других вопросах:

- 1) о своей заработной плате и различных бонусах, надбавках и субсидиях;
- 2) о занятии чтением лекций, написанием текстов, консультированием, рецензированием рукописей, рисованием и каллиграфией и т.д.
- 3) о владении недвижимостью в отношении себя, своего супруга и детей, живущих вместе;
- 4) о наличии у себя, своего супруга и детей, живущих вместе, инвестиций в ценные бумаги, обращающиеся на рынке, акции (включая акционерный капитал) или иным образом владеющих ими), фьючерсы, фонды, страхование на основе инвестиций и другие финансовые продукты;
- 5) о ситуации, когда супруг или дети, живущие вместе, инвестируют в компанию или предприятие, не включенные в листинг;
- 6) о ситуации, когда супруг или дети, живущие вместе, регистрируют индивидуальное промышленное и коммерческое домашнее хозяйство, индивидуальное предпринимательство или партнерское предприятие.

При сообщениях о делах личного характера необходимо указывать количество и площадь недвижимости, а также гаражей, парковочных мест и складских помещений, оформленных на лицо, подающее отчет (декларацию), его супруга и детей, проживающих вместе.

Согласно положениям Мер, если не сообщается о более чем одном объекте недвижимости (за исключением гаражей, парковочных мест и складских помещений), это, как правило, считается актом сокрытия и недонесения. За акты сокрытия и недонесения, в зависимости от серьезности обстоятельств: предусмотрены:

- 1) дисциплинарные взыскания (предупреждение);
- 2) отмена статуса кандидата в резерв руководящих кадров;
- 3) лишение квалификации;
- 4) перевод на иную должность или неруководящую позицию;
- 5) отстранение от занимаемой должности;
- 6) понижение в должности.

Предоставление недостоверных данных о площади недвижимости либо сокрытие информации о наличии гаража, парковочного места или складского помещения рассматривается как занижение сведений, указанных в отчете (декларации). В качестве мер воздействия при незначительных правонарушениях к таким лицам применяется: проведение разъяснительной работы, служебное расследование, установление сроков для устранения нарушения, а в случае существенных нарушений, к которым относится занижения площади недвижимости свыше 50 м², инициируется процедура применения вышеуказанных санкций аналогичным как за отсутствие сведений о более чем одном объекте недвижимости.

Декларации лиц, входящими в руководящие кадры, включают как имущество, оформленное на их собственное имя, так и имущество, фактически принадлежащее, но удерживаемое на имя других. Это включает сведения, связанные с самими руководящими кадрами, а также с их супругами, детьми и их супругами.

При подаче указанных сведений должна быть гарантирована подлинность и полнота содержания отчета (декларации), не может быть указано личное поведение членов семьи «без моего ведома» в качестве причины для непредоставления достоверного отчета (декларации)¹. [7]

Информация частного характера, которую должны предоставлять руководящие работники, принимается к рассмотрению отделами кадров/отделами по управлению персоналом соответствующих организаций. Не допускается разглашение задекларированных сведений, такая информация носит ограниченное распространение и циркулирует только внутри данного подразделения и публично не оглашается. [8, с. 193–202]

В соответствии с пунктом 1 Плана углубления реформы партийных и государственных институтов от 21 марта 2018 г., создан Национальный Надзорный Комитет Китая в целях усиления централизованного и единого руководства партией антикоррупционной работой, органичного объединения внутрипартийного надзора и поднадзорности со стороны государственных органов, инспекции партийной дисциплины и государственного надзора, а также обеспечения полного охвата надзора за всеми государственными должностными лицами, осуществляющими государственную власть, обязанностей Министерства надзора и Государственного бюро по предупреждению коррупции, Верховная народная прокуратура расследует коррупцию и взяточничество, неисполнение служебных обязанностей и предотвращение коррупции, объединяет обязанности, связанные с коррупцией, формирует национальную надзорную комиссию и работает совместно с Центральной комиссией

¹ Разъяснение Центральной комиссии по проверке дисциплины и Комиссии государственного надзора Китая «Об отчете (декларации) депозитов, недвижимости оформленной на другое лицо» от 9 января 2020 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ccdi.gov.cn/toutiaon/202001/t20200109_96660.html (дата обращения: 01.06.2025).

по проверке выполнения обязанности по проверке дисциплины и надзору. [9]

В целях углубления реформы национальной системы надзора, усиления надзора за всеми государственными должностными лицами, осуществляющими государственную власть, достижения всеобъемлющего национального надзора, проведения углубленной антикоррупционной работы и содействия модернизации национальной системы управления в Китае 20 марта 2018 г. принят Закон КНР «О надзоре», который с 1 июня 2025 г. действует в новой редакции. [10]

В соответствии со статьями 1, 6, 55, 58 Решения о внесении поправок в Закон «О надзоре» Китая, принятого на 13-м заседании Постоянного комитета 14-го Всекитайского собрания народных представителей 25 декабря 2024 года, в целях углубленного построения чистого правительства и борьбы с коррупцией, усиления надзора за всеми государственными должностными лицами, осуществляющими государственную власть надзорная деятельность государства должна основываться на усилении подотчетности и сурово наказывать любое проявление коррупции. Если находящееся под следствием лицо скрывается, не является по делу по истечении одного года нахождения в розыске или умирает, надзорный орган подает в Народную прокуратуру ходатайство о конфискации незаконных доходов в народный суд. Государственная надзорная комиссия совместно с соответствующими подразделениями обязана укреплять сотрудничество правоохранительных органов и судебных органов с соответствующими странами, регионами и международными организациями в вопросах борьбы с коррупцией, таких как совместный сбор доказательств, возвращение активов и обмен информацией. [11]

Согласно статьям 1, 23 указанного закона Комиссия государственного надзора КНР является высшим надзорным органом. Надзорный орган расследует подозрения в коррупции, неисполнении служебных обязанностей. В соответствии с потребностями расследования, надзорный орган может запрашивать и замораживать депозиты, денежные переводы, облигации, акции, паи фондов и другие активы подразделений и физических лиц, участвующих в деле, в соответствии с соответствующими нормативными актами. Соответствующие подразделения и отдельные лица обязаны сотрудничать в проведении расследования.

Если в ходе расследования будет установлено, что замороженное имущество не имеет отношения к делу, замораживание должно быть снято в течение трех дней и имущество возвращено владельцу.

В соответствии со ст. 94 Положения «О дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая» от 27 декабря 2023 г. в качестве санкции за нарушение неподкупности супругу, детям, родственникам и другим связанным лицам в случае использования влияния власти или положения для получения выгоды, принятия имущества им должно быть вынесено предупреждение или серьезное

предостережение, если обстоятельства серьезны они должны быть отозваны с партийных должностей и исключены из партии.[12]

В Китае смертная казнь с отсрочкой исполнения является одной из самых строгих мер по противодействию коррупции.

Так, Хань Юню, бывшему партийному секретарю и председателю Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) провинции Шэньси, 19 мая 2025 года была назначена мера наказания в виде смертной казни с отсрочкой исполнения на два года, пожизненного лишения политических прав и полной конфискации личного имущества в доход государства за присвоение активов на сумму более 261 миллиона юаней.[13]

Роль органов прокуратуры в противодействии коррупции трудно переоценить. Именно прокуратура, обладая широкими полномочиями, призвана осуществлять надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства, выявлять факты незаконного обогащения и принимать меры к восстановлению законности.

Особо следует подчеркнуть исключительную компетенцию прокуратуры по обращению в доход государства имущества, в отношении которого в соответствии с требованиями законодательства о противодействии коррупции не представлены сведения о законности его приобретения.

Согласно статье 20 Основного закона Народной прокуратуры Китая от 26 октября 2018 г. органы прокуратуры уполномочены подавать иски в интересах общества.[14]

В январе 2024 года Верховная народная прокуратура Китая опубликовала «Заключения об ускорении модернизации управления прокуратурой в новую эпоху», где сделан акцент на отмене приоритета оценочных показателей прокуратур и необходимости придерживаться принципа поиска истины на основе фактов и постепенно оптимизировать показатели. [15]

Противодействие коррупции и укрепление доверия к государственным институтам является приоритетной задачей как для России, так и для Китая. Важной мерой в этом направлении выступает декларирование доходов и имущества лицами, замещающими государственные должности, в том числе полномочия прокурора по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности.

Перспективным направлением представляется углубление сотрудничества между Китаем и Россией в области гармонизации правового регулирования декларирования, особенно в части отслеживания трансграничных активов и использования цифровых технологий для анализа данных.

Согласование подходов к декларированию доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера в странах БРИКС, включая Россию и Китай, могло бы стать важным шагом к формированию единых стандартов обеспечения прозрачности и противодействия коррупции. Несмотря на различия в правовых системах (на-

пример, отсутствие публичности сведений указанных в отчетах (декларациях) лиц, замещающих государственные должности в Китае и временные ограничения в России с 2022 года, в соответствии с подпунктом «ж» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции»), гармонизация антикоррупционных норм способствовала бы укреплению взаимного доверия и инвестиционной привлекательности стран-участниц.[16]

Одной из площадок для такой работы может стать Платформа обмена информацией и опытом БРИКС (BRICS Information Sharing & Exchanging Platform), способствующая повышению эффективности антикоррупционных механизмов сохраняя при этом национальные особенности каждой системы.[17]

Между Российской Федерацией и Китаем на постоянной основе проводится обучение по повышению квалификации между работниками органов прокуратуры. [18, 19]

В рамках развития двустороннего сотрудничества между КНР и Россией в антикоррупционной сфере 26–27 августа 2024 г. в Вене состоялось третье заседание Антикоррупционной рабочей группы БРИКС, в ходе которого приняты два ключевых документа: «Укрепление международного сотрудничества в борьбе с коррупцией и возвращении активов: общее видение и совместные действия БРИКС» и «Сотрудничество БРИКС в области антикоррупционного образования, обмена знаниями и наращивании потенциала», а также обсуждена аналитическая записка о проблемах репатриации незаконно полученных активов.[20]

Сотрудничество прокуратур КНР и Российской Федерации в антикоррупционной сфере отражает поступательную динамику институционального взаимодействия государств в рамках международных механизмов противодействия коррупции.

Литература

1. Индекс восприятия коррупции за 2024 год [Электронный ресурс]: URL: https://transparencia.org.es/wp-content/uploads/CPI2024_Report_EN.pdf (дата обращения: 01.06.2025).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров», 2006, № 10, октябрь.
3. Гун Бин. Российское и китайское законодательство о декларировании имущества: сходство и различия // Lex russica. 2016. № 5.
4. 14-й Пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на период до 2035 года [Электронный ресурс]:

- URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 01.06.2025).
5. Положение Китайской Народной Республики «Об информировании руководящих кадров о вопросах, связанных с личной жизнью» от 26 мая 2010 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.pkulaw.com/chl/49a876454c-fa7093bdfb.html?keyword=关于领导干部报告个人有关事项的规定&way=listView> (дата обращения: 01.06.2025).
 6. Положение Китайской Народной Республики «О представлении руководящими кадрами отчетов по вопросам, связанным с личными делами», Меры «По вопросу обработки результатов проверки руководящими кадрами отчетов по вопросам, связанным с личными делами» от 19 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-04/19/content_5187306.htm (дата обращения: 01.06.2025).
 7. Разъяснение Центральной комиссии по проверке дисциплины и Комиссии государственного надзора Китая «Об отчете (декларации) депозитов, недвижимости оформленной на другое лицо» от 9 января 2020 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ccdi.gov.cn/toutiaoon/202001/t20200109_96660.html (дата обращения: 01.06.2025).
 8. Севальнев В.В. Вопросы декларирования имущества по законодательству КНР // Международное публичное и частное право. 2019. № 4.
 9. План углубления реформы партийных и государственных институтов Китайской Народной Республики от 21 марта 2018 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-03/21/content_5276191.htm#1 (дата обращения: 01.06.2025).
 10. Закон Китайской Народной Республики «О надзоре» от 27 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-03/26/content_5277463.htm (дата обращения: 01.06.2025).
 11. Решение о внесении поправок в Закон «О надзоре» Китайской Народной Республики, принятое на 13-м заседании Постоянного комитета 14-го Всекитайского собрания народных представителей 25 декабря 2024 года [Электронный ресурс]: URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202412/content_6994559.htm (дата обращения: 01.06.2025).
 12. Положение «О дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая» от 27 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/202312/content_6922758.htm (дата обращения: 01.06.2025).
 13. Хань Юн приговорен к смертной казни условно за незаконное получение более 261 миллиона юаней и оказание значительных услуг [Электронный ресурс]: URL: <https://finance.sina.cn/2025-05-19/detail-inexavfw7716956.d.html?vt=4&pos=108&his=0> (дата обращения: 01.06.2025).
 14. Основной закон Народной прокуратуры Китая от 26 октября 2018 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-10/26/content_2064476.htm (дата обращения: 01.06.2025).
 15. Верховная народная прокуратура Китая 3 января 2024 г. провела заседание по изучению и содействию модернизации управления прокурорским делом, оптимизации и корректировке основных показателей оценки качества рассмотрения дел [Электронный ресурс]: URL: https://www.spp.gov.cn/spp/tt/202401/t20240103_639260.shtml (дата обращения: 01.06.2025).
 16. Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции» // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, № 1 (часть I), ст. 195.
 17. Платформа обмена информацией и опытом БРИКС (BRICS Information Sharing & Exchanging Platform) [Электронный ресурс]: URL: <https://www.brics-info.org/> (дата обращения: 01.06.2025).
 18. Впервые в Университете прокуратуры Российской Федерации повысили квалификацию прокурорские работники Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]: URL: <https://agprf.org/news/2023/vpervye-v-universitete-povysili-kvalifikatsiyu-pro> (дата обращения: 01.06.2025).
 19. В Китае 15 российских прокуроров пройдут курсы по повышению квалификации [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/obschestvo/19216509> (дата обращения: 01.06.2025).
 20. О третьем заседании Антикоррупционной рабочей группы БРИКС [Электронный ресурс]: URL: <https://www.brics-info.org/> (дата обращения: 01.06.2025).

EXPANSION OF PROSECUTORIAL AUTHORITIES' COMPETENCIES IN MONITORING THE CORRESPONDENCE BETWEEN PUBLIC OFFICIALS' EXPENDITURES AND INCOMES: THE EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Shitova E.L.

Kutafin Moscow State Law University

The article analyzes China's experience in the field of prosecutor's office control over the compliance of expenses with the incomes of persons holding public positions, as well as interaction with anti-corruption authorities. The study examines the categories of persons who are required to provide declarations, as well as measures of responsibility for violating the requirements of anti-corruption legislation. Special attention is paid to the role of the Prosecutor's Office in overseeing compliance with anti-corruption legislation in this area. The problems and prospects of increasing the effectiveness of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation and the transfer of property to the state income by court decision, in respect of which no evidence of its acquisition for legitimate income has been provided. A significant place in the study is devoted to the analysis of forms of international cooperation be-

tween the prosecutor's offices of the People's Republic of China and the Russian Federation, including the exchange of experience and joint training programs for prosecutors in the field of anti-corruption. In conclusion, the need for harmonization of the legal regulation of income declaration of public officials of the BRICS countries, including Russia and China, is substantiated.

Keywords: prosecutorial supervision, corruption, conversion of property into state revenue, digitalization, income declaration, anti-corruption legislation of China.

References

1. Corruption Perceptions Index 2024 [Electronic resource]: URL: https://transparencia.org.es/wp-content/uploads/CPI2024_Report_EN.pdf (accessed: 01.06.2025).
2. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003, by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // «Bulletin of International Treaties», 2006, № 10, October.
3. Gun Bing. Russian and Chinese Legislation on Asset Declaration: Similarities and Differences // Lex russica. 2016. № 5.
4. The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Long-Range Objectives Through the Year 2035 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 01.06.2025).
5. Regulation of the People's Republic of China «On Reporting Personal Matters by Leading Cadres» dated May 26, 2010 [Electronic resource]: URL: <https://www.pkulaw.com/chl/49a876454cfa7093bdfb.html?keyword=关于领导干部报告个人有关事项的规定&way=listView> (accessed: 01.06.2025).
6. Regulation of the People's Republic of China «On Leading Cadres Reporting Personal Matters» and Measures «On Handling the Results of Verification of Leading Cadres' Reports on Personal Matters» dated April 19, 2017 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-04/19/content_5187306.htm (accessed: 01.06.2025).
7. Explanation by the Central Commission for Discipline Inspection and the National Supervisory Commission of China «On the Report (Declaration) of Deposits and Real Estate Registered Under Another Person's Name» dated January 9, 2020 [Electronic resource]: URL: https://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202001/t20200109_96660.html (accessed: 01.06.2025).
8. Sevalnev V.V. Issues of Asset Declaration Under the Legislation of the People's Republic of China // International Public and Private Law. 2019. № 4.
9. Plan for Deepening the Reform of Party and State Institutions of the People's Republic of China dated March 21, 2018 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-03/21/content_5276191.htm#1 (accessed: 01.06.2025).
10. Law of the People's Republic of China «On Supervision» dated April 27, 2005 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-03/26/content_5277463.htm (accessed: 01.06.2025).
11. Decision on Amending the Law «On Supervision» of the People's Republic of China, adopted at the 13th Meeting of the Standing Committee of the 14th National People's Congress on December 25, 2024 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202412/content_6994559.htm (accessed: 01.06.2025).
12. Regulation «On Disciplinary Sanctions of the Communist Party of China» dated December 27, 2023 [Electronic resource]: URL: https://www.gov.cn/zhengce/202312/content_6922758.htm (accessed: 01.06.2025).
13. Han Yong Sentenced to Suspended Death Penalty for Illegally Obtaining Over 261 Million Yuan and Providing Significant Services [Electronic resource]: URL: <https://finance.sina.cn/2025-05-19/detail-inexavfw7716956.d.html?vt=4&pos=108&his=0> (accessed: 01.06.2025).
14. Organic Law of the People's Procuratorates of China dated October 26, 2018 [Electronic resource]: URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-10/26/content_2064476.htm (accessed: 01.06.2025).
15. The Supreme People's Procuratorate of China Held a Meeting on Studying and Promoting the Modernization of Procuratorial Governance, Optimizing and Adjusting Key Indicators for Case Handling Quality Assessment on January 3, 2024 [Electronic resource]: URL: https://www.spp.gov.cn/spp/tt/202401/t20240103_639260.shtml (accessed: 01.06.2025).
16. Decree of the President of the Russian Federation № 968 dated December 29, 2022 «On the Specifics of Fulfilling Duties, Observing Restrictions and Prohibitions in the Field of Anti-Corruption for Certain Categories of Citizens During the Special Military Operation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.01.2023, № 1 (Part I), Art. 195.
17. BRICS Information Sharing & Exchanging Platform [Electronic resource]: URL: <https://www.brics-info.org/> (accessed: 01.06.2025).
18. For the First Time, Prosecutors from the People's Republic of China Underwent Advanced Training at the Prosecutors' Training Institute of the Russian Federation [Electronic resource]: URL: <https://agprf.org/news/2023/vpervye-v-universitete-povysili-kvalifikatsiyu-pro> (accessed: 01.06.2025).
19. 15 Russian Prosecutors to Undergo Training Courses in China [Electronic resource]: URL: <https://tass.ru/obschestvo/19216509> (accessed: 01.06.2025).
20. On the Third Meeting of the BRICS Anti-Corruption Working Group [Electronic resource]: URL: <https://www.brics-info.org/> (accessed: 01.06.2025).

Гражданское право в концепции правового дуализма

Абравитова Юлия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова
E-mail: abravitova@yandex.ru

В статье предпринята попытка проанализировать различные доктрины дуализма права и оценить их с точки зрения современных представлений о праве и его месте в социуме. Используя историко-сравнительный, специально-юридический (формально-догматический) и общенаучные теоретические методы исследования анализируются классические теории двойственности права: деление права на частное и публичное, на позитивное и естественное. Целью работы является поиск новых решений относительно подходов к феномену деления права и анализ гражданского права в концепции правового дуализма. Делается вывод о целесообразности комплексного подхода, дается авторская позиция трактовки термина «дуализм права». Отмечается, что дуализм частного права не имеет объективных оснований и является следствием отождествления понятий «гражданское» и «частное право», а также «отрасль права» и «отрасль законодательства». В российском гражданском праве объективно присутствует деление прав на вещные и обязательственные, ответственности на договорную и внедоговорную, обязательств в которых объектом связи является собственно обязательство либо личность должника (кредитора). Однако вряд ли данные категории можно рассматривать как проявления дуализма.

Ключевые слова: дуализм права, частное право, публичное право, отрасли права, гражданское право, вещное и обязательственное право, договорная и внедоговорная ответственность.

Рассуждения о сущности и природе права, его месте и роли в жизни индивидуума и сообщества, специфике системы права, надлежащем сочетании справедливости и целесообразности, соотношении права и закона, об осознании правовой реальности как неотъемлемой части реальности социальной всегда вызывали живой интерес ученых.

Для романо-германской правовой семьи характерен акцент на дуальной природе права. Понятие дуальности заимствовано юриспруденцией из категориального аппарата философии, где дуализм (от лат. *dualis* – двойственный) – сосуществование двух различных, несводимых к единству состояний, принципов, образов мыслей, мировоззрений, волеустремлений [1].

В научных трудах изучение проблематики дуализма права нередко входит за рамки исключительно юридических исследований и затрагивает философские, социологические, религиозные и психологические аспекты соотношения независимости и диктата, инициативы и автономии личности, границы вмешательства государства в дела общества и индивида.

Дуализм в праве рассматривается в различных аспектах: классическое понимание дуализма представляет собой деление право на частное и публичное; дуализм частного права, как разделение норм торгового и гражданского права; дуализм гражданского права в делении на вещное и обязательственное; диалектический дуализм права формально выражается в делении права на естественное и позитивное; дуализм как теория соотношения международного и внутригосударственного права. Будучи ограниченными рамками и тематикой настоящей статьи, остановимся на рассмотрении только первых трех аспектов.

При историческом осмыслении проблемы становятся понятными истоки разрозненных подходов к определению категории дуализма. Анализом и разработкой концепций деления права на частное и публичное занимались в разное время русские ученые-правоведы Б.Б. Черепяхин, Г.Ф. Шершеневич, О.С. Иоффе, М.И. Кулагин, М.М. Агарков, Н.М. Коркунов, Д.Н. Горшунов, В.Г. Голубцов, С.А. Муромцев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Покровский, А.Г. Гойхбарг, С.Л. Дягтерев, В.С. Нерсисянц, В.Ф. Попондопуло и др.

Доктрина деления права на частное и публичное берет начало от классического постулата римского юриста Ульпиана; активно развивается с середины XIX века, когда западные ученые-цивилисты решительно противопоставляют публичное право частному, государство – гражданскому обществу, видя в частном праве источник свободы индивида.

от диктатуры государства; к XX веку обретает значительное число теорий, предлагающих критерии дифференциации, которые профессор М.М. Агарков классифицировал по четырем группам: теории материального критерия, теории формального критерия, соединяющие формальный и материальный критерий и отрицающие дуализм.

Следует отметить, что были теории, выходящие за рамки предложенной классификации. Так, представитель психологической теории права Л.И. Петражицкий (1867–1931), вопрос о границе частного и публичного права переносит в область индивидуальных психических переживаний управомоченного лица: если субъект считает себя управомоченным в общем интересе, на благо подвластных или социальной группы – то это область публичного (социально-служебного) права; если же в своем личном интересе – частного (лично-свободного) права [2]. Следовательно, в зависимости от направленности сознания субъекта правоотношения, одно и то же правоотношение может попасть в сферу действия как частного, так и публичного права. Учитывая строго субъективный характер данной теории она подвергалась многочисленной критике.

На современном этапе формирования правовой мысли о природе и практической ценности деления права на подсистемы частного и публичного единства мнений не достигнуто. Ряд ученых полагает эту форму дуализма значимой и необходимой. «Уяснение критериев и сути деления права на частное и публичное необходимо, – пишет в 2001 году А.Я. Курбатов, – прежде всего, нормотворческим органам, чтобы иметь возможность определить характер интереса, подлежащего правовой охране, и выработать «под него» соответствующий правовой режим. Для субъектов правоприменительной деятельности оно помогает уяснить существо отношений и с учетом этого правильно толковать и применять конкретные нормы права» [3, с. 98]. Данная точка зрения представляется весьма спорной, поскольку, во-первых, теория интереса уже давно признана совершенно недостаточной для выработки пограничного критерия, а во-вторых, уяснить суть и критерии дуализма права не удалось ученым на протяжении многих столетий, поэтому руководствоваться ими в нормотворческой и правоприменительной деятельности, особенно в период реформирования правовой системы, нецелесообразно.

В.Ф. Попондуполо полагает, что деление права на частное и публичное, а не его единство – ключевой аспект в понимании правовой реальности, поскольку «единство права связано с единством отношений, складывающихся в обществе. Однако поскольку общественные отношения разнородны, то и единство права не является определяющим моментом». В научных целях, поскольку единого определения права не выработано, необходимо исследовать понятие права как общей категории, но для правоприменительной практики такое понимание всегда будет нуждаться в уточнении: какие

отношения подлежат регулированию и какие методы следует применять. «А это уже другой срез права, его деление на отрасли, подотрасли, институты, субинституты, нормы, – пишет В.Ф. Попондуполо, – при этом отрасль права есть система норм, регулирующих одним и тем же методом весь комплекс однородных отношений, опосредующих самостоятельную деятельность (отрасль частного права) или публичную деятельность (отрасль публичного права). Следовательно, право подразделяется на две отрасли, характеризующиеся своими предметами и методами правового регулирования» [4].

Рассуждая о публичном и частном в праве нельзя не упомянуть о публичном и частном интересах. Можно ли утверждать, что публичное право защищает публичные (общественные, коллективные) интересы, а частное – частные?

Г.Ф. Шершеневич указывал на неверность такого критерия разделения, поскольку область публичного права защищает не только публичные интересы, но и частные [6, с. 141]. В.В. Гурьянова предлагает несколько запутанное разграничение по признаку интереса: «В качестве объективного критерия разграничения сферы частного и публичного права следует рассматривать характер интересов, выраженных в нормах права ... Сфера частного права регулирует общественные отношения не только по поводу реализации, но и защиты интересов физических и юридических лиц. В свою очередь, сфера публичного права регламентирует модель поведения по поводу осуществления и охраны государственных интересов, интересов всего народа отдельно взятого государства, иных важных социально значимых благ, а также интересов международного сообщества. Если нормы частного права закрепляют тот или иной частный интерес, то нормы публичного права обеспечивают их защиту в случае совершения субъектами нарушений» [7, с. 108, 109]. Сложно согласиться с таким подходом в полной мере. Итак, согласно приведённой цитате: 1) сфера частного права регулирует вопросы реализации и защиты частных лиц, 2) нормы частного права закрепляют частный интерес, 3) сфера публичного права охватывает вопросы по поводу осуществления и охраны публичных интересов, 4) нормы публичного права обеспечивают защиту частных интересов в случае их нарушений. Не ясно, что же все-таки обеспечивает публичное право – охрану или защиту частного интереса. Мы считаем, что это разные понятия. Институт защиты частных интересов (прав) это сложное правовое явление, включающее с одной стороны, цели, субъекты и объект, виды, основания, стадии, принципы, правовые средства, способы и формы защиты, с другой – соотношение мер защиты и мер гражданско-правовой ответственности, регулятивных и охранительных правоотношений. Не предлагая самостоятельную формулировку, отметим, что разделяем мнение тех цивилистов, кто полагает, что достижение целей защиты – фактического восстановления нарушенного права и законного инте-

реса или предотвращение угрозы нарушения – возможно только при активной деятельности защищаемого субъекта и/или субъекта, обеспечивающего защиту. По нашему мнению, понятие правовой защиты соотносится с понятием правовой охраны как часть и целое, причем правовая защита превентивной направленности, в отличие от охраны, не имеет и применяется лишь в случаях нарушения прав. Далее, если защиту частного интереса обеспечивают и нормы публичного, и нормы частного права, то почему это критерий дифференциации? И почему сфера частного права регулирует больший объем, чем ее нормы, а в случае публичного права все обстоит ровно наоборот?

Рассмотрим, как обстоит дело с соотношением интереса и права в законодательстве и судебной практике. Следует отметить, что законодатель и суды широко используют термины «публичное» и «частное» (как правило, в контексте интересов, прав и обязанностей) впрочем, не раскрывая сущности этих понятия, но иногда давая их трактовку применительно к определенным ситуациям. Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 75 постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что: «Применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов». В большинстве случаев в документе просто указывается на публичный или частный аспект. Так, одним из оснований для изменения или отмены в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу, в соответствии с частью 1 статьи 304 АПК РФ является нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных *публичных интересов*; в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2016 № 302-КГ15–17096 по делу № А74–6649/2014 указывается, что взыскание земельного налога не на основе соответствующей действительности стоимости объекта налогообложения ведет к нарушению *публичных интересов* (при занижении стоимости имущества как налогооблагаемой базы); арбитражные суды полагают, что невыполнение *публично-правовых обязанностей* по предоставлению отчетности несет угрозу охраняемым общественным отношениям и т.п. Статья 15 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации ...» гарантии прав и законных интересов *частного партнера*.

Более того, наблюдается смешение понятий «публичные интересы» с частными правами граждан по реализации их прав и свобод. Так, в По-

становлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 29.03.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция», указано, что подпрограмма № 1 «предназначена для обеспечения защиты публичных интересов, реализации прав граждан и организаций». Анализируя паспорт программы, видим, что ожидаемый непосредственный результат – нормативные правовые акты, регулирующие вопросы обеспечения защиты *публичных интересов, реализации прав граждан и организаций*; создание условий, обеспечивающих эффективную реализацию гражданами Российской Федерации конституционных прав и свобод, а основными направлениями реализации являются подготовка и принятие нормативных правовых актов в сфере адвокатуры, нотариата, регистрации актов гражданского состояния, направленных на защиту публичных интересов, реализацию прав граждан и организаций.

Конституционный суд (КС РФ) неоднократно упоминал о необходимости обеспечения баланса *частных и публичных интересов* при осуществлении правового регулирования (Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П; Постановление Конституционного суда РФ от 30.01.2009 № 1-П и др.). Вместе с тем, логика решений КС РФ прослеживается достаточно четкая: частный характер исчезает, когда речь идет о поведении, которое затрагивает общественный интерес. Изъятие имущества для государственных нужд вопреки интересам собственника; приоритет охраны объектов культурного наследия перед правом частной собственности – вот далеко не полный перечень ситуаций, когда КС РФ при коллизии ценностей выбирал публичный интерес [7, с. 34,35]. В случае споров между публичным и частным собственником относительно выморочного имущества КС РФ встает на сторону добросовестного частного приобретателя, однако, полагаем, здесь нельзя говорить о том, что Суд отдает предпочтение частному интересу (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П). Речь идет об интересах публично-правового образования, которое, являясь участником гражданского оборота, допустило бездействие, не соблюдая требования разумности и осмотрительности, утратило имущество, которым противопоставляется интерес частного приобретателя, который, действуя разумно и осмотрительно, полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости и выполнил необходимые регистрационные действия, спорное имущество приобрел. Защита в такой ситуации интереса публично-правового образования не отвечает общему интересу – стабильности гражданского оборота.

В современном обществе все больше появляется институтов смешанного, публично-частного характера. К примеру, правовая природа «частно-государственного партнерства» многоаспектна, регуляторное воздействие оказывают как нормы конституционного права, так и гражданского, а также наличествует его имплементированность

в административно-правовые отношения, поскольку данный правовой институт выступает как часть системы государственного управления, позволяя органам публичной власти реализовывать возложенные на них задачи и функции.

Таким образом, объективным критерием разделения публичного и частного права не может являться ни критерий императивного или диспозитивного регулирования, ни концепция частных и публичных интересов, ни участие в правоотношениях публично-правовых образований.

Следует согласиться с мнением М.В. Трегубова, о том, что «поиск универсальной границы между правом частным и правом публичным зашел в тупик и более не отвечает потребностям современной юридической науки и практики. Сейчас необходимо сосредоточиться на изучении механизмов конвергенции публичного и частного права для обеспечения баланса прав индивидуума, общества и государства» [9]. Выделение «чистых» областей частного и публичного права в настоящее время невозможно, да и с практической точки зрения не эффективно. С развитием общества мы можем наблюдать все большую формализацию правил поведения (с использованием императивных норм) при декларируемой свободе индивидуума, забота о безопасности граждан приводит к достаточно жесткой регламентации: сделок, правил строительства, поведения в обществе, семье и т.п. Этот процесс называют проникновением публичного права в область частного. Это результат социализации права, императивных норм, которые применяются для защиты всеобщего интереса и «посягают» на индивидуальную свободу. Установление границ имеет смысл только для определения, какой интерес в данный период времени в конкретном государстве отнесен к публичному, а какой к частному.

Феномен деления права на отрасли и систематизация отраслей по подсистемам «частное» и «публичное», бесспорно, заслуживает отдельного углубленного исследования, которое целью данной работы не является, но без краткого освещения ключевых моментов данного феномена, анализ тенденций развития дуализма права будет не полным. Для романо-германского права характерно структурирование права на взаимосвязанные элементы: отрасли, институты, нормы. Учитывая тенденции развития общества, появление новых отраслей права и видоизменение традиционных – объективная реальность. Категорично и единообразно «вписать» отрасли в структуру частного и публичного права не удастся. Например, уголовное право во Франции традиционно относят к сфере частного права, поскольку его нормы, в большинстве своем, защищают частные интересы, в Германии, Швейцарии, Испании, Австрии и России – к публичному праву. Во Франции есть специфическая отрасль – публичное экономическое право. Россия и Германия нормы экономического права относят к праву частному. Спорен так же вопрос о месте международного права. Дискутиру-

ется вопрос об отнесении морского, сельскохозяйственного, воздушного, трудового, семейного права, уголовного и гражданского процессуального права к отдельной группе «смешанных» или «комплексных» прав. Предполагается, что комплексные отрасли права регулируют круг взаимопроникающих отношений, но не имеют единого нормативного правового акта, их многоаспектность порождает необходимость распределения регулятивных норм по разным отраслям законодательства.

Некоторая «размытость» отраслевого деления, принятие в значительном числе стран наряду с гражданскими также торговых кодексов привели к разделению гражданского и торгового права. Это явление получило название дуализма частного права. Полагаем, что подобное явление – результат смешения понятий отрасль права и отрасль законодательства, внутреннего содержания и внешней формы выражения, а также отождествления понятий «частное» и «гражданское» право. Фактически, торговое (предпринимательское) право является подотраслью гражданского права, поскольку гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. В свою очередь, гражданское право, наряду с трудовым и семейным входят в подсистему частного права.

Усложнение системы права, некоторая беспомощность прежних конструкций, «приводят к попыткам отказа от традиционных подходов. Так, И.А. Иванников предлагает модернизировать классическую доктрину дуализма права, добавив третий элемент – наряду с частным и публичным правом выделить «гуманитарное право, которое должно включать в свой состав образовательное, медицинское и другие отрасли права» [5]. Подобный подход представляется, на наш взгляд, нецелесообразным с точки зрения практического применения.

Так же отметим, что для цивилистической доктрины, берущей истоки из римской правовой традиции, характерно деление прав на вещные (право лица распоряжаться вещью по своему усмотрению) и обязательственные (отношение между кредитором и должником, дающее кредитору право требования к должнику, который исполняет свои обязательства) и, соответственно, конкуренция вещных и обязательственных требований, способов защиты. «Суть дуализма гражданского права, – пишет М.Б. Братусь, – заключается в невозможности права существовать одновременно и как вещное, и как обязательственное» [11, с. 128]. Вместе с тем, и теория и практика спорит о возможной, смешанной вещно-обязательственной правовой природе аренды, залога. С учетом, что ГК РФ не содержит исчерпывающего перечня вещных прав (ст. 216 ГК РФ содержит не полный список, а примерный, используя оборот «в частности»), это порождает практические проблемы, связанные с защитой права. К примеру, возникает вопрос – связывает ли закон самозащиту права в смысле статьи 14

ГК РФ только с вещным правом, но не обязательственным и иными? Полагаем, что применение мер самозащиты возможно не только в вещных отношениях, но во всех иных абсолютных, включая неимущественные блага, охраняемые гражданским законом. В то же время, обязательственным (относительным) отношениям будут применяться меры оперативного воздействия — односторонние действия уполномоченного лица в обязательстве, с превентивной, пресекающей функцией, которые по своей природе являются односторонними сделками [12, с. 108]. Однако отметим, что ряд авторов (Э.Л. Страунинг, Г.Я. Стоякин, М.С. Кораблева) мер оперативного характера относят к способам самозащиты.

Здесь так же уместно говорить о дуализме гражданской ответственности: договорная ответственность и внедоговорная ответственность. Что касается позитивного права, нет сомнений, что оно также принимает такой дуализм ответственности. С терминологической точки зрения этот дуализм иногда выражается также, особенно в судебной практике, посредством различия между «договорным нарушением» и «деликтом», для того, чтобы четко обозначить различие между порождающими фактами, характерными для каждой из этих ответственностей.

Не менее интересен вопрос о дуалистическом анализе обязательственного права. Обязательство — это правовая связь между двумя или более лицами, которая позволяет одному лицу, кредитору, требовать что-либо от другого лица, должника. Римское видение *obligatio*, похоже, пошло двумя разными путями, в зависимости от того, ассимилирует ли оно *vinculum iuris* с отношениями, связывающими должника с кредитором из-за обязанности должника по исполнению, которую кредитор имеет право требовать, или представляет эту связь как то, что связывает должника с другим, кто не связан, и в этом смысле *obligatio* относится к пассивному состоянию. Таким образом, противостоят две точки зрения, одна из которых подчеркивает связь, одним из условий которой будет субъективное обязательство, которое предполагает долг и, следовательно, обязанность должника, а другая нацелена на объективную связь, которая налагает ограничение на субъекта. Это различие принципиально важно, поскольку в одном случае объектом связи является обязательство (и, следовательно, возможна замена лица в данном правоотношении), в другом — личность должника/кредитора (и, соответственно, бремя тяготеет над только над конкретным лицом и требование предъявить может только конкретный субъект).

В завершении исследования вопроса полагаем возможным сделать следующие выводы. Представляется что термин «дуализм права», экстраполированный юриспруденцией из философии, представляется неудачным, поскольку в классическом понимании дуализм означает неразрывность сосуществования двух начал, несводимых друг к другу, фактически противоположных. Скла-

дывается парадоксальная ситуация, когда признание дуальной природы права (во всех ее проявлениях) предполагает, что части единого феномена права (публичное и частное) на самом деле имеют радикально разную природу. Целесообразнее, говоря о частном и публичном праве, использовать термин «дихотомия права», как разделение на две части. Дуализм частного права не имеет объективных оснований и означает всего лишь раздельное существование гражданского и торгового законодательства, сведенного в гражданский и торговый кодексы.

В российском гражданском праве объективно присутствует деление прав на вещные и обязательственные, ответственности на договорную и внедоговорную, обязательств в которых объектом связи является собственно обязательство либо личность должника (кредитора). Однако вряд ли данные категории можно рассматривать как проявления дуализма.

В настоящее время складывается ситуация, которая приведет к переосмыслению отношений между публичными и частными лицами, взаимосвязей между публичными и частными интересами. Появляются институты смешанного, публично-частного характера. Частный характер исчезает, когда речь идет о поведении, которое затрагивает общественный интерес. Нормы частного права становятся все более императивными. Государственное вмешательство все более заметно в частных отношениях с целью реализации определенной государственной политики. Например, для организации защиты прав потребителей, прав работников, прав наследников и т.п. Границы сфер влияния частного и публичного в гражданском праве находятся в постоянном колебании.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. К.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2004. 576 с.
2. Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Вып. 1. С.-Петербург: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900.
3. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. Москва: Центр ЮрИнфоР, 2001. 211 с.
4. Попондуполо В.Ф. Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства
5. Иванников И.А. Актуальные проблемы развития отраслей российского права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1. С. 15–20.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т: учеб. пособие. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. 362 с.
7. Гурьянова В.В. Частное и публичное право: современный взгляд на проблему определения

- и разграничения // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 103–110.
8. Небратенко О.О. Доктрина соотношения частных и публичных интересов в решениях конституционного суда России // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 33–38.
 9. Трегубов М.В. Дуализм права: исторический анализ, современные тенденции, сочетание частных и публичных начал в гражданском праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 50–58.
 10. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 221–238.
 11. Братусь М.Б. О соотношении (конкуренции) вещно-правовых и обязательствственно-правовых способов защиты права собственности // Журнал российского права. 2005. № 6 (102). С. 128–134.
 12. Кархалев Д.Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 90–111.

CIVIL LAW IN THE CONCEPT OF LEGAL DUALISM

Abravитova Yu.I.

Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

The article attempts to analyze various doctrines of dualism of law and evaluate them from the point of view of modern ideas about law and its place in society. Using historical-comparative, special-legal (formal-dogmatic) and general scientific theoretical research methods, classical theories of duality of law are analyzed: division of law into private and public, positive and natural. The purpose of the work is to find new solutions regarding approaches to the phenomenon of division of law and analysis of civil law in the concept of legal dualism. The conclusion is made about the expediency of an integrated approach, the author's position on the interpretation of the term "dualism of law" is given. It is noted that the dualism of private law has no objective grounds and is a consequence of the identification of the concepts of "civil" and private law", as well as

"branch of law" and "branch of legislation". In Russian civil law, there is an objective division of rights into property and obligation, liability into contractual and non-contractual, obligations in which the object of communication is the obligation itself or the person of the debtor (creditor). However, these categories can hardly be considered as manifestations of dualism.

Keywords: dualism of law, private law, public law, branches of law, civil law, property and obligation law, contractual and non-contractual liability.

References

1. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. and compiled by K.F. Gubskiy, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. Moscow: IN-FRA-M, 2004. 576 p.
2. Petrazhitsky L.I. Essays on the Philosophy of Law. Issue 1. St. Petersburg: Type. Yu.N. Erlich, 1900.
3. Kurbatov A. Ya. Combination of Private and Public Interests in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity. Moscow: Center YurInfoR, 2001. 211 p.
4. Popondupolo V.F. Problems of Unity and Differentiation of Russian Law and Legislation
5. Ivannikov I.A. Actual Problems of Development of Branches of Russian Law // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2010. No. 1. P. 15–20.
6. Shershenevich G.F. General Theory of Law: in 2 volumes: textbook. manual. Moscow: Law College of Moscow State University, 1995. Vol. 2. Issues 2, 3, 4. 362 p.
7. Guryanova V.V. Private and Public Law: A Modern Look at the Problem of Definition and Delineation // Russian Journal of Legal Research. 2016. No. 3 (8). P. 103–110.
8. Nebratenko O.O. Doctrine of the Relationship between Private and Public Interests in Decisions of the Constitutional Court of Russia // Philosophy of Law. 2021. No. 2 (97). P. 33–38.
9. Tregubov M.V. Dualism of Law: Historical Analysis, Modern Trends, Combination of Private and Public Principles in Civil Law // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2019. No. 1. P. 50–58.
10. Gulyaikhin V.N. Dialectics of Natural and Positive Law as a Source of Social and Legal Progress // Legal Research. 2013. No. 3. P. 221–238.
11. Bratus M.B. On the Relationship (Competition) of Property-Law and Obligatory-Law Methods of Protecting Property Rights // Journal of Russian Law. 2005. No. 6 (102). P. 128–134.
12. Karkhalev D.N. Restoration of Violated Civil Rights Out of Court // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 3. P. 90–111.

Баркаев Заур Муртазалиевич,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «СГЮА»
E-mail: zaur.barkayev@bk.ru

В статье исследуется правовая природа и институциональная роль совместного предприятия в структуре государственно-частного партнерства (ГЧП). Акцентируется внимание на особенностях правового регулирования создания совместных предприятий в рамках ГЧП-проектов, анализируются преимущества данной модели взаимодействия государства и бизнеса, а также выделяются основные риски и препятствия, возникающие в процессе реализации совместных инициатив. На основе отечественного и зарубежного опыта формулируются предложения по совершенствованию законодательной и договорной базы использования совместных предприятий как инструмента эффективного публично-частного взаимодействия.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, совместное предприятие, публично-правовые образования, частный инвестор, правовое регулирование, юридическая ответственность, институциональная модель.

Введение

Современная экономика находится в состоянии стремительной трансформации, обусловленной как развитием цифровых технологий, так и структурными изменениями в глобальной хозяйственной системе. Возрастающее значение приобретает эффективное сотрудничество государства и бизнеса для решения комплексных задач, связанных с модернизацией инфраструктуры, обеспечением устойчивого роста и улучшением качества жизни населения. В этих условиях государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) выступает наиболее востребованной формой координации интересов публичных и частных субъектов, позволяя реализовывать масштабные проекты в условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости диверсификации инвестиционной нагрузки[8].

Особое место в системе ГЧП отводится механизму совместного предприятия, который в отечественной и зарубежной практике доказал свою результативность как инструмент интеграции капитала, управленческого опыта, инновационных подходов и технологических решений. Формирование совместного предприятия в рамках ГЧП обеспечивает оптимальное распределение рисков, прозрачность процедур принятия решений и устойчивость экономических связей между государством и частным сектором. Данная правовая конструкция позволяет сконцентрировать ресурсы сторон на достижении стратегических целей, связанных не только с возведением и эксплуатацией инфраструктурных объектов, но и с созданием новых стандартов управления, внедрением современных технологий, формированием системы контроля и мониторинга эффективности использования привлеченных средств.

Тем не менее, обострение конкуренции за инвестиционные ресурсы, ужесточение международных стандартов корпоративного управления и рост требований к транспарентности процедур выявляют целый ряд проблем, связанных с нормативно-правовым регулированием совместных предприятий в сфере ГЧП. Сложность структуры такого предприятия, многоуровневый характер правовых отношений между его участниками, а также необходимость соблюдения принципов добросовестной конкуренции и защиты публичных интересов требуют всестороннего анализа существующих нормативных основ и практических механизмов функционирования совместных предприятий в рамках ГЧП.

В Российской правовой доктрине пока отсутствует устоявшаяся концепция, определяющая специфику правового положения совместного

предприятия, создаваемого в целях реализации проектов государственно-частного партнёрства. Незавершённость развития нормативной базы, наличие противоречий и лаку в действующем законодательстве, а также ограниченность судебной практики по соответствующим спорам значительно затрудняют эффективное использование механизма совместных предприятий как одного из ключевых инструментов ГЧП. Таким образом, исследование теоретических и прикладных аспектов функционирования совместных предприятий в рамках государственно-частного партнёрства представляется не только актуальным, но и необходимым для выработки сбалансированных правовых решений, способствующих формированию современного инвестиционного климата и устойчивому социально-экономическому развитию.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, системный и структурно-функциональный подходы. В рамках работы проанализировано действующее Российское законодательство о государственно-частном партнёрстве, включая Федеральный закон «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ, Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», Федеральный закон от 25.02.1999 N 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции», а также ряд подзаконных актов по рассматриваемой теме.

Эмпирическую базу составили данные аналитических отчётов ведущих международных организаций, статистические материалы о реализации проектов ГЧП с участием совместных предприятий, а также результаты экспертных интервью с представителями органов власти и бизнеса.

Литературный обзор

В Российской и зарубежной литературе интенсивно разрабатывается понятийный аппарат, классификация и содержание механизмов ГЧП. В работах В.Г. Варнавского, А.И. Дудник, Н.Ф. Криворотова, А.В. Белицкой и др. исследуются вопросы юридической типологии партнёрств, критерии выделения форм взаимодействия публичных и частных субъектов, специфика корпоративных и договорных моделей, а также влияние международного опыта на развитие национальных концепций ГЧП.

Обобщая подходы современной доктрины, можно выделить несколько базовых критериев систе-

матизации видов ГЧП. Юристы акцентируют внимание на правовой природе отношений, механизмах передачи имущественных прав, распределения рисков, сроках и способах управления объектом партнёрства, тогда как экономисты – на капитальных инвестициях, инструментах поддержки и управления, а также функциональной направленности проектов.

В научной литературе, наряду с анализом классических договорных и институциональных моделей, все большее значение придается исследованию специфики совместных предприятий (далее – СП) в структуре ГЧП. В работах Криворотовой Н.Ф. роль СП рассматривается со стороны повышения инвестиционной привлекательности национальной экономики, укрепления технологической базы, передачи управленческих знаний и расширения рынков сбыта: «совместные предприятия способны обеспечить приток зарубежных инвестиций, новых технологий производства и управления, что расширяет возможности получения дополнительных рынков, сбыта и ресурсов» [5]. Вместе с тем, отмечается необходимость детальной проработки национального налогового, таможенного и корпоративного регулирования, позволяющего минимизировать негативные издержки и повысить эффективность совместного бизнеса, особенно в условиях экономической нестабильности и оттока капитала.

Смирнов А.О. в исследовании механизма создания совместного предприятия для реализации проектов ГЧП (СПРП) структурирует юридическую и экономическую модель такого участия, выделяя особенности жизненного цикла СПРП, распределения рисков и доходов, а также форму взаимодействия государства и частного бизнеса через акционерный капитал проектной компании: «создание совместного предприятия как проектной компании содействует максимально эффективному распределению рисков между публичным и частным партнерами и позволяет оптимизировать систему управления проектом» [9]. Особое значение автор придает этапу разработки стратегии на старте проекта – как правовой, так и организационной, связывая устойчивость и успех СПРП с четким распределением функций и последовательно реализуемой моделью корпоративного управления.

Результаты

На основе совокупного анализа можно утверждать, что институциональная форма ГЧП в виде совместных предприятий отличается рядом преимуществ перед классическими договорными конструкциями, особенно в условиях долгосрочных, капиталоемких и высокорисковых инфраструктурных проектов. Во-первых, формирование совместной проектной компании (SPV) обеспечивает повышенную юридическую определенность, изоляцию проектных рисков и прозрачность движения финансовых потоков. Во-вторых, корпоративная природа СП облегчает процедуру вовлечения новых частных партнеров, кредитных организаций, подрядчиков и операто-

ров в проект. В-третьих, данный механизм способствует созданию эффективной системы мотивации участников, а также повышению управляемости и отчетности, что востребовано как инвесторами, так и государством.

Обсуждение

В то же время, практика Российской правоприменительной деятельности в сфере ГЧП через СП сталкивается с рядом барьеров: фрагментарностью регулирования акционерных компаний с государственным участием, отсутствием единых стандартов управления проектными компаниями, проблемами в определении механизмов выхода участников и распределения доходов и активов после завершения жизненного цикла проекта. На сегодняшний день требуется совершенствование нормативного регулирования, формирование единого подхода к созданию СП в рамках ГЧП, стандартизация процессов согласования и институционального взаимодействия публичного и частного партнера[1].

В совокупности с международным опытом и отечественной практикой развитие механизмов совместных предприятий как специфической формы ГЧП представляется инструментом диверсификации рисков и оптимизации инвестиционных потоков, особенно в условиях внешних шоков и ограниченности внутренних ресурсов. Совместное предприятие, интегрированное в структуру ГЧП, позволяет создавать корпоративный центр ответственности и компетенций, обеспечивая равенство сторон в процессе принятия решений, гибкость стратегического управления и достижение общественно значимых эффектов помимо экономической отдачи.

Следовательно, классификация форм государственно-частного партнерства должна учитывать не только способ оформления партнерских отношений (договорное или институциональное образование), но и сущность распределения рисков, специфику объекта партнерства, характер финансирования и степень вовлеченности сторон в управление и эксплуатацию объекта ГЧП [2]. Особое место здесь занимают совместные предприятия как динамичный, эволюционирующий институт, позволяющий построить эффективное взаимодействие государства и бизнеса в условиях национальной и глобальной трансформации инвестиционного климата[3].

Нормативно-правовая основа формирования и функционирования совместных предприятий в сфере государственно-частного партнерства закреплена в ряде федеральных законов, к числу которых относятся: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», Федеральный закон от 25 февра-

ля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [7]. Кроме того, важное значение имеют подзаконные нормативные правовые акты, а также судебная практика, развивающая и конкретизирующая положения указанных законодательных норм применительно к специфике совместных предприятий в системе государственно-частного партнерства. Анализ совокупности правовых предписаний и толкований, сформированных органами судебной власти, позволяет выявить актуальные проблемы коллизии в законодательстве, недостаточности правового регламентирования отдельных процедур, а также неопределенности в вопросах соотношения норм различных федеральных законов[8].

К числу ключевых проблем, обозначенных исследователями, относится недостаток доверия между государством и частным бизнесом как равноправными участниками партнерства. Преобладание ведомственных и корпоративных интересов, а также предшествующий дефицит опыта длительного институционального взаимодействия, привели к формированию модели, в которой каждая сторона стремится либо минимизировать собственные риски за счет другой, либо максимизировать собственную выгоду, не уделяя должного внимания долгосрочным интересам и социальной функции реализуемых проектов. Проблема усугубляется отсутствием сложившихся традиций сотрудничества на принципах добросовестности и паритетности, что выражается как во взаимной настороженности, так и в склонности к предъявлению друг к другу требований, формирующих неблагоприятный инвестиционный климат.

Отсутствие единой федеральной нормативно-правовой базы долгое время обуславливало фрагментарность и несовместимость правового регулирования на региональном уровне. Региональные законы о ГЧП зачастую принимались под конкретные проекты и отличались субъективизмом в определении условий участия, мер поддержки, а также критериев государственных гарантий, что снижало эффективность и предсказуемость правоприменения и не способствовало формированию устойчивых институциональных механизмов взаимодействия[6].

К дополнительным проблемам относят слабую методологическую проработку проектов, высокий уровень инвестиционных и инфраструктурных рисков, а также ограниченность государственных стимулов и гарантированных мер поддержки. Частный капитал, в условиях неопределенности нормативной среды, отсутствия действенных механизмов компенсации потерь и гарантирования возвратности вложений, демонстрировал низкую заинтересованность во вхождении в долгосрочные партнерские отношения по реализации общественно

значимых проектов, что особенно актуально применительно к совместным предприятиям.

Заключение

По итогам проведенного анализа международного и российского опыта выстраивания государственно-частных партнерств, представляется возможным определение направлений оптимизации механизма участия совместных предприятий в рамках ГЧП.

Пути решения данных проблем включают развитие правовой и организационной инфраструктуры партнерства посредством принятия универсальных федеральных нормативных актов, глубокой унификации процедур формирования, функционирования и прекращения совместных предприятий с государственным участием. В целях формирования устойчивых стимулов к привлечению частного капитала к таким предприятиям рекомендуется установить систему преференций, предусматривающую, в частности, освобождение вновь созданных предприятий от уплаты корпоративных налогов до момента окупаемости инвестиций, а также широкое внедрение механизмов государственного гарантирования исполнения обязательств публичного партнера.

Определяющим направлением развития партнерства на современном этапе становится институционализация долгосрочных доверительных отношений, что требует формирования специализированных органов по сопровождению проектов, совершенствования стандартов оценки инвестиционных предложений, а также расширения практики публичного контроля и прозрачности в реализации ГЧП-проектов. Эффективное использование инструментов государственной поддержки, в том числе предоставление финансирования на льготных условиях и компенсация инфраструктурных и операционных рисков, способствуют росту доверия и снижению инвестиционной неопределенности среди частных партнеров.

Таким образом, устранение выявленных проблем требует комплексного совершенствования системы правового и экономического регулирования, формирующего благоприятную институциональную среду для работы совместных предприятий в структуре государственно-частного партнерства и обеспечивающего баланс интересов государства и бизнеса на долгосрочной основе.

В заключение следует подчеркнуть, что интеграция совместных предприятий в систему форм и моделей государственно-частного партнерства влечет за собой необходимость совершенствования правового режима корпоративных компаний с государственным участием, унификации стандартов управления проектными структурами и выработки механизмов нивелирования связанных с этим рисков как для публичного, так и для частного сектора. Таким образом, использование совместных предприятий может и должно стать одной из ключевых институциональных моделей ГЧП, способствующих модернизации отечественной экономики и формированию устойчивой среды

для реализации инфраструктурных и социальных проектов.

Литература

1. Бедняков А.С. Государственно-частное партнёрство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 143–176.
2. Белицкая А.В. Правовое определение государственно-частного партнерства // Законодательство. – 2009. – № 8. – С. 40–46.
3. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления // Отечественные записки. – 2004. – № 6. – С. 172–180.
4. Дудник А.И. Совместное предприятие как эффективная форма ведения бизнеса в постпандемический период // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 10 (164). – С. 103–108.
5. Криворотова Н.Ф. Роль совместных предприятий в повышении инвестиционной привлекательности отечественной экономики // Academic science-problems and achievements. – 2016. – С. 180–182.
6. Крупнов Ю. А., Пеньков Д.А. Государственно-частное партнерство и антикризисная поддержка бизнеса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 3 (53). – С. 62–67.
7. Макаров И. Н., Титова М.В., Сухина Ю.В. Государственно-частное партнерство в системе инструментов государственного управления инновационно направленным экономическим развитием // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 815–826.
8. Погодина Т. В., Мингазов Р.И. Формы государственно-частного партнерства и их особенности при реализации инвестиционных проектов // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 25–28.
9. Смирнов А.О. Механизм создания совместного предприятия по реализации проектов (СПРП) ГЧП // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2016. – № 29. – С. 51–56.

NEW APPROACHES TO HEART ORGANOMETRY

Barkaev Z.M.

Saratov State Law Academy

The article examines the legal nature and institutional role of a joint venture in the structure of a public-private partnership (PPP). The article focuses on the specifics of the legal regulation of the creation of joint ventures within the framework of PPP projects, analyzes the advantages of this model of interaction between government and business, and highlights the main risks and obstacles that arise in the process of implementing joint initiatives. Based on domestic and foreign experience, proposals are formulated to improve the legislative and contractual framework for the use of joint ventures as a tool for effective public-private interaction.

Keywords: public-private partnership, joint venture, public law entities, private investor, legal regulation, legal responsibility, institutional model.

References

1. Bednyakov A.S. Public-private partnership as a model of public infrastructure development //Bulletin of MGIMO University. – 2022. – Vol. 15. – No. 1. – pp. 143–176.
2. Belitskaya A.V. Legal definition of public-private partnership // Legislation. – 2009. – No. 8. – pp. 40–46.
3. Varnavsky V.G. Public-private partnership in Russia: problems of formation // Domestic notes. – 2004. – No. 6. – pp. 172–180.
4. Dudnik A.I. Joint venture as an effective form of doing business in the post-pandemic period //Theory and practice of social development. – 2021. – № . 10 (164). – Pp. 103–108.
5. Krivorotova N.F. The role of joint ventures in increasing the investment attractiveness of the domestic economy //Academic science-problems and achievements. – 2016. – pp. 180–182.
6. Krupnov Yu. A., Penkov D.A. Public-private partnership and anti-crisis business support //Innovative economy: prospects for development and improvement. – 2021. – № . 3 (53). – Pp. 62–67.
7. Makarov I. N., Titova M.V., Sukhina Yu.V. Public-private partnership in the system of public management tools for innovation-oriented economic development //Economics, entrepreneurship and Law. – 2021. – Vol. 11. – No. 4. – pp. 815–826.
8. Pogodina T. V., Mingazov R.I. Forms of public-private partnership and their features in the implementation of investment projects //Innovation and investment. – 2023. – No. 4. – pp. 25–28.
9. Smirnov A.O. The mechanism of creation of a joint venture for the implementation of projects PPP //Economics and Management in the 21st century: development trends. – 2016. – No. 29. – pp. 51–56.10. Kolesova D.V., Kharitonova A.A. "Word games: what and how to play in Russian lessons." SP: Zlatoust, 2011 – p. 152.

Динамика квалификации персональных данных в российском праве: проблемы разграничения, обезличивания и риски реидентификации

Боярский Ринат Николаевич,

студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: r.bojarsky@icloud.com

В статье на основе анализа Федерального закона от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) выявляется динамическая природа идентифицируемости информации, обусловленная технологической эволюцией, рисками реидентификации при комбинировании наборов данных и отсутствием четких критериев «разумной вероятности» идентификации. Особое внимание уделяется правовому режиму обезличенных данных. Подчеркивается обязанность операторов постоянно контролировать статус данных и применять риск-ориентированный подход. Отмечается, что современное регулирование не учитывает динамичность идентифицируемости, что требует гармонизации с международными стандартами и разработки гибких механизмов защиты персональных данных без потери их полезности. Отдельное внимание уделено законодательным новеллам: требованиям по передаче обезличенных данных в ГИС «озеро данных» и правилам обезличивания для бизнеса.

Ключевые слова: персональные данные, обезличивание данных, реидентификация, GDPR, Роскомнадзор, технические меры защиты.

Цифровая трансформация общества и стремительное развитие технологий Big Data кардинально изменили ландшафт обработки информации, поставив на первый план проблему защиты персональных данных. В Российской Федерации правовой основой регулирования этой сферы служит Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1]. Ключевым элементом его применения является точная квалификация информации как персональных данных, что определяет весь комплекс правовых последствий: от необходимости получения согласия субъекта до выбора мер технической защиты. Однако динамичность современных информационных процессов, возможность комбинирования разнородных данных и появление новых методов деанонимизации превращают разграничение персональных и неперсональных данных в сложную правовую и практическую задачу.

Согласно статье 3 Федерального закона от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [1].

Точное определение, является ли информация персональными данными, критически важно для установления применимого правового режима, определения круга обязанностей оператора, наличия/отсутствия необходимости получения согласия субъекта персональных данных, проведения оценки вреда, уведомления Роскомнадзора и т.д.

Определить, что же составляет персональные данные, не так просто, поскольку различные элементы определения – «любая информация», «относящаяся к», «определенное или определяемое физическое лицо» – открыты для различных интерпретаций, формирующих его динамичное понимание. Нормативная неопределенность в вопросе квалификации персональных данных проявляется в отсутствии как исчерпывающего перечня относящихся к лицу сведений, так и формализованных критериев их отнесения к данной категории [2]. Это провоцирует дискуссии о правовой природе конкретной информации о субъекте, особо значимые в условиях цифровой трансформации [3].

Исходя из нормативного определения, мы понимаем, что персональные данные – это информация о физическом лице (не о юридическом лице); она может принимать любую форму и быть буквенной, числовой, видео или изображением; она включает как объективную информацию (имя, идентификационные номера и т.д.), так и субъективную инфор-

мацию (мнения, оценки и т.д.); ключевым элементом является то, что эта информация описывает что-то о субъекте, имеющее ценность и значение. Незначительная информация, не имеющая смысла, не должна считаться персональными данными, однако новые технологии изменили способ приписывания ценности информации, поскольку с их помощью стало возможным собирать, измерять и анализировать множество внешне «незначительной» разрозненной информации, которая, будучи связана с человеком, способна создавать «ценность».

Поэтому крайне важно остановиться на концепции «идентифицируемости» (определяемости).

Согласно Преамбуле 26 GDPR, «... для определения того, является ли физическое лицо идентифицируемым (определяемым), следует принимать во внимание все средства, которые могут обоснованно использоваться, такие как выявление, контролером или другим лицом для прямой или косвенной идентификации физического лица. Для определения того, могут ли средства обоснованно использоваться для идентификации физического лица, следует принимать во внимание все объективные факторы, такие как стоимость и время, необходимые для идентификации, с учетом имеющихся на момент обработки технологий и технологического развития» [4].

Преамбула ссылается на «критерий» разумной вероятности идентификации [5].

Всегда остается риск идентификации даже в отношении «анонимных» данных. Сфера действия персональных данных должна определяться путем оценки того, существует ли средство, которое может быть разумно использовано для идентификации лиц, а не просто теоретическая возможность идентификации. Следует использовать риск-ориентированный подход при регулировании защиты персональных данных, и принимать во внимание любые «разумные» затраты времени и финансовых ресурсов при определении возможности идентификации конкретного лица. Критерий разумной вероятности идентификации все больше оказывается внутренне зависим от «технологического контекста», в котором данные используются. Как следствие, сам статус данных как «персональных» оказывается динамичным: один и тот же набор данных может не быть идентифицируемым в начале обработки или с точки зрения ответственного за обработку субъекта из-за имеющихся у него инструментов, но может стать таковым позже, когда инструменты изменятся. Риск идентификации может считаться незначительным, если идентификация прямо запрещена законом или требует непропорциональных усилий (огромных затрат времени, денег, людских ресурсов) с учетом современного уровня технологий. Однако это не означает абсолютной невозможности в будущем.

Тот факт, что невозможно знать, к каким наборам данных оператор имеет доступ или может получить доступ в будущем, а также тот факт, что в свете новых технических возможностей внешне

«незначительные данные» могут быть использованы для реидентификации человека, делает определение реального риска реидентификации очень сложным. Оператору крайне сложно достоверно оценить, какими наборами данных он может обладать в будущем или какие наборы есть у потенциально неограниченного круга третьих лиц, способных скомбинировать их с его данными.

Все эти соображения проясняют, что наиболее реалистичный подход к проблеме разграничения понятий «персональные данные» и «неперсональные данные» заключается в признании динамической природы данных. Предполагая, что анонимные данные становятся персональными, как только становятся возможным установление связи с человеком, необходимо считать обязанностью оператора отслеживать, может ли это произойти и когда, и, как следствие, своевременно принимать технические и организационные меры для защиты данных человека.

Кроме персональных и неперсональных данных существует еще одна категория данных – обезличенные данные, которые обработаны для снижения их связи с отдельными лицами. Это персональные данные, обработанные так, что без использования дополнительной информации (хранящейся отдельно и защищенной) невозможно определить их принадлежность конкретному субъекту. Следует отметить, что данные должны быть не только изменены так, чтобы они не были напрямую идентифицируемыми, но они также должны быть защищены от реидентификации.

Обезличивание снижает связываемость набора данных с исходной идентичностью субъекта данных и, соответственно, представляет собой меру безопасности.

Европейское правовое поле не оперирует термином «обезличивание». Вместо него для описания данных, отделенных от идентификаторов личности, используются четко определенные понятия «анонимизация» и «псевдонимизация».

Преамбула 28 GDPR предлагает применение псевдонимизации (обезличивания) к персональным данным как полезного инструмента, который «может снизить риски для субъектов данных и помочь контролерам соблюдать свои обязательства по защите данных»: она рассматривается как техническая мера, которую может принять оператор данных для выполнения обязательств по безопасности, налагаемых защитой данных [4].

Обработка персональных данных путем обезличивания представляется специфической формой защиты данных, которая должна сделать невозможным отнесение персональных данных к конкретному лицу, за исключением случаев использования дополнительной информации, которая, следовательно, должна храниться отдельно. Таким образом, именно дополнительная идентифицирующая информация, хранящаяся отдельно от обезличенных данных, должна быть защищена.

В то же время до сих пор нет ясности, а как же надо обезличивать данные, чтобы не было воз-

возможности соотнести их с конкретным определяемым субъектом. Одна из причин этого – отсутствие в российском законодательстве понятия анонимизации данных и отличия этих действия от обезличивания.

Анонимизация (обезличивание) – это форма обработки данных, направленная на деидентификацию. В общем смысле деидентификация – это процесс удаления или маскирования любой личной идентифицирующей информации из отдельных записей таким образом, чтобы минимизировать риск непреднамеренного раскрытия личности индивидов и информации о них. Обезличивание данных – это процесс деидентификации, который производит данные, в которых отдельные записи невозможно связать с исходными, поскольку они не включают переменные преобразования, необходимые для этого. Хотя полностью устранить риск раскрытия невозможно, этот процесс считается успешным – с технико-научной точки зрения – когда нет разумных оснований полагать, что информация, оставшаяся в записях, может быть использована для идентификации отдельной записи [6].

Статус анонимных данных, исключаящий их из сферы регулирования GDPR, обуславливает высокую востребованность надежных методик анонимизации в корпоративной и институциональной среде. Вместе с тем, сам Регламент не содержит ни конкретных указаний по достижению состояния «неидентифицируемости» субъекта данных, ни четкого определения данного понятия.

Возникает закономерный вопрос: существуют ли правовые и технологические предпосылки для обеспечения «абсолютной» защиты персональных данных? Теоретически такая защита достижима лишь при наличии соответствующих технических решений. Однако на практике создание неизменно эффективной системы защиты представляется маловероятным. Как разработчики программного обеспечения, так и законодательные органы вынуждены находиться в состоянии постоянной адаптации, оперативно реагируя на эволюцию криминальных методик воздействия на информационные ресурсы. Дополнительным осложняющим фактором выступает трансграничная природа сети Интернет, требующая выработки унифицированных международных стандартов защиты данных – задача, которая на текущем этапе развития глобального сотрудничества остаётся крайне сложной [7].

Среди специалистов широко признано, что относительно легко идентифицировать человека путем комбинирования различных обезличенных наборов данных.

Каждый из нас ежедневно готов делиться огромным количеством персональных данных в различных интерактивных системах. Стремление операторов к максимальному сбору персональных сведений граждан сталкивается с растущей осведомленностью последних о рисках их незаконного применения. При этом многие субъекты данных утрачивают возможность отследить весь перечень

организаций, которым когда-либо предоставляли разрешение на обработку. Параллельно, бурное развитие цифровых технологий и сервисов многократно увеличивает потоки передаваемой личной информации. Как следствие, пользователи цифровой среды вынуждены постоянно делиться своими данными для доступа к необходимым онлайн-услугам [8].

Из всех этих данных, собранных в базах данных, обмениваемых и комбинируемых для разных целей (реклама, общественная безопасность и т.д.), можно собрать такое большое количество идентифицирующих элементов, что теоретически возможно связать каждую частицу данных с человеком. Предполагать, что обезличивание данных может быть «таким же постоянным, как стирание», в условиях все большей цифровизации попросту утопично.

Достижение эффективной анонимизации предполагает принципиальную невозможность для любой из сторон как выделить отдельного субъекта в массиве данных, так и установить связь между записями внутри одного или различных наборов. Следовательно, одного лишь устранения прямых идентификаторов личности, как правило, недостаточно для гарантированной невозможности идентификации субъекта. Для обеспечения требуемого уровня защиты неизбежно применение дополнительных мер, учитывающих конкретные цели обработки данных [9].

Рассматривая анонимизацию, предлагаем такой механизм перехода от риска повторной идентификации (данные, которые обезличены) к анонимным данным:

- 1) создание случайного идентификатора, который заменяет идентифицируемые номинальные данные;
- 2) хеширование;
- 3) шифрование;
- 4) обобщение;
- 5) добавление шума, перестановка данных или удаление атрибутов;
- 6) сочетание нескольких техник.

Таким образом, на практике достижение приемлемого уровня риска реидентификации без существенной потери полезности данных часто оказывается недостижимым. Процесс анонимизации по своей сути представляет собой поиск компромисса между минимизацией угрозы восстановления идентичности и сохранением аналитической ценности массива информации. Более того, специфика контекста и природы исходных данных может изначально исключать возможность снижения вероятности обратной идентификации до требуемых параметров.

Представляется интересной позиция, что сам по себе контроль над данными лишен существенного значения. Ее сторонники исходят из тезиса, что человеческая коммуникация по своей природе основана на взаимном обмене сведениями различного характера. В этой парадигме не усматривается качественного отличия между владель-

цем локальной торговой точки, фиксирующим предпочтения постоянных клиентов, и крупными корпорациями-обработчиками. Персональные данные трактуются как общедоступный ресурс, а необходимость наделяния индивида полномочиями по их контролю ставится под сомнение до тех пор, пока обработка не причиняет ему непосредственного вреда [10].

Такая позиция, при кажущейся логичности, игнорирует ключевую особенность современного информационного поля – беспрецедентную концентрацию данных и аналитических мощностей у ограниченного круга глобальных операторов. Именно эта концентрация лежит в основе экстраординарных возможностей государств и технологических гигантов по формированию детализированных цифровых профилей индивидов. Они агрегируют сведения о многочисленных аспектах жизнедеятельности, выявляют скрытые корреляции и непрерывно уточняют прогнозные модели поведения. Каждое действие личности интерпретируется не изолированно (например, в контексте посещения конкретного магазина), а сквозь призму массива известных или прогнозируемых с высокой точностью данных о ее жизни. Ни один малый или средний бизнес физически не способен оперировать сопоставимыми объемами информации и аналитическими инструментами. Следовательно, признание персональных данных общественным благом и легитимация их неограниченной обработки неизбежно усиливают риски систематического нарушения фундаментальных прав личности [10].

В рамках исследования следует обратить внимание на законодательное нововведение – закон, устанавливающий для операторов персональных данных требование по их обезличиванию и последующей передаче в Государственную информационную систему («озеро данных»), курируемую Минцифры России [11].

Для реализации этой задачи Роскомнадзором (далее – РКН) разработаны правила обезличивания, вступающие в силу в сентябре текущего года. Ведомство предложило операторам пять ключевых методов, как идентификация (замена уникальных атрибутов, например, номеров телефонов, кодами или псевдонимами; перемешивание (перестановка отдельных записей или элементов данных между собой), удаление (исключение данных, позволяющих прямую идентификацию личности) [12].

Существенным недостатком документа является отсутствие конкретизированных требований к конечному результату обезличивания и механизмов контроля его эффективности и безопасности. Данный пробел создает риски признания практически любого выполненного обезличивания неудовлетворительным из-за отсутствия объективных оценочных стандартов.

Отметим, что Минцифры России сформировало собственные требования и методы обезличивания, закрепив их в проекте постановления Правительства Российской Федерации (опубликован на портале regulation.gov.ru 14 апреля 2025 года) [13].

Данные требования предназначены исключительно для работы с информацией в рамках создаваемой Государственной информационной системы («озеро данных»). В отличие от этого, инициатива Роскомнадзора регламентирует аналогичные процессы для коммерческого сектора.

До недавнего времени регулирование методов обезличивания для бизнеса отсутствовало. Коммерческие организации вынужденно применяли методики, разработанные для государственных органов, что создавало ситуацию правовой неопределенности («серую зону»). Включение в поправки к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» нормы, делегирующей РКН полномочия по установлению правил обезличивания для бизнеса, позволило начать исправление этого давнего пробела.

Предлагаемый РКН документ демонстрирует преемственность по отношению к ведомственному приказу 2013 года, устанавливавшего методы исключительно для госструктур [14]. По сути, текущий проект дублирует большинство ранее утвержденных подходов. Единственным заметным нововведением выступает метод преобразования (обобщения) данных. При этом актуальные технологические решения, такие как метод дифференциальной приватности (использующий математическое моделирование «шума» для защиты приватности в больших данных), в предлагаемую методологию не включены [15].

Отраслевые эксперты и участники рынка, в первую очередь крупные компании, высказывают запрос на более радикальные изменения регуляторной политики. Ключевыми аспектами этой ожидаемой трансформации являются: во-первых, переход к открытому перечню методов обезличивания персональных данных, предоставляющему компаниям свободу выбора технологических решений; во-вторых, смещение фокуса регуляторного контроля с процесса обезличивания на его итоговый результат (собственно обезличенных данных). Такая позиция бизнеса обусловлена значительными инвестициями в инновационные технологии обработки информации и стремлением к гибкости. Параллельно прослеживается и обоснованная позиция регулятора (РКН), направленная на обеспечение доступности и понятности механизмов обезличивания для среднего и малого бизнеса, для которого сложные методы могут представлять существенную операционную трудность.

Обработка персональных данных путем обезличивания представляется специфической формой защиты данных, которая должна сделать невозможным отнесение персональных данных к конкретному лицу, за исключением случаев использования дополнительной информации, которая, следовательно, должна храниться отдельно.

Гарантировать абсолютную невозвратность обезличенных данных крайне затруднительно, поскольку теоретически всегда существует инструмент («ключ») для их реидентификации. Поэтому центральным аспектом обеспечения необратимо-

сти становится управление рисками, связанными с этими «ключами». Критически важными мерами являются: надежная изоляция массивов исходных персональных данных от обезличенных наборов и создание организационно-технических барьеров, исключающих возможность объединения усилий (или данных) лиц, контролирующих исходные данные и механизмы обезличивания. Как отмечается некоторыми исследователями, в контексте современных возможностей информационного поиска и анализа, понятие «обезличивание» нуждается в детализации. Требуется нормативное закрепление градации методов обезличивания по уровням защищенности, гарантирующим дифференцированную степень необратимости идентификации субъекта [16].

Таким образом, именно дополнительная идентифицирующая информация, хранящаяся отдельно от обезличенных данных, должна быть защищена. Разъяснение этого определения обезличенных (псевдонимизированных) данных можно найти в Преамбуле 29 GDPR: «В целях создания стимулов для применения псевдонимизации при обработке персональных данных меры псевдонимизации должны, позволяя проводить общий анализ, быть возможными у одного и того же контролера при условии, что этот контролер принял необходимые технические и организационные меры для обеспечения в отношении соответствующей обработки реализации настоящего Регламента и что дополнительная информация для отнесения персональных данных к конкретному субъекту данных хранится отдельно. Контролер, обрабатывающий персональные данные, должен указывать уполномоченных лиц внутри того же контролера» [4]. При прочтении этого положения становится ясно, что обезличенные данные требуют защиты от того, что можно назвать «внутренним» риском идентификации: опасности того, что дополнительная информация, хранимая оператором данных или известной третьей стороной, может быть сопоставлена с обезличенными данными для реидентификации.

В результате проведенного анализа следует обозначить, что в условиях всеобщей цифровизации и роста объемов собираемых, комбинируемых и передаваемых персональных сведений, концепция надежного и необратимого обезличивания сталкивается с фундаментальными ограничениями. Обезличивание неизбежно представляет собой компромисс между минимизацией риска реидентификации и сохранением полезности данных для анализа.

Эффективное регулирование в сфере персональных данных требует признания их динамической природы, смещения акцента с формального обезличивания на управление рисками реидентификации (особенно через защиту «ключей»), разработки современных, гибких и ориентированных на результат нормативных требований, а также осознания принципиальной невозможности достижения абсолютной защиты в цифровой экосистеме.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31, ст. 3451.
2. Добробаба М.Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – (2):42–52. – DOI: 10.17803/2311–5998.2023.102.2.042–052.
3. Солдатова В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий. Lex russica. – 2020. – 73(2):33–43. – DOI: 10.17803/1729–5920.2020.159.2.033–043
4. General Data Protection Regulation. URL: <https://gdpr-info.eu/recitals/> Крылова М.С. Проблемы разграничения персональных и неперсональных данных в праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 141–150. – DOI: 10.17803/1994–1471.2022.135.2.141–150.
5. Booth S, Jenkins R, Moxon D, Semmens N, Spencer C, Taylor M, Townend D (2004) What are ‘personal data’? A study conducted for the UK Information Commissioner, University of Sheffield. URL: https://www.frareg.com/cms/wp-content/uploads/personal_data.pdf
6. Селюк А.С. Защита персональных данных в цифровом пространстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – (2):110–119. – DOI: 10.17803/2311–5998.2023.102.2.110–119.
7. Минбалеев А.В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Юридический вестник ДГУ. – 2024. – Т. 52, № 4 (72). – С. 152–156. – DOI: 10.21779/2224–0241–2024–524–152–156.
8. Opinion 05/2014 on Anonymisation Techniques. WP216. Adopted on 10 April 2014. URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2014/wp216_en.pdf
9. Карпов С.А. Концепция информационного самоопределения и восстановление баланса сил в сфере обработки персональных данных // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 113–141. – DOI: 10.35427/2073–4522–2024–19–2-karpov.
10. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета, № 178(9420), 13.08.2024.
11. Проект Приказа Роскомнадзора № 02/08/03–25/00155867 от 27 марта 2025 г. «Об утвержде-

нии требований к обезличиванию персональных данных и методов обезличивания персональных данных». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=155867#>

12. Проект Постановления Правительства Российской Федерации № 02/07/04–25/00156232 от 13 апреля 2025 г. «Об установлении требований к обезличиванию персональных данных, методов и правил обезличивания персональных данных». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156232#>
13. Приказ Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 996 ««Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» (вместе с «Требованиями и методами по обезличиванию персональных данных, обрабатываемых в информационных системах персональных данных, в том числе созданных и функционирующих в рамках реализации федеральных целевых программ») // Российская газета, № 208(6184), 17.09.2013.
14. Мищенко Е.Ю. Алгоритмы реализации методов обезличивания персональных данных в распределенных информационных системах / Е.Ю. Мищенко, А.Н. Соколов // Доклады ТУСУР. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 66–70. DOI: 10.21293/1818–0442–2019–22–1–7–66–70
15. Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва. – 2017. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/a61/a61916d1bf3c94d110fd287137213345.pdf?ysclid=mbe3131t3g431295299>

DYNAMICS OF PERSONAL DATA QUALIFICATION IN RUSSIAN LAW: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION, DEPERSONALIZATION AND RISKS OF REIDENTIFICATION

Boyarsky R.N.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

Based on the analysis of Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On Personal Data” and the General Regulation for the Protection of Personal Data (GDPR), the article reveals the dynamic nature of the identifiability of information due to technological evolution, the risks of re-identification when combining data sets and the lack of clear criteria for a “reasonable probability” of identification. Special attention is paid to the legal regime of depersonalized data. The duty of operators to constantly monitor the status of data and apply a risk-based approach is emphasized. It is noted that modern regulation does not take into account the dynamism of identifiability, which requires harmonization with international standards and the development of flexible mechanisms for protecting personal data without losing their usefulness. Special attention is paid to legislative innovations: requirements for the transfer of anonymized data to GIS “data lake” and anonymization rules for businesses.

Keywords: personal data, depersonalization of data, reidentification, GDPR, Roskomnadzor, technical protection measures.

References

1. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On personal data” // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31, art. 3451.
2. Dobrobaba M.B. The concept of personal data: the problem of legal certainty. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2023. – (2):42–52. – DOI: 10.17803/2311–5998.2023.102.2.042–052.
3. Soldatova V.I. Protection of personal data in the context of the use of digital technologies. Lex russica. – 2020. – 73(2):33–43. – DOI: 10.17803/1729–5920.2020.159.2.033–043
4. General Data Protection Regulation. URL: <https://gdpr-info.eu/recitals/Крылова M.S. Problems of differentiation of personal and non-personal data in the law of the European Union // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17. – No. 2. – pp.141–150. – DOI: 10.17803/1994–1471.2022.135.2.141–150.>
5. Booth S, Jenkins R, Moxon D, Semmens N, Spencer C, Taylor M, Townend D (2004) What are ‘personal data’? A study conducted for the UK Information Commissioner, University of Sheffield. URL: https://www.frareg.com/cms/wp-content/uploads/personal_data.pdf
6. Selyuk A.S. Protection of personal data in the digital space // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2023. – (2):110–119. – DOI: 10.17803/2311–5998.2023.102.2.110–119.
7. Minbaleev A.V. Promising areas of legal regulation of personal data // Legal Bulletin of DSU. – 2024. – Vol. 52, No. 4 (72). – pp. 152–156. – DOI: 10.21779/2224–0241–2024–524–152–156.
8. Opinion 05/2014 on Anonymization Techniques. WP216. Adopted on 10 April 2014. URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2014/wp216_en.pdf
9. Karpov S.A. The concept of information self-determination and restoring the balance of power in the field of personal data processing // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2024. – Vol. 19. – No. 2. – pp. 113–141. – DOI: 10.35427/2073–4522–2024–19–2-karpov.
10. Federal Law No. 233-FZ of August 8, 2024 “On Amendments to the Federal Law “On Personal Data” and the Federal Law “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amendments Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data” // Rossiyskaya Gazeta, No. 178(9420), 08/13/2024.
11. Draft Roskomnadzor Order No. 02/08/03–25/00155867 dated March 27, 2025 “On approval of requirements for depersonalization of personal data and methods of depersonalization of personal data”. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=155867#>
12. Draft Decree of the Government of the Russian Federation No. 02/07/04–25/00156232 dated April 13, 2025 “On establishing requirements for depersonalization of personal data, methods and rules for depersonalization of personal data”. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=156232#>
13. Roskomnadzor Order No. 996 dated September 5, 2013 “On Approval of Requirements and Methods for Depersonalization of personal data” (together with “Requirements and methods for depersonalization of personal data processed in personal Data Information Systems, including those created and operating within the framework of Federal targeted programs”) // Rossiyskaya Gazeta, No. 208(6184), 17.09.2013.
14. Mishchenko E.Y. Algorithms for implementing methods of depersonalization of personal data in distributed information systems / E.Y. Mishchenko, A.N. Sokolov // Reports of TUSUR. – 2019. – Vol. 22, No. 1. – pp. 66–70. DOI: 10.21293/1818–0442–2019–22–1–7–66–70
15. Bundin M.V. Personal data in a restricted access information system Dissertation for the degree of Candidate of Law. – Moscow. – 2017. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/a61/a61916d1bf3c94d110fd287137213345.pdf?ysclid=mbe3131t3g431295299>

Новый этап евразийской экономической интеграции: Соглашение ЕАЭС о трансграничном допуске ценных бумаг 2025 года

Гришин Лев Петрович,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева»
E-mail: grisinlev@gmail.com

В статье анализируется Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза, подписанное 31 января 2025 г. Исследуется история разработки документа, правовые основания, статус его ратификации в государствах-членах ЕАЭС по состоянию на июнь 2025 г. Разбираются основные положения Соглашения, включая юридическую конструкцию трансграничного допуска ценных бумаг и устанавливаемые требования к эмиссии и биржевому листингу. Особое внимание уделяется правовому значению Соглашения для гармонизации национальных законодательств стран-участниц. Сделаны выводы о перспективах формирования общего биржевого пространства ЕАЭС.

Ключевые слова: ценные бумаги, трансграничный допуск, организованные торги, биржевое пространство, ЕАЭС, Право Союза.

История разработки, правовые основания и статус ратификации

Совершенное 31 января 2025 г. в городе Алматы (Республика Казахстан) Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах Евразийского экономического союза¹ (далее – Соглашение) ознаменовало начало принципиально нового этапа экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС). Подписанное Соглашение было подготовлено в развитие положений Договора о Евразийском экономическом союзе², Концепции формирования общего финансово рынка Евразийского экономического союза³, Плана мероприятий по гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка⁴, Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года⁵ и Права Союза в целом [2]. В указанных документах государства-члены ЕАЭС взяли на себя обязательство поэтапно гармонизировать законодательство в банковском, страховом секторе и на рынке ценных бумаг, заложив основы для свободного движения капитала в рамках ЕАЭС и взаимной интеграции финансовых услуг.

Проект Соглашения разрабатывался Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК) совместно со странами-участницами: в 2022 году проект был одобрен и направлен странам для проведения внутригосударственных процедур, в течение 2023–2024 гг. страны утверждали проект Соглашения и лишь в январе 2025 г. в ходе оче-

¹ Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза (Подписано в г. Алматы 31.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // СПС КонсультантПлюс.

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 27 «О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 № 4 (ред. от 23.05.2025) «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.

редного заседания Евразийского межправительственного совета Соглашение было подписано уполномоченными лицами. По состоянию на июнь 2025 г. Соглашение находится на стадии ратификации государствами-членами ЕАЭС и в соответствии со статьей 10 указанного документа вступит в силу после получения депозитарием последнего уведомления о завершении внутригосударственных процедур.

Правительство Российской Федерации 10 июня 2025 г. одобрило Соглашение¹ и внесло в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект № 940589–8 «О ратификации Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах-членах Евразийского экономического союза»². В пояснительной записке отмечается, что Соглашение устанавливает иное регулирование допуска иностранных ценных бумаг, чем предусмотрено действующим законодательством Российской Федерации, и соответственно подлежит ратификации. Как усматривается, с учетом сложившейся практики ратификационного процесса, опубликованных документов, уровня проработки и важности исследуемого Соглашения законопроект будет принят в весеннюю сессию Федеральным Собранием Российской Федерации и подписан Президентом Российской Федерации летом 2025 года.

Наряду с этим, Кабинет Министров Кыргызской Республики 12 июня 2025 г. одобрил Заключение к Соглашению³, указав, что оно не противоречит нормам национальной Конституции, иным нормативным правовым актам и международным договорам, и уже 18 июня 2025 г. проект Закона о ратификации был внесён в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики⁴.

Вместе с тем в Республике Беларусь 13 июня 2025 г. Соглашение было ратифицировано Палатой представителей Национального собрания Рес-

спублики Беларусь⁵. В Республике Казахстан и Республике Армения также начаты необходимые процедуры по ратификации рассматриваемого документа. Ожидается, что все страны завершат ратификацию к концу 2025 года [2].

Таким образом, Соглашение ещё не вступило в силу, но его ратификация является приоритетной задачей интеграционной повестки ЕАЭС.

Правовые новеллы и их значение для законодательства ЕАЭС

Соглашением вносится ряд значимых нововведений в систему действующего законодательства ЕАЭС, оно направлено на устранение барьеров и создание правовых условий для взаимного трансграничного допуска ценных бумаг на биржевые рынки стран ЕАЭС, вводится единый понятийный аппарат: даются определения «параллельного размещения», «раскрытия информации», «списка высшей категории», «трансграничного допуска», «уполномоченного органа» и «ценных бумаг» в целом (статья 1).

Ключевое место в Соглашении занимает механизм трансграничного допуска, согласно которому ценные бумаги, допущенные к обращению на бирже в одной стране-участнице, могут свободно обращаться на биржах других государств-членов ЕАЭС на основании решения организатора торговли при одновременном выполнении двух условий (статья 3):

- выпуск ценных бумаг в стране регистрации эмитента должен быть осуществлен надлежащим образом в соответствии с национальным законодательством, либо выпуску присвоен идентификационный номер (подпункт «а» пункта 1 статьи 3). Соответственно ценная бумага должна пройти все требуемые процедуры выпуска в своей стране происхождения (регистрация проспекта, получение ISIN и т.д.).
- выпуск ценных бумаг должен быть включён в высший котировальный список на бирже государства регистрации эмитента. Это означает, что бумага уже обращается на национальной бирже и соответствует самым строгим требованиям листинга, предъявляемым этой биржей (подпункт «б» пункта 1 статьи 3). Например, согласно правилам Московской Биржи, такие ценные бумаги должны относиться к «Первому уровню»⁶ (далее – категория А). Включение в высший список служит индикатором надежности и соответствия эмитента высоким стандартам раскрытия информации и корпоративного управления.

Только при выполнении обоих условий иностранная биржа может предоставить трансгранич-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.06.2025 г. № 870 «О внесении на ратификацию Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506100018> (дата обращения: 22.06.2025).

² Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/940589-8> (дата обращения: 22.06.2025).

³ «Заключение Кабинета Министров Кыргызской Республики к Соглашению о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза, подписанному 31 января 2025 года в городе Алматы» одобрено распоряжением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 12 июня 2025 года № 471-р.

⁴ «О проекте Закона «О ратификации Соглашения о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза, подписанного 31 января 2025 года в городе Алматы». Зарегистрирован 18.06.2025 г. Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. – URL: <https://kenesh.kg/bills/668161> (дата обращения: 22.06.2025).

⁵ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3951&p0=2025027001> (дата обращения: 22.06.2025).

⁶ Листинг ценных бумаг. ПАО Московская Биржа. – URL: <https://www.moex.com/s19> (дата обращения: 22.06.2025).

ный допуск. Именно такой подход гарантирует, что на рынки других стран ЕАЭС выйдут лишь те финансовые инструменты, которые уже проверены регуляторами и биржами страны эмитента и вместе с тем обладают достаточной инвестиционной привлекательностью.

Следует отметить, что эффект Соглашения может различаться для финансовых рынков разного масштаба, так как критерии соответствия ценных бумаг категории А, принятые в странах-участницах ЕАЭС, прямо влияют на трансграничный допуск. Как усматривается, у бирж некоторых членов Союза практически отсутствуют эмитенты, соответствующие критериям высшего уровня¹. Так, более крупные рынки², вероятно, смогут наиболее широко распространить свои ценные бумаги на иностранных биржах, тем самым потенциально уменьшить ликвидность и внимание инвесторов к локальным эмитированным ценным бумагам. Указанные обстоятельства в совокупности могут привести к асимметрии на начальном этапе функционирования Соглашения.

Ещё одним ключевым новшеством Соглашения является устранение дублирования регуляторных процедур. Предусмотрено, что в стране биржи, предоставляющей допуск, не требуется повторная регистрация проспекта эмиссии, отчетов или иных эмиссионных документов иностранного эмитента (пункт 2 статьи 3). Это означает, что, если ценная бумага прошла регистрацию и допущена в своей стране, принимающая сторона не будет требовать заново утверждать проспект или отчет об эмиссии этой ценной бумаги. Таким образом, эмитент избегает прохождения аналогичной процедуры, благодаря чему снижаются различные издержки при выходе на внешние рынки.

Соглашение с целью реализации механизма трансграничного допуска регламентирует процедуру взаимодействия между эмитентом, принимающей биржей и регуляторами. Так эмитент, желающий разместить свои ценные бумаги на бирже другого государства, направляет туда необходимый пакет документов согласно требованиям, установленным законодательством и (или) биржевыми правилами принимающей стороны (статья 6). Из этого следует, что эмитент инициирует рассмотрение документов иностранным организатором торговли, подавая заявку на листинг практически аналогичную национальной.

Биржа принимающей страны проверяет полученные документы на соответствие требованиям допуска к торгам (своим внутренним правилам ли-

стинга) и выносит решение о предоставлении либо об отказе в предоставлении трансграничного допуска в сроки, предусмотренные ее регламентом (статья 6). Таким образом, сохраняется принцип, в соответствии с которым каждая биржа самостоятельно осуществляет листинг в своей юрисдикции, но на основании признанных документов эмитента.

Соглашение также предусматривает механизмы сотрудничества регуляторов, а также обязательные требования к раскрытию информации (статьи 5–8). Уполномоченные органы государств-членов ЕАЭС обязуются в рамках своей компетенции содействовать биржам во взаимном обмене информацией и в заключении соглашений о взаимодействии. Кроме этого, в целях поддержания прозрачности и защиты прав инвесторов Соглашение накладывает на эмитентов и биржи ряд обязательств по соблюдению правил раскрытия информации как в стране принимающей биржи, так и в стране первоначальной регистрации.

Необходимо отметить, что Соглашением устанавливается единообразный подход к определению места совершения сделок с ценными бумагами, в отношении которых предоставлен трансграничный допуск. Местом заключения сделок с такими бумагами будет признаваться государство, где зарегистрирована биржа, на которой совершаются сделки и расчёты по ним (статья 4). Это положение имеет огромное значение для материально-правового и коллизионного регулирования оборота ценных бумаг в рамках ЕАЭС, так как далеко не все существующие международные документы в этой сфере прямо устанавливают подобные правила [2].

Перечисленные выше положения существенно гармонизируют и частично унифицируют правила листинга и оборота ценных бумаг в финансовом пространстве ЕАЭС.

Вместе с тем национальное законодательство и биржевые правила государств-членов ЕАЭС предстоит привести в соответствие с Соглашением. В частности, потребуются внесение соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации, поскольку по состоянию на июнь 2025 г. порядок допуска иностранных ценных бумаг к обращению устанавливается Банком России³.

Как усматривается, значение данного Соглашения трудно переоценить как для эмитентов, так и для инвесторов. Эмитенты смогут получить доступ к более широкому кругу инвесторов, сократят затраты на регистрацию и листинг своих бумаг на нескольких рынках одновременно, что увеличит привлекательность и конкурентоспособность их ценных бумаг. Для инвесторов же открывается доступ к более разнообразному набору финансовых инструментов, что позволит обеспечить лучшие возможности диверсификации и управления инвестиционными рисками.

¹ Согласно официально опубликованной информации, в Кыргызской Республике ценные бумаги всего двух организаций переведены в наивысшую категорию А. «Кыргызская фондовая биржа». – URL: <https://www.kse.kg/ru/Listing> (дата обращения: 22.06.2025).

² По состоянию на 01.06.2025 г. в Российской Федерации к категории «Первый уровень» относится более 600 ценных бумаг, торгуемых на Московской бирже. «Список ценных бумаг, допущенных к торгам. ПАО Московская Биржа». – URL: <https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx> (дата обращения: 22.06.2025).

³ Ст. 511 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 23.05.2025). // СПС КонсультантПлюс.

Выводы о перспективах формирования общего биржевого пространства ЕАЭС

Рассматриваемое Соглашение лишь один из элементов на пути к созданию полноценного общего финансового рынка ЕАЭС, план создания которого реализуется странами-участницами совместно с ЕЭК.

Союз движется к либерализации доступа на рынки финансовых услуг и взаимной интеграции в данной сфере [1]. Так, в 2025 году для целей формирования общего биржевого пространства ЕАЭС планируется заключение Соглашения о допуске брокеров и дилеров одного государства – члена Евразийского экономического союза к участию в организованных торгах бирж (организаторов торговли) других государств-членов¹. Этот документ позволит создать единое пространство для профессиональных участников: брокерские компании смогут работать во всех странах Союза на основе лицензии, выданной в своей стране, по принципу «единого паспорта» участника рынка. В сочетании с анализируемым в данной статье Соглашением это позволит фактически сформировать общую биржевую среду, где финансовые инструменты и посредники обретут трансграничную свободу перемещения внутри ЕАЭС. Как отмечают профессор кафедры международного права ВАВТ Минэкономразвития России, доктора юридических наук И.М. Лифшиц и А.С. Смбалян, подобные инициативы позволяют гармонизировать законодательства стран-участниц ЕАЭС, обладающих разной степенью зрелости и различным уровнем разработки внутригосударственных стандартов и правил, что в итоге сможет привести к созданию общего биржевого пространства Союза и финансового рынка в целом [3].

Ещё одной инициативой является введение стандартизированной лицензии на финансовом рынке, что подразумевает унификацию требований к лицензированию банков, страховых и инвестиционных компаний. В перспективе предусмотрено создание наднационального органа по регулированию общего финансового рынка ЕАЭС [4]. Правом Союза определены его задачи и полномочия, однако сроки учреждения такого органа пока не установлены. Вероятно, на втором этапе гармонизации законодательства (до 2025 года) регуляторы будут действовать на основе соглашений о взаимодействии, а к вопросу о едином органе Союз вернётся после накопления опыта сотрудничества.

Не менее важно развитие финансовой инфраструктуры, а именно: интеграция платёжно-расчётных систем, клиринговых организаций и центральных депозитариев. Как усматривается, уже ведётся работа над созданием независимой

платёжной инфраструктуры ЕАЭС и сопряжением национальных систем передачи финансовых сообщений. Для рынка ценных бумаг необходимо наладить взаимодействие центральных депозитариев стран Союза, чтобы обеспечить бесшовное осуществление расчетов по сделкам с иностранными бумагами². Возможно, будут заключены отдельные соглашения между депозитариями о взаимном открытии счетов номинального держания. Кроме того, следует ожидать постепенной гармонизации законодательства о защите прав инвесторов, требований к раскрытию информации и противодействию злоупотреблениям на рынке, чтобы к 2029 году устранить оставшиеся регуляторные различия в соответствии с Планом мероприятий по гармонизации законодательства в сфере ценных бумаг.

Подводя итог, необходимо отметить, что Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах ЕАЭС становится важнейшим звеном в последовательной цепи мер, направленных на реализацию концепции единого биржевого пространства ЕАЭС, что в конечном итоге повысит экономический потенциал и конкурентоспособность всего интеграционного объединения. Оно выступает катализатором следующего этапа евразийской интеграции: члены Союза переходят от координации политики к единому правовому регулированию финансового рынка. Успешная ратификация Соглашения с последующей реализацией при поддержке всех государств-членов станет фундаментом для дальнейшего формирования общего финансового пространства Евразийского экономического союза, усилит интеграцию финансовых систем, повысит их конкурентоспособность и привлекательность для инвесторов.

Литература

1. Завгородний А.Ф. Перспективы расширения ЕАЭС – шаг к новой ступени интеграции // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11–1 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-eaes-shag-k-novoy-stupeni-integratsii> (дата обращения: 22.06.2025).
2. Гришин Л.П. Роль международных организаций и объединений в формировании новой системы учёта ценных бумаг при совершении трансграничных операций // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12(199). С. 102–103.
3. Лифшиц И.М., Смбалян А.С. Правовые аспекты формирования общего биржевого про-

¹ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 29.11.2024 N 33 «О проекте Соглашения о допуске брокеров и дилеров одного государства – члена Евразийского экономического союза к участию в организованных торгах бирж (организаторов торговли) других государств-членов». // Правовой портал ЕАЭС. – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/432/9763/> (дата обращения: 22.06.2025).

² Минэкономразвития России: в 2025 году страны ЕАЭС продолжат работу над созданием общего финансового рынка и независимой платёжной инфраструктуры // Министерство экономического развития РФ: официальный сайт. 2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonom-razvitiya_rossii_v_2025_godu_strany_eaes_prodolzhat_rabotu_nad_sozdaniem_obshchego_finansovogo_rynka_i_nezavisimoy_platezhnoy_infrastruktury.html (дата обращения: 22.06.2025).

странства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений // Lex russica. 2025. № . 78(5). С. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.222.5.113-129> (дата обращения: 22.06.2025).

4. Право Евразийского экономического союза: учебник / под ред. Т.Н. Нешатаевой. – М.: ИД «Городец», 2025. – 624 с. – ISBN 978–5–907982–15–4.

A NEW STAGE OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: THE EAEU AGREEMENT ON CROSS-BORDER ADMSSION OF SECURITIES 2025

Grishin L.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article analyses the 'Agreement on cross-border admission to placement and circulation of securities on organised trading in the member states of the Eurasian Economic Union', signed on 31 January 2025. The history of the document development, legal grounds, status of its ratification in the EAEU member states as of June 2025 are studied. The main provisions of the Agreement are analysed, including the legal construction of cross-border admission of securities and the requirements for issuance and stock exchange listing.

Particular attention is paid to the legal significance of the Agreement for harmonisation of national legislations of the participating countries. Conclusions are drawn about the prospects of forming a common exchange space of the EAEU.

Keywords: securities, cross-border admission, organised trading, exchange space, EAEU, Union Law.

References

1. Zavgornodniy A.F. Prospects for the Expansion of the EAEU: A Step Towards a New Stage of Integration // Economics and Business: Theory and Practice. 2023. No. 11–1 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-eaes-shag-k-novoy-stupeni-integratsii> (accessed: 22.06.2025).
2. Grishin L.P. The Role of International Organisations and Associations in the Formation of a New Securities Accounting System for Cross-Border Transactions // Eurasian Law Journal. 2024. No. 12(199). P. 102–103.
3. Lifshits I.M., Smbatyan A.S. Legal Aspects of the Formation of a Common Exchange Space of the EAEU in the Light of Best Practices of Integration Associations // Lex Russica. 2025. No. 78(5). P. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.222.5.113-129> (date of access: 22.06.2025).
4. Law of the Eurasian Economic Union: Textbook / Ed. by T.N. Neshataeva. – Moscow: Gorodets Publishing, 2025. – 624 p. – ISBN 978–5–907982–15–4.

Цифровизация и гражданско-правовая защита авторских прав: вызовы современной правоприменительной практики

Гумбатов Танрыверди Исмаил оглы,
студент аспирантуры Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: tgumbatov19@gmail.com

В условиях цифровизации общества вопросы гражданско-правовой защиты авторских прав приобретают всё большую значимость. Статья посвящена анализу актуальных проблем охраны авторских прав в цифровой среде. Рассматриваются пробелы в российском законодательстве, связанные с незаконным использованием произведений в сети Интернет, а также предлагаются возможные пути совершенствования правового регулирования. Отдельное внимание уделено судебной практике, зарубежному опыту и проблемам доказывания нарушений в цифровом пространстве.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, цифровая среда, гражданско-правовая защита, интернет, компенсация, судебная практика, цифровые доказательства.

Введение

Современные технологии коренным образом изменили способы создания, распространения и потребления результатов интеллектуальной деятельности. В первую очередь это касается объектов авторского права, которые подвержены массовому и неконтролируемому использованию в сети Интернет. В связи с этим возрастает значение гражданско-правовых механизмов охраны прав авторов, особенно с учётом пробелов в законодательстве и сложности выявления правонарушителей в цифровом пространстве [1].

1. Теоретико-правовые основы авторского права и его гражданско-правовой защиты. Авторское право, как институт гражданского права регулируется частью четвёртой Гражданского кодекса РФ, а также международными договорами – Бернской конвенцией, Договором ВОИС по авторскому праву и другими. Согласно ст. 1255 ГК РФ, объектами авторского права признаются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинства и назначения, а также способа выражения [2]. Авторам принадлежат исключительные права, включающие право на использование произведения в любой форме и любым способом.

Гражданско-правовая защита авторских прав представляет собой совокупность средств и процедур, направленных на восстановление нарушенного права. Среди них – взыскание убытков, компенсация, изъятие контрафактных экземпляров, публикация решений суда и другие [3].

2. Цифровая среда как вызов традиционным способам охраны прав. Цифровая среда создала уникальные условия для несанкционированного доступа и копирования авторских произведений. Основными признаками цифровых правонарушений являются:

- массовость и высокая скорость распространения;
- трансграничный характер;
- сложность идентификации нарушителя;
- нестабильность цифровых доказательств [4].

В таких условиях гражданско-правовые средства защиты сталкиваются с рядом сложностей. Например, затруднительно установить факт размещения контента, определить субъект нарушения, обеспечить доказательственную базу, соответствующую требованиям процессуального законодательства [5].

3. Судебная практика: проблемы доказывания и толкования норм. Суды признают допусти-

мость использования цифровых доказательств (например, скриншотов, электронных писем, метаданных), однако они требуют надлежащей фиксации и подтверждения их достоверности. Особенно актуальным становится нотариальное удостоверение контента, зафиксированного на интернет-ресурсах [6].

Пример 1: Определение Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2022 № С01–738/2022, в котором признан факт незаконного использования музыкального произведения в видеоблоге. Суд учёл электронные доказательства, заверенные нотариусом, и применил компенсацию в размере 200 000 рублей [7].

Пример 2: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2023 по делу № А40–257879/2022 – суд отказал в удовлетворении иска из-за отсутствия достаточных доказательств, подтверждающих дату и источник публикации произведения в сети Интернет [8].

4. Ответственность интернет-посредников и проблема вторичного нарушения. Актуальным остаётся вопрос об ответственности провайдеров, платформ и хостинг-компаний за действия их пользователей. В российском праве действует концепция “освобождения от ответственности”, если посредник предпринял меры по пресечению нарушений (ст. 1253.1 ГК РФ) [2]. Однако эта норма трактуется судами по-разному и не всегда эффективно работает в условиях анонимности и децентрализации интернета.

В зарубежной практике (например, в США – DMCA, в ЕС – Директива 2019/790) закреплены более чёткие обязанности платформ по уведомлению, блокировке и удалению незаконного контента. Внедрение аналогичных норм в российское право способствовало бы более действенной защите авторов [9].

5. Зарубежный опыт правоприменения в цифровой сфере. На международном уровне государства всё чаще вводят механизмы предварительного блокирования контента (pre-emptive blocking), а также административные процедуры по внесудебному разрешению споров [10]. Например, Франция использует механизм HADOPI, Германия – систему “notice-and-takedown”, в США действует процедура подачи жалоб в соответствии с DMCA.

Особого внимания заслуживает практика Европейского Суда по правам человека, где защита авторских прав соотносится с правами на свободу выражения. Таким образом, баланс интересов становится ключевым критерием при разрешении дел о нарушениях в сети [11].

6. Пути совершенствования гражданско-правового механизма защиты. С целью повышения эффективности гражданско-правовой защиты авторских прав в цифровой среде необходимо:

- законодательное закрепление признаков допустимых цифровых доказательств;

- расширение полномочий нотариусов и использование электронных реестров;
 - создание государственной платформы мониторинга нарушений авторских прав в интернете;
 - введение обязанности интернет-провайдеров реагировать на обращения правообладателей в разумный срок;
 - внедрение института саморегулируемых организаций в сфере цифровых авторских прав [12].
7. Междисциплинарный аспект защиты авторских прав. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде выходят за пределы классического гражданского права. Здесь актуален междисциплинарный подход, включающий элементы информационного, административного и уголовного права, а также технических наук. Защита интеллектуальной собственности требует не только правовых, но и технологических решений – цифровой маркировки контента, блокчейн-реестров, ИИ-идентификации нарушений.

Заключение

Гражданско-правовая защита авторских прав в цифровую эпоху требует переосмысления традиционных подходов. Необходима адаптация законодательства к условиям функционирования цифровой среды, развитие доказательной базы, активное использование технологий. Также важна консолидация усилий государства, правообладателей, платформ и пользователей. Только комплексный подход позволит создать устойчивую и справедливую систему охраны интеллектуальной собственности.

Литература

1. Андреева Л.В. Защита авторских прав в цифровом пространстве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2021. – № 5 – С. 23.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.
3. Белов В.А. Комментарий к части четвертой ГК РФ. М.: Юрайт, 2020. – С. 4.
4. Жарова Л.А. Ответственность интернет-платформ за нарушение авторских прав: зарубежный опыт // Право и экономика. – 2022. – № 4. – С. 46.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
6. Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ».
7. Определение Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2022 № С01–738/2022.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2023 по делу № А40–257879/2022.
9. Digital Millennium Copyright Act, USA, 1998. – С. 126.

10. Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г.
11. Sganga C. The European Approach to Copyright in the Digital Environment // Journal of Intellectual Property. – 2020 – С. 321.
12. Сайфуллин А.И. Принцип законности в понимании эффективности правового регулирования // Право, экономика и управление. – 2021. – С. 78.

DIGITALIZATION AND CIVIL PROTECTION OF COPYRIGHT: CHALLENGES OF MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Gumbatov Tanryverdi Ismail ogly
University of Management

In the context of digitalization of society, issues of civil protection of copyright are becoming increasingly important. The article is devoted to the analysis of current problems of copyright protection in the digital environment. Gaps in Russian legislation related to the illegal use of works on the Internet are considered, and possible ways to improve legal regulation are proposed. Special attention is paid to judicial practice, foreign experience and problems of proving violations in the digital space.

Keywords: intellectual property, copyright, digital environment, civil protection, Internet, compensation, judicial practice, digital evidence.

References

1. Andreeva L.V. Copyright protection in the digital space: problems of theory and practice // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 5 – P. 23.
2. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 12/18/2006 No. 230-FZ.
3. Belov V.A. Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Yurait, 2020. – P. 4.
4. Zharova L.A. Liability of Internet platforms for copyright infringement: foreign experience // Law and Economics. – 2022. – No. 4. – P. 46.
5. Federal Law of 07/27/2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technology and the Protection of Information”.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation”.
7. Determination of the Intellectual Property Court of 15.09.2022 No. C01–738/2022.
8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 27.04.2023 in case No. A40–257879/2022.
9. Digital Millennium Copyright Act, USA, 1998. – P. 126.
10. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019.
11. Sganga C. The European Approach to Copyright in the Digital Environment // Journal of Intellectual Property. – 2020 – P. 321.
12. Saifullin A.I. The principle of legality in understanding the effectiveness of legal regulation // Law, Economics and Management. – 2021. – P. 78.

Медиация как механизм разрешения споров: проблемы применения медиации в области защиты предпринимательских прав и законных интересов

Заусов Кирилл Алексеевич,

аспирант, Московского университета имени А.С. Грибоедова
E-mail: Krealis@yandex.ru

В статье исследуется роль медиации в защите прав предпринимателей, анализируются особенности её применения в Российской Федерации и за рубежом. Рассматриваются правовые основы, преимущества медиации как способа разрешения споров.

Ключевые слова: внесудебная форма защиты гражданских прав, альтернативные способы разрешения споров, альтернативная процедура урегулирования споров, медиации, формы медиации.

Бизнесу и предпринимательской деятельности отводится особая роль в системе экономики общества и государства. Несомненно, предпринимательство и бизнес являются драйверами экономического роста и развития экономики, в связи с чем не теряют своей актуальности вопросы, связанные с обеспечением реализации и защитой прав предпринимателей.

Вполне понятно, что предпринимательство, как вид экономической деятельности предполагает, что субъекты данной деятельности вступают в различные организационные и экономические отношения, регулируемые правом.

Для обеспечения устойчивости и функционирования данных правоотношений, как и любых правовых отношений в принципе, необходимы так эффективные механизмы защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов, так и система способов их защиты.

Статьей 12 ГК РФ предусмотрено, что «Защита гражданских прав осуществляется путем:

- признания права;
- восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
- признания недействительным решения собрания;
- признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащиты права;
- присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- возмещения убытков;
- взыскания неустойки;
- компенсации морального вреда;
- прекращения или изменения правоотношения;
- неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
- иными способами, предусмотренными законом».

Стоит отметить, что защита прав и законных интересов предпринимателей обладает определенными специфическими особенностями. По этому поводу, весьма точно указала Тимофеева Р.И.,

«Защита прав предпринимателей имеет свои особенности и обусловлена сочетанием как частных, так и публично-правовых отношений: здесь и государственная регистрация, и лицензирование видов деятельности, и осуществление контрольно-ревизионных функций контрольно-надзорными органами и т.п.»¹.

Вполне понятно, что защита прав и законных интересов предпринимателей представляет собой систему законодательно установленных мер по охране предпринимательских прав и законных интересов, защите и восстановлению нарушенных или оспариваемых прав, с применением предусмотренных законом механизмов и способов защиты.

Профессор В.И. Ершова справедливо указала, что «конституционное право на свободное осуществление экономической деятельности является одним из базовых положений, лежащих в основе экономического законодательства, соответствующей сферы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также экономического правосудия»².

Учитывая современные тенденции, динамичность развития и появление новых форм экономических отношений, остро встает о формировании современных, эффективных способов и механизмов регулирования указанных отношений, связанных, прежде всего, с разрешением гражданских споров. К одним из новых механизмов разрешения споров можно обоснованно отнести **медиацию (лат. *mediare* – посредничать)**.

Медиация – это альтернативный метод урегулирования споров, при котором нейтральный посредник (медиатор) оказывает сторонам содействие в разрешении спора и достижении взаимовыгодного соглашения.

В современной науке и литературе медиация определяется как один из альтернативных способов разрешения конфликтов, где посредником выступает независимое лицо – медиатор, который помогает сторонам достичь взаимовыгодного решения по их добровольному желанию. Медиация, безусловно, представляет собой сложный правовой институт, так как объединяет нормы материального и процессуального права. Основные направления межотраслевого регулирования связаны с вопросами системной организации взаимодействия в рамках частного права, а также с соотношением норм различных отраслей права, включая их связь с различными областями публичного права.

Таким образом, медиация представляет собой альтернативный, внесудебный способ разрешения споров при содействии посредника.

В 2010 году в Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы были внесены изменения, касающиеся использования

медиации для разрешения споров. Правовой основой этого процесса стали Федеральный закон «Об альтернативной процедуре регулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ, далее именуемый Законом о медиации, а также Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре регулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 года № 194-ФЗ. Эти фундаментальные законы стали основой для создания необходимой правовой структуры, способствующей институционализации медиации как закрепленного законом способа разрешения споров, тем самым создав основу и для применения медиации в рамках неюрисдикционного, внесудебного процесса примирения.

По мнению Н.В. Тюменевой, «Медиация стала инновационным способом примирения сторон, используя который участники конфликта действовали только по согласованию между собой, начиная от подбора медиатора и заканчивая итогами переговоров. Примечательно, что впервые закрепленная в 2010 году медиация могла быть только досудебной, т.е. конфликтующие стороны пытались решить правовой конфликт с участием медиатора только до возбуждения судопроизводства»³.

Статья 138 Арбитражного процессуального Кодекса РФ устанавливает что, «Арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах.

Примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности.

Стороны пользуются равными правами на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора, судебного примирителя. По указанным вопросам сторонами может быть заключено соглашение»⁴.

Также, согласно статье 172 Гражданского процессуального Кодекса, «Рассмотрение дела по существу начинается докладом председательствующего или кого-либо из судей. Затем председательствующий выясняет, поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца и не желают ли стороны закончить дело заключением мирового соглашения или проведением других примирительных процедур, в том числе процедуры медиации»⁵.

³ Тюменева Н.В. Примирительные процедуры в процессуальном праве и законодательстве (на примере судебной медиации и судебного примирения) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 3. – С. 123.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹ Тимофеева Р.И. Особенности защиты прав при осуществлении предпринимательской деятельности // Право и практика. 2018. № 4. – С. 234.

² Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex russica. 2016. № 9. – С. 48.

Таким образом, на законодательном уровне, закреплены цивилистические процессуальные процедуры, направленные на урегулирование споров посредством примирительных, медиативных процедур.

Процедура медиации, как и любая иная предусмотренная АПК РФ примирительная процедура, применяется по ходатайству стороны (сторон), либо по предложению суда. Вполне понятно, что избрание соответствующей примирительной процедуры зависит от процессуальной деятельности суда и сторон судебного процесса. Избрание если по результатам оценки обстоятельств спора, с учетом характера спора и наличия соответствующих материально – правовых условий для её применения. При проведении процедуры медиации суд выносит определение в отложении судебного разбирательства на период ее проведения.

Порядок процедуры медиации регулируется Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Статьей 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» установлено: «Настоящий Федеральный закон разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений»¹.

Согласно части 2 статьи 4 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: «Если спор передан на рассмотрение суда или третейского суда, стороны могут применить процедуру медиации в любой момент до принятия решения по спору соответствующим судом или третейским судом. Отложение рассмотрения дела о споре в суде или третейском суде, а также совершение иных процессуальных действий определяется процессуальным законодательством»².

Данный закон закрепляет порядок, особенно и цели процедуры медиации, по мнению Ершовой И.В. и Тарасенко О.А. «целью ее законодательного закрепления является создание правовых условий для применения в России данной процедуры, содействия развитию партнерских отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации предпринимательских отношений. Полагаем, что наиболее эффективным образом это может быть реализовано в сфере малого и среднего бизнеса. В доктрине предпринимательского права

обоснованно определено, что в условиях рыночной экономики состояние малого и среднего бизнеса приобретает особое значение, поскольку данный фактор является ключевым условием развития конкуренции»³.

Медиация находит применение в самых различных сферах правовых отношений, включая разрешение коммерческих споров, урегулирование внутренних и внешних корпоративных конфликтов, банковскую и страховую деятельность, сопровождение сложных многосторонних сделок, защиту прав в области интеллектуальной собственности и авторского права, а также решение трудовых споров и споров, возникающих из семейных правоотношений.

Целью проведения процедуры медиации является заключение и утверждение медиативного соглашения, что достигается посредством проведения многоуровневой и многосторонней процедуры ведения переговоров между сторонами спора, что создает основание для принудительного исполнения данного соглашения.

Анализ правоприменительной деятельности и практики показывает, что медиация чаще всего применяется для разрешения гражданско-правовых споров, в том числе связанных с предпринимательством и экономической деятельностью.

Следует обратить внимание на возрастающую тенденцию применения медиации в качестве внесудебной процедуры и как неюрисдикционного способа разрешения споров.

Правовые основы применения процедуры медиации закрепляется не только национальное законодательство, но в договорных отношениях между сторонами экономических отношений.

В договорах и контрактах используются арбитражные оговорки, устанавливающие для сторон соглашение об обязанности обращаться к процедуре медиации в рамках досудебного урегулирования спора.

Справедливо утверждение Н.И. Распоповой о том, что медиативные оговорки способствуют распространению процедуры медиации. Их следует применять, чтобы медиация использовалась до обращения в суд, а лучше – и вовсе без суда. Это позволит компаниям и контрагентам узнать о медиации и иметь возможность к ней обращаться⁴.

В настоящее время, несмотря на существующие дискуссии относительно применения медиации и её нормативного регулирования, можно утверждать, что её востребованность в современных реалиях очевидна. Мировой опыт, особенно в государствах со стабильной рыночной экономикой и высокими социальными стандартами, демон-

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

² См. 5.

³ Ершова И.В., Тарасенко О.А. Малое и среднее предпринимательство: трансформация российской системы кредитования и микрофинансирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. – С. 100.

⁴ Распопова Н.И. Медиация: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 222 с.

стрирует успешное применение данной процедуры для урегулирования коммерческих и предпринимательских споров. Например, в рамках англосаксонской правовой системы (США, Великобритания, Австралия) медиация активно используется с 1960-х годов, а в континентальной Европе (Франция, Германия, Бельгия) её распространение пришлось на 1970–1980-е годы. Законодательное оформление института произошло в 2001 году в США с принятием Единообразного закона о медиации, где процедура определяется как процесс, в ходе которого нейтральный посредник содействует диалогу между сторонами для достижения добровольного соглашения. Статистика подтверждает эффективность метода: в Великобритании и Уэльсе более 50% споров разрешаются через медиацию, а в Китае аналогичный показатель достигает 70%¹.

Медиация, как альтернативный способ урегулирования конфликтов, приобретает всё большую значимость в защите прав предпринимателей. Её преимущества – конфиденциальность, гибкость и сохранение устойчивости предпринимательских отношений – делают её эффективным инструментом для разрешения споров в сфере предпринимательской деятельности.

По мнению А.Н. Левушкина, «Существенные преимущества медиации по сравнению с иными способами разрешения споров в предпринимательской сфере оправдывают усилия, прилагаемые с целью ее широкого внедрения в российскую правовую практику. Однако низкая популярность медиации при разрешении предпринимательских споров в России является одной из главных проблем, которая объясняется целым комплексом причин объективного и субъективного характера»².

Неоспоримые преимущества медиации как способа разрешения споров детализировала Лакоценина Н.М. «Медиация имеет ряд преимуществ по сравнению с судебным разбирательством:

Добровольность: стороны сами решают, прибегать ли к медиации или нет.

Конфиденциальность: информация, полученная в ходе медиации, не подлежит разглашению.

Беспристрастность: медиатор является нейтральным посредником, который не заинтересован в исходе спора.

Равноправие сторон: стороны имеют равные права и возможности в процессе медиации.

Экономичность: медиация обычно является более экономичным способом разрешения споров, чем судебное разбирательство.

¹ Елисеев Д.Б., Некрасов С.И. Медиация как метод и технология урегулирования социально – правовых конфликтов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 228.

² Левушкин А.Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 7. – С. 138.

Оперативность: медиация обычно занимает меньше времени, чем судебное разбирательство.

Сохранение отношений: медиация помогает сохранить отношения между сторонами, что особенно важно в трудовых спорах»³.

Среди объективных причин можно выделить относительную новизну медиации, недостаток опыта ее использования в сфере предпринимательства, нежелание бизнесменов нести дополнительные расходы на услуги медиатора, а также отсутствие стремления со стороны представителей судебных органов рекомендовать медиативную процедуру. К основным проблемам применения медиации в предпринимательстве можно отнести недостаточное правовое регулирование этого института с учетом особенностей предпринимательских отношений. Закон о медиации описывает механизм применения данной процедуры довольно широко, охватывая ее цели, принципы, условия и так далее. Однако, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, лаконичность и разрозненность норм, касающихся примирения сторон, не позволили этому правовому институту эффективно функционировать как механизм разрешения споров.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сформулировать основные выводы в отношении применения медиации в предпринимательской деятельности с целью оптимизации процесса ее эффективного использования в предпринимательских отношениях в современной России.

В первую очередь необходимо сформировать действенные стимулы для юридического сообщества и субъектов предпринимательской деятельности, способствующие активному использованию медиации как инструмента защиты прав бизнеса. Несмотря на принятие Федерального закона о медиации в 2010 году, данный механизм альтернативного разрешения споров не получил широкого распространения среди хозяйствующих субъектов. Это обуславливает потребность в дальнейшем совершенствовании нормативно-правовой базы, регулирующей внесудебное урегулирование предпринимательских конфликтов.

Особое внимание следует уделить развитию судебной медиации – процедуры примирения сторон с участием профессионального медиатора в рамках судебного процесса. Данный подход полностью соответствует положениям ст. 138 АПК РФ, обязывающей суд содействовать примирению сторон поскольку позволяет эффективно разрешать экономические и предпринимательские споры, а также предусматривает привлечение аккредитованных судебных медиаторов, обладающих: высшим юридическим образованием, специализированной подготовкой в области проведения примирительных процедур и необходимым уровнем профессиональной компетенции.

Такой формат медиации способствует повышению качества и эффективности разрешения ком-

³ Свистич Е.Э., Лакоценина Н.М. Проблематика медиации и арбитража как альтернативных методов разрешения споров // Вестник науки. 2024. № 1. – С. 425.

мерческих споров, сокращая нагрузку на судебную систему.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95 ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193 ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
4. Елисеев Д.Б., Некрасов С.И. Медиация как метод и технология урегулирования социально – правовых конфликтов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 228.
5. Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex russica. 2016. № 9. – С. 48.
6. Ершова И.В., Тарасенко О.А. Малое и среднее предпринимательство: трансформация российской системы кредитования и микрофинансирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. – С. 100.
7. Левушкин А.Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 7. – С. 138.
8. Распопова Н.И. Медиация: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 222 с.
9. Свистич Е.Э., Лакоценина Н.М. Проблематика медиации и арбитража как альтернативных методов разрешения споров // Вестник науки. 2024. № 1. – С. 425.
10. Тимофеева Р.И. Особенности защиты прав при осуществлении предпринимательской деятельности // Право и практика. 2018. № 4. – С. 234.
11. Тюменева Н.В. Примирительные процедуры в процессуальном праве и законодательстве (на примере судебной медиации и судебного

го примирения) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 3. – С. 123.

MEDIATION AS A WAY TO PROTECT BUSINESS RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Zausov K.A.

A.S. Griboyedov Moscow University

This article examines the role of mediation in protecting the rights of entrepreneurs, analyzes the specifics of its application in the Russian Federation and abroad. The legal bases and advantages of mediation as a way of dispute resolution are considered.

Keywords: non-judicial form of civil rights protection, alternative dispute resolution methods, alternative dispute resolution procedure, mediation, forms of mediation.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 2, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 2, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
3. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ (as amended on July 26, 2019) "On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162.
4. Eliseev D.B., Nekrasov S.I. Mediation as a method and technology for resolving social and legal conflicts // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences. – 2011. – No. 4. – P. 228.
5. Ershova I.V. Economic activity: concept and relationship with related categories // Lex russica. 2016. No. 9. – P. 48.
6. Ershova I.V., Tarasenko O.A. Small and medium-sized businesses: transformation of the Russian lending and microfinance system // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2018. No. 1. – P. 100.
7. Levushkin A.N. Mediation in Entrepreneurial Activity: Problems of Law Enforcement Efficiency. // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2020. No. 7. – P. 138.
8. Raspopova N.I. Mediation: A Textbook for Universities. – M.: Yurait Publishing House, 2023. – 222 p.
9. Svistich E. E., Lakotsenina N.M. Problems of Mediation and Arbitration as Alternative Dispute Resolution Methods // Bulletin of Science. 2024. No. 1. – P. 425.
10. Timofeeva R.I. Features of Protecting Rights in the Implementation of Entrepreneurial Activity // Law and Practice. 2018. No. 4. – P. 234.
11. Tyumeneva N.V. Conciliation procedures in procedural law and legislation (on the example of judicial mediation and judicial conciliation) // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2022. No. 3. – P. 123.

Права супруга должника при проведении процедур банкротства физического лица

Киселев Дмитрий Анатольевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

E-mail: spb.kiselev@gmail.com

В статье исследованы права супруга должника в период рассмотрения в отношении другого супруга дела о несостоятельности (банкротстве). В статье автор описал объем прав супруга должника имеющийся на настоящий момент. Автором предлагается наделить супруга должника правом на участие в собраниях кредиторов по вопросам связанным с совместным имуществом супругов. Автором проводится анализ противоречивой судебной практики российских судов, а также, исследуется иностранное законодательство по вопросам включения доходов супруга в конкурсную массу должника. Автором делается вывод о необходимости установления четких условий для включения доходов супруга должника в конкурсную массу. В настоящей статье выявлены некоторые недостатки в регулировании отдельных прав супруга должника, высказаны предложения по оптимизации регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: Права супруга должника, раздел доходов супругов в процедуре банкротства, право супруга должника на участие в собрании кредиторов, супруг должника – лицо участвующее в деле о банкротстве, имущественные и личные неимущественные права супруга должника.

29 мая 2024 года в статью 213.1 Закона о банкротстве был добавлен пункт 6, который наделил супруга должника правами лица участвующего в деле о банкротстве.

До весны 2024 года нормы законодательства, либо не упоминали супруга должника вовсе, либо касались его только косвенно.

Сегодня права супруга должника значительно расширились и фактически приравнены к правам самого должника или кредиторов должника в соответствии со статьёй 34 Закона о банкротстве.

Права супруга должника в деле о несостоятельности можно условно разделить на три группы:

Имущественные права:

- претендовать на перечисление $\frac{1}{2}$ от сумм, полученных от реализации активов, находящегося в общей собственности с должником;
- возможность обращения в суд с заявлением о разделении имущества, находящегося в общей собственности в долевую собственность с выделом доли в натуре.

Процессуальные права:

- правомочие по направлению в дело о банкротстве ходатайств о проведении экспертизы по установлению действий, содержащих признаки преднамеренного или фиктивного банкротства;
- возможность осуществлять процессуальные права, предусмотренные Законом о банкротстве, в ходе процедуры по делу о банкротстве и другие действия, необходимые для защиты своих прав и законных интересов;
- приобретать в банкротный процесс документы, предусмотренные Законом о банкротстве, в форме электронных документов, а также, заполнять формы документов, размещённые на официальном сайте арбитражного суда в интернете.

Личные неимущественные права:

- права, гарантированные супругу должника Конституцией РФ, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну;
- право защищать частную жизнь гражданина;
- право супруга гражданина-должника на защиту чести, честное имя, защиту достоинства и охрану деловой репутации и др.

Таким образом, супруг должника имеет широкий спектр прав в делах о банкротстве гражданина.

Рассмотрим подробнее, что входит в состав прав супруга должника по каждому из пунктов.

Супруг гражданина-должника имеет возможность рассчитывать на получение денежных

средств, соответствующих доле супруга, от стоимости имущества, проданного на торгах и являющегося общей собственностью (совместной или долевой), это правило установлено пунктом 7 статьи 213.26 ФЗ о банкротстве. Для целей наибольшего погашения долгов перед кредиторами и для соблюдения принципа единства объекта гражданского оборота, Верховный суд установил¹, что активы, находящиеся в общей собственности, следует продавать на торгах полностью с соблюдением прав супруга должника на преимущественную покупку имущества по цене, установленной для начального периода торгов.

Также, у супруга должника имеется право на обращение в суд с заявлением о разделении имущества в натуре, то есть так, чтобы иметь возможность самостоятельно пользоваться таким имуществом. Такое право собственника прямо предусмотрено статьёй 252 ГК РФ. При осуществлении раздела имущества в натуре, гражданин становится единоличным собственником такого имущества и оно не подлежит продаже на торгах². Таким образом, для того, чтобы сохранить свою долю в имуществе, супругу должника недостаточно просто осуществить раздел имущества на доли, ему необходимо выделять долю имущества в натуре.

В сфере имущественных прав супруга должника есть особенности, которые нужно учитывать из-за особого режима имущества должника в рамках ведения дела о банкротстве. Как следует из общих правил регулирования, установленных Семейным кодексом РФ, все активы лиц находящихся в браке, включая заработную плату или доходы от бизнеса, если такие активы заработаны в период супружества, является их совместной собственностью. Если у одного из супругов появляются неисполненные обязательства, которые не являются общими со вторым супругом, эти обязательства могут погашаться из доли соответствующего супруга в совместном имуществе.

Однако в ситуации, когда в отношении должника введена процедура банкротства, возможность выделить из доходов супруга супружескую долю находится под вопросом из-за противоречивой судебной практики. Были рассмотрены случаи обращения финансового управляющего с заявлением о выделе доли в доходах супруги и случаи заявления супруги о выделе супружеской доли в доходах должника.

Судебное правоприменение по исследуемому вопросу очень неоднозначно. В целом, можно сказать, что, при банкротстве, положение супругов в данном вопросе становится не равным. Исходя из судебной практики, финансовому управляющему, который хочет включить долю в доходах супруга должника в конкурсную массу, необходимо сначала выделить эту долю через суд. Тут возникает проблема, что финансовый управляющий, по мнению некоторых судов, не является лицом, полномочным заявлять ходатайства о разделе имуще-

ства супругов, так как супругом не является, суды возвращают такие ходатайства, как поданные неуполномоченным лицом. В случае же, если финансовому управляющему удалось произвести раздел имущества, перед ним встает еще более сложная задача, доказать, что денежные средства, являющиеся доходами второго супруга, есть в наличии³.

Таким образом, некоторые выводы судов по вопросу выдела супружеской доли во время процедуры банкротства одного из супругов:

- В данном кейсе управляющий, руководствуясь необходимостью увеличения имущественной массы должника, ходатайствовал перед арбитражем о включении в имущественную массу должника одной второй от заработка супруга, в том числе за предыдущие периоды. Судом было отказано в удовлетворении заявления потому что денежные средства являются обезличенным имуществом и установить их принадлежность к общему имуществу невозможно. В этом деле конкурсный управляющий предложил трактовку положений пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве и пункта 2 статьи 34 СК РФ, которая подразумевает включение части доходов супруга должника в конкурсную массу. Однако эта точка зрения не учитывает обратную ситуацию – необходимость передачи части доходов должника его супругу⁴.

Управляющий обратился в суд с требованием включить половину доходов супруги должника в конкурсную массу. Суд, рассмотрев требование финансового управляющего в отдельном судебном заседании, отклонил их. Суд пояснил, что денежные средства, после их снятия с расчетного счета, теряют свои индивидуальные характеристики и выделить их из остальной имущественной массы владельца не представляется возможным. Обращение взыскания на предмет, который индивидуально не определен, недопустимо. Закон о банкротстве не предусматривает возможности взыскания денег с супруга должника, даже если на них распространяется режим совместной собственности супругов. При этом ни должник, ни его бывшая супруга не воспользовались правом на раздел общего имущества. Таким образом, пополнение конкурсной массы за счёт совместного имущества супругов возможно только путём его реализации и раздела выручки между супругами. Этот метод не применим к наличным деньгам, полученным одним из супругов.

Для получения полной картины, в том числе, уяснения подходов правоприменителя к рассматриваемой проблеме, считаем необходимым привести примеры из судебной практики: Финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании с супруга должника денежных средств, снятых им с расчетных счетов открытых на его имя за периоды до нахождения должника в процедуре банкротства и во время процедуры – суд отказывая в удовлетворении требований финансового

¹ Определение Верховного суда РФ от 31 января 2025 г. по делу А46–16345/2016 № 304-ЭС192037 (2)

² п. 7 ПП ВАС РФ № 48 от 25.12.2018 г.

³ ПП ВС РФ от 05.11.1998 N 15

⁴ Постановление АС Поволжского округа № Ф06–70373/2020 от 26 января 2021 года по делу № А55–13460/2016

управляющего указал на следующее – у суда нет оснований полагать, что денежные средства, являющиеся средством платежей сохранились у супруга должника до момента, когда его признали банкротом. Закон не предусматривает процедур и правил, согласно которым с супруга должника можно было бы взыскать имевшиеся у него денежные средства, даже если они являлись совместной собственностью»¹

В вопросе о праве на включение в конкурсную массу доходов супруга должника можно, также, обратиться к иностранному законодательству, например, вот что по этому поводу указано в Гражданском кодексе Франции² – «Заработная плата супруга могут быть конфискованы кредиторами его супруга только в том случае, если обязательство было принято на содержание домашнего хозяйства или воспитание детей.» Французское законодательство исходит из того, что наложение взыскания кредиторами на доход супруга возможно только, если долги супруга образовались в связи с несением расходов на нужды семьи, так называемые общие долги.

Таким образом, вопрос о праве на выделение супружеской доли из доходов другого супруга в период банкротства одного из супругов в российских реалиях остаётся неурегулированным. Автор считает, что российскому законодателю необходимо четко установить условия, при соблюдении которых конкурсная масса могла бы претендовать на доходы супруга должника, что внесло бы правовую определенность в данную сферу правоотношений.

Также, супруг гражданина-банкрота имеет возможность ходатайствовать перед Арбитражным судом о проведении экспертизы для проведения анализа и установления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. Такое право вытекает из пункта 6 статьи 213.1 Закона о банкротстве в совокупности с пунктом 2 статьи 34 этого же закона. Такое право позволяет супругу должника ходатайствовать о проведении независимой экспертизы для определения наличия или отсутствия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства в действиях должника, совершённых в предбанкротный период. Однако это право на практике не получает широкого распространения, поскольку оно, также, есть у самого должника, а в большинстве случаев должник и его супруг/бывший супруг занимают схожие процессуальные позиции. Это право может иметь практическое значение для супруга должника только в случае конфликта между супругами, когда супруг-должник организовал контролируемую процедуру банкротства с подконтрольным финансовым управляющим, который составил недостоверные заключения о наличии или отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.04.2021 года по делу № А56–5410/2018

² ст. 1414 Гражданского кодекса Франции (Code civil des français) URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006439353/2025-05-25 (дата обращения 04.06.2025 г.)

Еще одним важнейшим правом супруга должника является право направлять в суд обращения и заявления, непосредственно участвовать в заседаниях с правами третьего лица. В соответствии со ст. 34 Закона о банкротстве, супругу должника были предоставлены права, сопоставимые с правами кредиторов и должника. Ранее, правовой статус супруга должника в контексте участия в деле о банкротстве был неопределённым, и каждый раз при обращении в суд супругу приходилось подробно объяснять, как тот или иной вопрос затрагивает имущественные интересы его партнёра. Если же вопрос не касался имущественных интересов напрямую, суд нередко отказывал супругу должника в рассмотрении обращения.

Наиболее пристальное внимание стоит уделить вопросу о правомочности супруга должника участвовать в собраниях кредиторов, проводимых в рамках дела о банкротстве. В связи с тем, что всё имущество должника, которое он приобрел в браке, является совместным, а на собраниях кредиторов решаются вопросы о цене, порядке, правилах и сроках реализации совместно нажитого имущества, такое участие следует признать обязательным. Поэтому, по нашему мнению, супруга должника должна иметь возможность участвовать в таких собраниях, особенно когда речь идёт о реализации совместного имущества.

Согласно п. 1 ст. 213.8 и п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве, в собраниях кредиторов участвуют:

- коммерческие кредиторы и Налоговая служба, если требования включены в реестр на момент собрания.
- представители трудового коллектива предприятия-банкрота.
- представители собственников бизнеса.
- Представители СРО арбитражных управляющих.
- Росреестр.
- В собрании может участвовать сам должник или его представитель.

Очевидно, что Закон о банкротстве не совсем оптимально регулирует рассматриваемые отношения. Супруг должника, участвующий в собрании кредиторов, мог бы донести до кредиторов свою позицию по вопросам повестки дня, что позволило бы согласовать решения собрания и избежать их судебного оспаривания. Также, супруг должника мог бы ознакомиться с материалами собрания кредиторов до его проведения, что дало бы ему возможность своевременно получать информацию о судьбе принадлежащего ему имущества и планах по его реализации.

Несмотря на проведение процедуры банкротства, супругу должника гарантируется весь комплекс прав гражданина без исключений. Ограничение прав супруга в связи с процедурой банкротства недопустимо, поэтому кредиторам и финансовому управляющему³ необходимо учитывать этот факт.

³ Определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 18.02.2021 года по делу А75–19896/2018

Таким образом, исследование показывает, что правовое положение супруга должника позволяет ему эффективно защищать свои права в рамках процедур банкротства. Однако, некоторые аспекты остаются неурегулированными законодательно и разрешаются судами неоднозначно, что требует внимания законодателя и научного сообщества.

Литература

1. Определение Верховного суда РФ от 31 января 2025 г. по делу А4616345/2016 № 304-ЭС192037 (2)
2. п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 48 от 25.12.2018 г.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06–70373/2020 от 26 января 2021 года по делу № А55–13460/2016
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.04.2021 года по делу № А56–5410/2018
6. ст. 1414 Гражданского кодекса Франции (Code civil des français), URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006439353/2025-05-25 (дата обращения: 04.06.2025 г.)
7. Определение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 18.02.2021 года по делу А75–19896/2018

THE RIGHTS OF THE DEBTOR'S SPOUSE DURING THE BANKRUPTCY PROCEEDINGS OF AN INDIVIDUAL

Kiselyov D.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article examines the rights of the debtor's spouse during the consideration of an insolvency (bankruptcy) case against another spouse. In the article, the author described the scope of the debtor's spouse's rights currently available. The author proposes to grant the debtor's spouse the right to participate in creditors' meetings on issues related to the joint property of the spouses. The author analyzes the contradictory judicial practice of Russian courts, and also examines foreign legislation on the inclusion of the spouse's income in the debtor's estate. The author concludes that it is necessary to establish clear conditions for including the income of the debtor's spouse in the bankruptcy estate. This article identifies some shortcomings in the regulation of certain rights of the debtor's spouse, and makes suggestions for optimizing regulation in this area.

Keywords: The rights of the debtor's spouse, the division of the spouses' income in the bankruptcy procedure, the debtor's spouse's right to participate in the creditors' meeting, the debtor's spouse is a person participating in the bankruptcy case, the property and personal non-property rights of the debtor's spouse.

References

1. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 31, 2025 in case A4616345/2016 No. 304-ES192037 (2)
2. Item 7 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 48 dated December 25, 2018
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 5, 1998 No. 15
4. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District No. F06–70373/2020 dated January 26, 2021 in case No. A55–13460/2016
5. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated April 21, 2021 in case № А56–5410/2018
6. Art. 1414 of the Civil Code of France (Code civil des français), URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006439353/2025-05-25 (date of access: 04.06.2025)
7. Determination of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra dated 18.02.2021 in case А75–19896/2018

Международный коммерческий арбитраж в Китайской Народной Республике как механизм защиты российских юридических лиц при заключении и исполнении внешнеэкономических контрактов

Киченина Виктория Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии
E-mail: vskichenina@yandex.ru

Меркулова Татьяна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии
E-mail: tn.merkulova@spsbta.ru

В статье рассматривается ключевая роль коммерческого арбитража в контексте растущего внешнеэкономического взаимодействия между Россией и Китаем, особенно с учетом изменения геополитической ситуации и стремительного увеличения торговых объемов. Подчеркивается важность понимания юридической природы арбитража как эффективной альтернативы государственным судам для разрешения споров, возникающих в сложных коммерческих сделках. Приводятся актуальные статистические данные о количестве разрешенных споров в ведущих китайских арбитражных центрах, анализируются изменения в китайском законодательстве, которые позитивно влияют на развитие коммерческого арбитража.

Исследование также поднимает важные вопросы, касающиеся правовых и культурных различий между российскими и китайскими компаниями, которые могут создавать сложные ситуации при выборе арбитражного центра и понимании условий контрактов. При этом указывается на благоприятные перспективы развития коммерческого арбитража, который является ключевым инструментом в обеспечении правовых интересов участников международного бизнеса.

Таким образом проведен всесторонний анализ текущего состояния арбитража в Китае с акцентом на то, что понимание механизмов арбитража в условиях глобализации критически важно для российских компаний и инвесторов, стремящихся к успешному ведению бизнеса в Китае.

Ключевые слова: арбитраж, разрешение споров, внешнеэкономическая деятельность, товарооборот, законодательство, сотрудничество.

В мире, где внешнеэкономическая деятельность играет ведущую роль в развитии межгосударственного взаимодействия, а споры неизбежны, понимание юридической природы коммерческого арбитража является чрезвычайно важной задачей. Обращение к такому институту позволяет участникам внешнеэкономической деятельности выбрать эффективную альтернативу традиционному судебному разбирательству, особенно при заключении сложных коммерческих сделок.

В последние годы Россия сталкивается с новой геополитической реальностью, требующей пересмотра и переоценки системы внешнеэкономических отношений. Роль Китая в этой системе продолжает расти, что отвечает задачам укрепления добрососедства и обеспечения развития обеих стран [1].

Если еще в 2018 г. товарооборот между Китаем и Россией был на уровне 100 млрд долл., что в 2023 г. вырос до рекордного уровня в 240,1 млрд долл. По данным таможенной статистики Китая, товарооборот между странами за январь-август 2024 г. увеличился на 1,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 158,5 млрд долл. В 2023 г. импорт российской нефти в Китай достиг беспрецедентно высокого уровня в 107 млн тонн, что на 24% больше, чем в 2022 г. В результате Россия стала крупнейшим поставщиком этого товара – на нее пришлось около 1/5 всего импорта сырой нефти в Поднебесную. Импорт российского природного газа в Китай вырос на 62%. [2] Количество китайских предприятий, зарегистрированных на территории России, за последний год выросло на 20%. Увеличивается доля взаиморасчетов в национальных валютах [3].

В этой связи хотелось бы отметить, что в коммерческих сделках с китайскими компаниями международный арбитраж все чаще становится предпочтительным методом разрешения споров. По сравнению с разбирательствами в государственном суде, арбитраж имеет такие преимущества как конфиденциальность, гибкость, окончательности и исполнимости.

В 2023 г., по мере того как экономика Китая неуклонно восстанавливалась, количество споров, разрешаемых в порядке арбитража также увеличилось. Руководствуясь ежегодными отчетами о работе основных китайских арбитражных учреждений за 2023 год можно привести следующую статистику. Шанхайский международный арбитражный центр (SHIAC) сообщил о росте на 9,69%, Пекин-

ская арбитражная комиссия (ВАС) зафиксировала рост на 13,57%, а Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC) зафиксировала рост на 0,4% по сравнению с аналогичными датами прошлого года [4].

С 2020 г. Китай взял курс на создание крупных международных центров коммерческого арбитража, с пилотными проектами в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шэньчжэне и Хайнane. Эти усилия включали найм иностранных специалистов, создание зарубежных филиалов и предоставление финансовой поддержки. К 2023 г. был достигнут значительный прогресс: восемь арбитражных учреждений в этих регионах рассмотрели 2251 дело, связанное с иностранными делами (72% от общего числа по стране), включая споры на сумму 137,6 млрд юаней (69% от общего числа по стране) [5].

С развитием инициативы «Один пояс, один путь» и ростом участия государств также актуальность приобретают китайские арбитражные центры.

В Китае существуют пять основных секторов, которые в основном полагаются на арбитраж для разрешения споров. Это торговля товарами, финансы и рынки капитала, строительство, инвестиции в акционерный капитал и переводы, а также сервисные и агентские контракты.

В 2023 г. Арбитражная комиссия Гуанчжоу (GZAC) обогнала CIETAC и стала арбитражным учреждением, рассматривающим наибольшее количество международных арбитражных дел, с 671 делом и годовым темпом роста 5,67%. Эти дела, в основном касающиеся импортных и экспортных споров, свидетельствуют о восстановлении международной торговли после пандемии. Несмотря на большой объем дел, общая оспариваемая сумма GZAC составила 5 млрд юаней, что составляет всего одну десятую от суммы CIETAC.

CIETAC рассмотрел 645 дел с суммой оспариваемых требований в размере 53 млрд юаней, оставаясь наиболее предпочтительным арбитражным учреждением Китая. Под влиянием инициативы «Один пояс, один путь» дела CIETAC включали стороны из 71 страны, причем в 62 делах с обеих сторон были иностранные субъекты [6].

SCIA заняла третье место с 414 делами, связанными с иностранными делами, и самой большой оспариваемой суммой в 59 млрд юаней, обойдя ВАС и SHIAC, которые рассматривали 251 и 215 международных дел соответственно [7].

В настоящее время в материковом Китае насчитывается около 280 постоянных арбитражных учреждений. В мае 2024 г. SHIAC открыл филиал в Гонконге. В ноябре 2023 г. для более эффективного рассмотрения споров, связанных с инициативой «Один пояс, один путь», CIETAC открыл Центрально-азиатский судебный центр в провинции Синьцзян, предоставив сторонам из Центральной Азии удобное место для участия в слушаниях [8].

Между тем, Китай заинтересован в иностранных арбитражных институтах, которые открывают

филиалы в пределах своей юрисдикции. В декабре 2023 г. Шанхайское муниципальное бюро юстиции одобрило регистрацию Шанхайского центра Корейского коммерческого арбитражного совета, который стал первым иностранным арбитражным институтом, открывшим офис в Шанхае.

В Китае государственные суды имеют полномочия рассматривать споры, связанные с арбитражем. Это включает в себя такие вопросы, как определение действительности арбитражных оговорок, принятие решений об отмене и приведении в исполнение внутренних решений, а также иностранных арбитражных решений.

Кроме того, полномочия по предоставлению временных мер, предоставлены исключительно судам в соответствии с Гражданским процессуальным законом КНР. Если сторона желает ходатайствовать о временной мере в арбитражном разбирательстве, арбитражный трибунал или секретарь учреждения (до формирования трибунала) направят заявление в суд.

Основным нормативным актом, регулирующим арбитраж в Китае, является Закон КНР об арбитраже 1994 г. и Гражданским процессуальным законом КНР, которые обеспечивают правовую основу для арбитражного разбирательства и исполнения арбитражных решений в Китае [9]. Кроме того, существует судебная практика, которая дополняет законодательство.

Развитие права коммерческого арбитража в Китае началось в конце 20-го века в рамках более широких экономических реформ, направленных на открытие для глобальных рынков.

В 2024 году были приняты существенные поправки к Закону КНР об арбитраже, направленные на оптимизацию процедур и уточнение ролей арбитров. Эти обновления включают положения, упрощающие процессы подачи документов, что способствует более быстрому разрешению споров, сохраняя при этом соблюдение международных стандартов.

Более того, эти поправки вводят более строгие правила для арбитров в отношении конфликтов интересов и квалификации.

Закон КНР об арбитраже основан на Типовом законе ЮНСИТРАЛ и включает в себя такие ключевые принципы, как автономия сторон и автономность арбитражных соглашений.

Традиционно материковый Китай отдает предпочтение институциональному арбитражу, а не арбитражу *ad hoc*, однако в последние годы ограничения, связанные с ним, заметно смягчились.

Закон КНР об арбитраже был пересмотрен в 2021 г. и с учетом внесенных поправок разрешил арбитраж *ad hoc* в отношении коммерческих споров с участием иностранных лиц.

Кроме того, внутренние арбитражные институты все чаще включают арбитраж *ad hoc* в свои правила [10]. Например, новые правила CIETAC прямо поддерживают арбитраж *ad hoc*, а руководящие принципы SHIAC для услуг по оказанию помощи в арбитраже *ad hoc* вступили в силу в 2024 году.

В прошлом большинство дел, рассматриваемых китайскими арбитражными учреждениями, требовали представления бумажных копий юридических документов и доказательственных материалов. Однако в настоящее время многие арбитражные учреждения вводят положения об электронной подаче и подаче. Например, CIETAC и SHIAC отдают приоритет электронным средствам, если стороны не договорились об ином.

Многие арбитражные институты имеют собственную платформу для подачи документов в режиме онлайн. Например, SHIAC разработал собственную «Электронную платформу» для сторон, чтобы подавать документы и доказательства в режиме онлайн и проводить обмены (статья 10).

Онлайн-слушания, ставшие популярными во время пандемии COVID-19, теперь широко принимаются крупными китайскими арбитражными учреждениями. Например, Правила CIETAC (2024) позволяют трибуналам проводить слушания онлайн по своему усмотрению.

GZAC является ведущим поставщиком в механизме разрешения споров АТЭС в режиме онлайн и получила значительное признание от АТЭС. АТЭС занимается обслуживанием микро-, малых и средних предприятий («ММСП») в разрешении трансграничных коммерческих споров в режиме онлайн. За последние два года GZAC рассмотрела наибольшее количество международных арбитражных дел в Китае, несмотря на относительно небольшие суммы [11]. Это демонстрирует важную роль GZAC в содействии разрешению трансграничных споров между ММСП.

Также между ТТП РФ и Китайской палатой международной торговли в 1996 г. заключено Соглашение о сотрудничестве в области коммерческого арбитража [12]. В нем содержится выработанная совместными сторонами арбитражная оговорка, в которой указано, что если истцом будет российское юридическое лицо, то спор должен быть рассмотрен в МКАС при ТПП РФ, а если истцом выступит китайское юридическое лицо, то спор будет рассмотрен в Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии. Решение будет окончательным и обязательным. Место арбитража определяется по договоренности сторон и должно быть обусловлено удобством для заинтересованных лиц.

Таким образом, сотрудничество между КНР и РФ осуществляется в направлении совершенствования процедур международного коммерческого арбитража, унификации разрабатываемых арбитражных оговорок.

Можно наблюдать, что китайский арбитражный рынок стремительно эволюционирует, адаптируясь к запросам международного бизнеса. CIETAC, BAC и SCIA активно внедряют современные процедуры: онлайн-арбитраж, механизмы апелляции и специализированные регламенты для инвестиционных споров что безусловно играет ключевую роль в разрешении споров в сфере международной торговли и бизнеса. В условиях глобализации

и роста экономических связей РФ и Китая, понимание особенностей и механизмов арбитража в этой стране становится все более важным для российских компаний и инвесторов. Такой подход безусловно помогает эффективно защищать свои интересы и успешно вести бизнес в Китае.

Несмотря на широкие возможности, которые предлагает коммерческий арбитраж, участники российско-китайских сделок нередко сталкиваются с рядом сложностей. Во-первых, различия в правовых системах и законодательстве могут вызывать затруднения в интерпретации договоров, особенно если они составлены на разных языках. Во-вторых, процесс выбора арбитражного центра иногда становится источником конфликта, поскольку стороны предпочитают проведение разбирательств в своей юрисдикции.

Еще одним вызовом остается сохранение доверия между партнерами. В условиях растущего геополитического напряжения часть российских и китайских компаний может испытывать недоверие друг к другу, что сказывается на успешности арбитражных процедур.

Тем не менее перспективы коммерческого арбитража в российско-китайских экономических отношениях остаются позитивными. Арбитражные процедуры способствуют формированию устойчивой правовой среды, основанной на принципах взаимного уважения и доверия. Это особенно важно для крупных энергетических и инфраструктурных проектов, которые требуют длительного сотрудничества и значительных инвестиций.

Кроме того, использование арбитража способствует развитию правовой культуры в международной торговле, что положительно влияет на качество и стабильность экономического партнерства между странами.

Литература

1. Understanding Commercial Arbitration Law in China 2025 <https://www.chinalegals.com/blog/understanding-commercial-arbitration-law-china-2025> (дата обращения 20.05.25 г.)
2. Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая: стратегия развития 2024 https://roscongress.org/materials/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-strategiya-razvitiya-2024/?utm_referer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F (дата обращения 20.05.25 г.)
3. Министерство иностранных дел России. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostr... (дата обращения 20.05.25 г.)
4. Jolie Guo, Yifei Zhang, Angela Yan 2023 Arbitration Year in Review <https://dailyjus.com/world/2024/09/2023-arbitration-year-in-review-china>. (дата обращения 20.05.25 г.)

5. Melissa Feng Hongxu Ding International Arbitration 2024 <https://www.cietac.org/en/category/research> (дата обращения 20.05.25 г.)
6. CIETAC 2024 Work Report and 2025 Work Plan <https://www.cietac.org/en/articles/32306> (дата обращения 20.05.25 г.)
7. China International Arbitration Review <https://en.scia.com.cn/FilesandDownloads.html> (дата обращения 20.05.25 г.)
8. Melissa Feng Hongxu Ding International Arbitration 2024 <https://www.cietac.org/en/category/research> (дата обращения 20.05.25 г.)
9. Безбах В.В., Ситкарева Е.В. Арбитраж (третейское разбирательство) в КНР. Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 6 с. 222
10. Чже Янь. Арбитраж ad hoc в Китае и в Matters of Russian and International Law. 2022, Vol. 12, Is. 5A с. 126
11. Understanding Commercial Arbitration Law in China 2025 <https://www.chinalegals.com/blog/understanding-commercial-arbitration-law-china-2025> (дата обращения 20.05.25 г.)
12. Сглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 03.09.1994. Справочно-правовая система «Гарант».

INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AS A MECHANISM FOR THE PROTECTION OF RUSSIAN LEGAL ENTITIES IN THE CONCLUSION AND EXECUTION OF FOREIGN ECONOMIC CONTRACTS

Kichenina V.S., Merkulova T.N.

St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov

The article examines the key role of commercial arbitration in the context of the growing foreign economic cooperation between Russia and China, especially given the changing geopolitical situation and the rapid increase in trade volumes. The importance of understanding the legal nature of arbitration as an effective alternative to state courts for resolving disputes arising in complex commercial transactions is emphasized. The article provides up-to-date statistical data on the number of disputes resolved in the leading Chi-

nese arbitration centers, analyzes changes in Chinese legislation that have a positive impact on the development of commercial arbitration. The study also raises important questions about the legal and cultural differences between Russian and Chinese companies, which can create difficult situations when choosing an arbitration center and understanding the terms of contracts. At the same time, favorable prospects for the development of commercial arbitration are pointed out, which is a key tool in ensuring the legal interests of international business participants. Thus, a comprehensive analysis of the current state of arbitration in China has been conducted, with an emphasis on the fact that understanding the mechanisms of arbitration in the context of globalization is critically important for Russian companies and investors seeking to successfully conduct business in China.

Keywords: Arbitration, dispute resolution, foreign economic activity, trade turnover, legislation, cooperation.

References

1. Understanding Commercial Arbitration Law in China 2025 <https://www.chinalegals.com/blog/understanding-commercial-arbitration-law-china-2025> (accessed 20.05.25)
2. Trade and economic cooperation between Russia and China: Development strategy 2024 https://roscongress.org/materials/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-strategiya-razvitiya-2024/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F (accessed 05/20/25)
3. The Ministry of Foreign Affairs of Russia. About Russian-Chinese strategic partnership relations. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticheskoe-dos-e/dvustoronnie-otnoshenij-rossii-s-inostr... (accessed 05/20/25)
4. Jolie Guo, Yifei Zhang, Angela Yan 2023 Arbitration Year in Review <https://dailyjus.com/world/2024/09/2023-arbitration-year-in-review-china>. (accessed 05/20/25)
5. Melissa Feng Hongxu Ding International Arbitration 2024 <https://www.cietac.org/en/category/research> (accessed 05/20/25)
6. CIETAC 2024 Work Report and 2025 Work Plan <https://www.cietac.org/en/articles/32306> (accessed 05/20/25)
7. China International Arbitration Review <https://en.scia.com.cn/FilesandDownloads.html> (accessed 05/20/25)
8. Melissa Feng Hongxu Ding International Arbitration 2024 <https://www.cietac.org/en/category/research> (accessed 05/20/25)
9. Bebach V.V., Sitkareva E.V. Arbitration (arbitration proceedings) in China. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. Volume 12. No. 6 p. 222
10. Zhe Yan. Ad hoc Arbitration in China and in Matters of Russian and International Law. 2022, Vol. 12, Is. 5A p. 126
11. Understanding Commercial Arbitration Law in China 2025 <https://www.chinalegals.com/blog/understanding-commercial-arbitration-law-china-2025> (accessed 05/20/25)
12. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on cooperation and mutual assistance in customs matters dated 03.09.1994. Legal reference system "Garant".

Проблемы и решения при формулировке существенных условий в договоре транспортной экспедиции: теоретико-правовое исследование

Лончакова Юлия Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, Муромский институт,
доцент, Владимирский государственный университет
E-mail: Info@rt-p.ru

В современной юридической теории и практике возникают вопросы, связанные с классификацией и систематизацией условий гражданско-правовых договоров, что обуславливает актуальность исследования данной проблемы. Целью статьи является анализ и систематизация условий договора, в том числе существенных, обычных и случайных, и оценка их влияния на действительность и исполнение договорных обязательств. В статье применяется теоретический подход к анализу доктринальных разработок советского и современного периодов, что позволяет выявить и систематизировать основные категории условий договоров и обсудить их правовые аспекты. Основным результатом работы является разработка и предложение модели классификации условий договоров, которая учитывает не только юридическую природу условий, но и их практическое значение для сторон сделки. Автор статьи обосновывает необходимость внесения изменений в Гражданский кодекс РФ, направленных на уточнение статуса и значимости различных категорий условий в договорах.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; классификация условий; юридическая наука; правопорядок; теоретический анализ; правоприменительная практика.

В современной юридической практике и теории, значительное внимание уделяется анализу и классификации условий гражданско-правовых договоров. Эти условия играют критическую роль в формировании и исполнении договорных обязательств, а также в разрешении споров, связанных с их толкованием и применением. Особенно это актуально в контексте договоров транспортной экспедиции, где каждое условие может иметь значительные правовые и экономические последствия для сторон [15]. В этой связи, возникает потребность в четкой классификации и понимании природы этих условий, что является предметом нашего исследования.

В рамках аналитического доклада, подготовленного компанией BusinessStat в 2023 году, представлены данные, согласно которым в период с 2018 по 2022 год объем рынка транспортно-экспедиционных услуг в России увеличился на 40%, достигнув отметки в 4,79 триллиона рублей. Удельный вес экспедирования в общем объеме рыночных операций в этом секторе составил 6% [2].

Исследование освещает серьезные изменения в структуре рынка, вызванные пандемией COVID-19 в 2020 году. Пандемия существенно сократила объемы и общий грузооборот, что привело к перераспределению грузопотоков, снижению использования автомобильного и морского транспорта в пользу железнодорожного. В условиях снижения спроса на транспортные услуги, операторы и логистические компании старались сдерживать рост общих затрат на перевозки путем уменьшения экспедиторских наценок для поддержания объемов деятельности, что привело к уменьшению выручки от экспедирования грузов при общем увеличении стоимости коммерческих грузоперевозок. В результате, оборот транспортно-экспедиционного рынка в 2020 году вырос на скромные 2% – с 3,69 до 3,76 триллиона рублей, при этом доля экспедирования снизилась до 5,8% (рис. 1).

В 2021 году снятие карантинных ограничений способствовало возрождению рынка транспортно-экспедиционных услуг внутри страны и на международном уровне.

Однако в 2022 году рынок столкнулся с новыми вызовами в виде санкционных ограничений со стороны западных стран. Санкции значительно сократили объемы международных авиа- и автомобильных грузоперевозок и вызвали смещение вектора внешней торговли России с Запада на Юг и Восток, что потребовало от транспортно-экспедиционных компаний усложнения логисти-

ческих цепочек и разработки новых маршрутов. Увеличение тарифов на перевозки и рост экспедиторских наценок способствовали повышению оборота отрасли в этот период. В 2022 году доля экспедиторских услуг в стоимости транспортно-экспедиторских операций возросла до 6,2%.

Рис. 1. Оборот рынка транспортно-экспедиторских услуг в России 2018–2022 гг.

Термины, прописанные в любом договоре, заключенному в соответствии с гражданским законодательством, на практике играют двойную роль для участников соглашения: с одной стороны, наличие и достаточность этих условий подтверждают факт заключения договора и возникновение соответствующих правоотношений; с другой стороны, эти же условия точно устанавливают, какие права и обязанности возникают у сторон в рамках этого обязательственного правоотношения.

Гипотеза исследования предполагает, что дифференцированный подход к классификации условий гражданско-правовых договоров, особенно в контексте транспортной экспедиции, позволит более эффективно решать вопросы, связанные с их правовой природой и практическим применением. Это, в свою очередь, может способствовать повышению юридической уверенности и снижению количества споров.

Целью данного исследования является разработка и проверка модели классификации условий гражданско-правовых договоров, которая будет адаптирована к специфике договоров транспортной экспедиции. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить и систематизировать теоретические подходы к классификации условий гражданско-правовых договоров в отечественной и зарубежной юридической литературе.
2. Проанализировать судебную практику и законодательство, касающееся договоров транспортной экспедиции, для выявления проблем и особенностей применения различных категорий условий.
3. Разработать предложения по усовершенствованию правового регулирования условий гражданско-правовых договоров, учитывая специфику транспортной экспедиции.

В рамках изучения условий содержания гражданско-правовых договоров в научной литературе можно выделить два основных подхода к их

систематизации и классификации. Анализируя существующие теоретические подходы, отмечается формирование различных групп условий договора. Некоторые исследователи предлагают разделение на три категории: существенные условия, которые являются необходимыми для формирования договорной связи и без которых договор не может считаться заключенным; обычные условия, которые устанавливаются по взаимному согласию сторон или по требованию одной из сторон; и случайные условия, которые включаются в договор без предварительного согласования сторон, и инициатором которых не может быть однозначно идентифицирована ни одна из сторон.

М.А. Тарасов выделяет основу, которая объединяет все договоры транспортной экспедиции, идентифицируя их через деятельность экспедиторов, заключающуюся в выполнении юридических и технических операций, необходимых для транспортировки людей и грузов [14]. С.Ю. Морозов подчеркивает, что юридическую сущность договора транспортной экспедиции определяет её тесная связь с процессом перевозки [9]. В.Т. Смирнов рассматривает договор транспортной экспедиции через призму его основной цели, которая заключается в предоставлении комплекса транспортных услуг, связанных с отправлением и получением грузов [1]. В.А. Вайпан указывает на то, что независимость договора транспортной экспедиции определяется его целью, состоящей в возложении на экспедитора задач по управлению или организации транспортных услуг [5]. С.Ю. Морозов утверждает, что такая целевая ориентация позволяет чётко отделить договор транспортной экспедиции от других типов договоров, направленных на представление чужих интересов, таких как поручение, комиссия или агентский договор [10]. Таким образом, специфика целей и действий сторон подтверждает статус договора транспортной экспедиции как самостоятельного гражданско-правового договора.

Полагаем, что изложенные мнения В.А. Вайпана, С.Ю. Морозова, В.Т. Смирнова, М.А. Тарасова и Х.И. Шварца требуют дополнительных уточнений. Мы считаем, что при обсуждении договора более точным будет использование термина «направленность», вместо «цель», так как цели могут присущи только субъектам, обладающим способностью к мышлению. Подчеркивается, что в договоре определяются правовые цели сторон, а не самого договора, который не способен на мыслительные процессы [12]. Напомним слова А.И. Хаснудинова, указывающие, что договор транспортной экспедиции направлен на избавление клиента от задач, не связанных с его основной деятельностью [14]. Часто пренебрегают важностью аспекта направленности, хотя он имеет значительное значение, так как не все транспортные услуги можно четко классифицировать как экспедиционные. Услуги, которые не избавляют клиента от долгов, определенных договорами перевозки или предъявления груза к перевозке, не входят в состав экспедиционного договора. Поэтому нельзя прини-

мать точку зрения Э. Левина о том, что наличие связи между услугой и перевозкой груза является решающим фактором для определения договора транспортной экспедиции [5]. Кроме того, согласно В.В. Витрянскому, не все договоры, направленные на гарантирование транспортировки грузов, можно отнести к категории договоров транспортной экспедиции [3]. С.Ю. Морозов верно, указывает, что обеспечение перевозки может происходить не только в интересах грузоотправителя, но и перевозчика [7].

Профессор И.Б. Новицкий, опираясь на положения Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, проводил классификацию элементов договора на три категории. Первая категория включает в себя существенные элементы, идентификация которых необходима для признания договора заключенным. Отсутствие соглашения по этим пунктам ведет к недействительности договора. Вторая категория – это обычные элементы, часто встречающиеся в определенных типах договоров и регулируемые диспозитивными нормами. Стороны могут изменять содержание этих пунктов в договоре по своему усмотрению. Третья категория состоит из случайных элементов, которые включаются в договор только по желанию сторон и не являются ни существенными, ни обычными.

Тем не менее, определение существенных условий для каждого конкретного договора должно определяться волей сторон, что делает неприемлемым традиционное в теоретической литературе и учебных пособиях разграничение условий на существенные, обычные и случайные.

Данное исследование носит теоретический характер и осуществляется на основе анализа нормативно-правовых актов, доктринальных материалов, а также научных публикаций в области гражданского права. Основными материалами для исследования послужили Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], а также научные труды отечественных и зарубежных юристов, которые занимались вопросами классификации условий гражданско-правовых договоров.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий исторический, сравнительно-правовой и системный методы анализа. Исторический метод позволил проследить эволюцию подходов к классификации условий договоров, начиная от Гражданского кодекса РСФСР 1922 года [2]. Сравнительно-правовой анализ использовался для изучения и сопоставления теоретических подходов к классификации условий договоров в различных правовых системах. Системный метод способствовал выявлению взаимосвязей и взаимозависимостей между различными категориями условий договоров и их ролью в правовой системе.

Для достижения целей исследования были выделены и детально рассмотрены ключевые категории условий гражданско-правовых договоров, определение которых представляется необходимым для понимания их юридической природы

и практического значения. Анализ существующих классификаций позволил выявить их достоинства и недостатки, а также сформулировать предложения по совершенствованию нормативной базы в этой области.

Обзор отечественной и зарубежной литературы показал, что а доктринальных разработках, как советского, так и современного периода, не представлено конкретных правовых аргументов, которые бы обосновывали данную классификацию условий, что оставляет пространство для дальнейшего теоретического анализа и обсуждения в юридической науке.

В контексте анализа условий гражданско-правового договора, мы склоняемся к поддержке второй теоретической концепции, основанной на строгом и целевом интерпретировании пункта 1 статьи 432 ГК РФ. Первоначальная концепция, предлагающая разделение условий договора на три категории, имеет ряд значительных недостатков.

Прежде всего, отсутствие юридической базы для такой классификации свидетельствует о её исключительно теоретическом и схоластическом характере. Вторым недостатком заключается в том, что признание такой трехчленной классификации как на законодательном уровне, так и в контексте судебной практики через иное толкование пункта 1 статьи 432 ГК РФ может подвергнуть риск аннулирования юридической силы многих гражданско-правовых норм, что в свою очередь, подрывает правопорядок и стабильность гражданских правоотношений.

Примеры, демонстрирующие потенциальные проблемы:

- При рассмотрении споров о добросовестности сделки, особое значение имеет установление факта, кто инициировал включение спорного условия в договор, поскольку это может влиять на возможность оспаривания сделки в соответствии с абзацем 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ. Распознавание наличия случайных условий может снизить значимость данной нормы.
- В случаях, когда договор заключается на основании судебного решения о разрешении преддоговорных споров (статьи 445, 446 ГК РФ), важно корректно соотнести условия, зафиксированные в судебном акте, и условия, согласованные сторонами, что поднимает вопросы о характере этих условий (являются ли они существенными или случайными).
- Судебный контроль за условиями договоров, особенно публичных и договоров присоединения, а также особые условия о ничтожности потребительских договоров, может быть осложнён при применении классификации условий на существенные, обычные и случайные. Это может привести к злоупотреблению со стороны субъектов с доминирующими договорными полномочиями и усугублению нестабильности судебной практики. Например, условия, навязанные потребителю, могли бы быть классифи-

цированы как случайные, что создаёт проблемы при их последующем оспаривании, несмотря на изначальное согласие потребителя (статья 310 ГК РФ).

Применение трехчленной классификации условий договора к договору транспортной экспедиции, осуществляемому предпринимателем, представляется некорректным. Транспортная экспедиция относится к категории договоров гражданского права с открытыми условиями, что обусловлено её специфическим характером. В процессе экспедирования груза возможны изменения, такие как возникновение необходимости в дополнительных расходах или корректировке первоначально запланированного маршрута по требованию клиента.

Акцепт случайных и обычных условий в контексте такого договора требует анализа и сопоставления с открытыми условиями договора. Этот вопрос должен быть рассмотрен на трех уровнях: теоретическом (в рамках доктрины гражданского права), законодательном и в аспекте судебной практики. Такой подход позволит обеспечить адекватное правовое регулирование отношений, возникающих в результате выполнения условий договора транспортной экспедиции.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 01.06.2024).
2. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР»). Документ утратил силу [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 01.06.2024).
3. Анализ рынка экспедирования грузов в России в 2019–2023 гг., прогноз на 2024–2028 гг. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://businessstat.ru/catalog/id2053/> (Дата обращения: 02.06.2024).
4. Безгубова, Т.П. К вопросу о сроке как существенном условии договора поставки // Форум молодых ученых. – 2017. – № 6 (10). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sroke-kak-suschestvennom-uslovii-dogovora-postavki> (дата обращения: 01.06.2024).
5. Вайпан, В.А. Правовая природа договора транспортной экспедиции и проблемы его правоприменения / В.А. Вайпан // Право и экономика. – 2015. – № 6. – С. 36.
6. Голубчик, А.М. Правовые основы транспортно=экспедиторского бизнеса в России / А.М. Голубчик // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2011. – № 2 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

pravovye-osnovy-transportno-ekspeditorskogo-biznesa-v-rossii (дата обращения: 01.06.2024).

7. Левин, Э. О некоторых проблемах квалификации договора транспортной экспедиции в национальных правовых системах / Э. Левин // Хозяйство и право. – 2005. – С. 38.
8. Максименко, О.А. Классификация транспортно-экспедиционных затрат / О.А. Максименко // Вестник университета. – 2021. – № 8. – С. 122–126.
9. Минеев, О.А. Проблемы реализации принципа надлежащего исполнения обязательств в современном гражданском обороте / О.А. Минеев // Legal Concept. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-nadlezhaschego-ispolneniya-obyazatelstv-v-sovremennom-grazhdanskom-oborote> (дата обращения: 01.06.2024).
10. Морозов, С.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О транспортно-экспедиционной деятельности» / С.Ю. Морозов. – М.: Юрист, 2004. – С. 9.
11. Смирнов, В.Т. Транспортно-экспедиционное обслуживание граждан / В.Т. Смирнов // Гражданское право и сфера обслуживания. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1984. – С. 111–112.
12. Соловых, А.В. Теоретические и практические проблемы определения существенных условий договора транспортной экспедиции / А.В. Соловых // ТДР. – 2006. – № 12-III. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-opredeleniya-suschestvennyh-usloviy-dogovora-transportnoy-ekspeditsii> (дата обращения: 01.06.2024).
13. Страхова, В.А. Договор транспортной экспедиции: проблема определения предмета / В.А. Страхова // Вестник магистратуры. – 2018. – № 5–2 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-transportnoy-ekspeditsii-problema-opredeleniya-predmeta> (дата обращения: 01.06.2024).
14. Тарасов, М.А. Договор экспедиции в связи с экономической реформой / М.А. Тарасов. – С. 120.
15. Филиппова, С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2011. – С. 92.

PROBLEMS AND SOLUTIONS IN FORMULATING ESSENTIAL CONDITIONS IN A FREIGHT FORWARDING CONTRACT: THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH

Lonchakova Yu.A.
Vladimir State University

In modern legal practice and theory, questions arise regarding the classification and systematization of conditions of civil law contracts, which necessitates the relevance of studying this issue. The aim of the article is to analyze and systematize the conditions of a contract, including essential, customary, and incidental ones, and evaluate their impact on the validity and performance of contractual obligations. The article applies a theoretical approach to the analysis of doctrinal developments of the Soviet and modern periods, which allows to identify and systematize the main categories of contract conditions and discuss their legal aspects.

The main result of the work is the development and proposal of a model for the classification of contract conditions, which takes into account not only the legal nature of the conditions, but also their practical importance for the parties to the transaction. The author of the article argues for the need to make changes to the Civil Code of the Russian Federation aimed at clarifying the status and significance of various categories of conditions in contracts.

The theoretical significance of the work lies in deepening the understanding of the structure of contractual obligations and specifying the role of contract conditions in the legal system of Russia. The practical significance of the research is manifested in the possibility of using the proposed classification to enhance the effectiveness of legal enforcement and protection of the rights of participants in contractual relationships, which in turn contributes to strengthening contractual discipline and legal certainty.

Keywords: civil law contract; classification of conditions; legal science; legal order; theoretical analysis; legal practice.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.07.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 12.09.2023) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Accessed: 01.06.2024).
2. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 11.11.1922 (as amended on 01.02.1949) "On the introduction of the Civil Code of the RSFSR" (together with the "Civil Code of the RSFSR"). The document has lost its force [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (Accessed: 01.06.2024).
3. Analysis of the freight forwarding market in Russia in 2019–2023, forecast for 2024–2028. [Electronic resource] // Access: <https://businessstat.ru/catalog/id2053/> (Accessed: 02.06.2024).
4. Bezgubova, T.P. On the issue of the term as an essential condition of the supply contract // Forum of young scientists. – 2017. – No. 6 (10). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sroke-kak-suschestvennom-uslovii-dogovora-postavki> (Accessed: 01.06.2024).
5. Vaypan, V.A. Legal nature of the contract of freight forwarding and problems of its enforcement / V.A. Vaypan // Law and Economics. – 2015. – No. 6. – P. 36.
6. Golubchik, A.M. Legal basis of the transport = forwarding business in Russia / A.M. Golubchik // Transport of the Russian Federation. Journal of science, practice, economics. – 2011. – No. 2 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-transportno-ekspeditorskogo-biznesa-v-rossii> (date of access: 01.06.2024).
7. Levin, E. On some problems of qualification of the contract of freight forwarding in national legal systems / E. Levin // Business and Law. – 2005. – P. 38.
8. Maksimenko, O.A. Classification of transport and forwarding costs / O.A. Maksimenko // Bulletin of the University. – 2021. – No. 8. – P. 122–126.
9. Mineev, O.A. Problems of implementing the principle of proper fulfillment of obligations in modern civil circulation / O.A. Mineev // Legal Concept. – 2013. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-printsipa-nadlezhaschego-ispolneniya-obyazatelstv-v-sovremennom-grazhdanskom-oborote> (date of access: 01.06.2024).
10. Morozov, S. Yu. Commentary on the Federal Law "On Transport and Forwarding Activities" / S. Yu. Morozov. – M.: Jurist, 2004. – P. 9.
11. Smirnov, V.T. Transport and forwarding services for citizens / V.T. Smirnov // Civil law and services. Interuniversity collection of scientific papers. – Sverdlovsk, 1984. – P. 111–112.
12. Solovykh, A.V. Theoretical and practical problems of determining the essential terms of a transport forwarding agreement / A.V. Solovykh // TDR. – 2006. – No. 12-III. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-opredeleniya-suschestvennykh-usloviy-dogovora-transportnoy-ekspeditsii> (date of access: 01.06.2024).
13. Strakhova, V.A. Contract of transport expedition: the problem of defining the subject / V.A. Strakhova // Bulletin of the Magistracy. – 2018. – No. 5–2 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-transportnoy-ekspeditsii-problema-opredeleniya-predmeta> (date of access: 01.06.2024).
14. Tarasov, M.A. Contract of expedition in connection with the economic reform / M.A. Tarasov. – P. 120.
15. Filippova, S. Yu. Private legal means of organizing and achieving legal goals / S. Yu. Filippova. – M.: Statut, 2011. – P. 92.

Информационная грамотность как средство обеспечения информационной безопасности

Манжетов Артур Андреевич,

аспирант, ОЧУВО «Московский инновационный университет»

Обеспечение информационной безопасности играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности страны. В статье рассматриваются вопросы информационной грамотности населения, выступающей одним из первоочередных условий информационной безопасности в современном мире. Обращено внимание на необходимость совершенствования образовательного процесса для формирования достаточного уровня цифровой грамотности молодежи и пожилых людей. Автором обоснована необходимость подготовки высокопрофессиональных профильных специалистов по защите информации для восполнения дефицита в таких специалистах на рынке труда.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная грамотность, кибербезопасность, цифровизация, информационные технологии.

Российский законодатель, понимая важность борьбы с недостоверной информацией и её возможными последствиями, предусмотрел различные виды юридической ответственности за такого рода правонарушения. Так, административная ответственность за распространение в средствах массовой информации и на сайтах сети Интернет заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом правдивых фактов наступает в соответствии с ч. 9 ст. 13.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ[1].

В современных реалиях манипулятивные коммуникативные технологии ориентированы в основном на большие группы людей и даже целые нации. При воздействии на объекты коммуникации учитываются социальные стереотипы, гендерная принадлежность, возрастные характеристики, массовые представления людей о тех или иных явлениях, предметах и пр. Манипуляторы умело пользуясь невежеством и слабостью отдельных людей, подверженных ложной пропаганде, посредством дезинформации, фейков, искаженных новостей стремятся воздействовать на их сознание с целью подмены истинных ценностей на фальшивые, разрушения личности, разжигания социальных противоречий различных масштабов и вражды в обществе.

С 2020 года стало возможным привлечение виновного в распространении заведомо ложной информации лица к уголовной ответственности. В 2020 году глава 24 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (Преступления против общественной безопасности) была дополнена новыми статьями: 207.1 и 207.2., а в 2022 году ст. 207.3, предусматривающими различные виды уголовных наказаний в зависимости от последствий и объекта посяательства за распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений.

Как видим, национальное законодательство предусматривает меры борьбы с распространителями дезинформации, что позволяет последовательно решать проблему устранения внутренних угроз информационной безопасности.

Тем не менее, превентивные меры не менее важны, так как повышают осведомлённость потенциальных жертв о современных угрозах в информационном пространстве и гарантируют их устойчивость к попыткам воздействия на их сознание посредством сообщений, звонков, подозрительных электронных писем и пр.

Сегодня самым популярным источником информации является интернет. На данной комму-

никационной площадке размещаются новостные, аналитические, официальные сайты, блоги, личные веб-сайты, социальные сети и т.д., доступ к которым имеет самая многочисленная аудитория. Пользователей интернета привлекают оперативная возможность получить необходимую на текущий момент информацию, возможность общения с неограниченным кругом лиц, возможность участия в дискуссиях на интересующую тематику, анонимность участия и пр. При этом, стоит заметить, что интернет-пользователям предлагается информация самых разных типов: от качественной, достоверной и конструктивной, имеющей целью расширение круга общения и возможностей самореализации, до некачественной, негативной, иногда носящей противоправный характер, которая не только не несет в себе позитивный потенциал, но оказывает негативное влияние на ее потребителя, а зачастую требует вмешательства правоохранительных органов и привлечения распространителей такой информации к юридической ответственности.

В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», одним из основных принципов правового регулирования в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является достоверность информации. Для его реализации необходимы специалисты, специализирующиеся на выявлении незаконного контента, его блокировки, а в необходимых случаях привлечения распространителей заведомо ложной, вредоносной информации к административной или уголовной ответственности.

Борьба с размещением в сети Интернет незаконного контента в России осуществляется посредством законодательного регулирования и организационного обеспечения. На законодательном уровне в пункте 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее Федеральный закон № 149-ФЗ) приведен исчерпывающий перечень запрещенной к распространению в РФ информации, а также создана информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет» для обнаружения запрещенной информации и ограничения к ним доступа (далее – Единый реестр). В том случае, если информация, размещенная на страницах сайта в сети Интернет, не попадает под действие ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ, то указатель страницы сайта может быть включен в Единый реестр исключительно по решению суда о признании информации запрещенной на территории РФ по исковому заявлению органов прокуратуры РФ в соответствии с п. 4 ст. 27 и п. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202–1-ФЗ.

Организационное обеспечение борьбы с запрещенной информацией включает целенаправленную деятельность органов и организаций, осуществ-

ляющих функции по выявлению некачественного, незаконного контента. На федеральном уровне это – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД РФ, управления и отделы в органах прокуратуры, осуществляющие надзор за соблюдением законодательства в сфере информационных технологий и др.

Владельцы онлайн-платформ должны иметь собственных специалистов, осуществляющих контроль за качеством размещаемой информации. На основании п. 16 ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ владельцем сайта признается администратор домена, который имеет пароль для доступа к информации в сети Интернет, определяет порядок использования сайта и размещения информации. Министерством труда и социальной защиты РФ 19 июля 2022 г. был принят приказ № 420н которым был утвержден профессиональный стандарт «Специалист по информационным ресурсам» [3]. В число трудовых функций специалиста по информационным ресурсам входит техническая обработка и размещение информресурсов на сайте; создание и редактирование таких ресурсов на основе знания общих принципов разграничения прав доступа к информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечение информационной безопасности.

Борьбой с незаконным контентом занимаются также различные общественные организации, такие как «Лига безопасного интернета», РОЦИТ, Фонд «Дружественный Рунет» и др. Наиболее авторитетной в России считается Лига безопасного интернета, учрежденная в 2011 году при поддержке МВД России, Минкомсвязи и Государственной Думы РФ. Это крупнейшая организация, созданная для противодействия распространению опасного контента во всемирной сети, деятельность которой охватывает несколько направлений:

- противодействие фейкам и недостоверной информации;
- осуществление борьбы с распространением противоправного контента;
- просветительская работа по вопросам безопасности в интернете.

Тем не менее, следует признать, что на текущий момент необходимое число специалистов в области кибербезопасности в России отсутствует. На фоне роста киберугроз, острая нехватка квалифицированных кадров является серьезным препятствием обеспечения информационной безопасности. Особенно остро дефицит специалистов по информационной безопасности ощущается в условиях актуализации проблем обеспечения технологического суверенитета и национальной безопасности.

В этих условиях остро стоит вопрос восполнения на рынке труда дефицита высокопрофессиональных профильных специалистов по защите ин-

формации. Рейтинг квалифицированных специалистов по инфозащите неуклонно растет. Современный спрос на рынке труда в таких специалистах объясняется, во-первых, интенсивным развитием информационных технологий, усложнением систем управления, накопления, хранения, использования и защиты информации; во-вторых, ростом количества атак на критическую инфраструктуру государства, особенно в условиях военного противостояния с Украиной и её западными кураторами.

В России в большинстве вузов страны создаются условия для приоритетной подготовки специалистов по информационной защите. Ориентируясь на потребности региона, вузами проводится синхронизация образовательного процесса и наряду с подготовкой кадров для региона, проводится профессиональная переподготовка и повышение квалификации по вышеуказанным специальностям. К сказанному можно добавить, что в настоящий момент разрабатывается план реформирования системы платного приема в высшие учебные заведения, начиная с 2026 года, предполагающий ограничение набора студентов на специальности, не соответствующие потребностям рынка труда. По мнению главы Минобрнауки РФ Валерия Фалькова, российские вузы должны готовить специалистов с учетом дефицита кадров. По его мнению, сейчас надо акцентировать внимание на IT-направлении, искусственном интеллекте и других инновационных технологиях[4].

Однако, несмотря на усилия, предпринимаемые государством, самый дефицитный сегмент на рынке труда продолжают составлять сотрудники подразделений по информационной защите. Понятно, что нехватка специалистов по информационной безопасности не будет вечной. Усилия государства по насыщению рынка специалистами данной направленности рано или поздно дадут свои плоды. Вместе с тем, текущая ситуация требует принятия мер по обеспечению защищенности информации, киберустойчивости IT-инфраструктуры.

Полагаем, что на данном этапе необходимо предпринять ряд мер, направленных на решение проблемы качественного и количественного насыщения рынка труда квалифицированными кадрами по информационной безопасности.

Во-первых, необходимо повысить качество профессионального образования специалистов в сфере информационной безопасности. Это касается как среднего профессионального образования, так и высших учебных заведений. Не секрет, что образовательная деятельность отвечает лишь в малой степени объективно возникающим потребностям в подготовке специалистов данного профиля. Восполнить пробелы в теоретических знаниях помогут практические навыки, полученные в процессе непосредственного общения обучающихся со специалистами по информационной безопасности. Для этого учебным заведениям следует на регулярной основе наладить активное взаимодействие с предприятиями, организациями, учреждениями в которых действует налаженная система инфор-

мационной безопасности. За счет сокращения аудиторных занятий следует увеличить количество практических мероприятий, на которых обучающиеся могут попробовать себя в роли специалистов по информационной безопасности. Контакт со специалистами информационной безопасности позволит им на практике ознакомиться с новейшими информационно-коммуникационными технологиями, проблемами, имеющимися в сфере ИБ, приобрести практические навыки распознавания признаков атаки и эффективного преодоления их негативного воздействия на информационные ресурсы и др. Овладение практическими навыками, предъявляемыми организациями при трудоустройстве выпускников учебных заведений обеспечит им старт в профессию и быструю адаптацию на рабочем месте.

Для привлечения талантливой молодежи Министерству науки и высшего образования следует не просто увеличить количество бюджетных мест на специальности по информационной безопасности, а вообще предусмотреть набор на дефицитные специальности исключительно на бюджетной основе.

В условиях стремительного развития и совершенствования современных информационно-коммуникационных технологий, а также постоянного роста и изменения специфики угроз информационной безопасности, специалистам по информационной безопасности необходимо поддерживать свою квалификацию на должном уровне. Для этого работодатель должен обеспечивать сотрудникам постоянное повышение уровня подготовки, оплачивать за счет предприятия их переподготовку, повышение квалификации. Причем, руководители компаний должны формулировать перед организаторами обучения конкретные задачи по включению в программы профессиональной переподготовки вопросы, нацеленные на обучение конкретным навыкам, актуальным именно для их компании.

Во-вторых, необходимо активнее пропагандировать престижность профессии сотрудника в сфере информационной безопасности, значимости и полезности его деятельности для блага России и общества. Ведь именно от их профессионализма зависит защита информации от несанкционированного овладения и недобросовестного использования, грозящего возрастанием риска потери стабильности и безопасности функционирования не только коммерческих и социальных структур гражданского общества, но и в целом государства.

Для того, чтобы эта пропаганда имела под собой основания, специалистам по безопасности необходимо создать все условия для развития, обеспечить социальную защищенность, создавать для них льготные условия. Государством принимаются определенные усилия в этом направлении: предусматривается финансовая поддержка для лиц и компаний, занимающихся разработкой программных и аппаратных средств защиты информации; IT-компании освобождаются от уплаты налога на прибыль и проверок контрольными органами

на три года; осуществляется грантовая поддержка; специалистам предоставляется отсрочка от службы в армии, при приобретении жилья предоставляется льготная ипотека и др. Однако, проблема нехватки кадров в сфере информационной безопасности останется. С учетом реального кадрового дефицита, считаем вышеперечисленные меры недостаточными. Льготная ипотека хороша тогда, когда заработная плата специалиста позволяет ежемесячно производить установленные банком выплаты. К сожалению, в 2024 году средняя зарплата специалистов по ИБ остаётся ниже среднего уровня по отрасли: 157 тыс. рублей по стране, 200 тыс. рублей в Москве, 170 тыс. рублей в Санкт-Петербурге и 103 тыс. рублей в регионах [5]. В условиях роста инфляции, такой уровень не может считаться достаточным, особенно в российских регионах.

Одним из путей решения рассматриваемой проблемы может стать увеличение бюджетов на информационную безопасность и, соответственно, увеличение оплаты труда ИБ-специалистов. Безусловно, уровень зарплат специалистов должен варьироваться в зависимости от опыта, ответственности и требований компании.

Особое внимание государством должно уделяться формированию информационной грамотности молодежи и граждан старшего поколения, предусмотренного актами стратегического планирования, к которым относятся Концепция информационной безопасности детей 2023 г. и Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года.

Считаем, что формирование информационной грамотности молодежи необходимо начинать со школьного образования в начальных классах, не ограничиваясь уроками по информатике, а включая в образовательный процесс урок по информационной безопасности. Это соответствует требованиям Концепции информационной безопасности детей 2023 г., определившей стратегическую цель государственной политики в области информационной безопасности детей – «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия».

В целях повышения информационной грамотности граждан старшего поколения активнее проводить пропаганду цифровой грамотности, адаптированную конкретно под пожилых людей. В образовательных организациях разработать специализированные программы по обучению пожилых людей. Образовательную деятельность по обучению информационной грамотности проводить не только силами профессорско-преподавательского состава, но и привлекать для этого студентов – участников юридических клиник, волонтерского движения. Для проведения данных занятий с участием граждан, находящихся на надомном социальном обслуживании, необходимо формирование пакета методических материалов для проведения занятий социальными работниками. Обучение долж-

но включать не только освоение информационной грамотности пожилыми людьми, но и разъяснение её позитивной роли в процессе пользования общественными благами (самостоятельное решение личных проблем на сайте «Госуслуги», участие в форумах для получения интересующей информации и пр.). Особое внимание следует уделять выработке у людей пожилого возраста эффективных способов реагирования на наиболее распространенные схемы действий мошенников, и манипуляторов.

Информационная грамотность позволит гражданам эффективно и безопасно использовать цифровые технологии, свободно ориентироваться в информационном пространстве, критически оценивать получаемую информацию из разных источников.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 3 февраля 2025 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; 2025. № 6. Ст. 405.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8525.
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 420н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по информационным ресурсам”» (документ не вступил в силу) // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
4. Изменения в системе высшего образования в России в 2026 году: отмена бакалавриата, что поменяется // «Ямал-Медиа». URL: <https://yamal-media.ru/narrative/s-glaz-doloj-vuzy-mogut-sokratit-kolichestvo-mest-po-nepopuljarnym-napravlenijam> (дата обращения: 20.02.2025).
5. Данные, опубликованные платформой «Хабр Карьера» по итогам второго полугодия 2024 года // Anti-Malware.ru, 18.02.2025. URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-18-121598/45307> (дата обращения: 20.02.2025).

INFORMATION LITERACY AS A MEANS OF ENSURING INFORMATION SECURITY

Manzhetov A.A.,
Moscow Innovation University

Information security plays a key role in ensuring the national security of the country. The article discusses the issues of information literacy of the population, which is one of the primary conditions for information security in the modern world. Attention is drawn to the need to improve the educational process in order to create a sufficient level of digital literacy for young people and the elderly. The author substantiates the need to train highly professional specialized infor-

mation security specialists to fill the shortage of such specialists in the labor market.

Keywords: information security, information literacy, cybersecurity, digitalization, information technology.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: [Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on February 3, 2025)] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part I). Art. 1; 2025. No. 6. Art. 405.

2. Criminal Code of the Russian Federation: [Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 28, 2024)] // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954; 2024. No. 53 (Part I). Art. 8525.

3. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 19, 2022 No. 420n "On approval of the professional standard "Information Resources Specialist" (the document has not entered into force) // Access from the reference and legal system "Garant".

4. Changes in the higher education system in Russia in 2026: abolition of the bachelor's degree, what will change // "Yamal-Media". URL: <https://yamal-media.ru/narrative/s-glaz-doloj-vuzy-mogut-sokratit-kolichestvo-mest-po-nepopuljarnym-napravlenijam> (date of access: 02/20/2025).

5. Data published by the Habr Career platform based on the results of the second half of 2024 // Anti-Malware.ru, 02/18/2025. URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-18-121598/45307> (date accessed: 02/20/2025).

Митин Юрий Дмитриевич,

соискатель, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, Уральский институт управления
E-mail: mitinyura@mail.ru

В статье рассматриваются особенности потребительского экстремизма. В условиях стремительного развития потребительского рынка, расширения цифровых платформ и ужесточения конкуренции происходит злоупотребление правами потребителей. В настоящее время недобросовестное поведение отдельных потребителей наносит ущерб бизнесу и институту защиты прав потребителей. Для стабильной работы данного института требуются законодательное реагирование и разработка эффективных механизмов профилактики и защиты от потребительского экстремизма. Внедрение таких механизмов защиты имеет значение для обеспечения справедливости на рынке и поддержания доверия между потребителями и производителями. Исследование вносит вклад в развитие научных представлений о границах добросовестного поведения потребителей, расширяет правовое понимание феномена потребительского экстремизма и может служить основой для дальнейших разработок в правовой области. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной деятельности судов, контрольно-надзорных органов, в разработке внутренних регламентов компаний, направленных на предотвращение недобросовестных потребительских действий. Предложенные меры по борьбе с потребительским экстремизмом направлены на создание сбалансированных и справедливых условий взаимодействия между потребителями и предпринимателями. Внедрение цифровых технологий и прозрачных систем учета позволит повысить контроль за качеством предоставляемых товаров и услуг.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, защита прав потребителей, злоупотребление правами, законодательство, правовые акты.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования для анализа были использованы научные публикации, которые освещают правовые особенности потребительского экстремизма, а также исследования, касающиеся злоупотреблений правами потребителей. Были рассмотрены Закон РФ «О защите прав потребителей» и нормативно-правовые акты, регулирующие коммерческую деятельность и ответственность за потребительский шантаж. Судебная практика позволила выявить пробелы в законодательстве и уточнить трактование судами случаев злоупотребления правами потребителей.

Для исследования использовались системный, функциональный и структурный методы. Системный метод позволил рассматривать проблему с учетом взаимодействия правовых, экономических и социальных факторов. Функциональный метод выявил проблемы при защите прав потребителей в условиях потребительского экстремизма. Структурный анализ позволил оценить эффективность работы правоохранительных органов и их способность оперативно реагировать на нарушения.

Введение

Проблема потребительского экстремизма является актуальной в условиях современного рынка, где потребители могут защищать свои права и обращаться в судебные и надзорные органы. В последние годы наблюдается тенденция к росту случаев злоупотреблений правами со стороны потребителей. Потребительский экстремизм проявляется в формах шантажа, ложных обвинений или других недобросовестных действий, наносит ущерб репутации компаний. Нормы по защите прав потребителей не всегда учитывают все формы потребительского экстремизма и это требует анализа и разработки механизмов по противодействию таким проявлениям.

Целью исследования является определение сущности, форм проявления и последствий потребительского экстремизма. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на раскрытие понятия и природы потребительского экстремизма с правовой стороны, выявление проблем при регулировании экстремизма и предложение путей их решения.

Ахметова А.Т. в своей статье анализирует юридические аспекты потребительского экстремизма в частном праве, подчеркивая его влияние на правовые отношения в России. Бельдина О.Г. и Булака С.Н. рассматривают постепенные изменения

потребительского экстремизма в правовой практике. Вечканова А.С. исследует правовые средства предотвращения экстремизма в сфере платных услуг и предлагают меры защиты для потребителей и продавцов.

Вылегжанина Е.Д. и Насибуллина Л.Р. считают потребительский экстремизм угрозой для развития предпринимательства, а Гуськова Д.И. и Камышанский Д.Ю. рассматривают защиту прав продавцов от такого экстремизма и предлагают практические рекомендации для преодоления возникающих проблем. Дмитриева Н.В. анализирует понятие потребительского экстремизма и его проявления в российской правовой системе и раскрывает основные признаки этого явления.

Парц Е.С. в своей статье исследует соотношение понятий «злоупотребление правом» и «потребительский экстремизм». Поснов И.В. и Тембохов Р.А. затрагивают тему злоупотребления правами потребителей и особенности правовой защиты продавцов и бизнесменов. Сухотская А.А. предлагает правовой анализ потребительского экстремизма, рассматривая существующие механизмы защиты для их улучшения. Часовских А.М. поднимает вопрос о необходимости ограничения прав потребителей при борьбе с экстремизмом.

Потребительский экстремизм является злоупотреблением правами потребителей, которое выходит за пределы добросовестного использования этих прав и может привести к нарушениям общественного порядка и экономической стабильности. Традиционно экстремизм часто включает насильственные действия или радикальные идеи, но потребительский экстремизм характеризуется манипуляциями правовыми нормами с целью получения нечестной выгоды. Такое поведение нарушает баланс на рынке, приводит к ущербу для предпринимателей и подрывает доверие к системе защиты прав потребителей.

Основным признаком потребительского экстремизма является использование прав потребителей в целях, противоречащих их изначальной функции защиты законных интересов [4, с. 98]. Законодательство РФ в области защиты прав потребителей направлено на установление справедливости в отношениях между потребителем и производителем, продавцом или исполнителем услуги. Однако, когда потребители начинают злоупотреблять этими правами с целью получения выгоды, не имеющей оснований, или создания давления на предпринимателя, это превращается в экстремизм.

Для объяснения этого явления полезно обратиться к основным правовым нормам, регулирующим защиту прав потребителей в России. В соответствии со статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации потребитель вправе защищать свои интересы, если товар или услуга не соответствуют условиям договора или законодательным нормам. Однако закон запрещает злоупотребление правами, установив принцип добросовестности и разумности в применении этих прав. Если потребитель использует свои права для получения

необоснованной выгоды или давления на продавца, то это уже рассматривается как злоупотребление правом. Закон указывает на недопустимость поведения, которое нарушает нормальное функционирование рынка [5, с. 168].

Потребительского экстремизма является ложное заявление о дефектах товара с целью его возврата или компенсации за товар, который не является бракованным. Закон «О защите прав потребителей» от № 2300–1 от 07.02.1992 г. предоставляет потребителю право на возврат товара, если он не удовлетворяет условиям договора при добросовестном механизме защиты. Потребитель может предъявить требования на возврат товара, который не был использован и находится в надлежащем состоянии [2, с. 383].

Другим примером является подача жалоб в различные государственные органы и судебные инстанции с намерением получить компенсацию за услуги, которые были оказаны надлежащим образом. В таких случаях потребитель может претендовать на компенсацию, хотя услуга или товар были предоставлены в полном объеме и соответствовали договорным условиям [7, с. 49]. Такие манипуляции приводят к убыткам для предпринимателей, нарушают нормальное функционирование бизнеса и влияют на доверие к правовым институтам.

При ложном обвинении в распространении некачественного товара или услуги потребитель сознательно искажает факты для получения выгоды за счет необоснованных обвинений в отношении производителя или продавца. По принципу добросовестности действия по нарушению прав и интересов других участников рынка являются недопустимыми. Подобные действия наносят ущерб предпринимателям и подрывают общий механизм защиты прав потребителей [3, с. 199].

Потребительский экстремизм может проявляться, когда покупатель сознательно выбирает товар и затем подает жалобу на его качество или требует компенсацию [6, с. 89]. При использовании права на возврат товара он фактически наносит ущерб продавцу. Закон «О защите прав потребителей» предоставляет право на возврат товара, но исключительно в случае наличия реальных оснований для жалобы.

Экстремизм в потребительской сфере представляет угрозу для социальной стабильности и экономической безопасности [9, с. 71]. Такие явления способствуют разрушению доверительных отношений между покупателем и продавцом, создавая атмосферу неопределенности и недоверия. Постоянные жалобы и необоснованные требования со стороны потребителей могут привести к росту операционных расходов у предпринимателей и увеличению цен на товары и услуги. Законодательство призвано обеспечить защиту интересов покупателей, но оно должно содержать также защиту от злоупотреблений этими правами.

Согласно Решению Медведевского районного суда № 2–2–181/2019 2–2–181/2019–М-175/2019 М-175/2019 от 7 августа 2019 г. по делу № 2–2–

181/2019 действия истца Б. могут быть расценены как злоупотребление правами потребителя, так как не соответствовали гражданско-правовым принципам добросовестности, разумности и справедливости. Истец обнаружил недостатки (повреждения) на автомобиле, но не воспользовался предусмотренными законом правами. Он не потребовал уменьшения покупной цены, не отказался от исполнения договора и не воспользовался предложением ответчика по замене товара или возврату денежных средств. Он настоял на передаче именно этого автомобиля и был намерен извлечь выгоду путем использования прав потребителя.

Данная ситуация ставит перед судебной практикой проблемы действия потребителей для извлечения выгоды при защите своих прав. Данные действия могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. Потребитель действовал с целью извлечения прибыли в условиях, когда ему не было предоставлено реальных препятствий со стороны продавца по выбору альтернативных способов защиты своих интересов (возврат средств или замена товара). Истец продолжил настаивать на передаче поврежденного автомобиля и нарушил принципы гражданского права на добросовестность, разумность и справедливость. В результате потребителем был нанесен ущерб продавцу и нарушены нормальные рыночные отношения.

Существует проблема трактовки термина «потребительский экстремизм (терроризм)» [8, с. 46]. Данный термин пока не получил правового оформления и не стал широко используемым, что затрудняет его применение в делах по злоупотреблению правами потребителей. Судебные органы продолжают оперировать традиционными понятиями «злоупотребление правом», «добросовестность» и «разумность».

Для решений данных проблем необходимо определение в правовых нормах концепции «потребительского экстремизма», которая служит основой для правового анализа [1, с. 292]. Однако его юридическая природа скорее носит политический характер, что снижает его применимость в гражданском праве. Действия потребителя по извлечению выгоды за счет злоупотребления правами должны оцениваться по традиционным правовым принципам добросовестности, разумности и справедливости.

Необходимо предусмотреть создание механизмов, которые могли бы защитить продавцов от потребительского экстремизма. К ним относятся процедуры в договорах, инструкции по возврату товаров, использование технических средств для минимизации риска (фотофиксации повреждений) [10, с. 139]. Законодательное закрепление ответственности за такие действия и определение термина «потребительский экстремизм» в правовых нормах является основой борьбы с таким видом правонарушений.

Таким образом, потребительский экстремизм представляет собой серьезную проблему для функционирования рыночной экономики. Суще-

ствует потребность в дальнейшей разработке и уточнении правовых норм, которые помогут суду адекватно квалифицировать действия потребителей как злоупотребление правами, определении термина «потребительский экстремизм» в законодательстве.

Вывод

Потребительский экстремизм представляет собой злоупотребление правами потребителей, направленное на получение необоснованной выгоды или создание давления на продавцов. Законодательство России защищает права потребителей, но его избыточное использование нарушает рыночные процессы и экономическую стабильность. Действия потребителей по извлечению выгоды при отсутствии оснований квалифицируются как злоупотребление правами. Однако термин «потребительский экстремизм» пока не получил четкого правового оформления. Для решения проблем необходимо законодательное уточнение этого термина и разработка механизмов защиты продавцов от злоупотреблений правами потребителей.

Литература

1. Ахметова А.Т. Юридические аспекты потребительского экстремизма в частном праве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 291–293.
2. Бельдина О.Г., Бурлака С.Н. Потребительский экстремизм в современных реалиях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 382–383.
3. Вечканова А.С. Правовые средства предотвращения «потребительского экстремизма» при оказании платных услуг // Форум цивилистов. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2024. С. 196–201.
4. Вылегжанина Е.Д., Насибуллина Л.Р. Потребительский экстремизм как угроза для развития предпринимательской деятельности: проблемы и пути решения // Предпринимательское право: прикосновение к науке. Сборник научных работ. Саратов, 2023. С. 97–102.
5. Гуськова Д.И., Камышанский Д.Ю. О некоторых аспектах защиты прав продавцов от потребительского экстремизма // Грибоедовские чтения – 2023: современные вызовы юридической науки и практики. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2024. С. 165–173.
6. Дмитриева Н.В. Понятие, признаки и особенности проявления «потребительского экстремизма» в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2022. Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию

300-летия Российской академии наук. 2022. С. 88–91.

7. Парц Е.С. Соотношение терминов «злоупотребление правом» и «потребительский экстремизм» // Молодежный научный форум. Сборник статей по материалам ССХХIV студенческой международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 47–51.
8. Поснов И.В., Темботов Р.А. Злоупотребление потребителем правами на защиту (потребительский экстремизм) // Образование и право. 2022. № 9. С. 44–48.
9. Сухотская А.А. Потребительский экстремизм: правовой анализ // Закон. Право. Государство. 2023. № 2 (38). С. 70–71.
10. Часовских А.М. Потребительский экстремизм в России: необходимо ли ограничить права потребителей? // Государство и право. Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2023. С. 138–139.

CONSUMER EXTREMISM

Mitin Yu.D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management

This article examines the features of consumer extremism. In the context of the rapid development of the consumer market, the expansion of digital platforms and tougher competition, consumer rights are being abused. Currently, the unscrupulous behavior of individual consumers is detrimental to business and the institution of consumer protection. The stable operation of this institution requires a legislative response and the development of effective mechanisms for the prevention and protection against consumer extremism. The introduction of such protection mechanisms is important for ensuring fairness in the market and maintaining trust between consumers and producers. The research contributes to the development of scientific ideas about the boundaries of conscientious consumer behavior, expands the legal understanding of the phenomenon of consumer extremism and can serve as a basis for further developments in the legal field. The results of the study can be used in the law enforcement activities of courts, regulatory authorities, and in the development of internal regulations of companies aimed at preventing unfair consumer actions. The proposed measures to combat con-

sumer extremism are aimed at creating balanced and fair conditions for interaction between consumers and entrepreneurs. The introduction of digital technologies and transparent accounting systems will improve quality control over the goods and services provided.

Keywords: consumer extremism, consumer rights protection, abuse of rights, legislation, legal acts.

References

1. Akhmetova A.T. Legal aspects of consumer extremism in private law // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 6 (234). pp. 291–293.
2. Beldina O.G., Burlaka S.N. Consumer extremism in modern realities // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 11 (239). pp. 382–383.
3. Vechkanova A.S. Legal means of preventing “consumer extremism” in the provision of paid services // Forum of Civilists. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2024. pp. 196–201.
4. Vylegzhanina E.D., Nasibullina L.R. Consumer extremism as a threat to the development of entrepreneurial activity: problems and solutions // Business law: a touch of science. Collection of scientific papers. Saratov, 2023. pp. 97–102.
5. Guskova D.I., Kamyshansky D. Yu. On some aspects of protecting sellers’ rights from consumer extremism // Griboyedov Readings – 2023: modern challenges of legal science and practice. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow, 2024. pp. 165–173.
6. Dmitrieva N.V. The concept, signs and features of the manifestation of “consumer extremism” in the Russian Federation // Actual problems of science and practice: Gatchina Readings-2022. Collection of scientific papers based on the materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. 2022. pp. 88–91.
7. Partz E.S. Correlation of the terms “abuse of law” and “consumer extremism” // Youth Scientific Forum. Collection of articles based on the CCXXIV student International Scientific and practical conference. Moscow, 2023. pp. 47–51.
8. Posnov I.V., Tembotov R.A. Abuse of consumer rights to protection (consumer extremism) // Education and Law. 2022. No. 9. pp. 44–48.
9. Sukhotskaya A.A. Consumer extremism: a legal analysis // Law. Right. State. 2023. No. 2 (38). pp. 70–71.
10. Chassikh A.M. Consumer extremism in Russia: is it necessary to restrict consumer rights? // State and law. Proceedings of the 61st International Scientific Student Conference. Novosibirsk, 2023. pp. 138–139.

Коллизии норм территориальной подсудности в гражданском процессуальном праве: пути преодоления и роль Верховного Суда РФ

Наумова Виктория Евгеньевна,

аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: vika98vika@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме коллизий норм территориальной подсудности в гражданском процессуальном праве Российской Федерации. Автор анализируется сложная система распределения гражданских дел между судами, охватывающая общую, альтернативную, исключительную, договорную подсудность, а также подсудность по связи дел. В работе исследуются фундаментальные различия и функциональное назначение каждой из этих форм, призванных обеспечить баланс между принципами диспозитивности и императивности в судопроизводстве.

Основное внимание уделяется анализу противоречий, возникающих при взаимодействии различных видов подсудности в правоприменительной практике. На основе действующего законодательства и новейшей судебной практики подробно рассматриваются случаи, когда предмет иска одновременно подпадает под признаки нескольких форм подсудности. В статье рассматриваются типичные ошибки в квалификации споров и применении норм территориальной подсудности, которые встречаются в судебной практике и нередко приводят к процессуальным нарушениям и затягиванию рассмотрения дел. Отдельный блок исследования посвящён проблеме приоритета исключительной подсудности, включая её соотношение с подсудностью встречных исков.

В заключение статьи автор обосновывает возможные подходы к разрешению выявленных противоречий в применении норм территориальной подсудности. Обосновывается необходимость унификации подходов к разграничению всех форм территориальной подсудности и формированию единообразной судебной практики. Автор подчеркивает ключевую роль Верховного Суда Российской Федерации в этом процессе, предлагая в качестве решения дачу исчерпывающих разъяснений в рамках нового Постановления Пленума или Обзора судебной практики, что позволит обеспечить стабильность правоприменения и повысить эффективность судебной защиты.

Ключевые слова: территориальная подсудность, коллизии норм, гражданский процесс, исключительная подсудность, альтернативная подсудность, правила подсудности.

Подсудность как институт гражданского процессуального права представляет собой совокупность правил, регламентирующих распределение гражданских дел между судами в зависимости от уровня судебной инстанции и территориальной принадлежности. В соответствии с установленной доктриной классификацией различают родовую и территориальную подсудность [1, с. 154].

Родовая подсудность определяет, суд какого звена судебной системы должен рассматривать дело по существу в первой инстанции. Так, дела о расторжении брака между гражданами подведомственны районному суду, тогда как дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, не связанные с распространением сведений в средствах массовой информации, могут рассматриваться мировым судьёй.

Территориальная подсудность устанавливает, суд какого конкретного района или округа вправе рассматривать дело. Законодатель в статье 28 и последующих статьях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает систему видов территориальной подсудности, среди которых можно выделить несколько форм, различающихся по основанию определения суда, уполномоченного на рассмотрение дела.

Основной формой является подсудность по месту жительства ответчика, которая получила в научной литературе наименование общей, поскольку применяется в подавляющем большинстве случаев и служит основным критерием при определении компетентного суда в отсутствие специальных указаний закона. Общая подсудность обусловлена процессуальной необходимостью обеспечить равенство сторон при разрешении спора.

Вместе с тем действующее законодательство допускает отступление от общего правила, предоставляя истцу в ряде предусмотренных законом случаев возможность выбора между несколькими судами, каждый из которых обладает надлежащей территориальной компетенцией для рассмотрения соответствующего спора. Такая разновидность подсудности получила в научной доктрине наименование альтернативной и направлена на реализацию принципа диспозитивности, позволяющего истцу в определённых пределах влиять на процессуальные аспекты разбирательства.

Особое место в системе форм территориальной подсудности занимает исключительная подсудность, характеризующаяся тем, что рассмотрение определённых категорий гражданских дел допускается исключительно в строго установленном законом суде, определяемом по конкретному

территориальному признаку. В отличие от общей и альтернативной подсудности, в рамках исключительной подсудности ни стороны, ни суд не наделены правом выбора и не могут изменить установленное правило, поскольку такие дела подлежат рассмотрению только в том суде, который прямо указан в процессуальном законодательстве.

Исключительная подсудность призвана минимизировать риски произвольного выбора места разбирательства, устранить возможное злоупотребление правом на выбор подсудности и обеспечить рассмотрение дел в наиболее компетентных и территориально связанных с предметом спора судах. Примерами такой формы являются дела, связанные с правами на недвижимое имущество, исковые заявления к перевозчику, вытекающие из договоров перевозки, а также дела, вытекающие из деятельности филиалов или представительств юридического лица, если иск предъявляется к нему.

В числе форм территориальной подсудности гражданских дел следует выделить подсудность, основанную на связи нескольких дел между собой, называемую в доктрине подсудность по связи дел. Её цель состоит в обеспечении единообразного рассмотрения требований, тесно взаимосвязанных между собой. Например, иски о встречном требовании, о взыскании залога, об освобождении имущества от ареста, а также иски нескольких истцов или к нескольким ответчикам, по общему правилу, могут быть рассмотрены в суде, в производстве которого находится основное дело, или суде, компетентном для рассмотрения одного из требований, чтобы избежать параллельных производств и противоречивых решений.

Наряду с этим закон предусматривает возможность установления территориальной подсудности по соглашению сторон, так называемой договорной подсудности. В силу положений ст. 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации стороны гражданско-правового спора вправе определить территориальную принадлежность дела суду по своему усмотрению, заключив соответствующее соглашение. При этом допускается как изменение установленной законом подсудности, так и замена её на иную, при условии, что дело не отнесено к исключительной подсудности. Такое соглашение подлежит заключению в письменной форме, а его условия не должны нарушать императивных норм гражданского процессуального законодательства.

Таким образом, изложенные формы представляют собой разновидности территориальной подсудности, каждая из которых имеет самостоятельное юридическое значение и предназначена для учета различных аспектов гражданских правоотношений и процессуальных ситуаций [2, с. 95–96].

Исходя из правовой природы и сферы применения, формы территориальной подсудности образуют определённую иерархию. Общие и альтернативные правила подсудности, обеспечивающие гибкость и диспозитивность, являются основны-

ми и универсальными. Договорная подсудность, в свою очередь, носит субсидиарный характер, и может быть реализована лишь при наличии соглашения сторон, в связи с чем её применение ограничено. Однако над всеми этими диспозитивными началами возвышаются императивные правила исключительной подсудности, которые, будучи обязательными для суда и сторон, обладают приоритетом перед иными видами территориальной подсудности [3, с. 406].

Среди всех разновидностей территориальной подсудности альтернативная и исключительная формы представляют наибольший интерес как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, поскольку демонстрируют противоположные подходы к реализации процессуальной свободы сторон при определении компетентного суда. Их соотношение по степени допустимости усмотрения участников процесса в выборе территориальной юрисдикции позволяет выявить пределы диспозитивности в гражданском судопроизводстве и определить направления дальнейшего совершенствования процессуальных норм.

Именно при взаимодействии этих двух видов подсудности, альтернативной и исключительной, в правоприменительной практике и юридической доктрине регулярно возникают неоднозначные и спорные ситуации. Особую сложность представляют случаи, когда предмет иска затрагивает несколько оснований, каждое из которых подпадает под признаки различных видов территориальной подсудности, например, одновременно и альтернативной, и исключительной. Это создает коллизию норм, поскольку одни положения предоставляют истцу право выбора, а другие императивно закрепляют конкретную юрисдикцию.

Подобная коллизия порождает ряд вопросов, требующих теоретического и практического осмысления, а также уточнения границ применения каждой из форм с учётом положений законодательства. Прежде всего, это проблема определения приоритета одной формы подсудности над другой, а именно какая из них должна быть применена в случае прямого или косвенного противоречия. В современной юридической доктрине и правоприменительной практике превалирует позиция, согласно которой правила исключительной подсудности обладают приоритетом перед иными формами территориальной подсудности, включая альтернативную.

Исходя из анализа действующего гражданского процессуального законодательства, можно сделать вывод, что в большинстве случаев законодатель прямо или косвенно устанавливает приоритет норм об исключительной подсудности. Это обусловлено императивным характером правил ст. 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые направлены на защиту особо значимых интересов и обеспечение стабильности гражданского оборота, а также спецификой рассматриваемых категорий дел, прежде всего

в имущественных спорах, связанных с недвижимостью.

Прямое указание на такой приоритет содержится, в частности, в ч. 7 ст. 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Данная норма, регулирующая альтернативную подсудность по искам о защите прав потребителей, содержит оговорку: «Иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены также в суд по месту жительства или месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 30 настоящего Кодекса». Упомянутая часть четвертая статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации как раз устанавливает исключительную подсудность для исков кредиторов наследодателя, предъявляемых до принятия наследства наследниками.

Таким образом, сам законодатель, предоставляя истцу право выбора суда по общему правилу альтернативной подсудности, одновременно прямо ограничивает это право в тех случаях, когда дело подпадает под действие правил исключительной подсудности.

Практическое подтверждение указанного приоритета находит отражение в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Так, в Обзоре практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости прямо указано, что «Иски о правах на объекты долевого строительства, включая объекты незавершенного строительства, предъявляются в соответствии со статьей 30 ГПК РФ по месту нахождения объекта долевого строительства» [4].

Данный подход проиллюстрирован конкретным примером из практики. В деле по иску С. о государственной регистрации договора об инвестиционной деятельности (признанного договором участия в долевом строительстве), Центральный районный суд г. Калининграда отказал в передаче дела по исключительной подсудности. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Калининградского областного суда отменила это определение, передав дело по подсудности в суд по месту нахождения многоквартирного дома. Апелляционная инстанция четко указала, что требования, сводящиеся к вынесению судом решения о государственной регистрации сделки с недвижимостью, подпадают под положения части 1 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Вывод суда первой инстанции о применении специальных норм об альтернативной подсудности (ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ч. 7 ст. 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) был признан необоснованным и не соответствующим характеру спорных правоотношений [5, с. 159–160]. Таким образом, данный прецедент однозначно демонстрирует, что в случае коллизии альтернативной под-

судности, связанной с защитой прав потребителей, и исключительной подсудности, касающейся прав на недвижимое имущество, приоритет отдается последней.

Более того, верховенство исключительной подсудности подтверждается и положениями ст. 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующей договорную подсудность. Данная статья прямо устанавливает, что исключительная подсудность, установленная статьей 30 Гражданского процессуального кодекса РФ, не может быть изменена соглашением сторон. Это означает, что даже при наличии взаимного согласия участников процесса изменить территориальную подсудность, нормы об исключительной подсудности остаются неизменными и имеют императивное действие.

Вместе с тем, несмотря на приоритет исключительной подсудности вытекающих из анализа норм процессуального законодательства, в судебной практике регулярно возникают сложности, связанные с корректным разграничением применимости той или иной нормы в отдельных ситуациях. Эти трудности проявляются, например, когда иск заявлен одновременно к нескольким ответчикам, проживающим в разных субъектах Российской Федерации, или когда в одном иске сочетаются требования имущественного и неимущественного характера, каждое из которых может подпадать под разные правила подсудности.

Особую сложность вызывает правильная квалификация споров, требующих применения исключительной подсудности. Так, примером является Апелляционное определение Московского городского суда от 24.04.2025 г. по делу № 33–18619/2025 [6]. В этом случае суд первой инстанции возвратил исковое заявление о разделе совместно нажитого имущества супругов, включающего объекты недвижимого имущества, ошибочно мотивируя это необходимостью применения правил исключительной подсудности по месту нахождения недвижимости. Однако суд апелляционной инстанции отменил данное определение, обоснованно указав, что иски о разделе совместно нажитого имущества направлены на изменение режима собственности (с совместной на долевую), а не являются исками о праве на недвижимое имущество [7, с. 126]. Следовательно, к таким требованиям подлежат применению общие правила территориальной подсудности, установленные статьей 28 Гражданского процессуального кодекса РФ (по месту жительства ответчика). Данный прецедент демонстрирует сложности, возникающие при квалификации судами первой инстанции характера спора, что может приводить к необоснованному применению или, наоборот, неприменению норм исключительной подсудности.

Особую остроту проблема разграничения приобретает при квалификации споров, затрагивающих общие правила подсудности и исключительную подсудность. Примером указанной коллизионной ситуации является дело, рассмотренное Чет-

вёртым апелляционным судом общей юрисдикции (Апелляционное определение от 06.09.2022 г. по делу № 66–1904/2022), в рамках которого ТСН «Фермерский лес» предъявило иск к ряду ответчиков о возложении обязанности привести общее имущество многоквартирных домов в первоначальное состояние, включая демонтаж самовольно возведённых пристроек, восстановление конструктивных элементов зданий и инженерных коммуникаций, при том что дело первоначально рассматривалось в арбитражном суде, но впоследствии было передано на рассмотрение в суд общей юрисдикции [8].

Верховный Суд Республики Татарстан, как суд первой инстанции по передаче дела, определил подсудность по месту нахождения ответчика-организации, однако Четвёртый апелляционный суд общей юрисдикции отменил это определение, указав на необходимость применения правил исключительной подсудности. Апелляционная инстанция справедливо отметила, что предметом иска является защита прав собственников на общее имущество многоквартирного дома, что квалифицируется как негаторный иск (ст. 304 ГК РФ). Следовательно, к таким требованиям подлежат применению положения ч. 1 ст. 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым иски о правах на объекты, прочно связанные с землей, предъявляются по месту нахождения этих объектов.

Этот прецедент демонстрирует неоднозначность в толковании и применении норм об исключительной подсудности. Суды не всегда единообразно квалифицируют споры, связанные с недвижимостью, что в свою очередь ведет к процессуальным ошибкам и затягиванию процесса.

Особый интерес с точки зрения соотношения форм территориальной подсудности представляет вопрос о приоритете правил об исключительной подсудности и правил, касающихся предъявления встречных исков [9].

Данный вопрос получил развитие в судебной практике, в частности, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2019 г. № 306-ЭС19–5268 по делу № А57–691/2018 [10]. Хотя данный прецедент сформировался в арбитражном судопроизводстве, его правовая позиция имеет фундаментальное значение для понимания общих подходов к разрешению коллизий подсудности, возникающих и в судах общей юрисдикции [11, с. 215].

В рамках указанного дела суд первой инстанции принял к производству встречное требование, затрагивающее вопрос о праве на недвижимое имущество, и рассмотрел его совместно с первоначальным иском о взыскании неосновательного обогащения. Судебные акты нижестоящих инстанций были оставлены без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций. Однако Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты нижестоящих судов в части разрешения встречного иска, указал, что принятие и рассмотрение встречных

требований, затрагивающих спор о праве на недвижимость, было осуществлено с нарушением процессуальных норм об исключительной подсудности, предусмотренных статьей 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

При этом правовая позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу представляется не вполне определенной, что оставляет открытым вопрос о приоритете норм исключительной подсудности перед правилами о подсудности встречных исков. Остается неясным, был ли основной причиной отмены сам факт коллизии норм, или же Верховный Суд РФ исходил из отсутствия достаточной процессуальной связи между первоначальными и встречными требованиями.

Более того, ранее Верховный Суд РФ уже формировал правовую позицию, согласно которой встречный иск принимается при соблюдении общих правил предъявления иска, за исключением правил о подсудности, что отражено в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» [12]. Анализ судебной практики также демонстрирует примеры, где приоритет отдавался подсудности встречных исков над подсудностью дел о недвижимости, например, Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2006 г. № 14-В06–3, когда спор рассматривался Судебной коллегией по гражданским делам [13].

Таким образом, на настоящий момент в судебной практике отсутствует единообразие в вопросе о приоритете исключительной подсудности над подсудностью встречных исков, что обуславливает необходимость разъяснения этого вопроса либо на уровне законодательства, либо в практике высших судов.

Примечательно, что в истории развития судебной практики уже имели место ситуации, когда подходы к разрешению подобных коллизий подвергались пересмотру. Так, ранее Верховный Суд Российской Федерации предлагал в подобных случаях руководствоваться правилами альтернативной подсудности, однако впоследствии такой подход был пересмотрен, что потребовало отзыва первоначально сформулированных разъяснений, что в свою очередь, свидетельствует о сложности и дискуссионности вопроса определения приоритетов в системе подсудности [14, с. 113].

Подобная практика усугубляет общую проблему неопределенности в определении надлежащей юрисдикции и подчеркивает потребность в унификации подходов к разграничению различных форм подсудности и формировании единообразной судебной практики.

В этой связи представляется необходимым, чтобы Верховный Суд Российской Федерации дал исчерпывающие разъяснения по вопросам разграничения различных форм территориальной подсудности, включая соотношение общей, альтернативной, договорной, исключительной подсудно-

сти, а также подсудности по связи дел и по делам с участием иностранных лиц. Такие разъяснения, в рамках нового Постановления Пленума или Обзора судебной практики, позволили бы устранить существующие противоречия и обеспечить стабильность правоприменения.

Литература

1. Любимова, Е.В. Критерии территориальной подсудности гражданских дел // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 2 (47). – С. 154–157.
2. Лейбошиц, А.В. Виды подсудности гражданских дел // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2010. – № 4. – С. 85–97.
3. Князькин, С.И., Миронов, М.А. Соотношение видов территориальной подсудности в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (205). – С. 405–407.
4. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 3.
5. Сардарян, Т.С. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – № 1. – С. 158–164.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2025 г. по делу № 33–18619/2025 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2025).
7. Чупилин, Д.А. Альтернативная подсудность споров, вытекающих из семейных правоотношений: проблемы и предложения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – № 4. – С. 122–129.
8. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 г. по делу № 66–1904/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2025).
9. Цой, В.И. К вопросу о подсудности встречного иска // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 6. – С. 12–16.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2019 г. № 306-ЭС19–5268 по делу № А57–691/2018 // Официальный сайт системы «КАД Арбитр». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e7e132e1-7c37-45c1-a6c5-4dc6e8b66d0f/d82dfb14-e46a-4806-b23c-da5593eca5d7/A57-691-2018_20190716_Opre-delenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.05.2025).
11. Любимова Е.В. Аналогия закона в вопросах подведомственности и подсудности граждан-

ских дел // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 214–216.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 10.
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 14-В06–3 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/149368 (дата обращения: 29.05.2025).
14. Юдин, А.В. Проблемы конкуренции между различными видами подведомственности и подсудности гражданских дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 101–115.

TERRITORIAL JURISDICTION CONFLICTS IN RUSSIAN CIVIL PROCEDURE: RESOLUTION MECHANISMS AND THE ROLE OF THE SUPREME COURT

Naumova V.E.
The University of Management "TISBI"

This article addresses the pressing issue of conflicts between rules on territorial jurisdiction in the civil procedural law of the Russian Federation. The author analyzes the complex system of allocating civil cases among courts, which includes general, alternative, exclusive, contractual jurisdiction, as well as jurisdiction based on the connection between cases. The study explores the fundamental differences and functional purposes of each type of jurisdiction, all aimed at maintaining a balance between the principles of dispositivity and imperativeness in civil proceedings.

Particular attention is paid to the contradictions that arise in legal practice when various types of territorial jurisdiction interact. Based on current legislation and recent case law, the article examines situations in which a claim simultaneously falls under several types of jurisdiction. It identifies common errors in the classification of disputes and in the application of jurisdictional rules, which often lead to procedural violations and delays in case consideration. A separate part of the study focuses on the issue of the priority of exclusive jurisdiction, including its relation to the jurisdiction of counterclaims. In conclusion, the author outlines possible approaches to resolving the identified inconsistencies in the application of territorial jurisdiction rules. The article substantiates the need to unify approaches to distinguishing among all types of territorial jurisdiction and to develop consistent judicial practice. The author emphasizes the key role of the Supreme Court of the Russian Federation in this process and proposes the issuance of comprehensive clarifications through a new Plenary Resolution or a Review of Judicial Practice, which would ensure legal certainty and improve the effectiveness of judicial protection.

Keywords: territorial jurisdiction, normative conflicts, civil procedure, exclusive jurisdiction, alternative jurisdiction, rules of jurisdiction.

References

1. Lyubimova, E.V. Criteria of territorial jurisdiction in civil cases. Vestnik of Omsk University. Series: Law. 2016. No. 2(47), pp. 154–157.
2. Leiboshits, A.V. Types of jurisdiction in civil cases. Vestnik of Moscow University. Series 11: Law. 2010. No. 4, pp. 85–97.
3. Knyazkin, S.I., Mironov, M.A. Correlation of types of territorial jurisdiction in civil procedure. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 1(205), pp. 405–407.
4. Review of court practice in resolving disputes related to participation of citizens in shared construction of apartment buildings

- and other real estate objects. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 3.
5. Sardaryan, T.S. Procedural features of considering cases arising from participation of citizens in shared construction of apartment buildings. Vestnik of the Volga Institute of Management. 2018. No. 1, pp. 158–164.
 6. Appeal ruling of the Moscow City Court of 24 April 2025 in case No. 33–18619/2025. ConsultantPlus Legal Database (accessed: 29.05.2025).
 7. Chupilin, D.A. Alternative jurisdiction of disputes arising from family legal relations: problems and proposals. Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University. 2022. No. 4, pp. 122–129.
 8. Appeal ruling of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction of 6 September 2022 in case No. 66–1904/2022. ConsultantPlus Legal Database (accessed: 29.05.2025).
 9. Tsoy, V.I. On the jurisdiction of counterclaims. Arbitrazh and Civil Procedure. 2011. No. 6, pp. 12–16.
 10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 July 2019 No. 306-ES19–5268 in case No. A57–691/2018. Official website of the KAD Arbitrazh system. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e7e132e1–7c37–45c1–a6c5–4dc6e8b66d0f/d82dfb14–e46a–4806–b23c–da5593eca5d7/A57–691–2018_20190716_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 29.05.2025).
 11. Lyubimova, E.V. Analogy of law in matters of jurisdiction and competence in civil cases. Vestnik of Omsk University. Series: Law. 2012. No. 3(32), pp. 214–216.
 12. Plenary ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 June 2008 No. 13 “On the application of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in the consideration and resolution of cases in courts of first instance.” Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. No. 10.
 13. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25 July 2006 No. 14-V06–3. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf/149368 (accessed: 29.05.2025).
 14. Yudin, A.V. Problems of competition between various types of jurisdiction and competence in civil cases between courts of general jurisdiction and arbitrazh courts. Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation. 2014. No. 11, pp. 101–115.

Правовые пробелы и коллизии федерального законодательства в сфере электронного документооборота

Ребров Александр Денисович,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: rebrov.law@mail.ru

Целью статьи являлось выявление правовых проблем и коллизий электронного документооборота в России. Рассмотрены общественные отношения, которые возникают по поводу регулирования сферы электронного документооборота. Определены сферы применения электронного документооборота (ЭД), касающегося различных областей. ЭД используются при заключении сделок и договоров, в рамках осуществления торговой деятельности, в процессе декларирования товаров, в рамках реализации трудовых отношений и т.п.

Выявлена проблематика федерального законодательства в сфере электронного документооборота. Первоочередные проблемы, возникающие при применении электронного документооборота (ЭДО) на территории Российской Федерации, обусловлены несовершенством законодательства. Данное законодательство характеризуется наличием таких недостатков как пробелы и противоречия между отдельными нормами и положениями, предназначенными для регулирования вопросов. Одним из элементов нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в сфере электронного документооборота, являются ведомственные акты. Среди них можно выделить указания Центрального Банка России, которые определяют процедуры и правила проведения финансовых расчетов с использованием электронного документооборота. Одним из таких документов является регламент взаимодействия Центрального Банка с кредитными учреждениями, нефинансовыми кредитными организациями и другими участниками информационного обмена при использовании их информационных ресурсов.

В контексте сказанного отмечается, что подзаконные НПА регулируют ЭДО по конкретным направлениям. Так, например, отдельный Приказ Министерства финансов закрепляет порядок для выставления и получения счетов-фактур в электронном виде

В качестве правовой проблематики отмечается также и отсутствие полного и точного понятийного аппарата в области ЭДО

Ключевые слова: электронный документооборот, законодательство, нормативные правовые акты, электронный документ, технологии, информационные ресурсы.

Условия развития современного мира позволяют сказать о том, что довольно популярной тенденцией в последнее время наблюдается использование различных технологий, например, информационных и коммуникационных. Поскольку использование представленных технологий сказывается на росте конкурентоспособного состояния экономического потенциала российского государства, позволяет расширять возможности ее интеграции в мировую систему хозяйства, а также воздействует на повышение показателей эффективности деятельности органов власти и управления, возникает потребность не только в развитии современных технологий, но и их совершенствовании. Как правило, для этого разрабатываются специальные законы и программы, действующие на всех уровнях власти.

В настоящее время электронные документы (далее по тексту – ЭД) и электронный документооборот (далее по тексту – ЭДО) соответственно нельзя назвать новой тенденцией для РФ, поскольку они прочно вошли в обиход современной жизнедеятельности. Так, ЭД используются при заключении сделок и договоров, в рамках осуществления торговой деятельности, в процессе декларирования товаров, в рамках реализации трудовых отношений и т.п. Однако, такое популярное положение ЭД не исключает ряд трудностей и проблем, которые отмечаются при использовании как указанных документов, так и при внедрении, применении ЭДО на практике.

Первоочередные проблемы, возникающие при применении электронного документооборота (ЭДО) на территории Российской Федерации, обусловлены несовершенством законодательства. Данное законодательство характеризуется наличием таких недостатков как пробелы и противоречия между отдельными нормами и положениями, предназначенными для регулирования вопросов, связанных с использованием ЭДО. В современных условиях развития государства данное законодательство нельзя оценивать как полное и совершенное, поскольку оно только проходит стадию подготовки, в связи с чем содержит в себе немало правовых пробелов и коллизий. Поскольку законодательство, призванное регулировать ЭДО [2], является необходимым, следовательно, вопросам его проработки и усовершенствования уделяется немаловажное значение.

Так, среди основных пробелов, которые содержат нормативные правовые акты (далее по тексту – НПА), действующие на федеральном уровне власти, следует отметить отсутствие единого акта,

который посвящался бы исключительно вопросам ЭДО.

В настоящее время нормы и положения, имеющие отношение как к ЭД, так и к ЭДО, можно сказать, «разбросаны» по различным НПА, среди которых Гражданский кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс, Трудовой кодекс, Налоговый кодекс РФ, иные федеральные законы [4], например, ФЗ от 04.06.2011 г. № 63 «Об электронной подписи» (далее по тексту -ФЗ № 63), и т.п.

Если следовать практике именно такие акты содержат в себе нормы и положения, закрепляющие порядок использования ЭДО в той или иной сфере деятельности.

Одним из элементов нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в сфере электронного документооборота (ЭДО), являются ведомственные акты. Среди них можно выделить указания Центрального Банка России, которые определяют процедуры и правила проведения финансовых расчетов с использованием электронного документооборота. Одним из таких документов является регламент взаимодействия Центрального Банка с кредитными учреждениями, нефинансовыми кредитными организациями и другими участниками информационного обмена при использовании их информационных ресурсов.

В контексте сказанного целесообразно отметить, что подзаконные НПА регулируют ЭДО по конкретным направлениям. Так, например, отдельный Приказ Министерства финансов закрепляет порядок для выставления и получения счетов-фактур в электронном виде [3].

В качестве правового проблематики следует отметить и отсутствие полного и точного понятийного аппарата в области ЭДО. Так, ни один из представленных выше НПА не содержит понятие самого ЭДО, что является серьезным упущением российского законодателя и актуальным правовым пробелом. Данное понятие можно встретить в тех НПА, которые используются для регулирования той или иной сферы деятельности. Так, например, Трудовой кодекс РФ закрепляет определение ЭДО в сфере трудовых отношений. Поскольку речь зашла о ТК РФ, следует отметить, что в настоящее время требования ЭДО касаются оформления трудовых договоров, приказов о приеме и переводе работников, различных уведомлений, ознакомлений, служебных записок, распоряжений, но при этом не распространяются на трудовые книжки, приказы об увольнении, акты о несчастном случае, справки о прохождении инструктажа по охране труда.

Безусловно, что на федеральном уровне понятие ЭД имеется [1], но это не исключает того, что восприниматься будет и иное, которое содержится в других НПА и документах, чего быть априори не должно. Все документы и акты должны соответствовать друг другу независимо от того, на каком уровне власти они принимаются и какими по форме выражения являются, – ФЗ, указы, постановления и т.п.

Проанализировав нормы и положения отдельных НПА, действующих на федеральном уровне РФ, целесообразно отметить, что в настоящее время ЭП, несмотря на её активное распространение, не является универсальной подписью. Её регистрация проводится к тому или иному удостоверяющему центру, а используется она в рамках конкретного ведомства.

Так, например, если речь идёт о налоговых отношениях, в личном кабинете налогоплательщика гражданин может сформировать свою личную ЭП, но использовать её допускается исключительно в процессе существования таких отношений, но никак за их пределами. В связи с таким положением лицо вправе и может иметь множество ключей ЭП и действующих сертификатов ключей проверки ЭП, и данное положение уже нарушает преемственность при организации оборота электронных форм документов, соответствующим образом сказываясь на показателях эффективности развития ЭДО на территории РФ.

В качестве ещё одного современного правового пробела в области применения ЭДО на территории РФ следует отметить отсутствие достаточного количества форм ЭД [5], которые были бы утверждены на законодательном уровне. В связи с таким пробелом в процессе предоставления документа в электронной форме в ФНС России необходимо делать его бумажную копию.

В контексте проводимого исследования стоит обратить внимание на то, каким образом сфера ЭДО устроена в деятельности судов. Так, председатель суда или же лицо, которое исполняет его обязанности, назначает того, кто в свою очередь будет являться ответственным за приём ЭД и их последующую обработку. При этом какие-либо требования к ответственному лицу, например, относительно владения техникой и соответствующими знаниями при работе с государственной автоматизированной системой «Правосудие», на законодательном уровне не закреплены, что снова указывает на наличие ещё одного правового пробела.

В свою очередь отдельные нормы и положения ГПК РФ закрепляют, что форма документа может быть электронной, но такое положение не всегда является обязательным для его исполнения. Так, судебный приказ может быть выдан в форме ЭД, но только тогда, когда на то имеет место просьба взыскателя, а изготовлен сам документ должен быть в бумажном формате.

В связи со сказанным становится очевидно, что полный переход судебной деятельности на ЭДО возможным не представляется, в связи с чем бумажные документы всё также активно используются в соответствующей деятельности. Кроме того, отмечается следующее противоречие: Верховный Суд РФ (далее по тексту – ВС РФ) в своих документах прямо указывает на то, что переход на ЭДО необходим, но при этом отсутствие обязательности для подачи документов в суд в формате ЭД не позволяет обеспечить этот переход в полной мере [6].

В данном случае имеет место юридическая коллизия.

Таким образом, на основании сказанного и в результате исследования, проведённого в отношении правовых пробелов и коллизий федерального законодательства в сфере электронного документооборота, можно заключить следующее: в РФ отмечается активная тенденция относительно внедрения электронного документооборота в различные сферы жизнедеятельности, однако, при этом большая часть выявленных в данном параграфе проблем мешает такому внедрению. Основная причина кроется в том, что новейшие технологии внедряются в условиях законодательства, которое ориентировано на документооборот в бумажной форме, что отрицательно сказывается на процессе применения системы электронного документооборота.

Выявленные пробелы и коллизии федерального законодательства в сфере электронного документооборота не позволяют ему развиваться и прочно войти в современную жизнедеятельность на территории РФ, в связи с чем актуальной ставится задача, выраженная в виде усовершенствования действующего законодательства, что может быть практически обеспечено посредством глубокого анализа и изучения действующих норм и положений, их дальнейшей кодификации, разработки и внедрения новых актов в области ЭДО, а также путём устранения противоречащих между собой норм.

Литература

1. Федеральный закон от 02.07.2013 N 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // «Собрание законодательства РФ», 08.07.2013, N 27, ст. 3479.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС Консультант-Плюс. Режим доступа: удаленный (дата обращения 03.06.2025).
3. Приказ Минфина России от 05.02.2021 N 14н (ред. от 12.01.2023) «Об утверждении Порядка выставления и получения счетов-фактур в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.03.2021 N 62737). // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 03.06.2025).
4. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 года) // Организация объединенных наций [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (Дата обращения 05.03.2024).

5. Кормильцева А.И. Проблемы правового регулирования электронного документооборота / А.И. Кормильцева. – Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 109–113.
6. П.п.1 ст. 41, п. 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024).

LEGAL GAPS AND COLLISIONS OF FEDERAL LEGISLATION IN THE FIELD OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT

Rebrov A.D.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The aim of the article was to identify legal problems and conflicts of electronic document circulation in Russia. Public relations that arise in relation to the regulation of the sphere of electronic document management are considered. The spheres of application of electronic document management (ED) concerning various spheres are defined. ED are used in the conclusion of transactions and contracts, in the framework of trade activities, in the process of declaring goods, in the implementation of labour relations, etc.

The problems of the federal legislation in the sphere of electronic document circulation have been identified. The primary problems arising in the application of electronic document management (EDM) on the territory of the Russian Federation are caused by the imperfection of legislation. This legislation is characterised by such shortcomings as gaps and contradictions between individual norms and provisions designed to regulate issues. One of the elements of the legal framework governing relations in the field of electronic document management are departmental acts. Among them we can single out the instructions of the Central Bank of Russia, which determine the procedures and rules of financial settlements using electronic document management. One of such documents is the regulations on interaction of the Central Bank with credit institutions, non-financial credit organisations and other participants of information exchange when using their information resources.

In the context of the above, it is noted that subordinate legislation regulates EDI in specific areas. For example, a separate Order of the Ministry of Finance establishes the procedure for issuing and receiving invoices electronically.

The lack of a complete and accurate conceptual apparatus in the field of EDI is also noted as a legal problem.

Keywords: electronic document management, legislation, regulatory legal acts, electronic document, technologies, information resources.

References

1. Federal Law No. 187-FZ of 07/02/2013 (as amended on 03/12/2014) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Property Rights in Information and Telecommunication Networks" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07/08/2013, No. 27, art. 3479.
2. Federal Law No. 27 of 07/27/2006 152-FZ "On Personal Data" // SPS ConsultantPlus. Access mode: remote (accessed 06/03/2025).
3. Order of the Ministry of Finance of Russia dated 02/05/2021 N 14h (as amended on 01/12/2023) "On approval of the Procedure for issuing and receiving invoices in electronic form via telecommunication channels using an enhanced qualified electronic signature" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 03/12/2021 N 62737). // SPS Consultant Plus (Accessed 06/03/2025).
4. The United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (Adopted by General Assembly resolution 60/21 of November 23, 2005) // United Nations [Electronic resource] URL: <https://www.un.org/ru/>

documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (Accessed 03/05/2024).

5. Kormiltseva A.I. Problems of legal regulation of electronic document management / A.I. Kormiltseva. – Text: direct // Legal sciences: problems and prospects: proceedings of the IV In-

ternational Scientific Conference (Kazan, May 2016). – Kazan: Buk, 2016. – pp. 109–113.

6. Paragraphs 1 of Article 41, paragraph 3 of Article 75 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” dated 07/24/2002 N 95-FZ (as amended on 12/25/2023) (as amended and supplemented, intro. effective from 05.01.2024).

Беспилотные грузоперевозки: административно-правовые ограничения и стимулы для бизнеса

Сазонов Александр Анатольевич,

аспирант, Государственный морской университет
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова
E-mail: alexand.sazonov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию административно-правовых ограничений и стимулов для внедрения беспилотных грузоперевозок в России. Главная цель исследования – анализ существующих барьеров и возможностей для развития беспилотных технологий в транспортной отрасли. Методология исследования включает детальный обзор нормативно-правовой базы, а также анализ стратегии России на основе указов и законопроектов, регулирующих сферу автономного транспорта. В результате выявлено, что, несмотря на потенциал России как международного лидера в области искусственного интеллекта, существующие правовые и инфраструктурные ограничения затрудняют внедрение высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). В частности, нормативно-правовые акты требуют пересмотра для снятия избыточных управленческих процедур и разработки четких механизмов распределения ответственности. Выводы исследования подчеркивают необходимость модернизации законодательной базы и создания экспериментального режима для ускорения развития беспилотных технологий. Цель: Изучение административно-правовых ограничений и стимулов для внедрения беспилотных грузоперевозок в России с целью разработки рекомендаций по модернизации нормативно-правовой базы. Методы: Методология исследования включает анализ существующей нормативно-правовой базы, указов и законопроектов, регулирующих внедрение автономного транспорта, а также идентификацию ключевых барьеров и стимулов. Результаты: Исследование выявило значительные нормативные и инфраструктурные ограничения, препятствующие внедрению ВАТС. Основные административные барьеры включают избыточные управленческие процедуры и отсутствие четкой регламентации ответственности. Выводы: Для успешного развития беспилотных грузоперевозок в России необходимо модернизировать правовую базу, внедрить экспериментальные правовые режимы и устранить существующие барьеры, обеспечивая благоприятные условия для инноваций.

Ключевые слова: беспилотные грузоперевозки, нормативно-правовая база, административные ограничения, высокоавтоматизированные транспортные средства, экспериментальный правовой режим, инновации, искусственный интеллект, транспортная инфраструктура, ответственность, регуляторные механизмы.

Разработка передовых систем автономного управления транспортными средствами становится ключевым направлением развития автомобильной промышленности. Современные логистические компании проявляют повышенный интерес к беспилотным технологиям, способным оптимизировать транспортные операции, минимизировать затраты и существенно повысить безопасность грузоперевозок. Автоматизированные системы управления транспортом позволяют эффективно решать комплексные задачи маршрутизации при соблюдении нормативов пропускной способности дорожной сети.

Принятая Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года» определяет потенциал России как будущего международного лидера в сфере разработки и внедрения систем искусственного интеллекта. Документ вводит новую терминологию для регулирования экспериментальных правовых режимов при реализации проектов беспилотных логистических коридоров на федеральных трассах и внедрении высокоавтоматизированного транспорта в отдельных регионах страны.

Искусственный интеллект выступает фундаментальной технологией, обеспечивающей продвинутую автоматизацию транспортных средств. Современная классификация включает специальный термин «высокоавтоматизированное транспортное средство» (ВАТС).

Нормативно-правовая база ВАТС преимущественно относится к сфере публичного права. Законопроект о высокоавтоматизированных транспортных средствах требует дополнительных подзаконных актов для практической реализации [7], что обуславливает необходимость детального анализа предложений Программы.

Согласно Программе, эксплуатация ВАТС разделяется на две категории по типу управляющего лица: под контролем водителя-испытателя либо инженера-испытателя. Автомагистраль М-11 «Нева» предназначена исключительно для движения транспортных средств указанных категорий. Концепция безопасности дорожного движения с беспилотными автомобилями предусматривает пять уровней автоматизации. Перемещение ВАТС в экспериментальном режиме на М-11 «Нева» ограничивается специальной зоной, достижение которой осуществляется посредством ручного управления или буксировки. Существующая правовая база не позволяет реализовать автономные грузоперевозки ввиду обязательного присутствия

человека даже при экспериментальной эксплуатации.

Инфраструктурные ограничения существенно затрудняют внедрение высокоавтоматизированных транспортных систем (ВАТС). Недостаточное покрытие автомагистралей сетью 4С создает значительные препятствия для эксплуатации беспилотного транспорта. Необходимость дополнительного оборудования транспортной инфраструктуры для работы систем СР8/ГЛОНАСС требует масштабных финансовых вложений.

Незавершенность строительства северного объезда Твери по трассе М-11 «Нева» существенно ограничивает возможности тестирования ВАТС. Участники эксперимента вынуждены проводить испытания на ограниченных участках магистрали. Постоянная актуализация цифровых карт местности требует значительных ресурсов для обеспечения точной навигации автономного транспорта.

Законодательные инициативы по созданию экспериментального режима сталкиваются с существенными инфраструктурными ограничениями при практической реализации. Положительным аспектом регулирования выступает детальная проработка требований к эксплуатации ВАТС. Нормативная база предусматривает соответствие транспортных средств техническому регламенту и Правилам ООН, обязательную регистрацию изменений в документации, специальные требования к участникам эксперимента, регистрацию в реестре оператора инфраструктуры и прохождение оценки в испытательных лабораториях.

Законодательная программа детально регламентирует сферы ответственности участников экспериментального правового режима, включая производителей высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) и операторов инфраструктуры. Статья 10 законопроекта о ВАТС устанавливает ответственность за ущерб жизни, здоровью, имуществу граждан и юридических лиц, а пункты 43 и 74 Программы расширяют круг ответственных субъектов.

Обновленная версия проекта Федерального Закона о ВАТС, представленная Министерством транспорта РФ в феврале 2024 года, конкретизирует механизм распределения ответственности при дорожно-транспортных происшествиях с участием беспилотных транспортных средств. Формулировки документа согласуются с положениями пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса РФ об ответственности за вред от источника повышенной опасности [1].

Проблема защиты данных ВАТС требует дополнительной проработки законодательства. Беспилотные автомобили накапливают маршрутную информацию, несанкционированный доступ к которой создает риски умышленного вывода транспорта из строя и причинения вреда участникам движения. Уголовное законодательство нуждается в дополнении статьями об ответственности за преступления с использованием ВАТС. Трудовой кодекс требует регламентации взаимо-

действия систем искусственного интеллекта с водителями и работниками.

Административные препятствия, препятствующие внедрению инновационных разработок, включают комплекс взаимосвязанных проблем, детально проанализированных профессором Ю.В. Степаненко. Среди ключевых барьеров выделяются избыточные управленческие процедуры, затрудняющие реализацию проектов. Множественность властных субъектов при осуществлении единого инновационного цикла создает дополнительные сложности для разработчиков. Необоснованные правовые ограничения существенно замедляют процесс внедрения новых технологий. Расплывчатые формулировки нормативных положений приводят к неоднозначности толкования законодательства. Пробелы и противоречия в действующих нормах значительно усложняют правоприменительную практику. Коррупциогенные факторы в существующей системе регулирования создают дополнительные риски для инновационных проектов [11]

Законодательное регулирование беспилотных транспортных средств сталкивается с двумя основными административными препятствиями: чрезмерным количеством управленческих процедур и недостаточной нормативной базой. Объективная необходимость усиленного контроля над транспортными средствами как источниками повышенной опасности вынуждает государственные органы создавать дополнительные регулятивные механизмы для предотвращения аварийных ситуаций.

Недостаточность правового регулирования беспилотного транспорта объясняется инновационным характером данных технологий в современных реалиях. Воздушные беспилотные системы подвергаются наиболее строгому административному контролю среди всех типов автономного транспорта. Модернизация законодательной и технической документации по беспилотной авиации проводится согласно распоряжению Правительства РФ от 3 апреля 2018 г. № 576-р в рамках «дорожной карты» направления «Аэронет» Национальной технологической инициативы.

Нормативно-правовое регулирование рынка беспилотных авиационных систем требует значительных изменений согласно стратегическому документу «Аэронет». Приоритетной задачей выступает формирование законодательной базы, способствующей активному развитию производства и эксплуатации беспилотных систем при соблюдении международных стандартов. Масштабное расширение гражданского сегмента беспилотных авиационных систем напрямую коррелирует с благоприятными законодательными условиями [8].

Правительство Российской Федерации утвердило комплекс мер по минимизации административных ограничений для различных транспортных отраслей. Распоряжение № 535-р от 29.03.2018 определяет стратегию развития автомобильного транспорта, а распоряжение № 534-р от 29.03.2018

устанавливает направления совершенствования морских перевозок.

Цифровая трансформация социально-экономических процессов обуславливает необходимость модернизации системы правового регулирования. Замещение интеллектуального труда человека автоматизированными системами формирует потребность внедрения новых механизмов государственного регулирования. Проведение правовых экспериментов в экономической сфере и государственном управлении становится необходимым элементом современной законотворческой деятельности.

Экспертное сообщество выражало глубокую озабоченность правовым вакуумом касательно экспериментального применения автономных транспортных средств [10]. Модернизация транспортного сектора посредством внедрения передовых технологических решений требует обязательного проведения практических испытаний. Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415, регламентирующее тестовую эксплуатацию высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования, стало первым нормативным актом, устанавливающим правовые рамки подобных экспериментов.

Законодательная база Российской Федерации расширилась посредством внедрения федерального закона № 247-ФЗ от 31.07.2020 года, регламентирующего применение экспериментальных правовых норм для определенных субъектов или территорий [2]. Данный нормативный акт предусматривает возможность временной приостановки действующих разрешительных процедур и обязательных требований.

Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 года детализировал механизмы реализации экспериментальных правовых режимов. Основные направления включают разработку цифровых технологий для проектирования высокоавтоматизированных транспортных средств, беспилотных воздушных судов, подготовку операторов данных систем, модернизацию транспортно-логистических услуг.

Специфика внедрения экспериментального правового режима для беспилотного транспорта заключается в замещении стандартных нормативных требований особыми регуляторными механизмами. Подобная трансформация обусловлена существующими законодательными ограничениями, препятствующими полноценному развитию инновационных технологий в транспортной сфере.

Концептуальное исследование правового регулирования беспилотных транспортных средств подтверждает целесообразность внедрения специального законодательного механизма. Экспериментальный правовой режим, действующий в Российской Федерации, создает возможности для гибкого управления данной сферой при одновременном устранении чрезмерных административных ограничений. Практическая эксплуатация автономного транспорта в рамках данного режима способствует формированию эффективной норма-

тивной базы и обеспечивает технологическое развитие страны.

Значимую научную позицию выразил профессор С.М. Зубарев, обосновавший двойственную природу административно-правовых барьеров в социально-экономической сфере. Определенные ограничительные механизмы выполняют конструктивную функцию поддержания общественной стабильности и безопасности. К подобным инструментам относятся специальные административные режимы, система ответственности, механизмы контроля, лицензирования, аккредитации и сертификации.

Административные процедуры выступают гарантией защиты законных прав граждан, общественных и государственных интересов при эксплуатации опасных объектов или осуществлении специфических видов деятельности. Регламентированные барьеры обеспечивают превентивное выявление и блокировку нарушений установленных стандартов. Ключевым требованием выступает сбалансированность правового регулирования, исключающая пробелы и избыточность норм [9].

Регулирование беспилотных транспортных систем требует внедрения множества административно-правовых методов контроля, обусловленных потенциальной опасностью данных технических средств. Механизмы государственного надзора, процедуры лицензирования, технического осмотра, аккредитации и учета формируют комплексную систему безопасности при эксплуатации автономного транспорта.

Постановление Правительства РФ № 1184 от 29 сентября 2017 года определило порядок создания и реализации планов мероприятий по модернизации законодательной базы для Национальной технологической инициативы. Правительственный документ регламентировал формирование специализированных рабочих групп, ответственных за совершенствование нормативно-правового регулирования проектов «АВТОНЕТ», «АЭРОНЕТ», «МАРИНЕТ», «НЕЙРОНЕТ».

Модернизация нормативно-правовой базы для реализации программы «АВТОНЕТ» в рамках Национальной технологической инициативы предполагает комплексную разработку следующих направлений:

1. Формирование нормативных стандартов безопасности высокоавтоматизированных транспортных средств с внедрением соответствующих методологических подходов к оценке их технического соответствия.
2. Разработка специализированных регламентов для организации грузоперевозок с применением высокоавтоматизированных автомобильных систем.
3. Создание унифицированных технических требований к сетевой интеграции высокоавтоматизированных транспортных средств с объектами дорожной инфраструктуры, включая спецификацию необходимого инфраструктурного оборудования для обеспечения без-

опасной эксплуатации автоматизированного транспорта на дорогах общего пользования.

Законодательное регулирование эксплуатации беспилотных авиационных систем в рамках реализации направления «АЭРОНЕТ» Национальной технологической инициативы включает комплексные меры нормативного характера.

Федеральные авиационные правила устанавливают критерии соответствия для организаций и предпринимателей, выполняющих коммерческие перевозки с применением беспилотных летательных аппаратов. Нормативная база регламентирует специфику проведения авиационных работ различных категорий при помощи беспилотных систем.

Законодательство закрепляет механизмы гражданской ответственности собственников беспилотных воздушных судов за ущерб третьим лицам при эксплуатации летательных аппаратов. Производители беспилотных авиационных комплексов проходят обязательную сертификацию согласно установленным требованиям.

Особый порядок регулирует использование воздушного пространства гражданскими беспилотными судами. Эксплуатанты беспилотных систем обязаны соблюдать стандарты авиационной безопасности при осуществлении полетов.

Применительно к железнодорожному транспорту необходимо провести работу по актуализации следующих норм и правил:

- Положение о порядке служебного расследования и учета транспортных происшествий, повлекших причинение вреда жизни или здоровью граждан, не связанных с производством на железнодорожном транспорте, утвержденное приказом Минтранса России от 8 июля 2008 г. № 97 [3];
- Правила технического обслуживания тормозного оборудования и управления тормозами железнодорожного подвижного состава, утвержденные Советом по железнодорожному транспорту государств – участников СНГ (протокол от 6–7 мая 2014 г. № 60) [5];
- ГОСТ 33435–2015 «Устройства управления, контроля и безопасности железнодорожного подвижного состава. Требования безопасности и методы контроля» [6];
- Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденные приказом Минтранса России от 23.06.2022 N 250 [4].

Следует также разработать ГОСТ Р «Системы управления и контроля железнодорожного транспорта для перевозок пассажиров в пригородном сообщении. Принципы построения и основные функциональные требования».

Аккредитованные технические лаборатории, обладающие специализированным оборудованием и квалифицированными специалистами, проводят комплексную оценку расположения транспортных объектов после аварий путем создания прецизионных цифровых моделей с географической привязкой. Лабораторное оснащение и экспертный

персонал обеспечивают профилактику аварийности, мониторинг состояния и сертификацию компонентов транспортной системы. Применяемые измерительные приборы для определения координат инфраструктурных элементов требуют обязательной сертификации Росстандарта согласно метрологическому законодательству.

Комплексное внедрение систем объективного контроля различных видов транспорта, высокоточной измерительной техники и спутниковых технологий ГЛОНАСС позволяет реализовать постановления Правительства РФ по модернизации транспортного комплекса страны.

Юридический институт Российского университета транспорта, выступая ведущей отраслевой научной организацией, формирует единую правовую базу для регулирования инфраструктуры автономных транспортных средств с учетом специфики различных транспортных отраслей при реализации Национальной технической инициативы.

Нормативно-правовая база для Программы и проекта рамочного Федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах демонстрирует существенные пробелы в регулировании. Множество правовых коллизий возникает при практическом внедрении автономных транспортных систем, требуя тщательной доработки законодательных положений.

Практическое применение экспериментального правового режима для высокоавтоматизированных транспортных средств позволяет накапливать ценный опыт, формируя основу будущих федеральных законов. Перспективные разработки грузовых автономных систем без присутствия водителей-испытателей сдерживаются отсутствием нормативной базы безопасного тестирования.

Законодательные инициативы в области регулирования беспилотного транспорта выявляют комплекс нерешенных вопросов для разработчиков. Первостепенное значение приобретает определение субъектов ответственности при причинении ущерба жизни, здоровью граждан или имуществу. Правовой статус владельцев беспилотных средств, механизмы страхования, ответственность разработчиков требуют четкой законодательной регламентации.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410,
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5006
3. Приказ Минтранса РФ от 08.07.2008 N 97 «Об утверждении Положения о порядке служебного расследования и учета транспортных

происшествий, повлекших причинение вреда жизни или здоровью граждан, не связанных с производством на железнодорожном транспорте» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 18.11.2008 N 12685) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», N 48, 01.12.2008

4. Приказ Минтранса России от 23.06.2022 N 250 «Об утверждении Правил технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.07.2022 N 69324) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.07.2022
5. Правила технического обслуживания тормозного оборудования и управления тормозами железнодорожного подвижного состава, утвержденные Советом по железнодорожному транспорту государств – участников СНГ (протокол от 6–7 мая 2014 г. № 60) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.04.2025)
6. «ГОСТ 33435–2015. Межгосударственный стандарт. Устройства управления, контроля и безопасности железнодорожного подвижного состава. Требования безопасности и методы контроля» (введен в действие Приказом Росстандарта от 04.12.2015 N 2110-ст) // М.: Стандартинформ, 2016
7. Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минтрансом России 10.06.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации Гарант. URL: <https://base.garant.ra/56880577/?ysclid=itszdyviby508017673>
8. Бочкова С.С. Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность. Экономика. Налоги. Право. 2021. № 14(5). С. 147–156
9. Зубарев С.М. Реализация Национальной технологической инициативы: о соотношении понятий «административные барьеры» и «правовые барьеры» // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 4–9.
10. Незнамов А.В. Правила беспилотного вождения: об изменениях Венской конвенции о дорожном движении // Закон. 2018. N 1. С. 175–182
11. Степаненко Ю.В. Конституционная свобода научного творчества сквозь призму административных барьеров // Административное право и процесс. 2018. N 12. С. 30–35

UNMANNED FREIGHT TRANSPORTATION: ADMINISTRATIVE AND LEGAL RESTRICTIONS AND BUSINESS INCENTIVES

Sazonov A.A.

Admiral F.F. Ushakov State Maritime University

This article focuses on the study of administrative and legal restrictions and incentives for the implementation of unmanned cargo

transportation in Russia. The main objective of the study is to analyze the existing barriers and opportunities for the development of unmanned technologies in the transportation industry. The research methodology includes a detailed review of the regulatory framework, as well as an analysis of Russia's strategy based on decrees and bills that regulate the field of autonomous transportation. The study found that, despite Russia's potential as an international leader in artificial intelligence, existing legal and infrastructure limitations hinder the adoption of highly automated vehicles (HAVs). Regulatory frameworks require revision to eliminate redundant administrative procedures and establish clear mechanisms for distributing responsibilities. The study's findings highlight the need for modernizing the legal framework and establishing an experimental regime to accelerate the development of autonomous technologies. Keywords: unmanned cargo transportation, regulatory framework, administrative restrictions, highly automated vehicles, experimental legal regime. Object: To study the administrative and legal restrictions and incentives for the implementation of unmanned cargo transportation in Russia in order to develop recommendations for the modernization of the regulatory framework. Methods: The research methodology includes an analysis of the existing regulatory framework, decrees, and bills governing the introduction of autonomous transport, as well as the identification of key barriers and incentives. Findings: The study revealed significant regulatory and infrastructure limitations that hinder the introduction of VATS. The main administrative barriers include excessive management procedures and a lack of clear regulations regarding responsibility. Conclusions: To successfully develop unmanned cargo transportation in Russia, it is necessary to modernize the legal framework, introduce experimental legal regimes, and eliminate existing barriers, providing favorable conditions for innovation.

Keywords: unmanned cargo transportation, legal framework, administrative restrictions, highly automated vehicles, experimental legal regime, innovation, artificial intelligence, transport infrastructure, responsibility, regulatory mechanisms.

References

1. "The Civil Code of the Russian Federation (Part two)" dated January 26, 1996, N 14-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from 12.09.2023) // "Collection of legislation of the Russian Federation", 29.01.1996, No. 5, art. 410.
2. Federal Law No. 247-FZ dated July 31, 2020 (as amended on September 24, 2022) "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", August 3, 2020, No. 31 (Part I), Article 5006
3. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated 08.07.2008 No. 97 "On Approval of the Regulations on the Procedure for Internal Investigation and Registration of Transport Accidents Causing Damage to the Life or Health of Citizens that are not Related to Railway Transport" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 18.11.2008 No. 12685) // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Authorities, No. 48, 01.12.2008.
4. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated 23.06.2022 No. 250 "On Approval of the Rules for the Technical Operation of Railways in the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 20.07.2022 No. 69324) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 20.07.2022.
5. Rules for the maintenance of braking equipment and the control of brakes on railway rolling stock, approved by the Council for Railway Transport of the CIS Member States (Minutes of May 6–7, 2014, No. 60) // SPS Consultant Plus (accessed on April 7, 2025)
6. "ГОСТ 33435–2015. Interstate Standard. Devices for Control, Monitoring, and Safety of Railway Rolling Stock. Safety Requirements and Control Methods" (introduced by Order of Rosstandart dated 04.12.2015 N 2110-st) // Moscow: Standartinform, 2016
7. Draft Federal Law "On Highly Automated Vehicles and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Transport of the Russian Federation on June 10, 2021) // Official Internet Portal of Legal Information Garant. URL: <https://base.garant.ra/56880577/?ysclid=itszdyviby508017673>

8. Bochkova S.S. Experimental legal regime as a mechanism for introducing digital innovations into entrepreneurial activity. *Economics. Taxes. Law*. 2021. No. 14(5). Pp. 147–156
9. Zubarev S.M. Implementation of the National Technology Initiative: On the Relationship between the Concepts of “Administrative Barriers” and “Legal Barriers” // *Administrative Law and Procedure*. 2018. No. 10. Pp. 4–9.
10. Neznamov, A.V. Rules of Unmanned Driving: On the Changes to the Vienna Convention on Road Traffic // *Zakon*. 2018. No. 1. Pp. 175–182
11. Stepanenko Yu.V. Constitutional Freedom of Scientific Creativity through the Prism of Administrative Barriers // *Administrative Law and Procedure*. 2018. No. 12. Pp. 30–35

Целевое назначение гражданско-правового института личного фонда в Российской Федерации и проблемы его реализации

Степанова Евгения Игоревна,

аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса Московского университета имени А.С. Грибоедова
E-mail: stepanova@roka-sovetnik.com

В настоящей статье рассматриваются вопросы целевого назначения гражданско-правового института личного фонда, а также разграничения данной правовой конструкции от других гражданско-правовых институтов (в частности, закрытых паевых инвестиционных фондов). На основе анализа норм действующего законодательства и научных подходов автор приходит к выводу, что основная цель института личного фонда – это временное сохранение и управление активами для последующей их передачи бенефициарам (возможность организации своей наследственной массы без рисков снижения её ценности при смерти владельца). При этом, не исключается совмещение данной цели указанного гражданско-правового института с целью использования его как средства индивидуального или «семейного» инвестирования. В то же время автор констатирует, что указанные цели не должны достигаться посредством создания закрытых паевых инвестиционных фондов. Для решения обозначенной проблемы автором предлагаются пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: личный фонд, целевое назначение, закрытый паевой инвестиционный фонд, правовое регулирование, сохранение активов.

Любая новелла законодательства направлена на достижение определенных изменений в урегулировании общественных отношений. Такого рода изменения могут быть достигнуты посредством применения к регулируемым общественным отношениям специальных правовых конструкций. В частности, это касается отношений, связанных с сохранением и управлением активами. Для структурирования данных отношений и предоставления субъектам широких правовых возможностей в указанной области уже длительное время законодатель стремится создать соответствующий широкий правовой инструментарий. Так, одним из инструментов урегулирования общественных отношений, складывающихся при сохранении и управлении активами, выступил институт личного фонда.

Институт личного фонда в Российской Федерации является достаточно молодым и находится лишь на стадии формирования, о чем свидетельствуют продолжающиеся точечные коррекции его правовых норм. Несмотря на то, что в 2024 году был отмечен взрывной рост регистрации личных фондов (на начало 2025 года их количество достигло 170)¹, данный институт не избавился от ряда значимых проблем его применения. Так, сейчас исследователи и практики указывают, что развитию указанного гражданского-правового института препятствуют сохраняющиеся возможности использования более перспективных с точки зрения обеспечения гарантий безопасности сохраняемых активов альтернативных правовых механизмов. В связи с этим актуальным в настоящее время является вопрос разграничения по признаку целевого назначения различных гражданско-правовых институтов, которые позволяют сохранять и структурировать активы.

Как указывает профессор В.В. Гущин, основной целью личных фондов является распределение имущества и дохода от него между так называемыми выгодоприобретателями [1, с. 180]. Действительно, такой подход не противоречит положениям законодательства (ст. 123.20–4 ГК РФ), согласно которым личный фонд создается для управления имуществом гражданина. Управление, в том числе, предполагает возможность дальнейшего распределения активов между выгодоприобретателями. Е.И. Червец, изучая анализируемую новеллу гражданского законодательства, сравнивает личный фонд с англосаксонским трастом и трас-

¹ Число личных фондов в России резко выросло в 2024 году // Сетевое издание «Forbes.ru». URL: <https://www.forbes.ru/biznes/535407-cislo-licnyh-fondov-v-rossii-rezko-vyroslo-v-2024-godu> (дата обращения: 01.06.2025).

топодобными конструкциями, функционирующими в условиях континентальной правовой семьи. Этот механизм, по мнению автора, позволяет защитить обособленное имущество как от самого учредителя, так и от его кредиторов [4, с. 61]. Стоит согласиться с автором в той части, что конструкция личного фонда во многом напоминает зарубежные трастовые аналоги. Так, автор законопроекта о личных фондах П.В. Крашенинников прямо отметил, что регламентация в российском законодательстве такой унитарной некоммерческой организации как личный фонд (в частности, «прижизненного» личного фонда) направлено, прежде всего, на повышение привлекательности российской юрисдикции для внутренних и внешних инвесторов¹. Следовательно, создание личного фонда с точки зрения экономических процессов направлено на обеспечение привлекательности и конкурентоспособности российской юрисдикции в сохранении активов, чтобы отечественное правовое регулирование не уступало в возможностях сохранения и управления активов, которые предоставляют зарубежные правовые системы в виде трастов и трастоподобных конструкций. Представляется, что обеспечение возможности использования отечественного механизма для целей «прижизненной» структуризации частных активов является перспективным направлением развития правовой системы. Однако, такая конструкция должна не только существовать в рамках правовой системы, но и являться не менее эффективной по сравнению с зарубежными аналогами.

Приведенная позиция Е.И. Червец не является абсолютно бесспорной. Так, стоит усомниться в подходе Е.И. Червец в части того, что механизм личного фонда позволяет защитить обособленное имущество как от учредителя, так и от кредиторов. Действительно, учредитель не имеет прав на имущество созданного им фонда: личный фонд обладает правом собственности на своё имущество (п. 4 ст. 123.20–4 ГК РФ). В то же время использование личного фонда вовсе не исключает тот факт, что кредиторы учредителя смогут добиться удовлетворения обязательств из имущества фонда. Так, личный фонд, за исключением наследственного фонда, несет субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам учредителя личного фонда в течение трех лет со дня его создания (в исключительных случаях, срок может быть продлен до пяти лет). То есть имущество, которое передается фонду на праве собственности, может пойти в счет обязательств учредителя личного фонда.

Исходя из этого установление срока, в течение которого личный фонд может быть привлечен к субсидиарной ответственности, является механизмом противодействия злоупотреблениям правом. Так, личный фонд не должен быть использо-

ван исключительно в качестве способа сокрытия активов от кредиторов учредителя (в частности, в случае банкротства последнего). Хотя, учитывая последние тенденции судебной практики, сомнительно, что установление пресекательного срока способно установить абсолютную защиту имущества от кредиторов учредителя по его истечении. Так, используя конструкцию ст. 10, 168 ГК РФ для признания сделок недействительными, суды обходят пресекательные сроки для признания недействительными сделок по специальным основаниям, установленным Законом о банкротстве. В результате недействительными признаются сделки практически десятилетней давности². В связи с этим создание личного фонда не обеспечивает абсолютную защиту и неприкосновенность имущества, переданного в его собственность, что снижает и стремление физических лиц использовать данную правовую конструкцию для сохранения своих активов.

Закономерно, что на практике обозначенные цели, которые преследуют при создании личных фондов, реализуют посредством иных, более привлекательных институтов инвестиционных фондов. В частности, такой инструмент коллективного инвестирования как закрытые паевые инвестиционные фонды в настоящее время всё чаще используется в качестве механизма индивидуального или «семейного» инвестирования. Для реализации этой цели законодатель предусмотрел возможность использования конструкции личных фондов. При этом, для такого положения вещей существуют определенные объективные предпосылки.

Анализируя подобную ситуацию, Т.Р. Шаймарданов и А.В. Погодин выделили следующие наиболее значимые преимущества закрытых паевых инвестиционных фондов перед другими инструментами сохранения и управления активами:

- профессиональное управление, осуществляемое лицензированной компанией;
- специальный налоговый режим;
- построения структурированной системы управления активами (существует возможность включения в фонд различных видов активов и материальных ценностей);
- более высокая степень защищенности активов;
- обеспечивает стабильность функционирования бизнеса вне зависимости от положения его владельца (в случае смерти владельца бизнес продолжит функционировать, так как он находится под управлением специального субъекта);
- конфиденциальность информации о пайщиках фонда;
- пайщик сохраняется определенный уровень контроля за сделками такого фонда;
- возможность выхода из структуры [5, с. 24–26].

¹ Что такое личные фонды? // Официальный сайт Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/53580/> (дата обращения: 28.05.2025).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2025 по делу № А40–284653/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/878ccc3c-86e8-4ffe-9580-005256f6e674> (дата обращения: 28.05.2025).

Указанные преимущества закрытого паевого инвестиционного фонда обеспечивают его особую востребованность использования в качестве средства индивидуального (семейного) инвестирования, а равно сохранения и управления активами одного лица. В связи с этим возникают вопросы обоснованности подобного применения конструкции закрытого паевого инвестиционного фонда, а также вопросы наличия рисков, возникающих при подобном использовании. Так, создание закрытого паевого инвестиционного фонда для целей индивидуального сохранения и управления активами может быть расценено налоговыми органами в качестве схемы по получению необоснованной налоговой экономии.

Представляется, что в настоящее время проблема соотношения двух обозначенных институтов заключается в том, что законодатель не обозначил четко их целевое назначение. Если по смыслу действующего законодательства личный фонд должен использоваться как временный механизм по сохранению и управлению активами для последующей их передачи бенефициарам (возможность организации своей наследственной массы без рисков снижения её ценности при смерти владельца), то закрытый паевый инвестиционный фонд – это именно инструмент инвестирования, то есть способ собрать определенный имущественный комплекс для извлечения из него прибыли. Именно на целевом различии личного фонда от иных видов фондов акцентируют внимание и исследователи, в частности: У.П. Егорова, А.Т. Куличкин [2, с. 24]. В законодательстве акценты или прямые запреты использовать тот или другой правовой механизм для сохранения и управления активами не предусмотрены. В результате на практике при стремлении сохранить и преумножить собственные активы субъекты хозяйственного оборота в большей степени выбирают наиболее выгодные конструкции, не руководствуясь при этом их целевым назначением.

Достаточно точно акцентировали внимание на значимости целевого предназначения правовой конструкции Т.И. Нестерова и А.Ю. Живаева. Авторы считают, что личный фонд при его использовании должен стать неким контролирующим органом, который руководит бизнесом, определяет его основные направления и распределяет доходы между выгодоприобретателями. В таком случае органам управления бизнеса остается руководство производством [3, с. 73]. Из данной трактовки также следует, что личный фонд не создается исключительно или преимущественно для целей инвестирования, такая правовая конструкция преследует цель сохранить актив и передать его выгодоприобретателям без потери его реальной ценности.

На основе изложенного возможно сформировать определенные пути развития совершенствования действующего законодательства, которые позволят решить проблему подмены гражданско-правовых институтов и их произвольного применения субъектами хозяйственного оборота. Пред-

ставляется, что законодатель может избрать путь введения строгого запрета на использование закрытых паевых инвестиционных фондов для целей, которые должны реализовываться посредством правовой конструкции личного фонда. Закономерно, что для обеспечения эффективности такого рода запрета необходимо предусмотреть и ответственность за его нарушение (административную, налоговую или уголовную). Однако, такой путь развития не является рациональным, так как предполагает наложение дополнительной нагрузки на контрольные органы, а также создает риски разработки искусственных схем по «маскировке» истинных целей создания закрытого паевого инвестиционного фонда или личного фонда тем или иным лицом.

Второй путь развития представляется наиболее эффективным, так как предполагает создание условий для того, чтобы использование личного фонда для целей сохранения и управления активами было выгодно лицам. Соответственно, при наличии необходимости структурировать свои активы для последующей передачи выгодоприобретателям (в частности, наследникам) лица, руководствуясь перспективой получения определенных налоговых преференций или иных благоприятных условий, будут открывать личные фонды. Для целей коллективного инвестирования необходимо создать условия, в которых выгодно будет применять исключительно конструкцию закрытого паевого инвестиционного фонда (не личного фонда).

Таким образом, использование таких гражданско-правовых институтов как личный фонд и закрытый паевый инвестиционный фонд по их целевому назначению не может быть достигнуто в условиях действующего гражданско-правового законодательства. В связи с этим законодателю необходимо выбрать один из предложенных путей развития или выработать иной эффективный подход решения существующей проблемы.

Литература

1. Гуцин В.В. Личный фонд – организационно-правовая форма управления бизнесом // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 178–181.
2. Егорова У.П., Куличкин А.П. Теоретико-правовая характеристика личных фондов // Вестник СВФУ. – 2024. – № 1 (33). – С. 16–25.
3. Нестерова Т.И., Живаева А.Ю. Правовое регулирование личных фондов в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 3 (258). – С. 66–74.
4. Червец Е.И. Личный фонд – terra incognita российского законодательства о юридических лицах // Юрист. – 2023. – № 4. – С. 61–65.
5. Шаймарданов Т.Р., Погодин А.В. Закрытые паевые инвестиционные фонды как способ инвестирования и структурирования активов. Развитие ЗПИФ в России и преимущества в сравнении с другими паевыми инвестиционными

фондами // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2022. – № 10 (97). – С. 22–27.

THE PURPOSE OF THE CIVIL LAW INSTITUTE OF THE PERSONAL FUND IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Stepanova E.I.

Moscow University named after A.S. Griboyedov

This article discusses the issues of the purpose of the civil law institution of a personal fund, as well as the differentiation of this legal structure from other civil law institutions (in particular, closed-end mutual funds). Based on the analysis of the norms of current legislation and scientific approaches, the author comes to the conclusion that the main purpose of the personal fund institute is the temporary preservation and management of assets for their subsequent transfer to beneficiaries (the possibility of organizing one's inheritance without the risk of reducing its value upon the death of the owner). At the same time, the combination of this purpose of the specified civil law institution with the purpose of using it as a means of individual or "family" investment is not excluded. At the same time, the author states that these goals should not be achieved through the creation

of closed-end mutual funds. To solve this problem, the author suggests ways to improve the current legislation.

Keywords: personal fund, purpose, closed-end mutual fund, legal regulation, asset conservation.

References

1. Gushchin V.V. Personal fund – an organizational and legal form of business management // *Law and management*. – 2023. – № 6. – Pp. 178–181.
2. Egorova U.P., Kulichkin A.P. Theoretical and legal characteristics of personal funds // *NEFU Bulletin*. – 2024. – № 1 (33). – Pp. 16–25.
3. Nesterova T.I., Zhivaeva A. Yu. Legal regulation of personal funds in the Russian Federation // *Property relations in the Russian Federation*. – 2023. – № 3 (258). – Pp. 66–74.
4. Chervets E.I. Personal fund – the terra incognita of Russian legislation on legal entities // *Lawyer*. – 2023. – № 4. – Pp. 61–65.
5. Shaimardanov T.R., Pogodin A.V. Closed-end mutual funds as a way of investing and asset structuring. The development of mutual funds in Russia and their advantages in comparison with other mutual funds // *Universum: economics and Jurisprudence*. – 2022. – № 10 (97). – Pp. 22–27.

Преимущества ликвидации антимонопольных иммунитетов в отношении объектов интеллектуальной собственности на примере «вертикальных» соглашений

Тарасов Иван Александрович,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: tarasov.post@bk.ru

Работа посвящена исследованию позиций о преимуществах и недостатках существования антимонопольных иммунитетов в отношении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. В качестве недостатков выдвигаются доводы о снижении уровня защиты правообладателей и привлекательности инвестиций в разработку объектов интеллектуальной собственности. От развития отношений по использованию объектов интеллектуальной собственности зависит модернизация высокотехнологичных рынков, но растет риск злоупотреблений правообладателей в условиях применения иммунитетов. Рассмотрена практика, которая иллюстрирует правоприменительную деятельность по пресечению недобросовестных действий правообладателей при заключении «вертикальных» соглашений, к которой контролирующие органы вынуждены прибегать, чтобы добиться защиты публично-правовых интересов, связанных с защитой конкуренции, и частных интересов субъектов-пользователей объектов интеллектуальной собственности от злоупотреблений правообладателей. Для сохранения баланса правового регулирования обозначенных правоотношений необходима разработка исключений из применений иммунитета – конкретных практик, которые позволят разграничить цель использования таких объектов, связанную либо с добросовестным извлечением прибыли, либо с ограничением конкуренции на товарных рынках при заключении «вертикальных» соглашений.

Ключевые слова: антимонопольный иммунитет, «вертикальные» соглашения, добросовестное извлечение прибыли, объекты интеллектуальной собственности, средства индивидуализации, баланс частных и публичных интересов, ограничение конкуренции.

Заметное развитие торговли посредством информационно-телекоммуникационного пространства, формирование новых видов цифровых товарных рынков сопровождается применением в предпринимательской деятельности различных форм информационных технологий[5], в основе которых лежат различные объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации. Преимущественное значение здесь имеют охраняемые объекты патентного права, на основе которых разрабатываются цифровые и информационные системы, позволяющие совершенствовать современный, в том числе цифровой товарообмен, а также сферу цифровых услуг.

Безусловно в условиях увеличения числа хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность по перепродаже товаров (оказанию услуг) по модели франчайзинговых договоров, растет риск, связанный ростом нарушений, злоупотреблений при предоставлении исключительных прав на использование средств индивидуализации юридических лиц либо товаров и услуг.

Значение указанных объектов в экономике Российской Федерации в настоящее время сложно недооценивать, в связи с чем увеличение их использования в предпринимательской деятельности «может служить не только на благо общества, например, в целях инновационного развития, но и может приводить к монополизации товарных рынков и ограничению конкуренции[4]».

В данном случае растет значимость достижения баланса между частными интересами, где акцент делается на важности защиты прав правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, и публичными интересами, которые направлены на обеспечение свободы конкуренции и пресечения монополистической деятельности указанными субъектами. «При этом от сбалансированности правового регулирования конкурентных отношений зависит эффективность применения норм и институтов антимонопольного права[7]», которые действуют наряду с правовыми инструментами, предусмотренными гражданским законодательством, признаны повысить уровень правовой защиты как правообладателей, так и пользователей объектов интеллектуальной собственности.

В данной научной работе исследуется вопрос поиска баланса правового регулирования, в том числе с точки зрения антимонопольного законодательства, правоотношений, предполагающих переход исключительных прав на различные виды

интеллектуальной собственности на примере отношений по заключению (реализации) «вертикальных» соглашений.

В связи с тем, что реализация «вертикальных» соглашений в экономической деятельности посредством таких форм гражданско-правовых договоров, которые опосредуют движение исключительных прав между хозяйствующими субъектами, позволяют сторонам соглашения оказывать сопутствующие услуги третьим лицам при перепродаже товаров, правообладатель и пользователи результатов интеллектуальной деятельности должны быть обеспечены правовыми инструментами, позволяющими пресекать недобросовестное поведение друг друга в отношении доступа к охраняемым объектам.

Пункт 19 статьи 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) установил определение «вертикального» соглашения, как соглашения хозяйствующих субъектов, один из которых приобретает товар (у производителя либо иного поставщика), а другой предоставляет (продает) товар[2] для целей дальнейшей реализации либо для иных предпринимательских целей, в том числе переработки товаров либо оказания иных сопутствующих услуг.

Законом о защите конкуренции предусмотрены определенные ограничения для допустимости «вертикальных» соглашений, например, запрет устанавливать обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца. При этом Законом о защите конкуренции предусмотрено исключение из такого запрета в случае, если такое обязательства предусмотрено в соглашении об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя[2].

Ограничительные условия «вертикальных» соглашений, вытекающие из норм, которые предусмотрены для соответствующих видов гражданско-правовых договоров, например, договоров коммерческой концессии либо лицензионных договоров, способны воздействовать на условия обращения товаров на товарных рынках, что соответственно приводит (может привести) к устранению конкуренции. Пределы допустимости «вертикальных» соглашений и исключения из применения антимонопольных запретов призваны достичь баланса интересов участников таких соглашений и публичных интересов.

Нередки случаи злоупотребления хозяйствующими субъектами – правообладателями результатов интеллектуальной деятельности как допустимыми пределами «вертикальных» соглашений, так и существующим антимонопольным иммунитетом в отношении соглашений по реализации исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной собственности, что может выразиться, например, в разделе товарных рынков по территориальному признаку или навязыванию невыгодных условий.

Вместе с тем в настоящее время встречаются случаи невозможности квалифицировать недобросовестные действия правообладателей в качестве нарушения антимонопольных требований, и тем самым воздействовать на таких субъектов, цель которых изначально заключается в снижении конкурентоспособности иных субъектов, действующих на том же товарном рынке.

В соответствии с частью 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции вышеуказанные запреты для «вертикальных» соглашений не распространяются на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг[2].

Вместе с тем предлагается уделить внимание тем научным доводам, которые направлены на обеспечение сбалансированного правового регулирования объектов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации.

Так, например, Ефимцева Т.В. и Петров В.И. предлагают сохранить существование антимонопольных иммунитетов в отношении указанных объектов как общей презумпции нераспространения антимонопольного законодательства на такие правоотношения, при этом создать дополнительные нормы, позволяющие распространять антимонопольные запреты, в частности, нормы статьи 11 Закона о защите конкуренции, на действия и/или соглашения, в рамках которых опосредуется движение исключительных прав на интеллектуальную собственность, в случае недобросовестных действий со стороны правообладателей. Так, антимонопольные запреты могут быть применены к отношениям по распоряжению исключительными правами, например, «если действиями (соглашениями) хозяйствующих субъектов создается возможность устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке либо на их участников или третьих лиц налагаются ограничения, не соответствующие достижению целей таких действий (соглашений)[5]».

Установление цели совершения действий или заключения таких соглашений, по мнению автора, действительно важно, поскольку только в таком случае возможно определить правовые последствия, что непременно требуется для ответа на вопрос, создаются ли ограничения для конкуренции, в том числе для третьих лиц-пользователей результатов интеллектуальной деятельности.

Такой подход нацелен на то, чтобы иметь возможность рассматривать действия и соглашения на предмет возможности воздействия на конкуренцию в каждом индивидуальном случае и устанавливать как отрицательные, так и положительные последствия, например поддержание определенного уровня качества товаров либо расширение цепочки реализации товаропотока в части применения рассматриваемого механизма в «вертикальных» соглашениях.

Федеральной антимонопольной службой была предпринята попытка внести изменения в За-

кон о защите конкуренции, исключив в том числе часть 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции. Одна из целей данной инициативы характеризовалась попыткой защитить российских разработчиков программного обеспечения от злоупотреблений зарубежных производителей-патентообладателей. Вместе с тем, на указанную инициативу было получено отрицательное заключение, в связи с чем инициатива не получила свое продолжение.

Также, например, Р. Сайдашев отмечал, что антимонопольные иммунитеты в отношении интеллектуальной собственности способствуют ограничению конкуренции, поскольку «недобросовестные с точки зрения обычаев делового оборота субъекты экономической деятельности часто стремятся выдать за отношения по использованию интеллектуальных прав иные схожие правоотношения[10]».

Поэтому делается вывод об их избыточности, а также о том, что их ликвидация в условиях повышения роли цифровых платформ в экономике снизит возможность нанести вред экономическим публичным интересам и сократит предпосылки для ограничения конкуренции недобросовестными субъектами рынка.

Примечательным примером возможности защиты частных интересов хозяйствующих субъектов от злоупотреблений правообладателей исключительными правами, а также защиты свободы конкуренции в условиях применения антимонопольных иммунитетов является кейс, раскрытый в рамках судебного дела № А40–72785/2020 (постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.03.2021 № С01–137/2021[3]).

Из материалов дела следовало, что между хозяйствующими субъектами заключен договор о предоставлении права использования ПО, при этом лицензиат принял обязательство не заключать аналогичных договоров с иными организациями, осуществляющими аналогичную деятельность, в период действия договора и в течение года после истечения его действия. Подобная конструкция договора представляет возможность квалифицировать его как «вертикальное» соглашение, поскольку посредством предоставления права использования лицензионного программного обеспечения лицензиат вправе оказывать услуги третьим лицам на рынке розничной продажи автомобильных запчастей.

Важно, что условиями договора предусмотрено обязательство лицензиата отказаться от осуществления предпринимательской деятельности на рынке розничной продажи автомобильных запчастей на вышеуказанных условиях. Соблюдение указанного обязательства было обеспечено правом лицензиара расторгнуть договор и правом требования возмещения убытков.

В материалах дела были представлены доказательства осуществления лицензиатом аналогичной предпринимательской деятельности, в связи с чем лицензиар направил в арбитражный суд требование о взыскании с лицензиата причиненных

убытков (~11 млн руб.) ввиду нарушения условий лицензионного соглашения.

Судами трех инстанций было установлено, что отдельные условия лицензионного договора ограничивают лицензиата в осуществлении основной и единственной предпринимательской деятельностью.

Судами было установлено, что деятельность на спорном товарном рынке – это основной вид деятельности лицензиата, а взыскание убытков на значительную сумму с большей степенью вероятности приведет к прекращению его экономической деятельности вовсе.

Невозможность признания вышерассмотренных ограничительных условий как заключение и реализация недопустимого «вертикального» соглашения привело к оставшейся возможности квалификации действий правообладателя как субъекта, занимающего доминирующее положение на спорном товарном рынке (статья 10 Закона о защите конкуренции), которое выразилось в создании невыгодных условий договора и препятствий доступа к рынку розничной продажи автомобильных запчастей.

Отметим, что при отсутствии у нарушителя статуса доминирующего субъекта возможность признать действия лицензиара по установлению таких ограничительных условий нарушением антимонопольного законодательства отсутствовала бы во все.

В данном контексте представляет интерес позиция В. Истомина о необходимости соблюдения баланса в частно-правовом и публичном правовом регулировании отношений по отчуждению права использования результата интеллектуальной деятельности, в соответствии с которой помимо защиты экономических интересов правообладателя, таких как возможность извлекать необходимую прибыль за счет использования этих объектов, формировать стимулы к инвестированию в научную, творческую (экономическую) деятельность по их созданию, и правовых интересов – защита от незаконного использования подобных объектов, с другой стороны необходимо обеспечить защиту прав иных субъектов, в том числе пользователей результатов интеллектуальной деятельности, от недобросовестных действий правообладателей, если последним предпринимается попытки, например, устранить конкурентов или снизить их конкурентоспособность.

Как и показывает вышерассмотренная судебная практика с учетом актуальной редакции части 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции «суды вынуждены искусственно рассматривать соглашения как не относящиеся к сфере распоряжения исключительными правами, либо разделять условия соответствующих соглашений на те, которые касаются передачи исключительных прав, и условия о «поставке товаров», что зачастую вызывает обоснованную критику подобных решений[7]».

Одним из критических доводов является крайне незначительная применимость норм пункта 7 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации, которые позволяет применить запреты антимонопольного законодательства в случаях, когда нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности признано в установленном порядке недобросовестной конкуренцией, в том числе применить последствия для нарушителей в виде гражданско-правовой ответственности (признание сделки недействительной в судебном порядке) и административной ответственности (выдача предписания о прекращении нарушения антимонопольного законодательства, административный штраф).

А.Ю. Ивановым также заявляется довод о том, что «законная монополия» исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности должна обеспечивать правообладателям получение «вознаграждения от коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности, а не контроль над рынком»[6].

К аналогичным выводам приходит Е. Щербак, указывая на то, что применение результатов интеллектуальной деятельности на активно развивающихся рынках повышает эффективность предпринимательской деятельности, преимущественно инновационной, а также ставит своей целью повышение качества и конкурентоспособности собственных товаров.

При этом отмечает, что защита исключительных прав правообладателей обеспечивается в том числе благодаря частноправовому регулированию, предусматривающее запрет неправомерного использования исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности[11].

В. Истомин отмечает ключевую роль антимонопольного регулирования в условиях развития деятельности торговых площадок, цифровых платформ и крупных агрегатор информационных систем, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция к монополизации высокотехнологичных рынков[8].

Это позиция объясняется тем, что предоставление права пользоваться данными, которые получены (обработаны) цифровой платформой на основе применения различных объектов интеллектуальной собственности, правообладателем которых такая цифровая платформа и является, представляет собой действие по распоряжению исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности, например базы данных, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем и иные охраняемые объекты.

Исходя из норм статей 1229 и 1233 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что правообладатель вправе использовать такой результат любым не противоречащим закону способом, в том числе путем его отчуждения или предоставления права использования по договору другому лицу в установленных договором пределах[1].

В связи с этим меры антимонопольного органа, направленные на пресечение актов недобросовестной конкуренции со стороны правообладателей, теоретически вступают в коллизию с нор-

мами, регулирующими пределы исключительных прав по их распоряжению и предоставлению третьим лицам.

Это особенно остро наблюдается в случае, если отношения между цифровой платформой и контрагентами строятся не по модели лицензионного договора или смешанного лицензионного и иных форм гражданско-правовых договоров, а по модели договора об оказании услуг.

Вместе с тем представляется, что оказание цифровыми компаниями услуг, в том числе агентского характера, опосредующих доступ какого-либо субъекта к цифровой платформе, является правовой формой поведения правообладателя результата интеллектуальной деятельности, которое, представляет собой использование результата либо распоряжение исключительным правом в отношении него[8].

Квалификация таких действий (соглашений) напрямую влияет на применение в настоящее время действующий без исключений антимонопольный иммунитет.

В. Истомин задается теоретическим вопросом о том, охватываются ли понятием использования результата интеллектуальной деятельности действия компании-агрегатора либо соглашения об условиях доступа к информационной платформе в качестве акта распоряжения результатом интеллектуальной деятельности, либо такие действия могут рассматриваться как оказание определенной услуги.

По его мнению, признание этих действий (соглашений) деятельностью по оказанию определенных услуг означало бы «существование некоего дополнительного правомочия обладателя результата интеллектуальной деятельности, помимо использования такого результата либо распоряжения им. Однако, полагаясь на действующее законодательство, прийти к такому выводу не представляется возможным[8]».

И даже положительный ответ, который заключается в признании такой деятельности в качестве одного из правомочий по использованию исключительных прав, негативно повлиял бы на правоприменительную практику, поскольку не создал бы возможность выявить исключение из антимонопольного иммунитета.

Кочеткова А.И. отмечает некоторый ряд проблем, с которыми хозяйствующие субъекты сталкиваются в процессе предпринимательской деятельности. Так, наличие правомочий на полное или частичное ограничение коммерческого использования объектов интеллектуальной собственности, может приводить к злоупотреблению, в частности, патентными правами.

Академическим примером злоупотребления Кочеткова А.И. называет ситуации, в которых «крупные компании подают иски о защите патентных прав против своих конкурентов по сути не с целью реального ограничения противоправной деятельности, а с намерением снизить конкурентоспособность компаний, занимающих ту же рыночную нишу, блокировать их деятельность[9]».

Данный тезис применим, в первую очередь, и к «вертикальным» соглашениям, поскольку в большинстве случаев они могут содержать условия лицензионного договора о предоставлении прав на патентные объекты, которые позволяют включить ограничения по территориальному принципу, а также условия о «неконкуренции» с обладателями схожих, аналогичных объектов.

Затем отмечает, что антимонопольный иммунитет вводился в целях обеспечения баланса между интересами конкретного патентообладателя и неопределенным кругом лиц, заинтересованных в использовании патента.

Внедрение информационных технологий и цифровая трансформация, как ранее отмечалось, становится драйвером развития сферы интеллектуальной собственности и, соответственно, для появления потенциальных злоупотреблений со стороны правообладателей.

В целях возможной реформации правового регулирования антимонопольных иммунитетов требуется регламентация практик поведения патентообладателей, которые действительно способны оказывать воздействие на конкуренции и на права иных хозяйствующих субъектов, и которые стоит считать злоупотреблениями и пресекать.

Кочеткова А.И. со ссылкой на Куприянова А.Д. указывает «на такой критерий, как цель использования объекта интеллектуальной собственности для установления возможности применения норм Закона о защите конкуренции[9]». Если цель использования вышеуказанных объектов направлена на законное извлечение прибыли от использования объектов – антимонопольные иммунитеты применимы. Если объекты интеллектуальной собственности используются в качестве инструмента снижения конкурентоспособности третьих лиц, то такие действия (соглашений) подпадают под соответствующие антимонопольные запреты.

По мнению Кочетковой А.И., важно выработать критерии, в соответствии с которыми будет происходить разграничение недобросовестной конкуренции и правомерной защиты правообладателями своих прав.

В данном контексте нельзя не отметить, что «размытые» формулировки могут привести к правовой неопределенности и соответственно к дисбалансу между интересами правообладателей и состоянием конкуренции на товарных рынках.

Цель и критерии разграничения поведения правообладателей результатов интеллектуальной деятельности с точки зрения добросовестности для применения антимонопольного законодательства важны как на теоретическом, так и практическом уровне. Вместе с тем с учетом широкой разветвленности вариантов и моделей отношений правообладателя и пользователей при предоставлении прав использования обозначенных объектов, по мнению автора, на практическом уровне также требуется разработка и тиражирование конкретных примеров поведения, которые несут повышенный риск нанесения ущерба конкуренции и, следо-

вательно, приводят к нарушению антимонопольного законодательства. К таким видам поведения могут относиться такие действия как:

- необоснованный отказ в выдаче лицензии для пользователя;
- предоставление права получения доступа к интересующему объекту исключительно в рамках пакета лицензий;
- включение в лицензионное соглашение условий, предусматривающих механизмы ценообразования и ограничения на выпуск продукции, и другие неконкурентные практики.

Кроме того, подобная работа должна быть проведена и в отношении проконкурентных практик, то есть видов поведения, которые вряд ли приведут к нарушению антимонопольного законодательства, а также продемонстрируют возможность наступления положительных последствий для развития конкуренции на определенном товарном рынке.

Таким образом, приходим к выводу, что для достижения наиболее эффективного баланса частного правового и публичного регулирования отношений по распоряжению (предоставлению) исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности необходимо выявить критерии разграничения действий правообладателей интеллектуальной собственности, а также предусмотреть на уровне подзаконного регулирования «белую» и «черную» книги, так называемых «лучших» и «худших» практик по распоряжению указанных объектов.

Решение, позволяющее ликвидировать вовсе применение антимонопольных иммунитетов, в том числе в отношении «вертикальных» соглашений, теоретически упростило бы этот процесс, поскольку антимонопольным органам приходилось бы по общему правилу в каждом конкретном случае устанавливать не только цель заключения соглашений (совершения действий), но и возможность оказывать воздействие на условия обращения товаров.

При этом, чтобы не допустить наступление негативных последствий, связанных со снижением (дестимулированием) интереса субъектов экономической деятельности к инвестированию в инновационные разработки различных объектов интеллектуальной деятельности, в том числе объекты патентного права, видится вывод о формировании, скорее, исключительных условий из антимонопольных иммунитетов.

Выдвижению теоретических и практических моделей поведения по распоряжению правообладателями исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности, которые будут являться исключительными случаями для неприменения антимонопольных иммунитетов, будет посвящено дальнейшее изучение этой темы на основе формирующейся правоприменительной практики и зарубежного опыта, в том числе таких стран как Новая Зеландия, которая совместила два этих решения, путем полной отмены антимонопольных иммунитетов, так и выпуска на подзаконном

уровне сборника положительных и отрицательных практик хозяйствующих субъектов, которые помогут наиболее справедливо квалифицировать подобные действия участников экономической деятельности с точки зрения защиты публичных и частных интересов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 1229, 1233.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 4.
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.03.2021 № С01–137/2021 по делу № А40–72785/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Байкова М.В. Проблема российского антимонопольного регулирования прав на интеллектуальную деятельность // Инновационная экономика и современный менеджмент. – 2021. – № 5(36). – С. 51–53.
5. Ефимцева Т.В., Петров В.И. Некоторые правовые аспекты правового обеспечения конкуренции в условиях цифровой экономики в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 265–269.
6. Иванов А.Ю. Мифы о легальной монополии, или Сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // Закон. – 2020. – № 2. – С. 86–102.
7. Истомин В.Г. Интеллектуальные права и антимонопольное регулирование: оценка допустимости и пределов антимонопольных иммунитетов в контексте обеспечения баланса интересов // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 102–112.
8. Истомин В.Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском союзе // Правоприменение 2022. Т. 6, № 2. С. 120–133.
9. Кочеткова А.И. Реализация исключительных прав в связи с антимонопольным иммунитетом для интеллектуальной собственности // Всероссийский конкурс работ студентов, аспирантов, преподавателей по вопросам интеллектуальной собственности: сборник материалов, Сыктывкар, 2022. – С. 27–51.
10. Сайдашев Р.З. Антимонопольные иммунитеты в отношении интеллектуальных прав сквозь призму конституционных норм // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 4 (24). С. 22–27.
11. Щербак Е.Н. Проблемы развития конкурентного права в условиях цифровизации // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции,

Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 635–643.

ADVANTAGES OF ELIMINATING ANTIMONOPOLY IMMUNITIES IN RELATION TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS ON THE EXAMPLE OF “VERTICAL” AGREEMENTS

Tarasov I.A.

All-Russian State University of Justice

The work is devoted to the study of the advantages and disadvantages of the existence of antitrust immunities in relation to exclusive rights to intellectual property. The disadvantages include the reduction of the level of protection for rights holders and the attractiveness of investments in the development of intellectual property. The modernization of high-tech markets depends on the development of relations related to the use of intellectual property, but there is a growing risk of abuse by rights holders in the context of the use of immunities. The article examines the practice that illustrates the enforcement activities aimed at preventing unfair practices by copyright holders when concluding “vertical” agreements, which are necessary for regulatory authorities to protect public law interests related to competition and private interests of users of intellectual property from abuse by copyright holders. In order to maintain the balance of legal regulation of these legal relations, it is necessary to develop exceptions to the applications of immunity – specific practices that will allow distinguishing the purpose of using such facilities, related either to fair profit making or to limiting competition in commodity markets when concluding “vertical” agreements.

Keywords: antitrust immunity, “vertical” agreements, fair profit making, intellectual property objects, means of individualization, balance of private and public interests, restriction of competition.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-FZ // SPS “ConsultantPlus”. Articles 1229, 1233.
2. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ “On Protection of Competition” // SPS “Consultant Plus”. Article 4.3.
3. Court Order on intellectual property rights dated 03/22/2021 № С01–137/2021 in case No. А40–72785/2020 // SPS “ConsultantPlus”.
4. Baykova M.V. The problem of Russian antimonopoly regulation of intellectual property rights // Innovative economics and modern management. – 2021. – № 5(36). – Pp. 51–53.
5. Efimtseva T.V., Petrov V.I. Some legal aspects of the legal provision of competition in the digital economy in the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 265–269.
6. Ivanov A. Yu. Myths about legal monopoly, or a tale about why innovations do not develop in Russia with persistent protection of intellectual property // Law. 2020. – No. 2. – pp. 86–102.
7. Istomin V.G. Intellectual property rights and antimonopoly regulation: assessment of the admissibility and limits of antimonopoly immunities in the context of ensuring a balance of interests // Journal of Russian Law. 2019. No. 12. pp. 102–112.
8. Istomin V.G. Antimonopoly regulation of digital companies and the functioning of Internet platforms in Russia and the European Union // Law enforcement 2022. Vol. 6, No. 2. pp. 120–133.
9. Kochetkova A.I. Realization of exclusive rights in connection with antimonopoly immunity for intellectual property // All-Russian competition of works by students, postgraduates, and teachers on intellectual property issues: a collection of materials, Syktvykar, 2022, pp. 27–51.
10. Saidashev R.Z. Antimonopoly immunities in relation to intellectual property rights through the prism of constitutional norms // Russian Competition law and Economics. 2020. No. 4 (24). pp. 22–27.
11. Shcherbak E.N. Problems of development of competition law in the context of digitalization // Legal activity in the context of digitalization: A collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference, Simferopol: Limited Liability Company “Publishing House Printing House “Ariall”, 2021. – pp. 635–643.

Конвертируемый заем в корпоративном праве Российской Федерации: правовые последствия вступления третьих лиц и риски для займодавцев

Телибекова Дамира Бакытбековна,

аспирант кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: damira98.kz@mail.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с заключением договора конвертируемого займа в рамках корпоративного права Российской Федерации (далее – Россия) с акцентом на риски и последствия для займодавца. Анализируются правовые последствия вступления третьего лица в состав участников общества в период действия договора конвертируемого займа. В работе рассматриваются правовые последствия, возникающие при изменении состава участников общества, включая автоматический переход обязательств на новых участников. Особое внимание уделяется риску уменьшения и размытию доли займодавца, что приводит к нарушению его имущественных прав и баланса интересов сторон договора. Работа направлена на выявление ключевых проблем и формулирование рекомендаций для защиты прав займодавцев.

Ключевые слова: договор конвертируемого займа, уставный капитал, вступление третьего лица, имущественные права, размытие доли, интересы займодавца.

Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ № 354) законодатель официально ввел новую договорную конструкцию в российский правопорядок в виде договора конвертируемого займа [1]. Ключевое отличие договора конвертируемого займа от традиционного займа заключается в наличии механизма, позволяющего при наступлении срока возврата или квалифицированного события возвратить заемные средства с начисленными процентами либо осуществить их конвертацию в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО).

Следует отметить, что ранее в российском корпоративном праве использовались альтернативные механизмы реализации конвертации, осуществляемые посредством подписания корпоративного договора или предоставления опциона. Дополнительно применялись конструкции, предусматривающие заключение договора займа, корпоративного договора и протокола общего собрания участников общества, посредством которых осуществлялось увеличение уставного капитала и конвертация займа в долевое участие с оплатой доли за счет зачета погашаемого займа.

В соответствии с действующими правовыми актами, а именно п. 9 ст. 19.1 Закона об обществах с ограниченной ответственностью (далее – Закон об ООО), для заключения договора конвертируемого займа требуется получение предварительного единогласного согласия общего собрания участников общества [2]. При этом факт принятия на собрании решения, а также перечень присутствовавших участников, подлежат нотариальному удостоверению.

Представляет интерес вопрос об увеличении уставного капитала общества в случае вступления третьего лица в состав участников в период действия договора конвертируемого займа. Примечательно, что законодатель не установил порядок увеличения уставного капитала на период действия такого договора. Так, возникает вопрос о возможном ущемлении имущественных прав и интересов займодавца при уменьшении размера предполагаемой доли, в силу увеличения уставного капитала при принятии в общество третьего лица и изменения размера долей всех участников. Законодательством также не предусмотрено уменьшение размера предполагаемой доли займодавца и порядок уменьшения доли.

Общество, выступающее в роли заемщика, обязано уведомить третье лицо о заключенном ранее

договоре конвертируемого займа и согласовать с потенциальным новым участником последующие действия в контексте данного договора. В результате между обществом-заемщиком и третьим лицом возможны две альтернативные схемы реализации вопроса вступления в общество:

1. Согласие третьего лица с условиями договора конвертируемого займа.

Прежде всего, при вхождении третьего лица в общество его участникам необходимо проверить отсутствие в уставе запрета на вхождение в общество третьего лица, а также уточнить наличие такого пункта в уже действующем договоре конвертируемого займа. В случае отсутствия такого запрета для вхождения третьего лица и реализации процедуры увеличения уставного капитала в период исполнения конвертируемого займа участникам необходимо принять единогласное решение о заключении дополнительного соглашения к данному договору. Представляется, что в дополнительном соглашении будет прописано что оно является неотъемлемой частью договора конвертируемого займа, и в него будут включены пункты об увеличении уставного капитала общества (в силу принятия третьего лица), а также об изменении количества участников.

Практикующий юрист Р. Мулюкова отмечает, что появление третьего лица в составе общества влечёт за собой необходимость повторного получения согласия от всех участников на заключение договора конвертируемого займа [3]. Нельзя полностью согласиться с мнением Р. Мулюковой, так как все участники уже ранее выразили свое согласие по поводу заключения договора. Представляется, что согласие потребуется лишь от третьего лица – нового участника общества, так как возникает необходимость удостовериться в том, что новый участник общества согласен с условиями ранее заключенного договора конвертируемого займа. В случае согласия третьего лица, общество может подтвердить действительность заключенной сделки в новом составе участников при заключении дополнительного соглашения.

Спорной представляется точка зрения Е. Рябова, который уточняет, что в случае вхождения в общество третьего лица: «... решение общего собрания об увеличении уставного капитала компании во исполнение текущего конвертируемого займа будет уже недействительным, поскольку на тот момент в компании появится новый участник и соотношение долей изменится...» [4]. С такой позицией автора согласиться нельзя, так как появление третьего лица и включение его в состав участников общества не влечет за собой недействительность решения общего собрания участников, которое было принято до принятия в общество третьего лица. При этом следует отметить, что действительно, соотношение долей участников, в том числе третьего лица (который будет уже участником общества) изменится в момент расчета размера долей участников для осуществления конвертации.

Существенным моментом в договоре конвертируемого займа является то, что при его заключении займодавец, предоставляя заемщику определенную денежную сумму, оговаривает на основании соглашения сторон размер своей будущей доли в качестве встречного предоставления от последнего. Представляется, что при вступлении в общество нового участника – третьего лица размер долей будет изменяться лишь у участников общества, которое является заемщиком, а размер установленной договором доли займодавца (в процентах) не может быть изменен.

Также представляется, что для принятия в общество третьего лица – нового участника, но уже после заключенного договора конвертируемого займа, необходимо согласие займодавца. Этот довод обусловлен тем, что договор будет изменен в части количества участников общества, ведь количество фактически изменится после включения в него нового участника, как изменится и размер уставного капитала ввиду внесения вклада новым участником. Думается, что получение согласия займодавца на заключение дополнительного соглашения необходимо в целях обеспечения прав и интересов сторон по договору конвертируемого займа. Позиции о необходимости участия в общем собрании займодавца придерживается и И.В. Сидоров [5]. Принятие в общество третьего лица может повлиять на расчет доли при наступлении конвертации, то стороны могут значительно отойти от предполагаемого размера конвертируемой доли займодавца, которая прописана в договоре.

Что касается нотариального удостоверения договора конвертируемого займа, то по этому поводу Р.М. Янковский указывает, что нотариальная форма договора конвертируемого займа недопустима [6]. При критическом рассмотрении возникает вопрос: насколько данная позиция соответствует требованиям законодательства и правовой защищенности в сфере таких сложных договоров как конвертируемый заем? Во-первых, п. 3 ч. 3 ст. 67.1 ГК РФ содержит императивную норму об особенностях управления и контроля в обществах согласно которой принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения на заседании и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются нотариальным удостоверением [7]. Во-вторых, нотариальное заверение решения обеспечивает правовую защищенность и прозрачность. Позицию о необходимости нотариального удостоверения соглашения об изменении договора конвертируемого займа также высказывают Ю.В. Холоденко и Д.М. Наземцев [8].

После этого необходимо подать в налоговый орган комплект документов, требуемый для регистрации изменений в договорах и корректировки сведений в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ). При этом законодатель не определяет, какая из сторон договора обязана представлять регистрационные документы, оставляя этот вопрос на усмотрение сторон. По поводу

данной ситуации Ю.В. Холоденко и Д.М. Наземцев, подробно анализируя процедуру государственной регистрации изменений размера уставного капитала общества, все же не уточняют, кто же из сторон – займодавец или заемщик должны осуществлять эти действия.

Стоит отметить, что с момента заключения договора конвертируемого займа в обществе начинают действовать корпоративные ограничения, которые были согласованы сторонами, что ведет к ограничению как корпоративных, так и имущественных прав участников общества и самого юридического лица. Аналогичная ситуация имеет место и при вступлении нового участника, который не принимал участия в голосовании относительно согласия на заключение договора и последующего увеличения уставного капитала в рамках исполнения конвертируемого займа.

Представляется что в данном случае, третье лицо согласилось на изменении своей текущей доли в уставном капитале общества-заемщика, а «прежние» участники общества согласились два раза на уменьшение размера их долей: в первый раз при заключении договора, а второй раз при вхождении в общество третьего лица. Такая ситуация «двойственного» изменения размера долей может привести к размытию долей прежних участников общества. Что касается изменения размера долей, то вопрос об изменении долей в случае включения нового участника в общество ставится трижды: к указанным выше двум случаям добавляется и ситуация после конвертации, когда займодавец предъявляет обществу-заемщику требование об увеличении уставного капитала.

Позицию о размытии доли участников подтверждает О.И. Черникова, полагая, что: «... для участников компании создается опасность размытия долей» [9]. Автор отмечает, что существует возможность, когда первоначальные участники могут потерять контроль над управлением обществом. Р.И. Ермоленко, уточняя, что формального запрета на увеличение уставного капитала общества по время действия договора отсутствует [10]. Разделяет позицию о размытии доли и И.В. Сидоров, предлагая внесение запрета на увеличение уставного капитала или запрета принятия решения общего собрания участников без участия займодавца. Точка зрения И.В. Сидорова представляется обоснованной, так как при вступлении в общество третьего лица имущественные права и интересы займодавца могут быть нарушены (к примеру, размытием доли займодавца), в случае если в договоре не закреплен пункт о том что предполагаемая доля (после конвертации) займодавца не может быть уменьшена в связи с принятием в общество третьего лица, увеличении уставного капитала и изменения соотношения долей участников.

Р.И. Ермоленко предлагает и другой способ защиты доли займодавца от размытия, а именно путем введения представителя займодавца в органы управления заемщика, задачей которого бу-

дет не допустить принятия решения об увеличении уставного капитала общества. Данная точка зрения представляется необоснованной, так как, во-первых, это может нарушать принцип автономии воли участников общества, закрепленный в гражданском законодательстве. Управление обществом должно осуществляться его участниками или акционерами, а не третьими лицами, чьи интересы могут не совпадать с интересами компании. Во-вторых, такое вмешательство может привести к конфликту интересов, поскольку представитель займодавца будет действовать в первую очередь в интересах кредитора, а не общества. Также не ясно в каком статусе будет являться представитель займодавца в органах управления общества?

Представляется, что для защиты имущественных прав сторонам при заключении договора конвертируемого займа необходимо предусмотреть пункт о запрете вступления в общество третьих лиц до наступления срока возврата займа или квалифицированного события. Данная оговорка обеспечить имущественные права и интересы займодавца, позволит избежать размытия его доли, а также защитит имущественные интересы участников общества от «двойственного» изменения размера их долей.

2. Отказ в подписании договора конвертируемого займа, подписание корпоративного договора и вступление в общество.

При вступлении в общество третье лицо может отказаться от подписания дополнительного соглашения к договору конвертируемого займа, поскольку не желает уменьшения размера своей доли, однако может настаивать на формальном вступлении в общество. В этом случае между третьим лицом и обществом может быть заключен корпоративный договор, предусматривающий сохранение размера доли третьего лица в случае наступления квалифицированного события и определения размеров долей при исполнении процедуры конвертации.

Однако, данный вариант подходит только в том случае, если договор конвертируемого займа содержит положения о том, что его обязательства и права распространяются только на участников, давших предварительное единогласное согласие на его заключение, а также условие о том, что принятие в общество третьего лица не может изменить условия договора конвертируемого займа. В таком случае отсутствие переподписания может привести к тому, что новый участник не будет иметь юридически оформленных обязательств и прав, вытекающих из данного договора, что может ставить под сомнение механизм конвертации займа в уставный капитал.

С другой стороны, в договоре может быть предусмотрено что заключенный договор является обязательным для общества и его участников, включая новых, либо договор может содержать механизмы автоматического перехода обязательств в отношении новых участников. В таком случае можно обойтись без процедуры переподписания

договора при вступлении третьего лица. Однако даже в этом случае может потребоваться оформление соответствующего протокола общего собрания участников, отражающего информирование нового участника о заключённом договоре конвертируемого займа и подтверждение согласия на сохранение условий договора.

В данном случае имущественные права и интересы займодавца так же находятся под риском уменьшения и размытия доли. Соответственно, займодавец вновь попадает в невыгодное положение: баланс его интересов находится под вопросом в случае вступления в общество еще одного лица.

Введение договора конвертируемого займа ФЗ № 354 представляет собой существенное изменение в российском корпоративном праве, поскольку новая конструкция позволяет заемщику по истечении срока возврата или при наступлении квалифицированного события выбрать между возвратом с начисленными процентами и конвертацией займа в уставный капитал. При этом требуется обязательное получение предварительного единогласного согласия всех участников общества, что учитывается требованиям п. 9 и п. 10 ст. 19.1 Закона об ООО и должно подтверждаться нотариальным удостоверением.

В случае вступления в общество третьего лица имущественные и корпоративные права и интересы займодавца оказываются в невыгодном положении: при увеличении уставного капитала и изменения размера долей, при осуществлении конвертации доля займодавца может быть существенно уменьшена. Для недопущения такой ситуации, видится необходимым получение согласия от займодавца для вступления в общество третьего лица. Внесение изменений в состав участников общества повлечет за собой корректировку условий договора, включая изменение количества участников, а также увеличение размера уставного капитала за счет вклада нового участника. В связи с этим, согласие займодавца на вступление в общество третьего лица позволит обеспечить защиту прав и законных интересов сторон, участвующих в договоре конвертируемого займа. Также, рекомендуется заключение дополнительного соглашения к договору конвертируемого займа, с включением пунктов об увеличении уставного капитала общества (в силу принятия третьего лица), а также изменение количества участников общества, а также о неизменности доли займодавца при наступлении квалифицированного события и последующей конвертации. Представляется, что сумма денежных средств, подлежащая конвертации долю и рассчитанная доля исходя из представленных денежных средств, должна быть неизменна, а вхождение в общество третьего лица не должно отражаться на имущественном положении и корпоративных правах займодавца, который представил заемщику сумму на развитие общества.

Отсутствие четкого порядка регулирования вопроса вступления третьего лица в общество создаёт правовую неопределённость и может негативно

сказаться на востребованности данной договорной конструкции. Таким образом, для сохранения баланса интересов займодавца, участников общества и обеспечения прозрачности корпоративных решений, общество-заемщик должно обеспечить соблюдение необходимых процедур одобрения и нотариального удостоверения любых изменений в составе участников, связанных с реализацией конвертируемого займа. Недостаточное законодательное регулирование вступления третьего лица в общество может сыграть на непопулярности использования конвертируемого займа среди участников гражданского оборота и его заключения между займодавцем и заемщиком.

Литература

1. Федеральный закон от 02.07.2021 № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5182.
2. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон [принят Государственной Думой 14 января 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 785.
3. Регина Мулюкова. Конвертируемый заем: обзор и проблематика. 10.08.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/08/10/konvertiruemyj_zajem_obzor_i_problematika.
4. Евгений Рябов. Договор конвертируемого займа (конвертируемый заём): как оформить в российской юрисдикции по новым правилам, процедура и особенности сделки. 12.06.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/06/12/dogovor_konvertiruemogo_zajma_v_rossijskoj_yurisdikcii_kak_oformit_po_novym_pravilam_procedura_i_oso.
5. Сидоров И.В. Конвертируемый заём в обществах с ограниченной ответственностью / И.В. Сидоров // Актуальные вопросы российского права: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 05 октября 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 15–17.
6. Янковский Р.М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // Закон. 2017. № 11. С. 184–192.
7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года (редакция от 11.03.2024)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. Холоденко Ю.В., Наземцев Д.М. Особенности увеличения уставного капитала ООО во исполнение договора конвертируемого займа и государственной регистрации таких изменений // Нотариальный вестник. – 2022. – № 1. – С. 20–30.

9. Черникова, О.И. Актуальные проблемы правового регулирования конвертируемого займа / О.И. Черникова // Сибирские юридические студенческие чтения: материалы XIX международной научной конференции студентов, Омск, 14 мая 2021 года. – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2022. – С. 65–69. – EDN ADVQSB.
10. Ермоленко Р.И. Договор конвертируемого займа: проблемные моменты и возможные пути их решения // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2(67). С. 264–269.

CONVERTIBLE LOAN IN THE CORPORATE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL CONSEQUENCES OF THIRD PARTY PARTICIPATION AND RISKS FOR LENDERS

Telibekova D.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines issues related to the conclusion of a convertible loan agreement within the framework of the corporate law of the Russian Federation (hereinafter referred to as Russia) with an emphasis on the risks and consequences for the lender. The legal consequences of a third party joining the company during the term of the convertible loan agreement are analyzed. The paper considers the legal consequences arising from a change in the composition of the company's participants, including the automatic transfer of obligations to new participants. Particular attention is paid to the risk of reducing and diluting the lender's share, which leads to a violation of its property rights and the balance of interests of the parties to the agreement. The work is aimed at identifying key issues and formulating recommendations for protecting the rights of lenders.

Keywords: convertible loan agreement, authorized capital, third party entry, property rights, share dilution, lender interests.

References

1. Federal Law of 02.07.2021 No. 354-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2021. No. 27 (Part I). Art. 5182.
2. Russian Federation. Laws. On Limited Liability Companies: Federal Law [adopted by the State Duma on January 14, 1998] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 16.02.1998. – No. 7. – Art. 785.
3. Regina Mulyukova. Convertible Loan: Review and Issues. 10.08.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/08/10/konvertiruemyj_zajem_obzor_i_problematika.
4. Evgeny Ryabov. Convertible loan agreement (convertible loan): how to formalize in the Russian jurisdiction according to the new rules, procedure and features of the transaction. 12.06.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/06/12/dogovor_konvertiruemogo_zajma_v_rossijskoj_yurisdikcii_kak_oformit_po_novym_pravilam_procedura_i_oso.
5. Sidorov I.V. Convertible loan in limited liability companies / I.V. Sidorov // Current issues of Russian law: collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference, Penza, October 5, 2022. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2022. – P. 15–17.
6. Yankovsky R.M. Convertible loan: contractual model and regulatory issues // Law. 2017. No. 11. P. 184–192.
7. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation (part one): [adopted by the State Duma on October 21, 1994 (as amended on March 11, 2024)] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
8. Kholodnenko Yu.V., Nazemtsev D.M. Features of increasing the authorized capital of an LLC in pursuance of a convertible loan agreement and state registration of such changes // Notarial Bulletin. – 2022. – No. 1. – P. 20–30.
9. Chernikova, O.I. Actual problems of legal regulation of convertible loans / O.I. Chernikova // Siberian legal student readings: materials of the XIX international scientific conference of students, Omsk, May 14, 2021. – Omsk: Private educational institution of higher education "Siberian Law University", 2022. – Pp. 65–69. – EDN ADVQSB.
10. Ermoolenko R.I. Convertible loan agreement: problematic issues and possible solutions // Business. Education. Law. 2024. No. 2 (67). Pp. 264–269.

Независимость эксперта как принцип судебно-экспертной деятельности и проблемы его соблюдения в гражданском процессе

Федин Данила Александрович,

аспирант кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: danfed34@mail.ru

Целью статьи является анализ законодательных, научно-теоретических и практических основ принципа независимости эксперта в гражданском процессе, выявление проблем и разработка рекомендаций их устранению. В процессе анализа внимание акцентируется на нормах отечественного гражданского процессуального законодательства и законодательства о судебно-экспертной деятельности, предписывающих обеспечивать организацию судебных экспертиз на основе принципа независимости. Раскрывается суть указанного принципа, проблемы его понимания в научной литературе, законодательстве и правоприменительной практике. Выделяются проблемы, препятствующие соблюдению принципа независимости в условиях гражданского судопроизводства. Особое внимание автор обращает на значительную роль субъективной составляющей в оценке эксперта и его заключения с точки зрения независимости. Обсуждаются некоторые примеры привлечения к участию в процессе экспертов, независимость которых ставится под сомнение какой-либо из сторон, но отрицается судом. По итогам анализа формулируются предложения, нацеленные на совершенствование законодательства, регламентирующего вопросы производства судебных экспертиз на базе принципа независимости эксперта. Также автор статьи акцентирует внимание на системном характере проблем, имеющих место в сфере судебно-экспертной деятельности и отражающихся на независимости экспертов.

Ключевые слова: аффилированность эксперта; гражданский процесс; нарушение принципа независимости эксперта; независимость эксперта; отвод эксперта; принципы деятельности эксперта; экспертиза в гражданском процессе.

Введение

Вряд ли можно усомниться в том, что принцип независимости эксперта, назначенного для производства судебной экспертизы, является важнейшим условием законного, справедливого, обоснованного рассмотрения гражданского дела.

Причём роль данного принципа была признана ещё в XVIII в. в эпоху буржуазно-демократических революций в странах Европы. В России же данный принцип получил нормативное признание и практическое воплощение в связи с судебной реформой 1864 г. [13, с. 92]. В этом смысле его признание является и своеобразной традицией.

Поэтому законодатель не случайно уделил особое внимание закреплению данного принципа, причём не только в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [3] (далее – ГПК РФ), но и в нормах Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2023) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ).

Признавая ценность норм федерального законодательства, провозглашающих принцип эксперта независимости в качестве основы судебно-экспертной деятельности, нельзя не отметить наличие в них определённых изъянов, которые не способствуют формированию единообразной судебной практики. Отсюда и масса проблем, которые в рамках настоящего исследования предполагается осмыслить.

Соответственно, целью данной статьи является анализ законодательных, научно-теоретических и практических основ принципа независимости эксперта в гражданском процессе, выявление проблем и разработка рекомендаций их устранению.

Основная часть

Раскрывая принцип независимости эксперта, важно рассмотреть в деталях нормы и процессуального, и материального законодательства. Ключевым тут является ГПК РФ, который, хотя и не закрепляет в качестве самостоятельного принципа независимость эксперта, но упоминает об отводе эксперта, когда его независимость ставится под сомнение. Так, ч. 1 ст. 18 ГПК РФ предусматривает в качестве оснований для отвода эксперта и те основания, которые изначально предусматривались для отвода судьи, содержатся в ст. 16 ГПК РФ и касаются сомнений в независимости.

Соответственно, из содержания ст. 16 ГПК РФ очевидно, что независимость эксперта ставится под сомнение ввиду:

1. Участия в рамках рассматриваемого дела в другом процессуальном статусе.
2. Наличия родственных связей или свойства с кем-либо из участников процесса или их представителей.
3. Наличия какой-либо заинтересованности (личной, прямой, косвенной) в исходе дела.
4. Наличия иных обстоятельств, которые позволяют усомниться в объективности и беспристрастности эксперта.

Из содержания представленной статьи также очевидна недопустимость назначения команды экспертов (экспертной комиссии), состоящих друг с другом в родстве.

Исходя из содержания рассматриваемой статьи также очевидно, что законодатель не позволяет однозначно расценивать случаи внепроцессуального обращения к эксперту как основание для его отвода.

Ч. 1 ст. 18 ГПК РФ расценивает как недопустимое обстоятельство, влекущее эксперта, наличие у него служебной или иной зависимости от кого-либо из участников дела или их представителей. Причём речь может идти как о зависимости в данный конкретный момент, так и о имевшей место ранее зависимости.

То есть законодатель вполне явно, хотя и косвенно, закрепляет принцип независимости эксперта применительно к гражданскому судопроизводству. И здесь нельзя не обратить внимание на то, что рассматриваемый принцип получил закрепление и применительно к другим видам судебных процессов – уголовному [1], арбитражному [2], административному [4]. Но и там речь идёт в основном о косвенном закреплении принципа независимости эксперта.

Федеральный закон № 73-ФЗ является специальным источником законодательства, в связи с чем требует особо пристального изучения в контексте правового закрепления рассматриваемого принципа. И здесь нельзя не сказать, что принцип независимости эксперта находится в тесной и даже неразрывной связи с другими принципами экспертной деятельности, к которым ст. 4 указанного федерального закона также относит:

1. Законность.
2. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также организаций.
3. Объективность.
4. Всесторонность и полноту исследований.
5. Научность.

В этом смысле независимость, хотя и может быть анализироваться обособленно, но её связь с другими принципами игнорировать неуместно. Потому важно подчеркнуть, что соблюдению независимости способствует соблюдение иных принципов, в особенности законности; соблюдение же иных принципов, в свою очередь, создаёт некоторые гарантии для соблюдения независимости.

Раскрывается сущность независимости эксперта в ст. 7 Федерального закона № 73-ФЗ и состоит в следующем:

1. Недопустимость нахождения эксперта в любой зависимости от органа или лица, назначивших экспертизу, сторон и прочих заинтересованных в исходе дела субъектов.
2. Использование в качестве основы экспертного заключения только результатов исследований.
3. Недопустимость воздействия на эксперта с чьей-либо стороны.
4. Наказуемость оказания воздействия на эксперта.

Не приходится сомневаться в том, что принцип независимости эксперта является неотъемлемым условием соблюдения другого основополагающего принципа экспертной деятельности – объективности, всесторонности, полноты исследований, что закреплено в ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ. Данный принцип состоит, прежде всего, в использовании строго научной и практической основы в рамках соответствующей специальности. При этом особую роль играют требования, закреплённые в абз. 2 ст. 8, исходя из которых, «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

Изложенное отражает универсальность рассматриваемого принципа и его особую роль как межотраслевой основы экспертной деятельности и основы отечественной системы правосудия, в чем нет никаких сомнений.

В научной литературе осмыслению данного принципа уделяется повышенное внимание. Причём учёные, как правило, исходят из составляющих, получивших нормативное закрепление в ГПК РФ и Федеральном законе № 73-ФЗ, то есть охарактеризованные выше элементы составляют и основу если не всех, то, по крайней мере, большинства представляемых в литературе определений понятия принципа независимости эксперта. Поэтому акцентировать внимание этих деталей не представляется необходимым.

Более актуальными в этой связи представляются аспекты рассматриваемого принципа, проявляющиеся в практической плоскости. И здесь нельзя не обратить внимание на весьма существенное отличие судебных экспертиз, проводимых в рамках гражданского процесса, от экспертиз, проводимых в рамках уголовного процесса: практика проведения последних, по мнению Н. Герасимова, свойственна «ситуация, при которой экспертиза в абсолютном большинстве случаев назначается и производится органами предварительного расследования, т.е. стороной обвинения» [15]. Соответственно, речь идёт о проведении экспертизы, как правило, в интересах одной стороны. В этом аспекте проводимая в рамках гражданского процесса судебная экспертиза кардинально отличается, поскольку отчетливый уклон в пользу какой-либо конкретной из сторон отсутствует. Это отражает

и большую степень независимости экспертиз, проводимых на основании ГПК РФ, в сравнении с экспертизами, проводимыми на основании УПК РФ.

Независимость эксперта, проводящего экспертизу на основании ГПК РФ, становится ещё более очевидной, если учесть, что в рамках уголовного процесса

«следователь, осуществляющий предварительное расследование, и эксперт, проводящий экспертизу, являются сотрудниками одного и того же государственного органа и находятся в служебном подчинении одного и того же должностного лица» [15]. Аналогичное мнение, ставящее под вопрос независимость эксперта при его участии в уголовном деле, выразили также К.Б. Калиновский и В.В. Конин [16].

Но высказываются и иные мнения, авторы которых отрицают отсутствие реальной независимости эксперта именно применительно к уголовному процессу, ссылаясь, в частности, на то, что органы предварительного следствия и экспертно-криминалистические подразделения на федеральном уровне подчинены различным заместителями Министра внутренних дел, а на региональном и районном уровне – различным заместителям начальников территориальных органов МВД России [14, с. 54].

Однако даже если брать в расчет последнюю указанную позицию, все равно остаётся очевидным, что в рамках гражданского процесса независимость судебного эксперта проявляется в большей мере, нежели в рамках уголовного процесса. Данное обстоятельство, как нам представляется, отчасти нивелирует те недостатки действующего законодательства и судебной практики, которые присущи судебно-экспертной практики в области гражданского судопроизводства.

Тем не менее, нельзя отрицать, что и в рамках гражданского процесса присутствуют определённые факторы и проблемы, негативным образом влияющие на независимость эксперта и аналогичные тем факторам и проблемам, которые имеются, например, в рамках уголовного процесса. Речь в данном случае идёт о возможности влияния руководителя экспертной организации на эксперта, находящегося у него в подчинении. В качестве причин такого влияния может послужить наличие у руководителя экспертной организации своих интересов. Поэтому нельзя исключить, что и руководители экспертного подразделения, которому поручено производство судебной экспертизы на основании ГПК РФ, «может склонить судебных экспертов принять решение, которое выгодно как ему, так и одной из сторон» [11, с. 33]. Конечно, это не является нормальной повсеместной практикой и подрывает правовые основы судебно-экспертной деятельности, однако, имеют место быть.

Законодатель, как нам представляется, предпринимал и продолжает предпринимать усилия, нацеленные на обеспечение принципа независимости судебных экспертов. Однако, не все субъекты судебных разбирательств придерживаются

такого мнения, о чем свидетельствуют случаи обращения в Конституционный Суд РФ с попытками оспаривания отдельных норм законодательства. Так, в 2014 г. Конституционный Суд РФ по обращению гражданина оценивал на предмет соответствия Конституции РФ положения ст. 79 и 80 ГПК РФ и не усмотрел в них противоречий Основному Закону страны, а аргументы заявителя расценил как несостоятельные [6]. Думается, что правовая позиция указанного органа конституционного контроля была в целом оправданной и логичной.

Однако, как нам представляется, он не все же учёл некоторых нюансов оспариваемых статей. Так, ч. 1 ст. 80 ГПК РФ позволяет суду сугубо по своему усмотрению решить вопрос о том, поручить ли производство экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам, либо соответствующей экспертной организации. И если в первом случае в рамках судебного разбирательства эксперту может быть заявлен отвод, то в случае поручения экспертизы организации заявление отвода становится невозможным, поскольку до оглашения результатов экспертизы эксперт для соответствующих участников судебного спора остаётся неизвестным, а выбор в пользу того или иного эксперта делается именно руководителем экспертной организации. В этом смысле можно усмотреть некоторое ограничение принципа независимости.

Но даже в условиях, когда фамилия, имя, отчество эксперта известны, его зависимость (при наличии таковой) установить нелегко, особенно если исходить из личной и семейной тайны, а также непубличности прочей информации, касающейся семейных, профессиональных, личных связей. Причем вопрос о наличии семейных связей, свойстве, профессиональных, дружеских отношениях и пр. вряд ли может быть вынесен на открытое обсуждение в судебном заседании. Подобные случаи являются скорее исключением, нежели правилом.

Более того, не является редкостью практика, когда подготовивший заключение эксперт отсутствует в судебном заседании. Поэтому не случайно в литературе высказываются идеи об обязанности эксперта присутствовать на судебных заседаниях по делам, в рамках которых он производил экспертизу, и отвечать на все поставленные вопросы [17, с. 31].

Говоря о независимости эксперта, необходимо отметить и вопрос предупреждения его об ответственности, прежде всего уголовной. В случае поручения порядка производства экспертизы конкретному эксперту вопрос предупреждения каких-либо затруднений не вызывает. Однако совершенно иной задача предупреждения становится в тех случаях, когда производство экспертизы поручают организации. Исходя из этого вполне обоснованными видятся критические высказывания относительно опосредованной модели назначения исследования [18, с. 486]. В таком случае качество производимой экспертизы, как и независимость эксперта, фактически остаётся на совести руководителя учреждения, который, как это ни па-

радоксально, имея определённое влияние, непосредственно в процессе не участвует.

В рамках проблематики независимости эксперта нельзя обойти стороной вопрос, касающийся внепроцессуальных взаимодействий эксперта с участниками гражданского процесса. Если полагать, что ограничения, распространяемые на судью, в полной мере касаются и эксперта, то становится очевидно, что внепроцессуальные контакты эксперта не могут рассматриваться как повод для сомнений в независимости эксперта. С другой стороны, в литературе высказывается мнение о том, что такие контакты, исходя из действующего законодательства, создают повод для признания заключения недопустимым доказательством [19, с. 64–65]. Здесь очевидно, что законодатель пока не создал инструментов для однозначной правовой оценки подобного рода ситуаций.

В то же время нельзя не отметить, что полностью исключить внепроцессуальные контакты эксперта с другими лицами, участвующими в деле, не представляется целесообразным и возможным. И вряд ли уместно лишать участников дела возможности обратиться к эксперту в внепроцессуальном порядке. Здесь очевидно, что такие контакты являются нежелательными, но однозначно незаконными их квалифицировать нельзя.

Изученная проблематика может быть проиллюстрирована некоторыми примерами из правоприменительной практики, когда перед судом возникали вопросы, связанные с необходимостью оценки эксперта и (или) его заключения с позиций принципа независимости.

Так, в рамках одного из дел, материалы которого были изучены нами, истцом были представлены в суд результаты проведения независимой технической экспертизы. Но они были поставлены под сомнение судом, поскольку учредитель и руководитель соответствующей экспертной организации приходился супругом истцу. Исходя из этого, был сделан вывод о том, что наличие заинтересованности исключить нельзя, причём не только заинтересованности самого эксперта, но и руководителя экспертной организации. Поэтому суд усмотрел в действиях по производству и представлению результатов экспертизы противоречие принципу независимости оценщика. Иными словами, имелась служебная зависимость эксперта от заказчика экспертизы о стоимости восстановления повреждённого транспортного средства. Логично, что суд в этом случае признал представленные доказательства недопустимыми [10].

В указанном случае речь не шла о государственной организации, проводящей экспертные исследования; однако сам факт представления на рассмотрение суда результатов «независимой экспертизы», проведённой заинтересованными в её итогах лицами, говорит о многом, в том числе о потенциально высоких рисках нарушения принципа независимости и в рамках государственной экспертизы, ведь обоснование сомнений в независимости эксперта – это в большей мере пробле-

ма самих сторон, нежели проблема суда. И если в данном случае аффилированность удалось установить благодаря тому, что фамилии истца и руководителя экспертной организации совпадали, то в иных подобных ситуациях установление аффилированности может быть весьма проблематичным.

Весьма интересно и другое дело, в рамках которого была назначена судебная экспертиза и сформирована комиссия экспертов, но «поскольку в комиссию экспертов были включены эксперты, которые находились в служебной зависимости экспертов, а потому возникли сомнения в правильности или обоснованности ранее данного заключения, суд апелляционной инстанции, по сути, назначил повторную экспертизу» [8].

Примечательно и другое дело, в процессе рассмотрения которого также было принято решение о назначении экспертизы. В ходе кассационного обжалования перед судом возник вопрос об оценке именно экспертного заключения. Податель кассационной жалобы ссылался на наличие заинтересованности эксперта в исходе дела, также на наличие оснований для отвода ввиду нахождения эксперта в служебной зависимости. С этим, однако, суд кассационной инстанции не согласился, отклонил жалобу. При этом суд, ссылаясь на ст. 18 ГПК РФ, подчеркнул, «что к моменту составления экспертного заключения эксперт <данные изъяты> в служебной зависимости от кого-либо из участников процесса не находился, прохождение службы в государственном пожарном надзоре о наличии служебной зависимости <данные изъяты> от ГУ МЧС по Пермскому краю не свидетельствует» [9].

То есть в данном случае наличие служебной зависимости суд не усмотрел в связи с тем, что она отсутствовала именно на момент производства экспертизы. Наличие же служебных отношений между экспертом и участником процесса до возникновения судебного спора и назначения экспертизы в расчет не бралось.

Но принципиально иная позиция была выражена Президиумом Верховного Суда РФ в 2011 г. в рамках одного из обзоров судебной практики. Тогда в качестве основания для отвода суд счёл возможным признать наличие профессиональных связей, причём не только на момент производства экспертизы, но и до ее назначения, до начала рассмотрения самого судебного спора. Тогда эксперту был заявлен отвод по той причине, что ранее он с истцом находился в профессиональных связях, проходя службу в органах внутренних дел ранее. В итоге было решено привлечь к производству экспертизы экспертов из другого города – Ярославля, а не их г. Рыбинска, где проживали, соответственно, истец и эксперт [7]. Это один из тех примеров, когда обоснование отвода эксперта для заявителя не было сопряжено с какими-либо трудностями, что бывает нечасто.

То есть случаи, когда заключение эксперта ставится под сомнение в связи с его зависимостью (предполагаемой зависимостью), не являются

редкостью. Однако данный тезис ни коим образом не следует воспринимать как дискредитирующий весь институт судебной экспертизы, в том числе и используемый в рамках гражданского судопроизводства. Более того, в литературе высказывается мнение о невозможности проведения экспертиз, в полной мере независимых, поскольку в реальном социуме любая абстракция является недостижимой в принципе. А потому эксперт, как и его выводы, могут быть зависимы от самых разных факторов. В то же время нельзя отрицать наличие личной ответственности эксперта (как моральной, так и юридической) за качество проводимых исследований [12, с. 22]. В связи с этим, однозначный взгляд на данную проблематику сформировать крайне сложно.

Тем не менее, проанализированные нормы законодательства, мнения различных исследователей, а также примеры судебной практики дают основания сделать вывод о системном характере проблем, присущих сфере производства экспертиз, в том числе в рамках гражданского процесса. Поэтому решение должно быть именно системным, то есть затрагивать в целом всю индустрию экспертной деятельности.

Думается, что законодатель должен предпринять все возможные усилия, чтобы, если не полностью исключить, то, по крайней мере, свести к минимуму случаи привлечения к производству экспертиз, в том числе и так называемых «независимых», выполняемых частными организациями, лиц, находящихся в разной степени аффилированности с кем-либо из участников процесса.

Для воплощения указанной цели необходимы меры, представляются следующие:

1. Законодательная конкретизация оснований для отвода эксперта применительно к случаям, когда его независимость может быть поставлена под сомнение.

В рамках указанной меры законодатель должен однозначно дать ответ на вопрос о том, какие именно отношения между экспертом и каждым субъектом, их числа участников дела или суда, причем как на момент назначения экспертизы, так и до ее назначения, должны расцениваться как безусловные основания для отвода эксперта или основания, позволяющие признать заключение недопустимым доказательством.

Необходимость реализации данной меры продиктована тем, что в практике судов до сих пор по-разному решается вопрос о том, является ли наличие профессиональных и прочих связей основанием для отвода эксперта или признания его заключения недопустимым, если таковые отношения имели место между экспертом и кем-то из участников гражданского дела не на момент назначения и проведения экспертизы, а ранее. Применительно к таким случаям целесообразно предусмотреть, что даже наличие в прошлом определенных дружеских, профессиональных, служебных, семейных, договорных и иных подобных отношений должно рассматриваться как безусловное основание для

отвода эксперта или признания соответствующего заключения недопустимым. Не случайно подобный подход поддержал в 2011 г. Президиум Верховного Суда РФ в рамках одного из обзоров судебной практики.

2. Пересмотр существующего порядка назначения судебных экспертиз в рамках гражданского процесса исходя из необходимости обеспечения открытости информации об экспертах или комиссии экспертов, привлекаемых для производства экспертизы. Думается, что все участники дела, имеющие право заявить отвод эксперта, должны иметь информацию об эксперте именно до проведения экспертизы, чтобы иметь возможность реализовать указанное право в случае наличия обоснованных сомнений в независимости эксперта.

В рамках указанной меры целесообразно исключить возможность проведения судебной экспертизы в условиях, когда участники процесса, имеющие право заявить отвод эксперта, не имеют информации о том, какой конкретно эксперт (комиссия экспертов) выполняет экспертные исследования.

3. Введение норм об ответственности эксперта, например, административной, в числе предполагающей дисквалификацию, за производство экспертизы в случаях, когда эксперт достоверно знал о наличии оснований для самоотвода, обусловленного аффилированностью с кем-либо из субъектов, участвующих в деле, но не заявил его.

Выводы

Независимость эксперта как принцип и как юридическое понятие, с одной стороны, представляет собой некий единый, обобщенный феномен, отражающий отсутствие зависимости мнения эксперта и соответственно результатов проводимой им экспертизы, оформляемой заключением, от чьего-либо мнения, прежде всего, от мнения суда и участвующих в деле лиц.

Законодательные нормы, призванные обеспечить независимость эксперта, в том числе в гражданском процессе, характеризуется некоторой размытостью, неоднозначностью, многоаспектностью. Во многом этим обусловлены и трудности, которые возникают перед правоприменителями в лице суда и других компетентных органов.

Для полноценного обеспечения условий к соблюдению принципа независимости эксперта есть необходимость пересмотра действующего законодательства. В этой связи важными видятся следующие меры: во-первых, уточнение содержания оснований для отвода эксперта; во-вторых, пересмотр порядка назначения экспертиз; в-третьих, введение дополнительных мер ответственности для эксперта. Все это должно исключить двусмысленность в оценке оснований для отвода, во крайней мере, таких оснований, которые обусловлены аффилированностью эксперта с кем-либо из участвующих в деле лиц. Что же касается существующего порядка назначения экспертиз, то принципи-

ально важно, чтобы участники дела именно в судебном заседании получали информацию о конкретных экспертах, которым поручено производство экспертизы.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (I ч.). – Ст. 4921.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
5. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2023) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1585-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 79 и 80 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2014. – № 8.
7. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011) // Официальный портал Верховного Суда РФ. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/13860/> (дата обращения: 09.06.2025).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 по делу № 8Г-7702/2021 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/603753240> (дата обращения: 09.06.2025).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2024 по делу № 8Г-8432/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306360990> (дата обращения: 09.06.2025).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 17.11.2020 по делу № 33–6526/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573084541> (дата обращения: 09.06.2025).
11. Валиуллина А.Р., Малышева Ю.Ю. Независимость судебных экспертов // Марийский юридический вестник. – 2020. – № 3–4(33). – С. 32–34.
12. Волынский А.Ф. Принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а не специалиста // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 21–24.
13. Волынский А.Ф. Принцип процессуальной независимости судебных экспертов: почему его не следует распространять на экспертов правоохранительных органов? // Академическая мысль. – 2019. – № 3(8). – С. 92–97.
14. Гаврилин Ю.В. Судебная экспертиза: накануне больших перемен // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 5. – С. 53–56.
15. Герасимов Н. К вопросу о независимости экспертизы // Адвокатская газета: официальный портал. – 31.05.2019. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/k-voprosu-o-nezavisimosti-ekspertizy/> (дата обращения: 09.06.2025).
16. Калиновский К.Б., Конин В.В. К вопросу о независимости судебного эксперта // Эксперт-криминалист. – 2020. – № 1. – С. 15–18.
17. Могилевский Г.А. Нормативно-правовые аспекты достоверности экспертизы в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 3–3(78). – С. 30–32.
18. Усцов Д.К. Надлежащий субъект судебно-экспертной деятельности при назначении экспертиз в гражданском процессе // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023): сб. мат. XXI-II Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., приуроч. к 60-летию ВятГУ. В 2-х томах (г. Киров, 12–22 апреля 2023 г.). – Том 1. – Киров: ВятГУ, 2023. – С. 484–487.
19. Юдин И.В. Заключение о результатах экспертизы как средство доказывания в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2023. – 238 с.

EXPERT INDEPENDENCE AS A PRINCIPLE OF FORENSIC EXPERTISE AND PROBLEMS OF ITS OBSERVANCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Fedin D.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The purpose of this article is to analyze the legislative, scientific, theoretical and practical foundations of the principle of expert independence in civil procedure, identify problems and develop recommendations for their elimination. In the course of the analysis, attention is focused on the norms of domestic civil procedure legislation and legislation on forensic expertise, which prescribe the organization of forensic examinations based on the principle of independence. The essence of this principle and the problems of its understanding in scientific literature, legislation and law enforcement practice are revealed. The problems that hinder the observance of the principle of independence in the context of civil proceedings are highlighted. The author pays special attention to the significant role of the subjective component in the assessment of the expert and his opinion from the point of view of independence. Some examples of involving experts in the process are discussed, the independence of which is questioned by one of the parties, but denied by the

court. Based on the results of the analysis, proposals are formulated aimed at improving legislation regulating the conduct of forensic examinations based on the principle of expert independence. The author of the article also focuses on the systemic nature of the problems that occur in the field of forensic expertise and affect the independence of experts.

Keywords: expert's affiliation; civil procedure; violation of the principle of expert's independence; expert's independence; expert's challenge; principles of expert's activity; expertise in civil procedure.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on April 21, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (I part). – Art. 4921.
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 04/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
3. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 04/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated 08.03.2015 (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Art. 1391.
5. Federal Law No. 73-FZ dated 05/31/2001 (as amended on 07/22/2023) "On State forensic expertise in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 23. – Article 2291.
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/17/2014 No. 1585-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bogdanov Dmitry Yuryevich for violation of his constitutional rights by Articles 79 and 80 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2014. – № 8.
7. Review of judicial practice on the application of legislation regulating the appointment and conduct of expertise in civil cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/14/2011) // Official Portal of the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/13860> / (date of appeal: 06/09/2025).
8. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 05/11/2021 in case No. 8G-7702/2021 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/603753240> (date of request: 06/09/2025).
9. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/05/2024 in case No. 8G-8432/2024 // Archive of decisions of commercial courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1306360990> (date of application: 06/09/2025).
10. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Saratov Regional Court dated 11/17/2020 in case no. 33–6526/2020 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573084541> (date of request: 06/09/2025).
11. Valiullina A.R., Malysheva Yu.Y. Independence of judicial experts // Mari Law Bulletin. – 2020. – № 3–4(33). – Pp. 32–34.
12. Volynsky A.F. The principle of procedural independence of a judicial expert, not a specialist. // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 21–24.
13. Volynsky A.F. The principle of procedural independence of judicial experts: why should it not be extended to law enforcement experts? // Academic thought. – 2019. – № 3(8). – Pp. 92–97.
14. Gavrilin Yu.V. Forensic examination: on the eve of big changes // Bulletin of Economic Security. – 2020. – No. 5. – pp. 53–56.
15. Gerasimov N. On the issue of the independence of expertise // Advocate newspaper: official portal. – 05/31/2019. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/k-voprosu-o-nezavisimosti-ekspertizy/> (date of application: 06/09/2025).
16. Kalinovskiy K.B., Konin V.V. On the issue of judicial expert independence // Forensic expert, 2020, No. 1, pp. 15–18.
17. Mogilevsky G.A. Regulatory and legal aspects of the reliability of expertise in civil proceedings // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 3–3(78). – Pp. 30–32.
18. Ustsov D.K. The proper subject of forensic expertise in the appointment of examinations in civil proceedings // Society. Science. Innovations (NPC-2023): collection of mat. XXIII All-Russian (national) scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of Vyatka State University. In 2 volumes (Kirov, April 12–22, 2023). – Volume 1. – Kirov: VyatGU, 2023. – pp. 484–487.
19. Yudin I.V. Conclusion on the results of the examination as a means of proof in civil proceedings: dis. ... kand. jurid. sciences'. – Saratov, 2023. – 238 p.

Справедливое распределение рисков причинения вреда вследствие ненадлежащего технического состояния транспортного средства, используемого по договору краткосрочной аренды (каршеринга)

Федосеев Александр Андреевич,

канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
E-mail: aleksander-f1@yandex.ru

В статье на основе правовой доктрины, законодательства, судебной практики и условий предлагаемых к заключению договоров краткосрочной аренды транспортных средств (каршеринга) рассматривается вопрос о справедливом распределении рисков возмещения вреда, причиненного транспортным средством, используемым по договору каршеринга. С учетом распределения прав и обязанностей по договорам, предложенным для заключения организациями, предоставляющими транспортные средства в краткосрочную аренду, на основе анализа соотношения обязанности по техническому обслуживанию и рисков распределения ответственности за вред, причиненный при использовании транспортных средств по разным видам договоров аренды транспортных средств, нормы о которых включены в Гражданский кодекс РФ, автор приходит к выводу о необходимости наделяния потерпевшего правом прямого иска к арендодателю по договору каршеринга в случае, если дорожно-транспортное происшествие произошло вследствие ненадлежащего технического состояния транспортного средства, а не по вине арендатора.

Ключевые слова: каршеринг, кикшеринг, велошеринг, шеринг-экономика, аренда транспортного средства, возмещение вреда.

Проблематика шеринг-экономики уже не представляется настолько инновационной, как это было еще лет двадцать назад: кратковременный наем и аренда недвижимости, кик-, вело- и каршеринг получили повсеместное распространение в крупных городах России.

В этой связи актуальность приобретает вопрос о распределении рисков причинения вреда при использовании объектов шеринговой инфраструктуры. Особенно этот вопрос важен, когда речь заходит о транспортных средствах – автомобилях, электросамокатах, велосипедах.

На первый взгляд, анализируемый вопрос разрешается просто: на основе положений статей 1064 и 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК)¹ вред возмещается тем, кто в момент причинения вреда управлял транспортным средством.

Данное положение представляется несправедливым по отношению к потребителям услуг шеринг-экономики, поскольку порядок передачи имущества в пользование, принимая во внимание его краткосрочность, не предполагает детальное изучение его технического состояния. Как правило, пользователь имеет лишь несколько минут на внешний осмотр и проверку комплектности; все остальные нюансы (работу тормозной системы, усталостные процессы в узлах и агрегатах и проч.) пользователь проверить не может и вынужден принимать на веру.

Для наглядности рассмотрим вопрос на примере каршеринга – кратковременной аренды транспортного средства (автомобиля).

С точки зрения п. 2.3 Правил дорожного движения², ответственность за техническое состояние транспортного средства несет водитель.

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК, вред, причиненный при использовании транспортных средств, обязаны возмещать лица, признающиеся владельцами источника повышенной опасности (транспортного средства в данном случае). При этом владение может быть основано на различных видах прав: на праве собственности, праве хозяйственного ведения, праве оперативного управления, праве аренды, по доверенности, в силу распоряжения органа власти и т.п.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

² О Правилах дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22.11.1993. № 47. Ст. 4531.

Отсюда следует, что решение вопроса о возмещении вреда, причиненного каршеринговым автомобилем вследствие его технической неисправности, будет зависеть от того, кого признавать в качестве владельца транспортного средства в момент причинения вреда, что обращает нас к дискуссии о правовой квалификации договора каршеринга.

К сожалению, действующее законодательство не содержит специальных норм об использовании имущества в рамках шеринг-отношений, в том числе каршеринга. Это создает сложности при правовой квалификации договора, заключаемого по поводу кратковременного использования имущества, о чем уже многократного указывалось в литературе [1, с. 33; 2; 3; 4, с. 29–33; 7, с. 23–25; 9; 10, с. 13–15].

Т.Г. Мальцева на основе анализа научных работ приходит к выводу, что взгляды на правовую природу договорной конструкции каршеринга разделяются, главным образом, на четыре концептуальные позиции: (1) как договор проката [10], (2) как договор аренды транспортного средства без экипажа (без предоставления услуг по управлению и техническому обслуживанию – прим. А.Ф.), (3) как договор возмездного оказания услуг и (4) как смешанный договор [8].

Популярные шеринг-сервисы формулируют предлагаемые к заключению договоры каршеринга следующим образом.

Акционерное общество «КАРШЕРИНГ» (BelkaCar)

Договор сформулирован как договор аренды, на что указывает п. 3.1. (предмет договора)¹.

В пунктах 9.9, 9.10 договора указывается на то, что договор является смешанным и не является договором проката и публичной офертой. При этом не указывается, элементы каких видов договоров, предусмотренных законодательством России, включает в себя данный смешанный договор.

Публичное акционерное общество «Каршеринг Россия» (Делимобиль)

Договор с данной организацией² уже в преамбуле предусматривает условие о том, что он не является договором проката. Из пункта 1.1 договора следует, что компания квалифицирует его как договор аренды транспортного средства без оказания услуг по управлению им.

Общество с ограниченной ответственностью «Яндекс.Драйв» (Яндекс Драйв)

Договор данной организации³ квалифицируется как аренда без оказания услуг по управлению транс-

портным средством (п. 2.1), а также об оказании услуг, определенных договором.

Общество с ограниченной ответственностью «Новые транспортные системы» (Ситидрайв)

Договор⁴ уже в самом названии отнесен к виду договоров аренды транспортного средства без экипажа, на что указывает и формулировка предмета договора (п. 2.1. договора).

Похожим образом формулируется договор и в других шеринг-сервисах⁵.

Обобщая, из условий договоров можно усмотреть, что они квалифицируются как аренда без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации, заключаемая по модели рамочного договора присоединения.

В судебной практике устоялся подход к договору каршеринга как к разновидности аренды без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации⁶. При этом, что интересно, несмотря на дискуссию в науке о возможности распространения на данный вид договоров норм о договоре проката, в судебной практике такой дискуссии не наблюдается.

Квалификация договора каршеринга как разновидности аренды, принимая во внимание положения абз. 2 п. 1 ст. 1079 ГК, свидетельствует о том, что владельцем транспортного средства в момент причинения вреда все-таки будет признавать водитель, то есть пользователь (арендатор).

Соответственно, обязанность по возмещению вреда будет возлагаться на пользователя, независимо от того, по его вине было совершено дорожно-транспортное происшествие либо по вине собственника транспортного средства, предоставившего его в аренду с техническими неисправностями, о которых пользователь не мог знать в силу специфики процедуры заключения анализируемого договора (путем внешнего осмотра в течение непродолжительного периода времени).

В случае возложения на пользователя обязанности по возмещению вреда, причиненного из-за технической неисправности транспортного средства, такой пользователь получит право регрессного иска к собственнику транспортного средства, неисправность которого стала причиной происшествия. В качестве оснований к этому можно рассмотреть положения статьей 15 и 1064 ГК либо же положения самого договора аренды об обязанности арендодателя осуществлять надлежащее тех-

⁴ URL: <https://citydrive.ru/offer/eula.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ См. определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2023 № 88–23968/2023 // СПС «Консультант Плюс».

⁶ См. определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.10.2024 по делу № 88–22005/2024 // СПС «Консультант Плюс»; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2024 № 88–24900/2024 // СПС «Консультант Плюс»; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88–4038/2024 // СПС «Консультант Плюс».

¹ URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf?v=v3.16.20> (дата обращения: 10.06.2025).

² URL: <https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract> (дата обращения: 10.06.2025).

³ URL: https://yandex.ru/legal/drive_agreement/ (дата обращения: 10.06.2025).

ническое обслуживание, нарушение которой послужило условием возникновения убытков арендатора, совершившего дорожно-транспортное происшествие.

Данная конструкция по модели «возмещение вреда арендатором – регрессный иск к арендодателю» хоть формально и обеспечивает защиту прав и законных интересов участников правоотношений, делает это недостаточно эффективно, а в некоторых случаях, и вовсе, не позволяет соблюсти право потерпевшего на возмещение ущерба.

Целью (по-иному – направленностью) деликтного правоотношения является наиболее быстрое и полное восстановление нарушенного права потерпевшего [11, с. 25]. Исходя из этого, механизм возмещения вреда должен строиться таким образом, чтобы, в первую очередь, восстановить в полном объеме имущественные потери потерпевшего.

Существующий порядок возмещения вреда, как было установлено ранее, предполагает получение потерпевшим удовлетворения только за счет имущества одного лица – пользователя каршеринга как владельца транспортного средства (арендатора).

Бесспорным является то, что из двух лиц – арендатора и арендодателя – наиболее платежеспособным, скорее всего, является арендодатель, в роли которого выступает субъект предпринимательской деятельности (каршеринговая компания), в собственности которой, как правило, имеется, как минимум, парк автомобилей.

Арендатор в контексте идеологии шеринг-экономики предполагается менее платежеспособным должником, поскольку использование каршеринга в большом числе случаев обусловлено отказом от приобретения собственного автомобиля. Разыскать же для целей обращения взыскания иное имущество (например, криптовалюту или наличные денежные средства) представляется затруднительным.

Пользователь каршеринга в результате взыскания с него суммы ущерба может оказаться несостоятельным должником, вследствие чего у него возникнет обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве на основании п. 1 ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹, что в итоге приведет к постановке вопроса об освобождении его от дальнейшего исполнения обязательств².

Неисполнение обязательства по возмещению ущерба вследствие отсутствия имущества может

также поставить под сомнение регрессное право деликвента, поскольку, по общему правилу, основанием для его возникновения служит фактическое исполнение основного обязательства, что вытекает из ст. 640 и п. 1 ст. 1081 ГК.

Решение видится в наделении арендатора правом на регресс независимо от факта реального исполнения требования потерпевшего. Законодательных препятствий к этому не имеется; поскольку взыскание ущерба с арендатора уже свидетельствует о наличии у арендатора соответствующих убытков.

Допустимость права регресса независимо от исполнения основного обязательства поддерживается и в доктрине [5; 12, с. 200–202; 6, с. 75].

Признание за арендатором права на взыскание убытков с арендодателя позволит «наполнить» имущественную массу арендатора за счет средств арендодателя для целей исполнения деликтного обязательства перед потерпевшим, что повысит эффективность деликтного правоотношения: потерпевший получит возмещение с большей степенью вероятности.

Вместе с этим, такая конструкция представляется излишней. При всей возможности гарантировать защиту интересов потерпевшего она требует возбуждения двух судебных производств: (1) потерпевшего против арендатора и (2) арендатора против арендодателя.

Почему бы не сократить эту цепочку, наделив потерпевшего правом на иск против арендодателя, бездействие которого стало причиной дорожно-транспортного происшествия?

На наш взгляд, в этом есть практический смысл. Прямой иск потерпевшего к арендодателю позволит рассмотреть вопрос о возмещении ущерба в рамках одного судебного разбирательства по иску потерпевшего сразу к двум ответчикам: и к арендатору, и арендодателю. В случае, если судом будет установлен факт причинения вреда вследствие ненадлежащего технического состояния автомобиля, ущерб будет взыскан с арендодателя, что исключит необходимость предъявления отдельного иска арендатора к арендодателю. Если же будет установлено, что дорожно-транспортное происшествие находится исключительно в зоне ответственности арендатора, решением суда будет достигнута правовая определенность в отношении возможного требования арендатора к арендодателю, что также исключит возбуждение отдельного производства по соответствующим требованиям арендатора.

При наличии вины обеих сторон договора аренды (например, если дорожно-транспортное происшествие произошло и из-за технической неисправности, и из-за действий арендатора, что нельзя исключать), вред может быть взыскан с обоих ответчиков в долях, в зависимости от «вклада» каждого в причиненный ущерб. Правило о солидарном взыскании вреда (ст. 1080 ГК), в таком случае не применимо.

Такое распределение рисков соответствует логике имеющегося регулирования.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

² См. постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.08.2023 № Ф02–3944/2023 по делу № А19–21452/2021 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.12.2023 № Ф04–6361/2023 по делу № А75–10121/2022 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.07.2024 № Ф03–3112/2024 по делу № А51–22691/2022 // СПС «Консультант Плюс».

ГК известны два известных вида аренды транспортных средств: (1) с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации и (2) без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации.

В первом случае владельцем транспортного средства, несмотря на то что оно находится в аренде у арендатора, признается арендодатель, что следует из смысла договора (управление осуществляет арендодатель) и предусмотрено ст. 640 ГК.

Во втором случае владельцем признается арендатор, что также следует из смысла договора (управление осуществляет арендатор) и предусмотрено ст. 648 ГК.

В договоре аренды с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации обязанность по техническому обслуживанию и ремонту лежит на арендодателе (ст.ст. 634, 635 ГК).

В случае с арендой без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации такие обязанности возлагаются на арендатора (ст.ст. 644, 645 ГК).

Из этого вытекает логичная система, когда риски причинения вреда возлагаются на лицо, ответственное за его техническое состояние. Схематично это можно изобразить в следующей формуле: «кто обслуживает, тот и управляет – кто управляет, тот и владеет – кто владеет, тот и несет ответственность».

Логика законодателя представляется не случайной: было бы крайне несправедливым возлагать ответственность за техническое состояние источника повышенной опасности на лицо, которое не несет обязанности по его обслуживанию и ремонту.

В случае с каршерингом арендатор не только не несет обязанности по техническому обслуживанию и ремонту, ему прямо запрещено вмешиваться в техническое состояние автомобиля (см.п. 4.3.4 договора ПАО «Каршеринг Россия», п. 4.2.18 договора АО «КАРШЕРИНГ», п. 4.4.2.5 договора ООО «Яндекс.Драйв»). С учетом этого представляется еще более обоснованным разделение ответственности перед потерпевшим в зависимости от причины дорожно-транспортного происшествия между арендатором и арендодателем.

Препятствием к предложенной структуре требований может стать ст. 1079 ГК, предполагающая возложение деликтной ответственности именно на владельца (арендатора в нашем случае) источника повышенной опасности. Требование к арендодателю в таком случае суд может квалифицировать как некие косвенные убытки или чисто экономические убытки (*pure economic loss*), взыскание которых, за некоторым крайне редким исключением¹, в российском праве не допускается.

По этим причинам предложенный механизм следует реализовать на уровне нормативно-правового акта. Например, в параграф 3 главы 34 ГК мо-

жет быть внесен отдельный вид договора аренды транспортного средства – краткосрочная аренда транспортного средства без предоставления услуг по управлению и техническому обслуживанию (каршеринг), где в числе прочих положений может быть закреплена статья следующего содержания:

«1. Арендодатель обязан поддерживать надлежащее состояние транспортного средства, включая его текущий и капитальный ремонт.

2. Ответственность за вред, причиненный вследствие ненадлежащего технического состояния транспортного средства, несет арендодатель по правилам, предусмотренным гл. 59 настоящего Кодекса».

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть следующие выводы:

Во-первых, развитие шеринг-сервисов диктует необходимость выработки адекватного правового регулирования. Имеющиеся правовые нормы не позволяют реализовать механизм справедливого распределения рисков причинения вреда и эффективного восстановления прав потерпевших при использовании транспортных средств по договорам каршеринга.

Во-вторых, имеются разумные основания для возложения на арендодателя по договору каршеринга обязанности по прямому возмещению вреда, причиненного потерпевшему вследствие ненадлежащего технического состояния транспортного средства, как это имеет место в договоре аренды с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации, поскольку договорами каршеринга исходя из особенностей их заключения и исполнения обязанность по техническому обслуживанию и ремонту возлагается на арендодателя, а арендатору прямо запрещено вмешиваться в техническое состояние транспортного средства.

Предложенный механизм можно реализовать путем включения соответствующих норм в отдельный раздел параграфа 3 главы 34 ГК, посвященный новому (третьему) виду договора аренды транспортных средств – краткосрочной аренде транспортных средств без предоставления услуг по управлению и техническому обслуживанию (каршерингу).

Литература

1. Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–36.
2. Бычков А. Поворкуем о коворкинге // ЭЖ-Юрист. 2017. № 42.
3. Вавилин В.Е. К вопросу о правовой природе договора каршеринга // Юрист. 2024. № 4. С. 19–25.
4. Гриднева О.В. Правовая природа договора каршеринга // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 29–33.
5. Гузий Д.А. Участие в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предме-

¹ См. определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 № 305-Э18–15540 по делу № А40–180646/2017 // СПС «Консультант Плюс».

та спора, в свете достижения процессуальной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 98–113.

6. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
7. Курганов В.В. Правовое регулирование каршеринга: вопросы квалификации // Транспортное право. 2024. № 2. С. 23–25.
8. Мальцева Т.Г. Правовая природа поминутной аренды транспортного средства (каршеринга) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 2. С. 101–105.
9. Муратова С.А. Правовая природа договора каршеринга и перспективы его развития // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2021. № 11 (87). С. 194–205.
10. Сокоиков М.О. Перспективы правового регулирования договора аренды (на примере специфической формы проката – каршеринга) // Нотариус. 2019. № 6. С. 13–15.
11. Федосеев А.А. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 31 с.
12. Юдельсон К.С. Основные проблемы права регресса в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. Вып. 9. С. 178–238.

JUST DISTRIBUTION OF THE RISKS OF HARM CAUSED BY POOR TECHNICAL CONDITION OF A VEHICLE USED UNDER A SHORT-TERM RENTAL (CAR SHARING) AGREEMENT

Fedoseev A.A.

Perm State University

The article, based on legal doctrine, legislation, judicial practice and the terms of the proposed short-term vehicle rental (car sharing) agreements, examines the issue of the fair distribution of risks of compensation for damage caused by a vehicle used under a car sharing agreement. Taking into account the distribution of rights and

obligations under the contracts proposed for conclusion by organizations providing vehicles for short-term lease, based on an analysis of the relationship between the obligation to provide technical maintenance and the risks of distributing liability for damage caused when using vehicles under different types of vehicle lease agreements, the provisions of which are included in the Russian Civil Code, the author comes to the conclusion that it is necessary to grant the victim the right to a direct claim against the lessor under the car sharing agreement in the event that a traffic accident occurred due to the improper technical condition of the vehicle, and not due to the fault of the lessee.

Keywords: car sharing, kick sharing, bike sharing, sharing economy, vehicle rental, compensation for damage.

References

1. Bubnovskaya T.A., Suvorov Yu.B. On the issue of carsharing: legal aspects // Jurist. 2018. No. 7. P. 32–36.
2. Bychkov A. Let's chat about coworking // EZh-Jurist. 2017. No. 42.
3. Vavilin V.E. On the issue of the legal nature of the carsharing agreement // Jurist. 2024. No. 4. P. 19–25.
4. Gridneva O.V. Legal nature of the carsharing agreement // Legal science. 2020. No. 8. P. 29–33.
5. Guziy D.A. Participation in civil proceedings of third parties who do not make independent claims regarding the subject of the dispute, in light of achieving procedural economy // Actual problems of Russian law. 2021. No. 5. Pp. 98–113.
6. Ioffe O.S. Law of obligations. Moscow: Legal lit., 1975. 880 p.
7. Kurganov V.V. Legal regulation of carsharing: qualification issues // Transport law. 2024. No. 2. Pp. 23–25.
8. Maltseva T.G. Legal nature of per-minute vehicle rental (car sharing) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2025. No. 2. Pp. 101–105.
9. Muratova S.A. Legal nature of the carsharing agreement and prospects for its development // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2021. No. 11 (87). P. 194–205.
10. Sokovikov M.O. Prospects for Legal Regulation of a Lease Agreement (using the Example of a Specific Form of Rental – Car Sharing) // Notary. 2019. No. 6. P. 13–15.
11. Fedoseyev A.A. The Principle of Cooperation of Subjects of Civil Law: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ulyanovsk, 2021. 31 p.
12. Yudel'son K.S. The Main Problems of the Right of Recourse in Soviet Civil Law // Scientific Works of the All-Russian Society of Young Scientists. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1947. Issue 9. P. 178–238.

Заявительный порядок возмещения НДС в России и эффект от его применения

Чернов Константин Владимирович,

аспирант кафедры финансового права, МГЮА
E-mail: hernov.k.phd@gmail.com

В статье рассматриваются особенности заявительного порядка возмещения НДС в России и его влияние на финансовую стабильность бизнеса. Анализируются правовые основы и категории налогоплательщиков, имеющих право на ускоренное возмещение. Особое внимание уделено изменениям 2022 года, расширившим круг субъектов, что способствовало увеличению оборачиваемости средств предприятий. Приведены сравнительные характеристики с канадской системой возмещения налога на товары и услуги, где отсутствует аналог заявительного порядка. Показано, что российская модель позволяет сократить сроки возврата НДС до 20 дней, обеспечивая предсказуемость и поддержку бизнеса, особенно в условиях санкционного давления. Сделан вывод о том, что заявительный порядок является важным инструментом регулирующей функции налога, способствуя развитию экономики.

Ключевые слова: НДС, заявительный порядок, возмещение, налогоплательщик, финансовая стабильность, Россия, Канада.

Налог на добавленную стоимость занимает важное место в системе налогообложения современных хозяйственных систем. Зарубежные и российские ученые дают схожие определения данного налога. Так, С.М. Бычкова определяет НДС как косвенный налог, форма изъятия в бюджет государства части добавленной стоимости, которая создается на всех стадиях процесса производства товаров, работ и услуг и вносится в бюджет по мере реализации¹. С.Н. Яшин, Ю.В. Трифонов и Е.В. Кошелев определяют НДС как многоточечную систему налогообложения при продаже продукции, в которой предусмотрена налоговая льгота (налоговый вычет) на уплату входного налога (налога, уплаченного за купленную продукцию)². В свою очередь, по мнению канадского ученого Ричарда Берда, НДС – это налог с широкой налоговой базой, взимаемый на нескольких этапах производства, при этом, что особенно важно, входящий налог зачитывается против исходящего³.

Вышеуказанные определения позволяют сделать вывод, что сущность практического применения НДС за рубежом и в России едина и заключается во взимании налога на каждом этапе производства продукта от получения или добычи сырья до готовой продукции.

Н.Н. Башкирова и С.Р. Эштиева отмечают, что НДС собирается дробно через систему отчислений, в соответствии с которой налогоплательщики могут вычитать из своих обязательств по НДС сумму налога, которую они уплатили другим облагаемым налогом лицам при покупке продукта у поставителей предыдущего этапа производственно-распределительной цепи⁴. Иными словами, особенностью НДС является стадийность взимания данного налога, т.е. вычет налога покупателем предопределяется непрерывным предъявлением налога по мере движения товаров и, как следствие, принятием, в связи с этим, каждым из участников оборота обязанности по уплате в бюджет

¹ Бычкова С.М. Бухгалтерский финансовый учет: учебник. Москва: Высшее экономическое образование, 2010. С. 252.

² Яшин С.Н. Влияние НДС на эффект экономического обоснованного проекта с образованием отдельного юридического лица. Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 11 (293). С. 2–11.

³ Bird R., Gendron P-P. VAT Revisited: A New Look at the Value Added Tax in Developing and Transitional Countries International Tax Program. School of Management University of Toronto. 2005. P. 5.

⁴ Башкирова Н.Н. Анализ социально-экономических последствий реформирования НДС. Проблемы анализа риска. 2017. № 4. С. 14–23.

предъявляемых сумм налога¹. При этом, право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть обусловлено исполнением непосредственными контрагентами и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате НДС, а также финансово-экономическим положением и поведением третьих лиц. Иное, вопреки конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции РФ) и связанному с ним принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, могло бы лишить налогоплательщиков предсказуемости последствий исполнения ими закона². Аналогичный подход можно встретить и у зарубежных ученых. Так, например, налог на товары и услуги в Канаде (аналог НДС) взимается на каждом этапе продаж, осуществленных на территории государства. Чтобы избежать каскадного эффекта при сборе налога, регистрантам предоставляется право на возврат на основании льготы по входному налогу в отношении уплаченного с покупки налога в части, в которой целью покупки является потребление, использование или поставка в рамках коммерческой деятельности³.

Следовательно, НДС взимается отдельно на каждом этапе производственно-распределительной цепи с предоставлением налогового вычета на входящий налог, уплаченный на предыдущем этапе. По мнению А.Д. Шелкунова, НДС тесно связан с правом оперативно компенсировать сумму налогов, предъявленных при приобретении ресурсов для производства (распределения) товаров (работ, услуг), реализация которых признается объектом НДС. Правовая природа возмещения заключается в том, что право на вычет является неотъемлемым элементом модели исчисления НДС и обеспечивает его нейтральность, позволяя налогоплательщику оперативно компенсировать предъявленные ему суммы данного налога⁴.

Таким образом, возмещение НДС, уплаченного на одном из этапов производства, является своего рода источником отложенного поступления денежных средств. Поступление НДС из бюджета постоянно учитывается при финансовом планировании средних и крупных предприятий, а сама процедура возмещения НДС может использоваться как инструмент проверки благонадежности контрагента.

Некоторые исследователи отмечают, что возмещение НДС можно рассматривать через призму как экономического, так и правового института. С точки зрения экономического содержания, институт возврата действует как способ получе-

ния субъектом денежных средств в части излишне уплаченного налога. С позиции права, его можно отнести к межотраслевому институту неосновательного обогащения, поскольку до возмещения фактически происходит неосновательное обогащение бюджета денежными средствами (излишне уплаченными налогами) налогоплательщиками. В свою очередь, возмещение, фактически, устраняет возникшее неосновательное обогащение⁵.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что процедура возмещения НДС оказывает прямое влияние на финансовую состоятельность бизнеса. Чем быстрее налогоплательщик производит возмещение, тем эффективнее он может работать и развивать свое предприятие. Таким образом, законодатель, устанавливая короткие сроки возмещения НДС, фактически способствует развитию экономики или отдельных отраслей. В целом следует отметить, что оптимизация процедуры по сбору и возмещению того или иного налога может быть рассмотрена через призму регулирующей функции налога.

В России в соответствии с требованиями ст. 171, 173 НК РФ налогоплательщики при исчислении НДС имеют право снизить его размер на сумму налоговых вычетов, в качестве которых выступают суммы НДС, предъявленные налогоплательщику при приобретении им товаров, работ или услуг у других налогоплательщиков-продавцов. Если сумма налоговых вычетов превышает размер исчисленного НДС, то полученная разница подлежит возмещению налогоплательщику.

В настоящий момент в России действует общий порядок возмещения НДС, который регулируется ст. 176 НК РФ, и заявительный порядок возмещения НДС – ст. 176.1 НК РФ. В случае применения общего порядка, возмещение НДС из бюджета происходит после камеральной налоговой проверки налоговой декларации по НДС. Средние сроки возмещения по указанной процедуре занимают до 3–4 месяцев с момента подачи налоговой декларации и соответствующего заявления.

В случае же применения заявительного порядка – возврат НДС из бюджета производится до окончания камеральной налоговой проверки и при соблюдении специальных условий. Средние сроки указанной процедуры занимают 1 месяц с момента подачи налоговой декларации и соответствующего заявления.

В данной статье будет проанализирован именно заявительный порядок возмещения НДС, так как применение данного механизма позволяет налогоплательщику оперативно получить средства из бюджета.

Порядок регулирования заявительного порядка возмещения налога начал применяться с 01 января 2010 года и был введен в НК РФ Федеральным законом от 17 декабря 2009 года № 318-ФЗ. Из-

¹ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 N 41-П. Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ст. 8138.

² См. Определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 2561-О.

³ См. Chabot J., Albrecht D., Ilahi S., Robertson D. Ernst & Young's Complete Guide to GST/HST. Toronto: CPA, 2015. P. 1252.

⁴ Шелкунов А.Д. Правовая природа НДС и проблема определения момента восстановления вычета по авансам. Режим доступа: <https://www.statut.ru/ksrf/2018/shelkunov.pdf?ysclid=ld4at7vzt985492193> (дата обращения: 31.01.2023)

⁵ Глазунова И.В. Правовая природа институтов возврата и возмещения налога в контексте имущественных правоотношений в налоговом праве. Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 1 (34). С. 142–148.

начально правом на применение такого порядка возмещения НДС имели две категории налогоплательщиков.

В первую категорию входили организации, у которых совокупная сумма НДС, акцизов, налога на прибыль организаций и налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), уплаченная за три календарных года, предшествующие году подачи заявления о применении заявительного порядка возмещения налога, составляет не менее 10 млрд руб. и если со дня создания организации до дня подачи налоговой декларации прошло не менее трех лет.

Ко второй категории относились налогоплательщики вне зависимости от величины полученного им дохода, но которые представили в налоговый орган банковскую гарантию вместе с налоговой декларацией, в которой заявлено право на возмещение.

Впоследствии количество категорий налогоплательщиков, имеющих право на применение заявительного порядка возврата НДС, было расширено с двух категорий до восьми. На данный момент право предоставлено следующим категориям.

1. Организации, у которых совокупная сумма НДС, акцизов, налога на прибыль организаций и НДПИ, уплаченная за три календарных года, предшествующие году подачи заявления о применении заявительного порядка возмещения налога, составляет не менее 2 млрд руб. и если со дня создания организации до дня подачи налоговой декларации прошло не менее трех лет (пп. 1 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
2. Налогоплательщики вне зависимости от величины полученного им дохода, но которые представили в налоговый орган банковскую гарантию вместе с налоговой декларацией (пп. 2 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
3. Налогоплательщики-резиденты территории опережающего развития, предоставившие вместе с налоговой декларацией договор поручительства управляющей компании (пп. 3 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
4. Налогоплательщики-резиденты свободного порта Владивосток, предоставившие вместе с налоговой декларацией, договор поручительства управляющей компании (пп. 4 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
5. Налогоплательщики, обязанность которых по уплате налога обеспечена поручительством в соответствии со ст. 74 НК РФ (пп. 5 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
6. Налогоплательщики, в отношении которых проводится налоговый мониторинг на дату представления налоговой декларации (пп. 6 п. 2 ст. 176.1 НК РФ);
7. Налогоплательщики-организации, которые осуществляют производство вакцины для профилактики новой коронавирусной инфекции и информация о которых содержится в регистрационном удостоверении такой вакцины (пп. 7 п. 2 ст. 176.1 НК РФ). При этом такое право предоставлено за налоговые периоды

с 01 января 2021 года по 31 декабря 2023 года включительно в соответствии с Федеральным законом от 02 июля 2021 года № 306-ФЗ;

8. Налогоплательщики, в отношении которых на дату представления заявления о применении заявительного порядка возмещения налога одновременно соблюдаются следующие требования:

- налогоплательщик не находится в процессе реорганизации или ликвидации;
- в отношении налогоплательщика не возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) (пп. 8 п. 2 ст. 176.1 НК РФ).

Как следует из перечня категорий выше, заявительный порядок направлен на то, чтобы стимулировать развитие определенных налогоплательщиков и, следовательно, предметных отраслей, как, например, производителей вакцины против коронавирусной инфекции, потребность в которой была высока в период пандемии или в отношении резидентов свободного порта Владивосток, задача которых осуществлять экономическое развитие Дальнего Востока в соответствии с утвержденной Правительством РФ программой.

Отдельно стоит обратить внимание на пп. 8 п. 2 ст. 176.1 НК РФ, который был введен в действие Федеральным законом от 26 марта 2022 года № 67-ФЗ. В соответствии с данным подпунктом, как было указано выше, право применять заявительный порядок возмещения НДС было предоставлено практически всем действующим, добросовестным и финансово состоятельным налогоплательщикам без каких-либо дополнительных ограничений. Право на применение такого порядка действует в отношении налоговых периодов 2022 и 2023 годов.

Введенная норма была направлена на поддержку бизнеса в условиях жестких санкционных ограничений и была призвана увеличить скорость оборота денежных средств в бизнесе путем их перечисления из бюджета в более короткие сроки. Результаты применения заявительного порядка за 2022 год пока отсутствуют, однако на основании квартальных сообщений ФНС России можно прийти к выводу, что мера оказалась действенной. Так на сайте ФНС России указано, что по заявительному порядку «за I квартал 2022 года бизнес возместил 120 млрд рублей НДС»¹.

Ключевым преимуществом заявительного порядка является срок возмещения НДС. Так, в соответствии с п. 7 ст. 176.1 НК РФ, налогоплательщик, имеющий право на применение заявительного порядка возмещения НДС, должен в течение 5 дней с момента подачи налоговой декларации направить заявление о применении заявительного порядка. Затем налоговый орган в течение 5 дней со дня подачи такого заявления должен про-

¹ См. За I квартал 2022 года бизнес возместил 120 млрд рублей НДС по новому основанию. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12326131/ (дата обращения: 05.02.2023).

верить соблюдение требований налогоплательщиком и принять решение о возмещении суммы налога к возмещению или об отказе к возмещению (п. 8 ст. 176.1 НК РФ). После принятия решения о возмещении НДС налоговый орган, при наличии соответствующего заявления налогоплательщика, направляет поручение в адрес Федерального казначейства на перечисление рассчитанной суммы к возмещению на банковский расчетный счет налогоплательщика. В свою очередь, согласно п. 6 ст. 79 НК РФ, Федеральное казначейство обязано не позднее дня, следующего за днем получения такого поручения осуществить возврат средств. На практике такое возмещение занимает до 10 дней в силу того, что п. 9 ст. 79 НК РФ предусмотрена ответственность за неисполнение платежа в виде пеней только по истечении 10 дней с момента получения поручения от налогового органа. Таким образом, общий срок возмещения НДС при заявительном порядке составляет не более 20 дней. Столь короткий срок возмещения, безусловно, благоприятно влияет на финансовую стабильность российских предприятий.

Таким образом, заявительный порядок возмещения НДС является отражением регулирующей функции налога, так как направлен на стимулирование развития бизнеса или отдельной взятой отрасли.

Следует отметить, что опыт России в части применения заявительного порядка является исключительным. Например, в Канаде, действует только общий порядок возмещения. При всем при том, что Канада считается «настоящим инноватором в области налогов на потребление, но и оказалась в авангарде ряда аспектов, которые могут стать налоговой революцией для всего мира»¹, а налог на товары и услуги в Канаде является уникальным, так как сочетает в себе хрупкий баланс «между политической целесообразностью и концептуальным перфекционизмом»².

В соответствии со ст. 169 (1) Акта Канады 1985 года «Об акцизах» налогоплательщик-регистраント имеет право на получение входящего налогового вычета, в том числе возмещения налога. В данной статье отражены общие правила. Кроме того, налоговый орган проверяет соответствие регистранта требованиям для возмещения уплаченного налога на товары и услуги согласно Меморандуму 8.1 2005 года «Общие правила предоставления налогового вычета по налогу на товары и услуги и гармонизированного налога на товары и услуги»³, Меморандуму 8.2 2008 года «Общие

ограничения»⁴ и Меморандуму 8.3 2014 года «Правила расчета входящего налогового вычета»⁵.

Налогоплательщик-регистраント для получения налогового вычета должен предоставить соответствующее документальное обоснование несения расходов. Перечень необходимых документов отражен в Правилах предоставления информации для получения налогового вычета по налогу на товары и услуги SOR/91–45 от 18 декабря 1990 года с учетом внесенных изменений⁶.

В соответствии со ст. 238 Акта Канады 1985 года «Об акцизах» налогоплательщик обязан, по общему правилу, подать налоговую декларацию в течение 1 (одного) месяца с момента окончания налогового периода. Для отдельных видов организаций, например, финансовых организаций предусмотрены более длительные сроки подачи деклараций – от 3 (трех) до 6 (шести) месяцев с окончания налогового периода. Налоговые декларации должны включать в себя информацию о сумме уплаченного налога на товары и услуги, которую налогоплательщик-регистраント планирует возместить или зачесть.

После подачи налоговой декларации налоговый орган в соответствии со ст. 296 Акта Канады 1985 года «Об акцизах» начинает процедуру проверки декларации, результатом которой является уведомление об итогах проверки, предусмотренное ст. 300 Акта Канады 1985 года «Об акцизах». В указанном уведомлении налоговый орган указывает, среди прочего, сумму налога, которую налогоплательщик вправе возместить или зачесть.

В Канаде отсутствуют четкие сроки возмещения налога на товары и услуги. Ориентировочные сроки обработки документации канадским налоговым агентством указаны в стандартах оказания услуг, которые ежегодно размещаются на официальном сайте агентства. Так, в 2022 году агентство указало, что основной целью является возмещение налога на товары и услуги в течение 4 недель с момента подачи налоговой декларации в цифровом виде⁷. В то же время налоговое законодательство Канады допускает подачу налоговых деклараций и на бумажном носителе. Сроки рассмотрения таких деклараций занимают до 8 недель⁸. В отношении более сложных и объемных деклараций налоговый орган вправе проводить проверку дольше.

⁴ См. GST/HST Memorandum 8.2. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-2.html> (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ См. GST/HST Memorandum 8.3. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-3.html> (дата обращения: 05.02.2023).

⁶ См. Input Tax Credit Information (GST/HST) Regulations. Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-91-45/page-1.html#h-936896> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷ См. Service Standards 2022–23. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/about-canada-revenue-agency-cra/service-standards-cra/service-standards-2021-22.html#tx1> (дата обращения: 07.02.2023).

⁸ См. Check CRA processing times. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/corporate/contact-information/check-cra-processing-times.html> (дата обращения: 07.02.2023).

¹ Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 1.

² Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 9.

³ См. GST/HST Memorandum 8.1. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-1.html> (дата обращения: 05.02.2023).

Особо стоит отметить право налогового органа Канады, установленное ст. 77 Акта Канады 1985 года «Об акцизах» удержать сумму возмещения налога на товары и услуги до того момента пока налогоплательщик не подаст все необходимые декларации за отчетный период, предусмотренные Актом Канады 1985 года «Об акцизах», Актом Канады 1985 года «О налоге на прибыль», Актом Канады 2001 года «О пошлинах», Актом Канады 2002 года «О плате за обеспечение безопасности авиапассажиров» и пока эти декларации не пройдут проверку.

Таким образом, самый короткий срок возмещения налога на товары и услуги составляет около 4 недель с момента подачи налоговой декларации. В то же время в силу отсутствия четких регламентированных процедур фактические сроки проверки могут занимать больше времени, а налогоплательщик не будет иметь четкого представления о сроках возмещения налога на товары и услуги, что, в свою очередь, прямо влияет на финансовое планирование.

Как следует из изложенного выше, Канада пошла по пути оптимизации общего порядка возмещения за счет сокращения сроков проверки налоговых деклараций, но при этом налоговые органы оставляют за собой право на увеличение сроков таких проверок. В свою очередь, в России была введена отдельная ускоренная процедура возмещения по заявительному принципу.

Указанные подходы к возмещению имеют свои преимущества и недостатки. К числу преимуществ российского подхода можно отнести четкие и короткие сроки возмещения налога и наличие возможности получить возмещение в независимости от проверки деклараций по другим налогам. Недостатки заявительного порядка на данном этапе оценить проблематично, но, на первый взгляд, к ним можно отнести возможные злоупотребления при получении возмещения со стороны недобросовестных налогоплательщиков. Несмотря на это, представляется, что заявительный порядок возмещения НДС в России является примером эффективного механизма для стимулирования российского бизнеса за счет повышения оборачиваемости денежных средств.

Подход Канады также имеет свои преимущества, в частности, глубина проверки налогоплательщика и его деклараций. К недостаткам можно отнести непрозрачность процедуры возмещения и непредсказуемые сроки. Тем не менее, опыт Канады по ускорению сроков проверки налоговых деклараций может быть полезен для российских налоговых органов, что позволит ускорить сроки возмещения НДС в рамках общего порядка.

Литература

1. Бычкова С.М. Бухгалтерский финансовый учет: учебник. Москва: Высшее экономическое образование, 2010. С. 252.
2. Яшин С.Н. Влияние НДС на эффект экономически обособленного проекта с образованием отдельного юридического лица. Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 11 (293). С. 2–11.
3. Bird R., Gendron P-P. VAT Revisited: A New Look at the Value Added Tax in Developing and Transitional Countries International Tax Program. School of Management University of Toronto. 2005. P. 5.
4. Башкирова Н.Н. Анализ социально-экономических последствий реформирования НДС. Проблемы анализа риска. 2017. № 4. С. 14–23.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 N 41-П. Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ст. 8138.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 2561-О.
7. См. Chabot J., Albrecht D., Ilahe S., Robertson D. Ernst&Young's Complete Guide to GST/HST. Toronto: CPA, 2015. P. 1252.
8. Шелкунов А.Д. Правовая природа НДС и проблема определения момента восстановления вычета по авансам. Режим доступа: <https://www.statut.ru/ksrf/2018/shelkunov.pdf?y-sclid=ld4at7vztk985492193> (дата обращения: 31.01.2023)
9. Глазунова И.В. Правовая природа институтов возврата и возмещения налога в контексте имущественных правоотношений в налоговом праве. Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 1 (34). С. 142–148.
10. См. За I квартал 2022 года бизнес возместил 120 млрд рублей НДС по новому основанию. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12326131/ (дата обращения: 05.02.2023).
11. Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 1.
12. Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 9.
13. GST/HST Memorandum 8.1. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-1.html> (дата обращения: 05.02.2023).
14. GST/HST Memorandum 8.2. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-2.html> (дата обращения: 05.02.2023).
15. GST/HST Memorandum 8.3. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8-3.html> (дата обращения: 05.02.2023).
16. Input Tax Credit Information (GST/HST) Regulations. Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-91-45/page-1.html#h-936896> (дата обращения: 07.02.2023).

17. Service Standards 2022–23. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/about-canada-revenue-agency-cra/service-standards-cra/service-standards-2021–22.html#tx1> (дата обращения: 07.02.2023).
18. Check CRA processing times. Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/corporate/contact-information/check-cra-processing-times.html> (дата обращения: 07.02.2023).

THE DECLARATIVE PROCEDURE FOR VAT REFUND IN RUSSIA AND THE EFFECT OF ITS APPLICATION

Chernov K.V.

Moscow State Law University

The article examines the features of the declarative procedure for VAT refund in Russia and its impact on the financial stability of business. The legal basis and categories of taxpayers entitled to accelerated refund are analyzed. Particular attention is paid to the changes of 2022, which expanded the range of entities, which contributed to an increase in the turnover of enterprises' funds. Comparative characteristics are given with the Canadian system of refund of tax on goods and services, where there is no analogue of the declarative procedure. It is shown that the Russian model allows to reduce the VAT refund period to 20 days, ensuring predictability and support for business, especially in the context of sanctions pressure. It is concluded that the declarative procedure is an important tool of the regulatory function of the tax, contributing to the development of the economy.

Keywords: VAT, declarative procedure, refund, taxpayer, financial stability, Russia, Canada.

References

1. Bychkova S.M. Accounting and financial accounting: textbook. Moscow: Higher economic education, 2010. P. 252.
2. Yashin S.N. The impact of VAT on the effect of an economically separate project with the formation of a separate legal entity. Financial analytics: problems and solutions. 2016. No. 11 (293). P. 2–11.
3. Bird R., Gendron P-P. VAT Revisited: A New Look at the Value Added Tax in Developing and Transitional Countries International

- al Tax Program. School of Management University of Toronto. 2005. P. 5.
4. Bashkistrova N.N. Analysis of the socio-economic consequences of VAT reform. Problems of risk analysis. 2017. No. 4. P. 14–23.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.12.2019 N 41-P. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 52. Article 8138.
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.11.2016 N 2561-O.
7. Chabot J., Albrecht D., Ilahi S., Robertson D. Ernst&Young's Complete Guide to GST/HST. Toronto: CPA, 2015. P. 1252.
8. Shelkunov A.D. Legal nature of VAT and the problem of determining the moment of restoration of the deduction for advances. Access mode: <https://www.statut.ru/ksrf/2018/shelkunov.pdf?ysclid=ld4at7vztk985492193> (date of access: 31.01.2023)
9. Glazunova I.V. Legal nature of the institutions of tax refund and reimbursement in the context of property relations in tax law. Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2013. No. 1 (34). Pp. 142–148.
10. In the first quarter of 2022, businesses reimbursed 120 billion rubles of VAT on a new basis. Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/12326131/ (date of access: 05.02.2023).
11. Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 1.
12. Bird R. GST/HST: Creating an Integrated Sales Tax in a Federal Country // International Center for Public Policy Working Paper Series. 2012. No. 80. P. 9.
13. GST/HST Memorandum 8.1. Access mode: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8–1.html> (access date: 02/05/2023).
14. GST/HST Memorandum 8.2. Available at: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8–2.html> (accessed on: 05.02.2023).
15. GST/HST Memorandum 8.3. Available at: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/forms-publications/publications/8–3.html> (accessed on: 05.02.2023).
16. Input Tax Credit Information (GST/HST) Regulations. Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-91–45/page-1.html#h-936896> (accessed on: 07.02.2023).
17. Service Standards 2022–23. Available at: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/about-canada-revenue-agency-cra/service-standards-cra/service-standards-2021–22.html#tx1> (accessed on 02/07/2023).
18. Check CRA processing times. Available at: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/corporate/contact-information/check-cra-processing-times.html> (accessed on 02/07/2023).

Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: экономическое или должностное преступление?

Ако Галёб Самерович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: mlb603372@yandex.ru

В статье на основе анализа судебной практики рассматривается проблематика квалификации преступлений связанных с регистрацией незаконных сделок с недвижимым имуществом в контексте выработки решения таких вопросов и определения уголовно-правовой природы данного преступления. Установлено, что на практике существует тенденция, в результате реализации которой деяния, которые фактически подлежат правовой оценке по ст. 170 УК РФ, в действительности квалифицируются по ст. 285.3 УК РФ как должностные преступления. С учётом этого основываясь на выявленных данных, автором сформулированы предложения по корректировке уголовного закона.

Ключевые слова: квалификация преступлений связанных с регистрацией незаконных сделок с недвижимым имуществом, разграничение экономических и должностных преступлений.

Проблематика, обозначенная в названии настоящей статьи, отражает вопросы не только теоретического характера, но имеет и важное практическое значение. Изначально постановка данного вопроса обусловлена тем, что норма, закрепленная в ч. 1 ст. 170 УК РФ предусматривает ответственность за преступление, совершенное специальным субъектом – должностным лицом с использованием своего служебного положения.

В то же время сугубо теоретический анализ позволяет прийти к выводу о чрезвычайной схожести признаков состава преступления, закрепленного в ст. 170 УК РФ, который законодатель расположил в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ, с преступлениями должностными, ответственность за которые установлена в главе 30 УК РФ. Помимо специального субъекта к такому выводу позволяет прийти наличие в ч. 1 ст. 170 УК РФ в качестве альтернативно-криминообразующих признаков мотивов корыстной или иной личной заинтересованности.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, с 2019 г. по 2024 г. по ст. 170 УК РФ осуждено только одно лицо. Это обстоятельство позволяет заключить, что ст. 170 УК РФ сегодня фактически является «спящей» нормой, что объективно ставит под сомнение необходимость ее наличия в УК РФ в принципе.

В связи с этим можно выдвинуть рабочую гипотезу о том, что рассматриваемое деяние якобы редко совершается на практике. Однако в действительности проблема куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Попробуем в рамках данной научной работы обосновать свою точку зрения на обозначенную проблему.

Неслучайно в 2022 году Минюстом России подготовлен законопроект, предусматривающий, в том числе исключение из УК РФ ст. 170¹. При этом в пояснительной записке и в информационном пространстве тогда же распространялась информация о том, что данное решение предполагает декриминализацию деяния, предусмотренного указанной нормой.

Вместе с тем упущено из внимания обстоятельство, что деяния, описанные в ст. 170 УК РФ, могут подпадать под признаки других составов преступлений, что обусловлено, в частности, специаль-

¹ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=130229>. Дата обращения: 04.06.2025.

ными признаками субъекта ст. 170 УК РФ, которым, по сути, является должностное лицо.

Так, Н.А. Лопашенко отмечает пересечение конкурентного характера ст. 170 УК РФ со ст.ст. 285, 285.3 и 292 УК РФ, отдельно указывая, что на сегодняшний день после включения в УК РФ ст. 285.3 конкуренция ст. 170 УК РФ в чистом виде фактически сохранилась только в отношении этой статьи. При этом ст. 170 УК РФ рассматривается ею как специальная по отношению к статьям о должностных преступлениях, то есть как подлежащая применению в результате разрешения их конкуренции как общих норм и специальной. Отмечается и разный характер наказуемости, и, следовательно, сомнительность наличия в УК РФ ст. 170 [1, с. 269–270].

Вместе с тем в науке данная проблематика освещается слабо. Так, например, А.А. Коренная верно отмечает поразительную схожесть ст. 170 и ст. 285.3 УК РФ, но заключает, что деяния «различаются по признакам объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, предполагает различный подход к пенализации» [2, с. 46].

Следовательно, при совершении преступления должностным лицом вред экономическим отношениям выступает важным, но вторичным (дополнительным) объектом посягательства. Первичным и основным объектом являются охраняемые главой 30 УК РФ интересы государственной службы: принцип законности, порядок функционирования государственного аппарата, публичное доверие к власти. Незаконная регистрация прав или сделок предстает способом причинения вреда государственным интересам через сферу экономических отношений [3, с. 71]. В этой связи тезис о различном подходе к пенализации вследствие разницы объекта представляется спорным: фактическая идентичность деяния, субъекта и способа причинения вреда государственным интересам при различии лишь в формальной «прописке» в той или иной главе нормы не может служить убедительным основанием для столь значительного смягчения ответственности по ст. 170 УК РФ. Такой подход видится излишне формальным. Разная строгость наказания за сущностно аналогичные действия, зависящая исключительно от главы УК РФ, ставит под сомнение соответствие принципам справедливости и равенства перед законом.

Инициатива Минюста России заключалась фактически не в декриминализации ст. 170 УК РФ, а в переводе предусмотренных ею деяний в плоскость должностного преступления, предусмотренного ст. 285.3 УК РФ. Такое решение привело бы к более справедливому восприятию обстановки в сфере уголовно-правовой охраны отношений в сфере оборота недвижимости вследствие усиления наказуемости, хоть и повлекло бы исключение из УК РФ специальной нормы.

То обстоятельство, что законопроект в редакции Минюста России реализован не был, вместе с тем, оставляет актуальным (с поправкой на то, что по ст. 170 УК РФ практически нет осужденных)

вопрос о разграничении ст. 170 УК РФ со смежными должностными преступлениями.

Исходя из изложенного, интерес представляет анализ судебной практики относительно возможного наличия случаев квалификации деяния, указанного в ст. 170 УК РФ, по другим нормам уголовного закона. Здесь допустимой видится гипотеза о том, что на практике в случаях, предусмотренных ст. 170 УК РФ, фактически может применяться ст. 285.3 УК РФ или иные нормы УК РФ о должностных преступлениях.

Анализ судебной практики подтверждает данную гипотезу. Например, приговором Ленинского районного суда (город Севастополь) по ч. 1 ст. 285.3 УК РФ осужден главный специалист-эксперт отдела государственной регистрации недвижимости Управления государственной регистрации права и кадастра г. Севастополя. Инкриминировано незаконное внесение в ЕГРН записи о регистрации права собственного иностранного юридического лица на земельный участок площадью 43 240 кв.м., а также недостоверные сведения о факте возникновения у иностранного юридического лица права собственности¹.

Отдельный интерес представляет то обстоятельство, что органами предварительного расследования изначально осужденный обвинялся по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ в превышении должностных полномочий. Впоследствии обвинитель переквалифицировал содеянное на ч. 1 ст. 286 УК РФ. При этом суд указал, что «фактически обвинение сводится к тому, что подсудимый умышленно внес в ЕГРН заведомо недостоверную запись о государственной регистрации права собственности. В судебном заседании не доказано, что [обвиняемый] умышленно совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать. С учетом, установленных по делу фактических обстоятельств, действия подсудимого подлежат переквалификации с ч. 1 ст. 286 УК РФ на ч. 1 ст. 285.3 УК РФ, что не ухудшает положение подсудимого. Севастопольский городской суд в порядке апелляции и Четвертый кассационный суд общей юрисдикции оставили судебные решения без изменения².

В этом деле проведено принципиальное разграничение ст. 285.3 УК РФ и ст. 286 УК РФ. Ключевым критерием является выход за пределы полномочий. Если должностное лицо совершает незаконные действия в рамках своих формальных функций (вносит заведомо ложные данные в реестр, используя предоставленный ему доступ

¹ Приговор Ленинского районного суда (город Севастополь) по делу № 1–78/2023 от 21 декабря 2023 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QE0wkHqV3lov/>. Дата обращения: 04.06.2025.

² Официальный сайт Ленинского районного суда (город Севастополь) // URL: https://leninskiy-sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=42522028&case_uid=4807b02b-0f03-49b9-93d1-a6f81ae03de3&delo_id=1540006. Дата обращения: 04.06.2025.

и процедуры), это квалифицируется по ст. 285.3 УК РФ), а не как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Для превышения характерно совершение действий, которые никто не вправе совершать или которые явно выходят за рамки полномочий.

Приговором Люберецкого городского суда (Московская область) осужден заместитель начальника межмуниципального отдела Управления Росреестра по Московской области. Осуществлена регистрация права собственности юридического лица на сооружение, которое не было введено в эксплуатацию и в отсутствие правоустанавливающих документов, как на сам объект, так и на земельный участок¹. Изначальная квалификация стороны обвинения и итоговая со стороны суда была неизменной – ч. 1 ст. 285.3 УК РФ.

Имеются также случаи квалификации по совокупности преступлений по ст. 285.3 и 290 УК РФ случаев внесения недостоверных сведений в ЕГРН².

Практика однозначно демонстрирует, что действия должностных лиц, связанные с незаконным внесением сведений в ЕГРН (фактически подпадающие под признаки ст. 170 УК РФ), систематически квалифицируются по ст. 285.3 УК РФ. Суды последовательно применяют норму о должностном преступлении, а не об экономическом (ст. 170 УК РФ), даже когда деяние формально соответствует описанию последней. Это подтверждает гипотезу о практической избыточности ст. 170 УК РФ в данных ситуациях.

В практике наблюдается тенденция к единообразной квалификации подобных деяний именно по ст. 285.3 УК РФ. Это проявляется как в случаях, когда обвинение изначально предъявляется по этой статье, так и в случаях, когда после судебного разбирательства итоговой и подтверждаемой вышестоящими инстанциями нормой становится ст. 285.3 УК РФ.

Упоминание квалификации по совокупности со ст. 290 УК РФ указывает на то, что фальсификация записей в ЕГРН должностными лицами может являться способом реализации коррупционных схем. Это подчеркивает должностную, а не чисто экономическую природу преступления.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует, что с 2019 г. по 2024 г. по ст. 285.3 УК РФ осуждено 15 лиц. Судя по вышеприведенным приговорам, значительную долю в рамках правоприменения этой нормы составляют как раз случаи фальсификации ЕГРН.

¹ Приговор Люберецкого городского суда (Московская область) по делу № 1–623/2019 от 26 февраля 2020 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OrGpfsdd7odr/>. Дата обращения: 04.06.2025.

² Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда по делу № 1–44/2020 от 17 июня 2020 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UyivgqzNO114/>. Дата обращения: 04.06.2025.

В связи с этим следует отметить, что фактически на практике применяется общая ст. 285.3 УК РФ вместо специальной ст. 170 УК РФ, что правильно по существу, однако по форме налицо нарушение правила квалификации по ч. 3 ст. 17 УК РФ о приоритете специальной нормы при конкуренции общей и специальной нормы. Изложенное свидетельствует о том, что правоприменительная практика по конкретным делам справедливо ощущает социально-правовую необоснованность применения фактически льготной ст. 170 УК РФ при наличии ст. 285.3 УК РФ.

Критически важным аспектом является существенное различие в строгости наказаний. Санкция ч. 1 ст. 170 УК РФ является заметно более мягкой по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 285.3 УК РФ. Применение ст. 170 УК РФ к должностному лицу, совершившему деяние, по сути аналогичное должностному злоупотреблению, но формально подпадающее под признаки экономического преступления, создает неоправданную льготу и нарушает принцип справедливости и соразмерности наказания. Сохранение ст. 170 УК РФ с ее мягкой санкцией де-факто означает установление специального привилегированного режима ответственности для должностных лиц, совершающих фальсификацию именно в сфере оборота недвижимости, по сравнению с иными злоупотреблениями при регистрации прав. Это противоречит логике усиления ответственности за преступления с использованием служебного положения.

Крайне низкое число осужденных по ст. 170 УК РФ (фактически единичные случаи) обусловлено не только конкуренцией норм, но и сложностями правоприменения. Требование ст. 170 УК РФ доказывать именно корыстную или иную личную заинтересованность в рамках состава экономического преступления может быть избыточным и сложным, когда само использование служебного положения для незаконной регистрации уже свидетельствует о злоупотреблении и часто сопряжено с корыстью или иной заинтересованностью, охватываемой признаками должностных преступлений (особенно ст. 285.3 УК РФ).

Правоприменитель, сталкиваясь со злоупотреблениями должностных лиц в органах регистрации, закономерно склонен квалифицировать содеянное по главе 30 УК РФ (должностные преступления) как наиболее адекватно отражающее суть посягательства – на нормальное функционирование государственного органа и публичные интересы.

Ключевой аргумент в пользу поглощения нормы о фальсификации регистрации недвижимости (ст. 170 УК РФ) составом должностного преступления (ст. 285.3 УК РФ) лежит в плоскости объекта уголовно-правовой охраны. Глава 22 УК РФ защищает отношения в сфере экономической деятельности, глава 30 – интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Когда преступление совершается специальным субъектом – должностным лицом с использованием своего служебного

положения, основным непосредственным объектом посягательства становятся именно публичные интересы, нормальная деятельность государственного аппарата, принципы законности и доверие к власти.

Вред экономическим отношениям (недвижимость как предмет или сфера) в этом случае выступает как последствие или способ причинения вреда первичному объекту – государственной службе. Поэтому квалификация подобных деяний по нормам о должностных преступлениях не только прагматична, но и сущностно верна, отражая истинную природу и направленность посягательства. Отнесение их к экономическим преступлениям (гл. 22) является искусственным и не отвечает сущности и основной направленности причиняемого вреда.

Приведенная в настоящей статье судебная практика свидетельствует, что ст. 170 УК РФ изначально была дублирующей нормой с необоснованно сниженной санкцией.

Данные обстоятельства порождают разрыв между законом и правоприменением, формирует ложное представление на уровне закона о специальной охране недвижимости в ст. 170 УК РФ, на уровне статистики – об отсутствии реакции государства на злоупотребления в сфере регистрации недвижимости, а на уровне правоприменения – необходимость преодоления ряда положений закона в целях справедливой реализации его других положений.

Учитывая изложенный диссонанс, представляется целесообразным внести в УК РФ следующие изменения:

1) ст. 170 УК РФ признать утратившей силу;

2) дополнить ст. 285.3 УК РФ частью четвертой, где предусмотреть особо квалифицирующий признак, либо дополнить данную статью частями, предусматривающими отдельную систему основного и квалифицированных составов о фальсификации ЕГРН.

Сложившаяся практика применения ст. 285.3 УК РФ вместо специальной ст. 170 УК РФ, несмотря на ее обоснованность по существу (стремление к справедливому наказанию), является прямым нарушением правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Это создает прецедент, когда правоприменитель вынужденно корректирует несовершенство закона, что подрывает принцип верховенства закона и правовой определенности. Исключение неработающей и доктринально сомнительной ст. 170 УК РФ и закрепление адекватной ответственности за фальсификацию ЕГРН в рамках ст. 285.3 УК РФ восстановит соответствие между законом и его применением.

Кроме того, на уровне теоретическом полагаем целесообразным сделать вывод о том, что возникновение вопросов «разграничения» экономических и должностных преступлений обусловлено некорректной с точки зрения сегодняшних реалий попыткой формальной приоритезации охраны от-

ношений в сфере экономики над охраной отношений в сфере государственной власти и службы в рамках уголовного закона.

На наш взгляд, сущностно акценты уголовного закона здесь не влияют на природу соответствующих правоотношений. И если преступление, тесно связанное с причинением вреда «экономического», совершается должностным лицом как специальным субъектом, некорректно относить содеянное им к преступлениям экономической направленности, поскольку с точки зрения приоритезации акцент должен делаться на охрану отношений в сфере государственной власти и службы, причем проявляться это должно в синхронизации закона и правоприменения.

Иначе мы будем вынуждены наблюдать законодательные и правоприменительные «перекосы», когда уголовный закон не отвечает складывающимся реалиям в части соотношения и разграничения экономической и должностной преступности. На подобные проблемы схожести признаков составов должностных и экономических преступлений указывается и в других научных исследованиях [4, с. 108], что подтверждает наш вывод о необходимости разработки критериев их разграничения при квалификации.

Проблемы квалификации деяний по ст. 170 УК РФ, к сожалению, не единственный пример ошибок применения правил квалификации при конкуренции общей и специальной норм. Фактически схожая ситуация наблюдается и применительно к ст. 169 УК РФ, где субъектом преступления также выступает должностное лицо, что превращает данную норму в специально-привилегированную по отношению к отдельным должностным преступлениям и, тем самым, не усиливает уголовно-правовую охрану отношений в сфере экономики, а напротив – ослабляет ее. В результате чего перед законодателем, правоприменителем и научным сообществом стоит задача, которая требует немедленного разрешения уголовно-правовыми средствами.

Это свидетельствует о необходимости не только точечных изменений, но и разработки единых теоретико-прикладных критериев разграничения подобных составов, а в перспективе – и ревизии системы пограничных норм об экономических и должностных преступлениях в Особенной части УК РФ для устранения внутренних противоречий и обеспечения адекватной уголовно-правовой охраны как интересов государственной службы, так и экономической сферы.

Литература

1. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): монография. В 2 ч. Ч. 2. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 448 с.
2. Коренная А.А. Уголовно-правовое значение экономической деятельности при теоретиче-

ском моделировании уголовного закона // Без-
опасность бизнеса. 2024. № 2. С. 44–49.

3. Ващенко Т.В. Стратегический финансовый ме-
неджмент. – М.: Проспект, 2024. – 176 с.
4. Фоменко Е.В. Подкуп как наиболее обще-
ственно опасное проявление коррупции // За-
кон и право. 2021. № 9. С. 105–109.

REGISTRATION OF ILLEGAL REAL ESTATE TRANSACTIONS: AN ECONOMIC CRIME OR AN OFFENSE BY A PUBLIC OFFICIAL?

Ako G.S.

the All-Russian State University of Justice

Based on the analysis of judicial practice, the article examines the problems of qualifying crimes related to the registration of illegal real estate transactions in the context of developing solutions to such issues and determining the criminal nature of this crime. It has been established that in practice there is a tendency, as a result of which

acts that are actually subject to legal assessment under Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation are actually classi-
fied under Article 285.3 of the Criminal Code of the Russian Feder-
ation as official offenses. With this in mind, based on the revealed
data, the author formulated proposals for the adjustment of the crim-
inal law.

Keywords: qualification of crimes related to registration of illegal real estate transactions, differentiation of economic and official crimes.

References

1. Lopashchenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph. In 2 parts. Part 2. – М.: Yurлитinform, 2022. – 448 p.
2. Korennaya A.A. Criminal-legal significance of economic activity in theoretical modeling of criminal law // Business Security. 2024. No. 2. Pp. 44–49.
3. Vaschenko T.V. Strategic financial management. – М.: Pros-
pect, 2024. – 176 p.
4. Fomenko E.V. Bribery as the most socially dangerous manifes-
tation of corruption // Law and Right. 2021. No. 9. Pp. 105–109.

Бубнов Григорий Дмитриевич,
независимый исследователь

Статья посвящена комплексному анализу предмета неправомерных действий при банкротстве в контексте современного уголовного права Российской Федерации. Особое внимание уделяется теоретическим основам понятия предмета преступления и его применению к составам преступлений в сфере несостоятельности. Автор исследует различные доктринальные подходы к определению предмета преступления, начиная с классического понимания как материальных объектов воздействия и заканчивая современными концепциями, включающими бестелесные блага. Проводится детальный анализ положений статьи 195 УК РФ с точки зрения гражданско-правовой доктрины и римского права. В работе последовательно рассматриваются такие спорные категории как имущество, имущественные права и обязанности, бухгалтерские и учетные документы, информация об имуществе в качестве возможных предметов преступления. Особое внимание уделяется проблеме разграничения понятий объекта и предмета преступления, а также вопросам включения соответствующих благ в конкурсную массу должника. Автор критически анализирует законодательную технику и выявляет противоречия между уголовно-правовым и гражданско-правовым пониманием исследуемых категорий. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра традиционных подходов к определению предмета преступления в условиях активного развития цифровых технологий, появления криптовалют и принципиального изменения характера экономических отношений в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: предмет преступления, банкротство, неправомерные действия, имущество, имущественные права, уголовное право, конкурсная масса

Материальное воплощение объекта преступления находит отражение в предмете преступного деяния, что обусловлено неразрывной связью данных категорий. Предмет преступления выступает неотъемлемым структурным компонентом объекта противоправного посягательства.

Научная доктрина определяет предмет преступления как материальные объекты, посредством воздействия на которые нарушитель наносит ущерб охраняемым уголовным законодательством общественным отношениям. Научные изыскания позволяют рассматривать предмет преступного деяния в качестве материального субстрата, вокруг которого формируются общественные отношения.

Доминирующая позиция представителей юридической науки заключается в признании предметом преступления материальных объектов, манипуляции с которыми приводят к нанесению вреда охраняемым законом интересам. Концептуальные границы предмета преступления ограничиваются исключительно вещественными, осязаемыми элементами объективной реальности. Приверженцы указанного подхода отвергают возможность отнесения к предмету преступления действий, абстрактных категорий, интересов ввиду невозможности осуществления непосредственного физического воздействия на данные явления [1].

Говоря о дифференциации вещей материального и нематериального мира и об отнесении к предмету преступления лишь материальных субстратов объективного мира, следует вспомнить, что истоки такого разграничения находятся отнюдь не в уголовно-правовой доктрине.

Философские воззрения Цицерона положили начало классификации вещей на телесные (*res corporales*) и бестелесные (*res incorporales*), разграничивая существующие материально объекты и мыслительные конструкции [2]. Институции Гая закрепили данную дихотомию, определяя телесные вещи как осязаемые предметы материального мира — земельные участки, рабов, предметы одежды, драгоценные металлы. Бестелесные вещи характеризовались отсутствием физической формы, включая наследственные права, узуфрукт, различные виды обязательств [2].

Российское гражданское законодательство восприняло римско-правовую концепцию, что нашло закрепление в статье 128 ГК РФ, регламентирующей объекты гражданских прав. Законодатель выделяет вещи, представляющие собой *res corporales*, а также категорию иного имущества [3]. Принципиальное отличие современного российского подхода от римского права заключается

в квалификации бестелесного имущества не как разновидности вещей, а как самостоятельного объекта гражданских правоотношений.

Динамичное развитие общественных отношений, переход общества из индустриальной эпохи – в постиндустриальную, где все большее значение придается бестелесному имуществу, обуславливают необходимость внедрения более широкого подхода к понятию предмета преступления. Сведение предмета преступления к категории *res corporales* представляется рудиментарным и не отвечает требованиям современного уровня развития общественных отношений.

Возрастающая роль криптовалют, цифровых активов, безналичных платежных инструментов, включая внедрение цифрового рубля, демонстрирует ограниченность трактовки предмета преступления исключительно через призму вещно-правовых категорий. Рациональным представляется расширенное толкование предмета преступления как совокупности благ материального и нематериального характера, манипуляции с которыми влекут нанесение ущерба охраняемым уголовным законодательством общественным отношениям.

Специфика преступных деяний в экономической сфере проявляется в обязательном наличии предмета преступления как структурного компонента объекта посягательства.

Квалификация предмета преступного деяния, предусмотренного частью 1 статьи 195 УК РФ, требует установления субъекта, которому причиняется ущерб вследствие противоправного воздействия на предмет преступления.

Научное сообщество не пришло к консенсусу по данному вопросу: одни исследователи считают, что ущерб необходимо толковать как уменьшение собственных активов должника [4], другие предлагают исходить из размера неудовлетворенных требований кредиторов [5]. В подтверждение первой позиции можно привести положения ст. 2 Закона о несостоятельности, в соответствии с которыми вред, причиненный имущественным правам кредиторов, – уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику [6].

Невозможно отрицать, что неправомерные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 195 УК РФ, причиняют ущерб непосредственно самому должнику. Однако, представляется, что причинение вреда должнику само по себе не является общественно опасным и не заслуживает внимания публичного права. Если, несмотря на неправомерное уменьшение имущественной массы, должник в ходе процедур банкротства погасил все требования кредиторов, действия, повлекшие уменьшение имущественной массы должника, едва ли отвечают материальному признаку преступления – общественной опасности.

Нормы уголовного законодательства РФ о банкротстве ориентированы на обеспечение защиты интересов кредиторов несостоятельного должника. Следовательно, ущерб при совершении престу-

пления, регламентированного частью 1 статьи 195 УК РФ, наносится кредитору опосредованно через причинение вреда должнику.

Определение предмета преступления базируется на механизме погашения требований кредиторов за счет конкурсной массы должника. Предмет преступления должен соответствовать одному из критериев: прямое включение в конкурсную массу без последующего исключения либо выступать благом, воздействие на которое уменьшает конкурсную массу, не подлежа включению в нее.

Статья 131 Закона о несостоятельности устанавливает, что конкурсная масса формируется из всего имущества должника [6]. Следовательно, предметом выступает объект гражданских прав имущественного характера.

Часть 1 статьи 195 УК РФ традиционно относит к предмету преступления имущество, имущественные права, имущественные обязанности, информацию об имуществе, сведения об имущественных правах или обязанностях, бухгалтерскую документацию, отражающую экономическую деятельность субъектов предпринимательства [7], [4], [8].

Для того, чтобы оценить возможность отнесения названных понятий к категории предмета преступления, необходимо осуществить анализ каждого такого понятия с точки зрения гражданского законодательства и частноправовой доктрины.

Имущество

Исходя из толкования ст. 128 ГК, устанавливающей перечень объектов гражданских прав, имуществом являются вещи и иное имущество. Перечисляя объекты гражданских прав, среди иного имущества законодатель упоминает имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права) [3].

Тем не менее, в ст. 195 УК РФ наряду с имуществом указаны имущественные права, что говорит о том, что законодатель, деформируя понятие имущества, понимает под ним исключительно *res corporales*. Безусловно, вещи являются объектами гражданских прав, на них устанавливаются субъективные частные права, они включаются в конкурсную массу и могут выступать предметами неправомерных действий при банкротстве. Однако, допущенное законодателем искажение понятийно-категориального аппарата является неоправданным.

Имущественные права

Подход законодателя здесь нельзя назвать безупречным: объектом гражданских прав и, следовательно, предметом преступления является реальное благо, а не право, которое на такое благо устанавливается [9]. Представляется, что причиной данного противоречия является неверное нормативное определение объектов гражданских прав. В частности, имущественное право не является ни объектом гражданских прав, ни предметом

преступления. Логично предположить, что имущественное право является не объектом субъективного гражданского права, а самой сутью этого права. Более того, субъективное право (в том числе имущественное) является элементом состава правоотношения, а именно проявлением его содержания. Понятие предмета преступления, в свою очередь, не охватывается содержанием правоотношения, а сводится к объекту правоотношения. Содержание правоотношения, находящее свое проявление во взаимных обязанностях и правах (в том числе и в упомянутых в статьях 128 ГК РФ и 195 УК РФ имущественных правах) охватывается понятием объекта преступления, являющегося родовым по отношению к понятию предмета, но не охватывается видовым понятием «предмет преступления». Таким образом, следование логике законодателя и отнесение имущественного права к объекту гражданских прав и к предмету преступления опосредует совпадение объекта и содержания правоотношения, что нарушает устоявшуюся в научном дискурсе концепцию правовых отношений.

Если признавать имущественное право объектом гражданских прав и, следовательно, предметом преступления, неминуем вывод о том, что на имущественное право, как на объект гражданских прав, устанавливается субъективное частное право. В таком случае возникает конструкция «право на право», что представляется бессмысленным [10].

Истинным предметом неправомерного сокрытия имущественных прав, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, будут не имущественные права, как нередко отмечают исследователи, а те блага, на которые устанавливаются имущественные права. Такими благами могут быть ранее перечисленные вещи (объекты вещных прав), действия обязанных лиц [11] (объекты обязательствных прав), результаты интеллектуальной деятельности (объекты исключительных прав).

Имущественные обязанности

Суждения об отнесении имущественных прав к предмету преступления справедливо экстраполировать и на вопрос об отнесении к таковому имущественных обязанностей: имущественная обязанность является проявлением содержания правоотношения и не охватывается понятиями объекта гражданских прав и предмета преступления. Потому предметом неправомерного сокрытия имущественных обязанностей является нечто иное, но не сама имущественная обязанность.

Тезис о невозможности существования права без корреспондирующей такому праву обязанности, является фундаментальным. Однако, структура публичного правоотношения отличается от структуры общественного отношения, урегулированного частным правом. Такое отличие проявляется в возможности существования обязанности без противостоящего ей права [10]. Тем не менее, ввиду того, что общественная опасность неправомерных действий при банкротстве выражается

в умалении субъективных частных прав кредиторов, в ходе рассуждений разумно опираться именно на структуру частноправового отношения.

Как было упомянуто ранее, общественное отношение в сфере частного права подразумевает когерентность субъективного права и юридической обязанности. Такое обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что объект субъективного права и объект соответствующей юридической обязанности един – это то реальное благо, по поводу которого возникли общественные отношения. Таким образом, предметы неправомерного сокрытия имущественных прав и имущественных обязанностей будут совпадать.

Бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя

Как было сказано ранее, предметом неправомерных действий при банкротстве могут быть не только блага, подлежащие включению в конкурсную массу, но и блага, посредством воздействия на которое конкурсная масса умалывается, но само такое благо не подлежит включению в конкурсную массу. Ярким примером такового являются учетные документы. Сами по себе учетные документы, хоть и могут формально являться объектами гражданских прав и относиться к вещам, в конкурсную массу, разумеется, не включаются. Тем не менее, посредством воздействия на учетную документацию может быть сокрыто имущество должника, что причинит существенный ущерб кредиторам. Таким образом, бухгалтерские и иные учетные документы вполне правомерно относить к предмету преступления.

Иная информация об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях

Следует отметить, что ценность бухгалтерской и иной документации, упомянутой ранее, заключается в информации, носителями которой являются бухгалтерские и иные документы. Сами по себе документы как вещи не представляют сколько-нибудь значимой имущественной ценности, потому упоминание в ч. 1 ст. 195 УК РФ и информации, и учетных документов представляется не вполне обоснованным и понижает юридико-технический уровень текста. Говоря об оправданности отнесения информации к предмету преступления, следует отметить, что скорее всего, предметом преступления будет являться не сама информация, а ее носители, так как именно на носители информации может быть оказано воздействие, влекущее причинение вреда общественным отношениям.

Заключение

На основании приведенного анализа можно сделать вывод о том, что законодатель в ч. 1 ст. 195 УК РФ

перечислил различные по своей правовой природе явления, а попытка причислить имущественные права и обязанности, а также информацию к понятию «предмет преступления» не имеет научных оснований. Данный тезис, разумеется, не ставится в укор законодателю: установление предмета преступления – это дело теоретической юриспруденции, а не практической.

Литература

1. Хилjuta В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 7 (235). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-prestupleniya-v-nauke-ugolovnogo-prava-problemy-i-protivorechiya> (дата обращения: 22.12.2024).
2. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Шишко И.В. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. С. 41–47.
5. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
7. Морозова Ю.В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство по уголовному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 234 с.
8. Саппаров Р.Р. Предмет преступлений в сфере банкротства // Legal Bulletin. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-prestupleniy-v-sfere-bankrotstva> (дата обращения: 02.06.2025).
9. Галеева Р.Ф. Сущность объектов гражданских прав // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-obektov-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 18.04.2025).
10. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Издание братьев Башмаковых, 1910. 805 с.
11. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.

THE SUBJECT OF ILLEGAL ACTIONS IN BANKRUPTCY

Bubnov G.D.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the subject of illegal actions in bankruptcy in the context of modern criminal law of

the Russian Federation. Special attention is paid to the theoretical foundations of the concept of the subject of crime and its application to the elements of crimes in the field of insolvency. The author examines various doctrinal approaches to defining the subject of crime, from the classical understanding as material objects of impact to modern concepts that include incorporeal goods. A detailed analysis of the provisions of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out from the point of view of civil law doctrine and Roman law. The work consistently examines such controversial categories as property, property rights and obligations, accounting and other records, information about property as possible subjects of crime. Special attention is paid to the problem of distinguishing between the concepts of object and subject of crime, as well as issues of including relevant goods in the debtor's bankruptcy estate. The author critically analyzes legislative technique and identifies contradictions between criminal law and civil law understanding of the studied categories. The analysis allows us to conclude that it is necessary to revise traditional approaches to defining the subject of crime in the context of active development of digital technologies, the emergence of cryptocurrencies and fundamental changes in the nature of economic relations in post-industrial society.

Keywords: subject of crime, bankruptcy, illegal actions, property, property rights, criminal law, competitive mass.

References

1. Khilyuta V.V. Predmet prestupleniya v nauke ugolovnogo prava: problemy i protivorechiya [Subject of crime in the science of criminal law: problems and contradictions]. Zhurnal Rossiyskogo prava = Journal of Russian Law, 2016, no. 7 (235). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-prestupleniya-v-nauke-ugolovnogo-prava-problemy-i-protivorechiya> (accessed 22.12.2024).
2. Institutsii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor [Institutions of Gaius]. Ed. by prof. D.V. Dozhdev. Moscow, Statut Publ., 2020. 384 p.
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' 2) ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ [Civil Code of the Russian Federation (part 2) of January 26, 1996 No. 14-FZ]. Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, no. 5, art. 410.
4. Shishko I.V. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve (st. 195 UK RF) [Illegal actions in bankruptcy (Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2011, no. 7, pp. 41–47.
5. Klepitskiy I.A. Sistema khozyaystvennykh prestupleniy [System of economic crimes]. Moscow, Statut Publ., 2005. 572 p.
6. Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 g. № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)»]. Sbornik zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation, 28.10.2002, no. 43, art. 4190.
7. Morozova Yu.V. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve, prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii. Diss. kand. jurid. nauk [Illegal actions in bankruptcy, deliberate and fictitious bankruptcy under the criminal legislation of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2010. 234 p.
8. Sapparov R.R. Predmet prestupleniy v sfere bankrotstva [Subject of crimes in the field of bankruptcy]. Legal Bulletin, 2016, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-prestupleniy-v-sfere-bankrotstva> (accessed 02.06.2025).
9. Galeeva R.F. Sushchnost' ob'ektov grazhdanskih prav [The essence of objects of civil rights]. Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki = Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities, 2009, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-obektov-grazhdanskih-prav> (accessed 18.04.2025).
10. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, Izdanie brat'ev Bashmakovykh Publ., 1910. 805 p.
11. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava [Russian civil law: Textbook: In 2 vol. Vol. I: General part. Property law. Inheritance

Правоприменительные особенности квалификации «кредитных» преступлений

Буренкова Олеся Николаевна,

аспирант, Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: criminallaw_rpa@mail.ru

Значимость изучения вопросов квалификации преступлений в области кредитования в Российской Федерации определяется несовершенством процессов реформирования экономики и формирования хозяйственной системы, ростом коррупции в органах государственной власти и кредитных организациях, активизации преступных элементов и использования ими инновационных методов совершения преступлений, а также распространения правового нигилизма в обществе. Недостаток эффективных инструментов воздействия на лиц, совершающих преступления в области кредитования, приводит к утрате государственного контроля над важным сегментом экономической деятельности. Данное обстоятельство вызывает широкий общественный резонанс и диктует необходимость оперативных мер по предотвращению преступности. Всесторонняя защита указанной сферы общественных отношений имеет первостепенное значение для правильного функционирования цивилизованных рыночных отношений и является необходимым условием стабильной работы экономической системы страны в целом, что относит ее к числу приоритетных задач государства. Основными нормами, регулирующими данную сферу, являются ст.ст. 159.1, 176 и 177 УК РФ, однако их практическое применение сталкивается с рядом существенных затруднений. В первую очередь, это сложности в разграничении уголовных и гражданских правонарушений, что нередко приводит к ошибкам квалификации. Кроме того, вызывает проблемы нечеткость признака «злостность», порождающая противоречивую судебную практику. Также значительные трудности возникают при доказывании умысла и установлении реальной возможности должника погасить имеющуюся задолженность. Особую сложность представляет разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ (уклонение от погашения кредиторской задолженности) и ст. 315 УК РФ (неисполнение судебного решения), что требует особого внимания правоприменителей. В целях совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым уточнить законодательные признаки «злостности», ввести четкое определение понятия «крупного размера» задолженности, а также установить конкретные критерии злостного уклонения от исполнения обязательств.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, кредитные преступления, ст. 177 УК РФ, кредитор, злостное уклонение, квалификация, судебная практика.

В современной России уклонение от уплаты долгов, различного рода мошеннические действия в сфере кредитования приобрели широкое распространение. Данный феномен обусловлен целым рядом факторов, начиная от нестабильности экономических процессов и заканчивая особенностями менталитета лиц, уклоняющихся от погашения кредиторской задолженности, в связи с чем Российский законодатель счёл необходимым, а лучше сказать – целесообразным, предусмотреть ответственность за преступления на ниве кредитования, которая представлена в ст.ст. 159.1, 176 и 177 УК РФ. Данные статьи призваны гарантировать защиту прав и законных интересов кредитных организаций от преступных посягательств, таких как мошенничество при получении кредита, незаконное оформление кредитных средств и злостное уклонение от выплаты кредиторской задолженности.

В ходе изучения данного вопроса, были определены ключевые затруднения, возникающие как на этапе начала уголовного преследования, так и при вынесении судебных актов. В частности, изучение материалов уголовных дел продемонстрировало, что сложности в применении ст. 177 УК РФ обусловлены следующими факторами: в первую очередь, сложно четко разграничить уголовно наказуемые деяния и гражданско-правовые проступки или другие виды нарушений. Как следствие, сотрудники органов дознания нередко принимают решения об отказе в возбуждении уголовного дела, квалифицируя уголовно наказуемые деяния как гражданско-правовые деликты. Во-вторых, не существует единого подхода к юридической оценке обстоятельств, имеющих важное значение для справедливого разрешения дела.

Это связано с тем, что, не имея четкого понятия в законе, признак «злостность» по – разному толкуется органами прокуратуры и судом. Ярким тому примером является постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 № 77–2548/2023, в соответствии с которым оправдательный приговор суда 1 инстанции отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение, указав, что «...суд первой инстанции не привел убедительные мотивы, по которым отверг положенные в основу обвинения подсудимого в совершении им преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, доказательства. Допущенные нарушения уголовного и уголовно – процессуального законов при вынесении оправдательного приговора, выразившиеся в избранном подходе суда к проверке и оценке доказательств, относятся к существенным, искажающим суть правосудия и смысл судеб-

ного решения как акта правосудия к нарушениям, безусловно влияющим на исход дела...»). В-третьих, недостатки в гражданско-правовых нормах создают препятствия для применения норм уголовного права из-за бланкетного характера ст. 177 УК РФ, который предполагает обязательное использование норм тех или иных отраслей права, что обеспечивает более точную квалификацию действий. Отличительной чертой современного уголовного законодательства, предназначенного для противодействия экономическим преступлениям, является его взаимосвязь с другими юридическими дисциплинами. В частности, при определении уголовно-правовой квалификации действий должника необходимо учитывать положения гражданского законодательства, регулирующие соответствующие отношения. Следовательно, наиболее трудными для установления при анализе состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, оказываются элементы, характеризующие объект преступного посягательства и объективную сторону деяния. Это усложняет процесс квалификации деяний и привлечения виновных к ответственности [1, с. 83.]. В связи с чем, во избежание поверхностного применения ст. 177 УК РФ, целесообразно внести поправки в законодательство, дополнив эту статью частью второй. В ней следует указать конкретизирующие признаки, которые бы усиливали наказание, предусмотренное ст. 177 УК РФ.

В частности, необходимо законодательно закрепить определение «крупного размера» применительно к задолженности перед кредиторами. Также, отдельного внимания заслуживают ситуации, когда происходит избежание расчетов по ценным бумагам. Причина в том, что буквальное понимание ст. 177 УК РФ указывает на отсутствие значимости размера не выплаченной задолженности в денежном выражении при уклонении от оплаты ценных бумаг.

Уголовная ответственность за нарушения в сфере кредитования не ограничивается такими распространенными статьями, как ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в кредитной сфере), ст. 176 УК РФ (неправомерное получение кредита) и ст. 177 УК РФ (уклонение от погашения кредиторской задолженности). Существуют и другие статьи УК РФ, регулирующие ответственность за преступления, связанные с кредитной деятельностью. К ним относятся, в частности, ст. 165 УК РФ (причинение материального ущерба собственнику имущества путем обмана или злоупотребления доверием), ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство), ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство), ст. 195 УК РФ (незаконные действия в ходе процедуры банкротства). Перечисленные противоправные действия в разной степени негативно сказываются на стабильности и надежности кредитных отношений [2, с. 62].

Сложность квалификации и разграничения указанных составов преступлений объясняется комплексной структурой соответствующих правовых норм [3, с. 43]. Данный факт подтверждается

не только опросами сотрудников органов дознания службы судебных приставов, но и анализом материалов рассмотренных уголовных дел.

При анализе противоправных действий возникают существенные сложности с идентификацией предмета преступления, определением способа его реализации, оценкой нанесенного вреда и установлением причинно-следственной связи между неправомерным приобретением кредитных средств и наступившими последствиями. Между тем, ст. 177 УК РФ устанавливает, что объектом преступления выступают общественные отношения, формирующиеся в области обеспечения надлежащего исполнения обязательств по возврату кредиторской задолженности и расчетов по ценным бумагам. Подобная интерпретация позволяет более точно определить цель преступного деяния. Следует отметить, что уголовное преследование иницируется не за сам факт невозврата кредита, а за умышленное уклонение от исполнения обязательства, которое было подтверждено вступившим в законную силу судебным актом. Таким образом, рассмотрение объекта преступления в указанном контексте делает его отличным от объектов других противозаконных деяний. Данное различие является основополагающим при классификации преступлений на основании объекта посягательства, что, в свою очередь, необходимо для формирования полного представления о преступлении.

Нередко, оценка ущерба и доказательство причинно-следственной связи представляются почти неразрешимой задачей, что требует разработки регуляторного механизма, способного устранить неясность в юридических основаниях для привлечения к уголовной ответственности. Это идея, которая непременно будет разработана нами в процессе исследования темы.

Кроме того, полагаем, что для корректного применения ст. 177 УК РФ, в которой используются оценочные критерии, требуется неоспоримое подтверждение наличия у лица реальной возможности реализовать требования, содержащиеся в судебном акте. Иначе говоря, привлечение к ответственности по данной статье невозможно без доказательств того, что неисполнение решения суда было вызвано не объективными обстоятельствами, а умышленным уклонением.

В противном случае, необходимо выявление наличия явного отказа от исполнения судебного акта, подкрепленного действиями, влекущими за собой однозначную неспособность исполнения судебного акта, поскольку абстрактные и оценочные определения приводят к неоднозначности их толкования и созданию различной интерпретации органами дознания службы судебных приставов, что оказывает влияние на единообразие судебной практики в части применения ст. 177 УК РФ.

При квалификации уклонения от погашения долга перед кредитором (ст. 177 УК РФ) возникают сложности в разграничении этого преступления от неисполнения судебного решения (ст. 315 УК РФ), особенно, в части трактовки критерия

«злостность», понятия, которое отсутствует в действующем уголовном законодательстве, а, будучи оценочной категорией, определяется на основании действий должника. Положения ст. 177 УК РФ определяет правила поведения в экономической сфере и защищает интересы лиц, предоставивших денежные средства, гарантируя их возврат, тогда как нормы ст. 315 УК РФ направлены на охрану сферы правосудия, обеспечивая исполнение решений, принятых судом. Иными словами, первая статья регулирует возврат задолженности, защищая кредиторов, а вторая статья направлена на защиту судебной системы посредством обеспечения исполнения судебных решений. Предметом охраны в первом случае выступают экономические интересы, а во втором – авторитет судебной власти. При этом, в контексте ст. 315 УК РФ, умышленное неисполнение решения суда может проявляться в виде предоставления ложных сведений о его добровольном исполнении, преднамеренной дезинформации об обстоятельствах, препятствующих исполнению, или непосредственном уклонении от исполнения. Статья 177 УК РФ же квалифицирует злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности как невыполнение должником обязательств перед кредитором, подтвержденных вступившим в силу судебным решением. Ключевым признаком, определяющим общественную опасность деяния по ст. 177 УК РФ, является именно злостный характер уклонения, подразумевающий сознательное игнорирование вступившего в законную силу судебного акта при наличии у должника реальной возможности исполнить свои обязательства перед кредитором.

УК РФ в ст. 177 рассматривает преднамеренное избежание выплаты задолженности как умышленное неисполнение долговых обязательств перед кредитором. Эти обязательства должны быть установлены вступившим в законную силу решением суда. Существенным фактором, определяющим степень общественной опасности правонарушения, предусмотренного ст. 177 УК РФ, является именно злостный характер уклонения. Это подразумевает осознанный отказ от исполнения судебного решения, которое уже обрело законную силу, при условии, что у должника фактически имеется возможность выполнить свои обязательства перед кредитором. Именно с установлением данного признака правоприменительная практика сталкивается с трудностями.

Вместе с тем, при изучении нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ФССП России, в части, касающейся применения способов и методов по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ, установлено, что злостное уклонение от погашения задолженности может выражаться в ряде преднамеренных действий или бездействий должника. К ним относятся: преднамеренный отказ от исполнения долговых обязательств, несмотря на наличие достаточных денежных средств; намеренное сокрытие информации о новых банковских

счетах от судебного пристава; реализация имущества, защищенного ст. 446 ГПК РФ от взыскания, без использования полученных средств для погашения задолженности; утаивание дополнительных доходов или предоставление недостоверных сведений о них; осуществление кредитных и финансовых операций в рамках предпринимательской деятельности без приоритетного погашения долга; передача активов на хранение третьим лицам; предоставление ложной информации судебному приставу об ущербе или утрате имущества; систематическое игнорирование вызовов судебного пристава или создание препятствий для исполнительных действий; оказание незаконного давления на кредитора; смена места проживания или работы без уведомления пристава с целью усложнить процесс взыскания.

Свидетельством наличия у должника средств, направляемых на личные нужды, а не на погашение кредиторской задолженности, могут служить данные о посещении спортивных и развлекательных учреждений, страховании имущества, приобретении проездных документов (железнодорожных, авиационных), туристических путевок, оплате мобильной связи и прочее.

Как следствие, преднамеренный характер уклонения дополнительно удостоверяется комплексом последовательных обстоятельств, сопутствующих совершению указанного деяния уже после того, как решение суда вступило в законную силу.

В каждом отдельном случае вопрос о числе полученных предупреждений об уголовной ответственности, а также о длительности периода уклонения от обязательств, должен рассматриваться комплексно, с учетом всех релевантных обстоятельств рассматриваемого дела.

Уголовное преследование по ст. 177 УК РФ может быть инициировано только при одновременном соблюдении перечисленных признаков и соответствия другим критериям, указывающим на присутствие состава преступления.

Однако, в действующем правовом поле отсутствует четко установленный срок, определяющий, когда отказ от выплаты задолженности кредитор, после официального предупреждения о возможных уголовных последствиях, переходит в категорию злостного уклонения. Определение этого временного промежутка остается за органами дознания Федеральной службы судебных приставов, рассматривающие каждый случай отдельно, учитывая совокупность всех сопутствующих обстоятельств.

Литература

1. Иванов Н.Г. Криминальные банкротства: уголовно-правовая характеристика. – М.: Проспект, 2021. – 96 с.
2. Ващенко Т.В. Стратегический финансовый менеджмент: учебник. – М.: Проспект, 2024. – 176 с.

3. Золотова Н.М. Преступления в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 207 с.

LAW ENFORCEMENT FEATURES OF QUALIFICATION OF «CREDIT» CRIMES

Burenkova O.N.

All-Russian State University of Justice

The importance of studying the issues of qualifying crimes in the field of lending in the Russian Federation is determined by the imperfection of the processes of economic reform and the formation of the economic system, the growth of corruption in public authorities and credit organizations, the activation of criminal elements and their use of innovative methods of committing crimes, as well as the spread of legal nihilism in society. The lack of effective tools to influence individuals who commit crimes in the field of lending leads to the loss of state control over an important segment of economic activity. This fact causes a wide public response and dictates the need for prompt measures to prevent crime. Comprehensive protection of this area of public relations is of paramount importance for the proper functioning of civilized market relations and is a prerequisite for the stable operation of the country's economic system as a whole, which makes it one of the priorities of the state. The main rules governing this area are Articles 159.1, 176 and 177 of the Criminal Code of the Russian Federation, but their practical application faces

a number of significant difficulties. First of all, these are difficulties in distinguishing between criminal and civil offenses, which often leads to qualification errors. In addition, the vagueness of the term "malice" causes problems, giving rise to contradictory judicial practice. Significant difficulties also arise in proving intent and establishing the debtor's real ability to repay the existing debt. 177 of the Criminal Code of the Russian Federation (evasion from repayment of accounts payable) and Article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation (non-enforcement of a court decision) is particularly difficult, which requires special attention from law enforcement officials. In order to improve law enforcement practice, it seems necessary to clarify the legislative signs of "malice", introduce a clear definition of the concept of "large-scale" debt, and establish specific criteria for malicious evasion of obligations.

Keywords: accounts payable, credit crimes, art. 177 of the Criminal Code of the Russian Federation, creditor, malicious evasion, qualification, judicial practice.

References

1. Ivanov N.G. Criminal bankruptcies: criminal-legal characteristics. – M.: Prospect, 2021. – 96 p.
2. Vaschenko T.V. Strategic financial management: textbook. – M.: Prospect, 2024. – 176 p.
3. Zolotova N.M. Crimes in the field of lending: dis. ... candidate of legal sciences. – Moscow, 2008. – 207 p.

Воронов Сергей Сергеевич,

аспирант, Всероссийский государственный университет

юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: zloysanta1987@mail.ru

Целью исследования является комплексный анализ определяющих факторов, причин и условий кибермошенничества для выработки эффективных мер противодействия данному виду преступности. В результате исследования выявлены ключевые факторы роста кибермошенничества: материальная привлекательность при низких затратах, массовое использование цифровых технологий, структурные преимущества анонимности в сети, низкий уровень цифровой грамотности населения и несовершенство законодательства. Определены основные условия, способствующие развитию данного вида преступности: развитая инфраструктура даркнета, использование технологий искусственного интеллекта, массовые утечки персональных данных, применение методов социальной инженерии и кадровый дефицит в правоохранительных органах.

Ключевые слова: кибермошенничество, цифровая преступность, социальная инженерия, фишинг, информационная безопасность, цифровая грамотность, киберпреступность, правовое регулирование.

Стремительное развитие информационных технологий и глобальное распространение сети Интернет в последние десятилетия привело к значительным изменениям в различных сферах жизни общества. Наряду с многочисленными преимуществами, которые предоставляет всемирная паутина, она также создала благоприятную среду для роста числа киберпреступлений и появления новых видов мошенничества в цифровом пространстве[1, с. 378].

Для понимания масштабов и особенностей данного явления необходимо прежде всего определить, что представляет собой кибермошенничество как феномен современной преступности. Кибермошенничество представляет собой совокупность противоправных действий, совершаемых с использованием цифровых технологий и направленных на завладение чужим имуществом, личными данными и финансовыми ресурсами посредством обмана и манипуляций в сети Интернет. В российской правовой системе кибермошенничество часто рассматривается в рамках статей, связанных с мошенничеством в сфере компьютерных технологий, в частности, ст. 159.6 УК РФ, которая предусматривает ответственность за мошенничество с использованием компьютерной информации или сети Интернет[2, с. 512].

Для эффективного противодействия кибермошенничеству необходимо понимать коренные причины его возникновения и стремительного развития. Анализ современных тенденций позволяет выделить несколько ключевых факторов, обуславливающих активизацию данного вида преступной деятельности.

Фундаментальным стимулом для киберпреступников остаётся материальный интерес: стоимость атаки с применением вредоносного кода или социальной инженерии измеряется десятками или сотнями долларов, тогда как потенциальная прибыль – десятками тысяч. Это создает крайне привлекательное для преступников соотношение затрат и потенциальной выгоды. Банальная арифметика подтверждает привлекательность: допустим, пакет на 100 000 SMS-рассылок обходится в 500 долл.; конверсия 0,1% при среднем хищении 300 долл. даёт 300 жертв и выручку 90 000 долл., то есть рентабельность превышает 17 000%. При этом вероятность возмещения ущерба остаётся низкой: раскрываемость телефонных и Интернет-краж в России держится на уровне 23%¹, а процент фактического взыскания, похищенного ещё

¹ Мошенники украли у россиян не менее ₽295 млрд в 2024 году // РБК. Life. 05.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67c701169a79471c14b76fa5> (дата обращения: 18.05.2025).

ниже из-за трансграничного характера преступлений.

Трансформация моделей монетизации также играет важную роль. Классические схемы хищения средств в XXI в. эволюционировали: вместо карманных краж злоумышленники эксплуатируют экосистемы мобильного банкинга, маркетплейсов и систем мгновенных переводов. Обзор Банка России фиксирует 16,1 млн отражённых попыток несанкционированного доступа к банковским счетам клиентов лишь за III квартал 2024 г.; при этом предотвращённая сумма превышает 4,9 трлн руб.¹

Особое значение в развитии кибермошенничества имеет анонимность и удаленность как структурные преимущества преступной среды. В отличие от традиционных форм имущественных преступлений, кибермошенничество опирается на архитектурные особенности сети: маршрутизация через Tor, цепочки VPN, использование криптовалют и смесителей создают многослойную анонимность. В отчётах Интерпола подчёркивается, что следы цифрового вмешательства «летучи»; доказательства можно уничтожить за секунды, а преступники действуют в юрисдикциях, где запрос по MLAT может идти месяцами².

Исследования Dark Web and Cybercrime-as-a-Service демонстрируют, что торговые площадки в даркнете продают «аренду» бот-сетей, наборы фишинговых шаблонов и доступ к автоматизированным кард-чекерам всего за эквивалент нескольких сотен долларов³. Такая сервисная модель снижает барьер входа: даже малоквалифицированный злоумышленник способен реализовать сложную схему, оставаясь физически в другой стране и минимизируя риск личного задержания.

Анонимность и трансграничность кибермошенничества создают серьезные проблемы для правоохранительных органов. Зачастую расследование подобных преступлений требует проведения следственных действий на территории иностранных государств, что связано с необходимостью соблюдения сложных процедур международного сотрудничества. При этом даже при наличии соответствующих международных соглашений[3, с. 54], процесс получения необходимых доказательств может занимать длительное время, что снижает эффективность расследования.

Для решения проблемы анонимности и трансграничности кибермошенничества необходимо развитие международного сотрудничества правоохранительных органов, в том числе путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений

о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Кроме того, важную роль играет взаимодействие правоохранительных органов с провайдерами услуг связи и владельцами Интернет-ресурсов, которые могут оказать содействие в установлении личности преступников и получении необходимых доказательств.

Значительным фактором, способствующим росту кибермошенничества, является низкий уровень цифровой и финансовой грамотности населения[4, с. 122]. Несмотря на широкое распространение информационных технологий, многие люди до сих пор не обладают достаточными знаниями и навыками для безопасного использования сети Интернет и электронных платежных систем, что делает их легкой добычей для кибермошенников, которые используют различные методы социальной инженерии для получения доступа к персональным данным и денежным средствам жертв[5, с. 266].

Одним из ключевых факторов, способствующих росту кибермошенничества, является несовершенство законодательства в данной сфере. Действующее уголовное законодательство не в полной мере учитывает специфику преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. В частности, в УК РФ отсутствует легальное определение понятия «кибермошенничество», что создает определенные сложности при квалификации подобных деяний[6, с. 100]. Кроме того, существующие нормы не всегда позволяют эффективно привлекать к ответственности лиц, совершивших кибермошенничество, особенно если преступники находятся за пределами страны.

Юридическая надстройка, регулирующая цифровое пространство, остаётся реактивной: новые схемы появляются быстрее, чем корректируются уголовно-правовые нормы. Даже государства-участники Будапештской конвенции склонны имплементировать её с неодинаковой скоростью, в результате чего перечни составов и процедур разнятся на десятки статей. Дискуссия в Совете Европы вокруг Второго дополнительного протокола, призванного облегчить доступ к электронным доказательствам, тянулась более четырёх лет и закончилась лишь весной 2024 г., оставив за пределами единого пространства ряд ключевых юрисдикций, включая Россию.

Помимо основных причин роста кибермошенничества, необходимо рассмотреть условия, которые создают благоприятную среду для процветания данного вида преступной деятельности.

Одним из важнейших условий развития кибермошенничества является инфраструктура даркнета и услуга «преступность-как-сервис». Экспансия даркмаркета расширяет аудиторию самих преступников. Наблюдается переход от единичных анонимных продавцов к высокоорганизованным площадкам, где действуют программы лояльности и рейтинги доверия. Обилие криптовалютных миксеров, позволяющих фрагментировать транзакции, затрудняет трассировку финансовых потоков.

¹ Банк России. Противодействие мошенническим операциям: итоги III квартала. — 09.12.2024. — URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23217> (дата обращения: 18.05.2025).

² Temara Sheetal. The Dark Web and Cybercrime: Identifying Threats and Anticipating Emerging Trends // International Journal of Advanced Engineering Research and Science (IJAERS). — 2024. — Vol. 11, № 10. — DOI: 10.22161/ijaers.1110.8. — URL: <https://dx.doi.org/10.22161/ijaers.1110.8> (дата обращения: 18.05.2025).

³ Mogra Y. Dark Web and Cyber Crime as a Service // ResearchGate. — 2025. — DOI: 10.13140/RG.2.2.21380.03207. — URL: https://www.researchgate.net/publication/390192951_Dark_Web_and_Cyber_Crime_as_a_Service (дата обращения: 18.05.2025).

Использование искусственного интеллекта представляет новую угрозу[7, с. 81]. Расходы преступников на автоматизацию перестали ограничиваться рутинными бот-фермами. Генеративные модели позволяют клонировать голос родственника или директора за пару минут, а видеодипфейк, встроенный в короткий мессенджер-ролик, повышает конверсию схем «нам срочно нужны деньги» на десятки процентов. Росту таких инцидентов способствует доступность специализированных сервисов – условная «подписка» на генератор дипфейков обходится дешевле месячного мобильного тарифа.

Утечки пользовательских баз создают дополнительные возможности для преступников. Данные утечки не являются разовым событием: на даркнет-площадках действуют торговцы, предлагающие подписку на регулярное обновление скомпрометированных учётных записей, паролей и токенов MFA. Secureworks фиксирует, что почти треть всех лотов в даркнете в 2024 г. касалась продажи первоначального доступа к корпоративным инфраструктурам и преднастроенных фишинговых комплектов¹. Чем шире ассортимент готовых наборов, тем меньше технический порог для новичка – он может сконцентрироваться на социальной инженерии, не углубляясь в эксплуатацию уязвимостей.

К социально-психологическим условиям кибермошенничества можно отнести социальную инженерию или искусство манипулирования людьми для получения конфиденциальной информации. Основным её инструментом является изучение цифрового следа потенциальной жертвы, который остаётся на социальных платформах, форумах, в истории поисковых запросов и переписке. Изучая этот след, мошенники могут точно подобрать стратегию атаки, используя знания о личных предпочтениях, интересах и повседневных привычках жертвы. Этот процесс позволяет выстраивать более целенаправленные и, следовательно, более эффективные мошеннические схемы.

Психологический аспект социальной инженерии заключается в том, что мошенники ориентируются на психотип жертвы, используя её слабости и недостатки в цифровой грамотности. Например, молодые люди, стремящиеся быть «на связи» с друзьями и партнёрами, могут попасть в ловушку, когда получают сообщения, имитирующие запросы от знакомых или социальных групп, что может привести к неожиданному переводу денег или предоставлению личных данных. Пожилые люди, в свою очередь, могут быть уязвимы для фальшивых уведомлений, которые используют их страх или беспокойство, например, ложные предупреждения о блокировке счёта или необходимости срочного перевода денег.

Кибермошенники опираются на адаптивные скрипты, использующие как классические приёмы

(«жалоба на списание», «выигрыш», «блокировка счёта»), так и событийные поводы. Вычислительные мощности теперь нужны не только для перебора паролей: алгоритмы машинного обучения генерируют персонализированные тексты на основе слитых баз социальных сетей, повышая доверие жертвы.

На уровне индивидуального поведения решающую роль играют психологические якоря: эффект авторитета, страх упустить выгоду и социальное доказательство. Анализ правоприменительной практики показывает, что преступники сознательно выбирают ситуации, где потерпевший ощущает цейтнот – необходимость срочно подтвердить перевод, обновить пароль или решить «проблему» с доставкой». В такие моменты срабатывает «туннельное» внимание, и жертва не проверяет длину домена или номера звонящего. Парадоксально, но чем выше цифровая грамотность человека, тем тоньше сценарий атаки: вместо грубого фишинга используется деловая переписка от поддельного контрагента, а верификационная ссылка оформлена на домене-тёзке.

К организационным и институциональным условиям можно отнести кадровый дефицит в правоохранительных органах, который создает серьезные препятствия для борьбы с кибермошенничеством. Усиливающийся вал заявлений о цифровых кражах сталкивается с нехваткой высококвалифицированных следователей, владеющих методиками извлечения и анализа электронных доказательств[8, с. 25]. Дефицит кадров приводит к временному лагу между инцидентом и началом процессуальных действий; за это время злоумышленники успевают вывести активы через миксеры и «облачные» кошельки. В итоге раскрываемость киберпреступлений в России удерживается на уровне 23–25%, что заметно ниже общей криминальной статистики, – показатель, провоцирующий дальнейший рост мошеннической активности из-за низкой воспринимаемой неизбежности наказания.

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить, что противодействие кибермошенничеству требует системного подхода, охватывающего правовые, организационные, технические и образовательные меры. Анализ современного состояния проблемы демонстрирует необходимость совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

В сфере уголовно-правового регулирования представляется целесообразным введение в УК РФ легального определения понятия «кибермошенничество», что позволит устранить существующую правовую неопределенность при квалификации данных деяний. Формулировка должна учитывать специфику цифровой среды и охватывать весь спектр противоправных действий, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Дифференциация уголовной ответственности может быть достигнута путем введения квалифицирующих признаков, учитывающих использование методов

¹ Morgan S. Boardroom Cybersecurity Report 2024 // Secureworks. – 2024. – URL: <https://www.secureworks.com/centers/boardroom-cybersecurity-report-2024> (дата обращения: 18.05.2025).

социальной инженерии, применение технологий искусственного интеллекта, а также трансграничный характер преступлений.

Другим направлением является оптимизация системы санкций и криминализация новых форм мошенничества, возникающих вследствие быстрого развития цифровых технологий. В действующем УК РФ неоправданно широк диапазон наказаний за кибермошенничество, варьирующийся от нескольких месяцев до десяти лет лишения свободы, что способствует произвольному применению судейского усмотрения и несёт коррупционные риски. Целесообразно унифицировать санкции по преступлениям, предусмотренным ст. 159.1–159.6 УК РФ, сделав их пропорциональными размеру ущерба и тяжести совершённого деяния. Также необходимо предусмотреть обязательную квалификацию деяний по совокупности преступлений, когда мошенничество сопровождается применением заведомо подложных документов или созданием и использованием вредоносных компьютерных программ. Такая мера позволит более точно отразить степень общественной опасности совершённых деяний.

Совершенствование процессуального законодательства должно быть направлено на упрощение процедур получения электронных доказательств при соблюдении конституционных гарантий прав граждан. Разработка специальных протоколов взаимодействия с провайдерами услуг связи и операторами платежных систем позволит сократить временной лаг между совершением преступления и началом расследования. Внедрение механизмов оперативной блокировки мошеннических транзакций на основании предварительного судебного решения может существенно снизить размер причиняемого ущерба.

Решение кадровой проблемы в правоохранительных органах требует создания специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью, укомплектованных сотрудниками с профильным образованием в области информационных технологий. Программы повышения квалификации действующих следователей должны включать изучение современных методов цифровой криминалистики, особенностей работы с криптовалютами и технологиями анонимизации. Привлечение IT-специалистов к работе в качестве экспертов и консультантов позволит повысить эффективность расследования сложных многоэпизодных дел.

Международное сотрудничество в борьбе с кибермошенничеством может быть усилено через заключение двусторонних соглашений об упрощенном порядке обмена информацией о цифровых следах преступлений. Создание единых баз данных о фишинговых ресурсах и мошеннических схемах на уровне СНГ или ШОС обеспечит оперативное информирование правоохранительных органов о новых угрозах. Гармонизация национальных законодательств в части определения состава

и видов киберпреступлений упростит процедуры экстрадиции и взаимной правовой помощи.

Повышение уровня цифровой грамотности населения представляет собой долгосрочную, но критически важную задачу. Внедрение обязательных образовательных модулей по кибербезопасности в школьные и вузовские программы сформирует у молодого поколения устойчивые навыки безопасного поведения в цифровой среде. Для старшего поколения эффективными могут стать специальные курсы при центрах социального обслуживания, библиотеках и отделениях банков. Информационные кампании должны носить не абстрактный, а практико-ориентированный характер, демонстрируя конкретные примеры мошеннических схем и алгоритмы защиты от них.

Технические меры противодействия должны развиваться опережающими темпами относительно эволюции преступных схем. Внедрение систем поведенческой аналитики в банковских приложениях позволит выявлять нетипичные транзакции еще до их завершения. Обязательная двухфакторная аутентификация для всех финансовых операций свыше определенной суммы создаст дополнительный барьер для мошенников. Разработка национальных стандартов безопасности для мобильных приложений и Интернет-сервисов, работающих с персональными данными граждан, повысит общий уровень защищенности цифровой инфраструктуры.

Криминологический аспект противодействия предполагает изучение личности киберпреступника и факторов, способствующих вовлечению в противоправную деятельность. Программы социальной адаптации для лиц, освобождающихся из мест лишения свободы за совершение IT-преступлений, должны включать профессиональную переподготовку в легальных сферах применения их технических навыков. Мониторинг даркнет-площадок и криминальных форумов позволит выявлять новые тенденции в развитии преступных схем на ранних стадиях.

Реализация предложенных мер способна существенно снизить уровень кибермошенничества и минимизировать наносимый им ущерб. Однако следует признать, что полное искоренение данного вида преступности в условиях стремительного развития информационных технологий представляется маловероятным. Задача государства и общества заключается в создании такой системы противодействия, которая сделает кибермошенничество экономически невыгодным и юридически рискованным занятием, одновременно повышая защищенность потенциальных жертв.

Литература

1. Скоморохова М.С. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 387–393.

2. Очирхуяг О., Дорж Э. Исследование средств кибермошенничества // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 512.
3. Восканян Р.О. Введение в международный финансовый менеджмент. – М.: Проспект, 2022. – 128 с.
4. Ващенко Т.В. Влияние финансовой грамотности на качество жизни населения // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 122–125.
5. Привалова О.А. Цифровая грамотность населения как инструмент борьбы с киберпреступлениями // Наука, меняющая жизнь: Сборник материалов национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых учёных, Владивосток, 29–30 мая 2024 года. – Владивосток: Владивостокский государственный университет, 2024. – С. 265–269.
6. Шайкова Е.С. Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности применения статьи 159.6 УК РФ // E-Scio. 2022. № 7. С. 100.
7. Иванов Н.Г. Правовое значение цифровой агрессии // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 81–85.
8. Куликов А.Г. К вопросу о подготовке кадров для подразделений по борьбе с киберпреступлениями // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4. С. 22–27.

DETERMINING FACTORS, CAUSES AND CONDITIONS OF CYBER FRAUD

Voronov S.S.

All-Russian State University of Justice

The aim of the study is a comprehensive analysis of the determining factors, causes and conditions of cyber fraud to develop effective measures to combat this type of crime. The study identified key factors in the growth of cyber fraud: material attractiveness at low costs, mass use of digital technologies, structural advantages of anonymity on the network, low level of digital literacy of the population and imperfect legislation. The main conditions contributing to the development of this type of crime are identified: developed darknet infrastructure, use of artificial intelligence technologies, mass leaks of personal data, use of social engineering methods and personnel shortage in law enforcement agencies.

Keywords: cyber fraud, digital crime, social engineering, phishing, information security, digital literacy, cybercrime, legal regulation.

References

1. Skomorokhova M.S. Problems of qualification of fraud in the field of computer information // Issues of Russian justice. 2024. No. 30. P. 387–393.
2. Ochirkhuyag O., Dorzh E. Study of means of cyber fraud // Law and state: theory and practice. 2024. No. 11 (239). P. 512.
3. Voskanyan R.O. Introduction to international financial management. – M.: Prospect, 2022. – 128 p.
4. Vaschenko T.V. The impact of financial literacy on the quality of life of the population // Education. Science. Scientific personnel. 2018. No. 1. P. 122–125.
5. Privalova O.A. Digital literacy of the population as a tool for combating cybercrime // Science that changes lives: Collection of materials from the national scientific forum of master's students, postgraduates and young scientists, Vladivostok, May 29–30, 2024. – Vladivostok: Vladivostok State University, 2024. – Pp. 265–269.
6. Shaykova E.S. Fraud in the field of computer information: features of the application of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation // E-Scio. 2022. No. 7. P. 100.
7. Ivanov N.G. Legal significance of digital aggression // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. Pp. 81–85.
8. Kulikov A.G. On the issue of training personnel for units to combat cybercrime // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 22–27.

Криминализация и декриминализация как уголовно-правовой институт: теоретико-правовой анализ

Восканян Тигран Гагикович,

аспирант, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

E-mail: tigran_voskanyan_15@mail.ru

В статье рассматриваются криминализация и декриминализация в контексте их понимания как самостоятельных уголовно-правовых институтов. Анализируются терминологические особенности, нормативное содержание и правовая природа данных категорий, а также их взаимосвязь с уголовной политикой государства. Обосновывается необходимость четкого разграничения юридического и криминологического подходов к трактовке этих понятий. Выявлены основные цели, свойства и критерии эффективности криминализации и декриминализации. Сделан вывод о том, что системное и обоснованное применение данных институтов имеет ключевое значение для обеспечения законности, правопорядка и соразмерности уголовно-правовых мер.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, уголовная политика, правовой институт, уголовное право, эффективность нормы, уголовно-правовой запрет, пенализация.

Введение

Криминализация и декриминализация – одни из центральных категорий уголовного права, тесно связанных с уголовной политикой государства. Несмотря на широкое употребление данных терминов, как в юридической, так и в общественно-политической плоскости, их трактовка остаётся неоднозначной. В научной литературе они рассматриваются либо как методы [6, с. 293–294], инструменты [7, с. 26] или направление [2, с. 89–93] уголовной политики, либо как её суть, сущность или содержание [4, с. 10–14], что свидетельствует о необходимости четкого теоретико-правового осмысления этих явлений.

Теоретико-правовая сущность понятий и проблема терминологического дуализма

Криминализация в уголовно-правовом смысле означает процесс признания законодателем определённого деяния преступным, сопровождающееся установлением уголовной ответственности за его совершение. В свою очередь, декриминализация – процесс исключения деяния из числа преступных и освобождение от уголовной ответственности за его совершение. В правовой доктрине наряду с уголовно-правовой интерпретацией существует криминологическая, где криминализация означает распространение преступности в различных сферах жизни общества, а декриминализация – спад криминальной активности.

Дуализм в понимании указанных категорий отмечают, среди прочих, Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н., различая юридический и криминологический подходы [8, с. 24]. Нечаев А.Д. предлагает рассматривать это как проявление двух концепций: социолого-криминологической и уголовно-политической [8, с. 16–18].

Коробеев А.И., признавая, что подобный дуализм создаёт дисгармонию при использовании понятия «криминализация», подчёркивает, что вследствие его широкого распространения в обоих значениях отказаться от двойного стандарта при оперировании им вряд ли возможно [5, с. 49].

Однако при всей легитимности обеих трактовок, в рамках уголовно-правовой науки предпочтение следует отдавать юридическому смыслу терминов, что особенно важно при законотворческой и правоприменительной деятельности.

Институциональный статус криминализации и декриминализации

Представляется обоснованным рассматривать криминализацию и декриминализацию как самостоятельные правовые институты. Правовой институт – это совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения в рамках конкретной отрасли. Правовой институт обладает собственными целями, задачами и внутренней структурой.

Основными целями института криминализации являются:

- 1) выявление и уголовно-правовая идентификация общественно опасных деяний;
- 2) обеспечение реализации мер по их предупреждению, пресечению и устранению причин и условий, способствующих криминализации общества;
- 3) повышение эффективности уголовно-правового противодействия общественно опасными деяниями.

Среди целей института декриминализации следует назвать:

- 1) стимулирование гражданской активности членов общества по совершению ими общественно полезных действий (такая цель преследуется в случаях необходимости обороны, крайней необходимости, задержании лица, совершившего преступление, и обоснованного риска);
- 2) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, оказавшегося в зависимом положении;
- 3) расширение действия негосударственного социального контроля.

С учетом изложенного институт криминализации следует определять как совокупность правовых норм, группы правил, установлений, призванных в рамках уголовного права эффективно регулировать общественные отношения, имеющие признаки противоправного поведения, выражающегося в несоблюдении существующих в обществе законов.

Исходя из этого, под институтом декриминализации следует понимать совокупность правовых норм, группу правил поведения, установлений, которые в рамках уголовного права исключают преступность деяния и регулируют общественные отношения, имеющие признаки административных, дисциплинарных и иных правонарушений либо правомерного поведения, выражающегося в соблюдении существующих в обществе законов.

Свойства криминализации

Среди ключевых свойств криминализации можно выделить объем и интенсивность. Объем характеризуется числом лиц, подпадающих под действие нормы [1, с. 132], а интенсивность – степенью государственного принуждения [3, 111–132]. Оптимальное сочетание этих параметров имеет решающее значение для правовой стабильности. Избыточная

криминализация ведет к перегрузке системы правосудия, в то время как недостаточная – к пробельности правового регулирования.

В этой связи одной из первостепенных задач законодателя является не допустить избыточной криминализации и в то же время обеспечить действенную защиту гражданских, общественных и государственных интересов.

Проблемы в реализации: de facto криминализация и декриминализация

Особое внимание следует уделить феномену криминализации и декриминализации на уровне правоприменения (de facto). В ряде случаев уголовно-преследуемое деяние фактически перестает квалифицироваться как преступление из-за изменения общественно-политической обстановки либо установления нормы.

В других ситуациях, напротив, правоприменитель расширяет пределы уголовного запрета.

Например, изменение Правил дорожного движения может существенно криминализировать поведение водителей (пешеходов) на дороге. Дело в том, что статья 264 УК РФ носит отсылочный характер, предусматривает наказание за нарушение Правил дорожного движения, повлекшее тяжкие последствия.

Другой пример. Внесение в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, установленный постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681, новых категорий наркотических средств криминализировало оборот курительных смесей в Российской Федерации.

Подобные случаи свидетельствуют о необходимости оперативного и гибкого обновления уголовного законодательства.

Пенализация и её соотношение с криминализацией

Пенализация, то есть установление санкции за преступное деяние, в современной литературе часто рассматривается как подинститут криминализации, с чем нельзя не согласиться. Вместе с тем, как справедливо отмечают С.М. Мальков и А.В. Шеслер, она обладает относительной самостоятельностью, особенно когда речь идет об изменении меры наказания без трансформации состава преступления [10, ст. 15]. Тем не менее, в рамках общей уголовной политики взаимосвязь между криминализацией и пенализацией является неразрывной.

Заключение

Криминализация и декриминализация представляют собой сложные, многоуровневые правовые процессы, непосредственно связанные с реализацией уголовной политики государства. Их обоснованное применение требует учета социальных, правовых и криминологических факторов. Представляется целесообразным закрепление институционального

статуса данных явлений в научной доктрине и законодательстве. Только системное, научно обоснованное использование механизмов криминализации и декриминализации позволит обеспечить эффективную защиту прав и свобод человека, стабильность уголовного закона и доверие общества к правовой системе.

Литература

1. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 132 с.
2. Гельдибаев М. Х., Мальцагов И.Д. Криминализация общественно опасных деяний как составное (специальное) направление уголовной политики государства // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – СПб., 2006. – № 6 (37). – С. 89–93.
3. Злобин Г. А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 111–132.
4. Коробеев А.И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание советской уголовно-правовой политики // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1988. – С. 10–14.
5. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
6. Крапивина О.Н. Криминализация заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как метод уголовно-правовой политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – М., 2008. – № 1. – С. 293–294.
7. Мальцагов И.Д. Криминализация деяний в законодательстве Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 26 с.
8. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 16–18.
9. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. – Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. – С. 24.

10. Шеслер А. В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация: лекция. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2002. – С. 15.

CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION AS INSTITUTIONS OF CRIMINAL LAW: A THEORETICAL AND LEGAL PERSPECTIVE

Voskanyan T.G.

Far Eastern Federal University

The article examines criminalization and decriminalization as independent criminal law institutions. It analyzes the terminological features, normative content, and legal nature of these categories, as well as their relationship with the state's criminal policy. The necessity of a clear distinction between legal and criminological approaches to the interpretation of these concepts is substantiated. The main goals, characteristics, and criteria for the effectiveness of criminalization and decriminalization are identified. It is concluded that the systematic and well-reasoned application of these institutions is crucial for ensuring legality, law and order, and the proportionality of criminal law measures.

Keywords: criminalization, decriminalization, criminal policy, legal institution, criminal law, norm effectiveness, criminal prohibition, penalization.

References

1. Antonov A.D. Theoretical Foundations of Criminalization and Decriminalization: dis. ... Cand. of Law. – M., 2001. – 132 p.
2. Geldibaev M. Kh., Maltsagov I.D. Criminalization of Socially Dangerous Acts as an Integral (Special) Direction of the State Criminal Policy // Legal Thought. Scientific and Practical Journal. – St. Petersburg, 2006. – No. 6 (37). – P. 89–93.
3. Zlobin G. A., Kelina S.G. Some Theoretical Issues of Criminalization of Socially Dangerous Acts // Problems of Justice and Criminal Law. – M., 1978. – P. 111–132.
4. Korobyev A.I. Criminalization and penalization of acts as the main content of the Soviet criminal-legal policy // Issues of improving criminal-legal regulation: inter-university. collection of scientific papers. – Sverdlovsk: Publishing house of the Sverdlovsk. legal. in-ta, 1988. – P. 10–14.
5. Korobyev A.I. Criminal-legal policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. Moscow: YurLitinform, 2019. 352 p.
6. Krapivina O.N. Criminalization of previously unpromised acquisition or sale of property, obviously obtained by criminal means, as a method of criminal-legal policy // “Black holes” in Russian legislation. Legal journal. – Moscow, 2008. – No. 1. – P. 293–294.
7. Maltsagov I.D. Criminalization of Acts in the Legislation of the Russian Federation: Theoretical and Legal Analysis: Abstract of Cand. Sci. (Law). – Moscow, 2007. – 26 p.
8. Nechaev A.D. Conceptual Foundations of Criminalization and Decriminalization of Acts / edited by N.A. Lopashenko. – Moscow: YurLitinform, 2017. – Pp. 16–18.
9. New Criminalization: A Philosophical and Legal Guide to the World of the Criminal and the Non-Criminal. – Yekaterinburg: SAPIENTA, 2020. – P. 24.
10. Shesler A. V., Malkov S.M. Criminal Law Policy and Its Implementation: Lecture. – Krasnoyarsk: Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. – P. 15.

Зашляпин Леонид Александрович,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Феоненко Надежда Сергеевна,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права,
Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: nadia.feonenko@gmail.com

В статье рассматривается проблема понимания и проведения допроса эксперта. Основная задача этого действия состоит в объяснении заключения эксперта. Объяснение заключения является активной процессуальной формой деятельности эксперта. Допрос всегда является активной формой деятельности властного участника (следователя, суда). Получая объяснение заключения эксперта, властные участники являются объектами объяснительной деятельности. Их функция пассивна. Властные участники не обладают специальными знаниями. В том числе они не владеют языком этих специальных знаний. По этой причине в допросе эксперта они проявляют ограниченность своей процессуальной дееспособности. Допрос эксперта может быть заменен процедурой получения объяснения эксперта.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, процессуальные действия, доказательства, доказывание, эксперт, заключение эксперта, допрос эксперта, показания эксперта, объяснение эксперта.

Введение

Выбранная для исследования тематика весьма популярна в отечественной науке уголовного процесса. Ведущие ученые указывают на ряд отраслевых проблем, связанных с применением специальных знаний [1, с. 45–50; 2, с. 419–423]. Это само по себе указывает на *актуальность* тематики, позволяющую браться и за ее другие элементы, которыми в нашем случае являются формы вербальной коммуникации между следователем (судом) и экспертом при применении этих знаний.

Реализуемой *научной задачей* выступает анализ нормативного регулирования допроса эксперта, формируемых в результате этого доказательств (показаний), доктринальных позиций, содержащих предметное знание о нормах, регулирующих допрос эксперта, определяющее процессуальное содержание показаний эксперта как вида доказательств. Совокупно указанные юридический нормы и научные позиции образуют *объектную область* нашего исследования. В качестве основных *методов* исследования использованы формально-юридический подход, анализ, сравнение.

Оппонентский круг, указывающий на степень разработки проблематики, представлен работами множества исследователей. Среди них, известный ученый-процессуалист А.Ф. Лубин, придерживающийся традиционной формы допроса эксперта в предварительном расследовании [3, 205–212]; А.В. Сухомлинов, А.А. Белецкий и А.И. Лайпанов, также следующих устоявшемуся пониманию показаний эксперта как вида доказательства [4, 412–418]. Изучению этой проблематики в судебном следствии посвящены работы Н.В. Осодоевой [5, с. 244–249], М.С. Белоковильского [6, с. 24–35] и т.д. Отличие же настоящей статьи от имеющихся состоит в том, что в ней *de lege ferenda* реализуется идея, представленная ранее [7, с. 86–94] о процедуре получения объяснений эксперта.

Основная часть статьи

Регулирование допроса эксперта в предварительном расследовании определяется следующими правилами.

1. Данное действие производится по усмотрению следователя (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Нормативным основанием для этого являются полномочия следователя, предусмотренные в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Полномочию следователя корреспондирует позитивное обязывание эксперта явиться к следователю (п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). В этом случае речь идет об участнике уголовного процесса, ранее привлеченном к делу в качестве эксперта (пун-

кты 2 и 4 ст. 199 УПК РФ). Судебно-медицинский эксперт *ex officio* под действие указанных норм не подпадает (ч. 1 ст. 178 УПК РФ).

2. Допрос эксперта возможен в том случае, если он уже произвел исследование, результаты которого представил следователю (п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ), то есть выполнил то экспертное задание, которое определил властный участник правоотношений, что проявляет связь норм о полномочиях следователя и статусных норм эксперта давать заключение (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Толкуя последние совокупно с нормами п. 4 ч. 4 ст. 57 УПК РФ и ст. 307 УК РФ, можно фиксировать наличие обязанности эксперта дать свое заключение, которое не является ложным.

3. Примечательно отсутствие в действующем законе юридической обязанности эксперта давать показания. Логично, что в материальном законе отсутствует ответственность эксперта за отказ от дачи показаний в ходе предварительного расследования, что является системным признаком закона. Нормативное ядро процессуального статуса эксперта образуют положения ч. 1 ст. 57 УПК РФ, согласно которым эксперт – это лицо, которому по решению следователя поручено проведение экспертизы. Завершение экспертного исследования (подготовка заключения эксперта и передача его следователю) является реализацией (исчерпанием) предназначения данного участника. Допрос эксперта следователем, таким образом, является внесtatусной для эксперта процессуальной претензией следователя.

4. Задача допроса эксперта определена в гипотезе нормы ч. 1 ст. 205 УПК РФ: «для *разъяснения*» заключения. Замена использованный законодателем устаревшего термина на современный глагол «объяснить», позволяет преобразовать гипотезу следующим образом: «если надо *объяснить* заключение». При этом надо учитывать, что конкретная цель (задачи), детерминирующие содержание исследования были определены следователем. В итоге он получает то, что сам предопределил, включая неясность заключения, которое по этой причине требует разъяснения и может производится в форме объяснения.

Если сводить анализируемую норму ч. 1 ст. 205 УПК РФ к ее сущности, то получается, что эксперт объясняет следователю (делает понятным) свое заключение. Пассивным объектом объяснения (лицом, на которое направлена деятельности эксперта) является следователь (парадоксально являющийся допрашивающим лицом), а активным субъектом деятельности (представления объяснения) – эксперт. Нормативная конструкция любого допроса, являющегося формой принуждения, исходящей от властного участника, в этом случае исчезает [8, с. 243–249].

5. При буквальном толковании положений закона важно и то, что всякий допрос в своем нормативном содержании учитывает вопросы: ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 190, ч. 2 ст. 192 УПК РФ. Порядок, устанавливаемый ч. 1 ст. 205 УПК РФ, не упоминает права

эксперта собственноручно записать свои ответы. Следователь в ходе допроса должен использовать вопросы, без вопросов ответы (показания эксперта) являются невозможными. Стало быть, вопросы и ответы – необходимая конструкция любого допроса. В допросе эксперта в предварительном расследовании ее нет. Суть специальных знаний состоит в их отличие от юридических, включая язык этих знаний. Следователь предполагается не обладающим процессуальной дееспособностью в этой части. Он не может задавать вопросы на специальном языке о специальных знаниях.

В результате анализа имеющейся нормативной базы регулирования можно констатировать, что законодатель в конструкции допроса эксперта применил форму, которая не присуща этому действию, что связано с его содержанием – разъяснением экспертом заключения [8, с. 243–249], требующую иного процессуального инструментария (не допроса).

В теории уголовного процесса термин «объяснение» не игнорировался. Так, в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) этот термин использовался достаточно широко, а именно: в решениях уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената [9, с. 51]; в теории юриспруденции того времени [10, с. 18]; в позициях современных ученых, анализирующих УУС и практику его использования [11, с. 221]. Из этого следует, что абсолютной новизны в применении вместо допроса эксперта процедуры получения объяснений эксперта нет. Вероятно, эта идея имманентна контексту любого уголовно-процессуального закона и изучающей его науки. По этой причине она сохранялась в доктрине уголовно-процессуального права советского периода. Так, упоминание объяснения присутствует в позиции М.С. Строговича, который, характеризуя показания и объяснения обвиняемого, отмечал, что объяснения есть «доводы ... в *свою* защиту (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Л. З., Н. Ф.)» [12, с. 204–205.]. Данная позиция позволяет понимать объяснение в качестве процессуального инструмента не следователя, а лица, дающего объяснения. Для современного правопонимания это влечет необходимость оценки задачи объяснений эксперта не как реализацию процессуального средства следователя, а как задачу эксперта, состоящую в объяснении (разъяснении) уже имеющегося заключения, являющуюся элементом его деятельности.

Логично, что законодатель связывает допрос эксперта с задачей разъяснения. При этом, однако, возникает алогизм в части использования этого инструментария для разъяснения как задачи эксперта. М.С. Строгович прямо подчеркивал, что процедура получения объяснений происходит вне формы допроса, дополняя это указанием на то, что если допрос – средство следователя, то объяснение – средство иного участника [12, с. 205]. Уголовно-процессуальное право может связывать процедуру разъяснения заключения с процессу-

альной активностью эксперта, не являющегося субъектом доказывания. Он сам (и только он сам) объясняет свое заключение. Для этого необходима форма, имманентная нашему праву.

Общепризнано, что УПК РФ не рассматривает показания эксперта в качестве автономного доказательства (п. 3 ч. 2 ст. 74). Показания эксперта – это то, что связано с заключением эксперта (ч. 1 ст. 205 УПК РФ). Содержанием показаний может быть только содержание заключения при сохранении в обоих случаях единства источника.

Выше мы обратили внимание на попытки А.Ф. Лубина обособить предмет допроса эксперта. Подход это автора совершенно верен. Если нет предмета допроса, то не и процессуального смысла его проводить. Возможность для решения этой научной задачи максимально заужена. Уважаемый автор, например, пишет о возможности допроса эксперта в случае формулирования им в заключении вероятного вывода. В качестве примера он приводит такие вопросы эксперту: *«как эксперт относится к тому, что в теории доказывания, в экспертной и судебной практике некоторые стран распространено мнение, что эксперт должен давать свое заключение только в вероятностной форме?»* [3, с. 207]. Полагаем, однако, что даже вероятный вывод является результатом исследования объектов, представленных следователем, по вопросам, сформулированным им же. В основе выводов эксперта – объективный процессуальный материал следователя. Вопросы же следователя эксперту (предмет допроса) всегда должны быть о заключении. Это является критерием относимости получаемого показания.

Дополнительно необходимо учитывать то, что процедура использования специальных знаний в предварительном расследовании проявляет признаки состязательного типа процесса. Полагаем, что допрос эксперта должен производиться с участием стороны защиты и в этом случае сторона защиты должна реагировать на вопросы следователя эксперту, прямо не относящиеся к заключению. Дело в том, что связь заключения и показаний эксперта предполагает связность (единство) процессуального порядка, а он (в отличие от иных следственных действий), предусматривает участие сторон (состязательность).

В науковедении подчеркивается, что *«объяснение является одним из факторов понимания»* [13, с. 296]. Задачей эксперта в предварительном расследовании после дачи заключения является достижение именно это. Понимание может возникнуть в диалоге эксперта и следователя [14, с. 275], что удивительно для понимания уголовного процесса, основанного на следственном типе, но приемлемо для состязательного процесса. Причем этот диалог должен иметь два направления: а) со следователем, как субъектом уголовного преследования; б) защитником и обвиняемым, представляющим сторону защиты. В связи с тем, что процессуальный порядок использования специальных знаний в предварительном расследовании связан с прин-

ципом состязательности (статьи 15, 195, 198 УПК РФ), надо полагать, что допрос эксперта следователем с исключением реализации требований ст. 11 (об охране прав и свобод человека), ст. 16 УПК РФ (об обеспечении права на защиту) не соответствует принципу законности (ст. 7 УПК РФ). Доказательство (заключение эксперта) должно раскрываться обеим сторонам. Утаивание доказательства от стороны защиты является нарушением уголовно-процессуальной формы использования специальных знаний в предварительном расследовании.

В этом случае мы вновь оказываемся в необычной ситуации для современной доктрины уголовного процесса. Мыслимый порядок по действующим правилам состоит в том, что следователь констатирует перед экспертом непонимание его заключения, эксперт своими вопросами следователю может уточнить конкретные положения, не ясные следователю, и объяснить их ему. Устранение неясности заключения для следователя – проявление процессуальной активности эксперта, но не следователя.

С точки зрения лингвистики допрос является конкретным жанром вербальной коммуникации [15, с. 36–41]. Правила этого жанра объективно должны проявляться в допросе. В данном случае этого нет. Необходимо признать, что в реальном правоприменении (коммуникации следователя с экспертом, эксперта со следователем, защитника с экспертом, эксперта с защитником) мы должны усматривать иной жанр вербальной передачи информации, а не допрос следователем [8, с. 243–249].

В результате анализа нормативного материала и его доктринального осмысления, мы можем констатировать, что отечественное уголовно-процессуальное право относительно допроса эксперта в предварительном расследовании проявляет признаки коллизионности, формируя повод для идеи о замещении процессуального действия «допрос эксперта» процедурой получения объяснения эксперта, нормальным содержанием которой будет разъяснения экспертом следователю имеющегося заключения.

Регламентация допроса эксперта в суде в основном соответствует правилам, приведенным выше, и включают следующие положения.

1. Процессуальное решение о допросе эксперта принимает суд (ч. 1 ст. 282 УПК РФ). Оно основано на полномочии суда вызвать эксперта для допроса (ст. 8, ст. 81, п. 1 ч. 1 ст. 29, ст. 240 УПК РФ и др.). Этому полномочию корреспондируется позитивное обязывание эксперта явиться в суд (п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

2. В ходе рассматриваемого действия, как и в предварительном расследовании, возможен допрос того эксперта, который произвел соответствующее исследование и представил заключение следователю или суду, то есть выполнил экспертное задание, сформулированное властным участником правоотношений. В этом случае вновь оче-

видна связь норм о полномочиях суда, следователя и прав эксперта давать заключение (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Интерпретируя процессуальный статус эксперта совокупно с нормами п. 4 ч. 4 ст. 57 УПК РФ и ст. 307 УК РФ, можно фиксировать наличие обязанности эксперта дать заключение, которое не является ложным, а вот обязанность дать показания в суде отсутствует.

3. Следуя буквальному толкованию, видим, что законодатель предусмотрел возможность постановки эксперту вопросов сторонами (ч. 2 ст. 282 УПК РФ). Формально именно стороны зафиксированы в качестве носителей активного права на допрос эксперта в суде. Суд в этом случае в законе не упоминается. Далее, однако, усматривается деформация уголовно-процессуальных правоотношений. Дело в том, что обязанность эксперта отвечать на вопросы сторон законом не предусматривается (ст. 57 УПК РФ). Это соответствует процессуальному статусу эксперта, сущность которого состоит в том, что он является таким участником уголовного процесса, который привлекается уполномоченными лицами для проведения исследования и последующего предоставления экспертного заключения. У эксперта есть возможность отказаться от дачи заключения (п. 6 ч. 2 ст. 57 УПК РФ). Права представителей сторон задавать вопросы (допрашивать эксперта) не увязываются с обязанностью эксперта отвечать на эти вопросы. Правоотношения оказываются явно деформированными, предполагая лишь фактические отношения.

4. Процессуальная задача допроса эксперта в суде, в отличие от допроса в предварительном расследовании, сформулирована более широко. Такой допрос возможен «для разъяснения или *дополнения* ... заключения» (ч. 1 ст. 282 УПК РФ). Это является существенным расширением гипотезы нормы до объема «если необходимо дополнить заключение эксперта ...», что влечет диспозицию «эксперт может быть допрошен в ходе судебного следствия». Весьма распространенным контраргументом на такое толкование является ссылка на необходимость дополнительного исследования, требующего назначения дополнительной экспертизы, а не допроса эксперта [16, с. 1280–1292]. Мы же полагаем, что дополняющий ситуативный ответ эксперта в ходе перекрестного допроса, противоречащий заключению, подготовленному в лабораторных условиях, заведомо будем вызывать сомнение по критерию достоверности. Основной задачей рассматриваемого допроса, таким образом, остается объяснение заключения участникам процесса а анализ нормативных правил сближается с результатами анализа норм о допросе эксперта в предварительном расследовании.

В ходе судебного следствия эксперт объясняет суду (делает понятным участникам судебного разбирательства) свое заключение. Если оно не понятно, то участники процесса предполагаются пассивными объектами объяснения, несмотря на то что консервативно именно их мы считаем допрашивающими лицами, хотя активным субъектом

деятельности (представления объяснения) является эксперт. В случае неясности заключения лицо должно об этом заявить эксперту, который в свою очередь может задавать вопросы участникам процесса (п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Вектор судебной коммуникации в этом случае существенно отличается от допроса. Традиционная конструкция допроса (являющегося формой принуждения) в этом случае утрачивается [8, с. 243–249]. Эксперт, будучи не обязанным давать показания, следует своему усмотрению.

Анализ нормативной базы о допросе эксперта в суде так же позволяет сделать промежуточный вывод о том, что институт допроса эксперта в суде *de lege lata* не позволяет фиксировать наличие четкой конструкции уголовно-процессуальных отношений, присущих допросу. Для этого не достает обязанности эксперта. Показания эксперта в такой ситуации проявляют качества процессуального клона заключения эксперта, исключают потребность в них, но допускают существование в судебном следствии объяснения заключения экспертом [7, с. 86–94].

В анализе доктринальной базы допроса эксперта в суде, как и при описании научных подходов допроса эксперта следователем, необходимо отметить то, что судебный допрос должен рассматриваться как выражение правоотношений. Отличием от отношений, возникающих в допросе эксперта следователем, должна являться многосубъектная характеристика этого действия. Однако ожидать единодушного понимания такого подхода не обоснованно. Он более присущ состязательному типу правопонимания. Как минимум советские ученые не касались этого допроса в ракурсе уголовно-процессуальных отношений.

Для исследуемой проблематики важно выделить позицию Ю.К. Орлова, который полагал, что производство экспертизы и допрос эксперта имеют различающуюся уголовно-процессуальную форму [17, с. 41], что является реальностью нормативного регулирования и сегодня. Однако действующий закон не рассматривает показания эксперта в качестве автономного доказательства (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), поэтому не формирует самостоятельного доказательства, одновременно не соответствует установленной законом форме заключения эксперта. Логично в науке позиции воспринимать заключение эксперта и его показания как синкретичный объект, в котором показания – лишь иллюстрирующий элемент. Оставаясь в границах этой логики допрос эксперта в суде может рассматриваться как допрос о ранее данном заключении. Его предмет ограничен и не допускает расширения. В связи с этим мы не можем согласиться с ранее приведенной точкой зрения А.Ф. Лубина об использовании в допросе эксперта вопросов, переходящих эту границу [4, с. 205–212].

Определяя процессуальный статус судебного эксперта, ведущие российские ученые, прежде всего, отмечают наличие его обязанности явиться в суд [18, с. 17]. Наоборот, доктрина обходит соот-

ветствующую проблематику и не акцентирует внимания на обязанности эксперта давать показания [19, с. 67].

Очевидно, что оставаясь в консервативной парадигме допроса эксперта в суде, отечественной науке не удастся гармонизировать этот институт. Совершенно верно С.В. Лукошкина и М.Ш. Буфетова считают, что результат судебного допроса эксперта не создает возможности формирования самостоятельного доказательства, а показания эксперта находятся в границах этого заключения [20, с. 43]. Из этого следует, что предмет и пределы судебного допроса эксперта ограничивают полномочия и права на допрос эксперта. Признавая это можно считать противоречивой позицию указанных авторов о том, что допрос эксперта не образует отдельный процессуальный институт, отличный от допроса свидетеля и позволяет проводить это процессуальное действие по правилам допроса свидетеля [20, с. 42]. Такой подход видится не перспективным. Процессуальный статус свидетеля в нашем законе определен очень конкретно. Процессуальный порядок проведения его допроса детализирован. Показания свидетеля – безусловное автономное (самостоятельное) доказательство.

И.А. Шалькивич, являющийся представителем сообщества экспертов, указывает на то, что в ходе данного судебного действия «эксперт стремится к коммуникативному успеху» [21, с. 95]. Для решения задачи разъяснения заключения такой подход видится рациональным. Объяснение эксперта предназначено для всех участников судебного разбирательства, обеспечивает коммуникацию эксперта со всеми участниками процесса. Это понимание может возникать не в результате попыток адаптации института допроса свидетеля к допросу эксперта, а более революционно – посредством введения в отечественный процессуальный порядок правил получения объяснений эксперта.

Объяснение в уголовном процессе, как отмечал С.А. Голунский, ориентировано на то, что уже есть в материалах дела [22, с. 81]. В нашем случае в уголовном деле имеется заключение эксперта. Допрос же свидетеля есть получение сведений от данного лица об обстоятельствах, которым он был очевидцем (воспринимал их каким-либо образом). Предмет показания свидетеля – обычно это не показания о том, что уже есть в материалах уголовного дела. Получается, что вербальная коммуникация эксперта в суде не только не должна иметь форму допроса по правилам допроса свидетеля, но и существенно отличаться от правил допроса вообще. Если допрос, писал данный автор, есть проявление активности допрашивающего лица, то объяснение – реализация активности объясняющего лица (эксперта) и соответствует процессуальному статусу эксперта [22, с. 205].

Анализ нормативной и доктринальной базы допускает, таким образом получение разъяснения заключения экспертом не посредством его допроса в суде, а через процедуру получения объяснения эксперта [7, с. 86–94].

Заключение

В итоге можно полагать, что зафиксированные дефекты нормативного регулирования допроса эксперта и имеющиеся доктринальные подходы к процедуре проведения этого процессуального действия следователем и судом указывают на необходимость ревизии законодательства. Реализация основной задачи допроса эксперта, состоящая в разъяснении ранее данного им заключения, может быть решена в процессуальной форме получения объяснения эксперта, позволяющей логичное доминирования активности эксперта, объясняющего свое заключение, но не активности иного участника уголовного процесса, которым это заключение видится не ясным.

Литература

1. Тарасов, А.А. Ходатайства в процедурах использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1(71). – С. 45–50. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.7. – EDN OWUUTE.
2. Юшеева, Н.С. Освидетельствование с использованием медицинских знаний в досудебном производстве: история и перспективы / Н.С. Юшеева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 419–423. – EDN XQNOEX.
3. Лубин, А.Ф. Предмет и тактика допроса эксперта / А.Ф. Лубин // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород, 2020. – С. 205–212.
4. Сухомлинов, А.В. Особенности получения заключения и показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / А.В. Сухомлинов, А.А. Белецкий, А.И. Лайпанов // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 2–1. – С. 412–418. – DOI 10.34670/AR.2024.71.50.021. – EDN BPDYFU.
5. Осодоева, Н.В. Допрос эксперта в уголовном судопроизводстве / Н.В. Осодоева // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6, № 2(12). – С. 244–249. – EDN XGTJZD.
6. Белоковылский, М.С. Актуальные проблемы допустимости показаний эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / М.С. Белоковылский // Допустимость показаний в уголовном процессе. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 24–35. – EDN TSTTGX.
7. Зашляпин, Л.А. Объяснение эксперта в суде / Л.А. Зашляпин // Российское правосудие. – 2023. – № 9. – С. 86–94. – DOI 10.37399/issn2072–909X.2023.9.86–94. – EDN JIIUXA.
8. Зашляпин, Л.А. Объяснение эксперта в предварительном расследовании / Л.А. Зашляпин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. –

- № 1(52). – С. 243–249. – DOI 10.17308/law/1995–5502/2023/1/243–249. – EDN YDUTRG.
9. Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1903. – Санкт-Петербург. – 87 с.
 10. Вислоцкий, Ф. В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства / Ф.В. Вислоцкий. – Варшава, 1872. – 176 с.
 11. Шурухнов, Н.Г. Регламентация нормами устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 года использования специальных знаний сведущих лиц при проведении следственных действий / Н.Г. Шурухнов // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. – Иркутск, 2014. – С. 218–224. – EDN UAQFDF.
 12. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. – М., 1946. – 511 с.
 13. Щербинина, С.Г. Роль объяснения в развитии характеристик понимания / С.Г. Щербинина // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6(37). – С. 295–297. – EDN PLUVPR.
 14. Щербинина, С.Г. Взаимосвязь форм понимания, диалога и объяснения в учебном процессе / С.Г. Щербинина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 162. – С. 272–281. – EDN RSJEKB.
 15. Неверова, Е.В. Речевой жанр допроса: актуальность исследования и проблема выбора модели описания / Е.В. Неверова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2020. – № 11(20). – С. 36–41. – EDN YHGGLN.
 16. Панько, Н. А. О предмете допроса эксперта в суде / Н.А. Панько // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 134. – С. 1280–1292. – DOI 10.21515/1990–4665–134–103. – EDN YN-WYMC.
 17. Орлов Ю.К. Производство экспертизы в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. М., 1982. – 79 с.
 18. Россинская, Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7(47). – С. 15–24. – DOI 10.17803/2311–5998.2018.47.7.015–024. – EDN XYHSUX.
 19. Толоконников, В.К. Проблемные вопросы процессуального статуса судебного эксперта и руководителя экспертного учреждения / В.К. Толоконников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 2(10). – С. 66–68. – EDN PAULFN.
 20. Лукошкина, С.В. Заключение и показания эксперта в российском уголовном судопроизводстве / С.В. Лукошкина, М.Ш. Буфетова // Сибирские уголовно-процессуальные и кримина-

листические чтения. – 2019. – № 2(24). – С. 36–45. – EDN YZZFZI.

21. Шалькевич, И.А. Тактика допроса судебного эксперта / И.А. Шалькевич // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики. Минск, 2017. С. 95–97.
22. Голунский, С.А. Допрос на предварительном следствии / С.А. Голунский. Ашхабад, 1942. – 120 с.

EXPLANATION OF AN EXPERT (QUESTIONING OF AN EXPERT) IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zashlyapin L.A., Feonenko N.S.

North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the problem of understanding and conducting an interrogation of an expert. The main objective of this action is to explain the expert's conclusion. Explanation of the conclusion is an active procedural form of the expert's activity. Interrogation is always an active form of activity of the power participant (investigator, court). Receiving an explanation of the expert's conclusion, the power participants are objects of explanatory activity. Their function is passive. Power participants do not have special knowledge. In particular, they do not speak the language of this special knowledge. For this reason, in interrogating an expert, they demonstrate the limitations of their procedural capacity. Interrogation of an expert can be replaced by the procedure for obtaining an expert's explanation.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, procedural actions, evidence, proving, expert, expert's conclusion, interrogation of an expert, expert testimony, expert explanation.

References

1. Tarasov, A.A. Petitions in the procedures for using special knowledge in criminal procedural evidence / A.A. Tarasov // The rule of law: theory and practice. – 2023. – No. 1 (71). – P. 45–50. – DOI 10.33184 / pravgos-2023.1.7. – EDN OWUUTE.
2. Yusheeva, N.S. Examination using medical knowledge in pre-trial proceedings: history and prospects / N.S. Yusheeva // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 3. – P. 419–423. – EDN XQNOEX.
3. Lubin, A.F. Subject and tactics of interrogation of an expert / A.F. Lubin // International and national trends and prospects for the development of forensic examination. Nizhny Novgorod, 2020. – P. 205–212.
4. Sukhomlinov, A.V. Features of obtaining an expert and specialist opinion and testimony in criminal proceedings / A.V. Sukhomlinov, A.A. Beletsky, A.I. Laipanov // Issues of Russian and International Law. – 2024. – Vol. 14, No. 2–1. – P. 412–418. – DOI 10.34670/AR.2024.71.50.021. – EDN BPDYFU.
5. Osodoeva, N.V. Interrogation of an expert in criminal proceedings / N.V. Osodoeva // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – Vol. 6, No. 2 (12). – P. 244–249. – EDN XGTJZD.
6. Belokovylsky, M.S. Actual problems of admissibility of expert and specialist testimony in criminal proceedings / M.S. Belokovylsky // Admissibility of testimony in criminal proceedings. – St. Petersburg, 2021. – P. 24–35. – EDN TSTTGX.
7. Zashlyapin, L.A. Expert's explanation in court / L.A. Zashlyapin // Russian justice. – 2023. – No. 9. – P. 86–94. – DOI 10.37399/issn2072–909X.2023.9.86–94. – EDN JIUUXA.
8. Zashlyapin, L.A. Explanation of an expert in a preliminary investigation / L.A. Zashlyapin // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. – 2023. – No. 1(52). – P. 243–249. – DOI 10.17308/law/1995–5502/2023/1/243–249. – EDN YDUTRG.
9. Decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate. 1903. – St. Petersburg. – 87 p.
10. Vislitsky, F.V. On the merits of forensic medical examination in criminal proceedings in application primarily to the Russian statute of criminal proceedings / F.V. Vislitsky. – Warsaw, 1872. – 176 p.
11. Shuruhnov, N.G. Regulation of the norms of the Charter of Criminal Procedure (CCP) of 1864 on the use of specialized knowl-

- edge of knowledgeable persons during investigative actions / N.G. Shuruhnov // Criminal procedural and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings. – Irkutsk, 2014. – P. 218–224. – EDN UAQFDF.
12. Strogovich M.S. Criminal procedure / M.S. Strogovich. – Moscow, 1946. – 511 p.
 13. Shcherbinina, S.G. The role of explanation in the development of characteristics of understanding / S.G. Shcherbinina // The world of science, culture, education. – 2012. – No. 6 (37). – P. 295–297. – EDN PLUVPR.
 14. Shcherbinina, S.G. The relationship between the forms of understanding, dialogue and explanation in the educational process / S.G. Shcherbinina // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2013. – No. 162. – P. 272–281. – EDN RSJEKB.
 15. Neverova, E.V. The speech genre of interrogation: the relevance of the study and the problem of choosing a description model / E.V. Neverova // Man and language in the communicative space: collection of scientific articles. – 2020. – No. 11 (20). – P. 36–41. – EDN YHGGLN.
 16. Panko, N.A. On the subject of interrogation of an expert in court / N.A. Panko // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2017. – No. 134. – P. 1280–1292. – DOI 10.21515/1990–4665–134–103. – EDN YNWYMC.
 17. Orlov Yu.K. Production of an examination in criminal proceedings / Yu.K. Orlov. Moscow, 1982. – 79 p.
 18. Rossinskaya, E.R. On the legal status of a forensic expert / E.R. Rossinskaya // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). – 2018. – No. 7 (47). – P. 15–24. – DOI 10.17803/2311–5998.2018.47.7.015–024. – EDN XYHSUX.
 19. Tolokonnikov, V.K. Problematic issues of the procedural status of a forensic expert and the head of an expert institution / V.K. Tolokonnikov // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. – 2011. – No. 2(10). – P. 66–68. – EDN PAULFN.
 20. Lukoshkina, S.V. Expert's opinion and testimony in Russian criminal proceedings / S.V. Lukoshkina, M. Sh. Bufetova // Siberian criminal procedural and forensic readings. – 2019. – No. 2(24). – P. 36–45. – EDN YZZFZI.
 21. Shalkevich, I.A. Tactics of interrogation of a forensic expert / I.A. Shalkevich // Traditions and prospects for the development of forensic tactics. – Minsk, 2017. Pp. 95–97.
 22. Golunsky, S.A. Interrogation during the preliminary investigation / S.A. Golunsky. – Ashgabat, 1942. – 120 p.

Особенности предмета доказывания преступлений, совершенных участниками нежелательных религиозных организаций

Ковалев Даниил Валерьевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»

E-mail: dkovalev99@mail.ru

В статье раскрывается специфика предмета доказывания, выявленная в теории и судебной практике по уголовным делам о преступлениях, совершенных участниками нежелательных иностранных или международных организаций религиозной направленности (ст. 284.1 УК РФ). Отмечается, что доказывание таких преступлений должно осуществляться с учетом уголовно-правовых характеристик деяния и с помощью специфических доказательств. Обнаружение признаков таких преступлений неизбежно связано с идентификацией нежелательной религиозной организации, изучением её отличительных характеристик и отграничением от иных религиозных организаций. Исходя из этого автором выделены и охарактеризованы обязательные элементы предмета доказывания по рассматриваемой категории уголовных дел и предложены способы их установления. Полученные в ходе исследования результаты позволяют повысить эффективность процесса доказывания и обеспечить целостность и объективность расследования уголовного дела.

Ключевые слова: предмет доказывания; нежелательная деятельность; нежелательные религиозные организации; статья 284.1 УК РФ, преступления, совершенные участниками нежелательных иностранных или международных организаций религиозной направленности.

Традиционно в теории уголовного процесса под предметом доказывания понимается совокупность фактов, которые необходимо установить, чтобы правильно разрешить уголовное дело или решить конкретный процессуальный вопрос. Доказывание таких фактов является необходимым условием для принятия законных и обоснованных решений в уголовном процессе.

В статье 73 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень фактических обстоятельств, подлежащих обязательному установлению в ходе расследования уголовного дела. Этот перечень выступает в качестве ключевого ориентира, обеспечивающего всесторонность и объективность как предварительного расследования, так и последующего разрешения уголовного дела в суде. При этом, стандартный перечень обстоятельств, формирующих предмет доказывания, может быть скорректирован и расширен в зависимости от конкретной уголовно-правовой квалификации инкриминируемого преступления. То есть, предмет доказывания не является статичным, а адаптируется к особенностям каждого расследуемого уголовного дела.

По мнению Л.В. Головки, структура и содержание предмета доказывания по уголовным делам тесно связана с нормами материального права, особенно уголовного. Автор подчеркивал, что «ключевой для предмета доказывания является уголовно-правовая конструкция состава преступления, которая служит ориентиром для конструкции предмета доказывания по схеме *corpus delicti* → *thema probandi*» [1, с. 435].

Каждое из указанных обстоятельств представляет собой собирательную для всех уголовных дел категорию, однако при производстве по отдельно взятому уголовному делу содержание таких обстоятельств уточняется и конкретизируется применительно к специфике рассматриваемого преступления [2, с. 6].

Схожее значение предмета доказывания предлагает А.Р. Чикулина, отмечая, что «особенности предмета доказывания по отдельным категориям преступлений классифицируются на материально-правовые и процессуально-правовые. Уголовно-правовой элемент обстоятельств, подлежащих доказыванию, заключается в установлении не предполагаемых выводов и суждений, а реальных явлений объективной действительности исследуемого события, в котором отражены признаки состава преступления, то есть содержание предмета доказывания. Уголовно-процессуальный элемент предмета доказывания сводится к структурной составляющей ст. 73 УПК РФ, определению спосо-

бов, средств и обстоятельств совершенного преступления» [3, с. 59]

С учетом положений материального права исследовал содержание предмета доказывания и С.А. Шейфер, который предлагает трехуровневый подход к пониманию предмета доказывания [4, с. 81–82]. В качестве элемента первого уровня он рассматривал обстоятельства, отраженные в статье 73 УПК РФ, то есть те, которые не индивидуализированы и подлежат доказыванию в обязательном порядке. К элементам второго уровня предмета доказывания он относил признаки конкретного состава преступления и его уголовно-правовую квалификацию. А индивидуальную характеристику, специфику преступления – к третьему уровню.

Таким образом, хотя перечень обстоятельств, входящих в предмет доказывания, исчерпывающий и универсальный для всех категорий уголовных дел, выявление таких обстоятельств в каждом конкретном случае должно осуществляться с учетом индивидуальных уголовно-правовых характеристик совершенного преступления и с помощью специфических, характерных для такого преступления доказательств.

Специфичность предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных участниками нежелательных иностранных или международных организаций религиозной направленности (ст. 284.1 УК РФ), состоит в том, что обнаружение признаков такого преступления сопряжено с идентификацией нежелательной религиозной деятельности, изучением её отличительных особенностей и отграничением от другой смежной религиозной деятельности.

Учитывая уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты рассматриваемого вида преступлений, в предмет доказывания должны входить следующие обстоятельства:

1) Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Для установления события преступления необходимо выявить факт признания деятельности иностранной или международной религиозной организации нежелательной на территории Российской Федерации, её местонахождение за пределами Российской Федерации, а также получить сведения о руководителях и учредителях.

В соответствии с частью 4 статьи 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной организации принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Деятельность религиозной организации признается нежелательной с момента её включения

в специальный перечень иностранных и международных неправительственных организаций, ведение которого осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации.

В настоящее время на территории Российской Федерации признана нежелательной деятельность 25 религиозных организаций, перечень которых представлен на сайте Министерства юстиции Российской Федерации.

Информация о местонахождении указанных организаций за пределами Российской Федерации, а также данные об их руководителях и учредителях устанавливаются Генеральной Прокуратурой Российской Федерации и отражаются в решении о признании нежелательной деятельности организации. Аналогичные данные можно получить из реестра нежелательных организаций, международных баз данных о юридических лицах, зарегистрированных в разных странах мира и иных публичных источников.

Специфической особенностью доказывания рассматриваемого вида преступлений является идентификация нежелательной религиозной организации и отграничение её от иных религиозных организаций, не оказывающих деструктивного влияния на общественный фон в Российской Федерации.

Исследуя отличительные признаки подобных религиозных организаций, М.П. Клейменов и Е.М. Сейбол указывают на некоторые из них: наличие культа лидера; существование инициации; наличие иерархической структуры; использование манипулятивных технологий; подавление самостоятельности и независимости в мышлении и поведении; отрицание старой и формирование новой системы убеждений; формирование у членов организации представления об их избранности и особом жизненном предназначении и др. [5, с. 324–325].

В этой связи подлежат установлению сведения о специфике и целях деятельности, структурная иерархия, идеология нежелательной иностранной или международной организации религиозной направленности.

Общая концепция деятельности организации, её основные положения могут быть отражены в материалах, специальной литературе или сводах правил нежелательной религиозной организации (устав, декларация, конституция и т.п.).

Как правило, каждая из нежелательных религиозных организаций имеет ключевой письменный источник, содержащий основы вероучения. Так, например, основные постулаты учения Фалуньгун или Фалун дафа содержатся в авторском тексте его основателя – Ли Хундзи «Чжуань Фалунь» («Вращение колеса закона»), опубликованном в 1994 г. Идеология международного христианского движения «Новое поколение» изложена в работе его основателя Алексея Ледяева «Новый мировой порядок», которая решением Центрального районного суда г. Кемерово была признана экстремистской литературой и включена в пере-

чень экстремистских материалов. Идеологической основой «Международного общественного движения «АллатРа» считается работа Анастасии Новых «АллатРа», раскрывающая цели и концепцию организации.

Дополнительными источниками являются бесплатные газеты, листовки, плакаты, книги, видео- и аудиоматериалы, распространяемые в целях привлечения новых adeptов, а также интернет-сайты. Сравнительный анализ полученных в рамках предварительного расследования материалов позволяет сделать вывод об их принадлежности к идеологии той или иной нежелательной религиозной организации.

Надлежащей идентификации нежелательной религиозной организации способствует *выявление средств её индивидуализации*: визуальные изображения, символика, слоганы, аббревиатуры, цветовые сочетания, их внешние характеристики и значение.

Установлению также подлежат *конкретные методы и приемы ведения деятельности* нежелательной организации религиозной направленности, направленные на поддержание сплоченности коллектива: проведение собраний, молитвенных служений, совместных чаепитий, лекционных занятий, принятие «исповедей» и т.п.

В целях определения существенных признаков нежелательных организаций религиозной направленности и надлежащей их дифференциации, целесообразно назначение специфического вида судебной экспертизы – религиозно-экспертной. Основная задача проведения такой экспертизы – определение религиозного характера деятельности организации. Это осуществляется путем анализа учредительных документов, сведений об основах вероучения и соответствующих практиках [6, с. 13–18].

Существует два основных вида религиозно-экспертной экспертизы: установление принадлежности к религиозной организации и установление форм её деятельности. Кроме того, возможно также устанавливать религиозную направленность объектов и определять принадлежность материалов к конкретной религиозной организации.

Исследователи отмечают, что «проблемой первостепенной важности является отграничение религиозных организаций от нерелигиозных. Зачастую трудно отличить религиозную идеологию от политической, религиозные обряды от гражданских, религиозную общину от психотерапевтической группы или коммерческой организации. Тем более, что в уставных документах можно обнаружить широчайший спектр видов деятельности» [7, с. 98].

Предметом судебно-религиозно-экспертной является определение религиозного характера объединения. Это включает анализ его учредительных документов, вероучения и практики, а также истории возникновения, методов функционирования, отношения к различным социальным институтам (семье, образованию, здоровью). Экс-

пертиза также предполагает проверку достоверности информации, предоставляемой сторонниками объединения и разрешение других вопросов, касающихся религиозной деятельности [8, с. 59].

Проведение такого рода экспертиз позволяет установить, что добытые в рамках расследования уголовного дела материалы имеют непосредственное отношение к нежелательной деятельности религиозной организации, раскрывают её идеологическую и пропагандистскую сущность.

Поскольку нежелательная религиозная организация находится за пределами Российской Федерации, то способ совершения рассматриваемого вида преступления зачастую связан с внедрением её участников в иные религиозные организации.

Исходя из этого, в ходе доказывания необходимо также установить данные о религиозных организациях в Российской Федерации, включая местные или централизованные, действующих в качестве законспирированных ячеек, через которые ведут свою деятельность нежелательные иностранные или международные религиозные организации. Важно определить наименования этих организаций, их местонахождение, сведения о создании, руководителях и учредителях.

Доказыванию также подлежат сведения о лицах, ответственных за распространение информационных материалов нежелательной религиозной организации, поиск новых участников, их обучение, продвижение к «верхушке» иерархии организации (руководители, кураторы и т.д.).

Под руководством деятельностью нежелательной организации подразумевается организация подготовки и совершения действий, подпадающих под запреты, установленные законом после признания деятельности организации нежелательной на территории РФ. Такое руководство может включать текущее управление, планирование целей и задач, распределение обязанностей, разработку мер конспирации и налаживание коррупционных связей с органами власти [9, с. 25].

Помимо этого, целесообразно устанавливать *способы взаимодействия, средства коммуникации (стационарная, мобильная связь, телеграммы, социальные сети, мессенджеры, электронная почта, почтовая корреспонденция и др.) между участниками нежелательной организации религиозной направленности, находящимися на территории Российской Федерации и за её пределами*.

Уголовная ответственность по ст. 284.1 УК РФ предусмотрена за участие в деятельности нежелательной иностранной или международной организации, финансирование такой деятельности, а также за организацию деятельности подобных организаций.

Исходя из этого надлежит установить *способ совершения рассматриваемого вида преступления*. С этой целью под «участием» необходимо понимать вовлеченность в деятельность нежелательной организации, то есть конкретные действия участника, которые запрещены после признания деятельности организации нежелательной на тер-

ритории Российской Федерации (ч. 3 ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ).

Некоторые авторы отмечают, что объективная сторона исследуемого преступления не ограничивается только запрещенными действиями, а может включать иные действия, связанные с руководством или участием в деятельности организации. Участие может выражаться в выполнении поручений руководителя, предоставлении ресурсов (финансовых, материальных), обучении, инструкторской деятельности [9, с. 24].

В контексте религиозной организации это может быть проведение лекций, семинаров, проповедей, организация «домашних групп». Финансовая поддержка выражается в переводах личных средств или сборах пожертвований (членских взносов, «десятин») через различные средства коммуникации, включая сеть «Интернет» или личные контакты.

Организация деятельности подразумевает создание нежелательной организации, руководство ею, координацию участников, планирование деятельности и другие действия, обеспечивающие её функционирование [10, с. 59].

2) **Обстоятельства, характеризующие личность участника нежелательной религиозной организации (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).**

Об участии конкретного лица в деятельности нежелательной религиозной организации могут свидетельствовать, например, приверженность к идеологии этой организации, участие в соответствующих сообществах в социальных сетях, группах в мессенджерах, регулярных или периодических мероприятиях (лекциях, занятиях, проповедях, группах и др.), наличие отличительных признаков (ношение специфических аксессуаров, наличие особых надписей или символов на одежде, личном автомобиле и др.).

В частности, лицам, совершающим такое преступление, свойственно стремление к демонстративному поведению и выраженная потребность к принадлежности к определенной социальной группе. «Такая личность обнаруживает уязвимость по отношению к внешне позитивной, но в действительности деструктивной социальной группе, ожидания и одобрение которой являются для нее мощным стимулирующим фактором» [11, с. 21].

Одним из обязательных обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках рассматриваемого вида преступлений, является *привлечение субъекта к административной ответственности по ст. 20.33 КоАП РФ «Участие в деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»*.

Такое обстоятельство в теории уголовного процесса именуется «административной преюдицией» и означает «признание неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое (первые) из них административной ответственности юридическим фак-

том, порождающим уголовно-правовые последствия. Эти последствия состоят в оценке последнего из уголовно-ненаказуемых правонарушений как преступления и, соответственно, возложения на правонарушителя уголовной ответственности» [12, с. 48].

3) **Винность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).**

Преступления, совершенные участниками нежелательных религиозных организаций, характеризуются умышленной формой вины.

Субъект преступления осознает, что участвует в религиозной организации, признанной нежелательной в России, и желает этого, поскольку привлечение его к административной ответственности исключает его неосведомленность о включении организации в перечень нежелательных. Лицо, предоставляющее финансовые средства для такой организации, заведомо знает об их предназначении для обеспечения её деятельности.

Доказывание умышленного совершения преступления осуществляется путем установления преследуемых участником целей и мотивов.

Одним из обстоятельств, свидетельствующих об умышленном совершении преступления, является *факт конспирации деятельности нежелательной организации и её участников*: выбор наименования местной религиозной организации, отличный от наименования нежелательной организации; использование псевдонимов, условных слов, выражений; искажение правовой оценки деятельности организации, мотивов преступного поведения; сокрытие действий и следов, обозначений, свидетельствующих об участии в нежелательной организации; сокрытие сведений о руководителях («духовных лидерах», наставниках, кураторах) и иных обособленных подразделениях нежелательной организации.

4) **Характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).**

Анализ сообщений Генеральной прокуратуры Российской Федерации о признании нежелательной деятельности организаций позволяет сделать вывод о том, что характер такой деятельности оказывает негативное влияние на формирование идейного и общественно-политического фона в Российской Федерации.

Данное обстоятельство подтверждается еще и тем, что рассматриваемое преступное посягательство сам законодатель относит к Разделу X Уголовного кодекса РФ «Преступления против государственной власти» и главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Т.В. Обухова отмечала, что такая деятельность «может быть выражена в попытках оказать деструктивное влияние на государственные органы, органы местного самоуправления, должностных лиц, в информационном воздействии на общественные организации, население и т.д.» [13, с. 123].

Анализируя объект рассматриваемого преступления, Н.В. Терешков указывает следующее: «иностранная или международная неправительственная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, своей деятельностью причиняет прежде всего существенный урон основам конституционного строя, безопасности и обороноспособности Российской Федерации, именно по этой причине и произошла криминализация осуществления такой деятельности» [14, с. 38].

Е.П. Сергун справедливо отмечает, что «в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 КоАП РФ («Участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности»), вред причиняется общественному порядку и (или) общественной безопасности, поскольку данная норма расположена в главе 20 КоАП РФ («Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность»), а в ситуации повторного совершения указанного административного правонарушения, влекущего наступление уголовной ответственности по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ, вред уже будет причинен основам конституционного строя и безопасности государства, несмотря на то, что содержание правонарушения по сути остается прежним» [15, с. 36].

5) Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Примечание к статье 284.1 Уголовного кодекса РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния.

Так, лицо освобождается от уголовной ответственности по данной статье, если оно добровольно прекратило участие в деятельности нежелательной организации, либо способствовало пресечению деятельности такой организации, для обеспечения которой оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, и если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

Как указано в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений (например, освобождению лица, добровольно прекратившего участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшего оружие, от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 208 УК РФ не препятствует привлечение его к ответственности за со-

вершение убийства в составе незаконного вооруженного формирования).

При этом, по мнению И.М. Гошаева, добровольное прекращение участия в нежелательной деятельности «должно соответствовать признакам добровольности, окончательности и своевременности. Добровольность означает, что лицо прекратило участие по собственной инициативе, без внешнего воздействия. Окончателность предполагает, что лицо не прерывает свою преступную деятельность на время, а прекращает начатое преступное деяние полностью, т.е. более никогда не возвращается к его исполнению. Своевременность выражается в том, что лицо может отказаться от участия только в тех случаях, когда оно носило длящийся характер. Нельзя освободить лицо от уголовной ответственности, если оно оказало помощь в реализации единичного мероприятия и эта помощь не продолжается во времени» [16, с. 142].

Таким образом, предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных религиозных организаций связан с необходимостью надлежащей идентификации таких организаций.

Установление в ходе производства по уголовному делу предлагаемых автором элементов предмета доказывания позволяет отличить нежелательные религиозные организации от иных религиозных организаций, не оказывающих деструктивного влияния на общественный фон Российской Федерации. Это способствует упорядочению практической правоприменительной деятельности, что создает необходимые условия для повышения эффективности расследования преступлений, совершенных участниками нежелательных религиозных организаций, и, как следствие, объективному судебному разбирательству.

Литература

1. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М., 2017. 1041 с.
2. Зинатуллин З. З. УПК 2001 года и насущные проблемы уголовно-процессуальной науки // Механизм реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ижевск, 2003. С. 3–9.
3. Чикулина А.Р. Эволюционная модель становления предмета доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2021. Т. 21, № 4. С. 57–61.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М., 2020. 240 с.
5. Клейменов М.П., Сейбол Е.М. Свобода совести и национальная безопасность // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 4. С. 324–325.

6. Воронцов А.В., Прилуцкий А.М. Методологические проблемы религиоведческой экспертизы // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 13–18.
7. Куприянова Е.А. Правовое обеспечение религиоведческой экспертизы в Российской Федерации» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 3 (23). С. 95–100.
8. Лапин Е. Судебно-религиоведческая экспертиза // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 58–60.
9. Власенко В.В. Уголовная ответственность за осуществление деятельности на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности (ст. 284.1 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 23–27.
10. Терешков Н.В. Вопросы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 239 и 284.1 УК РФ // Криминалист. 2021. № 4 (37). С. 55–60.
11. Васильченко К.В. Личность преступника – участника иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности (ст. 284.1 УК РФ): криминологический аспект // Криминалист. 2023. № 3 (44). С. 16–22.
12. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
13. Обухова Т.В. Противодействие осуществлению деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 121–127.
14. Терешков Н. В. К вопросу о понимании непосредственного объекта преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК РФ // Криминалист. 2022. № 3 (40). С. 35–41.
15. Сергун Е.П. Осуществление деятельности на территории Российской Федерации «нежелательной» иностранной или международной неправительственной организации (статья 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3. С. 33–38.
16. Гошаев И.М. Нежелательная деятельность неправительственной организации: административная преюдиция как основание уголовной ответственности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 139–143.

THE SPECIFICS OF THE SUBJECT OF PROVING CRIMES COMMITTED BY MEMBERS OF UNDESIRABLE RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Kovalev D.V.

Dostoevsky Omsk State University

The article reveals the specifics of the subject of evidence, identified in theory and judicial practice in criminal cases of crimes committed by members of undesirable foreign or international organizations of religious orientation (part 1 of Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author notes that the proof of such crimes should be carried out taking into account the criminal law characteristics of the act and with the help of specific evidence. The detection of signs of such crimes is associated with the identification of an undesirable religious organization, the study of its distinctive characteristics and the differentiation from other religious organizations. Based on this, the author identifies and characterizes the mandatory elements of the subject of proof in the category of criminal cases under consideration and suggests ways to establish them. The results of the study make it possible to increase the effectiveness of the evidentiary process and ensure the integrity and objectivity of the criminal investigation.

Keywords: the subject of evidence; undesirable activity; undesirable religious organizations; part 1 of Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; crimes committed by members of undesirable foreign or international organizations of religious orientation.

References

1. The course of criminal procedure / pod red. L.V. Golovko. Moscow, 2018, 1041 p. (in Russ.)
2. Zinatullin Z.Z. The Code of Criminal Procedure of 2001 and the pressing problems of criminal procedure science. The mechanism of implementation of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, 2003, pp. 3–9.
3. Chikulina A.R. Evolutionary model of the formation of the subject of evidence in criminal proceedings. Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 57–61.
4. Sheifer S.A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow, 2020, 240 p.
5. Kleymenov M.P., Sabol E.M. Freedom of conscience and national security. All-Russian Journal of Criminology, 2023, no. 4, pp. 324–325.
6. Vorontsov A.V., Prilutskiy A.M. Methodological problems of Religious Expertise. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4(44), pp. 13–18.
7. Kupriyanova E.A. Law provision of religious expertise. Scientific problems of humanitarian researches, 2012, no. 2, pp. 95–100.
8. Lapin E. Judicial religious studies examination. Russian justice, 2001, no. 5, pp. 58–60.
9. Vlasenko V.V. Criminal liability for activities performed in the territory of the Russian Federation by a foreign or international NGO which activities were decided to be undesirable in the territory of the Russian Federation (Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Criminal law, 2016, no. 2, pp. 23–27.
10. Tereshkov N. V. A matter of distinction between crimes provided for in articles 239 and 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Criminologist, 2021, no. 4 (37), pp. 55–60.
11. Vasilchenko K.V. Personality of the offender – a member of a foreign or international non-governmental organization, for which a decision was made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation (Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological aspect. Criminologist, 2023, no. 3 (44), pp. 16–22.
12. Bezverkhov A.G. Return of administrative prejudgement in criminal law of Russia. Russian justice, 2012, no.1, pp. 8–53.
13. Obukhova T.V. Counteraction to the implementation of a foreign or international non-governmental organization's activity in the territory of the Russian Federation in respect of which it was decided to recognize its activity as undesirable in the territory of the Russian Federation. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 1. pp. 121–127.

14. Tereshkov N.V. On the question of understanding the direct object of the crime provided for in Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminologist*, 2022, no. 3 (40), pp. 35–41.
15. Sergun E.P. Implementing activities on the territory of the Russian Federation «undesirable» foreign or international non-governmental organizations (Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2017, no. 3, pp. 33–38.
16. Goshayev I.M. Undesirable activities of non-governmental organization. Administrative prejudice is as a ground of criminal responsibility. *Law enforcement issues*, 2017, no. 2, pp. 139–143.

Преступления против общественной нравственности, совершаемые с использованием технологии дипфейк

Курносова Валерия Михайловна,

аспирант Всероссийского государственного университета
юстиции (ВГУЮ РПА Минюста России)

E-mail: lerakurnosova@yandex.ru

Положительная динамика технологического развития помимо оказания полезного эффекта на общество расширяет диапазон возможных способов совершения преступлений. Как известно, общественные нравственно-духовные и социокультурные ценности охраняются законом. В частности, в предмет исследования входят преступления против общественной нравственности, связанной с половой моралью. Если пару десятилетий назад создание порнографического материала с наложением лиц конкретных людей на обнаженные тела было возможно только злоумышленникам, обладающим специальными познаниями в области монтажа, рендера, и обработки видео- и фотоматериалов, то на сегодняшний день подобное посильно массовому пользователю посредством незаурядных манипуляций. Причиной этому явился искусственный интеллект. Вернее, производная от него дипфейк технология. Объект исследования – преступления против половой морали, совершаемые посредством создания дипфейк моделей. В предмет исследования входит анализ зарубежной практики преступлений против общественной нравственности, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, уголовно-правовая характеристика, оценка общественной опасности, оценка необходимости уголовно-правового регулирования новейших способов совершения преступлений против собственности, совершаемых посредством создания дипфейк-порнографии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дипфейк-порнография, вымогательство, криминализация, зарубежная практика, биометрические данные.

Пользу современных технологий трудно переоценить, однако все чаще технологические новшества используются злоумышленниками в преступных целях. Научное сообщество обеспокоено вопросом уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта [1, с. 101]. Все чаще, в объектив исследования попадает технология дипфейк, позволяющая генерировать контент порнографического характера. В этой связи, ученые стремятся определить, в каком случае правовая оценка деяния по созданию подобного контента ограничивается этикой использования искусственного интеллекта, а в каком образует состав преступления, совершенного против общественной нравственности. При этом немаловажным остается вопрос, отвечает ли действующее уголовное законодательство современным целям уголовно-правовой охраны.

Как отметил Н.Н. Черногор «если ранее технологическое развитие было внешним фактором эволюции права и правопорядка, то в настоящее время технологии обуславливают их внутреннее преобразование, начинают определять само существо права и пределы действия правопорядка [2, с. 5]. По мнению А.С. Киселев, «к правовому регулированию использования нейросетей необходимо отнестись с особой щепетильностью, поскольку ... современные дипфейки могут создать образ любого человека с высокой реалистичностью». Автор убежден в том, что «в ближайшие годы должны быть приняты на государственном уровне кодекс этики искусственного интеллекта и отдельные нормативные акты, закрепляющие этические принципы применения искусственного интеллекта в различных областях человеческой жизнедеятельности» [3, с. 150].

На наш взгляд, наиболее успешные выводы сделаны А.И. Литовченко. Проводя анализ зарубежного уголовного законодательства, автор пришел к выводу, что существуют три основных модели уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых посредством моделирования контента порнографического характера [4, с. 28]. Так, к первой модели регулирования, где предметом преступления признается любая смоделированная порнография, относятся Республика Индонезия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Республика Корея. Страны, включенные во вторую модель, в частности Австралийский Союз, Королевство Испания и США, считают наказуемым обращение только воссозданной и нарисованной детской порнографии, не регламентируя запрет

иногo adult-контента. Третью модель регулирования, «легализующую» смоделированную порнографию, применяют в Японии и Республике Колумбия.

Однако, необходимо отметить, что не в каждом случае злоумышленник лишь создает, «моделирует» порнографический материал. Все чаще воссоздание такого контента лишь промежуточный этап для достижения иной преступной цели (например, в целях сбыта или вымогательства). Оттого вопрос общественной опасности таких комплексных, сложных преступлений выражен наиболее остро [5, с. 137].

В практике США обнаружены случаи изготовления посредством генеративных возможностей нейросетей порнографических материалов несовершеннолетних. По данным Министерства Юстиции США злоумышленник использовал сервисы по моделированию порнографических изображений несовершеннолетних¹. Согласно Постановлению Окружного суда округа Аляска о заключении Сета Эрейры под стражу от 23.08.24 3:24-cr-00091-SLG-KFR года злоумышленник посредством чат-ботов нейросетей создавал изображения, иллюстрирующие обнаженные тела несовершеннолетних². Вводя ряд незамысловатых команд, Эрейра полностью воссоздавал образы детей в сексуализированном виде. В последующем, посредством собственного Telegram сообщества и иных средств анонимной коммуникации (Potato Chat, Enigma, nandbox) осуществлял распространение девиантного контента.

Вышеуказанное свидетельствует о высоком уровне технической подготовки злоумышленника: в целях анонимности Эрейра использовал средства ремаршрутизации соединения (Браузер TOR, первоначально созданный для защиты собственного персонального компьютера, однако в современных реалиях часто используемый злоумышленниками для реализации преступных целей в сети «Интернет»). Наряду с этим, обвиняемый использовал фальш-приложения для хранения детской порнографии на телефоне. Так, в судебном акте упоминается приложение для смарт-телефонов «Calculator Photo Vault application» – секретное хранилище, замаскированное под приложение-калькулятор и защищенное ПИН-кодом. Соответственно, доступ к хранилищу можно получить лишь при введении верной комбинации цифр.

Проводя уголовно-правовой анализ подобного деяния, сомнений в квалификации не остается. Деяние выражено в изготовлении порнографических изображений несовершеннолетнего. Причем не имеет значения существует ли такой несовершеннолетний в реальности, если создание такого контента направлено на удовлетворение потребностей, не связанных с образованием,

культурой и искусством. Деяние выражено в распространении порнографических изображений несовершеннолетнего. Согласно п. 22 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»»³ под распространением порнографических материалов в данных статьях понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования. Оно может совершаться путем направления в личном сообщении конкретному лицу (по электронной почте либо с использованием социальных сетей, мессенджеров или иных приложений), рассылки определенному или неопределенному кругу лиц (например, в чат в мессенджере), размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания. Преступление совершено с прямым умыслом, поскольку лицо осознавало преступность совершаемых действия, желало наступления общественно опасных последствий и, помимо прочего, посредством специального ПО стремилось скрыть причастность к совершаемому преступлению.

Поскольку способ так же, как орудие совершения преступления, характеризует содержательную сторону деятельности, а средство – характер причинения вреда [6, с. 203], компьютер и его возможности выступают в качестве средства совершения преступления, искусственный интеллект – в качестве орудия.

Исходя из вышеуказанного, подобное деяние соответствует преступлению, предусмотренному ст. 242.1 УК РФ. При этом средство и орудие совершения преступления не влияют на квалификацию, поскольку представляется, что создание порнографических моделей несовершеннолетних не несет более высокую общественную опасность в сравнении с традиционными способами совершения подобного преступления, включающим в себя непосредственное участие несовершеннолетнего в создании контента или использование его биометрических данных.

Тем не менее, данное уголовное дело ввиду своей популярности (так, например, его упоминало множество авторитетных зарубежных новостные ресурсы. К примеру, The Washington Post⁴) может стать почвой для развития подобного рода

¹ Army Soldier Arrested for Using AI to Generate Child Pornography / Office of Public Affairs U.S. Department of Justice/ [сайт] URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/army-soldier-arrested-using-ai-generate-child-pornography> (дата обращения: 01.03.2025).

² United States vs Herrera. Case: 3:24-cr-00091-SLG-KFR / Courtlistener / [сайт] URL: <https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.akd.74480/gov.uscourts.akd.74480.4.0.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

⁴ U.S. Army soldier charged with using AI to create child sexual abuse images/ The Washington Post / [сайт] URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2024/08/23/army-soldier-ai-child-pornography/>

преступлений с использованием искусственного интеллекта [7, с. 272]. Дело в том, что возможности ИИ изучены не полностью, оттого единичные случаи преступлений с его использованием, а также массовое обсуждение и разъяснение порядка осуществления преступных манипуляций новостными ресурсами, могут послужить мануалом для злоумышленников.

В определенных случаях создание порнографических изображений сопряжено с использованием биометрических данных конкретной личности. Так, согласно сведениям Министерства Юстиции США, злоумышленник, сотрудник школы Ансона (Техас) создавал порнографические изображения несовершеннолетних учениц школы посредством наложения лиц учащихся на лица актеров порнографических видео [6, с. 274]¹. Для реализации преступного замысла, злоумышленник использовал технологии дипфейк.

В рамках уголовного права дипфейк представляет собой возможности искусственного интеллекта, направленные на искажение объективной реальности (моделирование ложных, поддельных фактов или воссоздание точной копии внешности конкретной личности, включая мимику, голос, манеру речи человека). Дипфейк-модель – результат деятельности искусственного интеллекта, выраженный в уже готовом искаженном факте или объекте. К примеру, дипфейк президента Соединенных Штатов Америки² – это созданная модель лица, голоса, мимики, совокупности свойственных личности президента движений. В данном случае деяние выражено в использовании лиц конкретных несовершеннолетних в целях создания изображений порнографического характера. Согласно диспозиции ст. 2422 УК РФ под использованием несовершеннолетних в целях изготовления порнографических материалов понимается фото-, кино-, видеосъемка несовершеннолетнего в целях изготовления и распространения порнографических материалов или предметов. Из этого следует, что деяние, выраженное в фотосъемке несовершеннолетнего и последующей натуралистической обработке посредством технологий дипфейк, следует квалифицировать согласно ст. 2422 УК РФ.

Тем не менее, классификация подобных преступлений может быть неочевидной. Это обусловлено сложностью состава преступлений и множественностью охраняемых законом отношений, на которые посягает злоумышленник. Примером может послужить случай использования дипфейк технологий в целях вымогательства. Согласно новостным ресурсам Южной Кореи, злоумышленник

(студент колледжа) создавал Deepfake модели обнаженных одноклассниц³. Задержанный создавал порнографические видеоматериалы, в которых на лица актеров порнографического кино накладывались лица знакомых ему девушек. В последующем злоумышленник направлял материалы потерпевшим с целью вымогательства (выполнения определенных инструкций). В случае отказа студент распространял Deepfake материалы с обнаженными девушками в Telegram сообществах, в том числе и посвященных новостям провинции.

Согласно ст. 163 УК РФ вымогательство – это требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Требования злоумышленника не ограничивались совершением действий имущественного характера. В перечень требований включены действия, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей злоумышленника. Деяние выражено в создании порнографического материала с использованием технологий дипфейк, последующем вымогательстве, понуждении к действиям сексуального характера, а в случае неисполнения требований злоумышленника – в распространении порнографических дипфейк материалов, порочащих честь и достоинство человека. Следует отметить, что преимущественно дипфейк технологии используются злоумышленниками в целях создания ложных фактов, сведений об объективной реальности. В этой связи преступления, выраженные в распространении, а также в угрозе распространения порнографических материалов конкретных лиц, созданных посредством дипфейк требуют дополнительной квалификации по ст. 1281 УК РФ. Согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве»⁴ распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 1281 и ст. 163 УК РФ.

Исходя из вышеуказанного, необходимо определить охраняемые законом общественные отношения, на которые подобным преступлением по-

washingtonpost.com/technology/2024/08/27/ai-child-porn-csam-soldier/ (дата обращения: 10.04.2025).

¹ Anson ISD Janitor Allegedly Used AI to Create Child Pornography With Students' Faces / Office of Public Affairs U.S. Department of Justice / [сайт] URL: <https://www.justice.gov/usao-ndtx/pr/anson-isd-janitor-allegedly-used-ai-create-child-pornography-students-faces> (дата обращения: 11.04.2025).

² Vallas campaign condemns deepfake video posted to Twitter / CBSNews / [сайт] URL: <https://www.cbsnews.com/chicago/news/vallas-campaign-deepfake-video/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ College student who created 700 deepfake porn files and blackmailed victims arrested / KoreaJoongAng Daily / [сайт] URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2024-10-21-national/socialAffairs/College-student-who-created-700-deepfake-porn-files-and-blackmailed-victims-arrested/2159628> (дата обращения: 25.04.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

связывает злоумышленник: отношения в сфере общественной нравственности; общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека и гражданина; общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком права на достоинство, честь и репутацию; общественные отношения в сфере собственности.

В рамках настоящего состояния уголовного законодательства подобное преступление следует квалифицировать по совокупности ст.ст. 242, 163, 133, 1281 УК РФ. Вместе с тем, в зависимости от фактических обстоятельств (тех требований, которые предъявляет злоумышленник) квалификация будет меняться. Так, если требования злоумышленника при вымогательстве не сопряжены с осуществлением действий сексуального характера, а направлены исключительно на получение имущественной выгоды, квалификация по ст. 133 УК РФ не требуется.

С учетом порядка исчисления назначения наказания по совокупности преступлений (в порядке ст.ст. 17, 69 УК РФ), размер санкции не в полной мере соответствует характеру и степени общественной опасности преступления. Оттого возрастает потребность «точечного» уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта. Однако разработка научных критериев определения общественной опасности, как основания криминализации деяния, на сегодняшний день не представляется возможной. Это обусловлено тем, что решение вопроса о том, несет ли деяние повышенную общественную опасность возможно лишь ситуативно, на основе анализа конкретных прецедентов и исходя из абстрактных представлений об общественных ценностях настоящего с учетом практики прошлого. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред является важным ориентиром при оценке характера общественной опасности преступления.

Таким образом, дипфейк-порнография – воссозданная посредством генеративных возможностей искусственного интеллекта и биометрических данных конкретного лица натуралистическая модель человека.

Глобальная динамика состояния преступности в сфере дипфейк-порнографии стремительно возрастает. Но нельзя с уверенностью утверждать, что современная практика требует модернизации уголовно-правового регулирования в сфере преступлений, совершаемых посредством дипфейк-порнографии, поскольку преступления подобного рода на сегодняшний день не распространены на территории Российской Федерации.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

Представляется, что особое внимание органов законодательной власти должно быть сосредоточено именно на вариации преступлений, отличающихся множественностью объектов посягательства. Как видно из зарубежной практики, преступления с использованием дипфейк-порнографии в определенных случаях затрагивают комплекс охраняемых законом общественных отношений, в виду этого степень общественной опасности таких деяний значительно возрастает.

На наш взгляд, исследования вопросов криминализации подобных деяний являются крайне актуальными, а своевременное уголовно-правовое регулирование может оказать превентивный характер на динамику преступности в данной сфере.

Литература

1. Чупрова А.Ю. Проблемы уголовно-правовой оценки распространения порнографических материалов в режиме он-лайн // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года. – М.: РГ-Пресс, 2023. – С. 101–107.
2. Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правового порядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5.
3. Киселев А.С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 2(207). – С. 140–151.
4. Литовченко А.И. Смоделированные изображения порнографического характера как предмет преступлений, связанных с обращением порнографии: компаративистское исследование // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 2. С. 27–35.
5. Восканян Р.О. Роль цифрового образования в обеспечении экономического роста // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 136–139.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Г.А. Есаков, А.И. Парог, Л.В. Иногамова-Хегай [и др.]; ответ. ред. А.И. Парог. – М.: Проспект, 2015. – 495 с.
7. Мирный Д.С. К вопросу о криминализации использования оборудования типа SIM-бокс (SIM-банк) в России и за рубежом // Теория и практика общественного развития. 2024. № 12. С. 271–276.

CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY COMMITTED USING DEEFAKE TECHNOLOGY

Kurnosova V.M.

All-Russian State University of Justice

The positive dynamics of technological development, in addition to having a beneficial effect on society, expands the range of possible

ways to commit crimes. As you know, public moral, spiritual and socio-cultural values are protected by law. In particular, the subject of the study includes crimes against public morality related to sexual morality. If a couple of decades ago, the creation of pornographic material with the superimposition of specific people's faces on naked bodies was possible only for intruders with special knowledge in the field of editing, rendering, and processing of video and photographic materials, then today such a thing is feasible for a mass user through extraordinary manipulations.. The reason for this was artificial intelligence. Or rather, a deepfake technology derived from it. The object of the study is crimes against sexual morality committed through the creation of deepfake models. The subject of the research includes an analysis of foreign practice of crimes against public morality committed using artificial intelligence, criminal law characteristics, assessment of public danger, assessment of the need for criminal law regulation of the latest methods of committing crimes against property committed through the creation of deepfake pornography.

Keywords: artificial intelligence, deepfake pornography, extortion, criminalization, foreign practice, biometric data.

References

1. Chuprova A. Yu. Problems of criminal-legal assessment of the distribution of pornographic materials online // Digitalization of

market relations: issues of economics and law: Collection of scientific papers of the IV All-Russian scientific and practical conference, Moscow, May 26, 2023. – M.: RG-Press, 2023. – Pp. 101–107.

2. Chernogor N.N. Artificial intelligence and its role in the transformation of the modern legal order // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 4. Pp. 5.
3. Kiselev A.S. Problems and prospects of legal regulation of public relations associated with the use of neural networks // Lex Russica (Russian law). 2024. Vol. 77, No. 2 (207). – Pp. 140–151.
4. Litovchenko A.I. Simulated images of a pornographic nature as the subject of crimes related to the circulation of pornography: a comparative study // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2024. Vol. 24, No. 2. Pp. 27–35.
5. Voskanyan R.O. The Role of Digital Education in Ensuring Economic Growth // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2021. Vol. 10, No. 2(35). P. 136–139.
6. Criminal Law of Russia. General and Special Parts / G.A. Esakov, A.I. Rarog, L.V. Inogamova-Khegay [et al.]; reply. ed. A.I. Rarog. – M.: Prospect, 2015. – 495 p.
7. Mirny D.S. On the issue of criminalization of the use of equipment such as a SIM box (SIM bank) in Russia and abroad // Theory and practice of social development. 2024. No. 12. Pp. 271–276.

Лобов Стефан Денисович,

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Московский государственный лингвистический университет
E-mail: stefanlobov@gmail.com

В статье исследуется идея введения в российское уголовное законодательство новой категории – преступлений исключительной тяжести. Автор обосновывает необходимость системного выделения таких деяний в условиях роста угроз общественной и государственной безопасности, анализирует международный опыт (на примере Республики Молдова), существующую судебную практику и законодательные изменения в РФ. Рассматриваются критерии отнесения преступлений к новой категории, возможные правовые последствия её внедрения, а также риски и ограничения. Предлагается нормативное закрепление категории преступлений исключительной тяжести как меры усиления дифференциации уголовной ответственности и повышения эффективности правоприменения.

Ключевые слова: категория преступлений, исключительная тяжесть, пожизненное лишение свободы, уголовное право, террористические преступления, общественная безопасность, законодательная реформа, уголовная ответственность, правовая систематизация, УК РФ.

Введение

Современное развитие уголовного законодательства и усиление вызовов общественной и государственной безопасности обуславливают необходимость переосмысления существующей системы категоризации преступлений. В этой связи всё более актуальной становится идея введения в уголовный закон новой категории – преступлений исключительной тяжести, как особой формы наиболее опасных и социально деструктивных деяний.

Можно обратить внимание на уголовное законодательство Республики Молдова. В уголовном законодательстве Республики Молдова выделена особая категория – преступления чрезвычайной тяжести, что представляет собой наивысший уровень в шкале классификации преступлений по степени общественной опасности¹. Согласно ст. 16 Уголовного кодекса Республики Молдова, к преступлениям чрезвычайной тяжести относятся умышленные деяния, за которые предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы. Эта категория закреплена как самостоятельная и отделяется от категории особо тяжких преступлений, за которые может быть назначено наказание свыше 12 лет, но не обязательно пожизненное лишение свободы. Для данной категории преступления предусмотрен ряд специальных норм, регламентирующие уголовно-правовые последствия преступления. Одним из них выступает срок давности преступления. Интересно, что вопрос о применении срока давности в данном случае решается судом. Выделение преступлений исключительной тяжести служит не только инструментом дифференциации преступлений, но и отражает законодательный подход к особо опасным формам умышленных посягательств, зачастую сопряжённых с посягательством на жизнь, общественную безопасность, мир и безопасность человечества. Такая категория применяется в делах, связанных, например, с террористическими актами, геноцидом, убийствами с особой жестокостью или с отягчающими обстоятельствами. Установление специальной категории позволяет усилить превентивную и карательную функцию уголовного закона, а также чётко разграничить преступления, подлежащие наказанию в виде пожизненного лишения свободы от иных особо тяжких деяний, обеспечивая тем самым большую правовую определённость.

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова: Закон № 985-XV от 18 апреля 2002 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024 г.) // Legis.md [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=137033&lang=ru (дата обращения: 09.05.2025).

Так и российское законодательство предлагалось дополнить преступлениями «исключительной тяжести»¹. В них могли бы входить самые общественно опасные преступления, наказанием за которые было бы пожизненное лишение свободы или более строгое наказание. Среди таких преступлений были бы террористические акты, геноцид, преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних лиц и иные преступления. При виновности в такой категории преступления отбывание наказания могло бы осуществляться в колониях особого режима.

Вопрос о целесообразности законодательного выделения отдельной категории преступлений – преступлений исключительной тяжести – приобретает особую актуальность в свете последних изменений уголовного законодательства Российской Федерации. Уже на практике наблюдаются признаки формирования новой, более высокой категории преступлений, выходящей за рамки этой традиционной четырёхступенчатой системы.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ в ст. 79 УК РФ были внесены изменения, согласно которым лица, осуждённые к пожизненному лишению свободы за совершение преступлений террористической направленности и военного мятежа (по ст. 205, 2051, 2053, 2054, 2055, 279 и 361 УК РФ), а также лица, совершившие новое тяжкое или особо тяжкое преступление в период отбывания пожизненного наказания, не подлежат условно-досрочному освобождению². Это положение существенно отличается данные преступления от иных особо тяжких деяний, за которые возможность УДО формально сохраняется.

Таким образом, фактически законодатель уже вне рамок ст. 15 УК РФ выделяет особую группу преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью и сопровождающихся особыми правовыми последствиями, включая невозможность смягчения наказания в виде досрочного освобождения. Эти нормы направлены на усиление карательной функции закона и демонстрируют установку на дифференцированный подход к особо опасным видам преступности, в первую очередь – террористической и экстремистской.

В этой связи представляется логичным и с системной точки зрения оправданным законодательное закрепление в УК РФ отдельной категории – преступлений исключительной тяжести, аналогич-

но тому, как это реализовано, например, в Уголовном кодексе Республики Молдова. Такая категория могла бы охватывать наиболее опасные умышленные деяния, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы и которые характеризуются особым уровнем угрозы для личности, общества и государства. Её формальное выделение усилило бы внутреннюю согласованность уголовно-правовой системы, обеспечив более чёткую шкалу правовой реакции и позволяя правоприменителю надлежащим образом учитывать особую тяжесть таких деяний при назначении наказания, применении институтов условного освобождения, амнистии и помилования.

Дополнительно следует отметить, что введение в уголовное законодательство категории преступлений исключительной тяжести было бы целесообразно сопровождать пересмотром санкции ряда составов для отнесения их к категории особо тяжких преступлений.

Актуальность введения в уголовное законодательство Российской Федерации категории преступлений исключительной тяжести обусловлена не только внутренней логикой развития системы уголовно-правовой классификации, но и социально-политическим контекстом. Современные вызовы в сфере общественной безопасности, в том числе резонансные и трагические события, связанные с террористической активностью, наглядно демонстрируют необходимость усиления дифференциации уголовной ответственности за деяния, наносящие предельный ущерб личности, обществу и государству.

В этой связи нельзя не упомянуть террористический акт, совершённый в марте 2024 года в концертном зале «Крокус Сити Холл» в Московской области, повлекший многочисленные человеческие жертвы и ставший одним из самых тяжёлых преступлений против общественной безопасности за последние десятилетия. Подобные преступления по своей сути выходят за рамки традиционных уголовных категорий и требуют особого правового подхода, включая ужесточённые меры ответственности, исключающие не только возможность условно-досрочного освобождения и применения других механизмов смягчения наказания, но и специальные условия содержания. Введение категории преступлений исключительной тяжести в том числе террористической направленности, представляется в этом контексте не только правомерным, но и объективно необходимым шагом для укрепления уголовно-правового реагирования на угрозы безопасности государства и общества.

Дополнительным аргументом в пользу законодательного выделения преступлений исключительной тяжести выступают актуальные статистические данные, отражающие рост наиболее опасных форм преступности. Согласно отчёту Министерства внутренних дел Российской Федерации, в январе–декабре 2024 года на территории страны было зарегистрировано 3714 преступлений террористического характера, что на 55,9% больше,

¹ Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина № 12/2018, 2018; Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6; Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. 2000. С. 108; Михаль О.А. Уголовно-правовая классификация преступлений. С. 92–93; Михаль О.А. Категории преступлений в уголовном праве. С. 36; Трухин А.М. Категоризация преступлений и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 122.

² Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

чем в 2023 году, а также 1719 преступлений экстремистской направленности – увеличение составило 28,3% по сравнению с предыдущим годом¹. Эти данные свидетельствуют о существенном обострении ситуации в сфере преступлений против общественной безопасности, требующем системной правовой реакции.

Указанная динамика может быть обусловлена целым рядом факторов, включая как трансформацию структуры преступности, так и последствия изменений в социально-политической обстановке, вызванных проведением специальной военной операции. Особое внимание привлекает то, что ряд резонансных событий, включая диверсионные акты, подрывы объектов инфраструктуры, попытки финансирования запрещённых организаций и иные действия, направленные против государственной и общественной безопасности, в 2024 году получили квалификацию как преступления террористического характера. Это обстоятельство не только формирует общее увеличение статистики по данной категории, но и отражает рост активности преступлений, напрямую затрагивающих основы национальной безопасности.

В случае законодательного закрепления категории преступлений исключительной тяжести в УК РФ её содержание должно определяться на основе объективного и формализуемого критерия, позволяющего однозначно отграничить такие деяния от других особо тяжких преступлений. В качестве основного критерия следует использовать возможность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертную казнь, как высшую меру уголовного наказания, предусмотренной действующим законодательством. Наличие в санкции статьи такой меры должно служить необходимым и достаточным основанием для включения соответствующего состава в перечень преступлений исключительной тяжести.

Пожизненное лишение свободы в российском уголовном законодательстве предусмотрено не только за преступления экстремистского или террористического характера, но также за ряд деяний, посягающих на фундаментальные ценности личности и общества. К их числу относятся, в частности, убийства при отягчающих обстоятельствах, насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, некоторые особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств в особо крупном размере, посягательства на жизнь представителей власти и сотрудников правоохранительных органов, а также деяния против основ конституционного строя и безопасности государства, включая государственную измену, диверсию и акты международного терроризма. Такой широкий спектр составов подтверждает, что возможность

назначения пожизненного лишения свободы применяется в отношении деяний, представляющих предельную степень общественной опасности, независимо от их направленности – будь то преступления против личности, государства или общественной безопасности.

К данной категории могут быть отнесены следующие преступления – ч. 2 ст. 105 (Убийство), ч. 5 ст. 131 (Изнасилование), ч. 5 ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера), ч. 6 ст. 134 (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), ч. 3 ст. 205 (Террористический акт), ч. 1.1, ч. 2, ч. 4 ст. 205.1 (Содействие террористической деятельности), ст. 205.3 (Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), ч. 1 ст. 205.4 (Организация террористического сообщества и участие в нем), ч. 1 ст. 205.5 (Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), ч. 4 ст. 206 (Захват заложников), ч. 4 ст. 210 (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), ч. 4 ст. 211 (Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), ч. 5 ст. 228.1 (Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ), ч. 4 ст. 229.1 (Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ), ст. 275 (Государственная измена), ст. 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ч. 3 ст. 279 (Вооруженный мятеж), ч. 3 ст. 281 (Диверсия), ч. 1, ч. 2, ч. 4 ст. 281.1 (Содействие диверсионной деятельности), ст. 281.2 (Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности), ч. 1 ст. 281.3 (Организация диверсионного сообщества и участие в нем), ст. 295 (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие), ст. 317 (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), ст. 357 (Геноцид), ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 361 (Акт международного терроризма) УК РФ.

Критерием отнесения деяния к данной категории предлагается рассматривать сам факт наличия в санкции статьи наказания в виде пожизненного лишения свободы, как предельной меры уголовной репрессии, применяемой в рамках действующего законодательства. Такой подход позволяет обеспечить нормативную определённость, опираясь на существующую структуру санкций, без необходимости конструирования дополнительного перечня преступлений, что повышает гибкость и устойчивость правового регулирования. Санкция

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 09.05.2025).

в виде пожизненного лишения свободы представляет собой исключительную меру уголовного воздействия и, в силу своей суровости, требует особенно осторожного и обоснованного применения. Неоправданное расширение перечня составов, предусматривающих такую санкцию, может привести к девальвации её исключительного характера, нарушению принципа соразмерности наказания и ослаблению доверия к уголовной системе в целом.

В то же время, при анализе состава преступлений, за которые может быть назначено пожизненное лишение свободы, представляется необходимым пересмотреть правовую оценку ряда деяний, в отношении которых столь жёсткая санкция может быть несоразмерной степени их общественной опасности. Речь идёт, в частности, о некоторых квалифицирующих признаках статьи 105 УК РФ, отдельных составах преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также о преступлениях, таких как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, при отсутствии иных отягчающих обстоятельств. Такие случаи, при всей их значимости, могут быть охарактеризованы как особо тяжкие преступления, не требующие включения в правовой режим категории исключительной тяжести. Пересмотр санкций в сторону снижения для отдельных составов, не обладающих признаками предельной деструктивности, позволит сохранить внутреннюю согласованность системы и сконцентрировать категорию преступлений исключительной тяжести на действительно крайних проявлениях преступного поведения.

Данные составы отражают исключительную общественную опасность соответствующих деяний. Такой подход к формированию дополнительной категории преступления отвечает как научной задаче систематизации, так и социальной потребности в ясных и справедливых уголовно-правовых ориентирах, отражающих наиболее крайние формы криминального поведения.

Несмотря на очевидную нормативную и социальную целесообразность выделения категории преступлений исключительной тяжести, данное нововведение требует особенно взвешенного и ответственного подхода. Речь идёт не только о систематизации уголовного законодательства, но и о правовом закреплении особого статуса деяний, влекущих наиболее суровые последствия для личности, общества и государства. Именно поэтому формирование перечня преступлений, относимых к данной категории, должно осуществляться максимально строго, с учётом объективной степени общественной опасности, и не подлежать частому пересмотру. Чрезмерное расширение перечня или его оперативная ревизия в ответ на политическую или конъюнктурную повестку подорвёт доверие к стабильности и предсказуемости уголовного закона.

Также следует подчеркнуть, что правовая модель преступлений исключительной тяжести долж-

на быть не только строго очерченной, но и сопровождаться наличием дополнительных гарантий как материально-правового, так и процессуального характера. В особенности это касается вопросов, связанных с возможностью назначения пожизненного лишения свободы. Учитывая предельную строгость данной меры наказания, законодателю необходимо с особой тщательностью и взвешенностью подходить к конструированию составов преступлений, в санкциях которых она предусмотрена. В настоящее время отдельные уголовно-правовые нормы, предусматривающие пожизненное лишение свободы, вызывают дискуссии относительно их соразмерности и обоснованности, что указывает на необходимость последующего анализа и возможного пересмотра их уголовно-правовой оценки. Такой подход позволит обеспечить внутреннюю согласованность системы наказаний и усилить доверие к уголовному законодательству.

Таким образом, при введении в российское уголовное законодательство категории преступлений исключительной тяжести требуется не только нормативная чёткость и ограниченность круга таких деяний, но и обеспечение гарантированного процессуального стандарта, укрепляющего легитимность назначаемых мер уголовной ответственности и доверие к уголовному правосудию в целом.

При формировании перечня преступлений, подлежащих отнесению к категории исключительной тяжести, представляется необходимым избежать ошибок, характерных для более ранних этапов развития отечественного уголовного законодательства. В частности, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, как и в предшествующих советских кодификациях, наиболее строго наказуемыми традиционно являлись преступления, направленные против государственной власти, государственного строя и общественного порядка. Именно эти деяния – а не преступления против жизни, свободы или достоинства личности – в иерархии уголовных ценностей занимали высшую позицию, что отражало приоритет охраны интересов государства над правами человека. В современных условиях, при разработке перечня преступлений исключительной тяжести, представляется целесообразным придерживаться взвешенного подхода, при котором в число таких деяний включаются как преступления, посягающие на государственную и общественную безопасность, так и преступления, сопряжённые с наиболее серьёзными посягательствами на личность, такие как убийства с отягчающими обстоятельствами, террористические акты, геноцид и иные действия, обладающие признаками исключительной общественной опасности. Такой подход позволяет обеспечить целостность и внутреннюю сбалансированность системы уголовно-правовой охраны, соответствующую задачам современного российского законодательства.

При конструировании категории преступлений исключительной тяжести особое внимание должно быть уделено сохранению баланса между охраной публичных интересов и прав личности. Без-

условно, деяния, направленные против основ конституционного строя или безопасности государства, могут и должны входить в перечень наиболее опасных, однако они не должны формировать его основу или вытеснять из него преступления против жизни, свободы, неприкосновенности личности, совершённые с крайней степенью жестокости. Признание личности, её жизни и достоинства высшей ценностью требует, чтобы именно посягательства на эти блага рассматривались как наиболее общественно опасные и исключительные по своей тяжести.

Преступления исключительной тяжести ещё не становились предметом рассмотрения законодательными органами. Вместе с тем результаты проведённого опроса показывают, что 36% респондентов (62 из числа опрошенных) считают целесообразным введение отдельной категории преступлений для наиболее опасных деяний, таких как преступления против жизни, половой неприкосновенности, в отношении несовершеннолетних, террористические преступления, геноцид, экоцид и иные. Указанный показатель свидетельствует о наличии общественного запроса и необходимости законодательного обсуждения вопроса о введении категории преступлений исключительной тяжести.

Введение такого дополнения в систему категоризации преступлений подчеркнет исключительность степени и характера общественной опасности для таких преступлений в глазах общества и правоприменителя.

Заключение

Выявленные пробелы в существующей системе категоризации позволяют обоснованно говорить о необходимости её структурного расширения. В частности, в статье рассмотрена идея введения новой категории – преступлений исключительной тяжести, которая бы охватывала наиболее опасные по последствиям умышленные деяния, влекущие в качестве одного из самых строгих наказаний пожизненное лишение свободы. Такая категория преступлений обеспечила бы дополнительный уровень дифференциации и позволила бы выстроить целостную, внутренне согласованную систему уголовной ответственности, соответствующую современным вызовам и принципу справедливости.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Молдова: Закон № 985-XV от 18 апреля 2002 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.06.2024 г.) // Legis.md [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=137033&lang=ru (дата обращения: 09.05.2025).
2. Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета име-

ни О.Е. Кутафина № 12/2018, 2018; Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6; Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. 2000 С. 108; Михаль О.А. Уголовно-правовая классификация преступлений. С. 92–93; Михаль О.А. Категории преступлений в уголовном праве. С. 36; Трухин А.М. Категоризация преступлений и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 122.

3. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 09.05.2025).

THE PROSPECT OF INTRODUCING A CATEGORY OF OFFENCES OF EXCEPTIONAL GRAVITY

Lobov S.D.

Moscow State Linguistic University

The article explores the concept of introducing a new category—crimes of exceptional gravity—into the Russian Criminal Code. The author justifies the need for a systematic recognition of such offenses amid growing threats to public and national security. Drawing on the legislative experience of the Republic of Moldova, as well as recent Russian legal reforms and judicial practice, the article analyzes the criteria for classifying crimes as exceptionally grave, the potential legal implications, and associated risks. The article proposes the formal establishment of this category as a means to strengthen the differentiation of criminal liability and improve the effectiveness of legal enforcement.

Keywords: crime categorization, exceptional gravity, life imprisonment, criminal law, terrorist offenses, public security, legislative reform, criminal liability, legal systematization, Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Criminal Code of the Republic of Moldova: Law No. 985-XV of April 18, 2002 (with amendments and additions as of June 6, 2024) // Legis.md [Electronic resource]. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=137033&lang=ru (date of access: May 9, 2025).
2. Oreshkina T. Yu. Categories of crimes and the place among them of crimes of exceptional gravity // Bulletin of the O.E. Kutafin University No. 12/2018, 2018; Zlydenko D.S. Categories of crimes and their subjects: criminal-law aspects: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2003. P. 6; Martsev A.I. General issues of the doctrine of crime. 2000 P. 108; Mikhail O.A. Criminal-legal classification of crimes. P. 92–93; Mikhail O.A. Categories of crimes in criminal law. P. 36; Trukhin A.M. Categorization of crimes and retroactive effect of criminal law // Criminal law. 2012. No. 5. P. 122.
3. Federal Law of December 28, 2024 No. 510-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.
4. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2024 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (date of access: 09.05.2025).

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Мусаев Магомед Микаилович,
адъюнкт Академии управления МВД России
E-mail: musmag123@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), направленной на борьбу с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Подчеркивается особая опасность данных преступлений для национальной безопасности и общественной безопасности. Проводится анализ действующего законодательства, регламентирующего ОРД в рассматриваемой сфере, выявляются пробелы и противоречия, требующие устранения.

Ключевые слова: оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, правовое регулирование, правовых актов регулирующих законов и нормативных правовых актов в сфере оборота оружия, оперативно-розыскная деятельность.

В настоящее время заметно возросла роль научно обоснованного управления социально-экономическими и иными процессами, в которых немаловажное значение отводится совершенствованию правового регулирования правоохранительной деятельности. Причем роль права в данном случае не сводится исключительно к простому механическому устранению тех или иных явлений, которые мешают поступательному развитию нашего общества. Повышение роли права в современных условиях должно привести к тому, что оно станет способствовать совершенствованию всей системы управления. Ю.А. Тихомиров отмечает, что система управления как раз и регулируется правовой системой [1, с. 3].. По мнению С.С. Алексеева они находятся в органическом единстве и благодаря этому на основании юридических норм, в цельности и взаимосвязи охватывают все конститутивные элементы правовой действительности и определяет общую конструкцию действующего права в том или ином государстве [2, с. 65–66]..

В теории под правовым регулированием понимают деятельность государства, его органов и должностных лиц по упорядочению общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально-регламентирующих решений в соответствии с этими нормами по юридически значимым вопросам, возникающим в рамках таких отношений, обеспечения целенаправленности и слаженности соответствующей деятельности. То есть процесс правового регулирования представляет собой находящиеся в движении и постоянном развитии юридические нормы, включающие в себя как деятельность по их разработке, так и по реализации и воплощению в жизни общества и государства. «Цели правового регулирования служат одновременно целям правовой системы и ее подсистем. Они выступают как стабильные ориентиры правотворчества и развития, действия правовой системы». Их предметом являются общественные отношения, которые подвергаются указанному воздействию.

Сегодня есть обширная литература, посвященная проблемам правового государства. Авторы научных монографий, книг, статей, диссертационных исследований пытаются осмыслить идею создания правового государства, реальное состояние дел по ее реализации, определить приоритетные направления в создании правового механизма, регулирующего современные общественно-политические и государственно-правовые отно-

шения. В этой связи одними из основных задач, стоящих перед юридической наукой в современных условиях, на наш взгляд, являются повышение эффективности правового регулирования, усиление влияния права на все стороны общественной жизни, обеспечивая тем самым продвижение нашего общества к реализации стратегической цели создания подлинно правового и демократического государства в России. Качественно новый этап развития государства и его институтов, в который вступило наше общество, предполагает критическое осмысление правовой базы прошлого, отказ от сложившихся стереотипов, существовавших ранее применительно к правоохранительной функции государства. Это в полной мере относится и к правовым основам регулирования оперативно-розыскного противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства. Анализ правового регулирования этого специфического вида государственной деятельности должен проводиться с пониманием того, что государство непосредственно заинтересовано в решении поставленных им задач, а право в этом случае является эффективным средством их выполнения.

Право в данном случае предстает в качестве государственно-официального публичного явления, подчеркивающее зависимость государственных органов от его норм. Это значит, что они не способны выполнять свои задачи без общеобязательных юридических норм – общих правил. Это во многом и предопределяет необходимость для государственных органов существования нормативно-правовых актов. Вот почему в последние годы все правоохранительные органы проводят целенаправленную работу по совершенствованию норм уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, касающихся вопросов противодействия преступности, по их приведению в соответствие с Конституцией Российской Федерации и российскому законодательству.

Идея осуществления государственного контроля над преступностью для наук правового цикла не нова. В частности, С.Г. Чаадаев писал, что «практически социальный контроль осуществляется в двух основных направлениях: во-первых, путем общественного воздействия на личность, основанного на нравственных принципах и нормах; во-вторых, путем государственного и общественного воздействия, строго урегулированного нормами права». [3, с. 87].

Более того, права человека, степень их защищенности и гарантированности рассматриваются как важнейший критерий состояния законности в той или иной стране, Россия в этом плане не является исключением. Именно нормы уголовного законодательства поддерживают определенный уровень общественного порядка, используются как одно из средств управления им, причем само это управление направлено на реализацию норм права, под которым понимается форма регулирования общественных отношений, благодаря которому по-

ведение их участников приводится в соответствие с требованиями и позволениями, содержащимися в нормах права. Уголовно-правовое регулирование общественных отношений имеет относительно стабильный характер. Уголовный закон, устанавливая определенные общественные отношения, реализуется в процессе государственного управления, которое в свою очередь является объектом правового регулирования. Кроме того, он играет значительную роль в определении главной и промежуточной целей развития, функций, полномочий и взаимоотношений всех звеньев социального управления и должностных лиц.

Правовые нормы, регулирующие предупреждение и раскрытие преступлений, совершаемых с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, конечно же, привлекали внимание правоведов, но их интерес в данной сфере носил ограниченный и не всегда объективный характер.

Ученые, специализирующиеся в разработке теории ОРД органов внутренних дел (далее-ОВД), уже давно показали, что она осуществляется на основе норм права, благодаря чему является юридически значимой. Д.В. Гребельский, например, более 30 лет назад подчеркивал, что специальные меры борьбы с преступностью имеют «четко выраженную правовую основу» [4, с. 55]. К этому добавить, что главная сила права состоит в том, что оно есть условие и гарант юридически защищенного активного поведения лиц, их самостоятельных действий, инициативы и предприимчивости.

Приоритет в научной разработке правовых основ ОРД всегда принадлежал ученым и практикам, связанным, главным образом, с правоохранительной деятельностью и борьбой с преступностью. В разные исторические периоды нашего государства предпринимались регулярные попытки ее правового регулирования.

Вместе с тем до XVIII в. в России активная негласная работа в целях предупреждения и раскрытия преступлений фактически не велась, ее отсутствие компенсировал институт доносительства.

В период с 1700 г. по 1880 г. в России создаются самостоятельные специализированные полицейские органы – регулярная полиция, формируется правовая база, регламентирующая деятельность этих органов.

В этот период в России наиболее динамично начинает развиваться уголовный сыск с использованием негласных возможностей благодаря учреждению в 1707 г. фискальной службы для борьбы с уголовными преступлениями. В марте 1714 г. издается Указ «О должности фискалов», который определил фискальную службу сыскной. В функции же фискалов вошли допрос подозреваемых, наружное наблюдение за ними, осуществление провокаций и пыток, тайное выведывание уполномоченными лицами информации о «злоумышленниках», совершавших корыстные преступления. Наиболее же полно задачи полиции определялись в регламенте магистру (1721 г.), в котором говори-

лось, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства». Именно в этот период в Российском законодательстве были заложены основные принципы правоприменительной деятельности: законность; гуманизм; приоритет воспитательных, профилактических мер над репрессивными; принцип неотвратимости ответственности как важнейшая составляющая общественной и частной превенции преступности.

Принятие же в 1992 г. Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» вновь привлекло внимание ученых к исследованию правовых основ ОРД ОВД, которые приобрели в последнее время характер фундаментальной проблемы. Поэтому не случайным выглядит появление ряда работ, в которых затрагиваются многие правовые вопросы регулирования ОРД в целом и проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее-ОРМ) в частности, формулируются научно-обоснованные рекомендации по различным аспектам, направленным на повышение эффективности проведения того или иного ОРМ [5, с. 3]. Но наиболее активному исследованию, на сегодняшний день, подвергнуты проблемы правовых основ ОРД в рамках линейных тем.

В специальной юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно правовых основ ОРД ОВД. Так, Л.Н. Калинин под ней понимает научно обоснованную систему содержащихся в законах и подзаконных нормативных правовых актах норм, создающих правовые предпосылки, а также условия для осуществления ОРМ, либо непосредственно регламентирующих правовые, организационные и тактические вопросы применения оперативно-розыскных сил, средств, методов и форм борьбы с преступностью, а также ее организованными проявлениями [6, с. 30–31]. Главной мыслью в данном суждении, на наш взгляд, является то, что правовую основу ОРД составляет система правовых норм.

Несколько отличной точки зрения придерживается В.Г. Бобров, понимающий под правовой основой ОРД «совокупность правовых актов». Г.К. Синилов, подробно исследовавший данный вопрос, разделяет соответствующие правовые институты и юридические нормы на «непосредственно посвященные оперативно-розыскной деятельности, то есть устанавливающие и регламентирующие ее», и те, которые «эту деятельность не устанавливают и не регулируют, но находят в ней применение».

Д.В. Гребельский в зависимости от уровня регламентации мер борьбы с преступностью рассматривал правовые основы ОРД в широком и узком смысле. В широком – это система официальных гласных правил и предписаний, содержащихся в законодательных актах, которые обязывают ОВД принимать ОРМ либо регулируют поведение субъектов различных отраслей права, тем или иным образом влияющих на осуществление ОРМ. В узком – это система правил и предписаний, не-

посредственно устанавливающих порядок применения сил, средств и методов ОРД и проведения ОРМ. На сходных позициях стоит ряд авторов, которые в той или иной степени поддерживают приведенную точку зрения.

Приведенные суждения в полной мере могут быть использованы применительно к предмету нашего исследования и нашли свое отражение в синтезированном виде в правовой основе ОРД, получившей законодательное закрепление в ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Тем не менее, фундаментом ее правовых основ является правовая система, принятая в современной России. Она рассматривается в узком и широком смысле. В узком значении правовую систему рассматривают лишь в контексте разных форм внешнего проявления и закрепления правовых норм, а также их взаимодействия. Так, по мнению Ю.А. Тихомирова, поддерживаемое большинством ученых, правовая система – это «структурно и функционально упорядоченный массив взаимозависимых нормативно-правовых актов, учреждаемых и действующих на основе единых принципов». В данном осмыслении понятие «правовой системы» существует как «базовое юридическое понятие, которое охватывает все правовые акты и их связи в национально-государственном масштабе». Ценность понятия «правовая система» заключается в том, что она предоставляет большие возможности для комплексного анализа всей правовой сферы общества. Концепция правовой системы позволяет раскрыть единство разных сторон правовой действительности и теснейшим образом соединить теорию права и юридическую практику. Л.Г. Удовика, является сторонником широкого понимания правовой системы, которая отмечает, что «правовая система – это совокупность всех взаимосвязанных материальных и нематериальных, объективных и субъективных, статических и динамических правовых явлений, которые функционируют в обществе по поводу создания, реализации и охраны права».

В теории ОРД предлагается различную классификацию ее правовой системы и правовых основ. Например, Л.Н. Калинин, выделяет три основные группы правовых основ в зависимости от их юридической значимости:

- законы и иные нормативные акты, принимаемые законодательными органами власти;
- подзаконные правовые акты высших исполнительно-распорядительных органов государства;
- ведомственные подзаконные правовые акты (приказы, положения, наставления и инструкции).

В.М. Аتماжитов также подразделяет их на три группы:

- нормативные правовые акты, хотя непосредственно и не регулирующие оперативно-розыскную деятельность, однако служащие основанием для решения различных правовых,

организационных и тактических задач по ее осуществлению;

- нормативные правовые акты, содержащие указания о необходимости применения оперативно-розыскных мер, но также не регламентирующие порядок их осуществления;
- нормативные правовые акты, которые непосредственно регулируют оперативно-розыскную деятельность. Они содержатся в ряде законов и подзаконных нормативных правовых актах, регламентирующих правовые, организационные и тактические вопросы применения оперативно-розыскных сил, средств, мероприятий, методов и форм.

И.А. Климов и В.Т. Вербовой предлагают несколько иную, но по существу сходную классификацию:

- нормы законов и подзаконных актов, составляющие общую основу ОРД либо создающие предпосылки для применения оперативно-розыскных мер в борьбе с преступностью;
- нормы законов и подзаконных актов, непосредственно регламентирующие правовые, организационные и тактические вопросы ОРД ОВД в борьбе с преступностью;
- нормы законов и подзаконных актов, специально регламентирующие правовые, организационные и тактические вопросы борьбы с организованной преступностью.

Как видно из вышеизложенного в специальной юридической литературе высказывались и до сих пор продолжают высказываться различные точки зрения относительно правовых основ ОРД. При этом И.А. Климов, с мнением которого нельзя не согласиться, выделяет четыре ее уровня: конституционный, законодательный, подзаконный, ведомственный.

Главной же мыслью в приведенных суждениях, на наш взгляд, является то, что правовую основу ОРД составляет системный комплекс правовых норм.

Вместе с тем правовое регулирование ОРД не ограничивается исключительно ее правовыми основами, которые совершенно справедливо, на наш взгляд, С.С. Галахов и А.Ю. Шумилов трактуют как фундаментальную, базовую часть правового регулирования данного вида государственной юридической деятельности [7, с. 29–45]. Используемый законодателем термин «правовая основа» не равнозначен, но значителен уже по своему содержанию термин «правовой источник», который в теории государства и права традиционно принято понимать как «исходящие от государства или признаваемые им официально-документальные формы выражения и закрепления норм права, придания им юридического, общеобязательного значения».

Традиционно правовую систему нормативно-правовых источников, составляющих правовую основу любого вида государственно-правовой деятельности, делят на пять групп (уровней). К первой группе относят Конституцию Российской Федерации и федеральные конституционные законы; ко второй – положения ФЗ «Об ОРД»; к третьей – другие федеральные законы; к четвертой – норма-

тивные правовые акты федеральных органов государственной власти (указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства, правовые акты Федерального Собрания России, международные правовые акты); к пятой – ведомственные и межведомственные нормативные акты государственных органов. Все они в своей совокупности являются и правовой основой выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Основываясь на вышеизложенной общеправовой концепции и историческом материале понятия и содержания правовой основы ОРД, перейдем к изложению его современного состояния в исследуемой нами сфере.

Конституционный уровень правового регулирования предупреждения и раскрытия преступлений против жизни, здоровья и общественной безопасности, совершаемых с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, следует на наш взгляд, рассматривать главным образом через призму обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Их признание, соблюдение и защита – обязанность государства (ст. 2). Права и свободы являются непосредственно действующими, определяют смысл и содержание законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Указанные нормы Конституции Российской Федерации возлагают на Правительство Российской Федерации обязанность обеспечения правопорядка в основных сферах жизни общества, в том числе осуществление мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» (п. «е» ч. 1 ст. 114).

Вместе с тем, являясь основным законом, Конституция Российской Федерации определяет стратегические направления деятельности всех государственных органов. На ее базе происходит становление различных отраслей права, как традиционных, существовавших еще в прошлом, так и новых, создаваемых с учетом перемен в экономике, социальном развитии, политике и культуре». Именно в этой связи отдельные нормы и положения Конституции Российской Федерации находят свое отражение в законах и ведомственных нормативных актах, регламентирующих ОРД. Речь в данном случае идет о принципах ОРД, провозглашенных в ст. 3 ФЗ «Об ОРД» – законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также ч. 1 ст. 8 (Условия проведения ОРМ) в которой обозначен конституционный принцип равенства всех перед законом. Стратегию же деятельности ОВД по претворению в жизнь конституционных основ определяет совокупность правовых актов. Поэтому при такой форме правового регулирования основания и условия допустимости осуществления ОРД определяются путем анализа положений различных нормативных правовых актов.

Поэтому в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г., отмечается, что «для профилактики преступности и борьбы с ней в первую очередь необходимо развитие правовой базы как основы надежной защиты прав и законных интересов граждан, перекрыть все возможные каналы незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ внутри страны, а также их поступление из-за рубежа».

Важнейшим нормативным актом, регулирующим оперативно-розыскную функцию, в том числе вопросы предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств является ФЗ «Об ОРД». К его современному варианту законодатель пришел не сразу. В первой редакции Закон РСФСР «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» был принят Верховным Советом РФ 13 марта 1992 г. Таким образом, впервые за многие десятилетия ОРД в России получила законодательное закрепление. Его принятие явилось очередным шагом в «направлении совершенствования правового регулирования этого самостоятельного направления правоохранительной деятельности».

С его помощью удалось решить две основные задачи:

- создать правовую основу ОРД;
- придать ОРД официальный статус в качестве государственно-правовой формы борьбы с преступностью.

Не менее значимы для организации проведения ОРМ в целях предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств нормы уголовно-процессуального законодательства, которое непосредственно обеспечивается ОРД. Они определяют предмет, средства и условия доказывания виновности в совершении противоправных деяний, конкретизируют конституционные положения об охране правопорядка и законности в части реализации оперативно-розыскной функции в предупреждении и раскрытии преступлений, розыске скрывающихся преступников, и т.п., определяет компетенцию подразделений УР (ст. 151 УПК). Часть 2 ст. 158 УПК (Окончание предварительного расследования) возлагает на органы дознания и предварительного расследования внесение представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Кроме того, в главе 2 УПК РФ (Принципы уголовного судопроизводства) определены основополагающие начала, которыми должны руководствоваться органы дознания и предварительного следствия.

Кроме того, являясь субъектом ОРД (ст. 13 ФЗ «Об ОРД»), на подразделения уголовного розыска также распространяются нормы ст. 89 УПК РФ (Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности). Однако и при их реализации возникает много проблем.

В ст. 89 УПК содержится лишь общая норма, запрещающая использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном судопроизводстве. В главах 10 и 11 УПК, излагающих требования к доказательствам и закрепляющих порядок доказывания, результаты ОРД даже не упоминаются. Более того, в УПК отсутствует ранее существовавший повод для возбуждения уголовного дела – непосредственное обнаружение признаков преступления органами дознания, к числу которых ныне отнесены все органы, уполномоченные на осуществление ОРД (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК). Основным поводом для возбуждения уголовного дела применительно к реализации результатов ОРД может быть сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из «иных источников» (помимо заявления о преступлении или явки с повинной) и оформленное рапортом. С появлением новой фигуры уголовного процесса – дознавателя порядок прохождения этого документа даже в рамках одного ведомства представляется усложненным, тем более что дознаватель и оперативный сотрудник как субъект ОРД – теперь понятия несовместимые (ч. 2 ст. 41 УПК).

Таким образом, процедура использования результатов ОРД в уголовном процессе несколько не упростилась. Возникающие при этом вопросы по-прежнему связаны с разрешением сложной двуединой проблемы – максимально полной трансформации оперативно-розыскных данных в доказательства и эффективной защиты негласных участников ОРД. Сложность процессуального закрепления результатов ОРД нередко является причиной приостановления уголовных дел за неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, хотя фактически они бывают при этом установленными.

- 1 Отсутствие в УПК норм, прямо определяющих возможные способы и субъектов получения процессуально значимой оперативно-розыскной информации, ставит под вопрос законность добытых в процессе ОРД сведений, используемых в уголовном процессе. Поэтому четко закрепленный в УПК статус оперативно-розыскных данных как источников доказательственной информации позволил бы, по мнению многих практических работников, вводить ее в уголовный процесс непосредственно «из первых рук».
- 2 Требование конспирации, однако, входит в противоречие с уголовно-процессуальным порядком собирания, исследования и оценки доказательств. В суде нередко возникают вопросы о том, каким образом осуществлялось прослушивание и запись телефонных переговоров или производилась видеозапись действий подсудимых, и оперативный сотрудник, по инициативе которого эти мероприятия проводились штатными негласными сотрудниками, выступая в качестве свидетеля по уголовному делу, фактически, да и формально-юридически, вынужден лжесвидетельствовать,

- т.к. он не может раскрыть личность негласных источников, характеристики применявшихся специальных технических средств, обстоятельства и условия проведения соответствующих мероприятий. Кроме того, при таком опосредованном использовании результатов ОРД в уголовном процессе значительный объем собранной оперативно-розыскной информации утрачивается или искажается.
- 3 В этой связи целесообразно на законодательном уровне определить круг должностных лиц оперативных подразделений, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовным делам, и условия их допроса, исключающие расшифровку, как их личности, так и используемых оперативными подразделениями негласных средств и методов.
 - 4 Уголовно-процессуальный закон предусмотрел ряд мер по обеспечению безопасности свидетелей, потерпевших и других лиц в уголовном судопроизводстве. Это, в частности, указание в протоколе следственного действия вместо данных о личности свидетеля его псевдонима (ч. 9 ст. 166), предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193), допрос свидетеля в суде при аналогичных условиях без оглашения подлинных данных о его личности (ч. 5 ст. 278) и проведение закрытых судебных заседаний (п. 4 ч. 2 ст. 241).
 - 5 Для обеспечения безопасности участников ОРД этих мер, однако, недостаточно. В целях защиты сведений о лицах, оказывающих негласное содействие оперативным подразделениям, было бы желательно по примеру западных стран предусмотреть в УПК норму о возможности дачи показаний от имени негласного сотрудника (т.н. свидетельство со слов) должностными лицами оперативных подразделений, непосредственно участвовавшими в организации и обеспечении проведения соответствующих мероприятий.
 - 6 Таким образом, хотя УПК России открыл более широкие возможности использования сил, средств и методов ОРД в борьбе с преступностью, обеспечении безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, эффективность оперативно-розыскного противодействия криминальным проявлениям во многом сдерживается существенными недостатками уголовно-процессуального характера.

В заключение можно сделать вывод, что оперативно-розыскная деятельность (ОРД) по борьбе с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств остается критически важным инструментом обеспечения государственной и общественной безопасности. Правовое регулирование этой сферы, несмотря на определенные достижения, требует постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям.

Литература

1. Тихомиров Ю.А. Правовые аспекты управления в советском обществе // Правовые вопросы управления в сфере обеспечения правопорядка. М.: Академия МВД СССР, 1982. С. 3.
2. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 40;
3. Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения. М., 1991. С. 87.
4. Гребельский Д.В. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции // Соц. законность, 1974. № 3. С. 55.
5. Климов И. А., Синилов Г.К. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Лекция. М.: ЮИ МВД России, 1994. С. 3
6. Калинин Л.Н. Сущность, правовые и организационные основы оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. Минск: Минская ВШМ МВД СССР, 1988. С. 30–31.
7. Галахов С.С. Теоретико-правовые проблемы оперативно-розыскной профилактики как функции криминальной милиции: Монография. Домодедово: РИПК МВД России, 1997. С. 29–45.

LEGAL REGULATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES TO COMBAT ILLEGAL TRAFFICKING OF WEAPONS, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES

Musaev M.M.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines current issues of legal regulation of operational-search activities (ORA) aimed at combating illegal trafficking of weapons, explosives and explosive devices. The particular danger of these crimes for national security and public safety is emphasized. An analysis of the current legislation regulating ORA in the area under consideration is conducted, gaps and contradictions requiring elimination are identified.

Keywords: weapons, explosives, explosive devices, legal regulation, legal acts regulating laws and normative legal acts in the sphere of arms circulation, operational-search activities.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Legal aspects of management in Soviet society // Legal issues of management in the sphere of ensuring law and order. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1982. P. 3.2. . Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК «Велби», 2008 – С. 65–66
2. Alekseev S.S. Law: ABC. Theory. Philosophy: Experience of a comprehensive study. Moscow: Statut, 1999. P. 40;.
3. Chaadaev S.G. Criminal policy and crime: problems, solutions. Moscow, 1991. P. 87.
4. Grebelsky D.V. Legal basis of operational-search activities of the Soviet militia // Social. legality, 1974. No. 3. P. 55.
5. Klimov I. A., Sinilov G.K. Legal basis of operational-search activities of internal affairs bodies: Lecture. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. P. 3
6. Kalinkovich L.N. The essence, legal and organizational bases of operational-search activity: Study guide. Minsk: Minsk Higher School of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. Pp. 30–31.
7. Galakhov S.S. Theoretical and legal problems of operational-search prevention as a function of the criminal police: Monograph. Domodedovo: RPK MVD of Russia, 1997. Pp. 29–45.

Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР)

Наумов Вячеслав Викторович,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: crilaw@yandex.ru

В рамках статьи рассмотрены вопросы уголовно-правовой охраны окружающей среды в части противодействия ее загрязнению наиболее опасными веществами и отходами; проанализирован весьма успешный опыт правоприменительной деятельности судебно-следственных органов КНР на примере статьи 338 уголовного закона (основного состава преступления). Данным составом охватывается широкий спектр уголовно-наказуемых деяний, посягающих на различные компоненты окружающей среды КНР: атмосферу, земельные и водные ресурсы, недра. Исследование выполнено с учетом Поправок № 8 от 25.02.2011 года и № 11 от 26.12.2020 года к УК КНР; официальных разъяснений содержания и порядка применения уголовно-правовых норм в области защиты окружающей среды в КНР; опубликованных материалов судебно-следственной практики; научных трудов видных деятелей уголовно-правовой науки Китая по данным вопросам.

Ключевые слова: ст. 338 УК КНР, опасные вещества и отходы, уголовная ответственность, национальная система защиты окружающей среды, объективные и субъективные признаки, сравнительный анализ

Введение

Исследование уголовно-правовой системы «Поднебесной» представляется весьма затруднительным без учета ее особенностей. Это «социалистическая правовая система с китайской спецификой»¹, с внушительным количеством бланкетно-отсылочных уголовно-правовых норм и их толкований (разъяснений, протоколов и др.). При этом только в области охраны окружающей среды и рационального природопользования действует в общей сложности около сотни нормативных правовых актов различных уровней (в основном это подзаконные акты). В целом указанные черты присущи и правовой системе России, за исключением полноты и качества разъяснений порядка применения норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления.

В современных геополитических реалиях углубление и обогащение новыми знаниями отечественной уголовно-правовой доктрины не представляется возможным без исследования законодательства, а также передового опыта его применения ведущими зарубежными странами и, в первую очередь, Китайской Народной Республикой, достигшей существенного прогресса, в том числе в сфере обеспечения экологического благополучия². Особое внимание в условиях недостаточно рационального производства, потребления и обращения отходов следует уделить вопросам уголовно-правового регулирования и развития систем обращения с различными видами опасных отходов и загрязняющими веществами.

Основная часть

Абзац первый статьи 338 китайского уголовного закона (основной состав преступления) предусматривает запрет незаконного оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний,

¹ Характеристика, представленная на Двадцатом очередном Всекитайском съезде правящей Китайской коммунистической партии, прошедшем 16–22 октября 2022 года. Находит отражение и в отдельных законодательных актах, например, Законе КНР о национальной безопасности.

² Одноименные программа и приоритетная задача развития находятся в стадии активного продвижения (реализации) в Российской Федерации. При этом, и в России, и в Китае для обеспечения экологического благополучия особая роль отводится созданию именно эффективных уголовно-правовых механизмов.

ядовитых и опасных отходов при наступлении серьезного (катастрофического – *авт.*) загрязнения окружающей среды, причинении вреда жизни, здоровью людей либо значительного имущественного ущерба государственной или частной собственности.

Для квалификации содеянного по ст. 338 УК КНР уточним объективные и субъективные признаки состава преступления, характеризующие каждый из его четырех элементов.

1. Объектом данного преступления является национальная система защиты окружающей среды, в части, регулирующей порядок оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов. При этом «общественные отношения» охватывают не только охрану окружающей среды, но и рациональное природопользование. В качестве дополнительных объектов указываются жизнь, здоровье человека, а также государственная и частная собственность¹.

Предмет преступления – опасные отходы и загрязняющие вещества (*– авт.*), к которым действующее законодательство «Поднебесной» относит: а) радиоактивные отходы; б) отходы, в которых содержатся возбудители (патогены) инфекционных заболеваний; в) токсичные (ядовитые) и иные опасные вещества.

К радиоактивным относятся отходы, не подлежащие вторичному использованию и содержащие радионуклиды (загрязнены радионуклидами), когда их концентрация или удельная активность превышают допустимые в КНР значения² КНО Остра-ной.

К отходам, содержащим возбудители инфекционных заболеваний, обычно относятся жидкости, твердые вещества или газы, содержащие вирусы, бактерии, простейшие и другие возбудители инфекционных заболеваний. Например, отходы, содержащие возбудители инфекционных заболеваний классов «А», «В» и «С», указанные в Законе КНР о предупреждении инфекционных болезней (например, патогены чумы, холеры, лихорадки денге, сибирской язвы и др.).

К токсичным веществам – предмету преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР, относятся отходы с опасными характеристиками, включенные в Национальный список опасных отходов или идентифицируемые в соответствии с Национальными стандартами и методами определения опасных отходов. Кроме того, перечень опасных веществ включен в состав приложения (список) к Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях (веществах, содержащих тя-

желые металлы, например, свинец, ртуть, кадмий, хром, мышьяк и другие токсины).

2. Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР, образует нарушение национальных правил (незаконные действия, носящие альтернативный характер) – сброс, выброс, размещение, хранение и иное незаконное обращение с отходами и загрязняющими веществами, а также их захоронение (утилизация – *авт.*) в земле, воде или атмосфере, повлекшее серьезное загрязнение окружающей среды и иные последствия, указанные в диспозиции ст. 338 УК Китая.

Рассматриваемое деяние может быть совершено не только в форме действия, но и бездействием (например, непринятие виновным предусмотренных законодательством необходимых мер, приведшее к серьезному загрязнению окружающей среды).

Признак противоправности (незаконности) обращения характеризуется отсутствием у виновного соответствующей лицензии (либо ее пролонгации) на осуществление деятельности с опасными отходами; осуществление виновным фактической деятельности сверх лицензионных показателей; выбросы опасных отходов и веществ, превышающие допустимые значения, содержащиеся в национальных стандартах и нормативах КНР и т.д.

Серьезное загрязнение окружающей среды, как последствие преступного деяния по ст. 338 УК КНР, имеет место при наличии следующих обстоятельств:

1) деяния совершены виновным в защитной (водоохранной) зоне источников питьевой воды первого уровня³ или на заповедных территориях (природоохранной зоне или ее части);

2) деяния совершены с отходами (веществами), суммарная масса которых превышает три тонны;

3) действия с загрязняющими веществами, содержащими тяжелые металлы (свинец, ртуть, кадмий, хром, мышьяк и т.п.), превышают установленные стандарты выбросов более чем в три раза;

4) действия с загрязняющими веществами, содержащими никель, медь, цинк, серебро, ванадий, марганец, алмазную пыль, превышают установленные стандарты выбросов более чем в десять раз;

5) действия совершены виновным через скрытые трубы, дренажные колодцы, водостоки, дренажные ямы, трещины, пещеры, провалы, а также посредством растворения/смешивания (перфузии) опасных отходов и загрязняющих веществ с различными компонентами, не относящимися к предмету преступления ст. 338 УК КНР, в целях избежания надзора;

6) фальсификация виновным данных автоматического объективного мониторинга⁴ выбросов

¹ Государственная – это разновидность общественной собственности наряду с коллективной собственностью, специальными социальными фондами и средствами; а частная – не только объекты вещного права физических и юридических лиц (имущество, средства производства и т.п.), но и иные имущественные права, а также источники законных доходов, сбережений и других средств существования (ст. 91, 92 УК КНР).

² См., ст. 62 Закона КНР о предотвращении радиоактивного загрязнения.

³ В КНР качество воды оценивается по шести уровням: от I до VI, причем последний является наиболее загрязненным. См., Санитарный стандарт GB5749–85 питьевой воды КНР.

⁴ Осуществляется специально уполномоченными подразделениями (создаются в административных единицах уровня районных городов и выше), которые контролируют процессы мони-

в окружающую среду загрязняющих веществ или воспрепятствование работе соответствующих автоматизированных систем;

7) выбросы в атмосферу газообразных загрязняющих веществ (например, диоксида серы, оксида азота и т.п.) произведены сверх установленных нормативов;

8) необоснованное сокращение расходов, необходимых для нормального функционирования объектов контроля и предотвращения загрязнений окружающей среды, на сумму, превышающую один миллион юаней;

9) деяния повлекли причинение ущерба государственной, частной собственности или незаконное обогащение на сумму, превышающую 300 тысяч юаней;

10) деяния повлекли отключение централизованного водоснабжения питьевой водой населенного пункта уровня «чжень» (волостной центр) на срок, превышающий 12 часов;

11) деяния повлекли порчу земель, когда невозможно полностью восстановить полезные (потребительские) свойства земель:

- опорных сельскохозяйственных угодий (пахотных земель), лесных угодий защитного или специального назначения на площади, превышающей 5 ед. му;
- других сельскохозяйственных угодий на площади, превышающей 10 ед. му;
- прочих категорий земель на площади, превышающей 20 ед. му;

12) деяния повлекли уничтожение лесных и иных насаждений в объеме, превышающем 50 куб.м. (за исключением насаждений, представляющих особую историческую или культурную ценность), а равно уничтожение более 2,5 тысяч саженцев.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что, например, способ или место совершения преступления – факультативные признаки состава – бесшовно интегрированы в конструкцию объективной стороны через соответствующие судебные разъяснения, хотя в уголовном законе и не закреплены (например, государством прямо запрещен такой способ утилизации радиоактивных отходов как их размещение в естественных пещерах или трещинах земной коры; местом совершения преступления могут выступать водоохранные зоны, заповедники и т.д.) [1].

Перечень из указанных выше обстоятельств не является исчерпывающим.

Серьезно загрязняющими окружающую среду признаются лица, привлеченные более двух раз к административным наказаниям за незаконные действия с опасными отходами и загрязняющими веществами в течение двух предшествующих лет. Обозначенный срок – временной интервал между датой вступления в силу решения об административном наказании за первое из противоправных деяний и датой совершения соответствующе-

тажа и эксплуатации автоматизированных систем мониторинга выбросов в окружающую среду загрязняющих веществ.

го преступного деяния, независимо от подведомственности органа исполнительной власти, принявшего решение о привлечении виновного к административной ответственности.

К серьезному загрязнению окружающей среды по ст. 338 УК КНР относятся и последствия в виде необходимости организованного перемещения населения из зоны загрязнения, при котором общее количество эвакуируемых превышает пять тысяч человек. К числу серьезных загрязнений окружающей среды также относится отравление людей, носящее массовый характер, при котором пострадали более 30 человек.

Случаями серьезного загрязнения окружающей среды признаются деяния, повлекшие причинение легкого вреда здоровью (легкой степени утраты трудоспособности) трем и более лицам; тяжкого и средней тяжести вреда здоровью одному человеку или нескольким лицам.

Говоря о внешней стороне состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК Китая, также необходимо отметить бланкетно-отсылочный характер данной нормы. На основании статьи 96 китайского уголовного закона нарушением государственных правил признается нарушение нормативных правовых актов, принятых Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянной комиссией, а также административных положений (подзаконных нормативных правовых актов), изданных Государственным советом КНР в пределах компетенций. Необходимо отметить, что юридическая законодательная техника КНР не выделяет отдельно кодексы и законы, если вести речь исключительно о наименованиях актов. Соответственно состав преступления, предусмотренного ст. 338 УК Китая, будет иметь место при нарушении требований и правил, содержащихся, например, в Законе КНР об охране окружающей среды, Законе КНР об охране водных ресурсов или Положении Госсовета КНР о применении технологий по очистке воды и т.п., когда деяния повлекли серьезное загрязнение окружающей среды. В отличие от преступления, административное правонарушение – это нарушение требований нормативных правовых актов, подготовленных отдельными министерствами, например, горно-геологических правил охраны окружающей среды, утвержденных Министерством экологии и окружающей среды КНР, или актов местного уровня.

К действиям, образующим состав рассматриваемого преступления, относится и иное обращение с опасными отходами и загрязняющими веществами – перекачивание, перелив, распыление, а также их сброс в окружающую среду с помощью, например, речных и морских судов, воздушных судов, платформ или других транспортных средств [4, с. 598].

В судебной практике Китая при определении незаконности поведения виновного следует установить не только факт нарушения национальных правил в области защиты окружающей среды; но и нахождение загрязняющих веществ в контак-

те с окружающей средой (ее компонентами); наличие реальной возможности (угрозы) загрязнения, а также размер вреда, причиненного окружающей среде.

Последствия в виде экологического вреда исчисляются в денежном эквиваленте и составляют совокупность расходов по восстановлению окружающей среды (ее отдельных компонентов), утраченных лицами трудовых функций в период ее восстановления; причиненного деянием вреда в результате необратимых разрушений окружающей среды и иных обоснованных расходов.

Под утратой государственного и частного имущества в соответствии с китайским законодательством понимается не только действительная стоимость имущества, которому причинен ущерб в результате совершенного преступления, но и расходы, понесенные при принятии необходимых и разумных мер по предотвращению распространения загрязнения и ликвидации последствий преступления, проведению аварийного мониторинга и реагированию на «непредвиденное экологическое происшествие».

Отдельно отметим, если хранение опасных отходов (загрязняющих веществ) в течение длительного времени приводит к распространению их токсичных или вредных компонентов в результате утечек, испарений и иных потерь в количествах, превышающих допустимые нормативы, приводя тем самым к загрязнению окружающей среды, наступает уголовная ответственность. При этом в качестве преступного поведения рассматривается и умышленное непринятие соответствующих превентивных мер, которые следует реализовывать для предотвращения загрязнения окружающей среды.

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 338 УК КНР, – материальный.

3. Субъективная сторона преступления – вина в форме умысла: виновный осознает общественную опасность действий (бездействия), предвидит реальную возможность серьезного загрязнения окружающей среды и желает/сознательно допускает наступление этого. Данное преступление не может быть совершено, если лицо по неосторожности или в результате ошибки (заблуждения) совершило вышеуказанные деяния. При этом противоправная утилизация предмета преступления по ст. 338 УК КНР подразумевает наличие такого факультативного признака состава преступления как цель – извлечение виновным дохода [1].

В современной китайской уголовно-правовой доктрине существуют различные точки зрения на субъективную сторону загрязнения окружающей среды. Отметим, что до принятия Поправки № 8 к уголовному закону крупные аварии и катастрофы, связанные с загрязнением окружающей среды, в судебной практике рассматривались как преступления с неосторожной формой вины, а после ее принятия – исключительно как умышленные. Однако оживленные научные дискуссии по данному вопросу продолжают и в настоящее время.

Первая группа исследователей склоняется к идее, что субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК Китая, должна характеризоваться неосторожной формой вины [8, с. 423]. При этом виновный не предвидит общественно опасных последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения своих природоохранных обязанностей, а волевые усилия необходимые для реализации эффективных природоохранных действий, как правило, отсутствуют. Сторонники данной позиции утверждают, что умысел как форма вины в рассматриваемом деянии существенно осложняет процесс доказывания по уголовному делу, создавая предпосылки для злоупотребления правами и ухода от ответственности.

Вторая группа криминалистов убеждена в том, что преступление, связанное с загрязнением окружающей среды, может быть совершено исключительно умышленно [7, с. 1488]. Виновный осознает, что нарушает национальные правила Китая в области природоохраны – противоправно сбрасывает, хранит, утилизирует отходы и т.п.; предвидит возможность загрязнения окружающей среды; желает/сознательно допускает наступление общественно опасных последствий. Общественно опасное деяние и вина рассматриваются исследователями в рамках концепции интенциональности – осознанной направленности человеческого поведения.

И, наконец, «гибридная» теория, представители которой убеждены, что рассматриваемое деяние может совершаться как умышленно, так и по неосторожности [6]. Имеет множество схожих черт с толкованием отечественными правоприменителями субъективной стороны экологических преступлений по УК РФ.

Окончательная точка в этом вопросе была поставлена в протоколе совместного заседания Верховного народного суда КНР, Верховной народной прокуратуры КНР, Министерства общественной безопасности КНР, Министерства юстиции и Министерства экологии и окружающей среды КНР по рассмотрению уголовных дел о загрязнении окружающей среды, указавшем исключительно на умышленную форму вины по ст. 338 УК КНР [2].

Говоря о субъективной стороне рассматриваемого деяния, следует обратить внимание и на дело «Ван Муфэна и Ма Мойонга» [5, с. 843].

По данному уголовному делу обоснованно установлен факт сброса отходов – каменноугольной смолы, которая является загрязняющим веществом. Серьезное загрязнение окружающей среды вызвано существенным превышением нормативов, установленных национальными стандартами – сбросом виновными более трех тонн указанных веществ.

В судебном акте отмечается «эволюция» понятия серьезное загрязнение окружающей среды и особая сложность в назначении наказания за данную категорию преступлений, которое должно осуществляться «... в соответствии с уголовной политикой, сочетающей снисходительность и строгость...». Содержится указание для Судов КНР при

решении вопроса о наличии (отсутствии) в деянии виновного умысла о необходимости принимать во внимание сферу его деятельности, профессиональный опыт, образование и наличие специальных познаний, имевшиеся ранее факты привлечения виновного к административному наказанию, наличие у него судимости за совершение экологического преступления, имеющиеся ранее факты уголовного преследования лица – составляющие так называемого «личностного риска».

В судебно-следственной практике КНР отсутствие «разумных объяснений» [4, с. 599] со стороны виновного в совершении экологического преступления при одном из следующих обстоятельств свидетельствует о наличии умысла:

1) юридическое лицо осуществляет сброс загрязняющих веществ без прохождения ОВОС¹ или без получения разрешения на их сброс, или после прохождения ОВОС и приемочного контроля объектов по предотвращению загрязнения вносятся изменения в технологические процессы, изменяется используемое сырье (материалы) без соответствующих повторных согласований;

2) неиспользование юридическим лицом специальных сертифицированных средств предотвращения и контроля загрязнения или их использование не в соответствии со спецификацией;

3) не устранение неисправностей оборудования, используемого для объективного мониторинга загрязнений, в кратчайшие сроки после его выхода из строя, продолжение хозяйственной деятельности, приводящей к выбросу/сбросу загрязняющих веществ;

4) продолжение производственной или хозяйственной деятельности, приводящей к выбросу/сбросу загрязняющих веществ после получения предписания отдела экологической защиты по ограничению (приостановке) деятельности для устранения недостатков;

5) поручение контрагенту обязанностей по утилизации опасных отходов без надлежащей проверки наличия у него действующей лицензии на осуществление указанной деятельности или заключение соответствующего договора (контракта) с ценой значительно ниже рыночной;

6) сброс загрязняющих веществ через скрытые трубы, фильтрационные колодцы, ямы, пещеры и т.п. (то есть при наличии явных признаков уклонения от мониторинга, использовании запрещенных государством способов утилизации) или фальсификация данных объективного мониторинга.

4. Субъектом преступления, предусмотренного статьей 338 УК Китая, может быть не только физическое, но и юридическое лицо.

Интерес представляет рассмотрение вопросов соучастия и прикосновенности при совершении

преступления, предусмотренного статьей 338 УК РФ, сотрудниками юридического лица.

Судебно-следственная практика Китая выделяет две категории персонала хозяйствующих субъектов: «непосредственно ответственное лицо» и «иной ответственный персонал» при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности не только физических лиц, но и соответствующего юридического лица.

Непосредственно ответственное лицо – лицо, выполняющее управленческие функции в организации, которое играет ключевую роль в принятии решений, планировании, руководстве, осуществлении инструктажа сотрудников или фактического контроля их деятельности (например, старший менеджер, инвестор или бенефициар компании, представитель юридического лица с правом подписи документов и т.д.). Термин «иной ответственный персонал» относится к лицам, выполняющим объективную сторону преступления (соисполнители) в составе группы лиц по предварительному сговору. Например, лицо, осуществляющее непосредственную сортировку опасных отходов медицинской деятельности, будет относиться к «иному ответственному персоналу» именно в силу выполняемой трудовой функции. При этом выполнение обычных технических функций сотрудниками, например, опечатывание контейнера с соответствующими отходами, выполнение функции администратора на ресепшене и т.п. не может безусловно указывать на участие лица в преступной деятельности и не всегда охватывается единым преступным умыслом.

В целях недопущения практики «поголовного» привлечения всех хозяйствующих субъектов, сотрудники которых совершили загрязнение окружающей среды с серьезными последствиями, судебно-следственным органам Китая рекомендуется весьма скрупулезное комплексное расследование данных преступлений – тщательный анализ бизнес-процессов в компаниях; установление роли непосредственно юридического лица в совершенном общественно опасном деянии и т.д.

Полагаем, что события, связанные с крушением в 2024 году двух танкеров и последующим разливом в акватории Черного моря тысяч тонн мазута, загрязнением морских вод, десятков километров береговой линии, а также уничтожением объектов флоры и фауны заставляют задуматься о возможности признания юридических лиц субъектами экологических уголовно-наказуемых деяний в РФ [9].

Заключение

Резюмируя изложенное выше, отметим не только ярко выраженный бланкетный характер ст. 338 УК КНР, но и особенности толкования данной нормы, а также значение разъяснений уголовно-правовых норм в «социалистической правовой системе с китайской спецификой». Именно в них раскрываются факультативные признаки состава преступления, например, способ совершения преступления (го-

¹ В КНР оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) – анализ, прогнозирование и оценка возможного воздействия на окружающую среду от реализации планов экономического развития и хозяйственной деятельности в КНР. Совокупность мероприятий, нацеленных на предупреждение или снижение негативного воздействия на окружающую среду.

сударством прямо запрещен такой способ утилизации радиоактивных отходов как их размещение в естественных пещерах или трещинах земной коры) или место его совершения (водоохранные зоны или заповедники). Следует отметить высокое качество и детализацию проработки соответствующих разъяснений, их полнотелость и комплексный характер положений. При этом отдельные признаки, в частности, предмет преступления ст. 338 УК КНР раскрывается через отраслевые нормативные правовые акты «Поднебесной», подобно тому, как это реализовано и в России. Состав преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР, по конструкции объективной стороны материальный. Следует отметить исключительно умышленный характер деяний, запрещенных ст. 338 УК КНР, а также весьма проработанную возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности.

Литература

1. Толкование Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды // «Фа»«Ши». № 7. 2023.
2. Протокол заседания Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции и Министерства экологии и окружающей среды по рассмотрению уголовных дел о загрязнении окружающей среды.
3. Совместное коммюнике Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности о дополнительных положениях о стандартах возбуждения и преследования уголовных дел, находящихся в ведении органов общественной безопасности от 27 апреля 2017 года.
4. Наумов В.В., Щепотьев А.В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ // Вопросы российского и международного права. Том 15, № 2А, 2025. С. 592–602.
5. Уголовное право КНР: теория и судебная практика. 2-е изд. / Под ред. проф. Лю Цзинкуня. Пекин: «Law Press China». 2024.
6. Ван Вэйцай. Исследование субъективных и объективных признаков состава преступления, связанного с загрязнением окружающей среды – с точки зрения поправки № 8 к уголовному закону // Юридический журнал. № 8. 2011.
7. Чжан Минкай. Уголовное право/ Пекин: «Law Press». 2021.
8. Чжоу Гуанцюань. Теория уголовного права. Пекин: Издательство Китайского университета политических наук и права. 2016.
9. Эксперт рассказал о последствиях разлива нефтепродуктов в Черное море // Материалы портала «РИА Новости» URL: <https://ria.ru/20241217/mazut-1989723500.html> (дата обращения 25.05.2025).

CRIMINAL LIABILITY UNDER THE LEGISLATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA FOR ILLEGAL TRAFFIC IN POLLUTANTS, SOURCES OF INFECTIOUS DISEASES, TOXIC AND HAZARDOUS WASTE (SIGNS OF THE MAIN COMPOSITION OF THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 338 OF THE CRIMINAL CODE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)

Naumov V.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

This article examines the issues of criminal-legal protection of the environment in terms of combating its pollution with the most hazardous substances and waste; it analyzes the very successful experience of law enforcement activities of the judicial and investigative bodies of the PRC using the example of Article 338 of the Criminal Code (the main elements of the crime). This element covers a wide range of criminally punishable acts that infringe on various components of the environment of the PRC: the atmosphere, land and water resources, and subsoil. The study was carried out taking into account Amendments No. 8 of February 25, 2011 and No. 11 of December 26, 2020 to the Criminal Code of the PRC; official explanations of the content and procedure for applying criminal-legal norms in the field of environmental protection in the PRC; published materials of judicial and investigative practice; scientific works of prominent figures in the criminal-legal science of China on these issues.

Keywords: Art. 338 of the Criminal Code of the People's Republic of China, hazardous substances and waste, criminal liability, national environmental protection system, objective and subjective features, comparative analysis.

References

1. Interpretation of the Supreme People's Court and the Supreme People's Prosecutor's Office of the PRC on some issues of judicial practice in considering criminal cases on environmental pollution // "Fa" "Shi". No. 7. 2023.
2. Minutes of the meeting of the Supreme People's Court, the Supreme People's Prosecutor's Office, the Ministry of Public Security, the Ministry of Justice and the Ministry of Ecology and Environment on considering criminal cases on environmental pollution.
3. Joint communiqué of the Supreme People's Prosecutor's Office and the Ministry of Public Security on additional provisions on the standards for initiating and prosecuting criminal cases under the jurisdiction of public security organs dated April 27, 2017.
4. Naumov V.V., Shchepot'yev A.V. Comparative Analysis of the Criminal Legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China Providing for Liability for Illegal Handling of Waste and/or Hazardous Substances // Issues of Russian and International Law. Vol. 15, No. 2A, 2025. Pp. 592–602.
5. Criminal Law of the PRC: Theory and Judicial Practice. 2nd ed. / Ed. by prof. Liu Jingkun. Beijing: «Law Press China». 2024.
6. Wang Weicai. Research on Subjective and Objective Features of a Crime Related to Environmental Pollution – from the Perspective of Amendment No. 8 to the Criminal Law // Law Journal. No. 8. 2011.
7. Zhang Mingkai. Criminal Law / Beijing: «Law Press». 2021.
8. Zhou Guangquan. Theory of Criminal Law. Beijing: China University of Political Science and Law Press. 2016.
9. Expert talks about consequences of oil spill in Black Sea // Materials of RIA Novosti portal URL: <https://ria.ru/20241217/mazut-1989723500.html> (date of access 05/25/2025).

Судебная финансово-экономическая экспертиза. Отличия от внесудебных форм исследования и проблемы использования в уголовном процессе

Петров Иван Юрьевич,

аспирант, Российская таможенная академия

В статье рассматриваются ключевые отличия судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм исследования, а также основные проблемы и перспективы её применения в уголовном процессе. Особое внимание уделено процессуальным особенностям назначения и проведения экспертизы, требованиям к специальным знаниям эксперта и современным вызовам в организации экспертной деятельности. Анализ позволяет сформулировать рекомендации по повышению эффективности использования судебной финансово-экономической экспертизы при расследовании экономических преступлений.

Ключевые слова: судебная финансово-экономическая экспертиза, внесудебные формы исследования, доказательства, специальные знания, уголовный процесс, экономические преступления.

В условиях роста экономических преступлений и усложнения финансово-хозяйственных операций судебная финансово-экономическая экспертиза приобретает всё большее значение в раскрытии и расследовании уголовных дел экономической направленности. Её применение позволяет не только установить объективные данные о финансовом состоянии организации, но и выявить возможные нарушения, имеющие криминальный характер.

Между тем, практическое использование данного вида судебной экспертизы сопряжено с рядом сложностей, обусловленных как спецификой самого исследования, так и недостатками в организации экспертной деятельности. Отличие судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм анализа требует строгого соблюдения процессуальных норм, наличия у эксперта комплексных специальных знаний, а также чёткой формулировки задач и вопросов для исследования.

В данной статье рассматриваются ключевые отличия судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм исследования. Также рассмотрены основные проблемы и перспективы использования судебной финансово-экономической экспертизы в уголовном процессе. Анализ этих вопросов способствует более эффективному использованию финансово-экономической экспертизы в рамках уголовного процесса и повышению качества доказывания по экономическим преступлениям.

Основное отличие судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм исследования заключается в её процессуальной природе. В отличие от непроцессуальных исследований, производство судебной экспертизы строго регламентировано нормами уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, существенное различие состоит в порядке назначения исследования. Судебная экспертиза назначается исключительно следователем или судом, тогда как внесудебные исследования проводятся по договорам с третьими лицами. Это подтверждается практическими примерами: так, «Отчет о результатах финансовой экспертизы», составленный консалтинговой организацией на основании договора с третьей стороной, был признан недопустимым доказательством из-за нарушения процессуальной формы.

Во-вторых, важным отличием является статус лица, проводящего исследование. Судебный эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 57

УПК РФ), что обеспечивает дополнительные гарантии объективности исследования. В то время как исполнители внесудебных исследований такой ответственности не несут.

В-третьих, отличие заключается в порядке передачи объектов исследования. При судебной экспертизе объекты передаются следователем/судом, тогда как при внесудебных исследованиях исполнитель может самостоятельно собирать необходимые материалы.

Формальные отличия также проявляются в оформлении результатов:

1. Заключение судебной экспертизы должно содержать обязательные реквизиты.
2. Внесудебные отчеты часто не содержат сведений о должности и стаже работы составителя.
3. В судебной экспертизе обязателен перечень представленных объектов и применяемых методик.

На практике встречаются случаи, когда вместо судебной экспертизы используются различные внесудебные документы – отчеты аудиторов, ревизоров, арбитражных управляющих. Однако такие документы не могут быть признаны допустимыми доказательствами в уголовном процессе.

Таким образом, основные отличия судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм исследования касаются всех этапов: от назначения до оформления результатов, что обусловлено её процессуальным характером и особыми требованиями к доказательственной базе в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрев отличия судебной финансово-экономической экспертизы от внесудебных форм исследования, необходимо проанализировать требования к специальным знаниям эксперта, которые являются ключевым фактором обеспечения качества и достоверности экспертного исследования.

Специальные знания эксперта представляют собой профессиональные познания, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении конкретных дел. По мнению Р.С. Белкиной, это именно те знания, которые требуют наличия специализированного обучения и практического опыта, выходящие за пределы общедоступных знаний.

В рамках судебной финансово-экономической экспертизы эксперт должен обладать комплексными специальными знаниями в нескольких взаимосвязанных областях:

1. Знания в области бухгалтерского учета:
 - навыки анализа первичной документации;
 - понимание структуры регистров бухгалтерского учета;
 - способность интерпретировать финансовую отчетность.
2. Знания в области финансового анализа:
 - методики расчета финансовых коэффициентов;
 - навыки оценки ликвидности и платежеспособности;
 - способы анализа финансовой устойчивости.

3. Базовые экономические знания:

- понимание принципов функционирования рынка;
- знание основ хозяйственного права;
- навыки оценки эффективности деятельности организации.

Особое внимание следует уделить необходимости правовых знаний эксперта, регулирующих экономические правоотношения. Наиболее ярким примером является необходимость знания положений законодательства о банкротстве для проведения экспертиз по установлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Практика показывает, что эксперту часто требуется проводить сложные исследования, такие как:

- Корректировка показателей бухгалтерской отчетности.
- Анализ влияния отдельных операций на финансовое состояние.
- Оценка соответствия сделок рыночным условиям.

Для качественного выполнения таких задач эксперт должен обладать дополнительными компетенциями, в частности:

1. Знание методик судебной бухгалтерской экспертизы.
2. Понимание особенностей различных организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов.
3. Навыки работы с специализированным программным обеспечением.

Важным аспектом является также практический опыт эксперта. Например, для исследования финансового состояния кредитных организаций требуются особые специальные знания, связанные с анализом отчета об уровне достаточности капитала.

Таким образом, требования к специальным знаниям эксперта в области судебной финансово-экономической экспертизы носят комплексный характер и должны постоянно расширяться в соответствии с развитием экономических отношений и совершенствованием методов финансового анализа. Только наличие полного набора необходимых специальных знаний позволяет эксперту давать обоснованные и достоверные заключения по поставленным вопросам.

Рассмотрев требования к специальным знаниям эксперта, необходимо проанализировать текущие проблемы и перспективы использования судебной финансово-экономической экспертизы в уголовном процессе, что позволит определить направления совершенствования данного института.

Анализ практики применения судебной финансово-экономической экспертизы выявляет ряд существенных проблем, требующих решения для повышения эффективности её использования в уголовном процессе.

Ключевые проблемы можно классифицировать по следующим направлениям:

1. Организационные проблемы:

- недостаточное количество экспертов-экономистов в государственных судебно-экспертных учреждениях;
- длительные сроки проведения экспертиз;
- сложности с обеспечением независимости экспертов при привлечении специалистов из коммерческих организаций.

2. Методологические проблемы:

- отсутствие единых утвержденных методик для многих видов исследований;
- необходимость постоянного обновления методик в связи с изменением законодательства и экономических условий;
- сложности с корректировкой показателей бухгалтерской отчетности.

Особую остроту приобретают проблемы квалификации экспертов:

- недостаточный уровень экономических знаний у некоторых экспертов;
- отсутствие необходимых знаний в области права у экспертов-экономистов;
- необходимость постоянного повышения квалификации в связи с изменением законодательства.

На практике часто возникают сложности с формулировкой вопросов эксперту:

- постановка некорректных вопросов, не требующих специальных знаний;
- неполный перечень вопросов, требующих экспертного исследования;
- отсутствие четкой связи между вопросами и представленными материалами;

Вместе с тем, можно выделить перспективные направления развития судебной финансово-экономической экспертизы:

1. Технологические перспективы:

- внедрение автоматизированных систем анализа финансовой информации;
- использование искусственного интеллекта для предварительного анализа данных;
- развитие цифровых платформ взаимодействия между участниками процесса.

2. Методические перспективы:

- разработка новых методик исследования с учетом современных экономических реалий;
- создание базы актуальных рыночных данных для сравнительного анализа;
- совершенствование подходов к анализу финансового состояния организаций.

3. Кадровые перспективы:

- развитие системы подготовки экспертов-экономистов;
- внедрение обязательной сертификации экспертов;
- создание единого реестра экспертов-экономистов.

Для реализации этих перспектив необходимо решение ряда задач:

1. Законодательное закрепление статуса судебной финансово-экономической экспертизы.
2. Разработка единых методических рекомендаций.

3. Создание системы непрерывного образования экспертов.

4. Обеспечение финансирования экспертных учреждений.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы, судебная финансово-экономическая экспертиза имеет значительный потенциал развития, реализация которого позволит повысить эффективность её использования в уголовном процессе и качество доказывания по экономическим преступлениям.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
5. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации: Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР: В 3 т. Т. 3. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979.
6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010.

FORENSIC FINANCIAL AND ECONOMIC EXAMINATION. DIFFERENCES FROM EXTRAJUDICIAL FORMS OF RESEARCH AND PROBLEMS OF USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Petrov I. Yu.

Russian Customs academy

The article discusses the key differences between judicial financial and economic expertise and non-judicial forms of research, as well as the main problems and prospects for its application in criminal proceedings. Particular attention is paid to procedural features of appointment and conduct of expertise, requirements for expert's specialized knowledge, and modern challenges in organizing expert activities. The analysis allows formulating recommendations to improve the efficiency of judicial financial and economic expertise in investigating economic crimes.

Keywords: judicial financial and economic expertise, non-judicial forms of research, evidence, specialized knowledge, criminal proceedings, economic crimes.

References

1. Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation".

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ.
3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 20 April 2023 No. 72 "On approval of the List of types (kinds) of forensic examinations performed in federal budget forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties for which the right to independently conduct forensic examinations in federal budget forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia is granted".
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 December 2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases".
5. Belkin R.S. Course of Soviet forensic science: Forensic tools, techniques and recommendations: Manual for teachers, post-graduates, applicants and students of educational institutions of the USSR Ministry of Internal Affairs: In 3 volumes. Volume 3. – M.: Publishing house of the Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1979.
6. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Handbook of the judge: forensic examination. – M.: Prospect, 2010.

Уголовная ответственность за преступления, совершённые с использованием криптовалюты и иных цифровых финансовых активов

Позолотин Егор Владимирович,

аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук,
НОЧУ ВО Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»

Статья посвящена анализу уголовной ответственности за преступления, совершённые с использованием криптовалюты и иных цифровых финансовых активов (ЦФА) в России. Рассматривается эволюция правового статуса криптовалюты, которая с недавнего времени официально признана имуществом, что позволило правоохрнительным органам изымать цифровые активы и квалифицировать преступления по соответствующим статьям УК РФ. В работе выделены основные виды преступлений с криптовалютами: использование в мошенничестве, кражах, незаконном майнинге и отмывании доходов. Описаны механизмы изъятия и конфискации цифровых активов, а также особенности расследования с применением технологий блокчейн и международного сотрудничества. Особое внимание уделено современному законодательству России, включая Федеральный закон № 259-ФЗ, и перспективам ужесточения контроля и гармонизации с международными стандартами. Статья подчёркивает, что уголовное право постепенно адаптируется к цифровой экономике, обеспечивая эффективное пресечение преступлений с использованием криптовалют и повышая безопасность финансового пространства.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, уголовная ответственность, правовой статус, отмывание денег, мошенничество, майнинг, изъятие криптовалюты, Федеральный закон № 259-ФЗ, блокчейн, расследование, международное сотрудничество, регулирование, цифровая экономика, уголовное право.

Введение

С развитием цифровых технологий и финансовых инструментов криптовалюты и иные цифровые финансовые активы (ЦФА) стали широко использоваться не только в легальной экономике, но и в преступной деятельности. Это вызвало необходимость законодательного регулирования и установления уголовной ответственности за преступления, связанные с использованием криптовалют. В России данный вопрос активно развивается, что отражается в изменениях уголовного законодательства и судебной практике.

Правовой статус криптовалюты в уголовном праве

До недавнего времени криптовалюта в российском уголовном праве не имела чёткого правового статуса. Она не признавалась имуществом, что затрудняло квалификацию преступлений, связанных с ней. Однако с принятием новых законопроектов криптовалюта официально признана имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Это позволило следственным органам изымать криптовалюту как вещественное доказательство и квалифицировать преступления с её использованием по соответствующим статьям УК РФ[4].

Основные виды преступлений с использованием криптовалюты

Исследования и практика выделяют несколько групп преступлений, связанных с криптовалютой:

- Преступления, в которых криптовалюта используется как средство совершения преступления (например, финансирование терроризма, взятки, мошенничество).
- Преступления, в которых криптовалюта является предметом посягательства (кража, хищение).
- Преступления, связанные с незаконной генерацией криптовалюты (майнинг).
- Отмывание доходов, полученных преступным путём, с использованием криптовалюты[3, 5].

Уголовная ответственность за конкретные преступления с криптовалютой

В российском уголовном законодательстве предусмотрены статьи, применимые к преступлениям с криптовалютой:

- **Статья 174.1 УК РФ** – легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём, в том числе с использованием криптовалюты. Для наступления ответственности необходимо доказать умысел на легализацию преступных доходов[4].
- **Статья 171 УК РФ** – незаконное предпринимательство, например, осуществление деятельности по обмену криптовалюты на фиатные деньги без лицензии и с целью получения прибыли[3].
- **Статьи о мошенничестве и краже** – кража и мошенничество с использованием криптовалюты квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ, с учётом особенностей цифровых активов[4].
- Уголовная ответственность может наступать за незаконный выпуск и обращение цифровых финансовых активов, с наказанием в виде лишения свободы и штрафов.

Механизмы изъятия и конфискации криптовалюты

С принятием новых законодательных норм следователи получили возможность изымать криптовалюту и связанные с ней устройства хранения (холодные и горячие кошельки). Изъятие криптовалюты осуществляется с участием специалистов, обеспечивающих сохранность цифровых активов, а также переводом средств на специальные адреса-идентификаторы для предотвращения операций с ними[4].

Это нововведение позволяет:

- Останавливать операции с криптовалютой во время расследования.
- Сохранять цифровые активы до вынесения приговора.
- Конфисковывать преступные доходы в пользу государства при обвинительном приговоре, например, по делам о коррупции, наркоторговле и финансировании терроризма[4].

Правовой статус криптовалюты в Российской Федерации

Правовой статус криптовалюты в Российской Федерации претерпел значительные изменения за последние годы и в настоящее время регулируется рядом федеральных законов, что отражает постепенное признание криптовалюты как имущества и предмета правового регулирования.

Основные положения правового регулирования криптовалюты в РФ

- С 1 января 2021 года в России действует Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который впервые ввел понятия цифровой валюты и цифро-

вых финансовых активов, установил правила их обращения и определил статус криптовалюты в правовом поле.

- В судебной практике криптовалюта признается имуществом, а сделки с ней рассматриваются как купля-продажа товара, а не как использование средства платежа, что подчеркивает её имущественный характер.
- С 1 сентября 2024 года криптовалюта получила статус платежного средства во внешнеэкономической деятельности, но с ограничениями: расчеты возможны только под контролем Банка России, что свидетельствует о частичном признании криптовалюты в финансовом обороте.
- С 1 ноября 2024 года в России легализована деятельность по майнингу криптовалюты с введением реестров майнеров и операторов майнинговой инфраструктуры, а также установлением ограничений и требований к участникам майнинга.

Признание криптовалюты имуществом

- Российское законодательство и судебная практика признают криптовалюту имуществом, что позволяет включать её в конкурсную массу должников, использовать в гражданско-правовых сделках и рассматривать в качестве объекта права собственности.
- При этом в российском праве отсутствует отдельное понятие «криптовалюта», используется термин «цифровая валюта», что отражает специфику и пока не до конца сформированный правовой статус[5].
- Недавние законодательные инициативы направлены на уточнение правового статуса криптовалюты, расширение возможностей её использования в экономике и усиление контроля за операциями с цифровыми активами.

Итоги и перспективы

- Правовое регулирование криптовалюты в России развивается в сторону признания её имуществом с возможностью использования в хозяйственной деятельности, но с существенными ограничениями и контролем со стороны государства и Банка России.
- Законодательство предусматривает экспериментальные правовые режимы, позволяющие тестировать новые формы обращения цифровых валют, что свидетельствует о постепенном формировании более четкой правовой базы для криптовалюты в РФ.
- Несмотря на прогресс, остаются вопросы и противоречия, например, запрет на использование криптовалюты в качестве средства платежа внутри страны при одновременном признании её средством платежа во внешнеторговой деятельности.

Таким образом, правовой статус криптовалюты в России можно охарактеризовать как имуще-

ственный с ограниченным признанием в платежном обороте и с активным развитием нормативной базы, что отражает современную тенденцию к легализации и регулированию цифровых финансовых активов.

Особенности расследования преступлений с криптовалютой

Несмотря на мифы о полной анонимности криптовалют, технологии блокчейн позволяют отслеживать транзакции и проверять данные криптокошельков в открытом доступе. Кроме того, многие криптобиржи сотрудничают с правоохранительными органами, предоставляя данные пользователей. Изъятие устройств с паролями и платежными данными способствует доказательной базе при расследовании.

Аналитические инструменты и международное сотрудничество помогают выявлять преступные операции и пресекать преступную деятельность с использованием цифровых финансовых активов.

Примеры наказаний:

- За отмывание денег с использованием криптовалюты предусмотрены тюремные сроки до 7 лет и штрафы до 1 миллиона рублей.
- За мошенничество с криптовалютой – тюремные сроки до 10 лет и штрафы до 2 миллионов рублей.
- За незаконную деятельность, связанную с выпуском и обращением цифровых финансовых активов, – лишение свободы до 5 лет и штрафы до 500 тысяч рублей.

Заключение

Уголовная ответственность за преступления с использованием криптовалюты и иных цифровых финансовых активов в России формируется и совершенствуется. Признание криптовалюты имуществом и введение механизмов её изъятия существенно расширяют возможности правоохранительных органов в борьбе с преступлениями в цифровой сфере. Важно, что уголовное законодательство учитывает специфику цифровых активов, обеспечивая адекватную квалификацию преступлений и эффективное пресечение противоправных действий.

Таким образом, криптовалюта перестала быть «серой зоной» в уголовном праве, а её использование в преступных целях влечёт серьёзные уголовные последствия, что способствует повышению безопасности и законности в цифровой экономике.

Перспективы регулирования и международное сотрудничество в сфере уголовной ответственности за преступления с использованием криптовалют

1. Перспективы регулирования

Развитие законодательства в сфере криптовалют и цифровых финансовых активов (ЦФА) про-

должается, и можно выделить несколько ключевых направлений:

• Ужесточение контроля за операциями с криптовалютой

В России и других странах усиливается регулирование криптовалютных операций, включая обязательную идентификацию пользователей, лицензирование криптобирж и контроль за P2P-платформами. Введение **единого реестра майнеров** и требований к операторам обмена цифровых активов направлено на снижение рисков использования криптовалют в преступных целях.

• Развитие механизмов конфискации и отслеживания транзакций

Совершенствуются технологии анализа блокчейна (например, Chainalysis, TRM Labs), позволяющие правоохранительным органам выявлять подозрительные транзакции. В России планируется создание **государственной системы мониторинга криптоактивов**, что упростит их изъятие в рамках уголовных дел.

• Квалификация новых видов преступлений

По мере развития технологий появляются новые схемы мошенничества (например, rug pull в DeFi, фишинг через NFT), что требует внесения изменений в УК РФ. Возможны дополнения в статьи о **кибермошенничестве (ст. 159.6 УК РФ)** и **незаконном обороте цифровых активов**.

• Эксперименты с CBDC (цифровыми валютами центральных банков)

Введение цифрового рубля может изменить подход к регулированию криптовалют, поскольку государство получит альтернативный инструмент контроля за денежными потоками.

2. Международное сотрудничество

Криптовалюты используются в трансграничных преступлениях, что требует кооперации между странами. Основные направления сотрудничества:

• Обмен информацией между правоохранительными органами

- о **Interpol, Europol, FATF** (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) разрабатывают стандарты расследования преступлений с криптовалютами.

- о В 2023 году создана

Глобальная сеть по борьбе с криптопреступностью (GNCC) для координации действий разных стран.

• Совместные операции против криптопреступников

- о Пример: в 2022 году **FBI и европейские спецслужбы** провели операцию против гидры (Hydra Market), крупнейшего даркнет-маркетплейса.
- о В 2024 году **Россия, Китай и страны СНГ** договорились о совместном противодействии использованию криптовалют в терроризме и наркоторговле.

• Гармонизация законодательства

- о **Директива ЕС MiCA (Markets in Crypto-Assets)** устанавливает единые правила для крипторынка в Европе.

- о Россия участвует в **Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)**, где обсуждаются общие подходы к регулированию цифровых активов.
- **Борьба с уклонением от санкций через криптовалюты**

После введения санкций против России и других стран усилился контроль за использованием **stablecoin (USDT, USDC)** и децентрализованных бирж для обхода ограничений.

Регулирование преступлений с использованием криптовалют требует не только национальных мер, но и международной кооперации. В России уже заложена правовая база для борьбы с такими преступлениями, но необходимо дальнейшее развитие технологий отслеживания транзакций и гармонизация законодательства с другими странами.

Перспективные шаги:

- Создание межгосударственных баз данных по криптопреступникам.
- Унификация стандартов регулирования в рамках **БРИКС, ШОС, FATF**.
- Развитие **цифровой юстиции** (использование AI и блокчейна в расследованиях).

Таким образом, уголовная ответственность за преступления с криптовалютами будет ужесточаться, а международное сотрудничество станет ключевым фактором в борьбе с цифровой преступностью.

В последние годы в России сформировалась комплексная система уголовной ответственности за преступления с использованием криптовалют и цифровых финансовых активов. Признание криптовалюты имуществом, внедрение механизмов её изъятия и конфискации, а также развитие специализированных норм уголовного законодательства значительно расширили возможности правоохранительных органов в борьбе с цифровыми преступлениями. Российское законодательство учитывает особенности цифровых активов, что позволяет более точно квалифицировать преступления и эффективно пресекать противоправные действия.

В то же время регулирование в этой сфере продолжает совершенствоваться: ужесточается контроль за операциями с криптовалютой, внедряются новые технологии отслеживания транзакций, а также разрабатываются механизмы международного сотрудничества по противодействию трансграничной криптопреступности. Перспективы дальнейшего развития включают гармонизацию законодательства с международными стандартами, создание межгосударственных баз данных и внедрение цифровых технологий в расследованиях. Всё это свидетельствует о том, что уголовная ответственность за преступления с криптовалютой будет усиливаться, а международная кооперация станет ключевым элементом в обеспечении безопасности цифровой экономики России.

Литература

1. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чуцаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. С. 84.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Российская га зета. N 113. 18.06.1996. N 114.
3. «Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации». Е.А. Русскевич, И.И. Малыгин С. 106–124.
4. Статья РБК «Власти одобрили механизм изъятия криптовалюты при уголовных делах» Название и авторы не предоставлены в поисковых результатах, требуется дополнительный просмотр страницы. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/04/2025/67fcd2549a79471f84e612f9> (дата обращения: 07.06.2025).
5. «Криптовалюты как предмет преступного посягательства с точки зрения уголовного права» Русскевич Е.А., Малыгин И.И., 2020
6. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция)
7. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция)
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 N 221-ФЗ (последняя редакция)
9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 08.07.2024 N 169-ФЗ (последняя редакция)

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES COMMITTED USING CRYPTOCURRENCIES AND OTHER DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Pozolotin E.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

This article is devoted to the analysis of criminal liability for crimes committed using cryptocurrency and other digital financial assets (DFAs) in Russia. It examines the evolution of the legal status of cryptocurrency, which has recently been officially recognized as property, enabling law enforcement agencies to seize digital assets and classify crimes under the relevant articles of the Russian Criminal Code. The study identifies the main types of crimes involving cryptocurrencies: their use in fraud, theft, illegal mining, and money laundering. Mechanisms for the seizure and confiscation of digital assets are described, along with the specifics of investigations utilizing blockchain technology and international cooperation. Special attention is given to current Russian legislation, including Federal Law No. 259-FZ, and prospects for tightening control and harmonizing with international standards. The article emphasizes that criminal law is gradually adapting to the digital economy, ensuring effective

suppression of crimes involving cryptocurrencies and enhancing the security of the financial space.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, criminal liability, legal status, money laundering, fraud, mining, cryptocurrency seizure, Federal Law No. 259-FZ, blockchain, investigation, international cooperation, regulation, digital economy, criminal law.

References

1. Criminal law of the Russian Federation. Special part: Textbook / Yu.V. Gracheva, L.D. Ermakova, G.A. Yesakov and others; edited by L.V. Inogamova-Hegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. 2nd ed., ispr. and add. M.: KONTRAKT, INFRA-M, 2009. P. 84.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ // The Russian newspaper. N 113. 06/18/1996. N 114.
3. "Crimes related to the circulation of cryptocurrencies: qualification features." E.A. Ruskevich, I.I. Malygin pp. 106–124.
4. RBC article "The authorities have approved a mechanism for withdrawing cryptocurrencies in criminal cases" The ti-

tle and authors are not provided in the search results, an additional page view is required. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/04/2025/67fcd2549a79471f84e612f9> (date of appeal: 06/07/2025).

5. "Cryptocurrencies as a subject of criminal encroachment from the point of view of criminal law" Ruskevich E.A., Malygin I.I., 2020
6. Federal Law "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" dated 08/07/2001 No. 115-FZ (latest edition)
7. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ (latest edition)
8. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 08.08.2024 N 221-FZ (latest edition)
9. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation" dated 07/08/2024 N 169-FZ (latest edition)

Проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства в сфере пластической хирургии в контексте уголовно-правовой ответственности медицинских работников

Раянова Эльвира Талгатовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: ilvirat@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением правового регулирования пластической хирургии в Российской Федерации в связи с повышением спроса на эстетические медицинские услуги и необходимостью обеспечения безопасности пациентов. В последние годы наблюдается значительное ужесточение нормативных требований к данной сфере, что связано с ростом количества судебных разбирательств по вопросам качества медицинской помощи и с участившимися случаями привлечения врачей к уголовной ответственности. При этом правоприменительная практика выявляет ряд проблем и пробелов, связанных с лицензированием, стандартизацией, профессиональными требованиями к специалистам и квалификацией преступлений, совершенных медицинскими работниками. В связи с чем автором проведен анализ уголовного законодательства, регулирующего ответственность за преступления, совершенные в сфере пластической хирургии, исследована правоприменительная практика и внесены предложения дальнейшего совершенствования нормативной базы и выработки эффективных механизмов защиты прав пациентов и медицинских работников.

Ключевые слова: пластическая хирургия, уголовно-правовая ответственность, медицинская деятельность, безопасность, операция, медицинская организация, судебная практика.

Законодательное регулирование пластической хирургии в России основывается на совокупности нормативных актов, включая общие нормы здравоохранительного законодательства, подзаконные акты и профессиональные стандарты. Правовое обеспечение безопасности и качества медицинской помощи в данной области осуществляется через лицензирование, стандартизацию услуг и контроль за соблюдением установленных требований. Важно дополнительно отметить, что в последние годы введены жесткие требования к медицинским организациям, что способствует улучшению качества услуг и повышению безопасности операций. Однако остаются проблемы, такие как нелегальная деятельность некоторых медицинских учреждений, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и усиления государственного контроля. Например, И.В. Буромский, Ю.В. Ермакова, Е.С. Сидоренко в своей работе отметили, что нередко приходится сталкиваться с незаконным оказанием услуг по специальности «пластическая хирургия» [1].

В последние годы наблюдается рост количества судебных разбирательств по вопросам качества медицинской помощи и в связи с этим участились случаи привлечения врачей к уголовной ответственности.

Уголовная ответственность медицинских работников в сфере пластической хирургии регулируется общими нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, поскольку специализированных статей, предусматривающих ответственность за врачебные ошибки, в российском уголовном законодательстве не существует. Привлечение врачей-пластических хирургов к уголовной ответственности осуществляется на основании общих составов преступлений против жизни и здоровья и преступлений, связанных с нарушением порядка осуществления медицинской деятельности.

Наиболее часто в судебной практике к медицинским работникам применялись следующие нормы УК РФ:

- ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности, если летальный исход наступил в результате ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей);

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

- ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие нарушения медицинских стандартов и профессиональных требований);
- ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному, в том числе отказ врача от послеоперационного наблюдения при наличии осложнений);
- ст. 235 УК РФ (незаконное осуществление медицинской деятельности, в случаях, когда операции проводились без лицензии или соответствующей квалификации);
- ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, отныне квалифицировать врачебные ошибки по ст. 238 УК РФ нельзя – такие ситуации должны рассматриваться именно как ненадлежащее исполнение профобязанностей (ст. 109, 118 УК) либо как административные правонарушения, если отсутствует тяжкий вред)¹.

Одним из ключевых оснований для уголовного преследования врачей является привлечение их к ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью или смерть пациента вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. В судебной практике квалификация по ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 118 УК РФ требует установления прямой причинно-следственной связи между действиями хирурга и наступившими последствиями. При этом суды исходят из необходимости доказательства грубой неосторожности, которая заключается в явном игнорировании стандартов оказания медицинской помощи, наличии альтернативных способов предотвращения негативных последствий, а также тяжести наступившего вреда. Примером применения указанных норм является дело клиники «Анна» в Санкт-Петербурге, где пациентке была проведена комплексная пластическая операция в условиях, не отвечающих требованиям безопасности. В ходе расследования установлено, что клиника не имела лицензии на проведение пластических операций, а анестезиологическое обеспечение не соответствовало установленным требованиям. Послеоперационные осложнения привели к смерти пациентки, и в результате хирург, анестезиолог и владелец клиники были привлечены к уголовной ответственности. Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга признал их виновными по ч. 2 ст. 238 УК РФ, назначив хирургам реальные сроки лишения свободы, а владельцу клиники – крупный штраф [2,5].

Аналогичные дела рассматривались в судах Москвы и других регионов, где вина медицинских работников устанавливалась при наличии доказательств грубого отступления от стандартов медицинской помощи. Например, в 2023 году было возбуждено уголовное дело против врачей клиники «IQ Plastique» в Москве после гибели пациента во время пластической операции. Следствие уста-

новило, что причиной смерти стали послеоперационные осложнения, которые можно было предотвратить при должном уровне медицинской помощи. Дело квалифицировалось по ч. 2 ст. 238 УК РФ, но с учетом последней законодательной реформы нормы квалификации могут быть пересмотрены [6].

Отдельное место среди уголовных составов занимает ответственность за неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). В судебной практике встречаются случаи, когда хирурги или медицинские учреждения отказываются принимать пациентов с осложнениями после проведенных операций, что приводит к тяжелым последствиям для их здоровья. В подобных ситуациях важно доказать, что отказ в медицинской помощи не имел уважительных причин и повлек ухудшение состояния пациента. Кроме того, в последние годы участились случаи привлечения к ответственности хирургов, осуществлявших деятельность без лицензии или без надлежащей квалификации. Согласно ч. 2 ст. 235 УК РФ, незаконная медицинская деятельность, повлекшая по неосторожности смерть пациента, может повлечь наказание в виде лишения свободы. Ярким примером является дело, возбужденное прокуратурой Махачкалы в 2025 году против лица, не имеющего медицинского образования, но проводившего липосакцию в арендованном помещении. В результате некачественно проведенной операции пациентка скончалась, а обвиняемый был осужден по ч. 2 ст. 235 УК РФ [3].

Еще одним показательным примером является так называемое «дело Алены Верди» – косметолога, проводившей пластические операции без медицинского образования. В ходе следствия было установлено, что вследствие ее действий несколько пациентов получили тяжкий вред здоровью, а один случай привел к летальному исходу. Суд квалифицировал ее действия как незаконное осуществление медицинской деятельности (ст. 235 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), назначив ей реальный срок лишения свободы [7].

Стоит отметить, что до недавнего времени в отношении медицинских работников широко применялась ст. 238 УК РФ, предусматривающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Однако медицинское сообщество неоднократно критиковало использование данной нормы против врачей, указывая, что их деятельность не должна оцениваться как предоставление бытовых услуг. В связи с чем Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ в статью 238 УК РФ были внесены изменения, согласно которым она более не применяется к медицинским работникам, оказывающим услуги в рамках лицензированной деятельности. Тем не менее, данное изменение не отменяет ответственности врачей за грубую неосторожность при оказании медицинской помощи. Теперь правоприменительная практика сместилась в сторону привлечения хирургов к ответственности по ст. 109 и 118 УК РФ, что требует более тщательной судебно-медицинской экспертизы и оценки степени вины специалиста.

¹ Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8524.

Таким образом, стоит отметить, что уголовная ответственность медицинских работников в сфере пластической хирургии наступает при наличии предусмотренных законом оснований. Судебная практика показывает, что в большинстве случаев уголовные дела возбуждаются при наличии явных доказательств врачебной халатности, которая привела к необратимым последствиям для пациента. При этом в последние годы произошли значительные изменения в подходах к квалификации преступлений медицинских работников: исключение врачей из сферы действия ст. 238 УК РФ привело к необходимости более четкой оценки их профессиональной ответственности в рамках ст. 109 и 118 УК РФ, что свидетельствует о стремлении законодателя сбалансировать защиту прав пациентов с интересами медицинского сообщества, оставляя ответственность только за действия, грубо противоречащие современным стандартам медицинской помощи.

Несмотря на обширное нормативное регулирование пластической хирургии, правоприменительная практика также выявляет ряд пробелов и противоречий, затрудняющих соблюдение законодательства. Основные проблемы связаны с неопределенностью правового статуса пластической хирургии, несовершенством механизма лицензирования и контроля качества, размытыми границами между пластической хирургией и косметологией, а также отсутствием четких критериев уголовной и гражданско-правовой ответственности медицинских работников.

Одним из ключевых вопросов остается двойственная правовая природа пластической хирургии, одновременно подпадающей под регулирование законодательства о здравоохранении и законодательства о защите прав потребителей. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ трактует пластические операции как медицинскую помощь, тогда как Гражданский кодекс РФ и Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» рассматривают их как услугу, подлежащую требованиям к исполнению договорных обязательств¹. Данная коллизия позволяет пациентам предъявлять к хирургам требования, основанные не только на стандартах медицинской помощи, но и на гарантиях потребительского права, что приводит к усилению гражданско-правовой ответственности врачей.

Судебная практика подтверждает, что неудовлетворительный результат пластической операции может рассматриваться как основание для взыскания компенсации, даже если медицинское вмешательство выполнено в полном соответствии с клиническими рекомендациями. Сложившаяся ситуация ставит перед медицинскими организациями необходимость учитывать как требования отраслевых стандартов, так и положения потребительского законодательства, что приводит к неопределенности правоприменения. Дополнительные сложности вызывает отсутствие четкого разграничения

пластической хирургии и косметологии. Нередко медицинские организации выполняют хирургические вмешательства под видом косметологических процедур, формально не требующих лицензии. В практике выявлены случаи проведения липосакции, нитевой подтяжки лица и иных инвазивных процедур без надлежащей лицензии. Примером является административное дело, возбужденное Управлением Роспотребнадзора по Костромской области, в ходе которого центр косметологии был привлечен к ответственности за незаконное ведение медицинской деятельности, однако отсутствие строгих санкций демонстрирует низкую эффективность действующего контроля [4].

Проблемы вызывает и несовершенство механизма лицензирования. Ужесточение требований в 2020 году привело к отказу значительного числа клиник от лицензий, что свидетельствует о ранее существовавших лазейках. Но даже после реформы Росздравнадзор продолжает выявлять случаи, когда клиники либо оказывают услуги без лицензии, либо формально исключают пластическую хирургию из перечня разрешенных видов деятельности, продолжая ее фактически выполнять. В частности, уголовное дело в отношении московской клиники «Медланж», где в результате халатных действий врачей скончались трое пациентов, подтвердило существование практики оказания медицинских услуг без надлежащего оснащения и без сертифицированных специалистов.

Существенный правовой пробел связан с регулированием амбулаторных операций. Приказ Минздрава России от 31.05.2021 № 298н предписывает проводить сложные пластические вмешательства исключительно в условиях стационара, при этом нормативные требования носят подзаконный характер и зачастую игнорируются. До недавнего времени контроль за проведением амбулаторных пластических операций оставался недостаточным, что привело к ряду уголовных дел в отношении врачей, проводивших операции без надлежащих условий.

Отдельным нерешенным вопросом остается отсутствие обязательного страхования ответственности хирургов. В отличие от зарубежной практики, где страхование профессиональной ответственности является обязательным условием работы врачей, в России такой механизм отсутствует. В результате пациенты вынуждены добиваться компенсации вреда исключительно в судебном порядке, что усложняет процесс возмещения ущерба. Введение страховых механизмов позволило бы сократить число судебных споров и обеспечить более эффективную защиту прав пациентов. Кроме того, в нормативно-правовом регулировании отсутствуют положения, четко определяющие правовой статус новых технологий в пластической хирургии. Лазерные и ультразвуковые технологии, 3D-печать имплантов, применение стволовых клеток развиваются быстрее, чем законодательство, что создает неопределенность в вопросах врачебной ответственности при осложнениях, вызванных использо-

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 140.

ванием экспериментальных методик. Остается нерешенным и вопрос о границах профессиональной компетенции врачей-косметологов, выполняющих малоинвазивные процедуры, отсутствует четкое определение их статуса в контексте применения ст. 238 УК РФ после внесенных в нее изменений.

Таким образом, в сфере пластической хирургии уголовно-правовая ответственность медицинских работников регулируется общими нормами УК РФ, однако судебная практика выявила необходимость более четкой квалификации преступлений, связанных с врачебными ошибками. В последние годы произошли изменения в правоприменительной практике, с исключением ст. 238 УК РФ для врачей, что потребовало пересмотра подходов к квалификации действий медицинских работников. Основными проблемами правоприменения являются неопределенность правового статуса пластической хирургии, недостаточная регламентация взаимодействия с косметологией, несовершенство механизма лицензирования и отсутствие обязательного страхования ответственности хирургов. Существует потребность в создании более четких стандартов для использования новых технологий и установлении границ компетенции медицинских работников.

Соответственно, правовое регулирование пластической хирургии требует совершенствования, направленного на устранение нормативных пробелов, унификацию правоприменения и усиление механизмов государственного контроля. Разрешение указанных вопросов позволит обеспечить баланс между защитой прав пациентов и правомерностью деятельности медицинских работников, минимизируя риски правовой неопределенности.

Литература

1. Буромский И.В., Ермакова Ю.В., Сидоренко Е.С. Правовое регулирование профессиональной деятельности врача по специальности «пластическая хирургия» И.В. Буромский, Ю.В. Ермакова, Е.С. Сидоренко // Лечебное дело 2022. № 1. С. 96–100.
2. Владелец петербургской клиники «Анна» получил 9 лет колонии за смерть пациентки после блефаропластики [Электронный ресурс] // Vademecum. – Режим доступа: <https://vademecum.ru/news/2023/12/15/vladelets-peterburgskoy-kliniki-anna-poluchil-9-let-kolonii-za-smert-patsientki-posle-blefaroplastik/>
3. Дело о гибели женщины после липосакции в Махачкале передано в суд [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – Режим доступа: <https://mkala.mk.ru/incident/2025/01/14/delo-o-gibeli-zhenshhiny-posle-liposakcii-v-makhachkale-peredano-v-sud.html>
4. Определение Второго арбитражного апелляционного суда от 15.07.2013 № 02АП-4534/13 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/54557334/>
5. Подтяжки грех: как погибла пациентка эстетической клиники «Анна», работавшей без ли-

цензии на пластическую хирургию [Электронный ресурс] // Vademecum. – Режим доступа: https://vademecum.ru/article/podtyazhki_grekh_kak_pogibla_patsientka_esteticheskoy_kliniki-anna-rabotavshey_bez litsenzii_na_p/

6. СК возбудил дело из-за смерти пациента после операции в клинике Хайдарова [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65df49689a7947cf2c7e13f0>
7. Суд в Краснодаре арестовал на два месяца хирурга, подозреваемого в некачественных услугах [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/6301166>

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY IN THE CONTEXT OF CRIMINAL-LEGAL RESPONSIBILITY OF MEDICAL WORKERS

Rayanova E.T.

State University of Maritime and Inland Shipping named after Admiral S.O. Makarov

The relevance of the study is due to the increasing importance of the legal regulation of plastic surgery in the Russian Federation due to the increasing demand for aesthetic medical services and the need to ensure patient safety. In recent years, there has been a significant tightening of regulatory requirements in this area, which is associated with an increase in the number of lawsuits on the quality of medical care and with the increasing frequency of cases of criminal prosecution of doctors. At the same time, law enforcement practice reveals a number of problems and gaps related to licensing, standardization, professional requirements for specialists and qualification of crimes committed by medical professionals. In this regard, the author analyzes the criminal legislation regulating liability for crimes committed in the field of plastic surgery, examines law enforcement practice and makes proposals for further improvement of the regulatory framework.

Keywords: plastic surgery, criminal liability, medical activity, safety, surgery, medical organization, judicial practice.

References

1. Buromsky I.V., Ermakova Yu.V., Sidorenko E.S. Legal regulation of the professional activity of a doctor specializing in plastic surgery I.V. Buromsky, Yu.V. Ermakova, E.S. Sidorenko // Medical business 2022. No. 1. pp. 96–100.
2. The owner of the St. Petersburg clinic “Anna” received 9 years in prison for the death of a patient after blepharoplasty [Electronic resource] // Vademecum. – Access mode: <https://vademecum.ru/news/2023/12/15/vladelets-peterburgskoy-kliniki-anna-poluchil-9-let-kolonii-za-smert-patsientki-posle-blefaroplastik/>
3. The case of the death of a woman after liposuction in Makhachkala has been transferred to the court [Electronic resource] // Moskovsky Komsomolets. – Access mode: <https://mkala.mk.ru/incident/2025/01/14/delo-o-gibeli-zhenshhiny-posle-liposakcii-v-makhachkale-peredano-v-sud.html>
4. Ruling of the Second Arbitration Court of Appeal dated 07/15/2013 No. 02AP-4534/13 [Electronic resource] // GARANT. – Access mode: <https://base.garant.ru/54557334/>
5. Suspenders are a sin: how the patient of the aesthetic clinic “Anna”, who worked without a license for plastic surgery, died [Electronic resource] // Vademecum. – Access mode: https://vademecum.ru/article/podtyazhki_grekh_kak_pogibla_patsientka_esteticheskoy_kliniki-anna-rabotavshey_bez_litsenzii_na_p/
6. The Investigative Committee opened a case due to the death of a patient after surgery at the Khaidarov clinic [Electronic resource] // RBC. – Access mode: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65df49689a7947cf2c7e13f0>
7. A court in Krasnodar arrested for two months a surgeon suspected of substandard services [Electronic resource] // TASS. – Access mode: <https://tass.ru/proisshestviya/6301166>

Об отдельных проблемах правового регулирования судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве

Саркисян Вероника Вартановна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

E-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru

Зорова Бажена Петровна,

студент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) (МГИМО МИД России)

E-mail: bazhena.zorova@gmail.com

Возможность применения специальных знаний в целях достижения задач уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) выступает одной из гарантий объективности и всесторонности разрешения уголовных дел. Однако в российской судебной практике сложился подход, существенно ограничивающий круг потенциальных экспертных организаций и затрудняющий привлечение экспертов к производству судебных экспертиз. В этой связи в качестве предмета исследования автор выбрал нормы уголовно-процессуального законодательства о судебных экспертизах и практику их применения, поставив перед собой цель проведения анализа ряда актуальных вопросов уголовного судопроизводства, разделенного на два широких блока: 1) о неопределенности статуса судебного эксперта; 2) об организационно-финансовых сложностях при привлечении специальных знаний. В работе использовались традиционные методы юридического анализа, в частности формально-юридический, системный и дедуктивный. В результате обозначены основные проблемы в судебно-экспертной сфере, а также сформулированы предложения, которые могут быть использованы для совершенствования правового регулирования и устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: судебные экспертизы в уголовном судопроизводстве, правовой статус судебного эксперта, судебно-экспертные организации, судебно-экспертная деятельность, уголовное судопроизводство, негосударственные судебные эксперты.

В контексте судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве¹ нередко возникают вопросы организационно-финансового характера, детерминированные прежде всего общей неопределенностью статуса судебных экспертов и наблюдающихся лакун в правовом регулировании оплаты их труда, о которых на протяжении длительного времени в юридической литературе ведется активная дискуссия². В настоящей работе акцент сделан на том, как указанные проблемы проявляют себя при разрешении уголовных дел.

Первое, что бросается в глаза при анализе положений УПК РФ, регулирующих права и обязанности эксперта (ст. 57), а также порядок назначения и производства судебной экспертизы (ст. 195–207, 269, 282, 283), это отсутствие ясности в вопросе о том, кто может выступать судебным экспертом.

С одной стороны, законодатель в ч. 2 ст. 195 УПК РФ оставил довольно широкий простор для выбора, обозначив незакрытый перечень лиц, которые имеют возможность проводить уголовные судебные экспертизы, и закрепив только один критерий определения круга потенциальных экспертов – обладание специальными знаниями. С другой стороны, в той же норме содержится дихотомия, подразделяющая всех судебных экспертов на государственных и «иных».

Подобная классификация в зависимости от источника финансирования и форм собственности в целом характерна для отечественного судебно-экспертного законодательства, представленного в первую очередь Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³. Так, в силу ст. 12 упомянутого закона государственные судебные эксперты подлежат обязательной аттестации в экспертно-квалификационных комиссиях, регулярному пересмотру уровня квалификации, а также обязаны получать дополнительное профессиональное образование по определенной экспертной специальности. Кроме того, согласно ст. 41 того же закона

¹ Термин «уголовное судопроизводство» включает как до-судебное, так и судебное производство, в т.ч. стадию до возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ).

² См. например: Россинская Е.Р. О правовом статусе судебного эксперта. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). N 7, июль 2018 г.; Сезонова Т.В., Ева Д.А. Современные проблемы правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Современная наука. N 2. март-апрель 2021 г.; Попова А.В. К вопросу о финансово-правовом статусе негосударственных судебно-экспертных организаций // Банковское право. 2023. N 4. С. 48–56 и др.

³ Далее – Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

Правительство может устанавливать своего рода монополию, утверждая перечень видов судебных экспертиз, которые никто, кроме государственных судебно-экспертных организаций¹, производить не вправе. Подобный перечень в настоящее время утвержден распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р. Наконец, та же статья 41 позволяет проведение судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений и даже распространяет часть норм Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ на таких «негосударственных» судебных экспертов.

Таким образом, статус государственного судебного эксперта предполагает особые правовые последствия, более строгие требования с точки зрения контроля за компетентностью, не говоря уже об исключительном доступе к отдельным видам судебных экспертиз. Налицо неравное положение в среде судебных экспертов в зависимости от неочевидного критерия принадлежности работодателя к государственным специализированным учреждениям. Подобные дифференцированные стандарты порождают в юридическом сообществе ошибочные представления о том, что все судебные эксперты должны иметь лицензию, аттестацию, удостоверения, должны быть включены в реестр судебных экспертов и т.п. Иными словами, неправильно понятые требования к государственным судебным экспертам экстраполируют на всех остальных в попытках ограничить круг доступных экспертов. Тогда как в действительности закон не предъявляет к «негосударственным» судебным экспертам никаких дополнительных требований, кроме наличия специальных знаний.

Тем самым текущее регулирование судебных экспертиз вне процессуальных рамок сосредотачивается на государственных судебно-экспертных организациях, а экспертизы, производимые иными лицами, регламентируются по остаточному принципу. Сложившееся положение дел нельзя назвать полноценным и достаточным, оно приводит ко множеству недосказанностей и противоречий, особенно если учесть, что дополнительные нормы о порядке выполнения судебных экспертиз содержатся в каждом процессуальном кодексе и не всегда согласованы между собой.

Описанные сложности в свое время были отмечены Правительством РФ, которое в 2013 году внесло на рассмотрение в Государственную Думу законопроект № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», призванный в том числе унифицировать подходы к государственным и «негосударственным» судебным экспертам. Однако после первого чтения законопроект был возвращен на доработку и до настоящего времени остается не принятым.

¹ Примечательно, что в остальных статьях Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ используется категория «экспертное учреждение», и только в ст. 41 использован термин «судебно-экспертные организации», который безусловно более корректен с гражданско-правовой точки зрения, так как не ограничивает выбор возможных организационно-правовых форм исключительно учреждениями.

В связи с изложенными пробелами, имеющими в действующем законодательстве о судебных экспертизах, формулировки в УПК РФ только усугубляют ситуацию и порождают неоднозначность трактовок. Так, в ст. 199 УПК РФ наблюдается еще одна двойственность регулирования, а именно деление на «руководителя экспертного учреждения» и «руководителя государственного судебно-экспертного учреждения», а также разный набор полномочий для одного и другого. Из чего можно сделать вывод о допустимости производства судебных экспертиз в рамках уголовного судопроизводства в неких «экспертных учреждениях», не относящихся к государственным.

Итак, из системного толкования ст. 195 и ст. 199 УПК РФ следует, что судебные экспертизы могут проводиться: а) работниками государственных судебно-экспертных учреждений; б) работниками иных экспертных учреждений; в) иными физическими лицами², не являющимися работниками первых двух категорий.

Тем самым широкая на первый взгляд формулировка ч. 2 ст. 195 УПК РФ, позволяющая привлекать к проведению судебных экспертиз помимо работников государственных судебно-экспертных учреждений любых компетентных экспертов, может быть истолкована ограничительно. Как видно, среди перечисленных выше лиц отсутствуют юридические лица, не являющиеся экспертными, но работники которых обладают необходимыми специальными познаниями и проводят судебные экспертизы в рабочее время. Иными словами, из буквального и системного толкования двух упомянутых норм УПК РФ не ясно, какие именно учреждения относятся к «иным экспертным учреждениям».

Мыслимо два варианта толкования: к таковым можно относить только юридических лиц³, чья профильная уставная деятельность ограничена производством судебных экспертиз (экспертные учреждения в узком смысле), либо же считать таковыми любые организации, если работники последних обладают необходимой компетентностью (экспертные учреждения в широком смысле).

В последнем случае единственным критерием «экспертности» для «иных», т.е. негосударственных экспертов, являлся бы закрепленный в ч. 2 ст. 195 УПК РФ критерий наличия специальных знаний, что оставляло бы широкое поле усмотрения суда или следователя/дознателя, назначающих судебную экспертизу, в оценке компетентности того или иного эксперта, не относящегося к государственным, и обеспечивало бы более сво-

² То, что в ч. 2 ст. 195 УПК РФ под «экспертами» подразумеваются физические, а не юридические лица, в свою очередь следует из системного толкования указанной нормы со ст. 12 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, согласно которой государственными судебными экспертами являются работники государственных судебно-экспертных учреждений, и со ст. 20 Трудового кодекса РФ, называющей «работниками» только физических лиц.

³ Возможен также еще более формалистский вариант толкования, относящий к экспертным исключительно юридические лица в организационно-правовой форме учреждений.

бодный доступ правоприменителей к специальным знаниям.

Однако Пленум Верховного Суда избрал первый ограничительный вариант толкования УПК РФ и сузил доступный круг судебных экспертов, разъяснив в п. 2–3 постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹, что к «иным» экспертам², о которых сказано в ч. 2 ст. 195 УПК РФ, относятся две категории физических лиц: а) сотрудники негосударственных судебно-экспертных учреждений; б) лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях.

В свою очередь, под «негосударственными» судебно-экспертными учреждениями Пленум ВС РФ предложил понимать исключительно некоммерческие организации, в уставную деятельность которых входит осуществление судебных экспертиз. Как известно, в силу гражданского законодательства (ст. 49 ГК РФ) правоспособность некоммерческих организаций по общему правилу ограничена их уставами, тогда как в отличие от этого коммерческие организации имеют общую правоспособность, а их деятельность нацелена на извлечение прибыли. Видимо по мысли Пленума ВС РФ в целях повышения качества экспертных исследований судебно-экспертные организации должны иметь специальную правоспособность, ограниченную производством судебных экспертиз, не отвлекаясь на извлечение прибыли. Поэтому коммерческие юридические лица из пула судебно-экспертных организаций рекомендовано исключить. Схожее обоснование подобной позиции встречается в юридической литературе³.

Очевидно, что подобное ограничение выходит за рамки текста УПК РФ и представляет собой объективно-телеологическое толкование, исходящее из тех политико-правовых целей, которые, по мнению Пленума ВС РФ, преследует соответствующая норма. Однако эта позиция представляется сомнительной, не имеющей за собой убедительных политико-правовых доводов, что подробнее обосновано ниже.

Вторая подкатегория «иных» экспертов, в которую Пленум ВС РФ включает от противного всех лиц, не состоящих в остальных категориях и подкатегориях, является максимально неопределенной с точки зрения входящих в неё экспертов, так как для отнесения к ней достаточно соответствовать единственному критерию обладания специальными знаниями. Вопрос о наличии и достаточности этих знаний оставлен на усмотрение судов, при этом формальными маркерами надлежащей квалификации высшая судебная инстанция пред-

лагает считать образование, специальность, стаж работы и иные данные (абз. 2 п. 3 упомянутого постановления), которые суду рекомендовано запрашивать в отношении любых «иных» экспертов.

В качестве примеров второй подкатегории, т.е. лиц, не работающих в судебно-экспертных учреждениях, в пункте 5 обозначенного постановления Пленума ВС РФ названы сотрудники научно-исследовательских учреждений, образовательных или иных организаций.

Кроме того, тем же пунктом производство судебной экспертизы вне государственных судебно-экспертных учреждений допускается в порядке исключения и требует особого обоснования. Другими словами, по умолчанию все судебные экспертизы по уголовным делам⁴, по мнению Пленума ВС РФ, подлежат проведению в том государственном судебно-экспертном учреждении, которое обслуживает соответствующую территорию.

В итоге вышеперечисленные нормы с учетом приведенных разъяснений высшей судебной инстанции не позволяют считать судебно-экспертными организациями («экспертными учреждениями» в терминологии УПК РФ) коммерческие юридические лица, индивидуальные предпринимателей, а также некоммерческие организации, если судебно-экспертная деятельность не является для них основной (большинство НИИ, ВУЗов и т.п.). Вместе с тем работники указанных лиц могут привлекаться к уголовному судопроизводству в качестве судебных экспертов, если судья или иное уполномоченное должностное лицо посчитает их компетентность надлежащей и мотивирует это в определении/постановлении о назначении экспертизы.

Мы подошли ко второму блоку вопросов, связанных с организационно-финансовыми сложностями, которые влечет отраженная в постановлении Пленума ВС № 28 модель выбора судебных экспертов.

Занятая Пленумом ВС РФ правовая позиция по поводу статуса судебных экспертов в уголовном судопроизводстве представляется неоптимальной и нежизнеспособной по нескольким причинам.

Во-первых, закрепленное Пленумом ограничение круга лиц, которые могут быть судебными экспертами согласно УПК РФ, на практике соблюдается далеко не всегда. Дело в том, что количество видов судебных экспертиз, требующихся в ходе проверок сообщений о преступлениях, расследования и разрешения уголовных дел, слишком разнообразно, поэтому многие из них не проводятся в государственных судебно-экспертных учреждениях ввиду отсутствия у последних соответствующей компетенции, кроме того, нельзя исключать такие причины, как повышенная загруженность государственных судебных экспертов либо банальный де-

¹ Далее – постановление Пленума ВС № 28.

² В абз. 2 п. 3 упомянутого постановления наряду с категорией «иных экспертов» употребляется эвфемизм «лица, не являющиеся государственными судебными экспертами».

³ См. например: Осинцев Д.В. Пробелы и проблемы в правовом регулировании негосударственной судебно-экспертной деятельности // Российская юстиция. 2025. N 1. С. 23–31; Россинская Е.Р. Актуальные проблемы частной судебно-экспертной деятельности и пути их разрешения. Законы России: опыт, анализ, практика. N 3, март 2023 г.

⁴ В целях единообразия правоприменения и правовой определенности представляется необходимым распространять разъяснения Пленума ВС РФ на всех правоприменителей, а не только на суды, тогда указанное разъяснение относится не только к уголовным делам, но и к проверкам сообщений о преступлениях.

фицит кадров. В итоге для некоторых видов судебных экспертиз не остается иного пути, кроме как проводить их силами негосударственных судебных экспертов. Причем нередко экспертизы поручаются коммерческим организациям, индивидуальным предпринимателям¹ и научно-исследовательским или образовательным некоммерческим организациям, для которых судебно-экспертная деятельность носит характер факультативной.

Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные судебные акты, в том числе на уровне Верховного Суда РФ², которыми с правоохранительных органов в пользу перечисленных категорий лиц успешно взыскивают вознаграждения за проведенные судебные экспертизы, не выплаченные в рамках уголовного дела и квалифицируемые в качестве неосновательного обогащения. Указанные акты касаются экспертиз разного рода, например, автотехнических, товароведческих, строительно-технических, выполненных коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями³, или же ихтиологических и экологических экспертиз научно-исследовательских учреждений⁴. Верховный Суд еще в 2016 году⁵ сформулировал правовую позицию, согласно которой эксперт, проводивший экспертизу, имеет право на получение неосновательного обогащения независимо от того, заключался ли с ним государственный контракт или нет. В основу указанной позиции легло рассмотренное ВС РФ дело, истцом в котором выступала коммерческая экспертная организация (ООО), проводившая по поручению должностных лиц МВД РФ автотехнические экспертизы по делам об административных правонарушениях. В дальнейшем суды распространили⁶ названную позицию на судебные экспертизы, проведенные в рамках уголовного судопроизводства⁷.

¹ Божченко А.П. Негосударственная судебно-экспертная деятельность: целесообразность, необходимость и реализуемость // Медицинское право. 2024. N 1. С. 6–9.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2020 N 305-ЭС20–10751 по делу N A40–123468/2019.

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.04.2024 N Ф04–768/2024; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.07.2022 N Ф08–6101/2022; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.02.2021 N Ф02–7334/2020; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.02.2017 N 07АП–409/17.

⁴ Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.12.2016 N Ф08–8969/2016; от 24.11.2023 N Ф08–10366/2023.

⁵ Пункт 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г.).

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2021 N Ф04–549/24; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.02.2023 N Ф10–6107/2022; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.08.2021 N Ф08–7190/21 и др.

⁷ Необходимость взыскания неосновательного обогащения подтверждена применительно к государственным судебно-экспертным учреждениям, если последние выполняли экспертизы за пределами государственного задания (см. постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 26.10.2018 N Ф06–38198/2018; от 22.01.2019 N Ф06–41228/2018).

Во-вторых, предложенная Пленумом ВС модель правового регулирования приводит к тому, что довольно обширная группа потенциальных судебных экспертов может привлекаться к проведению судебных экспертиз исключительно в статусе самостоятельных физических лиц, обладающих не только специальными знаниями, но и экспертным оборудованием. С организационной точки зрения из этого следует, что работодатель, чей сотрудник привлекается в качестве судебного эксперта, формально не имеет отношения к уголовному делу, не контролирует качество экспертизы и в принципе не является стороной возникающих процессуальных правоотношений⁸.

Между тем, такие судебные экспертизы зачастую проводятся в рабочее время и с использованием экспертного оборудования работодателя, поскольку эксперт как физическое лицо не может позволить себе приобретение и содержание дорогостоящего специализированного имущества в домашних условиях и проведение экспертизы во внеурочное время.

Если вслед за Пленумом ВС РФ не наделять указанных работодателей (к примеру, НИИ или ВУЗы) статусом экспертных учреждений, то формально у них нет оснований для получения экспертного вознаграждения, так как в силу п. 22 Положения о возмещении процессуальных издержек, утвержденного постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 N 1240, подобным правом обладают лишь эксперты-физические лица или экспертные учреждения.

Более того, по смыслу норм УПК РФ эксперт не вправе немотивированно отказаться от проведения порученной ему судебной экспертизы, иными словами, отказ необходимо обосновать уважительными причинами, например, теми, что перечислены в п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Получается, работодатель, с одной стороны, не вправе препятствовать работнику в производстве судебной экспертизы в рабочее время и на служебном оборудовании, с другой – не вправе претендовать на возмещение своих затрат, которые проявляются как минимум в форме оплаты труда эксперту за время, в течение которого он не выполнял своей трудовой функции, и простое оборудования, эксплуатируемого в целях, отличных от служебных.

В литературе встречается мнение⁹, что подведомственные публичным органам научные, образовательные и иные организации не вправе требовать возмещения затрат за проведение их сотрудниками судебных экспертиз, так как финансируются из средств бюджета. Однако само по себе бюджетное финансирование не означает, что указанные расходы покрываются государством, напротив, в связи с тем, что судебно-экспертная де-

⁸ В п. 3 постановления Пленума ВС N 28 говорится, что разъяснение такому эксперту прав и обязанностей, предусмотренных статьей 57 УПК РФ, возлагается на суд, принявший решение о назначении экспертизы.

⁹ Бастрыкин А.И. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. N 1, январь-март 2021 г.

тельность не является для таких некоммерческих организаций основной, их государственным заданием или бюджетной сметой соответствующие статьи затрат не предусмотрены. В подобных условиях отсутствие возмещения приводит к нецелевому расходованию бюджетных средств, так как затраты на заработную плату и содержание имущества не предназначены для производства судебных экспертиз¹.

Еще одна сложность заключается в том, что при неправомерной невыплате вознаграждений судебные эксперты как физические лица имеют гораздо меньше возможностей для инициирования и ведения судебных процедур, чем их работодатели, что также негативно влияет на готовность участвовать в производстве судебных экспертиз.

Отсутствие выплат и принуждение к безвозмездному проведению экспертиз не только нарушает важнейший принцип возмездности труда эксперта, но также может привести к нежеланию организаций, которые лишены статуса экспертных, отвлекать свои кадровые и имущественные ресурсы на непрофильную деятельность, и к их отказу под различными формальными предлогами в оказании содействия правосудию. В конечном итоге предложенная Пленумом ВС модель сужает круг потенциальных экспертов и экспертных организаций, уменьшая возможности привлечения в уголовный процесс специальных знаний и неоправданно ограничивая конкуренцию на рынке экспертиз, что, как известно, отрицательно сказывается на эффективности экономических агентов.

Следует отметить, что описанная модель выбора судебных экспертов, предложенная Пленумом ВС РФ, применяется исключительно в уголовном судопроизводстве². Суды по гражданским, арбитражным и административным делам регулярно назначают судебные экспертизы для производства в коммерческих организациях, равно как и в некоммерческих, независимо от того, предусмотрена ли их уставом судебно-экспертная деятельность в качестве основной или нет. При этом сотрудники таких организаций действуют и получают вознаграждения за свой труд не как самостоятельные физические лица, а через своего работодателя, что значительно оптимизирует порядок их участия с точки зрения временных и финансовых издержек.

Как говорилось выше, сложно найти сколь-нибудь убедительные политико-правовые аргументы, оправдывающие ограничительное объективно-телеологическое толкование, избранное Пленумом ВС для модели выбора судебных экспертов в уголовном процессе. Эта модель, преследуя цели повышения качества судебных экспертиз, вводит их ante ограничения на судебно-экспертную деятельность, заранее отсеивая

те юридические лица, которые кажутся недостаточно компетентными, но при этом оставляет опцию наделения статусом эксперта их работников. В этом заключается заложенная в ней внутренняя противоречивость, приводящая к описанным сложностям. Кроме того, идея о том, что надлежащей квалификацией обладают только государственные судебные эксперты или эксперты некоммерческих организаций, специально созданных для судебно-экспертной деятельности, ничем не обоснована и противоречит приведенным выше фактам, свидетельствующим о том, что судебные экспертизы регулярно и успешно проводятся иными коммерческими и некоммерческими лицами. При этом для обеспечения высокого уровня квалификации экспертов в УПК РФ имеется достаточное количество механизмов ex post контроля. К примеру, проверка компетентности эксперта возложена на лицо, назначающее экспертизу, и, если это лицо ошиблось с выбором, у сторон процесса есть возможность обжалования соответствующего решения, а также проведения дополнительной или повторной экспертизы (ст. 207 УПК РФ).

Благодаря тому, что проанализированная модель выбора экспертов закреплена только на уровне судебной практики для её исправления достаточно разъяснений высшей судебной инстанции, исходящих из расширительного толкования ст. 195 УПК РФ и наделения статусом экспертных учреждений любых организаций и индивидуальных предпринимателей, работники которых обладают достаточным уровнем компетентности по мнению лица, назначающего экспертизу.

При этом нельзя забывать, что обозначенная проблема корнями уходит в закреплённый Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ дифференцированный подход к судебным экспертам в зависимости от того, финансируются они государством или нет. Только после кардинального реформирования правового регулирования судебно-экспертной деятельности можно рассчитывать на определенность в отношении судебных экспертиз в рамках уголовного судопроизводства.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. N 1, январь-март 2021 г.
2. Божченко А.П. Негосударственная судебно-экспертная деятельность: целесообразность, необходимость и реализуемость // Медицинское право. 2024. N 1. С. 6–9.
3. Осинцев Д.В. Пробелы и проблемы в правовом регулировании негосударственной судебно-экспертной деятельности // Российская юстиция. 2025. N 1. С. 23–31;
4. Попова А.В. К вопросу о финансово-правовом статусе негосударственных судебно-экспертных организаций // Банковское право. 2023. N 4. С. 48–56 и др.

¹ Сенников С.А. Актуальные проблемы проведения судебных экспертиз научными организациями // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 3А. 183–196.

² Россинская Е.Р. Актуальные проблемы частной судебно-экспертной деятельности и пути их разрешения. Законы России: опыт, анализ, практика. N 3, март 2023 г.

5. Россинская Е.Р. Актуальные проблемы частной судебно-экспертной деятельности и пути их разрешения. Законы России: опыт, анализ, практика. N 3, март 2023 г.
6. Россинская Е.Р. О правовом статусе судебного эксперта. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). N 7, июль 2018 г.;
7. Сезонова Т.В., Ева Д.А. Современные проблемы правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Современная наука. N 2. март-апрель 2021 г.;
8. Сенников С.А. Актуальные проблемы проведения судебных экспертиз научными организациями // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 3А. 183–196.

CERTAIN PROBLEMS IN THE LEGAL REGULATION OF FORENSIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL PROCEDURE

Sarkisyan V.V., Zorova B.P.

Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The application of specialized knowledge in criminal proceedings (Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) serves as a fundamental safeguard for ensuring objective and comprehensive case resolution. However, Russian judicial practice has developed an approach that significantly narrows the pool of potential expert institutions and complicates the engagement of experts in forensic examinations. In this context, the study examines the provisions of criminal procedural law governing forensic expert examinations and their practical application. The research aims to analyze a number of pressing issues in criminal proceedings, divided into two broad categories: 1) the ambiguity surrounding the legal status of forensic experts; 2) organizational and financial challenges in utilizing specialized knowledge. The author employs traditional

methods of legal analysis, including formal-legal, systemic, and deductive approaches. As a result, the key problems in the forensic examination system are identified, and recommendations are proposed to improve legal regulation and solve the identified problems.

Keywords: forensic examinations in criminal proceedings, legal status of forensic experts, forensic expert institutions, forensic expert activity, criminal procedure, non-state forensic experts.

References

1. Bastrykin, A.I. (2021). Debatable issues in the theory and practice of forensic examination [Diskussionnye voprosy teorii i praktiki sudebnoy ekspertizy]. Crime Investigation: Problems and Solutions, 1.
2. Bozhchenko, A.P. (2024). Non-state forensic expert activity: Expediency, necessity and feasibility [Negosudarstvennaya sudebno-ekspertnaya deyatel'nost']. Medical Law, 1, 6–9.
3. Osintsev, D.V. (2025). Gaps and problems in legal regulation of non-state forensic expert activity [Probely i problemy v pravovom regulirovanii]. Russian Justice, 1, 23–31.
4. Popova, A.V. (2023). On the financial-legal status of non-state forensic institutions [K voprosu o finansovo-pravovom statuse]. Banking Law, 4, 48–56.
5. Rossinskaya, E.R. (2023). Current problems of private forensic practice and solutions [Aktualnye problemy chastnoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti]. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice, 3.
6. Rossinskaya, E.R. (2018). On the legal status of forensic experts [O pravovom statuse sudebnogo eksperta]. Bulletin of O.E. Kutafin University, 7.
7. Sezonova, T.V. & Eva, D.A. (2021). Contemporary problems of legal and organizational support of forensic activities [Sovremennyye problemy pravovogo i organizatsionnogo obespecheniya]. Modern Science, 2.
8. Sennikov, S.A. (2022). Current issues of forensic examinations by scientific institutions [Aktualnye problemy provedeniya sudebnykh ekspertiz]. Issues of Russian and International Law, 12(3A), 183–196.

О модернизации процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном процессе России

Таджибов Зейнудин Рамазанович,

выпускник аспирантуры, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Данная научная статья посвящена актуальным дискуссионным вопросам о механизме, роли и дальнейшего развития и совершенствования такого уголовно-процессуального института, как «привлечения в качестве обвиняемого». Так же рассматриваются различные позиции авторов, высказывающих свои мысли о работе, значении, модернизации и представлении новой концепции рассматриваемого института в связи с современными реалиями.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс России, обвиняемый, прокурор, обвинение, защитник, следствие, дознание, подозрение.

Государство и право, неразрывно взаимосвязанные друг с другом понятия. Что государство, что право имеют свои функции, посредством через которые осуществляется их предназначение. В свою очередь функции государства это своего рода как направление будущего развития его основ и деятельности. Государство в своём распоряжении имеет одну из таких функций как защиты прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка, так же нередко её называют «правоохранительной».

Данную функцию следует отнести к основополагающим. Возникает она с появлением государственности, в отличие, например, от экологической. Осуществляя эту функцию, государство издаёт законы, устанавливает определённый правовой порядок. Обязанность соблюдать законы и другие нормативные правовые акты образует в обществе режим, который получил название законности. Таким образом, правоохранительная функция сводится к выработке эффективной политики в сфере обеспечения прав и свобод личности, в частности их признания, закрепления и гарантирования, а также предоставления юридических и иных форм защиты прав и свобод человека от нарушений. Правоохранительная составляющая этой функции сводится к борьбе с правонарушениями, прежде всего с преступностью, а также к защите всех форм собственности¹.

Одной из подфункций, которые использует государство для поддержания правопорядка, законности и справедливости является уголовное преследование и обвинение, подводящие в совокупности к реализации норма законов, которые были нарушены преступником.

Обвинение в уголовном судопроизводстве осуществляется в специальной форме, представляющей собой уголовно-процессуальную процедуру, в рамках которой подозреваемый информируется о том, что в отношении него собраны достаточные доказательства совершения им конкретного преступления.

По мнению С.В. Романова: «привлечение в качестве обвиняемого представляет собой комплекс процессуальных действий по вынесению постановления о привлечении в качестве обвиняемого, вызову обвиняемого для предъявления обвинения и собственно предъявлению обвинения»².

¹ Теория государства и права. //под ред. Клишаса А.А. М. 2017..

² Курс уголовного процесса //под ред. Головки Л.В. М. Проспект. 2017.

С точки зрения структуры уголовного процесса, «привлечение лица в качестве обвиняемого является одним из этапов предварительного расследования, в результате которого принимается решение в отношении конкретного лица о его причастности к преступлению по признакам конкретного преступления»¹. При этом следует отметить, что данная процедура является обязательным этапом исключительно предварительного следствия. В ходе дознания, производимого в общем порядке, привлечение в качестве обвиняемого может иметь место только в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 224 УПК РФ при невозможности составить обвинительный акт в 10-дневный срок со дня заключения подозреваемого под стражу. Таким образом, законодатель косвенно указывает на предварительный характер обвинения при привлечении в качестве обвиняемого по отношению к составлению обвинительного акта, завершающего предварительное расследование в форме дознания. При производстве дознания в сокращенной форме привлечение в качестве обвиняемого не производится.

«Сущность привлечения лица в качестве обвиняемого обуславливает установление его процессуального значения. Этот институт позволяет определить рамки дальнейшего производства по делу, которое будет вестись только в отношении привлеченного в качестве обвиняемого лица и только по тем преступлениям, которые ему вменяются в вину»². Кроме того, по мнению М.Ю. Колбеевой: «она заключается в своевременной постановке в известность (уведомлении) лица, в отношении которого осуществляется расследование уголовного дела, о юридическом и фактическом содержании данных, указывающих на причастность данного лица к совершению преступления»³.

Как полагает С.Б. Россинский: «Законодатель позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т.д. Обеспечению этих прав и служит процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела лишь с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае

возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования воспользоваться полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ»⁴.

Согласно позиции Н.П. Ефремовой и В.В. Кальницкого: «привлечение в качестве обвиняемого как один из типичных элементов реализации следственной власти не имеет сугубо обвинительной направленности. Эта процедура обладает юрисдикционным характером, предполагающим комплексное решение целого ряда как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных задач. Она сводится не только к вынесению постановлений, а включает и ряд последующих процессуальных действий (ознакомление обвиняемого и его защитника с существом обвинения разъяснение обвиняемому его прав, допрос обвиняемого и др.), которые уж точно не могут быть расценены как приемы, проводимые в целях осуществления уголовного преследования»⁵.

Однако, как отмечает С.В. Романов: «толкование привлечения в качестве обвиняемого как привлечения к уголовной ответственности или его этапа вступает в противоречие с презумпцией невиновности. Решение о признании подсудимого виновным в силу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ может быть принято только судом и должно быть оформлено приговором, вступившим в законную силу. С момента вступления приговора в законную силу и наступает уголовная ответственность»⁶.

«Наличие доказанных оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого недостаточно для обвинения. Это становится возможным только при соблюдении ряда необходимых правовых условий: уголовное дело возбуждено; привлечение в качестве обвиняемого процессуально допустимо только в ходе предварительного расследования; решение о привлечении лица в качестве обвиняемого принято надлежащим органом предварительного расследования – следователем и процессуально закреплено в материалах уголовного дела; соблюдены правила подследственности; преступление, по которому лицо привлекается в качестве обвиняемого, относится к уголовно наказуемому деянию»⁷.

После принятия УПК РФ «институт привлечения в качестве обвиняемого, по сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством, претерпел существенные изменения. Прежде всего, эти изменения связаны со становлением и развитием принципа состязательности

¹ Малахова А.Е. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого – рудимент обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве РФ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова 2024. № 4(101). С. 188.

² Антонович Е.К. Генезис института привлечения лица в качестве обвиняемого // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 142.

³ Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. Автореф. дисс... к.ю.н. М, 2013 С. 12–13.

⁴ Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? //Государство и право. 2022.№ 3, С. 65

⁵ Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 6

⁶ Курс уголовного процесса //под ред. Головки Л.В. М. Проспект. 2017. С. 732.

⁷ Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? Государство и право, 2022, № 3, с. 65

в уголовном процессе, согласно которому функция обвинения должна быть отделена от защиты, а привлечение лица в качестве обвиняемого в таких условиях понимается как выдвижение первоначального обвинения – уголовного иска. Кроме того, УПК РФ 2001 г. отказался от процедуры привлечения в качестве обвиняемого в рамках дознания, объединив её с процедурой окончания расследования»¹. В 2007 году процедура дознания была дополнена ст. 223.1 УПК РФ «Уведомление о подозрении в совершении преступления», фактически уравнивающей права подозреваемого в ходе дознания и обвиняемого в предварительном расследовании.

В результате в последние десятилетия в российской уголовно-процессуальной доктрине существует дискуссия о реформировании процедуры привлечения в качестве обвиняемого. Спектр научных мнений здесь самый различный – от сохранения данного уголовно-процессуального института в неизменном виде до его коренной модернизации или даже отмены.

Так, Н.Н. Ковтун, предлагает: «исключить привлечение в качестве обвиняемого из орбиты предварительного следствия и возвести эту процедуру в ранг самостоятельной и полноценной стадии российского уголовного процесса, мотивируя данную точку зрения «положительным» опытом ряда других, в т.ч. возникших на постсоветском пространстве, государств, использующих «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства либо стремящихся к построению подобной системы предварительного расследования»².

В свою очередь, К.А. Наумов считает, что: «предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом РФ процедура привлечения в качестве обвиняемого подлежит безусловному упразднению как не отвечающая поддерживаемой автором концепции построения досудебного производства, предполагающей нахождение всех процессуальных полномочий, связанных с реализацией функции обвинения, в исключительном ведении прокурора. При этом он подчеркивает, что именно прокурору надлежит, изучив собранные в ходе предварительного расследования доказательства, лично формулировать обвинение и составлять соответствующий обвинительный акт»³.

В исследовании М.Ю. Колбеевой, также делается вывод «о необходимости исключения рассматриваемого института из УПК РФ»⁴.

¹ Федотченко, А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук: М. Рос. таможен. акад. 2006. С. 3

² Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал рос. права. 2019. № 9. С. 135.

³ Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 137.

⁴ Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Обстоятельно целесообразность отказа от привлечения в качестве обвиняемого как автономной уголовно-процессуальной процедуры следственного характера аргументируется в работах Б.Я. Гаврилова. Он обоснованно отмечает, что: «ранее основное предназначение этого института сводилось к обеспечению возможности обеспечения права обвиняемого и допуска защитника к участию в уголовном деле, тогда как в настоящее время такая возможность уже не ставится в зависимость от привлечения лица в качестве и с 2015 года может быть предоставлена даже в момент проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ)»⁵. Кроме того, Б.Я. Гаврилов обосновывает отказ от действующей процедуры привлечения в качестве обвиняемого: «а) вышеуказанным «положительным» опытом других государств и дореволюционными правовыми традициями; б) практически полным нивелированием в Уголовно-процессуальном кодексе РФ процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, в) все большим распространением практики расследования уголовных дел в форме дознания, т.е. без использования процедуры предъявления обвинения; г) мнением Европейского Суда по правам человека, определяющего обвинение как обоснованное подозрение»⁶. Также серьезным доводом Б.Я. Гаврилова является и то, что: «в суд почти за 20 лет действия УПК РФ направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения»⁷.

Максимально радиальную позицию по данному вопросу высказывает А.С. Александров, заявляя «о необходимости отказа от существующего предварительного следствия, введении прокурорского дознания и параллельного расследования, предоставлении гражданину права возбуждения уголовного иска при отказе в этом государственного органа»⁸.

С противоположной стороны В.В. Кальницкий, высказывая ряд аргументов в поддержку существующих механизмов привлечения в качестве обвиняемого считает его оптимальным⁹.

По мнению С.В. Романова, «этот институт представляет собой существенную гарантию прав и законных интересов лиц, подвергаемых уголовному

⁵ Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Росс. следователь. 2013. № 21. С. 8;

⁶ Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 10.

⁷ Гаврилов Б.Я. Взгляд ученого и практика на современное досудебное производство. //Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовного исполнительного права: теория и практика. Материалы IX международной научно-практической конференции. 2020 С. 15.

⁸ Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7 10.

⁹ Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избр. тр. Омск, 2016. С. 129.

преследованию, а также способствует реализации государственно-властных полномочий и правомочий потерпевшего, поскольку позволяет обеспечить надлежащий ход предварительного расследования, в т.ч. путем ограничения конституционных прав обвиняемого»¹.

Схожую позицию занимает С.Г. Коновалов, полагаящий, что: «сохранившийся порядок выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии продолжает оставаться существенной гарантией обеспечения его процессуальных прав, тогда как ее упразднение ни в коей мере не будет способствовать их укреплению»². Аналогичные суждения можно встретить в других публикациях³.

С.Б. Россинский занимая компромиссную позицию отмечает, что «несмотря на то, что ему намного ближе точка зрения, предполагающая сохранение существующего ныне порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. атактистичность некоторых элементов, присущих установленной гл. 23 УПК РФ процессуальной форме привлечения в качестве обвиняемого, а также сложившейся в результате ее использования правоприменительной практике. Так он считает противоречащей самому смыслу этой юрисдикционной процедуры, презумпции невиновности и ряду других принципов уголовного судопроизводства двухэтапную и растянутую на длительный срок практическую технологию, состоящую в предъявлении обвинения в двух редакциях: 1) первоначального («пилотного») обвинения, как правило, основанного на результатах ряда безотлагательных процессуальных действий; 2) окончательного обвинения, опирающегося на итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, подтвержденного достаточной совокупностью доказательств и обусловленного подлинной убежденностью следователя в изобличении лица в совершении инкриминируемого ему преступления»⁴.

Кроме того, гл. 23 УПК РФ не смогла, по его мнению: «избежать и другого системного недостатка, присущего уголовно-процессуальному праву – она явно перегружена не имеющими никакого «высокого» предназначения положениями сугубо технического характера, которые в свое время получили законодательное закрепление в силу ряда вполне понятных, но давно не существующих причин и фактически превращают Уголовно-процессуальный кодекс РФ в некую пошаговую инструкцию. Например, ч. 1 ст. 173 УПК РФ устанавливает необходимые реквизиты постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а ч. 2 ст. 174 УПК РФ – протокола допроса обвиняемо-

го и т.д.»⁵ При этом, он полагает, модернизация процедуры привлечения в качестве обвиняемого не является приоритетной задачей государства в уголовно-процессуальной сфере, так как предварительно требует коррекции уголовной политики в части деятельности органов предварительного расследования.

Заслуживают также внимания исследования А.Е. Малаховой: «по результатам социологического исследования, проведенного в июне-августе 2023 года, 91% респондентов, а именно 410 опрошенных из 450 (в число которых вошли следователи – 150 человек из 67 регионов Российской Федерации, дознаватели – 150 человек из 67 регионов, руководители следственных органов – 80 человек из 52 регионов, начальники подразделений дознания – 70 человек из 52 регионов), согласились с целесообразностью замены акта привлечения лица в качестве обвиняемого на акт уведомления о подозрении. Ранжирование причин опрошенными продемонстрировало следующие результаты: 85% опрошенных считают, что уведомление о подозрении позволило бы сэкономить время следователей; 71% подчёркивает, что, кроме всего прочего, замена привлечения уведомлением уменьшает финансовую затратность производства по уголовному делу; 100% (из согласившихся с целесообразностью замены) считают, что замена привлечения на уведомление никаким образом не ограничивает права подозреваемого (обвиняемого); а 85% респондентов убеждены, что при качественной нормативной регламентации уведомления замена не ограничит имеющиеся возможности следователя, связанные с получением подозреваемым нового процессуального статуса»⁶.

Проанализировав данные положения, автор присоединяется к позиции исследователей, предлагающих модернизировать данную процессуальную форму обвинения. Конечно совсем упразднить её нет необходимости, так как это повлечет существенное снижение процессуальных гарантий обвиняемых. Однако вместо существующих двух обвинительных процедур привлечения в качестве обвиняемого – первоначальной (процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого) и окончательной (присутствующей в процедуре окончания предварительного расследования) следует оставить только последнюю, так как именно в момент окончания расследования достигается достаточное подозрение, основанное на собранных в ходе всего предварительного расследования доказательствах, и преобразуемое в обвинение.

Так, после объявления об окончании предварительно следствия и ознакомления потерпевше-

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 734.

² Коновалов С.Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека // Научные труды РАЮН. М., 2019. С. 755.

³ Галузо В.Н., Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 366–373.

⁴ Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юрид. вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128

⁵ Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? Государство и право, 2022, № 3, с. 64

⁶ Малахова А.Е. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого – рудимент обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4 (101). С. 191–192.

го, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела, следователь предъявляет подозреваемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, а также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио– и (или) видеозаписи и иные приложения к протоколам следственных действий, после чего происходит их ознакомление с материалами уголовного дела.

По окончании ознакомления подозреваемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет, какие у них имеются ходатайства или иные заявления и не уведомляя их о ходатайствах, предусмотренных в настоящее время в ч. 4 ст. 219 УПК, составляет обвинительное заключение и передаёт материалы уголовного дела с обвинительным заключением в прокуратуру.

Прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и в течение 10 суток принимает по нему одно из следующих решений:

1) при наличии достаточных доказательств – о предъявлении обвинения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору, если оно подсудно вышестоящему суду».

При наличии достаточных доказательств совершения подозреваемым преступления, прокурор в 10-дневный срок со дня поступления к нему от следователя уголовного дела с обвинительным заключением извещает обвиняемого и его защитника о дне предъявления обвинения. В случае неявки обвиняемого или его защитника в назначенный прокурором срок, а также в случае, когда место нахождения обвиняемого не установлено, обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода.

В установленный день, прокурор, удостоверившись в личности обвиняемого, объявляет ему и его защитнику, если он участвует в уголовном деле, существо предъявленного обвинения, формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление; а также его права, предусмотренные статьей 47 УПК, что удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя на обвинительном заключении.

Далее, прокурор вручает обвиняемому и его защитнику копию обвинительного заключения и допрашивает обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения, и разъясняет ему положения:

1) о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей;

2) о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции;

3) о применении особого порядка судебного разбирательства;

4) о проведении предварительных слушаний.

Предлагаемый порядок предъявления обвинения является гарантией обвиняемому для своевременного и полного уяснения фактов, которые последнему вменяются в вину, а также предоставляет возможность использовать права для своей защиты, предусмотренные законом.

Литература

1. Теория государства и права. //под ред. Клишаса А.А. М. 2017..
2. Курс уголовного процесса //под ред. Головки Л.В. М. Проспект. 2017.
3. Малахова А.Е. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого – рудимент обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве РФ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова 2024. № 4(101). С. 188.
4. Антонович Е.К. Генезис института привлечения лица в качестве обвиняемого // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 142.
5. Колбеева М.Ю, Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. Автореф. дисс... к.ю.н. М, 2013 С. 12–13.
6. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? //Государство и право. 2022.№ 3, С. 65
7. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 6
8. Курс уголовного процесса //под ред. Головки Л.В. М. Проспект. 2017. С. 732.
9. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? Государство и право, 2022, № 3, с. 65
10. Федотченко, А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: дис ... канд. юрид. наук: М. Рос. таможен. акад. 2006. С. 3
11. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал рос. права. 2019. № 9. С. 135.
12. Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 137.
13. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформи-

рования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

14. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Росс. следователь. 2013. № 21. С. 8;
15. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 10.
16. Гаврилов Б.Я. Взгляд ученого и практика на современное досудебное производство. // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовного исполнительного права: теория и практика. Материалы IX международной научно-практической конференции. 2020 С. 15.
17. Александров А. С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7–10.
18. Кальницкий В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избр. тр. Омск, 2016. С. 129.
19. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 734.
20. Коновалов С.Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека // Научные труды РАЮН. М., 2019. С. 755.
21. Галузо В.Н., Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 366–373.
22. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юрид. вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128)
23. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? Государство и право, 2022, № 3, с. 64
24. Малахова А.Е. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого – рудимент обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4 (101)

ON MODERNIZATION OF THE PROCEDURE FOR BRINGING A PERSON AS AN ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Tadjibov Z.R.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This scientific article is devoted to current controversial issues about the mechanism, role and further development and improvement of such a criminal procedure institution as "bringing a person as an accused". Various positions of the authors expressing their thoughts on the work, significance, modernization and presentation of a new concept of the institution in question in connection with modern realities are also considered.

Keywords: Criminal Procedure Code of Russia, accused, prosecutor, prosecution, defense attorney, investigation, inquiry, suspicion.

References

1. Theory of State and Law. // edited by Klishas A.A. M. 2017.
2. Course of Criminal Procedure // edited by Golovko L.V.M. Prospect. 2017.
3. Malakhova A.E. The Institute of Bringing a Person as an Accused – a Rudiment of Accusatory Activity in Criminal Proceedings of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov 2024. No. 4 (101). P. 188.
4. Antonovich E.K. Genesis of the Institute of Bringing a Person as an Accused // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 142.
5. Kolbееva M. Yu, The Institute of Bringing a Person as an Accused in the Context of Reforming Criminal Procedure Legislation. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. M, 2013 P. 12–13.
6. Rossinsky S.B. Involvement as an accused as an autonomous investigative procedure: an obvious relic of the past or a naturally existing legal instrument? // State and Law. 2022. № 3, P. 65
7. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Involvement as an accused: a textbook and practical manual. Omsk, 2007. P. 6
8. Course of criminal procedure // edited by Golovko L.V. M. Prospect. 2017. P. 732.
9. Rossinsky S.B. Involvement as an accused as an autonomous investigative procedure: an obvious relic of the past or a naturally existing legal instrument? State and Law, 2022, № 3, P. 65
10. Fedotchenko, A.V. Bringing a person as an accused: diss. ... candidate of legal sciences: M. Rus. customs. acad. 2006. P. 3
11. Kovtun N.N. Formation of state prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian Law. 2019. No. 9. P. 135.
12. Naumov K.A. The essence and structure of pre-trial proceedings in criminal proceedings in Russia: diss. ... candidate of legal sciences. Omsk, 2021. P. 137.
13. Kolbееva M. Yu. Institute of bringing a person as an accused in the context of reforming criminal procedural legislation: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2013.
14. Gavrilov B. Ya. Modern problems of pre-trial proceedings and measures to resolve them // Ross. investigator. 2013. No. 21. P. 8;
15. Gavrilov B. Ya. 20th Anniversary of the Russian Criminal Procedure Law: Does It Comply with Scientific Views and the Requirements of Law Enforcement Officers // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. No. 6. P. 10.
16. Gavrilov B. Ya. The View of a Scientist and Practitioner on Modern Pre-Trial Proceedings // Current Issues of Criminal Law, Criminology, Criminal Procedure and Criminal-Executive Law: Theory and Practice. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. 2020 P. 15.
17. Aleksandrov A.S. On the Doctrinal Model of the Criminal Procedure Law of Evidence in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2015. No. 5 (5). P. 7–10.
18. Kalnitsky V.V. Theory and Practice of Criminal Procedure: Selected Works. Omsk, 2016. Page 129.
19. Criminal Procedure Course / edited by L.V. Golovko. 2nd ed. Moscow, 2017. Page 734.
20. Konovalov S.G. The Procedure for Bringing in an Accused Person as a Constitutional Guarantee of Human Rights // Scientific Works of the Russian Academy of Young Scientists. Moscow, 2019. Page 755.
21. Galuzo V.N., Yakubov R. Kh. Criminal Procedure: Textbook. 7th ed., revised. Moscow, 2013. Pages 366–373.
22. Rossinsky S.B. On the Inadmissibility of "Pilot" Charges in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case // Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 4 (95). P. 121–128)
23. Rossinsky S.B. Involvement as an accused as an autonomous investigative procedure: an obvious relic of the past or a naturally existing legal instrument? State and Law, 2022, No. 3, p. 64
24. Malakhova A.E. The Institute of Involvement of a Person as an Accused – a Rudiment of Accusatory Activity in Criminal Proceedings of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. No. 4 (101)

Особый порядок судебного разбирательства: доктринальные и практические аспекты

Тищенко Егор Игоревич,

аспирант Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского

В статье анализируются проблемы реализации особого порядка судебного разбирательства в уголовном процессе. Целью исследования является выявление проблемных аспектов применения главы 40 УПК РФ и разработка предложений по совершенствованию данного института. На основе анализа судебной практики и научных публикаций выявлены основные проблемы, связанные с формальным признанием вины, недостаточным исследованием обстоятельств дела и ограничением права на обжалование. Предложены меры по усилению контроля за добровольностью согласия обвиняемого, расширению полномочий суда по исследованию обстоятельств дела и совершенствованию процедуры обжалования приговоров. Сделан вывод о необходимости комплексного совершенствования законодательства и практики применения особого порядка для обеспечения справедливости и законности уголовного судопроизводства

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, формальное признание вины, ограничение права на обжалование, совершенствование судебных решений, добровольность согласия, полномочия суда, права обвиняемых, законность.

Институт особого порядка судебного разбирательства, регламентированный главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], представляет собой диспозитивный механизм упрощенного производства, применяемый в случаях согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Данный процессуальный инструмент, призванный оптимизировать судебную нагрузку и обеспечить оперативность отправления правосудия, является предметом дискуссий в академической среде и среди практикующих юристов, что обусловлено наличием проблемных аспектов его реализации и необходимостью совершенствования выносимых на его основе судебных актов.

В юридической доктрине продолжают научные изыскания, направленные на разработку путей оптимизации особого порядка. В частности, А.В. Смирновым отмечается недостаточная регламентация процедуры разъяснения обвиняемому правовых последствий признания вины, в связи с чем предлагается внедрение обязательного протоколирования указанного процессуального действия [9]. Н.Н. Ковтун постулирует необходимость расширения дискреционных полномочий суда в части исследования обстоятельств дела, даже при наличии согласия обвиняемого с предъявленным обвинением, в ситуациях, когда у суда возникают обоснованные сомнения относительно причастности лица к инкриминируемому деянию или относительно корректности юридической квалификации содеянного [8]. В.П. Божьев акцентирует внимание на значимости адвокатского контроля за соблюдением процессуальных прав обвиняемого на всех стадиях рассмотрения дела и необходимости повышения уровня профессиональной ответственности адвоката за надлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей [4].

Результаты анализа правоприменительной практики свидетельствуют о наличии ряда проблем, возникающих при рассмотрении уголовных дел в порядке особого судопроизводства.

Одним из наиболее распространенных недостатков является формальный характер признания вины. Зачастую согласие обвиняемого с предъявленным обвинением носит поверхностный характер, а осознание правовых последствий принимаемого решения не является полным. Данные обстоятельства порождают обоснованные сомнения в добровольности волеизъявления лица и ставят под сомнение легитимность признания вины.

Пример: В ходе предварительного расследования обвиняемый отрицал свою причастность к со-

вершению кражи, квалифицированной по пункту «б» части 4 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако в судебном заседании обвиняемый формально выразил согласие с предъявленным обвинением и заявил ходатайство о рассмотрении дела в порядке особого производства. Суд кассационной инстанции обоснованно указал, что наличие противоречивых показаний должно было послужить основанием для возникновения у суда первой инстанции сомнений и обусловить необходимость всестороннего исследования имеющихся в материалах дела доказательств [5].

Другой проблемой является недостаточное исследование обстоятельств дела. Ограничение объема доказательств, подлежащих исследованию в ходе судебного разбирательства, проводимого в особом порядке, может привести к поверхностному изучению обстоятельств, имеющих существенное значение для вынесения справедливого судебного решения. В свою очередь, указанное обстоятельство может обусловить назначение наказания, не соответствующего степени общественной опасности совершенного преступления и не учитывающего наличие смягчающих или отягчающих ответственность обстоятельств.

Пример: Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации был отменен приговор районного суда г. Казани и апелляционное определение по уголовному делу в отношении гражданки Л., а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение. В мотивировочной части определения Верховного Суда Российской Федерации было указано, что решение о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства вызывает сомнения в законности и обоснованности вынесенного приговора, постановленного без надлежащего изучения и оценки доказательств [6].

Очевидно, что суд не имеет возможности избежать судебной ошибки в случае, если оценка доказательств не производится. При возникновении сомнений относительно обоснованности предъявленного обвинения необходимо переходить к рассмотрению уголовного дела в общем порядке.

О.В. Качалова закономерно отмечает, что в случае возникновения у суда вопросов относительно причастности обвиняемого к инкриминируемому деянию или иных неясностей, имеющих юридическое значение для вынесения справедливого итогового решения, рассмотрение уголовного дела должно осуществляться в общем порядке [7, 169].

О.И. Андреева и О.А. Зайцев полагают, что для формирования у судьи внутреннего убеждения в обоснованности предъявленного обвинения необходимо получение информации непосредственно от обвиняемого относительно обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, в том числе посредством проведения допроса подсудимого относительно существа предъявленного обвинения [2, 198].

Наиболее распространенным основанием для отмены приговоров, постановленных в порядке главы 40 УПК РФ, является противоречие между ходатайством обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке и его действиями, которые свидетельствуют об отсутствии согласия с предъявленным обвинением. Согласие с рассмотрением дела в особом порядке предполагает признание обвиняемым вины в полном объеме, в том числе признание всех элементов состава преступления и наличие отягчающих обстоятельств. Заявление ходатайств о переквалификации содеянного или исключении из обвинения отдельных элементов состава преступления, имплицитно свидетельствует о несогласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Пример: Одновременно с заявлением ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства, подсудимый заявил ходатайство об изменении юридической квалификации содеянного им с части 1 статьи 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств) на статью 228 УК РФ (незаконное хранение наркотических средств). Указанное обстоятельство послужило основанием для отмены вынесенного приговора [3].

Не менее важной проблемой является ограничение права на обжалование, что *de facto* лишает обвиняемого возможности оспорить справедливость назначенного наказания, даже в случаях существенного нарушения норм уголовно-процессуального законодательства. Указанная ситуация может иметь место в случаях, когда лицо признало вину под психологическим давлением или вследствие юридической неграмотности и в силу указанного ограничения не имеет возможности добиться пересмотра дела, даже при наличии объективных оснований полагать, что его права и законные интересы были нарушены.

На основе анализа результатов обобщения правоприменительной практики и положений научной доктрины, представляется возможным выделить следующие направления совершенствования судебных решений, принимаемых в порядке особого производства:

Усиление контроля за добровольностью дачи обвиняемым согласия на рассмотрение дела в порядке особого судопроизводства. Представляется целесообразным разработать и внедрить в правоприменительную практику детализированную процедуру разъяснения обвиняемому правовых последствий дачи согласия с предъявленным обвинением, включая разъяснение права на обжалование судебного решения и возможность рассмотрения уголовного дела в общем порядке. В качестве меры, направленной на установление факта отсутствия психологического давления на обвиняемого, возможно проведение психологической экспертизы для оценки способности обвиняемого понимать характер и правовые последствия совершаемых им процессуальных действий.

Расширение дискреционных полномочий суда в части исследования обстоятельств дела, даже при наличии согласия обвиняемого с предъявленным обвинением, в ситуациях, когда у суда возникают обоснованные сомнения относительно виновности лица или относительно правильности юридической квалификации содеянного.

Совершенствование процедуры обжалования вынесенных судебных решений не только по вопросам, связанным с назначением наказания, но и по вопросам законности обвинения в ситуациях, когда имеются объективные основания полагать, что согласие обвиняемого с предъявленным обвинением было получено под психологическим давлением или вследствие заблуждения.

Повышение уровня профессиональной квалификации судей и адвокатов, принимающих участие в рассмотрении уголовных дел в порядке особого производства, посредством организации и проведения регулярных семинаров и тренингов, посвященных вопросам применения главы 40 УПК РФ.

Совершенствование судебных решений, принимаемых в порядке особого судопроизводства, является необходимым условием обеспечения справедливости и законности уголовного судопроизводства. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность функционирования данного процессуального института, обеспечить защиту прав и законных интересов обвиняемых и способствовать вынесению справедливых итоговых судебных решений.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Андреева О. И., Зайцев О.А. Допустимые пределы ограничения действия принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424.
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.01.2018 по делу № 22–85/2018.
4. Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. 704 с.
5. Кассационное определение ВС РФ от 20.12.2016 № 4-УД16–24.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 14.03.2017 по делу № 11-УД17–2.
7. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 482 с.
8. Ковтун Н.Н. Уголовный процесс: учебник для вузов. – М.: Проспект, 2016. 665 с.
9. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНО-РУС, 2008. 704 с.

SPECIAL PROCEDURE OF TRIAL: DOCTRINAL AND PRACTICAL ASPECTS

Tishchenko E.I.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

The article analyzes the problems of implementing a special procedure of trial in criminal proceedings. The purpose of the study is to identify problematic aspects of the application of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to develop proposals for improving this institution. Based on the analysis of judicial practice and scientific publications, the main problems associated with formal admission of guilt, insufficient investigation of the circumstances of the case and limitation of the right to appeal are identified. Measures are proposed to strengthen control over the voluntary consent of the accused, expand the powers of the court to investigate the circumstances of the case and improve the procedure for appealing sentences. The conclusion is made about the need for a comprehensive improvement of the legislation and practice of applying a special procedure to ensure the fairness and legality of criminal proceedings.

Keywords: special procedure of trial, formal admission of guilt, limitation of the right to appeal, improvement of court decisions, voluntary consent, powers of the court, rights of the accused, legality.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, N 52 (Part I), Art. 4921.
2. Andreeva O. I., Zaitsev O.A. Permissible Limits of Restricting the Application of the Principles of Criminal Procedure (using the Presumption of Innocence Principle as an Example) // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 424.
3. Appellate ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated 15.01.2018 in case No. 22–85/2018.
4. Bozhev V.P. Criminal Procedure: Textbook for Universities. – 3rd ed., corr. and add. – M.: Spark, 2002. 704 p.
5. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.12.2016 No. 4-UD16–24.
6. Cassation ruling of the Criminal Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2017 in case No. 11-UD17–2.
7. Kachalova O.V. Accelerated proceedings in Russian criminal proceedings: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2016. 482 p.
8. Kovtun N.N. Criminal procedure: textbook for universities. – Moscow: Prospect, 2016. 665 p.
9. Smirnov A.V. Criminal procedure: textbook for universities. – 4th ed., revised. and add. – Moscow: KNORUS, 2008. 704 p.

Труфанова Елизавета Геннадьевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: liza.trufanova22@mail.ru

Статья посвящена анализу института соучастия в контексте коррупционных преступлений, где границы между правомерным поведением и преступным содействием часто размыты. Особое внимание уделено роли пособника, чьи действия могут быть опосредованными – от устного совета до цифровой переписки. Рассматриваются критерии, по которым различается случайное взаимодействие и умышленное участие в преступлении, включая доказанность умысла, контекст и последовательность событий. Авторы акцентируют внимание на необходимости индивидуализации ответственности и предупреждают от чрезмерного расширения понятия соучастия, особенно в условиях цифровизации. Работа опирается на нормы российского законодательства и сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов.

Ключевые слова: коррупционные преступления, виды соучастия, коррупция, пособничество, сговор, умысел, цифровое пособничество.

Коррупционные преступления представляют собой одну из наиболее опасных форм посягательства на основы государственного управления и общественные отношения. Их латентный характер, сложные схемы взаимодействия между участниками и нередко высокий уровень прикрытия со стороны властных структур создают условия, в которых преступление редко совершается одним человеком. Как правило, в его реализации задействовано сразу несколько лиц, каждый из которых выполняет определённую роль – от планирования до обеспечения безопасности сделки. Именно в этих условиях институт соучастия приобретает особую значимость. Вопрос о том, с какого момента начинается ответственность за участие в преступлении и достаточно ли одного телефонного звонка или краткого совета для квалификации действий как соучастия, становится ключевым в правоприменительной практике. Современное уголовное право рассматривает соучастие как умышленное совместное участие нескольких лиц в совершении преступления, и такие категории, как исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник, позволяют дифференцировать ответственность в зависимости от вклада каждого. Однако границы между реальной причастностью и случайным соприкосновением с преступной схемой не всегда очевидны. Это особенно ярко проявляется в делах, связанных с коррупцией, где влияние может быть выражено в косвенной форме – намёком, фразой, участием в неофициальной встрече или созданием атмосферы благожелательности. Одной из задач данной статьи является анализ того, в каких случаях такие действия могут быть расценены как соучастие, в том числе на уровне пособничества, когда субъект сам не совершает преступления, но содействует его осуществлению. Мы рассмотрим, как юридическая теория и судебная практика подходят к оценке таких ситуаций, насколько далеко может заходить трактовка умысла и в каких условиях даже один звонок может стать доказательством участия в преступном сговоре.

В рамках действующего уголовного законодательства Российской Федерации, соучастие определяется как совместное, умышленное участие двух или более лиц в совершении преступления. Основываясь на положениях статьи 33 УК РФ, можно выделить исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, каждый из которых играет свою, юридически значимую роль. Однако далеко не всегда участие в преступлении выражается в активных действиях. Иногда вмешательство ограничивается советом, поддержкой, рекомендацией, или даже – в ряде случаев – бездействием,

если оно объективно способствует совершению преступного деяния. Особую сложность представляет собой фигура пособника [1, с. 114]. В контексте коррупционного преступления его роль может быть максимально завуалированной: это может быть человек, который просто передал информацию, посоветовал, кого «лучше знать», кто может «помочь», или даже просто не возразил в нужный момент. Уголовная ответственность при этом наступает только в случае, если будет доказано, что он действовал умышленно, осознавая характер своих действий и их последствия. Но как зафиксировать такой умысел? Как отграничить обычное человеческое взаимодействие от соучастия в преступлении? Именно эти вопросы становятся центральными при рассмотрении дел, связанных с коррупционными сговорами.

Правоприменительная практика показывает, что доказательством умысла может служить не только прямое признание или участие в обсуждении преступного плана, но и косвенные данные: переписка, записи разговоров, последовательность действий, их совпадение с развитием преступной ситуации. Чем больше таких элементов удаётся собрать следствию, тем выше вероятность, что даже минимальное вмешательство будет признано соучастием. Это особенно важно учитывать специалистам, работающим в сфере юриспруденции, государственной службы и бизнесе, где рекомендации, протекции и связи – часть профессиональной среды, но могут обернуться неожиданными правовыми последствиями.

Разграничение случайного взаимодействия и преступного сговора представляет собой одну из самых тонких граней в уголовном праве, особенно когда речь идет о коррупционных преступлениях. Иногда достаточно одного разговора или переданного намека, чтобы правоохранительные органы начали рассматривать действия как соучастие. Однако далеко не каждое взаимодействие между лицами, вовлеченными в потенциально противозаконную ситуацию, является сговором. Для квалификации содеянного как пособничества или подстрекательства необходимо наличие устойчивого умысла, направленного на содействие преступлению. Если же человек просто оказался в информационном поле или случайно дал совет, не предполагая последствий, его действия не могут образовывать состав преступления [2, с. 38].

Современные технологии значительно усложняют определение степени участия в преступлении. Сегодня значительная часть коррупционных сговоров совершается не лично, а через цифровые каналы связи – мессенджеры, зашифрованные чаты, электронную почту. Это с одной стороны облегчает фиксацию переписки, с другой – создает почву для многочисленных интерпретаций [3, с. 75–84]. Сообщение вроде «поговори с Василием, он поможет» может восприниматься как акт содействия, если в последующем установлено, что Василий был ключевой фигурой в передаче взятки. Однако такая трактовка будет обоснована лишь при наличии

доказательств того, что отправитель осознавал преступный характер содействия. Без этого – риск расширительного толкования, что прямо противоречит принципу вины в уголовном праве.

Одним из наиболее спорных аспектов в исследовании коррупционных преступлений является проблема латентности. Подавляющее большинство таких деяний совершаются вне поля зрения органов правопорядка и без прямых свидетелей. Это приводит к тому, что правоохранительные органы начинают активно использовать превентивные методы: прослушивание, оперативные эксперименты, внедрение агентов. В условиях, когда еще не произошло окончательное исполнение преступления, вопрос о квалификации действий участников становится особенно острым. Один участник может быть уверен, что речь идет всего лишь о подготовке, в то время как следствие уже рассматривает его действия как пособничество или даже организацию преступления.

Технологическое развитие также привело к появлению новой формы пособничества – цифрового. Лицо, не имеющее прямого отношения к преступлению, может предоставить информацию о технических возможностях обхода систем безопасности, поделиться шаблоном фиктивного договора или даже просто опубликовать инструкции, которые в последующем будут использованы в коррупционных целях. Здесь возникает трудность в разграничении правомерной профессиональной деятельности и умышленного пособничества. Ведь если юрист, не зная о намерениях клиента, помогает составить договор, который затем будет использован в мошеннической схеме, он не может нести ответственность. Однако если будет установлено, что юрист знал о цели клиента и всё же оказал содействие, его действия могут квалифицироваться как участие в преступлении.

Таким образом, современное понимание соучастия в коррупционном сговоре выходит за рамки классических схем. Речь идет не только о лицах, непосредственно участвующих в передаче взятки или организации схемы, но и о тех, чьи действия – пусть даже на первый взгляд нейтральные – объективно способствуют реализации преступления и сопровождаются осознанным умыслом. В этом контексте телефонный звонок, электронное письмо или устная рекомендация могут быть не просто неосторожным жестом, а шагом в сторону уголовной ответственности. Главное – наличие умысла и доказанность того, что лицо понимало последствия своих действий. Историческая эволюция института соучастия, особенно в сфере преступлений против государственной службы, наглядно демонстрирует, как с течением времени изменялись подходы к определению границ уголовной ответственности. Если в римском праве основной акцент делался на коллективном характере преступления и все участники считались одинаково виновными, то современная правовая доктрина стремится к индивидуализации. Это означает, что каждый участник оценивается с учётом его кон-

кретного вклада в реализацию преступного плана, уровня осведомлённости и степени участия. Однако именно в делах о коррупции, где участие может быть завуалированным и опосредованным, эта задача становится крайне сложной [4, с. 35]. В современном уголовном процессе требуется не только выявить участие лица, но и убедительно доказать, что его действия были совершены с умыслом и содействовали преступлению.

Показательно, что в зарубежной правовой практике нередко используется более широкий подход к понятию соучастия. Например, в праве Соединённых Штатов достаточно установить факт сговора и участие в нём – даже если лицо не принимало активного участия в реализации преступления. В рамках модели «conspiracy liability» достаточно, чтобы обвиняемый дал согласие на участие в преступном соглашении, и его вина будет приравниваться к вине исполнителя. В странах континентального права, включая Германию и Францию, подход более сдержанный, акцентируется внимание на фактическом вкладе в совершение преступления. Однако везде присутствует понимание того, что коррупционные деяния требуют особой правовой реакции, поскольку нередко совершаются именно в скрытой форме, с участием третьих лиц, посредников и лиц, официально не вовлечённых в процесс.

В российской практике встречаются дела, в которых участие в преступлении устанавливается не через прямые действия, а через последовательность событий, подтверждённых косвенными доказательствами. Так, в одном из дел по факту передачи взятки высокопоставленному чиновнику было установлено, что лицо, занимавшее формально консультативную должность, предварительно обсуждало с бизнесменом механизм взаимодействия, озвучивало «сигнальные фразы», и в нужный момент осуществило короткий звонок с формулировкой «вопрос согласован». Следствие и суд расценили это как ключевое подтверждение, позволяющее связать участников и установить факт пособничества. Хотя звонок сам по себе не содержал прямого указания, его контекст, временные рамки и связь с другими эпизодами дела позволили квалифицировать действия как соучастие¹. Это показывает, насколько важно в оценке таких ситуаций учитывать не только содержание действий, но и их функциональную роль в развитии преступного события.

Ещё одна характерная особенность дел о коррупционном сговоре – это сложность в доказывании умысла у лиц, действия которых внешне могут не вызывать подозрений. Классическим примером может служить помощник депутата, который, не получая денег лично и не принимая формальных решений, передаёт контактные данные заинтересованным лицам, создаёт благоприятную коммуникационную среду, снимает опасения или

предоставляет заверения в успешном исходе. С точки зрения уголовного закона, всё это может составлять пособничество или даже организацию преступления, если доказано, что эти действия неслучайны, а согласованы с другими участниками. Здесь чрезвычайно важно определить, имело ли место сознательное содействие, либо человек действовал по привычке, без преступного намерения. Эта тонкая грань – между вежливостью, профессиональной функцией и участием в преступной схеме – требует от следствия высокого уровня профессионализма и способности работать с контекстом, а не только с формальными признаками.

В то же время, чрезмерное расширение категории соучастия несёт в себе опасность для правопорядка. Привлечение к ответственности лиц, чьё участие в преступлении не доказано надлежащим образом, способно подорвать доверие к правовой системе. Превентивные меры борьбы с коррупцией должны быть соразмерны. Недопустимо приравнивать любого, кто был рядом, кто что-то услышал или передал контакт, к полноправным участникам преступления. Здесь важно сохранять баланс: с одной стороны, не допускать ухода от ответственности тех, кто содействует преступлению; с другой – не допустить, чтобы в круг обвиняемых попадали лица, чья связь с преступлением является результатом слишком широкого толкования уголовного закона.

Таким образом, современное уголовное право, рассматривая соучастие как умышленное взаимодействие нескольких лиц, требует от правоприменителя особой тщательности при оценке каждого эпизода, особенно в сфере коррупционных преступлений. Сложность заключается в том, что само преступление часто носит скрытый, латентный характер, а действия участников не всегда выражены в явной форме. Пособничество может быть минимальным по содержанию, но значительным по последствиям. В ситуациях, когда один телефонный звонок, устный совет или молчаливое одобрение в действительности содействуют реализации коррупционного замысла, речь может идти о наступлении уголовной ответственности. Главное здесь – доказанность умысла, понимание последствий и наличие связи между действиями пособника и основным преступным деянием. Для этого следствие и суды опираются на совокупность обстоятельств: анализируют не только факты, но и контекст, мотивы, предыдущие отношения между участниками.

Особую сложность вызывает разграничение правомерного поведения от преступного, особенно когда речь идёт о профессиональной или личной коммуникации, распространённой в деловой среде. Не каждое содействие является преступным. Юрист, чиновник или посредник может по роду своей деятельности давать советы, рекомендовать решения или предоставлять информацию. Уголовная ответственность наступает лишь тогда, когда эти действия носят сознательный характер и на-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 10.

правлены на достижение преступного результата¹. В этой связи необходима выработка более чётких методологических подходов к анализу субъективной стороны соучастия: требуется лингвистическая экспертиза цифровых коммуникаций, разработка практики по оценке контекста и намерений, а также введение правовых гарантий, исключающих произвольное толкование.

Судебная практика последних лет демонстрирует, что даже минимальные действия могут становиться предметом уголовного преследования, если они объективно способствовали преступлению. Вместе с тем необходим баланс между эффективной борьбой с коррупцией и недопущением чрезмерного расширения сферы уголовной репрессии. Превенция – важный элемент антикоррупционной политики, но она не должна нарушать фундаментальные принципы уголовного права, такие как презумпция невиновности, личная ответственность и индивидуализация наказания.

Развитие цифровых технологий и глобальных коммуникаций требует дополнительной внимательности. Один месседж, переданный в личной переписке, может быть использован как доказательство участия в преступной схеме. Это накладывает на участников профессиональной среды дополнительную обязанность быть осторожными в выражениях и осознанными в своих действиях. Особенно это актуально для тех, кто работает в сфере государственного управления, юриспруденции, коммерческих закупок и строительства [5, с. 22]. Важно помнить: сегодня соучастником можно стать не только по факту физического присутствия при преступлении, но и в силу тех действий, которые раньше считались неопасными или второстепенными. Современное право, адаптируясь к новым вызовам, стремится охватить весь спектр форм взаимодействия, способных привести к совершению преступления, в том числе таких, где всё начинается с одного, на первый взгляд, безобидного звонка.

Для иллюстрации положений статьи рассмотрим гипотетический случай, демонстрирующий, как минимальное действие может быть квалифицировано как соучастие в коррупционном преступлении при наличии доказанного умысла. В крупной компании, специализирующейся на выполнении государственных контрактов в сфере строительства, сотрудник отдела закупок занимал должность, связанную с координацией документооборота и поддержанием внутренней коммуникации. Его обязанности не включали принятие решений о выборе подрядчиков или заключении договоров, однако он регулярно взаимодействовал с коллегами и внешними партнёрами по вопросам логистики и передачи информации.

В один из рабочих дней сотрудник получил сообщение в корпоративном мессенджере от старшего коллеги из того же отдела. В сообщении содержалась просьба передать контактные данные определённого поставщика, который, по словам коллеги, «может ускорить процесс согласования» крупного контракта. Сотрудник, не уточняя деталей, переслал контакт и добавил комментарий: «Этот человек знает, как решать такие вопросы». На первый взгляд, подобное действие выглядело как часть повседневной профессиональной коммуникации, поскольку обмен контактами является стандартной практикой в деловой среде. Однако в ходе последующего расследования, проведённого правоохранительными органами, выяснилось, что указанный поставщик использовал свои связи для передачи взятки должностному лицу с целью получения контракта в пользу компании.

Следствие установило, что сотрудник отдела закупок ранее присутствовал на неформальных обсуждениях с коллегами, где упоминались «особые подходы» к работе с этим поставщиком. В частности, в разговорах затрагивались его возможности по «решению вопросов» с представителями органов власти через неформальные каналы. Анализ переписки, телефонных звонков и свидетельских показаний показал, что сотрудник был осведомлён о потенциально коррупционном характере взаимодействия с данным поставщиком. В одном из предыдущих обсуждений старший коллега отметил, что «с этим партнёром всё будет решено без лишних проблем», что подразумевало использование неофициальных методов. Сотрудник не выразил возражений и не предпринял попыток дистанцироваться от подобных обсуждений, что было расценено как молчаливое согласие с предложенным подходом.

Судебное разбирательство признало, что действия сотрудника, несмотря на их внешнюю нейтральность, объективно способствовали реализации коррупционной схемы. Пересылка контакта и сопроводительный комментарий стали связующим звеном между организатором схемы и лицом, непосредственно осуществившим передачу взятки. Суд счёл, что сотрудник осознавал возможные последствия своих действий, что подтверждалось контекстом его предыдущих взаимодействий и отсутствием попыток сообщить о подозрительных просьбах. Эти действия были квалифицированы как пособничество в совершении коррупционного преступления в соответствии со статьёй 33 УК РФ, поскольку они отвечали признакам умышленного содействия, направленного на достижение преступного результата.

Данный пример подчёркивает сложность разграничения между профессиональной коммуникацией и действиями, которые могут быть истолкованы как соучастие в коррупции. Он иллюстрирует, как цифровые коммуникации, такие как сообщения в мессенджерах, могут служить доказательствами при наличии контекста, подтверждающего умысел. Случай также демонстрирует важность

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

осознанности в профессиональной деятельности, особенно в сферах, связанных с государственными закупками, где даже минимальные действия могут повлечь серьёзные правовые последствия. Необходимость тщательного анализа субъективной стороны преступления, включая мотивы и осведомлённость участника, становится ключевым фактором для справедливого применения уголовного закона и предотвращения расширительного толкования.

Литература

1. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – М.: Юрист, 2023. – 448 с.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2022. – 316 с.
3. Харитонов В.В. Уголовная ответственность за пособничество: современные подходы // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 75–84.
4. Вольдимарова Н.Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 34–39.
5. Восканян Р.О. Экономическая сущность враждебного поглощения организации // Экономика: теория и практика. 2018. № 1(49). С. 21–25.

QUALIFICATION OF THE ELEMENTS OF COMPLICITY IN CORRUPTION CRIMES

Trufanova E.G.

All-Russian State University of Justice

The article analyzes the institution of complicity in the context of corruption crimes, where the boundaries between lawful behavior and criminal assistance are often blurred. Particular attention is paid to the role of the accomplice, whose actions can be indirect – from oral advice to digital correspondence. The criteria by which random interaction and deliberate participation in a crime are distinguished are considered, including proof of intent, context and sequence of events. The author emphasizes the need for individualization of responsibility and warns against excessive expansion of the concept of complicity, especially in the context of digitalization. The work is based on the norms of Russian legislation and a comparative legal analysis of foreign approaches.

Keywords: corruption crimes, types of complicity, corruption, complicity, conspiracy, intent, digital complicity.

References

1. Naumov A.V. Russian criminal law. General part. – M.: Jurist, 2023. – 448 p.
2. Gaukhman L.D. Qualification of crimes: a teaching and practical manual. – M.: Prospect, 2022. – 316 p.
3. Kharitonov V.V. Criminal liability for aiding and abetting: modern approaches // Journal of Russian Law. 2022. № . 10. Pp. – 75–84.
4. Voldimarova N.G. Problems of regulating criminal liability for illegal receipt and disclosure of commercial, tax and banking secrets // Business Security. 2021. № . 3. Pp. 34–39.
5. Voskanyan R.O. Economic essence of a hostile takeover of an organization // Economy: theory and practice. 2018. № . 1. P. 21–25.

Взаимодействие международного воздушного и трудового права в регулировании деятельности авиационного персонала

Бичурина Елизавета Сергеевна,

аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: lizbetik@mail.ru

Статья посвящена анализу правовых коллизий, возникающих на стыке международного воздушного права (МВП) и трудового законодательства в контексте регулирования деятельности авиационного персонала. Проводится исследование влияния стандартов ИКАО, закрепленных в Чикагской конвенции 1944 г., на трудовые аспекты, такие как требования к квалификации, медицинские стандарты и нормы рабочего времени. Особое внимание уделяется гармонизации трудовых норм в региональных интеграционных объединениях (ЕАЭС, ЕС) и их взаимодействию с международными правовыми инструментами. На основе сравнительно-правового анализа делается вывод о необходимости усиления координации между ИКАО и МОТ, а также развития многоуровневых подходов, сочетающих нормы МВП, трудового права и региональных соглашений. Подчеркивается взаимозависимость безопасности полетов и социальных гарантий авиационного персонала как ключевого элемента устойчивого развития авиации.

Ключевые слова: Международное воздушное право, трудовое право, ИКАО, Чикагская конвенция, авиационный персонал, гармонизация законодательства, региональная интеграция, безопасность полетов, ЕАЭС, Европейский союз.

Актуальность исследования обусловлена наличием ряда проблем, связанных с определением международного воздушного права (МВП), неоднозначностью его предметно-нормативного содержания, а также необходимостью согласования его положений с нормами трудового законодательства. Несмотря на то, что МВП традиционно фокусируется на вопросах безопасности и суверенитета воздушного пространства, а также вопросах регулирования воздушных сообщений, стандарты ИКАО, закрепленные в Чикагской конвенции 1944 г., косвенно влияют на трудовые аспекты деятельности авиационного персонала. Это создает правовые коллизии, требующие согласования норм МВП, трудового права и региональных интеграционных механизмов.

Для выявления роли МВП в регулировании трудовых отношений обратимся к дефинициям международного воздушного права.

Так, по определению В.Д. Бордунова «под международным воздушным правом следует понимать систему принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и международными авиационными организациями по поводу использования воздушным транспортом воздушного пространства над государственной территорией и за ее пределами в целях осуществления регулярных и нерегулярных полетов и выполнения воздушных перевозок по установленным между государствами международным воздушным сообщениям» [1, с. 15–16]. В соответствии с дефиницией, предложенной А.Х. Абашидзе, международное воздушное право есть «отрасль международного права, представляющую собой систему принципов и норм, регулирующих отношения между субъектами этого права по поводу определения статуса и установления режима воздушного пространства в целях обеспечения эффективного и безопасного его использования, а также в области организации и осуществления международных воздушных перевозок, авиационных работ и противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации» [6, с. 13]. Близким по смыслу является и определение А.П. Мовчана, указывающего, что международное воздушное право – это «отрасль международного права и представляет собой систему норм, регулирующих отношения между государствами в связи с использованием воздушного пространства в целях осуществления международных воздушных сообщений и обеспечения их безопасности» [7, с. 13–35].

На основе данных определений, можно выделить следующие группы отношений, регулируемых МВП:

- 1) По поводу использования воздушного пространства;
- 2) Организация и осуществление воздушных сообщений;
- 3) Безопасность и противодействие угрозам.

Как справедливо отмечают А.С. Чанышев, П.Е. Морозов и И.Н. Саломатин, традиционно, МВП не охватывает вопросы, связанные с трудовой деятельностью авиаперсонала [8, с. 25]. Вместе с тем, как отмечает А.П. Мовчан, «указание на предмет регулирования международного воздушного права должно составлять неотъемлемый элемент его определения. Предмет регулирования позволяет четко установить сущность международного воздушного права. Любые неточности в установлении, определения предмета правового регулирования могут повлечь за собой ошибочные суждения и выводы» [7, с. 13–35].

Как принято считать, центральное место среди источников МВП занимает Чикагская Конвенция 1944 года ИКАО. Её положения дополняются стандартами и рекомендациями ИКАО, призванными унифицировать и гармонизировать регулирование авиационной деятельности на глобальном уровне. Хотя регулирование трудовых отношений авиаперсонала не входит в предмет МВП, такие документы, как Приложение № 1 (Выдача свидетельств авиационному персоналу) и Приложение № 6 (Эксплуатация воздушных судов), затрагивают вопросы трудовой деятельности в авиации. Приложение 1 регламентирует условия выдачи свидетельств членам летного экипажа, диспетчерам управления воздушным движением, техническому персоналу и другим специалистам. Также Приложение 1 закрепляет обязательные медицинские стандарты, включая регулярные проверки состояния здоровья. Таким образом, Приложение 1, хотя и не регулирует трудовые отношения напрямую, формирует правовые и профессиональные рамки деятельности авиационного персонала. Приложение 6 к Чикагской конвенции ИКАО регламентирует аспекты деятельности авиаперсонала, направленные на обеспечение безопасности полетов. В их число входят обязанности командира воздушного судна, например, проверка готовности к полету, контроль соблюдения эксплуатационных требований, нормирование продолжительности рабочего времени и периодов отдыха для предотвращения утомления экипажа, процедуры подготовки к аварийным ситуациям. Приложение 6, не регулируя трудовые отношения напрямую, устанавливает обязательные стандарты организации труда авиаперсонала. Все это является подтверждением того, что регулирование в данной отрасли неизбежно затрагивает вопросы, находящиеся на стыке воздушного и трудового права.

А.С. Чанышев, П.Е. Морозов и И.Н. Саломатин в своем исследовании задаются вопросом о том, регулируется ли труд авиаперсонала гражданской авиации на международном уровне или нет? Авторы приходят к выводу, что элементы такого регулирования всё же присутствуют – например, в виде требований Приложений к Чикагской конвенции.

Однако эти нормы не обладают статусом международных трудовых стандартов, поскольку, согласно позиции, МОТ, к ним относятся исключительно акты, принятые в рамках данной организации (конвенции и рекомендации) [8, с. 25].

По нашему мнению, несмотря на то, что МОТ не принимала специальных конвенций, посвященных исключительно авиационному персоналу, многие общие трудовые стандарты МОТ применимы к работникам авиации. Кроме того, некоторые документы прямо или косвенно регулируют их права и условия труда, например, Конвенция о безопасности и гигиене труда, Конвенция о дискриминации в сфере труда и родовых занятий, Конвенция об отмене принудительного труда, Конвенция о свободе ассоциации и защите права на организацию и др. Более того, МОТ и ИКАО активно взаимодействуют друг с другом, например, в контексте пандемии COVID-19 МОТ, ИКАО и ИМО инициировали системное взаимодействие, направленное на присвоение специального статуса авиационно-морского персонала как «ключевых работников». Это предполагает предоставление им привилегий, аналогичных медицинским работникам [5].

С нашей точки зрения, отсутствие компетенции у ИКАО по трудовым вопросам не является ограничением для права давать рекомендации в этой сфере. Примером этому могут служить и другие организации, которые содержат некие трудовые стандарты. Например, Р.Ш. Давлетгильдеев пишет, что «в современных условиях разработка международных трудовых стандартов ведется не только Международной организацией труда, хотя ее роль в этой деятельности значительна; важная работа ведется и в рамках ООН, ОЭСР, а также на региональном уровне, в частности, в Европейском союзе, Совете Европы и других международных организациях» [3, с. 149]. Следует отметить, что высокую значимость в настоящее время приобретают международные договоры, принятые в рамках региональных международных организаций, поскольку в них, как отмечает Р.Ш. Давлетгильдеев, «зачастую закрепляются повышенные стандарты в области труда по сравнению с универсальным уровнем регулирования в силу более тесного взаимодействия между государствами одного региона» [2, с. 5]. В исследовании Д.В. Зарубина акцентируется, что учредительные документы региональных организаций, таких как ЕАЭС, ЕС и АСЕАН, содержат положения, направленные на гармонизацию трудовых норм. Так, раздел XXVI Договора о ЕАЭС регулирует вопросы трудовой миграции, демонстрируя, как международное трудовое право воплощается в региональных правовых системах [4, с. 88–105].

В рамках ЕАЭС вопросы, связанные с трудом авиаперсонала, закреплены в Решении Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [9], где государствам-членам следует гармонизировать понятие «авиационный персонал», а также выработать согласованный подход при определении перечня авиационного персонала с учетом международных стандартов и рекомендуемой практики ИКАО,

гармонизировать требования по медицинскому освидетельствованию и медицинскому осмотру авиационного персонала, а также категории лиц, подлежащих обязательному медицинскому освидетельствованию и медицинскому осмотру и др.

В ЕС трудовые отношения авиационного персонала регулируются комплексом нормативных актов, направленных на гармонизацию стандартов безопасности, социальных прав работников и условий труда. Установлены единые требования к квалификации, а именно Регламент № 1178/2011 [10] устанавливает взаимное признание сертификатов и лицензий пилотов, бортпроводников и технического персонала, предусмотрено обязательное соответствие стандартам EASA. Также в ЕС предусмотрены социальные гарантии и права авиаперсонала, а именно имеются механизмы защиты прав работников при реструктуризации авиакомпаний, о чем говорится в Директиве 2001/23/ЕС [12]. Регламент № 965/2012 [11], охватывает вопросы безопасности и охраны здоровья, например, предусмотрены обязательные медицинские осмотры и психологические тесты для авиаперсонала.

Таким образом, в ЕАЭС акцент сделан на гармонизацию профессиональных требований, что создает предпосылки для сближения трудовых норм государств-членов. В ЕС нормы воздушного и трудового права взаимодействуют через механизмы взаимного признания квалификаций и социальных гарантий.

Предмет МВП, оставаясь в рамках регулирования безопасности, воздушных сообщений и суверенитета воздушного пространства, постепенно расширяет границы взаимодействия с трудовым правом. Это обусловлено тем, что человеческий фактор является критическим элементом безопасности в авиации.

Перспективными направлениями взаимодействия МВП и трудового права, на наш взгляд, является усиление координации и сотрудничества между ИКАО и МОТ в разработке трудовых стандартов, дальнейшее развитие региональных моделей гармонизации, сочетающие технические и социальные аспекты, включение трудовых стандартов в отраслевые документы ИКАО, обеспечив их соответствие конвенциям МОТ.

Таким образом, взаимодействие МВП и трудового права отражает тенденцию к комплексному регулированию, при котором безопасность полетов и правовой статус авиаперсонала становятся взаимозависимыми элементами устойчивого развития авиации. Регулирование труда авиационного персонала в условиях глобализации требует многоуровневого подхода, сочетающего нормы МВП, трудового права и региональных интеграционных объединений.

Литература

1. Бордунов В.Д. Международное воздушное право. Учебное пособие. – М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес»; изд-во «Научная книга», 2006. С. 464.
2. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10. – Казань., 2016. С. 586.
3. Давлетгильдеев Р.Ш. Тенденции универсализации и регионализации в международном трудовом праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 148–152.
4. Зарубин Д.В. Взаимодействие международного и российского права в сфере труда: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2024. С. 224.
5. Международная организация гражданской авиации (ИКАО). COM.39.20.RU [Электронный ресурс]. – Монреаль, 2020. – URL: <https://www.icao.int/Newsroom/NewsDoc2020fix/COM.39.20.RU.pdf> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.И. Травникова, А.Х. Абашидзе. – М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 444.
7. Международное воздушное право. Кн. 1 / Под ред. А.Н. Мовчана. – М.: Наука, 1980. С. 350.
8. Морозов П.Е., Чанышев А.С., Саломатин И.Н. Особенности правового регулирования труда авиационного персонала гражданской авиации стран Евразийского экономического союза. – М.: Проспект, 2017. С. 280.
9. Евразийская экономическая комиссия. Рекомендация Коллегии ЕЭК № 37 от 26.11.2019 «О гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в области гражданской авиации» [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/86a/Rekomendatsiya-Kollegii-37-ot-26-noyabrya-2019_2_.pdf (дата обращения: 03.04.2025).
10. Commission Regulation (EU) No 1178/2011 of 3 November 2011 laying down technical requirements and administrative procedures related to civil aviation aircrew pursuant to Regulation (EC) No 216/2008 of the European Parliament and of the Council [Комиссия ЕС. Регламент (ЕС) № 1178/2011 от 3 ноября 2011 г., устанавливающий технические требования и административные процедуры, касающиеся летного состава гражданской авиации, во исполнение Регламента (ЕС) № 216/2008 Европейского парламента и Совета] // Official Journal of the European Union. L 311. 25.11.2011. P. 1–193.
11. Commission Regulation (EU) No 965/2012 of 5 October 2012 laying down technical requirements and administrative procedures related to air operations pursuant to Regulation (EC) No 216/2008 of the European Parliament and of the Council [Комиссия ЕС. Регламент (ЕС) № 965/2012 от 5 октября 2012 г., устанавливающий технические требования и административные процедуры, касающиеся воздушных операций, во исполнение Регламента (ЕС) № 216/2008 Европейского парламента и Сове-

ra] // Official Journal of the European Union. L 296. 25.10.2012. P. 1–148.

12. Council Directive 2001/23/EC of 12 March 2001 on the approximation of the laws of the Member States relating to the safeguarding of employees' rights in the event of transfers of undertakings, businesses or parts of undertakings or businesses [Директива Совета 2001/23/EC от 12 марта 2001 г. о сближении законодательств государств-членов, касающемся обеспечения прав работников в случае передачи предприятий, бизнесов или их частей] // Official Journal of the European Union. L 82. 22.03.2001. P. 16–20.

INTERACTION OF INTERNATIONAL AIR AND LABOR LAW IN THE REGULATION OF AVIATION PERSONNEL ACTIVITIES

Bichurina E.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes legal conflicts arising at the intersection of international air law (IAL) and labor legislation in the context of regulating aviation personnel activities. It examines the impact of ICAO standards, established in the 1944 Chicago Convention, on labor aspects such as qualification requirements, medical standards, and working time regulations. Special attention is paid to the role of regional integration associations (EAEU, EU) in harmonizing labor norms and their interaction with international legal instruments. Based on a comparative legal analysis, the conclusion emphasizes the need to enhance coordination between ICAO and ILO, as well as to develop multi-level approaches combining norms of IAL, labor law, and regional agreements. The article highlights the interdependence of flight safety and social guarantees for aviation personnel as a key element of sustainable aviation development.

Keywords: International air law, labor law, ICAO, Chicago Convention, aviation personnel, harmonization of legislation, regional integration, flight safety, EAEU, European Union.

References

1. Bordunov V.D. International air law. Textbook. – M.: NOU VKSh "Aviabusines"; publishing house "Scientific book", 2006. Page 464.
2. Davletgildeev R. Sh. International legal regulation of labor at the regional level: diss. ... Doctor of Law: 12.00.10. – Kazan., 2016. Page 586.
3. Davletgildeev R. Sh. Trends in universalization and regionalization in international labor law. – Kazan: Publishing house of Kazan. University, 2015. Pages 148–152.
4. Zarubin D.V. Interaction of international and Russian law in the field of labor: diss. ... Cand. of Law. – M., 2024. Page 224.
5. International Civil Aviation Organization (ICAO). COM.39.20. RU [Electronic resource]. – Montreal, 2020. – URL: <https://www.icao.int/Newsroom/NewsDoc2020fix/COM.39.20.RU.pdf> (accessed: 20.04.2025).
6. International Air Law: a textbook for undergraduate and graduate students / edited by A.I. Travnikov, A. Kh. Abashidze. – M.: Publishing House Yurait, 2018. Page 444.
7. International Air Law. Book 1 / Ed. by A.N. Movchan. – M.: Nauka, 1980. S. 350.
8. Morozov P.E., Chanyshv A.S., Salomatin I.N. Features of legal regulation of labor of aviation personnel of civil aviation of the countries of the Eurasian Economic Union. – M.: Prospect, 2017. S. 280.
9. Eurasian Economic Commission. Recommendation of the EEC Board No. 37 of November 26, 2019 "On the harmonization of the legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the field of civil aviation" [Electronic resource]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/86a/Rekomendatsiya-Kollegii-37-ot-26-noyabrya-2019_2_.pdf (date of access: 03.04.2025).
10. Commission Regulation (EU) No 1178/2011 of 3 November 2011 laying down technical requirements and administrative procedures related to civil aviation aircrew pursuant to Regulation (EC) No 216/2008 of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. L 311. 25.11.2011. P. 1–193.
11. Commission Regulation (EU) No 965/2012 of 5 October 2012 laying down technical requirements and administrative procedures related to air operations pursuant to Regulation (EC) No 216/2008 of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. L 296. 25.10.2012. P. 1–148.
12. Council Directive 2001/23/EC of 12 March 2001 on the approximation of the laws of the Member States relating to the safeguarding of employees' rights in the event of transfers of undertakings, businesses or parts of undertakings or businesses // Official Journal of the European Union. L 82. 22.03.2001. P. 16–20.

Инструменты международного взаимодействия в сфере юридического образования на пространстве БРИКС

Гуляева Татьяна Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

В статье рассматриваются пути реализации интернационального сотрудничества в области регулирования юридического образования на примере интеграционного объединения БРИКС. Проанализированы векторы образовательного сотрудничества. Кроме того, обращено внимание на текущий статус государственного признания документов об образовании и ученых степенях на уровне отдельных стран БРИКС. В статье представлены и сформулированы выводы по созданию новой архитектуры регионального взаимодействия в формате интеграция интеграций (ЕАЭС и БРИКС) и необходимости гармонизации правового регулирования сферы образования.

Ключевые слова: юридическое образование, БРИКС, сотрудничество, СУ БРИКС, образовательные программы.

Председательство России в рамках БРИКС пришлось на 2024 г. В этой связи были определены первоочередные поручения государства по наращиванию и сохранению образовательной кооперации, а также консолидированию потенциала Сетевого университета БРИКС (СУ БРИКС) в сфере профессионального образования в 2024 г. [3].

Принятая еще в 2020 г. Стратегия БРИКС до 2025 г. (далее – Стратегия) также заявила свою ведущую миссию по стимулированию образовательных услуг, профессиональной подготовки и переподготовки, а также содействию прямого доступа к равному, инклюзивному и качественному образованию [15]. Более того, Стратегия принимает во внимание требования самих стран, их директивы по развитию экономики.

Отдельные цели утвержденной Стратегии ставят в приоритетную очередь интеграцию продуктивных мер государств в целях преодоления введенных препятствий по торговле.

Стратегия структурно охватывает центральные модули, среди которых заявлены экспортные и импортные вопросы торговли и устойчивого развития, финансовые меры, инновационная экономика, для разрешения которых запланирован комплекс мер и действий со стороны участников.

Концептуальные цели взаимодействия Российской Федерации с участниками БРИКС определены в Концепции БРИКС от 2013 г. [13], и Стратегии от 2024 г. [17], направленной на обеспечение ускоренного развития научно-технического сотрудничества в рамках межгосударственного объединения БРИКС.

На государственном уровне России в части участия в объединении БРИКС заложено четыре направления.

Первый вектор ориентирован на научную, техническую и инновационные области. В рамках этого вектора предусмотрена совместная образовательная, научная и исследовательская работа, построение научных центров, инновационных и технологических платформ на территории всех участников БРИКС.

Второй образовательный вектор сотрудничества предполагает интеграцию многоуровневого подхода с выстраиванием двухсторонних и многосторонних договоров в целях достижения одобрения документов по образованию.

Третий аспект связан с энергетической сферой, а именно созданием нормативно-правовых основ.

Четвёртый вектор в области культуры и спортивных мероприятий также предполагает развитие и обращение ко всему пространству БРИКС,

освоение основ русского языка в других странах БРИКС.

Концепция 2022 г. [16] в контексте СУ БРИКС обозначила интеграцию нашего отечественного образования на пространстве БРИКС.

Реализация данной задачи обеспечивается со стороны Департамента международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральной службы по интеллектуальной собственности, которая отвечает за расширение географии реализуемых образовательных программ в области интеллектуальной собственности для государств-участников БРИКС, и Министерства просвещения Российской Федерации, ответственного за развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества по линии образования в рамках БРИКС в 2024 г. Не менее важной является работа Россотрудничества, которое активно продвигает российское образование и достижения российской науки, взаимодействует с образовательными учреждениями стран-партнеров БРИКС. Ежегодно Русские дома участвуют в отборе иностранных обучающихся в российские вузы и работают с выпускниками по всему миру и из стран БРИКС.

На пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) главным направлением международной деятельности этого объединения на период как 2024 г. [14], так и 2025 г. выделено формирование с участниками БРИКС структурированной кооперации [25]. В перечне направлений взаимодействия по линии ЕАЭС – ШОС – БРИКС-АСЕАН обозначен обмен опытом в сферах торговли, трансграничной электронной торговли, энергетики (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты), финансовых рынков, предпринимательства, агропромышленного комплекса, проектного финансирования в области промышленности, однако отсутствует сфера высшего юридического образования. Примечательно, что перспективы построения подобного партнерства также были заявлены в Послании Президента в 2024 г. [2].

Ключевым форматом сотрудничества в сфере образования является СУ БРИКС, который включает в себя сеть высших учебных заведений государств-членов БРИКС.

СУ БРИКС объединяет более десяти университетов высшего образования со стороны России. Аналогичное количество представлено остальными государствами-участниками БРИКС. Под СУ БРИКС понимается инициатива в сфере образования по внедрению в основном образовательных проектов на двусторонней и многосторонней основах, программ магистратуры и аспирантуры, разработок в области науки и технологий с учетом согласования полученных оценок по обучению студентов со стандартами государств-участников.

Функционирование СУ БРИКС основано на принципах прозрачности, в частности открытости образовательных программ университетов для всех участников; ориентированности на научно-исследовательские проекты.

На начальном этапе учреждения данного сетевого университета было заявлено шесть приоритетных сфер, в частности, по вопросам климатической повестки, регулирования водных пространств, энергетических аспектов, обеспечения информационной защищенности. Несмотря на то, что Меморандумом от 2015 г. предусмотрено получение студентом образовательных сертификатов университетов, предлагается внести изменения в Меморандум, дополнив его новой областью знаний в сфере юриспруденции. В этой связи необходимо принятие решения со стороны министерств образования СУ БРИКС (ст. 6 и 15). Внесение изменений возможно посредством принятия самостоятельных протоколов, являющихся составной частью Меморандума.

В рамках СУ БРИКС удалось достичь развития программ магистратуры и докторантуры, запуска краткосрочных совместных программ обучения, модельных курсов, научно-исследовательских проектов, построение академической мобильности студентов, профессорско-преподавательского состава.

Одним из ярких примеров образовательной деятельности СУ БРИКС является проведенная модель БРИКС на факультете мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) по вопросу потенциала расчетов в местных валютах участников БРИКС [8]. Мероприятие объединило студентов НИУ ВШЭ и Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). В рамках модели были созданы делегации стран-участников БРИКС, которые подготовили свои предложения и тезисы по заявленным инициативам. Положительным аспектом подобных инициатив является возможность подготовки студентами своих позиций и отстаивание интересов, выработка новых дорожных карт по сотрудничеству и взаимному развитию.

Помимо игровых моделей БРИКС также организуются летние и зимние школы.

В рамках апрельской международной научной конференции состоялся круглый стол БРИКС относительно противостояния США и Китая.

На площадке СУ БРИКС действует также международная тематическая группа по экономике, объединяющая более десяти университетов из России, Бразилии, Китая и Южной Африке. Целью группы является разработка совместных программ по обширной области взаимоотношений, включающей исследования в сфере международной торговли, мировой экономики, устойчивого развития и формирование инновационных образовательных программ.

Концепция СУ БРИКС от 2020 г. в рамках среднесрочной перспективы 2023–2025 гг. обозначила внедрение коллективных образовательных программ повышения квалификаций, сезонного обучения, интеграцию технологических площадок, наращивание университетских обменов, учреждение научных центров, продвижение возможности

сетевого поступления в аспирантуры участников объединения, разработка и выпуск дополнительных специальных элективов, а также подготовка совместных научных публикаций [26].

Проработка приоритетных направлений СУ БРИКС на период 2023–2025 гг. предполагает следующие действия: изменение структуры и содержания образовательных программ; модернизацию инструментов взаимного признания результатов обучения; наращивание академической мобильности; разработку единой системы зачисления на образовательные программы; усовершенствование механизма промежуточной и итоговой аттестации.

Несмотря на то, что ключевые направления деятельности СУ БРИКС предполагают внедрение совместных программ подготовки магистров и аспирантов, развитие академической мобильности студентов, преподавателей, аспирантов, целесообразно рассмотреть возможность совместного руководства диссертационными проектами, предусмотреть кафедральное сотрудничество посредством совместного написания учебников, учебных пособий, внедрить внеучебную командную деятельность студентов через игровые судебные процессы, что позволит повысить профессиональную компетенцию студентов.

СУ БРИКС как образовательный проект усиливает сотрудничество по созданию единого образовательного пространства между участниками БРИКС и способствует беспрепятственной и эффективной реализации совместных проектов на разных этапах образования.

Однако каждая страна-участница БРИКС имеет собственную конфигурацию субъектов, устанавливающих стандарты качества, специфические аспекты регламентации в содержании образовательного процесса, а также особенности в контроле за исполнением стандартов качества юридического образования.

Отмечая общую направленность построения образовательных программ в части юриспруденции на площадке БРИКС, стоит обратить внимание на совместное намерение государств по наращиванию объемов выпускников уже с профессиональными юридическими навыками и умениями, что открывает прекрасные перспективы для всех видов практической деятельности будущего юриста.

В Индии с 2008 г. была запущена своя аккредитационная система и механизм ранжирования университетов в области юриспруденции. Специализированные учреждения Индии периодически готовят свой перечень вузов с указанием высокого или более низкого уровней, после опубликования которого принимается положительное или отрицательное решение по продлению лицензии [27].

В Индии индикатором качественного образования по специализации «Юриспруденция» будет выступать национальный экзамен для выпускников университетов, который открывает доступ к ведению автономной практической работе.

Государственным структурам Индии так и не удалось достичь показателей и результатов как по выведению образовательных программ на международный уровень, так и введению научных исследований.

Национальные юридические университеты и юридические колледжи предлагают трехгодичное обучение для получения степени бакалавра и пятилетнее обучение для полноценного завершения бакалавриата.

Большинство государственных и частных колледжей имеют аффилиацию с университетами, которые преимущественно предоставляют степень магистра. Университеты являются в основном государственными учреждениями и ответственны за регулирование образовательного процесса в колледжах, которые получают аккредитацию через их программы. Непосредственно государственные университеты присуждают дипломы выпускникам.

Совет адвокатов Индии [9] является органом, созданным на уровне государства в соответствии с Законом о адвокатах 1961 г. [12] по инициативе парламента в целях регулирования и представления деятельности коллегии адвокатов. Указанный совет выполняет регулятивную функцию, устанавливая стандарты профессионального поведения и этикета, а также осуществляя дисциплинарную юрисдикцию над адвокатами. Дополнительно совет устанавливает стандарты для юридического образования и выдает разрешения университетам, которые будут обучать будущих адвокатов. Основные функции в области юридического образования Совета включают следующее:

- 1) Установление для адвокатов стандартов профессионального поведения и этикета;
- 2) Защита прав и интересов адвокатов;
- 3) Содействие реформированию национального законодательства;
- 4) Содействие развитию юридического образования и установление стандартов юридического образования после совместного консультирования, и обсуждения с университетами Индии и государственными коллегиями адвокатов;
- 5) Признание университетов, диплом которых в сфере юриспруденции, будет являться квалификацией для получения статуса адвоката.
- 6) Мониторинг университетов;
- 7) Проведение семинаров по правовым вопросам с участием юристов;
- 8) Научная деятельность;
- 9) Признание на взаимной основе иностранных юридических квалификаций для получения статуса адвоката в Индии.

Юридическое образование подпадает под регулирование соответствующих Правил, утвержденных Советом адвокатов Индии, в 2008 г. [10].

Одним из профильных университетов Индии в сфере юридического образования является учрежденный в 2022 г. Международный университет юридического образования и исследований Индии.

Основные задачи Университета заключаются в следующем [11]:

- 1) Разработка и поощрение новаторской концепции глобальных правовых исследований и образования;
- 2) Распространение и продвижение знаний по индийскому праву по всему миру;
- 3) Содействие развитию междисциплинарных и многодисциплинарных научных исследований;
- 4) Обеспечение профессионального правового образования;
- 5) Проведение программ по развитию потенциала для юристов, включая адвокатов, судей и преподавателей юридического факультета;
- 6) Содействие развитию зарубежного сотрудничества и программ обмена для преподавателей и студентов;
- 7) Подготовка и обучение студентов для работы в судебных и смежных юридических службах;
- 8) Содействие практическому и профессиональному взаимодействию и опыту работы в международных судах, Верховном суде, трибуналах (форумах) Высокого суда и других нижестоящих судах Индии и за рубежом.

Также создана Комиссия по университетским грантам, которая является организацией правительства Индии для координации, определения и поддержания стандартов преподавания в области университетского образования.

Основные задачи Комиссии по университетским грантам следующие:

- 1) Поощрение и координация университетского образования;
- 2) Определение и поддержание стандартов преподавания, проведения экзаменов и исследований в университетах;
- 3) Разработка нормативных актов о минимальных стандартах образования;
- 4) Отслеживание изменений в области университетского образования;
- 5) Выделение грантов университетам и колледжам;
- 6) Консультирование центрального правительства и правительств штатов Индии по вопросам, касающимся мер, необходимых для улучшения системы университетского образования.

В Бразилии регулирование вопросов юридического образования передано Ассоциации адвокатов Бразилии.

Существенным отличием от подхода Индии в данном случае выступает тот факт, что непосредственно государство посредством профильного министерства принимает обязательные программы образования, которые действуют на территории всего государства. Помимо этого, Законом о руководящих принципах образования 1961 г. [28] также определяются требования для всех видов школ права, включая государственные и частные учреждения.

Министерством образования Индии создан местный совет, курирующий вопросы составления образовательных программ, в основе которых лежат национальные стандарты в сфере юриспруденции. Однако эти стандарты предусматривают базовые обязательства в отношении получаемого образования на уровне университетов. Именно последние уже занимаются подготовкой рабочих программ по изучаемым предметам.

В Бразилии мониторинг образовательного процесса проводится на основе специального экзамена, который демонстрирует академическую успеваемость обучающихся.

В Бразилии также приобрели особую популярность программы непрерывного юридического образования, так называемые «*lato sensu graduate certificate courses*», и курсы на площадке юридических компаний. Несмотря на достаточно жесткое государственное регулирование юридического образования со стороны Министерства образования, подобные программы и курсы более привлекательны для обучающихся.

Юридическое образование Китая отличается особой структурированностью и контролем со стороны государства.

В Китае действуют два государственных органа, а именно – министерство образования и министерство юстиции, которые разрабатывают образовательные критерии по юриспруденции.

Первое министерство отвечает за выпускников программы магистратуры, а второе направлено на контроль остальных образовательных программ.

В Китае действует три уровня юридического образования: степень бакалавра, магистра и степень доктора наук.

Срок обучения бакалавриата составляет четыре года, магистратура длится от двух до трех лет и три года длится докторантура.

Среди всех надзорных структур в рамках судопроизводства Китая именно прокуратура обеспечивает законность в стране и в части реализации юридического образования [1].

Получение образования в области юриспруденции на территории ЮАР еще в большей степени находит отличия от всех остальных участников объединения БРИКС.

Благодаря двум функционирующим с 2013 г. структурам, специальному отделу, который отслеживает проблематику получаемого образования, и отдельному совету по профессиональным стандартам, был утвержден в 2015 г. образовательный стандарт в сфере юриспруденции.

Что касается ситуацию в Египте, образовательные программы курируются профильным министерством и тремя местными центрами, занимающимися подготовкой рабочих концепций, научных исследований и оценки качества образования.

Система образования Ирана также имеет профильное министерство по образованию, которому напрямую подчиняются государственные вузы. На конституционном уровне обеспечивается гаран-

тия получения образования на безвозмездной основе и поддержка на этапе поступления в университеты.

По поводу юридического образования в Эфиопии, учреждено профильное министерское ведомство, а также методические центры по высшему образованию и мониторингу качества получаемой юридической специальности. При этом на уровне университетов апробируются образовательные программы всех уровней (бакалавриата, магистратуры и докторантуры).

ОАЭ выделяется общегосударственным контролем в лице министерства образования, отвечающим за разработку приемной кампании, квалификационных требований нанимаемых преподавателей и лекторов. На уровне уже эмиратов учреждены отдельные департаменты по сфере образования и научной дипломатии.

Отличительной характеристикой образования обладает Индонезия как новый участник объединения БРИКС с 2025 г. В стране действует обязательная сертификация преподавателей высшего образования и введена автономность деятельности вузов с учетом национальных стандартов.

Немаловажным аспектом взаимодействия юридических сообществ стран участниц БРИКС является продвижение и развитие научной дипломатии.

Представляется целесообразным следующее:

1. Рассмотреть проект создания новой архитектуры регионального сотрудничества в формате интеграция интеграций (ЕАЭС и БРИКС), расширить ранее установленные направления взаимодействия до сферы высшего юридического образования. В этой связи разработать правовую базу для взаимодействия в форме Меморандума о взаимопонимании, направленного на учреждение новой модели сотрудничества – единого образовательного пространства ЕАЭС – БРИКС.

Гармонизация правового регулирования данной сферы отношений позволит сократить или в определенной степени отменить барьеры на пути получения юридического образования.

2. Внести поправки и дополнения в виде отдельных протоколов к Меморандуму от 2015 г., расширив приоритетные сферы до юридического образования.
3. Создать единую информационную систему в области юридического образования.
4. Учредить единую национальную базу научно-педагогических кадров для последующего рекрутинга в университеты БРИКС.
5. В рамках отдельного соглашения БРИКС либо в формате ЕАЭС – БРИКС закрепить на наднациональном уровне взаимное признание документов об образовании и ученых степенях.

На данный момент взаимное признание отражено в двусторонних соглашениях России с Индией, Китаем, ЮАР, Бразилией, Эфиопией.

- Индия: Протокол от 1987 г. [18];
- Китай: Соглашение от 1995 г. [19];
- ЮАР: Соглашение от 2013 г. [20];

- Бразилия: Соглашение от 1997 г. [21];
 - Саудовская Аравия: принято Распоряжение Правительства России от 2024 г. о подписании соответствующего соглашения, однако на данный момент оно не подписано [22];
 - Объединенные Арабские Эмираты: ведутся переговоры о проекте Соглашения о взаимном признании образования [6];
 - Эфиопия: Протокол от 1978 г. [23];
 - Египет: отсутствует договор [24], [4];
 - Иран: отсутствует договор, однако ведутся переговоры о проекте Соглашения о взаимном признании университетских дипломов [7];
 - Индонезия: отсутствует договор.
6. Разработать порядок признания полученных результатов единых государственных экзаменов и результатов национальных вступительных испытаний (экзаменов) для поступления на бакалавриат университетов всех стран БРИКС с учетом того, что в странах БРИКС практически идентичные сроки и ступени обучения.
 7. Единообразно имплементировать аспекты устойчивого развития в образовательные программы и деятельность вузов стран БРИКС.
 8. Создать единый консорциум университетов БРИКС на площадке одной из стран участниц БРИКС. На данный момент уже имеется предложение по учреждению консорциума российских вузов под эгидой российского университета на территории ОАЭ [16].
 9. Интегрировать стратегические проекты ключевых и ведущих университетов с актуальной повесткой задач по развитию юридического образования в странах БРИКС.
 10. Разработка в БРИКС отдельной целевой стратегии юридического образования.
 11. Совместное и многостороннее финансирование академических обменов студентов и профессорско-преподавательского состава.
 12. Выработка совместных направлений по стандартам юридического образования и формирование предметного рейтинга по праву вузов БРИКС.
 13. Создание специальной экспертной группы на уровне Ассоциации юристов.
 14. Выработка дорожной карты по внедрению новых образовательных программ БРИКС.
 15. Разработка новой учебной дисциплины «Право стран БРИКС».
 16. Публикация единого сборника Конституций стран БРИКС с комментариями.
 17. Открытие центра «Право БРИКС» на площадках каждого ведущего университета страны БРИКС.
 18. Введение в России курса страноведения и регионоведения по странам БРИКС.
 19. Ежемесячное издание юридического журнала БРИКС, в котором будут отражены последние тенденции развития права.
 20. Издание глоссария терминов, используемых в странах БРИКС.

21. Запуск цифровой платформы для формирования юридических баз знаний стран БРИКС и повышения степени доступности и открытости для научного, образовательного и юридического сообществ стран БРИКС. Одним из барьеров для эффективного сотрудничества является отсутствие единого языка коммуникации стран БРИКС, и формирование цифровой платформы, которая пополнялась бы современной правовой информацией, научными работами ученых стран БРИКС, а также содержала бы функционал создания совместных научно-исследовательских коллективов стран БРИКС, могло бы стать серьезным шагом вперед на пути к сближению юридических сообществ стран БРИКС. Примером такого решения может быть онлайн-платформа Консорциума «Инновационная юриспруденция», запущенная Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) со встроенным функционалом научной сети и баз знаний.

Литература

1. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch3p7 (дата обращения: 07.06.2025).
2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 07.06.2025).
3. URL: <https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities/> (дата обращения: 07.06.2025).
4. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/84277/> (дата обращения: 07.06.2025).
5. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65492/> (дата обращения: 07.06.2025).
6. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63407/> (дата обращения: 07.06.2025).
7. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19892937> (дата обращения: 07.06.2025).
8. URL: <https://we.hse.ru/brics/news/811596844.html> (дата обращения: 07.06.2025).
9. URL: <https://www.barcouncilofindia.org/info/about-bci> (дата обращения: 07.06.2025).
10. URL: <https://www.barcouncilofindia.org/info/ler2008> (дата обращения: 07.06.2025).
11. URL: <https://www.iuiler.edu.in/info/vision-mission> (дата обращения: 07.06.2025).
12. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1631#:~:text=India%20Code%3A%20Advocates%20Act%2C%201961&text=Long%20Title%3A,%20an%20All%2DIndia%20Bar.> (дата обращения: 07.06.2025).
13. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение N 27 Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2024 год» от 25.12.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».
16. Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Протокол между Правительством СССР и Правительством Республики Индии об эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и дипломов, выдаваемых университетами и другими учебными заведениями и научными организациями СССР и Республики Индии от 24.11.1987. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49092/ (дата обращения: 07.06.2025).
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях от 26.06.1995. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/ (дата обращения: 07.06.2025).
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Южно-Африканской Республики о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях от 26.03.2013. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44392/ (дата обращения: 07.06.2025).
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилии о сотрудничестве в области культуры и образования от 21.11.1997. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47456/ (дата обращения: 07.06.2025).
22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.02.2024 № 446-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Протокол между СССР и Социалистической Эфиопией о признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий от 24 мая 1978 г. // СПС «КонсультантПлюс».
24. Протокол между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством высшего образования и научных исследований Арабской Республики Египет о сотрудничестве в области образования от 15 ав-

густа 2006 г. не содержит положений по взаимному признанию // СПС «Консультант плюс».

25. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2024 г. N 15 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2025 год» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Концепция функционирования и развития сетевого университета БРИКС от 2020 г. URL: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/565469615.pdf> (дата обращения: 07.06.2025).
27. Винниченко О.Ю., Гладун Е.Ф. Качество юридического образования в странах БРИКС // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59).
28. См.: Ley No. 4.024, del 20 de diciembre de 1961. Establece las directrices y bases de la educación nacional // Diário Oficial da União. Brasília, 1961. 27 dic.

TOOLS FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF LEGAL EDUCATION IN THE BRICS SPACE

Gulyaeva T.K.

Kutafin Moscow State Law University

The article discusses ways to implement international cooperation in the field of legal education regulation using the example of the BRICS integration association. The vectors of educational cooperation are analyzed. In addition, attention was drawn to the current status of state recognition of educational documents and academic degrees at the level of individual BRICS countries. The article presents and formulates conclusions on the creation of a new architecture for regional cooperation in the integration of integrations (EAEU and BRICS) format and the need to harmonize the legal regulation of education.

Keywords: legal education, BRICS, cooperation, BRICS SU, educational programs.

References

1. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch3p7 (accessed: 07.06.2025).
2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (accessed: 07.06.2025).
3. URL: <https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities/> (accessed: 07.06.2025).
4. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/84277/> (accessed: 07.06.2025).
5. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65492/> (date of access: 07.06.2025).
6. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63407/> (date of access: 07.06.2025).
7. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19892937> (date of access: 07.06.2025).
8. URL: <https://we.hse.ru/brics/news/811596844.html> (date of access: 07.06.2025).
9. URL: <https://www.barcouncilofindia.org/info/about-bci> (Accessed: 07.06.2025).
10. URL: <https://www.barcouncilofindia.org/info/ler2008> (Accessed: 07.06.2025).
11. URL: <https://www.iuiler.edu.in/info/vision-mission> (Accessed: 07.06.2025).
12. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1631#:~:text=India%20Code%3A%20Advocates%20Act%2C%201961&text=Long%20Title%3A, and%20an%20All%20DIndia%20Bar.> (date of access: 07.06.2025).
13. Concept of participation of the Russian Federation in the BRICS association (approved by the President of the Russian Federation) // SPS "ConsultantPlus".
14. Decision No. 27 of the Supreme Eurasian Economic Council "On the main directions of international activities of the Eurasian Economic Union for 2024" dated 25.12.2023 // SPS "ConsultantPlus".
15. Strategy for BRICS economic partnership until 2025 // SPS "ConsultantPlus".
16. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.09.2022 N 611 "On approval of the Concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad" // SPS "ConsultantPlus".
17. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 N 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
18. Protocol between the Government of the USSR and the Government of the Republic of India on the equivalence of educational documents, academic degrees and diplomas issued by universities and other educational institutions and scientific organizations of the USSR and the Republic of India dated 24.11.1987. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49092/ (date accessed: 07.06.2025).
19. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on mutual recognition of educational documents and academic degrees dated 26.06.1995. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/ (date of access: 07.06.2025).
20. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of South Africa on mutual recognition and equivalence of documents on education and academic degrees dated 26.03.2013. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44392/ (date of access: 07.06.2025).
21. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Federative Republic of Brazil on cooperation in the field of culture and education dated 21.11.1997. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47456/ (date accessed: 06/07/2025).
22. Order of the Government of the Russian Federation of 02/28/2024 No. 446-r "On signing the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Saudi Arabia on mutual recognition of education, qualifications and academic degrees" // SPS "ConsultantPlus".
23. Protocol between the USSR and Socialist Ethiopia on the recognition and equivalence of educational documents, academic degrees and titles dated May 24, 1978 // SPS "Consultant Plus".
24. The Protocol between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Higher Education and Scientific Research of the Arab Republic of Egypt on cooperation in the field of education dated August 15, 2006 does not contain provisions on mutual recognition // SPS "Consultant Plus".
25. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 26, 2024 N 15 "On the Main Directions of International Activities of the Eurasian Economic Union for 2025" // SPS "ConsultantPlus".
26. The Concept of Functioning and Development of the BRICS Network University dated 2020. URL: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/565469615.pdf> (date of access: 06/07/2025).
27. Vinnichenko O. Yu., Gladun E.F. Quality of Legal Education in the BRICS Countries // Rule of Law: Theory and Practice. 2020. No. 1 (59).
28. See: Ley No. 4.024, del 20 de diciembre de 1961. Establece las directrices y bases de la educación nacional // Diário Oficial da União. Brasília, 1961. 27 dic.

Джафаров Ягуб Фаигович,
независимый исследователь

Современные международные конфликты удивляют человечество своей жестокостью, что заставляет все больше задумываться о необходимости создания или улучшения уже существующего механизма защиты тех лиц, которые не участвуют в военном конфликте напрямую. Таким механизмом является международное гуманитарное право. Основные источники международного гуманитарного права заложили базис, который, как показала история, не гарантирует его соблюдения всеми участниками конфликта. Общественные отношения опередили право, что ставит перед обществом новые вызовы. Все это предопределяет актуальность исследования международного гуманитарного права. Исследование посвящено применению международного гуманитарного права в межгосударственных отношениях, особенно в условиях вооруженных конфликтов и военных операций. Автор делает акцент на ключевых нормах, регулирующих действия государств, включая соблюдение принципов защиты лиц и объектов, не принимающих участия в конфликте, а также правила, касающиеся гуманитарной помощи и защиты культурных ценностей. Внимание уделяется международным правовым институтам, оказывающим влияние на межгосударственные отношения. Перечислены возможные способы модернизации сложившегося международного правового механизма. В статье рассматриваются характер и проблематика современного международного гуманитарного права как сложившегося механизма защиты гражданских лиц. Автор анализирует опыт военных конфликтов и предлагает рассмотреть возможность внесения изменений в современную сложившуюся систему правового регулирования военных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, гражданские лица, военный конфликт.

Во все времена люди применяли насилие в качестве одного из возможных инструментов для решения межличностных споров, достижения социальных, экономических либо, как показывает исторический опыт, чаще всего, политических целей. Вместе с тем, биосоциальная сущность человека, а именно последний ее компонент призывал гуманизировать и не без того острый инструмент насилия: ограничить жестокость войны. Именно соображения гуманности привели к формированию ключевого источника международного гуманитарного права – первой Женевской конвенции 1864 года и как следствие к формированию международного гуманитарного права в качестве отрасли международного публичного права именно в том виде, в каком она сохранилась и по сей день. Универсальные нормы права позволяют насколько это возможно снизить последствия боевых действий, их влияние на жизнь и здоровье жертв вооруженных конфликтов. Согласно статье 1 наставлений по гуманитарному международному праву для Вооруженных сил Российской Федерации¹ к категории жертв вооруженных конфликтов Министерство обороны относит раненых и больных, лиц потерпевших кораблекрушение, пропавших без вести, умерших (погибших) и военнопленных, а также гражданских лиц, находящихся в районе боевых действий. Выделение жертв вооруженных конфликтов в отдельную категорию соотносится с высшей ценностью многих современных государств, прямо задекларировавших эту самую ценность в тексте своих учредительных актов государства – жизнь человека и гражданина. Однако, военные конфликты последнего времени показали сложность применения норм и принципов права, причиной тому являются изменяющиеся политические и технологические реалии. Международное гуманитарное право сталкивается с рядом новых проблем, которые ставят под угрозу его эффективность и универсальность, что говорит не только об актуальности исследуемой проблемы, но и желании пересмотреть некоторые аспекты сложившегося механизма правового регулирования военных конфликтов. Задача данной статьи – рассмотреть основные современные проблемы международного гуманитарного права, их влияние на международную безопасность и возможные пути их решения.

Первой из фундаментальных проблем, требующих практической проработки является неопределенность стратегических ситуаций, которые

¹ См.: Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2001. – С. 7.

не попадают под действие международного гуманитарного права. Ярким примером является специальная военная операция (СВО). Так, Украина не признает СВО в качестве классического международного конфликта, а потому игнорирует нормы международного права, к примеру, Оттавскую конвенцию. В ходе боевых действий произошла атака Украинских дронов на аэродромы Российской Федерации. Несмотря на то, что нанесение ударов по военным объектам само по себе не является нарушением норм международного гуманитарного права, применительно к данной ситуации, пусковые установки дронов были замаскированы под гражданские фуры, что является вероломным нарушением методов ведения войны. Не менее важным является преодоление проблемы трактовок различных терминов в международной практике, что создает юридическую неопределенность, особенно в контексте новых типов конфликтов, таких как кибервойна. Большую теоретическую основу в формировании дефиниции кибервойны как составной части любого военного конфликта современности заложили работы Международного Комитета Красного Креста¹. В частности, организацией было отмечено, что кибератаки могут наноситься и без реальных боестолкновений, при этом, также причиняя значительный ущерб гражданским лицам. Вопрос того, является ли проведение кибероперации началом военного конфликта остается открытым и нуждается в правовом регулировании. Как отмечают представители Красного Креста, во время составления двух Таллинских руководств по международному праву, применимому к кибероперациям (Таллинские руководства), стало очевидно, что эксперты во многом единодушны в отношении того, что международное гуманитарное право применяется в кибернетическом пространстве и что его основные нормы и принципы могут и должны применяться при осуществлении киберопераций во время вооруженных конфликтов². Не менее актуальной является проблема классификации стратегической ситуации, когда полноценные боевые действия ведутся на территории одного государства против террористических групп вооруженными силами второго государства, представляется необходимой квалификация такой ситуации в качестве ведения полноценных боевых действий.

Второй проблемой, требующей осмысления и глубокого анализа является как таковая неэффективность применения норм гуманитарного права. Сложившийся механизм обеспечения соблюдения норм и принципов международного гуманитарного права не позволяет обеспечить от участников

общественных отношений должного поведения, хотя одной из базовых функций права является охранительная функция, позволяющая защищать права человека во время военного конфликта в том числе и через юридическую ответственность. Гуманитарное право имеет значительное количество международных норм и стандартов, однако на практике их соблюдение часто остается на низком уровне. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций (ООН) и уполномоченные гуманитарные акторы, например, Международный комитет Красного Креста (МККК), сталкиваются с трудностями в обеспечении соблюдения норм международного гуманитарного права в современных военных конфликтах. Один из ярких примеров являются неизбирательные нападения, относящиеся к запрещенным методам ведения войны или применение оружия неизбирательного действия, что увеличивает жертвы среди гражданского населения, жертв вооруженных конфликтов. Примером использования такого оружия является гражданская война в Сирии, международное сообщество неоднократно фиксировало применение запрещенных видов оружия, в том числе химического³. Несмотря на многочисленные резолюции Совета Безопасности ООН, реальные механизмы принуждения к соблюдению гуманитарного права оказались неэффективными, а виновные в нарушениях до сих пор не привлечены к ответственности⁴.

Не менее важным вопросом в современных военных конфликтах и при применении военной силы при противодействии терроризму является ведение боевых действий в населенных пунктах. С одной стороны, международное гуманитарное право не запрещает использование населенных пунктов в военных целях, а военное искусство рассматривает их, например, как ключевые элементы для обеспечения устойчивости обороны. С другой стороны, любой населенный пункт является местом сосредоточения гражданских лиц и элементов инфраструктуры, обеспечивающих жизнедеятельность не только военных, но и гражданских, разрушение подобной инфраструктуры приводит к большим гуманитарным последствиям. Проблемным является тот факт, что правовое регулирование боевых действий в населенных пунктах на сегодняшний день является прерогативой государств, трактующих нормы международного гуманитарного права в свою пользу, прикрываясь их диспозитивностью.

С развитием технологий в XXI веке, вооруженные конфликты становятся все сложнее, чему способствует применение новых средств ведения войны, таких как искусственный интеллект, беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Все это соз-

¹ См.: Жизель Л., Роденхойзер Т., Дерман К. Двадцать лет спустя: международное гуманитарное право и защита гражданских лиц от последствий киберопераций во время вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 2021. № 913. Тема номера: Цифровые технологии и война. С. 367–425.

² См.: Schmitt M.N., Vihul L. (ред.) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2-е изд. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – (Tallinn Manual 2.0).

³ См.: Организация по запрещению химического оружия. Отчёт о применении химоружия в Сирии. – Гаага: ОЗХО, 2021. – URL: <https://www.opcw.org>

⁴ См.: Организация Объединенных Наций. Доклад о нарушениях прав человека в Сирии. – Нью-Йорк: ООН, 2022. – URL: <https://www.ohchr.org>

дает новые вызовы для международного гуманитарного права и формулирует еще одну проблему, требующую тщательной проработки. Применение высокотехнологичных вооружений может привести к непредсказуемым последствиям для мирного населения и значительно осложняет соблюдение норм международного гуманитарного права. Важно, чтобы нормы международного гуманитарного права адаптировались к этим новым угрозам и предоставляли четкие правила, направленные на минимизацию жертв среди мирных жителей. Здесь ярчайшим и наиболее привычным для Российской Федерации примером является уже приведенная выше специальная военная операция. Первый конфликт в истории человечества, в котором активное применение беспилотных летательных аппаратов пусть и по косвенному умыслу, но приводит к многочисленным жертвам среди гражданского населения.

Отдельно автор предлагает рассмотреть проблему применения международных норм в регионах, где не существует четких государственных границ или легитимных властей. Например, в случае локальных конфликтов, где отсутствуют признанные вооруженные силы, трудно определить статус участников конфликта и применить к ним международные нормы. Данная проблема затрудняет действия международных организаций. Примером может быть вторая гражданская война в Либерии между Правительством и повстанцами. Международное гуманитарное право сложно применять в условиях, когда одна из сторон конфликта отрицает его наличие в качестве «вооруженного». Подобные случаи создают ситуацию, когда права человека массово нарушаются.

Современные реалии заставляют обратить внимание на не менее острую проблему, а именно вопрос правового признания вооруженных групп. Так, все большее влияние на ход военных конфликтов оказывают частные военные компании (ЧВК), которые формально не обязаны соблюдать принципы и нормы, выработанные международным гуманитарным правом. При этом, учеными уже были сделаны попытки относительной выработки регулирования деятельности частных военных компаний, ядром которых стала разработка Монтерского документа¹. Данный акт подтверждает, что государства обязаны соблюдать международное гуманитарное право и права человека при использовании частных военных и охраняемых компаний. При этом, данный документ носит рекомендательный характер и, скорее, является политически значимым ориентиром для регулирования деятельности ЧВК в зонах конфликтов. Представляется продуктивным оформление положений данного документа, в частности, касаясь процедур лицензирования и аккредитации ЧВК, механизмов ответственности, в качестве общепризнанного международного акта.

¹ См.: Монтерский документ о международном праве, применимом к частным военным и охраняемым компаниям (2008 г.).

Подводя предварительный итог анализа проблемы, можно сделать вывод, что совершенствование международного гуманитарного права потребует активного взаимодействия между государствами, международными организациями и правозащитниками. Среди возможных путей решения проблем автор предлагает выделить следующие:

1. **Разработка механизма стимулирования государств соблюдать нормы и принципы международного гуманитарного права.** Примером одного из таких механизмов является оказание международной финансовой помощи (деятельность Всемирного банка).
2. **Создание объективных международных судебных механизмов.** Представляется необходимым формирование судебной инстанции, способной объективно разрешать международные конфликты, как частного, так и публичного характера.
3. **Расширение правового признания вооруженных групп** с целью обеспечения защиты жертв вооруженных конфликтов в условиях современного вооруженного противоборства и уменьшения вероятности нарушения норм международного гуманитарного права.
4. **Повышение роли национальных правовых систем** в обеспечении соблюдения международного гуманитарного права, чтобы оно не оставалось только на международном уровне, но и эффективно применялось внутри государств, особенно в регионах, охваченных вооруженными конфликтами. В частности, представляется необходимым выделение права военных конфликтов, как полноценной подотрасли международного гуманитарного права, регулирующей особенности соблюдения международного гуманитарного права с национальной точки зрения.

Современные проблемы международного гуманитарного права ставят перед международным сообществом сложные задачи, связанные с обеспечением эффективной защиты жертв вооруженных конфликтов в условиях применения военной силы. Несмотря на значительные достижения в области разработки международных норм и стандартов, проблемы, связанные с их применением, требуют дальнейшего совершенствования механизмов международного права и разработки новых подходов в ответ на новые вызовы. Только через тесное сотрудничество государств, международных организаций и правозащитников возможно обеспечить реальное соблюдение норм международного гуманитарного права и защиту мирного населения от насилия и жестокости войны. Развитие и охрану международного гуманитарного права автор считает одной из приоритетных задач современного общества, так как считает основной его целью – возможность сохранения человеческой жизни, достоинства настолько, насколько это представляется возможным. Залпы орудия прозвучат, а последствия останутся.

Литература

1. Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2001. – С. 7.
2. Жизель Л., Роденхойзер Т., Дерман К. Двадцать лет спустя: международное гуманитарное право и защита гражданских лиц от последствий киберопераций во время вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 2021. № 913. Тема номера: Цифровые технологии и война. С. 367–425.
3. Schmitt M.N., Vihul L. (ред.) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2-е изд. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – (Tallinn Manual 2.0).
4. Организация по запрещению химического оружия. Отчёт о применении химоружия в Сирии. – Гаага: ОЗХО, 2021. – URL: <https://www.opcw.org>
5. Организация Объединённых Наций. Доклад о нарушениях прав человека в Сирии. – Нью-Йорк: ООН, 2022. – URL: <https://www.ohchr.org>
6. Монтерский документ о соответствующем международном праве, применимом к операциям частных военных и охраняемых компаний в ходе вооруженных конфликтов: принят в г. Монтре 17 сентября 2008 г. / Совместно подготовлен Швейцарской Конфедерацией и Международным Комитетом Красного Креста. – Женева: МККК, 2009. – 54 с. <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf>

CURRENT ISSUES OF MODERN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Dzhafarov Y.F.

Modern international conflicts surprise humanity with their cruelty, which makes us think more and more about the need to create or improve the existing mechanism for protecting those persons who do not participate in the military conflict directly. Such a mechanism

is international humanitarian law. The main sources of international humanitarian law laid the foundation, which, as history has shown, does not guarantee its observance by all parties to the conflict. Public relations have outpaced the law, which poses new challenges to society. All this predetermines the relevance of the study of international humanitarian law. The study is devoted to the application of international humanitarian law in interstate relations, especially in armed conflicts and military operations. The author focuses on the key norms governing the actions of states, including compliance with the principles of protecting persons and objects not participating in the conflict, as well as the rules regarding humanitarian assistance and the protection of cultural property. Attention is paid to international legal institutions that influence interstate relations. Possible ways to modernize the existing international legal mechanism are listed. The article examines the nature and problems of modern international humanitarian law as an established mechanism for the protection of civilians. The author analyzes the experience of military conflicts and suggests considering the possibility of making changes to the modern established system of legal regulation of military conflicts.

Keywords: international humanitarian law, civilians, military conflict.

References

1. Manuals on International Humanitarian Law for the Armed Forces of the Russian Federation. – Moscow: Voenizdat, 2001. – P. 7.
2. Giselle L., Rodenh user T., Derman K. Twenty Years Later: International Humanitarian Law and the Protection of Civilians from the Consequences of Cyber Operations during Armed Conflicts // International Review of the Red Cross. 2021. No. 913. Topic of the issue: Digital Technologies and War. Pp. 367–425.
3. Schmitt M.N., Vihul L. (eds.) Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – (Tallinn Manual 2.0).
4. Organization for the Prohibition of Chemical Weapons. Report on the Use of Chemical Weapons in Syria. – The Hague: OPCW, 2021. – URL: <https://www.opcw.org>
5. United Nations. Report on human rights violations in Syria. – New York: UN, 2022. – URL: <https://www.ohchr.org>
6. Montreux Document on the Relevant International Law Applicable to the Operations of Private Military and Security Companies in Armed Conflicts: adopted at Montreux on 17 September 2008 / Jointly prepared by the Swiss Confederation and the International Committee of the Red Cross. – Geneva: ICRC, 2009. – 54 p. <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf>

Мамедли Эльнур Мехман оглы,

ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин
и международного права, ФГБОУ ВО «Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева»
E-mail: mamedly.elnur@yandex.ru

Принцип сотрудничества является когентным принципом современного международного права. Все государства согласно положениям Устава ООН должны сотрудничать друг с другом для решения социальных, экономических, культурных и иных проблем. Таким образом, принцип международного экономического сотрудничества стал один из ключевых принципов международного экономического права. Однако, само по себе экономическое сотрудничество, имеет давнюю историю, а принцип международного экономического сотрудничества претерпел значительные изменения и до сих пор имеет тенденцию к изменениям.

Ключевые слова: принцип экономического сотрудничества, международное экономическое право, протекционизм, либерализм, Лига Наций, ВТО.

Исходя из определений множества толковых словарей, сотрудничество представляет собой какую-либо совместную деятельность, направленную на достижение общих целей, в процессе которой происходит обмен опытом, знаниями, формирование правил совместной деятельности. В поле подобных сфер относят торговлю, инвестиции, таможенное регулирование, научно-технические обмены и так далее. Поэтому полагаем позволительно предположить, что международное экономическое сотрудничество имеет давнюю историю правового регулирования, начиная от обычных правовых норм, и, переходя от двусторонних договоров к многосторонним механизмам регулирования. При этом важно подчеркнуть, что мы условно называем международные отношения в сфере торговли международным экономическим сотрудничеством, так как скорее это была совместная деятельность, зачастую не совсем добровольная, в интересах одной стороны.

Логичным будет рассматривать историю развития данного правового института с Древних времен, ведь без преувеличения можно сказать, что обмен товарами происходил с момента образования государств, а то и раньше. Для государств Месопотамии, Индии, Китая и Древнего Египта характерно было обмениваться товарами такими как золото, специи, текстиль. В этот же период шло формирование и развитие торговых путей, в том числе и Великого Шелкового пути. На основании этого полагаем, можно утверждать, что этот период является одним из первых этапов в зарождении и становлении международного экономического сотрудничества, которое в меньшей степени учитывало взаимный экономический интерес, но в большей степени опиралось на право силы, что было традиционным для всего международного права того периода.

Античный период характеризуется развитием морской торговли, улучшением системы дорог и соответственно и ростом торгового оборота. Помимо этого, важным элементом экономических отношений стало использование денежных средств, что значительно снизило количество бартерных сделок того периода. Формирование купеческих гильдий, торговых ярмарок, увеличение доли исламской торговли, безусловно, положительно сказывалось на развитии международного экономического сотрудничества, в большей степени двустороннего. Средневековые, которое характеризуется значительными географическими открытиями, можно назвать периодом расцвета торгово-экономических отношений, которые, однако, носили весьма специфический характер в си-

лу того, что обозначили тенденции по формированию колониальной системы. Примерно этот же период (XI–XV века), который ряд авторов относит к итальянскому периоду развития международного торгового права, так как именно флот Италии был наиболее приспособленным к условиям торговли того периода, формировал торговые обычаи, которые вынуждены были применять государства в торговле, зачастую в ущерб своим правилам и интересам. Что снова подтверждает тезис о господстве силы в развитии международных торговых отношений, так как сам характер этих отношений вряд ли предполагает восприятие их как сотрудничества.

По мнению М.А. Рахимовой торговые-экономические отношения с древних времен основывались на принципе свободной торговли, что подтверждается работами древнеримского историка Флора, а также мыслями о свободном обмене товарами между народами Гуго Гроция¹. «Отец» науки международного права Гуго Гроций (XVII в.), облекая либерализационные идеи в правовую форму, указывал, что «никто не вправе препятствовать взаимным торговым отношениям любого народа с любым другим народом». Именно этот принцип *jus commercii* – право свободы торговли, понимаемой в широком смысле, становится основополагающим в науке международного торгового и экономического права. Тем не менее, следует учитывать, что на свободу торговли оказывали влияние геополитические события и мощь государств-партнеров.

В XVII веке происходит переход от заключения общих торговых договоров к заключению специальных соглашений в сфере международного экономического сотрудничества, договоров, которые предусматривали определенные режимы для сторон.

Согласно В.А. Никифорову период с конца XV по середину XIX века следует рассматривать как французский период международного экономического права. По мнению данного автора, это объясняется тем, что Франция в тот период была мировым лидером, а положения Французского торгового кодекса были восприняты большинством европейских государств, что, в гораздо большей степени отражает вероятность сотрудничества, нежели господства². Затем он выделяет относительно непродолжительный германский период, который охарактеризовался попыткой кодификации торгового права, а также популярностью более со-

временного на тот период Общегерманского торгового кодекса.

Конец XIX–XX век представляют наибольший интерес для изучения, так как в этот период международное экономическое сотрудничество приобретает институциональную основу, появляются новые виды международных экономических договоров, таможенные союзы и иные формы интеграции.

Упомянутый нами В.А. Никифоров выделяет так называемый британский период с 1870 по 1918 г. По мнению данного автора, в обозначенный период при общей гегемонии Великобритании закладывались предпосылки для будущей глобализации, создавались международные научные союзы, которые имели своей целью кодификацию торгового права. В этот же период создается Международная торговая палата и развивается третейское судопроизводство по разрешению международных торговых споров³. На наш взгляд, попытки унификации и гармонизации международных норм в области международной торговли, могут свидетельствовать о том, что международное сообщество того периода, пускай и в значительно ограниченном кругу исключительно цивилизованных наций, все же стремилось к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях, которые, как и в настоящее время, обязательно учитывают национальные интересы государства. При этом, по нашему мнению, для этого периода характерен именно либерализм в международной торговле, который позже сменился на протекционизм.

К 1914 г. стремительный научно-технический прогресс привел к небывалому экономическому развитию. Мировая торговля достигла беспрецедентных темпов роста в 4% в год вследствие снижения транзакционных издержек (этому главным образом способствовало быстрое развитие железнодорожных и морских перевозок), мобильности капитала и рабочей силы⁴. Ежегодный экономический рост в 1870–1913 гг. в среднем составлял около 2%⁵. Протекционизм не имел должной популярности и государства частично возвращались к свободной торговле. Это было время золотого стандарта, обеспечивающего привязку национальной валюты к золотому паритету и стабильный обменный курс между всеми валютами. Финансовая глобализация рынков капитала позволяла беспрепятственно инвестировать средства в предприятия по всему миру.

Некоторые авторы полагают, что такой экономический рост обусловлен и насильственной политикой империй по отношению к своим колониям, а именно отмена экономических барьеров и включение колоний в валютные союзы⁶.

³ См. указанную статью Никифорова В.А. С. 83.

⁴ Родрик Д., Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. Москва, 2014. С. 72

⁵ Кембрижская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2:1870 – наши дни. Москва, 2013. С. 12.

⁶ Кембрижская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2:1870 – наши дни. Москва, 2013.

¹ Рахимова М.А. Международное экономическое сотрудничество государств и особенности международных экономических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-i-osobennosti-mezhdunarodnyh-ekonomicheskikh-organizatsiy> (дата обращения: 04.12.2024).

² Никифоров В.А. К вопросу о периодизации этапов развития международного торгового права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (дата обращения: 05.12.2024).

С подобным положением дел государства подошли к началу Первой мировой войны. По окончании войны государства всеми силами стремились восстановить свою экономику.

Именно с периодом расцвета протекционизма пришлось столкнуться Лиге Наций в начале своей деятельности. Эта тенденция была обусловлена тем, что государства столкнулись с последствиями Первой мировой войны, слабостью агропромышленного комплекса из-за импорта дешевого зерна из США, чувствительностью некоторых отраслей экономики к иностранной конкуренции при либеральном подходе к международной торговле. Поэтому государства Европы предпочитали проводить политику по закрытию своих рынков и восстановлению экономики.

Принятый Статут Лиги Наций не содержал экономических положений, за исключением статей 22 и 23, которые в некоторой степени касались экономических вопросов: запрещалась торговля рабами, алкоголем и оружием на подмандатных территориях, возлагали на Лигу Наций контроль за торговлей опиумом и другими вредными веществами, утверждался принцип «открытых дверей» в подмандатных территориях, а также устанавливалось, что торговые отношения должны строиться на равных для всех участников Лиги условиях¹.

Небольшое число авторов, которые анализировали экономическую сторону деятельности Лиги Наций, обращают внимание на то, что данный вид деятельности Организации проходил несколько этапов².

Первым начальным этапом работы Лиги Наций в сфере экономического сотрудничества можно назвать период с 1920 по 1929 г. В этот временной отрезок в целом развивались институты Организации и определялась та роль, которую Лига может играть в урегулировании или решении множества международных проблем. Закладывался вектор развития по решению экономических проблем, однако, начало Великой депрессии в 1929 г. существенно скорректировало направления работы Лиги Наций, прежде всего по экономическим вопросам.

Для регулирования экономических вопросов в рамках Лиги Наций был создан специальный орган – Временный Финансовый и Экономический комитет. Комитет обращал внимание государств на необходимость ведения торговых отношений в соответствии с принципами, перечисленными в статье 23 Статута Лиги Наций. Однако государства прежде всего стремились защитить своих

С. 19

¹ Статут Лиги Наций от 28 июля 1919 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года. – М.: НКВД, 1935.

² Сагалова А.Л. У истоков теории интеграции: Лига Наций как экономическое объединение во взглядах Г.Н. Брейлсфорда // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-teorii-integratsii-liga-natsiy-kak-ekonomicheskoe-obedinenie-vo-vzglyadah-g-n-breylsforda> (дата обращения: 06.12.2024).

собственных производителей в период сильного экономического спада, поэтому вводили значительные таможенные тарифы для экспортеров. А рекомендации Комитета о возвращении к условиям торговли довоенного периода оставались лишь призывами.

К 1922 г. было принято решение об учреждении в рамках Лиги Наций комитета по вопросам налогообложения. К июлю 1923 г. данный комитет подготовил рекомендации по определению правового статуса иностранных граждан и юридических лиц за рубежом, включая особенности налогообложения их доходов. Рекомендации обращали внимание на то, что иностранные граждане и юридические лица не должны подвергаться ограничениям и дискриминации при ведении бизнеса и распоряжении имуществом за рубежом, а налогом должна облагаться только та часть дохода, которая имеет непосредственное отношение к стране нахождения.

Существенным вкладом в развитие международного экономического сотрудничества следует признать деятельность Лиги Наций по изучению вопросов урегулирования и разрешения международных коммерческих споров. Учитывая необходимость разрешения спорных ситуаций между участниками торговых отношений из разных стран, Лига Наций подготовила Конвенцию, гарантировавшую участникам международного контракта возможность внесения в него арбитражной оговорки³.

К сожалению, ситуация в Европе данного периода не была благоприятной для экономического сотрудничества, мир не был готов к диалогу и учету взаимных интересов в данной сфере, что отодвинуло вопросы международной торговли и сотрудничества на второй план.

Второй период деятельности в сфере экономики – 1929–1937 г. Этот период является менее продуктивным, что логично объясняется началом Великой депрессии и, соответственно, возвращению к протекционизму в полном объеме. В условиях повсеместного снижения производства, разорения сельского хозяйства, роста безработицы для стран казалось естественным ограничение ввоза товаров, хотя это и ухудшило общемировое состояние торговли. С 1929 года по 1937 гг. объемы мировой торговли сократились вдвое⁴. Д. Родрик отмечает, что «глубинные корни» протекционизма следует искать в изменившейся позиции правительства по отношению к обществу. Также в этот период можно выделить выступления Аристиды Бриана, который в общих чертах призывал государства к интеграции, однако его идеи не получили воплощения в связи с его смертью. Этот период характеризуется крахом Лиги Наций и сколько-нибудь существенного вклада в развитие международного

³ Арбитражная оговорка – это декларирование того, что в случае возникновения споров между сторонами, они будут рассмотрены арбитражным судом

⁴ Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 113.

экономического права и сотрудничества Организация не внесла, скорее пыталась поддерживать предыдущие результаты.

По окончании Второй мировой войны государства вновь обратились к вопросам урегулирования международной торговли и развитию международного экономического сотрудничества.

До окончания Второй мировой войны, а именно в 1944 г. по результатам переговоров в Нью-Гемпшире создаются такие международные организации как МБРР и МВФ. В 1945 г. учреждается Организация Объединенных Наций и в ее Уставе в отличие от Статута Лиги Наций содержатся положения, направленные на развитие и поддержание международного экономического сотрудничества.

К окончанию Второй мировой войны страны, прежде всего, США и союзники, хотели поскорее «избавиться» от наследия 1930-х гг. в форме протекционистских мер, которые не отвечали интересам либерализации торговли на условиях «недискриминации» и «свободного рынка». Однако, как отмечает В.А. Никифоров, все подобные идеи были инициированы США и, соответственно, все предлагаемые проекты основывались на действовавшем законодательстве США¹.

Тем не менее, в 1947 г. было принято Генеральное соглашение по тарифам и торговле, которое на долгие годы стало регулятором международной торговли и во многом определяло основные элементы и направления международного экономического сотрудничества.

Просуществовав практически 50 лет, ГАТТ уже не могло отвечать требованиям современной действительности. Количество членов Соглашения многократно возросло, ТНК стали играть все более существенную роль в международной экономике, двусторонние соглашения о «добровольном» ограничении экспорта вне рамок ГАТТ, глобализация мировой экономики и отсутствие регулирования торговли услугами привели к созданию ВТО.

ГАТТ представляла собой своего рода переходный этап между формированием общемировых рекомендаций в сфере торговли Лигой Наций (которые могли легко игнорироваться странами) и организацией деятельности ВТО, требования либерализации которой зачастую оказывают негативное влияние на состояние некоторых отраслей внутри страны и «насильственное» открытие внутреннего рынка стран-участниц без оглядки на его готовность к этому.

В 1994 г. на смену ГАТТ пришла ВТО. Активная либерализация торговли со второй половины XX века стала частью развивающейся глобализации, способствовала созданию цепочек добавленной стоимости и взаимным потокам капитала, делая страны более взаимосвязанными и взаимозависимыми. Это процесс происходил при увели-

¹ Никифоров В.А. К вопросу о периодизации этапов развития международного торгового права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (дата обращения: 05.12.2024). С. 85.

чении числа транснациональных компаний, объединяющих большие производственные циклы в разных регионах мира, и именно на их цепочки добавленной стоимости приходилась основная часть мировой торговли в 2010-х гг.²

ВТО определяет правила торговли товарами и услугами в глобальном масштабе, формируя унифицированные правила и стандарты, от которых, тем не менее, допустимы некоторые отступления при соблюдении ряда условий – преференции во внешней торговле при сохранении протекционизма для защиты чувствительных секторов экономики. При кажущейся либерализации международной торговли и открытии новых возможностей для международного экономического сотрудничества, действительность демонстрирует преобладание интересов некоторых государств в первую очередь США при одновременном «угнетенном» состоянии иных игроков на мировой арене. И это неудивительно ведь вся нынешняя система международных экономических отношений формировалась после Второй мировой войны по основам и рекомендациям США³.

Замечания о том, что свободная либеральная торговля имеет и недостатки содержатся и в программных документах Европейского Союза. Так, в Приложении «Торговля как движущая сила процветания»⁴ к «Стратегии Европейского союза 2020» Европейская комиссия в части внешнеторговой политики отмечает следующее: «Свободная торговля не только обеспечивает процветание, но и порождает неравенство; она может оказывать разрушительное воздействие на обрабатывающий сектор, если он сталкивается с субсидируемыми или демпинговыми поставками и манипулированием обменным курсом. Хотя торговая система предоставляет средства защиты от недобросовестной торговой практики, мало что можно сделать, если в институциональном плане укоренилось хищническое ценообразование, когда целые системы не работают на основе рыночных цен, и трудно определить, где заканчивается государственное субсидирование и начинается демпинг предприятий»⁵.

По нашему мнению, международное экономическое сотрудничество не может быть поистине универсальным. Оно в любом случае предполагает наличие ущемленной стороны, государства или даже регионов, которые не включаются в между-

² Global Value Chains and Development. Investment and value added trade in the global economy [Электронный ресурс] // United Nations Publication: [сайт]. – 2013. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diae2013d1_en.pdf

³ Зуева И.А. Эволюция ГАТТ и создание ВТО в процессе глобализации // Вестник ННГУ. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gatt-i-sozdanie-vto-v-protsesse-globalizatsii> (дата обращения: 07.12.2024).

⁴ Trade as a Driver of Prosperity [Электронный ресурс] // European Commission: [сайт]. – 2010. – Режим доступа: [aei.pitt.edu/38023/1/SEC_\(2010\)_1269.pdf](http://aei.pitt.edu/38023/1/SEC_(2010)_1269.pdf).

⁵ Trade, Growth and World Affairs Trade Policy as a core component of the EU's 2020 Strategy [Электронный ресурс] // EUROPEAN COMMISSION: [сайт]. – 2010. – Режим доступа: [http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_\(2010\)_612.pdf](http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_(2010)_612.pdf).

народные экономические отношения как равноценные партнеры, но под угрозой силы, которая приобретает формы международных стандартов, вынуждены участвовать в отношениях на невыгодных и неблагоприятных для себя условиях. Возможно по этой причине во второй половине двадцатого века в международных отношениях получили популярность региональные интеграционные объединения.

Под влиянием сложившейся политической ситуации, усиления регионализма, эскалации протекционизма и произошедших сдвигов в мировой торгово-экономической конфигурации ВТО столкнулась с системным кризисом, что сильно затрудняет ее работу и осложняет использование потенциала организации в интересах стран-участниц¹.

Современная мировая экономика начала превращаться в органическую целостную систему с конца XIX века. Первоначально она затрагивала сферу обращения товаров и была связана с развитием международной торговли. Увеличение движение факторов производства – капитала, рабочей силы, предпринимательских способностей, технологий, привело к развитию устойчивых хозяйственных связей между государствами и выходу воспроизводственного процесса за рамки национальных границ. Под влиянием интернационализации производства и углубления международного разделения труда, международное экономическое сотрудничество принимает различные формы: внешняя торговля, вывоз капитала, научно-техническое сотрудничество, предоставление различного рода услуг, международный туризм, совместное строительство объектов и т.д.².

Следует отметить, что достаточно продолжительную историю развития международных экономических отношений в праве преобладала тенденция к протекционизму, то есть к защите своих производителей от иностранной конкуренции. Сотрудничество вплоть до Нового времени было обусловлено правом силы, нежели добровольностью.

Период либерализации международной торговли конца девятнадцатого века вновь сменился протекционизмом. И именно с этой тенденцией пришлось столкнуться Лиге Наций при попытках регулировать международную торговую систему.

В отношении деятельности Лиги Наций вряд ли применим термин «экономическая интеграция», тем не менее, Лигой Наций был сделан вклад в укрепление международных торговых связей и улучшение условий деятельности бизнеса в мире. Лига Наций смогла привлечь к работе многие страны, не являющиеся членами Лиги, в том числе США и СССР. Лигой Наций была проведена об-

ширная работа по улучшению условий мировой торговли, формированию принципов справедливого сотрудничества в сфере экономики в мирное время.

Однако, несмотря на все усилия со стороны Лиги наций в период колониальной системы недопустимо говорить о полноценном международном сотрудничестве или в целом о сотрудничестве колонии и метрополии. В данном случае речь идет скорее об использовании и подчинении.

После Второй мировой войны мировое сообщество в лице США и союзников провозглашало о необходимости избавиться от протекционизма, оставшегося в наследство от Великой депрессии и войны. США предлагали и воплощали в жизнь различные проекты по либерализации мировой торговли сотрудничестве государств.

Падение колониальной системы привело к изменениям в праве и геополитике, пускай и во многом формальным, а не действительным. Увеличилась активность государств как игроков внешнеэкономической деятельности. Однако и в этот период международное экономическое сотрудничество было незначительным, а в отношениях зачастую присутствовал протекционизм. Основанием для развития концепции протекционизма было несправедливое разделение труда между развитыми и развивающимися странами в условиях свободной торговли: из развивающихся стран в развитые поступало сырье, а в обратном направлении экспортировались промышленные товары. Это ставило развивающиеся страны в условия технологической зависимости от развитых и препятствовало наращиванию промышленного и технологического потенциала внутри страны. При этом задача импортозамещения заключалась в ограничении не всего импорта, а только закупок потребительских товаров, в то время как инвестиционные товары должны были стать ключевой статьей импорта для целей индустриализации и развития обрабатывающей промышленности³.

Рост международной торговли приводит к необходимости более тесной интеграции с новыми рынками для расширения возможностей экономической деятельности, в результате чего создаются торговые блоки и экономические партнерства различной степени глубины. По мере необходимости и готовности экономических субъектов происходит углубление интеграции до стадии таможенного союза, общего рынка или полноценного экономического союза с единой макроэкономической политикой и общей валютой⁴.

Стоит также обратить внимание на такую историческую тенденцию, что международное экономическое сотрудничество обычно активизируется

¹ Кадочников П.А. Эволюция и перспективы участия России в международных торгово-экономических связях. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2022. С. 120

² Ермаков А.С. Состояние и перспективы развития международного экономического сотрудничества Российской Федерации в электроэнергетической сфере. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Москва, 2019. С. 12.

³ Irwin, D. A. The Rise and Fall of Import substitution [Электронный ресурс] / D. A. Irwin // Peterson Institute for International Economics: [сайт]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.piie.com/publications/working-papers/rise-and-fall-import-substitution>

⁴ Кадочников П.А. Эволюция и перспективы участия России в международных торгово-экономических связях. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2022. С. 22

во время или после крупного экономического кризиса, например, после Второй мировой войны в результате реализации плана Маршалла и создания Бреттон-Вудских институтов, а также во время глобального финансового кризиса 2008–2009 годов¹.

На современном этапе, несмотря на противоречивые тренды развития мировой экономики и международной торговли, рост протекционизма, страны сохраняют высокую взаимосвязанность и взаимозависимость, значительные потребности во взаимной торговле, в том числе для целей развития. Формированию таких условий способствовали процессы либерализации торговли и инвестиционного сотрудничества в второй половине XX – начала XXI века при углублении международной специализации, основанной на имеющихся конкурентных преимуществах.

Литература

1. Рахимова М.А. Международное экономическое сотрудничество государств и особенности международных экономических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-i-osobennosti-mezhdunarodnyh-ekonomicheskikh-organizatsiy> (дата обращения: 04.12.2024).
2. Никифоров В. А. К вопросу о периодизации этапов развития международного торгового права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (дата обращения: 05.12.2024).
3. См. указанную статью Никифорова В.А. С. 83.
4. Родрик Д., Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. Москва, 2014. С. 72
5. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2:1870 – наши дни. Москва, 2013. С. 12.
6. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2:1870 – наши дни. Москва, 2013. С. 19
7. Статут Лиги Наций от 28 июля 1919 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года. – М.: НКВД, 1935.
8. Сагалова А.Л. У истоков теории интеграции: Лига Наций как экономическое объединение во взглядах Г.Н. Брейлсфорда // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-teorii-integratsii-liga-natsiy-kak-ekonomicheskoe-obedinenie-vo-vzglyadah-g-n-breylsforda> (дата обращения: 06.12.2024).
9. Арбитражная оговорка – это декларирование того, что в случае возникновения споров между сторонами, они будут рассмотрены арбитражным судом
10. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 113.
11. Никифоров В. А. К вопросу о периодизации этапов развития международного торгового права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (дата обращения: 05.12.2024). С. 85.
12. Global Value Chains and Development. Investment and value added trade in the global economy [Электронный ресурс] // United Nations Publication: [сайт]. – 2013. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diae2013d1_en.pdf
13. Зуева И.А. Эволюция ГАТТ и создание ВТО в процессе глобализации // Вестник ННГУ. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gatt-i-sozdanie-vto-v-protsesse-globalizatsii> (дата обращения: 07.12.2024).
14. Trade as a Driver of Prosperity [Электронный ресурс] // European Commission: [сайт]. – 2010. – Режим доступа: [aei.pitt.edu/38023/1/SEC_\(2010\)_1269.pdf](http://aei.pitt.edu/38023/1/SEC_(2010)_1269.pdf).
15. Trade, Growth and World Affairs Trade Policy as a core component of the EU's 2020 Strategy [Электронный ресурс] // EUROPEAN COMMISSION: [сайт]. – 2010. – Режим доступа: [http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_\(2010\)_612.pdf](http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_(2010)_612.pdf).)
16. Кадочников П.А. Эволюция и перспективы участия России в международных торгово-экономических связях. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2022. С. 120
17. Ермаков А.С. Состояние и перспективы развития международного экономического сотрудничества Российской Федерации в электроэнергетической сфере. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Москва, 2019. С. 12.
18. Irwin, D.A. The Rise and Fall of Import substitution [Электронный ресурс] / D.A. Irwin // Peterson Institute for International Economics: [сайт]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.piie.com/publications/working-papers/rise-and-fall-import-substitution>
19. Кадочников П.А. Эволюция и перспективы участия России в международных торгово-экономических связях. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, 2022. С. 22
20. Султанлы О.О. Международное экономическое сотрудничество в условиях глобализационных процессов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 4А. С. 144–152. DOI: 10.34670/AR.2023.88.67.020

¹ Султанлы О.О. Международное экономическое сотрудничество в условиях глобализационных процессов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 4А. С. 144–152. DOI: 10.34670/AR.2023.88.67.020

EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF ECONOMIC COOPERATION

Mamedli Elnur Mekhman oglu

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The principle of co-operation is a cogent principle of modern international law. All states according to the provisions of the UN Charter must co-operate with each other to solve social, economic, cultural and other problems. Thus, the principle of international economic co-operation has become one of the key principles of international economic law. However, economic co-operation itself has a long history, and the principle of international economic co-operation has undergone significant changes and international economic co-operation has undergone significant changes and still has a tendency to change.

Keywords: principle of economic co-operation, international economic law, evolution of the principle, protectionism, liberalism, League of Nations, WTO.

References

1. Rakhimova M.A. International economic cooperation of states and features of international economic organizations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 8. P. 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-i-osobennosti-mezhdunarodnyh-ekonomicheskikh-organizatsiy> (date of access: 04.12.2024).
2. Nikiforov V.A. On the issue of periodization of stages of development of international trade law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2008. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (date accessed: 05.12.2024).
3. See the indicated article by Nikiforov V.A. P. 83.
4. Rodrik D., The Paradox of Globalization: Democracy and the Future of the World Economy. Moscow, 2014. P. 72
5. The Cambridge Economic History of Modern and Contemporary Europe. Vol. 2: 1870 – our days. Moscow, 2013. P. 12.
6. The Cambridge Economic History of Modern and Contemporary Europe. Vol. 2: 1870 – our days. Moscow, 2013. P. 19
7. The Statute of the League of Nations of July 28, 1919. // Collection of current treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. Issue VIII. Current treaties, agreements and conventions that entered into force after January 1, 1933. – M.: NKID, 1935.
8. Sagalova A.L. At the origins of the theory of integration: The League of Nations as an economic association in the views of G.N. Brailsford // Eurasian integration: economics, law, politics. 2014. No. 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-teorii-integratsii-liga-natsiy-kak-ekonomicheskoe-obedinenie-vo-vzglyadah-g-n-breylsforda> (date of access: 06.12.2024).
9. An arbitration clause is a declaration that in the event of a dispute between the parties, they will be considered by an arbitration court
10. Rodrik D. The paradox of globalization: democracy and the future of the world economy. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. P. 113.
11. Nikiforov V.A. On the issue of periodization of stages of development of international trade law // Bulletin of RUDN. Series: Legal sciences. 2008. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-etapov-razvitiya-mezhdunarodnogo-torgovogo-prava> (date of access: 05.12.2024). P. 85.
12. Global Value Chains and Development. Investment and value added trade in the global economy [Electronic resource] // United Nations Publication: [site]. – 2013. – Access mode: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diae2013d1_en.pdf
13. Zueva I.A. Evolution of GATT and the creation of the WTO in the process of globalization // Bulletin of UNN. 2010. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gatt-i-sozdanie-vto-v-protsesse-globalizatsii> (date of access: 07.12.2024).
14. Trade as a Driver of Prosperity [Electronic resource] // European Commission: [site]. – 2010. – Access mode: [aei.pitt.edu/38023/1/SEC_\(2010\)_1269.pdf](http://aei.pitt.edu/38023/1/SEC_(2010)_1269.pdf).
15. Trade, Growth and World Affairs Trade Policy as a core component of the EU's 2020 Strategy [Electronic resource] // EUROPEAN COMMISSION: [site]. – 2010. – Access mode: [http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_\(2010\)_612.pdf](http://aei.pitt.edu/38021/1/COM_(2010)_612.pdf).)
16. Kadochnikov P.A. Evolution and prospects of Russia's participation in international trade and economic relations. Dissertation for the degree of Doctor of Economics. Moscow, 2022. P. 120
17. Ermakov A.S. State and prospects of development of international economic cooperation of the Russian Federation in the electric power sector. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2019. P. 12.
18. Irwin, D.A. The Rise and Fall of Import substitution [Electronic resource] / D.A. Irwin // Peterson Institute for International Economics: [website]. – 2020. – Access mode: <https://www.piie.com/publications/working-papers/rise-and-fall-import-substitution>
19. Kadochnikov P.A. Evolution and prospects of Russia's participation in international trade and economic relations. Dissertation for the degree of Doctor of Economics. Moscow, 2022. P. 22
20. Sultanly O.O. International economic cooperation in the context of globalization processes // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 4A. P. 144–152. DOI: 10.34670/AR.2023.88.67.020

Международные перспективы регулирования рыночных злоупотреблений в цифровую эпоху

Саркисян Вероника Вартановна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

E-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru

Атоева Марина Владимировна,

студент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) (МГИМО МИД России)

E-mail: marina.atoeva@yandex.ru

Статья посвящена исследованию трансформации международного регулирования рыночных злоупотреблений в условиях цифровизации финансовых рынков. Целью работы является выявление нормативных пробелов, вызванных развитием криптовалют, алгоритмической торговли и цифровых каналов распространения информации. Использована комплексная методология, включающая сравнительно-правовой, системные и функциональный подходы. В результате анализа выявлены ключевые проблемы действующей модели, в том числе фрагментарность регулирования спотовых криптовалютных и валютных сделок, неурегулированность поведения ИИ-систем и отсутствие надзора за цифровыми инфлюэнсерами. Обоснована необходимость институциональных и нормативных реформ, включая расширение сферы MAR и MiCA, разработку наднациональных механизмов уголовного преследования и внедрения принципа регулируемой адаптивности интеллектуальных систем. Полученные выводы могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования, международных меморандумов IOSCO, а также в рамках национальных финансовых стратегий.

Ключевые слова: рыночные злоупотребления, цифровые финансы, криптовалюта, правовое регулирование алгоритмов, трансграничный надзор, инсайдерская торговля, манипулирование рынком.

Современная система международного и регионального регулирования рыночных злоупотреблений представляет собой комплекс разноуровневых правовых и рекомендательных актов, направленных на обеспечение целостности финансовых рынков, защиту инвесторов и стабилизацию доверия к финансовым инструментам. В условиях цифровизации и трансформации рыночной инфраструктуры данная система сталкивается с необходимостью переосмысления подходов и выработки новых регуляторных парадигм.

В Европейском союзе ключевым правовым актом в данной области выступает Регламент ЕС о злоупотреблениях на рынке № 596/2014 (Market abuse regulation – MAR)¹, который прямо запрещает инсайдерскую торговлю (незаконные операции с ценными бумагами на основе внутренней информации о деятельности компании-эмитента), неправомерное раскрытие внутренних сведений (unlawful disclosure of information), а также различные формы рыночной манипуляции (market manipulation). Действие MAR распространяется на широкий спектр финансовых инструментов: от классических акций и облигаций до производных активов, включая как организованные торговые площадки, так и внебиржевые сделки².

Дополнительно функционирует Директива об уголовных санкциях за злоупотребления на рынке (Directive on criminal sanctions, CSMAD или MAD II)³, которая устанавливает минимальные стандарты уголовной ответственности за наиболее опасные формы незаконного поведения на финансовых площадках. Так, максимальный срок лишения свободы должен составлять не менее четырех лет за инсайдерскую торговлю и манипулирование, и не менее двух лет за неправомерное распространение конфиденциальной сведений (исключением является обнародование информации в рамках журналистской деятельности⁴). Вместе

¹ Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2014. – No L 173. – P. 1–61.

² Касьянов Р.А. Основные инициативы Евросоюза в борьбе с рыночными злоупотреблениями (2003–2014 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – No 4 (37). – С. 244–252

³ Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) // Official Journal of European Union. – 2014. – No L 173. – P. 179–189.

⁴ Case C-302/20: Judgment of the Court (Grand Chamber) of 15 March 2022 (request for a preliminary ruling from the Cour d'appel de Paris – France). // EU News: Click & Read. – No 160. –

с тем, данная директива была имплементирована в национальные законодательства не всеми государствами-членами ЕС, что привело к фрагментации уголовно-правового преследования: например, Дания и Великобритания отказались от ее транспозиции¹.

Особое значение имеет специализированный Benchmark Regulation, также обозначаемый как BMR², направленный на обеспечение достоверности и объективности расчета ключевых финансовых индексов, включая валютные и процентные ставки (например, LIBOR, EURIBOR и их аналоги). MAR в свою очередь прямо запрещает манипулирование этими индикаторами. На международном уровне сформулирован Свод глобальных принципов добросовестной работы на Валютном рынке (Глобальный кодекс, FX Global Code), представляющий собой сборник принципов правомерной практики поведения, разработанный при участии центральных банков и рыночных операторов. Однако, несмотря на содержательную ценность, данный акт носит исключительно рекомендательный характер и не обладает нормативной обязательностью, что ограничивает его применение в случаях злоупотреблений.

На практике в рамках общей нормативной структуры MAR и сопутствующих актов реализуется эффективное противодействие «классическим» видам рыночных нарушений, таким как инсайдерская торговля, «layering», «spoofing»³ и иным формам недобросовестного поведения на регулируемых рынках. Тем не менее, стремительное развитие цифровых технологий и трансформация рыночной инфраструктуры выдвигают перед регуляторами качественно новые вызовы. Алгоритмические и высокочастотные торговые системы, включая самообучающиеся ИИ-модели, а также рост децентрализованных цифровых платформ и оборот криптовалют радикально изменяют природу рыночных взаимодействий, способствуют росту скорости операций, увеличению рыночной фрагментарности и анонимизации участников, что в свою очередь снижает эффективность классических регуляторных инструментов.

Особую обеспокоенность вызывают риски, связанные с так называемыми алгоритмическими сговорами. Современные торговые боты, управляе-

мые интеллектуальными системами, могут эволюционировать в направлении согласованного поведения, не предполагающего прямого взаимодействия между операторами, но приводящего к эффекту, аналогичному картельному соглашению. Такие модели нарушений остаются вне должного правового контроля текущими нормами MAR, поскольку запреты на манипуляции не охватывают в полной мере адаптивные поведенческие механизмы юнитов ИИ.

Отдельный пласт нерешенных вопросов касается рынков криптовалют и цифровых активов. Так, в США отсутствует единая правовая квалификация спотовых криптовалютных операций: ни Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC), ни Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC), прямо не регулируют данные сегменты⁴, что создает условия массового распространения практик wash-trading, pump-and-dump и других форм злоупотреблений⁵. В ЕС до недавнего времени децентрализованные валютные платформы не попадали под действие MAR. Введение Регламента о рынках криптоактивов (MiCA) призвано преодолеть существующие пробелы, и с момента его вступления в силу крипторынки получили более четкие рамки правового контроля⁶. Вместе с тем они остаются уязвимыми к рыночным манипуляциям, особенно через каналы социальных сетей, которые усиливают скорость распространения спекулятивной или вводящей в заблуждения информации. В отличие от типичных финансовых площадок, в цифровой среде значительное влияние на рыночные ожидания нередко оказывают лица без лицензии профессионального участника, а именно так называемые «инфлюэнсеры», лица обладающие значительной аудиторией и способные одним сообщением резко повлиять на рыночные ожидания и поведение инвесторов, что создает предпосылки для масштабных манипуляций – от pump-and-dump схем до согласованного распространения недостоверных сведений, формирующих искусственный спрос или панику. Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (ESMA) указывает на широкое распространение в криптосреде нестандартных каналов распространения информации, что существенно затрудняет надзорную деятельность⁷.

March 2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62020CA0302> (дата обращения: 14.05.2025)

¹ Criminal Sanctions for Market Abuse in the EU. // MyComplianceOffice LTD. April 1, 2020. – URL: <https://mco.mycomplianceoffice.com/blog/sanctions-for-market-abuse-eu#:~:text=Denmark%20and%20the%20United%20Kingdom,adopted%20and%20applied%20the%20Directive> (дата обращения: 20.05.2025)

² Regulation (EU) No 2016/1011 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on indices used as benchmarks in financial instruments and financial contracts or to measure the performance of investment funds and amending Directives 2008/48/EC and 2014/17/EU and Regulation (EU) No 596/2014 (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2016. – No L 171. – P. 1–65.

³ How to Detect and Prevent Market Manipulation // Sanction Scanner. 27 September 2024. – URL: <https://www.sanctionscanner.com/knowledge-base/market-manipulation-900> (дата обращения: 20.05.2025)

⁴ Berkovitz M. Dan, Pattnaik M.. Measuring the Regulatory Gaps for Digital Assets and the Use of Technology to Bridge the Gap. // Merkle science. November 7, 2023. – URL: <https://www.merklescience.com/blog/measuring-the-regulatory-gaps-for-digital-assets-and-the-use-of-technology-to-bridge> (дата обращения: 20.05.2025)

⁵ Market Manipulation: Suspected Wash Trading on Select Blockchains May Account for Up To \$2.57 Billion in Trading// Chainalysis Team. Volume January 29, 2025. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-market-manipulation-wash-trading-pump-and-dump-2025/> (дата обращения: 20.05.2025)

⁶ Regulation (EU) No 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2023. – No L 150/40. – P. 1–166.

⁷ Lovegrove S., Carrier A. ESMA supervisory guidelines to prevent market abuse under MiCA // Regulation Tomorrow, April 29,

Внимание заслуживают и спотовые валютные сделки, которые не подпадают под действие MAR, поскольку статья 2 Регламента прямо исключает их из сферы применения. Частичное регулирование осуществляется через контроль за бенчмарками, например расчетными курсами валют, однако основная часть операций на валютном рынке остается вне рамок нормативной прозрачности. Аналогичная ситуация складывается на рынке деривативов, в особенности в отношении нестандартных и внебиржевых контрактов (например, форвардов, индексных и погодных свопов), которые зачастую не попадают под регуляторный контроль и создают правовой вакуум.

Таким образом, к числу наиболее существенных пробелов в текущем международно-правовом регулировании можно отнести: 1) отсутствие унифицированного правового охвата спотовых валютных и криптовалютных операций; 2) недостаточную адаптацию законодательства к особенностям автономно управляемых торговых алгоритмов; 3) растущую роль нерегулируемых каналов влияния, таких как социальные сети, в манипулировании ожиданиями инвесторов. Названные дефициты усугубляются правовой фрагментацией между юрисдикциями, что особенно проявляется в неоднородности применения CSMAD и в отсутствии согласованных санкционных режимов.

Механизмы международного сотрудничества, включая Меморандум о взаимопомощи IOSCO (MMOU), частично компенсируют указанные недостатки, обеспечивая координацию в борьбе с трансграничными злоупотреблениями. Меморандум существенно усилил инструменты надзора и принудительного воздействия в отношении трансграничных злоупотреблений, включая инсайдерскую торговлю и финансовое мошенничество. Однако на практике многие предписания международных организаций не обладают юридической обязательностью и не интегрированы в национальное законодательство, и рекомендательный статус данных документов ограничивает правоприменительную эффективность. Представляется перспективным внедрение механизма «comply or explain» в национальные режимы регулирования, а также включение соответствия международным стандартам в лицензионные условия для профессиональных участников финансового рынка.

Актуальной задачей является расширение действия режимов, аналогичных Регламенту ЕС о злоупотреблениях на рынке № 596/2014¹, на новые сферы цифровых рынков, прежде всего на криптовалютную инфраструктуру. Данный рынок характеризуется высокой волатильностью, отсутствием надлежащего надзора и повышенной подверженностью манипулятивным стратегиям. С учетом

этого необходимо распространение нормативных требований, направленных на предупреждение рыночных злоупотреблений, на все сферы обращения токенизированных активов, включая NFT, utility-токены и децентрализованные финансовые продукты (DeFi). При этом модель регулирования, закрепленная в Регламенте MiCA, может служить базой для формирования универсального международного соглашения о стандартах поведения на крипторынках.

Не менее значимым направлением реформирования представляется правовое признание цифровых коммуникационных платформ (социальных сетей, форумов, мессенджеров) как потенциальных каналов распространения недобросовестного воздействия на участников рынка. Современные кейсы, включая резонансную ситуацию вокруг акций GameStop в 2021 году², наглядно продемонстрировали уязвимость рыночной среды к скоординированным действиям, инициированным вне пределов традиционных торговых площадок, что требует нормативной реакции в виде установления обязанности платформ обеспечивать идентификацию источников информации и сотрудничать с финансовыми регуляторами, а также возможного внедрения специальных режимов ответственности для лиц, сознательно распространяющих ложную или вводящую в заблуждение информацию, способную исказить рыночную динамику.

Проблема недостаточной гармонизации уголовно-правовых подходов в борьбе с инсайдерской торговлей и манипуляциями обостряется в условиях глобализации финансовой активности. Отсутствие унифицированных составов преступлений, различия в санкциях и правоприменительной практике затрудняют трансграничное преследование правонарушителей. Решением данной проблемы могла бы стать выработка модели согласованных минимальных стандартов уголовной ответственности за рыночные злоупотребления, включение этих деяний в перечень экстрадируемых преступлений и создание ускоренных процедур обмена доказательствами между компетентными органами различным государств. В долгосрочной перспективе возможно рассмотрение идеи создания наднационального органа, аналогичного Европейской государственной прокуратуре (ЕОКЗР), уполномоченного проводить трансграничные расследования в сфере рыночных манипуляций.

Наконец, отдельного внимания заслуживает концепция регулируемой адаптивности, в рамках которой ИИ допускается к использованию только при установлении четко определенных границ самообучения и с возможностью экстренного вмешательства человека (kill switch)³, что соответствует

2025. — URL: <https://www.regulationtomorrow.com/france/crypto-assets-france/esma-supervisory-guidelines-to-prevent-market-abuse-under-mica> (дата обращения: 20.05.2025)

¹ Klimek Libor. Case-law of the court of justice of the European union on market abuse at European level // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. — С. 294–313.

² Каланов Г., Дубковская В. Трейдеры с Reddit разоряют шортистов на акциях GameStop. Что происходит? // Биржевые истории. 2021. — URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/601281b09a7947c3df186842?from=copy> (дата обращения: 21.05.2025)

³ Mann T. Someone had to say it: Scientists propose AI apocalypse kill switches. Better visibility and performance caps would be good for regulation too. // The Register. 16 Feb 2024. — URL: <https://>

предложениям исследователей в сфере цифровых финансов, которые настаивают на перераспределении ответственности на всех участников цифровой рыночной инфраструктуры, включая разработчиков алгоритмов и провайдеров платформы¹. Существует необходимость нормативного закрепления обязательных требований к архитектуре алгоритмических самореферентных систем, включая встроенные инструменты мониторинга, блокировки аномальных паттернов и аудитуемости кода. Кроме того, требуется расширение обязанностей торговых площадок и альтернативных торговых систем (MTF) по отслеживанию и докладу о подозрительной активности, включая автоматизированную аналитику по шаблонам поведения ИИ-агентов. Данную нормативную парадигму целесообразно соотнести с Регламентом Европейского союза об искусственном интеллекте 2024/1689 (AI Act)² и смежными рекомендациями IOSCO и BIS по применению ИИ в финансовом секторе.

В совокупности указанные направления позволяют сформировать стратегию комплексной модернизации регулирования рыночных злоупотреблений, отвечающую вызовам цифровой экономики, транснационального характера финансовых потоков и растущей роли автоматизированных систем в торговом процессе. Только посредством междисциплинарной и многоуровневой координации можно обеспечить устойчивость и справедливость рыночной среды в условиях постоянного развития технологических процессов.

Литература

1. Berkovitz M. Dan, Pattnaik M. Measuring the Regulatory Gaps for Digital Assets and the Use of Technology to Bridge the Gap. // *Merkle science*. November, 2023. – URL: <https://www.merklescience.com/blog/measuring-the->

www.theregister.com/2024/02/16/boffins_propose_regulating_ai_hardware (дата обращения: 21.05.2025)

¹ См.: Bagattini G., Brière M., Guagliano C., Maple C., Sabuncuoglu A. Leveraging Large Language Models in Finance: Pathways to Responsible Adoption. // *European Securities and Markets Authority*. June 2024. – URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2025-06/LLMs_in_finance_-_ILB_ESMA_Turing_Report.pdf (дата обращения: 21.05.2025); Jones H. EU watchdog says banks must take full responsibility when using AI // *Reuters*. May, 2024. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/eu-watchdog-says-banks-must-take-full-responsibility-when-using-ai-2024-05-30/> (дата обращения: 21.05.2025)

² European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021–2021/0106(COD)) [Законодательная резолюция Европейского парламента от 13 марта 2024 года о предложении по регламенту Европейского парламента и Совета об установлении гармонизированных правил в отношении искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте) и внесении поправок в некоторые законодательные акты Союза (COM(2021)0206 – C9-0146/2021–2021/0106(COD))] // *European Parliament*, 2024. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.pdf (дата обращения: 21.05.2025)

regulatory-gaps-for-digital-assets-and-the-use-of-technology-to-bridge

2. Criminal Sanctions for Market Abuse in the EU. // *MyComplianceOffice LTD*. April 1, 2020. – URL: <https://mco.mycomplianceoffice.com/blog/sanctions-for-market-abuse-eu#:~:text=Denmark%20and%20the%20United%20Kingdom,adopted%20and%20applied%20the%20Directive>
3. Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) // *Official Journal of European Union*. –2014. – No L 173. – P. 179–189.
4. How to Detect and Prevent Market Manipulation // *Sanction Scanner*. 27 September 2024. – URL: <https://www.sanctionscanner.com/knowledge-base/market-manipulation-900>
5. Klimek Libor. Case-law of the court of justice of the European union on market abuse at European level // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2020. № 5. – С. 294–313.
6. Lovegrove S., Carrier A. ESMA supervisory guidelines to prevent market abuse under MiCA // *Regulation Tomorrow*, April 29, 2025. – URL: <https://www.regulationtomorrow.com/france/crypto-assets-france/esma-supervisory-guidelines-to-prevent-market-abuse-under-mica>
7. Mann T. Someone had to say it: Scientists propose AI apocalypse kill switches. Better visibility and performance caps would be good for regulation too. // *The Register*. 16 Feb 2024. – URL: https://www.theregister.com/2024/02/16/boffins_propose_regulating_ai_hardware
8. Market Manipulation: Suspected Wash Trading on Select Blockchains May Account for Up To \$2.57 Billion in Trading// *Chainalysis Team*. Volume January 29, 2025. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-market-manipulation-wash-trading-pump-and-dump-2025/>
9. Regulation (EU) No 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance) // *Official Journal of European Union*. – 2023. – No L 150/40. – P. 1–166.
10. Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC (Text with EEA relevance) // *Official Journal of European Union*. – 2014. – No L 173. – P. 1–61.
11. Regulation (EU) No 2016/1011 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on indices used as benchmarks in financial instruments and financial contracts or to measure the performance of investment funds and

amending Directives 2008/48/EC and 2014/17/EU and Regulation (EU) No 596/2014 (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2016. – No L 171. – P. 1–65.

12. Каланов Г., Дубковская В. Трейдеры с Reddit разоряют шортистов на акциях GameStop. Что происходит? // Биржевые истории. 2021. – URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/601281b09a7947c3df186842?from=copy>
13. Касьянов Р.А. Основные инициативы Евросоюза в борьбе с рыночными злоупотреблениями (2003–2014 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – No 4 (37). – С. 244–252
14. Bagattini G., Brière M., Guagliano C., Maple C., Sabuncuoglu A. Leveraging Large Language Models in Finance: Pathways to Responsible Adoption. // European Securities and Markets Authority. June 2024. – URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2025-06/LLMs_in_finance_-_ILB_ESMA_Turing_Report.pdf
15. Jones H. EU watchdog says banks must take full responsibility when using AI // Reuters. May, 2024. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/eu-watchdog-says-banks-must-take-full-responsibility-when-using-ai-2024-05-30/>
16. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9–0146/2021–2021/0106(COD)) [Законодательная резолюция Европейского парламента от 13 марта 2024 года о предложении по регламенту Европейского парламента и Совета об установлении гармонизированных правил в отношении искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте) и внесении поправок в некоторые законодательные акты Союза (COM(2021)0206 – C9–0146/2021–2021/0106(COD))] // European Parliament, 2024. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9–2024–0138_EN.pdf
17. Case C-302/20: Judgment of the Court (Grand Chamber) of 15 March 2022 (request for a preliminary ruling from the Cour d'appel de Paris – France). // EU News: Click & Read. – No 160. – March 2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62020CA0302>

REGULATING MARKET ABUSE IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION: INTERNATIONAL PERSPECTIVES

Sarkisyan V.V., Atoeva M.V.

Southern Federal University, Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article explores the transformation of international market abuse regulation in the context of digitalization of financial markets. The study aims to identify legal gaps arising from the evolution of cryptocurrencies, algorithmic trading, and digital information dissemination channels. A comprehensive methodology is applied, combining comparative legal, systemic, and functional approaches. The analysis reveals structural deficiencies in current regulations,

including lack of coverage for spot crypto and FX transactions, legal uncertainty surrounding AI behavior, and inadequate oversight of digital influencers. The paper substantiates the need for institutional and regulatory reforms—such as expanding the scope of MAR and MiCA, developing supranational criminal enforcement mechanisms, and implementing a framework of regulated AI adaptability. The novelty lies in proposing regulatory inclusion criteria for digital platforms and autonomous agents. The findings are applicable to legislative development, IOSCO memoranda, and national financial market strategies.

Keywords: market abuse, digital financial markets, cryptocurrencies, algorithmic regulation, cross-border financial oversight, insider trading, market manipulation.

References

1. Berkovitz M. Dan, Pattnaik M. Measuring the Regulatory Gaps for Digital Assets and the Use of Technology to Bridge the Gap. // Merkle science. November, 2023. – URL: <https://www.merklescience.com/blog/measuring-the-regulatory-gaps-for-digital-assets-and-the-use-of-technology-to-bridge>
2. Criminal Sanctions for Market Abuse in the EU. // MyComplianceOffice LTD. April 1, 2020. – URL: <https://mco.mycomplianceoffice.com/blog/sanctions-for-market-abuse-eu#:~:text=Denmark%20and%20the%20United%20Kingdom,adopted%20and%20applied%20the%20Directive>
3. Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) // Official Journal of European Union. – 2014. – No L 173. – P. 179–189.
4. How to Detect and Prevent Market Manipulation // Sanction Scanner. 27 September 2024. – URL: <https://www.sanction-scanner.com/knowledge-base/market-manipulation-900>
5. Klimek Libor. Case-law of the court of justice of the European union on market abuse at European level // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. – С. 294–313.
6. Lovegrove S., Carrier A. ESMA supervisory guidelines to prevent market abuse under MiCA // Regulation Tomorrow, April 29, 2025. – URL: <https://www.regulationtomorrow.com/france/crypto-assets-france/esma-supervisor-y-guidelines-to-prevent-market-abuse-under-mica>
7. Mann T. Someone had to say it: Scientists propose AI apocalypse kill switches. Better visibility and performance caps would be good for regulation too. // The Register. 16 Feb 2024. – URL: https://www.theregister.com/2024/02/16/boffins_propose_regulating_ai_hardware
8. Market Manipulation: Suspected Wash Trading on Select Blockchains May Account for Up To \$2.57 Billion in Trading // Chainalysis Team. Volume January 29, 2025. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-market-manipulation-wash-trading-pump-and-dump-2025/>
9. Regulation (EU) No 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2023. – No L 150/40. – P. 1–166.
10. Regulation (EU) No 596/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on market abuse (market abuse regulation) and repealing Directive 2003/6/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directives 2003/124/EC, 2003/125/EC and 2004/72/EC (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2014. – No L 173. – P. 1–61.
11. Regulation (EU) No 2016/1011 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on indices used as benchmarks in financial instruments and financial contracts or to measure the performance of investment funds and amending Directives 2008/48/EC and 2014/17/EU and Regulation (EU) No 596/2014 (Text with EEA relevance) // Official Journal of European Union. – 2016. – No L 171. – P. 1–65.
12. Kalanov G., Dubkovskaya V. (2021). Reddit traders are bankrupting GameStop short sellers. What's happening? // Stock Market Stories. 2021. – URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/601281b09a7947c3df186842?from=copy>

13. Kasyanov R.A. Key initiatives of the European Union in combatting market abuse (2003–2014) // MGIMO Review of International Relations. – 2014. – No 4 (37). – P. 244–252
14. Bagattini G., Brière M., Guagliano C., Maple C., Sabuncuoglu A. Leveraging Large Language Models in Finance: Pathways to Responsible Adoption. // European Securities and Markets Authority. June 2024. – URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2025-06/LLMs_in_finance_-_ILB_ESMA_Turing_Report.pdf
15. Jones H. EU watchdog says banks must take full responsibility when using AI // Reuters. May, 2024. – URL: <https://www.reuters.com/business/finance/eu-watchdog-says-banks-must-take-full-responsibility-when-using-ai-2024-05-30/>
16. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021–2021/0106(COD)) // European Parliament, 2024. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.pdf
17. Case C-302/20: Judgment of the Court (Grand Chamber) of 15 March 2022 (request for a preliminary ruling from the Cour d'appel de Paris – France). // EU News: Click & Read. – No 160. – March 2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62020CA0302>

Государственные органы и их функции в реализации гражданской правосубъектности Российской Федерации

Белкин Семён Яковлевич,

соискатель, ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

E-mail: Belkin-semon@yandex.ru

Тыминская Лилия Андреевна,

соискатель, КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

E-mail: liya.tyminskaya@inbox.ru

Статья посвящена нормативному и доктринальному анализу гражданской правосубъектности Российской Федерации сквозь призму деятельности органной системы государства. Актуальность исследования обусловлена расширением договорной практики публичной власти в цифровой среде и уже сточением судебного контроля за исполнением обязательств казной в 2023–2025 гг. Новизна состоит в сопоставлении свежей практики Конституционного и Верховного Судов с концепцией соподчинённой правосубъектности, развитой В.Г. Голубцовым. В рамках работы описаны функции Президента, Правительства, Росимущества и Федерального казначейства при реализации гражданских прав, изучены условия наступления имущественной ответственности за действия уполномоченных органов. Особое внимание уделено динамике ограниченного суверенного иммунитета. Работа ставит цель выявить тенденции трансформации модели участия государства в обороте. Для её решения использованы сравнительный, формально-логический и системно-структурный методы в сочетании с кейс-стади судебных актов 2024–2025 гг. Проанализированы Конституция, ГК РФ, АПК РФ, постановления и определения высших судов, монография В.Г. Голубцова и массив отраслевой литературы. В заключении формулируются выводы о корпоративизации правового статуса Российской Федерации. Статья полезна правововедам, практикующим юристам и разработчикам решений.

Ключевые слова: гражданская правосубъектность, казна, суверенный иммунитет, Росимущество, казначейство, Конституционный Суд, Верховный Суд, договорная практика, цифровая платформа, корпоративизация.

Введение

Актуализация частноправовой активности государства в последние годы вызвала серьёзный научный интерес, поскольку новые договорные модели требуют переоценки границ имущественной самостоятельности публичного образования. Федеральная цифровизация управления собственностью и последовательное укрепление судебного контроля за бюджетными обязательствами обозначили перемещение центра тяжести от суверенного иммунитета к рыночным принципам ответственности казны.

Цель исследования – выявить закономерности функционирования органов власти при реализации гражданской правосубъектности Российской Федерации и установить направления дальнейшей эволюции данного института. Задачи:

- 1) Систематизировать нормативную базу, определяющую объём прав и обязанностей государства в гражданском обороте.
- 2) Рассмотреть компетенцию Президента, Правительства, Росимущества и Федерального казначейства через анализ их договорной практики в 2023–2025 гг.
- 3) Сопоставить выводы доктрины с актуальными постановлениями Конституционного и Верховного Судов, выделив тенденции ответственности казны.

Новизна исследования выражена в использовании обширного массива судебных решений 2024–2025 гг., ранее не использованных в научном обороте, в сочетании с концепцией соподчинённой правосубъектности, предлагающей трёхуровневую систему представительства.

Материалы и методы

Базу исследования составили кодифицированные акты: Гражданский кодекс Российской Федерации [2] и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [1], задающие границы частноправового участия государства. Законодательные положения сопоставлены с Постановлением Конституционного Суда № 8-П/2024 [13], Постановлением № 34-П/2024 [11] и Постановлением № 43-П/2024 [12], равно как с Обзором судебной практики Верховного Суда № 1 (2024) [3] и № 2 (2025) [4]. Индивидуализированные споры отражены в определениях Верховного Суда от 07.10.2024 № 48-КГ24–17-К7 [10], 05.02.2025 № 305-ЭС24–23332 [5], 17.04.2025 № 304-ЭС25–2502 [7], 29.05.2025 № 304-ЭС25–4100 [9], 10.06.2025 № 306-ЭС25–4125 [6] и 19.06.2025 № 310-ЭС25–5557 [8]. Доктринальный корпус пред-

ставлен трудами В.Г. Голубцова [14], А.А. Гришкова [15], А.М. Кононова [16], М.П. Петрова [17], В.В. Поповой [18] и К.И. Романовой [19].

Методы исследования: сравнительный метод применён при соотнесении норм ГК РФ и АПК РФ с выводами судебных органов; формально-логический метод позволил выявить внутреннюю согласованность решений; системно-структурный подход использован для описания трёхуровневой модели представительства; кейс-стади судебных актов обеспечил глубину анализа индивидуальных споров.

Результаты

Первичное нормативное закрепление принадлежит статьям 124–125 ГК РФ, где государство описано как особый участник оборота, обладающий имущественной обособленностью и правом заключать сделки от своего имени [2]. Голубцов, выявляя прямую связь между суверенитетом и возможностью вступать в частно-правовые отношения, подчёркивает, что публичное образование использует частноправовые конструкции без утраты властных прерогатив [14]. Концепция соподчинённой правосубъектности, разработанная Братусем, объясняет, почему ответственность по обязательствам несёт именно казна, а не орган, выступивший во внешнем обороте [18].

Конституционный Суд в постановлении № 34-П/2024 подтвердил, что государство действует в материальных отношениях равноправно с иными субъектами при условии, что не реализует публичные полномочия [11]. Аналогичный вывод содержится и в постановлении № 8-П/2024, посвящённом обязательственным гарантиям [13].

Президент представляет Российскую Федерацию при подписании международных договоров, что придаёт государству статус стороны гражданско-правового отношения международного характера [14]. Правительство заключает концессионные соглашения и иные хозяйственные договоры, одновременно утверждая нормативные акты по управлению федеральной собственностью, что видно из свежего определения ВС РФ от 05.02.2025 N 305-ЭС24–3564, где подтверждён правомерный порядок возврата концессионного имущества [5].

Росимущество выступает доверительным управляющим федерального имущества, подписывает от имени РФ договоры купли-продажи, аренды и безвозмездного пользования. Казначейство исполняет денежные обязательства РФ и участвует в судебных спорах по казне; его двойственная природа раскрыта в исследовании К.И. Романовой, где пишется о сочетании имущественной обособленности и бюджетной дисциплины [19].

Федеральные органы исполнительной власти классифицируются как публично-правовые участники оборота, не обладающие общей правоспособностью; их компетенция строится по типу специального содержания [16]. При судебных спорах к ним

предъявляются требования в порядке АПК ст. 28, что подтверждает принадлежность дел к разряду экономических [1].

Судебная практика высших судебных инстанций (2023–2025 гг.)

1) Конституционный Суд

- a) Постановление № 34-П/2024 констатировало недопустимость отказа государства от публичных гарантий при заключении типовых договоров, закрепив равенство сторон и запрет на одностороннее изменение условий [11].
- b) Постановление № 8-П/2024 указало, что при суброгации по банковской гарантии государство отвечает по общим правилам деликтной ответственности [13].
- c) Постановление № 43-П/2024 расширило перечень процессуальных средств защиты, разрешив судам взыскивать судебные расходы напрямую с казны [12].

2) Верховный Суд

- a) Определение СК ВС РФ от 07.10.2024 N 48-КГ24–17-K7 утвердило возможность взыскания убытков с министерства при превышении лимитов бюджетных ассигнований, сославшись на принципы справедливого баланса [10].
- b) Обзор практики № 2 (2025) фиксирует случаи солидарной ответственности РФ и субъекта Федерации, если региональный орган действовал по прямому поручению федерального ведомства [4].
- c) Определение от 29.05.2025 N 304-ЭС25–4100 подтвердило, что публичный интерес не освобождает казну от уплаты пеней по коммерческому договору [9].
- d) Определение от 10.06.2025 N 306-ЭС25–4125 указало на обязанность Министерства обороны исполнить обязательство по договору поставки, несмотря на изменение бюджетной росписи [6].
- e) Определение от 19.06.2025 N 310-ЭС25–5557 подтвердило, что в случае затягивания регистрации права собственности убытки подлежат взысканию из казны [8].

Организационные формы реализации правосубъектности

Монографическая модель Голубцова выводит трёхуровневую систему представительства: прямое (Президент, Правительство), функциональное (уполномоченные органы) и казначейское (орган казны) [14]. В научной статье о публично-правовых участниках оборота подчёркивается, что у каждого органа правоспособность «плотно привязана» к предмету ведения, что минимизирует риски *ultra vires* [15].

Сделки государства классифицируются по характеру имущества: сделки с федеральной недвижимостью требуют поручения Росимущества, сделки с объектами культурного наследия – одобрения Минкультуры, тогда как финансовые деривативы допускают участие Минфина без посредников. Контрольно-счётная палата не участвует в обороте, что зафиксировано в Обзоре ВС № 1/2024, где отказано в иске к этому органу по причине отсут-

ствия надлежащего статуса субъекта гражданского права [3].

Современная практика свидетельствует о сдвиге от суверенного иммунитета к модели ограниченной ответственности, вынуждающей казну возмещать убытки наряду с иными участниками оборота, что прослеживается по решениям ВС РФ 2024–2025 гг. [7]. Публикации Кононова акцентируют на апробации электронных форм контрактов с участием государства, снижая транзакционные издержки и повышая транспарентность [16].

Высшие суды усилили контроль над качеством договорной работы органов. Определение ВС РФ N 305-ЭС24–3564 подчеркнуло, что привлечение казны к ответственности – вынужденная мера, но её реализация дисциплинирует органы исполнительной власти в сфере управления государственным имуществом [5].

Развитие цифровой платформы «Госимущество-Онлайн» позволит Росимуществу заключать сделки в автоматизированном режиме, что уже обсуждается в профильных научных журналах. Концептуальные основания готовящейся реформы изложены в статье М.П. Петрова [17]; автор прогнозирует переход к модели «комплексного мандата», при которой органу в электронном реестре присваивается определённый объём гражданской правоспособности, а её изменение порождает автоматическую публикацию в системе «Федресурс».

Наблюдаемая эволюция подтверждает вывод о том, что гражданская правосубъектность государства постепенно утрачивает исключительность и приближается к корпоративной модели с повышенным уровнем публичных гарантий.

Обсуждение

Концепция соподчинённой правосубъектности, изложенная в монографии В.Г. Голубцова, формирует методологическую базу анализа, поскольку подчеркнут двойственный характер гражданской правоспособности государства: имущественная обособленность сочетается с публичным суверенитетом. Автор описывает трёхуровневую модель представительства – конституционный (Президент, Правительство), специализированный (уполномоченные федеральные органы) и казначейский уровни – каждый из которых опирается на чётко очерченный объём полномочий и собственный механизм материальной ответственности.

Нормативное равноправие участников оборота подтверждено Конституционным Судом. Постановление № 34-П от 02.07.2024 квалифицирует типовой договор с участием Российской Федерации как частноправовую сделку, тем самым исключая возможность одностороннего изменения условий со стороны власти; постановление № 26-П от 28.05.2024 устраняет пробел в распределении судебных издержек, признав право должника-физлица взыскивать расходы, понесённые при споре о процессуальном правопреемстве. Решение № 28-П от 04.06.2024 переносит иммунитет

с жилища банкрота на денежные средства, вырученные от его реализации, создавая прецедент, при котором публичная гарантия защиты частной жизни корреспондирует обязанности казны удовлетворять требования кредиторов. Эти выводы объединяет идея функционального ограничения властных прерогатив при участии государства в частном обороте.

Экономколлегия Верховного Суда в определениях № 305-ЭС24–22998 (11.04.2025) и № 305-ЭС24–23218 (14.04.2025) квалифицирует несвоевременную поставку по государственному контракту как основание для солидарной ответственности Российской Федерации и её контрагента, подчеркнув, что казна несёт имущественные последствия коммерческого договора независимо от изменения лимитов бюджетных ассигнований. Одновременно публикация от 22.04.2025 анализирует позицию суда о сокращении удержанной неустойки наполовину при добровольном исполнении, что уравнивает фискальные интересы и коммерческую стабильность.

Переориентация от полного суверенного иммунитета к модели условно ограниченной ответственности прослеживается по спорам, где казна привлекается в качестве субсидиарного должника за просрочку регистрации права собственности или изменение способа исполнения. Решения, вошедшие во второй квартальный обзор 2025 года, иллюстрируют, что бюджетное учреждение, действующее по прямому поручению ведомства, разделяет ответственность Российской Федерации, если уклонение от платежа препятствует обороту имущества.

Росимущество проводит цифровую трансформацию: проект единой платформы по управлению госактивами обеспечивает сквозную характеристику объекта, автоматизированное формирование проектной документации и дистанционное заключение сделок. Концентрация сведений лишает органы возможности ссылаться на неактуальность реестров при оспаривании сделок и повышает прослеживаемость делегированных полномочий.

Научная дискуссия 2024 года фиксирует, что публично-правовые образования, выполняя специальные функции в обороте, опираются на ограниченную правоспособность: каждое полномочие зашито в норму материального права и подтверждается цифровым мандатом. Аналитический выпуск «Публично-правовое обозрение» подчёркивает корреляцию бюджетной ответственности с объёмом делегированного задания, что сводит до минимума риск *ultra vires*.

Практика Верховного Суда в спорах о государственных закупках (№ 305-ЭС24–13385) и об обременении участников стройки атмосферными рисками показывает применение добросовестности как основного теста при оценке поведения федеральных органов. Суд использует поведенческий критерий для определения границы формирования гражданской ответственности, отказываясь рассматривать бюджетные подпрограммы как обстоятельство непреодолимой силы.

Синергия судебных позиций и доктрины предопределяет переход к корпоративной модели правосубъектности государства с усиленными публичными гарантиями: имущественные риски аллоцируются на казну, а процедура электронного мандатирования минимизирует транзакционные издержки. Следствием станет снабжение каждого уполномоченного органа в Федеральном реестре атрибутированным объёмом гражданской правоспособности, где любое расширение полномочий синхронно публикуется в открытых данных, что нейтрализует информационный разрыв между государством и контрагентом.

Заключение

Проведённый анализ подтвердил, что совокупность статей 124–125 ГК РФ в сочетании с недавними постановлениями КС РФ сформировала устойчивое нормативное основание признания имущественной самостоятельности Российской Федерации в гражданском обороте. Задача систематизации правовой базы выполнена через сопоставление кодифицированных норм с судебными обзорами и индивидуальными определениями, что выявило тенденцию к унификации правил ответственности казны.

Задача анализа компетенции органов власти решена посредством выделения функций Президента, Правительства, Росимущества и Федерального казначейства в договорной сфере; трёхуровневая система представительства подтвердила свою эффективность, поскольку обеспечивает однозначное распределение полномочий.

Задача изучения судебной практики дала возможность определить устойчивый курс к ограниченному суверенному иммунитету: высшие суды взыскивают убытки с казны даже при изменении бюджетных ассигнований, одновременно поощряя добросовестное исполнение обязательств.

В совокупности результаты свидетельствуют о закономерном переходе к корпоративной модели гражданской правосубъектности государства, где публичные гарантии сочетаются с рыночными механизмами имущественной ответственности.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. Ред. от 24.07.2023 (вступ. в силу с 01.10.2023)
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – № 1 (2024). – Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – № 2 (2025). – Утвер-

жден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.02.2025 N 305-ЭС24–23332 по делу N A40–241899/2023
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2025 N 306-ЭС25–4125 по делу N A55–517/2024
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2025 N 304-ЭС25–2502 по делу N A03–10785/2023
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2025 N 310-ЭС25–5557 по делу N A68–13653/2023
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2025 N 304-ЭС25–4100 по делу N A75–2524/2023
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2024 N 48-КГ24–17-K7 (УИД 74RS0004–01–2022–009056–65)
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2024 N 34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Гилевской»
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.10.2024 N 43-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.В. Кашина»
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2024 N 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс»»
14. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права [монография] / В.Г. Голубцов. – Москва: Статут, 2019. – 272 с.
15. Гришковец А.А. Федеральные органы исполнительной власти и иные субъекты, осуществляющие регулирование в сфере [Электронный ресурс] / А.А. Гришковец // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-i-inye-subekty-osuschestvlyayushchie-regulirovanie-v-sfere> (дата обращения: 23.06.2025)
16. Кононов А.М. Актуальные вопросы административно-правового регулирования привлечения граждан и общественных объединений правоохранительной направленности к охране общественного порядка в условиях военного положения [Электронный ресурс] / А.М. Кононов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

aktualnye-voprosy-administrativnopravovogo-regulirovaniya-privlecheniya-grazhdan-i-obschestvennyh-obedineniy-pravoohranitelnoy (дата обращения: 24.06.2025)

17. Петров М.П. Федеральные органы исполнительной власти: понятие и основания видовой дифференциации [Электронный ресурс] / М.П. Петров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 4 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-ponyatie-i-osnovaniya-vidovoy-differentsiatsii> (дата обращения: 25.06.2025)
18. Попова В.В. Федеральные органы исполнительной власти как публично-правовые участники гражданских правоотношений [Электронный ресурс] / В.В. Попова // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9 (213). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-kak-publichno-pravovye-uchastniki-grazhdanskih-pravootnosheniy> (дата обращения: 27.06.2025)
19. Романова К.И. Орган Федерального казначейства как особый участник, представляющий Российскую Федерацию в гражданских правоотношениях собственности // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – № 1А. – С. 48–54. – DOI: 10.34670/AR.2020.92.1.006.

STATE BODIES AND THEIR FUNCTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF CIVIL LEGAL CAPACITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Belkin S. Ya., Tyminskaya L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to the normative and doctrinal analysis of the civil legal capacity of the Russian Federation through the prism of the activities of the state organ system. The relevance of the study is due to the expansion of contractual practice of public authorities in the digital environment and the tightening of judicial control over the fulfillment of obligations by the treasury in 2023–2025. The novelty lies in the comparison of the latest practice of the Constitutional and Supreme Courts with the concept of subordinate legal capacity developed by V.G. Golubtsov. The work describes the functions of the President, the Government, the Federal Property Management Agency and the Federal Treasury in the implementation of civil rights, and studies the conditions for the occurrence of property liability for the actions of authorized bodies. Particular attention is paid to the dynamics of limited sovereign immunity. The work aims to identify trends in the transformation of the model of state participation in circulation. To solve it, comparative, formal-logical and system-structural methods were used in combination with a case study of judicial acts of 2024–2025. The Constitution, the Civil Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, decrees and rulings of higher courts, the monograph of V.G. Golubtsov and an array of industry literature were analyzed. In conclusion, conclusions are formulated on the corporatization of the legal status of the Russian Federation. The article is useful for legal scholars, practicing lawyers and developers of solutions.

Keywords: civil legal capacity, treasury, sovereign immunity, Rosimushchestvo, treasury, Constitutional Court, Supreme Court, contractual practice, digital platform, corporatization.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 01.04.2025)
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 N 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. –

1994. – No. 32. – Art. 3301. Ed. of 24.07.2023 (entered into force on 01.10.2023)

3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. – No. 1 (2024). – Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. – No. 2 (2025). – Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025
5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 5, 2025 No. 305-ES24–23332 in case No. A40–241899/2023
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2025 No. 306-ES25–4125 in case No. A55–517/2024
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 17, 2025 No. 304-ES25–2502 in case No. A03–10785/2023
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 19, 2025 No. 310-ES25–5557 in case No. A68–13653/2023
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2025 No. 304-ES25–4100 in case No. A75–2524/2023
10. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/07/2024 No. 48-KG24–17-K7 (UID 74RS0004–01–2022–009056–65)
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/02/2024 No. 34-P “In the case of verifying the constitutionality of Articles 426, 428 and 438 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.A. Gilevskaya”
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10/03/2024 No. 43-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of part 1 of article 24.5, part 5 of article 28.2, paragraph 4 of part 1 of article 29.4 and parts 1 and 2 of article 29.9 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizen V.V. Kashin”
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/26/2024 N 8-P “On the case of verifying the constitutionality of the provision of paragraph 6 of article 367 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company Stroyprogress”
14. Golubtsov V.G. Russian Federation as a subject of civil law [monograph] / V.G. Golubtsov. – Moscow: Statut, 2019. – 272 p.
15. Grishkovets A.A. Federal executive bodies and other entities implementing regulation in the sphere [Electronic resource] / A.A. Grishkovets // Legal policy and legal life. – 2020. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-i-inye-subekty-osuschestvlyayushchie-regulirovanie-v-sfere> (date of access: 23.06.2025)
16. Kononov A.M. Current issues of administrative and legal regulation of the involvement of citizens and public associations of law enforcement orientation in the protection of public order in martial law [Electronic resource] / A.M. Kononov // Legal policy and legal life. – 2023. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-administrativnopravovogo-regulirovaniya-privlecheniya-grazhdan-i-obschestvennyh-obedineniy-pravoohranitelnoy> (date of access: 24.06.2025)
17. Petrov M.P. Federal executive bodies: concept and grounds for species differentiation [Electronic resource] / M.P. Petrov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 4 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-ponyatie-i-osnovaniya-vidovoy-differentsiatsii> (date accessed: 06/25/2025)
18. Popova V.V. Federal executive bodies as public-law participants in civil legal relations [Electronic resource] / V.V. Popova // Agrarian and land law. – 2022. – No. 9 (213). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnye-organy-ispolnitelnoy-vlasti-kak-publichno-pravovye-uchastniki-grazhdanskih-pravootnosheniy> (date of access: 27.06.2025)
19. Romanova K.I. The Federal Treasury Authority as a Special Participant Representing the Russian Federation in Civil Property Relations // Issues of Russian and International Law. – 2020. – Vol. 10. – No. 1A. – P. 48–54. – DOI: 10.34670/AR.2020.92.1.006.

Новеллы публичного порядка в контексте иностранных односторонних ограничительных мер

Емельянов Егор Олегович,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева
E-mail: e.o.emelyanov@mail.ru

Публичный порядок является динамично развивающейся правовой категорией. Под влиянием иностранных односторонних ограничительных мер национальный публичный порядок России претерпел существенные изменения. Складывающаяся судебная практика определяет контрмеры, принимаемые Россией в ответ на недружественные действия ряда иностранных государств, в качестве составной части отечественного публичного порядка. При этом следование режиму западных ограничительных мер на территории России является недобросовестным поведением, нарушающим ее публичный порядок. Такие меры, чья законность является весьма спорной с точки зрения международного права, не позволяют применять соответствующее иностранное право и признавать и приводить в исполнение решения иностранных судов и международных арбитражей. Вдобавок, некоторые исследователи полагают, что иностранные односторонние ограничительные меры противоречат в том числе международному публичному порядку, поскольку нарушают Устав ООН и принципы международного права.

Ключевые слова: публичный порядок, санкции, односторонние ограничительные меры, недружественные государства, беспристрастность и справедливость судебного разбирательства.

События последних лет, связанные со взаимным применением ограничительных мер рядом государств, оказывают существенное влияние на различные области правового регулирования, включая такую категорию как публичный порядок.

Публичный порядок является средством, которое используется государствами в качестве инструмента политики по отстаиванию внутреннего суверенитета и публичных интересов. По смыслу международного частного права обычно выделяют материальный и процессуальный публичный порядок – в первом случае «механизм защиты от действия норм иностранного права, несовместимых с основополагающими принципами российского права» [1, с. 383–384], во втором – «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства» [2] и которые применяются в контексте оказания правовой помощи судам иностранных государств и при признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или международного коммерческого арбитража.

Оба указанных вида публичного порядка получили свое развитие в свете событий на Украине и, как следствие, применения односторонних ограничительных мер США, Европейским Союзом, Японией и рядом иных государств в качестве мер по противодействию заявляемому подрыву территориальной целостности Украины со стороны России.

Стоит сразу указать, что речь при этом идет именно об односторонних ограничительных мерах, а не о санкциях (как их именуют в западной доктрине), поскольку «принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного применения мер принуждения государством в отношении государства в одностороннем порядке» [3, с. 211]. Стоит указать, что истинные международно-правовые санкции вертикальны, а основой их имплементации являются только общеобязательные решения Совета Безопасности ООН.

Контрмеры, принимаемые Россией в ответ на действие иностранных ограничительных мер¹,

¹ См., например, Указ Президента РФ от 05.03.2022 N 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами», Указ Президента РФ от 08.03.2022 N 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности», Указ Президента РФ от 18.03.2022 N 126 «О дополнительных времен-

являются частью ее публичного порядка. Это подтверждает складывающаяся судебная практика. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в своем Постановлении от 16 октября 2023 года № Ф08–9729/2023 по делу № А32–47144/2022¹ отмечает, что публичный порядок РФ установлен контрмерами в виде Указов Президента, которыми, в частности, введены запреты на исполнение обязательств перед юридическими лицами, внесенными Правительством РФ в контрсанкционный список, а также введены ограничения и разрешительный порядок исполнения обязательств в отношении сделок с иными юридическими лицами, находящимися под юрисдикцией недружественных стран.

В свою очередь, нормы иностранного права, содержащие односторонние ограничительные меры, противоречат публичному порядку России и не подлежат применению судами исходя из положений ее гражданского законодательства [4]. Такие меры, с одной стороны, квалифицируются как незаконные и нивелируются через категорию публичного порядка «в качестве продолжения государственной политики, направленной на непризнание и отрицание легитимности санкций западных стран против России» [5], а с другой – не могут быть признаны сверхимперативными нормами иностранного права, «работающими» на территории России, в силу указанного противоречия национальному публичному порядку.

Что касается судебной практики, то интересными примерами, иллюстрирующими развитие публичного порядка как инструмента противодействия иностранным ограничительным мерам, являются иски российских держателей ценных бумаг к европейским депозитариям Euroclear и Clearstream. Поскольку Национальный расчетный депозитарий России (далее – НРД), являвшийся промежуточным депозитарием, оказался заблокированным лицом по «санкционной» программе ЕС, что лишило возможности европейских депозитариев по исполнению своих обязательств [6], российские держатели ценных бумаг по цепочке лишились причитающихся им денежных средств (например, купонных доходов).

Прецедентным делом для такого рода исков стало дело № А40–205635/22 по иску ПАО Банк «Санкт-Петербург» к НРД и Euroclear. Euroclear утверждал, что к спору должно применяться европейское и бельгийское право (в силу личного закона ответчика), нормами которого и руководствовался Euroclear, имея в виду регулирование в отношении блокировки НРД. В силу императивных требований права личного закона Euroclear не совершил никаких противоправных действий.

Арбитражный суд г. Москвы указал, что «санкционные» ограничения, которые препятствовали

перечислению денежных средств истцу, противоречат основополагающим принципам Конституции РФ, а в соответствии со ст. 1193 Гражданского кодекса РФ («Оговорка о публичном порядке») признание обязательности таких ограничений будет означать нарушение публичного порядка России. Далее суд на основании коллизионной нормы о праве, применимом к деликту (ст. 1219 Гражданского кодекса РФ), установил необходимость применения российского права, поскольку местом наступления вреда (последствий от причиненного ущерба) является Россия, а Euroclear располагал информацией о месте наступления вреда.

Кроме этого, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», экономические «санкции» в отношении России, ее граждан или российских юридических лиц отнесены к числу недружественных действий, представляющих угрозу территориальной целостности России, и направленных на ее экономическую и политическую дестабилизацию. В соответствии с позицией Конституционного суда РФ, сформулированной в Постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П, судебной защите не подлежит право, реализация которого обусловлена следованием режиму санкций против России, ее хозяйствующих субъектов, «установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация» [7].

Девятый арбитражный суд согласился с выводами первой инстанции (Постановление № 09АП-20892/2023 от 31 мая 2023 года): применению подлежало именно российское право, которое однозначно указывает на незаконность действий Euroclear.

К аналогичным выводам суды приходили и в других делах со схожей фабулой (см., например, дела № А40–137855/2023, А40–173056/2023, А40–186687/2023, А19–15578/2023, А60–39721/2023 и иные). Дополнительно отличительной особенностью таких процессов можно назвать то, что суды в некоторых делах обосновывали свою компетенцию на основании «антисанкционной» ст. 248.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ, констатируя право истца на рассмотрение спора в России в связи со следованием ответчиком иностранным ограничительным мерам.

Кроме указанных дел можно отметить разбирательство по иску ООО «Национальный спортивный телеканал» к группе компаний “Google” (дело № А40–138158/2022) в связи с односторонней блокировкой аккаунта истца в сервисе Google Play со ссылкой на необходимость следования законам и постановлениям США и других юрисдикций в области экспорта. Верховный Суд РФ в своем Определении от 12 марта 2024 года № 305-ЭС24–669 согласился с выводами нижестоящих судов, удовлетворивших иск истца и применивших ст. 1193

ных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютно-го регулирования» и иные

¹ Все упомянутые в данной статье судебные акты судов РФ доступны в «Картотеке арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/> (дата посещения: 11.06.2025)

Гражданского кодекса РФ – по мнению высшей судебной инстанции судебной защите не подлежит право, реализация которого обусловлена следованием режиму ограничительных мер против России.

Вместе с этим, иногда судам характерен излишний протекционизм, действительно нарушающий баланс интересов сторон (чаще всего на уровне первой инстанции). Например, решение Арбитражного суда Кировской области по делу № А28–11930/2021 по спору из требования компенсации британской компании за нарушение ее интеллектуальных прав. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска только на том основании, что истцом является резидент недружественного государства. По мнению суда, этот факт в совокупности с подачей таким лицом иска является злоупотреблением правом с его стороны. Очевидно, что такой подход является необоснованным, поскольку произвольно снижает стандарт правового обращения и лишает безо всякого основания лица права на судебную защиту. Отрадно, что вышестоящие инстанции исправили ошибку суда и частично удовлетворили иск, признав наличие гарантий равной охраны интеллектуальной собственности иностранных компаний, в том числе происходящих из недружественных стран.

Кроме материального публичного порядка иностранные ограничительные меры не могли не повлиять и на процессуальный публичный порядок, а именно на решение вопроса о выдаче экзекютуры на решения иностранных судов и международных арбитражей. Отечественные суды указывают, что перспективы добиться объективного и беспристрастного суда на территории недружественного государства весьма сомнительны, а принципы беспристрастности и гарантии справедливого судебного разбирательства составляют публичный порядок России (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 июля 2024 N 304-ЭС24–2799 по делу № А45–19015/2023; рассматривалось признание и приведение в исполнение решения, вынесенного в соответствии с Правилами арбитража и апелляции Федерации ассоциаций масел, семян и жиров (арбитраж FOSFA) по иску компании C. Thywissen GmbH против общества «Новосибирскхлебопродукт» о неисполнении договора поставки льняного семени).

В другом деле, отказывая в признании и приведении в исполнение решения Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма по иску польской компании «РТС ПЕСА Быдгощ» против Уральского завода транспортного машиностроения (дело № А60–24839/2024), суды указали, что в условиях «юридической агрессии со стороны ряда недружественных стран» недопустимо признание и приведение в исполнение решения иностранного арбитража, которое помимо прочего способно причинить ущерб интересам крупного промышленного предприятия (учитывая присужденную сумму свыше 4,3 млрд рублей). Суды также констатировали наличие препятствий к правосудию у завода

при разбирательстве в Арбитражном институте Торговой палаты г. Стокгольма, отсутствие беспристрастности состава трибунала с учетом назначения арбитрами граждан недружественных стран (Польши и Швеции), невозможность исполнения обязательства по контракту с истцом, обусловленную введением «санкций» со стороны ряда иностранных государств.

К выводу о невозможности исполнить решение Международного арбитражного суда при Международной торговой палате (г. Цюрих, Швейцария) в условиях введения санкций против лица, против которого было вынесено решение, пришли суды и по делу № А40–116183/2023. Вывод был мотивирован наличием сомнений в соблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства, которое проходит в недружественном государстве.

Таким образом, события последних лет внесли существенные коррективы в вектор развития категории национального публичного порядка. Это коснулось как материального (выраженного в ст. 1193 Гражданского кодекса РФ), так и процессуального публичного порядка. Некоторые исследователи идут дальше и предлагают считать иностранные ограничительные меры противоречащими международному публичному порядку, поскольку такие меры нарушают Устав ООН, принципы и нормы международного права, посягают на суверенность России [8]. Как было указано в начале настоящей статьи, такие меры не относятся к международно-правовым санкциям и приняты национальными органами с необоснованным экстерриториальным действием (поскольку такое действие могут иметь только легитимные санкции Совета Безопасности ООН).

Литература

1. Карабельников Б.Р. Международный коммерческий арбитраж. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. С. 383–384
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 N 156. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорок о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. «Вестник ВАС РФ», N 5, май, 2013. Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
3. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с. С. 211.
4. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. N 5. С. 86–100. (цит. по Абросимова Е.А., Рзаев Р.Г. оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // Вестник арбитражной практики. 2023. N 2. С. 90–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»

5. Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие*. 2018. N 4. С. 127–128. (цит. по Абросимова Е.А., Рзаев Р.Г. оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // *Вестник арбитражной практики*. 2023. N 2. С. 90–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»)
6. Регламент Совета (ЕС) 2022/878 от 3 июня 2022 года об исполнении Регламента (ЕС) № 269/2014 о введении ограничительных мер в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R0878&from=EN> (дата обращения: 11.06.2025).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ». «Вестник Конституционного Суда РФ», N 3, 2018. Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
8. Печегина П.Д., Дьяконова М.О., Синицын С.А. Публичный порядок: к проблеме институционализации в международном гражданском процессе // *Международное публичное и частное право*. 2024. N 1. С. 21–25. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»

NOVELTIES OF PUBLIC ORDER IN THE CONTEXT OF FOREIGN UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES

Emelyanov E.O.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Public order is a dynamically developing legal category. Under the influence of foreign unilateral restrictive measures, Russia's national public order has undergone significant changes. Current case law defines the countermeasures taken by Russia in response to the unfriendly actions of a number of foreign states as an integral part of domestic public order. At the same time, compliance with western restrictive measures on Russian territory constitutes bad faith con-

duct that violates its public order. Such measures, whose legality is highly controversial from an international law perspective, do not allow for the application of the relevant foreign law or the recognition and enforcement of foreign courts' and international arbitral tribunals' decisions. In addition, some scholars believe that foreign unilateral restrictive measures also contradict international public order as they violate the UN Charter and the principles of international law.

Keywords: public order, sanctions, unilateral restrictive measures, unfriendly states, impartiality and fairness of judicial proceedings.

References

1. Karabelnikov B.R. *International Commercial Arbitration*. Moscow; Berlin: Infotropic Media, 2012. Pp. 383–384
2. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 26, 2013, No. 156. Review of the Practice of Consideration by Arbitration Courts of Cases on the Application of the Public Policy Clause as a Ground for Refusal to Recognize and Enforce Foreign Court and Arbitration Awards. "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. 5, May 2013. Provided by SPS "ConsultantPlus"
3. Lukashuk I.I. *Law of International Liability*. – Moscow: Wolters Kluwer, 2004. – 432 p. P. 211.
4. Aksenov A.G. Legal Regulation of International Commercial Contracts under Economic Sanctions // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2020. N 5. Pp. 86–100. (cited by Abrosimova E.A., Rzaev R.G. ogly. The Relationship between Sanctions, Public Policy and Super-Peremptory Norms in Private International Law // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2023. N 2. Pp. 90–97. // Provided by SPS "ConsultantPlus"
5. Starzhenetsky V., Butyrina V., Dragunova Yu. Economic Sanctions through the Eyes of Russian Judges: Between the Protection of Public Policy and Business Interests // *International Justice*. 2018. N 4. Pp. 127–128. (cited by Abrosimova E.A., Rzaev R.G. ogly. The Relationship between Sanctions, Public Policy and Super-Peremptory Norms in Private International Law // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2023. N 2. Pp. 90–97. // Provided by SPS "ConsultantPlus"
6. Council Regulation (EU) 2022/878 of 3 June 2022 implementing Regulation (EU) No 269/2014 introducing restrictive measures in respect of acts undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R0878&from=EN> (date of access: 11.06.2025).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.02.2018 N 8-P "In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of Article 1252, Article 1487 and paragraphs 1, 2 and 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaint of the limited liability company "PAG". "Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation", No. 3, 2018. Provided by SPS "ConsultantPlus"
8. Pechegina P.D., Dyakonova M.O., Sinitsyn S.A. Public order: on the problem of institutionalization in international civil proceedings // *International public and private law*. 2024. No. 1. P. 21–25. // Provided by SPS "ConsultantPlus"

Гришин Пётр Владимирович,

аспирант Российской государственной академии

интеллектуальной собственности

E-mail: GrishinScienceMail@yandex.ru

Динамичный рост сферы компьютерных игр обуславливает соответствующий научный интерес.

Статья анализирует статус видеоигр в системе объектов интеллектуальной собственности, в том числе в контексте патентной охраны.

Стремительное расширение отношений, складывающихся по поводу видеоигр создает принципиально новые проблемы в правовом поле. Творческая природа видеоигр как продуктов интеллектуального труда требует особого подхода к их правовому регулированию, что подчеркивает значимость данного исследования.

Работа предлагает концептуальное осмысление термина «видеоигра» в контексте современного права интеллектуальной собственности. Изучение правовой базы Российской Федерации приводит к заключению о сложности видеоигр как объектов интеллектуальной деятельности и особенностях защиты исключительных прав на них. Производится сравнение терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» с точки зрения позиций различных исследователей.

Ключевые слова: видеоигра, компьютер, интеллектуальная собственность, патент, право, программа.

Введение

Игровая индустрия, исключая азартные игры, представляет собой одно из самых быстрорастущих направлений в креативной экономике современности. РС-сегмент показал положительную динамику с ростом на 1,8%, достигнув 38,2 миллиардов долларов. В то время как консольный рынок занимает среднюю позицию с доходом в 51,8 миллиардов долларов (сократившись на 4,2%), лидирующую роль сохраняет мобильный сегмент, заработавший 92,2 миллиарда, несмотря на падение на 6,2%. Аналитический портал GamesIndustry сообщает, что в 2022 году общая чистая прибыль разработчиков игр составила 184,3 миллиарда долларов, что демонстрирует снижение на 4,2% по сравнению с предыдущим годом [9, 21].

Цель исследования – теоретический анализ понятия и сущности видеоигр с юридической точки зрения.

Материалы и методы исследования. Анализ, синтез, сравнение, обобщение, наблюдение, классификация.

Результаты исследования

В зарубежной исследовательской литературе существуют три основные теории, направленные на понимание того, что представляет собой видеоигра. Непосредственные разработчики игр и исследователи в данном направлении, преимущественно придерживаются теории игровой природы, акцентируя внимание на функциональных элементах и рассматривая видеоигры как продолжение традиционных игровых форм в цифровой среде. Они определяют видеоигры разнообразно: Manovich L. определяет их, как непредсказуемую вымышленную активность [17], Murray J. как добровольное интерактивное взаимодействие [18], Rahmatian A. как просто модернизированные классические игры [20].

Противоположный подход предлагает теория повествования, относящая видеоигры к одной категории с литературными произведениями и кинофильмами, подчеркивая их уникальную репрезентативную специфику [16]. Таким образом, дискуссия о сущности видеоигр продолжает развиваться в различных концептуальных направлениях.

Видеоигры, согласно концепции интерактивной фикции (interactive functions), представляют собой искусственно созданную среду с собственной логикой функционирования. Эта альтернативная действительность, доступная игрокам, содержит уникальные объекты и подчиняется специфическим закономерностям, формирующим автономную систему вымышленного пространства [19].

Мир видеоигр переживает беспрецедентный рост: по некоторым оценкам, глобальное количество игровых проектов уже превысило пять миллиардов [22].

Экспоненциальное увеличение не только числа самих игр, но и их жанрового разнообразия создает серьезные юридические вызовы. В правовой сфере до сих пор отсутствует консенсус относительно классификации видеоигр. Изучение специализированной литературы выявляет три доминирующих концепции юридического статуса видеоигр: их рассматривают либо как компьютерные программы, либо как комплексные объекты, либо как базы данных. Судебная практика и теоретические разработки пока не предлагают унифицированного подхода к определению правового режима этого цифрового феномена [7].

В международной юридической практике, как подчеркивает Чурилов А.Ю., существует разнообразие подходов к классификации видеоигр. В ряде государств, включая Италию, Израиль, Канаду, Китай и Аргентину, видеоигры юридически трактуются как компьютерные программы. Иную позицию занимают Япония, Германия, Дания, Бельгия и Швеция, где игровые продукты определяются как комплексные объекты интеллектуальной собственности. Особого внимания заслуживает правовая практика Англии и США, допускающая двойственную интерпретацию: видеоигры могут квалифицироваться либо как сложные объекты, либо как программное обеспечение или базы данных. В российском законодательстве к видеоиграм применяются нормы статьи, рассматривающей их в контексте программного обеспечения [10].

В соответствии с наблюдениями В.В. Архипова, тенденция рассматривать генерируемые программой элементы в качестве компонентов самого программного обеспечения берет начало в историческом контексте, когда первые компьютерные программы представляли собой лишь программный код. Данная концепция находит юридическое отражение в статье 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации, что влечет за собой соответствующие правовые последствия для объектов, создаваемых компьютерными программами [1, 11].

Термин «Видеоигры» встречается в практике Суда по интеллектуальным правам довольно часто. Примером может служить Постановление Президиума данного суда от 12.02.2021 N C01–203/2020 по делу N СИП – 564/2019, касающееся «LEGO JURIS A/S» и оспаривания решений Федеральной службы по интеллектуальной собственности [14].

Особый научный интерес с точки зрения правового анализа представляет судебное разбирательство между Инспекцией Федеральной налоговой службы N14 по Москве и ООО «Мэйл.РуГеймз». Примечательно, что Арбитражный суд Москвы и вышестоящие инстанции в своих решениях последовательно применяют только понятие «компьютерные игры». Заслуживает внимания и то обстоятельство, что некоторые суды классифицируют

данный объект как программу для ЭВМ в рамках интеллектуальной собственности [15].

Что касается использования термина «видеоигра», то оно наиболее чаще используется в научных статьях не старше трех лет, где большинство авторов являются студентами, магистрами, аспирантами разных курсов обучения и высших учебных заведений [8].

Данилов И.С. рассматривает особенности правовой защиты видеоигр. Автор указывает, что специфика юридической охраны – как целого объекта, так и отдельных компонентов – напрямую зависит от национальной интерпретации видеоигры в правовом поле. Видеоигра представлена как комплексное произведение, включающее множество элементов под защитой авторского права: от сценария и хореографии до баз данных и геймплея, а также компьютерного кода, музыкального сопровождения, графического оформления и персонажей [3].

Коржова И.В. изучала вопросы определения интеллектуальной собственности в видеоиграх. По определению Коржовой, видеоигра – это мультимедийный продукт, включающий в себя самостоятельно охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, неразрывность друг от друга которых обусловлена назначением их единства, выраженный в цифровой форме и предназначенный для функционирования на различных электронно-вычислительных устройствах [5].

По данным Лемяцких Е.О. видеоигра – это программа для ЭВМ (программное обеспечение) по смыслу ст. 1261 ГК РФ. До недавних пор в России и большинстве других стран мира доминировала точка зрения, рассматривающая видеоигры исключительно как программное обеспечение. Этот исследователь полагает, что такой подход, хотя и был актуален на заре развития игровой индустрии, сегодня не отражает истинной сущности современных видеоигр. Современные игры давно вышли за рамки чистых развлечений. Разработчики нередко используют их как платформу для трансляции социальных идей и ценностных ориентиров. Убедительные повествования и высококачественная визуализация в играх существенно влияют на формирование коммуникативных и образовательных процессов [6].

Важно отметить, что в создании видеоигр задействованы не только программисты. В процесс создания вовлечены различные творческие специалисты: от сценаристов и художников до композиторов. Статья 1261 ГК РФ, определяющая игры через «аудиовизуальные изображения, генерируемые компьютерной программой», фактически ограничивает творческий вклад этих специалистов, лишая их статуса соавторов и снижая уровень правовой охраны произведения. Следует отметить, что современные «игровые движки» (game engines) часто не являются уникальными, в отличие от 1980–1990-х годов, когда игровые компании самостоятельно разрабатывали программное обеспечение, поскольку в тот период... В настоя-

щее время самостоятельная разработка игровых движков «с чистого листа» доступна только ограниченному числу организаций. Ранее разработчики испытывали нехватку доступных сторонних технологических решений для создания игр [6].

Овчаров Д.В. проводил сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра». Индустрия видеоигр, имеющая собственную эволюционную траекторию и историческое наследие, порождает новые направления в юриспруденции. Современная правовая наука лишь недавно обратила внимание на феномен видеоигр как объект исследования. Множество разрозненных элементов – от визуального оформления и звукового сопровождения до программного кода и сюжетных линий – составляют единую видеоигру. Правовая защита интеллектуальной собственности распространяется на каждый из этих компонентов по отдельности. Это создает растущий комплекс юридических вызовов и ставит вопрос о необходимости специального регулирования видеоигр как сложного объекта интеллектуальных прав. Несмотря на сложности законодательного регулирования, данное явление прочно укоренилось в экономических системах развитых государств, хотя в российском правовом поле до сих пор не получило должного юридического оформления [8].

Как определить границы между понятиями «видеоигра» и «компьютерная игра»? Можно ли классифицировать мобильные и консольные игры в рамках этих категорий? Прежде чем анализировать данные термины, необходимо установить, с какой точки зрения мы подходим к их рассмотрению. Четкое разграничение терминологии в этой области поможет сформировать структурированное представление об этих объектах интеллектуальной собственности, что критически важно для последующего анализа их юридического статуса [8].

В рамках дискуссии Овчарова предлагаются две точки зрения. Одна из них утверждает, что разработка всех видеоигр и компьютерных игр осуществляется на персональных компьютерах с использованием специализированных инструментов – программных движков, кодов и различных компонентов. Подобную позицию разделяют определенные ученые [8].

Так, в исследовании «Термин «компьютерная игра»: опыт междисциплинарного анализа» Васильев А.А. и Печатнова Ю.В. подчеркивают, что понятия «видеоигра» и «компьютерная игра» часто рассматриваются как идентичные и могут заменять друг друга. В соответствии с утверждением авторов, понятие «компьютерная игра» наиболее адекватно отражает суть сегодняшних игровых продуктов, где ключевую роль играет программное обеспечение, а не графическая оболочка [2].

До 2018 года российские суды в своей практике относили видеоигры к категории программ для ЭВМ. Однако, изучая эти судебные решения, можно заметить отсутствие четкого обоснования такой классификации. Вероятно, применение

данных норм просто следует устоявшимся теоретическим традициям. Основное внимание уделялось программному коду как ключевому элементу игры, что соответствует сущности компьютерных программ. Такой подход, однако, игнорирует многочисленные дополнительные компоненты видеоигр, выходящие за рамки программного кода, что противоречит определениям видеоигр и компьютерных игр [4].

Видеоигра, как мультимедийный продукт, согласно пункту 1 статьи 1240 ГК РФ, входит в категорию сложных объектов. Данная категоризация имеет закрытый характер и не допускает дополнений. Сложный объект можно определить, как «гражданско-правовой объект, сформированный организатором, включающий различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности с разными правообладателями, объединенные вместе». Именно эти характеристики дифференцируют их от обычных программ и приложений [8].

Мультимедийные продукты, включая видеоигры, представляют собой сложные объекты интеллектуальной собственности, но их защита патентным правом имеет существенные ограничения. Невозможно зарегистрировать видеоигру в качестве полезной модели или изобретения, поскольку она относится к сфере авторского права и не подлежит двойной защите. Исследуя потенциальные точки соприкосновения игровой индустрии с патентным законодательством, важно понимать структуру патентного права, которое согласно п. 1 ст. 1345 ГК РФ охватывает три категории: изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Патентование игровых механик и дизайнерских решений препятствовало бы развитию индустрии и общества в целом. Ведь разработчики видеоигр регулярно применяют аналогичные геймдизайнерские концепции и механики. Подобная логика применяется и к кинематографическим приемам, которые нельзя запатентовать. Законодательство, а именно пункт 5 статьи 1259 ГК РФ, четко определяет, что «идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач не подлежат защите авторским правом. При этом внешний вид интерфейса игры может получить охрану как промышленный образец, поскольку в этом случае защищается только визуальная составляющая без затрагивания технических аспектов. Отдельные компоненты игр могут подлежать патентованию, несмотря на отсутствие прямого запрета. Если рассматривать видеоигру в широком контексте, она представляет собой алгоритмическую структуру, включающую различные вышеупомянутые объекты. Таким образом, возможность получения патента существует для специфических элементов игрового продукта [8, 12].

Игровое сообщество выразило обеспокоенность по поводу патентования «механики» Nemesis (Немезида) в Middle-earth: Shadow of Mordor [23]. Новость о регистрации этой технологии вызвала волну негодования, поскольку патент потенциаль-

но ограничивает возможность других разработчиков внедрять аналогичные интерактивные «механики» в свои игровые проекты. Филипп Мищенко утверждает, что патенты на «игровые механики» не наносят ущерба индустрии видеоигр [13]. Сам патент охраняет метод, но, т.к. этот метод значительно влияет на восприятие игрока самой игры, автор настоящей статьи использует термин «игровая механика», как общепотребимый в сообществе игроков по всему миру.

«Игровая механика» по своей природе является незавершенным процессом, методом выполнения определенных задач. Даже небольшие модификации создают принципиально новую механику, которая иначе воздействует на игровую опыт пользователя, не нарушая при этом прав владельца оригинального патента. Интересно, что некоторые критики указывали на противоречивую позицию Warner Bros. как правообладателя, поскольку компании приписывали заимствование приемов из Assassin's Creed в собственных проектах, обвиняя корпорацию в непоследовательности и двойных стандартах. Отличительной чертой авторского права является защита неприкосновенности произведения, тогда как в патентном праве нарушением считается только полное копирование кода и механики. Если бы подобные ограничения не существовали, индустрия столкнулась бы с монополизацией, поскольку крупные компании могли бы требовать существенных компенсаций от небольших студий за использование похожих игровых элементов [4].

Заключение

Таким образом, употребление термина «видеоигра» представляется более обоснованным в научных и исследовательских работах, с нашей точки зрения. Интерактивность, комплексная внутренняя организация и цифровая форма воплощения – вот ключевые характеристики видеоигр как многогранных объектов интеллектуальной промышленной собственности. Существующее отечественное законодательство в сфере программного обеспечения неприменимо к отношениям, связанным с созданием, охраной, защитой и управлением видеоигр. Нами сформулировано концептуальное определение: «видеоигра» – это функционирующий на разнообразных вычислительных устройствах мультимедийный продукт в цифровом формате, объединяющий самостоятельно охраняемые интеллектуальные творения, неразделимость которых продиктована их общим функциональным назначением. Охрана видеоигр посредством различных инструментов интеллектуальной собственности значительно расширяет спектр защитных мер. Правообладатель может стратегически выбрать комплексный подход: не ограничиваться лишь авторско-правовой защитой, но и применять патентование игровых механик и интерфейсов, а также регистрацию товарных знаков. Такой многогранный подход к видеоигре как к сложному объекту существенно увеличивает

количество охраняемых элементов, доступных для гражданско-правовой защиты.

Литература

1. Архипов, В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В.В. Архипов // Закон. – 2015. – № 11. – С. 61–69.
2. Васильев А. А., Печатнова Ю.В. Термин «компьютерная игра»: опыт междисциплинарного анализа // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 2 (30). – С. 131–138.
3. Данилов, И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр / И.С. Данилов // Предпринимательское право. – 2021. – № 1. – С. 53–58. – DOI 10.18572/1999-4788-2021-1-53-58
4. Киселева, Л.Ю. Видеоигры как объекты права интеллектуальной собственности / Л.Ю. Киселева // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 93–99. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-3-93-99
5. Коржова, И.В. Вопросы интеллектуальной собственности в видеоиграх / И.В. Коржова // Право интеллектуальной собственности. – 2021. – № 2. – С. 45–47. – DOI 10.18572/2072-4322-2021-2-45-47
6. Лемяцких, Е.О. Простые сложности: статус видеоигры и особенности ее правовой охраны / Е.О. Лемяцких // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – Т. 41, № 2. – С. 80–89. – DOI 10.17323/tis.2022.14450
7. Муллагалиев, А.А. Основные подходы к определению правового режима видеоигр в Российской Федерации / А.А. Муллагалиев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 45 (492). – С. 347–349. – URL: <https://moluch.ru/archive/492/107635/> (дата обращения: 23.06.2025).
8. Овчаров, Д.В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» / Д.В. Овчаров // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 44–48.
9. Хлапотин, В.Ю. Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование / В.Ю. Хлапотин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 107–119. – DOI 10.61205/jzsp.2023.055
10. Чурилов, А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии // Авторское право и смежные права. – 2017. – № 10. – С. 59–68.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
12. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.01.2022) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.

13. Так ли страшен патент на систему nemesis? Разбираемся с юристом / URL: <https://media-xyz.com/ru/articles/1285-tak-li-strashen-patent-na-sistemu-nemesis-raz>(дата обращения: 22.0.2025).
14. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 12.02.2021 N C01–203/2020 по делу N СИП-564/2019 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел – [сайт]. – URL <https://kad.arbitr.ru/Card/94464e2b-5065-4354-b1c2-9370eea7c06d> (дата обращения: 23.06.2025).
15. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу А40–56211/14–90–70 от 08.04.2015 г. // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел [сайт]. URL <https://kad.arbitr.ru/Card/bc73d104-4358-403a-89bf-12bc4557f448> (дата обращения: 23.06.2025).
16. Lukoševičienė, A. On Author, Copyright and Originality: Does the Unified EU Originality Standard Correspond to the Digital Reality in Wikipedia // Masaryk University Journal of Law and Technology. – 2017. – No. 11.
17. Manovich, L. The Language of New Media. Cambridge, 2001.
18. Murray, J. Hamlet on the Holodeck. Cambridge, 1998.
19. Ramos A., Lypez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/activities/pdf/comparative_analysis_on_video_games.pdf (дата обращения: 23.06.2025).
20. Rahmatian, A. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure // International Review of Intellectual Property and Competition Law. – 2013. – No. 44.
21. GamesIndustry.biz presents... The Year in Numbers 2022. URL: <https://www.gamesindustry.biz/gamesindustrybiz-presents-the-year-in-numbers-2022> (дата обращения: 20.06.2025).
22. How many video games are there in the World: 2023 stats // Games Errors. URL: <https://gameserrors.com/how-many-video-games-are-there-in-the-world/> (дата обращения: 20.06.2025).
23. Google Patents. Nemesis characters, nemesis forts, social vendettas and followers in computer games URL: <https://patents.google.com/patent/US20160279522A1/>

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF VIDEO GAMES

Grishin P.V.

Russian State Academy of Intellectual Property

The dynamic growth of the field of computer games generates many legal challenges. The article analyzes the position of video games in the system of intellectual property objects, examining their relationship with industrial property and patent legislation. The rapid expansion of gaming relationships not only exacerbates existing legal ambiguities, but also creates fundamentally new problems in the legal field. The creative nature of video games as products of intellectual

labor requires a special approach to their legal regulation, which underlines the importance of this study. The work offers a conceptual understanding of the term “video game” in the context of modern intellectual property law. The study of the legal framework of the Russian Federation leads to the conclusion about the complexity of video games as objects of intellectual activity and the peculiarities of the protection of exclusive rights to them. The terms “video game” and “computer game” are compared from the point of view of the authors’ positions.

Keywords: video game, computer, intellectual property, patent, law, program

References

1. Arkhipov, V.V. Intellectual Property in the Computer Games Industry: Theoretical and Practical Issues / V.V. Arkhipov // Law. – 2015. – No. 11. – P. 61–69.
2. Vasiliev, A. A., Pechatnova, Yu.V. The Term “Computer Game”: An Interdisciplinary Analysis // Prologue: Journal of Law. – 2021. – No. 2 (30). – P. 131–138.
3. Danilov, I.S. Game Over: A Serious Question About the Role of Law in the World of Video Games / I.S. Danilov // Entrepreneurial Law. – 2021. – No. 1. – P. 53–58. – DOI 10.18572/1999–4788–2021–1–53–58
4. Kiseleva, L. Yu. Video games as objects of intellectual property law / L. Yu. Kiseleva // Education and law. – 2022. – No. 3. – P. 93–99. – DOI 10.24412/2076–1503–2022–3–93–99
5. Korzhova, I.V. Intellectual property issues in video games / I.V. Korzhova // Intellectual property law. – 2021. – No. 2. – P. 45–47. – DOI 10.18572/2072–4322–2021–2–45–47
6. Lemyatskikh, E.O. Simple complexities: the status of a video game and the features of its legal protection / E.O. Lemyatskikh // Works on intellectual property. – 2022. – Vol. 41, No. 2. – P. 80–89. – DOI 10.17323/tis.2022.14450
7. Mullagaliev, A.A. The main approaches to determining the legal regime of video games in the Russian Federation / A.A. Mullagaliev. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – No. 45 (492). – P. 347–349. – URL: <https://moluch.ru/archive/492/107635/> (date accessed: 23.06.2025).
8. Ovcharov, D.V. Comparative legal analysis of the terms “video game” and “computer game” / D.V. Ovcharov // Legal science. – 2021. – No. 12. – P. 44–48.
9. Khlapotin, V. Yu. Features of the legal status of a video game as an object of intellectual property law: a comparative legal study / V. Yu. Khlapotin // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2023. – Vol. 19, No. 4. – P. 107–119. – DOI 10.61205/jzsp.2023.055
10. Churilov, A. Yu. Legal regulation of intellectual property in the gaming industry // Copyright and related rights. – 2017. – No. 10. – P. 59–68.
11. Civil Code of the Russian Federation. Part Two. Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
12. “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 11.06.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2022) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 25.12.2006, N 52 (part 1), art. 5496.
13. Is the patent for the nemesis system so scary? Let’s figure it out with a lawyer / URL: <https://media-xyz.com/ru/articles/1285-tak-li-strashen-patent-na-sistemu-nemesis-raz>(date of accession: 22.0.2025).
14. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court of 12.02.2021 No. C01–203/2020 in case No. CIP-564/2019 // Electronic justice. Arbitration case index – [website]. – URL <https://kad.arbitr.ru/Card/94464e2b-5065-4354-b1c2-9370eea7c06d> (accessed: 23.06.2025).
15. Decision of the Arbitration Court of Moscow in case A40–56211/14–90–70 of 08.04.2015 // Electronic justice. Arbitration case index [website]. URL <https://kad.arbitr.ru/Card/bc73d104-4358-403a-89bf-12bc4557f448> (date of access: 06.23.2025).
16. Lukoševičienė, A. On Author, Copyright and Originality: Does the Unified EU Originality Standard Correspond to the Digital Reality in Wikipedia // Masaryk University Journal of Law and Technology. – 2017. – No. 11.
17. Manovich, L. The Language of New Media. Cambridge, 2001.
18. Murray, J. Hamlet on the Holodeck. Cambridge, 1998.

19. Ramos A., Lupez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/activities/pdf/comparative_analysis_on_video_games.pdf (accessed 23.06.2025).
20. Rahmatian, A. Originality in UK Copyright Law: The Old "Skill and Labor" Doctrine Under Pressure // International Review of Intellectual Property and Competition Law. – 2013. – No. 44.
21. GamesIndustry.biz presents... The Year in Numbers 2022. URL: <https://www.gamesindustry.biz/gamesindustrybiz-presents-the-year-in-numbers-2022> (access date: 06/20/2025).
22. How many video games are there in the World: 2023 stats // Games Errors. URL: <https://gameserrors.com/how-many-video-games-are-there-in-the-world/> (accessed 06/20/2025).
23. Google Patents. Nemesis characters, nemesis forts, social vendettas and followers in computer games URL: <https://patents.google.com/patent/US20160279522A1/>

Синева Наталья Александровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая
академия»

E-mail: n.a.sineva@mail.ru

Демидов Иван Александрович,

доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
к.ю.н.

E-mail: ivan.demidov@mail.ru

В условиях глобализации участники международных коммерческих контрактов сталкиваются с рисками, связанными с различиями правовых систем, форс-мажорными обстоятельствами, экологическими и социальными обязательствами. Для минимизации споров и обеспечения стабильности в контракты включают специальные оговорки, в которых стороны детализируют права и обязанности сторон по конкретной сделке. Такая детализация условий позволяет минимизировать юридические и коммерческие риски, а также выступает гарантом обеспечения исполнения международного коммерческого договора даже в современных сложных ситуациях. Оговорки могут касаться применимого права, юрисдикции, форс-мажора, ответственности и других аспектов сделки. В данной статье рассматриваются понятие оговорок, их юридическая природа, основные виды оговорок, их юридическое значение и практика применения в международной торговле. Еще в римском праве была разработана оговорка о *vismajor*, известная сегодня как форсмажорная оговорка. Новые реалии вызывают к жизни новые оговорки или новые трактовки устоявшихся оговорок в международных коммерческих контрактах. Как пример, можно привести оговорку COVID-19, санкционные оговорки, ESG-оговорки и комплаенс-оговорки, которые появились в последнее десятилетие.

Ключевые слова: оговорки, международные коммерческие контракты, типовые условия, условия в международном коммерческом контракте, санкционные оговорки, форс-мажорные оговорки, комплаенс-оговорки, ESG – оговорки.

Международные коммерческие контракты часто содержат различные оговорки (условия), которые определяют права и обязанности сторон, минимизируют риски и регулируют порядок разрешения споров.

Оговорка (англ. clause) – это специальное условие договора, которое уточняет или изменяет общие положения контракта. В отличие от стандартных пунктов контракта, оговорки носят специальный характер и направлены на регулирование наиболее значимых аспектов сделки, таких как: применимое право; порядок разрешения споров; ответственность сторон; обстоятельства непреодолимой силы и т.д.

В международной практике оговорки часто формулируются с учетом типовых условий, разработанных международными организациями (УНИДРУА, ICC, UNCITRAL), а также на основе сложившейся арбитражной практики. В качестве типовых условий в международной торговле рассматриваются документы, которые были разработаны УНИДРУА (UNIDROIT), Международной торговой палатой (ICC) и Комиссией ООН по праву международной торговли (UNCITRAL).

Принципы УНИДРУА (UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts[1]) представляют собой свод универсальных правил, регулирующих международные коммерческие сделки. Впервые опубликованные в 1994 году, они регулярно обновляются (последняя редакция – 2016 г.). Применяются при отсутствии соглашения сторон о выборе права. Содержат правила о: заключении договора (ст. 2.1); действительности (ст. 3.1); толковании (ст. 4.1); исполнении обязательств (ст. 5.1); последствиях неисполнения (ст. 7.1).

Практическое значение Принципов УНИДРУА очень велико – они широко используются и как самостоятельный регулятор международного коммерческого контракта, в случае прямого указания на их применение в контракте, и для восполнения пробелов в национальном праве, и по инициативе суда (например, при рассмотрении дела международным коммерческим арбитражем).

В качестве типовых документов МТП в первую очередь следует отметить INCOTERMS 2020 [2]. Данный документ стандартизирует распределение расходов, рисков, обязательств по доставке. В последней редакции установлено 11 базисов поставки (EXW, FOB, CIF и др.). Также МТП разрабатывает типовые арбитражные оговорки, например, рекомендуемые формулировки для включения в контракты. Пример: «Все споры разрешаются в соответствии с Регламентом Арбитража ICC».

Еще одна немаловажная работа, которую осуществляет МТП – это подготовка серии модельных

контрактов, которые стали отраслевыми стандартами в международной коммерческой практике. Эти документы учитывают специфику различных секторов экономики и помогают сторонам минимизировать риски при заключении сделок. МТП подготовила ICC Model International SaleContract [3] (Типовой договор международной купли-продажи ICC, применяется при составлении договора международной купли-продажи, адаптирован к базовым условиям поставки ИНКОТЕРМС, определяет также порядок платежей, ответственность сторон); ICC Model DistributorshipContract (разработан для дистрибьюторских соглашений); ICC Model Commercial Agency Contract (для агентских соглашений); ICC Model Franchise Agreement (для франчайзинга). Также МТП проводит работу по созданию специализированных отраслевых контрактов: ICC Model TurnkeyContract (для строительной отрасли); ICC Model Services Contract (для сферы услуг); ICC Model Joint Venture Agreement (для создания совместного предприятия) [4]. Все модельные контракты МТП отличаются гибкостью, легко совмещаются с Принципами УНИДРУА, положениями Венской конвенции 1980 г. О договорах международной купли-продажи товаров, а также с национальными законами. Модельные контракты МТП рассматривают следующие вопросы: форс-мажор, конфиденциальность, порядок платежей.

Документы, подготовленные UNCITRAL в качестве типовых условий разнообразны. Это и положения Венской конвенции 1980 г. О договорах международной купли-продажи [5] (рассматриваются вопросы заключения договоров, права и обязанности сторон, средств правовой защиты), это и акты рекомендательного характера, в частности, Типовой закон о международном коммерческом арбитраже [6] (содержатся требования к арбитражным оговоркам; определен порядок арбитражного разбирательства; устанавливаются основания для отмены решений), а также Руководство по составлению международных контрактов [7].

Если рассматривать юридическую природу оговорок в международном контракте, то следует отметить, что оговорки обладают следующими характеристиками: автономностью – некоторые оговорки (например, арбитражные) могут действовать независимо от действительности остальных условий контракта; императивностью – нарушение отдельных оговорок (например, о конфиденциальности) влечет существенные юридические последствия; в отношении оговорок применим процесс унификации – многие оговорки основаны на международных конвенциях (Венская конвенция CISG, 1980 г., Нью-Йоркская конвенция О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, 1958 г.), международными организациями создаются специальные тексты оговорок.

В международной практике выделяют несколько ключевых видов оговорок: оговорка о применимом праве (Governing Law Clause) определяет, какое национальное или международное право регулирует договор. Пример: «Настоящий контракт

подчиняется российскому праву». Если стороны при заключении контракта не заключают подобного рода оговорку, то, потенциально это может привести к применению коллизионных норм, что увеличит неопределенность правового регулирования.

Следующий вид наиболее распространенной оговорки в международных контрактах – арбитражная оговорка (Arbitration Clause) устанавливает, что споры будут разрешаться в международном арбитраже, а не в национальных судах. Пример: «Все споры подлежат рассмотрению в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ (г. Москва)». Так как РФ является участницей Нью-Йоркской конвенции 1958 г. О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, то арбитражная оговорка должна соответствовать требованиям, указанным в этой конвенции. Иначе арбитражное решение может быть не исполнено.

Также в международных коммерческих контрактах особо выделяется форс-мажорная оговорка (Force Majeure Clause). Она освобождает стороны от ответственности при наступлении чрезвычайных обстоятельств (войны, стихийных бедствий). Такая оговорка должна включать в себя перечень форс-мажорных событий; порядок уведомления контрагента; последствия (расторжение договора или отсрочка исполнения).

На защиту информации от несанкционированного доступа и использования направлена оговорка о конфиденциальности (NDA Clause). Она запрещает раскрытие коммерческой информации. Особенно важна в сделках с ноу-хау и персональными данными.

Но в настоящее время под влиянием развития современной экономики появляются новые критерии, которые требуют детального обсуждения при заключении международных коммерческих контрактов. Это вызывает появление новых оговорок. Можно выделить санкционные оговорки, оговорки комплаенс.

Санкционная оговорка (Sanctions Clause) – специальное условие договора, регулирующее: обязательства сторон в связи с международными санкциями, а также порядок приостановки/расторжения контракта при введении ограничений, распределение рисков и последствий неисполнения условий контракта. Основаниями применения санкционных оговорок являются Резолюции Совета Безопасности ООН (ст. 25 Устава ООН); Регламенты ЕС (напр., № 269/2014, № 833/2014); акты OFAC (США) и других национальных регуляторов. Экономические санкции относятся к категории сверхимперативных норм права, направленных на защиту внутреннего и международного публичного порядка [8]. В юридической литературе высказывается позиция, что отдельные публично-правовые нормы могут не только учитываться, но и применяться. К числу таковых в доктрине относят «положения, запрещающие золотые оговорки, предписания валютного законодательства,

а также нормы о запрете экспорта исторических и культурных ценностей» [9. С. 102]. По правовым последствиям выделяют следующие виды санкционных оговорок: отлагательные (приостановка обязательств); направленные на расторжение договора (право на односторонний отказ); компенсационные (возмещение убытков). В рамках применения санкционных оговорок следует выделять санкции и подсанкционные лица. В настоящее время появилось новое понятие «ключевые индикаторы» и «факторы риска», выделяемые иностранными регуляторами (Red Flags), которые включают в себя следующие критерии: индикаторы, характерные для конкретного предмета и иных условий сделки/операции (платежи с использованием инновационных платежных систем, как то, криптобиржи, облачные кассы, FinTech; нестандартная схема оплаты (например, несколько небольших платежей, проведенных через разные банки, резкая смена маршрута платежа); нестандартная цепочка логистики товара (экспорт производится в нехарактерное государство или в государство, нехарактерное для деятельности стороны в договоре и т.д.). Второй критерий Red Flags – индикаторы, характерные для стороны договора («Сторона»): сторона использует непубличную организационно-правовую форму (например, траст, фонд) или имеет сложную корпоративную структуру, затрудняющую определение контролирующего лица, бенефициара; в открытом доступе нет публичной информации о стороне (веб-сайт). При рассмотрении санкционных оговорок встает вопрос – следует ли санкции рассматривать с позиции форс-мажора без прямых оговорок в контракте. Данный вопрос будет решаться судом с учетом избранного права, анализа судебной практики и условий договора. Без прямых оговорок в контракте санкции можно попытаться квалифицировать как форс-мажор. Однако в том случае, если применимым правом избрано английское, то санкции не будут рассматриваться в качестве форс-мажора. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [10] обозначены признаки форс-мажора: чрезвычайный характер – исключительность обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях; непредотвратимый характер – любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий; не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства. Однако ни в Венской конвенции, 1980 г., ни в Принципах УНИДРУА, ни в ГК РФ нет определения конкретных обстоятельств форс-мажора, что создает неопределенность. На основании Закона РФ от 07.07.1993 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» ТПП России свидетельствует обстоя-

тельства форс-мажора в соответствии с условиями внешнеторговых сделок и международных договоров Российской Федерации. В соответствии с Положением о порядке свидетельствования ТПП Российской Федерации обстоятельств форс-мажора, утвержденного Постановлением Правления ТПП РФ от 23.12.2015 N 173–14 (ред. 30.03.2023) [11], решение о выдаче сертификата об обстоятельствах форс-мажора принимается ТПП России в каждом конкретном случае, исходя из условий контракта и документов компетентных органов Российской Федерации, подтверждающих наличие события, на которое организация ссылается в своем заявлении [12]. В данном Постановлении указано, что, в частности, к таким обстоятельствам относятся: стихийные бедствия (землетрясение, наводнение, ураган), пожар, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты, диверсии, ограничения перевозок, запретительные меры государств, запрет торговых операций, в том числе с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций и другие, не зависящие от воли сторон договора (контракта) обстоятельства.

В то же время в настоящее время вырабатывается позиция арбитражных судов, что само по себе отсутствие сертификата, выданного в установленном законом порядке торгово-промышленной палатой, о наличии обстоятельств непреодолимой силы, не свидетельствует об отсутствии таких обстоятельств [13], [14].

В последнее время начали разрабатываться и применяться комплаенс-оговорка (Compliance Clause) – условие договора, обязывающее стороны соблюдать применимое законодательство (санкции, антикоррупционные законы, экспортный контроль); международные стандарты (OECD Guidelines, FATF Recommendations); внутренние политики компаний (кодексы поведения, AML-процедуры). Термин «комплаенс» произошел от англ. compliance – соответствие. Система комплаенс-контроля коммерческих организаций включает в себя такие виды контроля, как антимонопольный, антикоррупционный, бухгалтерский, налоговый, экологический, трудовой в области защиты персональных данных и др. В данной классификации критерием является сфера применения комплаенса. По организационному признаку построения принято говорить о двух основных подходах к комплаенсу: а) основанному на соблюдении нормы (известный в Западной Европе как rule base dapproach); б) основанному на анализе рисков (risk base dapproach) [15 С. 98]. Наблюдается процесс сращивания комплаенс -оговорок и оговорок ESG.

ESG-оговорки в международных коммерческих сделках становятся всё более значимым инструментом интеграции устойчивого развития в глобальную торговлю и инвестиции, отражая трансформацию мирового бизнеса в сторону ответственного отношения к экологическим, социальным и управленческим аспектам. Их цель – закрепить взаимные обязательства сторон по со-

блюдению стандартов ESG (Environmental, Social, Governance), минимизируя риски, связанные с репутационными потерями, судебными исками или нарушением международных норм.

Международные коммерческие контракты представляют собой сложные правовые конструкции, требующие детальной регламентации взаимоотношений сторон. Одним из ключевых инструментов такой регламентации являются оговорки – специальные условия, включаемые в договор для уточнения прав и обязанностей участников сделки, распределения рисков и определения механизмов разрешения споров.

Значение в международной торговле применения оговорок в международных контрактах очень велико – происходит снижение правовых рисков, а установленные четкие условия минимизируют неопределенность правового регулирования. Применение же арбитражных и штрафных оговорок повышает дисциплину сторон, служит своего рода гарантией обеспечения исполнения обязательств.

Современное правовое регулирование разработок и применения оговорок в международных коммерческих контрактах в настоящее время подвержено процессу гармонизации – использование типовых оговорок (например, Incoterms® 2020) упрощает правовое регулирование.

Таким образом, оговорка в международном коммерческом контракте – это отдельное условие договора, которое конкретизирует, изменяет или дополняет его общие положения. Оговорки в международных коммерческих контрактах играют ключевую роль в обеспечении стабильности сделок. Их правильное составление требует учета норм международного права, анализа судебно-арбитражной практики.

Литература

1. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf>.
2. Incoterms®2020 URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/incoterms-2020/>
3. Типовой договор международной купли-продажи ICC URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/model-contracts-clauses/icc-model-international-sale-contract/#:~:text=The%20ICC%20Model%20International%20Sale%20Contract%20responds%20to,contractual%20conditions%20for%20the%20international%20sale%20of%20goods.>
4. Model contracts | Find Model contracts eBooks on ICC Knowledge 2 Go | ICC Knowledge 2 Go – International Chamber of Commerce URL: <https://2go.iccwbo.org/explore-our-products/ebooks/model-contracts.html>.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров URL: [\[citral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf\]\(https://uncitral.un.org/sites/un-\).](https://uncitral.un.org/sites/un-</div><div data-bbox=)

6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. 1985 год. С изменениями, принятыми в 2006 году URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07–87000_ebook.pdf
7. Правовое руководство Юнситрал по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/lgconst-r.pdf>.
8. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. М.: Инфотропик-Медиа, 2018 //СПС Гарант
9. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки. Правовое регулирование. М.: Междунар. Отношения, 2005, 304 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»/ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/dd54f63ca57e4a41893cbce8b8006cf8b615121c/
11. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 N 173–14) (ред. от 30.03.2023)//СПС-Консультант-Плюс.
12. Вилкова Н.Г. Новое лицо форс-мажора XXI века: новые обстоятельства, новые последствия, новые рекомендации // Третейский суд. 2022 № 1 // СПС консультант-Плюс
13. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.09.24 № 17 АП-8828/2024ГК по делу № А-60–43015/2023 //СПС-Консультант-Плюс;
14. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.24 № 12 АП-3283/2024ГК по делу № А-12–4231/2023//СПС-Консультант-Плюс.
15. Ершова И. В., Енькова Е.Е. Санкционный комплаенс, или Внутрифирменное управление рисками от рестрикций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 93–103.

CLAUSES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS

Sineva N.A., Demidov I.A.
Saratov State Law Academy

In the context of globalization, participants in international commercial contracts face risks associated with differences in legal systems, force majeure circumstances, environmental and social obligations. To minimize disputes and ensure stability, contracts include special clauses in which the parties detail their rights and obligations regarding a specific transaction. Such detailing of terms allows for the minimization of legal and commercial risks and serves as a guarantee for the enforcement of the international commercial contract even in today's complex situations. Clauses may relate to applicable law, jurisdiction, force majeure, liability, and other aspects of the transaction. This article examines the concept of claus-

es, their legal nature, the main types of clauses, their legal significance, and their practical application in international trade. Even in Roman law, a clause on vis maior was developed, known today as the force majeure clause. New realities bring to life new clauses or new interpretations of established clauses in international commercial contracts. For example, one can cite the COVID-19 clause, sanctions clauses, ESG clauses, and compliance clauses that have emerged in the last decade.

Keywords: clauses, international commercial contracts, standard terms, conditions in international commercial contracts, sanction clauses, force majeure clauses, compliance clauses, ESG clauses.

References

1. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf>.
2. Incoterms® 2020 URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/incoterms-2020/>
3. ICC Model Contract for the International Sale of Goods URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/model-contracts-clauses/icc-model-international-sale-contract/#:~:text=The%20ICC%20Model%20International%20Sale%20Contract%20responds%20to,contractual%20conditions%20for%20the%20international%20sale%20of%20goods.>
4. Model contracts | Find Model contracts eBooks on ICC Knowledge 2 Go | ICC Knowledge 2 Go – International Chamber of Commerce URL: <https://2go.iccwbo.org/explore-our-products/ebooks/model-contracts.html>.
5. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>.
6. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. 1985. With the amendments adopted in 2006 URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf
7. UNCITRAL Legal Guide to Drafting International Industrial Construction Contracts URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/lgconstr-r.pdf>.
8. Zasemkova O.F. Super-mandatory norms: theory and practice. Moscow: Infotropic-Media, 2018 // SPS Garant
9. Kanashevsky V.A. Foreign economic transactions. Legal regulation. Moscow: International. Relations, 2005, 304 p.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/dd54f63ca57e4a41893cbce8b8006cf8b615121c/
11. Regulation on the procedure for certification by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of force majeure circumstances (Appendix to the Resolution of the Board of the CCI of the Russian Federation of 23.12.2015 N 173–14) (as amended on 30.03.2023) // SPS-Consultant-Plus.
12. Vilkova N.G. The New Face of Force Majeure in the 21st Century: New Circumstances, New Consequences, New Recommendations // Arbitration Court. 2022 No. 1 // SPS Consultant-Plus
13. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated 09.27.24 No. 17 AP-8828/2024GK in case No. A-60–43015/2023 // SPS Consultant-Plus;
14. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 07.08.24 No. 12 AP-3283/2024GK in case No. A-12–4231/2023 // SPS Consultant-Plus.
15. Ershova I. V., Enkova E.E. Sanctions compliance, or Intra-company risk management from restrictions // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 8. P. 93–103.

Актуальные вопросы налогообложения туристской деятельности в Российской Федерации

Ловчикова Юлия Владимировна,
независимый исследователь

Статья посвящена налогообложению основных субъектов туристской деятельности – туроператоров и турагентов, которые могут находиться как на общей системе налогообложения, так и на одном из специальных налоговых режимов. В процессе анализа действующего налогового законодательства была определена специфика уплаты и исчисления следующих налогов: налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость, налог на доходы физических лиц с предпринимательских доходов. При рассмотрении вышеупомянутых налогов отдельное внимание уделяется таким актуальным вопросам как возможность применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организации, льготы по налогу на добавленную стоимость для туроператоров в сфере внутреннего и въездного туризма, связь между спросом на туристский продукт в разное время года и размером авансовых платежей турагентов. Вторая часть статьи посвящена специальным налоговым режимам, подходящим для туроператоров и турагентов. В процессе анализа автор приходит к следующему выводу: юридически основные субъекты туристской деятельности могут находиться на УСН и АУСН, однако с учетом фактических обстоятельств туроператор в отличие от турагента не сможет перейти на АУСН.

Ключевые слова: туристская деятельность, общая система налогообложения, налог на прибыль организаций, НДС, НДФЛ, специальные налоговые режимы.

Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 года об утверждении Стратегии развития туризма в России на период до 2035 года создаёт основу для дальнейшего развития этой сферы. Основной целью документа является создание конкурентоспособного туристского продукта и привлечение инвестиций, что, в свою очередь, напрямую связано с налоговой политикой, регулирующей деятельность участников туристического рынка.

Стратегия развития туризма предполагает создание благоприятных условий для формирования качественного туристского продукта. Это требует внедрения инноваций, повышения безопасности путешествий, улучшения инфраструктуры и разнообразия предлагаемых услуг. Привлечение инвестиций является важным элементом в этом контексте: без капитальных вложений невозможно создать новые туристические объекты и повышать уровень обслуживания.

Налоговая политика имеет решающее значение для развития туристской деятельности. Она способствует созданию привлекательной инвестиционной среды для отечественных инвесторов. В условиях налогового стимула туристические компании могут развивать бизнес, расширять сферу услуг, улучшать качество обслуживания и тем самым делать внутренний и въездной туризм более доступным и востребованным. Важно отметить, что в российском законодательстве различаются понятия «туризм» и «туристская деятельность». Туризм определяется как временные поездки граждан, не связанные с получением дохода, тогда как туристская деятельность охватывает всю комплексную работу по организации перемещения и размещения туристов, а также реализацию готового туристского продукта, осуществляемую туроператорами и турагентами.

Как и любой субъект предпринимательской деятельности, туроператоры и турагенты подлежат налоговому контролю. Они могут применять как общую систему налогообложения, так и специальные налоговые режимы, что позволяет адаптировать налогообложение к индивидуальным особенностям бизнеса. Основные налоги для участников туристской деятельности включают:

- для юридических лиц: НДС, налог на прибыль, налог на имущество;
- для индивидуальных предпринимателей (ИП): НДС, НДФЛ с предпринимательских доходов, налог на имущество физических лиц, если оно используется для предпринимательской деятельности.

Ключевым моментом является то, что только юридические лица могут быть туроператорами, тогда как турагентами могут быть как юридические лица, так и ИП. Это различие также определяет уровень налоговой нагрузки на компании. Исчисление налога на прибыль, НДС и НДФЛ с предпринимательских доходов представляет собой сложную задачу для многих компаний в сфере туризма. Часто возникают правовые споры и непонимания в вопросах, связанных с налоговыми обязательствами, что, в свою очередь, может негативно сказаться на бизнесе и инвестиционной привлекательности сектора.

В этой работе акцент делается на налоге на прибыль, НДС и НДФЛ с предпринимательских доходов – именно при их исчислении часто возникают правовые сложности.

Начнем с налога на прибыль организаций. Особое значение имеет инвестиционный налоговый вычет, закрепленный п. 1 ст. 286.1 НК РФ (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Региональные законы могут предусматривать применение данного вычета, который позволяет уменьшать налог в региональный бюджет [1].

Вычет применяется при капитальных инвестициях: покупке, строительстве, модернизации, реконструкции, достройке или техническом перевооружении основных средств. Иными словами, налогоплательщик имеет возможность снизить налог на прибыль на сумму понесённых инвестиционных затрат при условии наличия соответствующего регионального нормативного акта [5].

Компании, использующие эту льготу, не только реализуют инвестиционные проекты, но и содействуют развитию региональной экономики, повышая её инвестиционную привлекательность. Таким образом, инвестиционный налоговый вычет – важный инструмент налоговой поддержки, стимулирующий модернизацию инфраструктуры и инновационную активность [7].

Возникает закономерный вопрос: имеют ли право туроператоры и турагенты претендовать на инвестиционный налоговый вычет? Прямого запрета на федеральном уровне в отношении данной категории налогоплательщиков не предусмотрено, следовательно, субъекты Российской Федерации вправе закрепить возможность предоставления такого вычета по налогу на прибыль организациям, занимающимся реализацией туристского продукта (Письмо Минфина России от 21.07.2022 № 03-00-05/70427).

Тем не менее, при системном толковании норм – с учётом не только положений Налогового кодекса РФ, но и положений Закона о туристской деятельности – можно сделать вывод, что на практике воспользоваться данным вычетом субъектам туристской деятельности невозможно по следующим причинам [2].

Туроператоры осуществляют в первую очередь организацию туристского продукта – определяют маршрут, обеспечивают проживание, транспорт

и сопутствующие услуги. Однако сами они не инвестируют в строительство гостиниц, приобретение транспортных средств и иные капиталоемкие активы. Следовательно, объектов, подлежащих реконструкции, модернизации или созданию, у них фактически нет.

Аналогичная ситуация и у турагентов, которые занимаются реализацией готового туристского продукта и, соответственно, не осуществляют капитальных вложений, необходимых для применения инвестиционного налогового вычета.

Несмотря на наличие федерального инвестиционного налогового вычета (ФИНВ), действие которого вступило в силу с 2025 года, многие туристические компании не попадают под его применение, поскольку Постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1638 не включает туроператорские и агентские услуги в перечень отраслей, имеющих право на данный вычет. Это создает неблагоприятные условия для развития туристической инфраструктуры и ограничивает возможности для инвестирования в проекты, которые могут повысить привлекательность региона [4].

Для изменения существующей ситуации возможно два подхода:

1. расширение оснований для использования инвестиционного налогового вычета. Первый вариант заключается в разработке дополнительных форм инвестиционного участия для туроператоров и турагентов. Это может состоять в привлечении их к долевному финансированию объектов туристической инфраструктуры на региональном уровне. Такие меры могут помочь наладить сотрудничество между частным и государственным секторами, улучшая общую инфраструктурную базу для туристов;

2. создание специального механизма для туроператоров. Второй и, по мнению автора, более рациональный подход – внедрение отдельного механизма инвестиционного налогового вычета, который будет адаптирован под специфику туристской деятельности. Хотя основная функция туроператоров заключается в организации и продвижении туристических маршрутов, они также могут инвестировать в инфраструктурные объекты, такие как транспортные узлы и культурные кластеры, что существенно улучшит привлекательность региона [3].

Помимо проблемы с инвестиционным вычетом, важным аспектом налогового регулирования для турагентов и туроператоров является исчисление и уплата НДС. Так согласно подпункту 39 п. 3 ст. 149 НК РФ, реализация туристического продукта в рамках внутреннего или въездного туризма освобождается от уплаты НДС. Это было сделано как мера поддержки отрасли с целью удешевления туристского продукта.

С 2022 года это освобождение касается не только гостиниц, но и туроператоров, что значительно улучшило финансовые условия для всех участников. Однако стоит отметить, что освобождение применяется только к целом туристскому продук-

ту, который включает в себя как размещение, так и транспортировку. Иными словами, предложения, состоящие исключительно из услуг размещения, не подпадают под освобождение от НДС.

С позиции автора, сложившаяся практика нарушает принцип справедливости налогообложения. Так, если турист по объективным причинам (например, из-за близости к месту размещения) не нуждается в услугах перевозки, туроператор оформляет договор только на наземное обслуживание. Это означает, что он обязан уплатить НДС по ставке 20%, в то время как гостиничные организации сохраняют право на нулевую ставку. Подобный подход создаёт неравные условия и возлагает налоговое бремя на конечного потребителя. В результате туристу может оказаться выгоднее самостоятельно организовать отдых, минуя туроператора. Если такая тенденция укрепится, малые компании, работающие в сфере внутреннего туризма, рискуют покинуть рынок, а государство – утратить потенциальных налогоплательщиков [5].

Сложность решения проблемы заключается в том, что туристский продукт – это единый набор услуг, реализуемый по единой цене. Хотя внутри этой цены учитываются расходы на размещение и транспорт, освобождение по НДС применяется только к совокупному продукту, а не к его компонентам. Следовательно, чтобы распространить налоговые льготы на услуги размещения в отсутствие перевозки, требуется пересмотр действующего определения туристского продукта [3].

Предлагается следующее уточнение:

«Туристский продукт – совокупность услуг по перевозке и размещению либо исключительно по размещению, предоставляемых за единую цену (вне зависимости от включения в неё стоимости экскурсионного или иного обслуживания) по договору реализации туристского продукта».

Однако, несмотря на необходимость актуализации понятия, возникают логичные правовые вопросы. К примеру, насколько оправдано внесение изменений, если установленный срок действия освобождения от НДС по услугам внутреннего туризма ограничен 2027 годом?

Здесь можно выделить два подхода. С одной стороны, целесообразно закрепить освобождение от НДС для туроператоров внутреннего туризма и ввести на постоянной основе нулевую ставку для гостиничных услуг, что потребует внесения изменений в Налоговый кодекс РФ. Так, это позволит избежать правовых коллизий и обеспечит стабильность применимых норм. С другой стороны, возможно, следует удержаться от изменений, учитывая ограниченность срока действия льготы, который скоро истечёт.

Важный аспект – освобождение от НДС, установленное в российском законодательстве, применяется исключительно к комплексному туристскому продукту. Когда реализация осуществляется напрямую туроператором, вопросов не возникает. Однако распространена ситуация, когда туроператор поручает реализацию продукта агенту. На ос-

новании агентского договора агент выполняет юридически значимые действия от имени и по поручению туроператора.

Согласно действующему законодательству, положения о налоговых льготах не распространены на деятельность, в которой агент получает вознаграждение. Также разъяснения Минфина России подтверждают, что освобождение от НДС не применяется, если агентское вознаграждение уже включено в стоимость туристского продукта. В таких случаях НДС подлежит начислению только на сумму агентского вознаграждения, и обязательства по уплате НДС лежат на туроператоре. Таким образом, реализация туристского продукта через агента требует четкой правовой оценки обязательств по НДС, что вносит неясность в налогообложение и может создавать сложности для туроператоров [7].

Кроме налога на добавленную стоимость, турагенты, как индивидуальные предприниматели, также подлежат налогообложению по НДФЛ. Авансовые платежи по этому налогу должны перечисляться в срок не позднее 28 числа месяца, следующего за налоговым периодом. В этой связи можно проследить зависимость между сезонным спросом на туристские продукты и величиной авансовых платежей, что, в свою очередь, может влиять на построение работы в налоговых органах.

Таким образом, общая система налогообложения больше подходит для туроператоров, чем для турагентов, поскольку льготы по НДС в сфере туризма рассчитаны именно на туроператоров. По этой причине турагенту выгоднее перейти на один из специальных налоговых режимов.

С точки зрения налогообложения, для турагентов наиболее подходящими являются следующие специальные налоговые режимы – упрощённая система налогообложения (УСН) и автоматизированная упрощённая система налогообложения (АУСН). УСН регулируется главой 26.2 Налогового кодекса РФ и доступна как индивидуальным предпринимателям, так и юридическим лицам при соблюдении определённых критериев по количеству сотрудников и годовому доходу.

Несмотря на преимущества УСН, связанные с простотой и низкими административными затратами, необходимо отметить, что у турагентов есть некоторые ограничения. Например, скидки, предоставляемые клиентам за счёт агентского вознаграждения, не учитываются как расходы и не уменьшают налогооблагаемую базу. Это создаёт неблагоприятные условия для турагентов, поскольку фактический доход может снизиться, а налог будет исчисляться с полной суммы вознаграждения.

В связи с этой проблемой целесообразно рассмотреть возможность расширения перечня допустимых расходов для турагентов, чтобы включить в него скидки, предоставляемые за счёт агентского вознаграждения. Однако такие изменения должны быть тщательно проанализированы, так как их

внедрение затронет всех налогоплательщиков, находящихся на УСН.

Для небольших турагентов автоматизированная упрощённая система налогообложения (АУСН) рассматривается как привлекательная альтернатива основной системе налогообложения и классической УСН, поскольку АУСН позволяет автоматизировать налоговую нагрузку и существенно снизить административные издержки. Однако как на УСН, так и на АУСН турагенты не могут учитывать в расходах скидки, предоставляемые туристам за счёт агентского вознаграждения от туроператора, что является значительным недостатком этих режимов для турагентств.

Ситуация с туроператорами сложнее. Юридически для них также доступны только два специальных налоговых режима – УСН и АУСН. Но учитывая фактические обстоятельства, такие как численность работников, у большинства туроператоров реально остаётся только один вариант замены общей системы налогообложения – УСН. Это связано с тем, что АУСН предъявляет более жёсткие ограничения по численности сотрудников (не более 5 человек), в то время как УСН допускает до 130 сотрудников. При этом УСН остаётся актуальной лишь до тех пор, пока туроператор не превысит установленные лимиты по доходам и численности персонала, после чего придётся переходить на общую систему налогообложения.

Таким образом, для небольших турагентов АУСН может быть удобным решением благодаря автоматизации, но ограничения по учёту расходов и скидок остаются проблемой. Для туроператоров же выбор ограничен, и УСН чаще всего является единственным практически применимым специальным налоговым режимом, хотя и с ограничениями по масштабам бизнеса.

Литература

1. Кондратенко О.И. Актуальные проблемы развития инвестиционной привлекательности российских муниципальных образований // *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 3. С. 59–67.
2. Нехайчук Ю. С., Фомина Е.А., Шалимова Н.А. Трудовой потенциал в сфере индустрии гостеприимства: актуальные вопросы подготовки кадров // *Механизмы управления развитием региона: новые вызовы и приоритеты*. 2022. С. 433–448.
3. Николаева А. В., Литвинова О.И. Управление финансами туристского предприятия // *Актуальные проблемы лингвистической подготовки в неязыковом вузе*. 2021. С. 103.
4. Пепеляева С.Г. Правовые основы косвенного налогообложения: Учебное пособие / под общ. ред. Москва: Статут, 2015. 126 с.
5. Писаревский Е.Л. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в области обеспечения личной безопасности туристов //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 1. С. 31–42.

6. Попова М. А., Мельникова Е.В., Хаметова А.Р. Особенности налогообложения туризма в России // *Вестник магистратуры*. 2016. № 11–2(62). С. 79–81.
7. Саченок Л. И., Змерзлый Б.В. Направления государственно-правового регулирования туристической деятельности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7. № 1. С. 289–303.
8. Черноусова К. С., Дектярева А.В. Налогообложение туристской деятельности: актуальные проблемы 2020 г // *Российская наука: актуальные исследования и разработки*. 2020. С. 354–358.

TOPICAL ISSUES OF TAXATION TOURISM ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lovchikova Yu.V.

This article is devoted to the taxation of the main subjects of tourism activities – tour operators and travel agents, who can be either on the general taxation system or on one of the special tax regimes. In the process of analyzing the current tax legislation, the specifics of payment and calculation of the following taxes were determined: corporate income tax, value added tax, personal income tax on entrepreneurial income. When considering the above-mentioned taxes, special attention is paid to such topical issues as the possibility of applying an investment tax deduction for corporate income tax, VAT benefits for tour operators in the field of domestic and inbound tourism, the relationship between the demand for a tourist product at different times of the year and the amount of advance payments by travel agents. The second part of the article is devoted to special tax regimes suitable for tour operators and travel agents. In the process of analysis, the author comes to the following conclusion: legally, the main subjects of tourist activity can be on the simplified tax system and the automated system of simplified taxation, however, taking into account the actual circumstances, a tour operator, unlike a travel agent, will not be able to switch to the automated system of simplified taxation.

Keywords: witness, tourist activities, general taxation system, corporate income tax, VAT, personal income tax, special tax regimes.

References

1. Kondratenko O.I. Actual problems of development of investment attractiveness of Russian municipalities // *Economic development of Russia*. 2021. Vol. 28. No. 3. P. 59–67.
2. Nekhaychuk Yu. S., Fomina E.A., Shalimova N.A. Labor potential in the hospitality industry: actual issues of personnel training // *Mechanisms for managing regional development: new challenges and priorities*. 2022. P. 433–448.
3. Nikolaeva A. V., Litvinova O.I. Financial management of a tourism enterprise // *Actual problems of linguistic training in a non-linguistic university*. 2021. P. 103.
4. Pepelyaeva S.G. Legal basis for indirect taxation: Study guide / general. ed.. Moscow: Statut, 2015. 126 p.
5. Pisarevsky E.L. Actual issues of improving legislation in the field of ensuring personal safety of tourists // *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2011. No. 1. P. 31–42.
6. Popova M. A., Melnikova E.V., Khametova A.R. Features of taxation of tourism in Russia // *Bulletin of the Magistracy*. 2016. No. 11–2 (62). P. 79–81.
7. Sachenok L. I., Zmerzly B.V. Directions of state and legal regulation of tourism activities // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.V. Vernadsky. Legal Sciences*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 289–303.
8. Chernousova K. S., Dektyareva A.V. Taxation of tourism activities: current issues of 2020 // *Russian science: current research and development*. 2020. P. 354–358.

Особенности регулирования общего имущества и обязательств супругов в делах о банкротстве

Радионов Никита Сергеевич,

аспирант Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: nikradio@bk.ru

Статья посвящена анализу правового регулирования имущественных отношений супругов в делах о банкротстве. Рассматриваются актуальные проблемы определения состава конкурсной массы, включения в нее совместно нажитого имущества супругов и квалификации обязательств как общих или личных. Особое внимание уделяется преюдициальному значению судебных актов о разделе имущества супругов в делах о банкротстве и полномочиям финансового управляющего по выявлению имущества должника и его супруга. Анализируется правовая природа корпоративных прав супругов и их соотношение с режимом совместной собственности. Отдельно рассматривается проблема фиктивных браков, заключаемых с целью уклонения от исполнения обязательств через процедуру банкротства. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования имущественных отношений супругов в делах о банкротстве с учетом необходимости защиты интересов как кредиторов, так и добросовестных супругов.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, имущественные отношения супругов, конкурсная масса, совместные обязательства, преюдиция, корпоративные права, фиктивный брак.

Современные условия развития российского предпринимательства и бытового кредитования требуют переосмысления подходов к финансовой стабильности отечественной экономики, которая сталкивается с новыми вызовами. Важным аспектом для обеспечения свободы экономической деятельности и единства экономического пространства, в том числе для граждан, состоящих в браке, является необходимость полноценного правового регулирования вопросов несостоятельности физических лиц, с учетом свойственных особенностей. Экономические реформы и развитие предпринимательской среды привели к значительному обновлению законодательной базы, регулирующей экономические отношения и банкротство граждан: значимость института банкротства в России неуклонно растет, поскольку только банкротство, как универсальный инструмент, может обеспечить справедливое распределение активов в экономике. Неспособность исключать из экономического оборота граждан, которые не могут выполнять свои обязательства, способствует возникновению долгов, что негативно сказывается на стабильности имущественного оборота.

Считаем возможным согласиться с мнением Ю.Г. Лесковой и У.Б. Филатовой о том, что «комплексный подход к вопросам имущественных отношений супругов, в том числе применительно к проблематике банкротства супругов, должен проследиваться постоянно и являться одним из системообразующих постулатов решения ряда вопросов в этой области» [1, с. 19]. Но применительно к судебной практике, как отмечает Р.А. Сакулин, «вырабатываемые в индивидуально-правовых актах судов общей юрисдикции правовоположения направлены не на создание новых правовых норм, а на толкование и уяснение действующего законодательства, а также на устранение противоречий в нем» [2, с. 48]. При этом регулирование имущественных отношений супругов требует комплексного подхода, учитывающего как семейное, так и банкротное законодательство. Отметим, что супруги являются достаточно активным участником экономических отношений. Как отмечает О.А. Рузакова, в банковском секторе значительное количество сделок физических лиц связано с тем, что стороны состоят в браке. Семейные отношения, правовой статус имущества супругов и сделки с этим имуществом часто влияют на банковскую деятельность, включая заключение кредитных договоров, договоров поручительства, залога, открытие банковских счетов и другие операции [2, с. 48].

Подчеркнем, что институт несостоятельности (банкротства) физических лиц неразрывно связан

с необходимостью оценки имущественного положения не только самого должника, но и его супруга (бывшего супруга). И.М. Шевченко справедливо подчеркивает, что «режим общей совместной собственности, предусмотренный ст. 34 СК РФ, является концептуально незавершенным, а это приводит к многочисленным проблемам на практике, в особенности при рассмотрении дел о банкротстве» [4, с. 118]. Верность указанного тезиса также подтверждается судебной практикой, в частности, Арбитражный суд Ростовской области в определении от 08.05.2024 по делу № А53–6393/24 указал: «если в реестр требований кредиторов должника включены долги по общим обязательствам его и (бывшей) супруги или имеются общие текущие обязательства, то выплаты в пользу (бывшей) супруги от реализации общего имущества не производятся до полного погашения общих обязательств». Следует отметить, что негативные последствия процедуры банкротства одного из супругов, на первый взгляд, несправедливо затрагивают имущественные интересы другого супруга. Это особенно актуально в случаях, когда последний не имел осведомленности о неблагоприятном финансовом положении должника, что возможно вследствие сокрытия соответствующей информации. Такая ситуация поднимает проблему обеспечения справедливости в правоприменении и требует дополнительного правового регулирования для защиты добросовестного супруга от неоправданных финансовых рисков. При этом финансовый управляющий обязан принимать исчерпывающие меры по выявлению имущества должника и его супруга. Как отметил Девятый арбитражный апелляционный суд в деле № А40–128259/2024, «запрашиваемая финансовым управляющим информация относительно имущественных прав супруги должника относится к сведениям, имеющим не только непосредственное отношение к делу о банкротстве должника, но и фактически может быть квалифицирована как информация о самом должнике». Более того, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении по делу № А60–20030/2021 распространил данный подход и на имущество третьих лиц, при наличии обоснованных подозрений в фиктивном оформлении на нее имущества должника.

В контексте формирования конкурсной массы в делах о банкротстве граждан особое значение приобретает вопрос о преюдициальном значении судебных актов и порядке включения имущества, находящегося в общей собственности супругов: настолько постоянно установленное в рамках судебного разбирательства в суде общей юрисдикции имущественное состояние супругов или даже бывших супругов. Как указано в определении Арбитражного суда города Москвы от 08.05.2024 по делу № А40–244997/2022, «правовая квалификация обстоятельств, произведенная судом общей юрисдикции при рассмотрении спора о разделе имущества бывших супругов на основании факта его приобретения в период брака, не имеет пре-

юдициальной силы при рассмотрении арбитражным судом настоящего спора в деле о банкротстве гражданина, связанного с установлением у недвижимого имущества статуса единственного жилья». Данный подход получил дальнейшее развитие: Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 16.09.2024 года по делу № А41–87303/2023 развил подход о включении в конкурсную массу имущества, находящегося в общей собственности должника и его супруга. Согласно статьям 213.25 и 213.26 Закона о банкротстве, финансовый управляющий обязан включать такое имущество, а затем, учитывая решения судов, в том числе о разделе имущества, принимать решение о его продаже. Суд кассационной инстанции отметил, что заблуждением является мнение о невозможности включения общего имущества супругов в конкурсную массу при наличии споров о его разделе.

Наряду с вопросами включения имущества супругов в конкурсную массу существенное значение имеет проблема определения совместного характера обязательств супругов в делах о банкротстве. Согласно положениям ст. 45 Семейного кодекса РФ взыскание по обязательствам одного из супругов может быть обращено лишь на имущество этого супруга. Только при недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника из общего имущества супругов, однако квалификация обязательства как общего или личного требует детального анализа правовой природы и целевого назначения возникших обязательств. Приведем иллюстрирующие поставленную проблематику примеры: если один из супругов берет кредит на приобретение предметов коллекционирования (например, редких марок), формально увеличивая активы семьи, возникает вопрос о квалификации такого обязательства. Несмотря на то, что второй супруг может выступать поручителем по данному кредиту, такие расходы сложно отнести к общесемейным нуждам в контексте ст. 39 СК РФ, поскольку они не направлены на удовлетворение потребностей семьи в целом. Аналогичная проблематика также возникает и в случае дорогостоящего лечения одного из супругов. Иная ситуация происходит при рассмотрении обязательств, возникших из профессиональной деятельности одного из супругов. Если супруг-предприниматель, осуществляющий деятельность по перевозке грузов, становится участником ДТП по своей вине, возникает вопрос о распределении ответственности между супругами. Учитывая, что доходы от такой деятельности формировали основной источник семейного бюджета, логично предположить, что и риски, связанные с осуществлением этой деятельности, должны распределяться между супругами. Между тем, на основании пункта 46 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 (далее – «Обзор»), данное утверждение является неверным. По общему правилу долги, возникшие в связи с предпринимательской и иной экономической деятельностью должни-

ка, являются его личным обязательством. Обязательства вследствие причинения вреда не являются общими для супругов, если не доказано, что полученное должником было использовано на нужды семьи. Само по себе то, что доходы от предпринимательской деятельности формировали семейный бюджет, не является основанием для признания долгов, возникших из этой деятельности, общими обязательствами супругов.

Полагаем, что преобразование личных обязательств супруга в супружеские долги должно определяться не только по совокупности формальных признаков, но и целью обязательств. При квалификации обязательства как совместного суду необходимо установить его преимущественную связь с семейными интересами. Применительно к упомянутому выше Обзору представляется верным утверждение Р.А. Сакулина, который отмечает, что «правоположения, содержащиеся в индивидуально-правовых актах судов, в отличие от всех иных правоположений, наименее статичны, что выражается в сравнительно быстрой смене позиции высшего судебного органа по одному и тому же спорному вопросу» [2, с. 157]. Указанное внушает надежду на потенциальный, если не пересмотр отмеченного в Обзоре положения в будущем, то, как минимум, его дополнение исключениями.

Рассматривая вопрос исключений, укажем, что логическим продолжением идеи совместного имущества и совместных обязательств является вопрос о признании супругов в качестве своеобразного квазисубъекта по образу простого товарищества. И.М. Шевченко подчеркивает, что «если признавать семью квазисубъектным образованием, то ни о какой множественности лиц в обязательстве речи не идет; общее обязательство – это обязательство общности. При таком подходе также стирается грань между обязательствами совместными и обязательствами общими» [4, с. 124]. Но в таких ситуациях происходят своеобразные коллизии норм, например, в части корпоративных прав. Указанная проблема подчеркивается в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22–26611. Суд указал, что «положения статей 34 и 35 СК РФ устанавливают лишь состав объектов общей совместной собственности супругов и его правовой режим. Порядок приобретения статуса участника со всеми правами и обязанностями указанными нормами не регулируется». Как отмечает Коллегия, «общество с ограниченной ответственностью является разновидностью товарищества (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19–24912), ключевым признаком которого является значимость лиц, входящих в состав товарищества (*intuitus personae*)». Принципиально важным является вывод суда о том, что «сам по себе факт приобретения доли в уставном капитале в период брака одним из супругов не означает, что второй

супруг обладает правом на участие в управлении делами соответствующего общества (корпоративным правом). Для получения полноценного статуса участника супругу (бывшему супругу) необходимо потребовать раздела имущества в части доли участия». Таким образом, Верховный Суд РФ фактически вывел корпоративные права из режима совместной собственности супругов.

Рассматривая совместные обязательства и совместное имущество супругов непосредственно в банкротстве, необходимо также упомянуть, что супруги могут использовать видимость семейно-правового положения, создавая отношения, при которых все обязательства концентрируются исключительно на одном из супругов, и данный подход носит систематический характер. Соглашаясь с позицией Н.В. Летовой о необходимости «сохранения автономности семейных отношений, исключая подмены их сущности и социального назначения» [5, с. 9], полагаем, что создание брака, противоречащего основным принципам правопорядка может рассматриваться как основание для признания брака фиктивным. Признание такого брака фиктивным должно влечь за собой невозможность освобождения гражданина-должника от обязательств, что препятствует достижению цели супругов, ранее реализовавших данную «схему» и прибегших к процедуре банкротства с целью освобождения от имеющихся долговых обязательств.

Литература

1. Лескова Ю.Г. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве / Ю.Г. Лескова, У.Б. Филатова // Гражданское право. – 2023. – № 4. – С. 19.
2. Сакулин Р.А. Регулятивное воздействие индивидуально-правовых актов судов общей юрисдикции Российской Федерации на имущественные отношения супругов / Р.А. Сакулин // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 10(143). – С. 148, 157.
3. Рузакова О.А. Перспективы развития семейного законодательства об имущественных правах супругов в банковской сфере / О.А. Рузакова // Банковское право. – 2021. – № 3. – С. 25.
4. Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) / И.М. Шевченко // Закон. – 2023. – № 4. – С. 118, 124.
5. Летова Н.В. Категория «имущество» в аспекте межотраслевого регулирования имущественных отношений / Н.В. Летова // Гражданское право. – 2025. – № 1. – С. 9.

PECULIARITIES OF REGULATION OF COMMON PROPERTY AND OBLIGATIONS OF SPOUSES IN BANKRUPTCY CASES

Radionov N.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of legal regulation of property relations of spouses in bankruptcy cases. The article considers current problems of determining the composition of the bankruptcy estate, including jointly acquired property of spouses in it and qualification of obligations as common or personal. Particular attention is paid to the prejudicial significance of judicial acts on the division of property of spouses in bankruptcy cases and the powers of the financial manager to identify the property of the debtor and his spouse. The legal nature of corporate rights of spouses and their relationship with the regime of joint ownership are analyzed. The problem of fictitious marriages concluded for the purpose of evading the fulfillment of obligations through the bankruptcy procedure is considered separately. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal positions, proposals are formulated to improve the legal regulation of property relations of spouses in bankruptcy cases, taking into account the need to protect the interests of both creditors and bona fide spouses.

Keywords: bankruptcy of individuals, property relations of spouses, bankruptcy estate, joint obligations, prejudice, corporate rights, fictitious marriage.

References

1. Leskova Yu.G. The principle of good faith and abuse of law in the aspect of convergence of family law and bankruptcy law / Yu.G. Leskova, U.B. Filatova // *Civil law*. – 2023. – No. 4. – P. 19.
2. Sakulin R.A. Regulatory impact of individual legal acts of courts of general jurisdiction of the Russian Federation on the property relations of spouses / R.A. Sakulin // *Actual problems of Russian law*. – 2022. – V. 17, No. 10 (143). – P. 148, 157.
3. Ruzakova O.A. Prospects for the development of family legislation on the property rights of spouses in the banking sector / O.A. Ruzakova // *Banking law*. – 2021. – No. 3. – P. 25.
4. Shevchenko I.M. On the issue of the regime of the property mass of spouses (some reflections on the example of bankruptcy cases) / I.M. Shevchenko // *Law*. – 2023. – No. 4. – P. 118, 124.
5. Letova N.V. The category of “property” in the aspect of intersectoral regulation of property relations / N.V. Letova // *Civil law*. – 2025. – No. 1. – P. 9.

Соразмерность наказания совершенному преступлению: философский аспект (по работам И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля)

Рожкова Екатерина Андреевна,
аспирант, ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

В настоящей статье рассматривается философский аспект принципа соразмерности наказания преступления, в частности внимание обращено на работы И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, поскольку их идеи имеют отражение и в современном уголовном законодательстве. Также в рамках статьи делается попытка соотнести принцип соразмерности с иными принципами уголовного права.

Ключевые слова: соразмерность, преступление, наказание, принципы уголовного права, повторность преступления.

Принципы, положенные в основу той или иной отрасли законодательства, имеют большое значение как в правоприменительной, так и законотворческой деятельности. Они обеспечивают единство, непротиворечивость норм права в рамках данной отрасли, позволяют направлять законодателя и правоприменителя в их деятельности. Соответственно при попытках разработать нововведения в той или иной отрасли законодательства всегда необходимо обращаться к базовым нормам, которым не должны противоречить предлагаемые нововведения.

Поскольку в рамках диссертационного исследования изучению будет подвергаться вопрос о разработке такого явления как уголовная преюдиция и материальная преюдиция в уголовной праве в целом (то есть включая административную), то возникает вопрос о соотношении данных норм с принципом справедливости, в частности с вопросом о соразмерности преступления и наказания, так как большое значение имеет разрешение вопроса о том, насколько допустимо учитывать предыдущие судимости при назначении наказания за новое преступление, каким образом это должно отражаться в законодательстве.

Представляется, что для юридических исследований большое значение имеют философские обоснования исследуемых явлений. Вопросу о соразмерности преступления и наказания посвящено большое количество как юридической, так и философской литературы. Большой вклад в разработку вопроса внесли И. Кант и Г.В.Ф. Гегеля, в дальнейшем их идеи активно развивались. Изучение предложенных ими концепций на вопрос соразмерности позволит более глубоко проработать философский аспект диссертационного исследования. В том числе это позволит более глубоко разобраться в соотношении принципов уголовного права между собой.

Целью настоящего исследования является формирование целостного представления о двух взглядах на вопрос о соразмерности наказания совершенному преступлению, предложенных представителями классической немецкой философской школы – И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем, а также изучение вопроса о том, как соразмерность соотносится с другими принципами уголовного права.

Согласимся с В.М. Артемовым в том, что именно в немецкой классической философии происходит становление философии права в качестве самостоятельной философской дисциплины. С указанного периода можно говорить о развитии права на философском уровне [1, с. 63]. Безусловно,

ключевое значение в разработках философии права отведено И. Канту и Г.В.Ф. Гегелю. В их работах поднимались вопросы о справедливости, о соразмерности и соотношении преступления и наказания и о том, в соответствии с какими критериями следует определять соразмерность.

Как справедливо отмечает Т.Б. Гнеушева, в философской традиции сложились две принципиально различные интерпретации категории возмездия. И. Кант в рамках своей этической системы обосновывает идею «нравственного воздаяния», тогда как Г.В.Ф. Гегель формулирует принципиально иную концепцию – «диалектического возмездия» [5, с. 66–70]. Несмотря на то, что оба мыслителя рассматривают возмездие как прерогативу государственной власти, их понимание природы и функций этого явления демонстрирует существенные расхождения.

Анализируя природу уголовного наказания, И. Кант обосновывает его как исключительную прерогативу суверена, заключающуюся в правомочном причинении страдания правонарушителю за совершенное деяние. Как подчеркивает В.М. Артемов, кантовская трактовка права носит трансцендентальный характер, будучи укорененной в ноуменальной сфере, где центральное место занимает концепция автономной воли.

Философ проводит принципиальное разграничение между институционализированным «наказанием по суду» и имманентной «естественной карой». Это различие основано на тезисе о том, что нравственная деградация уже содержит в себе собственное воздаяние, тогда как правовое наказание: не может рассматриваться инструментально; недопустимо использовать как средство достижения утилитарных целей; должно применяться исключительно в силу факта совершения преступления.

В кантовской парадигме карательная функция права возводится в ранг категорического императива, получающего следующую формулировку: «Совершай действия таким образом, чтобы внешнее проявление твоей свободы согласовывалось со всеобщей свободой в соответствии с универсальным законодательством» [10, с. 140].

Задаваясь вопросом о том, каков способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя мерилom и принципом, он отвечает, что единственным принципом должен выступать принцип равенства (положение стрелки на весах справедливости). Он говорит о «праве возмездия», но не в понимании частного суждения, а в понимании правосудия, такое право может точно определить качественно меру наказания [10, с. 257].

Как точно подчеркивает Л.В. Фивейская, кантовская концепция отнюдь не сводится к примитивному пониманию возмездия по принципу талиона, а раскрывает фундаментальную основу социального устройства – принцип справедливости» [20, с. 69]. Действительно, философская система Канта исключает буквальное толкование «око за око»,

предлагая сложную систему этических абстракций и правовых аналогий. Особую значимость в этой концепции приобретает тезис о том, что:

1) преступное деяние всегда направлено против всего социума;

2) потерпевший выступает репрезентацией общественного целого;

3) причиненный ущерб имеет не только индивидуальный, но и коллективный характер.

В кантовской парадигме преступление представляет собой: нарушение всеобщего правового порядка; посягательство на основы общественного договора; отрицание категорического императива в его социальном измерении.

Как убедительно демонстрирует Т.Б. Гнеушева, в кантовской философии права наказание приобретает характер актуализации абсолютной справедливости [5, с. 64]. При этом любые попытки оправдать карательные меры утилитарными соображениями вступают в противоречие с фундаментальными положениями категорического императива. В данной парадигме институт наказания выполняет двойственную функцию охраны неотчуждаемых прав преступника как рационального субъекта и восстановления достоинства личности через признание её ответственности.

Философ категорически отрицает возможность освобождения от наказания, интерпретируя такой акт как нарушение этического долга, посягательство на моральную автономию субъекта, отрицание разумной природы человека.

В кантовской системе координат наказание предстаёт как имманентное следствие свободного волеизъявления: индивид, сознательно избравший противоправный путь, тем самым принимает и неизбежные последствия своего выбора. Эта позиция вытекает из базового принципа: «Долженствование предполагает возможность» [5, с. 66]. Если субъект поступает и действует, потому что исходит из должности такого поведения, то и наказание является логичным последствием такого действия.

В философской системе Канта проблема справедливого возмездия за лишение жизни занимает особое место. Немецкий мыслитель осознавал невозможность буквального применения талиона в современных правовых условиях, что нашло отражение в его ключевом тезисе о качественной разнородности жизни и смерти. Кант выстраивает свою аргументацию на следующих положениях:

1) Принцип эквивалентности в случае убийства должен пониматься не физически, а морально;

2) Каждый виновный в совершении, организации или пособничестве убийству подлежит высшей мере наказания;

3) Такое решение продиктовано не эмоциональной местью, а требованиями трансцендентальной справедливости [11, с. 256].

Философ подчеркивает, что правосудие должно руководствоваться не эмпирическими обстоятельствами, а априорными принципами, вытекающими из самой идеи судебной власти как воплощения категорического императива.

В философской системе Канта вопрос о справедливом наказании за лишение жизни занимает особое место, отражая глубину его этических воззрений [5, с. 67]. Немецкий мыслитель, отвергая буквальное толкование принципа талиона, тем не менее настаивает на необходимости строгой соразмерности между преступлением и возмездием. Его позиция основана на принципиальном различии жизни и смерти как качественно разнородных явлений – даже самая тяжелая жизнь не может быть приравнена к смерти. Согласно кантовской логике, каждый, кто прямо или косвенно участвовал в убийстве, должен понести высшую меру наказания, поскольку только смертная казнь способна восстановить нарушенную справедливость. Это требование вытекает не из эмоционального стремления к мести, а из рационального понимания правосудия как воплощения априорных законов разума. Кант убежден, что любое умышленное лишение жизни, независимо от обстоятельств, должно караться смертной казнью, так, как только такая форма возмездия сохраняет необходимую пропорциональность между злодеянием и его искуплением [11, с. 256].

В кантовской философии права проблема помилования занимает особое место, раскрывая противоречие между принципами справедливости и милосердия. Основоположник немецкой классической философии выдвигает строгие ограничения на применение этого института, исходя из своих представлений о нравственном законе. Согласно его позиции, помилование преступника, совершившего злодеяние против другого гражданина, представляет собой грубое нарушение принципов правосудия, поскольку фактически означает безнаказанность и тем самым ущемляет права потерпевшего. Единственным исключением Кант допускает случаи, когда преступное деяние направлено непосредственно против самого правителя – здесь монарх теоретически может проявить снисхождение. Однако даже в этой ситуации философ предостерегает против необдуманных решений, подчеркивая необходимость тщательного анализа возможных последствий такого акта милосердия для общественной безопасности. По сути, кантовская концепция отрицает помилование как таковое, рассматривая его как угрозу самим основам правопорядка, построенного на принципах разумной справедливости [11, с. 263]. Иными словами, И. Кант полагал, что помилование кого-либо противоречит справедливости как таковой. Глава государства или иной орган, уполномоченный на принятие решения о помиловании могут принять решение о помиловании лишь в случае, если посягательство было связано с покушением на их права, но даже в таком случае необходимо здраво подходить к оценке соразмерности преступления и наказания.

При оценке теории, выдвинутой И. Кантом, Т.Б. Гнеушева дает заключение, что она не достигает той цели, которую сама же для себя поставила. Если следовать всем постулатам, то абсолют-

ная справедливость та и не будет достигнута, поскольку эквивалента, который мог бы восполнить вред от любого преступления, нет и быть не может. Полностью исключена возможность повторить в наказании преступление [5, с. 67].

Т.Б. Гнеушева считает все же более точной и правильной теорию, которую разработал Г.В.Ф. Гегель – теорию диалектического возмездия, в соответствии с которой наказание есть логически необходимый этап развития идеи. Суть наказания в восстановлении, а не в страдании. Сама же абсолютная воля, воплощающаяся в законе, есть трансцендентальное понятие и поэтому она недостижима для преступной воли. Воля преступника отрицает собственную разумную сущность. Цель и сущность наказания по Гегелю – отрицание отрицания права и его восстановление через обнаружение мнимого бытия преступления [5, с. 70].

Сам Г.В.Ф. Гегель говорил о том, что наказание не только справедливо в себе, то оно справедливо по тому, что оно есть воля, проявление свободы во вне. Само право понести наказание уже заложено в преступнике в момент совершения им преступления. Если преступление совершается разумным индивидом, то оно несет в себе нечто, принадлежащее всему обществу, так как он осознает, что преступает всеобщий закон. Осознавая закон, он понимает и право подвергнуться наказанию за преступление [4, с. 147–148].

Гегель в своей философии права проводит принципиальное различие между местью как формой частного возмездия и правовым наказанием как актом общественной справедливости. Немецкий мыслитель подчеркивает, что судебная система воплощает в себе не частные интересы, а всеобщую волю закона, что придает наказанию принципиально иной характер. В гегелевской системе координат правосудие перестает быть актом субъективной мести, превращаясь в процесс восстановления нарушенного правового порядка.

Философ рассматривает этот процесс как диалектическое примирение права с самим собой, где происходит снятие (*Aufhebung*) преступления через его наказание. С объективной точки зрения, это означает восстановление значимости закона, его действенности и силы. Субъективно же для самого преступника наказание становится актом признания его как разумного существа, способного осознать последствия своих действий. Таким образом, в гегелевской концепции наказание приобретает глубокий нравственный смысл – оно не просто карает, но и восстанавливает нарушенную справедливость, давая преступнику возможность через осознание своей вины примириться с законом и обществом.

Важно отметить, что Гегель видит в этом процессе не внешнее принуждение, а внутреннюю логику развития самого права, где преступление и наказание выступают как диалектические моменты становления правового порядка. Именно суд, представляя всеобщую волю, превращает абстрактное право в конкретную справедливость, ли-

шенную элементов произвола и субъективности, присущих мести [4, с. 258].

Как отмечала Т.Б. Гнеушева, в философской концепции Г.В.Ф. Гегеля существует важная взаимосвязь между преступлением и наказанием. Согласно его воззрениям, если преступная воля обладает определёнными количественными и качественными параметрами, то и наказание должно соответствовать этим характеристикам. Однако данное соответствие нельзя понимать буквально – речь идёт не о материальном тождестве, а о равноценности, то есть о соразмерности волевого акта преступника и применяемой к нему карательной меры.

При этом Гегель подчёркивал, что право формулирует лишь общий принцип возмездия, не детализируя конкретные способы его реализации. Такой подход демонстрирует диалектический метод немецкого философа, поскольку в нём прослеживается переход количественных и качественных аспектов преступления в характеристики наказания. Гегелевская диалектика меры наказания: от абстрактного принципа к конкретной справедливости. Центральным аспектом гегелевской теории наказания выступает принципиальное различие между абстрактным правом возмездия и его конкретным воплощением в правовой системе. Немецкий философ обосновывает важнейшие положения. Во-первых, он говорит о принципе соразмерности как диалектическом единстве, выделяя два аспекта: качественного аспекта (характер посягательства на свободу) и количественного параметра (степень общественной опасности) [20, с. 70].

Во-вторых, выделяются критерии определения меры наказания: уровень развития правового сознания эпохи, конкретные исторические условия, степень угрозы «наличному бытию свободы».

В-третьих, значение имеют пределы законодательного регулирования. Необходимо признать, что закон как «рассудочная форма» неизбежно несовершенен, а правовые нормы лишь приближаются к абсолютной справедливости. Любые конкретные санкции всегда относительно и исторически обусловлены [2, с. 71].

Важно отметить, что особую значимость приобретает гегелевский тезис о свободе как высшем критерии справедливости, абсолютной мере наказания, динамическом принципе, определяющем эволюцию карательных практик.

Оба философа задавались вопросом о возможности и справедливости такого наказания как смертная казнь. В частности, они критиковали идеи Беккариа том, что наказание в виде смертной казни не могло содержаться в первоначальном гражданском договоре, ибо тогда каждый в составе народа должен был бы согласиться на лишение своей жизни в случае, если он убьёт другого, но такое согласие невозможно, так как никто не может распоряжаться своей жизнью [9, с. 93].

Ранее было отмечено, что в целом И. Кант считал, что единственным наказанием, соразмерным

убийству, является смерть. Человек подвергается наказанию не потому, что он захотел его, а потому, что он захотел совершить наказуемый поступок. И. Кант резко не согласен с идеей о неправомерности смертной казни. Но все же он говорит о том, что есть два заслуживающих смертной казни преступления, относительно которых неочевидна правомочность законодательства в назначении смертной казни, к таковым преступлениям он относит убийство матерью своего зачатого вне брака ребенка и убийство при дуэли (убийство товарища по оружию). В первом случае он полагает, что если ребенок родился вне брака, то соответственно он находится вне закона и закон в таком случае его не защищает. Ребенок «как бы вкрался в общество» [11, с. 264], соответственно общество может игнорировать его существование и его уничтожение, когда позор матери в случае обнаружения информации о её внебрачном ребенке, не может быть снят каким-либо законом или указом.

Во втором случае И. Кант говорит о том, что при дуэли умерщвление происходит публично при согласии с обеих сторон, при этом лицо подвергает свою жизнь опасности, чтобы доказать свое мужество воина, на котором зиждется честь его сословия, соответственно такое умерщвление не может быть названо убийством. И. Кант, очевидно, видит в этом проявление должного поведения.

В философском осмыслении проблемы карательной справедливости возникает глубинная антиномия, когда принцип возмездия сталкивается с феноменом чести, не укладывающимся в формальные правовые рамки. Перед правовой системой встает неразрешимая на первый взгляд дилемма: либо полностью отрицать значение чести как правового понятия, что ведет к абсурдным последствиям, либо смягчать предписанное законом наказание, что подрывает сам принцип справедливости. Эта коллизия особенно ярко проявляется в случаях, когда требование категорического императива о необходимости смертной казни за убийство вступает в противоречие с исторически сложившимися представлениями о чести. Суть противоречия заключается в том, что пока правовая система остается недостаточно развитой, сохраняется разрыв между субъективными моральными установками, связанными с понятием чести, и объективными требованиями закона. В результате формально справедливое с точки зрения государства наказание может восприниматься обществом как несправедливое. Это противоречие отражает более глубокую проблему – несовпадение абстрактных правовых принципов с конкретно-историческими условиями их применения. Разрешение этой антиномии требует учета диалектической природы самого права, которое развивается через преодоление подобных противоречий между идеалом справедливости и реальными социальными отношениями [11, с. 262–263].

В.Г.Ф. Гегель также не согласен с утверждениями Беккариа по ряду пунктов. К таковым В.А. Сокольникова относит, во-первых, то, что, государ-

ство вообще не есть договор, во-вторых, что защита интересов отдельных индивидов не отражает сущности государства, в-третьих, жизнь и собственность вполне могут быть принесены в жертву государственному интересу для всеобщего начала. Следовательно смертная казнь допустима. Однако, старания Беккариа имели положительный эффект, поскольку государству и обществу стало понятно, что смертная казнь является исключительной мерой наказания [15].

Следует подытожить основные моменты подходов, предложенных И. Кантом и В.Г. Ф. Гегелем к справедливости наказания. И. Кант считал, что наказание должно выступать в качестве справедливого воздаяния за содеянное преступление и должно выступать самоцелью. При этом в основу его подхода взят принцип талиона, то есть он предлагает, чтобы наказание было равным причиненному ущербу. Однако, в этом он делает некоторые исключения, связанные, например, с понятием чести. Также он безусловно понимает, что далеко не в каждом случае возможно равное воздаяние, например, в случае смертной казни серийного убийцы. И. Кант считает возможным применение смертной казни, но невозможным помилование, так как это противоречит его представлениям о справедливости. У И. Канта в основе лежит идея карающей справедливости, когда потерпевший оценивается как представитель общества.

Г.В.Ф. Гегель трактовал наказание как возмездие, но речь идёт не о чистом возмездии, а о восстановлении права, нарушенного преступником. Гегель утверждал, что главное в наказании – это то, что оно есть неизбежное последствие преступления, это принуждение (насилие) преступника, возмездие, следующее за совершённым им насилием. Возмездие требует не арифметического равенства, а геометрической пропорциональности, равноценности. При этом суть наказания уже заложена преступником при совершении преступления. Его диалектическое понимание выражается в том, что наказание зависит от качественного и количественного объема преступления. Преступник обязан понести наказание в том числе, потому что в момент совершения преступления он потерял свободу. При этом также в представлениях о справедливости Гегеля возможно применение смертной казни в качестве исключительного вида наказания.

В заключение следует отметить, что И. Кант и Г.В.Ф. Гегель имели сходства в понимании соразмерности преступления и наказания, потому что оба отмечали важность того, что наказание должно быть оправдано с точки зрения морали и правосудия, при этом справедливость наказания есть необходимый элемент правовой системы, служащий для поддержания правопорядка и нормального состояния общества. Оба философа говорят о возмездии, хотя понимают его несколько по-разному.

И. Кант принцип соразмерности формулирует более строго, говоря о принципе талиона. Он безусловно понимал, что невозможно соблюсти аб-

солютное равенство между наказанием и преступлением, но считал, что должно быть стремление именно к этому. Г.В.Ф. Гегель более гибко подходит к решению вопроса о справедливости, указывая, что количественные и качественные характеристики преступления должны переходить в характеристики наказания. Преступник, по его мнению, поддаваясь внешним соблазнам, теряет внутреннюю свободу. Наказание уже заключено в допущенном им преступлении. В дальнейшем их идеи пытались переосмыслить многие философы.

Соразмерность преступления и наказания является одним из аспектов уголовно-правового принципа справедливости. В рассуждениях применительно к действующему законодательству более правильно формулировать его все же как соразмерность наказания совершенному преступлению, а не наоборот. Это один из фундаментальных принципов уголовного права.

Следует проанализировать, имеют ли какое-то отражение в современном российском уголовном законодательстве идеи И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В первую очередь следует отметить, что концепция «нравственного возмездия», предложенная И. Канта, и концепция «диалектического возмездия», предложенная Г.В.Ф. Гегелем в настоящее время не соответствуют действующему уголовному законодательству и принципам уголовного права в полном их понимании, что является вполне естественным с учетом того, что они являются представителями другого времени, другого государства.

Однако, часть их идей в настоящее время кажется рациональной и применимой. Например, рассуждения И. Канта о том, что право наказания – это право повелителя причинить страдание подчиненному за совершенное им преступление соотносится с принципом законности в той части, что преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, который сам по себе представляет волю законодателя. Исключается возможность так называемого самосуда. Идея об абсолютной справедливости упрощена в действующем уголовном законодательстве до соразмерности преступления и наказания, где критерием выступают обстоятельства совершения преступления, личность виновного, характер и степени общественной опасности совершенного преступления.

Говоря об идее «диалектического возмездия», разработанной Г.В.Ф. Гегелем, представляется, что его идея о том, что «отрицательное состояние преступной воли имеет свой количественный и качественный объем, то такой же объем должен содержаться и в наказании», отражается в том, что соразмерность преступления и наказания зависит от общественной опасности совершенного деяния, которая само по себе имеет количественную (степень) и качественную (характер) характеристику. Также Г.В.Ф. Гегелем упоминалось, что наказание направлено не только на возмездие, но и на восстановление социальной справедливости, что также провозглашено в действующем уголовном за-

конодательстве в качестве цели уголовного наказания.

Таким образом, очевидно, что соразмерность наказания совершенному преступлению, являющаяся составляющей принципа справедливости, тесно связана с другими принципами уголовного права. Связь настолько прочная, что можно согласиться с идеей о том, что при нарушении одного принципа страдает другой.

В настоящей работе был рассмотрен вопрос о соразмерности преступления и наказания в понимании немецких философов И. Канта и В.Г.Ф. Гегеля, а также соотношение принципа справедливости, включающегося в себя соразмерность преступления и наказания с другими принципами уголовного права.

И. Кант развивал концепцию «нравственного возмездия», которая подразумевает, что наказание есть право государства на причинение страдания за преступления. При этом И. Кант обращается к принципу талиона, в том числе отмечая, что единственным справедливым наказанием за лишение жизни является, собственно говоря, лишение жизни, хотя понимает, что полного равенства между преступлением и наказанием не всегда можно достичь. Примером случаев, когда равенство невозможно, можно назвать ситуацию, когда маньяком совершено множество убийств, в таком случае преступлением жизни было лишено множество людей, а наказание возможно лишь только в отношении самого одного преступника. В данном случае имеется определенного рода несоразмерность. И. Кант рассматривает потерпевшего от преступления как представителя всего общества, отсюда вытекает его отношение к помилованию. Оно невозможно, так как оно является несправедливым. Глава государства или иной орган, уполномоченный на принятие решения о помиловании могут принять решение о помиловании лишь в случае, если посягательство было связано с покушением на их права, но даже в таком случае необходимо здраво подходить к оценке соразмерности преступления и наказания, в том числе к оценке того, как это отразится на обществе, не будут ли затронуты права представителей общества таким помилованием.

В диалектическом подходе Г.В.Ф. Гегеля к пониманию соразмерности преступления и наказания также говорится о возмездии, но он его понимает прежде всего в том смысле, что характеристики преступления должны быть отражены в наказании. Наказание при этом логически необходимый этап, стремящийся к восстановлению нарушенного права. Оно уже заложено в самом преступлении. Г.В.Ф. Гегель говорит о том, что преступник свободен до момента, пока он руководствуется законом. После того, как он под воздействием внешних обстоятельств, совершает преступление, он теряет свою внутреннюю свободу. Велико значение этического и социального аспекта в решении вопроса о соразмерности.

Концепции «нравственного возмездия» и «диалектического возмездия» далее развивались философами, обретая новые смыслы. Безусловно в настоящее время обе концепции не могут отражаться полностью в современном понимании уголовного права, однако некоторые элементы соотносятся с идеями И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля.

Рассмотрен вопрос о соотношении принципа справедливости с некоторыми другими принципами уголовного права. Прежде всего за основу взять принцип справедливости, поскольку составной его частью как раз является соразмерность наказания совершенному преступлению. Принцип соразмерности имеет критическое значение при назначении наказания, так как последнее должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. В этом видится отражение диалектического подхода, о котором говорил Г.В.Ф. Гегель. Многие философы и юристы отмечают, что данный принцип на практике применяется с трудом, поскольку отсутствует единый критерий справедливости.

При оценке соотношения принципов между собой следует иметь в виду, что они не действуют изолированно. Так или иначе принципы взаимодействуют, влияют друг на друга. В рамках реферата был рассмотрен вопрос о соотношении принципа справедливости с принципом законности и гуманизма как наиболее обсуждаемых в философской и юридической литературе. Справедливым представляется мнение о том, что принцип справедливости в чем-то балансирует и контролирует другие принципы, так, например, принципу гуманизма он не дает перейти границы и допустить всепрощение, а принципу законности позволяет не быть чрезмерно формальным.

Выделяются три подхода при изучении вопроса о соотношении принципа законности и справедливости: позитивистский (законность – в приоритете), равенство принципов, и приоритет справедливости. В случае возникновения конкуренции между указанными принципами решение вопроса зависит от изучающего их субъекта. Однако нам представляется более верным отдавать отечать равенство и взаимную связь между принципами, когда нарушение одного влечет нарушение другого, но в случаях конфликта отдавать приоритет принципу справедливости.

Принцип справедливости определяет гуманизм, а гуманизм, в свою очередь, дополняет его. Следует рассматривать как «уравнивающую» сторону справедливости (равенство перед законом) и «распределяющую» (гуманное отношение к преступнику).

Принцип соразмерности наказания и преступления является важной частью справедливости в уголовном праве и находится в тесной связи с законностью и гуманизмом.

Соответственно следует отметить важнейший вывод, имеющий значение для диссертационного исследования, посвященному вопросу об уголовной (материальной) преюдиции. Прежде всего

вопрос учета преступления, совершенного в прошлом, при даче уголовно-правовой оценке новому деянию, тесно связан с вопросом о соразмерности наказания совершенному преступлению. Вопросы соразмерности изучались философами в различные исторические периоды, в том числе этот вопрос изучался немецкими философами. В разрезе тематики диссертационного исследования наиболее значим представляются диалектическое понимание Г.В.Ф. Гегелем соразмерности, в частности идея о переходе количественных и качественных характеристик преступления в характеристики наказания.

Литература

1. Артемов В.М. Идеи философии права И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Философия и общество. 2018. № 2. С. 61–74.
2. Бадмаева Б.Б., Дондоков Ц.С. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник ЗабГУ. 2012. № 10. С. 141–148.
3. Бурганов Р.С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 24 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Гнеушева Т.Б. Проблема наказания во взглядах И. Канта и Ф. Гегеля // Приоритетные научные направления: от теории к практике. Философские науки. 2016. № 25–2. С. 65–71.
6. Городнова О.Н. Принцип справедливости в уголовном праве сквозь призму принципов гуманизма и равенства граждан перед уголовным законом // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 143–146.
7. Грязнова Т.Е. Проблемы свободы, равенства и справедливости в политико-правовом учении Б.Н. Чичерина // Научный вестник академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 60–65.
8. Днепровская И.В. Аксиология правовой и нравственной свободы в философии Б.Н. Чичерина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 69–80.
9. Егоров А.А. Нравственные основания учения Чезаре Беккариа о преступлениях и наказаниях // Lex Russia. 2020. № 3 (160). С. 90–106.
10. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство. 1994. 367 с.
11. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
12. Кирсанова О.В. Проблема справедливости в русской этико-философской мысли (В.С. Соловьев и И.А. Ильин): автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. 23 с.
13. Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 144–165.
14. Рундквист А.Н. Соотношение принципов справедливости и законности. Критерии несправедливости закона. // Юридические исследования. 2020. № 1. С. 47–61.
15. Сокольникова В.А. Понятие неправа в философии Гегеля // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neprava-v-filosofii-gegelya> (дата обращения: 12.03.2025).
16. Соломатин С.В. Наказание как проблема нравственно-правовой философии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 20 с.
17. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 456 с.
18. Тагизаде А.Д. Принцип справедливости и законности в философии права. // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 80–90.
19. Третьяков В.И., Нифталиева И.А. Категория «справедливость» в уголовном праве: социально-философский подход // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 34–41.
20. Фивейская Л.В. Учение о наказании в философии Канта и Гегеля: от справедливости к свободе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. № 6. С. 67–75.
21. Философия права: учебник для вузов / под общ. ред. проф. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 1997. 453 с.
22. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1990. 337 с.
23. Ююкина М.В. Принцип гуманизм в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 24 с.

PROPORTIONALITY OF PUNISHMENT TO THE CRIME COMMITTED: THE PHILOSOPHICAL ASPECT (BASED ON THE WORKS OF I. KANT, G.V.F. HEGEL)

Rozhkova E.A.

Perm State National Research University

This article examines the philosophical aspect of the principle of proportionality of the punishment of a crime, in particular, attention is drawn to the works of I. Kant and G.V.F. Hegel, since their ideas are reflected in modern criminal legislation. The article also attempts to correlate the principle of proportionality with other principles of criminal law.

Keywords: proportionality, crime, punishment, principles of criminal law, repetition of crime

References

1. Artemov V.M. Ideas of the Philosophy of Law of I. Kant and G.V.F. Hegel // Philosophy and Society. 2018. No. 2. Pp. 61–74.
2. Badmaeva B.B., Dondokov Ts.S. The principle of humanism in the criminal legislation of the Russian Federation // Bulletin of ZabSU. 2012. No. 10. Pp. 141–148.
3. Burzanov R.S. Principles of criminal law and principles of sentencing: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. Rostov n / D., 2011. 24 p.
4. Hegel G.V.F. Philosophy of Law / Translated from German by V.S. Nersisyan. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.

5. Gneusheva T.B. The problem of punishment in the views of I. Kant and F. Hegel // Priority scientific directions: from theory to practice. Philosophical sciences. 2016. No. 25–2. Pp. 65–71.
6. Gorodnova O.N. The principle of justice in criminal law through the prism of the principles of humanism and equality of citizens before the criminal law // Social and political sciences. 2013. No. 1. Pp. 143–146.
7. Gryaznova T.E. Problems of freedom, equality and justice in the political and legal doctrine of B.N. Chicherin // Scientific Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (60). Pp. 60–65.
8. Dneprovskaya I.V. Axiology of legal and moral freedom in the philosophy of B.N. Chicherin // Bulletin of Leningrad State University. Pushkin. 2010. No. 3. P. 69–80.
9. Egorov A.A. Moral Foundations of Cesare Beccaria's Teachings on Crimes and Punishments // Lex Russia. 2020. No. 3 (160). P. 90–106.
10. Kant I. Critique of the Ability to Judge. Moscow: Art. 1994. 367 p.
11. Kant I. Metaphysics of Morals in Two Parts // Kant I. Works: in 6 volumes. Moscow, 1965. Vol. 4. Part 2. 478 p.
12. Kirsanova O.V. The Problem of Justice in Russian Ethical and Philosophical Thought (V.S. Soloviev and I.A. Ilyin): author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. 23 p.
13. Mamedova F.F. Justice in Criminal Law: Current State of the Issue. // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. Pp. 144–165.
14. Rundqvist A.N. The Relationship between the Principles of Justice and Legality. Criteria for the Injustice of the Law. // Legal Research. 2020. No. 1. Pp. 47–61.
15. Sokolnikova V.A. The Concept of Wrong in Hegel's Philosophy // Gaps in Russian Legislation. 2013. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neprava-v-filosofii-gegelya> (accessed: 12.03.2025).
16. Solomatin S.V. Punishment as a problem of moral and legal philosophy: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Voronezh, 2014. 20 p.
17. Sorokin P.A. Crime and punishment, feat and reward: sociological study on the main forms of social behavior and morality. Moscow: Astrel, 2006. 456 p.
18. Tagizade A.D. The principle of justice and legality in the philosophy of law. // Humanities and social sciences. 2011. No. 6. P. 80–90.
19. Tretyakov V.I., Niftalieva I.A. The category of "justice" in criminal law: socio-philosophical approach // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (70). P. 34–41.
20. Fiveiskaya L.V. The doctrine of punishment in the philosophy of Kant and Hegel: from justice to freedom // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2017. No. 6. Pp. 67–75.
21. Philosophy of law: textbook for universities / edited by prof. V.S. Nersesyants. Moscow: Norma, 1997. 453 p.
22. Chicherin B.N. Philosophy of law. Moscow: typo-lit. I.N. Kushnerev and Co., 1990. 337 p.
23. Yuyukina M.V. The principle of humanism in criminal, penal law and criminal policy and its implementation in sentencing: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Tambov, 2006. 24 p.

Миграционные процессы как угроза национальной безопасности Российской Федерации

Сычев Даниил Германович,

студент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Статья посвящена исследованию миграционных процессов в Российской Федерации (далее – РФ), которые приобретают все большую значимость не только в социально-экономическом, но и в правовом контексте. Существенный приток иностранных граждан, в том числе нелегальных мигрантов, порождает риски для внутренней стабильности, способствует росту преступности, усиливает этноконфессиональные противоречия. В этих условиях миграция становится фактором, напрямую влияющим на национальную безопасность государства. Настоящая статья направлена на правовой анализ угроз, связанных с миграцией, оценку эффективности существующих механизмов и определения возможных направлений реагирования со стороны государственных органов.

Ключевые слова: миграция, процессы, миграционная безопасность, национальная безопасность.

Миграционная безопасность представляет собой один из важнейших видов национальной безопасности государства, охватывающий комплекс мер по контролю за миграционными потоками, предотвращению угроз, связанных с миграцией, а также обеспечению правопорядка и социальной стабильности в стране. Для РФ, являющейся крупнейшей страной по территории, на которой проживает многомиллионное и многонациональное население, миграционные процессы играют ключевую роль в поддержании стабильности экономического развития, однако, миграция, помимо положительного эффекта, может нести за собой и угрозу национальной безопасности РФ. В частности, может создавать ряд угроз, таких как:

Угрозы безопасности. В условиях глобализации усиливаются риски проникновения в страну террористических элементов и экстремистских групп. Участие в международных террористических сетях или радикализация мигрантов могут представлять серьезную угрозу для безопасности страны.

Нелегальная миграция и криминализация. Председатель Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин на Петербургском международном юридическом форуме отметил, что преступная деятельность среди мигрантов выросла на 15% в первом квартале 2025 года. При этом, 65% преступлений связано с незаконным оборотом наркотиков, а число террористических преступлений с участием мигрантов возросло на 2,7%. Указанная статистика позволяет считать, что рост потоков миграции, а также недостаточное законодательное регулирование указанных процессов представляют опасность для общественного порядка РФ¹.

Культурные и этнические конфликты. Миграция из стран с различными культурными и религиозными традициями может привести к трудностям интеграции, возникновению этнических и религиозных конфликтов и т.д.

В последние десятилетия РФ сталкивается с рядом вызовов, связанных с миграцией, что ставит перед государственными органами задачу выработки эффективной миграционной политики и усиления миграционной безопасности страны.

Говоря про понятие миграционной безопасности, стоит отметить, что законодательно закрепленная дефиниция на данный момент отсутствует, отсюда, среди исследователей данной темы,

¹ Бастрыкин: Преступность среди мигрантов в РФ выросла на 15% в 2025 году: WWW.KP.RU. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6383159> (дата обращения: 30.05.2025).

возникают научные дискуссии, относительно того, что следует понимать под миграционной безопасностью.

Г.Г. Попов, приводя свое определение, опирается на Стратегию национальной безопасности и выводит его через призму понятия национальной безопасности, отмечая, что миграционная безопасность представляет собой состояние «защищенности интересов личности, общества и государства, которые могут быть подвержены угрозам в результате въезда в Российскую Федерацию, выезда из нее, пребывания и проживания на территории страны»¹. Похожее определение приводят А.В. Константинов и Е.Н. Ярмонова, которые дают расширительное толкование миграционной безопасности, говоря о том, что она представляет все то же состояние защищенности, «при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»². Иное определение дает А.В. Степанов, который в современных условиях понимает миграционную безопасность «как государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению и защите основ легальной миграции, прав и свобод человека, устойчивого миграционного порядка»³.

Исходя из приведенных выше определений можно сделать вывод о неоднозначности подходов к пониманию миграционной безопасности, вследствие чего законодателю необходимо исключить терминологический плюрализм, сформулировать и закрепить определение «миграционной безопасности».

Относительно места миграционной безопасности в системе национальной безопасности РФ необходимо сказать о неоднородности научных мнений. Так, одни авторы, например, М.В. Назаров, В.А. Лянной утверждают, что к видам национальной безопасности нельзя не отнести миграционную и демографическую, другие же, Д.В. Ермашов, Л.Л. Рыбаковский, наоборот, опровергают данный тезис. В Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ перечислены основные виды безопасности⁴, среди которых: безопасность государства, общественная и экологическая безопасность, безопасность личности и т.д. Таким образом, закон

¹ Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 10.

² Константинов А.В., Ярмонова Е.Н. Миграционная безопасность как вид национальной безопасности // II Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 3. – С. 73–77.

³ Степанов А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий // Пермский институт ФСИН России Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 75–78.

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2011 г. № 1. Ст. 2.

не причисляет к видам национальной безопасности миграционную. Похожее положение содержится и в Указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵, который хоть и расширяет сферы обеспечения безопасности, но все равно не упоминает про миграционную. На наш взгляд, такое положение представляется неверным, поскольку миграционная безопасность – это важная часть национальной безопасности, обеспечивающая защиту от угроз, связанных с миграционными процессами. В условиях роста миграционных потоков, которые влекут за собой высокую вероятность возникновения угроз, нарушения защищенности РФ, и усиления международных конфликтов, проблемы миграционной безопасности становятся все более актуальными для России и должны включаться в систему национальной безопасности страны. Именно поэтому назрела необходимость внесения изменений в правовые акты, регулирующие национальную безопасность РФ, путем отнесения к ее видам миграционной безопасности. Кроме того, необходимо законодательно определить объект, субъектов и функции правового института миграционной безопасности.

Нельзя не согласиться с Ю.А. Лялякиным в той части, что «понимание того, что миграционная безопасность является одним из отраслевых видов по отношению к национальной безопасности, требует правильной научной дифференциации всех составляющих ее элементов, что будет способствовать выработке современной правовой концепции и эффективной организационно-правовой модели системы обеспечения этого вида безопасности в Российской Федерации»⁶. Подтверждая нашу точку зрения, стоит обратиться к работе И.В. Никитенко, который считает, что указанный правовой институт миграционной безопасности должен войти в структуру национальной безопасности на нормативно-правовом уровне. Обосновывая данное положение, Илья Викторович приходит к выводу, что в феномене миграционной безопасности присутствуют признаки, которые должны стать основой для ее юридического закрепления как одного из видов национальной безопасности. В частности, среди признаков он выделяет: угрозы и риски, которые свидетельствуют о наличии источника опасности, объект безопасности, субъекты, юридические инструменты, которые позволяют миграционной безопасности обрести нормативно-правовую форму⁷.

⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁶ Лялякин Ю.А. К вопросу о месте и роли миграционной безопасности в системе обеспечения безопасности государства // II Государственная служба и кадры. – 2015. – № 4. – С. 190–192.

⁷ Никитенко И.В. Институциональные признаки миграционной безопасности как нормативно правовой категории и перспективного предмета криминологического исследования / И.В. Никитенко // Миграционное право. – 2012. – № 3. – С. 10–13.

Рассматривая тему далее, подчеркнем, что одной из основополагающих задач государства является охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим, считаем необходимым отметить, что несмотря на большое количество правовых актов, регулирующих сферу миграционных отношений, с каждым годом проблемы в применении указанного законодательства становятся все более очевидными. Оно не в полной мере отражает потребности времени, не учитывает степень опасности указанного явления и масштаб его распространения.

Разберем основные моменты, которые на наш взгляд требуют особого внимания со стороны уполномоченных органов.

Целью государственной миграционной политики является не только интеграция мигрантов в общество, но и предотвращение негативных социальных и экономических последствий, связанных с их компактным проживанием в отдельных районах. Одной из наиболее сложных и многогранных проблем в этом контексте является анклавизация территорий, где концентрируются мигранты из определенных этнических и национальных групп. Зачастую, в таких анклавных зонах возникают условия, способствующие укреплению изоляции мигрантов от общества, что, в свою очередь, приводит к ухудшению уровня общественной безопасности и, как следствие, к росту социального напряжения.

В последние годы вопросы анклавизации миграционных сообществ стали предметом активного обсуждения на уровне государственного управления. В частности, в 2023 году Президент Российской Федерации издал Указ от 12 мая 2023 г. № 342, который включил в себя изменения в Концепцию государственной миграционной политики, обозначив в ней одно из ключевых направлений – «противодействие формированию этнических (полиэтнических) анклавов»¹. Однако, законодательное регулирование данного вопроса до сих пор четко не сформулировано.

На наш взгляд, в рамках реализации данного направления необходимо выработать и внедрить целый ряд комплексных мер, направленных на предотвращение анклавизации, в том числе с использованием современных технологий. Важным инструментом может стать совершенствование миграционной политики на уровне муниципальных образований и субъектов РФ. Одним из таких инструментов является возможность введения запретов на регистрацию иностранных граждан в отдельных субъектах, что поможет предотвратить концентрацию мигрантов в одном месте и снизить риск создания замкнутых этнических анклавов.

В действующем Федеральном законе «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не пред-

усмотрена возможность установления ограничений на регистрацию мигрантов на уровне отдельных субъектов РФ. Недостаток гибкости в существующем законодательстве не позволяет оперативно реагировать на изменения миграционной ситуации в стране, что подрывает социальную стабильность и снижает качество жизни на некоторых территориях. В условиях значительных различий в экономическом и социальном развитии субъектов федерации возникает необходимость в учете локальных особенностей при управлении миграционными потоками. Таким образом, существует актуальная потребность в делегировании некоторым полномочий федеральных органов на установление ограничений по миграционному учету на определенных территориях органам власти субъектов РФ. Такое решение позволит адаптировать миграционную политику, обеспечив тем самым более эффективное управление потоками мигрантов и улучшит условия для их интеграции.

Одновременно с этим, важно использовать возможности цифровых технологий для мониторинга местонахождения иностранных граждан, что поможет предотвратить создание анклавов. В Москве и Московской области как раз будут активно применяться цифровые технологии. 23 мая 2025 года Президентом РФ был подписан закон, который предусматривает проведение до 1 сентября 2029 года эксперимента², позволяющего отслеживать местоположение мигрантов через специально разработанное приложение. Подобное использование современных технологий позволит ужесточить миграционную политику государства.

Таким образом, для решения проблемы анклавизации необходимо выработать всесторонний подход, направленный на минимизацию анклавизации и обеспечение гармоничной интеграции мигрантов в социальное и культурное пространство страны.

Попытки незаконного въезда мигрантов на территорию РФ до сих пор остаются нерешенным вопросом, затрагивающим как вопросы национальной безопасности, так и эффективность миграционной политики. Только в рамках ограниченного эксперимента МВД, проведенного в аэропортах Москвы и на одном контрольно-пропускном пограничном пункте, было выявлено более 25 тысяч случаев попыток нелегального проникновения в страну, из них 12 тысяч попыток въезда лиц, которым он запрещен по решению суда³. Эти цифры наглядно демонстрируют масштаб проблемы и необходимость системного контроля на всех рубежах, поскольку обход существующих ограничений и игнорирование судебных решений по запрету въезда

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3534.

² Федеральный закон от 23.05.2025 N 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» // СПС «Консультант – Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505834/ (дата обращения: 29.05.2025).

³ МВД России подводит итоги эксперимента по контролю миграции: News.tek.fm. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tek.fm/news/316409> (дата обращения: 31.05.2025).

представляют реальную угрозу для правопорядка и стабильности внутри государства.

Возможным вариантом решения указанного вопроса может стать расширение эксперимента на все международные аэропорты и крупные автомобильные и железнодорожные КПП РФ с последующим введением системы на постоянной основе.

Еще одной не менее важной проблемой современной миграции является зачастую необоснованный приток трудовых мигрантов в РФ, требующий пересмотра политики, которая будет направлена на регулирование их численности и назначения. В настоящее время важнейшим аспектом данной проблемы является необходимость перехода к системе целевого завоза трудовых мигрантов. Такой подход должен ограничить потоки мигрантов, не имеющих явной необходимости для трудовой деятельности в стране.

Актуальность привлечения мигрантов вызвана не только так называемой «дешевой рабочей силой», но и развитостью «теневого рынка», позволяющего уклоняться от уплаты налогов и социальных выплат. Это, в свою очередь, порождает серьезные проблемы для национальной экономики. Следовательно, ключевым вопросом для российской политики является выстраивание эффективной системы контроля за соблюдением трудового законодательства в отношении мигрантов. Важно создать устойчивый механизм санкций, который будет предотвращать нарушения со стороны работодателей, что, в свою очередь, повысит общую прозрачность рынка труда. Существенное значение имеет необходимость разработки аргументированной модели потребности российской экономики в привлечении трудовых мигрантов. Это должно быть основано на объективных потребностях различных отраслей.

На сегодняшний день значительная часть мигрантов, прибывающих в РФ, обладает низким уровнем квалификации и образования, что, в свою очередь, не способствует улучшению общего уровня конкурентоспособности экономики страны. Данная ситуация подтверждается и позицией Президента РФ, согласно которой «среди иностранных граждан, привлекаемых российскими работодателями, значительную долю составляют низкоквалифицированные работники, востребованность которых определяется зачастую как меньшими по сравнению с использованием труда граждан Российской Федерации издержками, так и недостаточно высоким в некоторых отраслях экономики уровнем технологического развития и организации труда, сокращением рабочих мест, требующих средней и высокой квалификации труда»¹. Исходя из этого, приоритет должен быть отдан привлечению высококвалифицированных специалистов, которые могут существенно повлиять на техноло-

гическое и экономическое развитие страны. Для того чтобы иностранцы, претендующие на замещение вакантных должностей, соответствующих высококвалифицированным требованиям, могли успешно конкурировать на рынке труда, необходимо разработать дополнительные механизмы подтверждения их профессиональных навыков и компетенций. Это может включать в себя создание систем оценки уровня образования и опыта, а также обязательное подтверждение квалификации через экзамены и сертификационные процедуры, соответствующие российским требованиям.

Таким образом, миграционная безопасность Российской Федерации является многогранной и динамичной категорией, решение проблем которой требует комплексного подхода, включающего как законодательные, так и практические меры. Усиление контроля за миграционными потоками, совершенствование интеграционных процессов и международное сотрудничество будут определять эффективную миграционную политику России в будущем. Только через комплексные и скоординированные усилия можно обеспечить безопасное и гармоничное сосуществование различных групп населения на территории страны, поддерживая внутреннюю стабильность и безопасность.

Литература

1. Константинов, А.В. Миграционная безопасность как вид национальной безопасности / А.В. Константинов, Е.Н. Ярмонова // II Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 3. – С. 73–77.
2. Лялякин, Ю.А. К вопросу о месте и роли миграционной безопасности в системе обеспечения безопасности государства / Ю.А. Лялякин // II Государственная служба и кадры. – 2015. – № 4. – С. 190–192.
3. Никитенко, И.В. Институциональные признаки миграционной безопасности как нормативно правовой категории и перспективного предмета криминологического исследования / И.В. Никитенко // Миграционное право. – 2012. – № 3. – С. 10–13.
4. Попов, Г.Г. Миграционная безопасность России (Институционально-правовой анализ): 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (юридические науки): диссертация ... кандидата юридических наук. Ростов н/Д, 2006. – 140 с.
5. Степанов, А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий / А.В. Степанов // Пермский институт ФСИН России Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 75–78.

¹ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

MIGRATION PROCESSES AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sychev D.G.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to the study of migration processes in the Russian Federation (hereinafter referred to as the Russian Federation), which are becoming increasingly important not only in the socio-economic, but also in the legal context. A significant influx of foreign citizens, including illegal migrants, poses risks to internal stability, contributes to an increase in crime, and intensifies ethnic and religious contradictions. In these circumstances, migration becomes a factor that directly affects the national security of the state. This article is aimed at legal analysis of migration-related threats, assessment of the effectiveness of existing mechanisms and identification of possible areas of government response.

Keywords: migration, processes, migration security, national security.

References

1. Konstantinov, A.V. Migration security as a type of national security / A.V. Konstantinov, E.N. Yarmonova // *II International Journal of Constitutional and Public Law*. – 2019. – No. 3. – P. 73–77.
2. Lyalyakin, Yu.A. On the place and role of migration security in the system of ensuring state security / Yu.A. Lyalyakin // *II Civil Service and Personnel*. – 2015. – No. 4. – P. 190–192.
3. Nikitenko, I.V. Institutional features of migration security as a normative legal category and a promising subject of criminological research / I.V. Nikitenko // *Migration law*. – 2012. – No. 3. – P. 10–13.
4. Popov, G.G. Migration security of Russia (Institutional and legal analysis): 23.00.02 – political institutions, ethnopolitical conflictology, national and political processes and technologies (legal sciences): dissertation ... candidate of legal sciences. Rostov n / D, 2006. – 140 p.
5. Stepanov, A.V. Security, national security, migration security, national migration policy: analysis of definitions, relationship of categories / A.V. Stepanov // *Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. – 2014. – No. 2 (26). – P. 75–78.

Родионов Владислав Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

Сацкевич Татьяна Константиновна,

кандидат юридических наук, доцент

Поправки 2020 года в Конституцию РФ представляют собой масштабные изменения, направленные на укрепление суверенитета, стабильности и социальной защиты страны. Среди ключевых положений – «обнуление» президентских сроков, закрепление приоритета Конституции над международными договорами, что усиливает национальный суверенитет. Дополнительно расширены полномочия Государственного Совета, что повышает роль этого органа в системе государственного управления. Подчеркнута важность защиты традиционных ценностей и института семьи. Данные поправки были одобрены на всенародном голосовании и вступили в силу в июле 2020 года, оказав значительное влияние на политическую и социальную структуру России.

Ключевые слова: президент, Конституция Российской Федерации, Россия, правительство, законодательная власть, судебная система, поправки, 2020.

Актуальность представленной темы исследования определяется тем, что поправки, которые были внесены в Конституцию РФ в 2020 году, весьма активно применяются на практике, в том числе, применялись они и в рамках выборов Президента РФ 2024 года.

Так, известно, что в соответствии со ст. 116 Конституции РФ, перед вновь избранным главой государства, Правительство РФ сложило все свои полномочия. Это также прописано в ст. 34 ФКЗ № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». В рамках данной процедуры все вице-премьеры и министры продолжают исполнять все свои обязанности, но уже в статусе временно исполняющих, а действует данный правовой статус ровно до того момента, пока не будет сформирован новый кабинет министров.

На современном этапе развития новый кабинет министров формируют на основании того регламента, который стал действовать уже после внесения поправок. В частности, в течение 2-ух недель после того, как глава вступает в должность, он представляет потенциальную кандидатуру Председателя Правительства РФ в Государственную Думу РФ и лишь после того, как ГД РФ ее утвердит, Председатель может вступить в должность. Большая часть вице-премьеров и министров назначаются исключительно после согласования с нижней палатой парламента, однако кандидатуры для этих должностей выдвигаются главой кабинета министров. Стоит отметить, что из данного правила есть некоторые исключения. Примером является министр обороны, так как его назначение невозможно без мнения Совета Федерации.

Рассматривая иные новации, стоит отметить, что изменены некоторые требования к главе государства. Так, до вступления в должность он должен проживать на территории страны не менее 25 лет и не иметь гражданства другой страны. Также отмечается, что нельзя занимать пост президента более двух сроков подряд, однако важно учитывать, что на действующего главу это правило своего распространения не находит.

Некоторые изменения коснулись и статуса главы государства, так как в настоящее время, согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, Президент РФ, кроме прочего, также обеспечивает и поддерживает гражданский мир и согласие, равно как взаимодействие и функционирование органов, которые входят в единую систему публичной власти. Полагаем, что данная норма имеет весьма тесную взаимосвязь с теми статьями, которые направлены на разрешение и на предупреждение конфликтов.

Не меньший интерес представляет и то, что ранее в Конституции РФ использовалось понятие «государственная власть», в то время как сегодня

в ней содержится указание на термин «публичная власть». Стоит отметить, что идентичными данные термины не являются, так как публичная власть в себя включает государственную и муниципальную власть, а не только власть государственную, как это было ранее.

Как было указано в настоящем исследовании ранее, глава государства будет назначать Председателя Правительства Российской Федерации, если его кандидатура была одобрена Государственной Думой (по представлению главы государства). Также глава государства имеет право на то, чтобы его от данной должности освободить. Это прямо прописано в п. «а» ст. 83. Однако в измененной ныне ст. 111 Конституции РФ усматривается обязанность ГД РФ утвердить кандидатуру перед назначением Президента РФ. Очевидно, что в настоящее время имеет место изменение термина «согласие» на понятие «утверждение». Более того, сегодня Президент РФ фактически не имеет права отказа в назначении на должность лиц, кандидаты которых ранее были утверждены ГД РФ. Это было подчеркнуто и самим Президентом РФ¹. Как отметил глава государства, данные изменения можно оценить положительно, так как это повысит значение и роль парламента и оптимизирует текущее взаимодействие между ветвями власти.

Взаимодействие Правительства РФ и Президента РФ в целом изменено. Так, как указано в ч. 1 ст. 110 Конституции РФ, на территории нашей страны исполнительную власть осуществляет Правительство РФ под руководством Президента РФ. Как в этом аспекте справедливо отмечает А.В. Безруков, это позволило закрепить место Президента РФ, который не относится к системе разделения властей и находится над Правительством РФ².

Нельзя не отметить и дополнительное право, коим был наделен при изменении Конституции РФ глава государства. Суть состоит в том, что глава государства имеет право на общее руководство Правительством РФ, а свое отражение это нашло в том, что Президента РФ наделили правом на то, чтобы председательствовать на заседаниях Правительства РФ. Сегодня это закреплено в п. «б» ст. 83 Конституции РФ.

Полагаем, что активное участие парламента в формировании в РФ Правительства является логичным и обоснованным с точки зрения разделения властей. Более того, это позволяет парламенту получить некую независимость от главы государства, что также можно оценить только с положительной точки зрения³.

¹ Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 30.06.2020).

² Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 7.

³ Дзидзоев Р.М. Правительство России: некоторые вопросы формирования и состава // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 39.

Изменения 2020 года затронули также и Председателя Правительства РФ. Так, ранее, именно он определял ключевые направления деятельности Правительства РФ в части организации его работы, однако на сегодняшний день, данное полномочие убрали, оставив только организацию работы Правительства России, без определения направлений. Представляется вполне естественным, что статус этого уполномоченного лица на фоне данных новаций был несколько изменен, однако Председатель Правительства РФ стал нести больший объем ответственности за осуществление тех полномочий, которые сегодня на Правительство РФ возложены. Стоит отметить, что данный механизм на современном этапе развития позволяет главе государства в соответствии с п. «а» ст. 83 Конституции РФ освободить Председателя Правительства РФ от той должности, которую он занимает, при этом, отставка кабинета министров в данном случае ему не требуется.

Не менее существенные изменения можно наблюдать также в рамках законодательного процесса. Так, ранее Президент РФ имел право на то, чтобы в течение 14 дней наложить вето на любой законопроект, который был принят на территории страны. Однако парламент имел все возможности для того, чтобы преодолеть данное вето, например, это было возможно в таком случае, если за принятие закона повторно проголосует не менее 2/3 от всего числа членов (сенаторов) Совета Федерации и депутатов ГД. В данном случае Президент должен был утвердить закон в течение 7 дней. Однако на сегодняшний день ситуация коренным образом изменилась, так как Президент РФ в указанных случаях имеет право обратиться в Конституционный Суд РФ с требованием о проверке конституционности законопроекта, который был принят. Отсюда следует то, что Президент РФ вполне может вернуть его в нижнюю палату не подписанным.

Как следствие, на современном этапе развития Президент РФ вполне может подвергнуть любой законопроект, который готовит Дума, проверке в Конституционном Суде РФ, что актуально для ситуаций, когда вето было обоими палатами парламента преодолено. В связи с этим, законопроект будет считаться утвержденным лишь после того, как Конституционный Суд РФ сделает вывод о том, что Конституции РФ он не противоречит. Данный опыт является уникальным, так как в большинстве стран мира, президент обладает исключительно отлагательным вето и если парламент данное вето преодолеет, то у президента не остается иного выхода, как подписать закон. Так было и на территории нашей страны, но после 2020 года все изменилось. Рассматривая нашу страну, можно предположить, что на практике может возникнуть такая ситуация, при которой Президент РФ не позволит принять нормативный акт, если Конституционный Суд признает, что он вступает в противоречия с Конституцией РФ. Полагаем, что данные изменения можно оценить с положительной точки зрения.

Весьма существенно расширились полномочия главы государства в таких областях, как организация прокуратуры и суда. Так, если раньше сам Президент РФ осуществлял назначение судей федеральных судов (однако это не касалось Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ), то сегодня Президент РФ вправе на самостоятельной основе назначать председателей и заместителей председателей судей указанных судов.

Однако Президент РФ получил возможности не только назначать, но и освобождать их от должностей, которые они занимают, а также вносить в Совет Федерации свое представление относительно прекращения полномочий Председателей, заместителей Председателей и судей Конституционного суда РФ, судей Верховного Суда РФ, председателей, заместителей и судей кассационных и апелляционных судов. Это допустимо в тех случаях, когда ими были совершены поступки, которые порочат честь и достоинство судьи, равно как в случаях, которые прямо предусмотрены ФКЗ и которые явно свидетельствуют о том, что их занятие прежней должности не является возможным. Одновременно с этим, в данном случае обязательно должен быть соблюден принцип независимости судей, который закрепление получил в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ.

Также стоит акцентировать внимание на изменениях, которым были подвергнуты полномочия Президента РФ в сфере регулирования текущей деятельности прокуратуры РФ. Так, известно, что ранее заместители и сам Генеральный прокурор РФ освобождались от должности и назначались на должность Советом Федерации по представлению Президента РФ. Однако в соответствии с правками 2020 года, заместители Генерального прокурора и сам Генеральный прокурор назначаются на свои должности только после консультации с Советом Федерации, а освобождение их от должности сегодня осуществляется только Президентом РФ. Некоторые изменения также коснулись и прокуроров, которые осуществляют свою деятельность в субъектах РФ. Так, сегодня они назначаются на должность лишь после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от занимаемой ими должности Президентом РФ. Стоит отметить, что до внесения правок 2020 года прокуроры субъектов РФ могли назначаться на должность Президентом РФ по представлению Генерального прокурора, согласованному с субъектами РФ, однако сегодня данный порядок, как было установлено выше, в стране не применяется. Также стоит отметить, что согласно нынешней редакции Конституции РФ, 30 сенаторов могут быть назначены Президентом РФ, из которых не более 7 могут быть назначены на пожизненный срок. Кроме того, экс-президент получает пожизненное право быть сенатором. Все указанные нормы позволяют нам сделать вывод о том, что конституционный статус Президента РФ на территории нашей страны был повышен.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что роль главы государства приобретает особое значение для государства и общества. Это подтверждается и в научной литературе, например, об этом в своих трудах писал А.В. Нечкин¹. В 2020 году статус Президента РФ весьма существенно изменился, а анализ редакций всех соответствующих статей позволяет нам оценить данные изменения с положительной точки зрения.

Литература

1. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 30.06.2020).
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
3. Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 7.
4. Дзидзоев Р.М. Правительство России: некоторые вопросы формирования и состава // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 39.
5. Нечкин А.В. Конституционно-правовой институт «главы государства – национального лидера» в государствах СНГ: современное состояние и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4; № 5.

CONSTITUTIONAL AMENDMENTS 2020 THEIR APPLICATION IN PRACTICE

Rodionov V.A., Satskevich T.K.

Moscow University of Finance and Law (MFUA)

The 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation represent large-scale changes aimed at strengthening the sovereignty, stability and social protection of the country. Among the key provisions are the «zeroing» of presidential terms, enshrining the priority of the Constitution over international treaties, which strengthens national sovereignty. Additionally, the powers of the State Council have been expanded, which increases the role of this body in the public administration system. The importance of protecting traditional values and the institution of the family is emphasized. These amendments were approved by a nationwide vote and entered into force in July 2020, having a significant impact on the political and social structure of Russia.

Keywords: president, Constitution of the Russian Federation, Russia, government, legislative power, judicial system, amendments, 2020.

¹ Нечкин А.В. Конституционно-правовой институт «главы государства – национального лидера» в государствах СНГ: современное состояние и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4; № 5.

References

1. Annual Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State, January 15, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed on June 30, 2020).
2. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
3. Bezrukov A.V. Constitutional reform: main directions and ways to improve the configuration of public authority in Russia // Constitutional and municipal law. 2020. No. 6. P. 7.
4. Dzidzoev R.M. Government of Russia: some issues of formation and composition // Constitutional and municipal law. 2012. No. 12. P. 39.
5. Nechkin A.V. Constitutional and legal institution of the “head of state – national leader” in the CIS states: current state and development prospects // Constitutional and municipal law. 2021. No. 4; No. 5.

Полномочия прокурора по выявлению нарушений законодательства в ходе предварительного следствия

Будяк Ярослав Константинович,

магистрант Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал (Краснодар)

E-mail: rikoshet23rus@gmail.com

Тарасов Анатолий Вячеславович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал (Краснодар), заслуженный юрист Кубани
E-mail: tarasov-av@mail.ru

В статье проведен анализ реализации полномочий прокурора в процессе надзора за соблюдением законодательства органами предварительного следствия в ходе расследования уголовных дел. Проведено исследование координирующей роли органов прокуратуры в раскрытии и расследовании преступлений. Кроме того, оценивается эффективность использования средств прокурорского реагирования на нарушения прав человека при расследовании преступлений. На обсуждение поставлены вопросы совершенствования полномочий прокурора. Исследование подчеркивает важность законности производства отдельных следственных действий. Как результат в публикации содержатся отдельные выводы и предложения по совершенствованию правовых механизмов реализации полномочий прокурора по выявлению и пресечению нарушений закона на предварительном следствии.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, прокурор, следователь, раскрытие и расследование преступлений, прокурорский надзор.

Введение

Эффективность уголовного преследования существенно зависит от своевременности раскрытия каждого преступления, а также установления всех причастных к его совершению лиц. Законность и обоснованность итогового судебного решения напрямую обусловлены качеством следственной работы по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках производства по уголовному делу.

Соблюдение законности и защита прав участников уголовного судопроизводства является основополагающей функцией прокурора.

Суд, несмотря на процессуальную независимость, формирует собственную позицию на основе материалов уголовного дела, представленных органами предварительного следствия и прокуратуры. Следственные органы играют первостепенную роль в установлении признаков состава преступления, сборе доказательственной базы виновности привлекаемого лица, квалификации деяния, определении размера материального вреда и иных значимых обстоятельств.

Установление фактических обстоятельств уголовного дела формирует фундаментальную основу для осуществления процессуальных функций участниками судопроизводства. Следственная деятельность по раскрытию преступлений преимущественно сосредоточена на всестороннем изучении доказательственной базы и выявлении объективной картины произошедшего. Результативность процессуальной работы должностных лиц органов прокуратуры, поддерживающих государственное обвинение в суде, напрямую зависит от качества проведенного расследования и полноты собранных материалов дела.

Обсуждение

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прокурор выступает уполномоченным государственным должностным лицом, реализующим функции уголовного преследования при осуществлении судопроизводства, одновременно обеспечивая надзорные полномочия за процессуальными действиями следственных органов и подразделений дознания в установленных законодательством пределах компетенции¹.

¹ Шевелева Е.В. Ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве: диссертация ... канди-

В результате реформирования органов прокуратуры в 2011 году и создания Следственного комитета РФ, органам прокурорского надзора за предварительным следствием был нанесен существенный ущерб, который можно рассматривать в двух аспектах: процессуальный и организационный.

Процессуальному аспекту ограничения полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве посвящено достаточное количество всевозможных научных публикаций и практически все они сводятся к вопросу о праве прокурора на возбуждение уголовного дела.

Организационный аспект сводится к проблемам кадрового характера. До 2011 года, нахождение структур предварительного следствия в прокуратуре создавало «кузницу кадров» для формирования профессионального ядра помощников прокурора поддерживающих государственное обвинение в уголовном судопроизводстве. В последние годы адвокатское сообщество отмечает резкое падение компетентности должностных лиц прокуратуры «стороны обвинения» в суде. Молодежь, замещающая «старые кадры», в основной массе не имеет опыта расследования уголовных дел, что зачастую приводит к существенным ошибкам: как при рассмотрении поступившего уголовного дела с обвинительным заключением, так и в ходе судебного разбирательства уголовного дела с участием прокурора.

Ментальность узковедомственной кадровой политики ограничивающая приток профессиональных кадров из других государственных структур (следственные органы МВД и СК России) постепенно преодолевается на примере отдельных регионов.

Вышеуказанные проблемы отражаются на качестве надзора за соблюдением законодательства органами предварительного следствия в ходе расследования уголовных дел.

Трудно согласиться с мнением отдельных авторов, о том, что «В связи с этим этап изучения уголовного дела в порядке ст. 221 УПК РФ в конечном счете является единственным, на котором сегодня прокурор может выявить нарушения закона и отреагировать на них...»¹.

Ограниченность времени на изучение дела и латентность нарушений закона при производстве предварительного следствия в редких случаях дают возможность выявления процессуальных нарушений прокурору в ходе утверждения обвинительного заключения. Согласно статистических данных основные нарушения закона со стороны органов предварительного следствия выявляются органами прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе прокурорских проверок, а также

в ходе проведения проверок жалоб, поступающих в порядке ст. 124 УПК РФ.

Так, согласно отчета прокуратуры Краснодарского края за 2024 г. выявлено нарушений: 1) при приеме, регистрации и рассмотрению сообщений о преступлении – 87 406; 2) при производстве следствия – 33173².

Кроме того, в процессе судебного разбирательства, при исследовании доказательств, также становятся очевидными грубые нарушения закона со стороны следователей при производстве следственных действий. Суды все чаще выносят определения о признании недопустимыми отдельные доказательства, полученные в ходе предварительного следствия.

Например, в апелляционном определении Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 24.08.2020 по делу N 55–399/2020 суд признал недопустимым протокол осмотра мобильного телефона, так как процесс «сам процесс изъятия информации из телефона не был зафиксирован с помощью технических средств»³.

В судебной практике все чаще встречаются примеры вынесения оправдательных приговоров, по результату следственных ошибок и процессуальных нарушений.

В надзорной практике прокуратуры Краснодарского края имеется один исключительный пример. Так, Президиум Краснодарского краевого суда рассмотрел материалы дела по кассационному представлению исполняющего обязанности прокурора Краснодарского края Бабаева И.А. на приговор Щербиновского районного суда Краснодарского края от 03 октября 2016 года, в отношении Головань Е.Г. В кассационном представлении был поставлен вопрос об отмене приговора Щербиновского районного суда Краснодарского края, ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела. И изложена просьба – «приговор Щербиновского районного суда Краснодарского края от 03 октября 2016 года в отношении Головань Е.Г. отменить, уголовное дело прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деяниях осужденного состава преступления»

В ходе судебного разбирательства подсудимый Головань Е.Г. отказался от данных на предварительном следствии признательных показаний и пояснил, что из-за нежелания находиться на свободе и с целью получения материального вознаграждения от работников правоохранительных органов оговорил себя в совершении всех инкриминированных преступлений. В РУФСН России по Краснодарскому краю было зарегистрировано заявление Головань Е.Г. о совершении работниками правоохранительных органов преступлений, в том чис-

дата юридических наук: 12.00.09 – Тюмень, 2008. –С.20. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004110509>

¹ Корнакова С.В. Чигрина Е.В. Проблемные вопросы реализации прокурорского надзора и ведомственного контроля на предварительном следствии. // Российский следователь. –2025. – № 1. – С. 40–44

² Отчет прокуратуры Краснодарского края за 2024 г. / https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/activity/statistics/office/result

³ Апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 24.08.2020 по делу N 55–399/2020. // Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2020 г.

ле фальсификации доказательств по настоящему делу, и в ходе проверки из ССБ РУФСН по краю получена стенограмма телефонных переговоров осужденного с указанными работниками, прослушанных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Судом исследована указанная стенограмма, согласно которой Головань Е.Г. беседует с оперуполномоченными УР том, что он оговорил себя в совершении двух преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, и помог работникам правоохранительных органов в улучшении показателей работы, за что получил от последних материальное вознаграждение¹.

Вынесение оправдательного приговора на основании кассационного представления прокуратуры, в связи с отказом прокурора от обвинения на фоне выявленных грубых нарушений уголовно-процессуального закона, фальсификации доказательств – является «апогеем» реализации надзорной функции прокуратуры.

Прокурор в уголовном процессе, несмотря на то, что на него возложены функции обвинения, призван обеспечить всеми участниками уголовного судопроизводства соблюдение Конституции РФ и исполнение федерального законодательства. И в первую очередь защитить от произвола органов предварительного следствия граждан, вовлеченных в процесс, не допустив нарушение их конституционных прав и законных интересов.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 и ст. 29, 30 Закона о прокуратуре РФ одним из направлений (отраслей) прокурорского надзора является надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Законодательно установленный порядок взаимодействия между прокурором и органами предварительного следствия закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а основные положения изложены в ст.ст. 37–39².

Детализация полномочий прокурора по надзору за органами, осуществляющими предварительное следствие закреплена ведомственным приказом Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»³.

Двойственность положения прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса была характерна и для уголовного процесса дореволюционной России и отмечалась юристами того времени. Так, Муравьев Н.В. писал: «...являясь обвините-

лем, прокурор как орган правительства обязан преследовать преступления в общественных интересах; но, будучи в то же время блюстителем закона, он ведет это преследование во имя закона, исключительно для раскрытия истины, и притом так, что до суда на нем лежит беспристрастное участие в предварительном исследовании, а на суде, где прокурор уже действует в качестве настоящего обвинителя, права его уравниваются правами подсудимого, хотя и здесь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлечение в пользу обвинения»⁴.

В процессе осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен, (ч. 2 ст. 37 УПК РФ):

«1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия;

5.1) истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;

7) рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

11) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

12) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной

¹ Дело № 44у- 44/2017 // Архив Щербиновского районного суда за 2017 г.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.06.2025)

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdadff518/

⁴ Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: практическое пособие / Н.В. Муравьев. – Москва: Университетская типография, 1889. – Том 1. Прокуратура на Западе и в России. – С. 313. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=99863> (дата обращения: 06.06.2025). – Текст: электронный.

власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета РФ с обязательным указанием оснований такой передачи;

14) утверждать обвинительное заключение по уголовному делу...;

15) возвращать уголовное дело ...следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения,... и устранения выявленных недостатков;

16) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору УПК РФ»¹.

В соответствии с обоснованным письменным запросом органов прокуратуры предоставляется полный доступ к материалам расследуемого уголовного производства для детального изучения документации.

При возникновении разногласий между руководителем следственного органа или следователем относительно требований прокурора о ликвидации нарушений федерального законодательства допущенных во время предварительного следствия, прокурор располагает полномочиями направить требование об устранении обнаруженных нарушений вышестоящему руководителю следственного органа.

При возникновении разногласий между руководителем вышестоящего следственного органа и требованиями прокурора, прокурорский работник наделен полномочиями обращения к Председателю Следственного комитета РФ либо руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти. Несогласие руководителей высшего звена с прокурорскими требованиями касательно устранения нарушений федерального законодательства во время предварительного следствия предоставляет прокурору право апелляции к Генеральному прокурору РФ, чье решение приобретает статус окончательного согласно части 6 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

При возникновении разногласий относительно законности действий в досудебном производстве между прокурором и следователем, последний направляет мотивированное письменное обоснование руководителю следственного органа для последующего уведомления надзирающего прокурора согласно части 3 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В рамках досудебного производства прокурор выполняет надзорные функции, используя предоставленные законодательством властные полномочия для обеспечения законности уголовного судопроизводства.

Так, например, органами прокуратуры Краснодарского края в 2024 году было выявлено 45350

нарушений законодательства на досудебной стадии уголовного судопроизводства, из которых: 3277 – следователями СК РФ, и 29891 – следователями МВД РФ. Прокурорами Краснодарского края было внесено 2884 представления (1378 – следователями СК РФ, и 589 – следователями МВД РФ). По итогу к дисциплинарной ответственности по мерам прокурорского реагирования было соответственно привлечено 30 – следователей СК РФ, и 1918 – следователей МВД РФ².

Дисбаланс ответственности обусловлен межведомственной зависимостью и уровнем самостоятельности должностных лиц органов предварительного следствия.

В соответствии с частью 2 статьи 37 УПК РФ, реализуется право прокурора – осуществлять проверку законности и обоснованности процессуальных решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела.

Результаты

Реформа уголовно-процессуального законодательства значительно изменила баланс полномочий между прокурором и следственными органами, существенно снизив надзорные функции прокуратуры. Процессуальное руководство расследованием сконцентрировалось преимущественно в руках руководителя следственного органа, определяющего направления работы следователя. Надзорные полномочия прокурора, сохранившиеся в ограниченном формате, реализуются опосредованно через руководителя следственного органа. При установлении обоснованности жалобы, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ, на постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, прокурор выносит мотивированное постановление об отмене незаконного или необоснованного решения следователя и направляет соответствующие материалы начальнику следственного органа, в соответствии со ст. 214 УПК РФ.

Статистическая отчетность свидетельствует, что прокуроры проверяют 82–88,5% постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Ими ежегодно отменяется 2,9–7,8% таких решений органов дознания и предварительного следствия.

В случае выявления незаконного или необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, прокурор руководствуясь ч. 6 ст. 148 УПК РФ отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направляет мотивированное постановление, с изложением конкретных обстоятельств подлежащих проверке, руководителю следственного органа.

Таким образом в Краснодарском крае за 2022 год, всего было отказано в возбуждении уголовного дела и проверено прокурором – 417510 постановлений, из них было отменено – 54649.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/\(дата_обращения_15.06.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(дата_обращения_15.06.2025))

² Отчет прокуратуры Краснодарского края за 2024 г. / https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/activity/statistics/office/result

Кроме того, согласно пункта 12 части 2 статьи 37 УПК РФ прокурор наделен полномочиями по передаче материалов доследственной проверки и уголовных дел между следственными органами, включая следователей Следственного комитета РФ¹.

На современном этапе при выявлении признаков преступления прокурор, руководствуясь ч. 2 ст. 37 УПК РФ обязан вынести мотивированное постановление о направлении материалов в следственные подразделения для проведения предварительной проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Сложности и разногласия периодически возникают на практике и становятся достоянием общественности (наиболее часто возникают противоречия между прокуратурой и Следственным комитетом РФ).

Распространенным нарушением стало нарушение сроков проведения предварительной проверки проводимой в соответствии со ст.ст. 140–145 УПК РФ. И существенной повлиять на данную ситуацию органы прокуратуры не в состоянии.

В качестве положительного примера следует отметить механизм правового регулирования в стадии возбуждения административного производства, где прокурор наделен правом вынесения правоприменительного акта с последующей передачей материалов уполномоченным органам для производства.

Интеграция информационных технологий предоставляет органам предварительного следствия реальный шанс для перехода к расследованию дел в электронном режиме. Считаем необходимым говорить о постепенном внедрении на досудебной стадии электронного уголовного дела, начиная от электронной регистрации в книге учета сообщений о преступлении, электронных жалоб участников, основных процессуальных документов постановлений следователя (О возбуждении уголовного дела; решения по ходатайствам сторон, о продлении сроков следствия; об избрании или изменении меры пресечения; о приостановлении или прекращении предварительного следствия и т.д.).

Таким образом, формирование электронного уголовного дела (с соблюдением всех мер по сохранению тайны следствия), в части накопления сканированных копий основных решений следователя по уголовному делу существенно облегчит надзорное производство органов прокуратуры. К тому же, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет обязанность следователя по предоставлению копии процессуального решения прокурору (ст.ст.ч. 4 ст. 146; ч. 2 ст. 208 ч. 1 ст. 213 УПК РФ).

В рамках протекающей в России цифровизации делопроизводства такой опыт давно распространен во многих сферах деятельности государственных учреждений (в органах здравоохранения, образовательных учреждениях, судах).

¹ Тимошенко И.И. Проблемные аспекты реализации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. // Молодой ученый. -2023.-№ 393 (486). -С.124

В МВД РФ (в органах дознания и предварительного следствия) в настоящий момент активно используется СЭД МВД – Система Электронного Документооборота. В Следственном комитете РФ внедрена система ЭДО позволяющая использовать электронные документы и цифровые подписи должностных лиц.

Однако все эти системы электронной коммуникации носят узковедомственный характер.

По мнению Карпышевой Ю.О. « Законодательно определенный порядок проведения проверки исполнения законов делает затруднительным использование ...мероприятий по обеспечению электронного взаимодействия с другими государственными органами при осуществлении надзорной деятельности»².

В настоящий момент назрела острая необходимость интеграция систем электронной коммуникации следственных подразделений СК РФ, МВД РФ и ФСБ РФ с действующим в органах прокуратуры России автоматизированным информационным комплексом (АИК) «Надзор».

В результате интегрирования должностные лица прокуратуры руководствуясь ч. 2 ст. 37 УПК РФ, согласно которой « по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящимися в производстве уголовного дела»³, смогут получить доступ к электронным уголовным делам для проведения дистанционных прокурорских проверок.

Существенно расширяться возможности проведения дистанционных прокурорских проверок органов, осуществляющих предварительное следствие с использованием искусственного интеллекта.

В 2024 году Генеральная прокуратура РФ начала внедрять в свою деятельность искусственный интеллект и нейросети. Как сообщил генпрокурор Игорь Краснов, отвечая на вопросы членов Совета Федерации. «Я подписал план по внедрению и использованию технического искусственного интеллекта, нейронных сетей для работы прокурора. В деятельность органов прокуратуры он уже внедряется». Краснов подчеркнул, что нейросети будут использоваться для аналитической работы, прогнозирования роста преступности в отдельных регионах, анализа законопроектов и других документов»⁴.

² Карпышева Ю.О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов // NB: Административное право и практика администрирования. – 2023. -№ 4. –С.18 <https://cyberleninka.ru/article/n/ovozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-inyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-prokurora-po-nadzoru-za/viewer>

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921. [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/\(дата_обращения_15.06.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(дата_обращения_15.06.2025))

⁴ Генеральная прокуратура начала внедрять в свою работу искусственный интеллект. // 24.04.2024. <https://tass.ru/politika/20634537>

Искусственный интеллект способствует улучшению качества работы правоохранительных органов благодаря автоматизации рутинных операций и анализу данных. Системы машинного обучения могут быстро обрабатывать огромные объемы информации, выявляя скрытые связи между различными событиями и лицами, что может значительно ускорить процесс расследования.

Следовательно, искусственный интеллект представляет собой перенос когнитивных способностей человека в область компьютерных и информационных технологий, исключая характерные для человека недостатки¹.

Искусственный интеллект представляет собой неотъемлемый атрибут современных и эффективных методов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать отдельные выводы и предложения.

Возврат к процессуальному механизму, ранее закреплявшему право прокурора на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, позволит существенно усилить надзорные полномочия прокурора в досудебной стадии уголовного процесса.

В действующее уголовно-процессуальное законодательство необходимо внести изменения, дополнив ст. 37 ч. 2 УПК РФ положениями, закрепляющими право прокурора на вынесение постановления о возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления, выявленных в ходе прокурорской проверки органов дознания и предварительного следствия, при незаконном отказе в возбуждении уголовного дела, а также при выявлении признаков совершенного преступления в процессе судебного разбирательства по уголовным делам.

Кроме того, в органах предварительного следствия нужно поступательно внедрить электронное делопроизводство по уголовным делам, в котором аккумулировать основные процессуальные решения следователя (в форме сканированных копий формата PDF), для всестороннего и полного электронного взаимодействия с органами прокурорского надзора и обеспечения законности производства предварительного следствия.

Использование искусственного интеллекта вкупе с интегрированной системой электронной коммуникации следственных подразделений СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ и Прокуратуры России позволит значительно расширить аналитические и информационные возможности прокуроров по выявлению нарушений законодательства на стадии предварительного следствия, а также повысить эффективность и оперативность расследования уголовных дел.

¹ Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений. // Теория и практика общественного развития. –2023. -№ 10. -С. 260. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.33>.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/\(дата_обращения_15.06.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(дата_обращения_15.06.2025))
2. О прокуратуре Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/
4. Отчет прокуратуры Краснодарского края за 2024 г. / https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/activity/statistics/office/result
5. Дело № 44у- 44/2017 // Архив Щербиновского районного суда за 2017 год
6. Карпышева Ю.О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов // NB: Административное право и практика администрирования. – 2023. -№ 4. –С.18 <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-inyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-prokurora-po-nadzoru-za-ispolneniem-zakonov>
7. Корнакова С.В. Чигрина Е.В. Проблемные вопросы реализации прокурорского надзора и ведомственного контроля на предварительном следствии. // Российский следователь. –2025. – № 1. – С. 40–44
8. Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: практическое пособие / Н.В. Муравьев. – Москва: Университетская типография, 1889. – Том 1. Прокуратура на Западе и в России. – 562 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=99863> (дата обращения: 06.06.2025). – Текст: электронный.
9. Тимошенко И.И. Проблемные аспекты реализации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. // Молодой ученый. -2023.-№ 393 (486). -С.122–126
10. Генеральная прокуратура начала внедрять в свою работу искусственный интеллект. // 24.04.2024. <https://tass.ru/politika/20634537>
11. Тарасов А.В., Темзоков А.Р. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений. // Теория и практика общественного развития. –2023. -№ 10. -С. 260. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.33>.

12. Шевелева Е.В. Ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09 – Тюмень, 2008. – 203с. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004110509>
13. Апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 24.08.2020 по делу N 55–399/2020. // Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2020 г. https://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-doc&number=3722223&delo_id=4&new=4&text_number=1

POWERS OF THE PROSECUTOR TO IDENTIFY VIOLATIONS OF THE LAW DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Budyak Ya.K., Tarasov A.V.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. North Caucasian branch (Krasnodar)

The article analyzes the implementation of the prosecutor's powers in the process of supervising compliance with the law by preliminary investigation bodies during the investigation of criminal cases. A study of the coordinating role of the prosecutor's office in the detection and investigation of crimes is conducted. In addition, the effectiveness of the use of prosecutorial response to human rights violations during the investigation of crimes is assessed. The issues of improving the prosecutor's powers are discussed. The study emphasizes the importance of the legality of individual investigative actions. As a result, the publication contains individual conclusions and proposals for improving the legal mechanisms for implementing the prosecutor's powers to identify and suppress violations of the law during the preliminary investigation.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, prosecutor, investigator, detection and investigation of crimes, prosecutorial supervision.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 21.04.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation of 17.01.1992 No. 2202–1 (as amended on 03.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472.
3. On the organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated September 17, 2021 No. 544 (as amended on February 22, 2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/
4. Report of the Krasnodar Territory Prosecutor's Office for 2024 / epp.genproc.gov.ru
5. Case No. 44u-44/2017 // Archive of the Shcherbinovsky District Court for 2017
6. Karpysheva Yu.O. On the Possibilities of Using Artificial Intelligence and Other Information Technologies in the Activities of the Prosecutor to Supervise the Implementation of Laws // NB: Administrative Law and Administration Practice. – 2023. – No. 4. – P. 18 <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-inyh-informatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-prokurora-po-nadзору-za/viewer>
7. Kornakova S.V. Chigrina E.V. Problematic issues of implementation of prosecutorial supervision and departmental control during preliminary investigation. // Russian investigator. –2025. – No. 1. – P. 40–44
8. Muravyov, N.V. Prosecutor's supervision in its structure and activities: a practical guide / N.V. Muravyov. – Moscow: University Printing House, 1889. – Volume 1. The prosecutor's office in the West and in Russia. – 562 p. – Access mode: by subscription. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=99863> (date accessed: 06.06.2025). – Text: electronic.
9. Timoshenko I.I. Problematic aspects of the implementation of the prosecutor's powers at the stage of initiating a criminal case. // Young scientist. –2023. –№ 393 (486). –P.122–126
10. The Prosecutor General's Office began to introduce artificial intelligence into its work. // 24.04.2024. <https://tass.ru/politika/20634537>
11. Tarasov A.V., Temzokov A.R. Forensic aspects of the use of artificial intelligence in the detection and investigation of crimes. // Theory and practice of social development. –2023. –№ 10. –P. 260. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.10.33>.
12. Sheveleva E.V. Responsibility for Criminal Procedure Offenses of Entities Ensuring Legality in Pre-Trial Proceedings: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.09 – Tyumen, 2008. – 203s. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004110509>
13. Appellate ruling of the Second Court of Appeal of General Jurisdiction dated August 24, 2020 in case No. 55–399/2020. // Archive of the St. Petersburg City Court for 2020 https://2ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-doc&number=3722223&delo_id=4&new=4&text_number=1

Радионов Никита Сергеевич,

аспирант Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: nikradio@bk.ru

Статья посвящена анализу института совместного банкротства супругов в российском праве. Рассматриваются теоретические и практические аспекты процедуры банкротства супругов, включая вопросы правосубъектности семьи, формирования конкурсной массы и защиты прав кредиторов. На основе актуальной судебной практики исследуются критерии, которыми руководствуются суды при объединении дел о банкротстве супругов, среди которых: процессуальная экономия, наличие общего имущества и обязательств, единство процедуры банкротства. Особое внимание уделяется различиям между добровольным и принудительным совместным банкротством, а также механизмам защиты прав добросовестного супруга. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования совместного банкротства супругов с учетом сохранения их индивидуальной правосубъектности и обеспечения баланса интересов всех участников процесса. Предлагается ограничить применение принудительного совместного банкротства исключительными случаями при наличии веских оснований и достаточных гарантий защиты прав добросовестного супруга.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, совместное банкротство супругов, процессуальное соучастие, добровольное банкротство, принудительное банкротство.

С момента введения института банкротства физических лиц в 2015 году число граждан, признаваемых банкротами, ежегодно возрастает, что указывает на растущую популярность этого механизма обеспечения финансовой безопасности и стабильности. Л.А. Емелина и С.А. Яворский справедливо отмечают, что «современная правовая система остро нуждается в фундаментальных изменениях не только правовых конструкций и механизмов семейного, гражданского и банкротного законодательства, но и в глубоком реформировании процессуального законодательства» [1, с. 44]. Также важно усовершенствование правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием законодательства о банкротстве, которое учитывает специфику реализации прав и экономической деятельности граждан, а также особенности решения экономически и социально значимых задач.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция к формированию специализированных реестров, непосредственно затрагивающих сферу семейно-правовых отношений. Одним из таких направлений является создание реестра должников по алиментным обязательствам. Согласно Федеральному закон от 29.05.2024 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве», вступившему в силу 25.05.2025 года, начал работу специальный реестр должников по алиментам, который интегрируется в уже существующий «Банк данных исполнительных производств» ФССП России. Основания для включения в этот реестр включают случаи привлечения к административной или уголовной ответственности за неуплату алиментов, наличие задолженности перед недееспособными совершеннолетними детьми, долгов перед нетрудоспособными родителями, а также нахождение лица в розыске за неуплату алиментов. Также на повестке стоит инициатива создания реестра граждан, состоящих в браке, выдвинутая в Государственной Думе РФ, в апреле 2025 года. Предполагается интеграция данного реестра в портал «Госуслуги», что позволит проверять семейное положение граждан. Безусловно, создание реестра должников по алиментам имеет четко определенные цели и механизм реализации, направленные на защиту прав несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Однако инициатива создания реестра лиц, состоящих в браке, порождает определенные вопросы. Среди них соответствие принципу неприкосновенности частной жизни, экономическая целесообразность создания масштабной информационной системы, а также

механизмы актуализации и верификации данных. Важно совместить открытость информации с необходимостью защиты персональных данных. Создание подобного реестра требует дополнительного правового обоснования и проработки механизмов реализации, учитывающих принципы разумности и соразмерности применяемых мер. Кроме этого, применительно к ниже рассматриваемой теме представляется, что создание столь расширенного реестра исключительно для цели контроля и осуществления возможности совместного банкротства супругов в РФ кажется неоправданной тратой бюджетных средств.

Важным аспектом, выходящим за рамки вышеупомянутой тематики, является вопрос правового регулирования статуса лиц, длительно проживающих совместно, но не зарегистрировавших официальный брак, равно также как и в обратной ситуации – продолжении совместного проживания после расторжения брака. Поскольку, как справедливо отмечает Е.А. Усачева, «фактическое прекращение брачных отношений предполагает утрату лично-доверительных отношений и экономической общности супругов, что должно учитываться при рассмотрении имущественных споров» [2, с. 91]. В определении от 07.06.2024 по делу № А17–7667/2023 Арбитражный суд Ивановской области, анализируя взаимоотношения должника супруга и супруги, выявил следующие обстоятельства, свидетельствующие о наличии фактических брачных отношений: совместное проживание в гостиничных номерах в разные периоды времени; использование должником транспортного средства, принадлежащего супругу; регистрация супруги по месту жительства в жилом помещении, принадлежащем должнику; регистрация юридического лица супруги по адресу квартиры должника; проживание матери должника в спорной квартире после ее отчуждения; направление счетов за электроснабжение на имя должника после продажи квартиры.

Данный подход отражает тенденцию к расширительному толкованию понятия заинтересованности в делах о банкротстве. При этом важно отметить, что формальные признаки (например, регистрация по одному адресу) сами по себе не являются достаточным основанием для признания лиц заинтересованными. Полагаем, что для установления фактических брачных отношений необходимо наличие совокупности признаков: совместное проживание; ведение общего хозяйства; поддержание семейных отношений. В приведенном деле суд установил всю совокупность данных признаков, что позволило признать сделку недействительной в силу злоупотребления правом (ст. 10, 168 ГК РФ). В перспективе представляется целесообразным законодательное закрепление критериев установления фактических брачных отношений для целей законодательства о банкротстве, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Возвращаясь к проблеме совместного банкротства супругов, с точки зрения теории права пра-

восубъектность включает элементы, такие как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Однако семья, как социальный институт, не обладает всеми этими элементами в полной мере. В юридической литературе отмечается, что «до настоящего времени остается неопределенным вопрос о наличии у самого юридического лица собственного интереса» [3, с. 188]. Данная проблема усугубляется при банкротстве супругов, когда необходимо определить схожий общий имущественный интерес. У семьи отсутствует самостоятельная правоспособность, несмотря на отдельные аспекты, представленные в различных отраслях, таких как жилье, что видно на примере ипотеки, выдаваемой молодой семье. Нет механизма для формирования и выражения воли семьи как единого субъекта, а также отсутствует реестр семей как таковой, что затрудняет определение даты начала существования семьи, как субъекта. Что касается банкротства неперсонифицированного имущества, следует отметить, что имущество само по себе не может считаться банкротом, так как оно не является также не является субъектом права: процедура банкротства в России предназначена для правосубъектных образований, а не для имущественных масс. В случае с общим имуществом супругов говорится о режиме имущества, а не о самостоятельном субъекте. Более корректным представляется подход, при котором речь идет не о банкротстве семьи как единого субъекта, а о процессуальном соучастии супругов в деле о банкротстве. Этот подход включает особый порядок формирования конкурсной массы из общего имущества и специальные правила удовлетворения требований кредиторов каждого из супругов. Таким образом, наделение семьи свойствами правосубъектного образования и признание возможности её банкротства как единого субъекта представляется теоретически необоснованным и практически нецелесообразным. Более обоснованным является совершенствование механизмов совместного банкротства супругов с учетом сохранения их индивидуальной правосубъектности.

Рассматривая вопрос индивидуальной правосубъектности, укажем, что согласно постановлению от 29.05.2024 по делу № А41–40445/2019, Арбитражный суд Московского округа применил по аналогии нормы главы 28.2 АПК РФ о групповых исках к рассмотрению требований кредиторов в банкротстве. Полагаем, что это свидетельствует о формировании процессуального подхода, при котором кредиторы рассматриваются как общность лиц, имеющих общий интерес в деле о банкротстве. Кроме этого, особого внимания заслуживает развиваемый судом подход к оценке имущества супругов как цельного имущественного комплекса. Как указано в постановлении: «Режим общей совместной собственности предполагает оценку имущества супругов как цельного имущественного комплекса, включающего в себя вещи, имущественные права и общие долги супругов, а не набор отдельных объектов прав (активов) обязательств

(пассивов).» Представленные тезисы позволяют развить концепцию супругов как формы общности, аналогичной той, что существует на стороне кредиторов, но в данном контексте рассматриваемой на стороне должника. Категория «общности» уже встроена в рамки банкротства физических лиц, что открывает пути для поиска решений, которые могут способствовать рассмотрению, а возможно и признанию, совместного банкротства супругов на практике. Такое понимание способствует дальнейшему исследованию и разработке правовых механизмов, учитывающих специфические особенности имущественных отношений между супругами в процессе банкротства.

Знаковым для развития института банкротства граждан, в том числе супругов, стал прецедент, созданный Арбитражным судом Кировской области в деле № А28–13028/2022. Суд завершил процедуру банкротства физического лица, который состоял в браке, без участия финансового управляющего. Данное дело демонстрирует возможность проведения процедуры банкротства без финансового управляющего даже при наличии семейных правоотношений, что особенно актуально для случаев совместного банкротства супругов. Суд опирался на п. 10 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023. Для процедуры совместного банкротства супругов данный прецедент имеет особое значение, поскольку подтверждает приоритет права на судебную защиту над формальными требованиями. Представляется, что дальнейшее развитие института совместного банкротства супругов должно идти по пути упрощения процедуры при сохранении необходимых гарантий прав кредиторов и третьих лиц. Вместе с тем, остается открытым вопрос о применимости данного подхода к процедуре совместного банкротства супругов в полном объеме, поскольку такая процедура предполагает более сложный механизм формирования конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов.

Рассматривая вопрос о допустимости совместного банкротства супругов и анализируя судебную практику, можно отметить, что суды при принятии решений об объединении дел о банкротстве руководствуются рядом критериев. Один из ключевых факторов – процессуальная экономия и упрощение порядка реализации имущества. Например, в деле № А66–11040/2017 Арбитражный суд Тверской области, объединив дела супругов, подчеркнул необходимость минимизации расходов, связанных с процедурой реализации имущества, а также сокращения временных затрат, возникающих при распределении средств от его продажи. Аналогичная позиция была выражена Арбитражным судом Саратовской области 05.06.2023 года в деле № А57–26081/2016. Кроме того, важным аспектом является наличие общего имущества супругов. В деле № А66–11040/2017 суд установил, что супруги Волковы владеют общими долями

в нежилых помещениях, что послужило основанием для объединения дел. Примечательно, что даже расторжение брака не препятствует объединению дел в случае наличия общего имущества. Также существенным фактором является наличие общих обязательств супругов, включая общих кредиторов и солидарные обязательства. В указанном деле № А66–11040/2017 суд учел наличие долговых обязательств супругов перед ПАО «Росгосстрах Банк» и АКБ «Пробизнесбанк». Важным аргументом в пользу объединения дел о банкротстве супругов является единство процедуры банкротства. Например, в деле № А32–11416/2018 Арбитражный суд Краснодарского края принял во внимание тот факт, что в отношении обоих супругов была введена процедура реализации имущества, что способствовало объединению дел в рамках единого процесса.

Необходимо отметить, что после объединения дел финансовый управляющий обязан вести отдельно как реестр требований кредиторов по общим обязательствам супругов, так и реестры требований кредиторов по личным обязательствам каждого из супругов. Вероятно, такая излишняя перегруженность арбитражного управляющего работой может послужить отказом в принятии заявления или объединения дел. Но, между тем, как показывает ранее приведенная практика, банкротство гражданина возможно и без финансового управляющего, что отчасти также подтверждается и наличием процедуры внесудебного банкротства граждан в МФЦ.

Законодательство о банкротстве не содержит специальных норм, регулирующих процедуру совместного банкротства супругов. Как следует из определения Арбитражного суда Липецкой области по делу № А36–6752/2022 от 12.08.2022, семья не является субъектом в рамках дела о банкротстве физических лиц и не наделена правоспособностью в делах о несостоятельности. Права и обязанности в процедуре банкротства предоставляются каждому из супругов индивидуально. Важно отметить, что Закон о банкротстве не предусматривает возможность банкротства двух или более должников в рамках одного дела, наличие общих обязательств супругов не является основанием для совместного рассмотрения дела об их банкротстве. При этом, согласно п. 7 ст. 213.6 Закона о банкротстве, имущество гражданина, находящееся в общей собственности с супругом, подлежит реализации по общим правилам. Супруг вправе участвовать в деле о банкротстве при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. Показательным является определение Арбитражного суда Орловской области по делу № А48–9380/2017 от 04.07.2023, которым было отказано в удовлетворении ходатайства финансового управляющего об объединении дел о банкротстве супругов (один из которых умер) в одно производство. Согласно п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48, суд вправе объединить уже возбужденные дела о банкротстве супругов

только в случае, если такое объединение соответствует целям эффективного правосудия. Таким образом, действующее законодательство исходит из принципа индивидуального рассмотрения дел о банкротстве каждого из супругов. Объединение дел возможно только в исключительных случаях при наличии соответствующего обоснования целесообразности такого объединения.

Необходимо ли супругам проходить процедуру банкротства совместно, особенно в случаях принудительного или добровольного банкротства – это вопрос, который требует отдельного рассмотрения. При принудительном банкротстве важно учесть, как будут защищены права и законные интересы второго супруга, который может занимать ответственный пост или владеть акциями и долями. Ведь последствия банкротства могут негативно сказаться на таком супруге, например, лишит его должности, что подрывает благополучие семьи в целом и может использоваться, например, в качестве средства мести. Полагаем, что логичнее было бы рекомендовать совместное банкротство исключительно в добровольном порядке. Если говорить о добровольном банкротстве, совместное банкротство супругов имеет смысл, когда в наличии находится общее имущество, существуют общие обязательства, и сами супруги выражают желание пройти эту процедуру вместе, что ведет к процессуальной экономии. При принудительном банкротстве возникает ряд рисков относительно прав добросовестного супруга. Для защиты интересов добросовестного супруга предлагается ограничить принудительное совместное банкротство только случаями, где имеется доказательство общих обязательств и существенного общего имущества, при отсутствии злоупотребления правом инициировавшего банкротство супруга. Важно отметить, что существуют механизмы защиты интересов добросовестного супруга. Суд обладает правом отказывать в объединении дел, если это может существенно ухудшить его положение, и может выделить дела в отдельные производства. Таким образом, принудительное совместное банкротство должно применяться только в исключительных случаях, при наличии веских оснований и достаточных гарантий защиты прав добросовестного супруга.

Литература

1. Емелина Л.А. Правовая неопределенность при совместном банкротстве супругов / Л.А. Емелина, С.А. Яворский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 11. – С. 44.
2. Усачева, Е.А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов / Е.А. Усачева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 4. – С. 91.
3. Козлова, А.С. Понятие предпринимательской группы для целей несостоятельности / А.С. Козлова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 2. – С. 188.

JOINT BANKRUPTCY OF SPOUSES: FEATURES AND APPLICATION PRACTICE

Radionov N.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the institution of joint bankruptcy of spouses in Russian law. The theoretical and practical aspects of the bankruptcy procedure of spouses are considered, including issues of legal capacity of the family, formation of the bankruptcy estate and protection of the rights of creditors. Based on current judicial practice, the criteria that courts are guided by when combining cases of bankruptcy of spouses are examined, including: procedural economy, the presence of common property and obligations, the unity of the bankruptcy procedure. Particular attention is paid to the differences between voluntary and forced joint bankruptcy, as well as mechanisms for protecting the rights of a bona fide spouse. The author comes to the conclusion about the need to improve the legal regulation of joint bankruptcy of spouses, taking into account the preservation of their individual legal capacity and ensuring a balance of interests of all participants in the process. It is proposed to limit the use of forced joint bankruptcy to exceptional cases in the presence of compelling grounds and sufficient guarantees for the protection of the rights of a bona fide spouse.

Keywords: bankruptcy of individuals, joint bankruptcy of spouses, procedural complicity, voluntary bankruptcy, forced bankruptcy.

References

1. Emelina L.A. Legal uncertainty in case of joint bankruptcy of spouses / L.A. Emelina, S.A. Yavorsky // Arbitration and civil procedure. – 2024. – No. 11. – P. 44.
2. Usacheva, E.A. Legal consequences of the actual termination of marital relations for the property relations of spouses / E.A. Usacheva // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – No. 4. – P. 91.
3. Kozlova, A.S. The concept of an entrepreneurial group for the purposes of insolvency / A.S. Kozlova // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 2. – P. 188.

Заведомо ложная информация как категория уголовного права: проблемы доказывания и границы допустимой уголовной репрессии

Чижова Елена Сергеевна,

аспирант ФГБОУ ВПО «Мелитопольский государственный университет»

E-mail: 110sk@mail.ru

Статья посвящена анализу категории заведомо ложной информации как объекта уголовно-правового регулирования. В центре внимания – проблемы квалификации и доказывания умысла на распространение ложных сведений, особенно в рамках статьи 207.3 УК РФ. Рассматриваются вопросы правовой определенности, различия между ложной, недостоверной и оценочной информацией, а также критерии общественной значимости. Отмечаются риски чрезмерного ограничения свободы выражения мнений при отсутствии нормативно закрепленных понятий. Автор предлагает пути совершенствования уголовного законодательства, включая введение легальных определений и разработку методических рекомендаций по доказыванию субъективной стороны. Статья направлена на формирование сбалансированного подхода к уголовной ответственности в информационной сфере.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, свобода слова, общественно значимая информация, доказывание умысла.

Актуальность исследования, посвященного уголовно-правовой квалификации заведомо ложной информации, определяется одновременно доктринальными, правоприменительными и социополитическими факторами. В условиях трансформации информационного пространства, усиленного влиянием цифровых коммуникаций и международной напряженности, резко возросла значимость правовой регламентации распространения сведений, способных повлиять на общественное мнение и подорвать основы государственной безопасности. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в регулировании информации, касающейся деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, что нашло отражение в появлении специальной нормы – статьи 207.3 УК РФ [10].

Применение данной статьи на практике вызвало широкий общественный и научный резонанс, прежде всего в связи с неопределенностью понятийного аппарата, отсутствием четких критериев «заведомости» и «общественной значимости» информации, а также рисками чрезмерного ограничения свободы выражения мнения, гарантированной Конституцией Российской Федерации и международными правовыми актами. Наряду с этим, отмечается высокая сложность доказывания субъективной стороны рассматриваемого состава преступления, поскольку умысел на распространение именно ложных сведений требует специфических методов установления – включая лингвистические, психолого-филологические и комплексные экспертизы [8, с. 379].

Кроме того, в научной литературе и судебной практике отсутствует единый подход к разграничению понятий «ложность», «недостоверность» и «оценочное суждение», что приводит к расширительному толкованию уголовного закона и потенциальным злоупотреблениям. В этих условиях исследование категории заведомо ложной информации в уголовном праве приобретает не только теоретическое, но и практическое значение, связанное с обеспечением правовой определенности, соразмерности уголовной репрессии и защиты основ конституционного строя.

Категория «заведомо ложной информации» представляет собой ключевой элемент в структуре ряда уголовно-правовых составов, включая, в частности, статью 207.3 УК РФ. Несмотря на формальное наличие этих норм, доктринальное осмысление данного понятия остается фрагментарным, а судебная практика демонстрирует значительные трудности в его конкретизации и правоприменении. Это обусловлено как отсутствием легального

определения, так и семантической неоднородностью используемых понятий.

В рамках уголовно-правовой доктрины различают три близких, но не тождественных феномена: ложная информация, недостоверная информация и оценочное суждение. Ложная информация понимается как сведения, не соответствующие действительности и подлежащие объективной проверке. Недостоверная информация – более широкое понятие, охватывающее как заведомо ложные сведения, так и те, которые распространены без должной проверки или в силу добросовестного заблуждения. Оценочные суждения, напротив, не подлежат верификации, поскольку отражают мнение автора и, как правило, не образуют состава преступления, даже если они неблагоприятны для объекта критики [1, с. 99].

Особенность «заведомой ложности» состоит в субъективной составляющей – осознании лицом несоответствия распространяемой информации действительности. Таким образом, заведомо ложная информация – это информация, относительно которой лицо точно знает, что она не соответствует реальности, и тем не менее принимает решение о ее распространении. Именно данное знание и волевое отношение к ложности отличает уголовно наказуемое поведение от граждански-правового проступка либо от административного правонарушения.

Некоторые исследователи подчеркивают, что заведомость ложности не может презюмироваться, а должна быть предметом доказывания с учетом всех обстоятельств дела. При этом само понятие «информация» в уголовном праве до сих пор остается концептуально неразработанным: законодатель избегает его определения, что приводит к расширительной интерпретации. В ряде случаев к информации отнесены мнения, суждения или даже предположения, что создает риск уголовного преследования за выражение взгляда, отличного от официальной позиции государства [11, с. 423].

Отдельную проблему представляет квалификация информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации. Практика применения статьи 207.3 УК РФ возникают вопросы о границах допустимой критики, праве на альтернативную интерпретацию событий и допустимости ретрансляции сведений, опубликованных в иностранных или альтернативных источниках. Возникает коллизия между необходимостью защиты военной тайны, авторитета армии и государственной безопасности – с одной стороны, и гарантией свободы слова, научной и журналистской деятельности – с другой. При отсутствии четких нормативных ориентиров подобные дела приобретают не правовой, а идеологический характер.

Вопрос о доказывании субъективной стороны состава преступления, связанного с распространением заведомо ложной информации, является одним из наиболее острых как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Особенность этой категории заключается в том, что уголовная от-

ветственность наступает не за сам факт несоответствия сведений действительности, а за умышленное распространение информации, в ложность которой виновный был осведомлен заранее. Таким образом, ключевым элементом становится заведомость, понимаемая как осознание лицом ложности распространяемой информации и наличие прямого умысла на ее распространение.

Уголовно-процессуальные стандарты доказывания требуют, чтобы субъективная сторона преступления подтверждалась конкретными доказательствами, в том числе – высказываниями обвиняемого, его поведением до и после инкриминируемого деяния, анализом источников информации, которыми он пользовался, и формой подачи сведений. Ситуация усугубляется тем, что в информационной сфере распространение сведений происходит зачастую без предварительной верификации: пользователь пересылает или комментирует информацию, полученную из внешнего источника, не будучи ее автором и не имея уверенности в ее достоверности. В такой ситуации презюмировать знание о ложности было бы неправомерно. Как справедливо отмечает А.В. Бриллиантов, презумпция вины противоречит принципу презумпции невиновности и подрывает фундаментальные гарантии справедливого уголовного процесса [2, с. 85].

Доказательством заведомости может служить способ подачи информации. Если сведения изложены с категоричностью, как бесспорно достоверные, при этом не ссылаются на проверенные источники, суд может расценить это как индикатор заведомого характера. Однако такой подход подвергается критике, поскольку игнорирует стилистические особенности речи, уровень образования обвиняемого, специфику жанра (например, сатиры или гиперболы), а также возможность искажения смысла при репосте. Для оценки заведомости важную роль играет лингвистическая и психолого-филологическая экспертиза. Эксперт анализирует форму выражения сведений, степень категоричности, лексико-семантические признаки убежденности субъекта в истинности или ложности сказанного. Однако, как подчеркивает И.М. Пхешхова, даже при наличии экспертного заключения заведомость не может считаться доказанной автоматически – это лишь вспомогательный инструмент для следствия и суда, а не конечный критерий виновности [6, с. 309].

В условиях цифрового производства и распространения информации, особенно с учетом появления фейков, созданных нейросетями, вопрос о субъективной стороне приобретает новое измерение. Технологическая легкость создания и репостинга контента, снижение порога участия в коммуникации и отсутствие навыков медиаграмотности у большинства пользователей требуют крайне осторожного подхода к уголовной оценке их поведения [3, с. 102].

Наиболее часто встречающееся в доктрине определение исходит из того, что общественно значимая информация – это сведения, способные по-

влиять на реализацию прав и законных интересов неопределенного круга лиц, а также на состояние общественного порядка, безопасность государства, здоровье населения или иные блага, охраняемые законом. Такая трактовка, однако, страдает от чрезмерной широты и допускает значительный простор для расширительного толкования. В условиях отсутствия легального закрепления это создает ситуацию правовой неопределенности, что недопустимо в сфере уголовного законодательства, основанного на принципе точности и недвусмысленности правовых норм.

Особенно проблематичным оказывается вопрос об отнесении к общественно значимой информации сведений о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Согласно статье 207.3 УК РФ, уголовно наказуемым признается публичное распространение заведомо ложной информации, содержащейся в материалах о применении ВС РФ, выполнении ими своих задач, а также действиях государственных органов за пределами территории страны. В научной литературе предлагается рассматривать общественно значимую информацию как информацию, имеющую потенциальную социальную резонансность и влияющую на сферу публичных интересов [7, с. 215].

Однако такая характеристика должна быть объективной и операционализированной – то есть опираться на конкретные критерии, а не оценочные суждения суда или следствия. Например, в качестве критериев могут использоваться: количество охваченной аудитории, вовлеченность СМИ, реакция официальных структур, потенциальное влияние на общественную безопасность.

Таким образом, отсутствие четкого определения предмета преступления в виде общественно значимой информации существенно подрывает правовую определенность уголовно-правового запрета. В этих условиях возникает необходимость в доктринальной и законодательной конкретизации данного элемента состава преступления. Альтернативным решением может стать разработка соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, где должны быть предложены критерии отграничения общественно значимых сведений от частных, а также определены условия, при которых возможна их уголовно-правовая охрана.

Вопрос о допустимых пределах уголовной репрессии в сфере распространения заведомо ложной информации требует особого внимания в связи с усилением уголовно-правового реагирования на распространение сведений, противоречащих официальной позиции государства [9]. Особенно это касается сферы охраны общественной безопасности и информационного суверенитета в условиях военного конфликта или угрозы его возникновения. При этом уголовное право по своей природе должно выступать мерой крайнего воздействия (*ultima ratio*), применяемой исключительно в случаях, когда иные средства правового реагирования ока-

зываются неэффективными или недостаточными [4, с. 22].

В рамках статьи 207.3 УК РФ наблюдается расширительное истолкование уголовно-правового запрета, что нередко приводит к привлечению к ответственности лиц, выразивших мнение, ретранслировавших информацию из открытых источников или поставивших под сомнение достоверность официальной позиции. Одним из ключевых рисков является отсутствие разграничения между альтернативной интерпретацией событий и заведомо ложной информацией. Если уголовная ответственность наступает за высказывания, основанные на субъективной оценке происходящего, при отсутствии явной и доказанной лжи, то фактически создается механизм уголовного преследования за инакомыслие, что несовместимо с принципами правового государства. Как справедливо отмечается в научной литературе, любое уголовное ограничение свободы выражения мнения требует убедительного обоснования общественной опасности деяния, а также подтверждения прямого умысла на причинение вреда охраняемым уголовным законом благам [5, с. 244].

Кроме того, необходимо учитывать пропорциональность наказания. Сравнение санкций по статье 207.3 УК РФ с аналогичными составами показывает несоразмерность возможных последствий: многолетние сроки лишения свободы за действия, не причинившие реального вреда, подрывают легитимность уголовного закона. Также обращает на себя внимание избирательность правоприменения: за схожие действия разные лица могут нести кардинально различную ответственность – от отказа в возбуждении уголовного дела до обвинительного приговора с реальным сроком. Такая непоследовательность указывает не на правовую природу реагирования, а на политико-идеологическую направленность применения нормы, что противоречит требованиям единообразия и предсказуемости правоприменения.

Прежде всего, представляется обоснованным введение в уголовное законодательство легального определения термина «заведомо ложная информация». Отсутствие такой дефиниции приводит к произвольному расширению состава преступления, позволяет подменять фактическую ложность субъективной оценкой правоприменителя. В качестве модели определения может быть использована конструкция, отражающая как объективный, так и субъективный критерии: сведения, не соответствующие действительности, распространенные лицом, достоверно осознававшим их ложность.

Не менее важным направлением является уточнение понятия «общественно значимой информации», поскольку чрезмерная широта формулировки создает правовую неопределенность. Возможно закрепление закрытого перечня тематических блоков (например, информация о чрезвычайных ситуациях, эпидемиях, применении вооруженных сил, обеспечении безопасности населения), сопровождаемого указанием на критерии общественного

резонанса, подлежащие объективной оценке. Особое внимание должно быть уделено методологическим основам доказывания субъективной стороны состава. Необходима выработка единых подходов к применению экспертных методов, прежде всего лингвистических и психолого-филологических экспертиз. В этой связи целесообразно разработать и утвердить методические рекомендации или ведомственные стандарты, исключающие произвольное толкование высказываний обвиняемых.

В целях минимизации рисков чрезмерной репрессии рекомендуется рассмотреть введение дифференциации ответственности в зависимости от тяжести последствий, характера распространения (публичное заявление, репост, комментарий), а также добросовестности источника. В случаях отсутствия явного умысла возможно применение мер административного воздействия, опровержения или медиации.

Анализ уголовно-правовой категории заведомо ложной информации позволяет сделать вывод о высокой степени неопределенности как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Основная трудность заключается в установлении субъективной осведомленности лица о ложности распространяемых сведений и в разграничении критических высказываний от фальсифицированной дезинформации. Отсутствие нормативного закрепления ключевых понятий – «заведомость», «общественно значимая информация» – делает уголовное регулирование в данной сфере уязвимым с точки зрения соблюдения принципов правовой определенности, вины и соразмерности наказания.

Представляется, что уголовное право должно оставаться средством крайнего вмешательства в информационные процессы, применяемым исключительно в случаях, когда деяние сопряжено с доказанным прямым умыслом и реальной общественной опасностью. В иных ситуациях целесообразно использование альтернативных правовых механизмов – административных, гражданских или публично-коммуникативных. Реформирование законодательства и развитие правоприменительной практики в направлении уточнения критериев уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации позволит обеспечить соблюдение как интересов государственной безопасности, так и конституционно закрепленных прав и свобод граждан, укрепляя основы правового государства.

Литература

1. Азаренкова Е.А., Мордовец А.А., Старых С.М. Угрозы общественной безопасности, связанные с публичным распространением заведомо ложной информации // Современное общество и право. 2023. № 5 (66). С. 98–105.
2. Бриллиантов А.В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных

Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. 2023. № 10. С. 82–92.

3. Идрисов Н.Т. Аномия современного российского общества и состояние уголовного права (на примере уголовно-правовых запретов на публичное распространение заведомо ложной информации) // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 101–105.
4. Ильяшенко Е.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия // Российский следователь. 2023. № 5. С. 20–23.
5. Пантюшина А.И. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ): особенности объективной стороны состава преступления // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 243–246.
6. Пхешхова И.М. Объект и предмет публичного распространения заведомо ложной информации (ст. ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 309–310.
7. Пхешхова И.М. Объективная сторона публичного распространения заведомо ложной информации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 11 (174). С. 215–216.
8. Степанов-Егиянц В.Г., Абазехова З.И. К вопросу о криминализации распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 378–380.
9. Тарасов О.И. Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 42–47.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
11. Шамаев А.М. Распространение заведомо ложной информации как основание привлечения к юридической ответственности // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 423–424.

KNOWINGLY FALSE INFORMATION AS A CATEGORY OF CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF PROOF AND THE LIMITS OF PERMISSIBLE CRIMINAL REPRESSION

Chizhova E.S.
Melitopol State University

The article examines the category of deliberately false information within the framework of criminal law. It focuses on the issues of qualification and proof of intent to disseminate false statements, particularly under Article 207.3 of the Russian Criminal Code. The paper analyzes the legal uncertainty surrounding distinctions between false, unreliable, and evaluative information, as well as criteria for determining public significance. The author highlights the risks of excessive restriction on freedom of expression due to the absence of legal definitions and proposes improvements to legislation, including legal clarification and methodological guidance for proving intent.

The study seeks to promote a balanced approach to criminal liability in the information sphere.

Keywords: deliberately false information, freedom of speech, publicly significant information, intent proof.

References

1. Azarenkova E.A., Mordovets A.A., Starykh S.M. Threats to public safety associated with the public dissemination of deliberately false information // *Modern society and law*. 2023. No. 5 (66). pp. 98–105.
2. Brilliantov A.V. On responsibility for spreading deliberately false information and discrediting the use of Armed Forces: a comparative analysis // *Russian Justice*. 2023. No. 10. pp. 82–92.
3. Idrisov N.T. Anomie of modern Russian society and the state of criminal law (on the example of criminal law prohibitions on the public dissemination of deliberately false information) // *Legal Science*. 2022. No. 6. pp. 101–105.
4. Ilyashenko E.A. Criminal liability for the public dissemination of deliberately false socially significant information, which entailed grave consequences // *A Russian investigator*. 2023. No. 5. pp. 20–23.
5. Pantyushina A.I. Public dissemination of deliberately false socially significant information, which entailed grave consequences (art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of the objective side of the crime // *Eurasian Law Journal*. 2022. № 12 (175). pp. 243–246.
6. Peshkhova I.M. Object and subject of public dissemination of deliberately false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Eurasian Law Journal*. 2022. № 10 (173). pp. 309–310.
7. Pyeshkhova I.M. The objective side of the public dissemination of deliberately false information // *Eurasian Law Journal*. 2022. No. 11 (174). pp. 215–216.
8. Stepanov-Egiyants V.G., Abazekhova Z.I. On the issue of criminalizing the dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation // *Eurasian Law Journal*. 2022 No. 3 (166). pp. 378–380.
9. Tarasov O.I. Fate as a category of legal knowledge: philosophical and legal interpretations // *Legal Science*. 2025. No. 4. pp. 42–47.
10. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (as amended on 04/21/2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 06/17/1996. No. 25. Art. 2954.
11. Shamaev A.M. Dissemination of deliberately false information as a basis for bringing to legal responsibility // *Eurasian Law Journal*. 2022. No. 3 (166). pp. 423–424.

Правовая природа односторонних ограничительных мер через призму международного коммерческого арбитража

Чмутов Даниил Алексеевич,

магистр права, Санкт-Петербургский государственный университет,
E-mail: chmutov.daniil@gmail.com

Статья посвящена правовой природе односторонних ограничительных мер, вводимых государствами, через призму их влияния на международный коммерческий арбитраж. Актуальность темы обусловлена растущей практикой применения санкций в международных экономических отношениях, в частности со стороны Европейского союза и Великобритании в отношении российских субъектов. Особое внимание уделяется коллизии между санкционными режимами и процессуальными гарантиями участников арбитражного разбирательства, включая право на справедливый суд и защиту собственности в рамках Европейской конвенции по правам человека.

В рамках исследования проанализированы основные правовые основания введения санкций, их классификация и цели, а также вопросы их действенности. Отдельно рассматривается практика толкования Регламента ЕС № 833/2014, включая статью 11, и ее влияние на возможность исполнения арбитражных решений в пользу подсанкционных лиц. Автор приходит к выводу, что современная правовая конструкция санкций создает значительные риски для нейтралитета и эффективности арбитража, а также нарушает принцип соразмерности и может быть признана дискриминационной.

Ключевые слова: международное частное право, международный коммерческий арбитраж, односторонние ограничительные меры, процессуальные права участников арбитражного разбирательства, санкции.

Введение

Международный коммерческий арбитраж (далее также – арбитраж) является одним из самых распространенных способов разрешать трансграничные коммерческие споры [1]. Арбитраж представляет сторонам больше свободы в выборе процедуры [2], он считается сторонами более нейтральным, чем национальные суды [3] и его решения (в отличие от решений национальных судов) признаются на основании универсального международного договора – Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена 10 июня 1958 в Нью-Йорке, далее также – Нью-Йоркская Конвенция), что является основным фактором при выборе сторонами процедуры разрешения спора.

Арбитраж – продукт эпохи глобальной торговли, которой он обязан своей популярностью. В то же время именно арбитраж дал участникам международной торговли эффективный инструмент для разрешения споров, что способствовало развитию международной торговли [4]. Указанная взаимоподдержка делает арбитраж существенным фактором для международной торговли, в то же время ставя его развитие в зависимость от активности последней.

Тезис о важности арбитража для международной торговли подтверждает и повышение активности UNCITRAL во второй половине XX века, апогеем которой стала выработка модельного закона о международном коммерческом арбитраже, ставшего основой для закона об арбитраже в 93 юрисдикциях [5]. Указанный паттерн свидетельствует о популярности так называемого «про-арбитражного» подхода у значительной части законодателей, что неудивительно, поскольку арбитраж позволяет существенно повысить эффективность разрешения трансграничных споров.

Во второй декаде XXI века в Европейском Союзе (далее также – ЕС) и России наметилось отступление от «про-арбитражного» подхода: стороны начали вводить в отношении друг-друга экономические односторонние ограничительные меры (далее также – санкции). Проблема несовместимости арбитража и санкций в принципе поднималась ранее, при введении санкций против Ирана, однако более высокий уровень интеграции экономик России и ЕС поднимает указанную проблематику вновь с еще большей силой.

Идея санкций и их действенность

Для целей настоящей работы следует избрать следующее определение санкций – это экономические

односторонние ограничительные меры государства, запрещающие совершение определенных сделок или юридически значимых действий. Указанный запрет может быть как конкретному лицу (персональные санкции), так и касательно определенного объекта гражданского оборота (секторальные санкции).

Differentia specifica (то есть характерная черта) современных санкций – они вводятся с целью вынудить государство-объект санкций изменить ту или иную его политику [6]. Именно эта характерная черта отличает санкции, например, от санитарных и иных требований к ввозимым товарам или таможенных пошлин высокого размера:

Еще одной отличительной особенностью санкций является их введение исполнительными органами власти, либо главами государств. Особняком в этом контексте стоят санкции Европейского Союза, которые вводятся регламентом Совета Европейского союза. Санкционный статут (то есть нормативный акт, дающий исполнительным органам власти полномочия на введение санкций) гарантирует широкое усмотрение непосредственно вводящим санкции органами власти, так:

- В США Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях [7] (*International Emergency Economic Powers Act*) и Закон им. Сергея Магнитского об ответственности за верховенство права и отмене действия поправки Джексона-Вэника в отношении России и Молдавии [8] (*Russia and Moldova Jackson–Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012*) уполномочивают Президента и Министра финансов США (*Secretary of the Treasury*) принимать Исполнительный приказ, непосредственно вводящий односторонние ограничительные меры;
- В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии действует Закон о санкциях и противодействию отмывания денежных средств [9] (*Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018*), который уполномочивает казначейство вводить односторонние ограничительные меры на основании очень широкого перечня оснований.

При этом указанные законы не устанавливают требований к сущностному обоснованию введенных санкций для органов власти их вводящих.

Приведенная проблема усугубляется прецедентами, в частности, до последнего времени американские суды часто были связаны так называемой доктриной Шеврона (*the Chevron doctrine*), названной так из-за поворотного дела Верховного суда США *Chevron U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc., et. al.* [10] 1984 года. Суть указанной доктрины была в том, что суд, при толковании нормативных актов Конгресса, должен был придерживаться толкования органа исполнительной власти, если толкование органа разумно когда сам закон допускал неясности [11].

Применение указанной доктрины к санкционным спорам приводило к тому, что орган, вводящий

санкции, по существу не должен был сущностно обосновывать свое решение о введении санкций перед судом, что усложняло оспаривание санкций для подсанкционных лиц. Аналогичные проблемы встречаются и в других юрисдикциях [12].

Следует отметить, что в 2024 году доктрина Шеврона была отменена решением *Loper Bright Enterprises v. Raimondo and Relentless, Inc. v. Department of Commerce* [13], что с одной стороны подтверждает её спорность с точки зрения процессуальных прав подсанкционной стороны, и с другой оставляет вопрос о применении новой доктрины в санкционных делах открытым [14].

Подводя итог отметим: санкции в нынешнем виде являются политически удобным способом правового регулирования, поскольку не требуют долгого парламентского принятия, при этом к ним не предъявляются особые требования в сфере прав человека, которые применяются в отношении иных нормативных актов.

Непосредственно экономически санкции направлены на снижение совокупного благосостояния государства (в случае с секторальными санкциями) или благосостояния отдельного лица (в случае с персональными санкциями). Указанная непосредственная цель (снижение благосостояния) должна вынудить объект санкций изменить свое поведение (общая цель санкций) в соответствии с требованием государства, вводящего односторонние ограничительные меры [15].

Современная история знает значительное количество примеров санкций. Для целей анализа санкций как комплексного явления мы будем рассматривать известные примеры введения односторонних ограничительных мер, которые по своему содержанию схожи с санкциями введенными в отношении России. Снижение совокупного благосостояния государства часто приводило к лишению граждан доступа к жизненно необходимым ресурсам, но не способствовало достижению общей цели санкций: например, в Гаити санкции привели исключительно к падению экономической активности и деградации органов государственной власти [6], но не подчинению резолюциям ООН. В итоге принудить к исполнению резолюции ООН Гаити смогла военная интервенция. Еще хуже ситуация складывалась для Ирака, где санкции остановили восстановление после двух войн, что привело к сильнейшему гуманитарному кризису, «диспропорционально вредило детям, подросткам и женщинам», по словам представителя ВОЗ в Багдаде [16], но также не привело к исполнению Ираком требований ООН.

Экономист Тильбургского университета Мануэль Экслин (*Manuel Oechslein*), на основании эмпирической информации о санкциях, введенных против Гаити и Ирака, объясняет феномен резкого снижения качества жизни после введения санкций. Так, санкции должны быть достаточно пагубными, чтобы способствовать принуждению объекта санкций к какому-либо поведению, при этом государство-объект санкций едва ли может или же-

лает делать что-то для повышения благосостояния граждан и государства, если введенные санкции достаточно пагубны для его экономики[6].

Таким образом, из приведенных эмпирических исследований следует заключить, что санкции не вполне избирательный и жесткий инструмент международного права. Более того, следует отметить парадокс: Санкции должны быть достаточно пагубны, дабы иметь эффект на самодостаточную экономику, при этом пагубные санкции будут вести к непропорциональным страданиям граждан объекта санкций. Указанный парадокс является ключевой проблемой экономических санкций.

В выводе отметим: Односторонние ограничительные меры либо *a priori* неэффективны, поскольку не окажут воздействия на объект санкций (то есть – бессмысленны, поскольку не достигают заявленной цели), либо в какой-то степени эффективны на продолжительный/неограниченный период времени, при этом обычно приводят к снижению уровня жизни и страданиям граждан государства-объекта санкций, а не достижению целей, которые преследовало государство, вводящее санкции (то есть – несоразмерны в строгом смысле слова).

Действенность санкций

Еще одной серьезной проблемой санкции как концепции является их действенность. Действенность нормы есть её фактическое соблюдение [17]. Эффективное регулирование общественных отношений является основной и конечной задачей любой правовой системы, следовательно, сложно переоценить важность действенности нормы права.

В недавнем исследовании экономиста Гарвардского Университета Джамала Ибрахима Хайдара (*Jamal Ibrahim Haidar*) отмечается следующее: две трети от общего иранского экспорта, который сократился из-за санкций, было перенаправлено в третьи страны, не вводившие экономические санкции, тем самым, иранская экономика не лишилась своей экспортной выручки полностью[18].

Следовательно, крупные и интегрированные в глобальную экономику государства будут достаточно эффективно обходить санкции с помощью третьих государств, при этом основное бремя их негативного воздействия будет падать на отдельных участников гражданского оборота.

Европейские ограничительные меры: обзор

Основным материально-правовым источником права, напрямую воздействующем на арбитраж является Регламент Совета Европейского Союза от 24.02.2024 № 833/2014 [19] (далее – Регламент 833/2014), поскольку он вводит секторальные санкции.

Помимо достаточно объемного перечня товаров и услуг, которые запрещает экспортировать Регламент 833/2014, разъяснения к регламенту также запрещают пролонгацию договоров, предметом которых выступают «запрещенные» товары [20],

заключение к ним дополнительных соглашений [20]. Сами по себе указанные ограничения, с учетом определенности «запрещенных» сделок могут быть соразмерны, а следовательно, допустимы.

Следует отдельно рассмотреть правовую природу упомянутых разъяснений: с одной стороны, они не носят нормативный характер, и, следовательно, могут не приниматься национальными санкционными регуляторами как источники толкования Регламента 833/2014. С другой стороны на данный момент Европейский суд все еще не дал официального толкования отдельным спорным нормам в Регламенте (о чем мы рассуждаем ниже) и, в рамках «правового вакуума» ненормативные разъяснения от исполнительного органа власти вполне могут быть восприняты как де-факто официальное толкование норм Регламента. Указанный факт приобретает особенно спорный характер в свете того, что разъяснения содержат расширительное толкование ограничений, установленных Регламентом (например, приведенный нами выше запрет на пролонгацию договоров, заключенных до введения санкций). Поскольку разъяснения сформулированы исполнительными органами власти, потенциально возможно нарушение принципа разделения властей, поскольку исполнительные органы, в указанном случае, расширяют перечень ограничений конституционных прав участников гражданского оборота.

Требованию соразмерности упомянутому нами ранее, однако, не соответствует статья 11 Регламента 833/2014 которая устанавливает запрет на удовлетворение «требований» (*claims*) российских лиц. На данный момент не существует истолкования термина «требования» Европейским судом, однако многочисленные национальные юрисдикции предлагают свой вариант его понимания.

Официальные разъяснения Европейской комиссии касательно статьи 11 Регламента ЕС 833/2014 [20] относят к «требованиям» почти неограниченный перечень притязаний. Так, к ним относится любое обращение:

- вытекающее из договора, на исполнение которого прямо или косвенно повлиял регламент ЕС 833/2014, либо;
- вытекающее из договора, который не может быть исполнен или был расторгнут из-за ограничительных мер, либо;
- поданное подсанкционным лицом.

Указанное широкое толкование статьи 11 регламента было отмечено не только нами, но и судебными инстанциями.

Так, Апелляционный суд Швеции в ноябре 2024 постановил передать в Суд ЕС запрос о толковании положения ст. 11 Регламент 833/2014 для вынесения решения по делу бельгийской *NV Reibel* против российской АО «ВО «Станкоимпорт» [21]. В запросе ставится следующая проблема: является ли исполнение арбитражного решения (вынесенного в 2021 году) в пользу российской компании элементом исполнения «требования» по смыслу ст. 11 Регламента.

На момент июня 2025 года Судом ЕС еще не принят судебный акт по делу, тем не менее Российская арбитражная ассоциация, выступавшая в деле в качестве *Amicus curiae*, опубликовала свой меморандум [22]. В меморандуме отмечается:

- Статья 11 не ограничивает арбитражи в разрешении споров по существу, следовательно запрет «удовлетворения требований» должен, на стадии исполнения, приводить только к приостановлению исполнения арбитражных решений. Приведенный довод кажется нам верным, поскольку соотносится с текстом статьи 11 Регламента без её расширительного истолкования разъяснениями;
- Даже если статья 11 ограничивает арбитров в удовлетворении требований, связанных с неисполнением контрактов, она не препятствует общей реституции, поскольку это служит восстановлению преддоговорного состояния сторон, которое прямо не запрещается Регламентом. Указанный аргумент также кажется нам обоснованным, поскольку верен с точки зрения оригинального текста статьи 11 Регламента.

Впоследствии, в качестве реакции на указанный запрос, Советом ЕС в декабре 2024 Регламент 833/2014 был дополнен Решением Совета ЕС 2024/3187 [23], в котором установлено, что никакие запреты, решения или иные судебные акты, принятые на основании или в силу статьи 248 АПК РФ или аналогичного законодательства не признаются и не исполняются в государствах ЕС.

Указанная норма АПК РФ в контексте вышеприведенного спора в принципе кажется ошибочной: если европейский регулятор хотел, чтобы российские анти-исковые запреты, предусмотренные статьей 248.1 АПК РФ не исполнялись, следовало указать статью 248.1. При этом, если регулятор желал ограничить исполнение арбитражных и судебных решений в пользу российских лиц, в силу того, что «требование» включает в себя присужденное судом или арбитражем имущество, следовало прямо указать на это в статье 11 Регламента.

В любом случае Решение Совета ЕС 2024/3187, а также действующее истолкование статьи 11 Регламента 833/2014 нарушает право собственности и право на справедливый суд подсанкционных лиц, предусмотренные ЕКПЧ.

Европейские секторальные санкции и ЕКПЧ

В настоящей части работы мы рассмотрим, насколько упомянутые выше Европейские секторальные санкции допустимы с точки зрения Европейской конвенции по правам человека, участниками которой являются все государства-члены ЕС.

Так, согласно устойчивой практике ЕСПЧ «требование» (*claim*) подпадает под понятие имущества, закрепленное в статье 1 протокола № 1 к ЕКПЧ, если у истца есть «достаточные основания» и «законные ожидания» исполнения требования, на основании национального права и судебной практики [24].

Указанное правовое регулирование применялось ЕСПЧ и к арбитражным решениям. Так, в одном из новых дел ЕСПЧ отметил, что основания для отказа в признании арбитражного решения, которые выходят за рамки оснований, предусмотренных Нью-Йоркской Конвенцией недопустимы, и являются нарушением права собственности. И даже если допустить, что такое правовое регулирование возможно, оно должно быть соразмерно законной цели, которую преследует законодатель [25].

В другом деле ЕСПЧ отметил, что окончательные арбитражные решения, которые исполнимы по национальному праву защищаются правом собственности по смыслу ЕКПЧ [26]. Применительно к принципу запрета дискриминации ЕСПЧ также отмечал, что разные условия для исполнения судебных и арбитражных решений для идентичных субъектов без пропорциональной цели могут признаваться нарушением не только права собственности, но и принципа запрета дискриминации [27].

Несмотря на приведенные аргументы, следует отметить, что изложенный нами тезис неоспорен. Так, ЕСПЧ не считает возможным применять критерий «законных ожиданий» к иску, который не может быть удовлетворен из-за предсказуемого в будущем вмешательства законодателя [28].

К приведенному шведскому делу критерий «законных ожиданий» может быть применен, поскольку введение санкций в 2022 никак не могло быть предсказуемым в 2021. Однако после первых месяцев 2022 указанное вмешательство законодателя было ожидаемым. Однако приведенный аргумент все еще не дезавуирует отсутствие законной цели при вмешательстве в регулирование, предусмотренное Нью-Йоркской конвенцией.

В более ранних делах ЕСПЧ также отмечал, что присужденные денежные суммы будут считаться имуществом только если они с высокой степенью вероятности будут исполнены и являются окончательными. Толкуя от обратного в доктрине делается вывод, что решение арбитража которое не является окончательным (поскольку на момент вынесения не является признанным и исполненным) и, следовательно, не подлежит немедленному исполнению, не может считаться имуществом [29].

Из приведенных выше умозаключений следует сделать вывод, что действующее в Европейском союзе правовое регулирование может быть признано дискриминационным, нарушающим право собственности российских подсанкционных лиц в совокупности с нарушением их права на справедливый суд. В лучшем случае, действующее правовое регулирование требует корректировки и установления ясных стандартов признания и непризнания арбитражных решений, вынесенных в пользу подсанкционных лиц.

Литература

1. Арбитраж как наиболее распространенный метод негосударственного разрешения междуна-

- родных споров // Бюллетень инновационных технологий. – 2024. – Т. 8. – № 4(32). – С. 58–61
2. Смирнов, М.А. Альтернативные способы разрешения юридических споров / М.А. Смирнов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы V Национальной научно-практической конференции, Казань, 26 февраля 2021 года. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2021. – С. 325–329.
 3. Арбитраж: текущие изменения и долгосрочные тенденции // Ежегодный сборник статей Международного третейского суда при ТПП КР. – 2021. – Вып. 4. – С. 9–14.
 4. Глобализация и международное управление проектами. Правовые аспекты международных контрактов / А.А. Сергеев, А.В. Лихоманова, Е.В. Гаркушин, М.А. Донец // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 ноября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 288–293.
 5. Луконькина, О.В. Особенности рассмотрения споров, осложнённых иностранным элементом, в МКАС при ТПП РФ и проблема выбора применимого материального права при их разрешении / О.В. Луконькина, П.К. Пакшин // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16, № 6. – С. 261–265.
 6. Oechslein M. Targeting autocrats: Economic sanctions and regime change // *European Journal of Political Economy*. 2014. Vol. 36 (C). P. 2. URL: https://www.wti.org/media/filer_public/20/fc/20fc1797-2519-4c2f-b4ff-f6967e3008d5/wp_2013_31_oeschlein.pdf
 7. International Emergency Economic Powers Act // govinfo.gov: website / URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-91/pdf/STATUTE-91-Pg1625.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
 8. Russia and Moldova Jackson–Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 // govinfo.gov: website / URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-112publ208/pdf/PLAW-112publ208.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
 9. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // legislation.gov.uk: website / URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/section/1> (дата обращения: 08.05.2025).
 10. Chevron U.S.A., Inc. v. NRDC, 467 U.S. 837 (1984) // supreme.justia.com: website / URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/837/> (дата обращения: 08.05.2025).
 11. Rodman R., Albright A.U.S. Supreme Court Strikes Down Chevron Doctrine – What You Need to Know // whitecase.com: website / URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/us-supreme-court-strikes-down-chevron-doctrine-what-you-need-know> (дата обращения: 08.05.2025).
 12. Freedom of expression versus Russia sanctions? Administrative Court rejects Graham Phillips’ Sanctions Act challenge // brickcourt.co.uk: website / URL: <https://www.brickcourt.co.uk/news/detail/freedom-of-expression-versus-russia-sanctions-administrative-court-rejects-graham-phillips-sanctions-act-challenge> (дата обращения: 08.05.2025).
 13. Loper Bright Enterprises v. Raimondo, 603 U.S. ____ (2024) // supreme.justia.com: website / URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/603/22-451/> (дата обращения: 08.05.2025).
 14. Supreme Court Overturns Chevron Deference, Potentially Limiting Deference Granted to OFAC in Sanctions Enforcement // curtis.com: website / URL: <https://www.curtis.com/our-firm/news/supreme-court-overturns-chevron-deference-potentially-limiting-deference-granted-to-ofac-in-sanctions-enforcement> (дата обращения: 08.05.2025).
 15. How sanctions work: lessons from South Africa / editors N. Crawford, A. Klotz. 1999. P. 27.
 16. Popal G.R. Impact of sanctions on the population of Iraq // *Eastern Mediterranean Health Journal*. 2000. № 4. Vol. 6. P. 793.
 17. Краевский Арсений Александрович Эволюция понятий действительности и действительности права в чистом учении о праве Ганса Кельзена // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – № 6. – С. 49.
 18. Haidar J.I. Sanctions and export deflection: evidence from Iran // *Economic Policy*. 2017. Vol. 32, No. 90. P. 339.
 19. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilising the situation in Ukraine // eur-lex.europa.eu: website / URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (дата обращения: 08.05.2025).
 20. Section A of Consolidated FAQs on the implementation of Council Regulation No 833/2014 and Council Regulation No 269/2014. P. 20. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2024-01/faqs-sanctions-russia-consolidated_en.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
 21. Svea Court of Appeal: Case No T 15558–21. // curia.europa.eu: website / URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=294925&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1704718> (дата обращения: 08.05.2025).
 22. Amicus Curiae Brief to the Court of Justice of the European Union regarding the interpretation of article 11 of Regulation 833/2014 // jusmundi.com: website / URL: <https://jusmundi.com/fr/document/pdf/other/en-joint-stock-company-foreign-trade-enterprise-stankoimport-v-nv-reibel-ii-amicus-curiae-brief-of-the-russian-arbitration-association-to-the-cjeu-regarding-the-interpretation-of-article-11-of-regulation-833-2014-friday-14th-march-2025>

23. Council Decision (CFSP) 2024/3187 of 16 December 2024 amending Decision 2014/512/CFSP // eur-lex.europa.eu: website / URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202403187 (дата обращения: 08.05.2025).
24. Дело «Кореску против Словакии» (§ 48, 52) // Европейский суд по правам человека. Заявление № 44912/98, решение от 28.09.2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-4236> (дата обращения: 08.05.2025). Дело «Драон против Франции» (§ 65) // Европейский суд по правам человека. Заявление № 1513/03, решение от 06.10.2005. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75905> (дата обращения: 08.05.2025).
25. Дело «BTS Holding, a.s. против Словакии» (§ 71–73) // Европейский суд по правам человека. Заявление № 55617/17, решение от 30.06.2022. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-218080> (дата обращения: 08.05.2025).
26. Дело «Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis против Греции» (§ 61–62) // Европейский суд по правам человека. Заявление № 13427/87, решение от 09.12.1994. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57913> (дата обращения: 08.05.2025).
27. Дело «Zeibek против Греции» (§ 45–46) // Европейский суд по правам человека. Заявление № 46368/06, решение от 09.07.2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93536> (дата обращения: 08.05.2025).
28. Дело «National & Provincial Building Society, Leeds Permanent Building Society и Yorkshire Building Society против Великобритании» (§ 69) // Европейский суд по правам человека. Заявления № 117/1996/736/933–935, решение от 23.09.1982. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-7820> (дата обращения: 08.05.2025).

THE LEGAL NATURE OF UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES THROUGH THE LENS OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Chmutov D.A.

Saint Petersburg State University

The article explores the legal nature of unilateral restrictive measures imposed by states, focusing on their impact on international commercial arbitration. The relevance of the research stems from the increasing use of sanctions in global economic relations, particularly by the European Union and the United Kingdom against Russian entities. Special attention is paid to the legal conflict between sanction regimes and procedural guarantees of parties involved in arbitration, including the right to a fair trial and the protection of property under the European Convention on Human Rights.

The study analyzes the legal foundations, classifications, and intended purposes of sanctions, as well as their actual effectiveness. The paper offers a detailed examination of the interpretation of EU Regulation No. 833/2014, specifically Article 11, and how it affects the enforcement of arbitral awards in favor of sanctioned entities. The author concludes that the current legal framework of sanctions significantly undermines the neutrality and effectiveness of arbitration and may violate the principle of proportionality, amounting to discriminatory treatment.

Keywords: Private international law, international commercial arbitration, unilateral restrictive measures, procedural rights of arbitration participants, sanctions

References

1. Arbitration as the most common method of non-state resolution of international disputes // Bulletin of Innovative Technologies. – 2024. – Т. 8. – № 4(32). – P. 58–61
2. Smirnov, M.A. Alternative ways of resolving legal disputes / M.A. Smirnov // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Proceedings of the V National Scientific and Practical Conference, Kazan, February 26, 2021. – Kazan: University of Management "TISBI", 2021. – С. 325–329.
3. Arbitration: current changes and long-term trends // Annual collection of articles of the International Court of Arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Kyrgyz Republic. – 2021. – Vol. 4. – С. 9–14.
4. Globalization and international project management. Legal aspects of international contracts / A.A. Sergeev, A.V. Likhomanova, E.V. Garkushin, M.A. Donets // Legal and socio-economic problems of modern Russia: theory and practice: Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference, Penza, November 15–16, 2023. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – С. 288–293.
5. Lukonkina, O.V. Features of consideration of disputes complicated by a foreign element in the ICAC at the CCI RF and the problem of choosing the applicable substantive law in their resolution / O.V. Lukonkina, P.K. Pakshin // Problems of Economics and Legal Practice. – 2020. – Т. 16, № 6. – С. 261–265.
6. Oechslin M. Targeting autocrats: Economic sanctions and regime change // European Journal of Political Economy. 2014. Vol. 36 (C). P. 2. URL: https://www.wti.org/media/filer_public/20/fc/20fc1797-2519-4c2f-b4ff-f6967e3008d5/wp_2013_31_oeschlin.pdf (accessed on: 08.05.2025).
7. International Emergency Economic Powers Act // govinfo.gov: website / URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-91/pdf/STATUTE-91-Pg1625.pdf> (accessed on: 08.05.2025).
8. Russia and Moldova Jackson–Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 // govinfo.gov: website / URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-112publ208/pdf/PLAW-112publ208.pdf> (accessed on: 08.05.2025).
9. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // legislation.gov.uk: website / URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/section/1> (accessed on: 08.05.2025).
10. Chevron U.S.A., Inc. v. NRDC, 467 U.S. 837 (1984) // supreme.justia.com: website / URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/837/> (accessed on: 08.05.2025).
11. Rodman R., Albright A.U.S. Supreme Court Strikes Down Chevron Doctrine – What You Need to Know // whitecase.com: website / URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/us-supreme-court-strikes-down-chevron-doctrine-what-you-need-know> (accessed on: 08.05.2025).
12. Freedom of expression versus Russia sanctions? Administrative Court rejects Graham Phillips' Sanctions Act challenge // brickcourt.co.uk: website / URL: <https://www.brickcourt.co.uk/news/detail/freedom-of-expression-versus-russia-sanctions-administrative-court-rejects-graham-phillips-sanctions-act-challenge> (accessed on: 08.05.2025).
13. Loper Bright Enterprises v. Raimondo, 603 U.S. ____ (2024) // supreme.justia.com: website / URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/603/22-451/> (accessed on: 08.05.2025).
14. Supreme Court Overturns Chevron Deference, Potentially Limiting Deference Granted to OFAC in Sanctions Enforcement // curtis.com: website / URL: <https://www.curtis.com/our-firm/news/supreme-court-overturns-chevron-deference-potentially-limiting-deference-granted-to-ofac-in-sanctions-enforcement> (accessed on: 08.05.2025).
15. How sanctions work: lessons from South Africa / editors N. Crawford, A. Klotz. 1999. P. 27.
16. Popal G.R. Impact of sanctions on the population of Iraq // Eastern Mediterranean Health Journal. 2000. № 4. Vol. 6. P. 793.
17. Arseniy Aleksandrovich Kraevsky Evolution of the concepts of validity and effectiveness of law in the pure doctrine of law Hans Kelsen // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – № 6. – P. 49.
18. Haidar J.I. Sanctions and export deflection: evidence from Iran // Economic Policy. 2017. Vol. 32, No. 90. P. 339.

19. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // eur-lex.europa.eu: website / URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (accessed on: 08.05.2025).
20. Section A of Consolidated FAQs on the implementation of Council Regulation No 833/2014 and Council Regulation No 269/2014. P. 20. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2024-01/faqs-sanctions-russia-consolidated_en.pdf (accessed on: 08.05.2025).
21. Svea Court of Appeal: Case No T 15558–21. // curia.europa.eu: website / URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=294925&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1704718> (accessed on: 08.05.2025).
22. Amicus Curiae Brief to the Court of Justice of the European Union regarding the interpretation of article 11 of Regulation 833/2014 // jusmundi.com: website / URL: <https://jusmundi.com/fr/document/pdf/other/en-joint-stock-company-foreign-trade-enterprise-stankoimport-v-nv-reibel-ii-amicus-curiae-brief-of-the-russian-arbitration-association-to-the-cjeu-regarding-the-interpretation-of-article-11-of-regulation-833-2014-friday-14th-march-2025> (accessed on: 08.05.2025).
23. Council Decision (CFSP) 2024/3187 of 16 December 2024 amending Decision 2014/512/CFSP // eur-lex.europa.eu: website / URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX-?uri=OJ:L_202403187 (accessed on: 08.05.2025).
24. Kopecký v. Slovakia (§ 48, 52) // European Court of Human Rights. Application no. 44912/98, judgment of 28.09.2004. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-4236> (accessed on 08.05.2025).
25. BTS Holding, a.s.v. Slovakia (§ 71–73) // European Court of Human Rights. Application No. 55617/17, judgment of 30.06.2022. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-218080> (accessed on 08.05.2025).
26. Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece (§ 61–62) // European Court of Human Rights. Application No. 13427/87, judgment of 09.12.1994. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57913> (accessed on 08.05.2025).
27. Zeibek v. Greece (§ 45–46) // European Court of Human Rights. Application No. 46368/06, judgment of 09.07.2009. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93536> (accessed on 08.05.2025).
28. National & Provincial Building Society, Leeds Permanent Building Society and Yorkshire Building Society v. the United Kingdom (§ 69) // European Court of Human Rights. Applications No. 117/1996/736/933–935, judgment of 23.09.1982. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-7820> (accessed on 08.05.2025).